Inches 1 2 3 4 5 6 7 8

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Centimetres

Colour Chart #13

DANES PICTA .COM

Blue | Cyan | Green | Yellow | Red | Magenta | White | 3/Color | Black

Part Code ST1316

DANES PICTA .COM

C M Y K

B 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Grey Scale #13

R G B WH GR BL

A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Томъ V.

СРЕДНІЯ ДЕСЯТИЛѢТІЯ XIX ВѢКА (1830—1870 гг.).

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ ИНСТИТУТА С.Х. и ЛѢС. ВЪ НОВ. АЛЕКС.

БИБЛІОТЕКА
Отдѣлъ:
№ 356
Шкафъ: 165
Полка: 3
Инвентарь 1903 г. № 845.
Института Сел. хоз. и Лѣсовод.
Люблинской Губ.
п. Нов. Александрія

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1903.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 ЛИН. 28

3266

BIBLIOTEKA

34383/2

1952-D-209.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Настоящій томъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“, заключающій въ себѣ обзоръ четырехъ среднихъ десятилѣтій XIX в. (1830—1870 гг.), находится въ болѣе тѣсной связи съ четвертымъ томомъ, въ которомъ изложена исторія первыхъ трехъ десятилѣтій того же вѣка (1800—1830 гг.). Главныя событія и культурно-соціальныя движенія излагаются въ нихъ подробнѣе, чѣмъ то было сдѣлано въ первыхъ трехъ томахъ по отношенію къ предшествующимъ столѣтіямъ и этимъ двумъ томамъ предпослана въ видѣ „введенія въ исторію XIX вѣка“ особая книжка подъ заглавіемъ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, являющаяся своего рода résumé первыхъ трехъ томовъ. Авторъ предполагаетъ подобнымъ же образомъ резюмировать въ одномъ историко-философскомъ очеркѣ и содержаніе обоихъ томовъ, посвященныхъ исторіи XIX вѣка, чтобы, представляя собою изложеніе основныхъ понятій, главнѣйшихъ обобщеній и наиболѣе существенныхъ итоговъ исторіи первыхъ двухъ третей истекающаго столѣтія, этотъ новый историко-философскій очеркъ въ свою очередь послужилъ введеніемъ въ исторію послѣднихъ трехъ десятилѣтій XIX вѣка, которая будетъ составлять содержаніе VI тома.

Въ настоящемъ томѣ выдерживаются общая точка зрѣнія и характеръ изложенія предыдущихъ частей всего труда, тѣмъ болѣе, что содержаніе первой половины этого тома тоже было предметомъ университетскихъ лекцій, какъ и содержаніе другихъ томовъ.

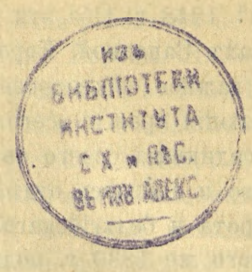
ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе V тома „Исторіи Западной Европы въ новое время“ потребовалось раньше, чѣмъ авторъ имѣлъ возможность его пересмотрѣть. Не желая задерживать на долгое время его выходъ въ свѣтъ, что̀ неминуемо произошло бы при его переработкѣ, авторъ предпочелъ ограничиться простой перепечаткой перваго изданія, сохранивъ изъ него и ссылки на страницы предыдущихъ четырехъ томовъ въ первомъ ихъ изданіи, хотя эти ссылки не всегда точно совпадаютъ со страницами второго изданія. Въ виду краткости времени, протекшаго между обоими изданіями, не могли бы быть также сдѣланы сколько-нибудь важныя дополненія къ указаніямъ на литературу. Что касается обѣщаній, данныхъ въ предисловіи къ первому изданію, то исполненіе ихъ замедлилось вслѣдствіе того, что авторъ въ послѣднее время былъ занятъ другими работами.

26 августа 1903 г.

845
1903.



ІЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

I. Общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ іюльской революціей [1]).

Общее значеніе 1830 г. въ западно-европейской исторіи.—Перемѣна въ англійской политикѣ въ серединѣ двадцатыхъ годовъ.—Греческое возстаніе и отношеніе къ нему Европы.—Неудача политики Меттерниха.—Франко-русское сближеніе при Карлѣ X и Николаѣ I.—Усиленіе либерализма во Франціи и въ Англіи.—Французское вліяніе въ Европѣ.—Бельгія и Польша въ 1815—1830 гг.—Результаты эпохи реакціи въ Германіи и Италіи.—Связь международной политики съ внутренними отношеніями.

Въ 1830 г. во Франціи совершился политическій переворотъ, получившій названіе „іюльской революціи". Бурбоны, дважды (1814 и 1815 гг.) возстановлявшіеся на французскомъ престолѣ въ лицѣ Людовика XVIII, были въ лицѣ его брата Карла X низвергнуты, а королемъ сдѣлался родственникъ низложеннаго дома, герцогъ Орлеанскій, принявшій имя Людовика-Филиппа. За эпохой „реставраціи" послѣдовала эпоха „іюльской монархіи", окончившаяся черезъ восемнадцать лѣтъ новой катастрофой, извѣстной подъ названіемъ „фев-

[1]) *Gervinus.* Geschichte des XIX Jahrhunderts seit den Wiener Verträge.—*Th. Flathe.* Das Zeitalter der Restauration und Revolution. 1883 (въ коллекціи Онкена), особенно кн. I, отд. III (Niedergang und Auflösung der heiligen Allianz).—*A. Debidour.* Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du congrès de Vienne jusqu'à la cloture du congrès de Berlin (1814—1878). T. I. La Sainte Alliance P. 1891.—*Finlay.* Hist. of the Greek revolution. 1861.—*Prokesch-Osten.* Gesch. des Abfalls der Griechen. 1867.—*Zinkeisen.* Gesch. der griechischen Revolution (3—4 томы его Исторіи Греціи. 1840).—*K. Mendelssohn-Bartholdy.* Gesch. Griechenlands seit 1453. 1870—1874.—*G. F. Hertzberg.* Neueste Gesch. Griechenlands. 1879. Сочиненія по исторіи Бельгіи и Польши до 1830 г. указаны въ слѣд. главѣ вмѣстѣ съ соч. по исторіи обѣихъ революцій. Для политики Россіи при Николаѣ I см. кн. *С. С. Татищева* „Внѣшняя политика имп. Николая I" (1887) и „Имп. Николай I и иностранные дворы".

ральской революціи“ 1848 г. Оба эти переворота отразились и на другихъ государствахъ Западной Европы, вслѣдствіе чего 1830 и 1848 годы имѣютъ важное общеевропейское значеніе.

Іюльская революція прежде всего повліяла на Бельгію, которая возстала противъ соединенія своего съ Голландіей въ одно Нидерландское королевство и добилась отдѣленія отъ Голландіи. Успѣхъ парижскаго переворота и бельгійскаго возстанія подѣйствовалъ на поляковъ, осенью того же 1830 г. поднявшихъ знамя возстанія во имя національной независимости. Революціонныя попытки сдѣланы были, далѣе, и въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и Германіи. Наконецъ, въ самой Англіи начались смуты, благодаря которымъ подвинулось впередъ дѣло парламентской реформы. Казалось, что наступалъ періодъ новыхъ революціонныхъ бурь, которымъ суждено было опять потрясти всю Европу, какъ это было въ эпоху первой французской революціи. Между тѣмъ какъ-разъ передъ іюльскимъ переворотомъ весьма сильно порасшатался Священный союзъ, бывшій главнымъ органомъ европейской реакціи съ 1815 г., союзъ, подавившій конституціонныя движенія начала двадцатыхъ годовъ въ южно-романскихъ странахъ и вездѣ содѣйствовавшій абсолютистическимъ и клерикально-аристократическимъ стремленіямъ. Извѣстно, что настоящимъ руководителемъ реакціонной политики въ „эпоху конгрессовъ“ (1814—1822) былъ австрійскій министръ, князь Меттернихъ. Но во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ его международное положеніе сильно поколебалось. Въ концѣ 1825 г. въ Россіи произошла перемѣна царствованія. Новый императоръ, Николай I, съ самаго же начала освободилъ русскую иностранную политику отъ австрійскаго вліянія, которому вполнѣ подчинялся его предшественникъ въ послѣдніе годы своей жизни. Около того же времени и англійская политика, шедшая дотолѣ на буксирѣ политики австрійской, равнымъ образомъ эманципировалась отъ ея вліянія и пошла совершенно самостоятельнымъ путемъ. Эта перемѣна выразилась въ томъ, что, вопреки Меттерниху, Англія и Россія, къ которымъ примкнула и Франція, вмѣшались въ греческое возстаніе: съ точки зрѣнія Священнаго союза послѣднее было такою же революціей, какія были подавлены этимъ союзомъ въ Италіи и Испаніи, тогда какъ, наоборотъ, общественное мнѣніе высказывалось повсюду въ смыслѣ необходимости оказанія помощи грекамъ, и вотъ на сторону этихъ самыхъ грековъ становятся, къ крайнему неудовольствію Австріи, три великія державы. Священный союзъ, видимо, отступалъ отъ своихъ традицій и распадался. Въ перспективѣ были даже новыя международныя комбинаціи, осуществленіе которыхъ могло бы повести къ новой передѣлкѣ карты Европы, т.-е. къ измѣненію того, что было сдѣлано Вѣнскимъ конгрессомъ и что взялъ подъ свою

охрану Священный союзъ. Іюльская революція не могла не отразиться на международныхъ отношеніяхъ Европы. Низверженіе легитимной монархіи во Франціи и взрывъ революцій въ Бельгіи и Варшавѣ повлекли за собою скрѣпленіе значительно поколебленнаго въ предыдущіе годы союза между Австріей, Пруссіей и Россіей, т.-е. возобновленіе тѣхъ политическихъ традицій, которыми жилъ Священный союзъ. Но на этотъ разъ ни Франція, въ которой іюльская революція нанесла ударъ абсолютистической и клерикально-феодальной реакціи, ни Англія, гдѣ равнымъ образомъ реакція уступила мѣсто болѣе либеральному режиму, уже не могли играть той роли, какая выпала на ихъ долю въ эпоху конгрессовъ. Если итальянскія и германскія волненія,—не получившія, впрочемъ, большого значенія,—и были подавлены, то и французская, и бельгійская революціи избѣгли той участи, какой подверглись въ началѣ двадцатыхъ годовъ революціи неаполитанская и испанская. Между прочимъ, прямо на пользу имъ послужила революція, вспыхнувшая въ Польшѣ и создавшая новыя хлопоты не одной только Россіи, и послѣдней было теперь не до вмѣшательства въ западно-европейскія дѣла; да и Австрія была занята близко ея касавшимися итальянскими волненіями. Дѣло до общеевропейской войны, которой всѣ боялись въ первые два года послѣ іюльской революціи, однако, не дошло, но какъ бы то ни было, созданіямъ Вѣнскаго конгресса и принципамъ Священнаго союза былъ нанесенъ ударъ успѣхомъ французской и бельгійской революцій [1]). Кромѣ того, возникновеніе революціонныхъ движеній вслѣдъ за іюльской революціей въ разныхъ мѣстахъ показывало, что вездѣ болѣе или менѣе существовалъ горючій матеріалъ и что Франція не утратила способности революціонировать народы, — способности, доставившей ей такіе успѣхи въ концѣ XVIII вѣка [2]). 1848 годъ обнаружилъ это еще съ большею очевидностью.

Таково общее значеніе 1830 г. въ западно-европейской исторіи. Прежде нежели мы будемъ говорить о самомъ іюльскомъ переворотѣ и объ его послѣдствіяхъ внѣ Франціи, мы должны бросить взглядъ на общее состояніе Западной Европы передъ этими событіями, т.-е., во-первыхъ, на международныя отношенія во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, а во-вторыхъ, на общественное настроеніе въ тѣхъ странахъ, гдѣ произошли революціонныя движенія начала тридцатыхъ годовъ.

---

[1]) Обо всемъ, относящемся къ Вѣнскому конгрессу, Священному союзу, южно-романскимъ революціямъ и новымъ конгрессамъ см. Ист. Зап. Европы, т. IV, главы XII (въ концѣ) и XV.

[2]) Тамъ же, т. IV, гл. II.

Веронскій конгрессъ 1822 г. и вызванная имъ французская экспедиція 1823 г. въ Испанію для подавленія революціи въ этой странѣ были послѣдними крупными дѣяніями Священнаго союза, заставившими повсемѣстно реакціонеровъ поднять голову. Вскорѣ послѣ этого произошла значительная перемѣна во внѣшней политикѣ Англіи, которая въ министерство Кэстльри въ общемъ шла рука объ руку съ Священнымъ союзомъ [1]). Въ 1822 г. Кэстльри окончилъ жизнь самоубійствомъ, и министромъ иностранныхъ дѣлъ (а въ 1826 г. и первымъ министромъ) сдѣлался знаменитый Джорджъ Каннингъ [2]), при которомъ и произошла упомянутая перемѣна во внѣшней политикѣ Англіи. Новый министръ отнесся весьма неблагопріятно къ принципамъ Веронскаго конгресса и къ французскому вмѣшательству въ испанскія дѣла. „Итакъ, говорилъ онъ въ началѣ 1823 г. французскому chargé d'affaires въ Лондонѣ, гр. Марселлюсу,— итакъ, вы предпринимаете крестовый походъ во имя политическихъ теорій! Развѣ вы не знаете, что система, вами защищаемая, намъ ненавистна, и что англійская система есть не что иное, какъ результатъ побѣдъ, которыя одерживались подданными надъ королями... Если, сказалъ Каннингъ въ другой разъ тому же лицу, Фердинандъ (испанскій король) будетъ подобно Іакову II противиться желаніямъ своей націи, онъ вполнѣ заслужитъ, чтобы къ нему была примѣнена англійская система. И повѣрьте мнѣ, этотъ примѣръ можетъ распространиться, пожалуй, даже и на васъ самихъ". Впрочемъ, въ испанскомъ дѣлѣ Каннингъ ограничился лишь одними заявленіями своего несочувствія, да предложеніемъ своихъ услугъ испанскимъ кортесамъ въ смыслѣ посредничества. Рѣшительнѣе выступилъ онъ зато въ дѣлѣ американскихъ колоній Испаніи, отложившихся отъ своей метрополіи, чтобы образовать самостоятельныя республики [3]). Испанское правительство, конечно, не хотѣло терять своихъ колоній и въ этомъ отношеніи пользовалось нравственною поддержкою Священнаго союза, а онъ не прочь былъ бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ оказать и болѣе дѣйствительную помощь мадридскому двору. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ уже носился съ планомъ о новомъ конгрессѣ для улаженія вопроса объ испанскихъ колоніяхъ отъ имени Священнаго союза,—правда, въ смыслѣ образованія изъ колоній автономныхъ королевствъ съ принцами изъ дома Бурбоновъ во главѣ, причемъ въ случаѣ надобности Франція должна была бы и въ Америкѣ разыграть роль исполнительницы велѣній

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 460—461.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 462. Stapleton Life of Kanning. 1831.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 329.

Священнаго союза. Но Каннингъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допустить новаго расширенія французскаго вліянія и вошелъ въ соглашеніе съ Сѣверо-Американскими Штатами, гдѣ нашелъ полное сочувствіе и поддержку. Тогда именно президентъ великой заатлантической республики Монро торжественно заявилъ, что Европа не имѣетъ ни малѣйшаго права вмѣшиваться во внутреннія дѣла свободныхъ американскихъ народовъ (1823). Между тѣмъ испанскій король по внушенію со стороны французскаго двора предложилъ открыть въ Парижѣ конференцію для рѣшенія испанско-американскаго вопроса. Каннингъ не только наотрѣзъ отказалъ въ участіи Англіи въ этой конференціи, но прямо выразилъ то мнѣніе, что единственнымъ способомъ рѣшенія вопроса могло бы быть лишь признаніе совершившихся фактовъ. Не менѣе рѣшительнымъ отказомъ отвѣчалъ Каннингъ и на новое предложеніе созвать конференцію (1824). Мало того: онъ назначилъ англійскихъ консуловъ въ главные города испанской Америки и съ одною изъ новыхъ республикъ даже заключилъ торговый договоръ. Наконецъ, 1-го января 1825 г. онъ объявилъ всѣмъ иностраннымъ посланникамъ, находившимся въ Лондонѣ, что онъ намѣренъ послать въ испанско-американскія колоніи дипломатическихъ агентовъ, признать эти колоніи за самостоятельныя республики и заключить съ ними коммерческіе трактаты. Въ томъ же 1825 г. Каннингъ содѣйствовалъ признанію независимости Бразиліи отъ Португаліи, которая равнымъ образомъ не соглашалась на отдѣленіе этой своей колоніи и пользовалась въ своемъ упорствѣ нравственной поддержкой всѣхъ сторонниковъ легитимизма.

Конечно, политику Каннинга въ американскихъ дѣлахъ, шедшую въ разрѣзъ съ идеями Священнаго союза, нельзя объяснять однимъ принципіальнымъ несочувствіемъ политикѣ этого союза. Каннингъ въ данномъ случаѣ оберегалъ прежде всего политическіе интересы Англіи, которымъ могло бы сильно повредить и французское вмѣшательство въ пользу Испаніи, и признаніе новыхъ республикъ одними соперничавшими съ Англіей Соединенными Штатами. Съ другой стороны, содѣйствіе, оказанное англійскимъ министромъ освобожденію испано-американскихъ республикъ, дало ему возможность посредствомъ торговыхъ трактатовъ съ новыми республиками создать обширный рынокъ для англійской промышленности и вывозной торговли [1]). Какіе, однако, мотивы ни руководили бы Каннингомъ въ этой политикѣ, важно то, что она шла въ разрѣзъ съ стремленіями Священнаго союза, прямо наносила ему ударъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что Каннингъ, начавшій свою политическую карьеру въ

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 338, 462 и 557.

рядахъ торійской партіи, все болѣе и болѣе начиналъ дѣйствовать въ духѣ либеральныхъ стремленій эпохи. Понятно, съ какимъ негодованіемъ узнали реакціонные торіи о словахъ, произнесенныхъ Каннингомъ (въ то время уже первымъ министромъ) на одномъ банкетѣ: „гражданская и религіозная свобода для всего міра!“ Немудрено поэтому, что главный руководитель реакціонной политики, Меттернихъ, видѣлъ въ Каннингѣ опаснаго революціонера и якобинца.

Противоположность взглядовъ и образа дѣйствій Меттерниха, какъ хранителя завѣтовъ Священнаго союза, и Каннинга, который первый изъ государственныхъ людей эпохи ушелъ изъ-подъ вліянія этого союза, лучше всего выразилась въ отношеніяхъ обоихъ къ греческому возстанію. Въ нашъ планъ совсѣмъ не входитъ излагать исторію этого возстанія, но на немъ слѣдуетъ тѣмъ не менѣе остановиться, поскольку оно играло роль въ исторіи разложенія Священнаго союза и въ исторіи либеральнаго настроенія образованныхъ классовъ западно-европейскаго общества наканунѣ іюльской революціи.

Національное движеніе между греками, приведшее въ двадцатыхъ годахъ къ возстанію ихъ противъ турецкаго ига, началось отчасти подъ вліяніемъ первой французской революціи, на которую греческіе патріоты возлагали большія надежды. Сначала это движеніе выразилось въ образованіи тайныхъ обществъ, или гетерій (ἑταιρία), изъ которыхъ первая возникла еще въ 1795 г. Въ 1814 г. организовалась новая гетерія (дружеское общество, ἑταιρία φιλική), имѣвшая свое правительство и свою казну. Центромъ этой политической организаціи была Одесса. Гетерія, какъ извѣстно, и начала возстаніе вторженіемъ въ Молдавію въ 1821 г. Одновременно съ нею дѣйствовала другая организація съ центромъ въ Аѳинахъ, такъ называемые „филомузы“: ея цѣлью было поднятіе культурнаго уровня Эллады посредствомъ изданія газетъ и книгъ, основанія школъ, посылки молодежи въ заграничные университеты. Греческое національное движеніе встрѣтило сочувствіе въ Западной Европѣ, гдѣ оно съ особою силою проявилось въ такъ называемомъ филэллинизмѣ. Когда въ 1821 г. началось греческое возстаніе, сочувствовавшіе ему либералы стали оказывать грекамъ дѣятельную помощь присылкою денегъ, оружія, волонтеровъ, посредничествомъ при заключеніи займовъ. Особенно прославились на поприщѣ филэллинизма великій англійскій поэтъ Байронъ, самъ поѣхавшій въ Грецію, чтобы сражаться за ея свободу [1]), вюртембергскій генералъ Норманнъ, ставшій во главѣ цѣлаго отряда

[1]) Объ этомъ см. т. IV, стр. 498.

филэллиновъ-добровольцевъ, женевскій богачъ Эйнаръ, который переслалъ не мало денегъ возставшимъ грекамъ. Въ этомъ увлеченіи образованнаго общества греческимъ дѣломъ было нѣчто, напоминающее пожалуй, увлеченіе французовъ войною сѣверо-американскихъ колоній Англіи за свою независимость [1]). Ужасы турецкой репрессіи только усилили общественное сочувствіе Европы къ греческому возстанію. Совсѣмъ иначе смотрѣли на дѣло европейскія правительства. Греческое возстаніе началось одновременно съ революціями въ южно-романскихъ странахъ и было произведено, какъ и эти революціи, тайными обществами. Для представителей реакціи и легитимизма событія, происходившія на Балканскомъ полуостровѣ, имѣли тотъ же источникъ и тотъ же характеръ, какіе проявились въ испанскомъ и итальянскомъ переворотахъ. Священный союзъ забывалъ какъ-разъ то, что, наоборотъ, постоянно было въ мысляхъ народовъ,—забывалъ именно, что здѣсь шла борьба христіанскаго и европейскаго народа противъ враговъ христіанства и противъ азіатскаго варварства. Въ грекахъ правительства видѣли прежде всего подданныхъ, взбунтовавшихся противъ своего законнаго государя; это была мысль, на которой съ особою силою настаивала австрійская политика, руководимая Меттернихомъ. Понятно, что враждебное отношеніе Священнаго союза къ греческому возстанію также должно было сдѣлать это возстаніе особенно популярнымъ въ глазахъ всѣхъ, кто не сочувствовалъ реакціонной внѣшней и внутренней политикѣ. Всѣ усилія Меттерниха въ этомъ вопросѣ направились къ тому, чтобы и его рѣшить въ духѣ принциповъ Священнаго союза. Между тѣмъ во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, вскорѣ послѣ того, какъ принципамъ Священнаго союза нанесенъ былъ ударъ въ Америкѣ, такой же ударъ ожидалъ реакціонную политику и въ греческомъ вопросѣ.

Европейская дипломатія должна была заняться греческимъ вопросомъ съ самаго начала возстанія. Какъ и въ другихъ случаяхъ, правительства не могли смотрѣть на него съ исключительно принципіальной точки зрѣнія. Изъ-за греческаго вопроса выдвигался грозный вопросъ восточный, въ которомъ въ той или другой степени были заинтересованы всѣ великія державы, кромѣ одной Пруссіи. Къ судьбамъ Оттоманской имперіи не могли оставаться равнодушными и ближайшія ея сосѣдки, Австрія и Россія, равно какъ и западныя державы, Англія и Франція. Для Австріи было бы крайне невыгоднымъ вмѣшательство Россіи въ дѣла сосѣдней Турціи, и вотъ Меттернихъ ничего такъ не желалъ, какъ того, чтобы турки сами распорядились съ греками. До поры до времени ему удавалось проводить въ обще-европейской поли-

[1]) Ср. Ист. Зап. Евр. т. III, стр. 451, 453.

тикѣ свой взглядъ на греческое дѣло, вполнѣ совпадавшій съ реакціонными принципами Священнаго союза. Но Каннингъ и тутъ сталъ поперекъ его дороги.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ болѣе другихъ одна лишь Австрія имѣла совершенно особый интересъ дорожить порядкомъ, созданнымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, и противиться какимъ бы то ни было внутреннимъ перемѣнамъ у сосѣдей, чѣмъ, какъ извѣстно, и опредѣлялась строго консервативная политика этой державы послѣ 1815 г. [1]). Въ числѣ правилъ, которыхъ держался Меттернихъ въ своей дипломатической дѣятельности, не послѣднее мѣсто занимало охраненіе Турціи отъ разгрома и именно охраненіе ея отъ честолюбія Россіи, котораго Меттернихъ побаивался довольно сильно. Возстаніе грековъ было въ глазахъ австрійскаго министра событіемъ особенно опаснымъ, такъ какъ Россія, у которой не были еще сведены прежніе счеты съ Турціей, могла воспользоваться предлогомъ традиціонной защиты своихъ единовѣрцевъ на Востокѣ для начала новой войны съ Портой. Поэтому онъ весьма подозрительно относился къ неоднократнымъ заявленіямъ императора Александра I—и на Вѣнскомъ конгрессѣ, и на парижскихъ конференціяхъ—въ смыслѣ большого сочувствія къ христіанскому населенію Турціи и въ особенности къ грекамъ. Когда вспыхнуло греческое возстаніе,—бывшее Меттерниху непріятнымъ еще и потому, что въ Германіи къ грекамъ сочувственно отнеслись либералы, университетскіе профессора, учащаяся молодежь,—онъ поставилъ своей задачей всячески мѣшать тому, чтобы Россія заступилась за грековъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ нашелъ сильную поддержку и въ Англіи, гдѣ еще съ конца XVIII в. торіи включили въ свою политическую программу охрану Оттоманской имперіи отъ Россіи. Въ Англіи послѣ 1815 г. постоянно возникали слухи о томъ, что Александръ готовится совершить вторженіе въ Турцію. Наконецъ, и въ Австріи, и въ Англіи сильно боялись новой войны послѣ всего того, что произошло съ 1792 по 1815 г. Кэстльри, руководившій англійской иностранной политикой, когда вспыхнуло греческое возстаніе, старался удержать Александра отъ вмѣшательства въ пользу грековъ, ссылаясь на необходимость оберечь Европу отъ новыхъ испытаній, отъ новой войны, которая Богъ знаетъ когда бы еще кончилась. Въ этомъ смыслѣ усилія австрійской и англійской политики сходились. На первыхъ порахъ и Каннингъ не измѣнялъ политики своего предшественника, насколько дѣло касалось греческаго вопроса. И онъ также не хотѣлъ, чтобы Россія вступилась за грековъ, ибо это только усилило бы ея престижъ на Востокѣ, но принципіально

[1]) См. т. IV, стр. 309—310.

онъ былъ не прочь, чтобы грекамъ оказана была помощь, лишь бы произошло это не во вредъ, а наоборотъ, въ пользу англійскому политическому вліянію.

Кромѣ Россіи, опасной соперницей въ этомъ дѣлѣ для Англіи могла бы быть только Франція. Филэллинизмъ среди французовъ съ 1823 г. принялъ весьма широкіе размѣры, и, что особенно замѣчательно, въ сочувствіи къ греческому возстанію сходились самыя противоположныя партіи—ультра-роялисты, движимые мотивами религіознаго чувства, а либералы—по той же причинѣ, которая заставляла ихъ привѣтствовать съ восторгомъ южно-романскія революціи. Въ Парижѣ и въ провинціи составлялись комитеты для оказанія помощи грекамъ деньгами, оружіемъ, людьми; между французскими капиталистами и греческимъ революціоннымъ правительствомъ велись переговоры о заключеніи большого займа; многіе изъ французскихъ филэллиновъ говорили греческимъ инсургентамъ, что недурно было бы имъ взять въ короли одного изъ французскихъ принцевъ, напр., герцога Немурскаго, сына герцога Орлеанскаго, на что, повидимому, соглашался самъ герцогъ Орлеанскій. Каннингу было бы совсѣмъ невыгодно, если бы въ дѣлѣ, начинавшемъ пріобрѣтать такую популярность, Англію предупредила Франція. Въ самой Англіи тоже началось филэллинское движеніе. Между прочимъ англійскіе капиталисты стали также думать, что упускать времени не слѣдуетъ, что, если они сами не рискнутъ дать денегъ взаймы греческому революціонному правительству, то сдѣлаютъ это капиталисты французскіе. Всего этого Каннингъ не могъ не принять въ расчетъ. Съ 1823 г. его отношеніе къ грекамъ сдѣлалось болѣе благопріятнымъ. Губернаторъ Іоническихъ острововъ, принадлежавшихъ Англіи, началъ оказывать инсургентамъ покровительство и не мѣшалъ болѣе организаціи революціонныхъ комитетовъ; между прочимъ Байрону разрѣшено было на островѣ Корфу готовить экспедицію для вторженія въ Грецію. Въ началѣ 1824 г. греческимъ правительствомъ въ Лондонѣ былъ заключенъ первый заемъ въ 800 т. фунтовъ стерлинговъ. Всѣ надежды свои греки стали послѣ этого возлагать на Англію и Францію, совершенно отказавшись отъ своихъ расчетовъ на помощь со стороны Россіи. Каннингу нужно было теперь не допустить до того, чтобы Франція одна выдвинулась впередъ. Онъ воспользовался обращеніемъ къ нему греческаго правительства съ протестомъ противъ тогдашняго (1824) русскаго плана устроить въ Греціи три княжества въ вассальной зависимости отъ Порты: пославъ на этотъ протестъ свой отвѣтъ, онъ первый изъ министровъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ греческимъ революціоннымъ правительствомъ. Вскорѣ послѣ этого (въ слѣдующемъ 1825 году) Англія оказала грекамъ защиту, когда одинъ изъ

англійскихъ офицеровъ пригрозилъ туркамъ британскимъ вмѣшательствомъ въ весьма критическую для грековъ минуту. Результатомъ этого было обращеніе грековъ въ Лондонъ съ просьбою о покровительствѣ, причемъ Англія должна была дать Греціи и короля. Въ Лондонѣ указывали и на кандидата: это былъ проживавшій въ англійской столицѣ принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій (сдѣлавшійся въ 1831 г. королемъ бельгійскимъ). Положеніе, занятое Англіей въ греческомъ вопросѣ въ 1825 г., было очень прочно, и Каннингъ могъ теперь дать Россіи понять, что, если только она двинется за Прутъ, англичане немедленно займутъ Морею и греческіе острова. Самъ Александръ I незадолго до своей смерти не прочь былъ рѣшить греческій вопросъ при помощи Англіи. Перемѣна царствованія въ Россіи только подвинула дѣло къ развязкѣ.

Въ то самое время, какъ англійская политика въ греческомъ вопросѣ совершила такую эволюцію, Меттернихъ упорно стоялъ на своемъ. Съ самаго начала и до самаго конца кризиса онъ выдерживалъ одну точку зрѣнія на греческое возстаніе. Еще послѣ подавленія неаполитанской и пьемонтской революцій онъ по поводу грековъ писалъ: „въ шесть недѣль мы окончили двѣ войны и подавили двѣ революціи. Будемъ надѣяться, что третья, вспыхнувшая на Востокѣ, не будетъ счастливѣе“. Послѣ одного страшнаго пораженія грековъ въ 1824 г. Меттернихъ и его „правая рука“, Генцъ [1]), какъ разсказываетъ этотъ послѣдній самъ, „pianissimo, чтобы друзья Греціи не могли ихъ слышать, поздравили другъ друга съ этимъ пріятнымъ событіемъ, которое могло легко оказаться началомъ конца греческаго возстанія“. Меттернихъ не терялъ надежды на то, что революція будетъ подавлена и послѣ смерти Александра I. „Надежды партіи, враждебной общественному покою, писала въ 1826 г. Augsburger Zeitung, лопнули. Государи должны соединиться, чтобы раздавить революцію, подъ какимъ бы видомъ она ни возникла: они должны отказаться отъ временныхъ выгодъ и твердо держаться системы Священнаго союза. Всякій государственный человѣкъ, сходящій съ этого пути, есть врагъ трона и народовъ. И на этотъ разъ величайшій государственный человѣкъ, мудрые совѣты котораго столько лѣтъ обезпечивали Европѣ миръ, который всегда оставался самимъ собою, котораго никакія нападенія враговъ не могли заставить сойти съ вѣрной дороги,—и на этотъ разъ онъ разрушилъ всѣ надежды либераловъ“.

Меттерниху вполнѣ удалось перетянуть на свою сторону Александра I. Греки сначала возлагали большія надежды на русскаго

---

[1]) Т. IV, стр. 321.

императора. Извѣстно, что въ самомъ же началѣ возстанія они обратились за содѣйствіемъ къ своему соотечественнику (уроженцу Іоническихъ острововъ) графу Каподистріи, который въ 1809 г. поступилъ на русскую службу и весьма скоро сдѣлался довѣреннымъ лицомъ Александра I, сопровождалъ его на Вѣнскій конгрессъ и принималъ видное участіе въ завѣдованіи русскими иностранными дѣлами въ послѣдующую эпоху. Когда Каподистрія, бывшій противъ возстанія въ надеждѣ на то, что дѣло его родины возьметъ въ свои руки Россія, отказался отъ предложенной ему чести стать во главѣ освободительнаго движенія, гетеристы обратились къ другому греку, который также находился на русской службѣ. Это былъ генералъ-адъютантъ Александръ Ипсиланти, и вотъ онъ, расчитывая на помощь Россіи, какъ извѣстно, и сталъ во главѣ возстанія (1821). Въ это самое время происходилъ Лайбахскій конгрессъ [1]). Ипсиланти написалъ письмо къ Александру I, находившемуся на конгрессѣ, но русскій императоръ велѣлъ Каподистріи написать отвѣтъ, въ которомъ говорилось, что Россія никогда не станетъ помогать заговорщикамъ и бунтовщикамъ. Вмѣстѣ съ этимъ Ипсиланти увольнялся изъ русской службы. Все это произошло не безъ вліянія со стороны Меттерниха, который подозрѣвалъ Каподистрію въ тайномъ сочувствіи греческому возстанію. Опасенія Меттерниха относительно Александра I были небезосновательны. На возвратномъ пути изъ Лайбаха въ Петербургъ императоръ имѣлъ массу случаевъ убѣдиться въ томъ, что его подданные сочувствуютъ греческому возстанію. Онъ узналъ объ этомъ уже въ Варшавѣ, потому что поляки точно такъ же, какъ и русскіе, относились весьма благожелательно къ грекамъ, взявшимся за оружіе для освобожденія своей родины. Но особенно сильно было движеніе въ пользу единовѣрныхъ грековъ въ самой Россіи. Ближайшіе совѣтники Александра стояли за то, что Россія должна заступиться за восточныхъ христіанъ, на которыхъ обрушилась месть турокъ за греческое возстаніе. Результатомъ этого была отправка русскимъ правительствомъ ультиматума Турціи и ноты четыремъ великимъ державамъ, гдѣ указывалось на возможность такого же вмѣшательства Россіи для возстановленія порядка въ Турціи, на какое Священный союзъ только-что уполномочилъ Австрію въ Италіи. Меттернихъ и Кэстльри немедленно приняли мѣры противъ такого поворота русской политики, заявивъ, что революцію слѣдуетъ всюду подавлять, а не покровительствовать ей. Пруссія присоединилась къ австро-англійскому взгляду, а Франція была занята испанскими дѣлами. Александру I пришлось отказаться отъ своей мысли

[1]) Т. IV, стр. 334.

въ виду явнаго нерасположенія къ ней великихъ державъ. Объявленіе греческимъ національнымъ собраніемъ полной независимости Греціи съ совершенно демократической конституціей (въ январѣ 1822 г.) еще болѣе охладило Александра I, который въ виду продолженія революціоннаго движенія въ Испаніи всю задачу своей политики полагалъ теперь въ томъ, чтобы вездѣ, гдѣ только можно, бороться съ революціей. На Веронскомъ конгрессѣ греческое дѣло было, повидимому, окончательно осуждено европейской дипломатіей. Около этого времени и Каподистрія былъ удаленъ съ русской службы и жилъ въ Женевѣ, откуда, однако, не переставалъ дѣйствовать на Александра, поддерживая въ немъ раздраженіе противъ турокъ. Въ 1823 г. русскій императоръ снова поставилъ-было на очередь греческій вопросъ, и съ этою цѣлью въ 1825 г. собралась въ Петербургѣ конференція пяти великихъ державъ, но и тутъ Австрія всячески мѣшала принятію какого-либо рѣшенія. Александръ I предлагалъ потребовать перемирія отъ турокъ и грековъ, затѣмъ выступить между ними съ коллективнымъ посредничествомъ, а въ случаѣ неудачи возстановить спокойствіе вооруженнымъ вмѣшательствомъ. Австрійскій уполномоченный и слышать объ этомъ не хотѣлъ и, зная, что не встрѣтитъ сочувствія въ русскомъ государѣ, заявилъ, что лучше уже прямо признать независимость грековъ. Недовольный такой политикой Австріи, Александръ I готовъ уже былъ обратиться къ содѣйствію Англіи, когда его постигла неожиданная кончина.

Николай I съ самаго же начала царствованія рѣшилъ болѣе энергичнымъ образомъ требовать отъ Турціи удовлетворенія Россіи по разнымъ спорнымъ вопросамъ, оставшимся отъ прежняго царствованія. Это не значитъ, чтобы новый императоръ по отношенію собственно къ греческому вопросу держался иного взгляда, чѣмъ его предшественникъ. По крайней мѣрѣ, иностраннымъ дворамъ и дипломатамъ онъ заявилъ, что греки—бунтовщики, революціонеры, варвары и что онъ вовсе не на сторонѣ народа, возмутившагося противъ своего государя. Но, съ другой стороны, Николай I совершенно вышелъ изъ-подъ вліянія Меттерниха, удерживавшаго Россію отъ войны съ Турціей. Перемѣною царствованія въ Россіи и воспользовался Каннингъ. Зная настроеніе новаго императора, онъ постарался заранѣе связать его такой конвенціей, которая помѣшала бы Россіи по собственному усмотрѣнію — и въ смыслѣ выбора времени, и въ смыслѣ результата—рѣшить греческій вопросъ. Ему удалось добиться того, что въ Петербургѣ 4 апрѣля (п. ст.) 1826 г. Россіей и Англіей былъ подписанъ протоколъ о вмѣшательствѣ обѣихъ державъ въ греческое дѣло съ цѣлью превращенія Греціи въ автономную, хотя и данническую провинцію Турецкой имперіи. Это

соглашеніе держалось нѣкоторое время въ тайнѣ. Когда оно сдѣлалось извѣстнымъ Меттерниху, послѣдній сталъ выражать по его поводу безпредѣльное негодованіе, сталъ говорить, что Каннингъ, революціонеръ, что онъ вовлекъ молодого русскаго царя въ союзъ съ радикальной партіей и т. п., или утверждалъ, наоборотъ, что Англія попалась въ ловушку, сдѣлавшись орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ Россіи. Австрійскій посланникъ въ Лондонѣ вошелъ въ сношеніе съ врагами Каннинга, расчитывая на нелюбовь къ нему короля Георга IV, но положеніе англійскаго министра было непоколебимо. Зато Меттерниху вполнѣ удалось отклонить Пруссію отъ какого бы то ни было участія въ англо-русскомъ соглашеніи. Что касается до Франціи, то она вскорѣ, наоборотъ, присоединилась къ этому соглашенію (лондонскій трактатъ 6 іюля 1827 г.). Это было, однако, послѣднимъ тріумфомъ политики Каннинга. Онъ только-что (10 апр.) сдѣлался первымъ министромъ, а черезъ мѣсяцъ послѣ подписанія соглашенія между Англіей, Россіей и Франціей его не стало (8 авг.). Лондонскій трактатъ бралъ подъ свое покровительство дѣло, на которое Священный союзъ смотрѣлъ дотолѣ, какъ на революцію, и самодержавная Россія отдѣлялась вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своихъ главныхъ союзницъ, Австріи и Пруссіи, чтобы дѣйствовать сообща съ двумя конституціонными державами, министръ одной изъ которыхъ былъ „революціонеръ“ и противникъ Священнаго союза. Священный союзъ видимо разлагался.

Дальнѣйшій ходъ событій слишкомъ извѣстенъ. 8 (20) октября 1827 г. союзный флотъ Англіи, Франціи и Россіи истребилъ при Наваринѣ турецко-египетскій флотъ. Въ слѣдующемъ году началась между Россіей и Турціей война, окончившаяся адріанопольскимъ миромъ (1829), за которымъ послѣдовало образованіе изъ Греціи самостоятельнаго государства (1830). Іюльская революція не могла не отразиться на дальнѣйшей судьбѣ и этого государства.

Передъ іюльскимъ переворотомъ Австрія была совершенно изолирована. Князь Юлій Полиньякъ [1]), сдѣлавшійся французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (8 авг. 1829 г.), къ великому неудовольствію Меттерниха, вовсе не думалъ самъ о союзѣ съ Австріей. Напротивъ того, онъ искалъ сближенія съ Россіей, при помощи которой мечталъ осуществить грандіозные политическіе планы въ пользу своего отечества. Карлъ X и Николай I должны были воспользоваться восточнымъ кризисомъ, чтобы въ тѣсномъ союзѣ передѣлать карту Европы. Турки изгонялись изъ Европы. Россія получала Молдавію и Валахію, Австрія—Сербію, Боснію, Герцеговину и турецкую

[1]) Т. IV, стр. 420—421.

Далмацію. Остальная часть Турціи съ Константинополемъ, Греціей и островами составила бы новое государство съ королемъ нидерландскимъ во главѣ. Голландія и Саксонія должны были достаться Пруссіи взамѣнъ ея владѣній на лѣвомъ берегу Рейна, который былъ бы отданъ Саксонскому королю. На долю Франціи назначались Бельгія, Люксембургъ и земли, отнятыя у Франціи трактатомъ 1815 г. Англія получила бы при этомъ голландскія колоніи. Этотъ проектъ сдѣлался извѣстнымъ Николаю I лишь послѣ заключенія мира съ Турціей, но послѣдній не помѣшалъ Полиньяку вести переговоры съ Петербургомъ въ указанномъ смыслѣ. Реальнымъ результатомъ ихъ было, впрочемъ, только одобреніе Россіей задуманной Полиньякомъ экспедиціи въ Алжиръ. Это предпріятіе вооружило противъ Франціи Англію, и многіе думали, что дѣло кончится ихъ столкновеніемъ. Въ то же время въ Германіи отношенія между Австріей и Пруссіей были довольно натянутыми въ силу обостренія стараго соперничества между Габсбургами и Гогенцоллернами изъ-за вліянія надъ средними и мелкими нѣмецкими государствами. Священный союзъ, дѣйствительно, распадался. А между тѣмъ либеральное движеніе въ отдѣльныхъ государствахъ снова начинало усиливаться. Успѣшное окончаніе южно-американскихъ и греческой революцій вселило въ недовольныхъ существующимъ порядкомъ новыя надежды. Когда вспыхнула въ Парижѣ іюльская революція, она немедленно нашла отголосокъ въ другихъ странахъ, и одно время казалось, что противъ Священнаго союза государей, бывшаго въ полномъ разложеніи, возникнетъ „Священный союзъ народовъ“.

Во внутренней жизни Франціи и Англіи, какъ извѣстно, во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ либерализмъ сдѣлалъ значительные успѣхи. Въ царствованіе Карла X среди французскихъ роялистовъ произошелъ расколъ, и многіе изъ нихъ, не сочувствуя клерикальной политикѣ короля, начали сближаться съ либералами. Послѣдніе одержали большую побѣду на выборахъ 1827 г. Назначеніе министромъ реакціонера Полиньяка заставило либераловъ подумать объ организаціи оппозиціи на случай нарушенія королемъ конституціи. Усилилось оппозиціонное направленіе и въ періодической прессѣ, и въ литературѣ [1]). Въ Англіи около 1825 г. прекращается борьба правительства противъ митинговъ и противъ свободы прессы. Въ 1829 г. совершилась эмансипація католиковъ. Движеніе въ пользу парламентской реформы тоже усиливалось съ каждымъ годомъ [2]). Одновременно и во Франціи, и въ Англіи рядомъ съ политическими

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. т. IV, гл. XVIII и особенно XIX.

[2]) Тамъ же, т. IV, гл. XXI.

вопросами, волновавшими въ обѣихъ странахъ общественное мнѣніе, начиналъ ставиться вопросъ соціальный [1]), которому суждено было въ скоромъ времени играть такую видную роль въ общественныхъ движеніяхъ эпохи. Однимъ словомъ, и во Франціи, и въ Англіи приходилъ конецъ реакціонному режиму. Вмѣшательство трехъ державъ въ греческое дѣло въ глазахъ либераловъ было—и не безъ основанія—сочтено за побѣду ихъ принциповъ надъ принципами Священнаго союза и реакціи. Усиленіе либерализма во Франціи, кромѣ того, не могло не отразиться на настроеніи всѣхъ недовольныхъ въ разныхъ государствахъ Европы. Съ эпохи просвѣщенія XVIII в. и великой революціи образованные классы европейскаго общества находились подъ сильнымъ вліяніемъ того, что говорилось, писалось и дѣлалось въ Парижѣ. Послѣ низверженія Наполеона Франція была самымъ свободнымъ государствомъ на материкѣ Европы, и весьма естественно, что либералы всѣхъ странъ прислушивались съ величайшимъ интересомъ къ тому, что въ области политики совершалось въ Парижѣ. Французская конституціонная хартія 1814 г. была (какъ одно время испанская конституція 1812 г.) образцомъ свободныхъ учрежденій. Тамъ, гдѣ существовали представительныя собранія, оппозиціонные элементы въ большей или меньшей степени старались подражать рѣчамъ и поведенію либеральныхъ депутатовъ французской палаты (какъ это, напр., наблюдается въ засѣданіяхъ варшавскаго сейма). Идеи французскаго либерализма были вообще весьма популярны у всѣхъ людей, недовольныхъ тогдашними порядками. Это французское вліяніе въ Европѣ, сильное уже въ эпоху реставраціи, не ослабѣло и въ послѣдующую эпоху, когда Франція продолжала играть все ту же роль передовой страны континента. Англію на материкѣ знали мало, и только во Франціи интересовались ея исторіей, ея государственнымъ устройствомъ. Понятно, что никакія другія событія въ такой степени, какъ французскія, не могли отражаться на внутренней жизни другихъ народовъ. Революція въ Испаніи и Португаліи, въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, въ американскихъ колоніяхъ и въ Греціи не могла имѣть такого потрясающаго дѣйствія, какъ революція, вспыхнувшая въ Парижѣ.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на то, что дѣлалось въ отдѣльныхъ странахъ передъ 1830 годомъ.

Изъ всѣхъ сосѣднихъ съ Франціей странъ сильнѣе другихъ подчинялась ея вліянію Бельгія. Возстаніе бельгійцевъ противъ Іосифа II въ защиту старыхъ національныхъ учрежденій отъ нововведеній „просвѣщеннаго абсолютизма“ совпало по времени съ фран-

[1]) Тамъ же, т. IV, гл. XXV и XXVII.

цузской революціей 1789 г., и весьма скоро обѣ революціи объединились. Когда начались революціонныя войны, Бельгія весьма скоро сдѣлалась добычей побѣдоносной Франціи и вошла въ составъ французской республики и оставалась въ ея составѣ въ эпоху консульства и имперіи [1]), т.-е. въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Сосѣдняя съ Бельгіей Голландія, съ которою она за два съ половиною года передъ тѣмъ была соединена подъ властью одного государя, тоже была (въ 1810 г.) включена въ составъ французской имперіи, но когда стало рушиться владычество Наполеона, жившій въ изгнаніи въ Лондонѣ принцъ Вильгельмъ Оранскій вернулся въ свою голландскую родину, принялъ во главѣ голландскихъ войскъ участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ и вступилъ въ управленіе Голландіей, въ которой была введена новая конституція. Затѣмъ онъ завладѣлъ и Бельгіей. Вѣнскій конгрессъ призналъ совершившійся фактъ и утвердилъ соединеніе Голландіи и Бельгіи въ одно Нидерландское королевство подъ властью Вильгельма Оранскаго. Этому созданію конгресса, желавшаго устроить на восточной границѣ Франціи цѣлый оплотъ изъ второстепенныхъ государствъ, грозило возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, но битва при Ватерлоо, въ которой приняли участіе и нидерландскія войска, укрѣпила существованіе новаго королевства. Вскорѣ послѣ этого на разсмотрѣніе и утвержденіе голландскихъ государственныхъ чиновъ и бельгійскихъ нотаблей была представлена общая для всего новаго королевства конституція. Собравшіеся въ Гагѣ генеральные штаты приняли ее безъ малѣйшаго возраженія, но собраніе бельгійскихъ нотаблей въ Брюсселѣ значительнымъ большинствомъ голосовъ (796 противъ 527) отвергло эту конституцію. Король не обратилъ на это вниманія и, воспользовавшись прецедентомъ, имѣвшимъ мѣсто во время введенія французами въ Голландіи новой конституціи (1801 г.), велѣлъ къ числу утвердительныхъ голосовъ прибавить голоса всѣхъ не явившихся на собраніе нотаблей. Такъ совершилось соединеніе Бельгіи съ Голландіей въ одно королевство.

Между обѣими частями этого новаго королевства не было ничего общаго. Въ національномъ отношеніи фламанско-валлонская Бельгія съ господствомъ французскаго языка въ образованныхъ классахъ общества и въ литературѣ была совершенно отлична отъ батавской Голландіи. Бельгія, далѣе, была страною католическою и притомъ настроенною крайне клерикально, — недаромъ до начала XVIII в. она была подъ властью Испаніи, а въ XVIII в. подъ властью Австріи,—тогда какъ Голландія была страною протестант-

---

[1]) См. новѣйшій (1894 г.) трудъ *Sylvain Balau.* La Belgique sous l'empire et la defaite de Waterloo.

скою и въ XVII столѣтіи служила убѣжищемъ для всѣхъ гонимыхъ за религіозныя убѣжденія. Одною изъ основныхъ причинъ недовольства Бельгіи своимъ соединеніемъ съ Голландіей было то, что католикамъ приходилось подчиняться королю-протестанту, вести всѣ внутреннія дѣла съ иновѣрцами, руководиться принципами религіозной равноправности. Бельгійское духовенство протестовало противъ свободы культовъ и добивалось возстановленія уничтоженныхъ въ странѣ революціей привилегій клира, десятины, монастырей и т. п. Оно было весьма вліятельно въ народѣ и пользовалось сочувствіемъ и поддержкою французскихъ клерикаловъ. Особенно рьяно дѣйствовалъ противъ новаго порядка гентскій епископъ Морисъ Броль. Ему даже пришлось бѣжать въ Парижъ, откуда онъ продолжалъ вести свою агитацію, усиливтуюся послѣ того, какъ въ самой Франціи со вступленіемъ Карла X на престолъ клерикализмъ поднялъ голову и началъ свою аггрессивную политику. Столкновеніе между нидерландскимъ правительствомъ и бельгійской клерикальной партіей было особенно сильно на почвѣ вопросовъ о народномъ образованіи, которое и государство, и церковь хотѣли подчинить своему исключительному контролю. Между тѣмъ король, обнаружившій явную наклонность къ абсолютизму, оттолкнулъ отъ себя бельгійскую буржуазію, которая сначала находила для себя выгоднымъ соединеніе съ Голландіей, готова была поддерживать конституціонный режимъ и шла въ разрѣзъ съ реакціонными стремленіями духовенства и дворянства. Вильгельмъ I, отличавшійся упрямствомъ, хотѣлъ править самовластно и окружалъ себя раболѣпными министрами (вродѣ министра юстиціи фанъ-Маанена). Далѣе, бельгійцы жаловались и на то, что правительство во всемъ отдавало предпочтеніе голландцамъ, и многія жалобы были основательны, хотя въ другихъ были или недоразумѣнія, или сильныя преувеличенія. Мало-по-малу рядомъ съ клерикальной оппозиціей возникла въ Бельгіи оппозиція либеральная, и обѣ онѣ сблизились между собою въ одномъ и томъ же чувствѣ вражды къ правительству и къ Голландіи. Повторилось то, что разъ уже случилось въ Бельгіи, когда Іосифъ II затронулъ одновременно католицизмъ и національное чувство бельгійцевъ [1]). Во главѣ союза клерикаловъ съ либералами сталъ богатый и ученый Поттеръ. Началась борьба въ прессѣ. Правительство стало преслѣдовать оппозиціонныя изданія, но за свободу прессы стали высказываться многочисленныя петиціи, адресованныя правительству. Вышедшая въ концѣ двадцатыхъ годовъ во Франціи книга Ламеннэ „Успѣхи революціи и война противъ церкви“, въ которой дѣло католицизма отождествлялось съ

[1]) Т. III, стр. 354—355.

дѣломъ либерализма [1]), произвела на бельгійскихъ клерикаловъ сильное впечатлѣніе. Либеральный Поттеръ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за одну изъ статей своихъ противъ министровъ, съ своей стороны провозгласилъ необходимость отстаивать свободу преподаванія, за которую, собственно говоря, ополчался и Ламеннэ, когда во Франціи министерство Мартиньяка подчинило духовныя школы разнымъ ограниченіямъ и контролю государства. За то, что либералы стали на сторону свободы преподаванія, дававшей духовенству возможность сохранять свое господство въ дѣлѣ народнаго образованія, клерикалы сдѣлались теперь рьяными защитниками свободы печати. Правительство не довольствовалось послѣ этого (1829 г.) одной борьбой путемъ судебныхъ преслѣдованій, штрафовъ и тюремныхъ заключеній, но основало въ Брюсселѣ свою газету (Le National), редактированіе которой поручило итальянскому пройдохѣ Либри-Баньо, подливавшему масла въ огонь своими ругательствами. Вильгельмъ I совсѣмъ не понималъ, что совершалось въ Бельгіи, и приписывалъ все интригѣ немногихъ честолюбцевъ, ловившихъ рыбу въ ими же самими взмученной водѣ. Въ концѣ декабря 1829 г. онъ обратился къ генеральнымъ штатамъ, открывавшимъ свои засѣданія, съ посланіемъ, въ которомъ порицалъ поведеніе прессы, говорилъ о неосновательности многихъ жалобъ въ петиціяхъ, все въ большемъ и большемъ количествѣ подававшихся правительству, заявлялъ, что не намѣренъ устанавливать отвѣтственности министровъ въ смыслѣ требованій либерализма. Это посланіе и циркуляръ министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, приглашавшій всѣхъ ихъ подчиненныхъ выразить въ теченіе двухъ дней одобреніе идеямъ королевскаго посланія, только сильнѣе раздражило общественное мнѣніе. Въ памфлетѣ „Письмо Демофила“ Поттеръ сталъ доказывать, что правительственная система противорѣчитъ самымъ основамъ конституціонной монархіи. Затѣмъ онъ предложилъ образовать особое общество для оказанія помощи чиновникамъ, уволеннымъ со службы за свое несогласіе съ правительственной системой. За это въ началѣ 1830 г. Поттеръ былъ приговоренъ судомъ къ изгнанію изъ государства на восемь лѣтъ, и съ нимъ на семь лѣтъ были изгнаны два его союзника. Оппозиція присмирѣла, но вспыхнувшая въ Парижѣ революція заставила вождей бельгійскаго національнаго движенія, собравшихся въ Парижѣ, подумать о томъ, какъ бы воспользоваться ею для блага своей родины. Поттеръ не шелъ далѣе пересмотра конституціи и расширенія мѣстнаго самоуправленія, но другіе прямо указывали на необходимость отложенія отъ Голландіи, хотя бы для этого нужно было присоединиться къ Франціи.

---

[1]) Объ этой книгѣ см. т. IV, стр. 293 и 418.

Одновременно съ движеніемъ, происходившимъ въ Бельгіи, готовилась буря и въ конституціонномъ Царствѣ Польскомъ. Говоря о настроеніи, господствовавшемъ среди поляковъ въ двадцатыхъ годахъ, не нужно упускать изъ виду судебъ польской націи за послѣднія десятилѣтія XVIII и въ началѣ XIX в. Раздѣлы 1772, 1793 и 1795 г. окончили существованіе Рѣчи Посполитой. Польша пала, несмотря на патріотическія усилія спасти ее отъ гибели—сначала конституціей 3 мая 1791 г., потомъ косцюшковскимъ возстаніемъ 1794 г. Эти событія совпали съ французской революціей, на которую поляки возлагали большія надежды. Послѣ паденія польши эмигранты польскіе вступили на службу французской революціи и сражались за ея дѣло, какъ за свое собственное, на разныхъ театрахъ начавшейся тогда общеевропейской войны. Упованія поляковъ на возстановленіе отечества усилились при Наполеонѣ. Образованіе имъ изъ польскихъ земель, доставшихся Пруссіи и Австріи, великаго герцогства Варшавскаго, казалось полякамъ лишь началомъ возстановленія старой Польши. Но поляки ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Послѣ неудачнаго для Наполеона похода на Москву въ 1812 г. великое герцогство Варшавское было завоевано русскимъ императоромъ, хотя ему не удалось все это государство цѣликомъ превратить въ Царство Польское, которое Вѣнскій конгрессъ соединилъ съ Россіей подъ однимъ скипетромъ. Поляки не могли быть вполнѣ довольны тѣмъ, что цѣлыя территоріи старой Рѣчи Посполитой остались за Пруссіей и Австріей, и думали также, что Россія должна возвратить имъ Литву. Не забудемъ, что образованіе герцогства Варшавскаго отдѣляется отъ паденія Польши лишь двѣнадцатью годами (1795—1807), что само это герцогство не просуществовало и десяти даже лѣтъ (1807—1813), что отъ установленія Царства Польскаго (1815) до взрыва іюльской революціи, въ которой не одни поляки видѣли начало новыхъ переговоровъ во всей Европѣ, прошло опять-таки только пятнадцать лѣтъ. Всѣ перипетіи въ національной судьбѣ поляковъ пріучали ихъ смотрѣть на свое положеніе, какъ на временное, какъ на переходное, и не лишали ихъ надежды на то, что могутъ наступить такія обстоятельства, которыя позволятъ имъ возстановить въ полнотѣ ихъ прежнюю политическую независимость. Однимъ словомъ, поляки не разставались съ мечтою, которою они жили съ самаго 1795 года. Это одно уже могло явиться причиной революціоннаго броженія. Но къ ней присоединились натянутыя отношенія, не замедлившія возникнуть между поляками и русскимъ правительствомъ.

15 (27) ноября 1815 г. отданное Александру I Вѣнскимъ конгрессомъ Царство Польское получило отъ своего новаго „короля“ кон-

ституцію [1]). Эта конституція превращала только-что созданное государство въ наслѣдственную монархію, „навсегда соединенную съ Россійской имперіей“ (ст. 1 и 3). „Король“ въ случаѣ своего отсутствія назначалъ намѣстника, каковымъ могъ быть лишь полякъ; исключеніе дѣлалось только для намѣстниковъ изъ членовъ императорскаго дома (ст. 5 и 6). „Римско-католическая религія, исповѣдуемая большинствомъ жителей Царства Польскаго“, должна была быть предметомъ особаго попеченія правительства безъ малѣйшаго, однако, ущерба для свободы иныхъ исповѣданій (ст. 11). Отдѣльной статьей обезпечивалась свобода печати, и особый законъ долженъ былъ опредѣлить способы устраненія злоупотребленій этою свободою (ст. 16). Далѣе обезпечивалась свобода личности съ ссылкою на стародавній [2]) основной законъ: „neminem captivari permittimus nisi jure victum“ (ст. 18—23). Польскій языкъ объявлялся языкомъ администраціи, суда, войска и т. п. (ст. 28), и всѣ должности должны были замѣщаться только одними поляками (ст. 29). „Польскій народъ, гласила далѣе одна статья (31), на вѣчныя времена будетъ имѣть національное представительство на сеймѣ, состоящемъ изъ короля и двухъ палатъ („избъ“), изъ которыхъ первую будетъ составлять сенатъ, а вторую — послы и депутаты отъ общинъ“ („гминъ“). Королю всецѣло отдавалась исполнительная власть (ст. 36 и слѣд.), причемъ, всѣ его преемники должны были короноваться въ Варшавѣ и давать присягу въ сохраненіи конституціи (ст. 45). „Всѣ королевскія распоряженія и постановленія должны были скрѣпляться подписью министра, стоящаго во главѣ той или другой части управленія, который и будетъ нести отвѣтственность за все, что̀ могло бы въ этихъ распоряженіяхъ и постановленіяхъ заключаться противнаго конституціи и законамъ“ (ст. 47). Конституція учреждала, кромѣ того, государственный совѣтъ, безъ котораго намѣстникъ не могъ предпринимать ничего важнаго (ст. 63—68). Между прочимъ, государственный совѣтъ долженъ былъ вырабатывать законопроекты и наблюдать за правильностью дѣйствія конституціи (ст. 73). Министерствъ („коммиссій“) установлялось пять: министерство культовъ и народнаго просвѣщенія, министерство юстиціи, министерство внутреннихъ дѣлъ и полиціи, министерство военное и министерство государственныхъ доходовъ и имуществъ (ст. 76). Что касается до власти законодательной, она должна была заключаться въ особѣ короля и въ двухъ палатахъ (ст. 85). Сеймъ созывался

---

[1]) Оригинальный текстъ былъ на французскомъ языкѣ. Мы пользовались перепечаткой польскаго перевода (Ustawa Konstytucyjna Królewstwa Polskiego), сдѣланнаго въ Петербургѣ въ 1816 году.

[2]) Начала XVI в.

каждые два года на тридцать дней, причемъ королю давалось право роспуска, отсрочки или продолженія сеймовыхъ засѣданій (ст. 87) или созыва чрезвычайнаго сейма (ст. 88). Члены сейма въ періодъ сессіи пользовались неприкосновенностью (ст. 89). Законодательная инціатива признавалась только за королемъ (ст. 90), но посламъ и депутатамъ позволялось представлять королю черезъ государственный совѣтъ разнаго рода желанія, касающіяся блага ихъ согражданъ (ст. 92). Бюджетъ установлялся сеймомъ и не болѣе, какъ на четыре года (ст. 93). Засѣданія обѣихъ палатъ объявлялись публичными, и только по желанію десятой части присутствующихъ членовъ палаты могли превращаться въ секретные комитеты (ст. 95). Проекты правительства, разсмотрѣнные особыми сеймовыми (выборными) коммиссіями (ст. 98) и подлежавшіе измѣненію только въ государственномъ совѣтѣ (ст. 99), должны были въ обѣихъ палатахъ вотироваться большинствомъ голосовъ (ст. 102). Окончательная санкція принадлежала королю, который могъ и отказывать въ своей санкціи (ст. 105). Сенаторы (члены императорскаго дома, епископы, воеводы и каштеляны) назначались королемъ на всю жизнь и притомъ (кромѣ сенаторовъ первыхъ двухъ категорій) изъ двухъ кандидатовъ, представленныхъ самимъ сенатомъ (ст. 110). „Посольская изба“ должна была состоять изъ 77 пословъ, выбранныхъ на шляхетскихъ сеймикахъ по одному изъ каждаго повѣта, т.-е. уѣзда, и изъ 51 депутата отъ гминъ, т.-е. общинъ (ст. 118). Срокъ полномочій для пословъ и депутатовъ установлялся шестилѣтній (ст. 120), а избирательный цензъ опредѣлялся уплатою въ видѣ прямого налога не менѣе ста злотыхъ (ст. 121). Если бы король распустилъ посольскую избу, то въ теченіе двухъ мѣсяцевъ долженъ былъ бы назначить новые выборы (ст. 124). Отдѣльныя статьи конституціи опредѣляли составъ и функціи шляхетскихъ сеймиковъ и нешляхетскихъ общинныхъ собраній, которымъ давалось право выбирать не только пословъ и депутатовъ, но и членовъ воеводскихъ совѣтовъ, а также составлять списки кандидатовъ на административныя должности (ст. 125—134). Отправленіе правосудія конституція объявила независимымъ (ст. 138), т.-е., какъ пояснялъ особый параграфъ (ст. 139), судья долженъ былъ выражать свое мнѣніе совершенно свободно отъ какихъ бы то ни было вліяній со стороны „наивысшей или министерской власти“. Судьи, назначенные королемъ и выборные (ст. 140), объявлялись несмѣняемыми (ст. 141), за исключеніемъ случаевъ смѣщеній по судебному приговору за должностныя или иныя преступленія (ст. 142). Государственныя преступленія и преступленія высшихъ государственныхъ сановниковъ подлежали сеймовому суду изъ всѣхъ членовъ сената (ст. 152). Наказаніе конфискаціей имуществъ отмѣнялось и не могло быть ни въ какомъ случаѣ возстановлено (ст. 159).

Эта конституція, которая нѣкоторыми своими сторонами (особенно терминологіей) примыкаетъ къ прежнему устройству Рѣчи Посполитой [1]), была весьма либеральна, принимая въ расчетъ политическія теоріи эпохи. Въ наиболѣе существенныхъ своихъ пунктахъ она выдерживаетъ сравненіе съ французской хартіей 1814 г., которая сама должна была установить порядокъ, напоминающій англійскую конституцію [2]). Либеральный характеръ польскаго „конституціоннаго устава“ 1815 г. признается и историками, изучавшими этотъ документъ [3]). Весь вопросъ заключался въ томъ, могла ли она удовлетворить поляковъ и насколько исполнялась она самою властью, даровавшею представительныя учрежденія польскому народу. Искренніе поляки [4]) сами признавались, что даже вполнѣ добросовѣстное исполненіе обѣщаній, данныхъ въ хартіи 1815 г., не могло бы предотвратить революцію. Дѣйствительно, поляки слишкомъ сжились съ традиціями своей прежней „золотой вольности“, которая была не чѣмъ инымъ, какъ анархіей, и не хотѣли или, вѣрнѣе, не умѣли понимать свободу подъ иными формами, а къ традиціямъ старыхъ конфедерацій, заговоровъ и возстаній присоединялось еще то, что въ теченіе двухъ по-

---

[1]) См. нашъ „Историческій очеркъ польскаго сейма“.

[2]) См. Ист. Зап. Евр., т. IV, стр. 387—389.

[3]) Эта конституція, по словамъ Гервинуса (т. II, стр. 759) „заключала въ себѣ самыя существенныя условія національной свободы, отвѣтственность министровъ, независимость судей, свободу печати и вѣроисповѣданій и т. п.“ *Ch. de Mazade* въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ Mémoire du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I (P. 1887. II, 350) называетъ конституціонную хартію „fort libérale“.

[4]) *Мохнацкій* въ своей Исторіи польскаго возстанія. Особенно важны въ этомъ отношеніи соображенія въ кн. *Г. Лисицкаго* Alexander Wielopolski (Kraków. 1879. Tom IV), гдѣ подъ заглавіемъ: „Przyczyny powstania roku 1830—1831“ помѣщенъ довольно обстоятельный (около 300 страницъ) очеркъ исторіи конституціоннаго Царства Польскаго. Между прочимъ г. Лисицкій вооружается противъ „общепринятаго метода“ польскихъ историковъ „скрывать всѣ ошибки націи и общества“ и, „сваливая вину на другихъ и на обстоятельства, выставлять націю въ самомъ выгодномъ для нея свѣтѣ“. Объясняя, говоритъ онъ, причины возстанія 1830 г., историки „не обращали вниманія на поступки и поведеніе націи, которая не подчинялась обязанностямъ, налагавшимся на нее конституціоннымъ договоромъ, не слѣдовала здравой политикѣ. вмѣсто того чтобы оберегать (pielęgnować) существованіе королевства,— это горчичное зерно возрождавшейся Польши,—пренебрегала этимъ существованіемъ и оставляла необработаннымъ легальное поле національной жизни и общественной работы“. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить, что общій взглядъ автора упомянутаго очерка обусловливается не только фактами, собранными имъ въ очеркѣ, но и тѣмъ отношеніемъ, въ какое встала часть польскаго общества къ возстанію 1863 г. Полной исторіи Царства Польскаго съ 1815 по 1830 г. приходится еще ждать.

слѣднихъ десятилѣтій (1795—1815 гг.) они только и думали о возстановленіи старины путемъ конспирацій и переворотовъ. Присоединеніе Литвы къ „конгрессовому“ королевству было, въ концѣ концовъ, цѣлью мечтаній громаднаго большинства польскаго общества. Съ другой стороны, не могло не оказывать вліянія на поляковъ и то обстоятельство, что путь тайныхъ обществъ, заговоровъ и переворотовъ имѣлъ вообще въ двадцатыхъ годахъ многочисленныхъ сторонниковъ среди либераловъ всѣхъ европейскихъ націй: стóитъ только вспомнить, что испанская, неаполитанская и греческая революціи были произведены тайными обществами (итальянскій карбонаризмъ, гетерія), что попытки переворота посредствомъ заговоровъ дѣлались во Франціи въ теченіе всего царствованія Людовика XVIII [1]), что наклонность къ организаціи тайныхъ обществъ (начиная съ знаменитаго „Тугендбунда“) характеризуетъ настроеніе оппозиціонныхъ элементовъ и въ Германіи, что тайныя общества, приведшія къ 14 декабря 1825 г., возникли и въ Россіи къ концу царствованія Александра I.

Революціонное настроеніе польской націи не могло не быть извѣстнымъ русскому правительству, хотя многое изъ того, что̀ говорилось и дѣлалось въ Варшавѣ, доходило до его свѣдѣнія съ преувеличеніями и искаженіями, и это вселяло въ представителей русской власти въ Польшѣ недовѣріе къ полякамъ, которое не могло не отражаться и на образѣ дѣйствій этой власти. По мѣрѣ того, какъ Александръ I все болѣе и болѣе отказывался отъ своего либерализма и склонялся на сторону реакціи подъ вліяніемъ событій, происходившихъ на Западѣ, и отношеніе его къ полякамъ стало измѣняться весьма замѣтнымъ образомъ. Связь, въ какой находились русскіе декабристы съ польскими тайными обществами, заставила и Николая I относиться съ особою подозрительностью ко всему, что̀ дѣлалось въ Польшѣ. Понятно, что перемѣна въ отношеніяхъ русскаго правительства къ полякамъ должна была только усиливать происходившее среди нихъ революціонное броженіе. Но и независимо отъ той натянутости отношеній между подданными и властью, какая должна была образоваться на почвѣ взаимнаго недовѣрія, была и другая причина, которая дѣйствовала въ томъ же направленіи. Конституція 1815 г. не соотвѣтствовала не только политическимъ традиціямъ и нравамъ польской націи, но и тѣмъ принципамъ и привычкамъ, которые были выработаны всей предыдущей исторіей русской правительственной системы. Въ иностранной и русской литературахъ уже не разъ указывалось на противорѣчіе, заключавшееся въ соединеніи подъ однимъ скипетромъ

[1]) Обо всемъ этомъ т. IV, стр. 329 и слѣд. и 423 и слѣд. и выше, стр. 6.

конституціоннаго королевства съ самодержавною имперіей [1]). Начала, на основаніи которыхъ управлялась имперія, такъ или иначе не могли не переноситься въ практику правительственной власти въ Польшѣ, а это естественно и необходимо возбуждало неудовольствіе, которымъ только все болѣе и болѣе питалось революціонное броженіе.

Послѣ періода безплодныхъ попытокъ внутренняго переустройства Польши въ царствованіе Станислава-Августа (1764—1794) и послѣ періода прусскаго владычества въ Варшавѣ (1795—1806) и военныхъ бурь (1806—1813) польская нація впервые получала теперь внутренній порядокъ съ довольно широкою общественною самодѣятельностью и прочно обезпеченный внѣшній миръ. За пятнадцать лѣтъ конституціоннаго своего существованія Царство Польское сдѣлало большіе успѣхи на пути экономическаго и культурнаго развитія. Вся предшествовавшая эпоха съ паденія конституціи 3 мая 1791 г. была крайне неблагопріятна для благосостоянія и просвѣщенія страны. Внутреннія смуты и войны, приведшія къ двумъ послѣднимъ раздѣламъ, чужеземное владычество, тяжелое бремя, наложенное на великое герцогство Варшавское Наполеономъ, который превратилъ его въ форпостъ Франціи на сѣверѣ Европы и набиралъ здѣсь солдатъ для своихъ безконечныхъ войнъ,— все это, конечно, не могло содѣйствовать мирному преуспѣянію поляковъ. Съ 1815 по 1830 г. народонаселеніе страны значительно увеличилось; развились промышленность, торговля, пути сообщенія и общественный кредитъ (національный банкъ); государственное хозяйство было приведено въ порядокъ; возникли новыя учебныя заведенія, между которыми отмѣтимъ въ одной Варшавѣ университетъ, военную академію, сельско-хозяйственную школу (подъ Варшавой), женскій институтъ; въ то же время началось возрожденіе польской литературы, и параллельно съ этимъ въ бывшихъ частяхъ Рѣчи Посполитой, отошедшихъ къ Россіи въ XVIII в., дѣятельно возстановлялся польскій элементъ. Экономическіе и культурные успѣхи страны только служили большему подъему національнаго духа. Ко всему этому нужно прибавить, что по конституціи 1815 г. Царство Польское получило отдѣльную національную армію (ст. 10, 38, 153—156), которая, благодаря заботамъ о ней ея главнаго начальника великаго князя Константина Павловича, доведена была до большого совершенства, хотя въ то же время своимъ суровымъ обращеніемъ великій князь и въ ней порождалъ большое неудовольствіе. Общее политическое броженіе, совершавшееся въ обществѣ, вообще не могло не коснуться этого войска, тѣмъ болѣе, что въ ту эпоху и въ другихъ государствахъ армія нерѣдко играла роль революціоннаго фактора. Вотъ это-то все вмѣстѣ

---

[1]) См., напр., *Лоренцъ*. Исторія новѣйшаго времени (Спб. 1871, ст. 26).

взятое и создавало въ высшей степени неблагопріятныя условія для мирнаго развитія внутреннихъ общественныхъ силъ польской націи на основахъ конституціи 1815 г., которая притомъ невполнѣ соблюдалась представителями власти.

Въ недавно изданныхъ „Мемуарахъ князя Адама Чарторыскаго и его перепискѣ съ императоромъ Александромъ I“ [1]) есть любопытный мемуаръ, посланный императору этимъ польскимъ дѣятелемъ, другомъ молодости государя, занимавшимъ важные посты на русской государственной службѣ. Помѣченъ онъ 21 августа 1821 г. и заключаетъ въ себѣ указанія на настроеніе умовъ въ Польшѣ. Это настроеніе было весьма тревожно (les esprits dans une incertitude extraordinaire et dans le découragement le plus complet). „Все, повидимому, писалъ Чарторыскій, находится подъ вопросомъ; нѣтъ учрежденія, за которое бы не было опасеній; нѣтъ такой печальной метаморфозы, которой не предсказывали бы странѣ... Тревога питается фразами, которыя, какъ говорятъ, вырвались у людей, считаемыхъ за довѣренныхъ истолкователей вашего величества... То (какъ понимаются ихъ слова) конституція непримѣнима (impratiquable), безполезна, слишкомъ дорого стоитъ, то нужно уничтожить независимость судовъ, то говорится, будто народное просвѣщеніе будетъ урѣзано, что сеймы признаются за помѣху, подлежащую устраненію, что Царство Польское будетъ управляться на однихъ началахъ съ другими провинціями... Утверждаютъ при этомъ, что источникъ всего этого въ собственныхъ мысляхъ вашего величества, что съ нѣкотораго времени ваши мнѣнія, ваши чувства совершенно измѣнились и сдѣлались совсѣмъ противоположными тому, чѣмъ были прежде“. Между прочимъ Чарторыскій напоминалъ и о несбывшихся надеждахъ своихъ соотечественниковъ на обѣщанное Александромъ I соединеніе „всѣхъ польскихъ провинцій подъ его скипетромъ и національнымъ правительствомъ“. Вмѣстѣ съ этимъ Чарторыскій защищалъ конституцію отъ тѣхъ нападокъ, которыя на нее, по слухамъ, дѣлались въ высшихъ сферахъ, и отмѣчалъ, что многіе упреки по ея адресу объясняются не особенно строгимъ ея исполненіемъ (parce que la constitution n'a pas été strictement exécutée). Среди поляковъ, писалъ еще Чарторыскій, создается мнѣніе, будто правительство сознательно стремится къ тому, чтобы отвратить отъ занятія общественныхъ должностей людей съ талантами и характеромъ и наполнить ряды правительственныхъ лицъ честолюбивыми и жадными пронырами безъ всякой репутаціи. Въ заключеніе онъ просилъ Александра I разсѣять опасенія несчастной и совершенно отчаявшейся страны:

[1]) См. выше, стр. 22.

„одного вашего слова будетъ достаточно, чтобы вернуть странѣ исчезающую увѣренность въ ея прочной и счастливой будущности". Наконецъ, онъ предостерегалъ государя отъ инсинуацій и вліяній иностранныхъ кабинетовъ, которымъ было бы выгодно лишить такого могущественнаго монарха любви его подданныхъ, составляющей одну изъ основъ его могущества. Нужно замѣтить, что жалобы и предостереженія подобнаго рода въ письмахъ Чарторыскаго къ Александру I начинаются съ самаго 1815 г. и между прочимъ съ самаго же начала этого періода касаются дѣятельности великаго князя Константина Павловича, который, какъ извѣстно, сначала былъ сдѣланъ начальникомъ польскихъ военныхъ силъ, а потомъ и намѣстникомъ Царства Польскаго [1]).

И при Александрѣ I, и при его преемникѣ великій князь Константинъ Павловичъ, представлявшій собою высшую власть въ Царствѣ Польскомъ, пользовался особымъ нерасположеніемъ со стороны поляковъ. Это нерасположеніе находитъ свое объясненіе въ основныхъ чертахъ характера и въ образѣ дѣйствій великаго князя. Онъ былъ человѣкъ горячій, вспыльчивый, недостаточно сдержанный и весьма часто рѣзкій въ своемъ обращеніи съ людьми. Его военное воспитаніе, большая требовательность къ подчиненнымъ въ дѣлѣ чисто внѣшней военной дисциплины и формалистики, привычка къ военной командѣ мало соотвѣтствовали той въ высшей степени трудной миссіи, которая выпала на его долю,—миссіи, для успѣшнаго выполненія которой нужны были прежде всего болѣе спокойный характеръ, большее умѣніе ладить съ окружающими людьми, привычка считаться съ принципами и формами установленныхъ законовъ гражданскаго управленія. Великій князь не нелюбилъ поляковъ, какъ не любили нѣкоторые его совѣтники. Онъ былъ женатъ на полькѣ, сжился съ поляками, былъ искренне преданъ польской арміи, подвигами которой готовъ былъ восхищаться даже тогда, когда она сражалась съ русскими войсками, но если бы онъ даже былъ по происхожденію полякомъ, его нравъ и образъ дѣйствій должны были бы порождать противъ него постоянное неудовольствіе во многихъ частяхъ польскаго общества. Уже въ одномъ изъ писемъ Чарторыскаго къ императору Александру I, писанныхъ въ 1815 г., мы читаемъ жалобу на то, что великому князю (тогда еще не бывшему намѣстникомъ) ввѣрена „независимая военная власть, съ которою правительство не въ

---

[1]) Издатель „Мемуаровъ и переписки" кн. Чарторыскаго совершенно вѣрно замѣчаетъ: „les lettres du prince Adam Czartoryski sont un document essentiel pour l'histoire assez peu connue de ce malheureux essai constitutionnel de Pologne" (II, 351).

состояніи бороться. Я, продолжаетъ Чарторыскій, никогда не осмѣлился бы касаться этого щекотливаго предмета (cette corde délicate), если бы меня къ тому не обязывали самыя настойчивыя обстоятельства. Рискуя навлечь на себя неудовольствіе вашего императорскаго величества, я все-таки буду говорить, ибо успѣхъ вашего дѣла касательно Польши настолько же, я думаю, важенъ и для вашей славы, государь, насколько важенъ онъ и для благоденствія этой страны". Послѣ такого предисловія Чарторыскій сообщалъ императору, что его высочество (Monseigneur) относится ко всему польскому пренебрежительно. „Особенно конституція [1]) дѣлается предметомъ постоянныхъ сарказмовъ съ его стороны; все, что можно назвать правиломъ, формою, закономъ, онъ подвергаетъ насмѣшкамъ, и, къ несчастію, за словами уже послѣдовали и дѣйствія. Великій князь не исполняетъ даже военныхъ законовъ, имъ же самимъ утвержденныхъ. Онъ во что бы то ни стало желаетъ ввести въ армію шпицрутены (les coups de bâton) и онъ ихъ вчера предписалъ, не взирая на единодушныя представленія комитета... Можно подумать,—прибавлялъ Чарторыскій,—что составился тайный планъ противодѣйствія видамъ вашего величества, дабы сдѣлать призрачными ваши благодѣянія и съ самаго же начала испортить ваше предпріятіе. Въ такомъ случаѣ его высочество, самъ того не подозрѣвая, былъ бы лишь слѣпымъ орудіемъ этого злосчастнаго замысла. Вѣрно, повидимому, то, что нѣкоторые изъ близкихъ къ великому князю людей весьма сильно содѣйствуютъ его дурному настроенію". Нѣсколько далѣе Чарторыскій прямо заявлялъ, что „великій князь словно не желаетъ ни съ чѣмъ считаться и что по его образу дѣйствій можно было бы подумать, что онъ намѣренъ не останавливаться даже передъ крайностями. Врагъ не могъ бы болѣе вредить вашему императорскому величеству... Если бы ваше императорское величество даже и находило нужнымъ присутствіе великаго князя въ этой странѣ, то пусть онъ будетъ здѣсь лишь главнокомандующимъ войсками, но не правителемъ (administrateur) и судьею". Ходатайствуя въ томъ же письмѣ за нѣкоего Крюковецкаго, сидѣвшаго подъ арестомъ, Чарторыскій выражалъ опасеніе, что въ данномъ случаѣ, пожалуй, правосудіе будетъ безсильно, ибо „его высочество великій князь думаетъ, что правосудіе подчинено субординаціи, и что можно предписать судебный приговоръ". Въ другомъ письмѣ къ Александру I отъ того же 1815 г. Чарторыскій въ числѣ причинъ, замедлявшихъ реорганизацію страны, ставилъ „присутствіе великаго князя, поведеніе котораго получило такое направленіе, чтобы отнять всякую надежду относительно

[1]) Письмо отъ 17 (29) іюля 1815 г., когда были провозглашены лишь основы конституціи.

будущей судьбы страны, и сдѣлало непримѣнимыми многія реформы и предложенія, которыхъ правительство желало, но не могло осмѣлиться предпринять". Письма Чарторыскаго нерѣдко сообщаютъ и разные факты, извѣстные, впрочемъ, и изъ другихъ источниковъ. Уже въ одномъ письмѣ отъ 1816 г. онъ жалуется на то, что великій князь, нарушая предписаніе хартіи, послалъ въ Петербургъ свой проектъ организаціи военнаго министерства (commission de guerre), который долженъ былъ быть внесенъ въ государственный совѣтъ и подвергнуться установленнымъ обсужденіямъ.

Извѣстно, что у самого Александра I благосклонное отношеніе къ либерализму, выразившееся въ дарованіи Царству Польскому конституціи, подъ конецъ царствованія измѣнилось отчасти подъ вліяніемъ западно-европейскихъ событій и внушеній Меттерниха, отчасти подъ вліяніемъ оппозиціи, какую его проекты встрѣчали со стороны варшавскихъ сеймовъ. Первый сеймъ былъ открытъ Александромъ I лишь въ 1818 году. Рѣчь, которою императоръ открылъ сеймъ (15 (27) марта), произвела большое впечатлѣніе и за границей, и въ Россіи. Онъ говорилъ, что свободныя учрежденія были всегда предметомъ его попечительныхъ размышленій, и просилъ поляковъ доказать всему міру, что эти учрежденія вовсе не суть опасныя обольщенія, такъ какъ, будучи примѣнены съ искренними и благими намѣреніями, они не только не противорѣчатъ порядку, но и содѣйствуютъ истинному благоденствію народа. При этомъ онъ даже прямо указалъ на то, что современемъ онъ намѣренъ распространить благодѣянія свободныхъ учрежденій и на другія земли, находящіяся подъ его скипетромъ. Мало того, въ томъ обстоятельствѣ, что сеймъ отклонилъ одинъ изъ предложенныхъ ему законопроектовъ, Александръ I не безъ удовольствія усматривалъ доказательство независимости сейма. Извѣстно, однако, что вскорѣ послѣ того настроеніе императора стало измѣняться. Его уже нѣсколько обидѣлъ свободный тонъ одного представленія, въ которомъ сеймъ выражалъ нѣкоторыя свои желанія и отмѣчалъ нѣкоторыя несогласныя съ конституціей дѣйствія министровъ, и онъ даже выразилъ порицаніе палатѣ депутатовъ въ рескриптѣ, обращенномъ къ совѣту министровъ. Между тѣмъ собрался Ахенскій конгрессъ [1]), на которомъ много говорилось съ реакціонной точки зрѣнія о разныхъ случившихся тогда происшествіяхъ во Франціи и Германіи. Событія послѣдующихъ годовъ еще сильнѣе тревожили Александра, тѣмъ болѣе, что около этого времени и въ Польшѣ стали возникать тайныя общества. Общая реакціонная политика отразилась тогда одинаково и на Россіи, и на Польшѣ.

---

[1]) См. т. IV, стр. 321.

Въ сентябрѣ 1820 года былъ собранъ второй сеймъ Царства Польскаго и, хотя Александръ I попрежнему заявлялъ о своемъ расположеніи къ конституціоннымъ учрежденіямъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегалъ поляковъ отъ слѣдованія политическимъ теоріямъ эпохи и указывалъ на христіанскую мораль, какъ на единственную основу, которой слѣдуетъ держаться. На этотъ разъ сеймъ проявилъ уже весьма значительный оппозиціонный духъ, причемъ выдвинулись два брата Немоевскихъ, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго либерализма. Изъ всѣхъ предложеній правительства сеймомъ были приняты только два. Съ своей стороны Александръ I заявилъ, что къ польскому государственному устройству нечего примѣнять современныхъ конституціонныхъ теорій.

У Николая I явилась новая причина подозрительнаго отношенія къ полякамъ. Слѣдствіе по дѣлу декабристовъ открыло, что русскія тайныя общества находились въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ тайными обществами польскими. Многіе поляки были арестованы и преданы суду сената, который ихъ, однако, оправдалъ въ 1827 году. Поэтому Николай I короновался въ Варшавѣ польскою короною лишь въ 1829 году. Во время пребыванія его въ столицѣ Польши противъ него составленъ былъ новый заговоръ. Неудовольствіе поляковъ росло все болѣе и болѣе, несмотря на то, что Николай I соблюдалъ конституцію болѣе точнымъ образомъ, нежели его предшественникъ; они жаловались на то, что почти ни одна существенная статья конституціи не осталась въ силѣ. Между прочимъ сеймъ, который долженъ былъ созываться каждые два года, съ 1820 года не созывался до 1825 года. Несмотря на то, что предъ сеймомъ 1825 года были употреблены всѣ усилія, чтобы палата наполнилась людьми, пріятными правительству, и въ ней проявилось оппозиціонное направленіе, заставившее правительство отмѣнить публичность засѣданій сейма и принять разныя мѣры для того, чтобы послы сдѣлались болѣе сговорчивыми, а слѣдующій сеймъ былъ созванъ послѣ очень долгой отсрочки, именно лишь въ концѣ мая 1830 года. На этотъ разъ послы находились подъ несомнѣннымъ вліяніемъ политическаго возбужденія, царствовавшаго во Франціи, причемъ уже готовился вопросъ объ обвиненіи министровъ въ тотъ самый моментъ, когда сеймъ по истеченіи законнаго мѣсячнаго срока былъ закрытъ. Отношенія были болѣе, чѣмъ когда-либо, натянутыми въ то самое время, какъ въ Парижѣ вспыхнула іюльская революція. Понятно, что она не могла не отразиться на внутреннихъ отношеніяхъ Царства Польскаго.

Мы увидимъ, что іюльская революція, вызвавшая возстанія въ Бельгіи и Польшѣ, не прошла безслѣдно и для Германіи съ Италіей. Въ первой изъ этихъ странъ общественное движеніе, вызванное вой-

ною за освобожденіе 1813 года, около 1820 года должно было уступить мѣсто сильному реакціонному направленію. Послѣ знаменитыхъ Карлсбадскихъ постановленій 1819 года и Вѣнскаго заключительнаго акта 1820 г. [1]) реакція, повидимому, надолго нанесла ударъ нѣмецкому либерализму. Несмотря, однако, на это, броженіе въ Германіи все-таки поддерживалось, и событіе, совершившееся у сосѣдей, не могло не отозваться на отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Въ Брауншвейгѣ шла борьба между герцогомъ Карломъ и его подданными. Этотъ правитель не обращалъ никакого вниманія на законы страны, не созывалъ земскихъ чиновъ, произвольно увеличивалъ налоги, распродавалъ государственное имущество и вообще дѣйствовалъ съ большимъ самовластіемъ. Это вызывало жалобы на герцога въ союзный сеймъ, и между недовольными, обращавшимися въ это учрежденіе, были между прочимъ земскіе чины, которые въ 1829 г. собрались по собственной своей иниціативѣ для защиты стараго государственнаго устройства. Случилось такъ, что въ началѣ 1830 г. герцогъ, которому было не особенно пріятно оставаться въ странѣ при такихъ натянутыхъ отношеніяхъ, предпринялъ большое путешествіе за границу, попалъ въ Парижъ, былъ самъ свидѣтелемъ іюльскихъ дней и немедленно поспѣшилъ въ свою столицу, чтобы предотвратить здѣсь возможный взрывъ неудовольствія. Большое неудовольствіе существовало и въ Кургессенѣ, гдѣ съ 1821 г. царствовалъ Вильгельмъ II, человѣкъ крайне самовластный, расточительный и вмѣстѣ съ тѣмъ находившійся подъ вліяніемъ реакціонной политики Меттерниха. Населеніе курфюршества было особенно недовольно тяжелыми налогами и скандальной хроникой двора. Было броженіе и въ королевствѣ Саксонскомъ. Извѣстно, что между средними и малыми государствами Германіи Саксонія представляла изъ себя страну, гдѣ съ особою неприкосновенностью сохранились всѣ черты отжившаго стараго порядка [2]). Здѣсь именно съ особенною силою чувствовалось господство привилегированныхъ сословій и гнетъ правительственнаго произвола. Католическая династія этой протестантской страны находилась подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ, что̀ тоже было одною изъ причинъ народнаго неудовольствія. Послѣднее нашло даже выраженіе въ довольно значительныхъ безпорядкахъ, происшедшихъ по поводу празднованія въ іюнѣ 1830 года 300-лѣтняго юбилея Аугсбургскаго исповѣданія. Недовольны были, кромѣ того, своимъ положеніемъ населенія Альтенбурга, Зондерсгаузена и Шлезвигъ-Гольштейна, который былъ притомъ недоволенъ своимъ подчиненіемъ Даніи. Наконецъ, и

---

[1]) См. т. IV, стр. 365—366.

[2]) См. т. IV, стр. 356.

въ Ганноверѣ было довольно значительное неудовольствіе на правительство, которое, несмотря на существованіе въ этомъ королевствѣ съ 1819 года земскихъ чиновъ, правило совершенно неограниченно, поддерживало всѣ отжившіе законы и учрежденія и страшно увеличивало налоги (за 17 лѣтъ отъ 1813 до 1830 года вдвое). Во всѣхъ названныхъ странахъ іюльскій переворотъ вызвалъ революціонныя движенія, которыя не прошли безслѣдно для внутреннихъ отношеній большей части этихъ странъ.

Въ Италіи послѣ 1821 г., когда были подавлены неаполитанская и пьемонтская революціи, равнымъ образомъ господствовала реакція [1]). Старый карбонаризмъ [2]), однако, продолжалъ дѣйствовать, и та реакціонная роль, какую играла во всѣхъ государствахъ полуострова Австрія, только усиливала народное неудовольствіе, сообщая ему національно-патріотическій характеръ. Весьма любопытно, что около 1820 г. карбонаризмъ въ Италіи принялъ бонапартистскій характеръ. На этотъ разъ, однако, революціонное движеніе не коснулось ни Неаполя, ни Пьемонта, гдѣ еще памятны были пораженія 1821 г.

Таково было общее положеніе Западной Европы въ 1830 г. Мы видѣли, что въ международной политикѣ начинала создаваться новая группировка державъ, благодаря которой Священному союзу, повидимому, грозило полное распаденіе. Россія сближалась съ Франціей, Австрія была изолирована. Революція, совершившаяся въ Парижѣ, сдѣлала невозможнымъ союзъ Россіи съ Франціей. Распространеніе революціи на Бельгію, Польшу, Германію и Италію, въ свою очередь, должно было вернуть главныхъ членовъ Священнаго союза, т.-е. Австрію, Пруссію и Россію къ старой политикѣ, незадолго передъ тѣмъ покинутой преемникомъ виновника Священнаго союза. Съ другой стороны, революціонное движеніе внѣ Франціи искало поддержки въ этой послѣдней странѣ, надѣясь, что и на этотъ разъ, какъ то было раньше, Франція ополчится на защиту свободы народовъ, и нужно замѣтить, что среди самихъ французовъ было сильное движеніе въ пользу вмѣшательства въ революціонныя событія, происходившія въ другихъ государствахъ. Если послѣднее обстоятельство заставляло европейскія правительства держать себя настороже по отношенію къ Франціи, то и новому французскому правительству оно создавало не мало хлопотъ и затрудненій, такъ какъ на его собственное положеніе въ странѣ оказывала большое вліяніе его внѣшняя политика, которая постоянно подвергалась нападкамъ за то, что Франція отказывалась отъ роли вождя общеевропейской революціи.

[1]) Т. IV, стр. 335—336.

[2]) Т. IV, стр. 325.

II. Іюльская революція [1]).

Общій взглядъ на настроеніе Франціи передъ 1830 г.—Конфликтъ между правительствомъ и палатой. — Выборы въ новую палату. — Ордонансы 25 іюля. — Іюльскіе дни и поведеніе въ эти дни депутатовъ, журналистовъ, парижскаго народа и защитниковъ легитимизма. — Возведеніе на престолъ Людовика-Филиппа.—Конституціонная хартія 1830 г.

Вся исторія реставраціи во Франціи была исторіей борьбы между реакціей и либерализмомъ. Людовикъ XVIII еще желалъ поддерживать нѣкоторое равновѣсіе между обѣими враждующими партіями, но его преемникъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, не безъ основанія считался главою ультрароялистовъ и клерикаловъ. До 1827 г. господствующее положеніе въ палатѣ депутатовъ занимали роялисты, но выборы 1827 г. ознаменовались побѣдой либераловъ. Это обстоятельство, заставившее выйти въ отставку министерство Виллеля, не могло не отразиться на правительственной политикѣ, которая вынуждена была теперь вступить на путь уступокъ. Таково было значеніе министерства Мартиньяка, возбудившаго противъ себя весьма рѣзкую оппозицію со стороны реакціонныхъ партій. Мартиньяку не оставалось ничего болѣе, какъ искать поддержки у либераловъ, но тѣ не поняли своего положенія и въ союзѣ съ собственными своими врагами довели Мартиньяка до паденія. Карлъ X замѣнилъ министерство Мартиньяка министерствомъ Полиньяка, одного изъ самыхъ рѣзкихъ представителей реакціонной партіи. Это совершилось 8 августа 1829 г. и понято было во всей Франціи, какъ переходъ правительственной власти къ людямъ, отъ которыхъ нужно было ожидать всего худшаго: боялись даже ниспроверженія конституціи, возвращенія къ абсолютизму. Между тѣмъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ либерализмъ во

---

[1]) О фактахъ, разсказанныхъ въ началѣ главы, см. въ т. IV, стр. 406—407, 411, 416—421, 431—433. Литература по исторіи іюльской революціи и іюльской монархіи (кромѣ соч., указанныхъ на стр. 377, 390, 427 четвертаго тома): *Louis Blanc.* Histoire de dix ans (1830 — 1840). — *Nouvion.* Hist. du règne de Louis Philippe. 1857—1861 (въ орлеанистскомъ духѣ).—*K. Hillebrand.* Geschichte Frankreichs (1830—1871). 1877. Въ этомъ трудѣ разсказываются событія съ начала августа 1830 г., но къ нему позднѣе (1881) авторъ прибавилъ большое введеніе подъ заглавіемъ „Die Julirevolution und ihre Vorgeschichte (1814—1830), составляющее Ergänzungsheft zum I Bande.—*Л. Грегуаръ.* Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. 1893.—Du Bled. Histoire de la monarchie de Juillet. 1877.—*Thureau-Dangin.* Histoire de la monarchie de Juillet. 1887—1892. *D'Haussonville.* Histoire de la politique exterieure du gouvernement français (1830—1848). 1850.

Франціи сдѣлалъ большіе успѣхи. Либерализмъ усилился не въ одной палатѣ депутатовъ, онъ усилился еще и въ періодической прессѣ, усилился и въ обществѣ, нерѣдко принимая вмѣстѣ съ тѣмъ антидинастическій характеръ. Лозунгомъ либераловъ сдѣлалось—устраивать либеральныя демонстраціи, кричать виваты хартіи. Похороны популярныхъ политическихъ дѣятелей давали поводы къ внушительнымъ уличнымъ процессіямъ. Паденіе реакціонныхъ законопроектовъ праздновалось иллюминаціями и фейерверками, а одна иллюминація (по поводу либеральныхъ выборовъ 1827 г.) сопровождалась даже попыткою постройки баррикадъ. Смотръ національной гвардіи, устроенный въ 1827 г. Карломъ X, окончился оппозиціонной манифестаціей, послѣ чего король счелъ себя вынужденнымъ распустить національную гвардію. Составлялись общества (Aide-toi, le ciel t'aidera) для либеральной пропаганды, а послѣ назначенія Полиньяка—для сопротивленія взиманію налоговъ на тотъ случай, если бы хартія была уничтожена. Поѣздка Лафайета въ нѣкоторые департаменты превратилась въ цѣлый рядъ оппозиціонныхъ манифестацій. Роялистическая пресса подливала масла въ огонь, проповѣдуя, что на королѣ лежитъ обязанность по примѣру римскихъ диктаторовъ предотвращать опасности, грозящія государству. Многіе ультра-роялисты были недовольны тѣмъ, что Полиньякъ не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Чего можно было ожидать отъ самого Карла X, объ этомъ судили между прочимъ по тому, что на новогоднемъ пріемѣ 1830 г. онъ выразилъ свое неудовольствіе судьямъ, постановлявшимъ оправдательные приговоры по дѣламъ, которыя возбуждались правительствомъ противъ оппозиціонныхъ газетъ, а когда судьи подошли съ поздравленіями къ невѣсткѣ короля, герцогинѣ Ангулемской, она движеніемъ вѣера отклонила ихъ привѣтствіе и довольно рѣзкимъ тономъ сказала имъ: „проходите дальше“ (passez).

Черезъ два мѣсяца послѣ этого происшествія, именно 2 марта, король торжественно открылъ засѣданія палатъ. Карлъ X прочиталъ тронную рѣчь, въ которой было одно мѣсто, включенное въ нее министерствомъ, по ходившимъ тогда слухамъ, вслѣдствіе настояній самого короля и наиболѣе близкихъ къ нему лицъ. „Я не сомнѣваюсь, сказалъ онъ, что вы будете содѣйствовать осуществленію добра, къ которому я стремлюсь. Вы съ презрѣніемъ отвергнете злонамѣренныя инсинуаціи, которыя распространяютъ въ настоящее время. Если бы эти преступные происки стали создавать для моей власти препятствія, которыхъ я не могу и не хочу предвидѣть, то я нашелъ бы для ихъ преодолѣнія достаточную силу въ своей рѣшимости поддерживать общественный миръ, въ справедливомъ довѣріи французовъ и въ той любви, которую они всегда обнаруживали къ своему королю“. Произ-

нося эти слова, Карлъ X до такой степени взволновался, что выпустилъ изъ руки свою шляпу, которую поспѣшилъ поднять стоявшій тутъ герцогъ Орлеанскій. На громадное большинство палаты это заявленіе короля произвело самое тягостное впечатлѣніе. Въ немъ видѣли угрозу по отношенію ко всякой оппозиціи противъ министерства. Когда палата депутатовъ приступила къ выбору своего президента, громадное большинство голосовъ выпало на долю Ройе-Коллара, игравшаго роль одного изъ видныхъ вождей либеральной партіи [1]). Затѣмъ назначена была коммиссія для выработки проекта отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Составъ коммиссіи былъ оппозиціонный, и написанный ею адресъ вызвалъ въ палатѣ горячія пренія, окончившіяся побѣдой либераловъ: адресъ былъ принятъ большинствомъ 221 голоса противъ 181. „Въ основѣ всѣхъ дѣйствій администраціи, говорилось между прочимъ въ этомъ адресѣ, лежитъ въ настоящее время недовѣріе къ чувству и разуму Франціи; недовѣріе это глубоко огорчаетъ вашъ народъ, потому что оно оскорбительно для него; оно безпокоитъ его, потому что угрожаетъ его вольностямъ. Это недовѣріе не должно проникать въ ваше благородное сердце. Нѣтъ, ваше величество! Франція такъ же мало желаетъ анархіи, какъ вы сами желаете деспотизма; она достойна, чтобы вы вѣрили въ ея преданность, какъ она вѣритъ въ ваши обѣщанія. Пусть ваше величество выскажетъ, кого вы выбираете: тѣхъ ли, кто высказываетъ такое полное непониманіе вашей націи, спокойной, тихой и вѣрной, или насъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ повергающихъ къ стопамъ вашего величества горе цѣлаго народа, который жаждетъ уваженія и довѣрія своего короля“. Въ адресѣ прямо указывалось на то, что между правительствомъ и палатой нѣтъ болѣе никакой солидарности. Это было выраженіе недовѣрія министерству, которому послѣ такого заявленія слѣдовало бы подать въ отставку, но Карлъ X и его министры взглянули на дѣло совершенно иначе: они увидѣли въ этомъ заявленіи палаты нарушеніе права короля выбирать своихъ министровъ и даже чуть не прямое оскорбленіе, наносимое самому королю. 18-го марта Карлъ X въ торжественной аудіенціи принялъ палатскую депутацію, которая была уполномочена поднести адресъ. Онъ холодно выслушалъ чтеніе этого адреса Ройе-Колларомъ и затѣмъ объявилъ слѣдующее: „Я имѣлъ основаніе расчитывать на содѣйствіе обѣихъ палатъ для выполненія задуманнаго мною добра. Я глубоко огорченъ тѣмъ, что депутаты отъ департаментовъ отказываютъ мнѣ въ этомъ содѣйствіи. Господа, я заявилъ вамъ о своемъ рѣшеніи въ тронной рѣчи, открывшей сессію. Рѣшеніе это непоколебимо: интересъ моего народа

[1]) См. т. IV, стр. 255—256, 427.

запрещаетъ мнѣ измѣнять его. Мои министры сообщатъ вамъ о моихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ". Эта короткая рѣчь Карла X выслушана была съ гробовымъ молчаніемъ. На другой день засѣданія палаты были отсрочены до 1-го сентября, но всѣ очень хорошо понимали, что непокорная палата будетъ распущена. Понятное дѣло, что съ обѣихъ сторонъ стали готовиться къ борьбѣ: она всѣмъ казалась на этотъ разъ неизбѣжною, хотя никто съ точностью не предвидѣлъ, къ чему приведетъ эта борьба. Уже ранѣе, какъ мы видѣли, общественное возбужденіе было весьма напряженнымъ. Теперь оно проявилось еще съ бо́льшею силою. Съ обѣихъ сторонъ писались горячія политическія статьи. Оппозиціонные депутаты сдѣлались героями дня, которыхъ чествовали публичными банкетами въ то самое время, какъ ультрароялисты и клерикалы превозносили до небесъ твердость короля.

Вскорѣ послѣ этого съ прямымъ намѣреніемъ отвлечь общественное вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ правительство Карла X предприняло экспедицію противъ алжирскаго дея, поводомъ къ чему было оскорбленіе, нанесенное деемъ представителю Франціи. Въ іюлѣ французская армія заняла Алжиръ, и Карлъ X сильно расчитывалъ на то, что успѣхъ его оружія отзовется въ благопріятномъ для него смыслѣ на настроеніи французской націи. Еще 16-го мая палата депутатовъ была объявлена распущенной и издано было распоряженіе о производствѣ новыхъ выборовъ съ тѣмъ, чтобы засѣданія новой палаты открылись 3-го августа. Со стороны министерства были пущены въ ходъ всѣ средства для того, чтобы получить результаты, благопріятные для правительства. Даже самъ Карлъ X вмѣшался въ избирательную борьбу, обратившись къ націи съ манифестомъ, въ которомъ онъ, какъ отецъ и король французовъ, приглашалъ своихъ подданныхъ собраться во-едино подъ его знаменемъ. Дѣйствовало съ своей стороны и извѣстное уже намъ общество Aide-toi: оно организовало комитеты, поставившіе своею цѣлью переизбраніе 221 депутата, вотировавшихъ отвѣтный адресъ. Настроеніе въ Парижѣ дѣлалось все болѣе бурнымъ. Какъ-разъ въ это время столицу Франціи посѣтили король и королева Неаполитанскіе, и въ ихъ честь герцогъ Орлеанскій далъ блестящій балъ, на которомъ присутствовалъ и самъ Карлъ X. Одинъ изъ гостей замѣтилъ хозяину, что это настоящій неаполитанскій праздникъ, такъ какъ тутъ танцуютъ на вулканѣ. Дѣйствительно, въ ту же самую ночь въ дворцовомъ саду, на глазахъ у высокихъ гостей собравшаяся здѣсь случайная толпа произвела безпорядки, пытаясь сокрушать все, что ни попадалось подъ руку.—Выборы въ палату депутатовъ происходили въ серединѣ іюля. На нихъ оппозиція одержала блестящую побѣду, такъ какъ число либеральныхъ депутатовъ достигло до 272, и громадное большинство изъ 221 (именно 202)

было переизбрано; правительство же пріобрѣло только 145 голосовъ. Передъ Карломъ X теперь была двоякая дорога: ему оставалось только или дать отставку Полиньяку и назначить новое министерство, которое управляло бы въ согласіи съ либеральнымъ большинствомъ новой палаты, или предпринять расширеніе королевской прерогативы въ томъ смыслѣ, въ какомъ уже давно добивались этого ультрароялисты, говорившіе королю, что онъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ. Гордость не позволила Карлу X итти по первому изъ этихъ двухъ путей; второй путь ближе подходилъ къ тому взгляду, какой у Карла X составился относительно конституціонной хартіи, тѣмъ болѣе, что уже давнымъ-давно шла рѣчь о возможности, будто бы даваемой самой хартіей, выступить болѣе рѣшительно съ королевской прерогативой. Карлъ X и рѣшился итти этимъ вторымъ путемъ.

Извѣстно, что ст. 14 хартіи 1814 года предоставляла королю, между прочимъ, право „издавать регламенты и ордонансы, необходимые для исполненія законовъ и безопасности государства“ [1]). Карлъ X и его министры задумали воспользоваться широкимъ толкованіемъ этой статьи для того, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія. Нужно замѣтить, что уже гораздо раньше роялисты толковали въ томъ смыслѣ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ королевская власть можетъ стать выше законовъ не для того, чтобы сокрушить законы, а для того, чтобы ихъ утвердить. О готовившемся государственномъ переворотѣ говорили и въ обществѣ, говорили и въ дипломатическихъ сферахъ. Даже представители абсолютныхъ монархій не одобряли намѣренія французскаго правительства, и въ числѣ лицъ, опасавшихся печальнаго исхода, были и князь Меттернихъ, и императоръ Николай I. Виллель, съ такимъ искусствомъ нѣсколько лѣтъ занимавшій министерскій постъ, нарочно пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы отговорить Карла X отъ государственнаго переворота; а Виллель, какъ извѣстно, самъ принадлежалъ къ роялистамъ. Все было, однако, напрасно. 25-го іюля Карлъ X, жившій тогда въ Сенъ-Клу, въ засѣданіи совѣта министровъ подписалъ знаменитые ордонансы, опубликованіе которыхъ было ближайшимъ поводомъ взрыва революціи [2]). Первый ордонансъ уничтожалъ свободу періодической прессы и возстановлялъ цензуру въ томъ видѣ, какой она имѣла по закону 21-го окт. 1814 г. [3]). Газеты и журналы могли впредь издаваться въ Парижѣ и департаментахъ только по особому королевскому разрѣшенію, даваемому отдѣльно авторамъ и

---

[1]) См. т. IV, стр. 387.

[2]) Эти ордонансы перепечатаны между прочимъ въ приложеніи къ I тому „Исторіи десяти лѣтъ“ Луи Блана.

[3]) См. т. IV, стр. 390.

типографщику, причемъ это разрѣшеніе должно было быть возобновляемо каждые три мѣсяца и во всякое время могло быть взято назадъ. Въ департаментахъ временныя разрѣшенія могли даваться префектами. Далѣе, всѣ изданія ниже 20 печатныхъ листовъ могли появляться лишь съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ и префектовъ въ департаментахъ. Даже отчеты о судебныхъ процессахъ и публикаціи ученыхъ и литературныхъ обществъ подлежали предварительной цензурѣ, если только касались политическихъ вопросовъ. Вторымъ ордонансомъ распускалась только-что избранная палата депутатовъ. Эта мѣра мотивировалась „происками, имѣвшими мѣсто въ разныхъ частяхъ королевства съ цѣлью обмана и введенія въ заблужденіе избирателей“. Въ третьемъ ордонансѣ дѣлалась ссылка опять на „пагубное вліяніе“ этихъ происковъ и указывалось, съ одной стороны, на неудобство существующихъ правилъ избранія и на право короля „подавлять всякое предпріятіе, наносящее ущербъ достоинству короны“. Этотъ ордонансъ совершенно измѣнялъ всю прежнюю избирательную систему въ смыслѣ расширенія административныхъ воздѣйствій и ограниченія избирательныхъ правъ лишь однимъ классомъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Четвертый ордонансъ предписывалъ совершеніе выборовъ на 6-ое и 18-ое сентября и созывалъ палаты на 28-ое число того же мѣсяца. Кромѣ этихъ четырехъ ордонансовъ, изданы были еще два, которыми назначались членами государственнаго совѣта лица, извѣстныя крайне реакціоннымъ направленіемъ. Издавая эти ордонансы, правительство не приняло никакихъ мѣръ противъ возможности возстанія, полагаясь на увѣренія министра полиціи, что Парижъ останется совершенно спокойнымъ. Любопытно, что и для либеральной буржуазіи происшедшее въ Парижѣ возстаніе народа было, въ сущности, неожиданностью, такъ какъ народъ, который по конституціи 1814 года вслѣдствіе высокаго избирательнаго ценза не пользовался никакими политическими правами, не имѣлъ непосредственнаго интереса защищать хартію. Сами либералы или вовсе не расчитывали на содѣйствіе народной массы, или даже прямо говорили, что въ случаѣ ихъ пораженія народъ не воспрепятствуетъ ихъ казни [1]).

Мы сдѣлаемъ теперь самый бѣглый очеркъ такъ называемыхъ „іюльскихъ дней“, чтобы потомъ подробнѣе разсмотрѣть въ отдѣльности поведеніе въ эти дни либеральныхъ депутатовъ, журналистовъ, парижскаго населенія и защитниковъ легитимизма, включая въ ихъ число и самого Карла X.

Іюльскіе ордонансы были опубликованы 26-го числа, но въ этотъ

[1]) См. т. IV, стр. 384.

день лишь немногіе узнали объ ихъ существованіи и поняли ихъ значеніе. Въ этотъ день только депутаты и журналисты собирались для того, чтобы обсудить положеніе дѣлъ и свой будущій образъ дѣйствій, да кое-гдѣ на улицахъ кричали: „да здравствуетъ хартія! долой министровъ!“ 27-го іюля въ двухъ газетахъ появился протестъ журналистовъ, и на улицахъ и площадяхъ стали составляться толпы народа и начали происходить стычки съ полиціей и войсками; въ этотъ же день было разграблено нѣсколько оружейныхъ лавокъ и стали строиться баррикады. Къ вечеру волненіе, повидимому, стало успокаиваться, но за ночь на всѣхъ главныхъ улицахъ Парижа выстроены были громадныя баррикады. Утромъ 28-го іюля колокольный звонъ на всѣхъ парижскихъ церквахъ сталъ призывать народъ къ возстанію. Скоро громадная толпа овладѣла ратушей и водрузила на ней трехцвѣтное знамя, бывшее знаменемъ первой революціи и имперіи Наполеона. При этомъ все чаще и чаще раздавались крики: „долой Бурбоновъ!“ Тогда же изъ либеральныхъ депутатовъ стало образовываться временное правительство. Маршалъ Мармонъ, у котораго было слишкомъ мало войска для того, чтобы справиться съ движеніемъ, послалъ въ Сенъ-Клу сказать королю о необходимости уступокъ, но прежде чѣмъ могъ прійти оттуда какой-либо отвѣтъ, побѣда уже склонилась на сторону революціи. Войско не особенно было расположено сражаться съ народомъ, и отдѣльные отряды начали прямо переходить на сторону инсургентовъ. За ночь на 29-ое іюля были выстроены новыя баррикады, а днемъ народъ овладѣлъ Тюльерійскимъ и Луврскимъ дворцами, заставивъ маршала Мармона отступить съ остатками своего войска. Теперь окончательно организовалось временное правительство и собралась національная гвардія, во главѣ которой сталъ Лафайетъ. Лишь послѣ этого Карлъ X взялъ назадъ свои ордонансы, назначилъ трехъ новыхъ министровъ, разрѣшилъ снова основать національную гвардію и созывалъ палаты на 3-ье августа. Эти уступки пришли слишкомъ поздно: 30-го іюля уже поставлена была кандидатура герцога Орлеанскаго, которому депутаты, находившіеся въ Парижѣ, предложили стать во главѣ движенія съ титуломъ намѣстника королевства. 31-го іюля герцогъ принялъ этотъ титулъ, что́ было лишь прелюдіей къ возведенію его на престолъ. Карлъ X поспѣшилъ утвердить герцога въ новомъ санѣ въ надеждѣ на то, что Людовикъ-Филиппъ будетъ дѣйствовать въ его интересахъ. Когда, однако, его положеніе въ Сенъ-Клу сдѣлалось не безопаснымъ, онъ переѣхалъ въ Рамбулье, гдѣ, желая, по крайней мѣрѣ, спасти корону для своей династіи, онъ въ формѣ письма на имя намѣстника королевства подписалъ отреченіе отъ престола за себя и за дофина въ пользу своего внука, герцога Бордосскаго. Послѣдній былъ тогда еще ребенкомъ и

во время его малолѣтства управлять государствомъ въ качествѣ намѣстника королевства долженъ быть герцогъ Орлеанскій. И эта мѣра оказалась запоздалою. Въ началѣ августа Карлу X съ семействомъ пришлось покинуть территорію Франціи для того, чтобы искать убѣжища въ Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, онъ и прожилъ до 1832 года, переселившись затѣмъ въ Австрію [1]).

Переходимъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію того, какъ вели себя отдѣльные общественные элементы во время этого кризиса. Начнемъ съ оппозиціонныхъ депутатовъ, которые въ концѣ іюля находились въ Парижѣ. Въ самый же день опубликованія ордонансовъ (26 іюля) они два раза собирались, чтобы переговорить о положеніи дѣлъ. Первое собраніе было у Казимира Перье, второе—у Лаборда. Но никакихъ рѣшеній собравшимися депутатами не было принято: до такой степени они растерялись и не знали, что имъ дѣлать. 27 числа у Казимира Перье было новое собраніе, на которомъ опять-таки никакихъ рѣшеній принято не было. Одинъ современникъ говоритъ, что никогда онъ не видалъ въ одномъ мѣстѣ такого большого числа перетрусившихъ людей. Разошлись, чтобы на другой день сойтись снова у депутата Одри-де-Пюираво. Этотъ депутатъ, предложивъ свою квартиру для совѣщанія депутатовъ, нарочно оповѣстилъ объ этомъ многихъ инсургентовъ, которые на другой день и пришли слушать у открытыхъ оконъ перваго этажа, о чемъ будутъ говорить депутаты. На этомъ собраніи (28 іюля) присутствовалъ, между прочимъ, Лафайетъ, которому пришлось сыграть вообще столь видную роль въ этомъ переворотѣ. Депутатъ Могенъ первый заявилъ, что представителямъ народа приходится стать во главѣ революціи, выбирая между королевскою гвардіею и народомъ, который уже началъ тогда возстаніе. Но многіе присутствовавшіе съ этимъ не соглашались и говорили о необходимости вступить въ переговоры съ маршаломъ Мармономъ. На этотъ разъ, однако, былъ составленъ Гизо протестъ депутатовъ „противъ мѣръ, которыя совѣтники короны, искажая намѣренія монарха, только-что предприняли для низверженія законной системы выборовъ и на гибель свободы печати“. Вмѣстѣ съ этимъ въ протестѣ говорилось о неизмѣнной вѣрности депутатовъ королю и конституціонной хартіи. Изъ этого видно, что собравшіеся у Пюираво депутаты (ихъ было, впрочемъ, только 20 человѣкъ) вовсе еще не думали о перемѣнѣ династіи. Только къ вечеру нѣкоторые депутаты стали понимать, что побѣда парижскаго народа должна будетъ имѣть

---

[1]) Онъ умеръ въ 1836 году, а 8 лѣтъ спустя скончался и сынъ его, герцогъ Ангулемскій. Что касается до герцога Бордосскаго (Генриха V), то онъ умеръ въ Австріи же въ 1883 году.

болѣе рѣшительныя слѣдствія. Наконецъ, 29-го іюля, когда побѣда была уже окончательно на сторонѣ народа, тридцать депутатовъ, собравшихся у Лафитта, рѣшились стать во главѣ движенія, хотя дѣло и тутъ не обошлось безъ одного комическаго эпизода. Въ это время уже многіе отряды войска перешли на сторону народа. Одинъ изъ такихъ отрядовъ отправился къ дому Лафитта, чтобы отдать себя въ распоряженіе депутатовъ, и передъ этимъ домомъ выстрѣлилъ въ воздухъ, чѣмъ навелъ паническій страхъ на депутатовъ, попрятавшихся кто гдѣ могъ. Лишь послѣ того, какъ недоразумѣніе разъяснилось, учрежденъ былъ особый комитетъ для завѣдованія дѣлами управленія до возстановленія порядка. Въ составъ этого комитета вошли Лафиттъ, Казиміръ Перье и нѣкоторые другіе депутаты, но они не рѣшились назвать себя временнымъ правительствомъ, принявъ имя муниципальной коммиссіи.

Гораздо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе вели себя журналисты, уже 26 іюля рѣшившіеся протестовать противъ нарушенія хартіи. Въ редакціи газеты „National“, во главѣ которой стояли Тьеръ, Минье и Арманъ Каррель [1]), собрались редакторы и сотрудники оппозиціонныхъ газетъ. Здѣсь по иниціативѣ Тьера былъ составленъ протестъ, который рѣшено было на другой же день опубликовать во всѣхъ либеральныхъ газетахъ. „Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, говорилось въ этомъ документѣ, нерѣдко возникали слухи, будто законы будутъ нарушены и будто совершится государственный переворотъ. Здравый смыслъ общества отказывался этому вѣрить. Министерство отвергало это предположеніе, какъ клевету. Однако, въ Монитерѣ обнародованы, наконецъ, эти достопамятные ордонансы, представляющіе собою самое очевидное нарушеніе законовъ. Итакъ, легальный порядокъ прерванъ: началось господство силы. Въ томъ положеніи, въ какое мы поставлены, повиновеніе перестаетъ быть долгомъ. Граждане, которые первыми призываются къ повиновенію, суть сотрудники газетъ; они же первыми должны дать примѣръ сопротивленія власти, лишившей себя характера законности... Предметы, которыхъ касаются сегодняшніе ордонансы, относятся къ числу тѣхъ, о которыхъ на основаніи хартіи королевская власть одна не можетъ дѣлать постановленій“. Далѣе, протестъ дѣлалъ ссылку на ст. 8 и 35 хартіи, по которымъ печать и выборы должны были регулироваться законами, а не ордонансами, и продолжалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „сама корона до сихъ поръ признавала эти статьи; она вовсе и не думала вооружаться противъ нихъ ни въ силу якобы принадлежащей ей учредительной власти, ни въ силу права, не-

[1]) См. т. IV, стр. 429.

вѣрно выводимаго изъ статьи 14. Въ самомъ дѣлѣ, каждый разъ, когда правительство въ виду обстоятельствъ, которыя считало важными, желало измѣненія въ законахъ о печати или въ избирательной системѣ, оно всегда обращалось къ обѣимъ палатамъ... Королевская власть, слѣдовательно, признавала и сама исполняла эти самыя 8 и 35 статьи и по отношенію къ нимъ не приписывала себѣ ни учредительной, ни диктаторской власти, которыя нигдѣ не существуютъ. Суды,—говорилось далѣе,—пользующіеся правомъ толкованія законовъ, признали торжественно тѣ же самые принципы... Они разсматривали, какъ оскорбленіе правительству, предположеніе о томъ, что оно прибѣгнетъ къ ордонансамъ въ вопросахъ, которые могутъ рѣшаться лишь путемъ закона... [1]). Итакъ, теперь правительство нарушило законность. Мы освобождены отъ обязанности повиноваться; мы попробуемъ издавать наши газеты, не испрашивая разрѣшенія, къ чему насъ принуждаютъ, и мы употребимъ всѣ усилія, чтобы, по крайней мѣрѣ, сегодня наши листки могли распространиться по всей Франціи". Въ заключеніе къ своему протесту журналисты высказывали свой взглядъ и на положеніе вопроса о выборахъ. „Намъ нечего, говорили они, указывать незаконно распущенной палатѣ, какъ она должна исполнить свой гражданскій долгъ. Но мы можемъ умолять ее отъ имени всей Франціи опереться на свое очевидное право и, насколько ей это будетъ возможно, оказать сопротивленіе нарушенію законовъ... Хартія въ ст. 50 говоритъ, что король можетъ распускать палату депутатовъ, но для этого нужно, чтобы она была въ сборѣ, чтобы депутаты уже образовали изъ себя палату, чтобы, наконецъ, она проявила дѣятельность, способную вызвать ея распущеніе. Но до собранія, до образованія палаты существуютъ только выборы. Однако, нигдѣ хартія не говоритъ, чтобы король могъ кассировать выборы. Ордонансы, обнародованные сегодня, какъ-разъ кассируютъ выборы, а потому они незаконны, ибо предписываютъ то, на что хартія ихъ не уполномочиваетъ. Избранные депутаты, которые созваны на 3-ье августа, такимъ образомъ избраны и созваны совершенно правильно и законно. Ихъ право сегодня такое же, какимъ было вчера. Франція ихъ умоляетъ этого не забывать. Все, что будетъ въ ихъ власти сдѣлать для того, чтобы доставить торжество этому праву,—они обязаны это сдѣлать". Протестъ оканчивался указаніемъ на то, что журналисты намѣрены сопротивляться незаконнымъ требованіямъ власти, поскольку послѣднія касаются ихъ самихъ, предоставляя уже всей Франціи судить о томъ, до какого предѣла

[1]) Ссылка на нѣкоторые судебные приговоры противъ газетъ, обвинявшихся правительствомъ въ министерство Полиньяка; см. т. IV, стр. 433.

ей нужно будетъ довести свое собственное сопротивленіе. Этотъ протестъ [1]), несомнѣнно, былъ весьма смѣлымъ актомъ, грозившимъ опасностью всѣмъ, кто его подписалъ, и онъ заключалъ въ себѣ совершенно вѣрную съ точки зрѣнія конституціоннаго права оцѣнку ордонансовъ Карла X. Обнародованіе этого воззванія имѣло поэтому своею цѣлью разъяснить націи настоящее значеніе государственнаго переворота. Но одно дѣло было составить и подписать протестъ, другое дѣло—его напечатать. Хотя весьма многія редакціи присоединились къ протесту, однако, не всѣ имѣли возможность его опубликовать. На другой день, т.-е. 27 іюля, полиція приступила къ закрытію типографій оппозиціонныхъ газетъ. Въ типографіи газеты „National“, въ которой былъ напечатанъ протестъ, полиція выломала двери и испортила станки, при протестахъ главнаго редактора и его сотрудниковъ. При этой сценѣ присутствовала толпа, кричавшая: „да здравствуетъ хартія! долой министровъ!“. Полиція явилась сдѣлать то же самое и въ типографіи газеты „Temps“. Собственники газеты выставили весь персоналъ редакціи и типографіи въ два ряда передъ своимъ домомъ, а сами стали у входныхъ дверей. Конечно, на это зрѣлище сбѣжалось много народа. Когда появился полицейскій коммиссаръ съ цѣлымъ отрядомъ сержантовъ, одинъ изъ собственниковъ газеты, Бодъ, отказался его впустить. „Вы, сказалъ онъ ему, требуете, чтобы я открылъ вамъ двери, и ссылаетесь на ордонансы, а я во имя закона требую, чтобы вы уважали мою собственность“. Коммиссаръ послалъ тогда за слесаремъ, который могъ бы отпереть или сломать дверной замокъ. Слесарь скоро явился, но Бодъ прочиталъ ему статью уголовнаго кодекса, грозящую каторжной работой за кражу со взломомъ. Послѣ минутнаго колебанія слесарь отказался исполнить требованіе полиціи при громкихъ аплодисментахъ публики. Послали за другимъ слесаремъ, и въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ новому слесарю полиція грозила, а толпа не давала сломать замокъ. Наконецъ, коммиссаръ послалъ въ префектуру полиціи, откуда и былъ присланъ рабочій, занимавшійся заковываніемъ преступниковъ въ кандалы; онъ и сломалъ замокъ. На все это отъ появленія полиціи до вторженія ея въ типографію газеты потребовалось около семи часовъ. Тѣмъ не менѣе и „National“, и „Temps“ выходили и въ послѣдующіе дни, разъясняя публикѣ совершавшіяся событія. Вообще изъ всѣхъ журналистовъ самую видную и вліятельную роль въ эти дни игралъ Тьеръ. Мы еще увидимъ, какое участіе принималъ онъ въ дѣлѣ возведенія на престолъ герцога Орлеанскаго. Онъ принадлежалъ къ той части либеральной партіи, которая со-

[1]) Перепечатанъ цѣликомъ въ приложеніи къ I тому соч. Луи Блана.

ставляла антидинастическую оппозицію и, проводя параллель между французской и англійской исторіей, указывала на вторую англійскую революцію, какъ на примѣръ, достойный подражанія и для Франціи [1]).

На массу парижскаго населенія ордонансы 25-го іюля подѣйствовали еще рѣшительнѣе. Сначала 26-го іюля появленіе ордонансовъ въ Монитёрѣ произвело впечатлѣніе на биржу, гдѣ тотчасъ же пала цѣна нѣкоторыхъ бумагъ, и произошло еще небольшое волненіе въ галлереяхъ и въ саду Пале-Рояля, да въ домѣ Полиньяка были выбиты стекла. До какой степени въ этотъ день нельзя было еще предвидѣть возстанія—объ этомъ между прочимъ можетъ свидѣтельствовать такой фактъ. Когда нѣкоторые изъ бывшихъ карбонаріевъ стали говорить объ удобствѣ этого момента для того, чтобы вызвать революцію, Тьеръ охладилъ ихъ пылъ увѣреніемъ, что народъ не двинется. Таково было убѣжденіе и многихъ другихъ либеральныхъ дѣятелей, но то же самое думало и правительство. Дѣло въ томъ, однако, что ордонансы появились въ этотъ день слишкомъ поздно и въ мало распространенной газетѣ и потому не могли тотчасъ же произвести свое дѣйствіе. Но на другой день было уже совсѣмъ не то. Содержатели типографій, полагая, что новое распоряженіе о печати значительно сократитъ ихъ работу, распустили своихъ рабочихъ; такъ же поступили нѣкоторые фабриканты; многіе лавочники тоже закрыли свои заведенія и ихъ приказчики и служащіе были въ этотъ день свободны. Быть можетъ, что все это сдѣлано было не безъ умысла, дабы вызвать волненіе. На улицахъ и площадяхъ, дѣйствительно, стали собираться народныя толпы. Протестъ журналистовъ, который жадно читался всѣми, производилъ свое дѣйствіе. Назначеніе въ высшей степени непопулярнаго Мармона главнокомандующимъ только подливало масла въ огонь. Такія сцены, какъ тѣ, которыя произошли при закрытіи типографій, газетъ „National“ и „Temps“, равнымъ образомъ дѣйствовали на толпу возбуждающимъ образомъ. Чѣмъ болѣе разросталось это движеніе, тѣмъ все болѣе и болѣе хозяева торговыхъ и промышленныхъ заведеній закрывали свои конторы, магазины, мастерскія, и весь служащій и рабочій людъ выходилъ на улицу. Появились и прокламаціи, обращенныя къ уничтоженной въ 1827 году національной гвардіи: ее убѣждали выступить на защиту законовъ противъ произвола. Мѣстами стали даже появляться мундиры національной гвардіи. Къ движенію присоединились многочисленная учащаяся молодежь Парижа и бывшіе наполеоновскіе солдаты; послѣдніе ока-

[1]) См. т. IV, стр. 392. Не забудемъ, что Тьеръ былъ авторомъ первой большой исторіи франц. революціи; см. т. IV, стр. 290.

зались потомъ особенно полезными возстанію, благодаря своимъ военнымъ знаніямъ. Кое-гдѣ пытались строить баррикады. Между тѣмъ съ другой стороны не принималось никакихъ мѣръ для усмиренія возстанія, хотя стычки между народомъ и военными патрулями начались довольно рано. Къ вечеру, однако, Мармонъ счелъ нужнымъ усилить эти отряды, и вскорѣ дѣло дошло до кровопролитія. Нѣсколько человѣкъ было ранено, нѣсколько— убито, и трупы убитыхъ торжественно были пронесены по улицамъ города, что́, конечно, еще болѣе усилило народное раздраженіе. Возстаніе 27-го іюля было чисто стихійнымъ народнымъ движеніемъ: оно никѣмъ не было подготовлено; у него не было еще вождей; возставшіе еще сами не знали, къ какому опредѣленному результату имъ нужно было стремиться. Старый боевой крикъ: „да здравствуетъ хартія!“ и теперь, повидимому, объединялъ движеніе. Къ ночи на улицахъ водворилась тишина, и весь Парижъ погрузился въ глубокій мракъ, такъ какъ бо́льшая часть фонарей или была переломана, или просто не была зажжена. На самомъ дѣлѣ, однако, народъ готовился къ дальнѣйшему сопротивленію. Старые карбонаріи постарались наскоро организовать въ отдѣльныхъ частяхъ города комитеты возстанія, и гдѣ только было возможно, воздвигались баррикады, которыя должны были препятствовать движенію войскъ и служить прикрытіемъ для возставшихъ. На другой день, т.-е. 28 іюля, возстаніе въ Парижѣ было уже въ полномъ разгарѣ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ колоколенъ раздался набатный звонъ. Въ этотъ день выступила и національная гвардія, во главѣ которой впослѣдствіи сталъ Лафайетъ. Въ регулярной арміи уже стала проявляться борьба между солдатскимъ долгомъ и гражданскимъ чувствомъ, и это повлекло за собою потомъ переходъ многихъ солдатъ на сторону народа, который почти вездѣ являлся побѣдителемъ. Несмотря, однако, на все это, трудно было сказать, къ чему должно было привести это движеніе, хотя въ этотъ день уже кое-гдѣ ломали королевскіе гербы и эмблемы, кричали: „долой Бурбоновъ!“ и вывѣшивали трехцвѣтное знамя. Если такимъ образомъ въ этотъ день движеніе и стало принимать антидинастическій характеръ, то еще никто не зналъ, чѣмъ могла бы быть замѣнена монархія Бурбоновъ; даже 30-го іюля газеты еще не рѣшались объяснить, что́ совершалось, и сдѣлать отсюда какіе-либо опредѣленные выводы. Между тѣмъ, 29-го іюня съ переходомъ части войскъ на сторону революціи побѣда вполнѣ уже была въ рукахъ народа. Карлъ X теперь былъ готовъ на уступки, и депутаты, еще разъ собравшіеся у Лафитта, все еще думали уладить дѣло новыми переговорами съ королемъ; но журналисты Тьеръ и Минье рѣшительно заявили, что послѣ всего совершившагося рѣчь можетъ итти только

о перемѣнѣ династіи, — мнѣніе, къ которому присоединился и Лафиттъ. (На слѣдующій день Тьеръ и Минье выпустили цѣлую массу летучихъ листковъ, въ которыхъ высказывались въ смыслѣ перемѣны династіи въ пользу герцога Людовика-Филиппа Орлеанскаго). Уличная борьба окончилась 29 іюля. Въ три дня этой борьбы со стороны народа пало 780 человѣкъ, со стороны солдатъ — 163. Одною изъ замѣчательныхъ особенностей „іюльскихъ дней“ было то, что народная толпа сама останавливала всѣ попытки къ совершенію кражъ и грабежей.

Но какъ и предъ началомъ возстанія, такъ и послѣ побѣды народная масса не имѣла никакого опредѣленнаго представленія о томъ, къ чему эта побѣда должна привести. Въ одномъ всѣ были согласны: Бурбоны, которые дважды были навязаны Франціи силою иностраннаго оружія, теперь были совершенно невозможны, а затѣмъ оставалось три исхода: установленіе республики, перемѣна королевской династіи, или возвращеніе къ имперіи. Но это была эпоха наименѣе благопріятная для бонапартизма, и выборъ могъ быть лишь между конституціонной монархіей съ новой династіей и съ измѣненною хартіей, съ одной стороны, и республикой, съ другой. Послѣднія числа іюля и первыя числа августа рѣшили этотъ вопросъ въ смыслѣ возведенія на престолъ герцога Орлеанскаго, который уже давнымъ-давно былъ кандидатомъ анти-бурбонской оппозиціи, и потому можно сказать, что возведеніе на престолъ этого принца не было случайностью: либералы и гораздо раньше тяготѣли къ Орлеанской династіи [1]). Только подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій и депутаты, собравшіеся 30-го іюля у Лафитта, стали говорить о низложеніи Карла X. Между тѣмъ они назначили формальное засѣданіе въ Palais-Bourbon, а Тьеръ отправился лично въ Нёйльи, помѣстье герцога Орлеанскаго, гдѣ тотъ въ это время проживалъ, и сталъ настаивать на томъ, чтобы герцогъ поскорѣе пріѣхалъ въ Парижъ и вмѣшался въ событія, совершавшіяся въ столицѣ. О личномъ поведеніи герцога въ эти дни рѣчь будетъ итти еще впереди — въ связи съ прошлымъ и вообще съ характеромъ этого короля, возведеннаго на престолъ революціей 1830-го года. Здѣсь же мы ограничимся самыми необходимыми фактами. Заявленіе кандидатуры герцога Орлеанскаго въ прокламаціи 30-го іюля было встрѣчено многими весьма сочувственно, но у этого кандидата были противники: это были сравнительно немногочисленные республиканцы, которые тоже выпустили и развѣсили на стѣнахъ Парижа прокламацію, требовавшую предоставить рѣшеніе судьбы Франціи

---

[1]) См. т. III, стр. 409, 603 и 604 и т. IV, стр. 397 и 425.

самому народу и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлявшую о необходимости до рѣшенія дѣла соблюдать слѣдующіе принципы: королевская власть отмѣняется; право прямого или косвеннаго участія въ выборѣ депутатовъ предоставляется всѣмъ гражданамъ; повсемѣстно должна быть возстановлена національная гвардія, и т. д. Либеральные депутаты менѣе всего думали о демократической республикѣ и потому не особенно благопріятно отнеслись къ этой прокламаціи, но она нашла зато очень много сторонниковъ въ парижскомъ населеніи, наканунѣ совсѣмъ еще и не думавшемъ о республикѣ. Для депутатовъ поэтому при ихъ желаніи сохранить монархію для Франціи наиболѣе подходящимъ кандидатомъ на престомъ былъ герцогъ Орлеанскій. Если подъ давленіемъ народнаго движенія муниципальная коммиссія, объявляя о томъ, что Карлъ X пересталъ царствовать, и обѣщала предоставить народу самому рѣшить вопросъ о будущей формѣ правленія, то на самомъ дѣлѣ она сильно склонялась на сторону Орлеанской династіи. Въ высшей степени важенъ былъ переходъ на ту же точку зрѣнія героя первой революціи и одного изъ вождей либерализма въ эпоху реставраціи, Лафайета. Его сочувствіе было на сторонѣ республики, но онъ не рѣшался итти противъ большинства депутатовъ и не хотѣлъ взять на себя отвѣтственность за провозглашеніе республики. Онъ даже, какъ разсказываютъ, прямо заявилъ, что „герцогъ Орлеанскій есть лучшая изъ республикъ“. Депутаты, собравшіеся 30-го іюля въ зданіи палаты, послали къ герцогу Орлеанскому депутацію съ приглашеніемъ поскорѣе прибыть въ Парижъ для исполненія обязанностей намѣстника королевства. Пѣшкомъ и въ партикулярномъ платьѣ Людовикъ-Филиппъ въ ночь съ 30 на 31-го іюля прибылъ изъ своей загородной резиденціи въ Пале-Рояль, но, повидимому, въ этотъ моментъ у него не было еще твердаго рѣшенія, какъ поступить. Лишь послѣ того, какъ уполномоченные депутатовъ сказали ему, что всякое промедленіе съ его стороны будетъ лишь на руку республиканцамъ, онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе. Онъ самъ вслѣдъ за этимъ продиктовалъ декларацію парижскому населенію, въ которой говорилось о принятіи имъ званія намѣстника королевства отъ депутатовъ, находящихся въ Парижѣ, для предотвращенія междоусобной войны и анархіи и давалось обѣщаніе въ томъ, что палаты займутся обсужденіемъ вопроса о способахъ обезпечить господство законовъ и права націи, послѣ чего „хартія будетъ истиной“. Въ народѣ эта прокламація была встрѣчена довольно равнодушно. Въ дальнѣйшемъ герцогу Орлеанскому была, однако, оказана весьма существенная услуга со стороны Лафайета, который попрежнему пользовался громадной популярностью и авторитетомъ среди парижскаго населенія. Дѣло въ томъ, что герцогъ Орле-

анскій рѣшился въ сопровожденіи почти цѣлой сотни депутатовъ поѣхать изъ Пале-Рояля въ ратушу, чтобы принять тамъ власть отъ членовъ муниципальной коммиссіи. И вотъ Лафайетъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ и подъ руку съ герцогомъ Орлеанскимъ вышелъ на балконъ ратуши передъ собравшимся народомъ. Когда Людовикъ-Филиппъ еще ѣхалъ только туда, протискиваясь чрезъ толпу, настроеніе народа было по отношенію къ нему не особенно дружелюбное, и многіе даже боялись, какъ бы герцогъ не былъ убитъ во время своего проѣзда. Теперь же его появленіе подъ руку съ Лафайетомъ вызвало цѣлую бурю восторга. На обратномъ пути въ Пале-Рояль его даже привѣтствовали съ особою горячностью. Вечеромъ въ Парижѣ была по случаю радостнаго событія устроена иллюминація.

Республиканцы не хотѣли такъ скоро сдаться. Такъ называемое „Общество друзей народа“ продолжало требовать, чтобы созвано было національное собраніе для измѣненія хартіи въ смыслѣ идеи народовластія и чтобы этой хартіи новый монархъ присягнулъ до своего вступленія на престолъ. Въ этомъ духѣ была составлена въ ратушѣ программа, о которой Лафайетъ высказался весьма сочувственно, но которая практическаго значенія не имѣла. Все дѣло ограничилось только тѣмъ, что Лафайетъ съѣздилъ къ герцогу Орлеанскому и заявилъ ему, что „Франціи нуженъ тронъ, окруженный республиканскими учрежденіями“. Онъ вполнѣ удовлетворился отвѣтомъ герцога, заявившаго, что онъ вполнѣ предоставляетъ палатамъ опредѣлить условія его будущей королевской власти. Лафайету даже удалось успокоить многихъ патріотовъ ручательствомъ въ томъ, что герцогъ Орлеанскій будетъ настоящимъ конституціоннымъ монархомъ и что республиканское королевство для Франціи лучшая форма правленія.

Какъ же вели себя во время этого кризиса роялисты? Они не выставили ни одного волонтера, который сталъ бы съ оружіемъ въ рукахъ защищать права короля. Въ палатѣ пэровъ только одинъ Шатобріанъ протестовалъ съ нѣкоторою энергіей противъ низложенія Бурбоновъ. Это одно показываетъ, какъ мало было сколько-нибудь истинныхъ приверженцевъ у старой династіи. Карлъ X не могъ даже положиться на армію. Въ ней стало сильно развиваться дезертирство, особенно послѣ того, какъ распространилось извѣстіе, что самъ король утвердилъ герцога Орлеанскаго въ званіи намѣстника королевства. Министры, давшіе Карлу X совѣтъ о государственномъ переворотѣ, поспѣшили спастись бѣгствомъ за границу. Нѣкоторымъ это удалось, но другіе—и въ ихъ числѣ Полиньякъ—были схвачены и заключены въ Венсенскій замокъ. Мы уже видѣли, что самъ Карлъ X, не считая себя безопаснымъ въ Сенъ-Клу, переѣхалъ

въ Рамбулье, гдѣ и подписалъ свое отреченіе отъ престола въ пользу маленькаго внука. Наконецъ и въ Рамбулье Карлу X долѣе нельзя было оставаться. Въ началѣ августа онъ выѣхалъ оттуда въ Шербургъ и въ серединѣ того же мѣсяца былъ уже въ Англіи. Онъ еще, однако, не успѣлъ покинуть французской территоріи, когда совершившійся фактъ былъ уже признанъ всею націей. Примѣру парижанъ послѣдовало населеніе нѣкоторыхъ другихъ городовъ, и въ Ліонѣ, напр., также произошло народное возстаніе. Повсемѣстно въ городахъ и селахъ водружалось трехцвѣтное знамя, но нигдѣ не было замѣтно движенія въ пользу Бурбоновъ. Самый отъѣздъ Карла X изъ Рамбулье былъ вызванъ цѣлымъ народнымъ походомъ, направившимся изъ Парижа на этотъ городъ и нигдѣ не встрѣтившимъ сопротивленія. Правда, король ѣхалъ въ Шербургъ подъ охраною оставшихся ему вѣрными гвардейскихъ полковъ, совершая очень короткіе переѣзды въ надеждѣ на возникновеніе междоусобной войны, но очень скоро ему пришлось убѣдиться въ неосновательности этой надежды.

3-го августа герцогъ Орлеанскій открылъ засѣданіе палаты рѣчью, въ которой указалъ на совершенныя правительствомъ нарушенія конституціи, приведшія къ возстанію, и объявилъ объ отреченіи отъ престола Карла X и его старшаго сына, ни словомъ, впрочемъ, не упомянувъ, что это отреченіе сдѣлано было въ пользу малолѣтняго Генриха V. Съ своей стороны онъ обѣщалъ употребить всѣ усилія для обезпеченія законности и свободы, равно какъ неприкосновенности хартіи. Громадное большинство депутатовъ старалось замять вопросъ о правѣ палаты безъ особаго полномочія народа измѣнять конституцію, республиканская же партія именно и старалась выдвинуть этотъ самый вопросъ впередъ, производя въ такомъ смыслѣ агитацію въ парижскомъ населеніи. Это послѣднее обстоятельство только заставило большинство палаты поторопиться съ окончаніемъ дѣла. Подъ вліяніемъ главнымъ образомъ Гизо и герцога Броля (Broglie) особая коммиссія передѣлала хартію 1814 года, изложивъ всѣ измѣненія въ объявленіи, которое и было принято большинствомъ 219 голосовъ противъ 33. Это объявленіе было отнесено собраніемъ герцогу Орлеанскому 7-го августа. Выслушавъ чтеніе названнаго документа, Людовикъ-Филиппъ сказалъ, что видитъ въ объявленіи палаты выраженіе народной воли, что ему самому всегда были дороги изложенные здѣсь принципы и что онъ согласенъ на предложенныя ему условія. И на этотъ разъ онъ вмѣстѣ съ Лафайетомъ вышелъ на балконъ, и оба они предъ собравшимся народомъ пожали другъ другу руки. Въ тотъ же день къ Людовику-Филиппу явилась депутація пэровъ, чтобы сообщить о присоединеніи и верхней

палаты къ объявленію палаты депутатовъ и принести „королю-гражданину“ увѣреніе въ своей преданности. 9-го августа Людовикъ-Филиппъ принесъ торжественную присягу конституціи, составленной на основаніи объявленія 7-го августа, и вступилъ на престолъ подъ именемъ Людовика-Филиппа, короля французовъ. Онъ царствовалъ во Франціи, какъ извѣстно, до конца февраля 1848 года, когда новая революція низвергла и „іюльскій тронъ“.

На этомъ мы пока и остановимся въ изложеніи французскихъ событій 1830 года, чтобы въ другомъ мѣстѣ подвергнуть обсужденію общій смыслъ іюльскаго переворота въ связи съ разсмотрѣніемъ тѣхъ условій, какія были имъ созданы для политическаго существованія Франціи въ 18-лѣтній періодъ Орлеанской монархіи. Теперь же мы познакомимся съ тѣми перемѣнами, какія были произведены въ государственномъ устройствѣ Франціи въ началѣ августа 1830 года.

Конституція, которая управляла Франціей съ 1830 по 1848 г., была въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ конституціонной хартіи 1814 года. Въ своей декларації 7-го августа палата депутатовъ объявляла, что вслѣдствіе удаленія Карла X-го и всего королевскаго семейства съ французской территоріи тронъ Франціи сдѣлался вакантнымъ. Во-вторыхъ, палата объявляла, что „по желанію и въ интересѣ французскаго народа вступленіе въ конституціонную хартію уничтожается“ [1]), какъ оскорбительное для національнаго достоинства, такъ какъ въ этомъ вступленіи дѣло представляется такимъ образомъ, будто французамъ были дарованы права, которыя существенно имъ принадлежатъ“. Другими словами, хартія 1830 года должна была заключать въ себѣ признаніе за французской націей политическихъ правъ не въ силу добровольной уступки со стороны королевской власти, а потому, что права эти составляютъ неотъемлемое достояніе націи. Въ этой же декларації говорилось еще, что герцогъ Орлеанскій призывается на французскій тронъ, т.-е. что онъ будетъ царствовать не въ силу какого-либо своего наслѣдственнаго права, а по приглашенію французскаго народа. Ко всему этому прибавлялось, что герцогъ Орлеанскій „будетъ приглашенъ принять и утвердить своей присягой условія и обязательства, изложенныя въ этой декларації, и соблюденіе конституціонной хартіи со сдѣланными въ ней измѣненіями“. Такимъ образомъ въ 1830 г. во Франціи снова принципъ народнаго верховенстна приходилъ на смѣну принципу божественнаго права королей, хотя, нужно замѣтить, принципъ народнаго верховенства и не былъ достаточно ясно выраженъ ни въ этой декларації, ни въ измѣненной конституціонной хартіи. Соб-

[1]) См. т. IV, стр. 386—387.

ственно говоря, депутаты ссылались болѣе на обстоятельства, чѣмъ на какую-либо теорію. Они говорили именно „о повелительной необходимости“, созданной іюльскими событіями, объ „общемъ положеніи, въ какомъ очутилась Франція вслѣдствіе нарушенія конституціонной хартіи“, объ „общемъ и настоятельномъ интересѣ французскаго народа“. Дальнѣйшія измѣненія хартіи были такого рода. Католическая церковь переставала считаться государственной религіей и превращалась въ религію, исповѣдуемую большинствомъ французовъ (ст. 6-я), какъ это было сказано и въ наполеоновскомъ конкордатѣ [1]). Религіозная церемонія коронаціи уничтожалась и замѣнялась королевскою присягой конституціи въ присутствіи обѣихъ палатъ (ст. 65). Возстановленіе цензуры запрещалось самымъ положительнымъ образомъ (ст. 7), и давалось обѣщаніе, что преступленія по дѣламъ печати, равно какъ преступленія политическія, будутъ принадлежать суду присяжныхъ (ст. 69). Знаменитая 14-ая статья хартіи 1814 года, на основаніи которой Карлъ X считалъ себя въ правѣ издать свои іюльскіе ордонансы, была измѣнена въ такомъ смыслѣ, чтобы подобныя нарушенія конституціи сдѣлались невозможными. Вмѣсто „права издавать регламенты и ордонансы для исполненія законовъ и безопасности государства“, какъ было сказано въ конституціи 1814 года, король получалъ теперь право издавать „регламенты и ордонансы, необходимые для исполненія законовъ, но безъ права когда-либо останавливать дѣйствіе самихъ законовъ и разрѣшать ихъ неисполненіе“ (ст. 13). Хартія Людовика XVIII ограничивала отвѣтственность министровъ лишь случаями измѣны и взяточничества, новая конституція (ст. 69) обѣщала изданіе спеціальнаго закона объ отвѣтственности министровъ и другихъ агентовъ исполнительной власти. Прежняя конституція лишь за однимъ королемъ признавала законодательную инициативу, которая теперь распространилась одинаково на обѣ палаты (ст. 15), причемъ за королемъ было признано и право veto (ст. 17). Палата депутатовъ могла теперь сама выбирать своего президента (ст. 37), который прежде назначался королемъ изъ пяти кандидатовъ, предлагавшихся палатою, а засѣданія палаты пэровъ дѣлались публичными (ст. 27), тогда какъ привилегіей этой прежде пользовалась лишь одна палата депутатовъ. Хартія производила, далѣе, перемѣны въ избирательномъ правѣ (пониженіе возраста депутатовъ съ 40 до 30 лѣтъ, а возраста избирателей—съ 30 до 25 лѣтъ, уничтоженіе такъ называемаго double vote, обязанность переизбранія для депутатовъ, получившихъ платныя должно-

---

[1]) См. т. IV, стр. 121.

сти и т. п. [1]) Всякіе исключительные и чрезвычайные суды запрещались (ст. 54). Вмѣстѣ съ этимъ хартія обѣщала реорганизацію національной гвардіи съ правомъ участія подчиненныхъ въ выборѣ офицеровъ, реформу департаментскихъ и муниципальныхъ учрежденій на выборномъ началѣ, свободу образованія и т. п. (ст. 69). Какъ и хартія 1814 г., конституція 1830 г. не дѣлаетъ никакого различія между учредительною и законодательною властями [2]), но зато особою статьею „настоящая хартія и всѣ права, ею освященныя, поручались патріотизму и мужеству національной гвардіи и всѣхъ французскихъ гражданъ". Всѣ эти измѣненія были не чѣмъ инымъ, какъ выполненіемъ обѣщаній, данныхъ въ упоминавшейся выше декларації. Въ палатѣ депутатовъ хартія была принята 219 голосами противъ 33 [3]). Три члена протестовали во имя божественнаго права; одинъ членъ требовалъ, чтобы формально былъ провозглашенъ принципъ народовластія; другой доказывалъ необходимость подвергнуть новый конституціонный актъ всенародному принятію (какъ это дѣлалось въ эпоху революціи и при Наполеонѣ [4]); третій предлагалъ созвать избирательныя коллегіи для выбора особыхъ депутатовъ, которые уже и выбрали бы короля. Въ числѣ лицъ, отстаивавшихъ новую хартію, былъ Бенжаменъ Констанъ, который принималъ участіе въ коммиссіи, ее вырабатывавшей [5]). Палата пэровъ, въ которой собралось очень мало членовъ, тоже приняла эту хартію. Существенными къ ней дополненіями были законы о пониженіи ценза для избирателей съ 300 до 200 франковъ, а для избираемыхъ—съ 1000 до 500 [6]) и о составѣ палаты пэровъ. Благодаря первому закону, число избирателей болѣе, чѣмъ удвоилось: прежде ихъ было около 90 т., теперь стало около 200 т., что, конечно, было очень мало для тридцатимилліонной націи. Что касается до палаты пэровъ, то ст. 68 хартіи обѣщала въ ближайшемъ будущемъ пересмотръ статьи 23 прежней хартіи, въ которой говорилось о назначеніи пэровъ. Это обѣщаніе было исполнено въ концѣ 1831 года, когда былъ изданъ законъ въ замѣну упомянутой статьи. Прежде право короля назначать пэровъ не подвергалось никакимъ ограниченіямъ, теперь же прямо указывались тѣ категоріи лицъ, изъ которыхъ король только и могъ вы-

---

[1]) О double vote см. т. IV, стр. 388, а о переизбраніи т. III, стр. 60 и т. IV, стр. 304.

[2]) Объ этомъ различіи см. т. III, стр. 470 и т. IV, стр. 305 и 466.

[3]) Всѣхъ членовъ было 430.

[4]) Т. III, стр. 609—610 и 620 и т. IV, стр. 92—93, 96, 101 и 237.

[5]) О Бенжаменѣ Констанѣ и его политической теоріи см. т. IV, стр. 298 и слѣд.

[6]) О цензѣ по хартіи 1814 г. см. т. IV, стр. 388.

бирать пэровъ, но при этомъ каждый разъ нужно было указывать на заслуги даннаго лица и на основанія его назначенія, а само званіе пэра могло быть только пожизненнымъ. Лица, имѣвшія право сдѣлаться пэрами, назывались въ законѣ 1831 го notabilités.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, касавшихся новаго французскаго правительства, былъ вопросъ о томъ, въ какое отношеніе станетъ іюльская монархія къ политическимъ усложненіямъ, которыя возникли на континентѣ Европы подъ вліяніемъ іюльской революціи.

III. Вліяніе іюльской революціи на Европу [1]).

Бельгійская революція. — «Ноябрьское возстаніе» въ Польшѣ. — Революціонныя движенія въ Германіи и Италіи. — Впечатлѣніе, произведенное революціонными движеніями 1830 года на монархическія правительства. — Рѣшеніе бельгійскаго и греческаго вопросовъ. — Возобновленіе союза между Австріей, Пруссіей и Россіей.

Первою страною, испытавшею на себѣ вліяніе іюльской революціи, была Бельгія. Мы уже видѣли, до какой степени были натянуты въ этой странѣ взаимныя отношенія правительства и націи [2]). Въ то самое время, когда въ Парижѣ произошла революція, бельгійскіе города готовились къ празднованію пятидесяти-восьмой годовщины рожденія своего короля (24 августа), и все было, повидимому, совершенно спокойно. На самомъ дѣлѣ, однако, радикальная партія, желавшая извлечь пользу изъ іюльской революціи для своей родины, готовилась къ дѣятельному выступленію и обнародовала краткую программу празднествъ въ честь годовщины рожденія короля: въ поне-

---

[1]) Бельгія (и Голландія): *Th. Juste.* Le soulevement de la Hollande et la fondation des Pays-Bas. 1870. — *Hymans.* Hist. parlementaire de la Belgique de 1814 à 1830. 1869.—*De Bavay.* Histoire de la révolution belge de 1830.—*Nothomb.* Essai historique et politique sur la révolution belge. (Въ 1876 г. вышло четвертое изд., сдѣланное *Juste*'омъ). — *Th. Juste* Les fondateurs de la nationalité belge.—*Его же* Le congrès national de Belgique (1830—1831). 1880.—Польша: Кромѣ сочиненій, указанныхъ на стр. 22, см. *Araminski*: Histoire de la révolution polonaise.—*F. v. Schmitt.* Geschichte des polnischen Aufstandes und Krieges. 1848 (2 изд.)—Германія: *Treitschke.* Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert, IV Bd. — *Mucke.* Politische Bewegungen von 1830—1835 (1875)—*Bursian.* Der Aufstand in Braunschweig. 1858.—*B. Bauer.* Geschichte der konstitutionellen und revolutionären Bewegungen im südlichen Deutschland. (1831—1834). 1845)—Италія: *Cantu.* Storia di cente anni. *Его же.* Della indipendenza Italiana. Кромѣ того, соч. по исторіи Италіи *Рейхлина*, *Сорена* и др. (ср. т. IV, стр. 10).

[2]) См. выше, стр. 16—18.

дѣльникъ фейерверкъ, во вторникъ иллюминація, въ среду революція. 25 августа въ Брюсселѣ давали оперу Фенелла, содержаніе которой взято изъ неаполитанскаго возстанія Мазаньелло (въ серединѣ XVII в.) противъ испанскаго владычества. Народныя сцены этой оперы своимъ революціоннымъ характеромъ произвели на зрителей сильное впечатлѣніе, и каждый малѣйшій намекъ, какой въ этихъ сценахъ можно было только усмотрѣть по отношенію къ обстоятельствамъ, переживавшимся Бельгіей, со стороны публики подчеркивался бурными рукоплесканіями. Это воодушевленіе изъ театральной залы передалось и народной толпѣ, стоявшей передъ зданіемъ оперы. Послѣ представленія народная масса бросилась къ типографіи газеты „National“, издававшейся на правительственныя деньги, и къ дому, въ которомъ жилъ редакторъ этой газеты [1]), разрушила типографскіе станки и разграбила винный погребъ редактора. Въ ту же ночь народъ сжегъ отель министра юстиціи фанъ-Маанена, въ которомъ видѣли главнаго виновника ненавистной системы, и разрушила домъ директора полиціи. На другой день безпорядки приняли еще болѣе грозный характеръ, пока не организовалась наскоро гражданская гвардія, которой наконецъ и удалось возстановить спокойствіе на улицахъ Брюсселя. Одновременно съ этимъ образовался комитетъ, взявшій въ свои руки власть. О характерѣ движенія можно судить по тому, что королевскіе гербы были повсюду сняты или просто переломаны, а на ратушѣ было вывѣшено трехцвѣтное (черно-желто-красное) брабантское знамя вмѣсто королевскаго штандарта.

Изъ Брюсселя движеніе быстро распространилось и на другіе города. Но цѣли, къ какимъ должна была стремиться начавшаяся революція, понимались различно какъ ея вождями, такъ и участниками. Одни вовсе не думали объ отторженіи отъ Голландіи, желая лишь получить извѣстную административную автономію; другіе, наоборотъ, мечтали о превращеніи Бельгіи въ самостоятельное монархическое или республиканское государство; третьи полагали, что наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса было бы сліяніе страны съ Франціей. На первыхъ порахъ, однако, ни одна партія не имѣла достаточнаго перевѣса надъ другими, и многіе считали возможнымъ уладить дѣло посредствомъ соглашенія съ королемъ, къ которому въ Гагу и была отправлена депутація съ просьбой объ увольненіи фанъ-Маанена и объ установленіи отвѣтственности министровъ. Вильгельмъ I не шелъ ни на какія уступки, заявивъ депутаціи, что намѣренъ дѣйствовать въ согласіи съ генеральными штатами, которые должны были собраться 13 сентября. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ своего стар-

[1]) См. выше, стр. 18.

шаго сына, принца Вильгельма Оранскаго, въ Брюссель для успокоенія умовъ, поручивъ въ то же время другому своему сыну, принцу Фридриху, привести въ Брюссель войска, находившіяся въ Антверпенѣ. Требованіе принцевъ, чтобы въ городѣ были возстановлены королевскіе гербы и чтобы не дѣлалось никакой помѣхи вступленію въ городъ королевскаго войска, снова вызвало въ Брюсселѣ страшное народное волненіе, и въ одну ночь на улицахъ города было построено полсотни баррикадъ. Какъ ни старался принцъ Оранскій, котораго впустили въ городъ лишь съ небольшою свитою, расположить къ себѣ бельгійцевъ ласковымъ и уступчивымъ обращеніемъ, но извѣстіе объ отвѣтѣ, данномъ брюссельской депутаціи его отцомъ, дѣлало невозможнымъ какое бы то ни было соглашеніе. Нѣкоторыя лица совѣтовали принцу послѣдовать примѣру герцога Орлеанскаго, да и находившіеся въ Брюсселѣ депутаты генеральныхъ штатовъ передали ему, что народъ бельгійскій желаетъ совершеннаго отдѣленія южныхъ провинцій отъ сѣверныхъ, съ сохраненіемъ между ними лишь одной династической связи. Такъ ни съ чѣмъ и покинулъ принцъ Оранскій брабантскую столицу, гдѣ между тѣмъ (9 сентября) организовалось временное правительство.

Вильгельма I въ его упорномъ сопротивленіи требованіямъ бельгійцевъ поддерживало сочувствіе, какое его образу дѣйствій выказывало населеніе Голландіи, видѣвшее въ бельгійцахъ достойныхъ самаго строгаго усмиренія бунтовщиковъ. Когда бельгійскіе депутаты пріѣхали въ Гагу на засѣданія генеральныхъ штатовъ, они были весьма враждебно приняты своими голландскими товарищами. Голландскія войска горѣли нетерпѣніемъ итти на усмиреніе мятежныхъ подданныхъ короля. Открывая генеральные штаты, Вильгельмъ I, къ великому удовольствію голландцевъ, еще разъ заявилъ, что отъ него партійныя страсти никогда не дождутся никакихъ уступокъ. Отвѣтъ этотъ вызвалъ въ Брюсселѣ новыя волненія, которыми пожелали воспользоваться для достиженія своихъ цѣлей члены вновь организованнаго республиканско-радикальнаго клуба, стремившагося при помощи народа вырвать власть изъ рукъ временнаго правительства. Въ двадцатыхъ числахъ сентября дѣло дошло дѣйствительно до новаго возстанія въ Брюсселѣ. Инсургенты овладѣли городомъ и заставили временное правительство спасаться бѣгствомъ. Многіе зажиточные граждане, принадлежавшіе къ умѣренной партіи, обратились къ принцу Вильгельму, стоявшему недалеко отъ Брюсселя съ значительнымъ войскомъ, и стали просить его занять городъ, но попытка, какую сдѣлалъ принцъ, чтобы овладѣть городомъ, встрѣтила сильное сопротивленіе со стороны вооруженнаго народа, храбро сражавшагося на баррикадахъ.

Борьба продолжалась цѣлые три дня—23, 24 и 25 сентября („сентябрьскіе дни") и окончилась отступленіемъ голландскаго войска. Въ эти знаменательные дни успѣло образоваться въ Брюсселѣ новое временное правительство, и видную роль въ немъ сталъ вскорѣ играть Поттеръ [1]), возвратившійся на родину изъ изгнанія на другой день послѣ побѣды. Однимъ изъ первыхъ актовъ этого временнаго правительства было освобожденіе бельгійскихъ солдатъ отъ присяги, данной ими голландскому правительству. Скоро въ рукахъ голландцевъ осталось только четыре крѣпости. Лишь послѣ всего этого король рѣшился итти на уступки, лишь бы сохранить Бельгію за своей династіей. Онъ снова отправилъ на югъ принца Оранскаго, давъ ему самыя широкія полномочія. Напрасно, однако, хлопоталъ принцъ удержать Бельгію подъ властью своего отца. Въ странѣ теперь уже господствовала партія, стремившаяся къ полной независимости Бельгіи, и потому прокламація принца, въ которой онъ обѣщалъ странѣ особую администрацію, широкую свободу въ школьномъ дѣлѣ и полную политическую амнистію, не произвела никакого дѣйствіи на народъ (5 окт.). Инсургенты требовали теперь удаленія голландскихъ войскъ изъ бельгійской территоріи и предоставленія бельгійскому національному конгрессу рѣшить вопросъ о томъ, какъ нужно устроить политическую будущность страны. Во второй своей прокламаціи (16 окт.) принцъ и на это соглашался, предлагая себя въ вожди движенія, но получилъ въ отвѣтъ заявленіе временнаго правительства, что бельгійскій народъ самъ съ оружіемъ въ рукахъ завоевалъ свою свободу, которая потому не нуждается въ чьемъ-либо утвержденіи (19 окт.). Вскорѣ послѣ этого временное правительство, наскоро организовавшее армію волонтеровъ, рѣшило отнять у голландцевъ Антверпенъ, къ которому король приказалъ стянуть свои главныя военныя силы. Когда инсургенты приблизились къ этому городу, въ немъ тоже вспыхнула революція и даже сдѣлано было нападеніе на крѣпкую цитадель, въ которой заперлось голландское войско. Начальникъ цитадели тогда началъ бомбардировку города изъ трехсотъ орудій. Она продолжалась семь часовъ (27 октября), но въ концѣ концовъ голландскій гарнизонъ долженъ былъ оставить городъ. Это событіе сдѣлало примиреніе окончательно невозможнымъ. Національный конгрессъ, созванный въ Брюсселѣ временнымъ правительствомъ, провозгласилъ независимость Бельгіи и низложеніе Оранскаго дома (18 ноября). Поттеръ предлагалъ учредить въ Бельгіи республику, но конгрессъ постановилъ основать конституціонную монархію съ новой династіей, которая была бы выбрана по соглашенію

[1]) См. выше, стр. 17—18.

съ иностранными державами. Недовольный такимъ рѣшеніемъ, Поттеръ уѣхалъ въ Парижъ.

Прошло лишь нѣсколько дней послѣ провозглашенія независимости брюссельскимъ національнымъ конгрессомъ, какъ вспыхнула революція и въ Варшавѣ. Извѣстія о паденіи трона Бурбоновъ во Франціи и о революціи въ Бельгіи воспламенили значительную часть польскаго общества, и уже въ концѣ ноября въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе, получившее названіе ноябрьскаго (powstanie listopadowe).

Только за мѣсяцъ до взрыва парижской революціи окончилъ свои засѣданія послѣдній сеймъ конституціоннаго Царства Польскаго [1]). Оппозиціонное настроеніе пословъ этого сейма не только оживило надежды людей, принимавшихъ участіе въ политическихъ заговорахъ, но и сообщилось провинціальной шляхтѣ. Своимъ посламъ, возвращавшимся съ сейма, она устраивала торжественные пріемы. Воеводскіе совѣты стали посылать варшавскому правительству представленія, написанныя въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Оппозиція центральнымъ административнымъ учрежденіямъ сдѣлалась какъ бы общимъ лозунгомъ. Вѣсти, приходившія изъ Франціи о конфликтѣ между королемъ и народнымъ представительствомъ, только усиливали броженіе, а когда совершилось паденіе Бурбоновъ, въ Польшѣ отнеслись къ этому событію съ нескрываемою радостью. У многихъ варшавскихъ общественныхъ дѣятелей были личныя связи въ Парижѣ, гдѣ не безъ удовольствія смотрѣли на возможность революціи и въ Польшѣ, такъ какъ эта революція создала бы затрудненіе для русскаго императора, въ которомъ видѣли главнаго покровителя легитимизма. Рѣчи, говорившіяся въ Парижѣ объ освобожденіи всѣхъ народовъ и въ частности о свободѣ поляковъ, дѣлались извѣстными въ Польшѣ и усиливали надежды, какія громадное большинство польскаго общества возлагало на помощь Франціи. Никто, однако, не зналъ истиннаго положенія дѣлъ, взаимныхъ отношеній между кабинетами, содержанія дипломатическихъ переговоровъ, и всѣ поэтому придавали слишкомъ большое значеніе заявленіямъ отдѣльныхъ парламентскихъ или клубныхъ ораторовъ за границей. Не знали, напр., того, что новое французское правительство вовсе не намѣрено было вмѣшиваться въ чужія дѣла, и что однимъ изъ результатовъ іюльской революціи было закрѣпленіе ослабѣвшаго за послѣднее время союза между Австріей, Пруссіей и Россіей, т.-е. какъ-разъ между тремя державами, которыя участвовали въ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой.

Сигналъ къ возстанію противъ русскаго правительства былъ поданъ изъ военнаго училища молодыми юнкерами, воспитывавши-

[1]) См. выше, стр. 29.

мися взаперти, подъ строгой военной дисциплиной, представлявшими себѣ окружавшую ихъ дѣйствительность въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она должна была являться имъ на основаніи тайныхъ разговоровъ. Въ эту школу проникли конспиративныя стремленія, существовавшія въ обществѣ. Въ этой школѣ возникъ заговоръ, о которомъ, конечно, узнали и нѣкоторые политическіе дѣятели страны, вовсе, однако, не предвидѣвшіе, что заговорщики предпримутъ что-либо рѣшительное на собственный страхъ. Были, впрочемъ, и другіе тайные кружки, которые тотчасъ же послѣ начала возстанія превратились въ „якобинскіе“ клубы. Великому князю Константину Павловичу доносили о броженіи, совершавшемся въ Варшавѣ, но онъ не вѣрилъ этимъ донесеніямъ и даже въ своихъ рапортахъ Николаю I писалъ, что „ручается за спокойствіе Польши“. Утромъ того самаго дня, въ концѣ котораго началось возстаніе, онъ еще не вѣрилъ возможности революціи, и раздраженный противорѣчіемъ тѣхъ, которые ему докладывали о томъ, что она готовится, воскликнулъ: „если такъ, то пусть же поскорѣе начинается эта революція“. Особенно казалась невѣроятною революція великому князю и польскимъ министрамъ потому, что, какъ на главный очагъ заговора, указывали на упомянутую „школу подхорунжихъ“.

Въ нашъ планъ не входитъ разсказывать самыя событія возстанія 1830—1831 г. Движеніе началось съ нападенія вечеромъ 29 ноября двадцати подхорунжихъ подъ начальствомъ поручика Высоцкаго на бельведерскій дворецъ, въ которомъ жилъ великій князь. Одновременно съ этимъ населеніе Варшавы было призвано къ оружію подъ тѣмъ предлогомъ, будто русскіе жгутъ городъ. Великій князь счелъ себя вынужденнымъ покинуть городъ (а вскорѣ затѣмъ и самое Царство Польское). Уже въ первые дни къ повстанцамъ стали примыкать польскіе полки, на вѣрность которыхъ великій князь полагался, какъ на каменную гору. На первыхъ порахъ успѣхъ революціи былъ, повидимому, полный. Но уже съ самаго начала среди поляковъ образовались двѣ партіи: консервативно-аристократическая партія, желавшая только измѣненія конституціи по образцу французской партіи и думавшая добиться этого путемъ переговоровъ съ императоромъ, и партія радикально-демократическая, стремившаяся къ совершенной національной независимости Польши и находившая нужнымъ дѣйствовать рѣшительно и смѣло. Вскорѣ образовалось временное правительство. Оно состояло изъ людей первой партіи, но его образъ дѣйствій казался обществу измѣною національному дѣлу, и въ составъ правительства были включены вожди партіи революціонной. Консерваторы, опасаясь того, что горячность демагоговъ лишь испортитъ дѣло, настояли тогда на установленіи диктатуры, которая съ обязанностью организаціи арміи и

была ввѣрена генералу Хлопицкому. Диктаторъ и его совѣтники вступили въ переговоры съ русскимъ правительствомъ, въ то же время стараясь воздержать революціонную партію отъ перенесенія возстанія за предѣлы Царства Польскаго въ другія земли, входившія раньше въ составъ Рѣчи Посполитой. Когда въ самомъ концѣ 1830 г. (20 дек.) собрался сеймъ, онъ утвердилъ диктатуру Хлопицкаго, приставивъ къ нему, однако, наблюдательную коммиссію изъ сенаторовъ и земскихъ пословъ, и издалъ манифестъ, въ которомъ оправдывалъ все совершившееся дѣйствіями русскаго правительства. Въ то же время, однако, онъ послалъ въ Петербургъ изложеніе желаній польской націи, требуя, чтобы конституція впредь строго исполнялась и чтобы къ Царству Польскому были присоединены земли, принадлежавшія прежде Польшѣ. Императоръ отвѣтилъ, что требуетъ безусловной покорности и что лишь въ такомъ случаѣ все совершившееся будетъ предано забвенію. Въ январѣ [1]) 1831 (17 числа) Хлопицкій, не поладившій съ сеймовой коммиссіей, сложилъ съ себя диктатуру, и управленіе перешло въ руки особаго комитета (кн. Адамъ Чарторыскій, историкъ Лелевель и др.), а черезъ недѣлю (25 января) сеймъ объявилъ, что домъ Романовыхъ пересталъ царствовать въ Польшѣ. Однако, тотъ же самый сеймъ отвергъ, черезъ три мѣсяца, предложеніе надѣлить крестьянъ землею и замѣнить барщину оброкомъ, который подлежалъ бы выкупу [2]), и этимъ лишилъ себя возможности вызвать настоящую народную войну.

Между тѣмъ вслѣдъ за сеймовымъ объявленіемъ 25-го января русскія войска вступили въ Царство Польское. Началась ожесточенная борьба, во время которой сдѣланы были неудачныя попытки возбудить общее возстаніе въ Литвѣ и на Волыни. Сначала поляки имѣли нѣкоторый успѣхъ. Послѣ сраженія при Гроховѣ, недалеко отъ Варшавы (25 февраля), русскіе вынуждены были отступить, и польская армія въ маѣ рѣшилась перейти черезъ Бугъ, и только пораженіе, нанесенное ей при Остроленкѣ (26 мая), заставило ее отступить назадъ. Вскорѣ послѣ этого русскій главнокомандующій, графъ Дибичъ-Забалканскій, умеръ отъ холеры, а назначенный на его мѣсто Паскевичъ-Эриванскій перешелъ Вислу въ прусскихъ владѣніяхъ и явился подъ Варшавой. Въ столицѣ Польши произошло тогда народное возстаніе противъ консервативно-аристократической партіи, которую стали обвинять въ измѣнѣ. Послѣ двухдневнаго штурма Варшавы со стороны ея предмѣстья Воли (6—7 сентября) городъ

---

[1]) Даты приводятся по новому стилю.

[2]) Крестьяне получили личную свободу въ 1807 г., но крестьянская земля сдѣлалась при этомъ полною собственностью помѣщиковъ. Т. IV, стр. 171 и 520.

долженъ былъ сдаться русскому фельдмаршалу. Вскорѣ затѣмъ сдались и польскія крѣпости Модлинъ и Замостье. Остатки польской арміи въ количествѣ 24 т. человѣкъ перешли на прусскую территорію, гдѣ и были обезоружены. Немедленно же началась эмиграція польскихъ патріотовъ за границу, преимущественно во Францію, Англію и Швейцарію. Подобно тому какъ послѣ 1794 г. всѣ свои надежды поляки возлагали на французскую революцію, такъ и теперь польскіе эмигранты искали помощи у революціонныхъ партій и сами стали принимать участіе въ разныхъ заговорахъ, имѣвшихъ своею цѣлью новые политическіе перевороты. Тѣ участники возстанія, которымъ не удалось бѣжать за границу, подверглись суровому наказанію; очень многіе были сосланы въ Сибирь. Конституція 1815 г. была уничтожена и замѣнена „органическимъ статутомъ“ 1832 г., который, предоставляя Польшѣ существовать уже въ качествѣ простой провинціи съ особымъ только управленіемъ, не былъ, однако, вполнѣ осуществленъ. Паскевичъ, сдѣлавшійся намѣстникомъ Царства Польскаго, правилъ имъ съ диктаторскою властью до самой своей смерти, послѣдовавшей черезъ годъ послѣ кончины Николая I.

Въ Германіи іюльская революція не отразилась ни на Австріи, ни на Пруссіи. Ея вліянію подверглись только сѣверно-германскія государства средней величины, гдѣ вспыхнули возстанія, имѣвшія результатомъ конституціонныя измѣненія, да, кромѣ того, въ южно-германскихъ государствахъ, въ которыхъ уже раньше дѣйствовали конституціонныя учрежденія [1]), въ началѣ тридцатыхъ годовъ обострилась политическая борьба въ мѣстныхъ палатахъ. Мы уже видѣли раньше [2]), какія внутреннія усложненія возникли къ этому времени въ Брауншвейгѣ, въ Кургессенѣ, въ Саксоніи, въ Ганноверѣ и др. земляхъ. Въ Брауншвейгѣ возстаніе произошло 6 сентября. Герцогъ Карлъ вынужденъ былъ бѣжать въ Англію, а въ странѣ организовалось временное правительство въ формѣ комитета земскихъ чиновъ (9 сентября), который объявилъ себя главною властью до собранія земскаго сейма и вызвалъ изъ Берлина брата герцога, Вильгельма, и его самъ герцогъ долженъ былъ признать генералъ-губернаторомъ. Черезъ нѣсколько времени герцогъ, однако, силою думалъ возвратить себѣ прежнюю власть, но потерпѣлъ неудачу. Еще раньше Англія и Пруссія совѣтовали ему отреченіе, но онъ упорствовалъ, благодаря двусмысленной политикѣ Австріи. Въ дѣло вмѣшался тогда германскій союзный сеймъ, и кончилось все тѣмъ, что герцогъ Вильгельмъ, сначала уполномоченный отъ союзнаго сейма управлять страною, занялъ

---

[1]) Т. IV, стр. 351 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 30—31.

(20 апрѣля 1831 г.) престолъ своего брата. Послѣдній остался жить за границей, гдѣ (именно въ Женевѣ [1]) и умеръ въ 1873 г. Въ октябрѣ 1832 г. Брауншвейгъ получилъ новую конституцію. Черезъ нѣсколько дней послѣ переворота въ Брауншвейгѣ произошло движеніе и въ Кургессенѣ. 15 сентября курфюрсту поданъ былъ адресъ, въ которомъ у него требовали созванія земскаго сейма, на что онъ поспѣшилъ дать согласіе, боясь взрыва революціи; онъ согласился также на образованіе гражданской гвардіи. Это не помѣшало, однако, вспыхнуть крестьянскимъ возстаніямъ въ разныхъ мѣстахъ страны. Сельское населеніе въ Кургессенѣ было страшно угнетено налогами, оброками и барщинами, и вотъ оно отказывается платить и даже начинаетъ нападать на замки. Въ январѣ 1831 г. земскіе чины утвердили новую конституцію, а затѣмъ потребовали у курфюрста, удалившагося изъ страны съ своею всѣми ненавидимою метрессою графинею Рейхенбахъ, чтобы онъ или вернулся домой, или отказался отъ престола. Курфюрстъ предпочелъ передать правленіе въ руки своего сына. Въ Саксоніи безпорядки начались еще до взрыва іюльской революціи, именно по поводу празднованія трехсотлѣтняго юбилея аугсбургскаго исповѣданія, но настоящее возстаніе произошло лишь въ сентябрѣ, сначала въ одномъ Лейпцигѣ, откуда движеніе перешло и въ Дрезденъ. На первыхъ порахъ въ обоихъ городахъ оно направилось противъ мѣстныхъ магистратовъ, но скоро получило чисто политическій характеръ, потому что и тутъ инсургенты стали требовать конституціи. Король былъ вынужденъ дать отставку нелюбимымъ министрамъ и призвать къ соправительству своего сына Фридриха-Августа. Только черезъ годъ, однако, именно 4 сентября 1831 г. Саксонія получила конституцію, которая была выработана по совѣщанію съ прежними земскими чинами. Въ Ганноверѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, революціонное движеніе началось равнымъ образомъ въ сентябрѣ. Сначала оно имѣло характеръ стихійнаго взрыва, вызваннаго чисто экономическими причинами: дороговизной хлѣба, низкой заработной платой и т. п., но этимъ движеніемъ воспользовались мѣстные либералы, чтобы направить его къ политическимъ цѣлямъ. Правительство употребило противъ начавшагося возстанія военную силу. Тѣмъ не менѣе въ мартѣ 1831 г. оно собрало земскій сеймъ, на которомъ, благодаря новымъ выборамъ и общему духу эпохи, весьма сильно обнаружилось либеральное настроеніе. Въ іюнѣ—октябрѣ особая коммиссія выработала проектъ новой конституціи, но, несмотря на одобреніе его правительствомъ, введена въ дѣйствіе она была лишь 26 сентября 1833 г., притомъ съ значительными измѣненіями противъ перво-

[1]) *Braun.* Der Diamantenherzog. 1881.

начальнаго проекта. Въ сентябрѣ же 1830 г. произошло народное возстаніе въ Альтенбургѣ, заставившее герцога сначала бѣжать, потомъ созвать земскіе чины и согласиться на новую конституцію, которая и была введена 29 апрѣля 1831 г. Далѣе, опять-таки въ сентябрѣ же началось броженіе и среди подданныхъ князя Шварцбургъ-Зондерсгаузенскаго. Испуганный князь поспѣшилъ (25 сентября) самъ обѣщать своимъ подданнымъ конституцію, но въ дѣйствительности все осталось здѣсь по старому. Полную неудачу потерпѣло и народное движеніе въ Шлезвигѣ и Гольштейнѣ, стремившееся къ соединенію обоихъ герцогствъ въ одно цѣлое новой конституціей, причемъ страна должна была находиться лишь въ простой личной уніи съ Даніей.

Отразилась іюльская революція и на южно-германскихъ государствахъ, гдѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ происходила весьма горячая парламентская борьба, сопровождавшаяся по мѣстамъ народными волненіями (крестьянскія возстанія въ Гессенъ-Дармштадтѣ, студенческіе безпорядки въ Баваріи и т. п.) Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ разныхъ частей Германіи начинались рабочіе безпорядки, вызванные тяжелымъ экономическимъ положеніемъ трудящейся массы. Это общее настроеніе продолжалось и въ 1831 г., особенно послѣ паденія Варшавы, когда въ Германію нахлынули цѣлыя толпы польскихъ эмигрантовъ, коихъ нѣмцы принимали съ большимъ сочувствіемъ. Въ 1832 и 1833 годахъ, какъ мы еще увидимъ послѣ, революціонное броженіе выразилось въ новыхъ явленіяхъ, за которыми, однако, послѣдовала суровая реакція. Замѣтимъ, что нѣмецкіе радикалы этой эпохи, мечтавшіе о республикѣ, расчитывали на помощь французовъ, стремились къ возстановленію Польши и т. п., и что, съ другой стороны, въ этомъ нѣмецкомъ движеніи принимали большое участіе французскіе, польскіе и итальянскіе эмигранты.

Въ Италіи 1830 годъ окончился безъ нарушенія порядка, но зато все время шло дѣятельное подготовленіе возстаній карбонаріями, которые большею частью думали добиться своихъ цѣлей въ союзѣ съ наполеонидами (Наполеономъ II, т.-е. герц. Рейхштадтскимъ, Іеронимомъ Бонапартомъ или сыновьями бывшаго голландскаго короля). 4 февраля 1831 г. сдѣлана была неудачная попытка возстанія въ Моденѣ, примѣру которой послѣдовала сосѣдняя Болонья, находившаяся въ Папской области. 2 февраля на папскій престолъ, сдѣлавшійся вакантнымъ по смерти Пія VIII (въ ноябрѣ 1830 г.), былъ выбранъ кардиналъ Каппелари подъ именемъ Григорія XVI, но Болонья объявила (8 февр.), что свѣтская власть папы надъ этимъ городомъ прекращается. Къ такому рѣшенію примкнули и нѣкото-

рые другіе города церковной области, и 25 февраля въ Болоньѣ открылось собраніе депутатовъ отъ этихъ городовъ, избравшее временное правительство. Успѣхъ этого движенія отразился и на Моденѣ, откуда герцогъ долженъ былъ удалиться на австрійскую территорію. Здѣсь тоже было учреждено временное правительство. Немедленно произошло то же самое и въ Пармѣ, откуда должна была спасаться бѣгствомъ вдова Наполеона I, Марія-Луиза, получившая, какъ извѣстно, это герцогство при раздѣлѣ итальянской территоріи въ 1815 году. Всѣ эти революціонныя попытки, однако, были подавлены, благодаря австрійскому вмѣшательству. Итальянскіе патріоты снова поплатились за свои стремленія дать Италіи свободныя учрежденія. Многіе изъ нихъ должны были бѣжать за границу или были приговорены къ изгнанію. Между инсургентами были два сына бывшаго голландскаго короля Наполеонъ-Людовикъ и Людовикъ-Наполеонъ; первый изъ нихъ въ это время умеръ, а другой, будущій императоръ Наполеонъ III, едва спасся отъ плѣна [1]).

Всѣ эти революціи и революціонныя попытки на такомъ громадномъ пространствѣ — отъ береговъ Сены до береговъ Вислы и Буга и отъ Бельгіи до средней Италіи—должны были сильно встревожить монархическія правительства Европы. При первомъ извѣстіи объ іюльскомъ переворотѣ многіе стали ожидать, что во Франціи установится республика, которая, подобно первой республикѣ, начнетъ революціонную пропаганду. Говорятъ, что прусскій король, узнавъ о паденіи Карла X, сказалъ: „если французы дойдутъ только до Рейна, я съ мѣста не двинусь“. Поэтому для абсолютныхъ монархій все-таки было большимъ облегченіемъ, когда стало извѣстнымъ, что тронъ во Франціи не былъ низвергнутъ и что новый король въ самомъ же началѣ своего царствованія заявилъ, что надѣется избѣжать усложненій въ Европѣ. Одною изъ первыхъ заботъ Людовика-Филиппа, конечно, было добиться признанія со стороны другихъ дворовъ. Онъ вступилъ на престолъ въ моментъ, бывшій для него весьма благопріятнымъ — въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи. Священный союзъ, какъ мы знаемъ, въ это время былъ въ полномъ разстройствѣ. Правда, Меттернихъ уже въ августѣ 1830 г. думалъ организовать противъ „короля баррикадъ“ европейскую коалицію, но дѣло оказалось труднымъ. Начать съ того, что въ Англіи къ іюльскому перевороту отнеслись сочувственно, а безъ Англіи европейская коалиція была немыслима. Во главѣ правленія въ это время стояли торіи. Понятно, что демократическая революція должна была и имъ внушить нѣкоторый страхъ, но зато она

[1]) Іюльская революція отчасти отразилась и на Швейцаріи.

низвергла Карла X, союзъ котораго съ Россіей очень не нравился Англіи и завоеваніе которымъ Алжира даже создало натянутыя отношенія между парижскимъ и лондонскимъ правительствами. Что касается до виговъ, то они прямо привѣтствовали и самый переворотъ, надѣясь, что онъ поможетъ ихъ собственному дѣлу, какъ это дѣйствительно и случилось. Съ другой стороны, даже сама Австрія имѣла причины быть недовольною поступками Карла X, и когда Людовикъ-Филиппъ сталъ оправдывать свое вступленіе на чужой тронъ необходимостью поддержать внутренній порядокъ во Франціи и тѣмъ спасти обще-европейскій миръ, зиждущійся на трактатахъ 1815 г., то Меттернихъ и Францъ I успокоились и уже не помышляли болѣе о новой коалиціи. Успокоился и прусскій король, уже соглашавшійся въ крайнемъ случаѣ дозволить французамъ дойти до Рейна: увѣренія Людовика-Филиппа, что онъ не будетъ искать территоріальнаго расширенія Франціи, пересилили воинственный задоръ ближайшихъ къ королю лицъ. Непріятнѣе всего подѣйствовалъ іюльскій переворотъ на Николая I: онъ лишался въ лицѣ Карла X союзника, а въ лицѣ Людовика-Филиппа, какъ друга Англіи, наоборотъ, получалъ врага; сверхъ того его властной натурѣ претило вступать въ сношенія съ похитителемъ престола, получившимъ власть отъ мятежниковъ противъ законнаго государя. Тѣмъ не менѣе и русскій императоръ призналъ Людовика-Филиппа, хотя и сдѣлалъ это въ высокомѣрныхъ выраженіяхъ. Между прочимъ упомянулъ, что останется тѣсно связанъ съ своими союзниками (т.-е. съ Австріей и Пруссіей), чтобы заставить уважать трактаты 1815 г., — первое важное заявленіе о томъ, что Священный союзъ не совсѣмъ еще разрушился. Вѣря миролюбивымъ заявленіямъ новаго короля французовъ, абсолютные монархи, однако, сомнѣвались все-таки, будетъ ли онъ въ состояніи сдержать данныя имъ обѣщанія въ виду того, что во Франціи существовала партія, требовавшая революціонной пропаганды. Опасенія державъ были не безъ основанія. Въ Парижѣ нѣкоторые депутаты, а также пресса и клубы приглашали къ возстанію всѣ угнетенныя національности, въ концѣ же августа и началѣ сентября вспыхнули возстанія въ Бельгіи и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ. Мы еще увидимъ, какія мѣры были приняты тогда же въ Германіи, чтобы подавить и сдѣлать впредь невозможными революціонныя попытки, но это было чисто внутреннее германское дѣло. Въ иномъ видѣ представлялся державамъ вопросъ о бельгійской революціи.

На Вѣнскомъ конгрессѣ Бельгію соединили съ Голландіей, чтобы составить оплотъ противъ Франціи на сѣверо-востокѣ [1]): отторженіе

[1]) Т. IV, стр. 241.

Бельгіи отъ Голландіи и, какъ того можно было опасаться, соединеніе ея съ Франціей грозило опасностью политическому равновѣсію, ибо, владѣя Антверпеномъ, Франція могла бы вредить Англіи, владѣя Мастрихтомъ и Люксембургомъ — угрожать Германіи. Въ дѣлѣ, значитъ, были заинтересованы и Англія, и весь Германскій союзъ съ двумя своими первенствующими державами. Между тѣмъ король нидерландскій обратился за помощью къ великимъ державамъ. Россія была, однако, слишкомъ далеко, чтобы оказать помощь; Австрія держалась наготовѣ, чтобы въ случаѣ надобности дѣйствовать въ Италіи; одна лишь Пруссія готова была двинуть свои войска въ Нидерланды, но Франція, не желавшая возвращенія Бельгіи подъ голландское владычество, заявила, что если только Пруссія это сдѣлаетъ, то немедленно вступитъ въ Бельгію и французская армія. Въ данномъ случаѣ правительство Людовика-Филиппа нашло поддержку въ Англіи, гдѣ равнымъ образомъ не желали возвращенія Бельгіи въ прежнее положеніе и думали, что нужно сдѣлать Франціи маленькую уступку, лишь бы только Франція не стала искать союза съ Россіей. На просьбу нидерландскаго короля о помощи изъ Лондона отвѣтили поэтому вѣжливымъ отказомъ. Любопытно, что французское правительство остановило Пруссію въ ея намѣреніи оказать помощь Вильгельму I во имя принципа невмѣшательства, а между тѣмъ оно вошло въ соглашеніе съ Англіей (протоколъ 15 октября 1830 г.), въ силу котораго судьбу Бельгіи должна была рѣшить конференція пяти державъ. Австрія, Пруссія и Россія согласились на эту комбинацію, расчитывая выиграть время. Между тѣмъ бельгійцы провозгласили свое отложеніе отъ Голландіи [1]), что было принято въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ съ крайнимъ раздраженіемъ: въ этомъ событіи видѣли руку Людовика-Филиппа, мечтавшаго о бельгійскомъ престолѣ для одного изъ своихъ сыновей. Меттернихъ и слышать не хотѣлъ о принципѣ невмѣшательства, говоря, что на него могутъ ссылаться лишь разбойники, не хотящіе жандармовъ, и поджигатели, протестующіе противъ пожарныхъ. Такъ какъ въ Парижѣ произошли около этого времени новыя смуты, то три сѣверныя монархіи еще подозрительнѣе стали относиться къ тому, что дѣлалось во Франціи. Пруссія начала стягивать войска по Рейну и Мозелю; Австрія направила къ Швейцаріи и Италіи лучшіе свои полки; Россія объявила новый наборъ и мобилизировала польскую армію. Вскорѣ за этимъ послѣдовала циркулярная нота трехъ дворовъ, гдѣ прямо говорилось о правѣ вооруженной борьбы съ общимъ врагомъ всѣхъ странъ—съ революціей. Европа, повидимому, была нака-

[1]) См. выше, стр. 55.

нунѣ большой европейской войны, но какъ-разъ въ это самое время вспыхнуло польское возстаніе. Оно заняло Россію, безъ которой Австрія и Пруссія не могли рисковать войною съ Франціей, да и сами онѣ должны были озаботиться о томъ, чтобы возстаніе изъ Царства Польскаго не перешло въ ихъ собственныя провинціи съ польскимъ населеніемъ.

Новый оборотъ, какой приняли дѣла послѣ взрыва варшавской революціи, былъ весьма благопріятнымъ для Бельгіи и для плановъ Франціи и Англіи, не желавшихъ возвращенія этой страны въ прежнее положеніе. Австрія, Пруссія и Россія теперь были вынуждены итти на уступки, которыми можно было бы обезоружить Францію, предупредить съ ея стороны какой-либо рѣшительный поступокъ въ бельгійскомъ дѣлѣ. Вотъ почему конференція пяти державъ, собравшаяся въ Лондонѣ, протоколомъ своимъ отъ 20-го декабря 1830 г. формально признала въ принципѣ независимость Бельгіи, а 9-го января 1831 г. потребовала отъ нидерландскаго короля согласія на перемиріе. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ къ величайшему неудовольствію Людовика-Филиппа, мечтавшаго о бельгійской коронѣ для своего сына, герцога Немурскаго, державы постановили, что Бельгія (и притомъ безъ Люксембурга, Мастрихта и устьевъ Шельды) должна сдѣлаться совершенно нейтральнымъ государствомъ (20-го января 1831 г.), но о возвращеніи Бельгіи въ прежнее положеніе и думать теперь было нечего. Національный бельгійскій конгрессъ [1]) протестовалъ противъ этого рѣшенія и даже провозгласилъ герцога Немурскаго королемъ Бельгіи, но послѣдній былъ избранъ лишь 96 голосами противъ 95, раздѣлившихся между двумя другими кандидатами [2]), т.-е. такимъ незначительнымъ большинствомъ, что Людовикъ-Филиппъ вынужденъ былъ отвергнуть предложеніе короны его сыну, тѣмъ болѣе, что и лондонская конференція высказалась противъ кандидатуры герцога Немурскаго (февраль 1831 г.). Бельгіи былъ поставленъ срокъ, въ теченіе котораго она должна была принять условія конференціи, и въ то же время Пруссія двинула уже свои войска по направленію къ Маасу, а германскому союзному сейму было предложено мобилизировать армейскій корпусъ подъ предлогомъ защиты Люксембурга, какъ составной части [3]) Германскаго союза. Опять всѣ ожидали взрыва войны, которая, повидимому, была совершенно невозможною за нѣсколько недѣль передъ этимъ. Воинствен-

[1]) См. выше, стр. 55.

[2]) Герцогъ Лейхтенбергскій (сынъ принца Евгенія Богарнэ, см. т IV, стр. 143) получилъ 74 голоса и эрцгерцогъ Карлъ—21 голосъ.

[3]) Т. IV, стр. 241 и 346.

ная партія въ Парижѣ заговорила громче прежняго. Упорство, съ какимъ бельгійцы протестовали противъ рѣшеній лондонской конференціи, небезуспѣшное на первыхъ порахъ сопротивленіе, оказанное поляками русской арміи, глухое броженіе, которое продолжалось еще въ Германіи, революціонныя попытки въ Италіи, начатыя въ расчетѣ на французскую помощь, — все это должно было какъ нельзя болѣе поддерживать воинственное настроеніе парижскихъ клубовъ и прессы. Людовикъ-Филиппъ, однако, не хотѣлъ войны. Онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы смѣстить стоявшаго тогда во главѣ правленія Лафитта, который грозилъ Австріи вооруженнымъ сопротивленіемъ ея вмѣшательству въ дѣла Папской области и старался чрезъ французскаго посланника въ Константинополѣ снова вооружить турецкаго султана противъ Россіи. Преемникомъ Лафитта, склоннаго дѣйствовать въ духѣ „партіи движенія“, былъ Казимиръ Перье, стоявшій за „партію сопротивленія“ революціонной политикѣ. Эта перемѣна произошла въ серединѣ марта 1831 г. Новый министръ тотчасъ же отказался отъ того, чтобы видѣть во вступленіи австрійскихъ войскъ въ папскія владѣнія поводъ къ объявленію войны, хотя и далъ понять Австріи, что такой шагъ съ ея стороны былъ бы нарушеніемъ международныхъ правилъ. Съ своей стороны онъ предложилъ, чтобы пять державъ склонили папу Григорія XVI къ введенію нѣкоторыхъ реформъ, и это предложеніе было принято: 21 мая представители великихъ державъ вручили государственному секретарю папы меморандумъ о реформахъ, но ничего серьезнаго изъ этого впослѣдствіи не вышло. Такимъ образомъ весною 1831 года Европа вторично избѣжала опасности общей войны, какою ей грозили политическія усложненія, вызванныя революціонными движеніями 1830 г., хотя эта опасность все еще не могла считаться миновавшею, пока не былъ рѣшенъ бельгійскій вопросъ.

При Лафиттѣ Франція не давала согласія на постановленія лондонской конференціи относительно Бельгіи, но Казимиръ Перье счелъ нужнымъ во избѣжаніе внѣшнихъ усложненій присоединиться къ этимъ постановленіямъ. Нидерландскій король еще раньше выразилъ согласіе на требованія державъ, такъ какъ они все-таки были для него болѣе выгодными, нежели то, къ чему стремились сами бельгійцы. Все дѣло, однако, заключалось въ томъ, что брюссельскій конгрессъ съ упорствомъ продолжалъ отвергать рѣшенія, принятыя лондонской конференціей. Это усложняло вопросъ. Между тѣмъ, Франція, отказавшаяся отъ мысли дать Бельгіи своего короля и защитить ея территоріальныя притязанія, стала утрачивать въ Бельгіи прежнее сочувствіе, и этимъ Англія воспользовалась для того, чтобы перетянуть бельгійскую націю на свою сторону. Именно она выдви-

нула своего кандидата на бельгійскій престолъ въ лицѣ принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, давъ понять бельгійцамъ, что въ случаѣ его избранія постановленія лондонской конференціи могли бы быть и передѣланы. Принцъ Леопольдъ уже ранѣе былъ кандидатомъ Англіи на греческій престолъ. Какъ-разъ въ это время Европѣ предстояло улаживать дѣла Греціи, только-что освободившейся отъ турецкаго владычества. 3-го февраля 1830 года державы подписали протоколъ, которымъ опредѣлялись границы будущаго греческаго государства и рѣшалось превращеніе Греціи въ конституціонную монархію, причемъ кандидатомъ на престолъ лондонская конференція выдвигала упомянутаго принца Саксенъ-Кобургскаго. Послѣдній однако, не особенно стремился къ греческой коронѣ, имѣя въ виду занять довольно важное положеніе въ самой Англіи. Онъ былъ зятемъ англійскаго короля Георга IV и проживалъ въ Англіи, находясь въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ партіей виговъ. Въ январѣ 1830 года Георгъ IV опасно заболѣлъ. Ожидали его кончины, а его братъ и наслѣдникъ, герцогъ Кларенскій, былъ тоже человѣкъ преклоннаго возраста, слабаго здоровья и бездѣтный, такъ что въ перспективѣ предвидѣлось вступленіе на престолъ ихъ племянницы, Викторіи, тогда еще малолѣтней и потому нуждавшейся въ регентствѣ, и у Леопольда Саксенъ-Кобургскаго были всѣ права, чтобы занять въ этомъ регентствѣ видное положеніе. Вотъ почему этотъ принцъ началъ ставить державамъ, предлагавшимъ ему греческую корону, свои условія. Начались переговоры, во время которыхъ и греки предъявили свои требованія, не вполнѣ нравившіяся Леопольду. Кончилось тѣмъ, что 21-го мая 1830 года послѣдній совсѣмъ отказался отъ предложенной ему короны. Этого самаго принца Англія въ маѣ 1831 года и выдвинула, какъ кандидата на бельгійскій престолъ, а Франціи при этомъ было обѣщано, что новый король женится на одной изъ дочерей Людовика-Филиппа. Австрія, Пруссія и Россія дали свое согласіе на этотъ выборъ, такъ какъ были довольны устраненіемъ французской кандидатуры герцога Немурскаго. Громаднымъ большинствомъ голосовъ (152 противъ 44) принцъ Леопольдъ былъ выбранъ бельгійскимъ конгрессомъ въ короли 4-го іюня 1831 года. Онъ принялъ это предложеніе, хотя потребовалось еще не мало времени для окончательнаго улаженія бельгійскаго вопроса. 21-го іюля Леопольдъ пріѣхалъ въ Брюссель, присягнулъ конституціи и былъ провозглашенъ королемъ; но новому королевству, какъ извѣстно, пришлось выдержать вооруженную борьбу съ Голландіей, возобновившей войну съ Бельгіей [1]). Въ ноябрѣ 1832 г. Бельгія была

[1]) Война эта окончилась лишь благодаря вмѣшательству Англіи и Фран-

признана нейтральнымъ государствомъ. Что касается до бельгійской конституціи, то она прямо исходила изъ принципа народовластія и впослѣдствіи сдѣлалась образцомъ для многихъ монархій Европы. Она и до сихъ поръ дѣйствуетъ въ Бельгіи и можетъ разсматриваться, какъ одна изъ наиболѣе типичныхъ конституцій [1]).

Въ то самое время, какъ Бельгія получила національную независимость, Польша должна была подвергнуться своей печальной участи. Пруссія прямо содѣйствовала подавленію польскаго возстанія [2]). Австрія отъ усмиренія поляковъ тоже только выигрывала. Очень мало думали о вмѣшательствѣ въ защиту Польши также и Франція съ Англіей. Но такъ какъ общественное мнѣніе во Франціи настойчиво требовало заступничества за поляковъ, то Казимиръ Перье предложилъ Меттерниху вступить въ переговоры о посредничествѣ между поляками и Николаемъ I. Однако, Меттернихъ хотѣлъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ приняла участіе и Англія. И у послѣдней были тоже свои особыя причины не раздражать русскаго императора. Его войска еще занимали Дунайскія княжества, а Греція, все еще не имѣвшая короля, управлялась Каподистріей, который былъ въ сущности подручникомъ Россіи. Боясь, что Николай I создастъ новыя усложненія на Востокѣ, англійское правительство не присоединилось къ французскому предложенію, рѣшивъ принести Польшу въ жертву. Съ своей стороны, и русскій императоръ, занятый сначала подавленіемъ польскаго возстанія, а потомъ восточными дѣлами, предоставилъ Англіи устроить бельгійскія дѣла, какъ она того хотѣла. Такимъ образомъ и польское возстаніе, усмиренное къ осени 1831 г., не повлекло за собою войны, къ которой такъ стремилась „партія движенія“ въ Парижѣ. Въ слѣдующемъ 1832 году греческая корона была передана на лондонской конференціи баварскому принцу Оттону, который и вступилъ на престолъ новаго королевства. Около того же времени получилъ свое разрѣшеніе вопросъ объ европейскомъ вмѣшательствѣ въ итальянскія дѣла. Выше было упомянуто, что папскому правительству державами было предложено произвести въ Церковной

ціи, которыя только силою заставили Вильгельма I отдать Антверпенъ Бельгіи (1832 г.). Голландія признала независимость Бельгіи лишь въ 1839 г.

[1]) Дайси въ своихъ „Основахъ государственнаго права Англіи“ (Спб. 1890 г.), сравнивая англійскую конституцію съ континентальными, довольно часто обращается именно къ бельгійской конституціи, какъ къ своего рода типу континентальныхъ конституцій. Принципъ народовластія въ ней былъ выраженъ въ такой формѣ: „tous les pouvoirs émanent de la nation“. См. *Thonissen.* Constitution belge. 1879—*A. Giron.* Droit public de la Belgique. 1881.—*Vauthier.* Staatsrecht des Königreichs Belgien. 1892.

[2]) См. выше, стр. 58.

области нѣкоторыя реформы [1]). Папа далъ на это свое согласіе, но на дѣлѣ это ни къ чему не привело. Мало того: для водворенія порядка въ той части Церковной области, гдѣ въ началѣ 1831 года произошло революціонное движеніе, папа сталъ просить у Австріи военной помощи. Казимиръ Перье не хотѣлъ одного австрійскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этого государства и предложилъ святому престолу помощь и со стороны Франціи. Григорій XVI отклонилъ это предложеніе, давъ понять, что итальянцы непремѣнно взглянутъ на появленіе французскаго войска, какъ на поощреніе къ новой революціи, тогда какъ австрійское вмѣшательство будетъ имѣть обратный смыслъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Казимиръ Перье сдѣлалъ подобное же заявленіе и въ Вѣнѣ, къ великому неудовольствію Меттерниха, который на этотъ разъ, однако, не рѣшился грозить войною. Когда въ началѣ 1832 года въ Папской области произошли новые безпорядки и австрійскія войска появились подъ Болоньей, Франція силою захватила принадлежавшую папѣ Анкону (22 февраля) и поставила тамъ свой гарнизонъ. Папа и австрійское правительство горячо протестовали противъ этого шага Казимира Перье. Австрійскій, прусскій и русскій посланники обратились къ французскому министру съ вопросомъ, существуетъ ли въ Европѣ публичное право? „Да, отвѣчалъ Казимиръ Перье, и это я его защищаю!“ Твердый отвѣтъ министра заставилъ въ концѣ концовъ и Австрію, и Григорія XVI согласиться на то, чтобы французское занятіе Анконы продолжалось до тѣхъ поръ, пока австрійцы останутся въ Папской области (16 апрѣля 1832 г.).

Къ серединѣ 1832 года въ Европѣ установилось спокойствіе, нарушенное іюльской революціей и ея ближайшими послѣдствіями. Постановленія вѣнскаго конгресса потерпѣли значительный ущербъ. Франція заставила признать за собою право располагать своею собственною судьбою. Бельгія сдѣлалась свободнымъ и нейтральнымъ государствомъ. Исключительному преобладанію Австріи въ Италіи Франція создала противовѣсъ. Ухудшилось положеніе только одной Польши. Кромѣ того, возобновилось конституціонное движеніе, выразившееся въ передѣлкѣ французской хартіи на болѣе либеральныхъ началахъ, въ созданіи весьма либеральной конституціи бельгійской, въ конституціонныхъ измѣненіяхъ, которыя были произведены въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствахъ, не говоря уже о введеніи конституціи въ Греціи, хотя послѣднее совершалось въ 1843 году [2]). Наконецъ, многіе изъ указанныхъ фактовъ свидѣ-

[1]) См. выше, стр. 66.

[2]) Греческая конституція была составлена по образцу бельгійской и французской 1830 г.

тельствуютъ о почти полномъ безсиліи Священнаго союза въ его борьбѣ съ революціей. Конечно, вѣнскій, берлинскій и петербургскій кабинеты были крайне недовольны всѣмъ совершившимся и продолжали относиться къ Франціи съ величайшимъ недовѣріемъ. Въ то самое время, какъ за подавленіемъ вооруженнаго возстанія въ Царствѣ Польскомъ, лишенномъ своей конституціи, происходила суровая репрессія, Австрія и Пруссія продолжали держаться прежней реакціонной политики, какъ у себя дома, такъ и въ остальной Германіи. Событія послѣднихъ лѣтъ влекли австрійское, прусское и русское правительства къ возобновленію стараго союза для противодѣйствія революціи. Пока бельгійскія дѣла не были еще окончательно улажены, въ Пруссіи продолжало проявляться воинственное направленіе. Берлинское правительство не рѣшалось, впрочемъ, одно начать войну и добивалось въ концѣ 1832 года содѣйствія Россіи и Австріи. Ни та, ни другая, однако, не пошли на предложенія Пруссіи: Николай I требовалъ для приготовленія, по крайней мѣрѣ, полгода, а Австрія отвѣчала, что выставитъ свои войска лишь въ случаѣ перенесенія войны на территорію германскаго союза. При томъ обѣ державы, въ особенности же Россія, были заняты новыми осложненіями, возникавшими на Востокѣ вслѣдствіе честолюбія египетскаго вассала Порты. Наконецъ, Меттернихъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, какъ Пруссія начинала играть роль въ остальной Германіи, благодаря вступленію въ таможенный союзъ съ второстепенными германскими государствами. Такимъ образомъ и въ концѣ 1832 г. не могло быть рѣчи о новой войнѣ для защиты реакціонной политики. Тѣмъ не менѣе всѣ событія этихъ годовъ сближали государства, образовавшія Священный союзъ. Особенно Меттернихъ хлопоталъ въ это время объ его возстановленіи и съ этою цѣлью сталъ заискивать расположенія Николая I. Ему казалось, что наступилъ благопріятный моментъ для того, чтобы вернуться къ традиціямъ Тропаускаго и Лайбахскаго конгрессовъ. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, ему необходимо было устроить свиданіе трехъ государей, и это ему удалось сдѣлать въ 1833 году. Свиданіе монарховъ подготовлялось въ величайшемъ секретѣ, особенно по отношенію къ Франціи. Встрѣча должна была произойти въ Теплицѣ, куда къ Францу I пріѣхалъ Фридрихъ-Вильгельмъ III 7-го августа и куда ожидали пріѣзда Николая I. Русскій императоръ, однако, опоздалъ съ пріѣздомъ на цѣлый мѣсяцъ, и въ этотъ промежутокъ времени прусскій король уѣхалъ, оставивъ въ Теплицѣ своего старшаго сына. Это не помѣшало Николаю I по дорогѣ свидѣться съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и поговорить объ общихъ интересахъ. Наконецъ, мысль Меттерниха осуществилась на съѣздѣ двухъ императоровъ и прусскаго наслѣднаго принца въ Мюнхен-

грецѣ отъ 10—20 сентября. Принятыя здѣсь рѣшенія напоминаютъ намъ тѣ самыя, которыя принимались Священнымъ союзомъ на конгрессахъ начала 20-хъ годовъ, хотя и на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Именно Пруссія, государя которой не было на съѣздѣ, не особенно охотно входила въ виды Меттерниха, стремившагося вернуть Австріи преобладающее значеніе въ Германіи, а въ свою очередь австрійскій и русскій государи не оказывали расположенія къ военному вмѣшательству, на которомъ настаивалъ, наоборотъ, прусскій наслѣдный принцъ въ пользу голландскаго короля. Россія и Австрія далѣе взаимно обязались поддерживать существованіе Турціи, и всѣ три двора дали другъ другу обѣщаніе относительно спокойнаго обладанія польскими провинціями, доставшимися ихъ державамъ по прежнимъ раздѣламъ. Несомнѣнно, что общій интересъ въ послѣднемъ отношеніи служилъ сильнымъ связующимъ звеномъ для политики Австріи, Пруссіи и Россіи. Совершенно въ такомъ же направленіи дѣйствовали и политическіе принципы трехъ дворовъ. Хотя они и вынуждены были признать независимость и нейтралитетъ бельгійскаго королевства, созданнаго революціей, и даже приняли мѣры къ тому, чтобы поскорѣе прекратилась распря между Голландіей и Бельгіей, тѣмъ не менѣе общій духъ принятыхъ въ Мюнхенгрецѣ рѣшеній былъ строго-реакціонный. Мы еще увидимъ, что въ Германіи и въ 1833 году еще не улеглось революціонное движеніе. Въ Мюнхенгрецѣ нѣмецкія дѣла поэтому также были предметомъ обсужденія, и было рѣшено принять мѣры къ тому, чтобы водворить въ германскомъ союзѣ порядокъ [1]). Это дѣлалось въ силу того принципа вмѣшательства, который былъ формально признанъ конгрессами двадцатыхъ годовъ [2]), но противъ котораго Франція послѣ 1830 года выставила принципъ невмѣшательства.—Не въ одной только Германіи, но и во всей остальной Европѣ Меттернихъ стремился подавить революцію. Онъ указывалъ на ту опасность, какую для существующихъ правительствъ представляли изъ себя революціонеры разныхъ національностей, нашедшіе убѣжище въ Бельгіи, Швейцаріи и особенно во Франціи, гдѣ они пользовались и сочувствіемъ, и поддержкою демократическихъ партій. Поэтому австрійскій министръ настоялъ на томъ, чтобы монархическія правительства составили изъ себя союзъ для борьбы съ этою международною революціей. Результатомъ мюнхенгрецкаго съѣзда былъ трактатъ, въ которомъ говори-

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. ниже въ главѣ VIII, въ которой разсматривается исторія Германіи послѣ 1830 г.

[2]) См. т. IV, стр. 333.

лось о правѣ каждаго государя, угрожаемаго внутренними смутами или внѣшними опасностями, искать помощи у правительствъ Австріи, Пруссіи и Россіи. Къ этому прибавлялось, что, если бы какая-либо держава вздумала противодѣйствовать подобному оказанію помощи, то союзники стали бы разсматривать ея дѣйствія, какъ враждебныя по отношенію къ нимъ самимъ, и приняли бы мѣры къ тому, чтобы отразить такое нападеніе. Послѣ этого Меттерниху было легко произвести контръ-революцію въ Германіи. Однимъ изъ результатовъ мюнхенгрецкаго свиданія было еще требованіе правительствами у Швейцаріи изгнанія революціонныхъ заговорщиковъ. Хотя нѣкоторые кантоны пытались воспротивиться этому требованію, однако дѣло кончилось тѣмъ, что большинство эмигрантовъ должно было оставить Швейцарію и искать убѣжища въ Англіи или Америкѣ. Понятно, что Англія и Франція и въ качествѣ конституціонныхъ государствъ, и въ качествѣ великихъ державъ не могли согласиться на то, чтобы три абсолютныя монархіи могли однѣ распоряжаться судьбами всей Европы. По отношенію къ Германіи Франція и Англія ограничились только протестаціями, въ которыхъ напоминали Меттерниху и его союзникамъ о правахъ, гарантированныхъ отдѣльнымъ нѣмецкимъ государствамъ трактатами 1815 года. Но вмѣстѣ съ этимъ дано было знать, что всякое вмѣшательство новаго союза въ дѣла Бельгіи, Швейцаріи и Пьемонта будетъ отражено силою. Съ своей стороны Австрія, Пруссія и Россія еще разъ скрѣпили свой союзъ на новомъ свиданіи монарховъ въ Теплицѣ въ 1835 году. Здѣсь тоже были приняты нѣкоторыя мѣры относительно Германіи и даже было рѣшено, что въ случаѣ убіенія или низверженія Людовика-Филиппа Австрія, Пруссія и Россія признаютъ французскимъ королемъ только герцога Бордосскаго. Такимъ образомъ, Меттерниху удалось вернуть Россію и Пруссію къ традиціямъ Священнаго союза. Самъ Николай I, относившійся въ началѣ своего царствованія неблагопріятно къ этому государственному дѣятелю, теперь расточалъ ему любезности и называлъ его своимъ начальникомъ, „краеугольнымъ камнемъ всего зданія“. Слѣдствіемъ этого новаго сближенія абсолютныхъ монархій было, съ другой стороны, сближеніе монархій конституціонныхъ — Англіи и Франціи. Одно время могло казаться, что въ Европѣ по всѣмъ политическимъ вопросамъ постоянно будутъ существовать эти два лагеря великихъ державъ, но на самомъ дѣлѣ было иначе.

IV. Парламентская реформа 1832 г. въ Англіи [1]).

Общій взглядъ на выборное право въ Англіи въ первой трети XIX в.—Причины народнаго недовольства въ Англіи въ эту эпоху.—Вопросъ о парламентской реформѣ.—Впечатлѣніе, произведенное іюльской революціей въ Англіи.—Борьба за парламентскую реформу въ 1830—31 гг.—Билль 1832 г.—Значеніе парламентской реформы 1832 г.—Ея вліяніе на внутреннюю жизнь Англіи.—Реформы 1867 и 1884—5 гг.—Недостатки англійской избирательной системы.—Преклоненіе передъ англійскимъ государственнымъ строемъ либераловъ на континентѣ.

Іюльская революція не прошла безслѣдно и для Англіи. Здѣсь она ускорила рѣшеніе давно поставленнаго на очередь вопроса о парламентской реформѣ [2]).

Парламентское представительство въ Англіи, такъ сказать, застыло въ тѣхъ формахъ, которыя выработались къ исходу среднихъ вѣковъ [3]). Правомъ посылать представителей въ нижнюю палату пользовалось самое незначительное меньшинство, состоявшее главнымъ образомъ изъ землевладѣльческаго класса, причемъ представительство было распредѣлено крайне неравномѣрно между отдѣльными графствами и городами. Часто самыя незначительныя „гнилыя мѣстечки“ пользовались правомъ посылать представителей въ парламентъ въ то самое время, какъ большіе промышленные города, выросшіе главнымъ образомъ въ XVIII в., совсѣмъ были лишены этого права. „Гнилыя мѣстечки“ находились обыкновенно въ полной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые и были настоящими господами выборовъ. Мѣста членовъ нижней палаты продавались и покупались за деньги; сами члены парламента торговали своими голосами. Уже давно лучшіе люди Англіи указывали на необходимость реформы, просто ради оздоровленія политическихъ нравовъ и обезпеченія свободы, которой грозила всеобщая продажность. Съ теченіемъ времени необходимость реформы стала чувствоваться и съ другой стороны. Парламентъ, въ которомъ главнымъ образомъ представлены были землевладѣльческіе элементы общества, весьма естественно долженъ

---

[1]) См., кромѣ сочиненій, указанныхъ въ т. IV, стр. 434, 472, 491 и 513, *Franqueville*. Le gouvernement et le parlement britanniques (1887), гдѣ изложены подробности преобразованій въ избирательной системѣ.—*И. Лучицкій*. Борьба за избирательную реформу въ Англіи и реформа 1832 г. (Рус. Бог. 1897). Въ Zeitschr. für gesammte Staatswissenschaft за 1876 есть спеціальная статья *Hasse* о соціальномъ состояніи палаты общинъ до и послѣ реформы 1832 года.

[2]) См. т. III, стр. 68.

[3]) См. т. IV, стр. 442.

былъ ставить своими задачами охрану интересовъ господствующаго класса и созданіе новыхъ условій для дальнѣйшаго обезпеченія этихъ интересовъ. Парламентъ то и дѣло издавалъ акты, лишавшіе сельскихъ жителей пользованія общими угодьями: извѣстно, сколько было „огорожено“ земли въ пользу лендлордовъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. [1]). Къ этому же времени относятся строгіе законы объ охотѣ. Для поддержанія на высокомъ уровнѣ поземельной ренты въ эту же эпоху парламентъ издавалъ такъ называемые „хлѣбные законы“ (corn-law), въ силу которыхъ хлѣбъ могъ ввозиться въ Англію лишь тогда, когда достигалъ въ ней извѣстной, весьма высокой цѣны. Едва только окончилась грандіозная борьба съ Наполеономъ I, во время которой ввозъ иностраннаго хлѣба въ Англію былъ крайне затрудненъ, какъ парламентъ прибѣгъ къ новому хлѣбному закону (1815 г.), который долженъ былъ поддерживать высокую цѣну этого перваго предмета необходимости [2]). Наконецъ, всѣ важныя и доходныя должности государственныя, церковныя и общественныя считались и на самомъ дѣлѣ были какъ бы наслѣдственнымъ достояніемъ одного только этого господствующаго класса. Между тѣмъ въ Англіи народились новые общественные классы, которые равнымъ образомъ стали стремиться къ самостоятельному участію въ политической жизни, весьма справедливо находя, что ихъ интересы парламентомъ не только не принимаются въ расчетъ, но даже прямо нарушаются. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. въ Англіи совершился цѣлый экономическій переворотъ, результатомъ котораго было образованіе двухъ новыхъ общественныхъ классовъ, крупныхъ предпринимателей-фабрикантовъ и рабочаго пролетаріата [3]). Парламентская олигархія вызывала противъ себя неудовольствіе одинаково въ обоихъ этихъ классахъ. Когда въ 1815 г. парламентъ устанавливалъ новые хлѣбные законы, представители крупной промышленности, которымъ принадлежало нѣкоторое количество мѣстъ въ нижней палатѣ, протестовали противъ такой мѣры, которая въ то же самое время была встрѣчена очень недружелюбно и народною массою. Весьма естественно, что и промышленная буржуазія, и рабочій классъ стали приходить къ той мысли, что единственное средство защиты ихъ интересовъ можетъ заключаться въ парламентскомъ представительствѣ. Это ставило вопросъ о парламентской реформѣ уже на новую почву. Не въ томъ только теперь было дѣло, чтобы положить конецъ злоупотребленіямъ и подкупамъ при выборахъ или подачѣ голосовъ, но и въ томъ, чтобы распространить

---

[1]) Т. IV, стр. 551—555.
[2]) Т. IV, стр. 588.
[3]) Т. IV, гл. XXIV—XXV.

права представительства на новые общественные классы, которые справедливо жаловались на нарушеніе своихъ интересовъ. Правда, по многимъ важнымъ и существеннымъ вопросамъ буржуазія и пролетаріатъ уже въ то время высказывали діаметрально противоположныя желанія и стремленія, но въ одномъ пунктѣ они сходились, и это какъразъ въ мысли о необходимости отмѣнить устарѣлые законы, касавшіеся представительства въ парламентѣ. Буржуазія все болѣе и болѣе обогащалась и получала все большее и большее общественное значеніе, а между тѣмъ новые промышленные города, бывшіе полемъ дѣятельности этой буржуазіи, представителей въ парламентъ не посылали. Это одно должно было дѣлать мысль о парламентской реформѣ весьма популярною въ промышленномъ классѣ. Съ другой стороны, никогда раньше народъ до такой степени не бѣдствовалъ въ Англіи, какъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Въ сравнительно короткое время Англія пережила одинъ изъ самыхъ крупныхъ экономическихъ переворотовъ, какой только знаетъ исторія. Переворотъ этотъ отразился крайне непріятно на благосостояніи народной массы, что въ свою очередь вызвало цѣлый рядъ насильственныхъ дѣйствій, бунтовъ и возстаній. Недовольство, господствовавшее въ народѣ, коснулось и парламента. Палату общинъ стали обвинять въ своекорыстномъ образѣ дѣйствій, стали объяснять ея поведеніе ея составомъ, стали говорить, что народъ долженъ быть дѣйствительно представленъ въ палатѣ общинъ.

Какъ же держалъ себя господствующій классъ? Извѣстно, что въ эту эпоху въ Англіи царило крайне реакціонное направленіе. Великая французская революція страшно напугала господствующій классъ Англіи и болѣе всего онъ сталъ бояться парламентской реформы, которая казалась ему первымъ шагомъ къ демократической революціи [1]). Вотъ почему мысль о парламентской реформѣ, пріобрѣтавшая все болѣе и болѣе сторонниковъ въ новыхъ общественныхъ классахъ, наоборотъ, была крайне непопулярна въ поземельной аристократіи. Въ парламентѣ сторонники реформъ составляли изъ себя всегда самое незначительное меньшинство, да и реформы, которыя они хотѣли бы провести, большею частью отличались чертами осторожности и умѣренности. Начиная съ 1770 г., вопросъ о реформѣ выборовъ время отъ времени ставился на очередь [2]), но каждый разъ повторялась одна и та же исторія: парламентъ и слышать не хотѣлъ о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ въ существовавшей системѣ представительства. Многіе члены парламента прямо утверждали, что, на-

[1]) Т. IV, стр. 448 и сл., 464 и сл., 473 и сл.
[2]) Т. IV, стр. 445, 469 и 479.

примѣръ, отнятіе представительства у „гнилыхъ мѣстечекъ“ было бы нарушеніемъ права частной собственности: только въ виду подобнаго соображенія становится намъ понятнымъ сдѣланное еще въ 1785 г. Питтомъ предложеніе ассигновать весьма крупную сумму денегъ на выкупъ этого права у собственниковъ „гнилыхъ мѣстечекъ“. И предъ самой парламентской реформой 1832 г. старая система защищалась тѣмъ же самымъ аргументомъ. По мѣрѣ того, какъ парламентъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свое упорство, въ обществѣ, наоборотъ, идея реформы получала все бо̀льшую и бо̀льшую силу. Въ началѣ XIX столѣтія она дѣлается предметомъ политической агитаціи въ прессѣ и на митингахъ, особенно съ 1819 г. [1]). Болѣе умѣренныя предположенія, возникавшія относительно реформы у прежнихъ ея защитниковъ, смѣняются теперь требованіями болѣе радикальными, прямо демократическими, какія, напримѣръ, пропагандируетъ Коббетъ [2]). Стараясь во что бы то ни стало сохранить старый порядокъ, господствующее большинство парламента и правительство принимаютъ разныя репрессивныя мѣры противъ политической агитаціи во имя парламентской реформы. Сами виги, среди которыхъ возникъ вопросъ о реформѣ, были не особенно довольны радикальною проповѣдью представителей новой демократической партіи и нерѣдко обнаруживали нѣкоторое колебаніе, боясь, какъ бы реформа не зашла дальше того, на чемъ, по ихъ мнѣнію, она должна была остановиться, а это въ свою очередь только ослабляло партію реформы. Лишь въ серединѣ 20-хъ годовъ намѣчается въ Англіи нѣкоторый общій поворотъ отъ реакціи къ либерализму и стали создаваться болѣе благопріятныя условія для проведенія реформъ [3]). Припомнимъ, что въ 1824 г. разрѣшено было рабочимъ заключать между собою союзы, хотя бы это разрѣшеніе и было вскорѣ обставлено ограничительными правилами [4]). Припомнимъ также, что около того же времени парламентъ отмѣнилъ старые законы, закрывавшіе для диссидентовъ доступъ къ государственной и общественной дѣятельности, а въ 1829 г. согласился на такъ называемую эманципацію католиковъ [5]). На сторонниковъ парламентской реформы не могло не произвести впечатлѣнія то обстоятельство, что эманципація католиковъ была результатомъ совершенно такой же политической агитаціи, какая велась и въ пользу парламентской реформы. Наконецъ, въ самомъ парламентѣ въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ составъ былъ

[1]) Т. IV, стр. 479—482.
[2]) Т. IV, стр. 484.
[3]) Т. IV, стр. 463 и сл. и выше стр. 14 и сл.
[4]) Т. IV, стр. 559—560.
[5]) Т. IV, стр. 432.

уже нѣсколько иной, нежели въ предыдущее десятилѣтіе. Старые дѣятели, сохранявшіе въ своей памяти впечатлѣніе, произведенное на нихъ французской революціей, начинали сходить со сцены, и ихъ мѣста начинали занимать представители болѣе молодого поколѣнія, уже знавшаго о революціи только по наслышкѣ и потому спокойнѣе относившагося къ перспективѣ измѣненій въ государственномъ строѣ Англіи, необходимость которыхъ чувствовалась все настоятельнѣе и настоятельнѣе.

Главнымъ борцомъ за реформу въ парламентѣ былъ Джонъ Россель, которому удалось образовать вокругъ себя цѣлую группу сторонниковъ реформы изъ умѣренныхъ виговъ. Онъ и слышать не хотѣлъ о радикальныхъ предложеніяхъ, дѣлавшихся вождями демократической партіи. Весь его планъ сводился къ тому, чтобы лишить землевладѣльческіе классы исключительнаго вліянія на выборы и даровать представительство новымъ промышленнымъ центрамъ. Въ первый разъ съ такимъ проектомъ выступилъ Россель въ 1819 г. и не переставалъ энергично добиваться своего въ слѣдующіе годы. Между тѣмъ произведена была эманципація католиковъ, открывшая передъ ними двери парламента. Многіе торіи стали опасаться, какъ бы католики не скупили всѣхъ „гнилыхъ мѣстечекъ“ и не пріобрѣли большинства въ палатѣ общинъ. Одинъ изъ членовъ этой партіи, лордъ Бландфордъ, внесъ предложеніе о реформѣ парламента въ демократическомъ духѣ. Это предложеніе было поддержано героемъ эманципаціи католиковъ О'Коннелемъ, который съ своей стороны въ 1830 г. потребовалъ всеобщей и тайной подачи голосовъ, причемъ члены палаты общинъ должны были выбираться только на три года. Всѣ эти предложенія проваливались. Противъ нихъ выступало и само правительство. Каннингъ, повернувшій въ либеральную сторону во внѣшней политикѣ [1]), былъ рѣшительнымъ противникомъ реформы и даже однажды умолялъ Росселя не поднимать этого вопроса. Еще менѣе можно было ожидать уступки со стороны Веллингтона, въ руки котораго перешла власть по смерти Каннинга: это былъ представитель самаго реакціоннаго торизма. Ни большинство парламента, ни министерство не обращали ни малѣйшаго вниманія на массу петицій, поступавшихъ ежегодно отъ отдѣльныхъ графствъ и городовъ. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда 26 іюня 1830 г. скончался Георгъ IV, и англійскій престолъ перешелъ къ его брату Вильгельму IV. По старому обычаю, парламентъ, собранный умершимъ королемъ, долженъ былъ быть распущенъ, дабы можно было по приглашенію уже новаго короля созвать и новый парламентъ. Актъ распу-

[1]) Т. IV, стр. 462.

щенія парламента былъ подписанъ 23 іюля, а чрезъ нѣсколько дней въ Англіи было получено извѣстіе объ іюльской революціи въ Парижѣ.

На англичанъ іюльская революція произвела сильное впечатлѣніе. Партія, стоявшая у власти съ Веллингтономъ во главѣ, отнеслась къ этому перевороту съ крайнимъ неудовольствіемъ. Зато виги не скрывали своей радости. Они ненавидѣли Веллингтона за его реакціонную внѣшнюю политику, особенно за его туркофильство во время греческаго возстанія и даже питали подозрѣніе, будто Веллингтонъ поддерживалъ во Франціи ретроградную политику Полиньяка. Газеты виговъ выражали полнѣйшее свое удовольствіе по поводу совершившагося переворота. Многіе состоятельные люди нарочно совершали путешествіе въ Парижъ, чтобы посмотрѣть на тамошнихъ героевъ дня и выразить имъ свое сочувствіе. Еще болѣе радовались радикалы, для которыхъ парижская революція получала характеръ поощряющаго примѣра. Среди рабочихъ господствовалъ настоящій энтузіазмъ. Агитація въ пользу реформы при такихъ обстоятельствахъ сдѣлалась еще болѣе настойчивою. Только-что возникшая „національная унія“, располагая большими суммами денегъ и большимъ вліяніемъ на общество, воспользовалась общимъ настроеніемъ для того, чтобы усилить агитацію въ прессѣ и на митингахъ въ пользу реформы.

Новый парламентъ собрался въ началѣ ноября. Первая рѣчь, произнесенная въ палатѣ лордовъ, была посвящена вопросу о реформѣ, и выступилъ съ нимъ одинъ изъ самыхъ старыхъ сторонниковъ реформы, лордъ Грей [1]). Онъ указалъ на то, что происходило тогда на континентѣ: буря могла разразиться и въ Англіи, и бурю эту нужно было предотвратить, но для этого необходимо было реформою парламента удовлетворить желанія современниковъ. И на этотъ разъ Веллингтонъ отвѣчалъ упорнымъ отказомъ. Въ своей рѣчи въ отвѣтъ Грею онъ даже заявилъ, что если бы ему было поручено издать для Англіи новые законы, то при всемъ своемъ желаніи онъ едва ли съумѣлъ бы придумать что-либо болѣе совершенное, чѣмъ существующій порядокъ. Это заявленіе отличалось такой рѣзкостью, что даже многіе лорды торійской партіи нашли рѣчь Веллингтона безтактной, а одинъ лордъ прямо сказалъ ему, что послѣ этого дни его министерства сочтены. Въ палатѣ общинъ слова министра вызвали цѣлую бурю негодованія. Въ Лондонѣ и странѣ господствовало страшное волненіе. На другой же день денежные фонды стали падать, и возможность еще большаго ихъ паденія произвела панику среди представителей денежнаго капитала. Населеніе столицы до такой степени волновалось, что власти со дня на день ожидали возстанія и принимали экстрен-

---

[1]) Т. IV, стр. 445.

ныя мѣры. Обычное посѣщеніе королемъ и министрами банкета, устраиваемаго лордомъ-мэромъ, было отмѣнено, но извѣстіе объ этомъ, опубликованное въ газетахъ, только подлило масла въ огонь. Въ первый же воскресный день толпы народа окружили зданіе парламента, въ которомъ собрались многіе члены, громко выражавшіе протестъ противъ поведенія министерства. Кое-гдѣ происходили стычки народа съ полиціей и войскомъ. На другой же день лордомъ Брумомъ былъ снова поставленъ въ парламентѣ вопросъ о реформѣ, который по его требованію долженъ былъ немедленно же подвергнуться разсмотрѣнію. Прежде, однако, чѣмъ началось обсужденіе этого дѣла, министерство Веллингтона, потерпѣвшее пораженіе по одному второстепенному вопросу, касавшемуся содержанія королевской фамиліи, вынуждено было подать въ отставку.

Вильгельмъ IV, который лично далеко не былъ расположенъ въ пользу реформы, поручилъ составить новое министерство лорду Грею. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, конечно, и думать было нечего о какомъ-либо министерствѣ, которое не стояло бы за реформу. Большинство новаго кабинета состояло изъ членовъ верхней палаты, т.-е. изъ представителей крупнаго землевладѣнія, что служило извѣстной гарантіей для членовъ парламента, опасавшихся радикальной реформы. Назначеніе новаго министерства не успокоило броженія, происходившаго въ народной массѣ. Зима 1830—31 г. была крайне безпокойна, и многіе были убѣждены въ неизбѣжности близкой революціи. Понятно, что министерство, стоявшее за необходимость уступокъ, должно было дѣйствовать съ большою осторожностью, но въ немъ самомъ не было единства во взглядахъ на то, чѣмъ должна была быть поставленная на очередь реформа. Одни члены кабинета представляли себѣ дѣло довольно узко, другіе высказывались за болѣе широкія перемѣны. На первыхъ порахъ трудно было предвидѣть, какое мнѣніе получитъ перевѣсъ, но по мѣрѣ того, какъ министерство все болѣе и болѣе убѣждалось, что положеніе съ каждымъ днемъ становится серьезнѣе, мнѣніе о необходимости болѣе широкой реформы, хотя бы въ основѣ своей и умѣренной, стало получать перевѣсъ. Коммиссія, которая должна была приготовить билль, была образована изъ лицъ, стоявшихъ въ кабинетѣ за болѣе широкую реформу. Самымъ виднымъ членомъ этой коммиссіи былъ Россель: онъ и внесъ въ парламентъ билль о реформѣ 1 марта 1831 г. Когда содержаніе билля сдѣлалось извѣстнымъ, встрѣченъ онъ былъ различнымъ образомъ. Торіи негодовали и всячески выражали свое недовольство, тогда какъ, наоборотъ, виги отнеслись къ биллю въ общемъ съ большимъ одобреніемъ. Въ обществѣ и въ народныхъ массахъ билль былъ принятъ съ восторгомъ, и даже Коббетъ, шедшій въ своихъ по-

литическихъ требованіяхъ гораздо далѣе того, что̀ давала предполагавшаяся реформа, отозвался о биллѣ съ большимъ сочувствіемъ. Наоборотъ, въ торійской партіи все сильнѣе проявлялось несочувствіе къ реформѣ, въ которой нѣкоторые представители этой партіи готовы были видѣть настоящую революцію. Они рѣшились во что бы то ни стало отстаивать старый порядокъ, и поэтому билль о реформѣ сдѣлался предметомъ ожесточенной борьбы, продолжавшейся болѣе года. Сопротивленіе, встрѣченное имъ, было весьма упорное, но не меньшую энергію проявили и защитники реформы, за которыми стояли народныя массы, занявшія къ этому времени весьма грозное положеніе.

Сущность билля о реформѣ сводилась къ слѣдующему. 60 „гнилыхъ мѣстечекъ“ должны были совершенно лишиться права посылать представителей въ парламентъ, а 47 бурговъ, въ которыхъ населеніе превышало 2.000 душъ, могли впредь высылать лишь по одному представителю, вмѣсто прежнихъ двухъ. Крупные промышленные центры получали въ парламентѣ 44 мѣста, и число представителей отъ Лондона увеличивалось на 8. Ранѣе право выбирать представителей принадлежало въ городахъ замкнутымъ корпораціямъ [1]), а теперь оно распространялось на всѣхъ домохозяевъ, платившихъ за квартиру 10 ф. ст. Особенно населенныя графства получали по лишнему представителю, причемъ право голоса и здѣсь распространялось на большее количество лицъ. Общее число членовъ нижней палаты вслѣдствіе этихъ перемѣнъ должно было понизиться съ 658 до 596, сами избирательные порядки подвергались нѣкоторымъ измѣненіямъ, а срокъ полномочій представителей сокращался съ 7 лѣтъ [2]) на 5. Первое чтеніе билля прошло благополучно, но при второмъ чтеніи изъ 603 членовъ палаты общинъ, подававшихъ голоса, за билль высказалось только 302 голоса (22-го марта). Это не предвѣщало ничего хорошаго, и дѣйствительно, при третьемъ чтеніи (19 апрѣля) 299 голосовъ противъ 291 было подано за одну частную поправку, принятіе которой было почти равносильно отверженію самого билля. Для министерства такое голосованіе было равносильно пораженію. Тѣмъ не менѣе оно потребовало, чтобы палата приступила къ обсужденію бюджета, но торійская партія добилась того, что и въ этомъ требованіи министерству было отказано. Министерство заранѣе предвидѣло возможность неудачи и незадолго передъ тѣмъ испрашивало у короля согласія на распущеніе парламента. Сначала Вильгелмъ IV въ этой просьбѣ министерству отказалъ, но Грей теперь снова поставилъ тотъ же вопросъ и на этотъ разъ получилъ согласіе. Узнавъ объ этомъ, торіи задумали-было воспрепят-

---

[1]) Т. IV, стр. 443—444.

[2]) О введеніи семилѣтняго срока см. т. III, стр. 64.

ствовать распущенію, подавъ королю просьбу этого не дѣлать, но не успѣли привести въ исполненіе свой планъ. Вильгельмъ IV лично явился въ парламентъ, чтобы объявить его распущеніе. Извѣстіе объ этомъ было принято въ Лондонѣ съ большою радостью. На улицахъ королю, когда онъ возвращался изъ парламента, былъ оказанъ восторженный пріемъ, а вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, и гулявшія толпы народа выбивали стекла въ домахъ лордовъ, которые отказались освѣтить свои дома.

Во время выборовъ, вскорѣ затѣмъ начавшихся, съ обѣихъ сторонъ были употреблены всѣ усилія, чтобы получить побѣду. Торіи платили сумасшедшія деньги, чтобы добиться торжества своей партіи на выборахъ, но послѣдніе дали большинство партіи реформы довольно солидное—въ 136 человѣкъ. Новому парламенту билль былъ предложенъ 24 іюня. Но въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ торіи всячески мѣшали законодательному движенію билля. Въ теченіе всего этого времени по всей Англіи происходила усиленная агитація: собирались митинги, подавались въ парламентъ петиціи и т. п. Только 21 сентября билль прошелъ въ третьемъ чтеніи 345 голосами противъ 236. На другой же день онъ поступилъ въ палату лордовъ, но чрезъ двѣ недѣли съ небольшимъ (8 окт.) лорды 199 голосами противъ 158 отвергли реформу. При извѣстіи объ этомъ палата общинъ приняла рѣшеніе во что бы то ни стало поддерживать министерство. То же самое сдѣлалъ и совѣтъ Сити. Во всей странѣ стали опять собираться митинги; самый грандіозный изъ нихъ въ 150.000 человѣкъ собрался въ Бирмингамѣ, бывшемъ въ теченіе всего этого времени однимъ изъ наиболѣе видныхъ центровъ всего движенія, и на немъ вполнѣ единодушно было рѣшено не платить налоговъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ принятъ билль. Другой большой митингъ въ самомъ Лондонѣ при участіи многихъ членовъ парламента и массы богатыхъ лицъ принялъ рѣшеніе организовать особый политическій союзъ, дабы всѣми мѣрами добиваться проведенія реформы. Одновременно возвышалъ свой голосъ и другой союзъ чисто демократическаго характера, имѣвшій сильную поддержку въ рабочемъ классѣ. Онъ выступилъ съ прокламаціей, въ которой требовалъ всеобщей и тайной подачи голосовъ съ ежегодными выборами въ парламентъ. Авторы этого манифеста заявляли, что лишь исполненіе этихъ требованій можетъ удовлетворить рабочихъ, что какая бы то ни было другая реформа ими признана не будетъ, и созывали въ Лондонѣ митингъ на 7 ноября. Министерство и партія реформы въ парламентѣ были сильно встревожены агитаціей демократическаго союза; рѣшено было даже прибѣгнуть къ мѣрамъ предосторожности. Такъ какъ на митингѣ должна была итти рѣчь объ основаніи политической

ассоціаціи съ центральнымъ отдѣленіемъ въ Лондонѣ и филіальными отдѣленіями въ графствахъ и городахъ, то министерство объявило, что такія ассоціаціи несогласны съ конституціей и незаконны, а на случай могущаго возникнуть мятежа приготовлены были вооруженныя силы. И въ Лондонѣ, и въ другихъ мѣстахъ, дѣйствительно, происходили крупные безпорядки, которые давали поводъ торійскимъ газетамъ говорить о начинающейся революціи. На ноябрь мѣсяцъ засѣданія парламента были отсрочены, и за это время часть болѣе умѣренныхъ торіевъ согласилась заключить компромиссъ съ партіей реформы. Въ началѣ декабря въ палату общинъ снова былъ внесенъ билль о реформѣ, на этотъ разъ, однако, сильно урѣзанный: число членовъ палаты оставлено было прежнее, число мѣстечекъ, лишавшихся права представительства или сохранявшихъ право посылать только одного представителя, было уменьшено. Въ палатѣ общинъ билль въ этой новой формѣ прошелъ благополучно. Въ самой палатѣ лордовъ Грею удалось перетянуть на свою сторону нѣкоторыхъ епископовъ и свѣтскихъ пэровъ, благодаря чему первое чтеніе билля дало большинство въ 9 голосовъ. Положеніе было, однако, все-таки непрочно, и у министерства было въ запасѣ вѣрное средство добиться благопріятнаго голосованія: именно стоило только назначить достаточное количество новыхъ лордовъ, набравши ихъ изъ среды лицъ, сочувствовавшихъ реформѣ, что̀ было вполнѣ конституціоннымъ правомъ короны. Грей не хотѣлъ прибѣгать къ этой во всякомъ случаѣ исключительной мѣрѣ и, только уступая давленію со стороны своихъ единомышленниковъ и удовлетворяя единодушному желанію вигистскихъ газетъ, испросилъ на это согласіе у короля, отложивъ, впрочемъ, приведеніе этой мѣры въ исполненіе. Съ своей стороны, противники реформы напрягли всѣ свои силы и 7 мая при разсмотрѣніи отдѣльныхъ параграфовъ билля нанесли министерству пораженіе 151 голосомъ противъ 116. Грей и его товарищи подали въ отставку. Составить новый кабинетъ поручено было герцогу Веллингтону, но палата депутатовъ была противъ него. 10 мая большинствомъ 80 голосовъ она вотировала королю адресъ о своемъ довѣріи къ министерству Грея. Въ Лондонѣ и во всей странѣ броженіе сразу приняло весьма грозный характеръ. Лондонскій городской совѣтъ послалъ въ палату общинъ петицію о томъ, чтобы она не выдавала правительству денежныхъ средствъ. Подобное же требованіе предъявлялось и въ другихъ мѣстахъ. На многочисленныхъ митингахъ принималось рѣшеніе не платить налоговъ. Въ Бирмингамѣ снова былъ созванъ митингъ въ 150.000 человѣкъ, и на немъ была принесена торжественная клятва во что бы то ни стало добиваться реформъ. Во многихъ случаяхъ агитація направлялась прямо противъ палаты лордовъ. Не было недостатка и

въ воззваніяхъ, приглашавшихъ взяться за оружіе. Положеніе Веллингтона было крайне затруднительно. Не только виги не могли представить себѣ Веллингтона у власти, но и крайніе торіи отнеслись къ нему враждебно, какъ къ измѣннику, потому что король далъ ему порученіе составить новый кабинетъ подъ условіемъ внесенія въ парламентъ новаго билля о реформѣ. 14 мая изъ обѣихъ партій вышло даже предложеніе выразить недовѣріе новому министерству. Между тѣмъ Веллингтонъ и самъ убѣдился, что образовать новый кабинетъ онъ не въ силахъ, такъ какъ не могъ найти людей, которые согласились бы принять на себя бремя правленія среди такихъ трудныхъ обстоятельствъ. Поэтому 15 мая онъ просилъ короля освободить его отъ этой непосильной задачи, и Вильгельму IV осталось только обратиться снова къ Грею съ предложеніемъ образовать новое министерство. Послѣ этого судьба билля была уже обезпечена: подъ угрозою назначенія новыхъ пэровъ лорды сдѣлались уступчивѣе, а для полнаго обезпеченія билля Грей уговорилъ короля пустить въ ходъ еще одно средство, которое нельзя назвать вполнѣ конституціоннымъ: ко многимъ изъ членовъ верхней палаты король обратился съ посланіемъ, въ коемъ выражалъ желаніе, чтобы они болѣе не препятствовали реформѣ. Нѣкоторые лорды прямо уклонились отъ участія въ обсужденіи билля, и въ началѣ іюня 1832 г. онъ былъ принятъ окончательно, а утвержденіе его королемъ дало ему силу закона.

Парламентская реформа 1832 г. доставила побѣду вигамъ, которые послѣ этого надолго утвердились у власти. Такая перемѣна не могла не отразиться и на внѣшней политикѣ Англіи. Уже сама іюльская революція, снова сблизившая между собою три абсолютныя монархіи—Австрію, Пруссію и Россію, заставила Францію и Англію искать поддержки другъ у друга, а переходъ власти въ самой Англіи отъ консервативной партіи къ либеральной долженъ былъ еще болѣе содѣйствовать этому сближенію обѣихъ конституціонныхъ монархій. Между ними образовалось даже особаго рода соглашеніе, и вскорѣ Англіи и Франціи пришлось выступить сообща во имя поддержки конституціонныхъ учрежденій на Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ происходила своя политическая борьба. Но главное значеніе парламентская реформа имѣла, конечно, во внутренней исторіи Англіи, сдѣлавшись исходнымъ пунктомъ новаго историческаго періода и положивъ начало постепенной, хотя и не вполнѣ еще завершившейся, демократизаціи англійскаго государственнаго строя.

На парламентскую реформу 1832 г. мы вообще имѣемъ право смотрѣть, какъ на первый шагъ, сдѣланный англійскимъ парламентомъ въ томъ направленіи, которое раньше или позже должно привести къ установленію всеобщей подачи голосовъ. Правда, этотъ послѣдній

принципъ, проведенія котораго требовала демократическая партія, не былъ принятъ, и по биллю 1832 г. избирательное право разсматривалось, какъ льгота (franchise), т.-е. привилегія, принадлежащая особымъ корпораціямъ, каковы собранія графствъ, города и университеты, или распространяющаяся лишь на обладателей имущественнаго ценза, но несмотря на это, старому порядку былъ нанесенъ ударъ. Число избирателей сразу повышалось. Прежде въ графствахъ число избирателей не доходило до 250.000, теперь оно достигало 370.000; въ городахъ и мѣстечкахъ число избирателей увеличилось приблизительно на 100.000, именно съ 188.000 до 286.000. Такимъ образомъ въ общей сложности Англія получала около 220.000 новыхъ избирателей, что̀ при 435.000 прежнихъ избирателей составляло довольно солидную цифру. Правда и то, что число представителей оставалось прежнимъ, выбирались они на прежній довольно длинный семилѣтній срокъ, подача голосовъ сохранялась старая, открытая, и избраннымъ признавался по старому тотъ, кто получалъ относительно бо̀льшее количество голосовъ, хотя бы это большинство не было абсолютнымъ,— тѣмъ не менѣе палата общинъ послѣ 1832 г. гораздо болѣе стала соотвѣтствовать общественному настроенію и вѣрнѣе выражать общественное мнѣніе. Такихъ представителей, которые являлись бы въ палату по желанію какого-либо лендлорда или по назначенію замкнутой городской олигархіи, болѣе уже не могло быть, или они представляли лишь рѣдкія исключенія. Число злоупотребленій во время выборовъ стало сокращаться и, наоборотъ, стало возрастать количество случаевъ, когда палата оспаривала правильность выборовъ, что̀, конечно, гарантировало ихъ бо̀льшую добросовѣстность и законность. Члены палаты общинъ стали ревностнѣе посѣщать засѣданія и гораздо больше работать. Объ усиленіи ихъ дѣятельности свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что число ежегодныхъ докладовъ и отчетовъ, печатавшихся для палаты, возросло на первыхъ же порахъ съ 30 до 50 томовъ. Несмотря на ростъ періодической печати, парламентъ въ первой трети нынѣшняго столѣтія попрежнему относился неблагосклонно къ печатанію газетами отчетовъ о парламентскихъ засѣданіяхъ. Напримѣръ, въ 1832 г. палата общинъ не разрѣшила предать гласности списки голосовъ, поданныхъ представителями, и была крайне недовольна, когда О'Коннель обнародовалъ въ Ирландіи эти списки, чѣмъ, по старымъ понятіямъ [1]), нарушилъ одну изъ существенныхъ привилегій парламента. Но скоро и въ этомъ отношеніи произошла перемѣна. Когда стали строить новую залу для засѣданій на мѣсто прежней сгорѣвшей, то нашли нужнымъ

[1]) Т. III, стр. 68 и 79.

отвести въ ней особыя мѣста для публики. Это было всего чрезъ два года послѣ реформы, а прошло еще два года, и палата начала сама публиковать, какіе голоса какими представителями подавались по отдѣльнымъ вопросамъ. Отношеніе парламента къ періодической прессѣ равнымъ образомъ измѣнилось и въ другомъ отношеніи. Въ 1836 г. пониженъ былъ гербовый налогъ, платившійся съ каждаго отдѣльнаго экземпляра всѣхъ нумеровъ любой газеты, что сдѣлало газеты болѣе доступными по цѣнѣ сравнительно съ прежнимъ временемъ [1]). Сразу же и тутъ обнаружилось возрастаніе гласности, а съ нею и общественнаго интереса къ парламенту. Наконецъ, случаи возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ газетъ стали дѣлаться все болѣе рѣдкими, что благодѣтельно отозвалось на развитіи свободы печати. Однимъ словомъ, отъ реформы 1832 г. въ Англіи несомнѣнно выиграла политическая свобода. Хотя броженіе, вызванное въ странѣ требованіемъ парламентской реформы, и не могло сразу улечься, прежняго ожесточенія въ борьбѣ съ новыми движеніями уже не было. Мало того: бывшіе противники реформы не только не пытались вернуться къ старому порядку, но поставили прямо своею задачею охранять новый строй, вышедшій изъ преобразованія выборовъ, мирясь, конечно, въ данномъ случаѣ съ совершившимся фактомъ, но въ то же время опасаясь новыхъ, еще болѣе рѣзкихъ перемѣнъ. Въ этомъ отношеніи консерватизмъ въ Англіи совсѣмъ непохожъ на консерватизмъ континентальныхъ странъ; онъ вполнѣ заслуживалъ своего названія, какъ направленіе дѣйствительно охранительное, поддерживающее существующій порядокъ, тогда какъ континентальные консерваторы въ большинствѣ случаевъ выступали въ роли реакціонеровъ, враждебныхъ существующему порядку, разъ послѣдній не соотвѣтствовалъ ихъ желаніямъ, разъ онъ являлся результатомъ отмѣны какихъ-либо старыхъ привилегій или злоупотребленій. Впослѣдствіи даже случалось, что консерваторы въ Англіи проводили реформы, задуманныя либералами. Самое образованіе неудавшагося министерства Веллингтона въ 1832 г. было обусловлено выработкою билля о реформѣ, который въ такомъ случаѣ былъ бы внесенъ торійскимъ министерствомъ. Впрочемъ, послѣ 1832 г. торіямъ долгое время не удавалось утвердиться у власти. Новые избиратели на выборахъ поддерживали большею частью виговъ. Сами торіи, когда имъ приходилось пользоваться властью, стали раздѣлять принципъ виговъ, въ силу котораго министерство должно было выходить въ отставку, лишаясь довѣрія палаты общинъ. Вскорѣ послѣ реформъ Вильгельмъ IV, воспользовавшись несогласіемъ либераловъ по одному

[1]) Ср. т. IV, стр. 390. Этотъ налогъ былъ отмѣненъ только въ 1855 г.

частному вопросу, образовалъ торійское министерство, во главѣ котораго стоялъ сначала Веллингтонъ, потомъ Пиль. Не имѣя поддержки большинства въ палатѣ общинъ, Пиль убѣдилъ короля распустить палату, но новые выборы также не дали министерству большинства, и это вскорѣ заставило Пиля не только выйти въ отставку, но и признать самый принципъ парламентарнаго министерства. Онъ самъ говорилъ, что общій смыслъ государственнаго устройства и законовъ Англіи требуетъ, чтобы министерство не шло наперекоръ прямому желанію палаты общинъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно имѣетъ на своей сторонѣ полное довѣріе короны и большинство въ палатѣ лордовъ (1835 г.) Это было окончательнымъ признаніемъ принципа, который выработался еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ, но не всегда соблюдался въ теченіе этихъ ста лѣтъ.

Парламентская реформа 1832 г. не могла вполнѣ удовлетворить демократическую партію и тѣ общественные классы, которые попрежнему оставались исключенными изъ представительства. Нужно было быть собственникомъ или нанимателемъ дома, магазина, конторы, склада или фабрики, стоящихъ не менѣе 10 ф. ст. въ годъ, или нужно было быть собственникомъ либо арендаторомъ поземельной собственности, приносящей извѣстный доходъ, чтобы пользоваться избирательнымъ правомъ, а это значило, что избирательное право для рабочихъ оставалось совершенно невозможнымъ. Вотъ почему въ Англіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ возникла новая агитація въ пользу демократической реформы парламента и другихъ аналогичныхъ измѣненій, извѣстная подъ названіемъ „чартизма“. Движеніе это, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, своей цѣли не достигло. Съ самаго же начала новой демократической агитаціи палата общинъ пятью стами голосовъ противъ двадцати двухъ одобрила отвѣтъ Джона Росселя, что реформа парламента окончена и никакихъ болѣе измѣненій не нужно. Однако, въ пятидесятыхъ годахъ въ самомъ парламентѣ пришли къ мысли о необходимости новой избирательной реформы, и весьма любопытно, что первымъ, предложившимъ нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствовавшей системѣ, былъ какъ-разъ Дж. Россель. Это обозначало, что потребность въ новой реформѣ вполнѣ созрѣла. Въ 1866 г. либеральнымъ министерствомъ Гладстона была предложена, а въ 1867 г. консервативнымъ министерствомъ Дизраэли проведена новая парламентская реформа, призвавшая къ пользованію избирательнымъ правомъ значительную часть рабочаго класса въ городахъ. Было вычислено, что, благодаря этой реформѣ выборовъ, составъ избирателей въ англійскихъ городахъ увеличился вдвое, въ шотландскихъ городахъ — втрое, а въ графствахъ, благодаря пониженію ценза—въ полтора раза. Такъ какъ,

однако, многіе новые избиратели (подобно, впрочемъ, и многимъ избирателямъ старымъ) находились въ экономической зависимости отъ землевладѣльцевъ или капиталистовъ, то пользоваться полной свободой при подачѣ голосовъ они не могли, пока существовала старая система открытой подачи голосовъ; тайная же подача голосовъ установлена была въ Англіи лишь въ 1872 г. Реформа 1867 г. въ городахъ давала избирательное право всѣмъ квартирохозяевамъ, платящимъ за свои жилища 10 ф. ст. въ годъ, но въ графствахъ рабочіе оставались попрежнему исключенными изъ избирательнаго права до 1884 г., когда по предложенію Гладстона законъ 1867 г. не былъ распространенъ и на населеніе графствъ. Въ 1884 г. были преобразованы избирательные округа и избирательные списки въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія голосовъ. По реформамъ 1884 и 1885 г. избирательное право получили всѣ домохозяева, которые занимаютъ отдѣльныя жилища, будетъ ли то цѣлый домъ или только часть дома, и къ этой категоріи лицъ были причислены даже съемщики помѣщеній отъ квартирантовъ съ платою не менѣе 10 ф. ст. въ годъ. При этомъ число членовъ палаты общины было повышено до 670.

Однако, и эта послѣдняя реформа парламента не затронула нѣкоторыхъ старинныхъ особенностей англійскаго избирательнаго права. Главное, на что нужно обратить вниманіе, это—связь права голоса съ жилищемъ, а не съ лицомъ, благодаря чему въ 1885 г. въ Англіи насчитывалось около 1.800.000 совершеннолѣтнихъ мужчинъ, лишенныхъ права голоса, и само это право попрежнему остается особой льготой (franchise).

Если въ 1884—5 гг., т.-е. черезъ 50 слишкомъ лѣтъ послѣ парламентской реформы 1832 г., Англія не рѣшилась еще ввести у себя всеобщую подачу голосовъ, то весьма понятно, какъ должны были правящіе классы отнестись къ демократической программѣ реформы выборовъ въ свое время. Выиграли отъ реформы лишь новые промышленно-торговые классы. Виги, стоявшіе тогда у власти, опредѣляя, какія мѣстечки должны лишиться избирательнаго права, особенно неблагосклонно отнеслись къ тѣмъ изъ нихъ, которыя привыкли посылать въ парламентъ торіевъ. Въ союзѣ съ вигами англійская буржуазія стала пользоваться своимъ новымъ положеніемъ главнымъ образомъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ. Прямые подкупы въ прежнемъ смыслѣ сдѣлались почти невозможными или, по крайней мѣрѣ, весьма рискованными въ виду болѣе строгаго отношенія къ нимъ со стороны властей, но разные косвенные способы расположенія въ свою пользу избирателей продолжали существовать попрежнему. До 1832 г. лица, ставившія свою кандидатуру, должны

были тратить большія деньги, чтобы добиться избранія, но и послѣ реформы избирательные расходы оставались попрежнему весьма высокими, доступными лишь людямъ съ большими средствами, и понятно, что кому-нибудь должно было быть выгодно нести эти расходы. Въ лондонскомъ Сити въ концѣ пятидесятыхъ годовъ каждый избранный кандидатъ обходился въ 11.000 слишкомъ ф. ст., т.-е. около ста тысячъ р. Многія лица, которыя не одобряли подобной системы, должны были отказываться отъ званія членовъ парламента. Такъ поступилъ, напр., Дж. Ст. Милль, согласившійся на предложеніе своихъ друзей выбираться въ парламентъ подъ условіемъ, чтобы на постановку его кандидатуры не было истрачено большихъ денежныхъ суммъ. До сихъ поръ въ Англіи избирательные расходы весьма значительны, и если къ этому прибавить еще то, что представители не получаютъ жалованья, станетъ вполнѣ понятнымъ, почему — въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ—Англію опередили континентальныя страны, въ которыхъ установились болѣе демократическія системы выборовъ.

Три послѣдовательныя реформы англійскаго парламента оставили неприкосновеннымъ и старый семилѣтній срокъ депутатскихъ полномочій. Благодаря этому, парламентъ не всегда вполнѣ точно выражаетъ собою господствующее въ данную минуту настроеніе народа. Правда, установился обычай, въ силу котораго парламентъ распускается обыкновенно раньше истеченія его полномочій, но это зависитъ отъ усмотрѣнія министерства, въ рукахъ котораго угроза распущенія является въ иныхъ случаяхъ важнымъ оружіемъ. Избраніе депутатовъ и въ настоящее еще время производится относительнымъ большинствомъ голосовъ безъ баллотировки, благодаря чему бываютъ иногда возможны консервативныя избранія въ мѣстностяхъ, гдѣ консерваторамъ далеко не принадлежитъ большинство голосовъ. Изъ этого видно, до какой степени въ Англіи упорно держатся старые избирательные порядки. Требованіе демократической партіи, чтобы выборы въ парламентъ происходили ежегодно, въ свое время должно было точно также возбудить противъ себя господствующій классъ. Лишь постепенно, путемъ частныхъ уступокъ, господствующій классъ удовлетворялъ новымъ требованіямъ, но и демократическую партію частныя уступки успокаивали лишь на время, пока какія-либо обстоятельства не заставляли ее снова требовать измѣненій.

Такимъ именно обстоятельствомъ и былъ для Англіи іюльскій переворотъ 1830 г. Если великая французская революція повліяла на внутреннюю жизнь Англіи, усиливъ въ ней реакціонныя стремленія, то это объясняется лишь слабостью въ Англіи въ концѣ XVIII в. тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые могли бы сочувственно отне-

стись къ великому демократическому движенію, происходившему по ту сторону Ламанша. За четыре десятилѣтія, отдѣляющія одну революцію отъ другой, новые общественные элементы въ Англіи настолько выросли и окрѣпли, настолько стали сознавать и чувствовать свою силу, что общимъ результатомъ іюльскаго переворота для Англіи было усиленіе не консервативныхъ элементовъ общества, какъ то случилось послѣ 1789 г., а наоборотъ, усиленіе элементовъ прогрессивныхъ. Конечно, трудно опредѣлительно утверждать, что безъ іюльской революціи парламентская реформа въ Англіи была бы еще надолго отсрочена, но что іюльская революція произвела сильное впечатлѣніе на англичанъ и значительно содѣйствовала страстности, съ какою до принятія билля велась борьба,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія и по свидѣтельству самихъ современниковъ, и по дѣйствительнымъ фактамъ, которыми располагаетъ исторія. Броженіе въ Англіи имѣло настоящій революціонный характеръ, но если и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ дѣло не дошло въ Англіи до насильственнаго переворота, котораго одни опасались и отъ котораго другіе были недалеки, то въ этомъ сказалось превосходство англійскихъ государственныхъ учрежденій и политическихъ нравовъ, воспитанныхъ свободными учрежденіями. Революціонная буря 1848 г., потрясшая чуть не всю Западную Европу, прошла мимо Англіи. Спокойное въ общемъ внутреннее развитіе Англіи между прочимъ сильно содѣйствовало тому, чтобы еще болѣе поднять авторитетъ англійскихъ политическихъ учрежденій въ глазахъ континентальныхъ либераловъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ классовомъ отношеніи были представителями интересовъ буржуазіи, т.-е. того самаго общественнаго класса, который въ Англіи 1832 г. былъ настоящимъ побѣдителемъ. Но уже и въ Англіи, и во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ буржуазный либерализмъ начиналъ вызывать противъ себя демократическую оппозицію, то ограничивавшуюся областью одной политики, то, наоборотъ, выдвигавшую на первый планъ соціальные вопросы.

Парламентская реформа 1832 г., нанесшая ударъ преобладанію поземельной аристократіи, но въ то же время не допустившая къ политическимъ правамъ демократію, поставила буржуазію въ необходимость, такъ сказать, вести борьбу на два фронта—противъ старыхъ законовъ, которыми защищались интересы аристократіи, и противъ демократіи, желавшей изданія новыхъ законовъ, которыми защищались бы и ея интересы.

V. Торжество буржуазіи послѣ 1830 г. [1]).

Сравненіе между іюльской революціей во Франціи и парламентской реформой въ Англіи.—Характеръ консервативной и либеральной партій въ Англіи и Франціи въ эту эпоху.—Начало политической роли соціализма.—Господство буржуазной идеи въ политической экономіи.—Отмѣна закона о бѣдныхъ въ Англіи.—Агитація въ пользу свободной торговли.—Возникновеніе манчестерской школы.—Взглядъ Луи Блана и Токвиля на господство буржуазіи.—Ліонское возстаніе рабочихъ въ 1831 г. и его значеніе.—Буржуазность въ литературѣ.

Іюльская революція во Франціи и парламентская реформа въ Англіи весьма сильно содѣйствовали усиленію буржуазіи въ обѣихъ странахъ. Эпоха реставраціи во Франціи была эпохой политической реакціи, за которой скрывалась реакція соціальная. Въ сущности, политическая борьба сводилась къ вопросу о томъ, какому общественному классу — землевладѣльческому дворянству или промышленной буржуазіи—должно принадлежать господство [2]). Іюльская революція рѣшила этотъ вопросъ въ пользу буржуазіи. Хотя въ іюльскіе дни побѣда надъ старымъ порядкомъ была одержана народомъ, плодами побѣды воспользовалась буржуазія. Недаромъ іюльскую монархію называютъ царствомъ буржуазіи, а короля-гражданина — и королемъ-буржуа. Хотя цензъ избирателей и избираемыхъ въ палату депутатовъ былъ пониженъ и, благодаря этому, число лицъ обѣихъ категорій значительно возросло, цензъ этотъ оставался все-таки весьма высокимъ, и громадное большинство французскаго народа лишено было

---

[1]) Для исторіи буржуазіи во Франціи и въ Англіи, кромѣ сочиненій, указанныхъ въ т. III, стр. 82 и 90 и т. IV, стр. 513—514, см. *J. Wade*. History of middle and working classes. 1835. *L. Levi*. Hist. of british commerce. 1880. *Cunningham*. The growth of english industry in modern times 1892.—*Gibbins*. Industrial history of England (рус. пер. 1895). Спеціально о движеніи въ пользу свободной торговли см. *Richelot*. Histoire de la réforme commerciale en Angleterre. 1853—1855.—*Калиновскій*. О развитіи и распространеніи идеи свободной торговли. 1850.—*И. Янжулъ*. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. 1874 (есть исторія лиги противъ хлѣбныхъ законовъ).—*Его же*. Англійская свободная торговля. 1882. Т. II: Періодъ свободной торговли.—*A. Mongredien*. History of the Free-trade-movement in England. 1881.—*L. Brentano*. Anfang und Ende der englischen Kornzölle. 1892.—О Кобденѣ и его роли въ исторіи свободной торговли существуетъ цѣлая литература, а именно соч. Garnier (1846), Bastiat (1848), Mac Gilchrist, Holtzendorf (1874), John Morley (1881 и франц. пер. 1885) и др. Въ книгѣ *Барду* La bourgeoisie française (1789—1848), вышедшей въ свѣтъ въ 1886 г., совсѣмъ не освѣщены взаимныя отношенія буржуазіи и пролетаріата.

[2]) Т. IV, стр. 381.

представительства въ палатѣ депутатовъ. Вотъ почему въ теченіе всего періода іюльской монархіи ей пришлось испытывать довольно сильную демократическую оппозицію, все болѣе и болѣе принимавшую чисто соціальный характеръ.

Въ Англіи тоже, благодаря парламентской реформѣ 1832 г., значительно возросло число избирателей, но цензъ все-таки оставался довольно высокимъ, и потому избиратели продолжали составлять очень небольшое меньшинство населенія страны. Хотя и здѣсь перемѣна была результатомъ энергичнаго выступленія народной массы, въ выигрышѣ оказалась главнымъ образомъ промышленная буржуазія, благодаря переходу права представительства отъ „гнилыхъ мѣстечекъ“ къ большимъ промышленнымъ городамъ. Въ борьбѣ за парламентскую реформу въ Англіи есть много общаго съ тою борьбою, какую во Франціи вела либеральная буржуазія противъ реакціоннаго дворянства. И въ дальнѣйшемъ наблюдается аналогія между демократической оппозиціей іюльскому режиму во Франціи и такъ называемымъ чартистскимъ движеніемъ въ Англіи. И здѣсь, и тамъ въ извѣстныхъ кругахъ и слояхъ общества обнаруживается недовольство исходомъ, какой получили въ одной странѣ революція, въ другой—парламентская реформа, и въ Англіи тоже, подобно тому, какъ это было и во Франціи, демократическое движеніе получило соціальный характеръ.

Въ обѣихъ странахъ общественные классы, имѣвшіе парламентское представительство, попрежнему дѣлились на двѣ партіи—консервативную и либеральную. Въ Англіи эти названія стали прилагаться къ прежнимъ торіямъ и вигамъ, но какія бы разногласія ни существовали между ними по общимъ и частнымъ вопросамъ политики, обѣ эти партіи одинаково представляли собою интересы господствующихъ классовъ. Во Франціи дѣленіе на партіи было нѣсколько болѣе сложнымъ, но если мы исключимъ немногочисленныхъ приверженцевъ Генриха V, съ одной стороны, а съ другой — не особенно сильную лѣвую, то двумя главными партіями, боровшимися между собою за власть, окажутся правый и лѣвый центры. Подобно тому, какъ въ Англіи послѣ реформы 1832 г. консервативныя министерства не придерживались строго парламентскаго правленія, а министерства либеральныя, наоборотъ, его укрѣпляли, и во Франціи вождь праваго центра, Гизо, отстаивалъ торійскій принципъ, по которому король имѣлъ право назначать министровъ, лишь считаясь съ мнѣніемъ палатъ, а не подчиняясь волѣ большинства, а глава лѣваго центра, Тьеръ, слѣдовалъ принципу виговъ, въ силу котораго король долженъ былъ выбирать министровъ, прямо сообразуясь съ волею большинства въ палатѣ. Были, конечно, и другіе пункты разно-

гласія между этими двумя главными партіями, боровшимися между собою за власть, но все это были пункты чисто политическіе, въ классовомъ же отношеніи политическіе противники были въ сущности защитниками однихъ и тѣхъ же интересовъ. Либерализмъ, который уже раньше имѣлъ буржуазный характеръ [1]), теперь еще болѣе отражалъ на себѣ предразсудки, пристрастія и интересы господствующаго класса. Партіи, отстаивавшія интересы народныхъ массъ и притомъ вполнѣ понимавшія, что дѣло не въ однихъ политическихъ преобразованіяхъ, обречены были на внѣ-парламентскую дѣятельность. Весьма естественно, что здѣсь царствовало оппозиціонное настроеніе, но очень часто эта оппозиція принимала характеръ простого политическаго радикализма. Тѣмъ не менѣе именно послѣ 1830 г. старый политическій радикализмъ начинаетъ проникаться новыми соціальными стремленіями. До тридцатыхъ годовъ зарождавшійся соціализмъ, — соціализмъ сенъ-симонистовъ, Фурье, Оуена, — держалъ себя далеко отъ политической жизни, и въ свою очередь политическіе радикалы мало интересовались вопросами, которые были самыми важными, самыми главными для тогдашнихъ соціальныхъ реформаторовъ. Политическую роль соціализмъ начинаетъ играть лишь послѣ іюльской революціи и отчасти даже подъ ея вліяніемъ, и съ другой стороны, соціальные вопросы начинаютъ входить въ политическія программы тоже въ эту эпоху.

Времена іюльской монархіи вообще характеризуются обостреніемъ отношеній между буржуазіей и пролетаріатомъ. Впервые въ эту эпоху утопическій соціализмъ, бывшій сначала достояніемъ немногихъ умовъ въ культурномъ слоѣ общества, проникаетъ въ народную массу и дѣлается политической силой. Буржуазіи, которая ранѣе вела борьбу преимущественно съ представителями стараго порядка, теперь послѣ побѣды надъ послѣднимъ приходится отстаивать себя противъ натиска съ другой стороны. Новыя ученія встрѣчаются ею крайне враждебно, и либерализмъ, когда-то игравшій роль прогрессивнаго фактора, начинаетъ получать консервативный оттѣнокъ — противъ требованій новыхъ общественныхъ классовъ, выступающихъ на арену политической жизни. Болѣе высокія стремленія прежняго либерализма съуживаются, и особенною популярностью начинаетъ пользоваться идея невмѣшательства государства въ сферу экономическихъ отношеній, въ борьбу капитала съ трудомъ [2]). Эта идея сдѣлалась своего рода догматомъ, и въ Англіи образовалась цѣлая школа политической экономіи, такъ называемая „манчестерская“, которая положила

[1]) Т. IV, стр. 286 и сл.
[2]) Т. IV, стр. 601—610.

принципъ „laisser faire, laisser passer“ въ основу всего своего ученія. Во Франціи эта доктрина равнымъ образомъ получила всѣ права гражданства и въ литературѣ, и на каѳедрахъ.

Еще въ 1820 г. лондонское Сити представило парламенту петицію о свободной торговлѣ, сразу вызвавъ этимъ сочувствіе въ другихъ частяхъ Соединеннаго королевства. Немедленно вслѣдъ за этимъ и главный городъ Шотландіи Эдинбургъ послалъ въ парламентъ свою петицію въ томъ же самомъ смыслѣ. Парламентъ тотчасъ же образовалъ особую коммиссію объ улучшеніи и расширеніи иностранной торговли страны. Съ этого момента въ англійскомъ обществѣ все болѣе и болѣе распространяется и утверждается идея свободной торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ она начинаетъ оказывать вліяніе на парламентское законодательство. Приблизительно съ этого же времени обнаруживается сильный общественный интересъ къ политической экономіи. „До 1818 г., говоритъ одинъ современникъ, о политической экономіи мало кто зналъ или, по крайней мѣрѣ, наука эта служила предметомъ обсужденія лишь среди тѣснаго кружка философовъ, а законодательство, которое далеко не согласовалось съ принципами этой науки, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отдалялось отъ нихъ“. Нѣсколько лѣтъ спустя общественное отношеніе къ политической экономіи было уже совершенно иное. „Политическая экономія, говоритъ Милль, съ большой силой потребовала себѣ права завѣдовать общественными дѣлами, и это требованіе выразилось въ подачѣ петиціи лондонскихъ купцовъ объ осуществленіи свободной торговли“. Экономическіе трактаты указанной эпохи, прибавляетъ онъ, „привлекли всеобщее вниманіе къ наукѣ, и воззрѣнія Рикардо [1]) начали пріобрѣтать приверженцевъ даже въ самомъ министерствѣ“. Съ 1822 г. въ парламентъ начинаютъ вноситься билли въ духѣ свободной торговли, причемъ сторонники послѣдней защищаютъ ее не только путемъ теоретическихъ соображеній, но и посредствомъ указаній на практическія требованія, вытекающія изъ самаго состоянія англійской промышленности. Напримѣръ, для англійскихъ фабрикъ необходимы были сырые продукты, привозившіеся въ страну изъ другихъ государствъ, и пока на сырье налагались ввозныя пошлины, англійскіе фабриканты не могли получать его по дешевой цѣнѣ. Или еще въ силу навигаціоннаго акта середины XVII в. [2]) привозить въ Англію иностранные товары можно было только на англійскихъ судахъ, что тоже неблагопріятно отзывалось на англійской промышленности, тѣмъ болѣе, что стѣсненія, которымъ были подчинены ино-

[1]) О Рикардо см. т. IV, стр. 616—618.

[2]) См. т. II, стр. 513 и 536.

странцы въ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей, вызывали со стороны другихъ правительствъ мѣры, стѣснительныя для самой англійской торговли, а потому стѣснительныя и для англійской промышленности, работавшей для вывоза за границу. Вотъ почему идея свободной торговли сдѣлалась такъ популярна въ англійской буржуазіи и почему эта буржуазія съ такой послѣдовательностью и настойчивостью добивалась осуществленія новаго принципа путемъ цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ, отмѣнявшихъ тѣ или другія старыя стѣсненія ввозной и вывозной торговли.

Совершенно иначе относилась къ этому вопросу поземельная аристократія, которая получала большія выгоды отъ существованія хлѣбныхъ законовъ, не дозволявшихъ падать цѣнамъ на хлѣбъ, производимый въ Англіи. Но парламентская реформа 1832 г. создала для буржуазіи совершенно новыя условія для проведенія въ жизнь своихъ классовыхъ интересовъ. Ослабивъ политическое значеніе поземельной аристократіи, эта реформа увеличила избирательныя права буржуазіи, а чрезъ это и ея вліяніе на парламентское законодательство. Рабочіе классы, которые своимъ содѣйствіемъ помогли буржуазіи добиться расширенія избирательныхъ правъ, довольно скоро почувствовали, что сами они ничего не выиграли отъ этой реформы. И вотъ въ то самое время, какъ буржуазія стремится къ осуществленію свободной торговли, распространяя этотъ принципъ и на промышленность въ смыслѣ полнаго невмѣшательства государства въ экономическую жизнь, рабочіе классы, наоборотъ, вооружаются противъ принципа свободной конкурренціи, какъ крайне невыгоднаго для ихъ интересовъ, и начинаютъ требовать государственнаго вмѣшательства въ промышленность ради огражденія именно этихъ интересовъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ англійская буржуазія добивается отъ парламента цѣлаго ряда мѣръ, результатомъ которыхъ было освобожденіе торговли отъ государственной регламентаціи. Но буржуазіи не удалось провести принципъ во всей его чистотѣ—въ области отношеній между промышленными предпріятіями и промышленнымъ трудомъ. Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, рабочіе слишкомъ громко предъявляли свои требованія, а съ другой стороны, нерѣдко они находили союзниковъ среди поземельной аристократіи, которая не раздѣляла увлеченія буржуазіи идеей экономической свободы.

Вліяніе идеи невмѣшательства государства въ экономическую жизнь народа прежде всего отразилось на отмѣнѣ въ 1834 г. старыхъ законовъ о бѣдныхъ [1]). По этимъ законамъ приходы посредствомъ особаго налога, падавшаго на поземельныхъ собственниковъ,

---

[1]) О законахъ о бѣдныхъ см. т. II, стр. 425—426 и т. IV, стр. 583—587.

должны были обезпечивать существованіе своихъ бѣдняковъ, между прочимъ даже въ формѣ приплаты къ личному заработку бѣдняка, если этого заработка не хватало для содержанія его самого. Съ 1834 г. пауперы могли получать пособія только въ рабочихъ домахъ, гдѣ были заведены самые строгіе порядки, заставлявшіе бѣдняковъ всячески избѣгать этихъ благотворительныхъ тюремъ. При проведеніи этого закона ссылались на теорію Мальтуса, говорившаго, что благотворительность только плодитъ нищихъ [1]). Но самый важный аргументъ былъ формулированъ во время преній герцогомъ Веллингтономъ и Брумомъ, которые указывали на то, что налоги въ пользу бѣдныхъ скоро поглотятъ имущества лордовъ и джентльменовъ, и что потому нужно спасти ихъ имѣнія отъ непомѣрной тяжести. На аргументѣ о разорительности налога въ пользу бѣдныхъ сходились всѣ собственники — и лендлорды, и фабриканты, и консерваторы, и либералы.

Въ 1836 г. положено было основаніе ассоціаціи, вскорѣ получившей названіе „Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ“ (Anti-Corn-law league) [2]). Иниціаторы и организаторы всего этого движенія выставляли на видъ, что пошлины на ввозный хлѣбъ крайне вредно отзываются на матеріальномъ благосостояніи бѣдныхъ классовъ населенія. Любопытно, однако, что компанія противъ хлѣбныхъ законовъ, предпринятая этою лигою, не пользовалась сочувствіемъ рабочаго класса, причиною же этого было то, что вождями лиги являлись тѣ самыя лица, которыя выступали въ парламентѣ во имя принципа промышленной свободы противниками государственнаго вмѣшательства въ видахъ огражденія интересовъ рабочаго класса. И на самомъ дѣлѣ это была борьба промышленной буржуазіи противъ поземельной аристократіи, борьба, въ которой буржуазія не жалѣла денежныхъ средствъ ради пропаганды своихъ идей путемъ митинговъ и прессы. Хотя въ этой борьбѣ лига стремилась заинтересовать всѣ классы, тѣмъ не менѣе она не могла скрыть, что цѣлью всего похода должно было быть ослабленіе землевладѣльческаго класса путемъ уменьшенія доходовъ, доставляемыхъ поземельною собственностью. Кромѣ того, болѣе дешевый хлѣбъ обезпечивалъ возможность и болѣе низкой рабочей платы. Вотъ почему въ рабочихъ классахъ лига противъ хлѣбныхъ законовъ не пользовалась популярностью, а нѣкоторые представители ихъ интересовъ даже становились во

---

[1]) См. т. IV, стр. 615.

[2]) Собственно говоря, въ 1836 г. основалось нѣсколько мѣстныхъ ассоціацій, а въ 1838 г. образовалась подобная ассоціація въ Манчестерѣ, которая въ 1839 г. и объединила всѣ остальныя въ одну лигу.

враждебное отношеніе къ дѣятельности лиги. Напримѣръ, многіе изъ такъ называемыхъ чартистовъ, — участниковъ сильнаго демократическаго движенія, охватившаго Англію въ концѣ тридцатыхъ годовъ, — прямо говорили, что уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ было бы выгодно лишь для фабрикантовъ, такъ какъ дало бы имъ возможность дешевле платить за трудъ. Нерасположеніе чартизма къ идеѣ экономической свободы было такъ велико, что одною изъ причинъ, заставившихъ буржуазію непріязненно отнестись ко всеобщему избирательному праву, было неблагопріятное отношеніе рабочихъ къ идеѣ свободной торговли. Нерѣдко и на митингахъ, и въ парламентѣ сами фабриканты довольно откровенно заявляли, что стоятъ за отмѣну хлѣбныхъ законовъ въ расчетѣ на то, что мѣра эта позволитъ имъ меньше платить за трудъ рабочихъ. Буржуазіи, однако, удалось добиться своего и безъ помощи со стороны рабочихъ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ началась агитація, въ іюнѣ 1846 г., парламентъ послѣ весьма упорной борьбы между заинтересованными сторонами отмѣнилъ хлѣбные законы. Понятно, что лига тотчасъ же прекратила свое существованіе, какъ только цѣль ея была достигнута.

Одновременно съ этимъ цѣлый рядъ частныхъ мѣръ все болѣе и болѣе дѣлалъ изъ Англіи страну свободной торговли. Начинали даже отмѣняться такіе законы, которые ранѣе, при другихъ обстоятельствахъ, были изданы какъ-разъ въ видахъ огражденія интересовъ промышленнаго класса. Стремясь удержать за собою монополію многихъ производствъ, Англія строго наблюдала за тѣмъ, чтобы не дать развиться этимъ производствамъ въ другихъ странахъ. Съ этою цѣлью запрещались вывозъ каменнаго угля и машинъ, а также выселеніе изъ страны механиковъ, машинистовъ и вообще сколько-нибудь искусныхъ рабочихъ. Такія запрещенія, конечно, противорѣчили принципу свободы, но мало-по-малу стало обнаруживаться, что запрещенія эти, кромѣ того, сопряжены и со многими практическими неудобствами и даже прямо имѣютъ вредныя слѣдствія. Съ одной стороны, промышленный прогрессъ Англіи настолько опередилъ экономическое развитіе континентальныхъ странъ Европы, что англійскимъ предпринимателямъ нечего было бояться иностранной конкурренціи, и они могли, напримѣръ, спокойно относиться къ вывозу каменнаго угля и машинъ. Съ другой стороны, свободы торговли стали прямо требовать интересы владѣльцевъ каменноугольныхъ и желѣзныхъ копей, равно какъ машиностроителей, такъ какъ эти отрасли промышленности получили весьма значительное развитіе. Вотъ почему уже въ 1843 г. парламентъ объявилъ полную свободу для вывоза машинъ изъ Англіи, а въ слѣдующемъ году одинъ изъ главныхъ борцевъ свободной торговли говорилъ уже въ пар-

ламентѣ, что „настало время, когда почти каждый индивидуумъ, рожденный на британской почвѣ, долженъ смотрѣть на мануфактуру, а во всякомъ случаѣ не на земледѣліе, какъ на единственныя средства своего существованія".

Оставалось сдѣлать только еще одинъ шагъ, чтобы устранить всякія задержки, препятствовавшія свободному развитію англійской торговли и промышленности. Навигаціонный актъ середины XVII столѣтія и другіе аналогичные законы создавали массу ограниченій для иностраннаго судоходства въ Великобританіи и ея колоніяхъ. Въ 1847 г. парламентъ организовалъ особую коммиссію по вопросу о томъ, какъ отражаются навигаціонные законы на экономической жизни страны, а чрезъ годъ въ парламентъ былъ внесенъ билль о необходимости ихъ отмѣны. Противники стѣсненій указывали на то, что при существующихъ условіяхъ Англія вовсе не нуждается въ защитѣ отъ иностранцевъ, и что отмѣна всякихъ ограниченій въ дѣлѣ судоходства только удешевитъ перевозку товаровъ, создастъ новые предметы вывоза и откроетъ новые рынки. Въ 1848 г. провести этотъ билль не удалось вслѣдствіе оппозиціи, въ которой играли роль между прочимъ судовладѣльцы. Но въ слѣдующемъ году билль о свободѣ судоходства былъ принятъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Впрочемъ, и эти послѣднія просуществовали недолго, потому что въ 1851 г. и они были окончательно отмѣнены.

Въ этомъ торжествѣ принциповъ свободной торговли нельзя не видѣть одного изъ важнѣйшихъ результатовъ парламентской реформы 1832 г., усилившей вліяніе англійской буржуазіи. Съ другой стороны, и сама свободная торговля въ значительной степени содѣйствовала усиленію буржуазіи. Весьма естественно поэтому, что экономическая теорія свободной конкурренціи сдѣлалась очень популярною среди представителей промышленности, торговли и денежныхъ операцій. Но англійская буржуазія, возставая противъ государственной регламентаціи, стремилась устранить ее и изъ области взаимныхъ отношеній труда и капитала. Цѣлая школа экономистовъ выступила съ защитою и проповѣдью принципа государственнаго невмѣшательства, и въ данномъ случаѣ англійскіе буржуазные экономисты нашли товарищей въ лицѣ французскихъ экономистовъ, защищавшихъ точно также принципъ laisser passer, laisser faire.

Эта школа получила названіе манчестерской, а созданное ею направленіе — названіе манчестерства. Дѣло въ томъ, что главнымъ центромъ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ былъ Манчестеръ, въ которомъ впослѣдствіи даже воздвигли памятникъ главному вождю „лиги противъ хлѣбныхъ законовъ", знаменитому Кобдену, принадлежавшему къ числу фабрикантовъ этого промышленнаго города. Къ чести

Кобдена нужно сказать, что онъ искренне вѣрилъ въ благо свободной торговли и мирнаго соперничества націй и даже агитировалъ въ пользу прекращенія международныхъ войнъ. Его проповѣдь была проповѣдью человѣка, убѣжденнаго въ спасительности принципа, и весьма нерѣдко онъ дѣйствительно выступалъ въ роли защитника народныхъ интересовъ, такъ что ему не совсѣмъ даромъ было дано имя „друга народа“. Уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, онъ нападалъ на своекорыстную политику поземельной аристократіи и возставалъ противъ тѣхъ практическихъ выводовъ, неблагопріятныхъ для народа, которые дѣлались изъ теоріи Мальтуса. Съ большою энергіей боролся Кобденъ, въ 1841 г. сдѣлавшійся членомъ парламента, противъ хлѣбныхъ законовъ, и принципъ свободной торговли весьма многимъ былъ обязанъ его неутомимой дѣятельности. Немудрено поэтому, что впослѣдствіи его имя было принято въ Англіи обществомъ, написавшимъ на своемъ знамени принципъ экономической свободы (Cobden club). Защита экономической свободы и есть основная черта манчестерства. Эта школа, представители которой главнымъ образомъ занимались комментированіемъ и систематизаціей взглядовъ Адама Смита, Мальтуса и Рикардо, взяла на себя задачу апологіи laisser passer, laisser faire въ виду, съ одной стороны, реакціи противъ принципа экономической свободы, которая стала проявляться въ литературѣ и обществѣ, а съ другой—въ виду начавшагося распространенія соціалистическихъ идей. Послѣдователи этого направленія возводили принципъ свободной конкурренціи на степень какого-то догмата, т.-е. придавали ему безусловное значеніе, какого онъ не имѣлъ у самого родоначальника политической экономіи. Въ то время, когда писали манчестерцы, уже не должно было бы быть мѣста оптимизму, характеризующему взгляды Адама Смита [1]), но они какъ бы закрывали глаза на дѣйствительность, противорѣчившую спасительности безусловнаго экономическаго соперничества, и ихъ теоріи прямо приспособлялись къ защитѣ интересовъ промышленнаго класса. Наиболѣе видными представителями этого направленія были Макъ Коллохъ, Сеніоръ и Р. Торренсъ. Второй изъ названныхъ писателей, замѣчательный систематизаторъ въ области политической экономіи въ началѣ тридцатыхъ годовъ, былъ однимъ изъ главныхъ агитаторовъ противъ законовъ о бѣдныхъ, доказывая, будто въ нихъ была главная причина всѣхъ золъ въ экономической жизни, такъ какъ общественная помощь пауперамъ снимаетъ съ нихъ рискъ, присущій свободной дѣятельности, и заставляетъ лѣниться. И по другимъ вопросамъ Сеніоръ выступалъ въ роли противника требованій, предъявлявшихся го-

[1]) См. т. IV, стр. 607—608.

сударству со стороны рабочихъ [1]). Вообще манчестерская школа экономистовъ прославилась своимъ противодѣйствіемъ всякимъ соціальнымъ реформамъ, благодаря чему и пріобрѣла такую популярность въ буржуазіи. Англійскіе защитники промышленной свободы настолько полно разработали предметъ съ своей исключительной точки зрѣнія, что французскимъ ихъ собратьямъ въ большинствѣ случаевъ оставалось только повторять на разные лады положенія англійской политической экономіи, хотя и у французскихъ буржуазныхъ экономистовъ былъ свой родоначальникъ въ лицѣ Жана-Батиста Сея, который уже въ эпоху реставраціи проповѣдовалъ тѣ же идеи и съ величайшимъ оптимизмомъ говорилъ о промышленномъ прогрессѣ, обязанномъ своимъ происхожденіемъ экономической свободѣ [2]).

Уже современники дали яркую характеристику французской буржуазіи въ эпоху ея господства, причемъ впервые въ эту эпоху самое слово „буржуазія“ получило тотъ опредѣленный смыслъ, который имѣетъ въ настоящее время.

На одной изъ первыхъ страницъ своей „Исторіи десяти лѣтъ“, появившейся въ началѣ сороковыхъ годовъ, Луи Бланъ даетъ такое опредѣленіе буржуазіи и народа: „подъ буржуазіей, говоритъ онъ, я разумѣю совокупность гражданъ, которые, владѣя орудіями труда или капиталомъ, работаютъ при помощи своихъ собственныхъ средствъ и зависятъ отъ другихъ только въ извѣстной мѣрѣ. Народъ есть совокупность гражданъ, которые, не владѣя капиталомъ, зависятъ отъ другихъ вполнѣ и во всемъ, что касается первыхъ потребностей жизни“. Съ легкимъ видоизмѣненіемъ Луи Бланъ повторяетъ оба опредѣленія въ общемъ заключеніи къ своему историческому труду, прибавляя только, что члены перваго класса „могутъ, не порабощаясь, развивать свои способности“, тогда какъ лица, входящія въ составъ народа, „не находятъ въ самихъ себѣ средствъ для своего развитія“. Читая эти слова, невольно вспоминаешь, что за четверть вѣка передъ тѣмъ, въ эпоху реставраціи передовые дѣятели французскаго общества опредѣляли иначе составъ своей націи. Именно тогда въ ней различали только „людей пергамена“ и „людей индустріи“, феодаловъ и третье сословіе, аристократію и плебеевъ [3]).

Даже родоначальникъ французскаго соціализма, С.-Симонъ, въ періодъ своего увлеченія индустріализмомъ держался той же самой классификаціи, противополагая потомкамъ феодальнаго дворянства, какъ представителямъ отживающаго военнаго общества всѣхъ людей, заня-

[1]) Объ этомъ см. ниже.
[2]) См. т. IV, стр. 618.
[3]) См. т. IV, стр. 289—290 и 383.

тыхъ производительнымъ трудомъ, были ли эти люди капиталистами-предпринимателями или наемными рабочими [1]). Только позднѣе уже передъ самою смертью онъ вполнѣ ясно сознадъ, что весь вопросъ о реорганизаціи общества сводился не къ тому, чтобы доставить побѣду индустріаламъ надъ феодалами, а къ тому, чтобы среди самого промышленнаго класса создать иныя условія существованія для наиболѣе многочисленной и бѣдной части народа [2]). Луи Бланъ только развилъ далѣе ту мысль, которая была высказана С.-Симономъ. И если либеральные историки двадцатыхъ годовъ стремились понять все прошлое Франціи — и болѣе близкое, и болѣе отдаленное — съ точки зрѣнія борьбы между феодальной аристократіей и третьимъ сословіемъ, выдѣлившимъ изъ себя буржуазію, какъ передовыхъ бойцовъ за права народа, то Луи Бланъ стремится понять и современную ему исторію,—а спустя нѣкоторое время и исторію французской революціи со всѣмъ тѣмъ, что ее подготовляло,—уже съ этой новой точки зрѣнія—противоположности интересовъ буржуазіи и народа. Основная мысль сочиненія, въ которомъ онъ разсказалъ исторію первыхъ десяти лѣтъ іюльской монархіи, заключается именно въ томъ, что царствованіе Людовика-Филиппа было, собственно говоря, царствомъ буржуазіи; поэтому и вся его книга получила характеръ обвинительнаго акта противъ буржуазіи. Онъ вездѣ упрекаетъ ее за то, что уже ранѣе она начала ставить выше всего матеріальные интересы, которымъ и стала подчинять всѣ проявленія общественной жизни. Самый либерализмъ буржуазіи, по его представленію, скрывалъ за собою чисто классовые интересы, откуда общее нерасположеніе Луи Блана и къ либерализму. Людовикъ-Филиппъ вполнѣ соотвѣтствовалъ правящему классу. Но, собственно говоря, личность Людовика-Филиппа, по его мнѣнію, была здѣсь ни при чемъ. Напрасно, замѣчаетъ онъ, въ Европѣ полагаютъ, что революція во Франціи была обуздана политическою ловкостью короля: ему приписали лишь то, „что было результатомъ силы интересовъ буржуазіи, дурно направленныхъ и плохо понятыхъ. Довольная своею судьбою, продолжаетъ онъ, буржуазія не хотѣла, чтобы страданія, которыя не были ея страданіями, доводились до ея свѣдѣнія шумомъ тревожныхъ сигналовъ: отсюда—система порядка, зависящаго отъ молчанія несчастныхъ и защищавшагося пушечными выстрѣлами. Ослѣпленная мелочными заботами о благосостояніи, буржуазія видѣла только денежныя потери въ волненіяхъ, какія могли произойти въ Европѣ: отсюда система унизительнаго мира“. Луи Бланъ не забываетъ, однако, что буржуазія въ свое время сослужила службу историческому прогрессу.

---

[1]) См. т. IV, стр. 637—639.

[2]) См. т. IV, стр. 640.

„Какъ воинствующій классъ, буржуазія оказала не малыя услуги цивилизаціи. У нея есть свои хорошія качества: любовь къ труду, уваженіе къ закону, ненависть къ фанатизму и къ его увлеченіямъ, мягкость нравовъ, бережливость, все, что составляетъ основу семейныхъ добродѣтелей. Но ей не хватаетъ вообще глубины идей и возвышенности чувствъ, и у нея нѣтъ никакихъ широкихъ вѣрованій". Именно поэтому Луи Бланъ и считаетъ буржуазію неспособною къ общественнымъ дѣламъ. Вслѣдствіе узости взглядовъ и отсутствія всякихъ порывовъ буржуазія должна была отвергать реформы, которыя могли бы предупредить возмущенія, а во внѣшней политикѣ должна была отказываться отъ всякаго смѣлаго шага.

„Внутри государства, говоритъ еще Луи Бланъ, мы слышали проповѣдь морали интереса, имѣвшую позорный успѣхъ. Чисто рыночныя сцены не одинъ разъ наполняли шумомъ и скандаломъ дворецъ, гдѣ происходили совѣщанія. Чтобы умножить милости, которыя можно было бы раздавать, и создать новыя приманки для продажныхъ душъ, управленіе общественными работами, изъятое изъ вѣдѣнія государства, сдѣлалось орудіемъ ажіотажа для банкировъ, средствомъ избирательныхъ маневровъ для министровъ. Это отразилось дурно даже на національномъ характерѣ". Управленіе государствомъ, по замѣчанію Луи Блана, требуетъ самоотверженія, но „чего же ожидать, спрашиваетъ онъ, отъ системы, которая именно изъ частнаго интереса сдѣлала источникъ власти?.. Что касается до общественнаго порядка, котораго желала буржуазія и который ею поддерживался, то онъ былъ отмѣченъ полнымъ пренебреженіемъ къ бѣдняку. Заблужденіе буржуазіи заключалось въ томъ, что она вѣрила, будто тамъ, гдѣ нѣтъ равенства въ средствахъ къ развитію, довольно одной свободы для прогресса и справедливости".

Отзывъ Луи Блана можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи, но онъ въ общемъ вполнѣ сходится съ отзывомъ другого писателя, общественное міросозерцаніе котораго было діаметрально противоположно міросозерцанію Луи Блана. Именно въ недавно вышедшихъ въ свѣтъ „Воспоминаніяхъ" Токвиля, написанныхъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, мы находимъ общую характеристику господства буржуазіи въ эпоху іюльской монархіи, съ указаніемъ на глубокую пропасть, образовавшуюся между обоими классами, которые сообща вели борьбу противъ стараго порядка въ теченіе четырехъ десятилѣтій, отъ 1789 по 1830 г. „Въ 1830 г., говоритъ Токвиль, торжество средняго класса было окончательнымъ и столь полнымъ, что всѣ политическія власти, всѣ вольности, всѣ прерогативы и само правительство цѣликомъ были заключены и какъ бы нагромождены въ узкихъ границахъ одного этого класса съ устраненіемъ de jure всего того, что было внизу, и de facto

всего того, что было наверху. Такимъ образомъ этотъ классъ одинъ только управлялъ всѣмъ обществомъ и, даже можно сказать, взялъ его себѣ на откупъ. Онъ забралъ себѣ всѣ мѣста, страшно увеличивъ число разныхъ должностей, и составилъ себѣ привычку жить почти столько же на казенный счетъ, какъ и на доходы отъ собственной промышленности. Едва только завершилось это событіе, какъ произошло большое умиротвореніе всѣхъ политическихъ страстей, своего рода всеобщее измельчаніе во всѣхъ вещахъ и быстрое развитіе общественнаго богатства. Частный характеръ средняго класса сдѣлался общимъ характеромъ правительства; онъ сталъ господствовать одинаково во внѣшней политикѣ и во внутреннихъ дѣлахъ,—характеръ дѣятельный, предпріимчивый, часто не особенно честный, вообще аккуратный, иногда смѣлый вслѣдствіе тщеславія и себялюбія, но по темпераменту робкій, умѣренный во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ стремленія къ благосостоянію, и въ сущности посредственный,—характеръ, который въ соединеніи съ характеромъ народа или аристократіи можетъ дѣлать чудеса, но который самъ по себѣ никогда не въ состояніи ничего создать, кромѣ правительства, лишеннаго доблести и величія. Овладѣвъ всѣмъ, какъ не дѣлала этого и никогда, можетъ быть, не сдѣлаетъ никакая аристократія, средній классъ, превратившись въ правительство, принялъ видъ частной промышленной компаніи; онъ укрѣпился въ своей власти, и весьма скоро каждый изъ членовъ этого класса въ своемъ эгоизмѣ сталъ думать гораздо болѣе о своихъ частныхъ дѣлахъ, чѣмъ о дѣлахъ общественныхъ, и о своихъ удовольствіяхъ гораздо болѣе, нежели о величіи націи. Потомство, прибавляетъ Токвиль, видящее всегда только бросающіяся въ глаза преступленія и обыкновенно не замѣчающее пороковъ, быть можетъ, никогда не пойметъ, до какой степени тогдашнее правительство приняло подъ конецъ всѣ повадки промышленной компаніи, гдѣ всѣ операціи производятся ради барыша, который изъ предпріятія могутъ извлечь его участники. Эти пороки зависѣли отъ естественныхъ инстинктовъ господствующаго класса, отъ его безусловной власти, отъ самаго духа времени". Въ другомъ мѣстѣ Токвиль дѣлаетъ еще слѣдующую любопытную характеристику отношенія націи къ дѣятельности собственныхъ представителей. „Нація, говоритъ онъ, мало-по-малу привыкла видѣть въ той борьбѣ, которая происходила въ палатахъ, скорѣе умственные турниры, чѣмъ серьезныя обсужденія, а во всемъ томъ, что̀ раздѣляло разныя парламентскія партіи (большинство лѣвой, центръ и династическую лѣвую),—только внутреннія распри членовъ одного и того же семейства, стремившихся надуть другъ друга". Понятно, какія чувства нація должна была питать къ этому классу и къ его парламентскимъ представителямъ.

„Страна, замѣчаетъ Токвиль, была тогда раздѣлена на двѣ части или скорѣе на два неравныхъ слоя: въ верхнемъ слоѣ, въ которомъ должна была содержаться вся политическая жизнь націи, царствовала только какая-то вялость, безсиліе, неподвижность, скука; въ нижнемъ слоѣ, наоборотъ, начинала проявляться политическая жизнь симптомами лихорадочными и неправильными, которые, однако, были слишкомъ ясны для внимательнаго наблюдателя". Къ частнымъ мыслямъ, выраженнымъ въ приведенныхъ строкахъ, Токвиль не разъ возвращается на страницахъ своихъ „Воспоминаній", указывая при этомъ на общія причины отмѣчаемыхъ ими явленій. Стремленіе буржуазіи къ занятію общественныхъ должностей и къ жизни насчетъ налоговъ онъ ставитъ, напримѣръ, въ связь съ той комбинаціей, какая создалась во Франціи между „демократическимъ устройствомъ гражданскаго общества и чрезмѣрной централизаціей правительства", а сверхъ всего этого буржуазія не была солидарна съ своимъ правительствомъ. Послѣднее не могло расчитывать на поддержку того самаго средняго класса, которому оно всячески угождало и который вмѣстѣ съ тѣмъ оно же и развращало. „У насъ, говоритъ Токвиль, когда правительство, опирающееся на исключительные интересы и эгоистическія страсти одного класса, становится непопулярнымъ, бываетъ обыкновенно такъ, что члены того самаго класса, ради котораго правительство лишается популярности, предпочитаютъ удовольствіе бранить его вмѣстѣ съ другими тѣмъ привилегіямъ, которыя оно за ними обезпечиваетъ. Старая французская аристократія, болѣе просвѣщенная, чѣмъ средній классъ, и отличавшаяся болѣе сильнымъ корпоративнымъ духомъ, уже ранѣе дала примѣръ этого: она кончила тѣмъ, что стала порицать свои собственныя привилегіи и громить тѣ злоупотребленія, которыми сама жила". Этотъ духъ инсубординаціи средняго класса по отношенію къ правительству, бывшему въ сущности органомъ и орудіемъ ея классовыхъ интересовъ, отмѣчаетъ, между прочимъ, и Луи Бланъ во многихъ мѣстахъ своей „Исторіи десяти лѣтъ". Въ другомъ мѣстѣ мы увидимъ, какъ оба эти писателя, столь различно смотрѣвшіе на вещи, сходились между собою въ томъ, что основнымъ принципомъ, раздѣлявшимъ націю на два класса, признавали различное отношеніе обоихъ этихъ классовъ къ собственности.

Въ самомъ началѣ іюльской монархіи во Франціи произошло одно возстаніе, которое возникло именно на почвѣ взаимныхъ отношеній капитала и труда и которое показало, какая пропасть образовалась между буржуазіей и рабочимъ классомъ. Возстаніе это произошло въ Ліонѣ въ ноябрѣ 1831 года и замѣчательно особенно тѣмъ, что, съ одной стороны, совершенно было лишено политическаго характера, а съ другой, произошло независимо и отъ какой бы то

ни было агитаціи соціалистическаго характера. Мы еще увидимъ, что соціалистическія идеи стали распространяться въ рабочемъ классѣ нѣсколько позднѣе, и, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы ліонское возстаніе 1831 г. было результатомъ какой-нибудь идейной пропаганды. Это былъ скорѣе стихійный взрывъ, причины котораго заключались непосредственно въ недовольствѣ рабочихъ отношеніемъ къ нимъ со стороны предпринимателей. Правда, когда вспыхнуло возмущеніе, имъ вздумали воспользоваться для своихъ цѣлей политическіе противники іюльской монархіи, т.-е. легитимисты, республиканцы и бонапартисты, но замѣчательно, что они не имѣли рѣшительно никакого успѣха у возставшихъ рабочихъ. Причины возмущенія были какъ-разъ чисто экономическія: это было враждебное столкновеніе труда и капитала, своего рода предупрежденіе для буржуазіи, всего смысла и значенія котораго она, однако, не поняла, привыкши смотрѣть на всѣ общественныя движенія съ исключительно политической точки зрѣнія. Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ эпизодѣ.

По населенности Ліонъ былъ вторымъ городомъ Франціи и представлялъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ страны. Въ 1830 г. въ городѣ было около 300.000 жителей, и добрую половину этой цифры составляли рабочіе съ ихъ женами и дѣтьми. Главнымъ видомъ промышленности въ городѣ было старинное шелковое производство, въ которомъ участвовало около 800 фабрикантовъ при 30.000—40.000 рабочихъ. Не нужно, впрочемъ, представлять себѣ, чтобы между фабрикантами и рабочими существовали непосредственныя отношенія, и чтобы работы производились въ большихъ фабричныхъ зданіяхъ. Между предпринимателями и ткачами шелковыхъ матерій стоялъ классъ хозяевъ отдѣльныхъ маленькихъ мастерскихъ, въ которомъ насчитывалось отъ 8.000 до 10.000 человѣкъ; обладая каждый 4—5 ткацкими станками, они раздавали полученную отъ предпринимателей работу ткачамъ, удерживая въ своихъ рукахъ половину платы, дававшейся имъ фабрикантами. Однимъ словомъ, ліонская шелковая промышленность находилась въ переходномъ состояніи отъ кустарнаго производства къ чисто фабричному [1]). Ліонская промышленность была одна изъ наиболѣе процвѣтавшихъ, и потому капиталисты весьма охотно вкладывали въ нее свои деньги. Въ двадцатыхъ годахъ число предпринимателей въ Ліонѣ сильно возросло, но именно увеличеніе производства должно было, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, привести къ застою въ дѣлахъ: товаровъ было наготовлено гораздо болѣе, чѣмъ могъ поглотить тогдашній рынокъ, и за этимъ

[1]) См. т. IV, стр. 564—565.

неминуемо долженъ былъ послѣдовать промышленный кризисъ [1]). Кромѣ того, у ліонскихъ предпринимателей явились конкурренты въ Цюрихѣ, Базелѣ, Бернѣ, Кельнѣ, да и Англія, долгое время ввозившая шелковыя ткани изъ Ліона, стала мало-по-малу сокращать свои закупки. Первымъ результатомъ кризиса было постепенное пониженіе рабочей платы: въ хорошія времена искусный и трудолюбивый ткачъ зарабатывалъ отъ 4 до 6 фр., но эта плата стала постепенно падать до 2 и $1^1/_2$ фр., а въ ноябрѣ 1831 г. 18 часовъ труда оплачивались 18-ю су, т.-е. менѣе, нежели однимъ франкомъ. Для всей массы ткачей это было равносильно нищетѣ; но страдали также и собственники ткацкихъ станковъ, которые иногда не въ состояніи были даже уплачивать за помѣщенія своихъ мастерскихъ. На этотъ кризисъ повліяла, между прочимъ, и іюльская революція съ послѣдовавшими за ней замѣшательствами и опасеніемъ большой европейской войны. Спросъ на предметы роскоши нѣсколько сократился, и часть капитала была изъята изъ производства. Понятно, что среди ліонскихъ рабочихъ съ каждымъ днемъ возрастало недовольство. Особенно много рабочихъ жило въ кварталѣ, который носилъ названіе Croix Rousse и занималъ нагорную часть города. Общая нужда заставляла рабочихъ все болѣе и болѣе сознавать общность своихъ интересовъ. Уже за два года до іюльской революціи многіе рабочіе образовали въ своей средѣ особый „союзъ взаимопомощи“ (Mutuelliste), и хотя, конечно, далеко не всѣ рабочіе входили въ составъ этой организаціи, ея вожди пользовались большимъ почетомъ и вліяніемъ среди всей массы ткачей. Съ своей стороны, и предприниматели вошли между собою въ соглашеніе и устроили ассоціацію, получившую названіе „союза фабрикантовъ“. Это были двѣ классовыя организаціи на почвѣ чисто экономическихъ интересовъ безъ примѣси какой бы то ни было политической идеи. Сама рабочая организація вызвана была къ жизни не какой-либо идейной пропагандой извнѣ, а самою печальною дѣйствительностью, тяжело отзывавшеюся на матеріальномъ благосостояніи рабочихъ и ихъ семействъ. Однимъ словомъ, въ Ліонѣ стояли лицомъ къ лицу и готовы были прійти во враждебное столкновеніе два экономическихъ класса—капиталисты и рабочіе. Все ліонское возстаніе и разыгралось на почвѣ этой борьбы капитала и труда.

Къ осени 1831 г. мютюеллисты рѣшили потребовать опредѣленія minimum'а рабочей платы. Къ этому рѣшенію весьма сочувственно отнесся ліонскій префектъ Бувье-Дюмоларъ, котораго очень безпокоило возбужденіе, царившее среди рабочихъ. Но легче было прійти

[1]) Ср. т. IV, стр. 576 и слѣд.

къ такому рѣшенію, чѣмъ его исполнить. Во-первыхъ, начиная съ законодательства учредительнаго собранія, ничто не уполномочивало представителей власти на подобнаго рода вмѣшательство во взаимныя отношенія между нанимателями и работниками. Во-вторыхъ, господствующею идеею эпохи, весьма популярною въ буржуазіи, былъ принципъ laisser faire, laisser passer, и ліонскіе фабриканты не такъ-то легко могли быть убѣждены въ законности и полезности minimum'а рабочей платы, установленнаго авторитетомъ власти. Наконецъ, Дюмоларъ не встрѣтилъ поддержки со стороны муниципальной администраціи, а главный военный начальникъ въ городѣ, генералъ-лейтенантъ Роге не только видѣлъ въ недовольныхъ ліонскихъ рабочихъ опасныхъ мятежниковъ, которымъ не слѣдовало давать спуску, но и къ самому префекту относился весьма непріязненно по мотивамъ чисто личнаго свойства. Въ началѣ октября Дюмоларъ сталъ дѣятельно хлопотать о введеніи тарифа и съ этою цѣлью созывалъ на совѣщанія торговую палату, меровъ Ліона и его предмѣстій, фабрикантовъ и делегатовъ со стороны рабочихъ. На разные переговоры ушло около двухъ недѣль. Недовольные промедленіемъ рабочіе 25 октября устроили внушительную демонстрацію. Въ этотъ день, когда въ зданіи префектуры должно было происходить совѣщаніе по вопросу о таксѣ рабочей платы, изъ квартала Croix Rousse спустилась въ городъ громадная толпа, совершенно безоружная и державшаяся вполнѣ спокойно. Когда она пришла на площадь префектуры, Дюмоларъ вышелъ къ ней и просилъ ее разойтись, говоря, что не нужно подавать ни малѣйшаго повода къ возникновенію мнѣнія, будто тарифъ вынужденъ какими-либо угрозами, и прибавилъ, что совѣщаніе объ установленіи тарифа откроется лишь тогда, когда толпа разойдется. Эта рѣчь была принята народомъ хорошо; многіе даже кричали: „да здравствуетъ префектъ!"—и весьма скоро рабочіе опять въ полномъ порядкѣ возвратились туда, откуда пришли. Вслѣдъ затѣмъ на совѣщаніи делегатовъ отъ обѣихъ сторонъ былъ принятъ тарифъ заработной платы, и извѣстіе объ этомъ весьма быстро распространилось по всему городу. Въ тотъ же день вечеромъ рабочіе устроили иллюминацію своихъ домовъ, и на улицахъ еще поздно ночью происходило большое народное веселье съ пѣніемъ и танцами. Возбужденіе, господствовавшее среди рабочихъ, стало теперь волновать фабрикантовъ.

Многіе фабриканты не принимали никакого участія въ выборѣ делегатовъ и не захотѣли подчиниться тарифу. А когда ремесленный совѣтъ, призванный блюсти за правильнымъ исполненіемъ состоявшагося соглашенія, началъ налагать на нихъ штрафы, они составили протестъ, въ которомъ говорилось, что тарифъ противорѣчитъ свободѣ сдѣлокъ и что изданъ онъ былъ подъ вліяніемъ страха,

нагнаннаго буйными рабочими. Въ этомъ документѣ, подъ которымъ подписалось 104 фабриканта, говорилось даже, что все это буйство есть прямой результатъ испорченности рабочихъ, ибо они создали себѣ совершенно ненужныя потребности и потому требуютъ за свой трудъ лишнюю плату. Не чувствуя твердой почвы подъ ногами, Дюмоларъ 17 ноября оффиціальнымъ письмомъ въ ремесленный совѣтъ заявилъ, что тарифъ не можетъ имѣть обязательной силы, подобной силѣ закона, и что потому все значеніе его сводится лишь къ простой рекомендаціи фабрикантамъ придерживаться извѣстной нормы при договорахъ съ рабочими. Кромѣ того, въ Ліонѣ распространился слухъ, что министръ торговли имѣлъ въ Парижѣ совѣщаніе съ ліонскими депутатами и не одобрилъ образа дѣйствій префекта. Генералъ Роге, съ своей стороны, принялъ мѣры, чтобы помѣшать повторенію манифестацій, подобныхъ той, которая была 25 окт. Войска въ казармахъ должны были быть готовы явиться по первому призыву для подавленія безпорядковъ, и даже цѣлая половина солдатъ ложилась спать нѣсколько дней, не раздѣваясь. Караулы въ городѣ были усилены отрядами перваго легіона національной гвардіи, состоявшаго исключительно изъ фабрикантовъ. Случаи нарушенія тарифа фабрикантами стали дѣлаться болѣе частыми; но ремесленный совѣтъ болѣе не накладывалъ на нихъ штрафовъ. Положеніе дѣлъ ухудшалось тѣмъ, что нѣкоторые фабриканты прекратили совсѣмъ работы и распустили рабочихъ. Тогда среди мютюеллистовъ возникло рѣшеніе прекратить повсемѣстно работу на цѣлую недѣлю и повторять манифестаціи на улицахъ города. По городу распространялись самые тревожные слухи. Объ одномъ фабрикантѣ разсказывали, что онъ принялъ у себя рабочихъ съ пистолетами на столѣ, а другому приписывали такія слова: „если у нихъ нѣтъ хлѣба въ брюхѣ, мы имъ всунемъ туда штыки!“ Городскія власти не были между собою согласны относительно принятія необходимыхъ мѣръ. Напрасно префектъ обращался въ Парижъ за указаніями, его письма оставались безъ отвѣта. Стоявшій въ городѣ гарнизонъ былъ слишкомъ недостаточенъ для поддержанія порядка, а въ національной гвардіи прямо существовало разногласіе по вопросу о тарифѣ. Послѣднее обстоятельство вполнѣ ясно проявилось на смотру, бывшемъ 20 ноября. Болѣе богатые ея члены явились сюда въ мундирахъ, какіе были въ ходу еще во время реставраціи, болѣе бѣдные, главнымъ образомъ содержатели мелкихъ мастерскихъ — въ болѣе простыхъ мундирахъ новаго образца. Со стороны своихъ зажиточныхъ товарищей они были встрѣчены насмѣшками, на которыя отвѣчали угрозами. Вечеромъ ни у кого не было сомнѣнія въ томъ, что на другой день начнется борьба.

Борьба дѣйствительно началась на другой день. Рано утромъ значительная толпа рабочихъ собралась въ кварталѣ Croix Rousse главнымъ образомъ съ цѣлью силою принудить къ прекращенію работъ тѣхъ ткачей, которые пошли въ свои мастерскія. На мѣсто сборища явился небольшой отрядъ національной гвардіи съ видимымъ намѣреніемъ разогнать собравшихся штыками. Благодаря численному превосходству, рабочіе смяли этотъ отрядъ, обезоруживъ одну его часть, а другую обративъ въ бѣгство. Затѣмъ по четыре человѣка въ рядъ они двинулись къ центру города, но на дорогѣ встрѣтили новый отрядъ національной гвардіи, состоявшій изъ однихъ фабрикантовъ, и изъ этого отряда раздался залпъ, тяжело ранившій нѣсколькихъ рабочихъ. Остальные обратились въ бѣгство, распространяя по всему кварталу извѣстіе о случившемся. Въ самое короткое время на улицахъ появились цѣлыя массы рабочихъ, вооруженныхъ, чѣмъ попало,—палками, заступами, вилами и даже ружьями. Захвативъ двѣ пушки, принадлежавшія національной гвардіи этого квартала, они двинулись на Ліонъ подъ звуки барабановъ и чернымъ знаменемъ, на которомъ было написано: „Жить работая или умереть сражаясь!“ Одновременно съ этимъ началась постройка баррикадъ, которыя должны были помѣшать вступленію войска въ названное предмѣстье. На встрѣчу инсургентамъ двинулась колонна, состоявшая изъ линейнаго войска и національной гвардіи. Но когда она поднималась въ гору, ее встрѣтилъ градъ пуль, камни и черепицы, что̀ заставило колонну попятиться назадъ. Между тѣмъ національная гвардія предмѣстья Croix Rousse присоединилась къ рабочимъ и потребовала, чтобы самъ префектъ явился для переговоровъ. Дюмоларъ отправился на мѣсто происшествія и въ сопровожденіи одного генерала вышелъ къ народу на балконъ мэріи въ то самое время, какъ въ разныхъ пунктахъ возобновился бой. Подозрѣвая префекта въ измѣнѣ, рабочіе арестовали его, а сопровождавшій его генералъ чуть не былъ убитъ. Однако, Дюмолару удалось убѣдить рабочихъ въ своей невинности, и къ вечеру онъ былъ отпущенъ домой, сопровождаемый привѣтственными криками; нѣсколько позднѣе въ тотъ же день былъ отпущенъ и сопровождавшій его генералъ. 21 ноября рабочимъ такъ-таки и не удалось прорваться въ центральный городъ. На слѣдующій день возстаніе распространилось и на другія предмѣстья, населенныя рабочими. Въ ночь на 23-ье число генералъ Роге даже вынужденъ былъ очистить городъ, хотя отступленіе войска могло совершаться только черезъ баррикады, которыя предварительно нужно было разрушать пушечными выстрѣлами. Префектъ съ своими подчиненными остался въ городѣ, находившемся съ 23 ноября вполнѣ во власти рабочихъ. Послѣдніе сами вездѣ возстановили порядокъ, прекративъ силою начавшійся было грабежъ. Они сами

организовали стражу для охраны монетнаго двора и казначейства. Дома богатыхъ фабрикантовъ точно также охранялись отъ возможнаго разграбленія. Немедленно въ городѣ образовалось нѣчто въ родѣ временного правительства изъ нѣсколькихъ энергичныхъ личностей. Но между ними не было почти никакого согласія. Одни изъ нихъ сводили все дѣло къ вопросу о тарифѣ и полагали, что главное— улучшить матеріальное положеніе народа. Другіе, наоборотъ, видѣли въ ліонскомъ возстаніи лишь начало политической революціи для низверженія монархіи и замѣны ея республикой. Рабочее населеніе Ліона само стояло на первой точкѣ зрѣнія, несмотря на то, что сдѣланы были попытки придать ему прямо политическій характеръ. Уже 22 ноября одинъ изъ іюльскихъ бойцовъ пытался-было направить движеніе въ пользу провозглашенія республики, но за нимъ почти никто не послѣдовалъ. Послѣ отступленія войска агенты легитимистовъ, бонапартистовъ и республиканцевъ овладѣли-было ратушей, откуда думали обратиться къ населенію съ прокламаціей противъ существующаго правительства, но рѣшительно не имѣли успѣха. Дюмоларъ все это время пользовался въ городѣ авторитетомъ, и къ концу недѣли въ городѣ все было спокойно. Дюмоларъ даже взялъ на себя роль посредника между инсургентами и правительствомъ и писалъ въ Парижъ о необходимости амнистіи для всѣхъ, принимавшихъ участіе въ движеніи.

Центральное правительство думало, однако, иначе. При первомъ же извѣстіи объ этомъ возстаніи гарнизоны сосѣднихъ съ Ліономъ городовъ получили по телеграфу приказаніе итти на Ліонъ. 25 ноября военный министръ маршалъ Сультъ и наслѣдникъ престола отправились также въ Ліонъ,ославъ туда съ дороги требованіе о распущеніи національной гвардіи и обезоруженіи народа. Извѣстіе объ этомъ было принято въ городѣ спокойно. Казалось, что народъ истощилъ всю свою энергію въ предыдущіе дни. 3 декабря совершилось торжественное вступленіе наслѣднаго принца и маршала Сульта въ городъ во главѣ весьма значительной арміи въ боевомъ порядкѣ. Въ Ліонѣ былъ оставленъ гарнизонъ въ 20.000 человѣкъ, а вокругъ Croix Rousse мало-по-малу выросли форты, изъ которыхъ можно было бы обстрѣливать мятежное предмѣстье. Тарифъ былъ отмѣненъ, а Дюмоларъ не только отставленъ отъ должности, но и приглашенъ немедленно оставить городъ. Такимъ образомъ окончилось возстаніе. Правда, при этомъ было оказано вспомоществованіе рабочимъ, оставшимся безъ занятій, а споры между фабрикантами и рабочими предоставлено было впредь разрѣшать совѣту экспертовъ, образованному наполовину изъ предпринимателей, наполовину изъ хозяевъ мастерскихъ и простыхъ ткачей.

Все значеніе этого эпизода изъ исторіи первыхъ лѣтъ іюльской монархіи можетъ быть понято только въ томъ случаѣ, если мы посмотримъ, какъ отнеслись къ нему современники.

При извѣстіи о ліонскихъ событіяхъ палата депутатовъ почти единогласно вотировала адресъ королю по поводу „откровеннаго и подробнаго сообщенія“ министровъ о томъ, что произошло въ Ліонѣ. „Мы спѣшимъ, говорилось въ этомъ адресѣ, выразить вашему величеству единодушное желаніе депутатовъ Франціи, чтобы правительство противопоставило этимъ печальнымъ эксцессамъ всю силу законовъ. Личная безопасность подверглась жестокому нападенію; собственность была угрожаема въ самомъ своемъ принципѣ; свободѣ промышленности грозило уничтоженіе; голоса властей не хотѣли слушать. Нужно, чтобы эти безпорядки прекратились какъ можно скорѣе; нужно, чтобы подобныя покушенія энергично подавлялись... Мѣры, принятыя правительствомъ вашего величества, вселяютъ въ насъ увѣренность, что возстановленіе порядка не заставитъ себя долго ждать... Ваше величество можетъ расчитывать на гармонію властей. Мы счастливы, государь, что отъ имени Франціи можемъ предложить вамъ содѣйствіе ея депутатовъ, чтобы возстановлять повсюду миръ, гдѣ бы только онъ ни былъ нарушенъ, подавлять всѣ проявленія анархіи, укрѣплять священные принципы, на которыхъ основывается самое существованіе націи, поддерживать славное дѣло іюльской революціи и вездѣ обезпечивать за закономъ подобающую ему силу“. Приблизительно такого же содержанія адресъ былъ вотированъ и палатой перовъ. Даже оппозиція, принявшая большое участіе въ преніяхъ по поводу ліонскаго возстанія, въ сущности стояла на той же точкѣ зрѣнія. Во время этихъ преній не поднималось вопроса ни о minimum'ѣ рабочей платы, ни о государственномъ вмѣшательствѣ въ дѣла промышленности, ни о чемъ-либо другомъ, имѣвшемъ отношеніе къ причинамъ ліонскаго возстанія. Одинъ изъ вождей оппозиціи, Могенъ, принимавшій наиболѣе горячее участіе въ преніяхъ, сдѣлалъ только личное нападеніе на тогдашняго перваго министра Казимира Перье. Онъ предложилъ назначить слѣдствіе надъ министрами, обвинивъ ихъ въ томъ, что они сами при помощи полицейскихъ средствъ вызываютъ разные мятежи; другими словами, вопросъ о ліонскомъ возстаніи обогатилъ исторію палаты депутатовъ лишь парламентскимъ скандаломъ, изъ котораго правительство вышло побѣдителемъ, такъ какъ обвиненіе, будто оно само устраивало безпорядки, было уже слишкомъ нелѣпо.

Пресса также не съумѣла оцѣнить дѣйствительнаго значенія совершившихся фактовъ. Газеты поспѣшили успокоить своихъ читателей указаніями на то, что возстаніе отнюдь не имѣло политическаго

характера, что это была простая борьба между фабрикантами и рабочими. А одна изъ наиболѣе вліятельныхъ газетъ („Journal des Débats“) комментировала событія слѣдующимъ образомъ: „Увѣренное во внѣшнемъ мирѣ, опираясь на могущественную армію, въ которой развѣваются трехцвѣтныя знамена, правительство не должно бояться какихъ-либо послѣдствій отъ бунта, кромѣ частныхъ бѣдствій. Конечно, они крайне прискорбны, но и они будутъ сокращаться и уменьшаться, благодаря легальной репрессіи“. Соціальное значеніе ліонскихъ событій совершенно не было понято органами господствующаго класса Франціи.

Однимъ изъ первыхъ, освѣтившихъ ліонское возстаніе съ надлежащей точки зрѣнія, былъ Луи Бланъ, разсказавшій его исторію въ третьемъ томѣ „Исторіи десяти лѣтъ“. По его словамъ, зло, которымъ было вызвано ліонское возстаніе, имѣло болѣе глубокіе корни, чѣмъ тѣ обстоятельства, которыя порождали политическіе вопросы, волновавшіе умы и разгорячавшіе страсти въ Парижѣ. Отмѣчая тотъ фактъ, что ліонскіе рабочіе были чужды какой бы то ни было политической страсти, онъ прибавляетъ, что они недостаточно еще понимали, въ какой зависимости ихъ судьба могла бы находиться отъ коренного измѣненія въ правительственной формѣ. „Политическіе люди, прибавляетъ онъ, съ своей стороны поглощены были желаніемъ низвергнуть власть и едва помышляли о томъ, чтобы дать общественному порядку новыя основанія“. Многіе тогдашніе республиканцы даже прямо были въ лагерѣ противниковъ рабочихъ. „Ліонскіе рабочіе, говоритъ онъ еще, возстали не во имя Генриха V или Наполеона II, не ради основанія республики. На этотъ разъ возстаніе имѣло характеръ и значеніе совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ страшные, ибо это было кровавое доказательство экономическихъ недостатковъ промышленнаго режима, установленнаго въ 1789 г., это было обнаруженіе всего того, что только есть постыднаго и лицемѣрнаго въ пресловутой свободѣ договоровъ, которая отдаетъ бѣдняка въ полное распоряженіе богатаго и обѣщаетъ легкую побѣду умѣющей ждать жадности надъ голодомъ, не могущимъ ждать“. Комментируя слова, стоявшія на знамени возмутившихся рабочихъ, Луи Бланъ замѣчаетъ, что ліонское возстаніе было лишь провозвѣстникомъ бурь, которыя несъ съ собою XIX в. И недаромъ въ историческомъ трудѣ Луи Блана вслѣдъ за главою, посвященною ліонскому возстанію, идетъ рѣчь о зарожденіи соціализма въ школѣ С.-Симона: сенъ-симонистовъ онъ прямо противополагаетъ, какъ родоначальниковъ новаго движенія, министрамъ Людовика-Филиппа. „Рабы политической рутины, говоритъ онъ, люди, лишенные иниціативы, чуждые умственному движенію, совершавшемуся вокругъ нихъ, привыкшіе,

наконецъ, сводить всю общественную жизнь къ мелкимъ ссорамъ, на которыя они растрачивали всю свою энергію, эти министры перестали сознавать всю важность возстанія ткачей, лишь только прекратился шумъ этого возстанія". Этотъ взглядъ Луи Блана сдѣлался достояніемъ исторической литературы. Одинъ изъ наиболѣе основательныхъ и безпристрастныхъ историковъ іюльской монархіи, нѣмецкій ученый К. Гиллебрандъ тоже подчеркиваетъ не-политическій характеръ ліонскаго возстанія и полную непричастность къ нему соціалистической пропаганды. Въ этомъ событіи онъ усматриваетъ „первый симптомъ того раздѣленія націи на народъ и правящій классъ, которое должно было быть столь опасно для іюльской монархіи. Министры, прибавляетъ онъ, большинство въ палатахъ, даже сама оппозиція, сталкивавшіеся между собою на политической почвѣ, въ данномъ случаѣ говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, именно языкомъ работодателей по отношенію къ работникамъ". И этотъ новѣйшій историкъ указываетъ также на то, что правящіе классы не поняли истиннаго значенія ліонскихъ событій конца 1831 г.

Впрочемъ, такое отношеніе буржуазіи къ соціальному вопросу не было исключительнымъ для даннаго только случая. Вообще характеръ, нравы и стремленія буржуазіи отразились на тогдашней публицистикѣ и даже изящной литературѣ. Эпоха реставраціи была временемъ расцвѣта политической прессы во Франціи [1]). Въ эту эпоху отдѣльныя газеты были прежде всего органами разныхъ политическихъ партій и менѣе всего представляли собою простыя коммерческія предпріятія съ цѣлью матеріальной наживы. Но такія газеты стоили очень дорого, именно около 80 фр. въ годъ. Понизить подписную цѣну до 40 фр. оказалось возможнымъ лишь подъ условіемъ покрытія расходовъ по изданію изъ другихъ источниковъ, а такимъ источникомъ оказались печатавшіяся въ газетахъ частныя объявленія. Понятно, что послѣднія въ особенно большомъ количествѣ направлялись въ газеты, болѣе другихъ распространявшіяся въ обществѣ, а это были газеты, лучше другихъ подходившія къ пониманію и вкусамъ толпы. Золотая середина, т.-е. извѣстная неопредѣленность или блѣдность мнѣній, и здѣсь пріобрѣтала значеніе, какъ своего рода залогъ внѣшняго успѣха. Стремясь къ увеличенію подписки, редакторы газетъ хлопотали также о томъ, чтобы читатели получали какъ можно болѣе матеріала для легкаго и занимательнаго чтенія. Каждая газета желала имѣть на своихъ столбцахъ какой-нибудь забористый романъ, печатавшійся ежедневно маленькими кусочками, и на стряпанье такихъ романовъ набросились многочисленные писатели, иногда при помощи

---

[1]) См. т. IV, стр. 428—429.

болѣе мелкихъ литературныхъ работниковъ, причемъ полученіе извѣстной построчной платы сдѣлалось главною цѣлью подобной писательской индустріи. И представители настоящей промышленности или разнаго рода денежныхъ спекуляцій стали смотрѣть на газеты, какъ на подспорье въ своихъ предпріятіяхъ, потому что газеты за деньги охотно рекламировали тѣ или другія предпріятія,— зло, отъ котораго до сихъ поръ не можетъ еще отдѣлаться французская періодическая печать.

Въ области изящной литературы французское буржуазное общество временъ іюльской монархіи имѣло особенныхъ любимцевъ, которые вполнѣ соотвѣтствовали идеямъ и вкусамъ своихъ читателей и получали весьма крупные гонорары за свои произведенія. Одного изъ этихъ любимцевъ, именно Бальзака, называли „романистомъ финансоваго міра", а другой любимецъ, Скрибъ, былъ драматургомъ этого міра. Впрочемъ, это весьма неравныя между собой величины. Первый изъ нихъ былъ крупный писатель, оставившій послѣ себя весьма замѣтный слѣдъ во французской литературѣ, тогда какъ второй былъ простой литературный промышленникъ, въ настоящее время справедливо забытый. Но оба они были настоящими сынами буржуазной эпохи: оба любили деньги и даже участвовали въ разнаго рода спекуляціяхъ, а въ своихъ произведеніяхъ изображали одну и ту же среду разнаго рода промышленниковъ и аферистовъ, равно какъ всякій людъ, который живетъ и кормится около героевъ легкой наживы. Какъ крупный писатель, сдѣлавшійся однимъ изъ родоначальниковъ литературнаго реализма, Бальзакъ изображаетъ буржуазное общество, какимъ оно было, и его изображеніе выходило правдивымъ, каковы бы ни были его собственныя симпатіи и антипатіи. Скрибъ, наоборотъ, прямо стремится представить это общество въ томъ свѣтѣ, который былъ бы пріятенъ и понятенъ буржуазнымъ зрителямъ его драмъ и комедій. По его мнѣнію, если что либо и было дурного въ этомъ обществѣ, то лишь отдѣльные частные недостатки, какіе возможны во всякомъ обществѣ, напримѣръ, общечеловѣческіе слабости и пороки. Идеальныя личности Скриба,—конечно, въ смыслѣ идеаловъ его среды,—принадлежатъ обыкновенно буржуазіи. Выводя представителей отжившаго аристократическаго міра, онъ разыгрываетъ роль сатирика; такое же отношеніе мы находимъ у него и къ низшимъ классамъ.

Такого положенія, какого достигла буржуазія въ Англіи и во Франціи, этотъ общественный классъ не достигалъ еще въ другихъ странахъ, за исключеніемъ развѣ Голландіи и Бельгіи. Въ первой изъ этихъ двухъ странъ уже давнымъ-давно промышленный, торговый и

денежный классъ пользовался виднымъ общественнымъ положеніемъ [1]). Бельгійская революція 1830 г. весьма сильно содѣйствовала развитію буржуазіи и въ новомъ государствѣ, которое было обязано своимъ происхожденіемъ этой революціи. Иныя отношенія существовали въ болѣе отсталыхъ странахъ, къ числу которыхъ въ отношеніи промышленности нужно отнести и Германію еще въ исходѣ первой половины XIX в. Здѣсь еще не произошло развитія крупной промышленности и не образовалось рѣзкаго раздѣленія между буржуазіей и народомъ. Преобладаніе мелкой промышленности создавало цѣлый рядъ переходовъ отъ простыхъ рабочихъ, занятыхъ въ мастерскихъ мелкихъ патроновъ, къ буржуазіи, въ которой тоже еще не успѣли обособиться менѣе зажиточные и болѣе богатые элементы. Побѣда реакціи въ Германіи и послѣ 1815, и послѣ 1830 г.,—реакціи, благопріятствовавшей дворянству,—съ одной стороны, препятствовала развитію буржуазіи, а съ другой, до извѣстной степени объединяла интересы всѣхъ непривилегированныхъ, какъ это было, напримѣръ, и во Франціи до великой революціи. Наконецъ, долгое время тормазомъ для экономическаго развитія Германіи служили таможни, существовавшія между тремя дюжинами нѣмецкихъ государствъ [2]) и страшно стѣснявшія торговлю, а черезъ то препятствовавшія и развитію промышленности. Впрочемъ еще въ эпоху реставраціи сталъ возникать въ Германіи таможенный союзъ (Zollverein) между отдѣльными государствами [3]). Но настоящее свое развитіе онъ получилъ только въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, именно между большею частью нѣмецкихъ государствъ таможни были уничтожены только въ ночь подъ 1-ое января 1834 г., послѣ чего расширеніе площади таможеннаго союза продолжалось и въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія. На этотъ фактъ обыкновенно смотрятъ съ политической точки зрѣнія, какъ на одинъ изъ шаговъ къ объединенію Германіи, но фактъ этотъ имѣлъ и очень важное экономическое значеніе, такъ какъ уничтоженіе внутреннихъ заставъ въ Германіи сразу оживило торговлю и промышленность и способствовало развитію въ Германіи новыхъ соціальныхъ отношеній. Весьма естественно, что нѣмецкое бюргерство въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ обращало свои взоры къ Англіи и Франціи, гдѣ и теоретически разрабатывались, и практически осуществлялись идеи экономической свободы. Самое понятіе свободы политической тѣсно было связано въ представленіи нѣмецкихъ либераловъ съ понятіемъ свободнаго развитія отношеній, возникающихъ въ сферѣ промышленности.

---

[1]) См. т. III, стр. 90 и слѣд.
[2]) См. т. IV, стр. 345.
[3]) См. т. IV, стр. 348—349.

ТРИДЦАТЫЕ И СОРОКОВЫЕ ГОДЫ.

VI. Борьба съ революціей во Франціи въ тридцатыхъ годахъ [1]).

Общій взглядъ на первое десятилѣтіе іюльской монархіи. — Личныя свойства Людовика-Филиппа.—Процессъ министровъ Карла X.—Политическія партіи первыхъ лѣтъ іюльской монархіи. — Министерство Казимира Перье. — Народныя волненія въ первые годы іюльской монархіи. — Попытка возстанія легитимистовъ.—«Отчетъ депутатовъ оппозиціи». — Республиканское возстаніе 1832 г.— Министерство Сульта. — Покушеніе на жизнь короля. — Правительственная репрессія.—Новыя попытки возстанія и покушенія на жизнь короля. — Неудачныя предпріятія принца Бонапарта.—Успокоеніе Франціи въ 1840 году.

Эпоху іюльской революціи во Франціи можно раздѣлить на два періода почти равной величины. Одинъ изъ лучшихъ историковъ этой эпохи, Гиллебрандъ, первыя шесть-семь лѣтъ іюльской монархіи весьма удачно называетъ Sturm und Drangperiode. Дѣйствительно, это были годы довольно бурные, годы цѣлаго ряда волненій, задававшихъ нелегкую задачу іюльскому правительству. Общественное возбужденіе послѣ переворота исчезнуть сразу не могло. Многія надежды, возлагавшіяся на перемѣну режима, не оправдались. Рабочіе, оставшіеся безъ дѣла, представляли изъ себя горючій матеріалъ, весьма легко воспламенявшійся. Сама монархія Людовика-Филиппа была созданіемъ, собственно говоря, лишь одной фракціи. И въ населеніи страны, особенно въ населеніи столицы, было не малое количество недовольныхъ, были ли то приверженцы легитимной династіи или сторонники

---

[1]) Указанія на литературу по исторіи іюльской монархіи см. выше на стр. 32. Кромѣ того, см. *De la Hodde.* Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Гейне писалъ корреспонденціи изъ Парижа въ „Аугсбургскую газету", а потомъ издалъ свои письма отдѣльно подъ заглавіемъ „Französische Zustände". Русскій переводъ А. Н. Плещеева („Мѣщанская монархія въ 1832 г.") помѣщенъ въ „Сочиненіяхъ Г. Гейне въ переводѣ рус. писателей подъ ред. П. И. Вейнберга".

республиканской формы. Къ этимъ шести-семи годамъ нужно прибавить еще годы перехода къ слѣдующему періоду, время, характеризующееся какою-то неустойчивостью, когда, напримѣръ, въ четыре съ половиною года смѣнилось пять министерствъ. Совершенно иной характеръ имѣютъ послѣднія 8—9 лѣтъ іюльской монархіи, особенно долголѣтнее министерство Гизо (29 окт. 1840 г.—22 февр. 1848 г.). Это—періодъ полнаго господства парламентаризма, періодъ большей политической устойчивости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренняго застоя. Мы разсмотримъ пока первую половину царствованія Людовика-Филиппа, чтобы исторію министерства Гизо связать впослѣдствіи непосредственно съ исторіей февральской революціи.

Итакъ, первыя времена іюльской монархіи отличаются характеромъ бурнымъ. Они обильны важными характерными и драматическими фактами, полны внутренней борьбы, притомъ борьбы довольно сложной. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ частыми министерскими кризисами, за которыми скрываются партійныя несогласія, съ уличными демонстраціями, заговорами и покушеніями, даже съ прямыми возстаніями, заставлявшими правительство прежде всего заботиться о собственномъ сохраніи, а также съ политическими процессами и репрессивными мѣрами, которыми правительство отвѣчало на общественное возбужденіе. Самъ Людовикъ-Филиппъ, котораго приверженцы старины называли „королемъ баррикадъ“, не долго пользовался популярностью, созданною ему іюльскими днями 1830 г. Главная ошибка новаго короля заключалась въ томъ, что онъ не понялъ своего жизненнаго принципа. Его тронъ имѣлъ революціонное происхожденіе. Самъ онъ сдѣлался королемъ „не потому, что былъ Бурбонъ, и несмотря на то, что былъ Бурбонъ“. Другими словами, настоящею основою его власти былъ принципъ народнаго верховенства, а между тѣмъ Людовикъ-Филиппъ поддерживалъ себя quasi-легитимизмомъ. Это была его личная ошибка, но, кромѣ того, несчастіемъ для Людовика-Филиппа было то, что ему и трудно было, — чтобы не сказать невозможно,—править, сообразуясь съ голосомъ страны, ибо страна была раздѣлена на партіи, угодить которымъ всѣмъ заразъ было прямо немыслимо, но изъ которыхъ ни одна не могла считаться вполнѣ господствующей и представлять собою прочную опору для власти. Людовикъ-Филиппъ обращался поочередно къ разнымъ партіямъ, но каждую изъ нихъ онъ призывалъ къ власти лишь для того, чтобы ее ослабить, а затѣмъ удалить отъ себя, являясь во всѣхъ правительственныхъ комбинаціяхъ дѣйствительно своего рода „неподвижною мыслью“ (la pensée immuable),—одна изъ кличекъ, дававшихся ему недовольными людьми. Хотя Людовикъ-Филиппъ легко бы могъ, слѣдуя извѣстной формулѣ, „царствовать не управляя“, на самомъ дѣлѣ онъ

хотѣлъ и управлять, прячась за спины своихъ министровъ. Поэтому не представляется ни малѣйшей возможности понять внутреннюю и внѣшнюю политику іюльской монархіи, не познакомившись съ личностью самого Людовика-Филиппа, тѣмъ болѣе еще, что по своему характеру онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ тому общественному классу, который господствовалъ въ теченіе всѣхъ восемнадцати лѣтъ іюльской монархіи.

Между буржуазіей и фамиліей Орлеанскихъ герцоговъ существовали старинныя симпатіи и связи [1]), но и личныя судьбы Людовика-Филиппа не мало содѣйствовали выработкѣ изъ него настоящаго короля буржуазіи. Людовикъ-Филиппъ родился въ 1773 году и, слѣдовательно, ему шелъ только 16-ый годъ, когда вспыхнула великая французская революція. Извѣстно, какую печальную роль въ событіяхъ этой эпохи игралъ его отецъ, мечтавшій самъ сѣсть на французскій престолъ, а потомъ отрекшійся отъ своего фамильнаго имени и герцогскаго титула, чтобы назваться гражданиномъ Эгалите, подававшій голосъ за казнь Людовика XVI и самъ сложившій голову на гильотинѣ [2]). Молодой принцъ, получившій при рожденіи титулъ герцога Валуа, а потомъ носившій титулъ герцога Шартрскаго, по примѣру своего отца примкнулъ къ новому порядку вещей, созданному революціей, вступилъ въ національную гвардію, а въ 1790 году вошелъ въ число членовъ якобинскаго клуба. Въ слѣдующемъ 1791 году онъ началъ дѣятельную военную службу, въ которой, благодаря своему происхожденію, сразу сталъ занимать весьма важныя должности. Въ 1792 году онъ участвовалъ въ канонадѣ при Вальми и въ битвѣ при Жемаппѣ [3]), имѣвшей такое важное значеніе въ исторіи начинавшихся революціонныхъ войнъ. Къ этому времени относится его сближеніе съ Дюмурье, побѣдителемъ при Жемаппѣ. Когда монархія пала во Франціи, молодой герцогъ Шартрскій послѣдовалъ примѣру своего отца и также началъ называться гражданиномъ Эгалите, но послѣ несчастной битвы при Неервинденѣ, гдѣ принцъ командовалъ центромъ, онъ вынужденъ былъ вмѣстѣ съ Дюмурье спасаться отъ ярости конвента за границу бѣгствомъ [4]).

Здѣсь, однако, онъ не примкнулъ къ эмигрантамъ и не думалъ о томъ, чтобы вмѣстѣ съ ними вернуться на родину при помощи иностранныхъ войскъ. Одно время онъ снискивалъ себѣ пропитаніе въ качествѣ учителя математики и географіи въ одной швей-

---

[1]) См. т. III, стр. 409 и т. IV, стр. 429.
[2]) См. т. III, стр. 493, 602 и 611.
[3]) См. т. III, стр. 575 и 603.
[4]) См. т. III, стр. 604.

царской школѣ, потомъ путешествовалъ по Даніи, Германіи, Швеціи и Норвегіи, нерѣдко крайне нуждаясь въ матеріальныхъ средствахъ. Его матери и обоимъ братьямъ, герцогу Монпансье и графу Божоле, директорія разрѣшила возвратиться во Францію, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы самъ онъ, принявшій по смерти своего отца титулъ герцога Орлеанскаго, оставилъ Европу, и Людовикъ-Филиппъ вынужденъ былъ тогда уѣхать въ Америку, куда послѣ 18-го фрюктидора [1]) послѣдовали и оба его брата. Въ Америкѣ Людовикъ-Филиппъ оставался до 1800 г., когда онъ съ братьями переселился въ Англію. По смерти братьевъ въ 1807 году онъ переѣхалъ на жительство въ Палермо и черезъ два года женился на дочери короля Фердинанда I. Въ эту пору своей жизни онъ дважды дѣлалъ попытку противодѣйствія въ Испаніи владычеству Іосифа Бонапарта, но оба раза не имѣлъ удачи. Во Францію онъ возвратился въ 1814 г. послѣ паденія Наполеона, но съ самаго же начала Людовикъ XVIII сталъ относиться къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Это недовѣріе усилилось послѣ того, какъ герцогъ Орлеанскій послѣ „ста дней“ сдѣлался однимъ изъ кандидатовъ на престолъ въ глазахъ французскихъ либераловъ [2]). Дѣло доходило до того, что герцогъ Орлеанскій на цѣлый годъ покидалъ Францію. Во все время реставраціи Людовикъ-Филиппъ велъ себя сдержанно и осторожно, но тѣмъ не менѣе у представителей антидинастической оппозиціи его имя часто было своего рода политическимъ лозунгомъ, а его дворъ оставался однимъ изъ центровъ, гдѣ встрѣчались либеральные дѣятели и писатели эпохи. Въ 1830 году при вступленіи на престолъ онъ доживалъ уже шестой десятокъ лѣтъ и былъ отцомъ довольно многочисленнаго семейства. Личное его имущество было очень велико, такъ какъ въ 1814 г. онъ получилъ обратно всѣ земли, которыя прежде принадлежали его отцу и были конфискованы во время революціи.

Людовикъ-Филиппъ былъ однимъ изъ представителей того поколѣнія, которое было слишкомъ молодо въ началѣ революціи, чтобы вполнѣ ясно и отчетливо понимать ея смыслъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ старъ, чтобы его можно было причислить къ поколѣнію, вступившему въ жизнь въ эпоху реставраціи. Въ лучшіе годы своей жизни онъ вынужденъ былъ стоять совершенно въ сторонѣ отъ событій, волновавшихъ его родину, и не принималъ никакого участія въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ поддержанію или низверженію существовавшихъ тогда правительствъ. Это обстоятельство наложило печать на все его поведеніе. Къ тому же его положеніе, какъ сына гражданина Фи-

[1]) См. т. III, стр. 642.
[2]) См. т. IV, стр. 400.

лицпа Эгалите, въ которомъ видѣли „цареубійцу“, и въ то же время какъ ближайшаго родственника королевскаго дома, было довольно щекотливымъ. Съ другой стороны, полученные имъ образованіе и личный жизненный опытъ были не заурядны. Онъ много зналъ, вращался среди наиболѣе замѣчательныхъ людей своего времени, знакомъ былъ съ жизнью чужихъ странъ, испыталъ нужду и необходимость тяжелымъ личнымъ трудомъ зарабатывать средства къ существованію, видѣлъ превратности судьбы, и все это не могло не оставить слѣда на его умѣ и характерѣ. Людовику-Филиппу нельзя отказать въ умѣніи понимать людей и вещи и пользоваться обстоятельствами, равно какъ въ добродѣтеляхъ семьянина и частнаго человѣка. При своемъ живомъ умѣ и общительномъ характерѣ онъ долженъ былъ сильно тяготиться вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Немудрено, что въ эпоху своего изгнанія онъ съ жадностью искалъ политической дѣятельности, которой не могъ, однако, найти въ рядахъ французскихъ эмигрантовъ. Еще тяжелѣе было ему переносить это бездѣйствіе въ эпоху реставраціи. Когда разразилась іюльская революція, Людовикъ-Филиппъ, однако, не сразу далъ согласіе занять то мѣсто, на которое его призывали. Онъ уже давнымъ-давно находился въ сношеніяхъ съ видными представителями либерализма, но при этомъ онъ предпочиталъ ничѣмъ себя не компрометтировать, ничѣмъ не рисковать и придерживался одной чисто выжидательной политики. Весьма естественно, что онъ нѣкоторое время колебался. Еще 31 іюля онъ просилъ герцога Мортемара передать королю, что въ Парижъ его привели силой и что онъ скорѣе позволитъ изрубить себя въ куски, чѣмъ надѣнетъ корону на свою голову, хотя въ тотъ же самый день согласился принять званіе намѣстника королевства. Извѣстно, далѣе, что, докладывая палатамъ объ отреченіи короля и дофина отъ престола, онъ не счелъ нужнымъ упомянуть, что это отреченіе было подписано въ пользу Генриха V, при которомъ онъ самъ долженъ былъ бы состоять регентомъ [1]). Это обстоятельство сторонники падшей династіи не могли не ставить ему въ вину.

Въ самый же день своего избранія онъ совершилъ еще одинъ поступокъ, который произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на націю. По старому обычаю французскіе короли, вступая на престолъ, обыкновенно присоединяли свою личную собственность къ государственнымъ имуществамъ въ знакъ полнаго бракосочетанія особы короля съ государствомъ. Людовикъ-Филиппъ отступилъ отъ этого обычая. Будучи человѣкомъ предусмотрительнымъ, онъ хотѣлъ обезпечить свое многочисленное семейство и потому раздѣлилъ свое личное

[1]) См. выше, стр. 48.

имѣніе между своими сыновьями. Это очень не понравилось французамъ, среди которыхъ утвердилось мнѣніе о крайней любостяжательности новаго короля. Вскорѣ представился и другой случай обвинить Людовика-Филиппа въ томъ же самомъ. Въ числѣ принцевъ, вернувшихся во Францію съ Бурбонами, былъ престарѣлый принцъ Конде, отецъ несчастнаго герцога Ангіенскаго [1]). Въ свое время онъ игралъ видную роль въ эмиграціи; но послѣ трагической кончины сына онъ жилъ въ полномъ уединеніи и въ эпоху реставраціи держалъ себя далеко отъ двора. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ находился вполнѣ въ рукахъ своей любовницы, англичанки Фешеръ, которая была хорошо принята въ Пале-Роялѣ. Подъ ея вліяніемъ старый принцъ завѣщалъ все свое громадное состояніе крестнику своему, герцогу Омальскому, четвертому сыну Людовика-Филиппа, назначивъ при этомъ на долю г-жи Фешеръ около 15.000.000 франковъ. Іюльская революція произвела ужасное впечатлѣніе на его разслабленный разсудокъ, и не желая ни отправиться въ новое изгнаніе съ Бурбонами, ни оставаться во Франціи, гдѣ легитимная монархія была сокрушена, онъ въ концѣ августа кончилъ жизнь самоубійствомъ: его нашли повѣсившимся на двухъ шелковыхъ галстукахъ въ окнѣ его спальни. Но въ это время очень плохо вѣрили самоубійству принца и стали говорить, будто онъ хотѣлъ покинуть Францію и передѣлать свое духовное завѣщаніе въ пользу герцога Бордосскаго и будто въ предупрежденіе этого онъ былъ задушенъ своею любовницею. Этимъ разсказамъ вѣрили, несмотря на то, что слѣдствіе констатировало самоубійство. Въ довершеніе скандала семья де-Рогановъ, имѣвшая права на наслѣдство, начала искъ о возвращеніи ей достоянія принца Конде. Въ общественныхъ толкахъ по этому поводу нерѣдко произносилось имя новаго короля съ весьма обидными намеками, и многіе находили, что Людовику-Филиппу при такихъ обстоятельствахъ слѣдовало бы отказаться отъ наслѣдства, оставленнаго его сыну. Людовикъ-Филиппъ этого, однако, не сдѣлалъ, и вотъ тогда еще больше заговорили о жадности и любостяжательности короля. Такъ за нимъ эта слава и утвердилась до послѣдняго времени, несмотря на то, что орлеанистскіе историки не безъ основанія иногда указывали на преувеличенность такого рода мнѣній о Людовикѣ-Филиппѣ.

Въ первые дни своего царствованія Людовику-Филиппу приходилось не разъ выражать свою признательность участникамъ іюльскаго переворота. Жертвамъ революціи палата постановила выдать денежное пособіе, и самъ король долженъ былъ дать аудіенцію

[1]) См. т. IV, стр. 99.

разнымъ лицамъ, осужденнымъ въ предшествовавшій періодъ за политическія преступленія. Ища популярности въ парижскомъ населеніи, онъ часто появлялся на улицахъ пѣшкомъ, въ партикулярномъ платьѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, какъ самый обыкновенный буржуа, любезно раскланивался съ прохожими, пожималъ руки встрѣчнымъ національнымъ гвардейцамъ и даже принималъ отъ рабочихъ угощеніе въ родѣ стакана вина. Въ этомъ стремленіи къ простотѣ и общенію съ своими подданными онъ, что называется, прямо пересаливалъ и весьма скоро сдѣлался предметомъ насмѣшекъ—прежде всего въ аристократическихъ салонахъ и въ газетахъ, оставшихся вѣрными старой монархіи. Окруживъ себя людьми, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ возведеніемъ на престолъ, онъ, однако, вовсе не думалъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними. Во главѣ національной гвардіи продолжалъ стоять Лафайетъ, но онъ былъ не особенно удобенъ для новаго правительства: иностранные дворы смотрѣли на него косо, а внутри онъ былъ, такъ сказать, живымъ напоминаніемъ о неисполненныхъ обѣщаніяхъ. Весьма естественно, что Людовику-Филиппу было весьма пріятно отдѣлаться отъ Лафайета.

На первыхъ же порахъ Лафайетъ оказалъ Людовику-Филиппу немаловажную услугу. Министры Карла X послѣ іюльскаго переворота искали спасенія въ бѣгствѣ, но въ разныхъ мѣстахъ были арестованы, и правительство вынуждено было посадить ихъ въ Венсенскій замокъ и начать противъ нихъ процессъ. Ни новый король, ни палата депутатовъ вовсе не были расположены къ тому, чтобы слишкомъ строго обойтись съ слугами падшаго правительства; но въ народѣ господствовало противъ нихъ такое озлобленіе, что лишь смертный приговоръ могъ бы вполнѣ удовлетворить народъ. Лафайетъ рѣшился въ данномъ случаѣ помочь правительству. Такое намѣреніе вполнѣ соотвѣтствовало его гуманному характеру: онъ хотѣлъ быть великодушнымъ по отношенію къ людямъ, которые, находясь у власти, охотно разстрѣляли бы его самого, если бы въ ихъ рукахъ были прямыя улики его революціонной дѣятельности. Противники смертной казни бывшихъ министровъ Карла X стали говорить, что вообще смертная казнь не соотвѣтствуетъ духу времени и что въ особенности должны быть совершенно изъяты отъ смертной казни виновные въ политическихъ преступленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ стали говорить въ палатахъ, и правительству сдѣлано было предложеніе—выработать проектъ закона, которымъ отмѣнялась бы смертная казнь за политическія преступленія. Извѣстіе объ этомъ произвело страшное возбужденіе въ парижскомъ населеніи. Толпы народа бросились на Венсенскій замокъ, чтобы собственнымъ судомъ расправиться съ бывшими министрами Карла X, и удалились лишь тогда,

когда комендантъ замка твердо заявилъ, что скорѣе взорветъ башню, гдѣ заключены министры, и вмѣстѣ съ ними самъ погибнетъ, чѣмъ выдастъ ихъ народу (18 окт.). Только національная гвардія, охранявшая Пале-Рояль, гдѣ подъ предсѣдательствомъ короля засѣдалъ совѣтъ министровъ, не допустила толпу до новой попытки совершить насиліе. Бывшій въ то время префектомъ Сенскаго департамента Одилонъ Барро счелъ нужнымъ успокоить народъ особой прокламаціей, въ которой, однако, выразилъ неодобреніе палатѣ за ея намѣреніе отмѣнить смертную казнь. Людовикъ-Филиппъ потребовалъ, чтобы Одилонъ Барро былъ удаленъ со своего мѣста, но долженъ былъ уступить настояніямъ Лафайета и нѣкоторыхъ министровъ, которые защищали Барро, и послѣдній остался на прежнемъ мѣстѣ. Тогда большая часть министровъ вышли въ отставку. Новое министерство, во главѣ котораго стоялъ Лафиттъ (20 окт. 1830 г.—13 марта 1831 г.), было совершенно въ духѣ Лафайета. Вотъ тогда-то и пришлось ему выступить въ весьма трудной роли, когда наконецъ начался процессъ бывшихъ министровъ Карла X. Правительство имѣло всѣ основанія опасаться новой вспышки ненависти противъ князя Полиньяка и его товарищей. Поэтому были приняты мѣры предосторожности. Усилили парижскій гарнизонъ, предписали національной гвардіи быть готовой каждую минуту взяться за оружіе и во главѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ столицы поставили Лафайета. Процессъ начался 15 дек., и въ населеніи Парижа снова началось сильное броженіе, успокоить которое, казалось, могла только казнь подсудимыхъ. Это настроеніе господствовало и въ самой національной гвардіи. 19 декабря это народное недовольствіе разразилось цѣлымъ возстаніемъ. Толпы народа бросились на Люксембургскій дворецъ, гдѣ засѣдала палата пэровъ, судившая министровъ. Желѣзныя рѣшетки, окружавшія зданіе, были сломаны, и лишь съ большимъ трудомъ былъ возстановленъ порядокъ. Чрезъ два дня, когда пэры должны были произнести приговоръ, дворецъ былъ уже охраняемъ 30.000 солдатъ и національныхъ гвардейцевъ, а подсудимыхъ пришлось вести обратно въ Венсенскій замокъ необычною дорогой и подъ охраной значительнаго кавалерійскаго отряда. Сами судьи по окончаніи процесса большею частью поспѣшили отправиться домой переодѣтые, чтобы случайно не быть узнанными толпой. Министры Карла X были приговорены къ пожизненному заключенію, и правительство очень боялось, что на этотъ приговоръ Парижъ отвѣтитъ возстаніемъ. Ночь съ 21 на 22 декабря прошла дѣйствительно крайне безпокойно въ виду возбужденнаго состоянія жителей, изъ которыхъ многіе даже не ложились спать. Линейныя войска и національная гвардія оставались подъ оружіемъ; но и защитникамъ порядка правительство не вполнѣ довѣряло,

особенно двумъ артиллерійскимъ батареямъ національной гвардіи, собраннымъ на дворѣ Лувра: начальниками этихъ батарей были завѣдомые республиканцы, и начальство двухъ другихъ подобныхъ батарей зорко наблюдало за тѣмъ, какъ бы эти батареи не соединились съ народомъ и не вступили въ борьбу съ своими товарищами. Всю ночь на улицахъ и площадяхъ Парижа горѣли бивуачные огни. Если дѣло не дошло до междоусобія, то большая доля заслуги въ этомъ падала на главнаго начальника національной гвардіи Лафайета, которому, однако, вскорѣ пришлось выйти въ отставку: 24 дек. палата депутатовъ отмѣнила должность главнаго начальника всей французской національной гвардіи. Лафайетъ увидѣлъ въ этомъ рѣшеніе, лично направленное противъ него, и не захотѣлъ оставаться во главѣ національной гвардіи Парижа. Послѣ этого онъ принадлежалъ уже къ оппозиціи. Вскорѣ за Лафайетомъ послѣдовали и нѣкоторые другіе видные политическіе дѣятели, солидарные съ Лафайетомъ: Дюпонъ де л'Эръ, министръ юстиціи, и Трельяръ, префектъ полиціи. Въ этихъ отставкахъ усматривали начинающуюся реакцію; дѣйствительно, таково и было ихъ значеніе.

Лафайетъ и Дюпонъ съ Лафиттомъ были вождями прежней революціонной партіи, которая еще задолго подготовляла возстаніе противъ Бурбоновъ, а послѣ іюльскихъ дней превратилась въ „партію движенія". Она стремилась къ тому, чтобы іюльская революція обнаружила всѣ свои послѣдствія путемъ поддержки демократическаго движенія въ самой Франціи и оказанія помощи другимъ народамъ въ ихъ борьбѣ за свободу. Въ самомъ началѣ своего царствованія Людовикъ-Филиппъ вынужденъ былъ призвать къ власти представителей этой партіи, но въ то же время онъ призвалъ къ власти представителей прежней легальной оппозиціи (Гизо, Броля, Дюпэна), которые стали теперь во главѣ „партіи сопротивленія", считавшей революцію законченною, а потому и стремившіеся, съ одной стороны, поддерживать консервативную буржуазію внутри страны, во внѣшней же политикѣ искавшей сближенія съ монархическими державами. Образованіе министерства Лафитта, о которомъ было сказано выше, знаменовало собою усиленіе „партіи движенія"; но скоро Людовикъ-Филиппъ отдѣлался и отъ Лафитта, къ которому не могъ относиться съ довѣріемъ, несмотря на прежнюю личную дружбу. Лафиттъ весьма скоро почувствовалъ нерасположеніе къ себѣ короля. Іюльская революція сильно поразстроила его денежныя дѣла, и, конечно, ихъ не могла поправить непрочность внутренняго и внѣшняго положенія Франціи. Нужно было принять какія-либо мѣры для поправки этихъ дѣлъ, и Лафиттъ предложилъ Людовику-Филиппу купить у него за 15.000.000 фр. одинъ большой лѣсъ. Сдѣлка была

заключена, но Лафиттъ желалъ, чтобы она держалась въ секретѣ, боясь, какъ бы извѣстіе объ этой продажѣ не пошатнуло его кредита. Но король настаивалъ на томъ, чтобы его право собственности на лѣсъ было поскорѣе утверждено формальнымъ актомъ, въ чемъ Лафиттъ усмотрѣлъ со стороны короля недовѣріе къ себѣ. Скоро представился и другой поводъ для неудовольствія. Дѣло въ томъ, что въ это время революція, которая вспыхнула сначала въ Бельгіи, а затѣмъ въ Польшѣ, стала распространяться и на Италію. Во Франціи общественное мнѣніе было на сторонѣ возставшихъ и требовало, чтобы правительство оказало поддержку революціи за границей. Людовику-Филиппу было очень непріятно, что Лафиттъ благопріятствовалъ общественному движенію въ этомъ смыслѣ, такъ какъ самъ вовсе не желалъ начинать войну, къ которой несомнѣнно привело бы вмѣшательство въ иностранныя дѣла. Не довѣряя Лафитту, Людовикъ-Филиппъ скрылъ отъ него одну депешу, полученную изъ Вѣны, и министру болѣе не оставалось ничего дѣлать, какъ выйти въ отставку. „Партія движенія“ должна была теперь уступить свое мѣсто „партіи сопротивленія“ въ лицѣ Казимира Перье, которому послѣ выхода Лафитта въ отставку Людовикъ-Филиппъ поручилъ составить новое министерство. Но и къ этому министерству у короля не было и не могло быть искренняго расположенія.

Подобно Лафитту, Казимиръ Перье былъ главою крупнаго банкирскаго дома. Подобно Лафитту, и онъ въ послѣдніе годы реставраціи принадлежалъ къ буржуазной оппозиціи противъ клерикально-феодальнаго направленія Карла X; но если Лафиттъ всегда былъ готовъ содѣйствовать низверженію Бурбоновъ, то Казимиръ Перье, наоборотъ, не обнаруживалъ ни малѣйшаго сочувствія къ революціи. Когда послѣдняя произошла, онъ призналъ совершившійся фактъ, но не для того, чтобы вывести изъ него какія-либо дальнѣйшія слѣдствія, а именно, чтобы стать на стражѣ существующаго порядка вещей и остановить дальнѣйшее развитіе революціи. Его программа заключалась въ томъ, чтобы создать прочное и твердое правительство, обезпечить преобладаніе за буржуазіей, положить конецъ демократическому движенію и сохранить миръ съ другими державами отреченіемъ отъ поддержки революціонныхъ движеній за границей. По личному характеру это былъ человѣкъ властный и надменный, страстно и ревниво относившійся къ малѣйшимъ поползновеніямъ ему противорѣчить, приходившій въ раздраженіе, когда его воля не исполнялась безпрекословно. Будучи президентомъ министерства, онъ безусловно господствовалъ надъ своими товарищами, и еще менѣе способенъ онъ былъ допустить, чтобы король велъ сколько-нибудь самостоятельную политику. Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ под-

чиниться своему министру и прямо исполнять его волю. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Казимира Перье было распущеніе палаты, собранной въ 1830 г. Новая палата, выбранная уже по новому избирательному закону [1]), заключала въ себѣ громадное министерское большинство. Тронная рѣчь, которою Людовикъ-Филиппъ 25 іюля 1831 г. открылъ сессію, была составлена Казимиромъ Перье въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ, и когда король читалъ ее, министръ по имѣвшемуся у него списку слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни одно слово рѣчи не было измѣнено при чтеніи. По мнѣнію Казимира Перье, Франція должна была чувствовать, что ею управляютъ, и Франція дѣйствительно при немъ управлялась. Первый министръ былъ чѣмъ-то въ родѣ „просвѣщеннаго деспота“ XVIII в., и хотя ему приходилось соблюдать конституціонныя формы, понималъ онъ эти формы чисто внѣшнимъ образомъ. Король долженъ былъ царствовать, но не управлять; Казиміръ Перье не принималъ въ расчетъ особой отвѣтственности короля, вытекавшей изъ революціоннаго происхожденія его власти. Между Людовикомъ-Филиппомъ и первымъ министромъ установилось отношеніе, которое иначе нельзя назвать, какъ личнымъ соперничествомъ: по крайней мѣрѣ, у короля господствовало именно это самое чувство. И отъ Франціи властолюбивый министръ требовалъ безусловнаго къ себѣ довѣрія не за благородство своихъ намѣреній, не за истинность своихъ принциповъ, а довѣрія своему характеру, твердому намѣренію, какъ говорилъ онъ, заставить уважать законъ.

Понятно, что такой человѣкъ долженъ былъ объявить войну революціи и внутри страны, и за границей. Всѣ политическіе союзы, существовавшіе въ это время во Франціи, нашли въ немъ своего врага; но онъ старался дѣйствовать противъ нихъ легальными мѣрами. Революцію въ Польшѣ и въ Италіи онъ рѣшилъ предоставить ихъ собственной судьбѣ, положивъ конецъ той косвенной поддержкѣ, какую оказывало возставшимъ прежнее министерство. Французская кровь, по словамъ Казимира Перье, должна была проливаться только за Францію: и если въ чемъ онъ проявилъ особую энергію, такъ это въ охранѣ бельгійской независимости, такъ какъ въ Бельгіи затронуты были непосредственные интересы Франціи. Политика Казимира Перье весьма сильно содѣйствовала потерѣ Людовикомъ-Филиппомъ популярности, и эта строгая система держалась до 16 мая 1832 г., когда энергичный министръ былъ похищенъ свирѣпствовавшей въ то время холерой. Можно сказать, что при извѣстіи о смерти Казимира Перье у Людовика-Филиппа гора свалилась съ плечъ. Но результатами системы онъ не могъ быть недоволенъ. Внѣшній миръ былъ обез-

[1]) См. выше, стр. 51.

печенъ, и въ то же время Франція сохраняла свободу дѣйствій въ международныхъ дѣлахъ, что̀ обезпечивало ея положеніе въ Европѣ. Пошатнувшійся общественный кредитъ былъ возстановленъ, что̀ еще болѣе склоняло буржуазію на сторону новаго режима. Одного только не удалось сдѣлать Казимиру Перье, не удалось положить конецъ революціонному броженію, все еще продолжавшемуся въ странѣ.

Октябрьскіе и декабрьскіе безпорядки 1830 г. по случаю процесса бывшихъ министровъ Карла X были только первыми въ цѣломъ ряду волненій, которыми наполнены первые годы іюльской монархіи. 14 февраля 1831 г., въ годовщину смерти герцога Беррійскаго легитимисты устроили торжественныя поминки въ церкви St. Germain l'Auxerrois, нѣчто въ родѣ политической демонстраціи, во время которой былъ выставленъ портретъ „законнаго короля", герцога Бордосскаго. Толпы народа въ весьма враждебномъ настроеніи собрались вокругъ церкви, и когда богослуженіе кончилось, церковь подверглась полному разгрому: алтарь, каѳедра, исповѣдальни, статуи святыхъ, кресты—все это было поломано и поругано, а священныя облаченія послужили для импровизированнаго маскарада. Полиція предвидѣла возможность безпорядковъ и даже совѣтовала устроителямъ заупокойной мессы не приводить своего намѣренія въ исполненіе, но сама никакихъ мѣръ предосторожности не приняла: толпа совершенно безпрепятственно сдѣлала свое дѣло. Явилось опасеніе, что безпорядки возобновятся и на другой день, и Пале-Рояль снова сдѣлался предметомъ усиленной охраны. Безпорядки дѣйствительно возобновились, но сверхъ ожиданія народныя толпы двинулись на дворецъ архіепископа, и онъ подвергся полнѣйшему разгрому. Правда, на защиту этого дворца явилось нѣсколько отрядовъ національной гвардіи, но они были безсильны что-либо сдѣлать. Не только мебель и посуда, книги и произведенія искусства были при этомъ истреблены, самыя стѣны зданія были разрушены. На соборѣ Парижской Богоматери были сломаны каменные кресты. Подобныя же сцены происходили и около другихъ церквей, а потомъ стали повторяться и въ провинціи. Бурбонскія лиліи тоже вездѣ уничтожались, такъ что Людовикъ-Филиппъ поспѣшилъ устранить лиліи и изъ своего фамильнаго герба. Подъ вліяніемъ этихъ происшествій многіе стали оставлять Парижъ, а на биржѣ произошло паденіе денежныхъ цѣнностей.

При Казимирѣ Перье, принявшемъ бразды правленія черезъ мѣсяцъ послѣ безпорядковъ, вызванныхъ манифестаціей легитимистовъ, народныя волненія тоже не прекращались. Первое большое волненіе произошло по поводу медали, которою рѣшено было украсить людей, дравшихся на баррикадахъ въ іюльскіе дни 1830 г. На этой медали

министерство захотѣло сдѣлать надпись: „дана королемъ“. Но извѣстіе объ этомъ встрѣчено было крайне враждебно, и началось-было возстаніе. Громадная толпа народа собралась на Вандомской площади, но явившійся сюда маршалъ Лобо велѣлъ привезти большое количество пожарныхъ трубъ, которыя изъ-за солдатъ стали обливать народъ холодной водою. Впрочемъ правительство отказалось дѣлать на медали предположенную подпись, и волненіе скоро успокоилось.

Сильное неудовольствіе производила и внѣшняя политика Франціи. Въ палатѣ депутатовъ было очень много горячихъ сторонниковъ польской революціи. Въ адресъ королю, заключавшій въ себѣ отвѣтъ на тронную рѣчь, включено было пожеланіе, чтобы польская національность не погибла. Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія правительство даже вступило въ переговоры съ Англіей насчетъ совмѣстнаго посредничества между русскимъ императоромъ и поляками, но получило изъ Лондона отказъ. Между тѣмъ польское возстаніе было подавлено, и 15 сентября въ Парижѣ узнали о паденіи Варшавы. Въ этотъ день въ городѣ были отмѣнены всѣ театральныя представленія, а на другой день начались серьезные безпорядки: грабили лавки, продававшія оружіе; пробовали строить баррикады; только присутствіе войска на всѣхъ опасныхъ пунктахъ не дало этому движенію разгорѣться со всею силою. Въ палатѣ происходили также бурныя сцены. Защищая правительственную политику, министръ иностранныхъ дѣлъ, генералъ Себастіани, сказалъ, что „въ Варшавѣ царствуетъ порядокъ“. Это вызвало страшное негодованіе; только чрезъ нѣсколько дней преній правительство добилось постановленія, въ силу котораго палата отказывала въ требованіи назначить надъ правительствомъ формальное слѣдствіе по вопросу объ его поведеніи въ польскомъ дѣлѣ. Но и впослѣдствіи оппозиціонныя партіи постоянно нападали на правительство за то, что оно не поддержало Польши. Фраза о томъ, что „польская національность не должна погибнуть“, вставлялась затѣмъ въ адресы Людовику-Филиппу въ теченіе всего его царствованія, и долго еще не могли простить іюльскому правительству заявленія, что въ Варшавѣ царствуетъ порядокъ. Во второй половинѣ 1831 г. и въ провинціальныхъ городахъ—въ Страсбургѣ, въ Перпиньянѣ, въ Марсели—происходили народныя волненія, имѣвшія, впрочемъ, чисто мѣстныя причины. Извѣстіе о взятіи Варшавы тоже вызвало значительные безпорядки на югѣ Франціи, въ Тулузѣ, Гренобле и Тулонѣ. Въ самомъ же концѣ 1831 г. произошло и знаменитое возстаніе ліонскихъ рабочихъ [1]). Начало слѣдующаго 1832 г. было ознаменовано новыми безпорядками въ Парижѣ. Ночью 4 янв.

[1]) См. выше, стр. 104 и слѣд.

на церкви Парижской Богоматери раздался набатный звонъ, а изъ ея башенъ показался густой дымъ и огонь. Полиція бросилась внутрь башенъ; но ее встрѣтили тамъ пистолетными выстрѣлами. Оказалось, что на башни проникла цѣлая толпа молодыхъ людей изъ простонародья, которые набатнымъ звономъ и пожаромъ башенъ хотѣли подать сигналъ къ началу новаго возстанія. Другое возстаніе по плану заговорщиковъ, на этотъ разъ легитимистовъ, должно было вспыхнуть въ ночь съ 1-го на 2-е февраля. Въ заговоръ было посвящено очень много лицъ: должно быть, было сдѣлано нападеніе на Тюльери, чтобы овладѣть Людовикомъ-Филиппомъ и его семьею и провозгласить королемъ Генриха V, т.-е. герцога Бордосскаго. Такъ какъ полиція была предупреждена о всѣхъ подробностяхъ заговора, то своевременно были приняты мѣры, и заговорщики были арестованы, когда стали собираться въ назначенномъ мѣстѣ для немедленнаго начатія дѣйствій. За людьми, непосредственно дѣйствовавшими, большею частью, ремесленниками, стояли многіе аристократы и военные генералы, находившіеся въ сношеніяхъ съ легитимистами всей Франціи, и даже, повидимому, стоявшіе въ связи съ иностранными державами.

Особенно много хлопотъ правительству Людовика-Филиппа доставила попытка легитимистическаго возстанія, которая была сдѣлана герцогиней Беррійской, матерью малолѣтняго „Генриха V“. Она убѣдила своего свекра Карла X, проживавшаго въ шотландскомъ замкѣ Голирудѣ, назначить ее регентшею за малолѣтствомъ ея сына и поставить во главѣ возстанія противъ Людовика-Филиппа. Страстная и энергичная по своей натурѣ, эта принцесса въ серединѣ 1831 г. оставила Голирудъ и на время поселилась во владѣніяхъ герцога Моденскаго, чтобы оттуда въ надлежащее время явиться во Францію и стать во главѣ возставшихъ. Здѣсь около герцогини собрались наиболѣе видные и рьяные представители французскаго легитимизма. Объявивъ, что въ силу своего отреченія Карлъ X утратилъ всякое право на вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи, они признали это право исключительно за герцогинею, какъ матерью несовершеннолѣтняго короля. Честолюбивая принцесса заранѣе назначила временное правительство, вступила въ дѣятельныя сношенія съ вождями легитимистовъ въ разныхъ пунктахъ Франціи и даже отправила довѣренныхъ лицъ къ русскому, испанскому и голландскому дворамъ, чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ. Начать дѣйствіе рѣшено было въ Вандеѣ, населеніе которой, какъ и за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ [1]), не мирилось съ новыми порядками, и вмѣстѣ съ тѣмъ воз-

[1]) См. т. III, стр. 604.

станіе должно было вспыхнуть и въ Провансѣ. Въ концѣ апрѣля 1832 г. герцогиня съ главными своими приверженцами высадилась недалеко отъ Марсели, и тогда же сдѣлана была попытка взбунтовать населеніе этого города во имя Генриха V. Предпріятіе не удалось, и герцогиня, которой былъ совершенно отрѣзанъ путь къ бѣгству въ Испанію, съ фальшивымъ паспортомъ успѣла переѣхать въ Вандею; туда же за нею послѣдовали и ея приверженцы. Марсельская неудача сильно обезкуражила вандейцевъ. Самые видные легитимисты начали настаивать на томъ, чтобы возстаніе было отложено. Между тѣмъ уже ранѣе было рѣшено, что общій взрывъ послѣдуетъ 24 мая. Съ трудомъ убѣдили герцогиню отмѣнить уже данные приказы; но потомъ она передумала и снова назначила начало возстанія на 7-е іюня. Все это не предвѣщало успѣха дѣлу. Въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ произошли вспышки, не нашедшія, однако, поддержки въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Между отдѣльными бандами инсургентовъ и военными отрядами, посланными для ихъ усмиренія, мѣстами были стычки. Съ обѣихъ сторонъ выказано было много ненависти и ожесточенія. Нѣкоторое время думали, что герцогиня Беррійская погибла во время пожара одного замка; но на самомъ дѣлѣ послѣ многихъ приключеній она добралась до Нанта, гдѣ и нашла пріютъ въ домѣ одного легитимиста. Изъ своего тайнаго убѣжища она въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ продолжала руководить легитимистическимъ движеніемъ. Лишь съ большимъ трудомъ правительство выслѣдило, гдѣ находится герцогиня. Помогъ ему это сдѣлать нѣкто Дейцъ, крещеный еврей, пользовавшійся раньше милостями Карла X и сдѣлавшійся послѣ революціи секретнымъ агентомъ легитимистовъ. Имѣя возможность по своему положенію узнать, гдѣ скрывается герцогиня, онъ предалъ ее правительству, и оно предписало ее арестовать. Домъ, гдѣ она жила, однажды ночью былъ окруженъ солдатами и жандармами, а въ самомъ домѣ произведенъ очень тщательный обыскъ; но герцогини нигдѣ не могли найти, и только, когда солдаты затопили одинъ каминъ, герцогиня вынуждена была оставить свое убѣжище, которымъ оказалась небольшая каморка, замаскированная каминомъ. Будучи арестована, она была отвезена моремъ въ замокъ Блэ близъ Бордо. Правительство не знало, что дѣлать съ этой плѣнницей. Сама она вывела Людовика-Филиппа изъ затрудненія, объявивши въ февралѣ 1833 г. о своей беременности отъ тайнаго брака съ однимъ сицилійскимъ графомъ. Это сильно ее скомпрометтировало въ глазахъ легитимистовъ, и когда въ началѣ мая она разрѣшилась отъ бремени дѣвочкой, правительство, считая ее совершенно безопасной на будущее время, отправило ее на одномъ изъ своихъ военныхъ кораблей въ Палермо.

Какъ-разъ въ то самое время, когда должно было вспыхнуть легитимистское возстаніе въ Вандеѣ, въ Парижѣ власть должна была перейти въ новыя руки. Во концѣ марта 1832 г. въ столицѣ Франціи вспыхнула холера, которая съ каждымъ днемъ стала похищать все большее и большее количество жертвъ. Въ низшихъ классахъ населенія, которые прежде всего и страдали отъ страшной болѣзни, распространился слухъ о томъ, что тутъ дѣйствовала отрава. Легитимисты пользовались этимъ слухомъ, чтобы накинуть тѣнь подозрѣнія на Людовика-Филиппа, и префектъ полиціи счелъ себя вынужденнымъ обратиться къ населенію съ декларацією, въ которой страннымъ образомъ фактъ отравленія не подвергался ни малѣйшему сомнѣнію, но вина сваливалась на неизвѣстныхъ злодѣевъ. Начались холерные безпорядки, и въ это время поплатились жизнью многіе люди, заподозрѣнные въ отравительствѣ. Мусорщики, которымъ полиція запретила заниматься ихъ ремесломъ, произвели даже настоящее возстаніе, усмиренное только военнымъ отрядомъ. Казиміръ Перье вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ Людовика-Филиппа посѣщалъ госпитали съ холерными больными, самъ схватилъ заразу и въ маѣ умеръ.

Едва только скончался Казиміръ Перье, какъ появилась книга „Отчетъ депутатовъ оппозиціи“, авторы которой, Корменень и Одилонъ Барро, собрали подъ своимъ произведеніемъ около полутораста подписей товарищей своихъ по палатѣ депутатовъ. Это былъ цѣлый обвинительный актъ противъ правительства. Іюльская революція должна была доставить торжество принципамъ 1789 г., а между тѣмъ, говорили депутаты, правительство смотритъ на себя, какъ на продолженіе реставраціи. Оно, указывали далѣе авторы „Отчета“, не исполнило данныхъ имъ же самимъ обѣщаній и только то и дѣлало, что мѣшало осуществленію мѣръ, предлагавшихся оппозиціонными депутатами. Ставилось въ вину правительству и то, что оно не очистило служебнаго персонала отъ сторонниковъ реставраціи, т.-е. не назначало на правительственныя должности преимущественно друзей новаго порядка. Внѣшняя политика правительства подвергалась равнымъ образомъ самой строгой критикѣ. Франція должна была бы тверже и энергичнѣе заступиться за Италію и Польшу, и никакой войны изъ-за этого не вышло бы, а вотъ именно слабость правительства, наоборотъ, способна вызвать войну. „Отчетъ“ произвелъ весьма сильное впечатлѣніе и въ Парижѣ, и въ департаментахъ, гдѣ общее политическое броженіе выразилось опять цѣлымъ рядомъ безпорядковъ, потребовавшихъ военнаго вмѣшательства. Въ самомъ Парижѣ въ началѣ іюня произошло новое возстаніе, которое вспыхнуло совершенно неожиданно и застало правительство врасплохъ. Дѣло было такъ: 1 іюня умеръ генералъ Ламаркъ, одинъ изъ наибо-

лѣе видныхъ дѣятелей либеральной партіи, и она рѣшила устроить ему 5 іюня самыя пышныя похороны. Этимъ задумали воспользоваться всѣ враги іюльской монархіи, чтобы произвести на улицахъ Парижа новые безпорядки, за которыми послѣдовало бы крушеніе іюльскаго трона. Въ этомъ дѣлѣ участвовали посредствомъ подстрекательствъ и обѣщаній, а также посредствомъ денежныхъ раздачъ одинаково и легитимисты, и республиканцы, и сформировавшіеся въ отдѣльную партію бонапартисты. Энергичнѣе всѣхъ и съ бо́льшими надеждами на успѣхъ дѣйствовали республиканцы. Къ нимъ присоединились многочисленные польскіе, итальянскіе и нѣмецкіе эмигранты, побѣжденные на родинѣ и расчитывавшіе, что новая французская республика вступится за свободу угнетенныхъ націй. Къ движенію примкнули также студенты, ремесленники и старые наполеоновскіе солдаты. Когда правительство узнало о томъ, что̀ подготовляется, то приняло съ своей стороны на̀скоро самыя необходимыя мѣры. Съ ранняго утра 5 іюня весь Парижъ высыпалъ на улицы. Члены тайныхъ революціонныхъ обществъ рѣшились выступить сплоченными отрядами и даже съ своими собственными знаменами. Все это стремилось примкнуть къ похоронной процессіи или стать на ея пути, который шелъ чуть не черезъ весь Парижъ. Многіе вооружились кинжалами и пистолетами. На площади Бастиліи процессія должна была остановиться, потому что здѣсь воздвигнута была трибуна, и съ нея должны были быть произнесены рѣчи Лафайетомъ и другими видными дѣятелями либеральной партіи. Сюда же прибѣжали студенты Политехнической школы, появленіе которыхъ привѣтствовали звуками марсельезы. Молодежь задумала-было везти на себѣ траурную колесницу въ Пантеонъ; но конный отрядъ загородилъ ей дорогу. За этою первою стычкою послѣдовалъ рядъ другихъ. Въ разныхъ мѣстахъ народъ сталъ нападать на караулы и казармы, грабить оружейные магазины, строить баррикады. Многіе ожидали, что дѣло окончится новой революціей, но на самомъ дѣлѣ этого не могло случиться. Войско осталось вѣрнымъ правительству, и республиканскіе депутаты и журналисты, собравшіеся въ редакціи газеты „National“, должны были убѣдиться, что при такомъ условіи побѣда народа немыслима, хотя у нихъ уже и заходила рѣчь объ образованіи временнаго правительства, и между прочимъ называлось имя Лафайета, какъ вождя новой революціи. Тѣмъ не менѣе возстаніе продолжалось цѣлую ночь, хотя безъ особенной надежды на успѣхъ. Съ крайнимъ упорствомъ защищалась отъ напора солдатъ одна баррикада, на которой сражалось около сотни республиканцевъ. Только въ четыре часа дня 6 іюня наиболѣе значительныя баррикады были разрушены пушечными выстрѣлами, причемъ погибло большое число инсургентовъ. Во все это

время Людовикъ-Филиппъ держалъ себя довольно храбро. Уже 5 іюня, узнавъ о томъ, что дѣлается въ Парижѣ, онъ поспѣшилъ изъ С.-Клу, гдѣ въ то время жилъ, вернуться въ Тюльери, чтобы принять мѣры, необходимыя для возстановленія спокойствія. На другой день, когда еще не всѣ баррикады были уничтожены, онъ рѣшился лично объѣхать нѣкоторыя части города, хотя это было весьма небезопасно. Но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы отступить отъ принятой правительственной системы. Въ тотъ же самый день произошло свиданіе между нимъ и тремя оппозиціонными депутатами — Лафиттомъ, Араго и Одилономъ Барро, явившимися къ нему отъ имени своихъ политическихъ единомышленниковъ заявить, что причина возстанія заключалась именно въ системѣ, и что поэтому послѣдняя должна быть измѣнена. Наоборотъ, правительство рѣшилось на мѣры строгости. Это было все еще прежнее министерство Казимира Перье, которое король удержалъ у власти послѣ смерти его главы, самъ въ дѣйствительности сдѣлавшись душою кабинета. Возстаніемъ 5—6 іюня король задумалъ воспользоваться для новыхъ репрессивныхъ мѣръ, и эти мѣры не замедлили появиться.

Уже 7 іюня оффиціальный органъ правительства (Moniteur) обнародовалъ, во-первыхъ, закрытіе Политехнической и Ветеринарной школъ, равно какъ распущеніе артиллеріи національной гвардіи,—все это за участіе въ возстаніи,—и, во-вторыхъ, объявленіе Парижа въ осадномъ положеніи, вслѣдствіе чего инсургенты подлежали военному суду. Это послѣднее распоряженіе прямо нарушало конституціонную хартію, которою запрещалось установленіе какихъ бы то ни было чрезвычайныхъ судовъ. Однако, на практикѣ правительство съ этой мѣрой потерпѣло неудачу. Хотя парижскій королевскій судъ призналъ себя не компетентнымъ разсматривать возстаніе 5—6 іюня, а, наоборотъ, офицеры, изъ которыхъ образовали военный судъ, поспѣшили начать свою дѣятельность, приговоривъ къ смертной казни одного подсудимаго, несшаго революціонное знамя, кассаціонный судъ не утвердилъ этого приговора, признавъ его совершенно незаконно постановленнымъ, и этимъ подрывалась компетентность военнаго суда во всемъ дѣлѣ. Правительство вынуждено было послѣ этого предать обвинявшихся въ возстаніи обыкновенному суду съ присяжными засѣдателями. Но число такихъ подсудимыхъ оказалось весьма незначительнымъ. Хотя и сдѣлано было распоряженіе, чтобы врачи доносили полиціи обо всѣхъ раненыхъ, лѣчить которыхъ ихъ будутъ призывать, ни одинъ врачъ не исполнилъ этого требованія, и если тѣмъ не менѣе было арестовано очень много народу, то за недостаткомъ ясныхъ уликъ большую часть задержанныхъ скоро пришлось освободить. Изъ 22 подсудимыхъ, противъ которыхъ возбуждено было преслѣдованіе, 16 человѣкъ было оправ-

дано, и только шестеро поплатились ссылкою или тюремнымъ заключеніемъ. Въ числѣ арестованныхъ были нѣкоторые видные члены легитимистской и республиканской партій, напримѣръ, Шатобріанъ и Арманъ Каррель. Лафайета арестовать не рѣшились въ виду его громадной популярности въ парижскомъ населеніи. Это не было, однако, послѣднимъ возстаніемъ, съ которымъ пришлось бороться іюльской монархіи, и репрессивныя мѣры французскаго правительства этимъ еще не кончились.

Въ 1832 г. палаты были закрыты еще за мѣсяцъ до смерти Казимира Перье. Передъ открытіемъ новой сессіи оказалось необходимымъ преобразовать министерство, что̀ и было исполнено 11 октября (откуда оно и получило названіе „министерства 11 октября“). Во главѣ кабинета былъ поставленъ маршалъ Сультъ, сохранившій военное министерство, которое онъ имѣлъ и въ кабинетѣ Казимира Перье. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ герцогъ Броль, внутреннія дѣла и народное просвѣщеніе были поручены Тьеру и Гизо. Въ сущности, новый кабинетъ продолжалъ политику Казимира Перье, опираясь на орлеанистское большинство палаты депутатовъ. Но въ населеніи оно не пользовалось популярностью. Оно скоро получило кличку juste millieu (золотая середина),— выраженіе, которое было однажды употреблено самимъ королемъ въ рѣчи, излагавшей политическую программу правительства. Когда Людовикъ-Филиппъ 19 ноября ѣхалъ на открытіе новой сессіи, противъ него сдѣлано было покушеніе, которымъ открылся цѣлый рядъ другихъ покушеній на жизнь этого короля. Впослѣдствіи выяснилось, что пистолетный выстрѣлъ, раздавшійся около Людовика-Филиппа, былъ произведенъ нѣкіимъ Бержерономъ, но такъ какъ противъ послѣдняго не было сильныхъ уликъ, то онъ былъ оправданъ присяжными, равно какъ и другой заподозрѣнный, по имени Бенуа. Около того же времени правительство предприняло процессъ противъ „Общества друзей народа“, но и этотъ процессъ окончился для правительства неблагопріятно. Хотя судъ и постановилъ закрыть общество, но сами обвиняемые въ противозаконномъ соединеніи были оправданы. Большое неудовольствіе вызывалось и поведеніемъ правительства въ дѣлѣ герцогини Беррійской. Многіе вандейскіе инсургенты подверглись по суду весьма строгимъ наказаніямъ, а между тѣмъ герцогиня Беррійская оставалась безнаказанною. Періодическая пресса, въ которой было много оппозиціонныхъ органовъ, пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы критиковать дѣйствія правительства и возбуждать противъ него народное недовольство. Съ своей стороны, правительство начало преслѣдовать оппозиціонную печать. Особенно большое вниманіе обращалъ на себя планъ министерства

устроить вокругъ Парижа фортификаціи,—планъ, къ которому палаты относились не безъ подозрѣнія, и который, несмотря на это, безъ предварительнаго согласія палатъ начиналъ приводиться въ исполненіе. Хотя предположенныя укрѣпленія должны были защищать столицу отъ внѣшняго нападенія, народная молва приписывала имъ совсѣмъ другое значеніе. Неудовольствіе парижскаго населенія было такъ велико, что правительство, боясь новаго возстанія, оказалось вынужденнымъ прекратить начатыя работы и объявить объ этомъ оффиціально. Вотъ именно по поводу этого вопроса еще въ то время, когда работы велись, и былъ начатъ первый процессъ противъ печати. Судилась республиканская газета „Трибуна“, которая приговорена была къ 10.000 фр. штрафа. Вообще эта газета въ теченіе четырехъ лѣтъ 111 разъ подвергалась судебному преслѣдованію и 20 разъ приговаривалась къ наказанію: общая сумма штрафа, налагавшагося на нее судебными приговорами, превысила 150.000 фр., а приговоры къ тюремнымъ заключеніямъ въ общей сложности составляли почтенную цифру около 50 лѣтъ. Другой процессъ былъ вызванъ брошюрой Шатобріана, написанной въ защиту герцогини Беррійской; здѣсь онъ открыто признавалъ герцогиню матерью своего короля. Присяжные, однако, оправдали Шатобріана. Рядомъ съ процессами подобнаго рода шли и процессы противъ политическихъ обществъ, продолжавшихъ мечтать о новой революціи. Но нерѣдко и эти процессы оканчивались для правительства крайне неблагопріятно. Одинъ изъ такихъ процессовъ былъ начатъ противъ „Общества правъ человѣка“: нѣкоторые члены его обвинялись правительствомъ въ намѣреніи воспользоваться годовщиной іюльскихъ дней, чтобы вызвать новое возстаніе. „Общество правъ человѣка“ представляло изъ себя политическую организацію, которая искуснымъ образомъ обходила законъ, воспрещавшій всякіе союзы, въ которыхъ было болѣе двадцати членовъ. Именно оно состояло изъ отдѣльныхъ кружковъ по двадцати человѣкъ въ каждомъ, но въ свою очередь эти секціи были сгруппированы въ серіи, и вся страна была покрыта сѣтью такихъ кружковъ. Основные принципы этого общества совпадали съ требованіями якобинской „декларації правъ человѣка и гражданина“ [1]), привести же въ исполненіе свои принципы оно считало возможнымъ опять-таки только якобинскимъ способомъ, т.-е. путемъ революціонной диктатуры. Общество выработало цѣлый манифестъ, въ которомъ изложило свои основныя идеи, и такъ какъ подъ нимъ подписались нѣкоторые депутаты, то въ палатѣ даже возникъ вопросъ, не подлежатъ ли они исключенію изъ числа депутатовъ. Когда противъ этой организаціи начато было преслѣдо-

[1]) См. т. III, стр. 615 и слѣд.

ваніе, ея вожди рѣшились прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ средствамъ для того, чтобы отстоять свое существованіе. Между тѣмъ правительство шло своимъ путемъ по части репрессіи, приглашая палату къ изданію соотвѣтственныхъ законовъ. Въ началѣ 1834 г. мелкая книжная торговля, а слѣдовательно, и уличная продажа газетъ и брошюръ была подчинена полицейскому усмотрѣнію. Около того же времени прошли законы, запрещавшіе такъ называемые мятежные возгласы и храненіе у себя оружія; за употребленіе оружія при какихъ бы то ни было безпорядкахъ полагалась прямо смертная казнь. Наконецъ, правительство предложило палатамъ окончательно воспретить всякія политическія общества, и въ мартѣ 1834 г. этотъ законъ былъ принятъ обѣими палатами. „Общество правъ человѣка“ не пожелало подчиниться такому рѣшенію. Къ нему примкнули другія политическія ассоціаціи; изъ нихъ наиболѣе видною было „Общество для защиты свободы печати“, руководимое Лафайетомъ.

Внѣ Парижа наибольшее количество членовъ подобныхъ ассоціацій было въ Ліонѣ. Послѣ чисто рабочаго возстанія 1831 г., бывшаго въ этомъ городѣ, мѣстные республиканцы устроили здѣсь особое „Общество мютюеллистовъ“, раздѣлявшееся на 122 ложи, по 20 членовъ въ каждой. Когда въ Ліонѣ сдѣлалось извѣстнымъ постановленіе палатъ, запрещавшее политическія общества, а вслѣдъ затѣмъ въ первыхъ числахъ апрѣля начался судъ надъ вожаками одной рабочей стачки, въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Несмотря на то, что были приняты военныя мѣры, и что въ рядахъ войска господствовало страшное ожесточеніе противъ инсургентовъ, возстаніе удалось подавить только на четвертый и даже пятый день (9—13 апр.). Съ обѣихъ сторонъ дрались съ крайнимъ ожесточеніемъ; въ эти дни погибло не мало народа не только на улицахъ, но даже въ домахъ, въ которыхъ врывавшіеся солдаты убивали безъ разбора, не исключая даже больныхъ. Побѣда собственно была одержана 12 апр., но въ рукахъ инсургентовъ оставалась еще одна церковь; она взята была войскомъ только на другой день, причемъ большая часть ея защитниковъ была перебита, многіе на ступеняхъ главнаго алтаря.

Ліонское возстаніе произошло вопреки желанію вожаковъ республиканской партіи въ Парижѣ: они не особенно расчитывали на свои силы или не считали себя еще достаточно приготовившимися. Когда, однако, въ столицу прибыло извѣстіе о ліонскихъ событіяхъ, „Общество правъ человѣка“ тоже пришло въ движеніе, хотя ему сильно повредилъ арестъ нѣкоторыхъ видныхъ революціонеровъ. Попытка возстанія въ Парижѣ сдѣлана была уже тогда, когда въ Ліонѣ успѣхъ перешелъ на сторону войска. Да и правительство приняло свои

мѣры, приготовивъ значительное количество войска. Первыя баррикады были построены, а также начались стычки съ военными отрядами 13 апр., но уже 14 числа эти баррикады были разрушены пушечными выстрѣлами. Подобно тому, какъ это было и въ Ліонѣ, солдаты и въ Парижѣ неистовствовали въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ искали убѣжища инсургенты. Въ этотъ же самый день возстаніе было совершенно подавлено въ столицѣ. Извѣстіе о томъ, что̀ произошло въ Ліонѣ и Парижѣ, быстро распространилось по всѣмъ большимъ городамъ, гдѣ уже подготовлялись и даже начинались народныя движенія подобнаго рода. Конечно, все должно было прекратиться.

Возстанія только усиливали реакцію. Новая палата, выбранная въ іюнѣ того же года, уже заключала въ себѣ гораздо менѣе оппозиціонныхъ элементовъ, какъ легитимистскихъ, такъ и республиканскихъ. Правда, въ это время въ министерствѣ происходили довольно частыя перемѣны въ зависимости отъ партійныхъ и личныхъ интригъ, но отъ этого нисколько не мѣнялось общее направленіе политики. Весьма долгое время правительство было занято слѣдствіемъ надъ виновниками апрѣльскихъ возстаній 1834 г. Когда это слѣдствіе было закончено, всѣхъ обвиняемыхъ рѣшено было предать суду палаты пэровъ, ибо она по конституціонной хартіи признавалась компетентною въ дѣлахъ государственной измѣны и въ покушеніяхъ на безопасность государства. Одно было только сомнительно: въ конституціи говорилось, что на этотъ счетъ долженъ былъ быть выработанъ опредѣленный законъ, а между тѣмъ такого закона еще не существовало. Это давало удобную почву для превращенія процесса въ чисто политическое нападеніе обвиняемыхъ на правительство. Наиболѣе видные подсудимые пригласили въ свои защитники самыхъ знаменитыхъ адвокатовъ и журналистовъ, и когда сдѣлался извѣстнымъ длинный списокъ лицъ, которыя должны были выступить въ процессѣ въ качествѣ защитниковъ подсудимыхъ, правительство пришло въ смущеніе и объявило, что только одни профессіональные адвокаты будутъ допущены къ защитѣ, хотя такое распоряженіе противорѣчило и законамъ, и судебной практикѣ. Въ обществѣ и печати это было встрѣчено бурей негодованія. Многіе формально протестовали и совѣтовали подсудимымъ отказаться отъ всякой защиты. Были даже прямыя оскорбленія по адресу палаты пэровъ. Процессъ начался 5 мая 1835 г., но подсудимые были раздѣлены на отдѣльныя группы; только въ январѣ 1836 г. произнесенъ былъ приговоръ надъ послѣднею группою подсудимыхъ. Наказанія были наложены весьма строгія—до 20 лѣтъ тюремнаго заключенія. Впрочемъ, главные подсудимые успѣли бѣжать изъ тюрьмы.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ общественное вниманіе сосредоточивалось преимущественно на этомъ грандіозномъ процессѣ. Поведеніе подсудимыхъ, не хотѣвшихъ признавать судебной власти пэровъ, отказывавшихся отъ защиты и даже прямо не являвшихся въ засѣданіе, вызывало повсемѣстно сочувствіе: ихъ прославляли, какъ героевъ. Во всякомъ случаѣ попытки республиканскихъ возстаній послѣ этого прекратились, если не считать еще одной неудачной попытки, сдѣланной въ 1839 г. Зато начались единичныя покушенія на жизнь короля, которыхъ съ 1835 г. по 1846 г. было шесть. Самое опасное изъ нихъ было первое—въ 1835 г., и непосредственный результатъ его выразился въ еще большемъ усиленіи реакціи.

За нѣсколько дней до празднованія въ 1835 г. годовщины іюльской революціи уже ходили слухи, что въ этотъ день должно произойти нѣчто особенное. 28 іюля на большихъ бульварахъ король производилъ смотръ регулярному войску и національной гвардіи, и пріемъ ему былъ сдѣланъ довольно холодный. Когда въ сопровожденіи своей свиты онъ проѣзжалъ по бульварамъ, въ одномъ мѣстѣ выступилъ впередъ какой-то національный гвардеецъ, чтобы подать прошеніе, но едва только Людовикъ-Филиппъ, пріостановивъ лошадь, нагнулся къ просителю, какъ раздался ружейный залпъ и посыпались пули. Король и его сыновья остались цѣлы, но вокругъ нихъ оказались убитыми два генерала, нѣсколько офицеровъ и національныхъ гвардейцевъ и даже кое-кто изъ любопытныхъ, стоявшихъ на тротуарѣ. Оказалось, что залпъ послѣдовалъ изъ окна одного сосѣдняго дома, гдѣ и найденъ былъ особый станокъ съ двумя дюжинами ружейныхъ стволовъ, связанныхъ вмѣстѣ. При выстрѣлѣ нѣкоторые изъ этихъ стволовъ были разорваны, причемъ получилъ раны и виновникъ покушенія. Послѣдній былъ схваченъ, несмотря на то, что онъ довольно искусно приготовилъ себѣ путь къ бѣгству. При допросѣ обнаружилось, что это былъ корсиканецъ Фіески. 4 августа, наканунѣ дня, назначеннаго для торжественнаго погребенія жертвъ этого покушенія, правительство вошло въ палату съ тремя предложеніями, клонившимися къ тому, чтобы еще болѣе стѣснить оппозиціонныя партіи. Одинъ изъ этихъ законопроектовъ предлагалъ сократить формальности уголовнаго судопроизводства при политическихъ процессахъ, а другой — понизить число голосовъ, необходимыхъ для постановленія присяжныхъ, съ 8 на 7. Третій законопроектъ касался прессы и состоялъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ предложеній. Подъ угрозой сильныхъ наказаній запрещалось между прочимъ нападать на существующую форму правительства, требовалось введеніе цензуры для печатныхъ изображеній и театральныхъ представленій, запрещалось устраивать какія бы то ни было подписки

для уплаты штрафовъ, къ которымъ присуждались редакторы газетъ, и т. п. Въ обществѣ и въ печати эти планы были встрѣчены крайне враждебно, но палаты, наоборотъ, не только приняли эти предложенія, но даже отъ себя кое-что къ нимъ прибавили въ родѣ повышенія залога, вносившагося издателями газеты, съ 48.000 до 100.000 фр. Новые законы получили названіе „сентябрьскихъ“ по тому мѣсяцу, когда были утверждены, и стали прилагаться съ большою суровостью. Легитимистскія и республиканскія газеты подвергались постояннымъ штрафамъ. Такъ какъ защитники падшей династіи принадлежали къ состоятельнымъ классамъ общества, то имъ легче было выплачивать эти штрафы, а республиканскія газеты стали падать одна за другою или должны были печататься тайно. Процессъ по дѣлу Фіески начался въ палатѣ пэровъ только въ концѣ января слѣдующаго года, такъ какъ полиція долго разыскивала корни и нити заговора. Вмѣстѣ съ Фіески къ суду были привлечены еще четыре человѣка, выданные главнымъ исполнителемъ предпріятія. Въ серединѣ февраля Фіески и два другихъ подсудимыхъ были приговорены къ смертной казни, одинъ подсудимый—къ тюремному заключенію на двадцать лѣтъ, а одинъ оправданъ. Фіески оказался довольно ординарнымъ авантюристомъ: повидимому, онъ до самаго конца расчитывалъ на помилованіе. по его словамъ, даже прямо ему будто бы обѣщанное, но парижское населеніе охотно ставило его на пьедесталъ героя, а послѣ его смерти нѣкая Нина Лассавъ, бывшая любовницей Фіески, показывала себя публикѣ за деньги (по 2 фр. съ персоны) въ одномъ изъ парижскихъ кафе.

Во все время этихъ возстаній, покушеній и процессовъ подавляющее большинство въ палатѣ депутатовъ принадлежало сторонникамъ орлеанской династіи, и всѣ министерства за этотъ періодъ дѣйствовали въ духѣ этого большинства, представлявшаго собою компактную массу, внѣ которой находились, съ одной стороны, легитимисты, съ другой — разные оттѣнки лѣвой. Мало-по-малу, однако, въ этомъ большинствѣ обнаружилось три партіи: правый центръ, во главѣ котораго стоялъ Гизо, лѣвый центръ, руководимый Тьеромъ, и между ними небольшая группа, носившая названіе „третьей партіи“ (tiers parti), главнымъ дѣятелемъ въ которой былъ Дюпэнъ. Перевѣсъ принадлежалъ то сторонникамъ Гизо, то сторонникамъ Тьера [1]), и лишь однажды въ ноябрѣ 1834 г., да и то только на три дня, удалось-было „третьей партіи“ очутиться у

[1]) См. выше, стр. 123. Ср. также главу X, въ которой говорится подробнѣе о французскихъ партіяхъ и дѣлается характеристика политическихъ стремленій Тьера и Гизо.

власти. Своихъ собственныхъ принциповъ она, впрочемъ, не имѣла, и все сводилось здѣсь къ личному честолюбію и антагонизму. Въ сентябрѣ 1836 г. обѣ большія соперничающія партіи соединились между собою, послѣ того какъ Тьеръ, только въ февралѣ этого года смѣнившій Гизо, вышелъ въ отставку вслѣдствіе прямого желанія короля, сдѣлавшаго первымъ министромъ своего личнаго друга Моле. На сторону новаго министерства перешли многіе депутаты обоихъ центровъ, которые готовы были подавать голоса за всякое министерство. Началась глухая борьба между королемъ и палатой,—борьба, вызвавшая новую комбинацію партій, благодаря чему на первый планъ выступали и новые политическіе вопросы. Дѣло доходило въ 1839 г. до распущенія палаты по требованію Моле, но въ новой палатѣ министерство не имѣло большинства и принуждено было выйти въ отставку (8 марта). Королю предстояло въ высшей степени трудная задача образовать новое министерство въ виду того, что большинство, низвергшее Моле, само состояло изъ соперничавшихъ между собою партій. Впрочемъ, Людовикъ-Филиппъ вовсе и не хотѣлъ такого министерства, въ которомъ одновременно находились бы и Тьеръ, и Гизо, и Одилонъ Барро, потому что если бы они на самомъ дѣлѣ между собою спѣлись, Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ бы отказаться отъ той самостоятельной роли, какую онъ привыкъ уже играть. Король дѣлалъ видъ, что онъ всего ожидаетъ отъ соглашенія между вождями большинства, но на самомъ дѣлѣ велъ себя такъ, чтобы этого никогда не могло случиться. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ продолжался этотъ министерскій кризисъ, и ему не было видно конца. Франціей управляло временное министерство, состоявшее изъ мало извѣстныхъ людей. Такимъ положеніемъ дѣлъ задумала воспользоваться республиканская партія, чтобы произвести новое возстаніе и низвергнуть Людовика-Филиппа.

На этотъ разъ во главѣ революціоннаго предпріятія стояло тайное общество, носившее названіе „Общества временъ года“ и руководимое Барбесомъ, Бланки и Бернаромъ. Это общество насчитывало около тысячи членовъ; конечно, этого числа было слишкомъ мало для того, чтобы произвести переворотъ, но они расчитывали на содѣйствіе народной массы. 12 мая заговорщики овладѣли нѣсколькими караулами и сдѣлали попытку построить баррикаду, но поддержки въ населеніи они не нашли. Возстаніе было подавлено въ самомъ началѣ, и главные зачинщики были арестованы. Барбесъ палатой пэровъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но потомъ помилованъ королемъ и заключенъ въ тюрьму; къ тюремному заключенію былъ приговоренъ и Бланки. Въ то самое время, когда была сдѣлана эта революціонная попытка, образовалось новое министерство подъ предсѣдательствомъ

маршала Сульта. Но и оно, будучи, въ сущности, вполнѣ послушнымъ королю, оказалось весьма непрочнымъ. Правительству не удалось составить въ свою пользу большинства, а за министерствомъ Сульта въ мартѣ 1840 г. слѣдовало столь же недолговѣчное министерство Тьера. Въ общей сложности за десять лѣтъ во Франціи смѣнилось десять министерствъ. Зато Гизо, занявшій мѣсто Тьера 29 окт., оставался министромъ въ теченіе остальныхъ восьми лѣтъ царствованія Людовика Филиппа.

Революціонная попытка 1839 г. была послѣднею въ ряду другихъ подобныхъ попытокъ, ознаменовавшихъ собою тридцатые годы во Франціи. Послѣднія восемь лѣтъ царствованія Людовика-Филиппа въ этомъ отношеніи прошли спокойно. Равнымъ образомъ и большая часть покушеній, которымъ такъ часто подвергался Людовикъ-Филиппъ, относится къ тридцатымъ же годамъ. Таковы, кромѣ двухъ уже упоминавшихся покушеній 1832 и 1835 гг., покушенія, связанныя съ именами Алибо (1836), Мёнье (1836), Гюбера (1838) и Бармеса (1840), слѣдовавшія скоро одно за другимъ. Во второй половинѣ царствованія жизнь Людовика-Филиппа подвергалась опасности только дважды и оба раза въ 1846 г. (Леконтъ и Анри). Если къ этому прибавить, что въ министерство Гизо послѣ постоянныхъ министерскихъ перемѣнъ Франція получила прочное правительство, созданное кабинетомъ Гизо, то можетъ показаться, что къ 1840 г. борьба съ революціей, предпринятая тотчасъ же вслѣдъ за іюльскимъ переворотомъ, была приведена къ благополучному окончанію На самомъ дѣлѣ, однако, вышло не такъ, и сороковые годы были, наоборотъ, эпохой подготовленія новаго революціоннаго взрыва въ 1848 г.

Во всякомъ случаѣ въ 1840 г. іюльская монархія считалась упроченною. Легитимисты болѣе ничего не предпринимали, республиканская партія была подавлена, и обѣщанія 1830 г. могли оставаться неисполненными. Правда, намѣчался еще новый политическій факторъ, опасный для іюльской монархіи, но и онъ потерпѣлъ пораженіе. Дѣло въ томъ, что во Франціи не прерывалась все это время наполеоновская традиція. Въ первые два года іюльской монархіи былъ еще въ живыхъ сынъ Наполеона, герцогъ Рейхштадтскій, наслѣдникъ имени и правъ своего отца, но въ 1832 г. онъ скончался, и это было обстоятельствомъ, благопріятнымъ для іюльскаго трона.

Хотя въ это время жили еще братья Наполеона Іосифъ и Луціанъ, наслѣдникомъ династическихъ правъ объявилъ себя принцъ Людовикъ-Наполеонъ, сынъ бывшаго голландскаго короля Людовика. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду онъ принималъ участіе въ итальянскомъ движеніи 1831 г., а затѣмъ поселился у своей матери на берегу Констанцскаго озера. Отсюда онъ вошелъ въ сношенія съ нѣсколькими

недовольными французскими офицерами, задумавъ при ихъ помощи произвести во Франціи переворотъ въ свою пользу. Расчитывая главнымъ образомъ на популярность своего историческаго имени, молодой принцъ въ концѣ октября 1836 г. пріѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ у него было нѣсколько единомышленниковъ среди офицеровъ тамошняго гарнизона. Артиллерійскій полковникъ Водрей рано утромъ 30 окт. собралъ свой полкъ, и передъ офицерами и солдатами, ожидавшими чего-то необыкновеннаго, внезапно появился принцъ, нарочно одѣвшійся такъ, какъ одѣвался Наполеонъ I. Полковникъ произнесъ заранѣе приготовленную рѣчь, въ которой сказалъ, что дѣло племянника и наслѣдника великаго императора есть дѣло всего французскаго народа, и что лишь черезъ него нація можетъ вернуть себѣ прежнюю славу и свободу. Солдаты привѣтствовали принца крикомъ „да здравствуетъ императоръ!“ и двинулись по улицамъ города, продолжая кричать виваты императору. Комендантъ и префектъ были арестованы, но когда взбунтовавшійся полкъ пришелъ въ пѣхотныя казармы, то встрѣтилъ тамъ отпоръ. Рѣчь, произнесенная здѣсь принцемъ, не встрѣтила никакого сочувствія, и дѣло окончилось тѣмъ, что претендентъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ своими соучастниками послѣ довольно нерѣшительной попытки защитить его, сдѣланной пришедшими съ нимъ артиллеристами. Узнавъ объ этомъ происшествіи, правительство разсудило, что будетъ лучше всего придать попыткѣ принца характеръ мальчишеской выходки, за которую нельзя и наказывать строго. Подъ полицейскимъ конвоемъ онъ былъ отвезенъ въ Шербургъ, откуда долженъ былъ уѣхать въ Америку. Проѣздомъ черезъ Парижъ онъ даже написалъ Людовику-Филиппу письмо съ выраженіемъ своей благодарности и съ просьбою о снисхожденіи къ его соучастникамъ. Но общественное мнѣніе было крайне недовольно тѣмъ, что и на этотъ разъ, подобно тому, какъ это было и въ дѣлѣ герцогини Беррійской, главный виновникъ уходилъ безнаказаннымъ. На это послѣднее обстоятельство особенно напирали адвокаты главныхъ соучастниковъ Людовика-Наполеона передъ судомъ присяжныхъ въ Страсбургѣ; именно они указывали на то, что, отпустивъ зачинщика всего дѣла, правительство лишило судъ возможности разобрать, какъ слѣдуетъ, вину каждаго изъ подсудимыхъ. Оппозиціонная пресса равнымъ образомъ эксплоатировала это обстоятельство въ свою пользу. Всѣ подсудимые были оправданы, и въ ихъ честь даже устраивались потомъ разныя овація. Но общее впечатлѣніе, произведенное въ этомъ дѣлѣ претендентомъ, было крайне для него неблагопріятное.

Людовикъ-Наполеонъ, однако, не покидалъ своей мысли. Въ слѣдующемъ же году онъ опять пріѣхалъ въ Швейцарію и только

послѣ требованія французскаго правительства, чтобы Швейцарія изгнала принца подъ страхомъ вторженія въ страну французскаго войска, онъ переселился въ Англію, гдѣ занялся разработкой своихъ „Наполеоновскихъ идей“. Въ 1840 г. онъ рѣшился повторить свое неудавшееся предпріятіе, выбравъ для этого, какъ ему казалось, самый подходящій моментъ, когда во Франціи снова оживилась память о Наполеонѣ по случаю перенесенія въ Парижъ его останковъ съ острова св. Елены. Тьеръ, сдѣлавшись министромъ 1 марта 1840 г., задумалъ привести въ исполненіе послѣднюю волю Наполеона, выразившаго въ своемъ духовномъ завѣщаніи желаніе, чтобы его прахъ покоился на берегахъ Сены „среди французскаго народа, который онъ такъ любилъ“. Для этого Тьеръ вошелъ въ сношеніе съ англійскимъ правительствомъ, и послѣднее выразило полное согласіе на то, чтобы гробъ съ останками Наполеона былъ взятъ съ острова св. Елены. Палаты охотно отпустили необходимыя деньги, и за гробомъ Наполеона былъ посланъ фрегатъ, на которомъ находился одинъ изъ сыновей короля, принцъ Жуанвильскій. Это рѣшеніе совпало по времени съ международными усложненіями, сильно подѣйствовавшими на французскихъ шовинистовъ, мечтавшихъ о новомъ завоеваніи лѣваго берега Рейна [1]). Энтузіазмъ къ памяти Наполеона и воинственное настроеніе, охватившее весьма многихъ французовъ, и дали поводъ принцу Людовику-Наполеону еще разъ воспользоваться памятью своего дяди, дабы низвергнуть орлеанскую династію, обманувшую ожиданія большинства французской націи. На этотъ разъ онъ даже заручился согласіемъ нѣсколькихъ видныхъ военныхъ; кромѣ того, его отчасти поощряла иностранная дипломатія, которая, не вѣря въ успѣхъ предпріятія, не прочь была вызвать во Франціи какое-либо замѣшательство. 4 августа Людовикъ-Наполеонъ отплылъ изъ Англіи къ берегамъ Франціи съ нѣсколькими единомышленниками, и высадился съ ними 6 августа недалеко отъ Булони. На берегу ихъ ожидала другая горсть заговорщиковъ, и всѣ вмѣстѣ они двинулись въ названный городъ, гдѣ расчитывали увлечь за собою одинъ изъ стоявшихъ тамъ полковъ. Въ числѣ офицеровъ этого полка былъ одинъ изъ соумышленниковъ принца. Онъ разбудилъ спавшихъ солдатъ и выстроилъ ихъ на дворѣ казармы, а явившійся передъ ними принцъ произнесъ патетическую рѣчь. На шумъ сбѣжались другіе офицеры и стали уговаривать солдатъ не измѣнять своему долгу. Принцу и его спутникамъ пришлось спасаться бѣгствомъ. Сначала они пытались-было собрать приверженцевъ наполеоновской идеи въ самомъ городѣ, но потомъ должны были отказаться и отъ этого. Спасаясь отъ преслѣдованія, Людовикъ-

[1]) См. слѣд. главу.

Наполеонъ съ нѣкоторыми спутниками прыгнулъ въ лодку, которая должна была отвезти ихъ на пароходъ, но лодка опрокинулась, и заговорщики были вынуты изъ воды, чтобы затѣмъ быть отведенными въ тюремное заключеніе. Пароходъ, привезшій ихъ изъ Англіи, былъ также задержанъ; на немъ во время обыска нашли документъ, въ которомъ претендентъ устанавливалъ временное правительство — съ Тьеромъ во главѣ, занимавшимъ въ то время постъ перваго министра. Предполагалось, что французскій народъ самъ рѣшилъ бы затѣмъ вопросъ о будущей правительственной формѣ. На этотъ разъ принцъ не избѣжалъ суда пэровъ. Въ то самое время, какъ отецъ принца, проживавшій тогда во Франціи, напечаталъ въ газетахъ письмо, которымъ желалъ смягчить участь сына ссылкою на то, что онъ обнаружилъ полное отсутствіе здраваго человѣческаго смысла, самъ претендентъ выступилъ на судѣ въ роли защитника народнаго верховенства и въ качествѣ законнаго наслѣдника императора, получившаго корону для себя и своего семейства въ силу всенароднаго голосованія. 6 октября Людовикъ-Наполеонъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію и вскорѣ отвезенъ въ крѣпость Гамъ; здѣсь онъ занялъ ту самую комнату, въ которой прежде жилъ князь Полиньякъ. Особаго шума по поводу этого процесса въ Парижѣ не было. Бонапартизмъ вообще не имѣлъ тогда большихъ шансовъ на успѣхъ. Гробъ Наполеона прибылъ въ Парижъ только въ первой половинѣ декабря и 15 числа въ торжественной процессіи доставленъ въ домъ инвалидовъ. Стеченіе народа на улицахъ въ этотъ день было громадное, но народъ гораздо холоднѣе отнесся къ возвращенію въ Парижъ останковъ Наполеона, чѣмъ можно было этого ожидать по восторгу, какой вызванъ былъ рѣшеніемъ правительства перевезти гробъ императора въ Парижъ. Послѣ 1840 г. правительству іюльской монархіи нечего было, слѣдовательно, бояться какой-либо революціи и подъ знаменемъ наполеоновскихъ идей.

Такимъ образомъ черезъ десять лѣтъ послѣ іюльскаго переворота монархія, обязанная ему своимъ происхожденіемъ, могла считаться упроченною. Людовикъ-Филиппъ могъ теперь, такъ сказать, повернуть спину къ революціи, возведшей его на престолъ. Въ 1840 г. годовщина революціи была ознаменована открытіемъ на площади Бастиліи знаменитой іюльской колонны, но никто изъ членовъ королевской фамиліи не удостоилъ своимъ присутствіемъ этого торжества, только самъ король постоялъ нѣсколько времени у окна, когда мимо Лувра проходила процессія на заупокойную мессу въ память іюльскихъ защитниковъ свободы. И то обстоятельство, что въ этотъ день въ столицѣ Франціи не произошло никакого движенія, указывало, повидимому, на окончаніе борьбы съ революціей. Двѣ знаменитыя фразы, произнесенныя въ сороковыхъ годахъ,—заявленіе (1843) Ла-

мартина о томъ, что „Франція скучаетъ“ (La France s'ennuie), и заявленіе Гизо (1846) о томъ, что „порядокъ надолго обезпеченъ“,—выражали собою мнѣніе весьма многихъ французовъ о характерѣ этой второй половины царствованія Людовика-Филиппа. На самомъ дѣлѣ въ теченіе сороковыхъ годовъ назрѣвали во Франціи два вопроса, которымъ суждено было вызвать новую революцію: вопросъ о реформѣ представительства и вопросъ соціальный.

VII. Внѣшняя политика іюльской монархіи [1]).

Мирный характеръ политики Людовика-Филиппа.— Сближеніе Франціи съ Англіей.—Испанскія и португальскія дѣла.—Отношеніе къ нимъ Франціи съ Англіей и абсолютныхъ монархій. — Возникновеніе соперничества между Франціей и Англіей. — Стремленіе Людовика-Филиппа къ сближенію съ континентальными монархіями.—Восточный вопросъ.—Европейскій кризисъ 1840 г.—Внѣшняя политика Франціи въ сороковыхъ годахъ. — «Испанскіе браки».—Сближеніе Гизо съ Меттернихомъ.

Внѣшняя политика Франціи при Людовикѣ-Филиппѣ вполнѣ соотвѣтствовала внутренней политикѣ этого короля. Въ первые два года, слѣдовавшіе за іюльскимъ переворотомъ, то-и-дѣло готова была вспыхнуть большая европейская война [2]), но Людовикъ-Филиппъ всячески старался избѣжать войны. Съ одной стороны, онъ могъ бояться воинственныхъ замысловъ Австріи, Пруссіи и Россіи, которыя подъ вліяніемъ іюльской революціи возвратились къ традиціямъ священнаго союза, съ другой, онъ опасался воинственнаго настроенія весьма значительной части французскаго общества, мечтавшаго о возобновленіи революціонной пропаганды. Обстоятельства помѣшали, однако, абсолютнымъ монархіямъ предпринять какія-либо враждебныя дѣйствія. Онѣ только возвратились къ старому союзу и заняли по отношенію къ Франціи крайне недовѣрчивое положеніе, что очень не нравилось Людовику-Филиппу. Зато въ самой Франціи не прекращалась агитація въ пользу оказанія помощи возставшимъ народамъ. Газеты,

---

[1]) Для исторіи внѣшней политики, кромѣ сочиненій по исторіи отдѣльныхъ странъ, см. *A. Debidour.* Histoire diplomatique de l'Europe. 1891 (первый томъ). — *D. Haussonville.* Histoire de la politique du gouvernement français (1830—1848).—*Capefigue.* L'Europe depuis l'avenement du roi Louis-Philippe.—*Bollaert.* The wars of succession of Portugal and Spain. (Кромѣ того, конечно, исторіи Испаніи *Baumgarten*'а, *Hubbard*'а, *Reynald*'а, *Трачевскаго* и исторіи Португаліи *Schaefer*'а). — *Bulwer.* Life of Palmerston. — *Lytton-Bulwer.* Essai sur Talleyrand.—*Mirabeau* (comtesse de). Le prince de Talleyrand et la maisson d'Orléans.

[2]) См. выше, стр. 62 и слѣд.

клубы, такіе политическіе дѣятели, какъ Лафайетъ, Могенъ, Ламаркъ, громко требовали энергичной внѣшней политики и этимъ поддерживали у возставшихъ народовъ надежду на французскую помощь. Эта агитація производила впечатлѣніе и на абсолютныя монархіи, тѣмъ болѣе, что онѣ не считали самого Людовика-Филиппа достаточно прочнымъ на престолѣ. Одно время Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ даже держать у власти представителей такъ называемой „партіи движенія". Вступленіе въ министерство Казимира Перье сразу придало внѣшней политикѣ Франціи болѣе умѣренный, хотя и весьма твердый характеръ [1]). Въ серединѣ 1832 г. тревожное настроеніе прекратилось. Франціи удалось защитить Бельгію и создать противовѣсъ одностороннему австрійскому вліянію въ Италіи, но зато Германія и Польша предоставлены были въ распоряженіе Австріи, Пруссіи и Россіи. Печальный исходъ польской революціи постоянно давалъ поводъ оппозиціоннымъ партіямъ нападать на правительство Людовика-Филиппа [2]), тѣмъ болѣе, что во Францію спаслось бѣгствомъ огромное количество поляковъ, которые встрѣтили среди французовъ большое сочувствіе и сами стали принимать участіе въ политическихъ движеніяхъ, происходившихъ во Франціи. Людовикъ-Филиппъ дѣятельно боролся съ этими политическими движеніями, но въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ на него продолжали смотрѣть, какъ на „короля баррикадъ". Даже тогда, когда абсолютные монархи успокоились насчетъ его собственныхъ намѣреній [3]), они все еще опасались какого-нибудь

---

[1]) См. выше, стр. 66—69.

[2]) См. выше, стр. 127.

[3]) Приводимъ отрывки изъ письма Людовика-Филиппа къ имп. Николаю I (отъ 19 августа 1830 г.):

„Уже давно я сожалѣлъ, что король Карлъ и его правительство не слѣдовали политикѣ, которая соотвѣтствовала бы ожиданіямъ и желаніямъ націи.... Съ 8 августа 1829 г. образованіе новаго министерства меня очень встревожило. Я видѣлъ, до какой степени это назначеніе было ненавистно и подозрительно для націи, и я раздѣлялъ общее безпокойство относительно мѣръ, которыхъ мы должны были ожидать отъ новыхъ министровъ. Тѣмъ не менѣе уваженіе къ законамъ, любовь къ порядку сдѣлали столько успѣховъ во Франціи, что сопротивленіе этому министерству не уклонилось бы, конечно, съ пути парламентской борьбы, если бы въ своемъ безуміи само это министерство не подало рокового сигнала самымъ дерзкимъ нарушеніемъ хартіи и уничтоженіемъ всѣхъ гарантій нашей національной свободы, за которыя готовъ пролить кровь каждый французъ.

Но было невозможно, чтобы отъ этого не произошло никакого потрясенія въ нашемъ общественномъ строю, и то же самое возбужденіе энтузіазма, которое отвратило французовъ отъ безпорядковъ, увлекало ихъ къ попыткѣ приложенія такой политической теоріи, которая повергла бы Францію и, можетъ быть, всю Европу въ пучину всякихъ бѣдствій. Среди такихъ-то обстоя-

новаго переворота во Франціи, результатомъ котораго могло бы быть возобновленіе революціонной пропаганды. Поэтому Людовику-Филиппу оставалось только искать сближенія съ Англіей, гдѣ къ іюльской революціи отнеслись благосклонно и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1830 г. власть перешла къ вигамъ.

Англія точно такъ же, какъ и Франція, не считала возможнымъ вмѣшиваться въ нѣмецкія и польскія дѣла. Зато она вмѣстѣ съ Франціей находила нужнымъ защитить Бельгію и Италію. Но особенно политика обѣихъ странъ была заинтересована въ томъ, чтобы не дать реакціоннымъ принципамъ восторжествовать въ обоихъ государствахъ Пиренейскаго полуострова, гдѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ произошли важныя событія.

Послѣ Мюнхенгрецскаго свиданія [1]), на которомъ между прочимъ приняты были нѣкоторыя мѣры относительно Германіи, лондонскій и парижскій дворы, такъ сказать, ради соблюденія приличій протестовали противъ нарушенія правъ, обезпеченныхъ за отдѣльными нѣмецкими государствами трактатами 1815 г., но, въ сущности, до политической свободы Германіи имъ не было никакого дѣла, и протестъ не имѣлъ никакихъ реальныхъ послѣдствій. Однако ни Франція, ни Англія не хотѣли, чтобы абсолютныя монархіи самовластно распоряжались во всей Европѣ. Французское правительство даже заявило вѣнскому двору, что съ оружіемъ въ рукахъ будетъ сопротивляться всякому вмѣшательству союзниковъ въ дѣла Бельгіи, Швейцаріи и Пьемонта, какъ странъ, входящихъ въ сферу французскаго вліянія. Меттернихъ, повидимому, въ это время имѣлъ намѣреніе превратить всю Италію въ военную федерацію подъ гегемоніей Австріи, но изъ Франціи ему дали понять, что она не допуститъ осуществленія подобнаго плана. И Франція, и Англія выступали такимъ образомъ въ роли защитницъ національной и политической свободы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой части Европы. Въ сферу ихъ вліянія,

---

тельствъ всѣ взоры обратились на меня. *Побѣжденные сами сочли меня нужнымъ для своего спасенія. Но, быть можетъ, еще болѣе я былъ необходимъ, чтобы побѣдители не могли сойти съ истиннаго пути.* И я принялъ на себя эту благородную и трудную задачу,.... ибо я ясно увидѣлъ, что малѣйшій отказъ съ моей стороны могъ бы сдѣлаться рискованнымъ и относительно будущаго Франціи, и относительно спокойствія сосѣдей...

Да не потеряетъ ваше величество изъ виду, что *пока король Карлъ X царствовалъ надъ Франціей, я былъ самымъ покорнымъ и самымъ вѣрнымъ изъ его подданныхъ*, и что только въ ту минуту, когда я увидѣлъ дѣйствіе законовъ парализованнымъ и совершенно уничтоженною силу королевской власти, — я счелъ за долгъ свой согласиться на желаніе націи, принимая корону, къ которой былъ призванъ".

[1]) См. выше, стр. 70—71.

несомнѣнно, входили также Испанія и Португалія, гдѣ въ разсматриваемую эпоху возникли внутреннія смуты изъ-за престолонаслѣдія и началась борьба политическихъ партій, защищавшихъ противоположные политическіе принципы. Интересомъ обѣихъ конституціонныхъ державъ было поддержать на Пиренейскомъ полуостровѣ либеральную партію, тогда какъ, наоборотъ, испанскіе и португальскіе консерваторы пользовались сочувствіемъ трехъ абсолютныхъ монархій. Событія, происшедшія на Пиренейскомъ полуостровѣ, и дали поводъ Франціи и Англіи проявить свое „сердечное согласіе“ (entente cordiale), хотя, въ сущности, за этою видимою солидарностью скрывался старый политическій антагонизмъ.

Конституціонныя движенія въ Испаніи и Португаліи, ознаменовавшія собою начало двадцатыхъ годовъ, были весьма скоро же подавлены, какъ извѣстно, не безъ содѣйствія священнаго союза и въ частности самой Франціи [1]). Въ обоихъ государствахъ свирѣпствовала жестокая реакція и, повидимому, не было никакихъ шансовъ на возстановленіе конституціи. Въ Испаніи, однако, среди самихъ реакціонеровъ начался расколъ, напоминающій аналогичное явленіе во Франціи въ царствованіе Карла X [2]). Испанская клерикальная партія, носившая названіе апостолической, находила, что Фердинандъ VII недостаточно строго проводитъ принципы реакціи, и всѣ свои надежды стала возлагать на королевскаго брата дона Карлоса, который за бездѣтностью короля долженъ былъ наслѣдовать престолъ. Наиболѣе нетерпѣливые сторонники этой партіи даже подумывали о низложеніи Фердинанда VII. Въ этомъ смыслѣ въ 1825 г. составился заговоръ противъ этого короля, но былъ открытъ. Въ слѣдующемъ году недовольство противъ короля еще болѣе усилилось, благодаря тому, что онъ недостаточно энергично дѣйствовалъ въ пользу реакціонной партіи въ Португаліи. И вотъ была издана какъ бы отъ имени испанскаго народа прокламація, требовавшая возведенія на престолъ дона Карлоса. Въ началѣ 1827 года въ Аррагоніи и Каталоніи вспыхнуло даже возстаніе, которое было жестоко подавлено, причемъ подверглись новому гоненію либералы, въ данномъ случаѣ совершенно неповинные. Но надеждамъ апостолической партіи не суждено было осуществиться. Потерявъ въ 1829 г. свою третью жену, Фердинандъ VII немедленно женился въ четвертый разъ на дочери неаполитанскаго короля Франциска I, Маріи-Христинѣ, Когда разнеслась вѣсть о беременности новой королевы, апостолическая партія крайне встревожилась. Еще болѣе усилилось ея негодованіе, когда король весною

[1]) См. т. IV, стр. 335—338.
[2]) Ср. т. IV, стр. 415.

1830 г. обнародовалъ прагматическую санкцію, допускавшую женщинъ къ занятію испанскаго престола. Дѣло въ томъ, что старый кастильскій законъ не исключалъ женщинъ и женскія поколѣнія изъ права престолонаслѣдія, и такъ называемый „салическій законъ", признававшій это право только за мужчинами, былъ введенъ въ Испанію лишь Филиппомъ V Бурбономъ. Однако, въ 1789 г. Карлъ IV съ согласія нотаблей постановилъ возвратиться къ прежнему порядку, хотя и велѣлъ это рѣшеніе хранить въ тайнѣ. Испанская конституція 1812 г. равнымъ образомъ признавала право престолонаслѣдія и за женщинами. Прагматическая санкція 1830 г. основывалась именно на постановленія Карла IV. Осенью того же самаго года у короля родилась дочь Изабелла, которая и должна теперь была наслѣдовать престолъ. Апостолическая партія рѣшилась дѣйствовать интригой. Одинъ изъ ея членовъ Каломарде, занимавшій постъ перваго министра и оказывавшій большое вліяніе на короля, воспользовался его болѣзнью и, когда тотъ чувствовалъ себя особенно дурно и совершенно не имѣлъ своей воли, добился отъ него декрета, объявлявшаго прагматическую санкцію уничтоженной. Въ это время Фердинанду VII было такъ плохо, что съ минуты на минуту ожидали его смерти; въ Парижъ даже телеграфировали объ его кончинѣ. Но сверхъ ожиданія король остался живъ и даже нѣсколько поправился. Каломарде былъ лишенъ мѣста и замѣненъ новымъ министромъ Зеа-Бермудесомъ, державшимся воззрѣній просвѣщеннаго абсолютизма. На время продолжавшейся болѣзни короля регентство было передано Христинѣ. Желая пріобрѣсти популярность, она дала амнистію политическимъ преступникамъ и открыла университеты, закрытые прежнимъ министромъ. Когда, наконецъ, Фердинанду VII совсѣмъ стало лучше, онъ рѣшился обезпечить судьбу своей дочери, созвавъ въ 1833 г. кортесы, которые утвердили прагматическую санкцію и присягнули Изабеллѣ въ качествѣ наслѣдницы престола. Донъ Карлосъ протестовалъ противъ этого письмомъ на имя брата, но въ отвѣтъ получилъ „позволеніе" уѣхать изъ Испаніи и болѣе въ нее не возвращаться. Когда въ томъ же самомъ 1833 г. Фердинандъ VII все-таки умеръ, донъ-Карлосъ сталъ оспаривать престолъ у своей маленькой племянницы и явился въ сѣв. Испаніи, чтобы стать во главѣ возстанія. Австрія и обѣ ея союзницы не только не признали Изабеллу королевой Испаніи, а ея мать— регентшей, но даже стали тайно оказывать поддержку претенденту. Это возстаніе продолжалось около семи лѣтъ, но, собственно говоря, внутренняя смута была гораздо болѣе продолжительною, и время отъ времени въ Испаніи происходили военные перевороты (pronunciamento), отдававшіе власть то въ тѣ, то въ другія руки. По смерти мужа Христина оставила во главѣ государства Зеа-Бермудеса, но онъ въ

качествѣ просвѣщеннаго абсолютиста не могъ быть пріятенъ ни апостолической партіи, ни либераламъ. Въ арміи онъ также не пользовался сочувствіемъ, а одинъ видный генералъ прямо указалъ регентшѣ, что если этотъ министръ останется у власти, то нельзя будетъ ручаться ни за спокойствіе страны, ни за прочность положенія самой маленькой королевы. Въ началѣ 1834 г. Зеа-Бермудесъ былъ отставленъ и замѣненъ другимъ министромъ, принадлежавшимъ къ умѣренно-либеральной партіи, Мартинесомъ де ла Розою: новый министръ раньше былъ членомъ кортесовъ, выработавшихъ конституцію 1812 г. Ему пришлось на себѣ испытать реакцію въ началѣ царствованія Фердинанда VII: онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и побывалъ въ ссылкѣ. Послѣ революціи 1820 г. онъ снова игралъ политическую роль въ рядахъ „модерадосовъ“ [1]), но послѣ низверженія конституціи долго жилъ за границей. Поставленный теперь во главѣ правленія 10 апр. 1834 г., онъ ввелъ въ Испаніи подъ названіемъ королевскаго статута (Estatuto real) новую конституцію, составленную въ весьма умѣренномъ духѣ. Въ ней, напр., не было гарантій личной свободы, свободы печати и независимости судовъ. Иниціатива законовъ принадлежала правительству, и кортесы не должны были заниматься вопросами, которые не были предложены королемъ, хотя во всякомъ случаѣ новые законы не могли издаваться и налоги не могли устанавливаться безъ согласія кортесовъ. Конституція принимала двухпалатную систему, причемъ верхняя палата должна была заключать въ себѣ наиболѣе аристократическіе и богатые элементы населенія, а въ палату депутатовъ могли избираться лица, имѣвшія значительный доходъ. Какъ бы тамъ ни было, однако, Испанія изъ абсолютной монархіи все-таки превращалась въ монархію конституціонную.

Подобнаго же рода измѣненіе произошло и въ Португаліи. Здѣсь тоже въ началѣ двадцатыхъ годовъ результатомъ военной революціи было введеніе конституціи, продержавшейся очень недолго. Хотя король Іоаннъ VI и согласился (1822) на ограниченіе своей власти, этого рѣшенія не хотѣли признать ни жена его, сестра Фердинанда VII испанскаго, ни его младшій сынъ, донъ Мигуэль. Этотъ молодой принцъ проявилъ крайне абсолютистическія стремленія и, поощряемый французскимъ вмѣшательствомъ въ испанскія дѣла (1823), при помощи части арміи произвелъ государственный переворотъ, взялъ въ плѣнъ своего отца и заставилъ его отмѣнить конституціонную хартію. Правда, Іоанну VI удалось бѣжать изъ плѣна и при помощи Англіи вернуть себѣ престолъ, что заставило дона Мигуэля искать убѣжища въ Австріи, но весьма скоро смерть Іоанна VI

[1]) См. т. IV, стр. 330.

(1826) дала поводъ дону Мигуэлю снова вмѣшаться въ португальскія дѣла. За годъ до своей смерти Іоаннъ VI призналъ независимость Бразиліи, отдавъ ее старшему своему сыну дону Педро подъ условіемъ раздѣльнаго существованія бразильской и португальской короны. По смерти отца донъ Педро, не желая покидать Бразилію, уступилъ Португалію своей малолѣтней дочери Маріи да Глоріа, опекуномъ которой и регентомъ королевства былъ назначенъ жившій въ изгнаніи донъ Мигуэль. Донъ Педро, настоявшій на томъ, чтобы его отецъ далъ конституцію Бразиліи, дѣлая теперь португальскою королевою свою дочь, и этой странѣ далъ конституцію или такъ называемую „Хартію законовъ“ (Carta de lei). Донъ Мигуэль не оправдалъ довѣрія своего брата. Въ 1828 г. онъ объявилъ конституцію уничтоженной, а себя—законнымъ королемъ Португаліи вмѣсто своей племянницы. Апостолическая партія въ Испаніи и Меттернихъ оказали ему свою поддержку. Юная португальская королева, уже отправленная изъ Бразиліи въ Европу, доѣхала только до Англіи. Хотя въ Лондонѣ и признали ея права, тѣмъ не менѣе не оказали ей никакой поддержки, и Марію да Глоріа пришлось отвезти обратно въ Бразилію. Въ 1831 г. донъ Педро рѣшился самъ отстаивать права своей дочери. Отрекшись отъ бразильскаго престола въ пользу своего малолѣтняго сына дона Педро II, онъ отправился съ женою и дочерью въ Европу. Обстоятельства ему благопріятствовали. Іюльская революція создала во Франціи правительство, которое не могло поддерживать абсолютизмъ. Въ Англіи власть перешла отъ торіевъ къ вигамъ. Наконецъ, въ Испаніи прагматическая санкція нанесла ударъ апостолической партіи, поддерживавшей дона Мигуэля. Донъ Педро посѣтилъ Лондонъ и Парижъ и, благодаря содѣйствію англійскаго и французскаго правительствъ, заключилъ заемъ, который позволилъ ему собрать войско и устроить флотъ, а лѣтомъ въ 1832 г. занять городъ Опорто. Началась междоусобная война, которая сдѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ борьбою абсолютизма съ либерализмомъ. Въ то самое время, какъ дону Педро оказывали поддержку Англія и Франція, донъ Мигуэль, наоборотъ, пользовался сочувствіемъ Австріи и ея союзницъ. Въ самой Португаліи за молодую королеву заступились либералы, которые еще въ 1830 г. организовали на островѣ Терсейрѣ регентство. Такъ какъ донъ Мигуэль пользовался покровительствомъ и французскихъ легитимистовъ, то Людовикъ-Филиппъ имѣлъ и особую причину симпатизировать предпріятію дона Педро. Испанія сначала стояла на сторонѣ дона Мигуэля, но когда и въ этомъ государствѣ возникъ споръ за престолъ, и между португальскимъ и испанскимъ претендентами установилась солидарность, то мадридское правительство стало поддерживать дона Педро. Любопытно, что въ то

самое время, какъ многіе французскіе легитимисты вступили въ армію дона Мигуэля, Людовикъ-Филиппъ разрѣшилъ нѣкоторымъ французскимъ военнымъ сражаться въ Португаліи за конституцію. Англія дала дону Педро начальника флота въ лицѣ Чарльза Непира.

Такимъ образомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ и въ Испаніи, и въ Португаліи положеніе дѣлъ было совершенно одинаковое: и тамъ, и здѣсь по закону власть принадлежала малолѣтнимъ королевамъ, за права которыхъ въ обѣихъ странахъ заступались либералы, тогда какъ реакціонеры стояли на сторонѣ родныхъ дядей обѣихъ королевъ, приверженцевъ абсолютизма. Если донъ Карлосъ и донъ Мигуэль другъ друга признавали королями, то и оба регентства поддерживали другъ друга. Россія и Пруссія, не рѣшаясь открыто высказаться за обоихъ претендентовъ, тѣмъ не менѣе не хотѣли признать ни королеву Изабеллу, ни королеву Марію. Относительно Изабеллы Австрія держалась той же политики, но Марію португальскую австрійскій императоръ призналъ королевой, такъ какъ ея мать была его дочерью, но только онъ совсѣмъ не хотѣлъ признавать конституцію. Совсѣмъ иначе вели себя Англія и Франція. Оба эти государства стали на сторону конституціонныхъ партій. Людовикъ-Филиппъ хотѣлъ нанести ударъ дону Карлосу, французскіе друзья котораго были, такъ сказать, его личными врагами. Съ другой стороны, онъ расчитывалъ впослѣдствіи выдать замужъ молодую испанскую королеву такимъ образомъ, чтобы утвердить въ Мадридѣ французское вліяніе. Въ концѣ 1833 г. въ совѣтѣ министровъ даже серьезно обсуждался вопросъ о посылкѣ въ Испанію французскаго войска, чтобы утвердить въ Мадридѣ вліяніе іюльской монархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять ея военный престижъ. У Людовика-Филиппа при этомъ была еще одна цѣль. Онъ боялся возможности новаго революціоннаго движенія въ Испаніи, т.-е. повторенія 1820 г. и возстановленіи конституціи 1812 г., что́, несомнѣнно, только придало бы смѣлости французскимъ демократамъ: посылка французской арміи въ Испанію не только поддержала бы королеву Изабеллу противъ дона Карлоса, но и не позволила бы что-либо предпринять испанскимъ демократамъ. Этотъ планъ французскаго правительства, однако, никоимъ образомъ не могъ быть принятъ Англіей. Въ Лондонѣ, гдѣ также мечтали выдать современемъ Изабеллу замужъ за принца, который поддерживалъ бы въ Испаніи англійское вліяніе, вовсе не были расположены къ тому, чтобы французская военная экспедиція увеличила шансы іюльской монархіи въ Мадридѣ. Такимъ образомъ интересы Франціи и Англіи были далеко не одинаковы на Пиренейскомъ полуостровѣ, и союзъ ихъ не могъ быть вполнѣ искреннимъ.

Собственно говоря, испанскій либерализмъ, какъ таковой, не

находилъ большого сочувствія въ Людовикѣ-Филиппѣ, которому было бы гораздо пріятнѣе, чтобы у власти оставался Зеа-Бермундесъ, вовсе не думавшій о конституціи. Наоборотъ, англійское правительство не мало содѣйствовало тому, чтобы этому министру была дана отставка и чтобы управленіе дѣлами было передано Мартинесу де ла Роза, сторонніку умѣренной конституціи. Мало того: лордъ Пальмерстонъ, въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи предложилъ новому испанскому правительству вступить въ союзъ съ Англіей, и подобное же предложеніе было сдѣлано португальскому двору. Переговоры объ этомъ союзѣ велись въ совершенной тайнѣ, и договоръ былъ подписанъ въ Лондонѣ въ первыхъ числахъ апрѣля 1834 г. Цѣлью этого союза было изгнаніе изъ Португаліи дона Мигуэля и дона Карлоса, удалившагося туда изъ Испаніи, для чего испанское правительство должно было помочь дону Педро войскомъ, а Англія — флотомъ. Лордъ Пальмерстонъ держалъ переговоры въ такомъ секретѣ, что Талейранъ, бывшій въ то время французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, ни о чемъ не догадывался. Когда наконецъ онъ узналъ объ этомъ трактатѣ, то потребовалъ, чтобы и Франція была принята въ союзъ. Ему въ этомъ не отказали, и въ послѣднихъ числахъ апрѣля былъ подписанъ актъ четверного союза, хотя услуги Франціи могли имѣть мѣсто по буквальному смыслу договора лишь въ томъ случаѣ, если бы это нашли нужнымъ трое остальныхъ союзниковъ. Этотъ союзъ Людовикъ-Филиппъ старался выставить, какъ торжество своей политики. На самомъ же дѣлѣ онъ обозначалъ собою утвержденіе на Пиренейскомъ полуостровѣ исключительно англійскаго вліянія. По внѣшности четверной союзъ конституціонныхъ государствъ былъ какъ бы отвѣтомъ на тройственный союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи, но правительства абсолютныхъ монархій весьма скоро догадались объ истинномъ характерѣ отношеній, какія существовали между Англіей и Франціей. Для Испаніи и Португаліи заключеніе этого союза имѣло то значеніе, что приблизительно чрезъ мѣсяцъ и донъ Мигуэль, и донъ Карлосъ должны были сложить оружіе и покинуть Португалію. Первый изъ нихъ такъ и оставилъ свои притязанія, но второй въ концѣ іюля 1834 г. снова явился въ сѣв. Испаніи, собралъ около себя приверженцевъ, объявилъ себя королемъ и послалъ своихъ представителей ко дворамъ абсолютныхъ монархій, что̀ заставило Англію и Францію прійти къ новому соглашенію, по которому Англія брала на себя военную помощь испанской королевѣ, а Франція обязывалась только наблюдать за тѣмъ, чтобы къ дону Карлосу не приходила помощь изъ-за Пиренеевъ. Между тѣмъ донъ Педро созвалъ кортесы, на которыхъ была утверждена конституція, и въ томъ же году умеръ, успѣвъ объявить свою дочь

совершеннолѣтнею. Время внутреннихъ смутъ и переворотовъ этимъ, однако, не кончилось въ обоихъ пиренейскихъ государствахъ.

Англійское вліяніе продолжало быть прочнымъ въ Португаліи и въ послѣдующій періодъ. Но въ Испаніи соперничество Англіи и Франціи сдѣлалось постояннымъ явленіемъ, отражавшимся и на внутреннихъ дѣлахъ этого государства. Вскорѣ здѣсь возобновилась междоусобная война. Въ 1835 г. донъ Карлосъ, поддерживаемый Австріей, Пруссіей и Россіей, имѣлъ весьма значительный успѣхъ, и его войска занимали почти всю страну между Пиренеями и Эбро. Марія-Христина обратилась за помощью къ Франціи, но, какъ мы увидимъ, въ это время Людовикъ-Филиппъ уже начиналъ заискивать у Австріи и не былъ особенно расположенъ помогать испанской правительницѣ. Однако, французское министерство, наоборотъ, считало нужнымъ прійти на помощь мадридскому правительству и заставило короля начать объ этомъ переговоры съ Англіей. Къ великому удовольствію Людовика-Филиппа Пальмерстонъ отвергъ это предложеніе, и французскіе министры увидѣли, что Англія просто не хочетъ французскаго вмѣшательства въ испанскія дѣла, предпочитая безраздѣльно господствовать въ Мадридѣ. Дѣйствительно, Марія-Христина прямо руководствовалась указаніями изъ Лондона, мѣняя министровъ. Положеніе дѣлъ между тѣмъ усложнялось. Въ Испаніи опять зашевелились крайніе демократы—экзальтадосы [1]). Въ разныхъ городахъ возникли революціонныя юнты и произошли возстанія съ рѣзко антиклерикальнымъ характеромъ. Одновременно и карлистскія банды стали проникать въ самую Кастилію, и въ 1836 г. встревоженная Англія сама обратилась къ Франціи съ просьбою вмѣшаться въ испанскія дѣла, быть можетъ, впрочемъ, имѣя въ виду—въ случаѣ отказа Франціи—воспользоваться этимъ для того, чтобы дискредитировать французское правительство въ глазахъ испанцевъ. На этотъ разъ и французское министерство (Тьеръ) не хотѣло помогать Испаніи вслѣдствіе того, что тогдашній испанскій министръ былъ сторонникомъ англичанъ. Людовикъ-Филиппъ сталъ только употреблять всѣ усилія, чтобы первенствующимъ министромъ Испаніи было лицо, расположенное въ пользу Франціи. Когда наконецъ ему удалось этого добиться, онъ задумалъ положить конецъ всѣмъ смутамъ, выдавъ замужъ Изабеллу за старшаго сына дона Карлоса и этимъ укрѣпить французское вліяніе въ Мадридѣ. Предполагалось, что при этомъ самъ донъ Карлосъ отречется отъ своихъ притязаній и признаетъ вмѣстѣ съ законными правами Изабеллы и конституціонное устройство. Меттерниху, которому былъ сообщенъ этотъ планъ, отъ имени трехъ державъ объ-

[1]) См. т. IV, стр. 415.

явилъ, что сынъ претендента можетъ жениться лишь какъ король, отнюдь не отрекаясь отъ своихъ личныхъ правъ. Положеніе мадридскаго двора, снова находившагося подъ временнымъ вліяніемъ Франціи, въ 1836 г. было крайне тяжелое. Карлисты крѣпко держались на сѣверѣ, а экзальтадосы, подстрекаемые повсемѣстно англійскими агентами, во многихъ мѣстахъ настойчиво требовали возстановленія конституціи 1812 г. Тьеръ прямо готовился къ вмѣшательству, къ крайнему неудовольствію Людовика-Филиппа, уже подыскивавшаго ему преемниковъ, какъ вдругъ въ ночь съ 12-го на 13-ое августа въ Испаніи вспыхнула новая военная революція, была провозглашена конституція 1812 г. и были собраны кортесы, чтобы согласовать ее съ положеніемъ дѣлъ и новыми нуждами Испаніи. Вождь экзальтадосовъ Калатрава сдѣлался первымъ министромъ и сталъ пользоваться поддержкой Англіи. Какъ ни доказывалъ Тьеръ Людовику-Филиппу, что побѣда Франціи надъ карлистами нанесетъ одновременно ударъ и экзальтадосамъ, и англійскому вліянію, Людовикъ-Филиппъ теперь находилъ новый предлогъ противъ вмѣшательства, говоря, что онъ не хочетъ поддерживать демагогію въ Испаніи. Дѣло кончилось отставкой Тьера и образованіемъ новаго кабинета (Моле).

Между тѣмъ въ Испаніи въ 1837 г. была введена новая конституція. Менѣе демократическая, чѣмъ конституція 1812 г., она была гораздо либеральнѣе „королевскаго статута“ 1834 г. Ею обезпечивались свобода и неприкосновенность личности, свобода печати, право петицій. Верховная власть признавалась за народомъ, а учредительная власть за кортесами. Послѣдніе должны были созываться ежегодно, и въ томъ случаѣ, если бы до 1-го декабря они не были созваны, они должны были собираться сами. Министерство должно было быть отвѣтственнымъ. Весьма скоро послѣ этого Марія-Христина поставила во главѣ войска одного изъ вождей экзальтадосовъ, Эспартеро, пользовавшагося явнымъ покровительствомъ англійскаго министерства. Онъ весьма энергично повелъ войну съ карлистами, и „христиносы“ стали одерживать побѣду за побѣдой, между тѣмъ какъ баскскія провинціи Испаніи, бывшія главнымъ оплотомъ карлистовъ, стали охладѣвать къ дѣлу претендента, оказавшагося человѣкомъ бездарнымъ и вдобавокъ жестокимъ. Въ 1839 г. Эспартеро удалось заключить договоръ съ однимъ изъ главныхъ вождей карлистовъ на основаніи признанія за баскскими провинціями ихъ привилегій (фуеросовъ). Это привело къ окончанію междоусобной войны, и, конечно, Эспартеро сдѣлался теперь господиномъ положенія. Но королева-регентша, получавшая внушенія отъ Людовика-Филиппа, не хотѣла примириться съ конституціей 1837 г. Пока Эспартеро наносилъ послѣдніе удары карлистскимъ бандамъ, Марія-Христина, распустивъ

палату, добилась посредствомъ административнаго давленія на выборахъ болѣе благопріятной для своихъ видовъ палаты депутатовъ, и послѣдняя приняла реакціонный законъ, ограничивавшій старинныя муниципальныя вольности испанскихъ городовъ. Это было причиной новаго возстанія въ Мадридѣ и другихъ городахъ (1840). Во главѣ возставшихъ были опять экзальтадосы, которыхъ сильно поддерживала Англія, тѣмъ самымъ противодѣйствовавшая французскому вліянію на регентшу и модерадосовъ. Совершенно растерявшаяся Марія-Христина призвала къ власти Эспартеро, а сама вынуждена была сложить съ себя званіе правительницы государства. Кортесы объявили регентомъ Эспартеро, и онъ сталъ жестоко расправляться со всѣми оппозиціонными партіями, но въ 1843 г. самъ былъ низвергнутъ личнымъ врагомъ своимъ Нарваэсомъ. Этотъ переворотъ былъ дѣломъ французской интриги. Удалившись въ Парижъ, Марія-Христина нашла самый сердечный пріемъ у Людовика-Филиппа, приходившагося ей дядей. Она стала сватать свою дочь, оставшуюся въ Испаніи, за сына Людовика-Филиппа, герцога Омальскаго, между тѣмъ какъ Эспартеро хотѣлъ выдать ее замужъ за какого-нибудь нѣмецкаго принца по указанію Англіи. Правительство Людовика-Филиппа весьма искусно пользовалось неудовольствіемъ, царившимъ среди „христиносовъ“ противъ Эспартеро, и поддерживало попытки его низвергнуть. Наконецъ это и удалось сдѣлать при помощи Нарваэса, пользовавшагося большимъ довѣріемъ со стороны Маріи-Христины и французскаго двора. Эспартеро вынужденъ былъ бѣжать въ Англію. Въ Мадридѣ опять восторжествовало французское вліяніе. Изабелла, которой только-что исполнилось тринадцать лѣтъ, была объявлена совершеннолѣтнею, и восторжествовавшая партія считала себя достигшею прочнаго господства. Но вслѣдъ за этимъ начались новые перевороты. Марія-Христина вернулась въ Испанію, и въ 1845 г. конституція подверглась опять пересмотру. Вступленіе, въ которомъ говорилось о народовластіи, было опущено; кортесы лишены были права собираться сами собою въ томъ случаѣ, если правительство ихъ не созоветъ; судъ присяжныхъ по дѣламъ печати былъ отмѣненъ. Эти перемѣны указываютъ на то, какой смыслъ имѣлъ пересмотръ конституціи. Въ Испаніи началась продолжительная внутренняя реакція, заграничнымъ вдохновителемъ которой былъ Людовикъ-Филиппъ, мечтавшій о томъ, чтобы тѣснѣе привязать Испанію къ Франціи путемъ брачныхъ союзовъ между обоими королевскими домами.

Кромѣ дѣлъ на Пиренейскомъ полуостровѣ были и другія причины, разстроившія хорошія отношенія между Франціей и Англіей. Англійское правительство было весьма недовольно, когда Карлъ X

предпринялъ завоеваніе Алжира [1]), и Людовикъ-Филиппъ, желая быть пріятнымъ Англіи, на первыхъ порахъ не дѣлалъ ничего серьезнаго для завоеванія Алжира. Только въ 1834 г. французское правительство объявило, что намѣревается подчинить себѣ всю эту страну, и начались энергичныя военныя дѣйствія противъ знаменитаго вождя алжирскихъ арабовъ Абдель-Кадера, получавшаго тайную помощь изъ Англіи. Въ Константинополѣ Англія также старалась ослабить вліяніе Франціи, дискредитируя ее въ глазахъ султана. Все это не могло укрыться отъ взоровъ абсолютныхъ монарховъ. Меттернихъ поставилъ тогда своею задачею отвлечь французскую политику отъ англійской, а Николай I готовъ былъ итти даже на уступки англичанамъ, лишь бы только разстроить союзъ обѣихъ конституціонныхъ державъ. Съ другой стороны, Людовикъ-Филиппъ очень рано сталъ подумывать о сближеніи съ великими континентальными державами. Особенно былъ онъ раздраженъ союзомъ, который Англія въ 1834 г. заключила съ Испаніей и Португаліей безъ вѣдома французскаго правительства [2]). Талейранъ, занимавшій въ это время постъ французскаго посланника въ Лондонѣ, тоже не могъ этого простить англійскому правительству, вышелъ въ отставку и возвратился въ Парижъ. Здѣсь онъ сталъ внушать Людовику-Филиппу мысль о необходимости измѣненія всего курса внѣшней политики. Союзъ съ Англіей, говорилъ онъ, былъ необходимъ въ 1830 г., когда Франція, внутри потрясенная революціей, а извнѣ угрожаемая войной, не могла бы найти другихъ союзовъ. Теперь обстоятельства измѣнились. Монархія во Франціи утвердилась, и Англія успѣла обнаружить характеръ своей политики: ея цѣлью было не помогать, а мѣшать Франціи. Выводъ отсюда дѣлался тотъ, что французское правительство должно было искать сближенія съ континентальными державами, тѣмъ болѣе, что и для упроченія новой династіи была бы важна поддержка со стороны легитимныхъ династій. Такія рѣчи какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали собственнымъ стремленіямъ Людовика-Филиппа. У него была своя собственная политика съ самаго начала царствованія, и онъ очень твердо ея держался, всегда стремясь отдѣлываться отъ воинственныхъ министровъ, какими были Лафиттъ и Тьеръ, и наоборотъ, выбирая и поддерживая такихъ министровъ, которые дѣйствовали согласно съ его взглядами. Мало того: почти безъ вѣдома своихъ министровъ и безъ соблюденія парламентскихъ правилъ онъ вступилъ въ секретную переписку съ иностранными министрами, особенно дѣятельно поддерживая сношенія съ Меттернихомъ. Главное свое вниманіе онъ направилъ

---

[1]) См. выше, стр. 14.

[2]) См. выше, стр. 152.

именно на Австрію, такъ какъ въ Петербургѣ къ нему продолжали относиться крайне неблагопріятно за постоянныя манифестаціи въ защиту Польши, происходившія въ разныхъ городахъ Франціи. Меттернихъ охотно шелъ навстрѣчу Людовику-Филиппу и въ своихъ отвѣтахъ указывалъ на то, что Англія обманываетъ Францію и что самому Людовику-Филиппу нужно внутри страны держаться болѣе монархической политики. Людовикъ-Филиппъ соглашался на все. Онъ мечталъ уже о томъ, чтобы женить своего старшаго сына герцога Орлеанскаго на эрцгерцогинѣ Терезѣ, племянницѣ австрійскаго императора. Онъ даже заговорилъ о возможности поѣздки своего сына въ Вѣну, но тамъ подъ всякими предлогами старались отклонить этотъ визитъ. Поддержку своимъ австрійскимъ планамъ Людовикъ-Филиппъ нашелъ и въ министерствѣ, когда въ 1836 г. въ его главѣ сталъ Тьеръ. И ему также казалось, что изъ союза съ Австріей Франція будетъ въ состояніи извлечь большія выгоды, не жертвуя ни своими интересами, ни своимъ достоинствомъ. И онъ также находилъ необходимымъ соединить обѣ династіи брачными узами. Вотъ почему Франція въ это время не оказала никакого противодѣйствія абсолютнымъ монархіямъ, когда онѣ заняли своими войсками вольный городъ Краковъ, изгнали оттуда польскихъ эмигрантовъ, уничтожили мѣстную милицію и реорганизовали внутреннія учрежденія республики, сдѣлавъ все это на томъ основаніи, что Краковъ превратился въ центръ польскихъ заговоровъ. Людовикъ-Филиппъ сталъ даже съ особенною предупредительностью относиться къ желаніямъ австрійскаго двора и въ томъ же 1836 г. отказалъ Англіи послать свое войско для помощи испанскому правительству [1]). Онъ, можно сказать, готовилъ тогда благосклонный пріемъ въ Вѣнѣ своему старшему сыну, котораго отправилъ туда просить руки племянницы императора. Но Меттернихъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ, а потому молодой принцъ уѣхалъ домой съ прямымъ отказомъ. Людовикъ-Филиппъ и послѣ этого такъ упорно держался своей мысли, что готовъ былъ итти на новыя уступки. Раньше, когда абсолютные монархи обращались къ швейцарскому правительству съ требованіемъ, чтобы оно изгоняло съ своей территоріи разныхъ эмигрантовъ, злоумышляющихъ противъ всѣхъ государей, французское правительство, само не одобряя поведенія этихъ эмигрантовъ, отстаивало тѣмъ не менѣе полную внутреннюю независимость Швейцаріи во имя принципа невмѣшательства. Лѣтомъ 1836 г. Австрія опять потребовала изгнанія изъ Швейцаріи эмигрантовъ. На этотъ разъ французское правительство поддержало требованія Австріи, грозя Швейцаріи прервать съ нею сношенія. Людовикъ-Фи-

[1]) См. выше, стр. 153.

липпъ зашелъ такъ далеко въ этомъ дѣлѣ, что безъ вѣдома министерства отправилъ въ эту страну своихъ шпіоновъ. Стѣсненная съ обѣихъ сторонъ, маленькая республика должна была уступить, и ея сеймъ принялъ законъ объ изгнаніи эмигрантовъ по требованію иностранныхъ правительствъ. На всѣ эти уступки Меттернихъ вовсе не думалъ отвѣчать тѣмъ же, хотя и продолжалъ переписываться съ Людовикомъ-Филиппомъ и требовалъ отъ него новыхъ строгостей по отношенію къ Швейцаріи. Австрійскому министру было даже обѣщано, что Франціей не будетъ оказано помощи Маріи-Христинѣ, а конфиденціально ему давали даже понять, что, пожалуй, дона Карлоса можно будетъ признать королемъ, если только онъ получитъ сколько-нибудь значительный успѣхъ на войнѣ. Людовикъ-Филиппъ все еще расчитывалъ на благопріятный исходъ своего сватовства, но Меттернихъ поспѣшилъ устроить бракъ эрцгерцогини Терезы съ королемъ Неаполитанскимъ, за котораго самъ Людовикъ-Филиппъ незадолго передъ тѣмъ думалъ выдать одну изъ своихъ дочерей: вообще ему во что бы то ни стало хотѣлось породниться съ тою или другою легитимною династіей. Прусскій дворъ онъ тоже давно началъ располагать въ свою пользу, всячески стараясь угождать Фридриху-Вильгельму III. Потерпѣвъ неудачу съ планомъ австрійскаго брака, онъ сумѣлъ добиться того, что за его сына вышла замужъ принцесса Мекленбургъ-Шверинская, родственница прусскаго короля, который согласился на этотъ бракъ, несмотря на крайнее неудовольствіе русскаго правительства.

Такимъ образомъ Людовикъ-Филиппъ мало-по-малу сближался съ Австріей и Пруссіей и тѣмъ самымъ отдалялся отъ Англіи. Его реакціонная политика въ Испаніи находилась въ самой тѣсной связи съ этими новыми отношеніями къ двумъ великимъ нѣмецкимъ державамъ. Только императоръ Николай I не хотѣлъ измѣнить своего отношенія къ іюльской монархіи. Вскорѣ между Австріей и Франціей даже состоялось соглашеніе по итальянскому вопросу. Именно въ 1838 г. Австрія объявила французскому правительству, что отзываетъ свои войска изъ папской области, и предложила ему отозвать и свой отрядъ изъ Анконы [1]). Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ исполнить это требованіе по существу дѣла, но не желая, чтобы этотъ шагъ былъ истолкованъ въ смыслѣ уступки, сдѣланной Австріи, французское правительство обратилось къ папѣ Григорію XVI съ совѣтомъ дать своимъ подданнымъ нѣкоторыя реформы и съ предложеніемъ выразить благодарность Франціи за то содѣйствіе, которое она оказала папѣ. Однако и тутъ Людовику-Филиппу не удалось добиться своего, такъ какъ папа, по наущенію Меттерниха, отказался исполнить совѣтъ Франціи и выразить ей благодарность.

[1]) Ср. выше, стр. 69.

Внутри страны внѣшняя политика Людовика-Филиппа вызывала крайнее неудовольствіе. Его обвиняли въ томъ, что онъ слишкомъ мало оказывалъ противодѣйствія абсолютнымъ монархіямъ и ронялъ честь и достоинство націи. Французская буржуазія въ вопросахъ внѣшней политики отличалась щепетильностью и шовинизмомъ. Между правящими классами Англіи и Франціи существовалъ рѣзко выраженный антагонизмъ, и поведеніе лондонскаго правительства нерѣдко давало поводъ французамъ нападать на Людовика-Филиппа, котораго Англія не разъ ставила въ неловкое положеніе. Въ сущности, буржуазія была настроена такъ же мирно, какъ и ея король, но она не одобряла его внѣшней политики, приписывая ей слишкомъ личный, не конституціонный характеръ. Особенно сильно было это неудовольствіе въ 1839 г., и затруднительность положенія Людовика-Филиппа выразилась между прочимъ тѣмъ, что послѣ отставки Моле, сдѣлавшагося крайне непопулярнымъ за свою внѣшнюю политику, король болѣе, нежели два мѣсяца, не могъ образовать новаго министерства.

Эта миролюбивая и заискивающая у другихъ государствъ внѣшняя политика іюльской монархіи подверглась весьма тяжелому испытанію въ 1840 г., когда, казалось, готова была вспыхнуть большая европейская война. Событія, которыя привели къ этому кризису, стояли въ связи съ восточнымъ вопросомъ. Адріанопольскій миръ 1829 г. совершенно подчинилъ Турцію русскому вліянію, и Россія стала играть первенствующую роль на Востокѣ. Между тѣмъ египетскій вице-король Мехеметъ-Али потребовалъ у султана, чтобы тотъ отдалъ ему въ управленіе Сирію, какъ это было ему обѣщано за помощь, оказанную Турціи при усмиреніи греческаго возстанія. Такъ какъ султанъ не исполнялъ этого обѣщанія, то Мехеметъ-Али самовольно занялъ Сирію, продолжая, впрочемъ, признавать себя подданнымъ султана и даже предлагая ему большую сумму денегъ. Когда, однако, султанъ объявилъ его мятежникомъ, онъ съ своимъ войскомъ вступилъ въ Малую Азію и двинулся на Константинополь. Тогда напугавшееся турецкое правительство обратилось за помощью къ русскому императору. Николай I послалъ на защиту Константинополя армію въ 15.000 человѣкъ. Въ благодарность за свое спасеніе Турція согласилась на договоръ съ Россіей, подписанный въ 1833 г. въ Ункіаръ-Скелесси. По этому трактату Оттоманская имперія отдавала себя, въ сущности, подъ протекторатъ Россіи. Между прочимъ Порта въ данномъ случаѣ выразила и свое неудовольствіе противъ Англіи и Франціи, оказавшихъ поддержку притязаніямъ Мехемета-Али. Особенно благопріятствовало послѣднему французское правительство, находившее въ данномъ случаѣ сочувствіе и въ общественномъ мнѣніи страны:

на честолюбиваго и энергичнаго египетскаго намѣстника въ Парижѣ смотрѣли, какъ на вѣрнаго друга Франціи и притомъ какъ на человѣка, которому суждено было возродить Оттоманскую имперію. Изъ Франціи особенно сильно настаивали предъ султаномъ, чтобы онъ согласился на предложеніе Мехемета-Али. Въ Англіи, наоборотъ, возобладало мнѣніе, что слишкомъ поощрять честолюбиваго пашу значитъ только усиливать французское вліяніе на Востокѣ, а потому англійское правительство поставило своею задачею поддерживать цѣлость Оттоманской имперіи. Въ этомъ отношеніи оно шло рука объ руку съ Австріей, Пруссіей и Россіей, которыя уже ранѣе пришли къ той же мысли. Мало того: англійская дипломатія стала подстрекать султана къ отвоеванію Сиріи, и въ 1839 г. турецкое войско вторглось въ Сирію, но только для того, чтобы потерпѣть новое пораженіе. По договору 1833 г. Николай I, собственно говоря, долженъ былъ оказать помощь султану, но Англія этому воспрепятствовала, вступивъ въ переговоры съ Австріей, такъ какъ съ Франціей имѣла слишкомъ различные виды относительно восточныхъ дѣлъ. Узнавъ объ этомъ, Николай I воспользовался представившимся теперь случаемъ, чтобы изолировать Францію, и объявилъ, что отказывается отъ своего права на одностороннее вмѣшательство въ турецкія дѣла, дабы дѣйствовать въ согласіи съ другими державами. Конечнымъ результатомъ этихъ переговоровъ было то, что четыре великихъ державы безъ Франціи заключили между собою и съ султаномъ въ іюлѣ 1840 г. договоръ, по которому Мехемету-Али предлагалось получить Египетъ въ наслѣдственное владѣніе, а часть Сиріи во владѣніе пожизненное, причемъ державы обязывались силою заставить Мехемета-Али подчиниться этому требованію. Во Франціи все еще льстили себя надеждою, что въ восточномъ вопросѣ можно будетъ дѣйствовать въ согласіи съ Англіей, и извѣстіе о томъ, что по этому вопросу состоялось соглашеніе между Англіей и Россіей, къ которымъ примкнули Австрія и Пруссія, было сильнымъ ударомъ, нанесеннымъ французской дипломатіи. Франція была, такъ сказать, исключена изъ концерта великихъ державъ. Ея союзница Англія вступала въ соглашеніе съ государемъ, который проявлялъ непреклонность въ своемъ непріязненномъ отношеніи къ іюльской монархіи. Австрія и Пруссія, передъ которыми Людовикъ-Филиппъ такъ заискивалъ, ради дружбы съ которыми готовъ былъ итти на всевозможныя уступки, были тоже во враждебномъ лагерѣ. Международное положеніе Франціи въ 1840 г. было то же самое, въ какомъ она находилась за четверть вѣка передъ тѣмъ въ 1815 г., когда она была одна, а противъ нея была коалиція Англіи, Австріи, Пруссіи и Россіи. Въ ультиматумѣ, предъявленномъ въ 1840 г. этими державами союзнику

Франціи, и правительство, и страна должны были видѣть какъ бы ультиматумъ, предъявленный самой Франціи. И это вызвало кризисъ, весьма опасный для европейскаго мира.

Правда, меморандумъ, въ которомъ державы объявляли Франціи о своемъ рѣшеніи, позолотилъ пилюлю, такъ какъ въ немъ было сказано, что, конечно, отдѣленіе державъ отъ Франціи только временное, что оно не нарушитъ прежнихъ дружескихъ отношеній и что державы даже просили бы Францію оказать имъ свое нравственное содѣйствіе, употребивъ вліяніе на Мехемета-Али, чтобы онъ принялъ предложенныя ему условія. Но Людовикъ-Филиппъ былъ до крайности раздраженъ этимъ сообщеніемъ. „Уже десять лѣтъ, говорилъ онъ, я создаю плотину противъ революціи насчетъ своей популярности, своего спокойствія, даже безопасности своей жизни. Они мнѣ обязаны европейскимъ миромъ, безопасностью своихъ троновъ, и вотъ какова ихъ благодарность! Или они хотятъ непремѣнно, чтобы я надѣлъ на себя красный колпакъ!“ [1]). Особенно былъ раздраженъ Людовикъ-Филиппъ противъ Австріи и Пруссіи. „Вы совсѣмъ неблагодарные люди, сказалъ онъ представителямъ обѣихъ этихъ державъ. Вы хотите войны и вы ее получите. Если будетъ нужно, я спущу тигра съ цѣпи. Меня онъ знаетъ, и я умѣю съ нимъ играть. Посмотримъ, такъ ли онъ будетъ съ вами обходиться, какъ со мной“. Но это раздраженіе уступило весьма скоро мѣсто иному настроенію, именно тому настроенію, которое съ самаго начала опредѣляло всю внѣшнюю политику Людовика-Филиппа: миръ во что бы то ни стало долженъ былъ быть сохраненъ, такъ какъ война все-таки была бы большимъ рискомъ для новой династіи. Однако, Людовикъ-Филиппъ и впослѣдствіи, какъ самъ признавался въ интимномъ кругу, считалъ нужнымъ кричать громче Тьера (тогдашняго министра), дабы не сдѣлаться „самымъ непопулярнымъ человѣкомъ“ и дабы застращать, если возможно, обѣ нѣмецкія державы. Своему посланнику въ Вѣнѣ онъ сообщалъ конфиденціально, что не позволитъ „завлечь себя слишкомъ далеко своему маленькому министру [2]). Въ сущности, писалъ онъ, Тьеръ хочетъ войны, а я ея не хочу, и когда онъ мнѣ не оставитъ другихъ способовъ, я скорѣе брошу его, чѣмъ порву со всей Европой“. Дѣйствительно, Тьеръ очень рѣшительно заявлялъ, что, если уже на то пошло, Франція будетъ воевать. Впрочемъ, войны во что бы то ни стало онъ не желалъ, и въ концѣ концовъ не считалъ ея неизбѣжной. Если бы Людовикъ-Филиппъ не сталъ кричать громче

[1]) Фригійская шапка, сдѣлавшаяся республиканскимъ символомъ въ эпоху первой революціи. См. т. III, стр. 571.

[2]) Тьеру, который отличался очень малымъ ростомъ.

Тьера, если бы онъ осмѣлился высказывать свои настоящія мысли, самъ онъ могъ бы быть низвергнутъ съ престола: до такой степени сильно было общественное возбужденіе во Франціи, вызванное союзомъ четырехъ державъ, ибо въ немъ французы видѣли и оскорбленіе, и угрозу. Людовикъ-Филиппъ очень хорошо понималъ, что на этой почвѣ могутъ разыграться революціонныя страсти и что воинственное настроеніе, овладѣвшее его подданными, можетъ найти исходъ только въ новой революціонной пропагандѣ силою оружія. За десять лѣтъ передъ тѣмъ во Франціи уже было весьма сильно подобное настроеніе, но тогда онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы не дать этому настроенію подчинить себѣ внѣшнюю политику правительства. И теперь у него не было основанія измѣнять своимъ принципамъ. Но и опасно было вмѣстѣ съ тѣмъ открыть свои карты въ виду рѣшительныхъ намѣреній министерства и воинственнаго настроенія націи. Вотъ почему дѣла приняли такой оборотъ, какъ будто Франція дѣйствительно была наканунѣ войны съ цѣлой европейской коалиціей.

Французскія газеты второй половины 1840 г., и притомъ даже наиболѣе умѣренныя изъ нихъ, пополнялись статьями крайне воинственнаго содержанія, статьями, проповѣдовавшими необходимость пересмотра трактатовъ 1815 г., возвращенія Франціи рейнской границы, борьбы съ новымъ Священнымъ союзомъ. Въ театрахъ постоянно требовали пѣнія марсельезы, которая каждый разъ встрѣчалась энтузіазмомъ публики. Происходили манифестаціи и другого рода. Договоръ четырехъ державъ былъ подписанъ всего за нѣсколько дней передъ десятилѣтнимъ юбилеемъ іюльской революціи, празднованіе котораго было ознаменовано открытіемъ іюльской колонны и перенесеніемъ останковъ іюльскихъ жертвъ въ склепъ, устроенный подъ колонною. Это торжество дало поводъ для весьма внушительной манифестаціи со стороны національной гвардіи, громко требовавшей войны. Собственно говоря, именно это воинственное настроеніе французовъ и внушило мысль принцу Людовику Наполеону Бонапарту совершить свою вторую попытку низвергнуть іюльскую монархію [1]), что̀, конечно, тоже не могло не испугать Людовика-Филиппа. Дѣйствія министерства Тьера гармонировали съ этимъ общественнымъ настроеніемъ, хотя король, съ своей стороны, началъ принимать мѣры къ тому, чтобы предотвратить войну и добиться включенія Франціи въ союзъ великихъ державъ. Черезъ бельгійскаго короля Леопольда, женатаго на его дочери и пользовавшагося расположеніемъ лондонскаго двора, онъ хлопоталъ о томъ, чтобы Франція была присоединена къ этому союзу, и бельгійскій король, боявшійся за свое маленькое королев-

[1]) См. выше, стр. 142—143.

ство, которое могло бы быть легко присоединено къ Франціи въ случаѣ новой революціонной войны, сильно старался въ пользу своего тестя. Но Пальмерстонъ и слышать не хотѣлъ о какой бы то ни было сдѣлкѣ, которая измѣняла бы смыслъ договора четырехъ державъ. Уже въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля Тьеръ получилъ отъ короля ордонансъ, призывавшій подъ знамена внушительныя военныя силы. Затѣмъ начали энергично заготовлять военные запасы, снаряжать флотъ, вооружать крѣпости. Въ серединѣ сентября новымъ королевскимъ ордонансомъ,—такъ какъ палаты не были тогда въ сборѣ,—открывался кредитъ въ 100.000.000 фр. для возведенія фортификацій вокругъ Парижа. Чтобы застращать иностранныя правительства, министерство не принимало никакихъ мѣръ противъ народныхъ демонстрацій, хотя ими пользовались для своихъ цѣлей вожди оппозиціонныхъ партій. Недаромъ въ это же самое время во Франціи началась агитація въ пользу избирательной реформы,—агитація, оказавшаяся впослѣдствіи роковою для іюльской монархіи. И французская дипломатія заговорила въ это время весьма рѣшительно, хотя Тьеръ главнымъ образомъ думалъ только выиграть время путемъ переговоровъ и откладывалъ начало войны до весны. Онъ полагалъ, что Мегеметъ-Али удержитъ занятую позицію, что Пруссія не тронется съ мѣста, что борьба предстоитъ непосредственно съ Австріей и главнымъ образомъ въ Италіи, которую легко было бы революціонировать. Но онъ во многомъ ошибался. Въ Германіи и особенно въ Пруссіи воинственный задоръ французовъ разбудилъ дремавшее національное чувство. Наоборотъ, Австрія очень не желала войны, и Меттернихъ даже прямо давалъ знать Людовику-Филиппу, что если онъ хочетъ доказать свои миролюбивыя чувства, то пусть дастъ отставку такому министру, какъ Тьеръ. Но Людовикъ-Филиппъ уже и самъ подумывалъ о томъ, чтобы отдѣлаться отъ министра, рѣшительность котораго онъ находилъ излишнею. Въ октябрѣ 1840 г. на жизнь короля было совершено одно изъ покушеній, которыхъ было такъ много при Людовикѣ-Филиппѣ [1]). Каждый разъ въ народной массѣ это усиливало популярность короля. Теперь онъ и воспользовался благопріятнымъ моментомъ, чтобы отдѣлаться отъ Тьера. Въ концѣ того же мѣсяца должна была открыться сессія палатъ, и Тьеръ представилъ королю проектъ тронной рѣчи, но Людовикъ-Филиппъ нашелъ ее слишкомъ воинственною, предложивъ съ своей стороны другой текстъ этой рѣчи. Результатомъ этого разногласія была отставка Тьера и его товарищей. Образованіе новаго министерства было поручено маршалу Сульту, настоящимъ же его главою съ самаго начала былъ Гизо, призванный къ завѣдованію

[1]) См. выше, стр. 140.

иностранными дѣлами [1]). Любопытно, что до этого Тьеръ уже два раза подавалъ въ отставку, но она не принималась, и даже не только король, но и королева умоляли Тьера не оставлять ихъ ради спасенія династіи. Тьеръ дѣлалъ уступки правительству, чѣмъ возбуждалъ противъ себя общественное мнѣніе, начинавшее все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ недовѣріемъ относиться къ правительству.

Новое министерство отличалось характеромъ консервативнымъ и миролюбивымъ, т.-е. вполнѣ соотвѣтствовало настроенію Людовика-Филиппа и тому, что̀ давно ему совѣтовалъ Меттернихъ. Людовикъ-Филиппъ не особенно любилъ Гизо, который уже ранѣе бывалъ министромъ, въ данный же моментъ занималъ постъ французскаго посланника въ Лондонѣ: очень многіе думали, что новое министерство будетъ непрочно подобно всѣмъ предыдущимъ министерствамъ. На дѣлѣ вышло совсѣмъ не такъ: „министерство 29 окт. 1840 г.“ держалось у власти во весь второй періодъ іюльской монархіи [2]), когда вся внутренняя и внѣшняя политика французскаго правительства направлялась полнымъ единодушіемъ короля, министерства и большинства обѣихъ палатъ. Опасный кризисъ былъ пережитъ. Гизо поставилъ своею задачею возстановить миръ между іюльскою монархіею и остальной Европой. Какова была его внутренняя политика, мы еще увидимъ это впослѣдствіи. Если Пальмерстонъ продолжалъ держаться прежняго вызывающаго образа дѣйствій, то Меттернихъ, наоборотъ, готовъ былъ всячески содѣйствовать Гизо въ исполненіи поставленной имъ себѣ задачи. Пруссія безъ Австріи не рѣшалась на войну, которая должна была бы разыграться на Рейнѣ. И вотъ обѣ державы, несмотря на оппозицію со стороны Россіи и крайнее неудовольствіе Англіи, сами начинаютъ хлопотать о томъ, чтобы Франція была принята въ европейскій концертъ. Подъ ихъ вліяніемъ четверной союзъ уже въ началѣ 1841 г. согласился смягчить свои требованія въ восточномъ вопросѣ, и между Франціей, съ одной стороны, и четырьмя державами, съ другой, начались переговоры въ болѣе миролюбивомъ тонѣ. Мало того: между Франціей и Англіей возобновилось болѣе тѣсное сближеніе, и въ періодъ времени 1843—1845 гг. англійская королева Викторія дважды посѣтила Францію, а Людовикъ-Филиппъ побывалъ въ Англіи. Этому новому сближенію весьма сильно содѣйствовало и то обстоятельство, что въ Англіи около этого времени либеральное министерство должно было уступить мѣсто министерству консервативному. „Сердечное согласіе“, о которомъ оффи-

[1]) См. выше, стр. 140.

[2]) См. выше, стр. 115, гдѣ говорится о двухъ періодахъ въ царствованіе Людовика-Филиппа.

ціально стали говорить оба правительства, соединяло, однако, только правительства, потому что обѣ націи, наоборотъ, продолжали относиться одна къ другой попрежнему враждебно. Независимо отъ этого, іюльская монархія продолжала стремиться къ тому, чтобы дѣйствовать въ полномъ согласіи съ вѣнскимъ дворомъ, хотя и Людовикъ-Филиппъ, и Гизо очень хорошо понимали, что слишкомъ явная дружба съ Австріей могла постоянно создавать непріятности и затрудненія правительству внутри страны. Мы видѣли, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1834—1840) Людовикъ-Филиппъ постоянно стремился войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ Австріей; Гизо продолжалъ ту же политику и сносился съ Меттернихомъ по наиболѣе важнымъ вопросамъ политики. Общее броженіе, происходившее въ сороковыхъ годахъ и грозившее установившимся порядкамъ, одинаково безпокоило и Гизо, и Меттерниха. И это безпокойство внушало имъ обоимъ одинаковый образъ дѣйствій въ духѣ строгаго консерватизма и упорнаго сопротивленія какимъ бы то ни было попыткамъ измѣнить установившіяся отношенія. Такъ кончился кризисъ 1840 г. въ то самое время, какъ и внутри Франціи, повидимому, заглохли послѣдніе отголоски іюльской революціи. Политика „сопротивленія“ торжествовала надъ политикой „движенія“.

И восточныя дѣла были улажены. Мегеметъ-Али вынужденъ былъ подчиниться и даже отказаться отъ Сиріи, и вскорѣ послѣ этого (1841) конвенція всѣхъ великихъ державъ съ султаномъ объявила Босфоръ и Дарданеллы закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Франція уже участвовала въ этой конвенціи о проливахъ и такимъ образомъ оказалась снова принятою въ европейскій концертъ. Какъ ни старалось, однако, правительство Людовика-Филиппа поддерживать дружественныя отношенія съ Англіей, все-таки постоянно возникали поводы для новыхъ несогласій. Самыми важными поводами въ серединѣ сороковыхъ годовъ былъ проектъ таможеннаго союза съ Бельгіей и такъ называемые испанскіе браки. Возникновеніе въ Германіи прусскаго таможеннаго союза [1]), заключившаго въ началѣ сороковыхъ годовъ торговые договоры съ Турціей, Англіей и Голландіей, было крайне неблагопріятно для торговыхъ интересовъ Бельгіи, а также и Франціи и вотъ возникла мысль объ образованіи подобнаго же таможеннаго союза между Франціей и Бельгіей, къ которому предполагалось присоединить и Швейцарію. Англія протестовала противъ этого плана, такъ какъ его осуществленіе повлекло бы за собою и политическое подчиненіе Бельгіи сосѣдней съ нею великой державѣ, а это нарушило бы трактаты 1815 г. Французское правительство воз-

[1]) Т. IV, стр. 348 и выше стр. 114, а также въ слѣд. главѣ.

ражало на это, указывая на то, что дозволенное Пруссіи по ту сторону Рейна не можетъ быть запрещено Франціи по сю сторону, но требованіе Англіи было поддержано тремя абсолютными монархіями, и Франція должна была уступить: мысль о франко-бельгійскомъ таможенномъ союзѣ была оставлена (1840). И въ Испаніи снова произошло столкновеніе между планами обоихъ конституціонныхъ государствъ. Людовикъ-Филиппъ, всегда хлопотавшій о томъ, чтобы обогащать и хорошо пристраивать своихъ дѣтей, задумалъ женить одного изъ своихъ сыновей, герцога Монпансье, на младшей сестрѣ молодой испанской королевы и заручился на этотъ счетъ согласіемъ лондонскаго двора, причемъ было рѣшено, что сама Изабелла выйдетъ замужъ за одного изъ бурбонскихъ принцевъ, и какъ только у нея родится ребенокъ, состоится бракъ и герцога Монпансье. Но Франція и Англія имѣли въ виду для Изабеллы разныхъ жениховъ, хотя и родныхъ братьевъ, кузеновъ Изабеллы. Королева-мать, съ своей стороны, не хотѣла ни того, ни другого, и англійскій посланникъ въ Мадридѣ предложилъ ей третьяго — принца Кобургскаго. Изъ-за этого начались несогласія, которыя привели къ формальному разрыву. Пальмерстонъ протестовалъ противъ нарушенія конституціи въ Испаніи, а Франція добилась того, что обѣ дочери Христины одновременно вышли замужъ за жениховъ, выставленныхъ французскимъ правительствомъ. Англія объявила подобный образъ дѣйствій некорректнымъ, и „сердечное согласіе“ съ ея стороны было признано утратившимъ свою силу. Это новое охлажденіе между обѣими конституціонными державами тотчасъ же отразилось на политикѣ, съ одной стороны, абсолютныхъ монархій, съ другой стороны, самой Франціи.

Въ другомъ мѣстѣ будетъ еще итти рѣчь о политическомъ движеніи среди поляковъ въ серединѣ сороковыхъ годовъ. Результатомъ этого движенія было то, что въ началѣ 1846 г. вольный городъ Краковъ снова былъ занятъ военнымъ отрядомъ отъ имени трехъ сосѣднихъ державъ. Вмѣстѣ съ этимъ по иниціативѣ русскаго правительства въ Берлинѣ собралась конференція трехъ державъ, на которой русскій уполномоченный предложилъ присоединеніе Кракова къ Галиціи, т.-е. отдачу его Австріи. Это было нарушеніемъ трактатовъ 1815 г., а потому во Франціи и Англіи имѣли полное основаніе протестовать противъ подобнаго намѣренія. Гизо по этому поводу отправилъ въ Вѣну дипломатическую ноту, а Пальмерстонъ рѣшительно заявилъ въ палатѣ общинъ, что „если вѣнскій трактатъ нехорошъ на берегахъ Вислы, то онъ долженъ быть одинаково дуренъ, какъ на берегахъ Рейна, такъ и на берегахъ По“. Поэтому Австрія, Пруссія и Россія не рѣшились дѣйствовать сразу, и засѣданія конференціи были перенесены въ Вѣну. Абсолютныя монархіи

заявили даже, что это присоединеніе будетъ только временнымъ, и лишь ожидали болѣе благопріятнаго момента для того, чтобы положить конецъ существованію Краковской республики. Такой моментъ наступилъ, когда Франція и Англія поссорились изъ-за испанскихъ браковъ и каждая стала стремиться къ тому, чтобы расположить въ свою пользу три великія державы. Англійское правительство особенно хлопотало, чтобы убѣдить Европу, что Франція желаетъ нарушить политическое равновѣсіе въ свою пользу, подчиняя Испанію своему вліянію. Австрія, а за нею и двѣ другія державы отвѣтили, что, не признавши Изабеллу испанской королевой, они лишены возможности дѣлать ей какія-либо представленія относительно ея брака; этотъ ловкій отвѣтъ въ сущности былъ въ пользу Франціи. Онъ еще болѣе отдалилъ Францію отъ Англіи, наоборотъ, сблизивъ еще болѣе Австрію и Францію. Въ это время Меттерниха, котораго безпокоили первые признаки начинавшихся національныхъ движеній, самъ особенно искалъ сближенія съ французскимъ правительствомъ, расточая передъ Гизо самую неумѣренную лесть. Французскій министръ шелъ навстрѣчу заискиваніямъ Меттерниха. „Мы боремся, писалъ Гизо австрійскому канцлеру, — мы боремся, вы и я, — осмѣливаюсь такъ думать, — чтобы оберечь или излѣчить современныя общества, и въ этомъ заключается нашъ союзъ. Только при содѣйствіи Австріи французской консервативной политикѣ можно успѣшно бороться съ революціоннымъ и анархическимъ духомъ“—(1847). Такимъ образомъ Гизо прямо заявлялъ свою солидарность съ главнымъ представителемъ европейской реакціи съ 1815 г. Понятно, что при такихъ условіяхъ Австрія могла безъ всякихъ затрудненій присоединить къ своимъ владѣніямъ Краковъ, вознаградивъ Россію и Пруссію прирѣзкою къ ихъ владѣніямъ незначительныхъ округовъ. Замѣчательно, что это событіе совершилось всего чрезъ нѣсколько дней послѣ брачныхъ церемоній, имѣвшихъ мѣсто въ Мадридѣ. Правда, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія Гизо предложилъ Пальмерстону сообща протестовать противъ нарушенія международныхъ трактатовъ, но англійскій министръ отклонилъ это предложеніе, и обѣ державы протестовали порознь—прямо, что называется, для очистки совѣсти.

Въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи 1848 г., французскую и австрійскую дипломатію одинаково безпокоили событія въ Швейцаріи и Италіи, и оба правительства стремились поддержать существовавшіе порядки въ то самое время, какъ англійское министерство, наоборотъ, поощряло партіи, добивавшіяся перемѣнъ. Но на самомъ дѣлѣ, стремясь къ одной и той же цѣли, Гизо и Меттернихъ не могли относиться другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ, тѣмъ болѣе, что обоимъ приходилось еще счи-

таться съ неодинаковыми въ обоихъ случаяхъ условіями своего личнаго положенія. Вмѣсто того, чтобы итти рука объ руку, они скорѣе другъ другу мѣшали, нейтрализировали дѣятельность одинъ другого. Гизо и Меттернихъ, можно сказать, соединились между собою только для того, чтобы одновременно упасть въ яму, которая разверзлась предъ ними. Но политика Гизо была въ сущности политикой самого Людовика-Филиппа, а союзъ іюльской монархіи съ главной представительницей политической реакціи въ центрѣ Европы былъ только логическимъ выводомъ изъ того принципа, котораго этотъ король счелъ нужнымъ держаться еще въ 1830 г.

VIII. Реакція тридцатыхъ годовъ въ Германіи [1]).

Репрессивныя мѣры, вызванныя въ Германіи революціонными движеніями начала тридцатыхъ годовъ.—Гамбахскій праздникъ и франкфуртское покушеніе.—Новыя репрессивныя мѣры.—Постановленія вѣнской министерской конференціи.—Стѣсненіе представительныхъ учрежденій.—Отмѣна ганноверской конституціи.—Реакція въ другихъ нѣмецкихъ конституціонныхъ государствахъ.—Цензурныя строгости.—Успѣхи клерикализма.—Церковный споръ въ Пруссіи.—Черты австрійской и прусской реакціи.—Таможенный союзъ.—Возрожденіе національныхъ стремленій.

Броженіе, вызванное въ Германіи іюльской революціей, улеглось не сразу. Мы видѣли, что въ сѣверной Германіи осенью 1830 г. произошло нѣсколько возстаній, имѣвшихъ своимъ результатомъ конституціонныя измѣненія, и что въ южной Германіи оживилась оппозиціонная дѣятельность палатъ [2]). Въ Баденѣ Велькеромъ сдѣлано было даже предложеніе (1832) объ учрежденіи общегерманскаго парламента, но въ общемъ всѣ эти движенія имѣли мѣстный характеръ и не были между собою связаны сколько-нибудь тѣснымъ обра-

---

[1]) Кромѣ соч., указанныхъ въ гл. III, см. *Van Deventer.* Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne. 1870.—*Kaltenborn.* Geschichte der deutschen Bundesverhältnisse und Einheitsbestrebungen. 1857.—*Droysen.* Abhandlungen zur neueren Geschichte. 1876.—*Wirth.* Das Nationalfest der Deutschen zu Hambach. 1832.—*Stricker.* Das Frankfurter Attentat. 1875.—*Grotefend.* Geschichte der allgemeinen landständischen Verfassung des Königreichs Hannover von 1817 bis 1848. 1857.—*Oppermann.* Zur Geschichte des Königreichs Hannover von 1830 bis 1860. 1860—1862.—*Von Natzmer.* Unter den Hohenzollern. Aus der Zeit Friedrich-Wilhelms III. 1878.—*Hase.* Die beiden Erzbischöfe. 1839.—*Mauerenbrecher.* Die preussische Kirchenpolitik und der Kölner Kirchenstreit. 1881.—Литература по исторіи таможеннаго союза указана въ IV т., стр. 348. Кромѣ того, см. *Emile Worms.* L'Allemagne économique ou histoire du Zollverein allemand.

[2]) См. выше, стр. 59 и слѣд.

зомъ. Зато правительства продолжали дѣйствовать солидарно при помощи чисто полицейскихъ мѣръ. Еще 21 мая 1830 г. въ виду уже тогда существовавшаго общественнаго недовольства союзный сеймъ принялъ рядъ мѣръ, дабы остановить общественное волненіе: члены германскаго союза должны были оказывать другъ другу военную помощь и сообщать союзному сейму обо всѣхъ нарушеніяхъ порядка; вмѣстѣ съ этимъ рекомендовалось усилить бдительность цензуры. Въ октябрѣ того же года союзный сеймъ сдѣлалъ постановленіе, запрещавшее подачу какихъ бы то ни было коллективныхъ адресовъ и заявленій по вопросамъ внутренняго устройства Германіи. Эти мѣры были одобрены императоромъ Николаемъ I, приславшимъ за нимъ союзному сейму свою благодарность. Въ то самое время, какъ южно-германскіе либералы не скрывали своего сочувствія къ французамъ и вступали въ сношенія съ эмигрантами, а также съ Франціей, Польшей и Италіей, нѣмецкія правительства готовились къ борьбѣ съ Франціей, для чего Пруссія предложила другимъ членамъ германскаго союза внести въ немъ общую военную организацію. Правда, когда опасность французскаго вторженія миновала, это предпріятіе было оставлено, но оно указывало на то, что когда нѣмецкимъ правительствамъ грозила общая опасность, они умѣли соединяться вмѣстѣ изъ чувства самосохраненія. Внутренній врагъ—революція—безпокоилъ ихъ не менѣе, если не болѣе, внѣшняго врага, какимъ являлась Франція.

Особенно сильно было либеральное настроеніе на Рейнѣ, въ Баденѣ, въ Гессенѣ и преимущественно въ баварскомъ Пфальцѣ. Здѣсь газеты пользовались большею свободою, и представлялась возможность созывать народныя собранія. Нѣсколько публицистовъ взяло на себя задачу распространять идеи политической свободы въ народныхъ массахъ. Особенно на этомъ поприщѣ прославились доктора Виртъ и Зибенпфейфферъ. Имъ-то и принадлежала иниціатива большой политической демонстраціи, устроенной либералами въ концѣ мая 1832 г. въ замкѣ Гамбахѣ недалеко отъ Нейштадта. На это празднество „въ день рожденія баварской конституціи“ собралось около 30.000 народа. Манифестація вышла грандіозная. Говорились зажигательныя рѣчи, провозглашались революціонные тосты—за Германію, за Польшу, за Францію, за каждый народъ, сбрасывающій съ себя цѣпи рабства, за союзъ нѣмецкихъ республикъ, за превращеніе всей Европы въ единую федеративную республику. Среди организаторовъ этого праздника въ честь свободы явилась даже мысль образовать временное правительство для будущей свободной Германіи, но мысль эта въ исполненіе не была приведена. Подобныя же празднества были устроены и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ юго-западной Германіи. Немедленно

послѣ этого происшествія на Гамбахъ двинулся съ войскомъ князь Вреде, и главные агитаторы были арестованы. Гамбахскій праздникъ, конечно, долженъ былъ сильно встревожить нѣмецкія правительства, и Меттернихъ писалъ тогда президенту союзнаго сейма, что, если сумѣть искусно воспользоваться гамбахскимъ происшествіемъ, то отъ этого будетъ большой праздникъ и на улицѣ благонамѣренныхъ людей. Такъ и случилось. Въ концѣ іюня и началѣ іюля того же самаго года союзный сеймъ снова принялъ рядъ реакціонныхъ мѣръ, часть которыхъ была еще въ сентябрѣ 1831 г. выработана Австріей и принята Пруссіей. Однѣ изъ этихъ мѣръ были направлены противъ самостоятельности земскихъ чиновъ, права которыхъ и сфера дѣятельности подлежали всякимъ ограниченіямъ. Съ другой стороны, сеймъ запрещалъ издавать безъ правительственнаго разрѣшенія политическія сочиненія менѣе двадцати листовъ, а также запрещалъ политическіе союзы, народныя собранія и празднества, политическія рѣчи и адресы, равно какъ употребленіе знаменъ, флаговъ, лентъ и кокардъ неустановленныхъ цвѣтовъ. Прежнія постановленія, касавшіяся надзора за университетами [1]), подлежали строгому исполненію. Полиція должна была бдительно наблюдать за поведеніемъ всѣхъ подозрительныхъ людей, между прочимъ и иностранцевъ. Политическіе бѣглецы должны были быть выдаваемы. Всѣ эти мѣры тотчасъ же стали приводиться въ исполненіе. Многія газеты были запрещены, а нѣкоторымъ публицистамъ и впредь не дозволялось издавать газеты. Земскій сеймъ въ курфюршествѣ Гессенъ-Кассельскомъ вздумалъ-было протестовать и за это былъ распущенъ. То же самое случилось и съ вюртембергскимъ ландтагомъ.

Всѣ эти и другія подобныя мѣры только усиливали неудовольствіе оппозиціонныхъ элементовъ. Стали возникать тайныя общества; нѣкоторыя изъ этихъ организацій поставили своею задачею издавать революціонные листки и брошюры. Какъ и за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, политическое броженіе проникло также въ среду университетской молодежи [2]). Стали создаваться планы насильственнаго переворота и даже сдѣлана была попытка совершить подобный переворотъ, овладѣвъ Франкфуртомъ, гдѣ засѣдалъ союзный сеймъ. Вечеромъ 3 апрѣля 1833 г. человѣкъ 50 заговорщиковъ,—большею частью студенты изъ Гейдельберга, Геттингена, Вюрцбурга и Эрлангена, вмѣстѣ съ нѣкоторыми франкфуртскими гражданами и нѣсколькими поляками,—сдѣлали нападеніе на гауптвахту, убили нѣсколько солдатъ и стали призывать народъ къ провозглашенію республики. На помощь за-

[1]) См. т. IV, стр. 365—366.
[2]) См. т. IV, стр. 362 и слѣд.

говорщикамъ должно было явиться около трехсотъ крестьянъ и около такого же количества польскихъ эмигрантовъ изъ Швейцаріи. Но прежде, нежели они подоспѣли, заговорщики встрѣтили сопротивленіе со стороны военнаго отряда и должны были спасаться бѣгствомъ. Отвѣтомъ на франкфуртское покушеніе было образованіе (по сеймовому постановленію 30 іюня того же самаго года) центральной слѣдственной коммиссіи, которая должна была засѣдать въ Франкфуртѣ и состоять изъ австрійскихъ, баварскихъ, вюртембергскихъ и великогерцогско-гессенскихъ членовъ. Хотя компетенція этой коммиссіи и не была столь широкою, какъ компетенція прежней коммиссіи, засѣдавшей въ Майнцѣ [1]), но дѣйствовала она въ сущности совершенно такъ же въ теченіе почти десяти лѣтъ, разыскивая слѣды тайныхъ обществъ и революціонныхъ плановъ, подвергая арестамъ и судебнымъ преслѣдованіямъ сотни разныхъ лицъ и повсемѣстно поощряя шпіонство и доносы. Многіе нѣмецкіе либералы въ эту эпоху лишились своихъ должностей, сажались въ тюрьму на болѣе или менѣе продолжительные сроки и даже приговаривались къ смертной казни, хотя послѣдняя не приводилась въ исполненіе. Военная сила стала пускаться въ ходъ при самыхъ незначительныхъ нарушеніяхъ порядка — и даже въ такихъ случаяхъ, когда и нарушенія порядка никакого не было. Напримѣръ, въ 1833 г. нѣсколько нейштадтскихъ гражданъ устроили маленькую пирушку въ годовщину гамбахскаго празднества и за это подверглись грубому солдатскому нападенію. Понятіе государственной измѣны сдѣлалось до такой степени растяжимымъ, что весьма многіе нѣмцы предпочитали въ эту эпоху эмигрировать за границу, преимущественно въ Швейцарію и во Францію, нерѣдко и въ Америку, изъ простого опасенія быть какъ-нибудь обвиненными въ государственномъ преступленіи. Въ виду того, однако, что Швейцарія сдѣлалась главнымъ убѣжищемъ политическихъ изгнанниковъ, нѣмецкимъ студентамъ стали запрещать ѣздить учиться въ бернскій и цюрихскій университеты. Но правительства не удовольствовались однѣми тѣми мѣрами, которыя были приняты союзнымъ сеймомъ въ 1832 г., и пошли еще далѣе.

Въ 1834 г. по иниціативѣ Меттерниха въ Вѣнѣ съѣхались министры наиболѣе значительныхъ нѣмецкихъ государствъ и составили тайныя постановленія, которыя, вторгаясь въ компетенцію союзнаго сейма, въ то же самое время наносили ударъ конституціоннымъ учрежденіямъ въ тѣхъ германскихъ земляхъ, въ которыхъ таковыя существовали. Союзный сеймъ не протестовалъ противъ постановленій вѣнской министерской конференціи и даже, насколько отъ него за-

[1]) См. т. IV, стр. 365.

висѣло, содѣйствовалъ ихъ проведенію въ жизнь. Первыми параграфами (1—14) этого акта учреждался для разбора пререканій между нѣмецкими государями и земскими чинами третейскій судъ, но до 1848 г. не было ни одного случая, когда бы такой судъ собирался. Слѣдующими затѣмъ статьями (15—27) ограничивались права земскихъ чиновъ. Правительствамъ запрещалось расширять компетенцію земскихъ чиновъ и предписывалось распускать сеймы, которые стали бы отказывать союзному сейму въ необходимыхъ средствахъ или не хотѣли бы утверждать налоги. Вмѣстѣ съ этимъ земскіе чины лишались права обсуждать постановленія союзнаго сейма и чѣмъ бы то ни было стѣснять дѣятельность мѣстныхъ правительствъ, напримѣръ, давая согласіе на налоги подъ условіемъ исполненія какихъ-либо требованій. Правительства не должны были, кромѣ того, терпѣть, чтобы военные приносили присягу конституціи. Особыми параграфами (28—37) установлялись правила, которымъ должна была подвергнуться печать. Отдѣльнымъ правительствамъ предлагалось по возможности сокращать число политическихъ газетъ, давать разрѣшенія на изданіе новыхъ газетъ лишь вполнѣ благонадежнымъ лицамъ, да и то съ оговоркой, что данное разрѣшеніе можетъ быть всегда взято назадъ. Вмѣстѣ съ этимъ усиливались цензурныя строгости, и, напримѣръ, дозволеніе напечатать книгу, данное въ одномъ государствѣ, еще не рѣшало вопроса объ ея свободномъ обращеніи въ другихъ государствахъ. Должно было требоваться также разрѣшеніе цензуры для печатанія отчетовъ о засѣданіяхъ земскихъ сеймовъ во всѣхъ вообще нѣмецкихъ государствахъ. Такой же характеръ имѣли параграфы (38—54), касавшіеся университетовъ, профессоровъ и студентовъ, подчинявшихся особенно строгому надзору правительственныхъ коммиссаровъ. Послѣдними параграфами опредѣлялся порядокъ введенія новыхъ правилъ, большая часть которыхъ должна была храниться въ секретѣ, и опредѣлялся срокъ ихъ дѣйствія шестью годами. Въ 1841 г. дѣйствіе этихъ постановленій было продолжено еще на шесть лѣтъ. Реакція, предводимая Австріей и Пруссіей, дѣйствовала вполнѣ солидарно, пользуясь вдобавокъ поддержкою со стороны Россіи, особенно благодаря свиданіямъ трехъ монарховъ въ 1833 и 1835 гг. [1]).

Преимущественно въ прусскихъ придворныхъ и военныхъ кругахъ все болѣе и болѣе утверждалась мысль о томъ, что только въ тѣсномъ союзѣ съ русскимъ императоромъ Пруссія можетъ имѣть какое-либо будущее, и что Россія же является главною опорою всѣхъ консервативныхъ интересовъ. Строго консервативная политика обѣихъ большихъ нѣмецкихъ монархій оказала свое вліяніе и въ тѣхъ ча-

[1]) См. выше, стр. 70—71.

стяхъ Германіи, въ которыхъ существовали конституціонныя учрежденія. Мѣстныя правительства предпринимали самыя разнообразныя мѣры для того, чтобы ослабить представительныя учрежденія. При выборахъ въ палаты пускались въ ходъ административное давленіе, подкупы, застращиванія. Разными способами старались не допускать въ палаты сколько-нибудь независимыхъ людей, и, напримѣръ, въ Баваріи было признано, что адвокаты, врачи, члены городскихъ магистратовъ находятся на государственной службѣ и потому могутъ исполнять обязанности депутатовъ лишь съ дозволенія начальства. Права, признанныя за представительными учрежденіями, подвергались разнаго рода урѣзыванію и даже дѣлались предметомъ спора, а если большинство выражало свое сочувствіе къ какому-либо проекту, который былъ непріятенъ для правительства, то палату распускали, причемъ выборы подвергались всякимъ стѣсненіямъ, лишь бы только новое большинство было благопріятно министерству. Правда, въ этихъ фактахъ не было ничего новаго сравнительно съ предшествовавшей эпохой [1]), но они, несомнѣнно, усилились. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ случаи стѣсненія политической свободы въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, которыя пользовались конституціонными учрежденіями, тѣмъ болѣе, что бо̀льшая часть этихъ случаевъ проходила, такъ сказать, безслѣдно. Только одинъ эпизодъ въ этой борьбѣ противъ представительныхъ собраній надѣлалъ большого шума.

Въ Ганноверскомъ королевствѣ, получившемъ конституцію въ 1833 г. [2]), произошла въ 1837 г. важная перемѣна. Именно въ этомъ году умираетъ король Вильгельмъ I, который, кромѣ того, царствовалъ въ Англіи подъ именемъ Вильгельма IV. Такъ какъ законы о престолонаслѣдіи въ Англіи и Ганноверѣ были различные, а у покойнаго короля не было прямого потомства, то англійская и ганноверская короны, соединенныя на одной и той же головѣ съ 1714 г. [3]), достались теперь разнымъ лицамъ. Въ Англіи воцарилась племянница короля, юная принцесса Викторія, а въ Ганноверѣ сдѣлался королемъ ея дядя герцогъ Кумберландскій Эрнстъ-Августъ. Новый король не захотѣлъ признать только-что за четыре года передъ тѣмъ введенной конституціи. Извѣщая подданныхъ о вступленіи своемъ на престолъ, онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не считаетъ для себя обязательнымъ государственный законъ 1833 г., какъ нарушающій права верховной власти и притомъ изданный безъ согласія принцевъ

---

[1]) См. т. IV, стр. 355 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 60.

[3]) См. т. III, стр. 59 и 63.

королевскаго дома. Послѣднее утвержденіе было прямо неправильно. На самомъ дѣлѣ, будучи еще герцогомъ Кумберландскимъ, Эрнстъ-Августъ далъ свое согласіе на новую конституцію и на включеніе доменовъ въ государственныя имущества, взамѣнъ чего король долженъ былъ получать опредѣленное содержаніе изъ государственной казны. Воспитанный въ строго торійскихъ принципахъ, грубый и необразованный, новый ганноверскій король отличался вдобавокъ лживостью и расточительностью. Одинъ изъ его клевретовъ, бывшій въ то же время вождемъ дворянской партіи, Шееле увѣрилъ его, что государственный законъ 1833 г. имѣетъ демократическій характеръ. Съ другой стороны, ему хотѣлось вполнѣ распоряжаться доменами, какъ своею частною собственностью, потому что ему нужны были деньги для уплаты многочисленныхъ долговъ, которые онъ успѣлъ надѣлать раньше. Объявляя о недѣйствительности конституціи, утвержденной его преемникомъ, Эрнстъ-Августъ разрѣшалъ отъ присяги на вѣрность ей всѣхъ „королевскихъ слугъ“, какъ оффиціально были при этомъ названы ганноверскіе чиновники. Вмѣстѣ съ этимъ возстановлялось старое государственное устройство 1819 г., дававшее перевѣсъ дворянству и чиновничеству. Этотъ государственный переворотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на страну; но общественная жизнь такъ мало была развита, что фактически отмѣна королемъ конституціи была принята безпрекословно. На защиту попраннаго права рѣшились лишь семь ученыхъ, занимавшихъ въ то время разныя каѳедры въ геттингенскомъ университетѣ. Считая себя связанными присягою на вѣрность отмѣненной конституціи, они составили и опубликовали свой протестъ, произведшій значительное впечатлѣніе въ Германіи и за ея предѣлами.

Эти профессора были крупные представители науки: филологи братья Гриммы, историки Дальманнъ, Гервинусъ и Эвальдъ, юристъ Альбрехтъ и физикъ Вильгельмъ Веберъ. Результатомъ этого протеста было то, что королевскимъ рескриптомъ они увольнялись отъ своихъ должностей, а трое изъ нихъ (Дальманнъ, Яковъ Гриммъ и Гервинусъ) въ три дня должны были оставить страну. Главнымъ иниціаторомъ этого протеста былъ Дальманнъ, которому принадлежала и его редакція, и онъ на этомъ еще не остановился, издавъ потомъ въ защиту свою и своихъ товарищей особую брошюру. Въ ней онъ указывалъ на то, что дѣло касается не одного Ганновера, а всей Германіи и ея будущаго. „Я, говорилъ онъ здѣсь между прочимъ, веду борьбу за безсмертнаго короля, за закономѣрную волю правительства, пользуясь оружіемъ закона противъ того, что въ данную минуту предпринимаетъ смертный король въ полномъ несогласіи съ существующими законами“. Равнымъ образомъ и Я. Гриммъ написалъ бро-

шюру о своей отставкѣ, въ которой заявилъ, что, пока онъ живъ, онъ будетъ радоваться тому, что поступилъ такимъ образомъ. И другіе протестанты въ особыхъ статьяхъ сочли нужнымъ объяснить свой образъ дѣйствій; но правительство конфисковало подобныя заявленія. Всѣмъ этимъ общественное мнѣніе Германіи было весьма сильно возбуждено. Въ пользу отставленныхъ профессоровъ дѣлалась подписка, и многіе хлопотали о томъ, чтобы найти для нихъ новое поле дѣятельности. За братьевъ Гриммовъ горою стоялъ Савиньи, желавшій видѣть ихъ въ берлинскомъ университетѣ, но ему не удалось достигнуть своей цѣли. Только Альбрехтъ получилъ мѣсто въ Лейпцигѣ, да Эвальдъ въ Тюбингенѣ. Даже многіе консервативно настроенные люди выражали свое сочувствіе „семи геттингенцамъ“, какъ стали звать этихъ профессоровъ.—Въ 1838 г. собрался въ Ганноверѣ сеймъ, избранный на основаніи закона 1819 г.; но когда земскіе чины сдѣлали заявленіе, что не признаютъ себя въ правѣ считать государственный законъ 1833 г. отмѣненнымъ, имъ предписано было разойтись. Обращеніе нѣкоторыхъ противниковъ ганноверскаго государственнаго переворота къ союзному сейму также не привело ни къ чему, ибо союзный сеймъ объявилъ, что это касается внутреннихъ дѣлъ Ганновера, въ которыя онъ не имѣетъ права вмѣшиваться. Только южно-германскія государства съ Баваріей во главѣ высказались за то, чтобы въ Ганноверѣ былъ возстановленъ законный порядокъ. Съ особенною энергіей сталъ въ это время защищать отмѣненную ганноверскую конституцію оснабрюкскій бургмейстеръ Штюфе, запросившій по этому вопросу мнѣнія нѣкоторыхъ юридическихъ факультетовъ (іенскаго, гейдельбергскаго и тюбингенскаго). Такъ какъ эти факультеты высказались не въ пользу ганноверскаго правительства, то было нѣсколько случаевъ отказа платить налоги по требованію этого правительства; но послѣднее прибѣгло къ описи имущества такихъ протестантовъ. Въ сеймѣ, который нѣсколько разъ собирался и снова распускался, точно такъ же возникла оппозиція, но правительство не обращало на нее никакого вниманія. Напримѣръ, когда весьма многіе сеймовые депутаты заявили, что они не могутъ засѣдать въ собраніи, избранномъ противозаконно, правительство замѣнило ихъ другими членами, не имѣвшими большинства голосовъ на выборахъ. Мало-по-малу оно добилось своего, и въ августѣ 1840 г. ганноверскіе земскіе чины самымъ незначительнымъ большинствомъ утвердили новый государственный законъ, отмѣнявшій конституцію 1833 г. По вопросамъ законодательнымъ за ганноверскимъ ландтагомъ признавалось теперь только право высказывать свое мнѣніе, да и то засѣданія сдѣланы были не публичными. Отъ каждаго депутата требовалось, чтобы онъ до вступленія своего въ

составъ сейма заявлялъ, что безусловно признаетъ этотъ основной государственный законъ 1840 г. Отвѣтственность министровъ совершенно отмѣнялась, а домены отдавались въ полное распоряженіе короля. Противъ протестантовъ, а въ ихъ числѣ и противъ Штюфе, были начаты разныя гоненія. Въ концѣ концовъ Эрнсту-Августу удалось достигнуть совершеннаго прекращенія какой бы то ни было оппозиціи въ своемъ королевствѣ; но въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ нарушеніе ганноверской конституціи долго еще служило предметомъ горячихъ дебатовъ и протестовъ.

Нѣчто подобное происходило и въ Гессенъ-Касселѣ, который въ 1831 г. получилъ довольно либеральную конституцію [1]). Въ 1832 г. во главѣ управленія въ этомъ государствѣ сталъ министръ Гассенфлугъ, который проводилъ въ жизнь идею абсолютизма. Преемники его дѣйствовали въ томъ же направленіи. Даже въ южно-германскихъ государствахъ, гдѣ конституціонные порядки введены были гораздо ранѣе, правительства всячески стѣсняли ихъ дѣятельность. Въ министерство Абеля (1837 — 1848) въ Баваріи прямо ожидали низверженія конституціи, подобно тому, какъ это случилось въ Ганноверѣ. Быть можетъ, только слишкомъ послушное поведеніе палатъ спасало баварскую конституцію отъ уничтоженія. Въ Вюртембергѣ, гдѣ реакція имѣла сравнительно-умѣренный характеръ, сеймы въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ тоже вели себя довольно покорно. Нѣкоторое оживленіе политической жизни наблюдалось только въ Баденѣ, гдѣ сформировалась весьма значительная либеральная партія, игравшая видную роль на сеймахъ и даже оказывавшая вліяніе на правительство. Но и здѣсь въ 1838 г., когда во главѣ министерства сталъ баронъ Блиттерсдорфъ, началась реакція, сопровождавшаяся довольно частыми нарушеніями конституціи. Но эта реакція только обострила оппозицію, которая въ сороковыхъ годахъ выдѣлила изъ своей среды особую радикальную партію. Наконецъ, и въ Гессенъ-Дармштадтѣ, и въ герцогствѣ Нассаускомъ министры, пользовавшіеся довѣріемъ своихъ государей, не обращали никакого вниманія на земскіе сеймы, совершали постоянныя нарушенія конституціонныхъ законовъ и принимали всякія произвольныя мѣры противъ непріятныхъ имъ людей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ правительства среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ пользовались сочувствіемъ, поддержкою и даже помощью главнаго представителя общенѣмецкой реакціи, Меттерниха. Пруссія, находившаяся снова въ союзѣ съ Австріей, въ общемъ благопріятствовала такому реакціонному направленію внутренней политики среднихъ и мелкихъ

[1]) См. выше, стр. 60.

нѣмецкихъ государствъ. Императоръ Николай I, съ своей стороны, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, и, напримѣръ, въ борьбѣ изъ-за ганноверской конституціи сочувствіе его было всецѣло на сторонѣ Эрнста-Августа.

Подобно тому, какъ это было и въ предшествовавшій періодъ, и въ описываемую эпоху со стороны правительствъ предпринимались разныя мѣры противъ печати и университетскаго преподаванія. Въ обоихъ отношеніяхъ тридцатые и сороковые года обильны всякаго рода преслѣдованіями и запрещеніями. Съ случаями подобнаго рода мы встрѣчаемся въ большей части нѣмецкихъ государствъ. Въ Саксоніи съ особою силою выразилось это направленіе въ сороковыхъ годахъ, когда, напримѣръ, былъ запрещенъ журналъ Арнольда Руге (Deutsche Jahrbücher). Въ Гессенъ-Кассель большого шума надѣлала отставка марбургскаго профессора юриспруденціи Іордана (1839). Обвиненный въ государственной измѣнѣ на основаніи самыхъ незначительныхъ уликъ, онъ былъ посаженъ на четыре года въ тюрьму, послѣ чего былъ приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію въ крѣпости за „содѣйствіе попыткѣ государственной измѣны тѣмъ, что не воспротивился преступному предпріятію посредствомъ доноса“. Въ Баваріи, гдѣ реакція получила прямо клерикальный характеръ, на нѣкоторое время закрывали мюнхенскій университетъ изъ-за самыхъ незначительныхъ безпорядковъ, имѣвшихъ въ немъ мѣсто. Введенная Абелемъ цензура была столь же строга, какъ и австрійская, потому что этотъ министръ считалъ печать самой подлой блудницей, а въ журналистахъ видѣлъ извергов рода человѣческаго. Профессорская дѣятельность даже такихъ людей, какъ Шеллингъ и Баадеръ, подвергалась всевозможнымъ стѣсненіямъ. Только строго католическое направленіе пользовалось поддержкою, а нѣкоторые профессора прямо фанатизировали студентовъ. Въ Вюртембергѣ печать и университетское преподаваніе тоже подвергались стѣсненіямъ и въ числѣ профессоровъ, вообще отставленныхъ въ эту эпоху отъ должности, былъ знаменитый тюбингенскій профессоръ Робертъ Моль (1845). Къ подобнаго же рода фактамъ относятся въ Баденѣ закрытіе фрейбургскаго университета и увольненіе профессоровъ Роттека и Велькера (1832). Упоминавшійся выше Блиттерсдорфъ ввелъ въ Баденѣ весьма строгую цензуру. Особенныя стѣсненія повсемѣстно встрѣчали сколько-нибудь независимыя газеты. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ формально запрещалось обсуждать внутреннія дѣла. Непріятныя газеты почта отказывалась пересылать подписчикамъ и вслѣдствіе этого, равно какъ вслѣдствіе судебныхъ преслѣдованій, многія изданія должны были прекратиться. Бывали даже случаи, что подвергались наказанію издатели сочиненій, пропущенныхъ цензурой.

Нѣкоторыя издательскія фирмы были прямо на дурномъ счету у властей, и дѣятельности такихъ фирмъ устраивали всякаго рода препятствія. Особенно, напримѣръ, любопытно то, что въ 1835 г. союзный сеймъ наложилъ свой интердиктъ на сочиненія нѣкоторыхъ писателей не только вышедшія, но и на тѣ, которыя могли бы только выйти впослѣдствіи. Въ этотъ списокъ попали представители такъ называемой „молодой Германіи", въ ихъ числѣ Гейне и Гутцковъ: всѣ они оффиціально были признаны писателями крайне опасными. Любопытно еще, что въ Баваріи за проступки по дѣламъ печати приговаривали, между прочимъ, къ публичному покаянію передъ портретомъ короля.

Эта реакція въ католическихъ странахъ, особенно въ Баваріи и въ прирейнскихъ земляхъ принимала совершенно клерикальный, ультрамонтанскій характеръ. Нѣмецкій католицизмъ конца XVIII и начала XIX в. отличался довольно либеральнымъ характеромъ, и католическое духовенство въ тѣхъ государствахъ, гдѣ населеніе принадлежало къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, вообще было извѣстно своею терпимостью и даже выдѣляло изъ своей среды людей, которые хорошо относились къ протестантскимъ пасторамъ и не прочь были ввести нѣкоторыя реформы въ католическую церковь, напримѣръ, бракъ священниковъ, богослуженіе на народномъ языкѣ и т. п. Но къ началу тридцатыхъ годовъ поколѣніе католическихъ священниковъ, воспитанное въ болѣе широкихъ взглядахъ, начало сходить со сцены и уступать мѣсто людямъ, выросшимъ уже подъ вліяніемъ общей реакціи противъ идей XVIII в. Власти и дворянство повсемѣстно благопріятствовали притязаніямъ католическаго клира. Даже протестантскіе государи видѣли въ католицизмѣ своего рода опору общественнаго порядка. Въ Баваріи въ министерство Абеля протестантизмъ подвергался всякимъ стѣсненіямъ, и, напримѣръ, въ теченіе семи лѣтъ (1838—1845) протестанты, находившіеся на военной службѣ, должны были, несмотря на всѣ протесты, преклонять колѣна передъ католическими святынями. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ католическое духовенство стало съ особеннымъ фанатизмомъ относиться къ протестантамъ. Особенно вооружилось оно противъ смѣшанныхъ браковъ, весьма часто встрѣчавшихся въ Германіи.

Уже давно установился обычай, по которому сыновья слѣдовали религіи отца, а дочери—религіи матери, если только брачный контрактъ не установлялъ какого-либо особаго условія. Въ нѣкоторыхъ земляхъ съ населеніемъ, принадлежавшимъ обоимъ вѣроисповѣданіямъ, указанный обычай получилъ силу закона. Въ 1825 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III задумалъ распространить на западныя провинціи своей монархіи законъ, господствовавшій въ коренной Пруссіи, по которому

всѣ дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны были воспитываться въ религіи отца, если только предварительно между мужемъ и женой не было особаго соглашенія поступать какъ-нибудь иначе. Епископы рейнскихъ провинцій по этому поводу обратились за указаніями въ Римъ, и папа Пій V въ 1830 г. издалъ бреве, которымъ разрѣшалъ благословлять смѣшанные браки лишь подъ условіемъ, чтобы женихъ и невѣста обязывались воспитывать всѣхъ своихъ будущихъ дѣтей въ католической религіи. Прусское правительство не приняло этого бреве и даже вошло въ тайное соглашеніе съ кельнскимъ архіепископомъ Шпигелемъ, давшимъ согласіе не приводить въ исполненіе папскаго закона, если, съ своей стороны, прусское правительство отмѣнитъ въ прирейнскихъ земляхъ гражданскій бракъ. Но преемникъ Шпигеля Дросте Фишерингъ, отличавшійся крайнимъ католическимъ фанатизмомъ, отказался слѣдовать соглашенію своего предшественника и, кромѣ того, заявилъ притязаніе быть полнымъ господиномъ въ назначеніи и увольненіи профессоровъ богословскаго факультета въ Боннѣ. Тогда прусское правительство отрѣшило архіепископа отъ должности; при этомъ онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Минденскую крѣпость (1837). Изъ-за этого столкновенія въ Германіи возгорѣлась горячая полемика между католиками и протестантами, и обѣ стороны одинаково доказывали, что защищаютъ свободу, одни—свободу церкви отъ произвола свѣтской власти, другіе—свободу нѣмецкой націи отъ римской куріи. Католическое населеніе прирейнской провинціи стало на сторону архіепископа. Примѣру Дросте скоро послѣдовалъ и архіепископъ гнѣзненскій Дунинъ, но и онъ тоже былъ заключенъ въ крѣпость. Однако, прусское правительство весьма скоро пошло на уступки и даже отозвало изъ Рима своего посла Бунзена, который былъ непріятенъ куріи. Фридрихъ-Вильгельмъ III весьма благоволилъ къ своимъ католическимъ подданнымъ, а его преемникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, рѣшился во что бы то ни стало возстановить миръ между государствомъ и церковью. Хотя Дросте и не вернулся болѣе на свою каѳедру, Фридрихъ-Вильгельмъ IV сдѣлалъ католическому духовенству всякія уступки, которыя Дросте съ большимъ удобствомъ могъ потомъ толковать въ смыслѣ полной побѣды церкви. Ультрамонтаны въ Германіи могли теперь повсемѣстно поднять голову. Они стали подражать французскимъ и бельгійскимъ клерикаламъ, которые еще въ эпоху реставраціи поставили своею задачею возвратить церкви господство надъ государствомъ и свѣтскою школою. За отсутствіемъ въ Германіи конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ серьезныхъ политическихъ интересовъ вѣроисповѣдная полемика, вызванная столкновеніемъ между прусской монархіей и католической церковью, сильно занимала нѣмецкое об-

щество и снова возвращала его къ той религіозной розни, отъ которой оно уже начинало освобождаться.

Вообще всей нѣмецкой націи въ эту эпоху задавало тонъ настроеніе, господствовавшее въ обѣихъ большихъ монархіяхъ, въ Австріи и въ Пруссіи. Въ обоихъ этихъ государствахъ послѣ іюльской революціи доживали свои послѣдніе годы монархи, принадлежавшіе къ предыдущимъ историческимъ періодамъ. Въ 1835 г. умеръ императоръ Францъ I, оставивъ престолъ своему сыну Фердинанду I, человѣку весьма недалекому, безхарактерному и вдобавокъ подверженному припадкамъ падучей болѣзни. Такой государь не въ состояніи былъ измѣнить господствующей системы, и Меттернихъ попрежнему оставался у власти. Всѣ средства были пущены въ ходъ, чтобы новый государь не вздумалъ измѣнить политики. Пустили даже въ ходъ завѣщаніе, будто бы составленное покойнымъ императоромъ, и въ этомъ завѣщаніи говорилось, что самое лучшее—не сдвигать съ мѣста ни одной основы государственнаго зданія, ничего не измѣнять и во всемъ полагаться прежде всего на князя Меттерниха. Такъ какъ, однако, въ высшихъ австрійскихъ кругахъ нашлись люди, которые не прочь были занять мѣсто Меттерниха, и это грозило придворными раздорами, то обратились за совѣтомъ къ императору Николаю I, и онъ пріѣзжалъ на свиданіе въ Фердинандомъ I въ Теплицъ (1835), гдѣ и было окончательно рѣшено ничего не измѣнять въ прежней системѣ управленія.

Фридрихъ-Вильгельмъ III умеръ въ 1840 г. Въ послѣдніе годы своего царствованія онъ все сильнѣе и сильнѣе подчинялся принципамъ культурной и политической реакціи. Особенно ревниво оберегалъ онъ права своей верховной власти, стараясь, однако, управлять такъ, чтобы у народа не могло родиться потребности замѣнить старую патріархальную систему новыми конституціонными учрежденіями. И во внутренней, и во внѣшней политикѣ онъ строго придерживался указаній, которыя шли изъ Вѣны и Петербурга. И онъ считалъ нужнымъ во что бы то ни стало поддерживать существующій порядокъ. Еще въ 1827 г. онъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ предостерегалъ своего преемника отъ господствующей вокругъ страсти къ новизнѣ и отъ непрактическихъ теорій, обращающихся въ обществѣ; впрочемъ, къ этому онъ прибавлялъ, что и предпочтеніе къ старинѣ не должно заходить слишкомъ далеко. Внутри онъ рекомендовалъ заботиться о хорошемъ состояніи арміи, во внѣшней политикѣ—крѣпко держаться союза съ Австріей и Россіей. Это завѣщаніе было обнародовано по смерти короля, но въ 1838 г. онъ набросалъ еще проектъ завѣщанія съ нѣкоторыми весьма любопытными подробностями. Залогомъ порядка и законности объявлялись здѣсь существующіе порядки. Король за-

являлъ, что оставляетъ своему преемнику неограниченную власть, и выражалъ желаніе, чтобы ни одинъ будущій государь Пруссіи не измѣнялъ ничего въ ея устройствѣ безъ согласія всѣхъ своихъ агнатовъ. Если бы понадобилось совершить заемъ, который по указу 1820 г. могъ быть сдѣланъ лишь съ гарантіей государственныхъ чиновъ [1]), то послѣдніе должны быть образованы изъ выборныхъ отъ провинціальныхъ сеймовъ и равнаго имъ числа членовъ государственнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго королемъ. Но компетенція такого собранія должна была бы ограничиваться только вопросомъ о займѣ. Этимъ распоряженіямъ Фридрихъ-Вильгельмъ III хотѣлъ придать значеніе фамильнаго закона прусскаго королевскаго дома, и на нихъ дѣйствительно впослѣдствіи ссылался, протестуя противъ конституціонныхъ плановъ Фридриха-Вильгельма IV, принцъ Прусскій, будущій первый германскій императоръ. Такимъ образомъ вотъ къ чему свелись всѣ конституціонныя обѣщанія [2]) Фридриха-Вильгельма III: даже своимъ преемникамъ онъ, такъ сказать, запрещалъ самовольно измѣнять существующее устройство монархіи.

Въ эту эпоху реакціи только въ одной области государственной жизни нѣмецкаго народа совершалась въ высшей степени важная перемѣна, начало которой было, впрочемъ, положено еще въ эпоху реставраціи. Существованіе таможенъ между отдѣльными нѣмецкими государствами крайне неблагопріятно отражалось на внутренней торговлѣ Германіи, и уже около 1820 г. отдѣльныя сосѣднія государства начали вступать между собою въ частные таможенные союзы, изъ которыхъ особенное значеніе получили союзы, заключавшіеся Пруссіей съ нѣкоторыми изъ ея сосѣдей [3]). Несмотря на то, что уничтоженія таможенъ требовали матеріальные интересы отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, политическій партикуляризмъ былъ до такой степени силенъ, что зарождавшійся, благодаря почину Пруссіи, общегерманскій таможенный союзъ съ разныхъ сторонъ встрѣчалъ противодѣйствіе. Особенно недовольна была Австрія, которая постоянно соперничала съ Пруссіей въ дѣлахъ обще-германскаго характера. Въ 1828 г. ей удалось устроить особый торговый союзъ, въ составъ котораго вошли Саксонія, Ганноверъ, Гессенъ, Ольденбургъ, Нассау, Брауншвейгъ и еще нѣкоторыя мелкія княжества, равно какъ вольные города Бременъ и Франкфуртъ. Вызванный только недовѣріемъ къ Пруссіи и къ ея таможенному союзу, этотъ союзъ въ сущности совсѣмъ не объединялъ входившихъ въ его составъ государствъ, но все-таки сильно мѣшалъ

[1]) См. т. IV, стр. 371—372.
[2]) См. т. IV, стр. 198—199, 369, 370 и 372.
[3]) См. т. IV, стр. 348—349.

Пруссіи. Впрочемъ, онъ весьма скоро распался, и въ тридцатыхъ годахъ одно за другимъ стали присоединяться къ прусскому союзу отдѣльныя государства, раньше относившіяся къ нему враждебно. Не только партикуляристическія стремленія, имѣвшія весьма часто строго консервативный характеръ, сталкивались съ объединительной политикой Пруссіи, но въ большинствѣ случаевъ и либералы въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ весьма косо смотрѣли на придуманный Пруссіей таможенный союзъ, опасаясь усиленія Пруссіи съ ея піетестическимъ, милитаристическимъ и бюрократическимъ режимомъ. Съ этой стороны таможенный союзъ тоже встрѣчалъ немалыя препятствія. Наконецъ, и иностранныя державы, сколько могли, мѣшали экономическому объединенію Германіи. Однако, положительная экономическая необходимость оказывалась болѣе могущественною, чѣмъ всѣ перечисленныя препятствія, и съ 1 янв. 1834 г. большая часть нѣмецкихъ государствъ (7.720 кв. м. и 23.000.000 жит.) входила въ составъ таможеннаго союза. Тѣ государства, которыя до этой даты не вошли еще въ составъ союза, стали одно за другимъ примыкать къ нему, и въ 1842 г. союзъ охватывалъ около 8.250 кв. м. съ 28.500.000 населенія. Нассау и Франкфуртъ,—присоединившіеся къ союзу въ 1836 г.,—сначала для того только, чтобы не подчиняться прусской таможенной системѣ, заключили крайне унизительные для себя договоры—Нассау съ Франціей, а Франкфуртъ съ Англіей. Франція даже обязала (1833) нассауское правительство въ теченіе пяти лѣтъ не примыкать къ таможенному союзу; но выполнить это условіе оказалось невозможнымъ. Какія, однако, несогласія возможны были между самими членами таможеннаго союза, показываетъ слѣдующій случай, относящійся къ началу сороковыхъ годовъ. Висбаденское правительство задумало въ интересахъ торговли произвести нѣкоторыя улучшенія въ Бибрихской гавани; но правительство гессенъ-дармштадтское увидѣло въ этомъ посягательство на торговые интересы Майнца и потому рѣшилось искусственно произвести обмеленіе нассаускаго берега, для чего приказало въ надлежащемъ мѣстѣ опускать на дно Рейна барки, нагруженныя камнемъ. Нѣкоторыя государства упорно держались въ сторонѣ отъ таможеннаго союза и впослѣдствіи, а именно, съ одной стороны, Австрія на югѣ, а съ другой стороны, приморскія государства на сѣверѣ, т.-е. Ганноверъ, Ольденбургъ, Мекленбургъ, Брауншвейгъ и три вольныхъ города: Гамбургъ, Любекъ и Бременъ. Наибольшее упорство въ этомъ партикуляризмѣ обнаружилъ Ганноверъ, который даже устроилъ съ Ольденбургомъ и Брауншвейгомъ въ 1834 г. свой частный союзъ, хотя впослѣдствіи (1851) и онъ долженъ былъ примкнуть къ прусскому союзу. Мекленбургъ даже совсѣмъ держалъ себя особнякомъ.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) уже было упомянуто о томъ, что образованіе таможеннаго союза оказало значительное вліяніе на промышленное и торговое развитіе Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ десять лѣтъ, съ 1834 по 1844 г., ввозъ и вывозъ поднялся съ 250.000.000 талеровъ до 385.000.000, а таможенные доходы съ 12.000.000 до 21.000.000. Особенно благопріятно отразилась эта перемѣна на южной Германіи, благодаря чему тамошнія палаты, сначала не довѣрявшія Пруссіи, скоро примирились съ таможеннымъ союзомъ. Правда, сама Пруссія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ проиграла, вслѣдствіе чего въ берлинскихъ правительственныхъ сферахъ образовалось даже теченіе, не особенно благопріятное для таможеннаго союза, но у вопроса была и политическая сторона, весьма выгодная для Пруссіи. Таможенный союзъ подготовлялъ почву для прусской гегемоніи въ Германіи, а уклоненіе Австріи отъ союза создавало для нея изолированное положеніе въ Германіи. Пруссія занимала теперь господствующее положеніе въ союзномъ сеймѣ. Само значеніе этого сейма стало падать. Уже раньше онъ не пользовался популярностью, какъ учрежденіе, не только не содѣйствовавшее удовлетворенію новыхъ потребностей, но даже прямо тормозившее всякое развитіе. Таможенный союзъ, охватившій почти всѣ внѣ-австрійскія земли Германіи, сталъ играть въ жизни нѣмецкаго народа болѣе видную и прогрессивную роль, чѣмъ союзъ, созданный трактатами 1815 г. И въ этомъ новомъ союзѣ главное значеніе принадлежало государству, которое даже въ эпоху общей реакціи не заходило такъ далеко, какъ католическая и феодальная Австрія.

Въ тридцатыхъ годахъ и идея германскаго единства, одушевлявшая когда-то либераловъ [2]), не сдѣлала никакихъ успѣховъ. Политическія движенія начала тридцатыхъ годовъ имѣли преимущественно характеръ мѣстный. Интересы консервативныхъ элементовъ нѣмецкой націи были тѣсно связаны съ политическимъ партикуляризмомъ, и съ этой стороны весьма понятно подозрительное и недружелюбное отношеніе консерваторовъ къ идеѣ германскаго единства. Въ свою очередь либералы болѣе дорожили политической свободой, которою пользовались въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, чѣмъ объединеніемъ, такъ какъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ оно скорѣе могло бы грозить уничтоженіемъ свободы. Нѣмецкій либерализмъ тридцатыхъ годовъ былъ больше космополитическимъ, чѣмъ національнымъ. Сознаніе національнаго единства снова стало выступать на первый планъ только въ началѣ сороковыхъ годовъ, да и то главнымъ образомъ подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ событій. Въ этомъ отношеніи прежде всего на Германіи

---

[1]) См. выше, стр. 114.

[2]) См. т. IV, стр. 341 и слѣд. и 361 и слѣд.

отразилось воинственное настроеніе, охватившее, какъ мы видѣли [1]), Францію и даже ея правительство въ 1840 г. Въ Германіи въ свою очередь обнаружилось также воинственное настроеніе, и дремавшее національное чувство, выражавшееся преимущественно въ ненависти къ французамъ, получило особенную силу. Тогда Беккеръ сочинилъ свою знаменитую рейнскую пѣснь: „Онъ не достанется имъ, свободный нѣмецкій Рейнъ!“, на что французскій поэтъ отвѣчалъ словами: „Что разъ уже было пріобрѣтаемо, то можетъ быть вновь пріобрѣтено“. „Г. Тьеръ, писалъ Меттернихъ одному изъ своихъ корреспондентовъ, любитъ, чтобы его сравнивали съ Наполеономъ. Въ отношеніи Германіи это сходство полное, и г. Тьеру даже принадлежитъ пальма первенства. Ему нужно было очень немного времени, чтобы вызвать въ этой странѣ настроеніе, которое при императорѣ создали десять лѣтъ притѣсненій. Вся Германія готова принять вызовъ, и это будетъ война народа съ народомъ“. Правда, этотъ эпизодъ прошелъ безслѣдно, и дѣло до войны не дошло, такъ какъ международныя осложненія уладились инымъ путемъ; но національное чувство нѣмцевъ было задѣто и стало скоро проявляться въ такихъ формахъ, которыя начали пугать самихъ правителей. Другой поводъ къ національному возбужденію въ Германіи представлялъ собою шлезвигъ-гольштинскій вопросъ. Шлезвигъ и Гольштейнъ, изъ которыхъ второй былъ имперскимъ леномъ, принадлежали датскому королю [2]). Послѣдній стремился тѣснѣе связать оба эти княжества съ Даніей, съ каковою цѣлью, напримѣръ, вводилъ датскій языкъ въ администрацію и суды. Въ тридцатыхъ годахъ общественное мнѣніе въ Германіи мало интересовалось тѣмъ, что̀ дѣлалось въ обоихъ княжествахъ. Но вотъ въ 1839 г. умеръ датскій король Фридрихъ VI, а его преемникъ Христіанъ VIII былъ бездѣтенъ и послѣ его смерти престолъ долженъ былъ перейти къ сестрѣ короля, нѣмецкіе же законы, дѣйствовавшіе въ обоихъ княжествахъ, не допускали перехода престола въ женскую линію. По этому вопросу возникли споры и пререканія, которые стали все больше и больше обращать на себя вниманіе въ Германіи, пока, наконецъ, нѣмцы не начали смотрѣть на шлезвигъ-гольштинскій вопросъ, какъ на свое кровное національное дѣло. Въ сороковыхъ годахъ этимъ вопросомъ были одинаково заняты и печать, и общество, и земскіе чины, и даже нѣкоторыя правительства. Но въ общемъ правительства всячески сдерживали проявленія національнаго чувства. Сначала въ 1840 г., когда грозила война съ Франціей, германскіе государи не прочь были сами возбуждать національный патріотизмъ своихъ подданныхъ. Когда

---

[1]) См. выше, стр. 161 и слѣд.

[2]) См. т. IV, стр. 346.

однако нѣмецкіе писатели въ томъ же самомъ 1840 г. задумали отпраздновать четырехсотлѣтній юбилей изобрѣтенія книгопечатанія и съ этою цѣлью стали устраивать празднества, то многія правительства этому воспротивились. Весьма нерѣдко власти съ неудовольствіемъ смотрѣли и на общенѣмецкіе съѣзды ученыхъ, особенно юристовъ, которые для всей Германіи требовали единаго національнаго права. Если откуда-нибудь въ эту эпоху и дѣлались предложенія въ смыслѣ установленія бо̀льшаго единства въ Германіи, то преимущественно лишь изъ Пруссіи. Если бы въ 1840 г. вспыхнула война между нѣмцами и французами, то прежде всего опасность иноземнаго вторженія испытали бы на себѣ прирейнскія провинціи Пруссіи. Вотъ почему и въ этомъ вопросѣ Пруссія выступила впередъ и даже начала настаивать на необходимости преобразовать союзный сеймъ. Въ этомъ отношеніи любопытна записка 1847 г., составленная Радовицемъ и сообщенная берлинскимъ кабинетомъ вѣнскому: въ ней предлагалось введеніе въ Германіи однообразнаго устройства войска, общаго гражданскаго, торговаго и уголовнаго права, одинаковой монеты и системы мѣръ, равно какъ однообразныхъ желѣзнодорожныхъ и почтовыхъ правилъ, причемъ должна была быть объявлена полная свобода переселеній, и таможенный союзъ долженъ былъ быть распространенъ на всѣ земли членовъ германскаго союза. Для введенія всѣхъ этихъ перемѣнъ Пруссія хлопотала о созывѣ конгресса всѣхъ нѣмецкихъ правителей, но Австрія не имѣла ни малѣйшей охоты производить какія бы то ни было перемѣны въ устройствѣ германскаго союза.

Еще въ одномъ вопросѣ Пруссія выступила въ сороковыхъ годахъ въ обще-германской роли. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, отличавшійся романтическими стремленіями, задумалъ достроить знаменитый кельнскій соборъ, какъ лучшій памятникъ нѣмецкой готической архитектуры. Съ этою цѣлью на закладку соборныхъ башенъ онъ самъ пріѣхалъ въ Кельнъ, пригласивъ на празднество другихъ нѣмецкихъ государей. Особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь, которую произнесъ во время этого торжества самъ прусскій король: великолѣпное зданіе, по его словамъ, должно было сдѣлаться символомъ національнаго единства и братскаго единенія между всѣми нѣмцами. Молва приписала, кромѣ того, австрійскому эрцгерцогу Іоганну тостъ, кончившійся словами: „нѣтъ болѣе ни Австріи, ни Пруссіи, а есть одна только великая Германія, крѣпкая и сильная, какъ ея горы“. Во всякомъ случаѣ иниціатива этой національной манифестаціи принадлежала опять-таки Пруссіи. Къ концу сороковыхъ годовъ, когда въ самомъ этомъ государствѣ повѣяло новымъ духомъ, на немъ снова стали покоиться надежды нѣмецкихъ патріотовъ.

IX. Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ [1]).

Причины успѣха реакціи и разныя въ ней теченія. — Общій характеръ демократическихъ движеній эпохи. — Происхожденіе національныхъ движеній. — Взаимныя отношенія между движеніями разныхъ категорій. — Политическія движенія въ духѣ либерализма. — Борьба съ клерикализмомъ. — Республиканскія идеи. — Взаимныя отношенія политическаго и соціальнаго движеній. — Успѣхи соціализма. — Международная демократія. — Главнѣйшія національныя движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Въ трехъ послѣднихъ главахъ главное вниманіе было обращено на успѣхъ реакціи противъ политическихъ движеній 1830 г. Эта реакція не была чѣмъ-либо новымъ. Она была только продолженіемъ реакціи, овладѣвшей европейской политикой послѣ 1815 г. Тѣ же интересы, которые проявлялись въ политической борьбѣ въ эпоху реставраціи, тѣ же принципы, во имя которыхъ велась тогда борьба, продолжали играть роль и въ эпоху іюльской монархіи. Подобно тому, какъ это было и раньше, да и всегда бываетъ, интересы и принципы, объединявшіе извѣстныя общественныя группы, и теперь нерѣдко противорѣчили одни другимъ и одни съ другими сталкивались [2]). Подобное несоотвѣтствіе принциповъ и интересовъ представляетъ собою, напримѣръ, политика Англіи и Франціи: какъ конституціонныя державы, обѣ онѣ должны были бы находиться въ постоянномъ союзѣ противъ абсолютныхъ монархій, но, онѣ, наоборотъ, находясь въ постоянномъ соперничествѣ, весьма часто содѣйствовали именно политикѣ абсолютныхъ монархій. Въ обоихъ конституціонныхъ государствахъ какъ господствовавшая въ нихъ буржуазія, такъ и руководившіе ею государственные дѣятели выдвигаютъ на первый планъ свои національные интересы, очень часто оказывавшіеся интересами только классовыми или даже партійными, въ иныхъ случаяхъ даже и не интересами вовсе, а своего рода шовинистическими

[1]) Кромѣ общихъ исторій XIX вѣка и книгъ *Осокина* и *Лиманоскаго* (см. т. IV, стр. 12 и 516), *Meyer.* Der Emancipationskampf des vierten Standes.— *L. Stein.* Die sociale Frage im Lichte der Philosophie. 1897.— *Warschauer.* Gesch. des Socialismus. 1893 и *W. Sombart.* Sozialismus und soziale Bewegung in XIX Jahrh. 1887. Къ тексту этой небольшой книжки приложены (подъ заглавіемъ „Хроники соціальнаго движенія) синхронистическія таблицы важнѣйшихъ датъ въ исторіи пролетаріата и соціализма съ 1750 по 1896 г. Первыя пять главъ (изъ восьми) были переведены въ „Новомъ Словѣ“ за 1897 г. (окт.—ноябрь).

[2]) См. т. IV, стр. 286, а также т. II, стр. 231 и слѣд.

предубѣжденіями. Въ самой Англіи во весь этотъ періодъ какъ-разъ либеральная партія относилась съ особымъ недружелюбіемъ къ Франціи и толкала послѣднюю на путь сближенія съ абсолютными монархіями, въ особенности съ Австріей. Только переходъ власти къ консерваторамъ въ Англіи облегчалъ установленіе лучшихъ отношеній между обѣими конституціонными державами. Да и сама французская политика по чисто внутреннимъ причинамъ принимала консервативную окраску. Этотъ антагонизмъ Англіи и Франціи, равно какъ консервативныя стремленія Людовика-Филиппа не мало содѣйствовали успѣхамъ общеевропейской реакціи. Мы видѣли, что въ концѣ двадцатыхъ годовъ Священный союзъ начиналъ разлагаться и что іюльская революція сильно содѣйствовала его сплоченію [1]). Несмотря на то, что интересы Австріи, Пруссіи и Россіи очень часто находились между собою въ противорѣчіи (интересы Австріи и Пруссіи въ Германіи, интересы Австріи и Россіи на Балканскомъ полуостровѣ), эти три государства въ вопросахъ принципіальнаго характера оставались совершенно солидарными, продолжая въ своей политикѣ за весь этотъ періодъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, въ какомъ они дѣйствовали въ эпоху конгрессовъ. Такая солидарность, конечно, была весьма выгодна для реакціи, которая почти повсемѣстно и побѣждаетъ къ 1840 г., т.-е. къ началу новаго десятилѣтія послѣ іюльской революціи.

Но въ самой реакціи мы должны различать разныя теченія. Реакція, которая господствовала въ Австріи, Пруссіи и Россіи, имѣла своею цѣлью охранить незыблемыми главные устои того стараго порядка, противъ котораго было направлено главнымъ образомъ все историческое движеніе, вызванное великой французской революціей. Во Франціи и въ Англіи старый порядокъ былъ побѣжденъ. Здѣсь послѣ 1830 и 1832 гг. могла проявиться только реакція буржуазная,— реакція, которая, конечно, не хотѣла возвращенія стараго порядка, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣла, чтобы начавшееся историческое движеніе шло далѣе извѣстныхъ границъ, соотвѣтствовавшихъ интересамъ и всему кругу идей среднихъ классовъ. Понятно, что эти двѣ реакціи имѣли разный характеръ и не могли между собою вполнѣ совпадать. Меттерниху и Гизо, какъ вождямъ клерикально-аристократической Австріи и буржуазной Франціи, приходилось, конечно, охранять не одно и то же, но ихъ сближала между собою именно одинаковая политика, направленная на охраненіе status quo. Для Австріи революціей было бы установленіе такихъ порядковъ, какіе во Франціи уже существовали: этого одного достаточно для того, чтобы видѣть, что реакція реакціи была рознь. Въ самой Франціи

[1]) См. выше, стр. 12—14, 62, 70—71.

буржуазная реакція противъ чисто демократическихъ движеній не была совершенною новостью. Ею, какъ извѣстно, была ознаменована вторая половина девятидесятыхъ годовъ XVIII в., подготовившая владычество Наполеона I [1]), подобно тому, какъ впослѣдствіи буржуазная реакція, вызванная событіями 1848 г., подготовила владычество Наполеона III. И во Франціи, и въ Англіи противъ господства буржуазіи, которая сама при помощи народа сбросила съ себя иго аристократическихъ привилегій, начинается въ этомъ самомъ народѣ замѣтное политическое движеніе, заставляющее буржуазію держаться во многихъ отношеніяхъ чисто консервативной политики. Съ этой точки зрѣнія, напримѣръ, сближеніе между Меттернихомъ и Гизо было не только ихъ личнымъ дѣломъ, но и результатомъ могущественныхъ историческихъ теченій. Современниковъ могла особенно интересовать и волновать борьба политическихъ партій, смѣнявшихся у власти въ Англіи и Франціи, но эти партіи раздѣляли между собой людей, принадлежавшихъ къ одному и тому же соціальному классу. Оппозиціонная партія становилась правительственною и наоборотъ, но ни та, ни другая не находились въ оппозиціи къ установившемуся политическому режиму. Стояли ли у власти консерваторы или либералы, ихъ программы были лишь оттѣнками нѣкоторой общей классовой программы, вызывавшей противъ себя оппозицію со стороны представителей большинства, исключеннаго вслѣдствіе ценза изъ пользованія политическими правами. Если въ нѣмецкихъ, напримѣръ, государствахъ въ политической оппозиціи старому порядку сливались во-едино и буржуазные, и демократическіе элементы, то во Франціи и въ Англіи эти элементы уже составляли два разные лагеря, и демократическія движенія были именно направлены противъ буржуазіи.

Демократическія движенія временъ іюльской монархіи опять не представляютъ изъ себя чего-либо совершенно новаго, такъ какъ они совершались и раньше. Но нельзя также сказать, чтобы они только усилились, нисколько не измѣнивъ своего характера. Во-первыхъ, демократическія программы стали рѣзче обособляться отъ программъ буржуазныхъ, съ которыми онѣ ранѣе иногда сливались во-едино, когда буржуазіи и народу приходилось еще сообща вести борьбу противъ стараго порядка. Во-вторыхъ, демократическая оппозиція еще въ эпоху реставраціи имѣла главнымъ образомъ чисто политическій характеръ, тогда какъ послѣ іюльской революціи рядомъ съ прежнимъ политическимъ направленіемъ демократіи возникаетъ направленіе соціальное, которое съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливается. Начало соціализма относятъ обыкновенно къ эпохѣ

[1]) См. т. III, стр. 644 и слѣд. и т. IV, стр. 44—45, 250 и слѣд.

реставраціи, но извѣстно, что соціалисты двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, т.-е. послѣдователи С.-Симона, Фурье и Оуена принципіально сторонились отъ всякой политики, равно какъ и политическіе революціонеры этой эпохи не интересовались соціальнымъ вопросомъ, какъ его ставили тогдашніе родоначальники соціализма [1]). Въ эпоху іюльской монархіи произошло сближеніе политической и соціальной программъ демократіи. Революція 1830 г. имѣла характеръ исключительно политическій, въ революціи же 1848 г. громадную роль играетъ и вопросъ соціальный. Значитъ, въ теченіе этихъ восемнадцати лѣтъ должна была произойти важная общественная перемѣна. Такая перемѣна дѣйствительно произошла. Рѣзче всего она бросается въ глаза во Франціи, но она совершилась и въ Англіи. Даже въ Германіи, гдѣ буржуазная и демократическая оппозиція была еще чѣмъ-то нераздѣльнымъ, вліяніе соціальной мысли давало себя знать въ политическомъ броженіи, которое подготовило 1848 г. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что въ самомъ французскомъ соціализмѣ, наиболѣе заслуживающемъ вниманія съ точки зрѣнія общей исторіи, въ эту эпоху произошла большая перемѣна сравнительно съ тѣмъ, что представляли изъ себя сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ. Особенно сталъ усиливаться соціализмъ въ сороковыхъ годахъ.

Въ тѣхъ же сороковыхъ годахъ политическія движенія на западѣ Европы стали осложняться не только со стороны вопроса соціальнаго, но и со стороны вопроса національнаго. Извѣстно вообще, какое важное значеніе въ исторіи XIX в. принадлежитъ національнымъ движеніямъ. Великая французская революція, провозгласившая право каждаго народа на самоопредѣленіе, можетъ разсматриваться, какъ своего рода исходный пунктъ этихъ движеній. Наполеоновская эпоха съ своей идеей универсальной имперіи не могла быть благопріятной національнымъ движеніямъ, хотя и вызывала ихъ къ жизни, какъ это случилось, напримѣръ, въ Германіи [2]). Равнымъ образомъ и эпоха реставраціи, провозгласившая принципъ легитимизма, не могла относиться съ уваженіемъ къ идеѣ національной независимости. Вѣнскій конгрессъ прямо дѣлилъ отдѣльныя націи на части и соединялъ въ одно цѣлое чуждыя одна другой національности [3]). Тѣмъ не менѣе въ теченіе первой трети XIX в. національныя стремленія давали себя чувствовать. Среди народовъ политически раздѣленныхъ обнаруживалось стремленіе къ единству, хотя на пер-

---

[1]) См. т. IV, стр. 631.
[2]) См. т. IV, стр. 208 и сл., 272 и др.
[3]) См. т. IV, стр. 242—243.

выхъ порахъ оно проявлялось лишь въ дѣятельности немногихъ лицъ, думавшихъ о политическихъ переворотахъ. Съ другой стороны, національности, находившіяся подъ чужеземною властью, стремились сбросить съ себя тяготѣвшее надъ ними иго. Недовольство данными политическими и соціальными порядками у народовъ, лишенныхъ государственнаго единства или даже не имѣвшихъ государственнаго существованія, весьма естественно должно было принимать характеръ національный; чѣмъ болѣе развивалось національное самосознаніе, тѣмъ сильнѣе начинали проявляться и національныя стремленія, а такому самосознанію весьма много должна была содѣйствовать культурная работа, совершавшаяся въ интеллигентныхъ слояхъ общества и оттуда переходившая въ народныя массы. Если во Франціи и Англіи въ эту эпоху народныя массы обращали на себя вниманіе, главнымъ образомъ, со стороны своего экономическаго положенія, то въ другихъ странахъ, тамъ именно, гдѣ наиболѣе давали себя чувствовать національныя стремленія, задача культурнаго подъема народныхъ массъ прямо диктовалась національнымъ самосохраненіемъ. Во многихъ порабощенныхъ и исторически отставшихъ національностяхъ происходитъ настоящее духовное возрожденіе, которому точно также принадлежитъ важная роль въ подготовкѣ всеобщаго напряженія, пережитаго Западною Европою въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Политическія, соціальныя и національныя движенія находились между собою въ извѣстной связи въ каждой отдѣльной странѣ и вообще въ разныхъ странахъ Западной Европы. Можно сказать, что политическія движенія осложнялись движеніями соціальными преимущественно въ странахъ болѣе развитой культуры, тогда какъ съ національными движеніями они соединялись главнымъ образомъ въ странахъ съ культурою болѣе отсталою. Комбинаціи между этими движеніями были равнымъ образомъ весьма неодинаковыя—въ зависимости отъ условій чисто мѣстнаго характера. Прежде нежели мы приступимъ къ болѣе подробному изложенію этихъ движеній въ главнѣйшихъ странахъ, мы разсмотримъ весь относящійся сюда матеріалъ въ общемъ очеркѣ.

Основною цѣлью политическихъ движеній этой эпохи, какъ и раньше, была политическая свобода въ формѣ конституціонной монархіи. Въ исторіи Западной Европы въ XIX в. можно различать чередующіеся періоды усиленія и ослабленія конституціонныхъ стремленій. Одинъ изъ такихъ періодовъ составляли послѣдніе годы владычества Наполеона и первые годы эпохи реставраціи до окончательнаго торжества реакціи, совершившагося, какъ извѣстно, уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ [1]). Другимъ такимъ періодомъ было начало

[1]) См. т. IV, стр. 164—165, 284—285, 351.

тридцатыхъ годовъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ іюльской революціи. Къ этому времени относятся новыя конституціи: бельгійская, кургессенская, альтенбургская, саксонская (1831 г.), брауншвейгская, (1832), ганноверская, шлезвигъ-гольштейнская, а также испанская (1834), о которыхъ рѣчь шла раньше [1]), равно какъ новыя конституціи болѣе либеральнаго характера, введенныя въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ въ 1830, 1831 и 1832 гг. Затѣмъ наступила эпоха застоя, если не считать введенія конституціи въ 1836 г. въ маленькомъ княжествѣ Липпе-Детмольдскомъ. Конституціонное движеніе оживилось только къ концу сороковыхъ годовъ, когда еще до взрыва февральской революціи въ Парижѣ одновременно въ разныхъ государствахъ начались политическія движенія, нерѣдко заставлявшія правителей итти на уступки. Въ 1846 г. по вступленіи на папскій престолъ Пія IX въ Церковной области, а затѣмъ и въ другихъ частяхъ Италіи произошло значительное политическое броженіе. Новый папа готовился выступить реформаторомъ, а король сардинскій и великій герцогъ тосканскій пошли на разныя уступки. Одновременно въ королевствѣ Ломбардо-Венеціанскомъ и въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій стали происходить либеральныя демонстраціи и дѣлаться усилія для достиженія свободы. Меттернихъ и Гизо всполошились, а Людовикъ-Филиппъ сталъ даже совѣтовать папѣ умѣрить свой либерализмъ. Тогда же въ Швейцаріи произошла междоусобная война, результатомъ которой явилась новая конституція 1848 г. Начиналось броженіе и среди славянскихъ народовъ Австріи, однимъ изъ симптомовъ каковыхъ движеній была знаменитая галиційская рѣзня 1846 г. Начинала волноваться и Венгрія. Не безъ вліянія остались всѣ эти движенія на рѣшеніе прусскаго правительства въ 1847 г. организовать общее представительство въ формѣ такъ называемаго соединеннаго ландтага. Февральская революція только усилила конституціонныя стремленія. Такимъ образомъ движеніе, подавленное въ началѣ тридцатыхъ годовъ, возобновилось въ концѣ сороковыхъ, несмотря на общую реакцію, господствовавшую во второй половинѣ тридцатыхъ и первой половинѣ сороковыхъ годовъ. Въ эти двѣ эпохи политическихъ движеній „требовать конституціи“ было, такъ сказать, готовою программою всѣхъ недовольныхъ существовавшими порядками въ странахъ, не имѣвшихъ политической свободы, а „обѣщать конституцію“ было, такъ сказать, формою, въ которой абсолютныя правительства выражали свое согласіе на уступки недовольнымъ подданнымъ. Въ этой области государственной жизни уже существовало достаточное количество образцовъ для подражанія.

[1]) См. выше, стр. 59—61, 68 и 149.

Сама теорія конституціонной монархіи была уже достаточно разработана въ предыдущій періодъ, и къ ней уже нельзя было прибавить что-нибудь существенно новое. Новые принципы и формы приходилось создавать главнымъ образомъ для отношеній соціальныхъ, а не политическихъ. Самое важное и существенное въ чисто политической сферѣ, интересовавшее общество, имѣло отношеніе къ соціальнымъ интересамъ народной массы. Съ одной стороны, это былъ вопросъ о демократизаціи политическихъ правъ, съ другой—вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ во взаимныя отношенія капитала и труда. Понятно, что буржуазія враждебно относилась и къ расширенію избирательнаго права, и къ ограниченію промышленной свободы, такъ какъ и то, и другое противорѣчило ея классовымъ интересамъ. Но демократическія программы вызывали противъ себя возраженія и съ болѣе принципіальной точки зрѣнія во имя свободы, которой могла грозить опасность отъ перехода власти къ народнымъ массамъ и которая въ одной, по крайней мѣрѣ, области нарушалась, разъ за государствомъ признавалось право вмѣшательства во взаимныя отношенія между отдѣльными категоріями гражданъ, предпринимателями и рабочими.

Не нужно, однако, думать, что единственнымъ соціальнымъ вопросомъ, осложнявшимъ политическую борьбу этой эпохи, былъ такъ называемый вопросъ рабочій, порожденный экономическимъ переворотомъ конца XVIII и начала XIX вв. Рабочій вопросъ волновалъ умы преимущественно въ государствахъ, опередившихъ другія страны въ своемъ соціальномъ развитіи, тогда какъ въ государствахъ болѣе отсталыхъ оставался еще не разрѣшеннымъ вопросъ крестьянскій, такъ сказать, завѣщанный XIX вѣку просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и французской революціей [1]). На исторіи этого послѣдняго вопроса также отражалась судьба общественныхъ движеній. Политическіе перевороты, происходившіе на Западѣ Европы съ конца XVIII в., сопровождались большею частью перемѣнами и въ положеніи крестьянскаго сословія [2]); но каждый разъ, когда происходила реакція, наступалъ конецъ и крестьянскимъ реформамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отмѣнялось и то немногое, что было уже сдѣлано въ пользу крестьянъ. Такою эпохою застоя въ исторіи крестьянскаго вопроса были двадцатые годы. Революція 1830 г. снова поставила на очередь въ нѣкоторыхъ государствахъ этотъ вопросъ; но вскорѣ наступившая реакція снова затормозила дѣло—до революціи 1848 г., когда имъ занялись

---

[1]) См. т. IV, стр. 504 и слѣд., гдѣ говорится объ отношеніи крестьянскаго вопроса къ рабочему вопросу.

[2]) Тамъ же, стр. 170—172 и гл. XXIII.

болѣе рѣшительнымъ образомъ. Вотъ почему періодъ іюльской монархіи прошелъ почти безслѣднымъ для крестьянскаго вопроса. Понятно, что онъ долженъ былъ имѣть особенно важное значеніе въ нѣмецкихъ государствахъ. Въ Пруссіи конецъ сороковыхъ годовъ засталъ крестьянъ въ томъ положеніи, какое для нихъ создала эпоха реформъ Штейна и Гарденберга [1]). Когда въ Австріи въ сороковыхъ годахъ правительство нашло нужнымъ опредѣлить права и повинности крестьянъ, то не нашло ничего лучшаго, какъ возвратиться къ законодательству Маріи-Терезіи [2]). Только въ Саксоніи (1832), Кургессенѣ (1831, 1832, 1835 и 1837), Ганноверѣ (1831 и 1833) и нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ княжествахъ изданы были въ эту эпоху законы, отмѣнявшіе крѣпостничество и устанавливавшіе выкупъ повинностей. Нужно вспомнить, что въ только-что названныхъ государствахъ одновременно совершена была и политическая реформа. И то, и другое совершалось во имя принципа свободы. „Старый порядокъ", противъ котораго направлялись либеральныя движенія эпохи, былъ соединеніемъ политическаго абсолютизма съ соціальнымъ феодализмомъ, который рѣзче всего проявлялся въ подчиненіи сельскаго населенія помѣстному дворянству. Съ другой стороны, главнымъ поборникомъ конституціоннаго движенія было среднее сословіе, враждебно относившееся къ привилегіямъ. Понятно, что конституціонное движеніе сопровождалось крестьянскими реформами. Но, повторяемъ, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ до взрыва новой революціи для уничтоженія остатковъ соціальнаго феодализма сдѣлано было вообще чрезвычайно мало.

Другою характерною чертою того же самаго политическаго движенія является его антиклерикальное направленіе. И въ этомъ отношеніи политическія движенія XIX в. были продолженіемъ того, что въ XVIII столѣтіи было начато просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и французской революціей [3]). И новое воззрѣніе на государство, свойственное передовымъ политическимъ теоріямъ, и принципъ свободы, подъ знаменемъ котораго совершались всѣ политическія движенія съ конца прошлаго столѣтія, были одинаково враждебны притязаніямъ католической церкви. Между тѣмъ въ эпоху реставраціи католицизмъ задумалъ снова играть прежнюю роль въ жизни западноевропейскихъ народовъ, и въ этомъ отношеніи исторія эпохи реставраціи представляетъ не мало весьма поучительныхъ фактовъ [4]). Когда

[1]) См. т. IV, стр. 532—540.
[2]) См. т. III, стр. 394—396.
[3]) См. т. IV, гл. XVII и стр. 549 и слѣд.
[4]) См. т. IV, гл. XIII.

и іюльская революція вызвала противъ себя политическую и соціальную реакцію со стороны правительствъ и аристократіи, католическое духовенство весьма естественно воспользовалось этой реакціей, чтобы возстановить свое прежнее культурное вліяніе на общество. Мы уже видѣли, къ какимъ послѣдствіямъ повела эта новая католическая реакція въ исторіи Пруссіи, гдѣ въ тридцатыхъ годахъ дѣло дошло до серьезнаго столкновенія между церковью и государствомъ [1]). Но нѣмецкіе клерикалы, очень можетъ быть, никогда не рѣшились бы на слишкомъ рѣзкое сопротивленіе государственной власти, если бы имъ не подавали поощряющаго примѣра клерикалы французскіе и бельгійскіе. Въ обѣихъ этихъ свободныхъ государствахъ католическая церковь стремилась обратить въ свою пользу политическую свободу при помощи которой можно было легче добиться вліянія и власти. Во Франціи реакціонное направленіе католицизма, подобно тому, какъ это было и въ Германіи, особенно усилилось послѣ 1830 г., когда одинъ за другимъ стали сходить со сцены духовныя лица прежняго, болѣе свободнаго направленія. Правда, новые дѣятели церкви уже не хлопотали о возвращеніи ей отобранныхъ имуществъ и аристократическихъ привилегій. Все свое вниманіе они обратили на то, чтобы подчинить себѣ свѣтское общество путемъ школы. Хартія 1830 г. обѣщала французамъ свободу преподаванія, которая была немыслима до тѣхъ поръ, пока во Франціи существовала наполеоновская система государственной монополіи въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія [2]). Натискъ на свѣтскую науку былъ произведенъ столь дружно, что въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ французскому либерализму пришлось дать отпоръ притязаніямъ духовенства поддержкою указанной государственной монополіи, хотя это и противорѣчило принципу свободы преподаванія. Еще болѣе ожесточенная борьба между либерализмомъ и клерикализмомъ происходила въ Бельгіи, гдѣ особенно сильна была католическая реакція. Здѣсь духовенству въ 1842 г. удалось добиться, во имя свободы вѣроисповѣданій, новаго закона о народномъ образованіи. Этимъ закономъ религіозное воспитаніе объявлялось обязательнымъ въ общественныхъ школахъ и отдавалось въ распоряженіе церкви, хотя и подъ контролемъ государства. Либеральная партія начала тогда дѣятельную агитацію противъ самостоятельной роли духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. Возникъ даже особый союзъ, который поставилъ своею задачею добиться такой организаціи общественнаго образованія, которая на всѣхъ своихъ ступеняхъ находилась бы въ исключительной зависимости

---

[1]) См. выше, стр. 178 и слѣд.

[2]) См. т. IV, стр. 128.

отъ свѣтской власти. Съ точки зрѣнія членовъ этого союза, государство должно было направлять всѣ усилія къ тому, чтобы частныя учебныя заведенія не могли конкуррировать съ правительственными, и чтобы министръ духовныхъ дѣлъ не имѣлъ никакого касательства до учебныхъ заведеній, устроенныхъ и содержимыхъ государствомъ. Въ 1846 г. власть въ Бельгіи досталась католикамъ, и въ слѣдующемъ году они задумали провести новый законъ о среднемъ образованіи въ интересахъ своей партіи. Но либералы стали устраивать въ разныхъ городахъ внушительныя манифестаціи противъ такихъ намѣреній клерикаловъ. Любопытно, что Людовикъ-Филиппъ, который у себя во Франціи держался въ сторонѣ отъ борьбы между либералами и клерикалами, не желая ссориться съ послѣдними, въ Бельгіи, наоборотъ, совѣтовалъ своему зятю Леопольду дѣйствовать рѣшительно противъ либеральныхъ демонстрацій. Такимъ образомъ одновременно и во Франціи, и въ Бельгіи духовенство стремилось вернуть себѣ прежнее значеніе путемъ захвата въ свои руки народнаго образованія, ссылаясь при этомъ на либеральный принципъ свободы преподаванія. Либерализмъ, всегда отличавшійся антиклерикальнымъ характеромъ, невольно долженъ былъ оставить свою прежнюю позицію, требовавшую отъ него признанія за преподаваніемъ полной свободы отъ государственнаго вмѣшательства, какая принималась имъ для столь несходныхъ между собою областей религіи и промышленности [1]). Борьба съ клерикализмомъ выдвинула въ эту эпоху нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей, изъ которыхъ особаго упоминанія заслуживаютъ французскіе историки Кинэ и Мишле. Для нихъ католицизмъ являлся главнымъ врагомъ новой свободы въ то самое время, какъ въ этомъ же католицизмѣ другіе дѣятели этой эпохи искали обновленія всей соціальной жизни человѣчества.

Въ этомъ политическомъ направленіи, враждебномъ абсолютизму, аристократизму и клерикализму, въ движеніи, связанномъ тѣсною преемственностью съ принципами великой французской революціи, мы должны, однако, различать два разныхъ направленія. Одно можно назвать буржуазнымъ, другое—демократическимъ. Первое послѣ революціи 1830 г. было господствующимъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ новыя начала одержали побѣду. Это направленіе становилось консервативнымъ, въ иныхъ случаяхъ даже реакціоннымъ по отношенію къ другому направленію — демократическому, которое по обстоятельствамъ времени вынуждено было играть только оппозиціонную роль. Между тѣмъ это демократическое направленіе вело свое начало равнымъ

[1]) См. политическія теоріи Вильгельма фонъ Гумбольдта и Бенжамена Констана, т. IV, стр. 295—305.

образомъ отъ французской же революціи и даже прямо вдохновлялось принципами и событіями этой эпохи, идеализируя якобинизмъ и представляя его въ свѣтѣ совершенно новыхъ настроеній и стремленій, порожденныхъ политической и соціальной борьбой временъ іюльской монархіи.

Во Франціи еще до 1830 г. существовала республиканская партія, которая время отъ времени заявляла о своемъ существованіи [1]). Наиболѣе дѣятельные ея члены организовались въ тайныя общества, пользовавшіяся каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы при помощи недовольныхъ соціальныхъ элементовъ произвести возстаніе. Выше мы уже видѣли, что эти попытки оканчивались обыкновенно неудачно [2]). Изъ этой же партіи выходили и тѣ люди, которые дѣлали покушенія на жизнь короля. Главною цѣлью французскихъ демократовъ было возстановленіе республики, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ по образцу якобинской конституціи 1793 г. Одно изъ тайныхъ обществъ, которое особенно энергично дѣйствовало въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, прямо назвало себя „Обществомъ правъ человѣка“ и приняло въ основу своей программы декларацію правъ 1793 г. [3]). Однако, среди французскихъ республиканцевъ въ 1832 г. произошелъ расколъ. Одни стояли на той точкѣ зрѣнія, что политическая революція должна быть только средствомъ для совершенія соціальнаго переворота, тогда какъ другіе держались того взгляда, по которому учрежденіе республики не должно было касаться существующаго общественнаго строя. Такимъ образомъ, соціальный радикализмъ отдѣлился отъ радикализма политическаго, и рядомъ съ республиканцами изъ буржуазіи явились республиканцы изъ рабочихъ, причемъ главную силу этой партіи составляли не столько фабричные рабочіе, сколько ремесленники. Республиканскія возстанія тридцатыхъ годовъ предпринимались, главнымъ образомъ, республиканской партіей этого второго, т.-е. соціальнаго оттѣнка, между тѣмъ какъ политическіе радикалы изъ буржуазіи предпочитали дѣйствовать путемъ мирной пропаганды въ печати. Это раздѣленіе внѣшнимъ образомъ выразилось въ томъ, что политическіе республиканцы приняли своимъ знаменемъ трехцвѣтный флагъ, тогда какъ республиканцы соціальные — флагъ краснаго цвѣта. Сторонники соціальной революціи стали даже издавать тайнымъ образомъ свою газету подъ заглавіемъ „Свободный человѣкъ“ и въ самомъ концѣ

---

[1]) См. т. IV, стр. 423 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 131 и слѣд.
[3]) См. т. III, стр. 615—616.

тридцатыхъ годовъ приняли названіе партіи коммунистовъ. Главные дѣятели послѣдней попытки республиканскаго возстанія, бывшей въ 1839 г. [1]), стояли на той точкѣ зрѣнія, что для соціальнаго переворота прежде всего необходимо было создать диктаторскую власть, которая и взяла бы въ свои руки все революціонное движеніе. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы преобразованіе соціальнаго строя всѣми его сторонниками ставилось въ связь съ какой бы то ни было чисто политической программой. Прежде всего сенъ-симонисты и фурьеристы попрежнему, собственно говоря, сторонились отъ политики, расчитывая на то, что ихъ идеи будутъ осуществлены, благодаря своей внутренней силѣ [2]). Такое же не-политическое движеніе представляло изъ себя такъ называемое движеніе икарійское, связанное съ именемъ Кабе. Вотъ почему демократическія движенія во Франціи этой эпохи можно раздѣлить на чисто политическое и чисто соціальное, рядомъ съ которыми существовало еще движеніе соціально-политическое, которое было, такъ сказать, объединеніемъ двухъ другихъ. Если первое изъ названныхъ движеній ставило своею цѣлью преобразованіе государства безъ преобразованія общества, а второе— преобразованіе общества безъ предварительнаго преобразованія государства, то цѣлью стремленій третьяго движенія было именно преобразованіе и политическаго, и соціальнаго строя. Главнымъ образомъ это послѣднее направленіе стало дѣлать успѣхи около 1840 г. и однимъ изъ главныхъ виновниковъ сближенія обѣихъ программъ былъ Луи Бланъ. Уже въ 1842 г. одинъ наблюдательный нѣмецъ, писавшій о тогдашнихъ французскихъ отношеніяхъ [3]), говорилъ, что для Франціи прошло время чисто политическихъ движеній и что слѣдующимъ переворотомъ будетъ, несомнѣнно, переворотъ съ соціальнымъ характеромъ. Это общественное броженіе, конечно, не могло не отразиться на французской литературѣ временъ іюльской монархіи. Оно нашло свое выраженіе не только въ публицистикѣ, но и въ философіи, и въ исторіографіи, и даже въ изящной литературѣ, породивъ въ послѣдней такъ называемый „соціальный романъ“. Въ дальнѣйшемъ всѣ эти проявленія демократической оппозиціи будутъ разсмотрѣны подробнѣе.

Аналогичныя явленія наблюдаются и въ исторіи англійскаго общества за тотъ же самый періодъ. И здѣсь параллельно дѣйствуютъ то отдѣльно, то сообща демократическія партіи, ставящія на своемъ знамени или политическую, или соціальную реформу. И

---

[1]) См. выше, стр. 139—140.

[2]) См. т. IV, стр. 638 и 650.

[3]) Лоренцъ Штейнъ, о которомъ см. ниже (въ главѣ XVI).

здѣсь вожди демократіи расчитываютъ или на одно дѣйствіе моральной силы, или исключительно на силу физическую. Сама парламентская реформа 1832 года обязана была своимъ происхожденіемъ довольно значительному демократическому движенію чисто политическаго характера, а такъ какъ оно не могло быть вполнѣ удовлетворено этою буржуазною реформой, то весьма естественно, что оно не могло прекратиться и послѣ преобразованія парламентскихъ выборовъ. Съ другой стороны, и потребность въ чисто соціальной реформѣ уже въ предыдущій періодъ нашла свое выраженіе въ ученіи и дѣятельности Оуена [1]), который около 1830 г. имѣлъ на родинѣ уже весьма многочисленныхъ послѣдователей. Хотя оба эти движенія и впослѣдствіи продолжали развиваться внѣ всякой зависимости одно отъ другого, однако, между ними все-таки должно было произойти сближеніе, какъ это случилось и во Франціи. Еще до парламентской реформы рабочіе вступали между собою въ союзы для защиты своихъ интересовъ, послѣ того какъ парламентъ отмѣнилъ прежніе законы, запрещавшіе образованіе какихъ бы то ни было ассоціацій среди рабочихъ [2]). Между прочимъ участіе въ этомъ движеніи принялъ и Оуенъ, проповѣдовавшій необходимость основанія кооперативныхъ ассоціацій [3]). Политическая агитація, подготовившая парламентскую реформу, до нѣкоторой степени затормозила развитіе рабочихъ союзовъ, но послѣ 1832 г. оно возобновляется съ новою силою подъ руководствомъ Оуена. Возникъ даже большой промышленный союзъ (Trades-Union), охватившій собою всю Англію и поставившій своею цѣлью посредствомъ общей стачки рабочихъ добиться отъ парламента изданія закона, по которому рабочій день не превышалъ бы восьми часовъ. Въ этой организаціи насчитывалось около пятисотъ тысячъ членовъ. Такъ какъ фабриканты для борьбы съ этимъ союзомъ образовали свой собственный, а суды стали преслѣдовать участниковъ рабочаго союза, то весьма скоро отъ этого способа борьбы англійскому пролетаріату пришлось отказаться. Естественнымъ недовольствомъ рабочихъ воспользовались тогда радикалы, которые стали доказывать, что рабочіе никогда не добьются осуществленія своихъ стремленій, пока не будутъ имѣть представительства въ парламентѣ. Въ 1837 г. между вождями обоихъ движеній состоялось соглашеніе, результатомъ котораго и было знаменитое движеніе чартистовъ, принявшее весьма грозный характеръ. Но надежды, которыя на него возлагались, себя не оправдали, и впослѣдствіи рабочіе снова отка-

[1]) См. т. IV, стр. 658 и слѣд.
[2]) См. т. IV, стр. 559.
[3]) См. т. IV, стр. 659.

зались отъ политической программы для того, чтобы дѣйствовать исключительно путемъ частныхъ сдѣлокъ съ предпринимателями и путемъ петицій въ парламентъ о томъ, чтобы создано было болѣе справедливое законодательство о рабочихъ. Нельзя сказать, чтобы въ послѣднемъ отношеніи рабочее движеніе было безуспѣшнымъ. Хотя идея невмѣшательства и была въ эту эпоху весьма популярна въ господствующемъ классѣ общества, тѣмъ не менѣе практически принципъ экономической свободы проводился только въ области торговли [1]), тогда какъ въ области промышленности, наоборотъ, издавались законы, ограждавшіе рабочихъ отъ эксплуатаціи со стороны предпринимателей. Сторонники манчестерской школы и капиталисты рѣзко возставали противъ нарушенія того, что они называли свободой частныхъ соглашеній, но и эта свобода стала встрѣчать все большее и большее количество противниковъ не только среди рабочихъ, которые ея никогда и не защищали, но и среди людей, принадлежавшихъ къ другимъ классамъ общества.

Вообще безусловному господству принципа laissez passer, laissez faire приходилъ конецъ, и за государственное вмѣшательство, уже ранѣе намѣчавшееся, напримѣръ, Сисмонди [2]), все чаще и чаще начинали раздаваться голоса въ литературѣ. Мало того: недовѣріе къ свободѣ частныхъ соглашеній въ области промышленности стало переноситься вообще на принципъ индивидуальной свободы. Въ предыдущій періодъ уже сенъ-симонисты проявляли крайнее нерасположеніе къ индивидуальной свободѣ и подчиняли всю жизнь личности строгой общественной регламентаціи [3]). Въ эпоху іюльской монархіи такое антииндивидуалистическое теченіе выразилось во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ общественныхъ ученіяхъ. Здѣсь оно соединилось, съ одной стороны, съ демократическимъ католицизмомъ, стремившимся къ переустройству общества на основѣ своеобразно понятаго христіанства, съ другой — съ традиціей якобинизма, которому стало приписываться значеніе чисто соціальной доктрины. Явилось даже представленіе о тождествѣ принциповъ католицизма и якобинизма, требующихъ безусловнаго подчиненія личнаго начала началу общественному. Въ подобнаго рода воззрѣніяхъ демократіи прямо рекомендовалось смотрѣть на принципъ индивидуальной свободы, какъ на принципъ буржуазный и антисоціальный. Въ Англіи, гдѣ свобода давнымъ-давно вошла въ общественные нравы, демократическія ученія не принимали такой окраски. Но и

---

[1]) См. выше, стр. 94.
[2]) См. т. IV, стр. 620.
[3]) См. т. IV, стр. 647.

здѣсь также соціальныя требованія демократіи выводились иногда изъ религіозно-нравственныхъ принциповъ, и точно также существовало цѣлое направленіе такъ называемаго „христіанскаго соціализма".

Въ двадцатыхъ годахъ новыя соціальныя ученія были достояніемъ лишь интеллигентныхъ кружковъ и не проникали еще въ рабочія массы. Настоящую историческую роль въ обѣихъ названныхъ странахъ эти ученія начали играть лишь съ тридцатыхъ годовъ. Германія отставала отъ Франціи и Англіи и въ томъ отношеніи, что ученія соціальнаго характера стали въ ней возникать позднѣе, и въ томъ отношеніи, что въ ней началъ образовываться пролетаріатъ, какъ отдѣльный классъ, тоже гораздо позднѣе. Тѣмъ не менѣе и въ Германіи въ эту эпоху рядомъ съ радикализмомъ политическимъ возникаетъ и радикализмъ соціальный подъ несомнѣннымъ вліяніемъ французской соціалистической мысли. Въ эту эпоху нѣмецкіе демократы вели агитацію во имя возстановленія германской имперіи съ демократической конституціей, но, какъ мы видѣли [1]), отдѣльныя правительства и союзный сеймъ всячески старались подавить это движеніе. Около 1833 г. среди нѣмецкихъ демократовъ произошло раздѣленіе на чисто политическихъ и соціальныхъ революціонеровъ. Въ Гессенѣ образовалось даже особое тайное общество „Правъ человѣка", которое предприняло агитацію среди мѣстныхъ крестьянъ. Но въ самой Германіи вести подобную пропаганду было не безопасно и поэтому главныя нѣмецкія организаціи возникали и дѣйствовали за предѣлами Германіи. Въ 1836 г. въ Парижѣ нѣмецкіе эмигранты и рабочіе основали особое тайное общество, называвшееся сначала „Союзомъ праведниковъ" (Bund der Gerechten), а потомъ „Союзомъ коммунистовъ" (Bund der Communisten). Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ связи съ этимъ союзомъ стояли уже нѣмецкія демократическія организаціи въ Швейцаріи, въ Англіи и и Бельгіи. Главные дѣятели этого союза даже вынуждены были перенести свое мѣстопребываніе изъ Парижа въ Лондонъ (1840). Въ самой Германіи у нихъ были многочисленные сторонники, образовавшіе отдѣльные радикальные кружки и издававшіе запрещенные листки и брошюры.

Весьма значительное демократическое движеніе происходило и въ Швейцаріи. Уже въ самомъ концѣ двадцатыхъ годовъ здѣсь возникла демократическая партія, которая стала требовать измѣненій въ конституціи отдѣльныхъ кантоновъ. Іюльская революція была какъ нельзя болѣе благопріятна этимъ требованіямъ, и вотъ въ 1830 и 1831 гг. въ одиннадцати наиболѣе важныхъ кантонахъ были введены новыя конституціи весьма демократическаго и либеральнаго

[1]) См. выше, стр. 168 и слѣд.

характера [1]). Ободренные этимъ успѣхомъ швейцарскіе радикалы задумали произвести измѣненія и въ союзной конституціи, но эта попытка не привела къ желательному результату, такъ какъ встрѣтила оппозицію со стороны представителей старины. Одни изъ швейцарскихъ либераловъ удовольствовались произведенными перемѣнами, но другіе стояли за необходимость продолженія революціи. Между тѣмъ послѣ неудачъ, какимъ подверглись разныя политическія движенія начала тридцатыхъ годовъ, въ Швейцарію переселилось большое количество эмигрантовъ различныхъ національностей— поляки и итальянцы, нѣмцы и французы, которые тотчасъ же сдѣлались вѣрными союзниками швейцарскихъ демократовъ. Это навлекло на Швейцарію неудовольствіе монархическихъ правительствъ, которыя стали требовать выдачи или изгнанія революціонеровъ [2]). Умѣренные либералы готовы были итти на уступки, но радикалы отстаивали право убѣжища. Параллельно съ этимъ демократическимъ движеніемъ въ странѣ происходило и движеніе клерикальное, которое, опираясь на католическіе кантоны, стремилось къ отмѣнѣ всѣхъ либеральныхъ нововведеній. Весьма естественно, что демократическая партія въ Швейцаріи должна была принять рѣзкій антиклерикальный характеръ. Наконецъ, такъ какъ въ Швейцаріи проживали эмигранты разныхъ національностей, среди которыхъ уже существовали и чисто соціальныя стремленія, то и здѣсь въ эту эпоху происходитъ соціалистическая пропаганда.

Одною изъ любопытныхъ чертъ демократическаго движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ является сближеніе между революціонерами разныхъ національностей; въ это время даже дѣлаются попытки установленія международной солидарности между демократами разныхъ странъ. Этому весьма много содѣйствовала разноплеменная политическая эмиграція, собиравшаяся то въ Парижѣ, то въ Цюрихѣ, то въ Брюсселѣ, то въ Лондонѣ. Впрочемъ, и это явленіе не было совершенно новымъ, такъ какъ уже въ эпоху реставраціи тайныя общества, напримѣръ, карбонаріевъ, входили въ сношенія другъ съ другомъ. Новымъ было то, что создавалась единая организація

---

[1]) Для исторіи Швейцаріи въ этотъ періодъ см. *Baumgartner*. Die Schweiz und ihre Umgestaltungen. 1853 — 65 (Періодъ отъ 1830 по 1850). — *Henne am Rhyn*. Geschichte des Schweizervolkes. 1878, томъ III. — *Vuillemin*. Histoire de la confédération suisse. 1881, томъ II. — *Daendliker*. Geschichte der Schweiz. 1895, томъ III. — *Tillier*. Geschichte der Eidgenossenschaft (во второй части періодъ 1830—1848). — *Berghoff-Ising*. Die socialistische Arbeiter-Bewegung in der Schweiz. 1895. Соч. по такъ называемому Зондербунду будутъ указаны въ главѣ XVII.

[2]) См. выше, стр. 157—158.

для всей Европы. Первая попытка въ этомъ направленіи сдѣлана была главнымъ образомъ итальянскими республиканцами, которые основали общество „Молодой Италіи“. По образцу этой организаціи мало-по-малу возникли „Молодая Польша“, „Молодая Германія“, „Молодая Швейцарія“, „Молодая Франція“ и „Молодая Испанія“, во всей своей совокупности составлявшія „Молодую Европу“. Это былъ, такъ сказать, международный союзъ революціонныхъ элементовъ, притомъ чисто политическаго характера. Такъ какъ, однако, въ большей части названныхъ странъ уже существовали и чисто соціалистическіе кружки, то немудрено, что нѣсколько позднѣе возникла мысль и о соединеніи подъ одно знамя соціалистовъ и реформаторовъ всѣхъ странъ. Эта идея вышла въ концѣ сороковыхъ годовъ изъ среды нѣмецкихъ демократовъ, которые, какъ мы только-что видѣли, организовали свой „Союзъ коммунистовъ“ съ центральнымъ управленіемъ сначала въ Парижѣ, потомъ въ Лондонѣ и съ развѣтвленіями въ Бельгіи, Швейцаріи и Германіи. Такимъ образомъ дѣятельность демократовъ разныхъ странъ объединилась, и то, что мысль вырабатывала въ одной странѣ, скоро дѣлалось извѣстнымъ въ другихъ.

Иногда это международное демократическое движеніе принимало прямо космополитическій характеръ. Въ этомъ отношеніи особенно выдвигались впередъ нѣмцы, среди которыхъ и въ прежнія времена космополитическія стремленія находили наибольшее количество приверженцевъ [1]). Равнымъ образомъ это настроеніе господствовало въ Германіи и среди передовыхъ евреевъ, особенно въ западныхъ областяхъ, гдѣ вообще общественная жизнь отличалась большимъ развитіемъ. Многіе нѣмецкіе либералы прямо говорили, что если бы вспыхнула война между Франціею и двумя великими нѣмецкими державами, то всѣ нѣмцы, дорожащіе политической свободой, должны были бы стать на сторону Франціи. Въ этомъ же направленіи высказывались и наиболѣе крупные нѣмецкіе писатели этой эпохи, Бёрне и Гейне. Съ другой стороны, однако, общими силами демократовъ всѣхъ странъ должны были достигаться цѣли строго національнаго характера, какъ это и было, напримѣръ, при организаціи „Молодой Италіи“, разросшейся въ „Молодую Европу“. Но одновременно съ этимъ происходили и чисто національныя движенія, отличавшіяся большою исключительностью и воспитывавшія международную рознь. Для послѣдней существовали, конечно, свои реальныя основанія — въ томъ угнетеніи, въ какомъ однѣ національности находились по отношенію къ другимъ. Особенное значеніе это имѣло въ Австріи,

[1]) См. т. III, стр. 265 и IV, стр. 209.

въ предѣлахъ которой нѣмецкая національность господствовала надъ итальянцами, венграми и славянами разныхъ народностей. Иногда національное господство было въ то же время и соціальнымъ, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда господствующіе классы и народная масса принадлежали къ разнымъ національностямъ. Національныя движенія, охватывавшія разные слои общества, должны были принимать, если можно такъ выразиться, народническій характеръ, такъ какъ вожди этихъ движеній весьма справедливо въ народной массѣ видѣли естественную основу каждой національности. Благодаря этому, среди образованныхъ людей возникалъ интересъ къ народному быту, но въ то самое время, какъ, напримѣръ, во Франціи и Англіи народолюбцы болѣе всего интересовались экономическимъ положеніемъ трудящейся массы, въ другихъ странахъ интересъ къ народу выражался въ изслѣдованіи того, что въ наши дни получило названіе фольклора, т.-е. въ изученіи этнографическихъ особенностей народнаго быта, народныхъ преданій и повѣрій, обычаевъ и обрядовъ. Подобное направленіе особенно развилось въ Германіи и сдѣлалось чуть не господствующимъ у австрійскихъ славянъ. Соединяясь съ извѣстнымъ романтизмомъ, большею частью чуждое культурнымъ и соціальнымъ запросамъ новѣйшаго времени, оно должно было отличаться и отличалось на самомъ дѣлѣ весьма узкимъ національнизмомъ и нерасположеніемъ къ чужимъ національностямъ. Нѣмцы, которые въ XVIII в. проявляли наибольшій космополитизмъ, въ началѣ XIX в. сдѣлались наставниками другихъ народовъ въ сочиненіи историко-философскихъ теорій, доказывавшихъ духовное превосходство и, такъ сказать, провиденціальное избранничество извѣстныхъ народностей. Родоначальниками этого направленія еще въ предыдущій періодъ были нѣмецкіе философы Фихте и Гегель, учившіе о превосходствѣ „германскаго духа“ [1]). Въ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, итальянецъ Джіоберти, наоборотъ, доказывалъ первенство своей національности. Но особенно благодарную почву нашли подобнаго рода воззрѣнія у славянъ, получивъ у нихъ сильную религіозно-мистическую окраску, хотя совершенно неодинаковую у отдѣльныхъ народовъ. Здѣсь мы особенно имѣемъ въ виду польскій мессіанизмъ и русское славянофильство—два направленія, одно другому враждебныя и въ національномъ, и въ вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ, но одинаково сходившіяся въ томъ, чтобы приписывать особое исключительное положеніе славянству во всемірной исторіи. Можно сказать, что происходившая у насъ въ Россіи борьба между западниками и славянофилами была лишь отраженіемъ великой противоположности между соціально-

[1]) См. т. IV, стр. 210, 374—375.

политическимъ и національностическимъ направленіями, существовавшими на западѣ Европы. Первое было представлено преимущественно Франціей и Англіей, второе—главнымъ образомъ славянами. Среди нѣмцевъ существовали оба эти направленія, только не такъ рѣзко выраженныя, какъ у ихъ западныхъ и восточныхъ сосѣдей. Во всякомъ случаѣ національныя движенія отрѣшались отъ международной солидарности и способны были подниматься лишь до понятія солидарности племенной. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что среди слабыхъ и разрозненныхъ славянскихъ народностей Австріи весьма естественно должна была возникнуть мысль, что лишь въ общемъ союзѣ славяне были бы въ состояніи отстаивать себя противъ германизма. Такова была основная мысль направленія, получившаго названіе панславизма и подъ этимъ названіемъ сдѣлавшагося своего рода пугаломъ для Западной Европы. Хотя въ славянскомъ движеніи, дѣйствительно, было не мало реакціоннаго и хотя въ бурную революціонную эпоху славяне отчасти на самомъ дѣлѣ сыграли реакціонную роль, однако, они все-таки отстаивали и прогрессивные принципы національной независимости и развитія самосознанія въ народныхъ массахъ. Нѣмецкіе національностисты были неспособны оцѣнить эту сторону дѣла, и международная рознь не мало содѣйствовала общему неуспѣху движенія конца сороковыхъ годовъ.

Эти національныя движенія выразились въ формахъ двоякаго рода — въ литературѣ и политикѣ; нужно замѣтить, что славянское движеніе въ концѣ концовъ оставило гораздо больше слѣдовъ на развитіи литературы, чѣмъ въ политической области, хотя передовые славянскіе народы, поляки и чехи, испытывали на себѣ въ сильной степени дѣйствіе западныхъ политическихъ идей.

На крайнемъ Западѣ только въ одной Ирландіи происходило движеніе, которое можно поставить рядомъ съ національными движеніями центральной Европы. Именно здѣсь мы разумѣемъ Ирландію, которая угнеталась англичанами. Громадное большинство населенія этого острова въ двоякомъ отношеніи было чуждо господствующему англійскому меньшинству—и по вѣрѣ, и по соціальному положенію. Такъ называемая эманципація католиковъ [1]) не успокоила ирландцевъ, и среди нихъ попрежнему происходило сильное броженіе съ довольно рѣзко выраженнымъ національнымъ характеромъ.

Всѣ общественныя движенія, намѣченныя въ этой главѣ, зародившись еще до 1830 г., въ теченіе двухъ слѣдующихъ десятилѣтій получили настолько сильное развитіе, что дали весьма яркую окраску революціи 1848 г., сдѣлавъ изъ нея событіе болѣе грандіозное и

[1]) См. т. IV, стр. 492.

сложное, чѣмъ была революція 1830 г. Въ слѣдующихъ главахъ мы и разсмотримъ исторію новыхъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ стремленій въ отдѣльныхъ странахъ.

X. Англійское законодательство тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ [1]).

Взаимныя отношенія парламентскихъ партій послѣ 1832 г. — Преобразованія въ мѣстномъ управленіи.—Государственная дѣятельность Пиля.—Фабричное законодательство въ Англіи.—Условія, при которыхъ оно проводилось. — Связанная съ нимъ публицистика той эпохи. — Агитація рабочихъ союзовъ. — Главнѣйшіе фабричные законы.—Роль фабричной инспекціи.—Печальное положеніе англійскихъ рабочихъ. – Общее значеніе фабричнаго законодательства.—Положеніе Ирландіи.— О'Коннель и ирландская партія.—Главныя реформы въ Ирландіи.

Въ Англіи въ разсматриваемый періодъ политическое преобладаніе, какъ и во Франціи, принадлежало среднимъ классамъ, господство которыхъ и здѣсь вызвало весьма значительную демократическую оппозицію. Эта оппозиція проявилась именно въ началѣ царствованія королевы Викторіи, которая въ 1837 г. наслѣдовала своему дядѣ Вильгельму IV. Какъ въ концѣ царствованія этого короля, такъ и въ началѣ новаго царствованія во главѣ англійскаго правительства стояли либералы: этимъ именемъ съ теченіемъ времени стали называть партію, въ составъ которой вошли прежніе виги и радикалы.

---

[1]) Общій очеркъ законодательной дѣятельности парламента послѣ реформы 1832 г. можно найти въ концѣ второго тома книги *May'я* (ср. т. IV, стр. 434), гдѣ указаны и менѣе важныя реформы. Главный недостатокъ этого очерка тотъ, что болѣе крупныя реформы не выдѣлены и, напримѣръ, фабричному законодательству посвящена лишь одна страница. Общій тонъ этого очерка страдаетъ излишнимъ оптимизмомъ. Сочиненія по исторіи англійскихъ реформъ въ области торговли указаны выше, на стр. 90, а вообще по соціальной исторіи Англіи на стр. 513—514 четвертаго тома. Для мѣстнаго управленія см. *Gneist.* Das heutige englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht. 1857—1863 (позднѣйшія изданія подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ). — *E. Jenks.* An outline of english local government. 1894.—*Arminjon.* L'administration locale d'Angleterre. 1895.—*Bompe.* Мѣстное управленіе въ Англіи. 1896.—Для положенія рабочихъ и фабричнаго законодательства (кромѣ I т. „Капитала" *Маркса*) *Fr. Engels.* Die Lage der arbeitenden Klassen in England. 1845 (было переиздано въ 1892 г.) *Alfred.* The history of the factory movement. 1857, а также нѣкоторыя книги, указанныя въ слѣдующей главѣ. Для Ирландіи см. *Murphy.* Ireland industrial, political and social. 1870. — *Pressensé.* L'Irlande et l'Angleterre (1800—1888). 1889.—*Daunt.* Eighty fives years of irish history (1800—1885). 1886. См. также статью *Каутскаго* въ „Рус. Бог." за 1894 г. кн. I. Въ книгѣ *А. Манулова* „Аренда земли въ Ирландіи (1895) собрано много фактовъ, относящихся къ исторіи самой аренды и ея законодательнаго регулированія.

Консерваторы, т.-е. прежніе торіи лишь временно пользовались властью. Въ 1834 г. Вильгельмъ IV задумалъ-было отдѣлаться отъ либеральнаго министерства, но лишь на очень короткое время во главѣ правленія становилось консервативное министерство Роберта Пиля [1]). Въ 1835 г. либералы опять вернулись къ власти, имѣя во главѣ Мельборна, и оставались у кормила правленія до 1841 г., когда власть снова перешла въ руки Пиля, на этотъ разъ уже на болѣе продолжительное время: либералы съ Росселемъ во главѣ возвратились къ власти только въ 1846 г. и удерживали ее затѣмъ весьма долгое время, хотя все-таки съ короткими перерывами. Несмотря на то, что обѣ партіи постоянно находились въ антагонизмѣ между собою, по нѣкоторымъ вопросамъ онѣ дѣйствовали въ полномъ согласіи. И консерваторы, и либералы одинаково отстаивали политическій строй Англіи отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ преобразованій, видя въ парламентской реформѣ 1832 г. все, на что можно было согласиться или чего слѣдовало требовать въ этой области. Наоборотъ, въ другихъ областяхъ либералы выступали въ роли реформаторовъ. Изъ ихъ среды вышли билли въ пользу преобразованій въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія и въ пользу свободной торговли, о чемъ рѣчь была уже выше [2]). Впрочемъ, по обоимъ вопросамъ либералы пользовались поддержкою части консерваторовъ, а въ 1847 г. въ консервативной партіи произошелъ даже расколъ, такъ какъ одна ея часть высказалась за принципъ свободной торговли. Благодаря либераламъ также, въ 1832 г. парламентъ въ первый разъ отпустилъ правительству 20.000 ф. ст. для оказанія поддержки дѣлу народнаго образованія. Нужно замѣтить, что первоначальное обученіе до этого времени находилось всецѣло въ рукахъ господствующей церкви и религіозныхъ сектъ и поддерживалось въ значительной мѣрѣ частною благотворительностью. Либералы нашли такой порядокъ вещей ненормальнымъ и провели въ жизнь принципъ государственной помощи школьному дѣлу, хотя и не рѣшались еще на то, чтобы взять это дѣло въ вѣдѣніе государства. Консерваторы въ общемъ довольно сочувственно отнеслись къ этой перемѣнѣ, такъ какъ совсѣмъ не были заражены обскурантизмомъ своихъ континентальныхъ собратій. Къ концу тридцатыхъ годовъ ежегодная государственная субсидія школамъ возросла въ полтора раза сравнительно съ суммой 1832 г. Въ 1843 г. она повысилась до 40.000 ф. ст., но если мы примемъ въ расчетъ, что весь тогдашній бюджетъ составлялъ 54.000.000 ф. ст., то должны будемъ признать, какъ незначи-

---

[1]) См. выше, стр. 85—86.

[2]) См. выше, стр. 93 и слѣд.

тельна была еще сумма, отпускавшаяся на народное образованіе [1]). Слѣдуетъ прибавить, что первоначально этими деньгами пользовались главнымъ образомъ школы, содержавшіяся вѣроисповѣдными ассоціаціями. Мало-по-малу, однако, помощь стала оказываться и частнымъ школамъ свѣтскаго характера. Въ 1839 г. учреждены были особые правительственные инспектора и образовался особый центральный комитетъ по школьному дѣлу, хотя попрежнему законъ совершенно не вмѣшивался во внутренніе распорядки школъ. Только въ 1870 г. изданы были на этотъ предметъ особыя постановленія.

Важны были также произведенныя въ тридцатыхъ годахъ преобразованія въ мѣстномъ управленіи. Въ Англіи принципъ мѣстнаго самоуправленія былъ давнымъ-давно осуществленъ въ жизни, но оно имѣло строго аристократическій и даже олигархическій характеръ. Мѣстныя дѣла въ приходахъ и графствахъ вѣдались приходскими совѣтами и мировыми судьями, а въ городахъ и бургахъ — наслѣдственными олигархическими корпораціями, имѣвшими крайне разнообразное устройство. Должностныя лица по мѣстному управленію исправляли свои обязанности безвозмездно, вслѣдствіе чего за такого рода дѣятельность могли браться только весьма обезпеченные люди. Кромѣ того, они пользовались своею властью и почти безотчетно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вело къ злоупотребленіямъ. Особенно, напримѣръ, произвольно поступали надзиратели за бѣдными, которые между прочимъ занимались поставкою малолѣтнихъ рабочихъ на фабрики [2]). Наиболѣе важною и вліятельною въ мѣстномъ управленіи должностью была старинная должность мирового судьи (justice of the peace) съ весьма широкою, но довольно неопредѣленною компетенціей въ дѣлахъ судебно-полицейскаго и хозяйственнаго характера. Эта должность, пожизненная и безсмѣнная, сдѣлалась достояніемъ членовъ поземельной аристократіи, которые исполняли свои сложныя и трудныя обязанности безвозмездно, но въ то же самое время и почти независимо отъ центральной власти, такъ что мировые судьи сдѣлались настоящими представителями автономіи графствъ. Послѣ парламентской реформы 1832 г. прежняя система мѣстнаго управленія стала подвергаться частичнымъ измѣненіямъ, общій характеръ которыхъ заключался, съ одной стороны, въ ослабленіи вліянія аристократіи, а съ другой, въ постепенной, хотя и довольно медленной, демократизаціи мѣстныхъ учрежденій. Обыкновенно реформа касалась лишь какой-нибудь отдѣльной стороны мѣстной жизни, напримѣръ, общественной благотворительности, какъ это произошло

[1]) Теперь Англія расходуетъ 183.000.000 ф. ст. на начальное образованіе.
[2]) См. т. IV, стр. 583.

при отмѣнѣ старыхъ законовъ о бѣдныхъ въ 1834 г. [1]). Или когда назрѣвали новыя нужды, для ихъ удовлетворенія создавались и новые органы. Въ обоихъ случаяхъ возникали новыя должности, по существу своему отличныя отъ должности мирового судьи, получавшаго пожизненное назначеніе и не пользовавшагося никакимъ вознагражденіемъ. Новыя должности были или выборныя, или чиновничьи съ жалованьемъ изъ государственнаго казначейства. Вмѣстѣ съ этимъ въ Лондонѣ создавались новыя центральныя учрежденія, которыя должны были руководить дѣйствіями мѣстныхъ органовъ. Въ городахъ и бургахъ законъ 1835 г. отмѣнилъ привилегіи прежнихъ наслѣдственныхъ корпорацій, распространивъ право участвовать въ выборахъ на всѣхъ жителей, удовлетворявшихъ требованію извѣстнаго имущественнаго ценза. Вмѣстѣ съ этимъ былъ положенъ конецъ крайне пестрому разнообразію прежняго устройства городовъ и мѣстечекъ и введенъ былъ повсемѣстно болѣе однообразный порядокъ. Этими реформами была открыта эра полной перестройки старыхъ мѣстныхъ учрежденій безъ нарушенія, однако, существенныхъ признаковъ такъ называемаго selfgovernment'a.

Разныя реформы, какія вообще въ эту эпоху предпринимались въ Англіи, объясняются не только интересами того общественнаго класса, который сдѣлался преобладающимъ въ политической жизни, но и другими причинами, а именно лучшимъ пониманіемъ условій и требованій новой государственной жизни и вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Напримѣръ, забота о народномъ образованіи не имѣла въ себѣ вовсе классоваго характера, и если вопросъ объ этомъ былъ поставленъ либералами, консерваторы были настолько умны, чтобы понять, что гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми, получившими нѣкоторое образованіе, чѣмъ съ совершенно невѣжественными массами. Какъ выше было уже сказано въ одномъ мѣстѣ, англійскій консерватизмъ не имѣлъ того ретрограднаго характера, какимъ отличались такъ называемыя консервативныя партіи на континентѣ [2]). Послѣ парламентской реформы консервативная партія въ Англіи не только не думала о томъ, чтобы какъ-нибудь все передѣлать на старый ладъ, но до извѣстной степени даже обнаруживала уступчивость по отношенію къ новымъ требованіямъ и условіямъ жизни. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна въ разсматриваемую эпоху дѣятельность одного государственнаго человѣка, вполнѣ справедливо причисляемаго къ наиболѣе виднымъ государственнымъ людямъ Англіи.

---

[1]) См. выше, стр. 94—95.

[2]) См. выше, стр. 85.

Мы имѣемъ въ виду сэра Роберта Пиля [1]), біографію котораго позднѣе написалъ Гизо, лично бывшій съ нимъ знакомымъ и одновременно съ нимъ находившійся у власти. Но между обоими государственными людьми была нѣкоторая разница, несмотря на консерватизмъ обоихъ. Не въ примѣръ своему французскому товарищу Пиль гораздо лучше понималъ задачи консервативной политики, сдерживающей, но не задерживающей общественныя перемѣны. Если Гизо можетъ быть названъ либераломъ, постепенно превратившимся въ реакціонера, то Пиль, наоборотъ, былъ консерваторомъ, по временамъ считавшимъ нужнымъ совершать либеральныя реформы. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ онъ былъ признаннымъ вождемъ консервативной партіи и тогда, когда она находилась въ оппозиціи, и тогда, когда въ ея руки переходила власть. Съ этой точки зрѣнія независимо отъ личнаго своего характера Пиль заслуживаетъ особаго вниманія, какъ лучшій представитель англійскаго консерватизма.

По своему рожденію въ торійской семьѣ и по своему воспитанію въ ту эпоху, когда въ англійскомъ обществѣ господствовало реакціонное настроеніе, вызванное французской революціей, Пиль началъ свою политическую карьеру въ рядахъ консерваторовъ. Ему едва исполнился двадцать одинъ годъ, когда, благодаря вліянію своего отца, онъ былъ избранъ въ нижнюю палату (1809), гдѣ примкнулъ къ партіи торіевъ. Въ слѣдующемъ же году онъ сдѣлался помощникомъ статсъ-секретаря по дѣламъ колоній, а затѣмъ въ теченіе шести лѣтъ (1812—1818) занималъ такую же должность по ирландскимъ дѣламъ. Знакомясь съ практическою жизнью, онъ не оставался упорнымъ доктринеромъ партіи, но нерѣдко принималъ въ расчетъ указанія опыта. Продолжительное занятіе ирландскими дѣлами показало ему, до какой степени ненормальны были условія, исключавшія католиковъ изъ права представительства въ парламентѣ, и онъ сдѣлался однимъ изъ сторонниковъ идеи о необходимости уступить требованіямъ католиковъ. Съ 1822 по 1827 г. Пиль находился въ составѣ министерства, въ которое вернулся въ 1828 г. по смерти Каннинга [2]). Въ это время въ палатѣ общинъ уже неоднократно поднимался вопросъ объ эманципаціи католиковъ, а также велась дѣятельная агитація посредствомъ прессы и митинговъ [3]). Пиль рѣшился итти на встрѣчу этому движенію и вотъ какъ въ своихъ

[1]) Біографіи Peel'я написаны *Künzel*'емъ (1851), *Guizot* (1856), *Lawr. Peel*'емъ (1860), *Bulwer*'омъ (1874) и др. Пиля обыкновенно выставляютъ, какъ образецъ настоящаго консерватизма; ср. статью *А. Д. Градовскаго* „Что такое консерватизмъ“ (въ сборникѣ „Трудные годы“. 1880).

[2]) См. т. IV, стр. 462.

[3]) См. т. IV, стр. 491—492.

мемуарахъ онъ объясняетъ свое рѣшеніе: „Существуетъ большая разница между уступками, которыя дѣлаются агитаціи съ поспѣшностью, нарушающею порядокъ, и мѣрами, которыя съ предусмотрительностью предпринимаются для предупрежденія общественнаго взрыва. Прежде нежели рѣшиться не дѣлать никакихъ уступокъ и ничего не измѣнять, благоразумный министръ обязанъ тщательно взвѣсить, чему онъ долженъ будетъ оказывать сопротивленіе и какія средства для этого находятся въ его распоряженіи". Убѣдивъ короля разрѣшить министерству поставить католическій вопросъ, Пиль и обратился къ палатѣ съ предложеніемъ согласиться на эманципацію католиковъ. „Я, говорилъ онъ въ своей рѣчи, уступаю только передъ нравственною необходимостью, бороться съ которою болѣе не въ состояніи". И онъ просилъ палату рѣшить, что было бы опаснѣе для протестантскихъ учрежденій, которыя онъ защищаетъ, — безусловное ли сопротивленіе или такія уступки, съ которыми соединены и нѣкоторыя предосторожности. Своимъ противникамъ, обвинявшимъ его въ измѣнѣ собственнымъ принципамъ и въ трусости передъ католическою ассоціаціей, онъ отвѣчалъ, что оставляетъ за собою право дѣйствовать согласно съ интересами родины и въ виду требованій времени, и что самый худшій видъ страха, это — страхъ подвергнуться обвиненію въ трусости. Иначе держалъ онъ себя по отношенію къ парламентской реформѣ. Въ 1830 г. торійское министерство вышло въ отставку, а виги поставили вопросъ о реформѣ. Пиль, далеко не раздѣляя вражды Веллингтона къ этому преобразованію [1]), тѣмъ не менѣе пускалъ въ ходъ всю свою логику и все свое краснорѣчіе, чтобы не дать осуществиться роковому, какъ онъ его называлъ, биллю. Въ реформѣ онъ видѣлъ источникъ всякихъ бѣдствій для Англіи, опасаясь, что реформа повлечетъ за собою „самый скверный изъ всѣхъ деспотизмовъ—деспотизмъ демагоговъ и журнализма". Эта оппозиція примирила съ Пилемъ торіевъ, которые косились на него за эманципацію католиковъ. Мало того: эту партію, разстроенную парламентскою реформою, онъ снова организовалъ и, ставъ въ ея главѣ, придалъ ей новый характеръ бо́льшей уступчивости требованіямъ времени и умѣнія сдерживать чисто реакціонныя стремленія. Задачею своей политики Пиль ставилъ теперь охрану государственнаго строя, созданнаго реформой 1832 г. Въ декабрѣ 1834 г. ему на очень короткое время удалось вернуться къ власти [2]), и онъ объявилъ парламенту, что смотритъ на только-что сдѣланную реформу, „какъ на окончательное и безповоротное рѣшеніе великаго кон-

[1]) См. выше, стр. 78.
[2]) См. выше, стр. 86.

ституціоннаго вопроса,—рѣшеніе, прибавилъ онъ, которому ни одинъ другъ мира и счастья родной страны не долженъ причинять ущерба ни прямо, ни окольными путями". Правда, у власти ему пришлось оставаться лишь до апрѣля слѣдующаго года, и затѣмъ въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ онъ опять былъ главою консервативной оппозиціи. Однако, въ теченіе всего этого періода онъ во многихъ случаяхъ поддерживалъ реформы, проводившіяся либералами. Между прочимъ, къ концу тридцатыхъ годовъ его все болѣе начинала тревожить судьба рабочихъ классовъ, для которыхъ онъ считалъ нужнымъ „сдѣлать то, что можно".

Въ 1841 г. Пилю удалось низвергнуть либеральное министерство, и новые выборы дали консервативное большинство, благодаря чему Пиль снова сдѣлался министромъ. Но это не было поворотомъ къ какой-нибудь реакціонной политикѣ. Напротивъ того, признанный вождь консервативной партіи выступилъ реформаторомъ. Будучи самъ членомъ правящаго класса, онъ сумѣлъ шире взглянуть на задачи правительства. Какъ и во время борьбы за эманципацію католиковъ, Пиль считалъ необходимымъ уступить требованіямъ времени въ области экономической жизни страны. Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было возстановленіе упраздненнаго въ 1815 г. подоходнаго налога (income tax) на доходы свыше 150 ф. ст. Къ немалому неудовольствію весьма многихъ членовъ своей партіи онъ добился также въ 1842 г. пониженія пошлины на привозный хлѣбъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ содѣйствовалъ уничтоженію послѣднихъ вывозныхъ пошлинъ, хотя и этимъ вызвалъ ропотъ немалаго количества членовъ своей партіи. Такимъ образомъ въ лицѣ Пиля консерваторы пошли на уступки либераламъ, агитировавшимъ въ пользу свободной торговли [1]). Вслѣдствіе этого онъ даже лишился поддержки части торійской партіи и, наоборотъ, сблизился съ оппозиціей. Но онъ все еще стоялъ за пошлины на привозный хлѣбъ, опасаясь, что при иностранной конкурренціи сократится производство хлѣба въ Англіи, и желая, чтобы страна могла обходиться безъ иностраннаго хлѣба въ случаѣ войны. Но когда въ 1845 г. вслѣдствіе недорода хлѣбъ въ Англіи сдѣлался слишкомъ дорогъ и даже начался голодъ, Пиль рѣшился потребовать полной отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Такимъ образомъ мѣра, въ пользу которой агитировала либеральная партія, была предложена консервативнымъ министерствомъ, хотя въ данномъ случаѣ большинство составилось лишь изъ 104 консерваторовъ въ союзѣ съ 223 либералами противъ 229 консерваторовъ. Это случилось въ 1846 г. Но именно этотъ расколъ среди самихъ консерваторовъ

[1]) См. выше, стр. 95 и слѣд.

заставилъ Пиля выйти въ отставку, хотя и послѣ этого съ нимъ осталась большая группа членовъ парламента, получившая названіе пилитовъ. Принципы свободной торговли, въ пользу которой дѣйствовало новое либеральное министерство (Росселя), нашли поддержку въ этой части консервативной партіи.

Правда, по многимъ вопросамъ часть консервативной партіи могла выступать солидарно съ либералами по той простой причинѣ, что обѣ эти партіи представляли часто одни и тѣ же соціальные интересы, но важно, что консерваторы иногда являлись продолжателями реформъ, начатыхъ ихъ политическими противниками, и именно въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ никакъ уже не были затронуты положительнымъ образомъ интересы господствующихъ классовъ. Это можно сказать, во-первыхъ, о мѣрахъ, касающихся народнаго образованія, во-вторыхъ, о фабричномъ законодательствѣ. Послѣднее заслуживаетъ по своей важности особаго разсмотрѣнія.

Старая законодательная регламентація промышленности въ Англіи пала въ началѣ XIX в. [1]), а вмѣстѣ съ этимъ отмѣнено было и запрещеніе рабочимъ вступать между собою въ союзы [2]). Такимъ образомъ устанавливался въ жизни принципъ свободнаго договора, за который и въ теченіе разсматриваемаго періода продолжала ратовать буржуазія, находившая въ данномъ случаѣ поддержку со стороны представителей политическаго либерализма и наиболѣе видныхъ дѣятелей экономической науки. Совсѣмъ иначе смотрѣли на вопросъ о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ въ экономическую жизнь рабочіе классы, которые, наоборотъ, желали, чтобы законы ограждали ихъ отъ эксплуатаціи капиталистовъ. И весьма рано рабочіе начали напоминать парламенту о своемъ существованіи путемъ петицій о законодательной защитѣ ихъ интересовъ. Сначала они просили о сохраненіи и строгомъ выполненіи старыхъ законовъ, ограждавшихъ интересы трудящейся массы [3]), потомъ стали просить изданія и новыхъ законовъ въ томъ же смыслѣ. Въ первой трети XIX в. въ Англіи происходили постоянныя народныя волненія, вызывавшіяся главнымъ образомъ бѣдствіями сельскихъ и городскихъ рабочихъ [4]). Общественное мнѣніе было также сильно возбуждено возмутительными злоупотребленіями, какія были обнаружены въ области примѣненія дѣтскаго труда на фабрикахъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Все это заставляло парламентъ такъ или иначе разсматривать вопросы, ка-

---

[1]) См. т. IV, стр. 564.
[2]) См. т. IV, стр. 559—560.
[3]) См. т. IV, стр. 567—568.
[4]) См. т. IV, стр. 590—591.

савшіеся быта рабочихъ и взаимныхъ отношеній труда и капитала. По этимъ вопросамъ парламентъ уже въ началѣ XIX в. назначалъ разныя коммиссіи, собиравшія фактическій матеріалъ, опрашивавшія заинтересованныхъ лицъ и составлявшія свои доклады [1]). Такая разработка вопросовъ, касавшихся быта рабочихъ, получила новый толчекъ, когда началась агитація въ пользу свободной торговли, также затрогивавшей интересы различныхъ классовъ общества. Если отсюда далеко не всегда возникали какія-либо практическія мѣры, во всякомъ случаѣ такимъ путемъ накоплялся богатый фактическій матеріалъ, на основаніи котораго можно было судить о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Напримѣръ, знаменитая работа Энгельса „Положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи“, вышедшая въ свѣтъ въ серединѣ сороковыхъ годовъ, сдѣлалась возможною лишь благодаря существованію такого матеріала [2]). Въ этомъ отношеніи англійскій парламентъ оставилъ далеко за собою французскія палаты. Какъ относились послѣднія къ бѣдствіямъ рабочихъ, можно видѣть хотя бы изъ примѣра того, какъ отнеслись онѣ къ ліонскому возстанію 1831 г. [3]). Быть можетъ, въ связи съ этимъ нужно поставить и меньшую разработанность соціальной исторіи Франціи въ XIX в. сравнительно съ соціальной исторіей Англіи [4]).

Первый законъ, изданный „въ видахъ огражденія здоровья и нравственности учениковъ, работающихъ на бумагопрядильныхъ и другихъ фабрикахъ“, относится еще къ 1802 г. [5]). Извѣстно, однако, что ближайшимъ поводомъ для изданія этого закона было сильное распространеніе эпидемическихъ болѣзней на фабрикахъ Манчестера и его округа. Рабочіе, а между ними особенно дѣти и подростки были поставлены въ самыя невозможныя условія жизни и работы. Жили они въ очень тѣсныхъ помѣщеніяхъ, которыя притомъ плохо провѣтривались, да и помѣщенія, въ которыхъ производилась работа, были также самыя невозможныя. Рабочіе были притомъ дурно одѣты, питались весьма скудно и работали сверхъ своихъ силъ. Но законъ 1802 г. ограничивался только заботою о приходскихъ ученикахъ, т. е. о дѣтяхъ бѣдняковъ, отдававшихся приходами какъ бы въ ученіе фабрикантамъ, и совершенно не касался дѣтей, отдававшихся на фабрики родителями и, слѣдовательно, какъ тогда полагали, находившихся подъ надзоромъ самихъ отцовъ и матерей. Этотъ законъ запрещалъ заставлять приходскихъ учениковъ работать болѣе двѣ-

[1]) См. т. IV, стр. 581 и 591.
[2]) Объ этой книгѣ см. ниже, въ гл. XVI.
[3]) См. выше, стр. 111—112.
[4]) См. т. IV, стр. 513—514.
[5]) См. т. IV, стр. 591.

ладцати часовъ въ сутки. Конечно, такое сокращеніе рабочаго времени для дѣтей нельзя назвать особенно значительнымъ, да и само сокращеніе распространялось далеко не на всѣхъ дѣтей, работавшихъ на фабрикахъ; тѣмъ не менѣе законъ 1802 г. имѣетъ важное историческое значеніе, какъ прецедентъ, показывавшій, что парламентъ и при новомъ экономическомъ строѣ не отрекался отъ своего стараго права вмѣшиваться въ дѣла промышленности. Положимъ, поводомъ къ изданію этого закона послужило развитіе эпидемическихъ болѣзней,—какъ то же самое случилось и позднѣе, когда въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Англіи стала свирѣпствовать холера,—но важно именно то, что парламентъ не могъ удержаться на точкѣ зрѣнія безусловнаго невмѣшательства государства въ веденіе дѣлъ промышленными предпринимателями. Такимъ образомъ, въ англійской государственной жизни существовала все-таки болѣе или менѣе прочная традиція, неблагопріятная для сторонниковъ безусловной экономической свободы. Между тѣмъ эту свободу въ разсматриваемую эпоху стремились осуществить и практическіе дѣятели изъ буржуазіи, понимавшіе, что она для нихъ выгодна, и весьма многіе вліятельные теоретики, не видѣвшіе или не хотѣвшіе видѣть вредной стороны невмѣшательства государства во взаимныя отношенія труда и капитала. Доктрина свободной конкурренціи не господствовала, однако, безусловно. Сторонники демократическихъ стремленій весьма естественно осуждали доктрину, столь невыгодно отражавшуюся на интересахъ народа. Къ нимъ примыкали филантропы изъ разныхъ лагерей, не исключая и консервативнаго, возмущавшіеся печальными явленіями дѣйствительности съ точки зрѣнія гуманности, нравственности и христіанской религіи. Этимъ создавалось общественное мнѣніе, враждебное, по крайней мѣрѣ, наиболѣе грубымъ формамъ эксплуатаціи труда. Общественная совѣсть возмущалась особенно сильно дурнымъ обращеніемъ, какому подвергались несчастныя дѣти, работавшія на фабрикахъ. Это не могло не дѣйствовать на парламентъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ самомъ консервативная партія не только не раздѣляла идей манчестерской школы, но даже находила нужнымъ противодѣйствовать своекорыстнымъ стремленіямъ промышленной буржуазіи, отстаивавшей экономическую свободу. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ зародилось въ Англіи фабричное законодательство, въ которомъ Франція такъ сильно отставала отъ своей сосѣдки. Достаточно отмѣтить, что во Франціи первый законъ о дѣтскомъ трудѣ на фабрикахъ былъ изданъ лишь въ 1841 г., т.-е. почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ то же самое впервые было сдѣлано въ Англіи.

Впрочемъ, и въ самой Англіи дѣло шло крайне медленно, и

ничего важнаго не было предпринято до начала тридцатыхъ годовъ. Нельзя сказать, чтобы за весь этотъ періодъ не раздавалось голосовъ въ пользу фабричнаго законодательства, но они не оказывали практическаго вліянія на жизнь. Самымъ энергичнымъ представителемъ этой идеи былъ родоначальникъ англійскаго соціализма, Оуенъ, который еще въ 1815 г. создалъ цѣлый планъ объ ограниченіи дѣтскаго труда на фабрикахъ, мотивируя необходимость такого закона ссылками на творившіеся въ фабричныхъ заведеніяхъ ужасы. За этимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ брошюръ, въ которыхъ Оуенъ излагалъ свои взгляды на необходимость вмѣшательства вообще въ положеніе фабричныхъ дѣтей и другихъ рабочихъ. Но особенно публицистика по рабочему вопросу развилась въ Англіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда пауперизмъ въ странѣ достигъ крайнихъ предѣловъ. Въ 1833 г. вышло въ свѣтъ любопытное сочиненіе Уэкфильда подъ заглавіемъ „Англія и Америка“, въ которомъ проводилась параллель между обѣими странами. Именно въ этой книгѣ авторъ ссылался на то, что сами англичане стали называть свои рабочіе классы бѣлыми рабами. Изобразивъ бѣдственное положеніе этихъ людей, Уэкфильдъ продолжаетъ: „положимъ, въ Америкѣ продѣлываютъ съ людьми (неграми) то же самое, но тамъ обращаются съ ними, какъ съ дорого стоящимъ скотомъ, даютъ имъ досыта ѣсть, укрываютъ ихъ отъ непогоды, держатъ ихъ въ хорошемъ настроеніи духа и даже выводятъ ихъ ребятъ прогуливаться на лужайку. Англійскіе рабы запрягаются въ возовыя телѣги и при этомъ дурно кормятся, дурно одѣваются, живутъ въ плохихъ жилищахъ, и, въ заключеніе, съ ними обращаются весьма нехорошо во многихъ отношеніяхъ“. При этомъ Уэкфильдъ замѣчаетъ, что англійскіе рабочіе мрутъ болѣе американскихъ рабовъ и что послѣдніе размножаются быстрѣе первыхъ. Англійскій простолюдинъ „терпитъ почти всѣ бѣдствія рабства и не наслаждается ни одной его выгодой: онъ не свободный человѣкъ и не рабъ, онъ—пауперъ“. Отсюда Уэкфильдъ дѣлаетъ тотъ выводъ, „что худшій видъ рабства существуетъ въ Англіи“. Болѣе всего, конечно, онъ возмущается эксплуатаціей дѣтскаго труда и проводитъ краснорѣчивую параллель между тѣмъ, какъ обращаются съ дѣтьми бѣдняковъ въ Англіи и съ дѣтьми негровъ въ Америкѣ: здоровьемъ и жизнью будущихъ рабовъ въ Америкѣ дорожатъ гораздо болѣе, чѣмъ здоровьемъ и жизнью будущихъ свободныхъ гражданъ Англіи. Въ томъ же самомъ 1833 г. вышла также книга Уэда подъ заглавіемъ „Исторія средняго и рабочаго классовъ“, заключавшая въ себѣ изображеніе бѣдственнаго положенія, въ какомъ находились въ то время англійскіе рабочіе. Вниманіе общества все болѣе и болѣе приковывалось къ этому вопросу, и Уэкфильдъ не безъ осно-

ванія писалъ въ своей книгѣ, что пауперизмъ былъ тогда „наиболѣе трактуемымъ вопросомъ въ англійской прессѣ“. Въ то самое время, какъ въ парламентѣ разсматривался вопросъ о налогѣ на бѣдныхъ [1]), одинъ изъ извѣстныхъ вождей демократической партіи, Коббетъ [2]) написалъ памфлетъ „Завѣщаніе рабочимъ“, въ которомъ онъ доказывалъ, что бѣдные имѣютъ право пользоваться частью дохода съ земли. Въ этомъ сочиненіи, имѣющемъ полемическій характеръ, онъ также изображаетъ бѣдственное положеніе рабочихъ и говоритъ о необходимости оказанія имъ государственной помощи. И въ общихъ трактатахъ политической экономіи начинаютъ встрѣчаться заявленія въ пользу государственной помощи рабочимъ, рядомъ съ критикой существующихъ экономическихъ отношеній. Таковы книги Томпсона („Изслѣдованіе принциповъ распредѣленія богатствъ“, 1824), Годскина („Популярная политическая экономія“, 1827), Скроба („Принципы политической экономіи“, 1833), Брея („Болѣзни и лѣкарства труда“, 1839), а также два анонимныя сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ 1844 г. и имѣвшія большой успѣхъ: „Опасности для націи“ и „Средства противъ нѣкоторыхъ золъ, составляющихъ опасность для націи“. Первая изъ двухъ только-что названныхъ книгъ носитъ еще подзаголовокъ „Воззваніе къ законодательству, духовенству, высшимъ и среднимъ классамъ“, но и вся указанная литература имѣетъ значеніе именно такихъ воззваній къ правительству и правящимъ классамъ. Общій выводъ былъ тотъ, что государство не должно оставаться равнодушнымъ въ виду народныхъ бѣдствій, порожденныхъ новой экономической системой.

Правящіе классы имѣли, однако, свой особый взглядъ на этотъ предметъ и продолжали указывать, какъ на причины экономическаго разстройства, на законы о бѣдныхъ и на стѣсненія торговли, пока эти законы и стѣсненія продолжали существовать. Потомъ стали ссылаться преимущественно на лѣность и нравственную распущенность рабочихъ, обвиняя такимъ образомъ ихъ самихъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, ихъ постигающихъ. Понятно, что подобнаго рода аргументы не оставались безъ отвѣта. Особенно много надеждъ возлагалось на благодѣянія свободной торговли, въ пользу которой велась самая дѣятельная агитація. Но многіе и тогда уже понимали, что дѣло совсѣмъ не въ уничтоженіи стѣснительныхъ для торговли законовъ. „Какой же толкъ, спрашивалъ въ 1833 г. Уэдъ, можетъ быть для націи отъ расширенія заграничной торговли, которая ради доставленія иностранцамъ дешеваго коленкора наполняетъ наши рабочіе дома нищими?“ Уже въ это

[1]) См. выше, стр. 94.
[2]) См. т. IV, стр. 484.

время начинали понимать, что такъ называемое національное богатство можетъ совмѣщаться съ нищетою народа. „Я, говоритъ тотъ же Уэдъ, большой поклонникъ политической экономіи, но отнюдь не желаю безъ разбору принимать всѣ ея догмы. Народное счастье несравненно важнѣе, чѣмъ народное богатство, неравномѣрно распредѣленное... Высокая заработная плата много полезнѣе, чѣмъ высокая прибыль. Хотя бы послѣдняя и совсѣмъ упала, все-таки пусть лучше народъ будетъ счастливъ, чѣмъ иностранная торговля преуспѣваетъ". Между прочимъ критики господствующей системы весьма нерѣдко понимали надлежащимъ образомъ и тѣ мотивы, которые лежали въ основѣ агитаціи въ пользу свободной торговли. Напримѣръ, въ одномъ изъ анонимныхъ сочиненій, названныхъ выше, разсказывается, какъ нѣкто, сдѣлавъ крупное пожертвованіе въ пользу лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, сказалъ при этомъ: „я даю сто фунтовъ и вѣрю, что когда цѣль лиги будетъ достигнута, то я получу барышъ, въ десять разъ большій, отъ увеличенія моей промышленности". Другой на это замѣтилъ, что дѣло здѣсь весьма простое: у кого окажется карманъ шире — у нихъ или у землевладѣльцевъ? Одновременно съ тѣмъ, какъ за интересы рабочихъ ратовала извѣстая часть публицистики, и сами рабочіе пытались бороться съ неблагопріятными условіями, въ какія они были поставлены. Главными средствами для этого были стачки и рабочіе союзы (trades-unions). Въ Англіи уже давно существовали ассоціаціи рабочихъ одного и того же ремесла, договаривавшіяся съ хозяевами относительно общихъ условій работы. Въ двадцатыхъ годахъ подобныя товарищества стали получать и другой характеръ, благодаря иниціативѣ Оуена, проповѣдовавшаго необходимость организаціи кооперативныхъ ассоціацій въ духѣ созданной имъ соціальной системы. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ даже основалъ особое „Общество содѣйствія національному возрожденію", а затѣмъ общій рабочій союзъ, чтобы агитировать въ пользу введенія восьмичасового рабочаго дня. Начались особенно частыя стычки, на которыя предприниматели отвѣтили своимъ союзомъ. Дѣло доходило до того, что одинъ изъ наиболѣе популярныхъ политико-экономовъ эпохи, Сеніоръ [1]), требовалъ примѣненія къ рабочимъ исключительныхъ законовъ, на что, однако, либеральное министерство отвѣчало сначала отказомъ, не желая наносить ущерба общественной свободѣ, охраняемой закономъ. Лишь впослѣдствіи оно согласилось признать за стачками значеніе противозаконныхъ заговоровъ. Одновременно съ этимъ и былъ поднятъ въ парламентѣ вопросъ о фабричномъ законодательствѣ: рабочіе напоминали о себѣ сами.

---

[1]) См. выше, стр. 98—99.

Главными дѣятелями на этомъ поприщѣ были лордъ Ашлей (впослѣдствіи графъ Шефстбюри) и Ричардъ Остлей. Первый изъ нихъ гораздо позже самъ разсказывалъ о томъ, какіе мотивы заставили его взяться за это дѣло. „Я хорошо помню, говоритъ онъ, какъ при самомъ началѣ фабричнаго движенія мнѣ однажды пришлось стоять у воротъ фабрики, когда изъ нея выходили дѣти: и какія это были жалкія, убитыя, мертвеннаго вида существа! Въ Брадфордѣ особенно бросалось въ глаза, до чего могла довести ребенка долгая жестокая работа. Между ними можно было насчитать сотни, почти тысячи калѣкъ и увѣчныхъ. Мой знакомый какъ-то собралъ ихъ много въ одномъ мѣстѣ, чтобы я могъ посмотрѣть на нихъ: это было доводящее до слезъ зрѣлище; ихъ уродства казались просто невозможными“. Нужно замѣтить, что лордъ Ашлей принадлежалъ къ консервативной партіи. Другой изъ названныхъ дѣятелей ранѣе прославился своею дѣятельностью въ союзѣ съ знаменитымъ Вильберфорсомъ въ пользу уничтоженія рабства негровъ въ Вестъ-Индіи. Живя потомъ въ одномъ фабричномъ округѣ, онъ тоже своими глазами видѣлъ бѣдствія, какія претерпѣвались фабричными дѣтьми, и это заставило его въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ съ особою энергіей настаивать на необходимости законодательнаго ограниченія эксплуатаціи дѣтскаго труда. Уже въ 1831 г. парламентъ образовалъ особую коммиссію, которая должна была изслѣдовать этотъ вопросъ, и результаты ея работъ были таковы, что законодательное вмѣшательство было признано вполнѣ необходимымъ [1]). Въ томъ же самомъ году былъ изданъ законъ, которымъ запрещалась ночная работа для лицъ моложе двадцати одного года, тѣхъ же рабочихъ, которымъ не исполнилось еще восемнадцати лѣтъ, и днемъ нельзя было заставлять работать болѣе двѣнадцати часовъ, а по субботамъ болѣе девяти.

Послѣ парламентской реформы подъ вліяніемъ агитаціи со стороны рабочихъ союзовъ и враждебнаго отношенія консервативной партіи къ фабрикантамъ фабричное законодательство приняло болѣе рѣшительный характеръ, тѣмъ болѣе, что прежніе законы касались главнымъ образомъ бумагопрядильныхъ фабрикъ, а теперь новыя правила стали распространять и на другія производства. Первый такой законъ былъ изданъ парламентомъ въ 1833 г. по иниціативѣ

---

[1]) Впрочемъ, еще въ 1819 г. изданъ былъ также законъ, запрещавшій бумагопрядильнымъ фабрикамъ занимать дѣтей, не достигшихъ девятилѣтняго возраста, а не достигшія шестнадцати лѣтъ не могли быть заняты работою свыше двѣнадцати часовъ въ сутки. Любопытно, что защитники рабочихъ около этого времени начинали требовать девятичасовой и восьмичасовой нормы для взрослыхъ (между прочимъ Оуенъ). Всѣхъ парламентскихъ актовъ, касающихся рабочихъ, было пять съ 1802 по 1833 г.

лорда Шефтбюри и при сильной поддержкѣ со стороны представителей крупнаго землевладѣнія, которымъ впослѣдствіи фабриканты отомстили отмѣною хлѣбныхъ законовъ. Актъ 1833 г. устанавливалъ для подростковъ отъ тринадцати до восемнадцати лѣтъ максимумъ работы не болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки, да и то только между половиной шестого утра и половиной девятаго вечера. Ночной трудъ запрещался также и для малолѣтнихъ, т.-е. для дѣтей отъ девяти до тринадцати лѣтъ, которыя притомъ вообще не должны были работать болѣе восьми часовъ въ сутки. За нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями запрещалось, наконецъ, пользоваться какимъ бы то ни было трудомъ дѣтей моложе девяти лѣтъ. Этотъ законъ, который долженъ былъ вводиться съ извѣстною постепенностью, создавалъ и особую фабричную инспекцію для наблюденія за тѣмъ, чтобы фабриканты не нарушали постановленій этого закона. Предприниматели были крайне недовольны этимъ актомъ и подъ ихъ давленіемъ правительство вскорѣ предложило понизить возрастъ малолѣтнихъ съ тринадцати на двѣнадцать лѣтъ. Но парламентъ не рѣшился на подобную уступку въ виду крайняго возбужденія, господствовавшаго среди рабочихъ. Къ числу противниковъ новаго закона принадлежалъ и экономистъ Сеніоръ. Практическое значеніе акта можетъ явствовать изъ того, что передъ 1833 г. на трехъ тысячахъ фабрикъ работало болѣе 56.000 дѣтей, а черезъ пять лѣтъ на четырехъ тысячахъ фабрикъ насчитывалось лишь около двадцати тысячъ. Это значитъ, что предприниматели стали меньше прибѣгать къ дѣтскому труду. Кромѣ того, новый законъ заставилъ фабрикантовъ обратиться къ болѣе усовершенствованнымъ машинамъ, которыя должны были удешевлять производство. Вскорѣ, однако, стало обнаруживаться, что фабриканты научились весьма ловко обходить законъ, прибѣгнувъ къ системѣ смѣнъ, именно заставляя дѣтей и подростковъ, отработавъ указанное время въ одномъ мѣстѣ, работать затѣмъ въ другомъ. Въ 1844 г. фабричные инспектора прямо заявляли министру внутреннихъ дѣлъ, что при такой системѣ смѣнъ дѣйствительный контроль надъ исполненіемъ закона дѣлается совершенно невозможнымъ. Съ другой стороны, многіе фабриканты, по тѣмъ или другимъ причинамъ строго исполнявшіе законъ 1833 г., указывали парламенту, что ихъ собратья, нарушающіе законъ, тѣмъ самымъ вредятъ интересамъ болѣе добросовѣстныхъ предпринимателей. Въ 1844 г. парламентъ сдѣлалъ къ закону 1833 г. весьма важное добавленіе, въ силу котораго къ несовершеннолѣтнимъ приравнивались и женщины свыше восемнадцати лѣтъ: ихъ рабочее время было ограничено двѣнадцатью часами въ сутки, и женская ночная работа запрещалась. На этотъ разъ сами фабриканты вынуждены были

пойти на уступки, съ одной стороны, подъ вліяніемъ продолжавшихся среди рабочихъ движеній, съ другой—желая расположить рабочихъ въ свою пользу во время борьбы своей съ лендлордами за отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Многіе сторонники этой послѣдней мѣры даже обѣщали рабочимъ, что если совершится отмѣна хлѣбныхъ законовъ, то фабриканты, пожалуй, согласятся и на законъ о десятичасовомъ днѣ, котораго добивались рабочіе.

Законъ 1844 г. впервые регулируетъ рабочее время совершеннолѣтнихъ лицъ. Это было настоящимъ нововведеніемъ. Еще при изданіи закона 1833 г. въ парламентѣ говорили, что ограниченіе труда взрослыхъ породило бы только бо́льшее зло, чѣмъ то, которое желаютъ предотвратить. Фабричный отчетъ за 1844 и 1845 гг. не безъ иронiи замѣчаетъ, что инспекторамъ неизвѣстно ни одного случая, когда бы взрослыя женщины жаловались на вторженіе въ ихъ права. Прибавимъ, что по тому же самому закону 1844 г. дѣтскій трудъ былъ сокращенъ до $6^1/_2$ или 7 часовъ въ сутки и были приняты мѣры для того, чтобы не было злоупотребленія въ системѣ смѣнъ. Косвеннымъ результатомъ всего этого было то, что и ежедневный трудъ взрослыхъ мужчинъ подвергся сокращенію, такъ какъ въ очень многихъ случаяхъ работа взрослыхъ мужчинъ требовала содѣйствія женщинъ, подростковъ и дѣтей. Съ 1844 г. по 1847 г. двѣнадцатичасовой рабочій день вошелъ почти въ общее употребленіе. Нельзя, однако, при этомъ не вспомнить, что въ XVIII столѣтіи рабочій домъ, въ которомъ бродяги должны были бы работать полные двѣнадцать часовъ, назывался „домомъ ужаса“.

Въ 1846 г. совершилась отмѣна хлѣбныхъ законовъ, да и вообще около этого времени восторжествовали принципы свободной торговли [1]). Крайне раздосадованные консерваторы готовы были еще болѣе, чѣмъ прежде, поддерживать требованія рабочихъ. Мы еще увидимъ въ слѣдующей главѣ, что демократическое движеніе, ставившее на своемъ знамени между прочимъ десятичасовой билль, въ это время продолжалось съ прежнею силою. Можно было ожидать, что сторонники свободной торговли, добившись своего, исполнятъ обѣщаніе, нерѣдко пускавшееся ими въ среду рабочихъ во время агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, но они не только не сдѣлали этого, но даже выступили противниками новаго фабричнаго закона. Ихъ оппозиція, впрочемъ, осталась безуспѣшною, и парламентъ въ 1847 г. принялъ еще одинъ билль, представляющій изъ себя дальнѣйшее развитіе законовъ 1833 и 1844 гг.

Этотъ новый фабричный актъ, датированный 8-мъ іюня 1847 г.,

[1]) См. выше, стр. 96—97.

объявлялъ, что съ перваго же іюля того же года рабочее время для подростковъ и всѣхъ вообще работницъ должно было быть ограничено одиннадцатью часами въ сутки, а черезъ десять мѣсяцевъ послѣ того, т.-е. съ перваго мая 1848 г., рабочее время для лицъ обѣихъ категорій должно было быть сокращено до десяти часовъ въ сутки. Фабриканты были крайне недовольны такимъ закономъ и обнаружили твердое намѣреніе помѣшать его проведенію въ жизнь. Среди рабочихъ въ этомъ году была большая нужда, такъ какъ вслѣдствіе кризиса, разразившагося около того времени, многіе фабриканты вынуждены были сократить производство, и очень многіе рабочіе, лишившіеся заработка, готовы были работать на какихъ угодно условіяхъ. И вотъ между ними фабриканты стали теперь агитировать, желая при ихъ же помощи добиться отмѣны закона 1847 г., какъ будто бы для нихъ вреднаго. Съ другой стороны, пользуясь сокращеніемъ рабочаго времени, какъ предлогомъ для пониженія платы, фабриканты стали платить рабочимъ иногда на 25% менѣе, чѣмъ платили раньше. Повидимому, и этимъ средствомъ они также думали возбудить рабочихъ противъ ненавистнаго закона. Имъ, дѣйствительно, удалось вызвать со стороны рабочихъ нѣсколько петицій въ желательномъ для нихъ смыслѣ, но громадное большинство рабочаго класса стояло твердо на сторонѣ новаго закона. Да и среди тѣхъ, которые подписывались подъ подобными петиціями, было не мало лицъ, заявлявшихъ впослѣдствіи, что ихъ подписи были вынужденныя—подъ страхомъ отказа отъ работъ. Фабриканты вели агитацію и въ періодической печати, и въ парламентѣ, изображая фабричныхъ инспекторовъ, какъ людей, подобныхъ конвентскимъ коммиссарамъ, которые ради своихъ филантропическихъ фантазій готовы были жертвовать дѣйствительными интересами подвластныхъ имъ людей. Но и эта ссылка на примѣръ первой французской революціи оказалась совершенно неосновательной. Одинъ фабричный инспекторъ допросилъ лично или чрезъ своихъ помощниковъ болѣе 10.000 взрослыхъ рабочихъ, и изъ нихъ около 7.000 высказалось за десятичасовой рабочій день, очень многіе—за одиннадцатичасовой и лишь весьма незначительное меньшинство—за двѣнадцатичасовой. Тотъ же фабричный инспекторъ (его фамилія была Горнеръ) столь же документально опровергъ фабрикантовъ и по другому пункту. Весьма часто заставляя взрослыхъ мужчинъ работать тринадцать, четырнадцать и даже пятнадцать часовъ въ сутки, фабриканты ссылались на подобнаго рода примѣры, какъ на доказательство того, будто сами рабочіе стремятся къ удлиненію рабочаго времени. На самомъ дѣлѣ, рабочіе, допрошенные Горнеромъ, заявляли, что они съ большею охотою работали бы часовъ по десяти въ сутки, хотя бы и за умень-

шенную плату, но что имъ приходится выбирать или между болѣе длиннымъ рабочимъ временемъ, или отказомъ отъ работы. Агитація фабрикантовъ потерпѣла полное пораженіе, и перваго мая 1848 г. законъ о десятичасовой работѣ подростковъ и женщинъ вошелъ въ окончательную силу. На этомъ, однако, фабриканты не успокоились и начали изобрѣтать разные способы обходить законъ. Во-первыхъ, десятичасовая работа должна была совершаться съ половины шестого утра до половины девятаго вечера только для подростковъ и женщинъ, и вотъ, начавъ отпускать послѣднихъ цѣлыми массами, предприниматели принялись за возстановленіе уже почти позабытаго ночного труда для мужчинъ, такъ какъ не было никакого закона, который ограничивалъ бы рабочее время мужчинъ старше восемнадцати лѣтъ. Во-вторыхъ, неправильно толкуя постановленія фабричныхъ законовъ о роздыхахъ, необходимыхъ для принятія пищи, предприниматели заставляли людей, состоявшихъ подъ защитою фабричныхъ актовъ, работать по десяти часовъ безъ перерыва. Особенно тяжела была такая работа безъ всякаго отдыха для дѣтей моложе тринадцати лѣтъ [1]).

Весьма дѣятельный отпоръ фабриканты, нарушавшіе законъ, встрѣчали со стороны фабричныхъ инспекторовъ, которые вчинали противъ нихъ судебныя преслѣдованія. Многіе изъ этихъ инспекторовъ проявляли въ этой борьбѣ прямо замѣчательную энергію, несмотря на то, что не всегда одерживали побѣду и что даже имъ внушалось иногда не слишкомъ придираться къ нарушеніямъ буквы закона. Нерѣдко фабричные инспектора прямо указывали властямъ на то, что антагонизмъ обоихъ классовъ принимаетъ слишкомъ острый характеръ, да и среди самихъ фабрикантовъ было крайнее неудовольствіе на то, что по нарушеніямъ фабричнаго закона одни суды рѣшали дѣла такъ, другіе—иначе, вслѣдствіе чего между предпринимателями не могло быть полнаго равенства въ эксплуатаціи рабочей силы. Опасное броженіе среди рабочихъ заставило, наконецъ, парламентъ въ 1850 г. издать актъ, по которому подростки и женщины въ первые пять дней недѣли должны были работать по десяти съ половиною часовъ, а въ субботу—семь съ половиною, но такъ, чтобы рабочее время заключалось между шестью часами утра и шестью часами вечера съ перерывами въ полтора часа для принятія пищи; по субботамъ же работа должна была кончаться въ два часа дня.

Таковы были главные фабричные законы въ Англіи въ разсматри-

[1]) Нужно замѣтить, что въ промежутокъ между 1844 и 1847 гг. парламентъ разрѣшилъ принимать на фабрики дѣтей не съ девятилѣтняго, а съ восьмилѣтняго возраста.

ваемый періодъ. Сверхъ того можно указать и нѣсколько второстепенныхъ законовъ въ родѣ запрещенія уплаты заработка съѣстными припасами и другими продуктами изъ фабричныхъ лавокъ, въ которыхъ рабочихъ заставляли забирать все необходимое, или въ родѣ запрещенія пользоваться дѣтскимъ и женскимъ трудомъ для подземныхъ работъ въ каменноугольныхъ копяхъ, для чего установлена была должность особыхъ инспекторовъ (1842 г.), и т. п. Замѣчательно, что всѣ эти законы были изданы въ то самое время, когда господствовала идея о благодѣтельности невмѣшательства. Если, однако, такіе законы все-таки издавались, то объясняется это тремя главными причинами. Во-первыхъ, весьма большое вліяніе въ данномъ случаѣ оказано было рабочимъ движеніемъ, которое не могло не производить давленія на правящіе классы. Правда, очень многіе рабочіе сами содѣйствовали злоупотребленію дѣтскимъ трудомъ, отдавая дѣтей и подростковъ на фабрику, отчасти по нуждѣ, отчасти эксплуатируя ихъ трудъ въ свою пользу. Правда и то, что когда въ 1848 г. рабочее движеніе на континентѣ потерпѣло пораженіе, это отозвалось и въ Англіи, гдѣ фабриканты стали дѣлать все, что только могли, дабы задержать приведеніе въ исполненіе фабричнаго закона 1847 г. Во всякомъ случаѣ требованія, которыя парламенту предъявлялись рабочими въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, не могли пройти безслѣдно, не вызвавши хотя бы нѣкоторыхъ уступокъ. Во-вторыхъ, немаловажную помощь рабочимъ въ ихъ домогательствахъ оказали многіе люди изъ другихъ классовъ общества, которые, движимые чувствомъ человѣколюбія, выступали безкорыстными защитниками интересовъ трудящейся массы. Таковы были писатели, изображавшіе бѣдственное положеніе рабочихъ и въ особенности обличавшіе эксплуатацію дѣтскаго труда. Подобное же значеніе имѣетъ и дѣятельность многихъ фабричныхъ инспекторовъ, изъ которыхъ особенно слѣдуетъ выдвинуть упоминавшагося выше Горнера, „фабричнаго цензора, какъ выражается о немъ Марксъ, оказавшаго безсмертныя услуги англійскому рабочему классу“. Между прочимъ Горнеръ полемизировалъ съ знаменитымъ Сеніоромъ, который всячески поддерживалъ манчестерцевъ въ ихъ ненависти къ вмѣшательству закона въ свободу договоровъ. Наконецъ, благопріятное значеніе для рабочихъ имѣло и то обстоятельство, что между правящими классами существовалъ расколъ, касавшійся какъ-разъ вопроса объ экономической свободѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдняя была прямо неблагопріятна для интересовъ землевладѣльческаго класса, а въ другихъ этотъ классъ только не имѣлъ основаній защищать эту свободу Представители промышленнаго капитала, добиваясь отмѣны хлѣбныхъ законовъ, наносили ущербъ всѣмъ, получавшимъ поземельную ренту, и вотъ послѣдніе мстили своимъ соперникамъ,

поддерживая фабричное законодательство. Сами капиталисты до извѣстной степени иногда считали нужнымъ итти на уступки, желая расположить въ свою пользу рабочій классъ, среди котораго велась дѣятельная агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ.

Конечно, успѣхъ не соотвѣтствовалъ сдѣланнымъ усиліямъ. Положеніе англійскихъ рабочихъ въ концѣ разсматриваемаго періода было весьма плачевнымъ. Въ 1845 г. въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ вышла въ свѣтъ знаменитая книга Фридриха Энгельса „Положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи", представляющая собою наиболѣе полное и вмѣстѣ съ этимъ очень точное описаніе разныхъ сторонъ промышленнаго быта Англіи. Въ своемъ „Капиталѣ" Марксъ для періода до 1845 года отсылаетъ читателя преимущественно къ этой книгѣ, беря самъ необходимые ему примѣры изъ того періода, когда въ Англіи (послѣ 1848 г.) восторжествовала свободная торговля. Позднѣе были опубликованы въ Англіи оффиціальные отчеты о дѣтскомъ трудѣ на фабрикахъ, и изъ нихъ общество могло узнать, на какой низкой степени умственнаго развитія находились фабричные подростки. Напримѣръ, одинъ мальчикъ двѣнадцати лѣтъ говорилъ, что онъ живетъ не въ Англіи, что такая страна, можетъ быть, и существуетъ, но что раньше онъ о ней ничего не слыхалъ. Другой слышалъ, что у нихъ есть король, т.-е. человѣкъ, которому принадлежатъ всѣ деньги, но что король этотъ—королева и что называютъ его принцессой Александрой. Свѣдѣнія многихъ подростковъ въ религіи были не лучше. Одинъ мальчикъ семнадцати лѣтъ говорилъ оффиціальнымъ коммиссарамъ, что слышалъ въ церкви о какомъ-то Іисусѣ Христѣ, который отличался отъ другихъ людей тѣмъ, что былъ религіозенъ, а другіе люди не религіозны; больше же онъ ничего о Христѣ не знаетъ и никакихъ другихъ именъ назвать не можетъ. „Дьяволъ—хорошій человѣкъ, говорилъ еще одинъ. Но я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Христосъ былъ злой человѣкъ".

Выше было уже упомянуто, что во Франціи до 1841 г. не было издано ни одного закона, ограждавшаго дѣтскій трудъ отъ эксплуатаціи. Но и этотъ законъ былъ единственнымъ, какой только былъ изданъ въ эпоху іюльской монархіи. Если мы теперь разсмотримъ его содержаніе, то увидимъ, насколько въ самомъ дѣлѣ англичане опередили французовъ въ этой области законодательства. Французскій законъ 1841 г. установлялъ восьмичасовой день для дѣтей отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ и двѣнадцатичасовой для дѣтей отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ, причемъ допускалъ разныя исключенія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшалъ ночной трудъ даже для восьмилѣтнихъ дѣтей. Несмотря на то, что французское законодательство въ сравненіи съ англійскимъ вообще гораздо болѣе (можно

даже сказать, неизмѣримо болѣе) подчиняетъ жизнь гражданъ административному и полицейскому надзору, закономъ 1841 г. совсѣмъ не учреждалось никакой спеціальной инспекціи для наблюденія за тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, этотъ несовершенный законъ соблюдался, и для привлеченія къ отвѣтственности предпринимателей, его нарушавшихъ. Въ этомъ отношеніи Англія все-таки являлась страною передовою. Въ ней ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, обнаружились всѣ результаты „индустріальной революціи", и въ ней же опять-таки ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, законодательство, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія и даже прямыя препятствія, стало вмѣшиваться во взаимныя отношенія капитала и труда. Этотъ вопросъ получилъ особенно важное значеніе во второй половинѣ XIX вѣка, но исторія не должна забывать, что впервые упорная борьба въ пользу законодательнаго регулированія отношеній между капиталомъ и трудомъ началась еще въ тридцатыхъ годахъ.

Вообще сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, когда въ англійской общественной жизни господствовалъ застой, тридцатые и сороковые годы были временемъ преобразованій, и опять-таки по сравненію съ Англіей та же самая эпоха въ исторіи Франціи представляется намъ временемъ законодательнаго застоя, совершенно несоотвѣтствовавшаго общему характеру эпохи, т.-е тѣмъ политическимъ и соціальнымъ движеніямъ, которыхъ было такъ много въ царствованіе Людовика-Филиппа. Такъ какъ Англія не испытала переворота, подобнаго совершившемуся во Франціи въ 1789 г., и такъ какъ вызванная въ Англіи великой французской революціей реакція надолго затормозила всякія реформы, то въ англійскихъ учрежденіяхъ и оставалось болѣе старины, требовавшей отмѣны: этимъ, конечно, и можно объяснить цѣлый рядъ реформъ, начавшихся еще въ двадцатыхъ годахъ, но не нужно забывать и другой стороны дѣла, именно того, что многія реформы требовались не несоотвѣтствіемъ старыхъ учрежденій новымъ условіямъ жизни, а какъ-разъ разнаго рода неудобствами, которыя вытекали именно изъ этихъ новыхъ условій. Если англичане реформировали въ разсматриваемый періодъ свое мѣстное управленіе, то въ этомъ случаѣ они именно имѣли дѣло съ старинными порядками, уже не годившимися при новыхъ обстоятельствахъ: въ этой сферѣ впереди шли все-таки французы, хотя бы реформы, произведенныя ими въ данной области въ 1789 и 1800 гг. [1]), и нельзя было назвать удачными. Наоборотъ, фабричное законодательство вызывалось къ жизни обстоятельствами новѣйшаго происхожденія, и вотъ въ этой области, наоборотъ, англичане въ гораздо

[1]) См. т. III, стр. 530—531 и т. IV, стр. 42—43 и 113—115.

большей степени, чѣмъ французы, оказались новаторами. Этого нельзя упускать изъ виду при общей оцѣнкѣ іюльской монархіи. Хотя въ обѣихъ странахъ послѣ 1830 г. начинается господство буржуазіи, все-таки въ Англіи оно не было столь полнымъ, какъ во Франціи. Здѣсь буржуазію, съ одной стороны, сдерживали представители стараго аристократическаго строя, образовавшіе весьма сильную консервативную партію, тогда какъ во Франціи соотвѣтственнымъ общественнымъ элементамъ іюльской революціей былъ нанесенъ сильный ударъ. Съ другой стороны, несмотря на всѣ неудачи, какія испытывало въ Англіи демократическое движеніе, оно все-таки болѣе сдерживало буржуазію, между прочимъ, потому, что вся англійская нація въ цѣломъ, воспитанная свободными учрежденіями, имѣла и болѣе опытности въ политической жизни, и бо̀льшую привычку пользоваться благами политической свободы. По той же причинѣ англійскіе правящіе классы не всегда рѣшались прибѣгать къ такимъ репрессивнымъ мѣрамъ, какія были въ ходу во Франціи, гдѣ долго еще не умирали привычки и нравы „стараго порядка“.

Только въ Ирландіи, какъ и прежде, не было той свободы, какою пользовалась сама Англія. Съ середины XVII в. почти вся страна принадлежала англійскимъ землевладѣльцамъ, настоящій же ирландскій народъ былъ превращенъ въ арендаторовъ, которыхъ можно было во всякое время сгонять съ ихъ участковъ, даже безъ всякаго вознагражденія. Нищета этихъ крестьянъ была поразительная вслѣдствіе крайне ненормальныхъ условій пользованія землею. Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ предпринято было оффиціальное изслѣдованіе быта ирландскихъ крестьянъ особой парламентской коммиссіей, представившей очень неприглядное описаніе экономическаго положенія сельскаго люда: вмѣсто жилья нерѣдко жалкія землянки; весьма часто помѣщеніе для скота въ самомъ человѣческомъ жильѣ; одежда, напоминавшая собой скорѣе нищенскія лохмотья; очень скудная пища, состоявшая главнымъ образомъ изъ одного картофеля; населеніе хронически голодало, а по временамъ голодъ обострялся, и тогда начиналась эмиграція въ Америку. Особенно страшный голодъ пережила Ирландія въ 1846 г., лишившись послѣ этого цѣлой четверти своего населенія. Весьма естественно, что народъ желалъ хотя бы одного только упроченія правъ арендаторовъ на землю, т.-е. уничтоженія произвольной власти лендлордовъ. Поработители и порабощенные говорили на одномъ языкѣ, но одни были протестанты, другіе—католики: въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, когда населеніе Ирландіи доходило почти до 8.000.000 душъ, католиковъ въ ней было около 6.500.000. Вѣроисповѣдная рознь еще болѣе обостряла рознь соціальную, и оппозиція ирландцевъ противъ англичанъ при-

нимала вслѣдствіе этого національный характеръ. Въ концѣ XVIII в., особенно подъ вліяніемъ французской революціи, Ирландія сдѣлала было попытку сбросить англійское иго, но дѣло окончилось тѣмъ, что въ 1800 г. Ирландія лишилась своего парламента и стала высылать своихъ представителей въ Лондонъ [1]). Послѣ этого у англійскаго парламента по отношенію къ Ирландіи существовали только репрессивныя и принудительныя мѣры. Нѣкоторыя частныя улучшенія, къ числу которыхъ нужно отнести уничтоженіе прежней торговой зависимости Ирландіи отъ Англіи, не могли улучшить общаго положенія дѣлъ. Не нужно забывать и того, что до 1829 года, когда въ Англіи была проведена эманципація католиковъ, представителями Ирландіи могли быть только протестанты [2]).

Эманципація католиковъ нисколько не измѣнила положенія англиканской церкви въ Ирландіи. Она попрежнему продолжала считаться государственною церковью, хотя къ ней принадлежала едва одна десятая часть населенія страны. Англиканское духовенство владѣло весьма многими землями, и, кромѣ того, въ его пользу все населеніе должно было вносить десятину [3]). Крестьяне католики дѣлали это крайне неохотно, и изъ-за десятины возникало столько разныхъ столкновеній, что правительство еще въ XVIII в. подумывало о необходимости реформы въ этой области. Въ XIX в. отношенія только обострились. Нерѣдко дѣло доходило до убійствъ или до взыскиванія десятины вооруженною силою. Съ другой стороны, въ Ирландіи, несмотря на эманципацію католиковъ, и въ административной и судебной области продолжалось господство протестантовъ вслѣдствіе того, что они принадлежали къ правящему классу. Одновременно съ эманципаціей католиковъ произошли, наконецъ, измѣненія въ ирландскомъ избирательномъ правѣ, которыя были не всегда благопріятны для народной массы. Въ 1832 г. въ Ирландіи не пришлось уничтожать большого количества гнилыхъ мѣстечекъ, такъ какъ они лишились избирательнаго права еще въ 1800 г., когда прекратилъ свое существованіе отдѣльный ирландскій парламентъ. Въ эту эпоху избирательными правами пользовались всѣ фригольдеры, имѣвшіе сорокъ шиллинговъ годового дохода [4]), и лендлорды даже старались увеличить число такихъ арендаторовъ, дабы имѣть болѣе голосовъ на выборахъ. Боясь, какъ бы при эманципаціи католиковъ голосами такихъ избирателей не воспользовались католическіе священники, англійскій парламентъ въ 1829 г. повысилъ избирательный цензъ

[1]) См. т. IV, стр. 441.
[2]) См. т. II, стр. 582 и т. IV, стр. 492 и слѣд.
[3]) Ср. т. II, стр. 529.
[4]) См. т. I, стр. 97 и 207 и т. IV, стр. 442.

съ сорока шиллинговъ на десять фунтовъ. Постановленія парламентской реформы 1832 г., приведшія къ увеличенію числа избирателей въ самой Англіи, имѣли въ своемъ примѣненіи къ Ирландіи противоположное дѣйствіе: благодаря условіямъ ценза, принятымъ этой реформою, число избирателей здѣсь понизилось, и, конечно, это не могло быть вознаграждено увеличеніемъ числа ирландскихъ представителей въ великобританскомъ парламентѣ со ста на сто пять. Какъ бы тамъ ни было, однако, около этого времени въ англійскомъ парламентѣ образовалась отдѣльная ирландская партія, поставившая своею задачею добиться путемъ участія въ законодательствѣ лучшихъ условій для существованія своей родины. Съ этого момента англійскимъ консерваторамъ и либераламъ приходилось считаться съ существованіемъ не только радикаловъ, но и ирландцевъ. Выступленіе новой партіи, отстаивавшей чисто мѣстные интересы, съ одной стороны, протягивавшей руку католицизму, съ другой—часто соединявшейся, наоборотъ, съ радикалами, вносило новое осложненіе въ англійскую государственную жизнь. Хотя смѣнявшія другъ друга правительства въ общемъ слѣдовали прежней системѣ деспотическаго управленія Ирландіи, однако, безъ уступокъ и тутъ имъ нельзя было обходиться. Во-первыхъ, условія хорошаго управленія, хотя бы и путемъ односторонняго дѣйствія власти, сами требовали измѣненія невозможныхъ порядковъ, существовавшихъ въ Ирландіи. Во-вторыхъ, для достиженія своей цѣли ирландцы стали прибѣгать къ тѣмъ же способамъ, которыми пользовались въ подобныхъ случаяхъ англичане, т.-е. дѣйствовали путемъ политическихъ обществъ, митинговъ, прессы, и съ этимъ поневолѣ приходилось до извѣстной степени считаться. Наконецъ, и въ чисто партійныхъ отношеніяхъ консерваторовъ и либераловъ, смѣнявшихъ другъ друга у власти, ирландцы все-таки играли кое-какую роль. Вотъ почему даже въ ирландскомъ вопросѣ англійскій парламентъ долженъ былъ иногда отступать ихъ системы примѣненія однѣхъ исключительныхъ мѣръ.

Главою ирландской партіи въ парламентѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ оставался О'Коннель, игравшій такую видную роль въ проведеніи эманципаціи католиковъ [1]). Уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ ободренный успѣхомъ предшествовавшей агитаціи, онъ началъ новую агитацію — въ пользу отмѣны закона объ уніи между Ирландіей и Англіей, но вскорѣ отъ этой мысли отказался, по крайней мѣрѣ, на время, расчитывая приносить пользу своей родинѣ въ качествѣ члена англійскаго парламента. Въ 1837 году, когда разнесся слухъ, будто герцогъ Кумберлендскій и торіи угрожали молодой

[1]) См. т. IV, стр. 491 и слѣд.

королевѣ, онъ готовъ былъ выступить на защиту ея правъ, говоря, что за нимъ будетъ стоять, по крайней мѣрѣ, полъ-милліона храбрыхъ ирландцевъ. Сначала, дѣйствительно, онъ надѣялся, что разными частными реформами можно будетъ добиться общаго улучшенія ирландскихъ дѣлъ. Поэтому онъ поддерживалъ либеральную партію, находившуюся у власти, хотя ея поведеніе не всегда соотвѣтствовало его ожиданіямъ, такъ какъ правительство прибѣгало къ репрессивнымъ мѣрамъ въ Ирландіи въ виду происходившихъ тамъ волненій. Но когда въ началѣ сороковыхъ годовъ образовалось консервативное министерство Пиля, О'Коннель началъ грандіозную агитацію, требуя возстановленія ирландскаго парламента. По всей странѣ начались митинги, на одномъ изъ которыхъ, напримѣръ (въ 1843 г.), присутствовало до 250.000 человѣкъ. Испуганное правительство прибѣгало къ репрессіи, добившись закона, который не дозволялъ ирландскому населенію имѣть огнестрѣльное оружіе, и запретивъ митинги. Хотя О'Коннель вовсе не думалъ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ и даже убѣдилъ своихъ приверженцевъ не оказывать сопротивленія, онъ былъ арестованъ и преданъ суду. Приговоренный сначала къ наказанію за устройство заговора и подстрекательство народа противъ правительства, онъ былъ, однако, освобожденъ изъ тюрьмы по приговору палаты лордовъ. Вскорѣ послѣ этого престарѣлый патріотъ, получившій отъ своихъ соотечественниковъ названіе *Освободителя*, уѣхалъ въ Италію, гдѣ и умеръ. Агитація кончилась полной неудачей. Громадное большинство католическаго населенія Ирландіи, руководимое своими священниками, повиновалось рѣшенію вождя національной партіи примириться съ неудачей. Но именно такое рѣшеніе повлекло за собою образованіе демократической и революціонной партіи, отказавшейся отъ повиновенія духовенству и принявшей имя „Молодой Ирландіи". Эта партія, поставивъ своею задачею освободить Ирландію вооруженною рукою, вошла въ сношенія съ континентальными политическими заговорщиками [1]). Правительство рѣшилось дѣйствовать противъ революціоннаго движенія репрессивными мѣрами. Пиль предложилъ даже ввести въ Ирландіи осадное положеніе и, конечно, нашелъ бы поддержку въ консерваторахъ, если бы послѣдніе не мстили ему за отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Министерство на этотъ разъ потерпѣло пораженіе и вышло въ отставку. Вскорѣ въ Парижѣ вспыхнула февральская революція, окрылившая надежды „Молодой Ирландіи". Сдѣлана была даже попытка начать возстаніе, но была подавлена правительствомъ въ самомъ зародышѣ. Общее положеніе Ирландіи только ухудшилось.

[1]) Ср. выше, стр. 201—202.

Такова была въ общихъ чертахъ внутренняя исторія Ирландіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. И все-таки и либералы, и консерваторы находили одинаково нужнымъ дѣйствовать не однѣми репрессивными мѣрами, но и преобразованіями, которыми отмѣнялись, по крайней мѣрѣ, самыя вопіющія злоупотребленія прежняго режима.

Первое, на что англійское правительство обратило вниманіе, касалось положенія англиканской церкви въ Ирландіи. Такъ какъ католическое населеніе не хотѣло платить десятины, правительство должно было прійти на помощь къ священникамъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ неуплаты этого сбора, и парламентъ назначилъ довольно значительную сумму денегъ на вознагражденіе этихъ священниковъ (1833). Понятно, что такая мѣра могла быть только палліативной, а потому министерство предприняло цѣлый рядъ мѣръ, измѣнявшихъ положеніе англиканскаго клира въ Ирландіи. Сокращено было число архіепископовъ и епископовъ (съ 22 на 12), равно какъ уничтожены были и лишніе приходы. Произведены были также и другія менѣе важныя реформы, причемъ правительство стало строже контролировать расходы на нужды англиканской церкви въ Ирландіи. Подобныя мѣры, сильно раздражавшія консерваторовъ, собственно говоря, нисколько не облегчали народа, хотя и обнаружили, что англиканская церковь въ Ирландіи въ общемъ получала доходовъ гораздо больше, нежели требовала на свое содержаніе. Затѣмъ, министерство задумало превратить десятину въ поземельный налогъ, который бы уплачивался землевладѣльцами и подлежалъ бы выкупу. Но и этотъ проектъ сначала встрѣченъ былъ неблагопріятно: къ нему отнеслись несочувственно даже сами члены ирландской партіи, понимавшіе, что такая конверсія только упрочитъ доходы англиканской церкви, не облегчивъ фермеровъ, на которыхъ землевладѣльцы перенесутъ, конечно, этотъ новый налогъ. Этотъ вопросъ, затрагивавшій множество интересовъ, весьма долгое время занималъ парламентъ, и въ числѣ лицъ, предлагавшихъ проекты конверсіи десятины, былъ Робертъ Пиль, когда въ серединѣ тридцатыхъ годовъ ему на время удалось стать во главѣ правленія. Только въ 1838 г. дѣло было рѣшено въ смыслѣ первоначальнаго предложенія, хотя либеральному министерству пришлось при этомъ отказаться отъ своего плана — обращать избытки церковныхъ доходовъ на разныя общественныя нужды. Въ томъ же самомъ 1838 г. въ Ирландіи созданы были новыя учрежденія по общественному призрѣнію. Дѣло въ томъ, что до тѣхъ поръ въ странѣ не существовало ничего, что напоминало бы англійскіе законы о бѣдныхъ, а между тѣмъ въ этомъ чувствовалась настоятельная надобность, такъ какъ число лицъ, жившихъ подаяніемъ, въ извѣстную пору года достигало иногда 2.500.000. Въ общемъ

ирландское законодательство на этотъ счетъ было не чѣмъ инымъ, какъ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ законодательства англійскаго, т.-е. расходы по общественному призрѣнію падали на поземельную собственность, а помощь пауперамъ должна была оказываться въ рабочихъ домахъ.

Консервативная партія также провела нѣкоторыя реформы въ Ирландіи. Когда въ сороковыхъ годахъ въ странѣ началось революціонное движеніе, Пиль нашелъ нужнымъ расположить въ свою пользу болѣе мирно настроенныхъ ирландцевъ нѣкоторыми новыми уступками. Въ 1845 г. онъ добился значительнаго увеличенія субсидіи, которую англійское правительство давало духовной семинаріи, приготовлявшей католическихъ священниковъ для Ирландіи. Но особенно онъ считалъ нужнымъ удовлетворить жалобы ирландскихъ фермеровъ, среди которыхъ революціонная пропаганда могла найти особенно благопріятную почву. Онъ назначилъ спеціальную коммиссію для изслѣдованія вопроса о томъ, какими способами можно было бы улучшить положеніе ирландскаго крестьянства. Затѣмъ онъ задумалъ распространить на всю Ирландію порядки, существовавшіе уже въ сѣверо-восточной части острова (Ульстеръ), населенной большею частью шотландцами пресвитеріанскаго исповѣданія: въ этой провинціи землевладѣлецъ не имѣлъ права произвольно прогонять своихъ фермеровъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ позволялъ ему отказывать отъ аренды, онъ обязывался вознаграждать за всѣ улучшенія, произведенныя фермеромъ на своемъ участкѣ. Въ этомъ смыслѣ Пилемъ и былъ приготовленъ законопроектъ, но предложеніе его было отвергнуто палатой лордовъ (1845). Послѣ выхода Пиля въ отставку либеральное министерство Росселя, нашедшее поддержку въ консерваторахъ, оставшихся вѣрными Пилю, также думало облегчить положеніе фермеровъ, создавъ нѣкоторыя гарантіи противъ произвольной власти землевладѣльцевъ. Вмѣстѣ съ этимъ оно предложило распродать церковныя земли, обремененныя слишкомъ большими долгами, предполагая, что новые владѣльцы будутъ брать низкую арендную плату. Парламентъ въ 1848 г. согласился на вторую мѣру, но то, чего ожидали отъ покупщиковъ церковныхъ земель, не оправдалось: новые землевладѣльцы стали поступать съ своими фермерами совершенно такъ же, какъ поступали вообще всѣ ирландскіе лендлорды. Что касается до ограниченія власти послѣднихъ надъ фермерами, то и на этотъ разъ парламентъ отказался принять какія бы то ни было мѣры въ этомъ направленіи. Принципъ невмѣшательства восторжествовалъ въ сферѣ поземельныхъ отношеній, и ирландскіе крестьяне оказались менѣе счастливыми, чѣмъ англійскіе рабочіе, которымъ удалось добиться осуществленія хотя бы и нѣкоторой только части

своихъ требованій. За страшнымъ ирландскимъ голодомъ 1846 г. послѣдовала въ весьма значительныхъ размѣрахъ эмиграція ирландскихъ крестьянъ въ Америку, а тѣ, которые оставались на родинѣ, стали мстить сгонявшимъ ихъ съ насиженныхъ участковъ землевладѣльцамъ такъ называемыми аграрными убійствами.

XI. Чартистское движеніе въ Англіи [1]).

Настроеніе народной массы въ Англіи послѣ реформы 1832 г. — Демократическая программа временъ агитаціи за реформу.—«Народная хартія».—Чартистская петиція въ парламентъ.—Чартистскія демонстраціи.—Раздѣленіе чартистовъ на партіи «физической силы» и «моральной силы».—Революціонное броженіе въ народныхъ массахъ. — Судьба первой чартистской петиціи въ парламентѣ.—Отношеніе правящихъ кассовъ къ чартизму. — Распаденіе чартизма на разныя фракціи въ началѣ сороковыхъ годовъ. — Судьба движенія въ сороковыхъ годахъ. — Общее значеніе чартизма и вліяніе его на литературу. — Томасъ Карлейль. — Англійскій соціализмъ. — Отраженіе чартизма въ изящной литературѣ.

Парламентская реформа 1832 г. была проведена, благодаря дѣятельному участію народныхъ массъ. Главные вожди этого движенія самымъ недвусмысленнымъ образомъ обѣщали народнымъ массамъ улучшеніе ихъ положенія отъ перемѣны въ избирательномъ правѣ.

---

[1]) Исторія чартизма, о которомъ идетъ рѣчь въ этой главѣ, вообще обращала на себя гораздо менѣе вниманія, чѣмъ слѣдовало бы. (Напримѣръ, въ превосходной двухтомной Constitutional history of England *May'я*, о которой см. т. IV, стр. 434, этому движенію посвящено всего только 6—7 страницъ). Главнымъ сочиненіемъ о чартизмѣ до сихъ поръ остается *Gammage*. History of Chartist movement. 1854. Оно было переиздано въ 1894 г. На русскомъ языкѣ есть обстоятельная статья *Н. Ч*** „Чартизмъ“, появившаяся въ послѣднихъ четырехъ книгахъ „Русской Мысли“ за 1882 годъ. Кромѣ того, вообще для политическаго и соціальнаго движенія см. соч. *Schulze-Gaevernitz'a*, названное на стр. 513 четвертаго тома, и его русское изложеніе, указанное тамъ же (IV, 513), а также гл. III второго тома книги проф. *Янжула*, приводившейся выше на стр. 90 (въ этой главѣ рѣчь идетъ о чартизмѣ и соціализмѣ въ Англіи).—*Kaufmann*. Christian socialism. — *Gibbins*. English social reformers. 1892 (есть и въ рус. переводѣ. 1896).—*Webb*. History of trade-unionism. 1894 (обѣщанъ рус. переводъ). — *Howel*. The conflicts of capital and labour (есть въ нѣм. переработкѣ *Hugo*. Die englische Gewerkvereins-Bewegung).—*Travis*. English socialism. 1880. О Карлейлѣ существуетъ большая литература: *Froude*. Thomas Carlyle. 1882—1884.—*Tainc*. L'idéalisme anglais. Étude sur Carlyle. 1864.—*Rich. Garnett*. Life of Th. Carlyle. 1887.—*Flügel*. Th. Carlyle's religiöse und sittliche Entwickelung und Weltanschauung. 1887. На рус. языкѣ см. *А. Окольскій*. Ѳома Карлейль и англійское общество въ XIX столѣтіи.—*В. И. Яковенко*, Карлейль, его жизнь и литературная дѣятельность. 1891. О Ловеттѣ The life and struggles of William Lovett. 1876. О Кингслеѣ *Thomas Hughes* въ предисловіи къ собранію его сочиненій (1878).

Правда, уже во время самаго движенія многіе доказывали, что серьезное значеніе могла бы имѣть только радикальная реформа со всеобщимъ избирательнымъ правомъ и тайной подачей голосовъ, и что реформа, предложенная вигами, лишь увеличитъ число лицъ, господствующихъ надъ милліонами англичанъ, тѣмъ не менѣе громадное большинство націи было довольно и этою умѣренною реформою. Только впослѣдствіи, когда явилось естественное разочарованіе по поводу неисполненныхъ обѣщаній, среди рабочихъ классовъ стала распространяться и находить все большее и большее количество послѣдователей идея чисто демократической реформы, входившая въ программу радикальной партіи. На самыхъ же первыхъ порахъ парламентъ, избранный по закону 1832 г., обнаружилъ явное стремленіе консолидировать новое политическое пріобрѣтеніе среднихъ классовъ и не дѣлать никакихъ уступокъ требованіямъ радикальной партіи и народныхъ массъ. Весьма быстро сочувственное отношеніе народа къ реформѣ 1832 года стало смѣняться крайнимъ раздраженіемъ.

Одновременно съ агитаціей въ пользу парламентской реформы въ Англіи происходило среди рабочихъ, какъ извѣстно, и значительное кооперативное движеніе, вызванное проповѣдью Оуена [1]). Оно началось около 1824 г., и къ концу двадцатыхъ годовъ въ Англіи существовало уже до пятисотъ рабочихъ союзовъ, ставившихъ своею цѣлью преобразованіе экономическаго строя путемъ проповѣди и примѣра. Хотя родоначальникъ этого движенія относился къ политическимъ вопросамъ совершенно индифферентно, среди рабочихъ, примкнувшихъ къ его программѣ, начинало тѣмъ не менѣе распространяться воззрѣніе, болѣе благопріятное и для политической агитаціи. Въ 1831 г., т.-е. въ самый разгаръ борьбы за реформу, въ Лондонѣ возникъ особый „Національный союзъ рабочихъ и другихъ классовъ“, который, такъ сказать, соединялъ въ своихъ требованіяхъ и то, что̀ составляло сильную сторону движенія, возбужденнаго Оуеномъ, и то, что̀ составляло самую основу движенія въ пользу парламентской реформы. Не имѣя еще значительнаго количества послѣдователей, этотъ союзъ старался распространять свои идеи путемъ разныхъ публикацій, которыя находили одинаково весьма дурной пріемъ въ консервативной и либеральной прессѣ. Самой замѣчательной изъ этихъ публикацій была декларація, выпущенная союзомъ послѣ того, какъ парламентомъ былъ принятъ билль о реформѣ. Въ ней были уже формулированы демократическіе принципы, которые впослѣдствіи составляли главное содержаніе знаменитой „народной хартіи“. Черезъ пять лѣтъ возникла новая демократическая организація, получившая

[1]) См. т. IV, стр. 661.

названіе „Лондонскаго союза рабочихъ“. Она состояла изъ однихъ только рабочихъ и допускала въ свой составъ людей другихъ общественныхъ положеній лишь въ качествѣ почетныхъ членовъ, выработавъ весьма широкую программу политическихъ и культурныхъ мѣръ для распространенія равноправности, благосостоянія и просвѣщенія среди рабочей массы какъ городовъ, такъ и деревень. Оба указанные союза находились, несомнѣнно, въ преемственной связи между собою. На это указываютъ, во-первыхъ, сходство программъ, во-вторыхъ, то обстоятельство, что и здѣсь, и тамъ наиболѣе дѣятельными членами выступаютъ одни и тѣ же лица, именно: Гетеринггонъ, Кливъ, Ватсонъ, Ловеттъ и др., игравшіе впослѣдствіи видную роль въ самомъ чартистскомъ движеніи. И изъ этой организаціи вышло также не мало разнаго рода публикацій, большею частью въ формѣ адресовъ и посланій, съ которыми ассоціація обращалась къ королевѣ, къ націи, къ рабочимъ и къ демократамъ другихъ странъ. Въ началѣ 1837 г. ассоціація созвала большой митингъ, на которомъ впервые и были окончательно установлены шесть пунктовъ „народной хартіи“ (People's Charter), давшей названіе всему движенію. Эти пункты были слѣдующіе: 1) всеобщая подача голосовъ; 2) ежегодные выборы въ парламентъ; 3) тайная баллотировка; 4) отмѣна имущественнаго ценза; 5) вознагражденіе членовъ парламента въ періодъ исполненія ими своихъ обязанностей; 6) равные избирательные округа по числу избирателей. Подъ этими требованіями немедленно подписалось около трехъ тысячъ человѣкъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено собирать подписи подъ „народною хартіей“ и въ другихъ мѣстахъ, для чего въ наиболѣе важные города должны были съѣздить сами руководители начинавшагося движенія. Нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли стяжать себѣ извѣстность, какъ талантливые публицисты, создавшіе дешевыя газеты, въ которыхъ проповѣдовали свои идеи. Въ Лондонѣ остался дѣйствовать Ловеттъ, бывшій главнымъ организаторомъ всего этого движенія. Предполагалось, что на основаніи изложенныхъ принциповъ будетъ выработанъ билль, и что онъ долженъ былъ быть внесенъ въ парламентъ однимъ изъ членовъ нижней палаты. Въ провинціи агитація имѣла весьма большой успѣхъ, и когда выяснилось, что за „народную хартію“ выскажется громадное количество голосовъ, рѣшено было составить петицію въ парламентъ, подъ которою стали бы подписываться во всѣхъ сколько-нибудь населенныхъ мѣстностяхъ страны, гдѣ только представлялась бы возможность устраивать демонстраціи въ пользу „народной хартіи“. Петиція эта на имя „благородныхъ общинъ Великобританіи и Ирландіи отъ ихъ страждущихъ соотечественниковъ“ появилась въ маѣ 1838 г. Она заключала въ себѣ рядъ жалобъ на тяжесть

налоговъ, на нищету и разореніе рабочихъ, на разныя другія несправедливости, отъ которыхъ терпѣлъ народъ. „Мы, говорилось далѣе въ петиціи, со всею тщательностью старались найти причины столь тягостной нужды, но не могли найти эти причины ни въ природѣ, ни въ Провидѣніи. Народъ почитаетъ Провидѣніе и не думаетъ оскорблять небесныхъ щедротъ, но безуміе правителей нашихъ лишаетъ эти щедроты всякаго значенія. Всѣ средства нашего могущественнаго государства уходятъ на усиленіе власти и увеличеніе богатствъ себялюбивыхъ и невѣжественныхъ людей. Благосостояніе одной части увеличивалось на счетъ благосостоянія всего народа. Немногіе правятъ нами въ интересахъ немногихъ же, а интересы многихъ открыто и тиранически приносятся имъ въ жертву". Далѣе указывалось на то, какія надежды народъ возлагалъ на реформу 1832 г., и какъ жестоко онъ былъ обманутъ: слѣдствіемъ реформы былъ только переходъ власти отъ одной господствующей клики къ другой, народъ же остался такимъ же безпомощнымъ, какимъ былъ и прежде. Подобное положеніе вещей не можетъ дальше существовать безъ серьезной опасности для прочности престола и спокойствія въ государствѣ. Указавъ далѣе весьма кратко на тѣ мѣры, которыя могли бы улучшить положеніе трудящагося человѣка, петиція выражала желаніе, чтобы интересы народа были поставлены подъ охрану самого народа, ибо это — единственное средство, способное защитить и обезпечить его интересы. Разъ государство обязываетъ своихъ подданныхъ повиноваться законамъ, нужно, чтобы и при составленіи законовъ выслушивался голосъ каждаго подданнаго: „мы исполняемъ обязанности свободныхъ людей, мы должны пользоваться и ихъ привилегіями". Петиція повторяла далѣе шесть требованій, выработанныхъ раньше съ краткими разъясненіями каждаго изъ этихъ требованій. Въ заключеніе говорилось, что эти требованія внушены просителямъ не страстью къ новизнѣ, а самыми серьезными соображеніями, и что если бы даже широкое участіе народа въ управленіи и было безсильно оградить народъ отъ разныхъ бѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, этимъ устранится возможность пользоваться ими во вредъ общаго блага. Въ концѣ мая 1838 г., вскорѣ послѣ того, какъ эта петиція была опубликована, въ Глазго устроена была первая демонстрація чартистовъ, въ которой, по свидѣтельству современниковъ, участвовало около 200.000 манифестантовъ. Демонстрація заключалась въ грандіозной процессіи съ сорока оркестрами музыки и съ цѣлыми сотнями знаменъ и флаговъ. На послѣдовавшемъ затѣмъ митингѣ говорилось о глубокомъ разочарованіи народа парламентскою реформою и о необходимости новой, дѣйствительно народной реформы, которой и предлагалось добиваться путемъ подачи въ парламентъ новыхъ и новыхъ петицій съ нѣ-

сколькими милліонами подписей, пока просимое не будетъ получено. Между прочимъ въ одной изъ рѣчей была высказана та мысль, что, хотя въ распоряженіи народа и находится большая физическая сила, ему нѣтъ надобности къ ней прибѣгать, такъ какъ довольно и одной нравственной силы, чтобы добиться своего. Несмотря на громадное стеченіе народа и на зажигательныя рѣчи, говорившіяся нѣкоторыми ораторами, митингъ прошелъ въ полномъ порядкѣ, и собравшіеся спокойно разошлись по домамъ. За этою чартистскою демонстраціей послѣдовалъ рядъ другихъ подобныхъ митинговъ; но дѣло не всегда кончалось такъ благополучно, какъ въ первый разъ. Когда приблизительно черезъ мѣсяцъ подобная же манифестація, въ которой участвовало до 80.000 человѣкъ, произошла въ Нью-Кестлѣ, то противъ собравшагося народа выдвинуты были цѣлые отряды войска, вооруженные даже пушками. Хотя негодованіе народа этою мѣрою властей, нарушавшею свободу собраній, достигло крайней степени, дѣло до столкновенія между обѣими сторонами не дошло; но этотъ инцидентъ, конечно, подхваченный демократическою прессою, произвелъ весьма тягостное впечатлѣніе и, по всей вѣроятности, сильно содѣйствовалъ тому, что очень многіе чартисты стали находить недостаточною одну нравственную силу, которую и начали поэтому предлагать замѣнить силою физическою. На новомъ большомъ митингѣ, собравшемся въ началѣ августа въ Бирмингэмѣ въ количествѣ 200.000 человѣкъ, уже прямо проповѣдовалась необходимость революціоннаго пути для достиженія тѣхъ требованій, которыя были написаны въ „народной хартіи“. Съ такимъ именно предложеніемъ выступилъ здѣсь ирландецъ О'Конноръ, прославившійся среди рабочихъ своею агитаторскою дѣятельностью. По его словамъ, нравственная сила дана человѣку не для того, чтобы онъ оставался рабомъ, а чтобы онъ умѣлъ владѣть собою и зналъ, когда можно и когда нельзя терпѣть. Настоящее же проявленіе нравственной силы есть сила физическая. Поэтому онъ думалъ, что петицію въ парламентъ должны сопровождать сотни тысячъ народа, которыя и дали бы парламенту знать, что ждутъ его рѣшенія. Такимъ образомъ, въ самомъ же началѣ чартистскаго движенія намѣтился расколъ между сторонниками моральной и физической силы, — расколъ, впослѣдствіи значительно обострившійся и не оставшійся безъ вліянія на исходъ самого движенія.

Это различіе взглядовъ стало проявляться и въ чартистской періодической прессѣ, которая быстро достигла значительнаго развитія. Однѣ газеты въ родѣ „Сѣверной Звѣзды“ О'Коннора или „Истиннаго Шотландца“ стояли на точкѣ зрѣнія „физической силы“, другія, наоборотъ, проповѣдовали необходимость ограничиваться одной „моральной силой“. Одна изъ газетъ послѣдней категоріи, именно „Бир-

мингэмская газета", защищавшая первоначально болѣе умѣренный взглядъ, съ теченіемъ времени стала все болѣе и болѣе склоняться на сторону перваго принципа. Это разногласіе обнаруживалось и на митингахъ, которые между тѣмъ продолжали собираться въ разныхъ частяхъ государства. Въ серединѣ сентября 1838 г. былъ большой митингъ въ Лондонѣ, который, однако, по своимъ размѣрамъ не былъ столь внушителенъ, какъ первые митинги. На этомъ собраніи главные ораторы говорили въ духѣ нравственной силы и старались строго опредѣлить задачи чартистскаго движенія, дабы кто-нибудь не подумалъ, будто оно направлено, напримѣръ, противъ хлѣбныхъ законовъ или чего-нибудь другого въ такомъ родѣ. Но и въ Лондонѣ образовалась болѣе воинственная демократическая ассоціація, которая стала издавать свой собственный органъ, носившій названіе „Лондонскій демократъ". Гораздо болѣе грандіозная демонстрація въ концѣ сентября была произведена въ Манчестерѣ, а въ серединѣ слѣдующаго мѣсяца была другая, не менѣе внушительная манифестація между Лидсомъ и Годдерфильдомъ: въ обѣихъ участвовало около полумилліона человѣкъ, и здѣсь уже говорились рѣчи, въ которыхъ предсказывалось, что новая реформа не обойдется безъ кровопролитія.

Не только консервативная, но и либеральная печать относилась къ этому движенію крайне несочувственно. Не было недостатка въ людяхъ, которые не прочь были бы положить конецъ всей этой агитаціи запрещеніемъ новыхъ митинговъ, но правительство было противъ подобной мѣры. Стоявшій тогда во главѣ министерства Джонъ Россель еще въ самомъ началѣ движенія воспользовался однимъ банкетомъ для того, чтобы произнести рѣчь, въ которой защищалъ право народа собираться для мирнаго обсужденія своихъ нуждъ и для выраженія своихъ желаній, безъ чего, по его словамъ, недовольные стали бы соединяться въ тайныя общества, что было бы гораздо опаснѣе для правительства. Впрочемъ, въ концѣ 1838 г. правительство сочло необходимымъ объявить незаконными нѣкоторыя формы, которыя начинало принимать движеніе, именно митинги по вечерамъ при свѣтѣ факеловъ и съ ружейными залпами, посредствомъ которыхъ выражалось сочувствіе ораторамъ. Пресса правящихъ классовъ, сначала больше, пожалуй, только высмѣивавшая чартизмъ, весьма скоро заговорила о немъ языкомъ крайняго раздраженія и стала прямо обвинять сторонниковъ движенія въ стремленіи къ насиліямъ и грабежамъ. Поводъ для подобнаго рода обвиненій давали нерѣдко сами ораторы, выступавшіе на митингахъ, хотя всякія крайности порицались не только сторонниками моральной силы, но и видными представителями противоположнаго взгляда. Напримѣръ, „Сѣверная Звѣзда" сильно вооружалась противъ ненужныхъ эксцессовъ, думая, что дѣлу они

принесутъ только вредъ, а не пользу. Всѣ эти митинги собирались не только ради политическихъ манифестацій: на нихъ подписывали петицію, а также выбирали делегатовъ въ особый „конвентъ", который долженъ былъ объединить все движеніе. Этотъ съѣздъ чартистскихъ делегатовъ дѣйствительно состоялся въ Лондонѣ въ началѣ февраля 1839 г. И здѣсь возникло также разногласіе. Одни полагали, что вся задача конвента заключалась въ подачѣ петиціи парламенту, хотя бы, какъ думали нѣкоторые изъ нихъ, это пришлось повторять нѣсколько разъ, тогда какъ другіе представляли себѣ дѣло совершенно иначе: въ случаѣ отказа парламента на петицію должно было вспыхнуть возстаніе. Эту послѣднюю идею проповѣдовалъ съ особеннымъ жаромъ „Лондонскій демократъ" Гарнея. Въ спорахъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій прошло не мало времени, тѣмъ болѣе, что на первыхъ же засѣданіяхъ съѣзда делегатовъ обнаружилось, что во многихъ случаяхъ петиція совсѣмъ не подписывалась и не было никакого выбора делегатовъ. Рѣшено было отправить въ эти мѣстности довѣренныхъ лицъ для новой агитаціи, а пока поневолѣ приходилось ждать, пока эта агитація дастъ результаты. Одновременно въ разныхъ мѣстахъ снова стали происходить митинги, собиравшіе десятки и даже сотни тысячъ народа, и на нихъ опять произносились рѣчи, предлагавшія народу тѣ или другіе способы для того, чтобы добиться превращенія „хартіи" въ законъ. Въ числѣ такихъ мѣръ особенно пропагандировалась всеобщая стачка. Предполагалось объявить „Священный мѣсяцъ", въ теченіе котораго народъ долженъ былъ отказаться отъ работы и отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Эта идея о „Священномъ мѣсяцѣ" была довольно популярна среди чартистовъ. Кое-гдѣ происходили стычки съ полиціей, и толпа переходила сама къ насилію. Страсти, видимо, начинали разгораться: правительство мало-по-малу стало выходить изъ своей первоначальной сдержанности, а лондонскій конвентъ все это время получалъ изъ провинціи запросы относительно того, что слѣдуетъ дѣлать дальше. Въ Бирмингэмѣ на собравшійся народъ было сдѣлано нападеніе полиціи, и конвентъ противъ этого рѣзко протестовалъ, за что его секретарь Ловеттъ поплатился арестомъ. Въ серединѣ іюля въ Бирмингэмѣ собрался новый митингъ поздно вечеромъ, причемъ на всѣхъ улицахъ былъ потушенъ газъ, было разграблено нѣсколько магазиновъ и даже подожжены многіе дома. Съ своей стороны полиція произвела не мало арестовъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало весьма сильное волненіе въ другихъ городахъ, собираніе митинговъ не было остановлено бирмингэмскимъ происшествіемъ, и на нихъ раздавались протесты противъ господствующаго класса, который, какъ говорили народные ора-

торы, хочетъ управлять своими согражданами посредствомъ насилія.

Какъ-разъ въ серединѣ же іюля (12 числа) совершилась передача парламенту петиціи, подъ которой уже было собрано 1.280.000 подписей. Документъ этотъ имѣлъ видъ громаднаго свитка, діаметръ котораго равнялся четыремъ футамъ, и несли его двѣнадцать человѣкъ. Передача петиціи нижней палатѣ сопровождалась рѣчью Атвуда, въ которой доказывалось, что палата общинъ, выбранная 700.000 избирателей, не можетъ представлять многомилліонный народъ, что вообще богатые не могутъ быть представителями бѣдныхъ и что безъ коренного измѣненія конституціи Англіи не избѣжать революціи. На эту весьма рѣшительную рѣчь отвѣчалъ самъ Россель, сказавшій между прочимъ, что требованія чартистовъ не могутъ быть осуществлены въ странѣ, признающей монархію и наслѣдственныхъ пэровъ. По его представленію выходило, будто подписавшіеся подъ петиціей добиваются не чего иного, какъ равнаго раздѣла собственности. Въ данномъ случаѣ министръ выражалъ мнѣніе подавляющаго большинства парламента, и весьма естественно, что петиція не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Такой исходъ дѣла произвелъ самое удручающее впечатлѣніе на массу чартистовъ, которые надѣялись на то, что петиція будетъ имѣть успѣхъ, и вообще не хотѣли сходить съ чисто легальнаго пути. Правда, весьма многіе и раньше находили нужнымъ въ случаѣ неудачи прибѣгнуть къ насильственному образу дѣйствій, но наиболѣе видные представители „физической силы“ въ это время сидѣли въ тюрьмахъ. Только кое-гдѣ начинались-было народныя волненія и назначались новыя собранія для того, чтобы продолжать агитацію, но въ общемъ осенью 1839 г. движеніе находилось въ полномъ упадкѣ. Самъ конвентъ въ началѣ сентября разошелся, видя, что его дѣло совсѣмъ проиграно. Такъ какъ противъ вождей движенія были начаты судебныя преслѣдованія, оканчивавшіяся нерѣдко приговорами къ тюремному заключенію, то и дальнѣйшая агитація должна была прекратиться. Все случившееся являлось, впрочемъ, лишнимъ аргументомъ, на который могли теперь ссылаться сторонники физической силы.

Встрѣченное сначала насмѣшками среди имущихъ классовъ, чартистское движеніе весьма скоро стало имъ внушать опасенія, тѣмъ болѣе, что для многихъ оно было равносильно проповѣди насилій и грабежа. Поэтому, когда оно потерпѣло неудачу, аристократія и буржуазія не могли скрыть своей радости по поводу устраненія грозившей имъ опасности. Фабриканты, рабочіе которыхъ принимали участіе въ движеніи, спѣшили ихъ расчитывать или не принимали къ себѣ на службу людей, лишившихся работы у своихъ прежъ-

нихъ хозяевъ по той же причинѣ. Если и ранѣе очень многіе изъ рабочаго класса оставались совершенно незатронутыми агитаціей, когда она шла успѣшно, то послѣ пораженія еще менѣе можно было ожидать, чтобы пропаганда охватила всю народную массу. И безъ того, напримѣръ, Джонъ Россель указывалъ, что подъ петиціей подписалась только одна четверть взрослаго мужского населенія Англіи. Правда, у чартизма осталось еще не мало послѣдователей, но разногласіе, существовавшее между вождями и прежде этого, теперь еще болѣе обострилось. Возникли даже новые раздоры, и не мало демократическихъ элементовъ было отвлечено отъ политическаго движенія послѣдователями Оуена, сознательно отдѣлявшими свою соціальную реформу отъ всякаго сколько-нибудь дѣятельнаго вмѣшательства въ политику. Въ концѣ 1839 г. Оуенъ имѣлъ въ Англіи до ста тысячъ послѣдователей, мечтавшихъ о перевоспитаніи человѣчества путемъ образованія сообществъ на коммунистическихъ началахъ. Къ этому времени самъ Оуенъ изъ филантропа, пользовавшагося покровительствомъ „сильныхъ міра сего“, превратился въ агитатора, проповѣдовавшаго разрушеніе религіи, брака и собственности, этой, какъ онъ выражался, „троицы зла“, источника человѣческаго невѣжества, порочности и рабства. Пропаганда этихъ идей путемъ лекцій, диспутовъ и брошюръ велась весьма дѣятельно, и разочарованіе, которое явилось результатомъ неудачи чартизма, создавало почву, весьма благопріятную для оуенизма. Если, однако, это общественное теченіе создало настоящій политическій индифферентизмъ, то, съ другой стороны, оно распространяло въ массахъ новыя соціальныя идеи, которыя не всегда ясно сознавались чисто политическими демократами. Хотя такимъ образомъ между чартизмомъ и оуенизмомъ существовалъ нѣкоторый антагонизмъ, тѣмъ не менѣе оба эти движенія глубоко волновали народную массу, раскрывая передъ нею лишь разныя стороны одного и того же демократическаго процесса. Нерѣдко прежніе послѣдователи Оуена дѣлались чартистами, и бывало наоборотъ, что чартисты переходили на сторону Оуена.

Возрожденіе чартизма стало обнаруживаться только въ серединѣ 1840 г., когда, съ одной стороны, начали выходить изъ тюремнаго заключенія вожди предыдущаго движенія, а съ другой—въ Манчестерѣ состоялся съѣздъ нѣсколькихъ делегатовъ, порѣшившихъ снова начать агитацію путемъ публичныхъ лекцій. Но эта новая агитація далеко не была повтореніемъ прежней. Хотя, какъ и раньше, среди чартистовъ обнаруживался расколъ между сторонниками нравственной и физической силы, рядомъ съ этимъ возникли еще новыя теченія. Представителемъ одного изъ нихъ явился Ловеттъ, который раньше былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ и иниціаторовъ всего

движенія. Приговоренный къ тюремному заключенію, изъ котораго онъ вышелъ только лѣтомъ 1840 г., онъ занялся пересмотромъ вопроса о сущности свободы и о средствахъ ея добиться. Въ брошюрѣ „Чартизмъ", написанной имъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ по заключенію, онъ, такъ сказать, отрекся отъ прежняго направленія своей дѣятельности. По его новому мнѣнію, настоящую свободу нужно было добывать не внѣшними актами законодательства, а развитіемъ въ народѣ внутренней свободы—свободы отъ заблужденій и пороковъ. Другими словами, политическая агитація должна была смѣниться чисто просвѣтительною дѣятельностью. Выпедши изъ тюрьмы, онъ даже не поѣхалъ на манчестерскій съѣздъ и не только не согласился примкнуть къ задуманной на немъ великобританской ассоціаціи чартистовъ, но даже создалъ свой собственный планъ—образованіе особой національной ассоціаціи, которая занималась бы исключительно просвѣщеніемъ и облагороженіемъ народныхъ массъ. Эта новая проповѣдь Ловетта нашла значительный успѣхъ среди участниковъ демократическаго движенія. Еще одинъ изъ прежнихъ вождей чартизма, именно Винцентъ, также посидѣвшій въ тюрьмѣ, началъ доказывать, что прежде всего необходимо нравственное воздержаніе, и даже совѣтовалъ основать особую ассоціацію, цѣлью которой была бы пропаганда этого принципа. Весьма своеобразное, наконецъ, явленіе представляло собою превращеніе чартизма въ своего рода религіозное ученіе сектантскаго характера, прямо излагавшееся въ проповѣдяхъ съ церковныхъ каѳедръ. Въ сущности, эти три новыя направленія имѣли свою основу въ прежней доктринѣ нравственной силы, и весьма понятно, что къ нимъ весьма несочувственно отнеслись сторонники чисто политическаго движенія, начавшіе теперь рѣзко протестовать противъ этихъ новыхъ формъ чартизма. Однимъ изъ наиболѣе рьяныхъ противниковъ „чартизма образованія, чартизма воздержанія, чартизма христіанства" былъ О'Коннеръ, который громилъ „отступниковъ" при каждомъ удобномъ случаѣ. Съ обѣихъ сторонъ страсти разгорались до такой степени, что сторонники О'Коннора угрожали Ловетту смертью за измѣну, а приверженцы Ловетта обвиняли О'Коннора и его партію исключительно въ властолюбивыхъ стремленіяхъ. Среди самихъ политическихъ чартистовъ происходили точно также несогласія по вопросу о томъ, за какую партію, т.-е. за консерваторовъ или за либераловъ подавать голоса на общихъ парламентскихъ выборахъ 1841 г. Въ томъ же самомъ 1841 г. и въ началѣ слѣдующаго года образовалось еще одно теченіе, которое характеризовалось стремленіемъ соединить чартизмъ съ радикализмомъ среднихъ классовъ путемъ смягченія тѣхъ требованій, которыя заключались въ знаменитыхъ шести пунктахъ. Одинъ изъ христіан-

скихъ чартистовъ, по фамиліи Міалль, говорившій церковныя проповѣди и издававшій свой органъ „Нонконформистъ“, сталъ доказывать, что нужно требовать не всеобщаго права голоса (universal suffrage), а полнаго права голоса (complet suffrage). Разница состояла въ томъ, чтобы правомъ голоса пользовались лишь плательщики налоговъ, а добиваться этого онъ рекомендовалъ исключительно мирнымъ путемъ. Съ этою цѣлью онъ совѣтовалъ основать особую лигу, и когда у него набралось достаточное количество послѣдователей, дѣйствительно образовалась новая лига и даже была составлена на имя королевы особая петиція въ смыслѣ предложенія Міалля. Эта организація, къ которой примкнулъ и Ловеттъ, получила названіе „Національнаго союза полнаго права голоса“. На ея сторону перешли и нѣкоторые изъ политическихъ чартистовъ, но О'Коннеръ оставался непреклоннымъ и ожесточенно нападалъ на программу „полнаго права голоса“, какъ на измѣну народному дѣлу въ интересахъ среднихъ классовъ.

Въ 1842 г. вожди чартизма снова собирались на съѣзды, на которыхъ расколъ между отдѣльными направленіями только обострялся, тѣмъ болѣе, что радикалы изъ буржуазіи, съ которыми стремилась соединиться часть чартистовъ, выработали свою собственную программу, весьма отличную отъ народной хартіи. Первый такой съѣздъ состоялся въ началѣ апрѣля въ Бирмингэмѣ, а черезъ мѣсяцъ, именно 2 мая, парламенту была представлена новая петиція, заключавшая въ себѣ, кромѣ шести извѣстныхъ статей, еще одну—объ отдѣленіи Ирландіи отъ Великобританіи. Подъ этой петиціей успѣли собрать около 3.300.000 подписей. Самый документъ везли по улицамъ Лондона въ зданіе парламента въ сопровожденіи цѣлой процессіи, а въ залу палаты общинъ его внесли шестнадцать человѣкъ. Одинъ изъ членовъ парламента предложилъ, чтобы было позволено самимъ чартистамъ защищать въ палатѣ свою петицію, но это предложеніе было отвергнуто громаднымъ большинствомъ голосовъ. Лѣто 1842 г. было весьма тревожное. Многіе фабриканты сокращали производство или уменьшали заработную плату, а рабочіе, въ свою очередь, устраивали стачки и пропагандировали мысль о необходимости всеобщаго прекращенія работъ до тѣхъ поръ, пока „народная хартія“ не получитъ законной силы. Въ августѣ даже стали составляться большіе отряды стачечниковъ, которые обходили фабричные города, вездѣ приглашая прекращать работу. Они носили съ собою знамя, на которомъ было написано: „Лучше умереть отъ меча, чѣмъ отъ голода!“ Если рабочіе какой-либо фабрики не соглашались бросить работу, то пришлая толпа насильно заставляла ихъ это сдѣлать, подвергая порчѣ паровики и машины. Между прочимъ стачечники совершенно овладѣли

Манчестеромъ и 12 августа устроили новую конференцію чартистскихъ делегатовъ. Но весьма скоро въ дѣло вмѣшались полиція и войска. Многіе члены конференціи были арестованы, другіе спаслись бѣгствомъ. Подобнаго рода волненія происходили и въ другихъ мѣстахъ, но всюду народное движеніе подавлялось военною силою, а затѣмъ слѣдовали аресты, судебные приговоры къ тюремному заключенію или ссылкѣ. Все это не помѣшало, однако, въ самомъ концѣ 1842 г. собраться въ Бирмингэмѣ новой конференціи чартистскихъ делегатовъ. На этомъ съѣздѣ со стороны радикальной буржуазіи было сдѣлано предложеніе вмѣсто „народной хартіи“ требовать „новаго билля правъ“, существенно отличавшагося отъ демократической программы чартистовъ Правда, это предложеніе провалилось, но само оно показывало, что между буржуазіей и пролетаріатомъ соглашеніе было невозможно. Сами представители нравственной силы, думавшіе первоначально о возможности соглашенія съ парламентскими радикалами, отшатнулись отъ нихъ, но попрежнему не хотѣли мириться со сторонниками физической силы. Любопытно, что какъ-разъ въ то же самое время, какъ совершалось чартистское движеніе, происходила агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Мы видѣли уже [1]), что этотъ вопросъ интересовалъ главнымъ образомъ буржуазію, но что въ народной массѣ агитація противъ хлѣбныхъ законовъ не пользовалась сочувствіемъ. Чартисты даже противодѣйствовали знаменитой лигѣ, агитировавшей противъ хлѣбныхъ законовъ. Они указывали на то, что для рабочихъ дешевый хлѣбъ равносиленъ дешевому труду. Такъ какъ сторонники свободной торговли сулили всякія благополучія и народной массѣ, когда хлѣбъ будетъ дешевъ, то вожди демократическаго движенія предостерегали рабочихъ отъ „новаго обмана“ со стороны буржуазіи и твердили, что нужно добиваться не дешеваго хлѣба, а всеобщей подачи голосовъ. Съ своей стороны, противники хлѣбныхъ законовъ и на митингахъ, и въ печати старались перетянуть народную массу въ свой лагерь, но встрѣчали мало къ себѣ довѣрія, такъ какъ, проповѣдуя свободу торговли, они въ то же самое время выступали противниками фабричнаго законодательства, пользовавшагося, наоборотъ, большою популярностью среди рабочихъ. Многіе члены лиги появлялись даже на чартистскихъ митингахъ и говорили, что, пожалуй, ничего не будутъ имѣть противъ „народной хартіи“, если народъ будетъ ихъ поддерживать въ ихъ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ. Но чартистскіе ораторы на это имъ возражали, что если хлѣбные законы вредны, то народъ и самъ сумѣетъ ихъ отмѣнить, когда добьется участія во власти. Лига пыта-

[1]) См. выше, стр. 94 и слѣд.

лась даже устраивать чисто рабочіе митинги для подкрѣпленія своей агитаціи, но и въ этомъ не имѣла желаннаго успѣха. Самое сокращеніе работъ на фабрикахъ лѣтомъ 1842 г. объясняется до извѣстной степени планомъ нѣкоторыхъ сторонниковъ лиги сразу создать массу безработнаго люда, которая легла бы тяжелымъ бременемъ на сельскіе приходы и съѣла бы всю репту землевладѣльцевъ. Объ этомъ открыто говорилось въ собраніяхъ лиги и печаталось въ ихъ изданіяхъ. Скоро, однако, лигеры должны были сознаться въ томъ, что ихъ попытка убѣдить рабочихъ въ солидарности ихъ интересовъ съ интересами средняго класса потерпѣла неудачу. Это было уже совершенно ясно передъ началомъ августовскихъ безпорядковъ 1842 г., въ значительной мѣрѣ обязанныхъ своимъ происхожденіемъ той тактикѣ, къ которой прибѣгли сторонники свободной торговли, когда стали убѣждаться, что народъ не будетъ съ ними заодно. Когда разыгрались эти событія, вожди чартистовъ прямо обвиняли буржуазію въ томъ, что она сама вызвала народныя волненія противъ землевладѣльцевъ, а затѣмъ стала усмирять возставшихъ, когда послѣдніе обратились противъ владѣльцевъ фабрикъ. Конечно, все это далеко не могло содѣйствовать тому, чтобы возможно было какое-нибудь сближеніе даже между радикальными представителями буржуазіи и чартистами. Съ одной стороны, августовскій погромъ, съ другой— разладъ между самими чартистами, съ особою силою обнаружившійся на послѣдней конференціи 1842 г., до такой степени неблагопріятно отразились на демократическомъ движеніи, что послѣднее надолго заглохло. Дѣйствительно, въ это время вожди между собою окончательно поссорились, обвиняя другъ друга въ печальномъ исходѣ всего движенія. Сторонники чартизма раздѣлились на мелкія фракціи, изъ которыхъ одна, руководимая О'Коннромъ, задумала теперь устроить поземельную кампанію на кооперативныхъ началахъ. Это предпріятіе, по мысли основателей, должно было приносить доходъ, необходимый для дальнѣйшаго веденія чартистской агитаціи. Дѣло это, однако, стало осуществляться только въ 1847 г. Другая фракція, вождемъ которой былъ О'Брайенъ, относилась къ этой затѣѣ, напротивъ, крайне непріязненно, какъ къ дѣлу, не имѣющему никакой будущности, а въ настоящемъ только отвлекающему силы отъ другой, болѣе плодотворной работы. О'Брайенъ сталъ издавать газету „Національный реформаторъ“ и проводилъ въ ней ту общую мысль, что прежняя программа чартизма съ своимъ чисто-политическимъ характеромъ должна быть расширена въ сторону реформъ соціальнаго характера. Онъ ссылался при этомъ на исторію вообще политическихъ движеній, происходившихъ въ то время въ Европѣ, на ихъ безплодность и постоянныя неудачи. Собственная его про-

грамма заключалась въ томъ, чтобы вся земля была объявлена государственной собственностью съ вознагражденіемъ прежнихъ ея владѣльцевъ, а также чтобы были введены національные обмѣнные рынки и особый національный кредитный банкъ. При этомъ, конечно, должна была быть введена и „народная хартія“. По вопросу о томъ, какими способами могла быть осуществлена общая соціальная и политическая реформа, О'Брайенъ высказывался въ смыслѣ употребленія властной силы.

Снова чартизмъ сталъ оживать и играть роль виднаго политическаго фактора только въ 1847 году. За годъ передъ тѣмъ съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ прекратилась агитація, которая выдвинулась на первый планъ послѣ пораженія чартизма въ 1842 г. Въ 1847 г. происходили парламентскіе выборы, давшіе чартистамъ поводъ снова выступить на политическое поприще. Во многихъ мѣстностяхъ были поставлены чартистскія кандидатуры, имѣвшія иногда успѣхъ. О'Коннеръ оказался выбраннымъ въ члены парламента. Въ это время появились у чартизма и новые дѣятели, изъ которыхъ особенно выдвинулся поэтъ и ораторъ Эрнестъ Джонсъ. Стали вмѣстѣ съ тѣмъ выходить въ свѣтъ новыя періодическія изданія, проповѣдовавшія необходимость „народной хартіи“. Возобновились и митинги, на которыхъ произносились рѣчи въ защиту требованія демократіи. Это возрожденіе чартизма совпало по времени съ общимъ усиленіемъ демократическихъ движеній на континентѣ, подготовлявшихъ событія 1848 г. Въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ О'Коннеръ предсказывалъ скорое наступленіе важныхъ событій. Вожди чартистовъ довольно зорко слѣдили за тѣмъ, что происходило въ сосѣднихъ странахъ, и при случаѣ высказывали свою симпатію „молодой Ирландіи“, „молодой Испаніи“, „молодой Польшѣ“ [1]). Въ сороковыхъ годахъ въ столицѣ Англіи проживало не мало эмигрантовъ изъ различныхъ странъ, и они даже составляли изъ себя особую „Ассоціацію братскихъ демократій“. Черезъ нихъ чартисты входили въ сношенія съ руководимою Мадзини „молодой Европой“. Это сближеніе чартизма съ международною демократіей отмѣчаетъ собою послѣдній фазисъ народнаго движенія въ Англіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Когда въ концѣ 1847 г. во Франціи началась агитація въ пользу реформы выборовъ, а въ началѣ 1848 г. произошли революціи въ отдѣльныхъ итальянскихъ государствахъ, чартисты усилили свою дѣятельность, а послѣ того, какъ въ концѣ февраля совершилось въ Парижѣ паденіе іюльской монархіи, общественное возбужденіе въ Англіи достигло высшей степени. Многіе думали, что и для англійской націи наступила пора добиться,

[1]) См. выше, стр. 202.

наконецъ, настоящихъ политическихъ правъ. Чартисты разныхъ направленій также соединились между собою и съ другими политическими организаціями въ родѣ братскихъ демократовъ, чтобы послать въ Парижъ сочувственный адресъ народу, только-что возвратившему себѣ свои права. Обыкновенно, когда говорятъ о вліяніи февральской революціи на Европу, упускаютъ изъ виду, что этого вліянія не избѣжала и Англія. Весною 1848 г. чартисты сдѣлали новую грандіозную попытку добиться главной своей цѣли. Мы еще увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какъ была совершена эта попытка и почему она кончилась новой неудачей. Кромѣ причинъ мѣстнаго характера, здѣсь дѣйствовала и причина общая—пораженіе демократіи на континентѣ. Теперь мы отмѣтимъ только, что уже въ концѣ 1849 г. чартизмъ былъ снова въ полномъ разстройствѣ, несмотря на замѣчательное развитіе въ это время демократической прессы въ Англіи. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ чартистская организація продолжала еще влачить свое существованіе, но въ 1854 г. и она, наконецъ, закрылась послѣ того, какъ обнаружилось, что рабочій классъ утратилъ всякую вѣру въ „народную хартію“. Симпатіи рабочихъ направились теперь въ сторону образованія союзовъ, которые объединяли бы для защиты общихъ интересовъ рабочихъ однѣхъ и тѣхъ же отраслей промышленности или однѣхъ и тѣхъ же мѣстностей. Поворотъ въ эту сторону начался еще около 1845 г. послѣ первыхъ неудачъ чартизма, когда основалось „Національное общество союзныхъ ремеслъ для покровительства труду“. Эта организація рекомендовала рабочимъ улаживать свои неудовольствія съ предпринимателями путемъ третейскихъ судовъ и въ то же время обращаться къ парламенту съ просьбами о пересмотрѣ фабричныхъ законовъ. Но мысль о демократической реформѣ выборовъ тѣмъ не менѣе въ Англіи не умирала, и сами рабочіе союзы мало-по-малу чисто практическимъ путемъ приходили къ сознанію необходимости получить въ свои руки вліяніе и силу на выборы въ парламентъ, дабы имѣть возможность содѣйствовать законодательству въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Періодъ, въ теченіе котораго рабочіе, организованные въ союзы, относились индифферентно къ текущей политикѣ и, такъ сказать, держались нейралитета въ борьбѣ партій, былъ непродолжителенъ, и мало-по-малу они стали убѣждаться, что въ своихъ же собственныхъ интересахъ они должны поддерживать парламентскихъ радикаловъ.

На чартизмъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на первую попытку, сдѣланную современнымъ пролетаріатомъ для завоеванія политической власти, какъ орудія въ проведеніи этихъ интересовъ. И здѣсь Англія шла впереди другихъ западно-европейскихъ странъ. Нельзя, однако, признавать чартизмъ движеніемъ исключительно одного проле-

таріата, да и не всѣ наиболѣе развитые элементы рабочаго класса примкнули къ этому движенію. Во-первыхъ, на сторонѣ чартизма стояла и радикальная часть мелкой буржуазіи, а во-вторыхъ, рабочіе принимавшіе участіе въ профессіональныхъ союзахъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ держались далеко отъ всей этой агитаціи. Впрочемъ, въ событіяхъ 1842 г. въ чартизмѣ все-таки съ особою силою проявилась его экономическая подкладка. Между прочимъ чартисты добивались и чисто экономическихъ перемѣнъ, къ числу которыхъ, напримѣръ, относится нормировка рабочаго времени. Чартисты дѣйствовали и путемъ забастовокъ. Оставшись безрезультатнымъ въ смыслѣ полнаго неуспѣха „народной хартіи“, какъ новой парламентской реформы, чартизмъ, однако, возбудилъ значительное умственное движеніе въ англійскомъ рабочемъ классѣ, породивъ даже цѣлую народную литературу. Одинъ изъ выдающихся дѣятелей чартизма, Томасъ Куперъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ недюжиннымъ поэтомъ. Впослѣдствіи (въ 1853 г.), сидя въ тюрьмѣ, онъ написалъ прославившую его поэму „Purgatory of Suicides“. Онъ же, подобно другимъ чартистамъ, содѣйствовалъ развитію дешевой періодической печати для народа (Couper Journal, 1850). Многіе организаторы чартистскаго движенія выступили съ трактатами, въ которыхъ излагали свои соціальныя воззрѣнія. Ловеттъ и Коллинзъ, сидя въ тюрьмѣ, написали вдвоемъ трудъ подъ заглавіемъ „Чартизмъ, новая организація народа“ (1841), на которомъ сказалось и вліяніе идей Оуена о необходимости воспитанія и образованія народа. О'Коннеръ въ 1848 г. издалъ книгу „Монополія, какъ причина всѣхъ золъ“, развивъ въ ней подробно нѣкоторыя мысли петиціи о „народной хартіи“. Въ этой книгѣ онъ называетъ монополіей все, что вредно для народнаго блага, откуда бы это ни шло, и вооружается противъ „вредной секты“ экономистовъ, которые своимъ ученіемъ поддерживаютъ общественное неравенство. Но, кромѣ того, чартизмъ оказалъ сильное вліяніе и на литературу правящихъ классовъ.

Самымъ выдающимся изъ писателей, на произведеніяхъ котораго отразилось чартистское движеніе, былъ, несомнѣнно, Томасъ Карлейль. Послѣдователь нѣмецкой идеалистической философіи, онъ самымъ рѣзкимъ образомъ расходился съ тѣмъ положительнымъ направленіемъ, которое господствовало въ міросозерцаніи англичанъ подъ вліяніемъ Адама Смита и Бентама [1]). Обладая въ высшей степени своеобразнымъ и яркимъ талантомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно отзывался на современныя злобы дня, но въ своей публицистической дѣятельности выступалъ болѣе, какъ моралистъ и фило-

[1]) См. т. IV, стр. 605—612.

софъ, нежели какъ политикъ и практическій дѣятель. Если, благодаря своему восторженному идеализму, онъ занималъ совершенно особое положеніе среди мыслителей своей родины, то и въ политической жизни онъ стоялъ совершенно особнякомъ, не принадлежа ни къ одной изъ существовавшихъ тогда политическихъ партій вслѣдствіе того, что на всѣ практическіе вопросы своего времени смотрѣлъ исключительно съ нравственной точки зрѣнія. Это былъ прежде всего проповѣдникъ религіозной вѣры, хотя и возвышавшейся надъ какою бы то ни было догматикой въ пользу вообще нѣкоторой приподнятости настроенія духа, проповѣдникъ нравственнаго достоинства человѣка, которое онъ особенно высоко цѣнилъ въ избранныхъ личностяхъ, „герояхъ“ человѣчества, проповѣдникъ уваженія къ труду, взятому опять-таки со стороны моральной, а не экономической. И въ своемъ методѣ Карлейль проявлялъ гораздо больше способности къ вдохновенному творческому синтезу, чѣмъ къ кропотливому научному анализу, а потому гораздо болѣе дѣйствовалъ на настроеніе, чѣмъ на міросозерцаніе своихъ читателей. Напримѣръ, его знаменитая „Французская революція“ (1837), переведенная на разные языки [1]), представляется скорѣе своего рода лирической поэмой, чѣмъ историческимъ повѣствованіемъ. Какъ моралистъ, полагавшій, что все добро и вся красота человѣческой жизни заключается въ нравственной силѣ отдѣльныхъ личностей, онъ придавалъ вообще мало значенія положительному знанію и общественнымъ учрежденіямъ. Критикуя съ такой точки зрѣнія настоящее, справедливо казавшееся ему неприглядным, онъ готовъ былъ даже идеализировать прошедшее, которое въ его воображеніи далеко не всегда соотвѣтствовало дѣйствительности, и впослѣдствіи даже подвергалъ своей насмѣшкѣ нѣкоторыя общественныя явленія современности, вовсе не заслуживавшія къ себѣ такого отношенія, какъ онъ это сдѣлалъ, напримѣръ, въ „Памфлетахъ послѣднихъ дней“ (1858), гдѣ достается и демократіи, и освобожденію негровъ. Силою своего своеобразнаго таланта, затрогивая притомъ жгучіе вопросы минуты, онъ заставлялъ публику читать свои произведенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызывалъ нерѣдко враждебное къ себѣ отношеніе въ противоположныхъ политическихъ лагеряхъ. Радикалы готовы были признавать его за консерватора, консерваторы — за радикала. Нѣкоторыми рѣзкими выходками, особенно во второй періодъ своей жизни, онъ отталкивалъ отъ себя нерѣдко и своихъ поклонниковъ. Такой человѣкъ обладалъ слишкомъ чуткою душою, чтобы не

[1]) Къ сожалѣнію, по-русски былъ изданъ переводъ только одной изъ трехъ частей этого труда, да и эта книга давно сдѣлалась библіографическою рѣдкостью.

отзываться на вопросы современности, и слишкомъ большою искренностью мысли и прямотою рѣчи, чтобы не видѣть и не изображать общественныхъ бѣдствій своей эпохи. Но его нѣсколько туманный идеализмъ, его невниманіе къ реальному значенію учрежденій въ общественной жизни, его неспособность и недовѣріе къ чисто объективному мышленію въ области общественныхъ наукъ какъ нельзя менѣе соотвѣтствовали тому, чтобы въ его сочиненіяхъ можно было искать какихъ-нибудь практическихъ совѣтовъ и плановъ. Настоящимъ призваніемъ Карлейля было—нравственно поучать современное ему общество, просвѣщать его совѣсть, подобно тому, какъ это дѣлали древніе еврейскіе пророки, а не открывать передъ міромъ новые умственные горизонты, не вести его по новымъ политическимъ путямъ. Понятно, что такого человѣка не могло не затронуть въ частности и чартистское движеніе, а разъ Карлейль долженъ былъ его коснуться, онъ не могъ не высказать цѣлаго ряда горькихъ истинъ своимъ соотечественникамъ. Въ 1839 г. онъ издалъ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ своихъ памфлетовъ подъ заглавіемъ „Чартизмъ“, въ которомъ сдѣлалъ самую убійственную характеристику общественныхъ порядковъ своего времени.

Еще очень молодымъ человѣкомъ въ двадцатыхъ годахъ Карлейль имѣлъ случай столкнуться съ бѣдствіями, которыя тогда переживались рабочимъ классомъ его родины. Они произвели на него весьма сильное впечатлѣніе и заставили его задуматься надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Въ 1829 г. онъ помѣстилъ въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“ небольшую статью подъ заглавіемъ „Знаменія времени“, и здѣсь онъ впервые высказалъ свой взглядъ на характеръ эпохи. Онъ указывалъ именно, что въ общественной жизни совершается серьезный кризисъ. Если бы кто-нибудь вздумалъ въ одномъ словѣ дать характеристику переживаемому моменту, то не нашелъ бы лучшаго опредѣленія для этого момента, какъ назвавъ его механическимъ въ томъ смыслѣ, что всѣ цѣпляются исключительно за одни внѣшнія средства, совершенно пренебрегая внутренними силами [1]). Между прочимъ всѣ образованные народы только и требуютъ реформы правительства, т.-е. чисто внѣшнихъ перемѣнъ, вовсе не думая о духовномъ состояніи народа. Все дѣло въ хорошей „фабрикѣ законовъ“. Философы нашихъ дней — не Сократъ и Платонъ, ставившіе выше всего внутреннее достоинство человѣка, а Адамъ Смитъ и Бентамъ, пріучающіе смотрѣть на жизнь съ чисто механической точки зрѣнія. Если, думалъ еще Карлейль, въ матеріальномъ отношеніи мы опередили всѣ эпохи, то въ отношеніи нравственномъ, быть можетъ,

[1]) Ср. съ идеями Фихте въ „Рѣчахъ нѣмецкой націи“ (см. т. IV, стр. 210).

мы стоимъ ниже всѣхъ другихъ временъ. Въ другой статьѣ, напечатанной подъ заглавіемъ „Характеристика“ также въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“ (1831 г.), Карлейль указывалъ еще и на то, что если въ наше время накопились большія богатства, то и бѣдность вмѣстѣ съ тѣмъ все увеличивается и все большею и большею дѣлается пропасть, отдѣляющая богатство отъ бѣдности. „Человѣкъ подчинилъ себѣ нашу планету, свое обиталище и свое достояніе, но не пользуется плодами своей побѣды. Какая печальная картина! На самой высокой ступени цивилизаціи девять десятыхъ человѣческаго рода обречены на вѣчную борьбу съ голодомъ средствами, которыя въ ходу не только у дикарей, но и у хищныхъ животныхъ“. Главный же источникъ всѣхъ бѣдствій Карлейль видѣлъ въ оскудѣніи вѣры, этой силы, способной двигать горами, вѣры, оживляющей человѣка даже тогда, когда его члены истощены непосильною работою и спина его сгибается подъ тяжестью нищеты. Онъ думалъ даже, что въ послѣднемъ отношеніи средніе вѣка были временами болѣе благопріятными для человѣчества, чѣмъ наша эпоха, — мысль, которую впослѣдствіи онъ развивалъ подробнѣе въ своемъ „Прошедшемъ и настоящемъ“. Таково было отношеніе Карлейля къ современности, когда въ Англіи подготовлялось чартистское движеніе. Еще въ 1832 г. въ одной изъ своихъ статей онъ дѣлился съ читателями опасеніями своими за самую будущность Англіи, предрекая вмѣстѣ съ тѣмъ близкій конецъ ненормальному положенію дѣлъ. Въ качествѣ наблюдателя онъ со всею горячностью, къ какой только былъ способенъ, отнесся къ чартизму. Когда прошелъ первый взрывъ этого движенія и газеты господствующихъ классовъ праздновали побѣду, радуясь гибели политическихъ химеръ чартистовъ, Карлейль, гораздо глубже понимавшій характеръ явленія, рѣшился обнародовать свои мысли на этотъ счетъ, указать обществу на истинныя причины явленія, на средства его прекращенія. И вотъ въ своемъ „Чартизмѣ“ (1839 г.) онъ объявилъ, что подавлена могла быть только внѣшняя форма, какую приняло движеніе, но само оно имѣетъ глубокія внутреннія причины. Карлейль объясняетъ чартизмъ, какъ выраженіе горькаго неудовольствія рабочихъ на свое экономическое положеніе. „Чартизмъ—не химера: это лишь новое имя для вещи, которую уже называли и которую будутъ еще долго называть различнымъ образомъ. Его основа имѣетъ роковой характеръ, и его корни, глубоко уходя въ почву и въ ширь, далеко распространяются. Не вчера это началось и кончится также не сегодня или завтра“. Карлейль изслѣдуетъ общія причины этого явленія, разсматривая отдѣльныя стороны экономическаго быта современной ему Англіи. Все, противъ чего протестовали рабочіе, и съ его стороны подверг-

лось осужденію и отрицанію, но положительныя средства, имъ рекомендуемыя, отличаются или своею незначительностью, или слишкомъ большимъ оптимизмомъ человѣка, думающаго, что общественныя бѣдствія можно врачевать одними призывами слушаться внутренняго голоса совѣсти. Особенно сильную сторону „Чартизма“ Карлейля составляетъ его полемика противъ тогдашней экономической школы. Ея представители утверждали, что переживаемыя рабочими бѣдствія имѣютъ чисто временный характеръ и что въ будущемъ все устроится само собою наилучшимъ образомъ, а Карлейль, готовый даже согласиться, что это, пожалуй, такъ и будетъ, говорилъ, что нужно же подумать и о настоящемъ. Теорія laisser faire, laisser passer имъ иллюстрируется на слѣдующемъ примѣрѣ. Вѣдь обязанъ же хозяинъ по окончаніи лѣтнихъ работъ кормить своихъ лошадей всю зиму, когда онѣ ему совсѣмъ почти не нужны. Хорошо бы въ самомъ дѣлѣ вышло, если бы, вмѣсто этого, онъ обратился къ своимъ лошадямъ съ такими словами: „Четвероногіе! для васъ у меня работы больше не имѣется, но вообще на бѣломъ свѣтѣ работы существуетъ достаточно. Должны же вы знать (вѣдь мнѣ нечего читать вамъ лекціи по политической экономіи), что паровыя машины повсемѣстно создали лишнюю работу. Въ одной части свѣта строятъ желѣзныя дороги, въ другой — роютъ каналы, и вездѣ въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ найдется что-нибудь, что́ требуетъ перевозки, а потому нечего сомнѣваться въ томъ, что работу гдѣ-нибудь вы себѣ найдете. Поэтому, лошадки, отправляйтесь искать себѣ извоза. До свиданія, желаю вамъ счастливаго пути!“ Лошади, продолжаетъ Карлейль свою притчу, фырканьемъ выражаютъ свое сомнѣніе, ибо Европа, Азія, Африка или Америка отъ нихъ далеко, да и сами онѣ достовѣрно не знаютъ, дѣйствительно ли гдѣ-нибудь нуждаются въ ихъ работѣ. И въ самомъ дѣлѣ, лошади, пожалуй, и не найдутъ, что могли бы возить. И вотъ тогда онѣ бросятся искать корму по большимъ дорогамъ, огороженнымъ, какъ слѣдуетъ, и справа, и слѣва. Въ концѣ концовъ, голодъ заставитъ ихъ перепрыгнуть черезъ эти преграды и приняться пожирать чужую собственность, а остальное извѣстно. „Ахъ, господа, восклицаетъ при этомъ Карлейль, не веселая это шутка, и болѣе горекъ, чѣмъ самыя слезы, тотъ смѣхъ, который вызывается у человѣчества примѣненіемъ принципа laisser faire къ несчастному населенію такой страны, какъ Европа въ 1839 г.!“ По опредѣленію Карлейля, принципъ этотъ равносиленъ самоотреченію правителей, равносиленъ допущенію, что они совсѣмъ негодны далѣе къ правленію, что, пожалуй, къ нему они совсѣмъ и не призваны даже. И народъ понимаетъ этотъ принципъ въ томъ смыслѣ, что то руководство со стороны правителей, которому под-

вергается страна, гораздо хуже, нежели всякое его отсутствіе, и народъ этимъ недоволенъ. Говорятъ въ Англіи, что общество существуетъ для покровительства собственности и что собственностью обладаютъ равнымъ образомъ и бѣдняки въ видѣ труда, за который получаютъ поденную плату. Да, это вѣрно, но восьмую заповѣдь, запрещающую похищать чужую собственность, нужно исполнять въ достаточной степени, дабы она дѣйствительно обезпечивала права человѣка: „ты не долженъ красть, но ты не долженъ быть и обкрадываемъ“. Общій выводъ Карлейля былъ тотъ, что „съ рабочими поступаютъ несправедливо, ихъ судьба не основывается на законѣ и потому не такова, какова должна быть“. Главнѣйшая причина чартизма, по его опредѣленію, и заключается въ оскорбленномъ чувствѣ справедливости.

Появленіе этого памфлета заранѣе было объявлено публикѣ, и очень многіе желали поскорѣе его прочесть. Отдѣльныя партіи думали встрѣтить въ объявленномъ сочиненіи благопріятные для нихъ взгляды. На основаніи того, что Карлейль высказывалъ раньше, радикалы были увѣрены, что онъ будетъ для нихъ желаннымъ союзникомъ, но они къ величайшему своему удивленію увидѣли, что авторъ признавалъ за высшими классами общества не только обязанность руководить народною массой, но и право управлять ими, хотя, конечно, и не такъ, какъ дѣлали это англійская аристократія и буржуазія. Радикалы стали поэтому причислять его къ торіямъ, но и послѣдніе не могли считать его за своего, такъ какъ онъ мечталъ объ аристократіи нравственно лучшихъ людей, а тѣ классы, которые дѣйствительно правили Англіей, находилъ и недостойными, и неспособными это дѣлать. Во всякомъ случаѣ, однако, памфлетъ имѣлъ громадный успѣхъ и не мало содѣйствовалъ пробужденію умовъ отъ прежней спячки. Чартистское движеніе затихло, но народныя бѣдствія продолжались. и Карлейль снова заговорилъ объ этихъ бѣдствіяхъ въ новомъ публицистическомъ произведеніи „Прошедшее и настоящее“ (1843). Здѣсь онъ проводитъ параллель между современною и средневѣковою Англіей, идеализируя прошедшее въ ущербъ настоящему, какъ это не разъ уже и до него дѣлали романтики. По его представленію, современные люди забыли Бога, чтобы поклоняться Маммону: „религія нашего времени— маммонизмъ“. Мы называемъ обществомъ соединеніе людей, но на самомъ дѣлѣ проповѣдуемъ полное обособленіе. Единственная связь между людьми признаётся только въ формѣ денежнаго договора, словно обязанности человѣка по отношенію къ человѣку заключаются только въ томъ, чтобы сунуть въ его руки извѣстное количество монетъ и затѣмъ вытолкать его въ шею. Богатый фабрикантъ говоритъ въ свою защиту, что вѣдь онъ заключилъ честный договоръ съ

своими рабочими и расплатился съ ними наличными деньгами сполна,— что же ему еще для нихъ дѣлать? Но и Каинъ на вопросъ о томъ, что онъ сдѣлалъ съ своимъ братомъ, возражалъ: развѣ я обязанъ сторожить своего брата? Современная общественная жизнь представлялась Карлейлю не взаимною помощью, а всеобщею войною: ее и называютъ свободною конкурренціей. Но и здѣсь онъ или совсѣмъ не указываетъ практическихъ средствъ, чтобы вывести общество изъ такого положенія, или какъ бы совѣтуетъ вернуться къ старинным отношеніямъ. Демократіи онъ не довѣряетъ, ибо подъ свободою она разумѣетъ только подачу голосовъ на парламентскихъ выборахъ, причемъ каждый потомъ хвастается, что имѣетъ одну двадцатитысячную часть говоруна въ парламентѣ. Въ наше время каждый человѣкъ совершенно обособленъ отъ другихъ людей, тогда какъ въ былыя времена существовали прочныя узы даже у рабовъ съ ихъ господами. Свободу называютъ божественною вещью, но свобода, заставляющая умирать съ голоду, совсѣмъ уже не божественная вещь. Въ концѣ концовъ, Карлейль—за возвращеніе къ аристократіи и къ священничеству, но въ какомъ-то особомъ идеальномъ пониманіи. И эта книга Карлейля имѣла громадный успѣхъ, будучи встрѣчена даже настоящимъ восторгомъ среди всѣхъ тѣхъ, которые подобно ему проклинали тогдашнюю экономическую теорію свободной конкурренціи. Выводъ былъ тотъ, что формальная свобода отнюдь не улучшила сравнительно съ прошлымъ положенія рабочаго класса. Послѣднее скорѣе даже ухудшилось, такъ какъ господинъ все-таки заботился о томъ, чтобы рабъ не умеръ съ голоду, а въ современномъ обществѣ никто не заботится о голодномъ человѣкѣ.

Нѣкоторыя идеи, высказанныя Карлейлемъ, сближаютъ его съ соціалистами, хотя самъ онъ былъ очень далекъ отъ соціализма. Вообще чартистское движеніе оказало сильное вліяніе на многихъ лицъ, принадлежавшихъ по своему общественному положенію къ среднимъ классамъ, но относившихся сочувственно къ народнымъ бѣдствіямъ и нуждамъ. Изъ нѣкоторыхъ такихъ лицъ даже образовалась партія „христіанскихъ соціалистовъ“, которая особенно дѣятельно выступила къ концу сороковыхъ годовъ. Самымъ выдающимся и характернымъ писателемъ въ духѣ христіанскаго соціализма былъ Чарльзъ Кингслей, ученый и публицистъ, романистъ и поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ „Parson Lot“. Его принципами были христіанская любовь и мирное разрѣшеніе соціальнаго вопроса. Въ духѣ христіанскаго соціализма писалъ и Куперъ. Черезъ всѣ сочиненія этой партіи проходитъ красною нитью отрицательное отношеніе къ принципу невмѣшательства. Въ этомъ отношеніи они сходились съ другою соціалистическою партіею, которая, раздѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ идею христіанскихъ соціалистовъ

о необходимости одной легальной борьбы, относилась отрицательно не только къ монархическимъ и аристократическимъ принципамъ своихъ христіанскихъ товарищей, считая идеаломъ государственнаго устройства республику, но и къ самой религіи, какъ теоретической основѣ соціализма, замѣняя ее „секуляризмомъ“. Эта партія называла себя безразлично соціалистами, коммунистами, кооператорами и группировалась около Голіока, который въ 1846 г. для пропаганды своихъ идей основалъ газету „Мыслитель“ (The Reasoner) съ „Вѣстникомъ Прогресса“. Лозунгомъ этой газеты было провозглашено: „не должно быть бѣдныхъ (no poor). Несмотря, однако, на то, что и христіанскій, и секуляристическій соціализмъ появился въ бурную эпоху чартизма и развился главнымъ образомъ подъ его вліяніемъ, представители обоихъ этихъ направленій были одинаково нереволюціонны. Благодаря тому, что въ Англіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обезпечены были свобода личности и свобода слова и болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, представлялась возможность проводить въ жизнь свои идеи открыто, а это вселяло надежду на возможность ихъ осуществленія мирными путями, англійскіе представители соціальнаго переустройства въ большинствѣ случаевъ держались легальной почвы существующихъ учрежденій и относились неблагосклонно къ насильственнымъ средствамъ и переворотамъ. Со стороны континентальныхъ соціалистовъ иногда по ихъ адресу за это раздавались порицанія. Въ числѣ ихъ критиковъ съ такой точки зрѣнія былъ, напримѣръ, Энгельсъ — въ книгѣ о положеніи рабочихъ классовъ въ Англіи [1]).

Чартистское движеніе съ вызвавшею его бѣдностью народа отразилось и на изящной литературѣ. Нѣкоторые романисты эпохи касались въ своихъ произведеніяхъ этой злобы дня. Можно сказать, что такъ называемый соціальный романъ, изображавшій народныя бѣдствія, сдѣлался одною изъ наиболѣе популярныхъ литературныхъ формъ. На этомъ поприщѣ выступалъ и Кингслей въ своихъ повѣстяхъ „Yeast“ (1848) и „Alton Locke“ (1859). Къ этой же эпохѣ относится и знаменитая „Пѣсня о рубашкѣ“ (Song of the shirt) Томаса Гуда, вызвавшая въ обществѣ цѣлое движеніе противъ эксплуатаціи женскаго труда.

[1]) Дѣло въ томъ, что Энгельсъ въ этомъ своемъ сочиненіи касается и англійскаго соціальнаго движенія эпохи, о чемъ см. также ниже (въ концѣ главы XVI). Ср. *Метенъ*. Соціализмъ въ Англіи. 1898.

XII. Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи [1]).

Парламентскія партіи въ эпоху іюльской монархіи.—Прошлое Гизо и его карьера при Людовикѣ-Филиппѣ. — Буржуазное направленіе Гизо. — Его политическія идеи.—Политическая карьера Тьера.—Отношеніе его къ революціи и Наполеону.—Политическое міросозерцаніе Тьера.—Взглядъ французскихъ либераловъ на административную централизацію. — Государственная монополія въ дѣлѣ народнаго образованія. — Біографія Токвиля. — «Демократія въ Америкѣ».—Роль Токвиля въ палатѣ.—Политическія идеи Токвиля.—Взаимныя отношенія равенства и свободы. — Въ какихъ отношеніяхъ Токвиль не довѣрялъ демократіи? — Недостаточное вниманіе Токвиля къ соціальному вопросу.

Іюльская революція доставила во Франціи власть людямъ, которые въ эпоху реставраціи составляли либеральную оппозицію противъ реакціонныхъ стремленій трона, духовенства и аристократіи. Роялисты, игравшіе столь видную роль при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X, потеряли всякое значеніе при Людовикѣ-Филиппѣ. Они образовали изъ себя въ палатахъ такъ называемую правую и стали называться легитимистами, но сколько-нибудь видной роли уже совершенно не играли. Всѣ остальныя политическія группы, составлявшія подавляющее большинство, вели свое начало отъ прежней оппозиціи. Правда, нѣкоторымъ изъ этихъ группъ и впослѣдствіи пришлось играть оппозиціонную роль, но это было весьма незначительное меньшинство. Крайнюю лѣвую составляла небольшая кучка радикаловъ-республи-

---

[1]) Кромѣ сочиненій, названныхъ на стр. 32, см. главнымъ образомъ біографіи Гизо, Тьера и Токвиля. *Guizot* въ 1858—1868 г. издалъ Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps". О немъ — *Mazade.* Portraits d'histoire morale et politique du temps. 1875. — *De Witt.* M. Guizot dans la famille et avec ses amis. 1880.—*Jules Simon.* Thiers, Guizot, Rémusat. 1885. — *Bardoux.* Guizot (въ коллекціи „Les grands écrivains français). 1894. — О Тьерѣ — *P. de Rémusat.* Thiers (въ кол. Les grands écriv. fr.). 1889.—О Токвилѣ—Oeuvres et correspondance inédites d'Alexis de Tocqueville, publiées et précédées d'une notice par *G. de Beaumont.* 1861 (въ 1897 г. эта Notice sur A. de Tocqueville была переиздана отдѣльной книжкой). Переписка Токвиля, изданная Бомономъ, справедливо считается важнымъ коммептаріемъ къ его сочиненіямъ. Такое же значеніе имѣютъ и Souvenirs de Alexis de Tocqueville (1893), на которые не разъ дѣлаются ссылки въ настоящемъ томѣ; онѣ существуютъ въ русскомъ переводѣ. — *H. Jaques.* A. de Tocqueville. Ein Lebens- und Geistesbild. 1876. Самымъ новымъ трудомъ (1897) является небольшая книга *E. Eichthal.* Alexis de Tocqueville et la démocratie libérale. Наконецъ, см. сочиненія по исторіи политическихъ теорій. *P. Janet.* Histoire de la science politique, но особенно прекрасный трудъ *Henry Michel.* L'idée de l'état. Essai critique sur l'histoire des théories sociales et politiques en France depuis la révolution. 1896.

канцевъ, и къ ней примыкала другая небольшая группа, во главѣ которой стоялъ Лафиттъ. Извѣстно, какую роль этотъ политическій дѣятель игралъ въ самомъ началѣ іюльской монархіи. Человѣкъ страшно богатый и лично весьма близкій къ Людовику-Филиппу, онъ вскорѣ разорился и разошелся съ королемъ. Уже въ 1831 г. онъ сближается съ республиканцами и затѣмъ до самой своей смерти въ 1844 г. остается въ оппозиціи. Къ этой группѣ примыкала династическая лѣвая, во главѣ которой находился Одилонъ Барро, стоявшій за орлеанскій тронъ, но требовавшій расширенія народныхъ правъ. И членамъ этой партіи не удавалось получить политическаго значенія вплоть до самыхъ послѣднихъ дней іюльской монархіи. Между правою и разными оттѣнками лѣвой стояли двѣ большія партіи, попеременно получавшія правительственное значеніе и носившія названіе праваго и лѣваго центровъ, а между ними была еще менѣе значительная группа, называвшаяся третьей партіей [1]). Вождями двухъ большихъ партій были Гизо и Тьеръ. Они и сдѣлались настоящими главами громаднаго большинства народныхъ представителей. Старые вожаки либераловъ сходили одинъ за другимъ со сцены. Бенжаменъ Констанъ, идеи котораго восторжествовали въ 1830 г., умеръ вскорѣ послѣ переворота. Лафайетъ, подобно Лафитту разочаровавшійся въ іюльской монархіи, скончался четыре года спустя. Ройе-Колларъ пережилъ его на одиннадцать лѣтъ, но послѣ 1830 г. уже почти не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ вслѣдствіе старости. Только въ тридцатыхъ годахъ онъ выступалъ еще дважды противъ Гизо, между прочимъ для защиты либеральныхъ принциповъ. Правда, на парламентской сценѣ появились въ эту эпоху и новые дѣятели, изъ которыхъ въ исторіи политическихъ идей особенно слѣдуетъ отмѣтить Токвиля, но они не пріобрѣли прочнаго вліянія. Въ концѣ концовъ, наиболѣе крупными фигурами парламентскаго режима во Франціи въ эту эпоху такимъ образомъ оставались Тьеръ и Гизо, оба уже вполнѣ сформировавшіеся въ эпоху реставраціи. До 1836 г. они дѣйствовали сообща, но потомъ между ними произошелъ разрывъ. Обоимъ имъ приходилось стоять у власти, но наиболѣе подходящимъ къ характеру короля и къ стремленіямъ правящаго класса оказался Гизо, сохранявшій власть въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ іюльской монархіи. Руководимые ими правый и лѣвый центры сходились между собою и въ приверженности къ іюльскому трону, и въ защитѣ буржуазныхъ интересовъ, и въ своемъ невниманіи къ требованіямъ демократіи. Вся разница заключалась только въ томъ, что и во внутренней, и во внѣшней политикѣ Гизо былъ консервативнѣе Тьера, т.-е.

---

[1]) См. выше, стр. 138.

упорнѣе сопротивлялся новымъ требованіямъ и легче прибѣгалъ къ реакціоннымъ мѣрамъ. А между тѣмъ и Гизо въ эпоху реставраціи былъ однимъ изъ представителей тогдашняго либерализма и даже подвергался непріятностямъ со стороны правительства за свой образъ мыслей. Такимъ образомъ либерализмъ, который уже въ эпоху реставраціи имѣлъ весьма замѣтную буржуазную окраску, изъ направленія оппозиціоннаго превращался въ направленіе консервативное. Мы еще увидимъ впослѣдствіи, какой характеръ получила внутренняя французская политика въ сороковыхъ годахъ, когда главнымъ ея руководителемъ былъ Гизо. Здѣсь мы познакомимся только нѣсколько ближе съ его политическими идеями.

На общественную арену выступилъ Гизо двадцати пяти лѣтъ въ качествѣ адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ исторіи въ Сорбоннѣ. Это было еще при Наполеонѣ въ 1812 г. Передъ вступительною лекціей высшее начальство дало понять молодому профессору, что императоръ просматривалъ всѣ вступительныя лекціи и что онъ привыкъ въ каждой изъ нихъ встрѣчать похвалу своему правленію. Гизо, однако, не захотѣлъ послѣдовать этому обычаю и сумѣлъ настоять на своемъ. Въ Сорбоннѣ на талантливаго преподавателя обратилъ вниманіе Ройе-Колларъ, занимавшій должность декана словеснаго факультета. Когда произошла первая реставрація, Ройе-Колларъ, группировавшій вокругъ себя сторонниковъ конституціонной монархіи, рекомендовалъ Гизо правительству на мѣсто главнаго секретаря въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и въ этой должности Гизо впервые познакомился во-очію съ притязаніями будущихъ ультра-роялистовъ. Онъ оставилъ это мѣсто и собирался вернуться на свою каѳедру, но вскорѣ началось стодневное владычество Наполеона, во время котораго Гизо остался вѣренъ законной династіи и даже лично сблизился съ Людовикомъ XVIII во время пребыванія послѣдняго въ Гентѣ. Вторая реставрація Бурбоновъ вернула его къ государственной жизни, и двадцати восьми лѣтъ отъ роду онъ сдѣлался членомъ государственнаго совѣта, а затѣмъ, кромѣ того, директоромъ департаментской и общинной администраціи. Когда послѣ убійства въ 1820 г. герцога Беррійскаго французское правительство явно выступило на реакціонный путь [1]), Гизо былъ отставленъ отъ обѣихъ должностей и опять вернулся къ профессорской дѣятельности, сдѣлавъ предметомъ своего курса исторію представительныхъ учрежденій. Въ 1822 г. министерствомъ Виллеля [2]) была прервана на довольно продолжительное время и эта дѣятельность Гизо, такъ какъ его лекціи были признаны слиш-

[1]) См. т. IV, стр. 408.
[2]) См. т. IV, стр. 409.

комъ либеральными. Онъ возвратился на каѳедру только въ 1828 г., когда въ министерство Мартиньяка [1]) снова повѣяло болѣе свободнымъ духомъ. Въ промежутокъ между двумя послѣдними датами Гизо предпринялъ свои замѣчательныя работы по исторіи англійской революціи, работы, заканчивать которыя ему пришлось уже послѣ февральской революціи. Содержаніемъ его курсовъ конца двадцатыхъ годовъ были знаменитыя исторіи цивилизаціи въ Европѣ и во Франціи. Вмѣстѣ съ этимъ онъ вернулся и въ государственный совѣтъ. Въ эти годы Гизо принадлежалъ къ либеральной оппозиціи и принималъ участіе въ политическомъ обществѣ „Aide-toi, le ciel t'aidera", имѣвшемъ своею цѣлью подготовленіе либеральныхъ выборовъ [2]). Онъ самъ былъ избранъ въ палату 1830 г. и былъ въ числѣ 221 депутата, вотировавшихъ оппозиціонный адресъ Карлу X [3]).

Таково было прошлое политическаго дѣятеля, которому пришлось играть такую видную и, въ концѣ концовъ, столь роковую роль въ дѣлахъ іюльской монархіи. Уже въ самомъ началѣ онъ занимаетъ при новомъ королѣ министерскій постъ, хотя на первый разъ и на очень короткое время. Онъ не сошелся съ Лафиттомъ и вышелъ изъ министерства. Затѣмъ онъ снова дважды былъ министромъ въ кабинетѣ Сульта и кабинетѣ Моле, сначала вмѣстѣ съ Тьеромъ, потомъ безъ него. Въ 1837 г. онъ стоялъ во главѣ оппозиціи и даже соединялся съ лѣвыми фракціями для низверженія министерства Моле, съ которымъ онъ разошелся. Когда во главѣ министерства снова сталъ маршалъ Сультъ, Гизо получилъ отъ него постъ посланника въ Лондонѣ, на каковомъ и оставался въ эпоху осложненія восточнаго вопроса въ министерство Тьера [4]). Наконецъ, въ 1840 г. онъ снова вошелъ въ составъ министерства Сульта, занявъ въ немъ руководящее положеніе, хотя главою кабинета и по имени онъ сдѣлался только въ 1847 г. Какой политики держался онъ въ иностранныхъ дѣлахъ, это мы видѣли уже выше [5]), а о политикѣ внутренней рѣчь еще впереди. Здѣсь насъ могутъ интересовать лишь идеи политическаго дѣятеля, начавшаго свою государственную карьеру либераломъ, кончившаго же ее реакціонеромъ.

Съ самаго начала своей общественной дѣятельности Гизо заявилъ себя защитникомъ среднихъ классовъ общества. Это была эпоха, когда весь политическій вопросъ сводился къ тому, кто долженъ стоять во главѣ націи — побѣдители ли 1789 г. или побѣжденные, т.-е.

[1]) См. т. IV, стр. 411.
[2]) См. т. IV, стр. 432.
[3]) См. выше, стр. 34—35.
[4]) См. выше, стр. 161—163.
[5]) См. выше, стр. 164—168.

третье сословіе или привилегированные. Гизо открыто сталъ на сторону первыхъ и выразилъ эту свою мысль въ памфлетѣ 1820 года „О правительствѣ Франціи со времени реставраціи и о теперешнемъ министерствѣ". Это и сдѣлало его особенно популярнымъ въ буржуазіи. До 1830 г. буржуазія только еще добивалась власти, а потому ея настроеніе было оппозиціоннымъ. Послѣ іюльской революціи этому классу уже нужно было главнымъ образомъ охранять занятую имъ позицію. Гизо и взялъ на себя именно роль охранителя, роль, такъ сказать, консервативнаго либерала, снискавшую ему между прочимъ расположеніе и англійскаго правящаго класса: извѣстно, что виги ставили ему въ заслугу его привязанность къ свободнымъ учрежденіямъ, торіи—его противодѣйствіе перемѣнамъ, которыя казались имъ опасными. Сколько разъ, вступая на парламентскую трибуну, онъ приносилъ на нее съ собою рѣчи, оправдывавшія и даже прославлявшія господство среднихъ классовъ! Двѣ такія рѣчи, произнесенныя имъ въ 1837 г., имѣли поразительный успѣхъ, и около двухсотъ депутатовъ сдѣлали между собою складчину, чтобы распространить эти рѣчи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. И въ своихъ столь прославленныхъ мемуарахъ Гизо продолжаетъ защищать ту же самую буржуазію, хотя уже и отмѣчаетъ ея слабыя стороны. Конечно, ему нужно было создать теорію, на которой можно было бы основать права буржуазіи, такъ какъ противники ставили ему на видъ, что онъ проповѣдуетъ возстановленіе въ новой формѣ стараго привилегированнаго сословія. Противъ такого обвиненія онъ протестовалъ. Въ буржуазіи онъ хотѣлъ видѣть цвѣтъ націи, классъ людей, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ личнымъ способностямъ, трудолюбію, бережливости, классъ, въ который всѣмъ открытъ свободный доступъ. И вотъ ему казалось, что тѣ, которые противополагаютъ буржуазіи какую-то демократію, заслуживаютъ названія людей неблагодарныхъ по отношенію къ благодѣяніямъ современнаго общества, наиболѣе свободнаго и наиболѣе осуществляющаго принципъ равенства. „Вотъ въ какомъ смыслѣ, восклицалъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей 1837 г.,—вотъ въ какомъ смыслѣ понимаю я слова: средніе классы, демократія, свобода и равенство! Ничто не можетъ заставить меня уклониться отъ этого смысла". Подобно большинству либераловъ своей эпохи, онъ не довѣрялъ демократіи. Далекій одинаково отъ теоріи божественнаго права королей и отъ теоріи народнаго верховенства, онъ полагалъ, что истинный суверенитетъ долженъ заключаться въ верховенствѣ человѣческаго разума, представительницею же его въ глазахъ Гизо была просвѣщенная буржуазія, такъ сказать, уполномоченная всею націей на то, чтобы управлять ея судьбами. На этой точкѣ зрѣнія Гизо держался съ упрямствомъ доктринера, создавшаго себѣ политическую систему и не желавшаго

видѣть дѣйствительности, какъ она есть. Съ такимъ же упрямствомъ поддерживалъ онъ политическій порядокъ, созданный революціей 1830 г., связавъ свою личную судьбу съ судьбой промышленной олигархіи, которая во Франціи завладѣла всѣмъ. Впослѣдствіи въ своихъ мемуарахъ Гизо однако счелъ нужнымъ оправдываться отъ обвиненія въ томъ, что онъ не любилъ народа. Но и въ этомъ оправданіи онъ не скрываетъ своего недовѣрія къ способности народа управлять самимъ собою.

На политическое поприще Гизо выступилъ настоящимъ либераломъ, защитникомъ не только конституціоннаго принципа, но и другихъ свободныхъ началъ. Напримѣръ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ издалъ два сочиненія, одно—„О заговорахъ и политическихъ судахъ“, другое—„О смертной казни за государственныя преступленія“, и въ обоихъ онъ стоялъ на либеральной точкѣ зрѣнія. Впослѣдствіи онъ также отстаивалъ такіе принципы, какъ свобода совѣсти и равенство передъ закономъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ, чтобы свобода не нарушала порядка, какъ самъ онъ, конечно, понималъ послѣдній. Легальная оппозиція представлялась ему вполнѣ законной, но онъ чувствовалъ своего рода отвращеніе къ революціоннымъ средствамъ. Еще въ очень молодыхъ годахъ, въ началѣ реставраціи онъ примкнулъ къ партіи доктринеровъ [1]), которая желала примирить свободу съ порядкомъ и сочетать конституціонное правленіе съ сильною властью, и эти идеи онъ сохранялъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ политическихъ памфлетовъ „О способахъ управленія и оппозиціи при современномъ состояніи Франціи“ онъ проводилъ ту мысль, что его отечество знало до той поры политическую свободу только въ революціи, а порядокъ только въ деспотизмѣ: по его мнѣнію, необходимо было установить гармонію между свободой и порядкомъ. Его политическимъ идеаломъ была Англія, какою она вышла изъ революціи 1689 г., и онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые готовы были видѣть въ іюльской революціи лишь повтореніе того, что совершилось въ Англіи за полтора столѣтія передъ тѣмъ. Быть можетъ, современную ему Францію онъ понималъ слишкомъ по образцу Англіи, не взирая на то, что аналогія могла быть проведена далеко не вездѣ [2]). Онъ даже какъ-будто закрывалъ глаза на окружавшую его дѣйствительность, и это между прочимъ отразилось впослѣдствіи на его мемуарахъ, которые даютъ такъ мало матеріала для характеристики общественнаго состоянія и настроенія

[1]) См. т. IV, стр. 427.

[2]) Объ аналогіяхъ, какія проводили французы между своей и англійской исторіей, см. т. IV, стр. 392—393.

Франціи въ занимающій насъ періодъ. Впрочемъ, и вообще все политическое ученіе Гизо заключалось въ объясненіи и оправданіи извѣстныхъ существующихъ фактовъ. Желая занять среднее положеніе между старой и новой Франціей, онъ вынужденъ былъ отказываться отъ слѣдствій самимъ имъ признававшагося принципа и, наоборотъ, принимать слѣдствія принциповъ, которые онъ отвергалъ. Это былъ своего рода оппортунизмъ Нужно еще замѣтить, что на политическомъ міросозерцаніи Гизо сказалось вліяніе нѣмецкой исторической школы права [1]).

Тьеръ принадлежалъ къ тому же общественному классу, какъ и Гизо, но и по уму, и по характеру отличался гораздо большею живостью и меньшею прямолинейностью. Оба они тѣмъ не менѣе были политическими дѣятелями, защищавшими однѣ и тѣ же соціальные интересы, служившіе однѣмъ и тѣмъ же политическимъ идеямъ. Вся разница между ними касалась скорѣе оттѣнковъ общаго имъ направленія, чѣмъ самаго существа направленія. И Тьеръ во время іюльскаго переворота былъ уже совсѣмъ сформировавшимся человѣкомъ, съ вполнѣ опредѣленными идеями. Начавъ свою дѣятельность при посредствѣ либеральнаго депутата Манюэля [2]) журналистомъ, весьма быстро прославивъ себя имѣвшею большой успѣхъ „Исторіей французской революціи [3]), а въ самомъ началѣ 1830 г. основавъ оппозиціонную газету „National“ [4]), онъ, какъ извѣстно [5]), игралъ очень видную роль при возведеніи Людовика-Филиппа на престолъ. Это открыло передъ нимъ доступъ къ политической карьерѣ. Сдѣлавшись членомъ государственнаго совѣта и главнымъ секретаремъ министерства финансовъ, онъ вскорѣ былъ выбранъ въ палату депутатовъ, а въ 1832 г. получилъ постъ министра сначала внутреннихъ дѣлъ, а потомъ торговли и общественныхъ работъ. Затѣмъ онъ возвращался еще разъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ 1834 г. Сначала онъ поддерживалъ самыя дружественныя отношенія съ либералами, но въ скоромъ времени строгость, съ какою онъ отнесся къ демократическимъ возстаніямъ, отвратила отъ него многихъ изъ прежнихъ его политическихъ друзей. Въ 1836 г. онъ сдѣлался главою министерства, взявъ на себя завѣдованіе иностранными дѣлами. Несмотря на то, что во внутренней политикѣ онъ оказался весьма уступчивымъ по отношенію къ Людовику-Филиппу, послѣдній былъ крайне недоволенъ его иностранной политикой, которую онъ находилъ слишкомъ

[1]) См. т. IV, стр. 274—275 и 348.
[2]) См. т. IV, стр. 407 и 411.
[3]) См. т. IV, стр. 290.
[4]) См. т. IV, стр. 429.
[5]) См. выше, стр. 40, 42 и 44—45.

либеральной. Вышедши въ отставку вслѣдствіе разногласія съ королемъ, Тьеръ послѣ кратковременнаго удаленія отъ дѣлъ перешелъ на сторону оппозиціи. Весною 1840 г. онъ сдѣлался снова министромъ. Это было какъ-разъ то время, когда Европа переживала опасный кризисъ, и Людовикъ-Филиппъ поспѣшилъ снова избавиться отъ министра, казавшагося ему слишкомъ воинственнымъ [1]). Послѣ того, какъ образовалось министерство, имѣвшее фактическимъ главою Гизо, Тьеръ снова сдѣлался однимъ изъ вождей оппозиціи, направивъ ее главнымъ образомъ противъ личной политики короля. Однимъ изъ политическихъ принциповъ, которыхъ онъ держался, былъ знаменитый принципъ, имъ же и формулированный: „король царствуетъ, но не управляетъ“ (le roi règne, il ne gouverne pas).

До революціи 1830 г. Тьеръ особенно прославился своей „Исторіей французской революціи“, представляющей изъ себя апологію этого политическаго событія [2]). Въ этомъ трудѣ онъ является поклонникомъ успѣха и съ этой своеобразной точки зрѣнія оправдываетъ или осуждаетъ отдѣльныхъ дѣятелей и цѣлыя партіи. Уже въ самомъ концѣ этого сочиненія онъ намѣтилъ свое будущее отношеніе къ Наполеону, какъ къ человѣку, который упрочилъ за „плебеями“ завоеванное ими мѣсто [3]). Извѣстнаго рода расположеніе къ Наполеону онъ проявилъ потомъ въ тридцатыхъ годахъ возстановленіемъ его статуи на Вандомской колоннѣ и окончаніемъ большой Тріумфальной арки, увѣковѣчившей побѣды Наполеона. Въ другомъ мѣстѣ нами было уже указано на то, что по иниціативѣ Тьера въ 1840 г. были перевезены въ Парижъ останки императора [4]). Въ сороковыхъ годахъ въ видѣ продолженія своей исторіи революціи онъ предпринялъ большой трудъ, который сталъ выходить въ свѣтъ подъ названіемъ „Исторіи консульства и имперіи“; здѣсь преобладаетъ та же черта Тьера—преклоненіе передъ успѣхомъ. Этимъ своимъ трудомъ онъ не мало содѣйствовалъ оживленію во Франціи наполеоновской легенды и возрожденію бонапартизма. Во всякомъ случаѣ нельзя не принимать въ расчетъ, что либерализмъ Тьера соединялся съ извѣстнаго рода культомъ Наполеона и той военной славы, которою онъ покрылъ Францію. У него была даже личная страсть къ военному дѣлу, но гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія то, какъ онъ понималъ отношеніе Наполеона къ революціи. Консульство и имперія, какъ извѣстно, долгое время пользовались поддержкою буржуазіи, видѣвшей, съ одной стороны, въ военной диктатурѣ гарантію противъ возвращенія ста-

[1]) См. выше, стр. 163.
[2]) См. т. III, стр. 8 и т. IV, стр. 55.
[3]) См. т. IV, стр. 56.
[4]) См. выше, стр. 142.

раго порядка, а съ другой—противъ повторенія якобинской диктатуры во имя демократіи [1]). Тьеръ въ данномъ случаѣ только формулировалъ взглядъ, уже раньше его существовавшій, и въ этомъ отношеніи былъ выразителемъ мнѣній буржуазіи. И его отношеніе къ французской революціи можно назвать буржуазнымъ. Только въ эпоху іюльской монархіи, какъ мы еще увидимъ, значеніе французской революціи снова стало освѣщаться съ демократической точки зрѣнія [2]), которая отнюдь не могла быть точкою зрѣнія Тьера.

Являясь сторонникомъ свободы, Тьеръ въ то же время, подобно Гизо, былъ сторонникомъ и порядка, разумѣя подъ нимъ неизмѣнность извѣстнаго уклада жизни. И онъ думалъ, что лучше всего во Франціи сочетаніе свободы и порядка могло бы быть достигнуто конституціонной монархіей. Правленіемъ, наиболѣе приближающимся къ нормѣ, ему казалось англійское государственное устройство и, по его мнѣнію, окончательнымъ исходомъ французской революціи должно было быть то же самое, къ чему привели Англію ея обѣ революціи. Въ этомъ отношеніи онъ довольно близко подходилъ къ Гизо, съ тѣмъ только различіемъ, что принципы доктринеровъ казались ему слишкомъ абсолютными. Лично въ немъ самомъ было гораздо больше податливости, и на практикѣ онъ былъ гораздо бо́льшимъ оппортунистомъ, чѣмъ Гизо, который былъ болѣе теоретикомъ оппортунизма. Принципіально онъ стоялъ за свободу прессы, свободу собраній и сообществъ и право петиціи, и все это потомъ въ эпоху Наполеона III называлъ libertés necéssaires. Во времена реставраціи онъ думалъ, что, пока въ жизни Франціи будетъ признаваться законъ легитимности, до тѣхъ поръ будетъ существовать вѣчная угроза свободнымъ учрежденіямъ. Ему казалось, что Франціи нужна только новая династія, которая не могла бы опираться на принципъ легитимизма, и что стоитъ только замѣнить одну династію другою для того, чтобы ни о чемъ серьезномъ заботиться было нечего. Свой взглядъ на значеніе іюльской революціи Тьеръ выразилъ въ брошюрѣ „Монархія 1830 года“, увидѣвшей свѣтъ въ 1831 г. Въ ней онъ защищаетъ революцію, но борется съ революціоннымъ духомъ,—различіе, напоминающее намъ то, которое нѣсколько ранѣе дѣлалъ Ремюза между ésprit révolutionnaire и ésprit né de la révolution. Іюльскій переворотъ представлялся Тьеру не нападеніемъ на власть во имя новаго права, а защитой стараго права отъ покушенія на него со стороны власти. Цѣлью своей брошюры онъ ставилъ успокоеніе и умиротвореніе націи, такъ какъ все, въ чемъ нація нуждалась, по его мнѣнію,

---

[1]) См. т. IV, гл. III.

[2]) См. ниже, гл. XIV.

было достигнуто. Слѣдовательно, задача заключалась въ томъ, чтобы консолидировать пріобрѣтенія революціи; это была именно та самая задача, которая, по представленію Тьера, выпала раньше на долю Наполеона, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Тьеръ не могъ представить себѣ возможности такой консолидаціи безъ общественной свободы. И въ этомъ отношеніи Тьеръ сходился съ Гизо. Но если послѣдній болѣе всего хлопоталъ о томъ, чтобы примирить съ новымъ положеніемъ вещей тѣхъ людей, которые были напуганы переворотомъ 1830 г., то Тьеръ, наоборотъ, стремился примирить съ существующимъ порядкомъ людей, не вполнѣ имъ довольныхъ въ виду новыхъ требованій, какія стали предъявляться въ политической жизни. Поэтому Гизо, пожалуй и не прочь былъ бы отъ реформъ, лишь бы онѣ проводились консервативными силами общества, а Тьеръ, наоборотъ, вовсе не былъ противъ политики консервативнаго характера, лишь бы она осуществлялась при содѣйствіи либеральныхъ элементовъ общества. Какъ сказано было выше, это были лишь различные оттѣнки одного и того же политическаго пониманія. Они были такъ близки одинъ къ другому, что сначала Гизо и Тьеръ могли дѣйствовать сообща.

Вотъ почему оппозиція Тьера въ сороковыхъ годахъ была чисто конституціонною и цѣликомъ опиралась на защиту принциповъ 1830 г. Быть можетъ, если бы Тьеръ былъ въ эту эпоху не въ оппозиціи, а во главѣ правительства, онъ скорѣе сумѣлъ бы поддержать еще на нѣкоторое время существованіе буржуазной монархіи противъ надвигавшагося на нее демократизма. И самъ Людовикъ-Филиппъ, какъ мы увидимъ, въ послѣдній моментъ обратился къ Тьеру, но когда послѣдній снова получилъ власть, было уже слишкомъ поздно. Нужно прибавить къ этому, что Тьеръ и не принималъ участія въ политическомъ движеніи, непосредственнымъ результатомъ котораго было паденіе іюльскаго трона. Еще менѣе, чѣмъ демократическія стремленія своей эпохи, раздѣлялъ онъ стремленія соціальныя. Ихъ онъ, прямо можно сказать, игнорировалъ; только въ 1848 г., когда эти соціальныя стремленія проявили себя достаточно грозно, онъ выступилъ съ своею книгою „О собственности“, написанною въ защиту этого учрежденія отъ нападокъ, какія на него дѣлались.

Быть можетъ, никогда Тьеръ такъ хорошо не выразилъ своего политическаго міросозерцанія, какъ въ одной своей рѣчи, произнесенной въ началѣ февраля 1848 г., всего за три недѣли до революціи, сокрушившей іюльскую монархію. „Я не радикалъ, господа, сказалъ онъ между прочимъ. Радикалы это хорошо знаютъ, и стоитъ только почитать ихъ газеты, чтобы въ этомъ убѣдиться. Но поймите хорошо мои чувства: я принадлежу къ партіи революціи какъ во Франціи,

такъ и въ Европѣ. Я желаю, чтобы правительство революціи (le gouvernement de la révolution) оставалось въ рукахъ людей умѣренныхъ, и я буду дѣлать все отъ меня зависящее, чтобы въ ихъ рукахъ оно оставалось и на будущее время. Тѣмъ не менѣе даже въ томъ случаѣ, когда это правительство перейдетъ въ руки лицъ не столь умѣренныхъ, какъ я и мои друзья, въ руки людей болѣе пылкихъ, хотя бы то были и радикалы, я не оставлю изъ-за этого защищаемаго мною дѣла: я всегда буду на сторонѣ революціи". Въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся и съ своеобразнымъ пониманіемъ защиты революціи, и съ тою податливостью, которая отличала Тьера отъ слишкомъ непреклоннаго Гизо. Поэтому и впослѣдствіи Тьеръ опять игралъ политическую роль, тогда какъ для Гизо паденіе іюльской монархіи было окончаніемъ политической карьеры, а онъ вѣдь послѣ этого прожилъ еще цѣлую четверть вѣка.

Заботясь о сочетаніи свободы съ порядкомъ, оба политическіе соперника вовсе не думали о томъ, чтобы сочетать эту свободу съ равенствомъ, стремленіе къ которому столь характеристично для французскаго общества, начиная еще съ эпохи великой революціи. Правда, и въ этомъ отношеніи одинъ былъ прямолинейнѣе и упорнѣе, другой обнаруживалъ болѣе способности склоняться передъ силою и успѣхомъ. Однако, и тотъ, и другой пытались задержать демократическое движеніе, — Гизо въ союзѣ съ консерваторами, Тьеръ—пытаясь умѣрить требованія новаторовъ. Оба они были представителями буржуазіи и оба воспитались въ ту эпоху, когда защитники политической свободы и съ принципіальной точки зрѣнія относились съ недовѣріемъ къ демократіи, опасаясь, что народная масса и не сумѣетъ, и не захочетъ защищать политическую свободу [1]). Основанія для такихъ опасеній либералы временъ реставраціи и іюльской монархіи находили въ исторіи конвента и Наполеона. Съ другой стороны, и въ ихъ время было не мало людей, которые болѣе дорожили равенствомъ, чѣмъ свободою. Но ни Гизо, ни Тьеръ не понимали, какой могучій историческій факторъ заключался въ стремленіи къ равенству. Въ концѣ концовъ, они считали возможнымъ задержать демократическое движеніе и не ставили себѣ задачей хотя бы теоретически опредѣлить, при какихъ условіяхъ демократія можетъ пользоваться политическою свободою. Другими словами, пытаясь сочетать, какъ уже было указано раньше, свободу съ порядкомъ, они не думали о сочетаніи свободы съ равенствомъ. Эту послѣднюю задачу поставилъ себѣ лишь одинъ видный политикъ той эпохи, Токвиль, въ данномъ вопросѣ получившій весьма большой авторитетъ.

[1]) См. т. IV, стр. 285—287 и 300.

Этотъ политическій дѣятель и мыслитель выступилъ въ качествѣ противника той административной централизаціи, которая была создана Наполеономъ I и затѣмъ удержана реставраціей [1]). Только незадолго до іюльской революціи, въ министерство Мартиньяка была сдѣлана попытка измѣнить эту систему, расчитанную на то, чтобы вся Франція безпрекословно повиновалась правительственной волѣ, но предложенная реформа была отвергнута палатой депутатовъ [2]). Либеральная буржуазія и до 1830 г., и послѣ 1830 г. одинаково не была расположена къ мѣстному самоуправленію [3]), полагая, что наполеоновская система вполнѣ соотвѣтствовала духу новой Франціи. Къ числу наиболѣе горячихъ, напримѣръ, поборниковъ этого наслѣдства наполеоновскаго режима принадлежалъ Тьеръ. Возражая сторонникамъ противоположныхъ воззрѣній, онъ говорилъ, что „общественная жизнь должна обнаруживать всю свою полноту главнымъ образомъ въ центрѣ государства", ибо это—„великое явленіе современности", состоящее въ томъ, чтобы „общественное тѣло жило въ совершенномъ единствѣ". По мнѣнію Тьера, если реставрація, принесшая Франціи такъ много зла въ моральномъ и политическомъ отношеніяхъ, не нанесла ущерба матеріальнымъ интересамъ страны, то произошло это по той причинѣ, что она сохранила административную систему имперіи. „Не мы, прибавлялъ онъ, ретрограды: это мы защищаемъ олицетворенную революцію (la révolution vivante). Освобождая крупныя общины, вы разрушаете единство; вы рубите топоромъ дерево у самаго корня". Правда, по законамъ 1831 и 1833 г. члены муниципальныхъ, окружныхъ и генеральныхъ совѣтовъ должны были быть избираемыми, но меры и ихъ помощники, не говоря уже о префектахъ и подпрефектахъ, и теперь назначались правительствомъ. Правомъ выбора пользовались лишь лица, платившія налоги въ наивысшемъ размѣрѣ, равно какъ многія категоріи чиновниковъ, а генеральные совѣты созывались лишь разъ въ два года, и ихъ засѣданія не были публичными. Полномочія ихъ, опредѣленныя точнѣе по закону 1838 г., попрежнему оставались очень незначительными. Такимъ образомъ конституціонная монархія сохраняла административную систему, созданную въ интересахъ деспотической имперіи, и это не казалось противорѣчіемъ большинству французскихъ либераловъ. Въ министерство Гизо все оставалось попрежнему: административная система вполнѣ соотвѣтствовала той идеѣ, какую онъ себѣ составилъ о сильной власти.

Равнымъ образомъ французскіе либералы этой эпохи крѣпко

---

[1]) См. т. IV, стр. 113 и слѣд.

[2]) См. т. IV, стр. 419.

[3]) См. т. IV, стр. 288 и 419—420.

держались за государственную монополію въ дѣлѣ народнаго образованія, созданную Наполеономъ [1]). Свобода преподаванія, обѣщанная хартіей, такъ-таки и не была введена. Это вполнѣ соотвѣтствовало духу бюрократической опеки, воспитанному административной централизаціей, и Гизо скорѣе стоялъ за право государства давать образованіе индивидууму, чѣмъ за право индивидуума получать образованіе [2]).

Если Гизо и Тьеръ подъ порядкомъ разумѣли между прочимъ систему централизаціи, то Токвиль именно и взялся доказать, что такой порядокъ несовмѣстимъ со свободою. Въ этомъ отношеніи онъ расходился съ вождями двухъ большихъ партій, игравшихъ главную роль въ политической жизни страны, унаслѣдовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своихъ предшественниковъ недовѣріе къ демократіи, хотя онъ и не думалъ, что стремленіе къ равенству можетъ быть задержано.

Токвиль родился въ 1805. Его отецъ происходилъ изъ старой графской фамиліи, а мать была внучкою знаменитаго Мальзерба, который защищалъ Людовика XVI предъ конвентомъ [3]). Такимъ образомъ Токвиль былъ аристократическаго происхожденія, и его семейныя связи имѣли роялистическій характеръ. Въ эпоху реставраціи, когда новое правительство выдвигало впередъ старыя дворянскія фамиліи, оставшіяся вѣрными законной династіи, отецъ Токвиля занималъ мѣсто префекта. На эти годы и падаетъ время воспитанія будущаго противника административной централизаціи. Когда вспыхнула іюльская революція, ему только-что исполнилось двадцать пять лѣтъ, но онъ уже выработалъ себѣ вполнѣ опредѣленные политическіе взгляды. По его мнѣнію, каждый народъ, достойный этого имени, долженъ принимать участіе въ завѣдованіи своими дѣлами, и потому сочувствіе его было на сторонѣ свободныхъ учрежденій, причемъ онъ думалъ, что наиболѣе подходящею для Франціи формою правленія была конституціонная монархія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ пола-

---

[1]) См. т. IV, стр. 128 и ср. выше стр. 194—195.

[2]) Нужно прибавить, что Гизо для своего времени сдѣлалъ не мало, чтобы поднять во Франціи народное образованіе. Занимая постъ министра народнаго просвѣщенія въ 1832—1834 гг., онъ организовалъ цѣлое изслѣдованіе положенія народныхъ школъ въ странѣ, давшее весьма печальные результаты (*Lorain.* Tableau de l'instruction primaire en France). Закономъ 1833 г. были организованы во Франціи начальныя школы, и часть расходовъ по ихъ содержанію государство взяло на себя. Въ 1832 г. въ странѣ было 42 т. начальныхъ школъ съ двумя милліонами учениковъ, въ 1848 г. — 63 т. школъ съ $3^1/_2$ милліонами учениковъ. Распространеніе начальнаго образованія Гизо называлъ долгомъ справедливости по отношенію къ народу и залогомъ благосостоянія націи.

[3]) См. т. III, стр. 439 и 602.

галъ, что политическая свобода во Франціи лучше всего могла бы быть обезпечена старшей линіей Бурбоновъ, чѣмъ какой бы то ни было другой династіей революціоннаго происхожденія. Онъ съ большимъ недовѣріемъ относился къ демагогіи, такъ какъ думалъ, что результатомъ ея можетъ быть только абсолютная власть. Впослѣдствіи въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Старый порядокъ и революція“ (1856) онъ самъ говорилъ, что издавна любилъ свободу, и дѣйствительно, любовь къ ней была господствующей въ немъ страстью. Въ то же самое время онъ видѣлъ, однако, что современное общество демократизируется, и невольно ставилъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ сдѣлать такъ, чтобы власть, вышедшая изъ демократіи, не стала всемогущею и тиранническою, и гдѣ найти силу для борьбы съ этою властью въ обществѣ, состоящемъ изъ людей, хотя и равныхъ другъ съ другомъ, но одинаково слабыхъ и немощныхъ. Къ іюльской революціи Токвиль отнесся двойственно: какъ либералъ, онъ долженъ былъ сочувствовать торжеству свободы, но онъ вовсе не раздѣлялъ увлеченія своихъ современниковъ насильственнымъ характеромъ переворота. Съ самаго начала онъ относился съ нѣкотораго рода недовѣріемъ къ іюльскому трону. Вскорѣ послѣ революціи онъ задумалъ посѣтить С.-Американскіе Штаты, которые заинтересовали его, какъ государство, сумѣвшее сочетать самыя демократическія учрежденія съ наибольшимъ развитіемъ политической свободы. Еще въ послѣдніе годы реставраціи онъ получилъ должность прокурора при версальскомъ уголовномъ судѣ, что, конечно, заставляло его интересоваться вопросомъ о тюрьмахъ. Въ это самое время во Франціи очень много говорили о новой пенитенціарной системѣ, которая незадолго передъ тѣмъ была введена въ Америкѣ, и вотъ Токвиль съ однимъ изъ своихъ друзей подаетъ министру внутреннихъ дѣлъ записку, въ которой предлагаетъ ему свои услуги ѣхать въ Америку для изученія новой системы на ея родинѣ. Министерство приняло это предложеніе, и Токвиль получилъ командировку. Въ С.-Американскихъ Штатахъ онъ прожилъ цѣлый годъ (1831 — 1832), можно сказать, не теряя ни минуты, чтобы только познакомиться со всѣми сторонами американской жизни. Онъ не только исполнилъ данное ему оффиціальное порученіе, опубликовавъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ книгу „Объ американской пенитенціарной системѣ“, удостоившуюся потомъ нѣмецкаго и англійскаго переводовъ, но и собралъ громадный матеріалъ для всесторонняго изученія сѣверо-американской жизни. Вышедши вскорѣ по возвращеніи на родину въ отставку, онъ приступилъ къ печатанію основанной на этомъ матеріалѣ книги „Демократія въ Америкѣ“.

Это сочиненіе вышло въ свѣтъ въ четырехъ томахъ. Первые

два тома были изданы въ началѣ 1835 г. и сразу завоевали автору почетное мѣсто среди политическихъ писателей. „Демократія въ Америкѣ“ относится къ числу тѣхъ немногихъ книгъ, появленіе которыхъ составляетъ своего рода событіе. Старый вождь французскихъ либераловъ, Ройе-Колларъ, прочитавъ книгу, сказалъ, что „послѣ Монтескье не появлялось ничего подобнаго“. Книга имѣла уже нѣкоторый успѣхъ даже ранѣе появленія своего въ продажѣ: авторъ не безъ удивленія узналъ, что наборщики той типографіи, гдѣ она печаталась, прочитывали ее съ самымъ жгучимъ интересомъ. Въ публикѣ она встрѣтила особенно сочувственный пріемъ среди людей самаго несходнаго образа мыслей, и каждая партія хотѣла считать Токвиля своимъ. Въ то время, какъ одни видѣли въ немъ аристократа, другіе, наоборотъ, были увѣрены, что онъ демократъ. За границей „Демократія въ Америкѣ“ имѣла не меньшій успѣхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ переводы этой книги на разные языки [1]). Между прочимъ, сами американцы нерѣдко выражали изумленіе по поводу того, какимъ образомъ иностранецъ въ столь короткое время могъ такъ хорошо изучить чуждые для него нравы и порядки. Въ Англіи имя Токвиля сдѣлалось весьма популярнымъ среди политическихъ дѣятелей разныхъ партій, и когда онъ въ 1835 г. посѣтилъ Лондонъ, даже парламентская коммиссія, разрабатывавшая вопросъ о гарантіяхъ правильности политическихъ выборовъ, пригласила его въ свое засѣданіе. Мнѣніе, высказанное здѣсь Токвилемъ, впослѣдствіи въ самомъ парламентѣ было приведено Робертомъ Пилемъ, и на Токвиля же ссылались сторонники противоположной партіи. Эта поѣздка въ Англію доставила автору „Демократіи въ Америкѣ“ случай завязать личныя отношенія со многими замѣчательными людьми того времени. На родинѣ Токвиль получилъ также большой почетъ. Въ 1836 г. сочиненіе его было „увѣнчано“ французской академіей, а спустя два года онъ самъ былъ выбранъ въ члены академіи моральныхъ и политическихъ наукъ. Черезъ три года Токвиль сдѣлался и членомъ французской академіи, однимъ изъ „сорока безсмертныхъ“. Около этого же самаго времени (1840) вышли въ свѣтъ и два послѣдніе тома „Демократіи въ Америкѣ“.

Подобнаго рода успѣхъ открывалъ путь къ политической карьерѣ, которая прельщала и самого Токвиля, хотя, какъ государственный дѣятель, онъ далеко оставался позади самого себя, какъ политическаго мыслителя. Онъ не хотѣлъ, однако, прибѣгать къ тѣмъ некрасивымъ путямъ, которыми пользовались въ ту эпоху многіе кандидаты въ

---

[1]) Русскій переводъ появился только въ шестидесятыхъ годахъ. Въ 1897 г. вышелъ новый русскій переводъ г. Линда.

депутаты, и болѣе всего стремился къ тому, чтобы сохранить полную независимость. Въ 1837 г. онъ поставилъ свою кандидатуру въ Нормандіи, гдѣ у него было помѣстье и гдѣ его хорошо знали; съ своей стороны, министерство безъ вѣдома самого Токвиля стало оффиціально поддерживать его кандидатуру. Когда незадолго до выборовъ онъ узналъ объ этомъ, то горячо протестовалъ противъ этой поддержки письмомъ на имя министра Моле. Результатомъ этого инцидента было то, что Токвиль не попалъ въ депутаты. Только два года спустя, въ 1839 г., снова поставивъ свою кандидатуру, онъ былъ избранъ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Съ этого времени до самой февральской революціи онъ оставался членомъ палаты депутатовъ, гдѣ постоянно подавалъ голосъ съ конституціонной лѣвой. Среди своихъ товарищей онъ пользовался уваженіемъ, но не оказывалъ на нихъ большого вліянія. Не обладая качествами, необходимыми для оратора, онъ весьма рѣдко появлялся на трибунѣ и работалъ преимущественно въ комитетахъ, въ которые его охотно выбирали. Самое положеніе его въ оппозиціи было совершенно особенное. Съ одной стороны, онъ относился съ недовѣріемъ къ тому характеру, какой имѣла тогдашняя демократическая оппозиція; съ другой стороны, онъ самъ былъ человѣкомъ слишкомъ безпристрастнымъ и сдержаннымъ, чтобы вносить въ свою оппозицію сколько-нибудь увлеченія и страсти. Еще будучи очень молодымъ человѣкомъ, онъ говорилъ, что главныя человѣческія бѣдствія суть болѣзни, смерть и сомнѣніе: этого сомнѣнія было въ Токвилѣ, пожалуй, слишкомъ много, и оно-то главнымъ образомъ проявилось въ замѣчательной критической и аналитической способности его ума. Многіе товарищи прямо были неспособны его понять, и это, конечно, вредило ему, какъ практическому дѣятелю. Вообще онъ былъ болѣе способенъ тонко наблюдать и трезво разсуждать, чѣмъ успѣшно дѣйствовать. Читая недавно изданные мемуары Токвиля [1]), въ которыхъ идетъ рѣчь о 1848 г., постоянно встрѣчаешься съ этою чертою его духовной природы: онъ много наблюдалъ и мало дѣйствовалъ. Вотъ почему Токвиль такъ хорошо разгадывалъ прошлое и такъ удачно предсказывалъ будущее, а въ настоящемъ не игралъ той роли, на которую давали ему право его умственныя и нравственныя качества. Мы увидимъ еще, сколько проницательности обнаружилъ Токвиль въ эпоху февральской революціи и декабрьскаго переворота, какъ видѣли уже, въ чемъ онъ полагалъ главные грѣхи царившей тогда буржуазіи [2]). И къ буржуазіи, и къ демократіи своего времени онъ относился критически, понимая, однако, что современное общество неудержимо развивается въ демократическомъ направленіи. Весь

[1]) См. выше, стр. 255.

[2]) См. выше, стр. 101—103.

вопросъ заключается для него въ томъ, чтобы это демократическое развитіе не было пагубно для политической свободы. Впослѣдствіи установленіе второй имперіи оправдало его опасенія, и тогда онъ написалъ свою глубокомысленную книгу „Старый порядокъ и революція".

„Демократія въ Америкѣ" не утратила своего значенія и въ настоящее время, хотя о современныхъ американскихъ порядкахъ и нравахъ, конечно, удобнѣе знакомиться по книгѣ Брайса „Американская республика". Въ дальнѣйшемъ мы остановимся, однако, исключительно на общихъ политическихъ взглядахъ, которые Токвиль высказываетъ въ этомъ сочиненіи.

„Великій демократическій переворотъ, говоритъ Токвиль въ самомъ началѣ этого труда, совершается между нами: всѣ его видятъ, но не всѣ одинаково судятъ о немъ. Одни видятъ въ немъ новость и, считая его случайностью, надѣются еще остановить его, между тѣмъ какъ другіе признаютъ его неотвратимымъ, потому что онъ кажется имъ фактомъ самымъ непрерывнымъ и постояннымъ изъ извѣстныхъ исторіи". Самъ Токвиль становится на вторую точку зрѣнія, и затѣмъ онъ спрашиваетъ, разумно ли предполагать, чтобы это общественное движеніе могло быть пріостановлено усиліями одного поколѣнія. „Можно ли думать, продолжаетъ онъ, что, разрушивши феодальный строй и побѣдивши королей, демократія отступитъ предъ буржуазіей и богатымъ классомъ? Остановится ли она теперь, когда она сдѣлалась столь сильною, а ея противники столь слабыми?" Токвиль признаётся, что вся его книга „была написана подъ впечатлѣніемъ нѣкотораго рода религіознаго ужаса, произведеннаго въ душѣ автора видомъ этой неудержимой революціи, которая совершается въ теченіе столькихъ вѣковъ, несмотря на всѣ препятствія, и которая и теперь видимо подвигается впередъ среди производимаго ею разрушенія". Совершенно новому обществу, говоритъ онъ далѣе, нужна и новая политическая наука, но „никогда главы государства не подумали о томъ, чтобы подготовить что-нибудь заранѣе къ этой великой общественной революціи: она дѣлалась вопреки имъ или помимо нихъ. Наиболѣе могущественные, интеллигентные и нравственные классы народа не старались овладѣть движеніемъ, чтобы его направить. Демократія, слѣдовательно, была предоставлена своимъ дикимъ инстинктамъ; она выросла, какъ тѣ дѣти, лишенныя родительскихъ заботъ, которыя сами собой воспитываются на улицахъ нашихъ городовъ и знаютъ изъ общественной жизни только ея пороки и слабости. Казалось, прибавляетъ онъ, еще никто не зналъ объ ея существованіи, когда она неожиданно захватила въ свои руки власть. Тогда всѣ рабски подчинились ея малѣйшимъ желаніямъ; передъ ней преклонились, какъ передъ образомъ силы, и когда, наконецъ, она была

ослаблена собственными излишествами, то законодатели задались безразсудною цѣлью уничтожить ее, вмѣсто того, чтобы постараться научить ее и исправить, и, не желая обучить ее управленію, думали лишь о томъ, чтобы удалить ее отъ управленія". Токвиль указываетъ и на результатъ, который отсюда долженъ былъ получиться: „демократическая революція произошла въ составѣ общества, а между тѣмъ ни въ законахъ, ни въ понятіяхъ, ни въ нравахъ и обычаяхъ не произошло перемѣны, необходимой для того, чтобы сдѣлать эту революцію полезной. Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, у насъ есть демократія, но безъ того, что могло бы ослабить ея пороки и выдвинуть впередъ ея естественныя преимущества; поэтому, уже видя причиняемое ею зло, мы незнакомы еще съ тѣмъ добромъ, которое она намъ можетъ дать".

Таковъ основной взглядъ Токвиля на весь предметъ, и вотъ почему онъ такъ заинтересовался Америкой, гдѣ указанная имъ великая общественная революція, „повидимому, уже почти достигла своего естественнаго предѣла". Говорить такъ о демократіи, какъ говоритъ Токвиль, конечно, не могъ бы завзятый аристократъ, но въ то же время у него не было и того догматическаго отношенія къ демократіи, которое характеризуетъ многихъ его современниковъ. Одно изъ основныхъ качествъ Токвиля—безпристрастіе. „Можетъ быть, заявляетъ онъ самъ въ началѣ третьяго тома,—можетъ быть, покажется страннымъ, что, имѣя твердое убѣжденіе въ томъ, что демократическая революція, при которой мы присутствуемъ, есть фактъ неизбѣжный, бороться съ которымъ было бы неблагоразумно и нежелательно, я въ то же время часто обращаюсь въ этой книгѣ съ очень строгими сужденіями къ демократическимъ обществамъ, созданнымъ этою революціею. На это я отвѣчу просто, что именно потому, что я не противникъ демократіи, я и желалъ быть искреннимъ относительно нея. Люди не принимаютъ истины отъ своихъ враговъ, а друзья никогда ея имъ не предлагаютъ; вотъ почему я ее высказалъ. Я думалъ, что многіе возьмутся говорить о новыхъ благахъ, которыя обѣщаютъ людямъ равенство, но не многіе осмѣлятся издали указать на опасности, которыми оно имъ угрожаетъ. Поэтому я обратилъ преимущественное вниманіе на эти опасности и, видя ихъ, какъ мнѣ казалось, ясно, я не былъ настолько малодушенъ, чтобы умолчать о нихъ". Несомнѣнно, что эти слова были отвѣтомъ на общественные толки, вызванные отношеніемъ Токвиля къ демократіи, и тутъ же онъ проситъ своихъ читателей обвинить его, если въ книгѣ они, какъ выражается онъ, „найдутъ хоть одну фразу, содержащую въ себѣ лесть по отношенію или къ одной изъ большихъ партій, волновавшихъ его страну, или къ одной изъ мелкихъ, тревожащихъ и обезсиливающихъ ее въ данную минуту".

Книга написана объ Америкѣ, но мысль автора постоянно возвращается къ Европѣ. „Я считаю, говоритъ Токвиль въ одномъ мѣстѣ, совершенно слѣпыми тѣхъ людей, которые думаютъ о возобновленіи монархіи Генриха IV или Людовика XIV. Что касается до меня, то, глядя на состояніе, до котораго дошли уже многія европейскія націи, я склоненъ думать, что скоро между ними окажется возможной только или демократическая свобода, или тираннія цезарей". Но разъ передъ людьми, правящими обществомъ, стоитъ альтернатива „или постепенно поднять толпу до себя, или предоставить всѣмъ гражданамъ упасть ниже общечеловѣческаго уровня", — одного этого достаточно, чтобы преодолѣть въ себѣ недовѣріе къ демократіи. „Не слѣдовало ли бы, спрашиваетъ онъ, признать постепенное развитіе демократическихъ учрежденій и нравовъ не лучшимъ, а единственнымъ средствомъ, остающимся у насъ для того, чтобы мы могли быть свободными, и не имѣя любви къ демократическому правленію, не были ли бы мы склонны принять его въ качествѣ лѣкарства, наиболѣе примѣнимаго и наиболѣе безупречнаго, которое можетъ быть противопоставлено наличнымъ бѣдствіямъ общества?.. Воля демократіи измѣнчива; ея исполнители грубы; ея законы несовершенны; я соглашаюсь со всѣмъ этимъ, но если бы оказалось вѣрнымъ, что скоро не будетъ ничего средняго между господствомъ демократіи и владычествомъ одного, то не слѣдовало ли бы намъ скорѣе склониться къ первому, чѣмъ добровольно подчиниться второму? И если бы, наконецъ, мы должны были прійти къ полному равенству, то не лучше ли предоставить себя уравнивать свободѣ, чѣмъ деспоту?.. Я предвижу, прибавляетъ Токвиль нѣсколько далѣе, что если намъ не удастся современемъ основать у себя мирное господство большинства, то мы рано или поздно придемъ къ неограниченному господству одного". Въ одной изъ главъ четвертаго тома этой же книги Токвиль проводитъ ту мысль, что въ европейскихъ государствахъ нашего времени верховная власть усиливается, хотя правительства становятся менѣе прочными. „Пока демократическая революція, говоритъ онъ здѣсь, была еще въ разгарѣ, люди, занятые уничтоженіемъ боровшихся противъ нее старинныхъ аристократическихъ властей, были одушевлены сильнымъ духомъ независимости, но по мѣрѣ того, какъ побѣда равенства дѣлалась болѣе полною, они мало-по-малу предавались естественнымъ инстинктамъ, порождаемымъ этимъ самымъ равенствомъ, и потому усиливали и централизовали общественную власть. Они хотѣли быть свободными для того, чтобы сдѣлаться равными, и по мѣрѣ того, какъ равенство все болѣе утверждалось посредствомъ свободы, оно же затрудняло для нихъ пользованіе свободой". Ссылаясь на французскую революцію, за которою послѣдовала имперія, Токвиль говоритъ, что французы,

одновременно показали міру примѣръ „и того, какимъ способомъ пріобрѣтается независимость, и того, какъ она теряется". Онъ откровенно заявляетъ, что не довѣряетъ свободолюбію своихъ современниковъ. „Я вижу, говоритъ онъ, что въ наше время народы склонны къ безпорядку, но я не вижу ясно того, чтобы они были склонны къ свободѣ, и боюсь, что когда кончатся эти волненія, колеблющія троны, то верховные правители окажутся еще сильнѣе, чѣмъ они были до сихъ поръ". Въ старыя времена свобода имѣла аристократическія формы, но Токвиль высказываетъ убѣжденіе, что „всѣ тѣ, которые въ наступающіе вѣка будутъ пытаться основать свободу на привилегіи и аристократіи, не достигнутъ своей цѣли: кто захочетъ привлечь и удержать власть въ средѣ одного класса, заранѣе обреченъ на неудачу". Но демократическія учрежденія сами по себѣ еще вовсе не являются гарантіей политической свободы, если съ ними не соединены весьма важныя условія, которыя одни создаютъ и поддерживаютъ свободу при какомъ бы то ни было общественномъ строѣ. Наличность этихъ условій Токвиль нашелъ въ Америкѣ, но не нашелъ у себя на родинѣ. Съ другой стороны, и чисто теоретически онъ понималъ взаимныя отношенія равенства и свободы совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлали многіе его соотечественники, полагавшіе, что демократическое равенство во власти есть истинная основа свободы. Они стояли на точкѣ зрѣнія Руссо, а Токвиль шелъ по стопамъ Монтескье, совѣтовавшаго не смѣшивать свободу народа съ властью народа [1]).

Токвиль находилъ, что вообще въ демократическихъ націяхъ любовь къ равенству обнаруживаетъ больше пылкости и постоянства, чѣмъ любви къ свободѣ. Конечно, онъ представлялъ себѣ такое состояніе, при которомъ свобода и равенство соприкасаются и сливаются. Онъ даже прямо называлъ идеаломъ демократическихъ націй общество, въ которомъ люди будутъ совершенно свободны, потому что они будутъ вполнѣ равны, и совершенно равны, потому что будутъ вполнѣ свободны. Это, замѣчаетъ онъ, есть самая совершенная форма, какую только можетъ принять равенство на землѣ, но есть тысяча другихъ, которыя, хотя и не столь совершенны, тѣмъ не менѣе дороги народамъ". Напримѣръ, равенство можетъ касаться гражданскихъ отношеній и безъ господства въ политической области, или даже въ этой послѣдней области можетъ существовать нѣкотораго рода равенство безъ какой бы то ни было политической свободы, когда всѣ равны за исключеніемъ одного, безраздѣльно господствующаго надо всѣми и выбирающаго исполнителей своей воли изо всѣхъ безъ различія. Во всякомъ случаѣ понятія свободы и равенства не совпадаютъ.

[1]) См. т. III, стр. 182.

„Дѣйствительно, говоритъ Токвиль, стремленіе людей къ свободѣ и любовь ихъ къ равенству—двѣ вещи различныя, и я осмѣлюсь прибавить, что у демократическихъ народовъ эти двѣ вещи не равны". Онъ даже думаетъ, что существуютъ нѣкоторыя общія причины, которыя во всѣ времена побуждаютъ людей ставить равенство выше свободы. Но въ особенности ему казалось, что этимъ отличается переживавшаяся ими эпоха. По его словамъ, бываютъ времена, когда любовь къ равенству „доходитъ до безумія", а такія времена наступаютъ, „когда старая общественная іерархія, давно уже расшатанная, съ послѣдней внутренней борьбой окончательно рушится, и преграды, раздѣлявшія гражданъ, наконецъ падаютъ: тогда люди бросаются на равенство, какъ на добычу, и привязываются къ нему, какъ къ драгоцѣнности, которую хотятъ у нихъ отнять". Обращаясь къ исторіи европейскихъ народовъ, Токвиль указывалъ на то, что стремленіе къ свободѣ стало у нихъ развиваться со времени уничтоженія рѣзкихъ граней между сословіями, а надъ этимъ послѣднимъ дѣломъ особенно потрудилась абсолютная монархія. У европейскихъ народовъ равенство такимъ образомъ шло впереди свободы: „равенство имѣло уже за собою прошлое, когда свобода была еще новинкой; первое успѣло уже создать соотвѣтствующіе мнѣнія, обычаи, законы, когда вторая сама только-что появлялась на свѣтъ въ первый разъ". Вотъ почему онъ и не удивляется, находя, что его современники предпочитаютъ равенство, вошедшее въ привычки и нравы, свободѣ, существующей только въ идеяхъ и стремленіяхъ. „Они хотятъ равенства вмѣстѣ со свободой; но если это имъ недоступно, то хотятъ его даже въ рабствѣ". Съ другой стороны, Токвиль находилъ, что „во Франціи многіе смотрятъ на равенство, какъ на главное зло, а на политическую свободу, какъ на второе. Когда приходится примириться съ однимъ, стараются избавиться, по крайней мѣрѣ, отъ другого. Я, напротивъ, утверждаю, прибавляетъ онъ, что для борьбы съ бѣдствіями, порождаемыми равенствомъ, есть только одно дѣйствительное средство: это — политическая свобода". Черезъ всю книгу Токвиля проходитъ та мысль, что демократія можетъ легко сдѣлаться основой для самаго крайняго деспотизма. „Во время моего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ четвертаго тома, я замѣтилъ, что демократическій общественный строй, подобный тому, который существуетъ у американцевъ, могъ бы представить чрезвычайныя удобства для установленія деспотизма, а по возвращеніи моемъ въ Европу я увидѣлъ, какъ большинство нашихъ правителей уже воспользовалось идеями, чувствами и потребностями, порождаемыми этимъ самымъ общественнымъ строемъ, для того, чтобы распространить предѣлы

своей власти", и къ этимъ словамъ Токвиль еще прибавляетъ, что „болѣе обстоятельное изслѣдованіе этого предмета и пять лѣтъ новыхъ размышленій не уменьшили его опасеній". Особенно его пугало то, что разрушеніе стараго строя сопровождалось разобщеніемъ людей другъ отъ друга и вытекающими отсюда, съ одной стороны, эгоизмомъ, съ другой — безсиліемъ отдѣльныхъ личностей. Это — самая удобная почва для установленія абсолютизма.

Понятно, какой интересъ для Токвиля должна была представлять великая заатлантическая республика, которая сочетала въ своихъ учрежденіяхъ равенство и свободу. Большимъ счастіемъ для американцевъ, по его словамъ, было то, что „они пришли къ демократіи безъ демократическихъ революцій и не сдѣлались, а родились равными". Цѣлью своей книги Токвиль именно и поставилъ „показать на примѣрѣ Америки, что законы и въ особенности нравы способны дать возможность народу остаться свободнымъ". Токвиль — врагъ централизаціи и въ этомъ отношеніи кореннымъ образомъ расходился съ французскими либералами, которые были, какъ мы видѣли, сторонниками централизаціи [1]). Само недовѣріе его къ демократіи вытекало изъ его взгляда, по которому концентрація власти у демократическихъ народовъ естественно происходитъ изъ ихъ понятій относительно формы правленія, а также изъ ихъ чувствъ. Вотъ почему, говоря объ условіяхъ, поддерживающихъ въ Америкѣ демократическую республику, онъ главнымъ образомъ останавливается на ея федеративной формѣ и на „общинныхъ учрежденіяхъ, которыя, умѣряя деспотизмъ большинства, въ то же время даютъ народу склонность къ свободѣ и умѣніе быть свободнымъ" (къ этимъ двумъ условіямъ онъ прибавляетъ третье — своеобразное устройство судебной власти). Свое изображеніе американскаго устройства онъ начинаетъ съ общиннаго быта, исходя изъ той идеи, что „между всѣми видами свободы свобода общины, такъ трудно установляемая, есть въ то же время и наиболѣе подверженная вмѣшательству власти. Предоставленныя самимъ себѣ, говоритъ Токвиль, общинныя учрежденія совершенно не могли бы бороться съ сильнымъ и предпріимчивымъ правительствомъ. Чтобы успѣшно защищаться, имъ необходимо достичь полнаго развитія и войти въ народныя понятія и привычки. Значитъ, пока общинная свобода не вошла въ нравы, ее легко уничтожить, а войти въ нравы она можетъ лишь тогда, когда она давно уже существовала въ законахъ". Между тѣмъ, по его мнѣнію, именно въ общинѣ заключается сила народныхъ преданій. „Безъ общинныхъ учрежденій нація можетъ дать себѣ свободное

[1]) См. т. IV, стр. 419—420 и выше, стр. 266.

правительство, но въ ней не будетъ духа свободы. Временныя стремленія, интересы минуты, случайныя обстоятельства могутъ дать ей внѣшній видъ независимости, но деспотизмъ, вогнанный внутрь общественнаго организма, рано или поздно проявится наружу". Все различіе между Франціей и Америкой въ этомъ отношеніи Токвиль усматривалъ въ томъ, что во Франціи правительство даетъ своихъ агентовъ общинѣ, а въ Америкѣ, наоборотъ, община даетъ своихъ чиновниковъ правительству. Откуда же происходитъ эта общинная свобода? Токвиль прямо заявляетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ она вытекаетъ изъ догмата народовластія. Этотъ послѣдній догматъ онъ понимаетъ, однако, нѣсколько иначе, чѣмъ то дѣлалъ Руссо. Гражданинъ только въ томъ, что касается взаимныхъ отношеній гражданъ, становится въ положеніе подданнаго, но во всемъ, что касается лишь его самого, онъ остается господиномъ [1]). „Изъ этого, говоритъ Токвиль, вытекаетъ то правило, что каждый отдѣльный человѣкъ есть лучшій и единственный судья своихъ частныхъ интересовъ, и что общество лишь тогда имѣетъ право направлять его дѣйствія, когда отъ этихъ дѣйствій оно чувствуетъ для себя ущербъ или когда оно имѣетъ нужду въ его помощи". Община, взятая въ цѣломъ по отношенію къ центральному правительству, представлялась Токвилю такою же единицею, какъ и отдѣльное лицо, и къ ней онъ примѣнялъ то же самое разсужденіе, какъ и по отношенію къ отдѣльному гражданину. Общинная жизнь разсматривалась имъ, какъ настоящая школа политической свободы. По его представленію, общинныя учрежденія относятся къ послѣдней, какъ начальныя школы относятся къ наукѣ. Это уже совершенно особенный взглядъ на народовластіе — не тотъ, который мы находимъ у Руссо, и во имя котораго якобинцы утверждали во Франціи „единую и нераздѣльную республику" съ концентраціей всей власти въ комитетѣ общественнаго спасенія.

Между прочимъ интересны главы „Демократіи въ Америкѣ", въ которыхъ Токвиль высказываетъ свой взглядъ на значеніе большинства въ демократическихъ государствахъ. „По самому существу всякаго демократическаго правленія, говоритъ онъ, господство большинства въ немъ должно быть абсолютно, потому что помимо большинства въ демократіяхъ нѣтъ ничего устойчиваго". Это происходитъ само собою, но американцы постарались еще искусственно увеличить эту естественную силу большинства. Если оно здѣсь „по какому-нибудь вопросу образовалось, то нѣтъ уже, такъ сказать, никакихъ препятствій, которыя могли бы не то, что остановить, а хотя

[1]) См. т. III, стр. 207.

бы задержать его движеніе и дать ему время услышать жалобы тѣхъ, кого оно давитъ мимоходомъ". По мнѣнію Токвиля, вообще недостатки, свойственные правленію демократіи, только возрастаютъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ силы большинства. „Я, замѣчаетъ онъ, считаю нечестивымъ и отвратительнымъ то правило, что въ дѣлѣ управленія большинство можетъ дѣлать все, что вздумается, и однакоже въ волѣ большинства вижу источникъ всякой власти... Что такое, въ самомъ дѣлѣ, большинство, взятое въ его совокупности, какъ не индивидуумъ, который имѣетъ мнѣнія, а чаще всего и интересы, противоположные съ мнѣніями и интересами другого индивидуума, называемаго меньшинствомъ. Но если вы допускаете, что одинъ человѣкъ, облеченный безграничною властью, можетъ злоупотребить ею противъ своихъ противниковъ, то почему не допустите вы того же и для большинства? Развѣ люди, сходясь вмѣстѣ, измѣняютъ свой характеръ? Сдѣлавшись сильнѣе, развѣ они становятся терпѣливѣе передъ препятствіями? Не думая этого, Токвиль не соглашается дать многимъ той власти, которую онъ отказывается дать одному. Но онъ отнюдь не полагаетъ, чтобы для сохраненія свободы возможно было смѣшать нѣсколько принциповъ въ одной формѣ правленія: онъ не вѣритъ въ такъ называемое смѣшанное правленіе. Высшая власть должна же гдѣ-нибудь находиться, но для свободы опасно, когда эта власть не встрѣчаетъ предъ собою никакого препятствія, которое могло бы задержать ея ходъ и дать ей время умѣрить самоё себя. „Всемогущество, говоритъ Токвиль, кажется мнѣ по существу своему дѣломъ нехорошимъ и опаснымъ... Нѣтъ на землѣ такой власти, какъ бы она ни была достойна уваженія сама по себѣ и какими бы священными правами она ни была облечена, которой бы я пожелалъ предоставить возможность дѣйствовать безконтрольно и господствовать безпрепятственно. И если я вижу, продолжаетъ онъ, что какой-нибудь власти дается право и возможность дѣлать, что вздумается, будь эта власть народъ или король, демократія или аристократія, я говорю: здѣсь зародышъ тиранніи,—и стараюсь уйти оттуда и жить подъ другими законами".

Въ „Демократіи въ Америкѣ" Токвиль преподалъ не мало полезныхъ совѣтовъ демократіи въ родной странѣ, вовсе не думая, однако, чтобы все дѣло заключалось въ прямомъ заимствованіи у американцевъ ихъ учрежденій. Все дѣло въ нравахъ и привычкахъ. Между прочимъ онъ хорошо зналъ, что со временъ великой революціи французская демократія отличалась воинственнымъ настроеніемъ и въ этомъ онъ видѣлъ одну изъ опасностей, грозящихъ его родинѣ. Если демократическіе народы, по его мнѣнію, естественно хотятъ мира, то, наоборотъ, демократическія арміи отличаются стре-

мленіемъ къ войнѣ. „Военные перевороты, говоритъ онъ, почти никогда не бываютъ страшны для аристократій, но демократическимъ народамъ всегда приходится опасаться ихъ. Этого рода опасности слѣдуетъ считать самыми серьезными, какими только грозитъ имъ будущее, и государственное люди должны неустанно искать средства исцѣлить эту болѣзнь".

Токвиль самъ заявляетъ, что когда онъ писалъ свою книгу, то „не имѣлъ въ виду ни помогать, ни противодѣйствовать какой-либо партіи: я, поясняетъ онъ, хотѣлъ видѣть не иначе, чѣмъ видятъ партіи, но дальше ихъ, и въ то время, какъ они заботятся о завтрашнемъ днѣ, я желалъ подумать о будущности". Но Токвиль видѣлъ только одну политическую сторону совершавшейся въ его время соціальной эволюціи. Сторона экономическая, та самая, которая стала съ особенною настойчивостью привлекать къ себѣ вниманіе современниковъ, весьма мало занимала его вообще и въ особенности въ то время, когда онъ писалъ свою книгу объ американской демократіи. Только впослѣдствіи онъ долженъ былъ признать, что, кромѣ политическаго вопроса, исторія поставила и вопросъ соціальный, и отмѣтилъ распаденіе націи на буржуазію и народъ [1]). Въ своихъ „Воспоминаніяхъ", написанныхъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ имѣлъ случай высказаться о современныхъ соціальныхъ стремленіяхъ и указать на ихъ совершенно новый характеръ. Не соглашаясь съ соціалистическими теоріями, онъ признавалъ, однако, что въ нихъ для разрѣшенія поставлены были самые серьезные вопросы и, не будучи принципіальнымъ противникомъ современнаго общественнаго строя, онъ писалъ слѣдующее въ одномъ мѣстѣ своихъ „Воспоминаній": „по мѣрѣ того, какъ я все болѣе и болѣе изучаю прежнее состояніе свѣта и болѣе подробно вникаю въ теперешній порядокъ вещей, разсматривая страшное разнообразіе, какое встрѣчаю не только между законами, но и между принципами законовъ, и разнообразныя формы, какія принимало и даже въ настоящее время имѣетъ,—что бы тамъ ни говорили,—право собственности на землѣ, мнѣ все болѣе хочется думать, что то, что называютъ необходимыми учрежденіями, весьма часто суть только учрежденія, къ которымъ мы привыкли, и что въ дѣлѣ общественнаго устройства область возможнаго гораздо обширнѣе, нежели воображаютъ люди, живущіе въ каждомъ обществѣ" [2]).

[1]) См. выше, стр. 101 и слѣд.

[2]) Въ одномъ мѣстѣ III тома „Демократіи въ Америкѣ" Токвиль выражаетъ недовѣріе къ крупной промышленности. Она концентрируетъ рабочій классъ, что влечетъ за собою правительственный надзоръ за нимъ, а это только содѣйствуетъ расширенію сферы дѣятельности правительства. Кромѣ того, развитіе промышленности требуетъ улучшенія дорогъ, каналовъ, портовъ—новый поводъ для государства расширять сферу своей дѣятельности.

По основному политическому принципу Токвиля,—а этимъ принципомъ была свобода,—мы должны причислить его къ либераламъ. Одинъ изъ друзей его, прочитавъ „Демократію въ Америкѣ", замѣтилъ ему, что его политическая теорія есть что-то въ родѣ адской машины. На это Токвиль отвѣчалъ, что, безгранично любя свободу, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ питаетъ глубочайшее уваженіе къ справедливости, а потому представляетъ собою особенный видъ либерализма, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ большинствомъ современныхъ демократовъ. И онъ объяснилъ своему другу, что сочиненіемъ своимъ онъ хотѣлъ показать однимъ, каковъ долженъ быть идеалъ демократіи, а другимъ—что они не должны противиться грядущему будущему. Онъ сознавалъ, однако, что его поняли лишь очень немногіе [1]). Къ числу лицъ, особенно плохо его понимавшихъ, принадлежалъ, напримѣръ, Гизо. Только послѣ своего паденія онъ высказывалъ сожалѣніе, что имъ приходилось только истощать энергію своего ума въ безполезныхъ препирательствахъ, а не итти рука объ руку въ великой борьбѣ за разумную свободу противъ ея врага — деспотизма.

XIII. Французскій соціализмъ и коммунизмъ временъ іюльской монархіи [1]).

Антииндивидуалистическая реакція во французской литературѣ. — Противоположность политическаго радикализма и сектантскаго соціализма.—Вліяніе іюльской революціи на сенъ-симонистовъ.—Основаніе сенъ-симонистскаго «семейства» и его судьба.—Фурьеризмъ послѣ іюльской революціи.—Роль В. Консидерана.—Бюшезъ и Леру.—Кабе, его романъ и попытки осуществленія коммунистическаго идеала.—Луи Бланъ и его «Организація труда».—Прудонъ и его теорія собственности.

Французскіе либералы временъ іюльской монархіи унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ идею индивидуальной свободы. На

---

[1]) Любопытны письма Токвиля къ Дж. Ст. Миллю, который прекрасно понялъ смыслъ его сочиненія и являлся истолкователемъ его мыслей передъ англійской публикой.

[2]) Кромѣ соч., указанныхъ въ т. III, на стр. 230 и т. IV, на стр. 516, *L. Stein.* Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. 1842.—*Его же.* Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. 1850.—*Ferraz.* Histoire de la philosophie en France au XIX siècle. *Henry Michel* (соч., указ. въ предыдущей главѣ, стр. 255). О сенъ-симонизмѣ соч. *Hubbard*, *Paul Janet*, *Booth* (т. IV, стр. 516), *P. Weisengrün.* Die socialwissensch. Ideen St Simons.— *Weil.* St. Simon et son oeuvre.—L'école St Simonienne. 1896.—*Charlety.* Histoire de saint-simonisme. 1896. О Фурье соч. *Bebel.* Charles

этой точкѣ зрѣнія стояли Ройе-Колларъ, Бенжаменъ Констанъ и даже Гизо. Ту же самую точку зрѣнія раздѣлялъ и Токвиль. Представителемъ индивидуализма выступилъ равнымъ образомъ и Ламартинъ, которому пришлось играть впослѣдствіи столь видную роль въ событіяхъ 1848 г. Но рядомъ съ этой традиціей, основа которой коренилась въ просвѣщеніи XVIII в., во Франціи развивалось и другое направленіе, которое можно обозначить, какъ антииндивидуалистическую реакцію противъ философіи XVIII в. Съ одной стороны, представителями этой реакціи были писатели, стоявшіе на католической точкѣ зрѣнія и проповѣдовавшіе возвращеніе къ средневѣковому міросозерцанію и средневѣковымъ порядкамъ, каковы были Жозефъ де Местръ и Бональдъ, эти ненавистники всякой новизны въ жизни [1]). Но съ другой стороны, ту же антииндивидуалистическую тенденцію мы встрѣчаемъ у писателей, наоборотъ, мечтавшихъ о перестройкѣ общественной жизни на совершенно новыхъ началахъ, именно у соціальныхъ реформаторовъ, осуществленіе идей которыхъ было бы равносильно новой революціи,—революціи болѣе радикальной даже, чѣмъ переворотъ, совершившійся подъ вліяніемъ принциповъ XVIII в. Съ такимъ антииндивидуалистическимъ характеромъ во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ выступила школа с.-симонистовъ [2]). Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ это направленіе проявилось у цѣлаго ряда писателей, расходившихся между собою по многимъ пунктамъ соціальнаго и политическаго міросозерцанія, но одинаково согласныхъ въ недовѣріи къ индивидуальной свободѣ, въ которой они видѣли какъ бы только отрицательную и разрушительную силу. Всѣ эти писатели были демократами, но ихъ демократизмъ былъ полною противоположностью либерализму, а потому не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ пониманіемъ демократіи, какое мы встрѣчаемъ у Токвиля. Отъ современныхъ имъ либераловъ они отличались преимущественно тѣмъ, что выдвигали на первый планъ не политическіе, а соціальные вопросы. Для новаго направленія въ тридцатыхъ годахъ возникло и новое названіе—соціализмъ. Нужно, впрочемъ, говоря о возникновеніи этого термина, твердо помнить,

---

Fourier, sein Leben und seine Theorien. 1888. О Консидеранѣ соч. г-жи *Cognet*. Victor Considérant, sa vie, son oeuvre. 1895. О Кабе и икаризмѣ соч. *Lux*. Etienne Cabet und der ikarische Communismus. 1894.—*Hepner*. Die Ikarier in Nord-America. 1886. О Луи Блянѣ въ слѣд. главѣ. О Прудонѣ. *Sainte-Beuve*. Proudhon.—*Desjardins*. Proudhon, sa vie, ses oeuvres, sa doctrine. 1896. Ср. *Ю. Жуковскій*. Прудонъ и Луи Блянъ. 1866. Въ книгѣ *А. А. Исаева*. „Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи“ (1879) есть краткое изложеніе соціальныхъ ученій и ихъ вліянія на возникновеніе и развитіе рабочихъ ассоціацій. См. также указывавшееся въ т. IV, стр. 514, соч. *Levasseur*'а.

[1]) См. т. IV, стр. 276—278.

[2]) См. т. IV, стр. 642 и слѣд.

что въ немъ не столько отличалась соціальная сторона жизни отъ стороны политической, сколько противополагался соціальный, т.-е. общественный принципъ принципу индивидуальному, личному: соціализмъ долженъ былъ быть антитезой индивидуализма. И опять было бы неправильно, если бы мы всѣхъ критиковъ современнаго общественнаго строя, указывавшихъ на возможность иного лучшаго строя, признавали за противниковъ индивидуализма. Напротивъ того, въ основу своей соціальной системы Фурье и его послѣдователи полагали самую полную, всестороннюю и безусловную свободу личности съ совершеннымъ устраненіемъ какой бы то ни было принудительной власти [1]). Въ этомъ смыслѣ фурьеризмъ былъ настоящею противоположностью сенъ-симонизму съ его общественной регламентаціей даже интимныхъ сторонъ личной жизни. Въ тотъ періодъ, который нами теперь разсматривается, тоже съ тезисомъ глубоко индивидуалистическимъ выступаетъ Прудонъ, который, какъ извѣстно, съ замѣчательной силою и непреоборимою логикой доказывалъ, что коммунизмъ необходимо приводитъ къ апоѳеозу государства, разсматриваемаго въ качествѣ силы, враждебной индивидууму. Онъ самъ называлъ себя анархистомъ, опредѣляя анархію, какъ „отсутствіе господина или государя“. Другими словами, онъ доходилъ до упраздненія правительства или государства, представляя себѣ общество основаннымъ всецѣло на взаимныхъ договорахъ между отдѣльными индивидуумами.

Такимъ образомъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личной свободы и общественной власти понимался различно не только тѣми мыслителями, которые интересовались исключительно одною политическою стороною жизни, но и тѣми, которые нападали на современный соціальный строй. Проповѣдь полнаго поглощенія личности государствомъ (или церковью) встрѣчается и у политическихъ писателей реакціоннаго лагеря, и у соціальныхъ реформаторовъ, выставляющихъ иногда чисто коммунистическій идеалъ общества. Съ другой стороны, и индивидуальная свобода находитъ своихъ защитниковъ одинаково и среди лицъ, принимавшихъ современный соціальный строй такимъ, каковъ онъ есть, и среди лицъ, мечтавшихъ о замѣнѣ его совсѣмъ новымъ строемъ, основаннымъ на принципѣ солидарности. Можно вообще сказать, что французская демократія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ обнаруживала гораздо больше склонности и способности увлекаться тѣми ученіями, отношеніе которыхъ къ индивидуальной свободѣ было менѣе благопріятно. Либеральная демократія Токвиля менѣе всего подходила къ настроенію рабочихъ классовъ: если его политическое міросозерцаніе было слишкомъ демократично

[1]) См. т. IV, стр. 652 и слѣд.

для буржуазіи, то для народа оно было бы слишкомъ либерально— въ смыслѣ проповѣди невмѣшательства государства въ экономическую жизнь. Другія демократическія теоріи, исходя изъ идеи правительственнаго вмѣшательства, распространяли ея дѣйствіе на всѣ стороны жизни и приходили къ проповѣди полнаго поглощенія личности государствомъ или обществомъ.

Указанная противоположность представляетъ лишь одну сторону идейныхъ теченій во французской передовой литературѣ первой половины XIX в. Другую противоположность мы наблюдаемъ, разсматривая, съ одной стороны, политическій радикализмъ, чуждый какихъ бы то ни было соціальныхъ явленій, съ другой—такъ называемый утопическій соціализмъ, совершенно устранявшійся отъ политики. Однако, между этими обоими направленіями происходитъ сближеніе, результатомъ чего было возникновеніе политическо-революціоннаго соціализма съ якобинскою окраскою. Демократическое движеніе во Франціи подчинилось, въ концѣ концовъ, этому направленію, имѣвшему свои корни, съ одной стороны, въ сенъ-симонизмѣ, съ другой — въ якобинской традиціи. Въ обоихъ этихъ источникахъ соціально-политическаго направленія, игравшаго столь великую роль въ 1848 г., мы встрѣчаемся съ отрицательнымъ отношеніемъ къ личной свободѣ, какъ къ началу противогосударственному и противообщественному. Исторіи соціальныхъ и политическихъ теченій демократическаго характера и ихъ взаимодѣйствія въ области мысли и ея литературныхъ выраженій и будутъ посвящены эта и слѣдующая глава.

Начнемъ съ разсмотрѣнія судьбы соціальныхъ ученій, унаслѣдованныхъ эпохою іюльской монархіи отъ предыдущаго періода. Этими ученіями были сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ [1]).

Въ промежутокъ времени между смертью С.-Симона и іюльской революціей его послѣдователи успѣли организоваться въ цѣлую сектантскую церковь, которая имѣла свое оффиціальное ученіе и свою іерархію. Въ ней даже успѣлъ произойти своего рода расколъ, вызванный между прочимъ различіями ученія о Божествѣ. Но до іюльскаго переворота сенъ-симонисты не рѣшались на публичную проповѣдь. Свое ученіе они пропагандировали на собраніяхъ въ частныхъ квартирахъ, куда могли являться лишь одни приглашенные. Притомъ они держали себя совершенно въ сторонѣ отъ либеральнаго движенія, приведшаго къ іюльскому перевороту. Послѣдняя произвела на нихъ сильное впечатлѣніе, и въ ней они увидѣли какъ бы подтвержденіе того, что вся современная соціальная система никуда болѣе не годится и

[1]) Общую ихъ характеристику до 1830 г. см. т. IV, гл. XXVII.

что общество должно быть перестроено на совершенно новыхъ началахъ. Уже 30-го іюля на парижскихъ улицахъ былъ расклеенъ манифестъ за подписью тогдашнихъ „начальниковъ ученія С.-Симона“, Базара и Анфантена. Въ этомъ манифестѣ французамъ обѣщалось окончательное уничтоженіе феодализма со всѣми привилегіями рожденія, дабы каждый занималъ въ обществѣ мѣсто, соотвѣтственное его заслугамъ, и вознаграждался соотвѣтственно своимъ дѣламъ. Успѣха среди парижскаго населенія манифестъ не имѣлъ, но весьма скоро о сенъ-симонизмѣ заговорили въ палатѣ депутатовъ, какъ о новой сектѣ, требующей общности имуществъ и даже женъ. Это дало поводъ Базару и Анфантену написать письмо къ президенту палаты съ цѣлью выясненія, въ чемъ на самомъ дѣлѣ заключается новое ученіе. Собственно говоря, этотъ документъ былъ предназначенъ для публики, такъ какъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ напечатанъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и получилъ широкое распространеніе. Авторы письма указывали на то, что сенъ-симонистамъ совершенно невѣрно приписывается ученіе объ общности имуществъ и женъ и что ихъ задача заключается въ возрожденіи общества на религіозныхъ началахъ, провозглашенныхъ христіанствомъ. Однако, и это письмо большого впечатлѣнія въ широкихъ кругахъ общества не произвело. Одновременно сенъ-симонисты весьма энергично вели свою пропаганду и другими способами. Къ прежнему своему журналу „Организаторъ“, издававшемуся съ 1829 г., они присоединили новый „журналъ с.-симоновской религіи“, именно Le Globe. Этой литературной проповѣди новаго ученія должны были содѣйствовать и отдѣльныя брошюры, которыя стали тогда ими издаваться Уничтоженіе прежнихъ цензурныхъ стѣсненій, конечно. было только благопріятно для подобной пропаганды. Съ другой стороны, въ разныхъ мѣстахъ Парижа организовано было устное изложеніе новой доктрины для самыхъ различныхъ слоевъ тогдашняго общества. Особенное вниманіе было направлено на распространеніе с.-симоновской религіи среди рабочаго населенія столицы. Дѣятельно велась пропаганда и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, въ которыхъ существовали уже свои „церкви“. Благодаря всему этому, сенъ-симонисты наконецъ заставили о себѣ говорить. Между прочимъ, въ главномъ ихъ журналѣ печатались статьи по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, занимавшимъ тогдашнее французское общество.

Въ концѣ 1830 г. парижскіе сенъ-симонисты, бывшіе большею частью представителями свободныхъ профессій и учащейся молодежи, основали нѣчто въ родѣ религіознаго общежитія, которому дали названіе „семейства“. „Отцы и дѣти, братья и сестры о С.-Симонѣ“, какъ они себя называли, собирались ежедневно на общую трапезу, вели

между собою бесѣды о разныхъ вопросахъ своего ученія, принимали новыхъ „братьевъ“ и „сестеръ“, разсылали миссіонеровъ по провинціальнымъ городамъ, устраивали праздники и вообще проводили время пріятно и весело. Религіозная сторона этого братства нашла выраженіе въ разнаго рода обрядахъ, которыми сопровождались браки, похороны и другіе важные случаи въ жизни членовъ общины. На этихъ священнодѣйствіяхъ, совершавшихся верховными отцами Анфантеномъ и Базаромъ, произносились проповѣди на религіозно-соціальныя темы. Но и въ этой религіозной общинѣ произошли раздоры, такъ какъ весьма скоро обнаружилось разногласіе между отдѣльными членами и даже между обоими верховными отцами. Главнымъ пунктомъ спора былъ вопросъ о бракѣ. Анфантенъ училъ, что бракъ долженъ быть различнымъ для людей, отличающихся постоянствомъ, или, наоборотъ, непостоянныхъ: послѣдніе, по его мнѣнію, могутъ мѣнять женъ и мужей, когда кому захочется. Многіе братья и сестры называли такое ученіе безнравственнымъ, и на ихъ сторону сталъ Базаръ. Между обоими верховными отцами уже давно было соперничество и чисто личнаго характера. Оно не могло остаться незамѣченнымъ со стороны самихъ членовъ общины, и вотъ между ними образовалась нѣкоторая группа, которая представила обоимъ отцамъ письменное изложеніе неудовольствія, вызывавшагося ихъ поведеніемъ и ихъ взаимными отношеніями. Уже съ самаго начала этихъ раздоровъ отдѣльныя лица хлопотали объ умиротвореніи разгорѣвшихся страстей, и въ этомъ дѣлѣ принималъ особенно дѣятельное участіе Родригъ, бывшій ранѣе Базара и Анфантена главою новой религіи, но самъ не обнаруживавшій никакого честолюбія. Многіе готовы были даже итти на компромиссы, боясь, что раздоры погубятъ дѣло „возрожденія человѣчества“, въ которое они искренне вѣрили. Усилія эти, однако, не увѣнчались успѣхомъ, и въ концѣ 1831 года Базаръ вышелъ изъ „семейства“, а съ нимъ ушли и другіе братья изъ числа наиболѣе рьяныхъ послѣдователей доктрины. Послѣ этого составъ семейства сдѣлался болѣе однороднымъ. Анфантенъ, который былъ провозглашенъ „верховнымъ начальникомъ религіи С.-Симона“, объявилъ, что теперь-то и должно начаться полное осуществленіе новыхъ принциповъ на практикѣ. По ученію Анфантена, люди должны были „освящаться въ трудѣ и удовольствіи“. Въ зимній сезонъ 1831—32 гг. въ помѣщеніи своего „семейства“ сенъ-симонисты стали устраивать шумныя и многолюдныя собранія, на которыя стали приглашаться дамы для танцевъ и другихъ увеселеній. Женскій вопросъ, уже ранѣе намѣченный сенъ-симонистами въ смыслѣ необходимости религіозной, политической и гражданской эманципаціи женщины, сталъ теперь выдвигаться на первый планъ.

Болѣе раннія послѣдовательницы сенъ-симонизма отнеслись съ крайнимъ неудовольствіемъ къ теоріи Анфантена о взаимныхъ отношеніяхъ половъ. Когда Базаръ покинулъ „семейство“, Анфантенъ обратился къ женщинамъ съ особымъ воззваніемъ (Appel aux femmes), въ которомъ говорилъ о необходимости самимъ женщинамъ прійти на помощь людямъ, поставившимъ своею цѣлью положить конецъ порабощенію женскаго пола. Танцовальные вечера должны были служить своего рода приманкой для женщинъ, а кромѣ того, среди гостей Анфантенъ желалъ найти лично для себя достойную подругу. По его ученію, общественнымъ индивидуумомъ является не отдѣльное лицо, а пара, т.-е. мужчина и женщина вмѣстѣ. Точно также и во главѣ новой религіи долженъ былъ стоять не одинъ верховный жрецъ, а двое: верховный жрецъ и верховная жрица, составляющіе вмѣстѣ жреческую пару (couple-prêtre). Этой жреческой парѣ должны были принадлежать особыя права въ опредѣленіи правилъ нравственности, и они должны были вмѣшиваться во взаимныя отношенія между отдѣльными мужчинами и женщинами новой религіозной общины. Среди дамъ, приглашавшихся на танцовальные вечера, Анфантенъ и надѣялся найти ту, которая была бы достойна вмѣстѣ съ нимъ составить верховную жреческую пару. На засѣданіяхъ „семейства“ послѣ удаленія Базара рядомъ съ кресломъ Анфантена ставилось другое кресло, остававшееся пустымъ въ ожиданіи верховной жрицы.

Одновременно съ этимъ сенъ-симонисты вели дѣятельную пропаганду и среди рабочихъ. Еще при Базарѣ въ парижскомъ пролетаріатѣ они уже начали основывать потребительскія товарищества, а теперь стали устраиваться ими и производительныя ассоціаціи. Сенъ-симонистамъ удалось пристроить на свой счетъ около четырехъ тысячъ рабочихъ, что̀, конечно, стоило имъ большихъ денегъ. Сначала матеріальныя средства новой секты были сравнительно незначительны и составлялись изъ пожертвованій отдѣльныхъ лицъ, причемъ самымъ крупнымъ вкладчикомъ былъ Анфантенъ, израсходовавшій до осени 1830 г. лично ему принадлежавшихъ 14.000 франковъ. Пока деньги нужны были только для разнаго рода изданій, большого количества ихъ и не было нужно. Такъ какъ къ движенію примкнули многіе люди съ весьма значительными денежными средствами, то по мѣрѣ расширенія дѣятельности общины послѣ іюльской революціи и пожертвованія должны были увеличиваться. Черезъ годъ общая сумма стоимости всего движимаго и недвижимаго имущества сенъ-симонистовъ простиралась до 600.000 франковъ. На разныя надобности до перваго августа 1831 года истрачено было около 250.000 франковъ, а въ слѣдующіе три-четыре мѣсяца, сверхъ того, было издержано еще около 150.000 франковъ. Когда тѣмъ не менѣе сталъ

ощущаться недостатокъ въ деньгахъ, рѣшено было произвести заемъ, выпустивъ билеты по тысячѣ франковъ, за которые на самомъ дѣлѣ нужно было уплачивать лишь по 250 франковъ и которые должны были приносить ежегодный доходъ въ 50 франковъ, что́ составляло 20% на капиталъ. Этотъ заемъ кое-что далъ для расширенія дѣятельности „семейства“. Одинъ Анфантенъ, истративъ сверхъ 14.000 франковъ еще 9.000, внесъ на общее дѣло впослѣдствіи новыхъ 77.000. Были и другія лица, которыя истратили кто полтораста, кто сто тысячъ, кто тридцать или двадцать тысячъ. Въ общей сложности сумму всего собраннаго и истраченнаго сенъ-симонистами съ осени 1830 по осень 1832 г. опредѣляютъ въ девятьсотъ тысячъ и даже въ милліонъ франковъ. Запасного фонда не было; тратились не проценты, а самый капиталъ. Приэтомъ дѣла въ производительныхъ ассоціаціяхъ шли дурно. Между рабочими, которые далеко не проникались воззрѣніями сенъ-симонистовъ, и руководителями новыхъ ассоціацій происходили пререканія, и многіе рабочіе, недовольные своими руководителями, уходили прочь. Но вожди движенія вѣрили въ свой успѣхъ. Большія суммы денегъ, затраченныхъ на жизнь самого „семейства“, на пропаганду ученія, на устройство мастерскихъ, позволили сенъ-симонистамъ одно время дѣйствительно пользоваться извѣстнымъ внѣшнимъ успѣхомъ. Но въ будущемъ „семейству“ грозило несомнѣнное разореніе.

Въ самомъ „семействѣ“ опять произошли раздоры. На этотъ разъ ссора была между Анфантеномъ и Родригомъ. Хотя послѣдній добровольно отказался еще раньше отъ главенства въ пользу Базара и Анфантена, тѣмъ не менѣе продолжалъ пользоваться особымъ нравственнымъ авторитетомъ въ качествѣ перваго и непосредственнаго ученика и настоящаго преемника С.-Симона. Самъ Анфантенъ получилъ свою власть изъ рукъ Родрига. Рано или поздно неопредѣленныя отношенія между этими двумя авторитетами должны были привести къ ссорѣ при первомъ серьезномъ столкновеніи. Раздоръ и на этотъ разъ былъ вызванъ разногласіемъ по вопросу объ отношеніяхъ между полами. Родригъ сталъ находить ученіе Анфантена безнравственнымъ, Анфантенъ же обвинялъ Родрига въ томъ, что онъ не сумѣлъ освободиться отъ ига старой семьи. Дѣло кончилось удаленіемъ Родрига. Хотя за нимъ изъ „семейства“ никто и не ушелъ, но выходъ его не могъ не отразиться на „семействѣ“. Родригъ заправлялъ всѣми денежными дѣлами „семейства“ и занимался въ данный моментъ реализаціей упомянутаго займа. Теперь это дѣло остановилось. Анфантену пришлось отказаться отъ изданія журнала, отъ найма залъ для проповѣди и увеселеній, даже отъ дорого стоившей парижской квартиры „семейства“. Недалеко отъ Парижа, въ Менильмонтанѣ, у

него былъ большой домъ съ садомъ: сюда теперь и было переведено „семейство“, жизнь его здѣсь устроена была на новыхъ началахъ. Праздники были прекращены, прислуга распущена, члены „семейства“ раздѣлили между собою занятія и работы по дому и саду, собираясь вмѣстѣ къ обѣду, во время котораго они пѣли молитвы и слушали проповѣди своего „отца“. Для членовъ общины Анфантенъ даже придумалъ особый костюмъ, состоявшій изъ красной фуражки, короткаго синяго камзола и бѣлыхъ панталонъ. Прическа у всѣхъ должна была быть тоже одинаковая—длинные волосы до плечъ. Странный образъ жизни „семейства“ обратилъ на него вниманіе сосѣдей; иные изъ нихъ стали даже приходить посмотрѣть, какъ сенъ-симонисты сидѣли за столомъ, или послушать пѣніе ихъ религіозныхъ гимновъ. Въ этомъ уединеніи сенъ-симонисты подъ руководствомъ Анфантена продолжали разработку догматовъ своей религіи. Написана была „Новая книга“, состоявшая изъ катехизиса и „Книги Бытія“,—смѣсь разнаго рода религіозныхъ и моральныхъ, научныхъ и фантастическихъ воззрѣній. (Это произведеніе сенъ-симонистовъ осталось ненапечатаннымъ). И здѣсь община, несмотря на довольно скромный образъ жизни, въ сущности, продолжала итти къ полному разоренію. Правда, всѣ должны были работать, но главная работа была совершенно непроизводительная: сажали, поливали, подчищали деревья въ саду, чистили и проводили новыя дорожки, усыпали ихъ пескомъ и т. п. Но самый тяжелый ударъ „семейству“ былъ нанесенъ уголовнымъ процессомъ, который былъ начатъ противъ сенъ-симонистовъ прокурорскою властью, обвинявшею ихъ въ томъ, что они образовали противозаконное общество и проповѣдуютъ безнравственное ученіе.

Въ свое время этотъ процессъ надѣлалъ очень много шуму. Это было одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ событій первыхъ лѣтъ іюльской монархіи и важнымъ моментомъ въ исторіи самого сенъ-симонизма. На судѣ они держали себя, какъ настоящіе сектанты, и во всемъ продолжали слушаться Анфантена, не переставая называть его отцомъ. Когда ихъ хотѣли привести къ присягѣ, они отказались повиноваться предсѣдателю, потому что Анфантенъ запретилъ имъ присягать. Самъ глава секты заявилъ въ отвѣтъ на вопросы предсѣдателя, что онъ называетъ себя „отцомъ человѣчества“ и „живымъ закономъ“. Онъ вздумалъ даже испытывать силу своего взгляда надъ судьями и присяжными, пристально и упорно устремляя на нихъ свои взоры. Въ свое оправданіе подсудимые указывали на то, что ихъ общество имѣетъ религіозный характеръ и что потому, пользуясь свободой совѣсти, они не совершали никакого противозаконнаго дѣянія, собираясь вмѣстѣ для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потреб-

ностей. Возражая на второй пунктъ обвиненія, они сами произносили обвинительныя рѣчи противъ дурного устройства общества, какъ главной причины цѣлаго ряда безнравственныхъ явленій. Въ частности, сенъ-симонистамъ поставлено было въ вину, что, по ихъ ученію, жреческой парѣ предоставлялись весьма широкія права надъ взаимными отношеніями между отдѣльными супругами въ ихъ общинѣ. Прокуроръ даже сравнилъ эти права съ знаменитымъ въ средніе вѣка „правомъ сеньера“ (jus primae noctis). Сенъ-симонисты не отрицали, что предоставляютъ жреческой парѣ особыя права, и только старались оправдать свое ученіе на этотъ счетъ. Судъ приговорилъ Анфантена съ двумя его товарищами къ тюремному заключенію на годъ и къ ста франкамъ штрафа съ каждаго, а Родрига, который тоже былъ привлеченъ къ суду, и еще одного с.-симониста—къ одному штрафу по пятидесяти франковъ. Послѣ этого процесса община сенъ-симонистовъ продолжала существовать очень недолго. Сначала ея члены страшно бѣдствовали и готовы даже были работать на сосѣднихъ виноградникахъ за одно лишь дневное пропитаніе, а потомъ они мало-по-малу разошлись въ разныя стороны. По истеченіи срока тюремнаго заключенія Анфантенъ съ немногими наиболѣе вѣрными приверженцами сдѣлалъ попытку устройства новой общины, на этотъ разъ въ Египтѣ, но и эта община просуществовала только два года. Послѣ такихъ неудачъ сенъ-симонизму уже трудно было возродиться; его приверженцы стали даже переходить на сторону фурьеризма.

Въ описанномъ движеніи приняли участіе главнымъ образомъ обезпеченные люди, среди которыхъ особенно много было студентовъ Политехнической школы, но люди, мало знакомые съ жизнью, еще менѣе знакомые съ философіей и общественными науками. Сенъ-симонизмъ казался имъ новымъ религіознымъ откровеніемъ, долженствующимъ улучшить бытъ „самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса народа“. Вмѣстѣ съ этимъ они думали, что стоитъ только имѣть добрую волю, и легко будетъ осуществить идеальное общество, первообразомъ котораго должно было быть ихъ „семейство“. Въ ихъ попыткахъ заниматься физическимъ трудомъ было гораздо больше прихоти и забавы, чѣмъ серьезнаго дѣла. Ни одинъ настоящій рабочій не былъ допущенъ въ составъ этой общины, да и въ ней самой притомъ, особенно на первыхъ порахъ, все время проходило преимущественно въ разговорахъ и увеселеніяхъ. Мало-по-малу бывшіе члены сенъ-симонистской общины стали совершенно отрѣшаться отъ своего былого увлеченія. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Пьеръ Леру, продолжали говорить и писать въ духѣ религіозно-мистическаго соціализма, но другіе подѣлались учеными, писателями, журналистами, чиновниками, банкирами, инженерами, адвокатами, фабрикантами и т. п. Самъ

Анфантенъ впослѣдствіи занималъ должность почтмейстера въ одномъ небольшомъ городѣ. Только въ 1848 году онъ выступилъ-было снова съ проповѣдью своего ученія въ газетѣ „Кредитъ“, но на этотъ разъ не имѣлъ уже рѣшительно никакого успѣха.

Параллельно съ движеніемъ сенъ-симонистовъ развивалось движеніе среди послѣдователей Фурье. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до взрыва іюльской революціи Фурье обращался къ тогдашнему реакціонному правительству Франціи съ мемуаромъ, заключавшимъ въ себѣ проектъ общественной реорганизаціи Франціи на началахъ, лежавшихъ въ основаніи его ученія. Революція окрылила его надежды, и онъ съ подобнаго же рода предложеніями сталъ обращаться къ наиболѣе виднымъ дѣятелямъ новаго режима — къ Лафитту, къ Казимиру Перье и др. Когда съ этой стороны Фурье не получилъ ожидаемаго, онъ сталъ искать сближенія съ сенъ-симонистами и даже предлагалъ Анфантену соединиться вмѣстѣ для общей цѣли переустройства вселенной на новыхъ началахъ. Анфантенъ отвергъ это предложеніе, и тогда между обѣими школами произошелъ полный разрывъ. Въ 1831 году Фурье даже издалъ брошюру подъ заглавіемъ „Ловушки и шарлатанство сектъ С.-Симона и Оуена“. Въ слѣдующемъ 1832 г. фурьеристы начали издавать для пропаганды своихъ принциповъ собственный журналъ „Промышленная реформа, или фаланстеръ“. Внутреннее разложеніе сенъ-симонизма и постигшая его катастрофа фурьеризму принесли только пользу, такъ какъ многіе послѣдователи перваго ученія одинъ за другимъ стали переходить на сторону Фурье. Нашлись и среди сторонниковъ этого реформатора довольно богатые люди, которые готовы были жертвовать большія суммы ради торжества новой общественной системы. Одинъ членъ палаты депутатовъ, Бодэ-Дюлари, человѣкъ весьма состоятельный, отказался отъ своего званія, чтобы заняться исключительно распространеніемъ новаго ученія, и принялъ участіе въ учрежденіи акціонерной компаніи для образованія капитала въ 1.200.000 франковъ, который былъ необходимъ для устройства фаланстера [1]). Рѣшено было немедленно основать таковой верстахъ въ шестидесяти отъ Парижа на землѣ, которая по очень дешевой расцѣнкѣ была отдана за акціи упомянутымъ Бодэ-Дюлари и братьями Деве. Приступили даже къ работамъ, но вскорѣ дѣло остановилось—за недостаткомъ средствъ, а главное — вслѣдствіе крайней непрактичности распорядителей всего предпріятія. Были воздвигнуты монументальныя постройки, стали разводить дорогія экзотическія растенія и не въ состояніи были довести дѣло до конца. Эта неудача заставила

[1]) О фаланстерѣ см. т. IV, стр. 653.

нѣкоторыхъ фурьеристовъ покинуть своего учителя; другіе страшно пріуныли и опустили руки, а изданіе журнала прекратилось. Фурье продолжалъ, однако, надѣяться, что къ нему придетъ на помощь какой-нибудь магнатъ, который дастъ необходимыя средства, и не переставалъ время отъ времени издавать брошюры съ изложеніемъ своихъ идей. Подобно С.-Симону, онъ страшно бѣдствовалъ въ послѣдніе годы своей жизни,—одно время вынужденный добывать средства къ существованію простою перепискою. Его системѣ, несомнѣнно, грозила судьба сенъ-симонизма, но отъ этой участи ученіе Фурье было спасено однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ его учениковъ, Викторомъ Консидераномъ, который примкнулъ къ нему еще во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, принималъ затѣмъ участіе въ неудачной попыткѣ устроить фаланстеръ, но послѣ крушенія этой затѣи не упалъ духомъ и даже сумѣлъ ободрить своихъ товарищей. Еще при жизни Фурье Консидеранъ, относившійся къ своему учителю съ трогательною любовью, сдѣлался какъ бы вторымъ главою школы. Важно было и то, что самъ Фурье писалъ крайне тяжело, и собственныя его сочиненія были плохимъ орудіемъ пропаганды. Наоборотъ, Консидеранъ обладалъ литературнымъ талантомъ, и его книга „La destinée sociale“ привлекла къ фурьеризму много новыхъ послѣдователей, тѣмъ болѣе, что, излагая систему своего учителя. Консидеранъ устранилъ изъ нея все, что въ этой системѣ способно было вызывать насмѣшки. Первый томъ этой книги вышелъ въ годъ смерти Фурье (1837 г.), второй—въ слѣдующемъ году.

Консидеранъ по своей профессіи былъ военный инженеръ. Познакомившись съ Фурье, онъ оставилъ свою службу, чтобы цѣликомъ посвятить себя пропагандѣ новаго ученія. Въ 1835 г. онъ издалъ „Разсужденіе объ архитектоникѣ“, гдѣ съ точки зрѣнія инженера защищалъ взгляды своего учителя относительно устройства фаланстера. Въ слѣдующемъ году онъ опубликовалъ брошюру „Разгромъ политики“, гдѣ проводилъ ту мысль, что чисто политическія реформы не могутъ принести никакой пользы обществу. За главнымъ трудомъ Консидерана слѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ брошюръ (въ одной изъ нихъ онъ сильно вооружился противъ желѣзныхъ дорогъ). Въ 1836 году онъ началъ издавать журналъ „Фаланга“, который въ началѣ сороковыхъ годовъ превратился въ ежедневное изданіе. Вообще тридцатые и сороковые годы были эпохой сильнаго развитія фурьеристической литературы: оно указывало на то, что у Фурье и Консидерана было довольно значительное число послѣдователей. Въ школѣ Фурье были свои поэты и художники, сочинявшіе пѣсни, рисовавшіе заманчивыя картины жизни въ фаланстерѣ, изображавшіе въ сатирическомъ видѣ современную цивилизацію. И въ этой

школѣ тоже произошелъ своего рода расколъ, причемъ фурьеристы-диссиденты также имѣли свою литературу.

Сенъ-симонисты и фурьеристы нашли послѣдователей и за границами Франціи. Уже въ тридцатыхъ годахъ о сенъ-симонизмѣ писали въ Италіи и Германіи, а въ слѣдующемъ десятилѣтіи довольно значительное количество лицъ въ разныхъ странахъ Европы и даже Америки увлекалось фурьеризмомъ.

Сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ вербовали своихъ послѣдователей среди интеллигентной буржуазіи. Внутреннее развитіе сенъ-симонизма совершалось, собственно говоря, въ смыслѣ не сближенія съ пролетаріатомъ, а отдаленія отъ него. Еще Базаръ, бывшій карбонарій, участвовавшій когда-то въ заговорахъ противъ Бурбоновъ, старался выдвинуть на первый планъ экономическую сторону доктрины и дать ей дальнѣйшее развитіе, но долженъ былъ уступить главенство Анфантену, болѣе всего интересовавшагося религіозной стороной новаго ученія и разрабатывавшаго моральную его сторону въ направленіи грубой „реабилитаціи плоти“. Кромѣ Базара, откололся отъ секты и Бюшезъ, который тоже болѣе всего думалъ объ экономической сторонѣ доктрины. Какъ-разъ въ тѣ іюньскіе дни 1832 г., когда на улицахъ Парижа кипѣлъ бой противъ буржуазной монархіи [1]), Анфантенъ увелъ свое „семейство“ въ менильмонтанское уединеніе. Послѣ процесса одни изъ сенъ-симонистовъ отпали отъ него, чтобы, отдавъ долгъ юношескому увлеченію, вполнѣ остепениться и даже заняться банкирскими дѣлами и разными промышленными предпріятіями, другіе сдѣлались фурьеристами, чтобы совершить нѣсколько неудачныхъ опытовъ основанія фаланстера опять-таки не для людей изъ рабочаго класса. Впослѣдствіи, когда во Франціи возникло политическое движеніе въ пользу парламентской реформы, признанный глава фурьеристовъ, Консидеранъ, относился къ этому движенію несочувственно, находя его излишнимъ [2]). Но идейное движеніе, вызванное сенъ-симонизмомъ и фурьеризмомъ, не прекратилось съ неудачею, постигшею на практикѣ оба эти ученія. Тридцатые и сороковые года во Франціи были особенно богаты разными соціальными ученіями, получившими широкое распространеніе даже за ея предѣлами. Нѣкоторыя изъ нихъ даже стоятъ въ прямой связи съ разсмотрѣнными проявленіями утопическаго соціализма.

Къ числу сенъ-симонистовъ, отдѣлившихся отъ нихъ еще до катастрофы, постигшей „семейство“, принадлежали между прочимъ два писателя, которые вскорѣ выступили съ собственными соціаль-

---

[1]) См. выше, стр. 131.

[2]) Ср. аналогичное явленіе въ Англіи (выше, стр. 240).

ными ученіями, отразившими на себѣ вліяніе сенъ-симонизма. Одинъ изъ нихъ былъ Бюшезъ, другой—Леру.

Бюшезъ до своего сближенія съ сенъ-симонистами (уже послѣ смерти основателя новой религіи) принималъ, подобно Базару, дѣятельное участіе въ тайной политической агитаціи, которая происходила во Франціи при Людовикѣ XVIII. Впрочемъ, принадлежность его къ сенъ-симонизму продолжалась сравнительно недолго. Когда школа видимо стала превращаться въ настоящую религіозную секту, Бюшезъ заявилъ, что никакихъ новыхъ догматовъ вѣры не нужно. Пламенный католикъ съ юныхъ лѣтъ, онъ еще сильнѣе утвердился теперь въ своихъ вѣрованіяхъ, хотя, собственно говоря, его католицизмъ имѣлъ въ высшей степени своеобразный характеръ. Въ 1831 году онъ началъ издавать журналъ „Европеецъ“, въ которомъ пропагандировалъ свои религіозныя и соціальныя идеи. Черезъ два года онъ выпустилъ въ свѣтъ „Введеніе въ науку исторіи“, большой трактатъ историко-философскаго содержанія въ мистическомъ духѣ, и началъ вмѣстѣ съ однимъ своимъ единомышленникомъ Ру-Лавернемъ знаменитую „Парламентарную исторію французской революціи“. Мы еще будемъ говорить болѣе подробно объ этомъ капитальномъ изданіи въ другой связи, а здѣсь отмѣтимъ лишь коротко его общій взглядъ на революцію. Бюшезъ доказывалъ именно полное внутреннее сродство между христіанствомъ, понимаемымъ въ католическомъ духѣ, и французской революціей, понятой съ чисто якобинской точки зрѣнія. Заявивъ себя противникомъ индивидуализма религіознаго и политическаго, онъ не могъ, конечно, не быть въ то же самое время и противникомъ личнаго интереса и свободной конкурренціи въ экономической сферѣ. Мало того: онъ старается доказать, что индивидуализмъ,—подъ которымъ онъ разумѣетъ преимущественно эгоизмъ,—никогда не въ состояніи былъ „измѣнить хотя бы одну іоту въ дѣлахъ этого міра“; всякій прогрессъ, по его ученію, совершается „массами, человѣчествомъ, націей, а не индивидуумомъ“. Въ одномъ существенномъ пунктѣ Бюшезъ совершенно расходился, однако, съ сенъ-симонистами, хотя они точно также были принципіальными противниками индивидуальной свободы. Сенъ-симонисты стремились къ болѣе справедливому распредѣленію благъ міра, исходя изъ вполнѣ матеріальнаго представленія о человѣческомъ счастьѣ: „реабилитація плоти“, отвергавшейся христіанствомъ, составляетъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ ихъ ученія. Наоборотъ, этика Бюшеза имѣетъ строго аскетическій характеръ. Онъ прославляетъ добровольную бѣдность, онъ требуетъ отъ каждаго самоотреченія, самопожертвованія во имя великой и верховной цѣли, служить которой должны отдѣльныя лица, цѣлыя націи, все человѣчество. Этотъ аскетизмъ Бюшеза вполнѣ соотвѣт-

ствуетъ его католическому настроенію. Хотя онъ и держалъ себя далеко отъ представителей оффиціальной церкви, себя онъ постоянно называлъ католикомъ, а его ближайшій сотрудникъ по изданію „Парламентарной исторіи французской революціи“ и многіе ученики были даже настоящими, правовѣрными католиками. Особаго распространенія ученіе Бюшеза не получило. Нѣкоторыя его идеи оказали только значительное вліяніе на соціальныя и историческія воззрѣнія Луи Блана. Кромѣ того, Бюшезъ повліялъ и на рабочее движеніе во Франціи. У него были постоянныя связи въ рабочей средѣ. Въ 1832 г. подъ его вліяніемъ устроилось во Франціи производительное товарищество столяровъ (ouvriers menuisiers), а въ 1834 г. ему удалось организовать во Франціи производительную ассоціацію изъ нѣсколькихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ (bijoutiers en doré). Одинъ изъ учениковъ Бюшеза, работникъ Карбонъ, въ 1840 г. началъ издавать газету «Atelier», въ которой проповѣдовалась необходимость основанія кооперативныхъ товариществъ. Въ числѣ сотрудниковъ этой газеты былъ столяръ Пердигье, и его Жоржъ Зандъ сдѣлала героемъ одного изъ своихъ романовъ (Le compagnon d'un tour de France). Бюшезъ и его послѣдователи между прочимъ думали, что для содѣйствія эманципаціи рабочаго класса промышленныя товарищества должны отдѣлять часть прибыли для образованія особаго недѣлимаго капитала всѣхъ рабочихъ.

Родственное этому направленіе развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ и Пьеръ Леру. Онъ также примкнулъ сначала къ сенъ-симонистамъ, но оставилъ ихъ во время одного изъ раздоровъ, которые между ними происходили. Вмѣстѣ съ Рейно, другимъ сенъ-симонистомъ, принимавшимъ ранѣе весьма дѣятельное участіе въ пропагандѣ новаго ученія, онъ основалъ въ 1835 г. „Новую Энциклопедію“, гдѣ и началъ излагать свои соціальныя идеи. Главными его сочиненіями были: „Опытъ о равенствѣ“ (1838), „О человѣчествѣ, его принципѣ и его будущемъ“ (главный трудъ; 1840), „Опроверженіе эклектизма“ (1841), „Разсмотрѣніе современнаго состоянія общества и человѣческаго ума“ (1841), „О христіанствѣ и его демократическомъ происхожденіи (1848) и др. Въ 1845 г. съ пятьюдесятью двумя своими послѣдователями Леру задумалъ организовать на новыхъ началахъ человѣческой солидарности земледѣльческую общину въ департаментѣ Крезы, на что получилъ между прочимъ довольно значительную сумму денегъ отъ Жоржъ Зандъ, своей большой пріятельницы и поклонницы. Подобно Бюшезу, Леру выступилъ съ анти-индивидуалистическою проповѣдью. Личность, всѣмъ обязанная обществу, должна жить исключительно для человѣчества. Стоитъ только стать на эту точку зрѣнія, и въ обществѣ не будетъ болѣе погони за лич-

ной выгодой. Индивидуализмъ въ экономическомъ отношеніи приводитъ къ прославленію капитала, научающему лишь презирать бѣдность, да къ мальтузіанству. Свое ученіе Леру называлъ религіей человѣчества, и она, по его представленію, должна прійти на смѣну христіанству. Есть принципъ болѣе высокій, чѣмъ христіанское милосердіе: это принципъ солидарности, существующей во всемъ человѣчествѣ. Изъ послѣдняго принципа Леру дѣлалъ выводы, касавшіеся загробной жизни и даже существа Бога. Между прочимъ именно ему принадлежитъ и самое слово соціализмъ, которое имъ впервые было употреблено въ одной статьѣ 1834 г. Совершенно такъ же, какъ Бюшезъ, Леру интересовался экономическими вопросами болѣе съ моральной и религіозной, нежели съ научной точки зрѣнія. Современныхъ ему экономистовъ онъ прямо называлъ безбожниками. Его мистицизмъ доходилъ до того, что онъ искренне вѣрилъ въ переселеніе душъ и на ученіи о метемпсихозѣ основывалъ свое отрицаніе наслѣдства. Зачѣмъ, спрашивалъ онъ, передавать имущество дѣтямъ, разъ въ тѣла послѣднихъ переселились души людей, совершенно чуждыхъ владѣльцу этого имущества, и разъ его собственная душа можетъ перейти въ тѣло ребенка, имѣющаго родиться, быть можетъ, въ самой бѣдной семьѣ? Не лучше ли сдѣлать такъ, чтобы имущество каждаго человѣка поступало въ пользу всего общества, дабы и то семейство, въ которомъ человѣку предстоитъ родиться вновь, пользовалось одинаковымъ съ другими матеріальнымъ благополучіемъ? Идеи Леру были вообще слишкомъ своеобразны, слишкомъ фантастичны и вмѣстѣ съ этимъ слишкомъ противорѣчивы, чтобы его проповѣдь могла имѣть какой-либо успѣхъ, кромѣ успѣха чисто литературнаго.

Гораздо болѣе важное значеніе получила коммунистическая проповѣдь Кабе. Его, пожалуй, съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ какого-либо изъ тогдашнихъ соціальныхъ реформаторовъ, можно назвать утопистомъ; онъ строилъ свой общественный идеалъ путемъ чистой фантазіи, руководимый идеями равенства и братства, изъ которыхъ онъ выводилъ необходимость общности имуществъ, какъ единственнаго залога людского счастья. Подобно другимъ современнымъ реформаторамъ, онъ полагалъ, что для осуществленія этого идеала нужна одна мирная пропаганда. Но у этого фантазера была еще политическая жилка, была якобинская закваска, и онъ требовалъ политическаго господства демократіи, какъ переходной ступени къ идеальному устройству общества. Поэтому онъ говорилъ рабочимъ о необходимости избирательной реформы. Пользуясь громадною популярностью среди пролетаріата, онъ особенно сильно вліялъ на развитіе въ немъ классоваго сознанія.

Родившись за десять лѣтъ до великой французской революціи, Кабе въ самомъ раннемъ возрастѣ проникся республиканскими идеями. Сдѣлавшись незадолго до реставраціи Бурбоновъ адвокатомъ, онъ весьма часто выступалъ въ качествѣ защитника лицъ, подвергавшихся политическимъ преслѣдованіямъ. Это сблизило его съ вождями либеральной оппозиціи, въ особенности съ Лафайетомъ. Весьма естественно, что при такомъ настроеніи онъ долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ іюльскомъ переворотѣ. Между прочимъ, онъ сильно настаивалъ предъ герцогомъ Орлеанскимъ на необходимости созвать учредительное собраніе для выработки новой конституціи. Герцогъ Орлеанскій успокаивалъ его неопредѣленными обѣщаніями и, сдѣлавшись королемъ, старался не отталкивать его отъ себя. Кабе получилъ даже мѣсто генеральнаго контролера въ Корсикѣ, но въ томъ же самомъ году вышелъ въ отставку, увидѣвши, что новое правительство вступило на путь реакціи. Съ этого момента Кабе сдѣлался однимъ изъ самыхъ рьяныхъ противниковъ іюльской монархіи. Свое оппозиціонное направленіе онъ выразилъ въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Революція 1830 г. и теперешнее положеніе“: это былъ цѣлый обвинительный актъ противъ новаго правительства, которое, по его словамъ, обмануло народъ и измѣнило своимъ собственнымъ принципамъ. Памфлетъ навлекъ на него уголовное преслѣдованіе, но присяжные его оправдали. На судъ Кабе явился въ сопровожденіи шестидесяти своихъ товарищей по палатѣ депутатовъ, въ которой онъ занялъ мѣсто въ іюлѣ 1831 г. Въ палатѣ Кабе также при каждомъ удобномъ случаѣ порицалъ правительство, въ особенности за его поведеніе въ польскомъ вопросѣ. Въ 1833 г. онъ сталъ издавать еженедѣльную газету „Le Populaire“, въ которой равнымъ образомъ нападалъ на тогдашнюю политику. Одна изъ статей, помѣщенныхъ въ этой газетѣ, сдѣлалась причиной новаго процесса, возбужденнаго противъ него правительствомъ, и на этотъ разъ судъ его приговорилъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Кабе хотѣлъ подвергнуться этому приговору, но его политическіе единомышленники настояли на томъ, чтобы онъ уѣхалъ за границу и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не истечетъ срокъ пятилѣтней давности, послѣ котораго онъ могъ бы безопасно вернуться на родину (1834). Эти пять лѣтъ Кабе провелъ сначала въ Брюсселѣ, а затѣмъ, когда его оттуда изгнали, въ Лондонѣ. На чужбинѣ ему пришлось сильно бѣдствовать, что̀ не мѣшало ему продолжать литературную борьбу за свои политическія идеи. Первоначально Кабе стоялъ на точкѣ зрѣнія народовластія и выступалъ въ качествѣ чисто политическаго демократа. Рѣшительное вліяніе на его общественное міровоззрѣніе оказало чтеніе „Утопіи“ Томаса Мора. Онъ самъ признаётся въ своемъ глав-

номъ сочиненіи, что эта книга произвела на него весьма сильное впечатлѣніе. До того времени, по его словамъ, онъ не удосужился ближе познакомиться съ ученіемъ коммунистовъ и вполнѣ раздѣлялъ общее мнѣніе, что осуществить ихъ принципы невозможно. „Я долго, говорилъ онъ, размышлялъ объ этихъ принципахъ и, разсматривая различные общественные вопросы, пришелъ къ тому убѣжденію, что осуществить эту систему не только можно, но и легко“. Отъ Мора Кабе перешелъ къ другимъ писателямъ коммунистическаго направленія—къ Платону, Кампанеллѣ, Морелли и Мабли. Тогда же онъ познакомился съ сочиненіями современныхъ соціалистовъ.

Въ 1839 г. Кабе возвратился во Францію, а въ слѣдующемъ году издалъ знаменитое „Путешествіе въ Икарію, философскій и соціальный романъ“. На первомъ изданіи онъ не рѣшился поставить своего имени, боясь преслѣдованій со стороны правительства: сочиненіе было издано, какъ будто бы переводъ съ англійскаго. Тогда же и въ слѣдующіе годы Кабе издалъ еще нѣсколько книгъ и брошюръ, написанныхъ въ коммунистическомъ духѣ, и началъ издавать ежемѣсячный журналъ подъ старымъ названіемъ „Le Populaire“. „Путешествіе въ Икарію“ и вообще произведенія Кабе имѣли необычайный успѣхъ. Рабочіе въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ Франціи буквально зачитывались фантастическимъ романомъ, и цѣлые десятки тысячъ дѣлались послѣдователями Кабе. Одинъ изъ сторонниковъ „икаризма“ утверждаетъ даже, будто число лицъ, принявшихъ ученіе Кабе, дошло до 400.000 человѣкъ. „Икарійцы“ появились и въ другихъ странахъ, даже въ Америкѣ. Такой успѣхъ заставилъ Кабе подумать объ осуществленіи своей системы на практикѣ, для чего онъ вошелъ въ сношенія съ Оуеномъ. Ему удалось выхлопотать въ сѣв. Америкѣ милліонъ акровъ пустопорожней земли въ Техасѣ для основанія новой колоніи. Въ Парижѣ былъ основанъ особый икарійскій комитетъ, который долженъ былъ снаряжать и отправлять партіи колонистовъ. Число лицъ, выразившихъ желаніе переселиться въ Америку, было громадное. Вся пресса заговорила объ этомъ предпріятіи, и у него оказалось очень много благожелателей. Разумѣется, Кабе самъ стоялъ во главѣ всего дѣла, и отъ каждаго, желавшаго переселиться въ Америку, онъ бралъ подписку въ томъ, что его будутъ признавать безпрекословно за единственнаго главнаго распорядителя. Первая партія икарійцевъ отправилась въ дорогу 3 февраля 1848 года, всего на все за три недѣли до революціи, результатомъ которой было провозглашеніе во Франціи республики. Переворотъ этотъ былъ настоящею неожиданностью. Многіе изъ собиравшихся эмигрировать въ Америку стали говорить, что гораздо разумнѣе будетъ остаться на родинѣ, чтобы придать совершившейся

революціи соціальный характеръ и осуществить коммунистическую систему въ широкихъ размѣрахъ. Самъ Кабе раздѣлялъ такой же взглядъ. Тѣ, которые успѣли уѣхать, узнавъ о провозглашеніи республики, стали сожалѣть, что уѣхали. Притомъ на чужбинѣ переселенцамъ, почти исключительно городскимъ рабочимъ, нужно было заняться непривычнымъ для нихъ земледѣльческимъ трудомъ въ совершенно некультурной мѣстности, при крайне неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ. Икарійцы стали болѣть лихорадкою, нѣкоторые изъ нихъ умерли, поѣхавшій съ ними докторъ сошелъ съ ума. Грустныя вѣсти, приходившія изъ Америки, начали попадать въ печать, многіе эмигранты вернулись на родину и впослѣдствіи возбудили противъ Кабе процессъ, обвиняя его въ обманномъ присвоеніи себѣ ихъ денегъ. Между тѣмъ Кабе сначала оставался въ Парижѣ, все еще надѣясь на то, что совершившеюся революціей можно будетъ воспользоваться въ соціальныхъ цѣляхъ. Онъ уѣхалъ въ Америку только въ 1849 г., а въ его отсутствіе надъ нимъ состоялся судъ, приговорившій его къ тюремному заключенію на два года за мошенничество. Кабе рѣшился чрезъ нѣкоторое время возвратиться въ Парижъ для того, чтобы оправдать себя отъ взведеннаго на него обвиненія передъ общественнымъ мнѣніемъ и передъ апелляціоннымъ судомъ. Это ему вполнѣ удалось, къ нему вернулась его прежняя популярность, и онъ думалъ о томъ, чтобы играть видную роль, когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его судебнаго оправданія произошелъ государственный переворотъ 2-го декабря 1851 года, заставившій его снова покинуть отечество.

Въ концѣ концовъ, Кабе въ первую же свою поѣздку въ Америку все-таки успѣлъ устроить колонію. Въ штатѣ Иллинойсѣ, въ мѣстности, называемой Новоо, было небольшое поселеніе мормоновъ, которые, преслѣдуемые сосѣдями, оказались вынужденными оставить свое насиженное мѣсто, чтобы переселиться куда-нибудь, гдѣ никто не сталъ бы болѣе мѣшать имъ жить по своимъ уставамъ. Они продавали свои жилища, хозяйственныя постройки и поля, засѣянныя хлѣбомъ, за сравнительно очень дешевую цѣну. Кабе рѣшился купить это имущество и поселилъ въ Новоо около 280 техасскихъ эмигрантовъ. Съ самаго же начала въ новой колоніи начались раздоры, и многіе икарійцы стали посылать во Францію протесты противъ образа дѣйствій Кабе, стоявшаго во главѣ колоніи. Большинство, однако, продолжало держать его сторону, и къ прежнимъ колонистамъ присоединялись даже новые. Хозяйство здѣсь шло очень недурно, икарійцы благоденствовали, стали издавать свою газету и устроили небольшой театръ. Прикупались даже новыя земли. Но все это было непрочно. Для своей колоніи Кабе составилъ новую религію, далеко

не отличавшуюся терпимостью: католики, методисты и атеисты назывались безчестными или слѣпыми даже въ оффиціальномъ журналѣ колоніи; ихъ презирали, надъ ними смѣялись. Между тѣмъ число членовъ колоніи постепенно увеличивалось, и вновь прибывавшіе икарійцы очень часто не желали повиноваться установленнымъ порядкамъ, тѣмъ болѣе, что Кабе въ цѣляхъ моральной дисциплины вводилъ разныя тягостныя правила: разрѣшалъ мясную пищу только въ извѣстные дни, запрещалъ курить табакъ и т. п. Правда, Кабе отказался отъ своей диктатуры, передавъ власть народному собранію, но послѣднее, пока большинство было на сторонѣ Кабе, лишь санкціонировало волю основателя колоніи. Когда Кабе увидѣлъ, однако, что начинаетъ оставаться въ меньшинствѣ, онъ предложилъ икарійцамъ измѣнить прежнее устройство, дабы на будущее время власть принадлежала президенту, избираемому на четыре года. Это предложеніе, поддержанное значительнымъ большинствомъ, вызвало сильные раздоры, продолжавшіеся около цѣлаго года. Дѣло окончилось тѣмъ, что Кабе и около ста семидесяти икарійцевъ должны были покинуть Новоо. Онъ не могъ этого пережить и въ томъ же году (1856) умеръ. Оставшіеся ему вѣрными послѣдователи основали новую колонію, которая продолжала существовать до 1864 г. Старая община оказалась болѣе прочною, но, такъ сказать, постепенно таяла. Въ 1856 г. въ ней было до 300 человѣкъ, а въ концѣ семидесятыхъ (на новомъ уже мѣстѣ) лишь около 75.

Главное сочиненіе Кабе „Путешествіе въ Икарію“, которое онъ самъ назвалъ „философскимъ и соціальнымъ романомъ“, представляетъ изъ себя, съ одной стороны, заманчивую картину коммунистическаго строя общества, съ другой—попытку принципіальнаго обоснованія началъ коммунизма, но въ изложеніе введенъ и чисто романическій элементъ. Фабула этого произведенія заключается въ томъ, что нѣкій лордъ Керисдаль, котораго Кабе будто бы встрѣтилъ у Лафайета, совершилъ путешествіе въ новую, вполнѣ неизвѣстную страну Икарію, узнавши отъ Кабе о замѣчательныхъ порядкахъ, господствовавшихъ въ этой странѣ. Его путеводителемъ въ Икаріи сдѣлался одинъ изъ мѣстныхъ жителей, молодой студентъ Вальморъ, изучавшій философію и богословіе и тѣмъ приготовлявшій себя къ занятію священническаго сана. Лордъ Керисдаль основательно знакомится съ общественными порядками новой страны, а одинъ икарійскій ученый, Динаръ, разсказываетъ ему и предыдущую исторію своей родины. На самомъ дѣлѣ эта исторія Икаріи представляетъ собою не что иное, какъ повтореніе исторіи европейскихъ государствъ, начиная съ „великаго переселенія народовъ“: народъ былъ въ постоянномъ угнетеніи, время отъ времени дѣлалъ попытки свергнуть

съ себя тяготѣвшее надъ нимъ иго, но всегда былъ побѣждаемъ и подвергаемъ новому угнетенію, хотя нерѣдко мѣнялъ форму правленія, такъ какъ новые правители оказывались не лучше старыхъ, да и старые, случалось, снова возвращались къ власти. Въ 1782 г. народъ низвергъ послѣднихъ деспотовъ, но на этотъ разъ имѣлъ великое счастье найти въ лицѣ Икара такого диктатора, который дѣйствительно желалъ благоденствія и свободы своихъ соотечественниковъ. Въ честь этого диктатора жители и дали своей странѣ, вмѣсто прежняго ея имени, названіе Икарія. Любопытно, что періодъ времени, предшествовавшій этому перевороту, Кабе характеризуетъ нѣкоторыми чертами, въ которыхъ читатели его книги усматривали намеки на современную имъ эпоху іюльской монархіи. Интересно также, что переходъ къ новому общественному строю Кабе представлялъ себѣ, какъ результатъ революціи и установленія диктатуры, которая должна была дать государству новое устройство. Для характеристики соціальныхъ взглядовъ Кабе важно и то, что онъ разсказываетъ о самомъ Икарѣ. Этотъ необыкновенный человѣкъ, еще въ раннемъ дѣтствѣ начавшій посредствомъ чтенія просвѣщать свой умъ, вывелъ свою идею о всеобщемъ братствѣ между людьми первоначально изъ первыхъ словъ молитвы господней „Отче нашъ“. Сдѣлавшись священникомъ, онъ сталъ съ большимъ краснорѣчіемъ проповѣдовать идеи коммунизма, подкрѣпляя ихъ авторитетомъ заповѣдей Христа. Духовныя власти запретили ему проповѣдь; тогда Икаръ сталъ излагать свои идеи въ сочиненіяхъ, въ которыхъ между прочимъ доказывалъ, что Христосъ былъ самымъ смѣлымъ революціонеромъ, какой когда-либо появлялся на землѣ. Понятно, что и со стороны свѣтскихъ властей Икаръ долженъ былъ подвергнуться преслѣдованію и спасся отъ смертной казни лишь благодаря тому, что половина судей признала его совершенно невмѣняемымъ, какъ человѣка несомнѣнно сумасшедшаго. Смѣлаго реформатора оставили тогда въ покоѣ, а между тѣмъ около этого времени умеръ въ Остъ-Индіи страшно богатый дядя Икара, оставивъ своему племяннику громадное наслѣдство. Это позволило ему еще рѣшительнѣе работать для распространенія коммунистическихъ идей въ народѣ. Мало-по-малу онъ сдѣлался идоломъ послѣдняго, и когда чаша страданій народныхъ переполнилась, онъ первый подалъ сигналъ къ возстанію. Благодарный народъ далъ ему неограниченную власть надъ собою и довѣрилъ ему устроеніе своей будущей судьбы. Опять-таки для характеристики Кабе весьма важно, что, по его разсказу, Икаръ началъ свою реформу общества съ установленія новой религіи. Въ началѣ его правленія по его же иниціативѣ былъ созванъ соборъ изъ представителей священниковъ и профессоровъ, философовъ и моралистовъ, ученыхъ и

писателей: цѣлью этого собранія, продолжавшагося четыре года, была выработка новой религіи. Наиболѣе важные вопросы рѣшались этимъ соборомъ большею частью единогласно: такъ напримѣръ, въ утвердительномъ смыслѣ посредствомъ вставанія и сидѣнія былъ рѣшенъ вопросъ о существованіи Бога. Другіе вопросы рѣшались большинствомъ голосовъ, и такія рѣшенія тоже получали законную силу. Любопытно также, что и народомъ новая религія была принята совершенно единодушно. Далѣе, по представленію Кабе, общность имуществъ и полное равенство гражданъ были введены въ государствѣ не сразу: мудрый Икаръ нашелъ нужнымъ установить переходный періодъ въ пятьдесятъ лѣтъ, въ теченіе котораго современное устройство общества могло бы постепенно замѣниться устройствомъ коммунистическимъ, и въ годъ смерти Икара уже весьма значительная часть его соотечественниковъ устроилась на новыхъ началахъ. Лордъ Керисдаль посѣтилъ Икарію чрезъ три года по истеченіи переходныхъ пятидесяти лѣтъ и уже могъ наблюдать не только полное осуществленіе коммунистическихъ принциповъ, но и поразительные результаты устройства общества на этихъ началахъ: въ 1835 году Икарія была страной удивительно промышленнаго прогресса и небывалаго матеріальнаго благосостоянія народа.

Понятно, что самое главное въ книгѣ Кабе, это—изображеніе икарійскаго устройства. Верховная власть въ Икаріи принадлежитъ народу, который, однако, пользуется своими правами чрезъ представителей и ни подъ какимъ видомъ не соединяетъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ власти законодательной и исполнительной. Только конституція государства и самые важные законы должны одобряться непосредственно всѣмъ народомъ. Отдѣльныя провинціи и общины пользуются широкимъ самоуправленіемъ. Между гражданами господствуетъ полнѣйшее равенство. Таково устройство икарійскаго государства. Народное хозяйство икарійцевъ организовано строго коммунистически. Вся земля со всѣми минеральными богатствами, находящимися подъ ея поверхностью, и со всѣмъ тѣмъ, что́ находится надъ поверхностью, представляетъ собою единое владѣніе, принадлежащее всѣмъ сообща. Не только всѣ постройки, воздвигнутыя на икарійской территоріи, но и все движимое имущество, включая сюда какъ орудія производства, такъ и продукты добывающей и обрабатывающей промышленности, принадлежатъ сообща всѣмъ. Вмѣстѣ съ этимъ сообща происходитъ эксплуатація всѣхъ природныхъ богатствъ страны, и сообща же икарійцы пользуются всѣми получаемыми продуктами. Каждый икаріецъ имѣетъ отъ общества помѣщеніе съ мебелью, одежду и столъ, равно какъ отъ общества же каждый получаетъ одинаковое для всѣхъ элементарное образованіе и образо-

ваніе профессіональное по разнымъ спеціальностямъ. Чрезъ своихъ довѣренныхъ лицъ сама община заранѣе опредѣляетъ на цѣлый годъ, какіе предметы будутъ ей необходимы, и распредѣляетъ между отдѣльными гражданами, что̀ каждый изъ нихъ долженъ дѣлать. Съ этой точки зрѣнія каждый гражданинъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ національный рабочій,—мужчина отъ 18 до 65 лѣтъ, женщина отъ 18 до 50. Трудъ на пользу общины Кабе старается представить въ самомъ привлекательномъ видѣ, прибѣгая для этого къ предположенію, что наиболѣе тяжелыя, опасныя и непріятныя работы производятся самыми усовершенствованными машинами, и что всѣ виды труда пользуются одинаковымъ уваженіемъ въ обществѣ. Праздности и лѣности, пьянства и воровства у икарійцевъ не существуетъ. Рабочее время сокращается до семи и даже до шести часовъ въ сутки. Кабе весьма подробно и притомъ самыми заманчивыми чертами описываетъ устройство икарійскихъ мастерскихъ, ихъ изящество и роскошь, веселое настроеніе, господствующее между рабочими, даже красивые костюмы, въ которые одѣты работающія женщины и дѣвушки. Но участіе гражданъ въ общихъ работахъ весьма строго и до мельчайшихъ подробностей опредѣляется закономъ. Напримѣръ, законъ требуетъ, чтобы въ теченіе первыхъ двухъ часовъ всѣ работы производились молча, въ слѣдующіе два часа разрѣшалось разговаривать съ сосѣдями и только въ послѣдніе два часа дозволено было пѣть во время работы въ одиночку или хоромъ. Законами же въ Икаріи опредѣляются и разныя подробности обыденной жизни. Дома, а въ нихъ квартиры, предназначенныя для отдѣльныхъ семействъ, построены по одному плану, но эти семейства сами представляютъ изъ себя небольшія общины: женатые сыновья не отдѣляются отъ своихъ родителей и продолжаютъ жить вмѣстѣ. Община въ лицѣ своихъ ученыхъ установляетъ, какими веществами и въ какомъ количествѣ должны питаться граждане. Законъ опредѣляетъ даже, сколько разъ въ день, когда и гдѣ слѣдуетъ принимать пищу, сколько времени сидѣть за столомъ и даже какія кушанья въ какомъ порядкѣ ѣсть. Икарійцамъ предписывалась и общая религія, довольно неопредѣленная въ своихъ догматахъ и весьма вмѣстѣ съ тѣмъ близкая къ христіанской морали. Икаріецъ долженъ сдерживать свои страсти, и въ данномъ случаѣ къ нему на помощь могла прійти поддержка извнѣ—со стороны жреца или жрицы. Брачныя отношенія икарійцевъ Кабе рисуетъ вполнѣ въ согласіи съ христіанскимъ идеаломъ.

Свои картины икарійскаго быта Кабе постоянно сопровождаетъ краткими положеніями, въ которыхъ излагаетъ свои моральные и соціальные принципы, тутъ же ихъ разъясняя, когда это казалось ему нужнымъ, но въ большинствѣ случаевъ оставляя эти принципы

безъ теоретическаго обоснованія, т.-е. выставляя ихъ чисто догматически: его принципы, повидимому, казались ему нравственными и общественными истинами, не требующими доказательствъ, и внутреннею своею очевидностью способными проложить себѣ дорогу во всеобщее сознаніе. Исключеніе онъ дѣлаетъ только для основного своего принципа, да и то въ данномъ случаѣ особую силу онъ, повидимому, самъ полагалъ въ полемической части своихъ разсужденій о коммунизмѣ: такимъ характеромъ отличается именно эпизодъ, имѣющій своимъ содержаніемъ диспутъ между ученымъ икарійцемъ Динаромъ и однимъ иностранцемъ, посѣтившимъ Икарію, но вздумавшимъ доказывать преимущества частной собственности. Кабе прибѣгалъ къ разнымъ аргументамъ съ цѣлью обоснованія главнаго своего принципа относительно общности имуществъ, но едва ли не самое важное въ его глазахъ доказательство заключается въ томъ, что коммунистическая организація народнаго хозяйства, внося единство и планомѣрность въ экономическую жизнь, лучше всего можетъ утилизировать человѣческій трудъ съ наибольшею выгодой для общества. Другое соображеніе Кабе сводится къ тому, что природа создала человѣка существомъ общественнымъ и что поэтому человѣкъ долженъ жертвовать своей эгоистической свободой во имя общей пользы. Коммунизмъ принимаетъ у него характеръ единственно нравственнаго общественнаго устройства, поскольку имъ отрицается частная собственность, учрежденіе, питающее эгоизмъ, разрушающее любовь къ ближнему и вмѣстѣ съ тѣмъ являющееся источникомъ пороковъ и преступленій. Кабе кажется, что проектируемое имъ устройство одно способно осуществить истинную свободу. Ему достаточно, что икарійскіе законы издаются всѣмъ народомъ сообразно съ природою и разумомъ въ интересѣ самого же народа: такіе законы, думаетъ онъ, не могутъ исполняться иначе, какъ „всегда съ удовольствіемъ и съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости“. Настоящую индивидуальную свободу или, какъ выражается Кабе, „слѣпую страсть къ свободѣ“ онъ считаетъ „ошибкою, порокомъ и великимъ зломъ“. Вся жизнь икарійца строго регламентируется общиной. Въ заслугу коммунизма Кабе даже прямо ставитъ, что это общественное устройство влечетъ за собою исчезновеніе (fait disparaître) личнаго интереса, хотя и оговаривается при этомъ, что такое исчезновеніе личнаго интереса совершается ради сліянія его съ интересомъ общины.

Мы нарочно остановились нѣсколько подробнѣе на икарійскомъ движеніи, какъ на весьма характерномъ эпизодѣ французской общественной жизни временъ іюльской монархіи. Въ Икаріи французскій пролетаріатъ сталъ видѣть свой политическій и соціальный идеалъ,

и наиболѣе горячія головы вѣрили въ возможность его близкаго осуществленія. Коммунизмъ обѣщалъ ему равенство, и его послѣдователей не смущала общественная регламентація личной жизни, совершенно убивавшая индивидуальную свободу.

Одновременно съ Кабе выступилъ съ своимъ планомъ общественной реформы и Луи Бланъ, которому пришлось потомъ играть значительную роль въ исторіи революціи 1848 г. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ однимъ изъ видныхъ представителей демократической оппозиціи противъ іюльскаго режима и вождей французскаго соціализма.

Луи Бланъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которому не было еще двадцати лѣтъ, когда совершился іюльскій переворотъ. Получивъ среднее образованіе въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ Франціи, онъ очень молодымъ выступилъ на литературное поприще съ двумя стихотворными поэмами, а затѣмъ и съ политическими статьями. Въ 1834 г. онъ переѣхалъ въ Парижъ и здѣсь скоро началъ сотрудничать въ газетѣ „Le Bon Sens“. Статьи Луи Блана обратили на себя вниманіе, и Арманъ Каррель предложилъ ему также сотрудничать въ своей газетѣ „Le National“. Нѣсколько позднѣе и Годефруа Каваньякъ (Cavaignac), одинъ изъ вождей республиканской партіи [1]), пригласилъ его писать въ издававшейся имъ „Реформѣ“. Въ 1839 г. молодому публицисту удалось уже основать свой собственный органъ, которому онъ далъ названіе „La revue du progrès politique, social et littéraire“. Всѣ газеты, въ которыхъ ранѣе участвовалъ Луи Бланъ, принадлежали къ демократическому направленію, но господствующая въ нихъ точка зрѣнія была главнымъ образомъ политическая, хотя уже въ нихъ Луи Бланъ касался и чисто соціальныхъ отношеній. Наоборотъ, новая газета съ самаго начала сдѣлалась органомъ соціальной реформы. Въ ней впервые появилось и главное публицистическое произведеніе Луи Блана „Организація труда“ (1839), сразу выдвинувшее его впередъ, какъ провозвѣстника новаго общественнаго строя. Впослѣдствіи эта небольшая работа не разъ переиздавалась, подвергаясь при этомъ передѣлкамъ. „Организація труда“ имѣла громадный успѣхъ среди рабочихъ. Вскорѣ послѣ того Луи Бланъ издалъ другое сочиненіе бо̀льшихъ размѣровъ, которое произвело сильное впечатлѣніе и на буржуазію. Это была знаменитая „Исторія десяти лѣтъ“ (1830—1840), т.-е. первой половины парствованія Людовика-Филиппа [2]). Въ этомъ трудѣ Луи Блану удалось воспользо-

---

[1]) Онъ умеръ въ 1845; въ 1848 дѣйствовалъ его братъ Евгеній.

[2]) См. выше, стр. 99—101 и 111—112, гдѣ даются выписки изъ этого труда.

ваться весьма многими матеріалами, остававшимися до него совершенно неизвѣстными публикѣ. Характерно, что многое Луи Блану было сообщено ненавидѣвшими іюльскую монархію легитимистами, принимавшими его радушно въ своихъ салонахъ. Іюльское правительство подвергалось въ этой книгѣ весьма суровой и въ общемъ очень справедливой критикѣ. Въ самое короткое время книга выдержала нѣсколько изданій. Такой успѣхъ заставилъ Луи Блана приняться за крупный историческій трудъ уже по исторіи великой революціи. Первый томъ этой исторіи появился уже въ 1846 г., но оканчивать ее Луи Блану пришлось уже въ изгнаніи послѣ декабрьскаго переворота 1851 г. Занявшись историческими работами, Луи Бланъ вынужденъ былъ прекратить изданіе собственнаго органа, но продолжалъ участвовать въ газетѣ Каваньяка. Подъ его вліяніемъ эта газета приняла мало-по-малу опредѣленно соціалистическій характеръ. Между прочимъ въ началѣ 1848 г., когда было весьма сильное броженіе, подготовившее февральскую революцію, „La Réforme“ обнародовала свою политическую программу, въ которой, собственно говоря, повторялись основныя положенія „Организаціи труда“. Уже въ 1846 г. Луи Блану предлагали занять мѣсто въ палатѣ депутатовъ, но тогда онъ отклонилъ отъ себя кандидатуру. При той популярности, какою онъ пользовался въ рабочемъ классѣ, при томъ выдающемся положеніи, которое онъ занялъ въ республиканской партіи, онъ, конечно, не могъ остаться въ тѣни, когда вспыхнула февральская революція. Можно даже сказать, что своей „Исторіей десяти лѣтъ“ онъ сильно повредилъ іюльской монархіи, а другими своими сочиненіями до извѣстной степени опредѣлилъ общій характеръ и направленіе самой революціи, ожививъ якобинскую традицію и давъ соціальному движенію опредѣленную программу.

Въ исторіи соціальнаго движенія сороковыхъ годовъ Луи Блану по справедливости принадлежитъ видное мѣсто, ибо въ своихъ публицистическихъ и историческихъ сочиненіяхъ онъ выступилъ дѣйствительно съ опредѣленною идеей. Живя въ эпоху обострившейся классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ, въ своей „Исторіи десяти лѣтъ“ онъ взглянулъ на современность именно съ точки зрѣнія этой классовой борьбы, распространивъ такое толкованіе историческихъ событій и перемѣнъ и на предшествующія десятилѣтія XIX в. Та же самая мысль, какъ красная нить, проходитъ равнымъ образомъ черезъ всю его „Исторію французской революціи“. Луи Бланъ заявляетъ здѣсь себя горячимъ сторонникомъ якобинцевъ, какъ защитниковъ пролетаріата, провозвѣстниковъ принципа „братства“. Наоборотъ, къ жирондистамъ Луи Бланъ относится съ нескрываe-

мымъ несочувствіемъ: въ нихъ онъ видитъ представителей буржуазіи, защитниковъ существующаго общественнаго строя и людей, которые поставили на своемъ знамени „индивидуализмъ“. Опредѣляя свободу, какъ свободу для всѣхъ, какъ возможность для каждаго человѣка „развиваться по законамъ своей природы“, онъ въ то же время отождествляетъ ее съ властью. Свобода безъ власти есть пустой звукъ. Обезпечить за индивидуумомъ возможность развитія можетъ только государство, въ которомъ абстрактное понятіе свободы замѣняется реальнымъ явленіемъ власти. Изъ всѣхъ писателей XVIII в. Луи Блапъ выше всего ставитъ Руссо и изъ его политическихъ воззрѣній дѣлаетъ чисто соціальные выводы, чтобы въ духѣ этихъ выводовъ истолковать и всю политическую доктрину женевскаго гражданина. То же самое подчиненіе личности общественному цѣлому, которое характеризуетъ „Общественный договоръ“ Руссо, политическую программу якобинцевъ и воззрѣнія соціальныхъ реформаторовъ первыхъ десятилѣтій XIX в., мы встрѣчаемъ и въ ученіи Луи Блана. У своихъ непосредственныхъ предшественниковъ онъ заимствовалъ всю свою критику системы свободной конкурренціи съ ея laisser faire, laisser passer, какъ системы, основанной на частномъ интересѣ и приводящей на практикѣ лишь къ экономическому неустройству, къ крайне неравномѣрному распредѣленію матеріальнаго достатка и къ прямой нищетѣ наиболѣе трудящагося класса общества. Все зло, по Луи Блану, заключается въ индивидуализмѣ. Въ немъ онъ готовъ еще признать силу, которая въ свое время была призвана сокрушить господство „авторитета“, воплощавшагося въ католической церкви и абсолютной монархіи, но въ его глазахъ это—сила по существу своему противообщественная и противонравственная. Индивидуализмъ есть жизненный принципъ буржуазіи, индустріализмъ, чисто матеріальный взглядъ на жизнь, есть настоящая религія буржуазіи. Современный порядокъ вещей не только заставляетъ бѣдствовать народныя массы, но и искажаетъ душу народа. Принципъ индивидуализма долженъ уступить мѣсто принципу братства, провозвѣстниками котораго Луи Блапъ считаетъ сектантовъ временъ реформаціи, а въ XVIII в.— Руссо и якобинцевъ. Въ принципѣ онъ, конечно, признаётъ духъ изслѣдованія, — этотъ дѣйствительный первоисточникъ развитого индивидуализма, — но на практикѣ онъ не одобряетъ „вторженій и отклоненій“ этого духа. Все міросозерцаніе Луи Блана проникнуто своего рода моральнымъ идеализмомъ, принимающимъ чисто религіозный характеръ. „Когда мы требуемъ,—говоритъ онъ,—чтобы за всѣми было гарантировано право жить посредствомъ труда, мы привѣтствуемъ Творца въ его твореніи“.

Таковы основныя воззрѣнія Луи Блана [1]). Каждый имѣетъ право на трудъ, и для того, чтобы это право осуществлялось въ дѣйствительности, необходимо возложить на общество обязанность организовать трудъ въ соотвѣтствіи съ такимъ требованіемъ. Въ разсмотрѣніи этого вопроса и заключается все содержаніе „Организаціи труда“ Луи Блана. Уже изъ того, какое важное значеніе принадлежало „праву на трудъ“ въ революціи 1848 г., можно заключить о широкомъ распространеніи и глубокомъ вліяніи идей Луи Блана во французскомъ обществѣ сороковыхъ годовъ. Созданный имъ планъ соціальной реформы былъ удобопонятенъ, казался простымъ и легко осуществимымъ. Государство должно было посредствомъ большого національнаго займа образовать денежный фондъ, при помощи котораго для главныхъ отраслей промышленности были бы основаны такъ называемыя „общественныя мастерскія“ (ateliers sociaux). Для работы въ этихъ мастерскихъ должны были быть допущены рабочіе, стоящіе на извѣстномъ нравственномъ уровнѣ, и всѣ они за свой трудъ получали бы совершенно одинаковую плату. На первыхъ порахъ внутренніе распорядки въ такихъ мастерскихъ были бы установлены самимъ правительствомъ; оно же назначило бы и руководителей для совершающихся въ нихъ работъ, но по истеченіи перваго года слѣдовало бы самимъ рабочимъ предоставить право выбирать своихъ начальниковъ. Главная задача такихъ учрежденій, по представленію Луи Блана, заключалась въ томъ, чтобы нанести ударъ всѣмъ частнымъ промышленнымъ предпріятіямъ. Будучи принципіальнымъ врагомъ свободной конкурренціи, онъ думалъ воспользоваться этою самою конкурренціей для того, чтобы сдѣлать ее въ будущемъ совершенно невозможною. Частныя промышленныя предпріятія должны были постепенно исчезнуть, и вся промышленность имѣла бы тогда строго соціальную организацію Соціальныя мастерскія одной и той же спеціальности могли бы уживаться между собою совершенно мирно. Прежнюю конкурренцію замѣнило бы теперь совпаденіе усилій. Въ концѣ концовъ, явилась бы и солидарность между различными отраслями промышленности. Важное подспорье для проведенія своего плана на практикѣ Луи Бланъ видѣлъ въ обязательномъ и даровомъ народномъ образованіи: оно имѣло бы своею цѣлью воспитывать въ подростающихъ поколѣніяхъ идеи, чувства и наклонности, какихъ долженъ требовать отъ людей новый общественный строй. Вообще по этой теоріи государство должно было не только создать новый порядокъ вещей, но и руководить общественною дѣятельностью. Луи

[1]) Съ его взглядами на исторію революціи мы познакомимся подробнѣе еще въ слѣдующей главѣ.

Бланъ самъ называетъ государство „высшимъ регуляторомъ производства“ и говоритъ, что его вмѣшательство необходимо вездѣ, гдѣ только нужно „поддерживать равновѣсіе между правами и обезпечивать интересы“. На государство же онъ возлагаетъ и обязанность „ставить всѣхъ гражданъ въ одинаковыя условія нравственнаго, умственнаго и физическаго развитія“. Конечно, оговаривается онъ, тамъ, гдѣ власть на одной сторонѣ, а народъ на другой, государство необходимо дѣлается тираническимъ; но будучи организовано демократически, государство есть только самъ народъ, ведущій собственныя свои дѣла чрезъ своихъ уполномоченныхъ, т.-е. у государства не можетъ быть интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ народа. Такое государство, прибавляетъ Луи Бланъ, не можетъ быть господиномъ: оно можетъ быть только слугою или защитникомъ неопытныхъ, слабыхъ, несчастныхъ. Но чтобы государство могло выполнять свое назначеніе, Луи Бланъ считалъ нужнымъ дать ему бо́льшую силу, иначе — возстановить въ его пользу принципъ авторитета. Съ этой точки зрѣнія онъ даже нападалъ въ „Исторіи десяти лѣтъ“ на либераловъ эпохи реставраціи за то, что они ослабляли власть, и высказывалъ сочувствіе сенъ-симонистамъ, которые, наоборотъ, работали въ пользу усиленія общественнаго авторитета. Тѣмъ не менѣе Луи Бланъ хотѣлъ сохранить за меньшинствомъ извѣстную свободу отъ тираніи большинства. Ему не хотѣлось доводить свой соціализмъ до крайности, и въ его сочиненіяхъ встрѣчаются прямыя заявленія противъ коммунизма. Проповѣдь абсолютнаго равенства онъ прямо называлъ безсмыслицей. По его мнѣнію, въ обществѣ распредѣленіе благъ должно совершаться даже не по той формулѣ, которую провозгласили сенъ-симонисты [1]). „Каждому по его способностямъ, каждому по его нуждамъ“,—вотъ собственный принципъ Луи Блана, выраженный имъ, кромѣ того, и въ слѣдующей формулѣ: „долгъ соразмѣрно съ способностями и силами, право соразмѣрно съ нуждами“. Такое, какъ онъ выражается, „справедливое равенство“ уже осуществляется въ семейной жизни: каждый членъ семейства работаетъ и своимъ трудомъ содѣйствуетъ общему благополучію по мѣрѣ своихъ силъ, но когда всѣ садятся за столъ, тотъ, кто болѣе голоденъ, и ѣстъ больше, не встрѣчая никакого препятствія со стороны другихъ. Всѣ требованія соціализма Луи Бланъ сводитъ къ тому, чтобы общество было организовано, какъ семья.

Первые французскіе соціалисты стояли въ самой рѣзкой оппозиціи ученіямъ современной имъ экономической науки. Въ лицѣ Луи

---

[1]) „Каждому по его способности, каждой способности по ея дѣламъ“. См. т. IV, стр. 645.

Блана уже начинается сближеніе между основными понятіями, выработанными политическою экономіей, съ одной стороны, и тѣми практическими идеями, которыя характеризуютъ соціализмъ, съ другой [1]). Можно сказать, что въ этомъ отношеніи Луи Бланъ подготовлялъ Маркса, выступившаго нѣсколько позднѣе. Предшественники Луи Блана нерѣдко обнаруживали непониманіе той важной роли, которую играетъ капиталъ въ экономической жизни. Мало того: въ капиталѣ, въ богатствѣ они даже готовы были видѣть источникъ всѣхъ общественныхъ золъ. Подобно, впрочемъ, самимъ экономистамъ, они смѣшивали капиталъ съ капиталистами. Луи Бланъ сумѣлъ отдѣлить одно отъ другого. По его мнѣнію, капиталъ представляетъ изъ себя силу великую и полезную, и весь вопросъ заключается лишь въ томъ, въ чьихъ рукахъ должна находиться эта сила. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ того, чтобы этою силою распоряжались отдѣльныя лица, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хочетъ, чтобы капиталъ находился и въ обладаніи отдѣльныхъ рабочихъ ассоціацій: вѣдь и между послѣдними возможна конкурренція, а потому необходимо, чтобы капиталомъ распоряжалась единая всеобщая ассоціація, которая сама завѣдовала бы всѣмъ производствомъ. Возлагая такую задачу на государство, Луи Бланъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужнымъ, чтобы въ своей дѣятельности общественная власть руководилась указаніями строгой науки. Быть можетъ, это и представляетъ собою наиболѣе оригинальную черту въ міросозерцаніи Луи Блана, и въ данномъ отношеніи онъ очень близко подходилъ къ Ог. Конту. Ходъ человѣческихъ дѣлъ весьма часто зависитъ отъ случая, но этого быть не должно, т.-е. человѣческія дѣла должны управляться наукою. При системѣ свободной конкурренціи цѣны на продукты устанавливаются безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ нуждамъ общества, но въ той организаціи, которую предлагалъ Луи Бланъ, все должно было регулироваться предусмотрительностью государства. Лишь подъ этимъ условіемъ онъ считалъ возможнымъ избавиться отъ тиранніи, болѣе тяжелой, чѣмъ тиранніи Тиберія и Нерона, отъ тиранніи вещей". Поэтому въ наукѣ онъ видѣлъ великую силу, при помощи которой человѣкъ въ состояніи передѣлать самое общество сообразно съ своимъ идеаломъ. Для него, правда, общество уже не является предметомъ человѣческаго искусства, какъ то думали политическіе писатели XVIII вѣка, но зато онъ готовъ признать, что общество есть произведеніе человѣческой науки. Хотя

[1]) Нужно, впрочемъ, оговориться, что во время написанія „Организаціи труда" онъ былъ еще далекъ отъ знакомства съ политической экономіей. Въ 1846 г. Прудонъ писалъ: „говорятъ, что г. Луи Бланъ принялся серьезно изучать политическую экономію".

нѣкоторыми сторонами этого ученія Луи Бланъ сильно еще напоминаетъ утопическій соціализмъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, но своимъ стремленіемъ обосновать общественную реформу на данныхъ одной науки онъ, такъ сказать, уже расчищалъ путь передъ тѣмъ направленіемъ, которое впослѣдствіи дало себѣ имя научнаго соціализма.

Совершенно особое мѣсто среди французскихъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ занимаетъ Пьеръ-Жозефъ Прудонъ. Родившись (1809) въ бѣдной рабочей семьѣ, онъ до двѣнадцатилѣтняго возраста жилъ въ деревнѣ, пасъ коровъ и помогалъ въ полевыхъ работахъ. Когда онъ поступилъ въ школу, то по бѣдности долженъ былъ, не имѣя учебниковъ, собственноручно переписывать заданные уроки. Въ школу являлся онъ безъ шапки и въ деревянныхъ башмакахъ, которые долженъ былъ оставлять за дверьми. Впослѣдствіи мы видимъ Прудона наборщикомъ и корректоромъ въ типографіи. Ему было тогда девятнадцать лѣтъ, т.-е. та пора жизни, когда впервые съ особою силою начинаютъ проявлять себя у людей, сколько-нибудь одаренныхъ, умственные интересы. Въ той типографіи, гдѣ онъ работалъ, печаталась библія и другія книги теологическаго содержанія. Молодой корректоръ съ большимъ интересомъ читалъ все, что ни попадалось подъ руки. Онъ самъ даже сталъ пописывать, и первымъ его трудомъ былъ „Опытъ всеобщей грамматики“, благодаря которому онъ получилъ отъ академіи своего родного города, Безансона, на три года стипендію по 500 франковъ въ годъ. Имѣя отъ роду тридцать лѣтъ, онъ переѣхалъ на жительство въ Парижъ, чтобы серьезно заняться своимъ образованіемъ. Средства его были крайне незначительны, тѣмъ болѣе, что получаемой стипендіею онъ долженъ былъ дѣлиться съ родными. Душевное его настроеніе было тоже неважное. Но въ концѣ концовъ онъ вѣрилъ въ свое будущее, въ свои силы. Уже въ 1840 г. онъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей, что занимается новымъ методомъ изслѣдованія соціальныхъ и психологическихъ вопросовъ, сравнивая его съ методомъ, созданнымъ геометрами для рѣшенія математическихъ вопросовъ. Ему казалось даже, что ни по существу дѣла, ни по формѣ ничего подобнаго раньше его не было высказываемо. Изъ общественныхъ вопросовъ въ это время его особенно интересовалъ вопросъ о собственности. „Въ борьбѣ на жизнь и на смерть, писалъ онъ, я долженъ убить неравенство и собственность; или я совершенно ослѣпленъ, или она уже никогда не поднимется отъ удара, который ей скоро будетъ нанесенъ“. Въ томъ же 1840 г. въ Безансонѣ появился его первый мемуаръ „О собственности“ (Qu'est ce qu'est la propriété?). Но это сочиненіе прошло едва замѣченнымъ въ большой публикѣ, хотя авторъ изъ-за него чуть было не лишился своей

стипендіи. Уже здѣсь вполнѣ проявился чисто критическій духъ общественной философіи Прудона. Онъ самъ говорилъ впослѣдствіи, что его правило было доводить каждый принципъ до послѣднихъ его результатовъ: если въ немъ обнаружится при этомъ внутреннее противорѣчіе, то слѣдуетъ признать этотъ принципъ за совершенно невѣрный и неимѣющій никакого значенія, а потому, прибавлялъ онъ, и каждое учрежденіе, которое основывается на такомъ принципѣ, не можетъ считаться истиннымъ. Съ этой точки зрѣнія за единственно правильную основу собственности онъ признавалъ трудъ. Съ той же точки зрѣнія онъ подвергъ критикѣ и идею правительства, поставивъ на ея мѣсто „ан—архію“ въ смыслѣ отсутствія всякаго правительства, или въ видѣ противоположности всякой формѣ правленія—республикѣ и демократіи, монархіи и конституціи, аристократіи и смѣшанному правленію. Первый свой мемуаръ о собственности Прудонъ представилъ въ Академію моральныхъ и политическихъ наукъ, и она поручила разсмотрѣть эту работу Бланки. Такъ какъ послѣдній, отнесшись въ общемъ весьма благопріятно къ сочиненію начинающаго писателя, замѣтилъ, однако, что судить о собственности нужно не съ философской, а съ общественной точки зрѣнія. и что идея собственности получаетъ все большее и большее признаніе въ обществѣ, то Прудонъ написалъ второй мемуаръ, гдѣ проводилъ, наоборотъ, ту мысль, что собственность вмѣстѣ съ религіей и властью стремятся скорѣе къ упадку. Вскорѣ за вторымъ мемуаромъ послѣдовалъ третій, вызванный отчасти нападеніемъ на его идеи со стороны одного фурьериста. Въ этомъ новомъ сочиненіи Прудонъ очень рѣзко напалъ на фурьеризмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ ожесточеніемъ говорилъ о собственности и собственникахъ, что навлекъ на себя уголовное преслѣдованіе. Присяжные, однако, оправдали смѣлаго автора. Въ 1843 г. Прудонъ издалъ новое сочиненіе „О созданіи порядка въ человѣчествѣ или принципы человѣческой организаціи“. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что этотъ трудъ составитъ эпоху въ общественной наукѣ, но ожиданіе его не оправдалось. Въ новой книгѣ онъ проводилъ ту мысль, что время религіи и философіи проходитъ, что будущее принадлежитъ знанію,—мысль, которая сильно напоминаетъ намъ знаменитую формулу О. Конта о трехъ фазисахъ развитія. На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, методъ, которымъ пользовался Прудонъ, былъ чисто метафизическимъ, и въ діалектикѣ онъ даже видѣлъ единственное средство, ведущее къ истинѣ. Какъ у Гегеля, его мысль движется по формулѣ: тезисъ, антитезисъ и синтезисъ.

Занимаясь экономическими вопросами, Прудонъ около этого времени сталъ все болѣе и болѣе чувствовать недостаточность тогдашней оффиціальной политической экономіи и началъ сближаться съ соціали-

стами, все болѣе и болѣе подчиняясь ихъ вліянію. Въ 1844 г. онъ познакомился съ Карломъ Марксомъ, который посвятилъ его въ философію Гегеля. Въ томъ же самомъ 1844 г. Прудонъ писалъ одному изъ своихъ друзей, что соціализмъ долженъ получить научную основу, и что лишь на этой основѣ онъ овладѣетъ обществомъ и съ несокрушимою силою поведетъ его по новой дорогѣ. Свою историческую миссію Прудонъ даже прямо сталъ видѣть въ томъ, чтобы поставить соціализмъ на научную почву, выяснить ему его собственную сущность, которой онъ пока не понимаетъ, называя себя коммунизмомъ. Эту задачу и должно было выполнить новое сочиненіе Прудона, вышедшее въ свѣтъ въ 1846 г. подъ заглавіемъ „Система экономическихъ противорѣчій, или философія нищеты“. На этомъ трудѣ уже сильно отразилось формальное вліяніе философіи Гегеля, но общій тонъ былъ чисто отрицательный. Суть его разсужденій заключается въ томъ, что въ каждой экономической категоріи онъ различаетъ хорошую и дурную сторону. Хорошія стороны современнаго экономическаго строя выяснены экономистами, дурныя—соціалистами, Прудонъ же ищетъ такого синтеза, который, удерживая хорошія стороны, устранялъ бы дурныя. Между прочимъ, въ этомъ сочиненіи онъ весьма рѣзко критиковалъ и осмѣивалъ вѣру соціалистовъ во всеобщее братство, нападалъ на коммунизмъ Кабе, сильно бранилъ „Организацію труда“ Луи Блана. „Коммунизмъ не что иное, какъ каррикатура собственности“, заявляетъ, напримѣръ, Прудонъ въ этой книгѣ. Коммунисты—устрицы, прикрѣпленныя одна около другой, безъ дѣятельности и чувства на скалѣ братства“.—„Едва ли, говоритъ онъ еще, всякій знаетъ всю массу тупоумія и безстыдства, которую заключаетъ въ себѣ фаланстеріанская система... Фаланстеръ—послѣдній сонъ допившагося до бреда забулдыги... Соціализмъ—простая логомахія. Онъ и логикъ плохой, и безстыдный шарлатанъ... Луи Бланъ такъ же недалекъ въ логикѣ, какъ и въ политической экономіи, и объ обѣихъ онъ разсуждаетъ, какъ слѣпой о цвѣтахъ“. Понятно, почему Леру назвалъ Прудона „l'enfant terrible du socialisme“. Впослѣдствіи самъ Прудонъ говорилъ, что все, имъ напечатанное съ 1839 по 1852 г., было только простымъ споромъ. Несмотря, однако, на то, что ему удалось заставить о себѣ говорить, онъ не пользовался рѣшительно никакимъ политическимъ значеніемъ, когда вспыхнула революція 1848 г.

Общее значеніе Прудона заключается въ его критикѣ собственности. Правда, его знаменитое изреченіе о собственности, какъ кражѣ (la propriété, c'est le vol) не было вполнѣ оригинальнымъ, и въ данномъ отношеніи онъ имѣлъ предшественника въ лицѣ Бриссо [1]),

[1]) См. т. III, стр. 151.

но никто изъ соціалистическихъ его предшественниковъ, нападавшихъ на отдѣльныя стороны собственности и связанныя съ ними явленія, какова фабричная система, деньги, свободная конкурренція, въ своей критикѣ не касался собственности, какъ таковой. Если экономисты защищали собственность, исходя изъ разсмотрѣнія богатства, ею производимаго, то Прудонъ, наоборотъ, сдѣлалъ своею темою производимыя ею бѣдствія.

„Организація труда“ Луи Блана, „Путешествіе въ Икарію“ Кабе и „Что такое собственность?“ Прудона вышли одновременно (1839—1840 г.). Какъ ни различны были между собою ихъ ученія, въ одномъ они сходились—въ отрицаніи современнаго экономическаго строя, въ исканіи другого, лучшаго, но уже безъ мистическихъ стремленій, характеризующихъ сенъ-симонистовъ, Бюшеза и Леру.

XIV. Идеи и настроеніе французской демократіи временъ іюльской монархіи [1]).

Распространеніе республиканскихъ стремленій во французскомъ обществѣ.—Республиканская программа 1830 г.—Политическія идеи, господствовавшія въ тайныхъ обществахъ.—Возрожденіе бабувизма.—Возрожденіе якобинской традиціи въ исторіографіи французской революціи (Бюшезъ и Луи Бланъ).—Антиякобинскіе историки французской революціи (Ламартинъ и Мишле).—Вѣра въ непосредственную правду народа.—Демократическая проповѣдь Ламенэ.—Отраженіе общественнаго движенія на изящной литературѣ.—Соціальный романъ и тенденціозная драма.

Въ то самое время, какъ господствующее меньшинство французской націи, вполнѣ довольное установившимся режимомъ, держалось за конституціонную монархію и орлеанскую династію, въ другихъ общественныхъ классахъ все сильнѣе и сильнѣе распростра-

---

[1]) Кромѣ литературы, указанной въ двухъ предыдущихъ главахъ, см. еще *P. Janet.* Philosophie de la révolution française (краткій обзоръ исторіографіи французской революціи). — *Corréard.* Michelet, la vie, les oeuvres. 1886.—*Jules Simon.* Mignet, Michelet, Henri Martin. 1889.—*G. Monod* Jules Michelet. 1876. *Его же* Renan, Taine, Michelet (послѣдній очеркъ былъ переведенъ въ „Рус. Мысли“ за 1895 г.; въ этомъ же журналѣ была въ 1886 г. переведена и статья Тэна о Мишле). О немъ же статья проф. *В. И. Герье* въ „Вѣст. Евр.“ за 1896 г. („Народникъ во французской исторіографіи“).—*Н. К. Михайловскій.* Философія исторіи Луи Блана (Сочиненія. 1897, т. III).—О Ламартинѣ соч. *Ch. de Pomerols* (1889), *Deschanel* (1893) и др. О Ламеннэ: *P. Janet.* La philosophie de Lamennais. 1890. — *Roussel.* Lamennais d'après des documents inédits. 1892.—*Spuller.* Lamennais. 1893 и др. О соціальномъ романѣ см. въ исторіяхъ французской литературы, указанныхъ въ др. мѣстахъ. Спе-

лись республиканскія стремленія. Среди самой буржуазіи мало-по-малу образовалась оппозиція противъ финансовой аристократіи, сдѣлавшейся господжею положенія и не всегда удовлетворявшей желаніямъ промышленнаго класса. Одна часть недовольныхъ, оставаясь вѣрною іюльскому трону, думала только о томъ, чтобы посредствомъ реформы выборовъ лишить финансовую аристократію ея привилегированнаго положенія, тогда какъ другая часть склонялась къ республикѣ, полагая, что эта политическая форма лучше обезпечитъ интересы господствующаго класса, взятаго въ его цѣломъ. Эта часть болѣе зажиточной буржуазіи цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней сливалась съ мелкой буржуазіей, состоявшей изъ ремесленниковъ, торговцевъ и т. п. Въ ней также распространялись республиканскія идеи, и, отдѣляя себя отъ буржуазіи, обладавшей цензомъ, причисляя себя къ „народу“ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, она до извѣстной степени вмѣстѣ съ нимъ и выступала подъ однимъ знаменемъ въ тѣхъ республиканскихъ демонстраціяхъ и попыткахъ возстанія, которыя дѣлались въ первую половину царствованія Людовика-Филиппа. Такимъ образомъ республиканская идея объединяла нѣкоторыя части буржуазіи и народа, въ послѣднемъ—и торговцевъ, и ремесленниковъ, и фабричныхъ рабочихъ. Но между наиболѣе отдаленными въ классовомъ отношеніи разрядами республиканцевъ существовало громадное различіе въ пониманіи соціальныхъ отношеній. Республиканцы изъ буржуазіи были противниками соціализма; наоборотъ, въ пролетаріатѣ все болѣе распространялась мысль, что республика безъ коренного измѣненія соціальнаго строя не будетъ имѣть никакого смысла. Между этими воззрѣніями, представлявшими два полюса республиканской идеи, были еще мнѣнія, такъ сказать, переходнаго характера, болѣе демократическія, чѣмъ мнѣнія буржуазныхъ республиканцевъ, и не столь рѣшительно соціалистическія, какъ тѣ, которыя начинали получать перевѣсъ среди рабочихъ.

Республиканская партія зародилась во Франціи еще до іюльской революціи [1]), а въ 1830 г. даже думала воспользоваться народнымъ возстаніемъ для того, чтобы провозгласить республику [2]). Ей это не удалось, но тогда же она формулировала свою программу въ зна-

---

ціально о Жоржъ Зандъ см. *А. Скабичевскій.* Французскіе романтики (ч. II. Жоржъ Зандъ).—*И. Анненская.* Жоржъ Зандъ.—*Caro* въ изд. Les grands écrivains français и *его же* Georges Sand. Histoire de ses oeuvres. 1887. Весьма важнымъ пособіемъ для исторіи разныхъ идей во Франціи является книга *Julian Schmidt.* Geschichte der französischen Litteratur (1874, томъ II), указанная въ IV т., стр. 245.

[1]) См. т. IV, стр. 423 и др.

[2]) См. выше, стр. 45—46.

менитой прокламаціи, которая и была принята такъ называемой муниципальной коммиссіей [1]). Вотъ эта прокламація цѣликомъ:

„Франція свободна.—Она желаетъ конституціи.—Временному правительству она предоставляетъ право лишь обратиться къ ней за ея рѣшеніемъ.—Пока она не выразила своей воли посредствомъ новыхъ выборовъ, должны уважаться слѣдующіе принципы: королевская власть отмѣняется; правительственная власть должна находиться въ рукахъ однихъ выборныхъ уполномоченныхъ націи; исполнительная власть ввѣряется временному президенту: всѣ граждане посредственно или непосредственно участвуютъ въ избраніи депутатовъ; религіозные культы свободны, и государственный культъ отмѣняется; должности въ арміи и флотѣ гарантируются противъ произвольныхъ отставокъ; національная гвардія учреждается во всѣхъ мѣстностяхъ Франціи, и ей ввѣряется охрана конституціи.—Эти принципы, во имя которыхъ мы только-что подвергали опасности свою жизнь, мы готовы въ случаѣ надобности защищать посредствомъ законнаго возстанія (insurrection légale)".

Приводя этотъ документъ въ своей „Исторіи десяти лѣтъ", Луи Бланъ замѣчаетъ, что прокламація муниципальной коммиссіи „наиболѣе точнымъ образомъ опредѣляетъ границу, далѣе которой въ 1830 г. не шли самые смѣлые умы, если только исключить нѣсколькихъ немногочисленныхъ учениковъ С.-Симона". Указавъ еще на то, что программа совершенно не затрогивала соціальныхъ вопросовъ, онъ прибавляетъ, что подобные вопросы „были слишкомъ высоки для эпохи", и что „должна была разразиться не одна гроза для того, чтобы стали думать о ихъ разрѣшеніи". Мало того: по словамъ Луи Блана, „въ 1830 г. даже и не думали ставить эти вопросы". Такимъ образомъ республиканская партія, выступившая въ эпоху іюльской революціи, имѣла исключительно политическій характеръ. Если что и дѣлало эту программу популярною въ народной массѣ, т.-е. главнымъ образомъ среди низшихъ слоевъ городского населенія, такъ это ясность и относительная новизна этой программы. Во всякомъ случаѣ впослѣдствіи на эту программу, получившую названіе программы ратуши, постоянно ссылались недовольные іюльской монархіей.

Попытки республиканскихъ возстаній, дѣлавшіяся во Франціи въ первые годы іюльской монархіи, имѣли своею цѣлью установленіе именно такого режима, какой заключался въ принципахъ указанной программы, но съ теченіемъ времени демократическая программа начинала все болѣе и болѣе осложняться требованіями соціальнаго характера. Осуществить свои политическіе планы французскіе рес-

[1]) См. выше, стр. 46.

публиканцы тридцатыхъ годовъ думали посредствомъ вооруженнаго возстанія въ Парижѣ. Съ этою цѣлью они организовались въ тридцатыхъ годахъ въ тайныя общества, вербовавшія своихъ членовъ преимущественно среди учащейся молодежи и рабочихъ. Предыдущая исторія Франціи указывала на то, что стоило только овладѣть Парижемъ, и вся страна безпрекословно принимала новый порядокъ вещей. Вотъ почему члены тайныхъ республиканскихъ обществъ вѣрили въ легкость завоеванія власти для утвержденія во всей Франціи республики. Ихъ не мало воодушевлялъ примѣръ конвента, управлявшаго всею Франціей при поддержкѣ столичнаго населенія, и сама республика понималась ими въ духѣ принциповъ 1793 г. и якобинской диктатуры. Мы еще подробнѣе остановимся на разсмотрѣніи этого любопытнаго явленія—возрожденія во французскомъ обществѣ якобинской традиціи и даже идеализаціи якобинскаго режима съ новыхъ точекъ зрѣнія, выработанныхъ только общественными условіями середины XIX в.—Въ другомъ мѣстѣ мы уже разсматривали исторію республиканскихъ возстаній, тайныхъ обществъ, которыя ими руководили, и репрессивныхъ мѣръ, предпринимавшихся правительствомъ противъ республиканской агитаціи [1]). Для нашей цѣли теперь особенно важно познакомиться съ тѣми идеями, какія были въ ходу среди французскихъ республиканцевъ. Самое интересное въ этомъ предметѣ—распаденіе французскихъ демократовъ на политическихъ и соціальныхъ революціонеровъ. И тѣ, и другіе сходились между собою въ томъ, что во Франціи должна быть возстановлена республика со всеобщей подачей голосовъ и даже съ конституціей 1793 года, какъ наилучшимъ государственнымъ устройствомъ. „Общество правъ человѣка“ даже приняло за свою программу якобинскую декларацію правъ человѣка и гражданина [2]). Но именно по вопросу объ этой декларациі и произошли первыя несогласія среди вождей республиканской партіи. Сторонники чисто политической революціи вполнѣ довольствовались декларацією правъ, принятой въ 1793 г. конвентомъ. Но тѣ члены, которые думали, что будущая революція должна произвести перемѣны не только въ устройствѣ государства, но и въ общественномъ строѣ, предпочитали принять редакцію декларациі, проектированную въ 1793 году Робеспьеромъ. Въ этой послѣдней, между прочимъ, былъ такой параграфъ: „Собственность [3]) состоитъ въ правѣ каждаго гражданина пользоваться и располагать по своему усмотрѣнію тою частью имуществъ, которая

[1]) См. выше, стр. 131 и слѣд.

[2]) См. т. III, стр. 615—616.

[3]) Объ этихъ двухъ различныхъ взглядахъ на право собственности см. т. II, стр. 611 и 614 (теоріи Гоббза и Локка).

обезпечивается за нимъ закономъ". Этимъ параграфомъ собственность признавалась не за одно изъ естественныхъ правъ человѣка, а за созданіе государственнаго закона, который потому можетъ и измѣнять самое право собственности. Якобинская декларація 1793 г. стояла именно на той точкѣ зрѣнія, что собственность относится къ числу естественныхъ правъ человѣка и заключается въ произвольномъ пользованіи и распоряженіи имуществомъ, вслѣдствіе чего „никто не можетъ быть лишенъ хотя бы малѣйшей части своего имущества безъ собственнаго на то согласія" (за исключеніемъ случаевъ законнаго отчужденія на общественныя нужды подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія) [1]). Когда часть членовъ общества, руководимая Годефруа Каваньякомъ, приняла взглядъ на собственность, выраженный Робеспьеромъ, противъ этого протестовалъ Арманъ Каррель, къ которому присоединились и многіе другіе республиканцы. Это раздѣленіе съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе обострялось. Сторонники соціальныхъ перемѣнъ постоянно высказывали свое недовольство исключительно политическими стремленіями демократовъ, полагавшихъ, что весь вопросъ въ перемѣнѣ правительственной формы. Напримѣръ, въ рѣчи одного изъ членовъ „Общества правъ человѣка" было сказано слѣдующее: „Вотъ о чемъ у насъ говорятъ: долой всѣ привилегіи, даже привилегіи рожденія! долой монополію богатствъ! долой эксплуатацію человѣка человѣкомъ! долой соціальныя неравенства! Вотъ что насъ занимаетъ, и о чемъ печать совсѣмъ не говоритъ. Вообще она хлопочетъ только о политической перемѣнѣ. Между тѣмъ самыя великія революціи—не политическіе перевороты: если онѣ не сопровождаются переворотами соціальными, изъ нихъ ничего или почти ничего не выходитъ... Пусть промышленность освободится отъ закона рабочей платы,—закона произвольнаго и тиранническаго,—и будетъ подчинена только закону ассоціаціи!" (Послѣднія слова указываютъ на то, что перемѣна въ общественномъ строѣ понималась въ смыслѣ замѣны наемнаго труда трудомъ общественнымъ по извѣстной формулѣ, созданной школою Сенъ-Симона) [2]).

Когда послѣ неудачи республиканскаго возстанія 1834 г. „Общество правъ человѣка" должно было прекратить свою прежнюю дѣятельность, его мѣсто заняло другое, руководимое Бланки и Барбесомъ. Въ „Обществѣ правъ человѣка" преобладали представители буржуазіи. Бланки и Барбесъ начали организовать пролетаріатъ. Бланки былъ типичный заговорщикъ, прожившій на бѣломъ свѣтѣ

---

[1]) Ср. т. III, стр. 522—616.

[2]) См. т. IV, стр. 614.

76 лѣтъ, но изъ нихъ 37 въ нѣсколько пріемовъ просидѣвшій въ тюрьмѣ. Впервые съ тюремнымъ заключеніемъ онъ познакомился еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ, въ 1830 г. онъ былъ однимъ изъ уличныхъ бойцовъ, но весьма скоро, недовольный сохраненіемъ монархіи, основалъ республиканское общество „Друзей народа“, началъ борьбу съ правительствомъ и сталъ приговариваться къ заключенію въ тюрьму. Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ вмѣстѣ съ Барбесомъ онъ и основалъ новое республиканское „Общество семействъ“, превратившееся въ „Общество временъ года“ [1]), которое требовало „соціальной и радикальной революціи“, „истребленія аристократіи, финансистовъ, банкировъ, поставщиковъ, монополистовъ, спекулянтовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, жирѣющихъ на счетъ народа“. Для Бланки республика была лишь средствомъ для передачи имуществъ „людей, ничего не дѣлающихъ народу, ничего не имѣющему“. Общественный идеалъ членовъ новой республиканской организаціи, былъ коммунистическій въ духѣ ученія Бабёфа [2]). Дѣло въ томъ, что одинъ изъ старыхъ „бабувистовъ“, Буонаротти, возвратившійся въ 1830 г. въ Парижъ, сталъ распространять въ революціонно настроенныхъ кружкахъ свою „Исторію заговора Бабёфа“, изданную имъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ въ Брюсселѣ. Въ эпоху реставраціи это сочиненіе во Франціи было мало извѣстно, если только вообще было извѣстно, но въ тридцатыхъ годахъ оно пріобрѣло большую славу. Республиканское возстаніе 1834 г. одно время наполнило парижскія тюрьмы массой заключенныхъ, среди которыхъ уже были люди, знакомые съ сочиненіемъ Буонаротти; вотъ здѣсь-то и велась дѣятельная бабувистская пропаганда. Вскорѣ одинъ книгопродавецъ выписалъ изъ Брюсселя остававшіеся нераспроданными экземпляры сочиненія Буонаротти и нажилъ на ихъ распродажѣ хорошія деньги. Бланки и Барбесъ вполнѣ прониклись идеями Бабёфа. Будучи заправилами „Общества временъ года“, они приняли въ его катехизисъ идею коммунизма. Та же идея пропагандировалась въ тайной періодической прессѣ (Le Moniteur républicain, 1837—1838. L'Homme libre и др.). Бланки и Барбесъ думали подражать Бабёфу не только въ цѣли, но и въ тактикѣ: 12 мая 1839 г. съ самыми незначительными силами они рѣшились овладѣть Парижемъ, чтобы начать соціальную революцію. Попытка сразу была подавлена, и вожди, приговоренные сначала къ смертной казни, были посажены въ тюрьму,

---

[1]) Свое названіе оно получило отъ устройства своего въ видѣ соединенія небольшихъ (изъ 7 членовъ) группъ, названныхъ „недѣлями“, въ большія группы: „мѣсяцы“, „времена года“ и „годы“.

[2]) См. т. III, стр. 643—644 и т. IV, стр. 626—627.

изъ которой они освободились только въ 1848 г,, благодаря февральской революціи.

Сравнивая республиканскія возстанія 1834 и 1839 годовъ, мы можемъ сказать, что въ серединѣ тридцатыхъ годовъ французскій пролетаріатъ впервые начинаетъ организоваться подъ знаменемъ соціальнаго переворота, заимствуя свои идеи изъ временъ первой революціи. Знакомство съ бабувизмомъ впервые прокладываетъ дорогу для распространенія коммунистическихъ идей. „Путешествіе въ Икарію“ вышло вслѣдъ за неудачей заговора Бланки и Барбеса и не было притомъ единственнымъ сочиненіемъ, написаннымъ въ духѣ коммунизма. Въ сороковыхъ годахъ во Франціи въ этомъ направленіи развивается цѣлая литература, между прочимъ, въ видѣ тайныхъ періодическихъ изданій, сильно распространявшихся среди рабочихъ, хотя и не пользовавшихся такимъ успѣхомъ и вліяніемъ, какъ „Путешествіе въ Икарію“ [1]). Неудача, постигшая попытку „Общества временъ года“ произвести соціальную революцію, не охладила пыла коммунистовъ, и многіе изъ нихъ основали новое тайное общество рабочихъ, получившее названіе „Société des travailleurs égalitaires“. Одинъ изъ тайныхъ коммунистическихъ журналовъ (L'Humanitaire) издавался членами именно этого общества. Въ 1840 г. коммунистъ Пилло, раздѣлявшій идею Бабёфа о томъ, что новый общественный строй нужно ввести путемъ террора, не взирая на желанія и чувства населенія страны, въ 1840 г. предсѣдательствовалъ даже на банкетѣ своихъ единомышленниковъ, которыхъ собралось на эту манифестацію до 1200 человѣкъ. Съ точки зрѣнія крайнихъ представителей этого направленія авторъ „Путешествія въ Икарію“ былъ человѣкъ слишкомъ умѣренный, и Кабе нерѣдко вступалъ съ ними въ полемику. Это движеніе имѣло несомнѣнно бабувистскій характеръ, т.-е. сводилось къ якобинизму, отданному на службу коммунистической идеѣ. Въ такомъ видѣ коммунизмъ принималъ характеръ чисто революціонный. Правительство вступило съ нимъ въ борьбу. Въ числѣ преслѣдуемыхъ былъ, напр., аб. Констанъ, называвшій Христа жертвой свободы и Богомъ революціи, авторъ „Библіи свободы“ (1840), проникнутый жгучей ненавистью къ имущимъ классамъ, которыхъ не признавалъ за людей и грозилъ преслѣдовать, какъ дикихъ звѣрей. Въ 1846 г. за сочиненіе подъ заглавіемъ „Голосъ голода“ онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на годъ и къ тысячѣ франковъ штрафа. Покушенія на

[1]) Таковы сочиненія *Desami* „Code de la communauté“ (1842), *Pillot* „Ni chateaux, ni chaumières (1840), *Constant*'a „Bible de liberté“ (1840) и т. п.; среди этихъ писателей были и христіанскіе коммунисты, каковы Эскиросъ, Пеккеръ. Коммунистическихъ журналовъ было нѣсколько.

жизнь короля или членовъ его семейства, сдѣланныя около этого времени людьми изъ рабочаго класса, также сильно тревожили правительство.

И политическіе, и соціальные революціонеры тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ вдохновлялись, какъ мы только-что видѣли, идеями и примѣрами первой французской революціи. Демократія разсматриваемой эпохи самымъ очевиднымъ образомъ возвращалась къ принципу и образу дѣйствій якобинизма, и въ этомъ отношеніи весьма любопытна та перемѣна, которая произошла во взглядахъ на исторію революціи. Взгляды ея историковъ, писавшихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, складывались подъ вліяніемъ совершавшагося вокругъ нихъ демократическаго движенія и въ свою очередь придавали этому движенію извѣстный характеръ, извѣстное направленіе. Въ двадцатыхъ годахъ Тьеръ и Минье писали свои исторіи французской революціи съ точки зрѣнія буржуазной оппозиціи противъ стараго порядка, легитимизма и реставраціи [1]). Теперь противъ самой буржуазіи возникала оппозиція, имѣвшая демократическій характеръ, притомъ оппозиція и политическая, и соціальная, принимавшая якобинскую окраску. Это отразилось и на исторіографіи французской революціи, въ которой возрождается теперь якобинская традиція. Это мы видимъ главнымъ образомъ въ исторіяхъ революціи Бюшеза и Луи Блана.

Бюшезъ [2]) въ тридцатыхъ годахъ издалъ весьма большую коллекцію (40 томовъ) матеріаловъ подъ заглавіемъ „Парламентской исторіи французской революціи“. Почти каждому тому этого изданія онъ предпосылалъ по небольшому введенію, пользуясь этимъ способомъ для того, чтобы развивать свои общіе взгляды на революцію, въ которыхъ онъ соединяетъ воедино католицизмъ и якобинизмъ. Уже въ началѣ перваго тома Бюшезъ объясняетъ, что „французская революція была послѣднимъ и наиболѣе ушедшимъ впередъ слѣдствіемъ новой цивилизаціи, а послѣдняя вышла цѣликомъ изъ евангелія“. Ему кажется совершенно безспорнымъ, что „на знамени и кодексахъ революціи начертана была въ сущности доктрина Іисуса“, именно принципы равенства и братства. Другія объясненія генезиса революціи ему представлялись неосновательными, и онъ не хотѣлъ допустить, „чтобы народъ предался революціонному движенію ради пріобрѣтенія какихъ-либо матеріальныхъ благъ“. Эту общую мысль Бюшезъ проводитъ и черезъ другія предисловія. Вторая основная его мысль та, что „въ 1789 г. буржуазія стала стремиться обратить революцію въ свою пользу“, тогда какъ только народъ понималъ истинный

---

[1]) См. т. IV, стр. 290 и 428.

[2]) Ср. изложеніе его общихъ взглядовъ, сдѣланное выше на стр. 293—294. Ср. также, что сказано объ историческихъ взглядахъ Бюшеза въ III т., стр. 581.

смыслъ великихъ принциповъ революціи. Декларація правъ человѣка и гражданина была лишь освященіемъ частнаго интереса и эгоизма, служащаго для него основаніемъ. „Если бы, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Бюшезъ, учредительное собраніе провозгласило доктрину долга, возможны были бы только двѣ партіи—благонамѣренныхъ и злонамѣренныхъ. Эберъ и ему подобные не могли бы въ такомъ случаѣ проповѣдовать. У жиронды даже не могло бы явиться повода излагать свои доктрины, ибо гдѣ долгъ, тамъ единство". Вообще идея единства—церковнаго, государственнаго, національнаго—занимала весьма видное мѣсто въ соображеніяхъ Бюшеза. Съ этой точки зрѣнія онъ осуждалъ реформаціонное движеніе XVI в., которое во Франціи было дѣломъ дворянства. „Громадное большинство націи поднялось противъ аристократическихъ замысловъ, и они погибли въ кровавой расправѣ Варѳоломеевской ночи и въ войнахъ лиги. Французскій народъ остался католическимъ прямо изъ національнаго чувства или, вѣрнѣе говоря, сохранился единымъ, благодаря своей католической вѣрѣ". Бюшезъ даже подробно останавливается на принципахъ протестантизма, которые называетъ „чудовищными догматами": это—философія, превыше всего ставящая отдѣльное *я* и приводящая къ аристократизму, т.-е. къ преобладанію индивидуума надъ всѣми. Ему не хочется, чтобы французская революція чѣмъ-либо походила на протестантизмъ. Послѣдній провозгласилъ верховенство индивидуальнаго разума, тогда какъ первая провозгласила принципъ верховенства народа. „Принципъ народовластія, говоритъ Бюшезъ, прежде всего есть принципъ католическій въ томъ смыслѣ, что онъ предписываетъ каждому повиноваться всѣмъ. Онъ предполагаетъ, что существуетъ доктрина, которой должны цѣликомъ себя отдавать какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя поколѣнія. Въ чемъ же заключается эта доктрина? На этотъ счетъ революція высказалась совершенно ясно. Она отвѣчала, что это—догматъ братства. Принципъ народовластія есть принципъ католическій потому еще, что онъ охватываетъ собой все прошлое, все настоящее и все будущее". Къ этому Бюшезъ прибавляетъ, что верховенство народа сводится „къ верховенству цѣли общей дѣятельности", которая „создаетъ націю". И догматъ братства — католическій, между прочимъ потому, что „вытекаетъ непосредственно изъ ученія церкви и отвергаетъ эгоизмъ, къ которому приводитъ протестантизмъ". Среди предшественниковъ революціи Бюшезъ различаетъ поэтому, съ одной стороны, людей, проникнутыхъ духомъ религіозной вѣры и братства, съ другой—невѣрующихъ эгоистовъ. Соотвѣтственно съ этимъ, по его мнѣнію, и въ самой революціи существовало два аналогичныхъ те-

ченія. Въ сущности, говоря это, Бюшезъ имѣетъ въ виду жирондистовъ, которыхъ онъ постоянно порицаетъ, и якобинцевъ, на сторонѣ которыхъ, наоборотъ, всѣ его симпатіи. Упоминая въ одномъ мѣстѣ о томъ, что христіанство всегда выходило побѣдителемъ изъ борьбы съ разными ересями, онъ даже находитъ дѣйствительнымъ терроръ, когда онъ „борется со зломъ, угрожая въ отдѣльныхъ лицахъ самому началу эгоизма, въ силу котораго они дѣлаютъ зло... Терроръ, продолжаетъ онъ, въ мірѣ политическомъ соотвѣтствуетъ уголовной репрессіи въ мірѣ обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній: онъ препятствуетъ эгоистическимъ страстямъ проявляться въ поступкахъ, заинтересовывая эгоизмъ предпочитать воздержаніе дѣйствію. Потому терроръ вовсе не такое средство, которое можно было бы безусловно порицать, и не такое, которымъ слѣдовало бы пользоваться по всякому поводу и безъ всякаго расчета. Это — лишь извѣстный методъ, а обо всякомъ методѣ мы должны судить по его цѣли". Верховенство цѣли, дѣйствительно составлявшее догматъ якобинцевъ, съ этой точки зрѣнія вполнѣ оправдываетъ у Бюшеза и Якобинскій методъ. Далѣе, дабы общество не было простымъ множествомъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а превратилось въ нераздѣльное единство. нужно, чтобы въ основу общественнаго бытія былъ положенъ догматъ существованія Бога, ибо въ этомъ заключается единственная связь между людьми. „Якобинцы, замѣчаетъ Бюшезъ, провозгласили эту истину, позволившую имъ увидѣть и всѣ остальныя": для нихъ она была не убѣжденіемъ личной практики, а символомъ практики соціальной, такъ какъ въ самоотреченіи личности заключается первое условіе существованія общественныхъ отношеній. Въ лицѣ Сенъ-Жюста Бюшезъ хвалитъ якобинцевъ за то, что они противопоставили „свободу невинности и доблести свободѣ, которая вытекаетъ изъ естественнаго права и есть только свобода личныхъ аппетитовъ". Жирондистовъ, какъ и протестантовъ, напротивъ, онъ осуждаетъ за то, что они отлагались отъ единства, за ихъ индивидуализмъ и „федерализмъ". За ними онъ не хочетъ даже признать добросовѣстности заблужденія, тогда какъ вся заслуга якобинцевъ, по его представленію, заключалась въ томъ, что ради поддержанія единства они готовы были подвергать себя всякимъ опасностямъ. Якобинцы, однимъ словомъ, восхваляются, какъ представители національнаго и политическаго единства Франціи,— единства, въ стремленіи къ которому французовъ воспиталъ католицизмъ, единства, для достиженія котораго позволителенъ терроръ, препятствующій личному эгоизму проявлять себя наружу. Въ представленіи Бюшеза демократія должна всѣми

средствами подавлять индивидуальную свободу: вѣдь и самое братство онъ опредѣляетъ, какъ повиновеніе каждаго всѣмъ [1]).

Подъ вліяніемъ этой католико-якобинской философіи исторіи французской революціи сложилось общее представленіе о ней и Луи Блана [2]). Конечно, онъ совершенно отрѣшился отъ мистическихъ разсужденій своего предшественника, но онъ сохранилъ цѣликомъ противоположенія буржуазіи и народа, индивидуализма и братства, жирондистовъ и якобинцевъ, отождествивъ жирондистскую программу съ программой буржуазнаго эгоизма и превративъ якобинцевъ въ соціалистическихъ защитниковъ интересовъ народа. Здѣсь не мѣсто разбирать, насколько такое общее построеніе французской революціи соотвѣтствуетъ дѣйствительной ея исторіи. Взглядъ Луи Блана долженъ здѣсь интересовать насъ, какъ своего рода знаменіе времени, притомъ, какъ взглядъ, сдѣлавшійся популярнымъ и вліятельнымъ во французской демократіи конца сороковыхъ годовъ. „Исторія французской революціи“ Луи Блана стала выходить въ свѣтъ, такъ сказать, наканунѣ революціи 1848 г. и только укрѣпляла якобинскую традицію, поддерживала якобинское настроеніе дѣятелей этого года. Съ другой стороны, любопытно видѣть, какъ эта политическая традиція получаетъ соціальный характеръ, и какъ писатель, продолжающій дѣло сенъ-симонистовъ, обращается къ якобинской традиціи за примѣромъ и назиданіемъ.

„Три великіе принципа, говоритъ Луи Бланъ, господствуютъ въ мірѣ и въ исторіи: авторитетъ, индивидуализмъ, братство“. Характерными особенностями авторитета онъ признаётъ, съ одной стороны, слѣпо принимаемыя вѣрованія, съ другой—принужденіе. Принципъ индивидуализма, по его словамъ, „беретъ человѣка внѣ общества и независимо отъ общества, дѣлая его единственнымъ судьей самого себя и всего окружающаго, внушая ему преувеличенное понятіе о своихъ правахъ безъ указанія ему на его обязанности и предоставляя его своимъ собственнымъ силамъ“. Этотъ принципъ, по мнѣнію Луи Блана, вмѣсто всякаго правительства провозглашаетъ полный произволъ. Несомнѣнно, что въ приведенномъ опредѣленіи индивидуализма Луи Бланъ смѣшиваетъ довольно-таки разнохарактерные признаки, логически между собою не связанные. Наконецъ, принципъ братства, какъ онъ его понимаетъ, состоитъ въ томъ, что онъ, принципъ этотъ, „считая солидарными членовъ великой семьи, стремится

[1]) См. діаметрально-противоположное пониманіе демократіи у Токвиля (выше, стр. 271 и слѣд.).

[2]) Ср. изложеніе его общественныхъ взглядовъ, сдѣланное выше (стр. 305 и слѣд.), а также и изложеніе его взглядовъ на французскую революцію въ III томѣ, стр. 8 и 581—582.

организовать общество, дѣло человѣка, по образцу тѣла человѣческаго, которое есть дѣло Божіе, и основываетъ правящую власть на убѣжденіи, на добровольномъ согласіи сердецъ". Въ исторіи западной Европы авторитетъ нашелъ полное свое выраженіе въ средневѣковомъ католицизмѣ. Лютеръ провозгласилъ принципъ индивидуализма, который „развился съ непреодолимою силою и, освободившись отъ религіознаго элемента, восторжествовалъ во Франціи при посредствѣ публицистовъ учредительнаго собранія". Въ этой исторической ссылкѣ нельзя не видѣть прямого вліянія Бюшеза, который, тоже неблагосклонно относясь къ индивидуализму, сопоставлялъ несимпатичную ему сторону французской революціи съ протестантизмомъ. Къ этому Луи Бланъ прибавляетъ, что индивидуализмъ „правитъ нашимъ временемъ", что „онъ есть душа вещей". Принципъ братства, тоже заимствованный у Бюшеза, онъ, однако, отдѣлилъ отъ католицизма. Братство на дѣлѣ не было еще никогда осуществлено. Въ эпоху французской революціи оно было, говоритъ Луи Бланъ, „провозглашено монтаньярами (т.-е. якобинцами), исчезло тогда среди бури и въ настоящее время еще является намъ въ видѣ далекаго идеала". Сравнивая между собою первые два принципа, Луи Бланъ говоритъ, что оба они влекутъ за собою угнетеніе личности, первый—посредствомъ ея подавленія, второй—посредствомъ анархіи. Такимъ образомъ, для него индивидуализмъ и анархія одно и то же. „Лишь одинъ третій принципъ, говоритъ онъ, посредствомъ гармоніи производитъ свободу". Совершенно такъ же, какъ и Бюшезъ, „въ томъ, что обыкновенно называютъ французской революціей", онъ различаетъ два теченія, изъ которыхъ одно было направлено въ сторону индивидуализма, а другое было „только шумной попыткой во имя братства". Первое теченіе возобладало въ 1789 году, второе—въ 1793 г. „Что революція 1789 г., говоритъ Луи Бланъ, только одна пустила корни въ событія, это происходило отъ того, что она неожиданно завладѣла обществомъ, что она служила интересамъ класса, ставшаго господствующимъ,—буржуазіи, что она, наконецъ, явилась съ полной доктриной подъ тройной формою философіи, политики и промышленности". Черезъ все сочиненіе Луи Блана проходитъ та мысль, что стремленіе къ индивидуальной свободѣ враждебно не только авторитету, но и братству, которое, какъ и у Бюшеза, провозглашается у него и евангеліемъ, и якобинизмомъ. Другая мысль—та, что индивидуализмъ есть принципъ буржуазіи, и что побѣды, одерживаемыя индивидуализмомъ и буржуазіей, идутъ, такъ сказать, параллельно. Въ XVIII столѣтіи передъ революціей индивидуализмъ восторжествовалъ въ философскомъ отношеніи въ школѣ Вольтера, въ политическомъ отношеніи въ школѣ Монтескье, въ экономическомъ отношеніи въ школѣ

Тюрго. Этимъ тремъ мыслителямъ Луи Бланъ противопоставляетъ Руссо, Мабли и Неккера, — даже Неккера, который тоже долженъ представлять собою принципъ братства. Особымъ сочувствіемъ Луи Блана пользовался Руссо, „Общественный договоръ“ котораго онъ старался истолковать въ духѣ соціальныхъ требованій своего времени, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ написанъ былъ въ духѣ политическихъ требованій XVIII в.; гораздо болѣе былъ правъ тотъ историкъ, который замѣтилъ (конечно, имѣя въ виду терминологію нашего времени), что Руссо долженъ былъ бы назвать свой трактатъ Contrat politique, а не Contrat social. Въ такомъ же освѣщеніи являются у Луи Блана якобинцы. Эти республиканскіе государственники, требовавшіе полнаго подчиненія гражданина „отечеству“, если бы примѣнить къ нимъ классификацію самого Луи Блана, оказались бы представителями какъ-разъ принципа авторитета, и это, пожалуй, гораздо лучше было понято Бюшезомъ (который, впрочемъ, сливалъ авторитетъ и братство во-едино, полагая самое братство въ повиновеніи отдѣльнаго члена общины цѣлой общинѣ по образцу отношеній, существующихъ между отдѣльными вѣрующими и всей церковью). Въ „Исторіи французской революціи“ Луи Блана якобинцы явились не тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ,— не политическими радикалами, унаслѣдовавшими изъ прошлаго государственную цѣль и государственныя средства старой монархіи, а пророками и провозвѣстниками идеальнаго общественнаго строя, имѣющаго осуществиться только въ будущемъ.

Успѣхъ первыхъ томовъ книги Луи Блана, вышедшихъ въ свѣтъ еще до февральской революціи, былъ громадный, и вліяніе ихъ на идеи демократовъ той эпохи было весьма значительно. Основная мысль всего труда, равно какъ и „Исторіи десяти лѣтъ“, появившейся нѣсколькими годами ранѣе, соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе злобѣ дня. Съ одной стороны, къ концу сороковыхъ годовъ исторія вырыла цѣлую пропасть между буржуазіей и народомъ, а Луи Бланъ какъ-разъ сдѣлалъ попытку освѣтить все прошлое Франціи съ точки зрѣнія антагонизма этихъ двухъ общественныхъ классовъ; съ другой же стороны, на сочиненіи Луи Блана сказалась одна изъ наиболѣе характерныхъ особенностей французской демократіи, которая, быть можетъ, именно и заставляла задумываться Токвиля,— ея отрицательное отношеніе къ индивидуальной свободѣ и обращеніе къ общественной власти, какъ къ той силѣ, которая одна въ состояніи водворить въ обществѣ равенство. Правда, Луи Бланъ теоретически различалъ между принципами братства и авторитета, которые у Бюшеза были соединены въ одномъ принципѣ, но, пожалуй, въ данномъ отношеніи Бюшезъ, а не Луи Бланъ, выражалъ настоящее на-

строеніе французской демократіи. Какъ бы тамъ ни было, якобинская традиція оказывала сильное вліяніе на демократическую мысль эпохи, непосредственно предшествовавшей 1848 г. Проницательные наблюдатели событій второй французской республики не-разъ отмѣчали, какой консерватизмъ, какое рутинерство проявляли многіе изъ дѣятелей республиканской революціи, думавшіе, что вся ихъ задача— копировать якобинцевъ, даже въ мелочахъ ихъ поведенія [1]).

Къ концу сороковыхъ годовъ вообще во Франціи оживился интересъ къ первой революціи, и притомъ съ демократической, республиканской точки зрѣнія, хотя бы и не якобинско-соціалистической. Одновременно съ первыми томами сочиненія Луи Блана появилась (1847) знаменитая „Исторія жирондистовъ“ Ламартина. Авторъ былъ поэтъ, и отношеніе его къ исторіи было чисто дилеттантское. Его книга была скорѣе своего рода поэтическимъ произведеніемъ, элегической апологіей жирондистовъ, на сторонѣ которыхъ всѣ симпатіи Ламартина. Опредѣленнаго политическаго міросозерцанія у него, впрочемъ, не было. Въ палатѣ, въ которую онъ попалъ въ 1833 г., онъ сначала объявилъ себя независимымъ консерваторомъ, но потомъ сталъ называть себя прогрессистомъ. Объ общихъ его взглядахъ могутъ дать понятіе такія, напримѣръ, заявленія: „святая и божественная мысль демократіи и французской революціи вытекаетъ изъ христіанской идеи въ примѣненіи къ политикѣ“ (1843); „демократія, республика, это — въ принципѣ непосредственное царствованіе Бога (le direct régne de Dieu, 1848). Впрочемъ, какъ и Токвиль, онъ желалъ, чтобы господство демократіи не нанесло никакого ущерба правамъ, завоеваннымъ въ 1789 г., т.-е. личной безопасности, свободѣ совѣсти, мысли и печати. „Исторія жирондистовъ“ произвела весьма сильное впечатлѣніе, сдѣлавъ имя Ламартина однимъ изъ самыхъ популярныхъ политическихъ именъ. Республиканское настроеніе, которымъ проникнута вся книга, вполнѣ гармонировало съ оппозиціоннымъ духомъ французскаго общества. Въ 1848 г. онъ, какъ и Луи Бланъ, сдѣлался членомъ временнаго правительства, въ которомъ и игралъ очень видную роль.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ другая исторія французской революціи, тоже написанная въ республиканскомъ, но антиякобинскомъ духѣ и тоже появившаяся наканунѣ февральской революціи. Ея авторомъ былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ французскихъ историковъ этой эпохи, Мишле.

---

[1]) На этотъ счетъ есть прекрасныя мѣста у А. И. Герцена, который былъ очевидцемъ разыгравшейся тогда драмы и глубоко понималъ ея смыслъ. То же отмѣтилъ и Токвиль.

Родившись въ крестьянской средѣ и проведши раннюю юность въ крайней нуждѣ, исполняя черную типографскую работу, Мишле всегда особенно чувствовалъ свою связь съ народомъ. Еще въ очень раннемъ возрастѣ отъ одного стараго книгопродавца, пылкаго республиканца, сдѣлавшагося его первымъ учителемъ, онъ воспринялъ первыя свои идеи о французской революціи, какъ о событіи, принесшемъ много добра французскому народу. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Мишле былъ уже профессоромъ Нормальной школы, гдѣ преподавалъ философію и исторію, представляя ту и другую своимъ слушателямъ въ гегельянской оболочкѣ. Оригинальная мысль, которую онъ вносилъ въ свое преподаваніе, заключалась въ изображеніи исторіи, какъ драмы, имѣющей своимъ содержаніемъ борьбу свободы съ фатализмомъ. Въ первые годы іюльской монархіи онъ временно замѣщалъ Гизо въ Сорбоннѣ, а кромѣ того получилъ мѣсто начальника историческаго отдѣла въ Національномъ архивѣ. Съ этого времени онъ сосредоточилъ свои занятія на средневѣковой исторіи своего отечества, результатомъ чего была его знаменитая „Исторія Франціи“ въ шести томахъ, вышедшая въ свѣтъ между 1833 и 1843 годами. Въ 1838 г. Мишле началъ читать лекціи въ Collège de France; здѣсь онъ долженъ былъ выступать уже не передъ нѣсколькими студентами, а передъ большой публикой, весьма подвижной и пылкой, требовавшей отъ профессора широкихъ взглядовъ и краснорѣчиваго слова. Въ Collège de France онъ сошелся изъ своихъ товарищей по профессурѣ съ Мицкевичемъ, занимавшимъ каѳедру славянскихъ литературъ, и съ Кине, который читалъ лекціи по исторіи южно-романскихъ литературъ. Съ этими двумя писателями, имѣвшими на него весьма большое вліяніе, онъ образовалъ нѣчто въ родѣ тріумвирата, поставившаго своею задачею „создавать души“, воспитывая молодежь въ гуманныхъ и либеральныхъ идеяхъ. Между тѣмъ іюльская монархія съ самаго начала сороковыхъ годовъ все болѣе и болѣе проявляла свой реакціонный характеръ, вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ противъ себя все бо̀льшую и бо̀льшую оппозицію съ характеромъ антиклерикальнымъ и демократическимъ. Въ своей дальнѣйшей дѣятельности Мишле отразилъ на себѣ обѣ стороны этой оппозиціи. Усвоивъ себѣ религіозное міросозерцаніе, близкое къ деизму, онъ выступилъ принципіальнымъ противникомъ католицизма, какъ врага духовной свободы и какъ союзника политическаго деспотизма. Съ другой стороны, Мишле носилъ въ своей душѣ идею народа, нѣсколько туманную и даже мистическую, но вдохновлявшую его на защиту политической свободы. Онъ сговорился съ Кине прочесть по курсу объ іезуитахъ и потомъ напечаталъ свой курсъ отдѣльнымъ изданіемъ, имѣвшимъ громадный успѣхъ въ публикѣ. Антиклерикальный характеръ имѣла

также его книжка „Священникъ, женщина и семья“ (1845). Свои демократическіе взгляды онъ изложилъ подробнѣе всего въ сочиненіи „Народъ“ (1846), сдѣлавшемся своего рода вступленіемъ въ „Исторію французской революціи“, предпринятую Мишле около того же времени. Въ „Народѣ“ Мишле выступаетъ защитникомъ крестьянъ и пролетаріевъ, изображая ихъ страданія, стремленія и надежды. Въ то самое время, какъ другіе писатели подъ народомъ начинали разумѣть преимущественно городскихъ рабочихъ, Мишле видѣлъ его преимущественно въ крестьянствѣ. Онъ вполнѣ раздѣлялъ и общественный идеалъ французскаго крестьянина, всегда стремившагося сѣсть на свою землю для того, чтобы работать на ней самостоятельнымъ хозяиномъ. Съ этой точки зрѣнія онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ соціалистическихъ и коммунистическихъ стремленій своей эпохи. Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что лучшимъ государственнымъ устройствомъ можетъ быть лишь демократическая республика, онъ чувствовалъ, однако, непреодолимую антипатію къ якобинизму. Террористическія средства вызывали въ немъ глубокое отвращеніе. Ему также весьма мало была понятна теорія классовой борьбы, съ точки зрѣнія которой Бюшезъ и Луи Бланъ разсматривали взаимныя отношенія буржуазіи и народа. Въ своей „Исторіи французской революціи“ онъ даже старался — въ противоположность Луи Блану — представить дѣло такъ, какъ будто французская нація за исключеніемъ привилегированныхъ была чѣмъ-то однороднымъ, не раздѣлялась внутри противоположными интересами [1]). Въ высшей степени благожелательный къ народу, Мишле, въ сущности, его до-нельзя идеализировалъ и въ самомъ идеальномъ смыслѣ понималъ взаимныя отношенія между культурными слоями общества и народною массою, возлагая на первые обязанность нести въ народъ свѣтъ знанія. Въ свою очередь культурные классы отъ соприкосновенія съ народомъ, по мнѣнію Мишле, должны были морализироваться, ибо лишь въ народѣ живетъ высшая непосредственная правда. Если Мишле и противополагалъ народу буржуазію, то не въ экономическомъ, а въ культурномъ смыслѣ: признавая вообще превосходство инстинкта надъ рефлексіей, онъ думалъ, что въ народныхъ массахъ преобладаетъ инстинктъ, въ буржуазіи — рефлексія. Благодаря преобладанію непосредственности, народъ, несмотря на безпорядочность и пороки, происходящіе отъ его безпомощности и бѣдности, носитъ въ себѣ лучшія качества первобытной невинности и совершенства, богатство чувствъ, доброту сердца и умѣніе жертвовать собою. Такъ какъ всякій инстинктъ есть необходимое побужденіе къ дѣйствію, то опять-таки только въ народѣ

[1]) Объ этомъ взглядѣ Мишле, ср. т. IV, стр. 558.

живетъ настоящая способность къ дѣйствію: образованные классы растрачиваютъ всю свою энергію на разсужденія и разговоры, а народъ скупъ на слова, но зато, когда нужно, умѣетъ дѣйствовать. Въ этомъ-то качествѣ народа Мишле и видѣлъ крѣпкій якорь спасенія, главную основу лучшаго будущаго. Этотъ же самый идеализированный народъ является настоящимъ главнымъ героемъ его „Исторіи французской революціи".

Первый томъ этого труда Мишле вышелъ въ свѣтъ въ 1847 г. На немъ сказалось отрицательное отношеніе автора, съ одной стороны, къ буржуазной монархіи, съ другой — къ тому представленію о революціи, которое создалось въ соціалистическомъ лагерѣ. Если Бюшезъ отожествлялъ революцію съ христіанствомъ, то Мишле, наоборотъ, ставитъ ихъ въ рѣзкую противоположность другъ къ другу. „Я, говоритъ онъ въ самомъ началѣ своей книги,— я опредѣляю революцію, какъ пришествіе закона, воскресеніе права, воздѣйствіе справедливости. Но, спрашивается, соотвѣтствуетъ или противорѣчитъ тотъ законъ, который явился намъ въ революціи, религіозному закону, ей предшествовавшему? Другими словами, была ли революція христіанскою или антихристіанскою? Исторически и логически этотъ вопросъ нужно поставить раньше всѣхъ другихъ. Онъ касается, онъ даже проникаетъ собою тѣ вопросы, которые признаются исключительно политическими. Всѣ учрежденія гражданскаго порядка, которыя застала революція, или вытекали изъ христіанства, или были созданы по его образцамъ, получали его санкцію". Христіанство и революція,—вотъ для Мишле „два великіе факта, два принципа, два дѣйствующихъ лица", которыя онъ постоянно видитъ на великой исторической сценѣ. „Многіе выдающіеся умы, продолжаетъ онъ, въ похвальномъ стремленіи къ успокоенію и миру стали недавно утверждать, что революція есть только завершеніе христіанства, что она имѣла своею цѣлью продолжать его и осуществить на дѣлѣ всѣ его обѣщанія. Если это утвержденіе вѣрно, то XVIII вѣкъ, философы, предшественники и вожди революціи ошибались и дѣлали совсѣмъ не то, что хотѣли дѣлать. Вообще у нихъ была совсѣмъ иная цѣль, отнюдь не завершеніе христіанства... Революція продолжаетъ христіанство и находится съ нимъ въ противорѣчіи. Она въ одно и то же время его наслѣдница и противница. Въ томъ, что они заключаютъ общаго и человѣчнаго, именно въ чувствѣ оба принципа сходятся. Въ томъ, что составляетъ обособленную жизнь, въ основной идеѣ каждаго изъ нихъ они находятся въ противорѣчіи и враждѣ. Они сходятся въ чувствѣ человѣческаго братства. Это чувство, родившееся вмѣстѣ съ человѣкомъ, вмѣстѣ съ міромъ, присущее каждому обществу, тѣмъ не менѣе было расширено и углублено христіанствомъ.

Въ свою очередь революція, дочь христіанства, проповѣдовала его всѣмъ, всякому народу, всякой религіи, существующей подъ солнцемъ. Въ этомъ все сходство. А вотъ въ чемъ различіе. Революція основываетъ братство на любви человѣка къ человѣку, на взаимномъ долгѣ, на правѣ и справедливости. Это единственная основа, и никакой другой не нужно. Для этого безспорнаго принципа революція не искала сомнительной исторической основы. Она не выводила братства изъ общаго родства, изъ послѣдовательности поколѣній, которая отъ отцовъ къ дѣтямъ вмѣстѣ съ кровью передаетъ солидарность въ преступленіи" (т.-е. грѣхѣ). Мишле пускается въ длинное разсужденіе о догматѣ первороднаго грѣха и догматѣ благодати. Послѣдній онъ сопоставляетъ со старой монархіей, сближая ихъ между собою въ идеѣ привилегіи немногихъ избранныхъ среди массы отверженныхъ; точно также подводятся имъ подъ одну категорію догматъ о первородномъ грѣхѣ и наслѣдственность общественныхъ положеній въ сословномъ строѣ общества. Въ этихъ сопоставленіяхъ и противопоставленіяхъ Мишле много произвольнаго, много самыхъ очевидныхъ натяжекъ, какъ много ихъ и у самого Бюшеза, котораго онъ оспаривалъ. Все, что было несправедливаго въ католицизмѣ и въ старомъ порядкѣ, Мишле готовъ былъ сводить къ одному принципу, восхваляя революцію, какъ событіе, которое принесло въ міръ справедливость и свободу. Религіозная свобода для него была неотдѣлима отъ свободы политической, и здѣсь онъ опять не соглашался съ Бюшезомъ. Всей своей книгой Мишле возражалъ писателямъ, которые воплощали революцію въ одномъ якобинизмѣ. Самъ онъ совершенно одинаково относится и къ жирондистамъ, и къ якобинцамъ, видя въ нихъ партіи, одинаково стоявшія надъ народомъ и руководимыя образованными людьми (lettrés). Все хорошее, что было сдѣлано въ эпоху революціи, было, по представленію Мишле, сдѣлано всѣми, т.-е. народомъ, все дурное было дѣломъ отдѣльныхъ честолюбцевъ, вынесенныхъ на поверхность движеніемъ народныхъ волнъ. Этихъ дѣятелей онъ даже называетъ „честолюбивыми маріонетками", противопоставляя имъ главнаго своего героя—любвеобильный, великодушный и справедливый народъ. Мрачныя и ненавистныя стороны революціи, конечно, отталкивали отъ себя мягкаго и благожелательнаго Мишле, но отвѣтственность за всѣ злодѣянія онъ возлагалъ на отдѣльныхъ честолюбцевъ, думавшихъ руководить движеніемъ и подчинявшихъ его своимъ ложнымъ теоріямъ.

Мишле особенно рѣзко выступаетъ противъ теоріи и практики якобинцевъ. То братство, которое они проповѣдуютъ, не можетъ быть названо братствомъ. „Братство! братство! восклицаетъ онъ. Еще мало только повторять это слово. Нужно, чтобы народъ видѣлъ у насъ

братское сердце, и только тогда онъ пойдетъ за нами. Побѣда будетъ за братствомъ любви, а не за братствомъ гильотины... Братство или смерть!—восклицали террористы, но это было братство рабовъ. Зачѣмъ еще въ видѣ жестокой насмѣшки присоединять къ этому священное имя свободы? Братья, которые бѣгутъ другъ отъ друга, которые блѣднѣютъ одинъ при видѣ другого, которые протягиваютъ и отдергиваютъ мертвенную, холодную руку!... Ужасное, отвратительное зрѣлище! Если что-либо должно быть свободно, такъ это братское чувство. Одна свобода, основанная въ послѣднемъ вѣкѣ, сдѣлала возможнымъ братство. Философія нашла человѣка безъ права, какъ нѣчто несуществующее, затерянное въ религіозной и политической системѣ, основанной на произволѣ. И она сказала: сотворимъ человѣка, и да будетъ онъ чрезъ свободу! Едва созданный, онъ сталъ любить. И опять-таки посредствомъ свободы и наше время, проснувшись отъ долгаго сна, чтобы вернуться къ своей истинной традиціи, будетъ въ состояніи въ свою очередь продолжать великое дѣло. Оно не напишетъ въ своемъ законѣ: стань моимъ братомъ или умри! Но, искусно дѣйствуя на лучшія чувства человѣческой души, оно сдѣлаетъ такъ, что всѣ, не тратя напрасно словъ, захотятъ въ дѣйствительности быть братьями". И вообще Мишле проводитъ ту мысль, что братство не осуществимо безъ той свободы, которую многіе хотѣли заклеймить именемъ индивидуализма: братство безъ любви есть пустое слово, любовь же не можетъ быть вызвана терроромъ и гильотиной. Мишле кажется, наконецъ, что народъ не только истинный герой революціи, но и самый справедливый ея судья. Онъ „любитъ, напримѣръ, Мирабо, вопреки всѣмъ его порокамъ, и осуждаетъ Робеспьера, несмотря на его добродѣтели". Мишле поэтому преклоняется передъ національной традиціей, передъ народной вѣрой, какъ въ нихъ отразилась революція. И здѣсь у него мы встрѣчаемся съ тою же идеализаціей народа. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо заявляетъ, что эта традиція есть національная совѣсть. Написанная въ такомъ духѣ и притомъ въ весьма приподнятомъ тонѣ, и эта „Исторія французской революціи" должна была производить очень сильное впечатлѣніе на своихъ читателей. Конечно, демократизмъ Мишле былъ иной, чѣмъ демократизмъ Бюшеза или Луи Блана, но это тоже былъ демократизмъ, и, какъ „Исторія французской революціи", такъ и другія сочиненія Мишле представляли собою совершенно особое направленіе демократическихъ стремленій, въ которомъ основною чертою была мистическая вѣра въ народъ и въ правду, въ немъ живущую. На этой почвѣ воззрѣнія Мишле соприкасались со взглядами Бюшеза и Луи Блана.

Родоначальникомъ такого отношенія къ народу во французской

литературѣ былъ, безъ сомнѣнія, Руссо [1]). И Бюшезъ, и Луи Бланъ, и Мишле были большими поклонниками женевскаго философа. Съ послѣднимъ Мишле раздѣлялъ вѣру въ неиспорченность человѣческой природы, въ доброту естественныхъ чувствъ человѣка, въ безошибочность непосредственныхъ инстинктовъ, въ то, что всѣ лучшія силы человѣческой души таятся въ нѣдрахъ народной массы, и къ народу вмѣстѣ съ Руссо онъ раздѣлялъ то сентиментальное отношеніе, въ свѣтѣ котораго народный бытъ рисовался ему патріархальной идилліей. Стóить только прочесть тѣ страницы „Народа“, на которыхъ Мишле изображаетъ любовное отношеніе крестьянина къ землѣ, дабы видѣть, чего онъ желалъ для народа, въ чемъ видѣлъ его благо.

Народъ, его бѣдствія, его стремленія играютъ вообще очень видную роль во французской литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Всѣ наиболѣе живыя умственныя силы общества весьма несходныхъ между собою направленій сходились на почвѣ интереса къ народу и стремленія ему служить. Это общее народническое движеніе охватывало собою писателей разныхъ лагерей, коснувшись и такихъ писателей, которые начали свою литературную дѣятельность подъ другими знаменами. Самымъ характернымъ явленіемъ въ послѣднемъ отношеніи былъ Ламеннэ.

Какъ извѣстно, Ламеннэ выступилъ на поприще публициста еще въ эпоху имперіи съ сочиненіями крайняго клерикальнаго направленія. Оставаясь на строго-католической почвѣ, онъ продолжалъ писать въ томъ же направленіи и во времена реставраціи. Однако, мало-по-малу на него начинало вліять происходившее тогда общественное движеніе, и, отстаивая свободу преподаванія, онъ даже объявилъ, что либерализмъ есть возстаніе христіанскаго духа свободы противъ свѣтскаго деспотизма. Проповѣдуя необходимость непогрѣшимаго авторитета, каковой онъ полагалъ въ папствѣ, Ламеннэ вмѣстѣ съ тѣмъ искалъ основанія для этого авторитета, равно какъ и для всего католицизма, во всеобщемъ признаніи, т.-е. какъ бы становился на демократическую точку зрѣнія, оправдывая извѣстное учрежденіе вѣрою въ него народныхъ массъ. Противники Ламеннэ уже тогда указывали ему на то, что въ своихъ воззрѣніяхъ онъ соединяетъ ультрамонтанство съ якобинизмомъ [2]). Когда произошелъ іюльскій переворотъ, этотъ трибунъ католицизма пошелъ еще далѣе въ своемъ либерализмѣ и демократизмѣ. Вполнѣ оправдывая совершившуюся революцію, онъ находилъ, однако, что она сдѣлала не все, что должна

[1]) О взглядахъ Руссо на народъ см. т. III, стр. 201.
[2]) См. т. IV, стр. 293, 294 и 418.

была сдѣлать, и для пропаганды своихъ идей основалъ съ Лакордеромъ, Монталамберомъ и др. газету „L'Avenir“. Главными пунктами его программы были уничтоженіе палаты пэровъ, установленіе всеобщаго голосованія, свобода совѣсти, печати, образованія, союзовъ, труда и промышленности, на первомъ же планѣ—отдѣленіе церкви отъ государства. Понятно, что такая проповѣдь была встрѣчена съ большимъ неудовольствіемъ со стороны духовенства. Узнавъ, что папа также неодобрительно отзывался о новой газетѣ, Ламеннэ съ своими друзьями поѣхалъ въ Римъ для личныхъ объясненій съ главою церкви. Тогда на папскомъ престолѣ сидѣлъ незадолго передъ тѣмъ избранный Григорій XVI, суровый реакціонеръ, врагъ всякой новизны. Конечно, пріемъ, оказанный Ламеннэ въ Римѣ, не могъ быть для него благопріятнымъ, но ничего опредѣленнаго издатели непріятной газеты отъ папы все-таки не услышали. Только послѣ ихъ отъѣзда Григорій XVI обнародовалъ энциклику, строго осуждавшую такія ереси, какъ свобода совѣсти, свобода печати и т. д. Подчиняясь папскому авторитету, Ламеннэ прекратилъ изданіе своего органа. Съ него даже было взято письменное обязательство, что онъ и впредь не будетъ ничего писать, противнаго католической церкви (1832). Между тѣмъ во Франціи совершались событія, которыя не могли не дѣйствовать на Ламеннэ, отличавшагося большою впечатлительностью и пылкостью характера. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ уже заставлялъ о себѣ говорить соціальный вопросъ. Попытки республиканскихъ возстаній, подавлявшіяся при помощи военной силы, тоже обращали на себя всеобщее вниманіе. Ламеннэ въ это время переживалъ весьма мрачное, тягостное настроеніе духа: вынужденное молчаніе было выше его силъ. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ. Въ 1834 г. вышла въ свѣтъ его небольшая книжка подъ заглавіемъ „Paroles d'un croyant“. Это были дѣйствительно „слова вѣрующаго“, притомъ вѣрующаго, одареннаго большимъ поэтическимъ талантомъ и хорошо усвоившаго простой, но возвышенный тонъ псалмовъ, библейскихъ пророчествъ и евангельскихъ притчъ. Содержаніе „Словъ вѣрующаго“ заключается въ полномъ осужденіи современнаго автору политическаго и экономическаго строя, какъ противнаго христіанской религіи. Народъ бѣдствуетъ, и изъ бѣдственнаго состоянія его не могутъ и не хотятъ вывести ни духовная, ни свѣтская власть. „Восемнадцать столѣтій тому назадъ Божественное Слово посѣяло сѣмя и Духъ Святой оживотворилъ его. И видѣли люди цвѣтъ его и вкушали плоды его, плоды древа жизни, снова посаженнаго на ихъ бѣдной землѣ. И радость ихъ была велика, когда они узрѣли свѣтъ и ощутили теплоту отъ небеснаго огня. Нынѣ земля сдѣлалась опять мрачною и холодною“. И вотъ на землѣ этой „у лисицъ есть свои логовища и

у птицъ небесныхъ свои гнѣзда; сынъ же человѣческій не имѣетъ гдѣ преклонить голову". Главныя жалобы, уже раздававшіяся въ лагерѣ соціальныхъ реформаторовъ, нашли мѣсто и въ книгѣ Ламеннэ. Многіе вслѣдствіе этого причисляютъ его къ соціалистамъ, даже называя его родоначальникомъ католическаго соціализма. Несомнѣнно, что авторъ „Словъ вѣрующаго" отразилъ на себѣ начинавшій распространяться во Франціи соціализмъ, но гораздо сильнѣе въ его книгѣ выступаетъ чисто политическій радикализмъ. Еще раньше Ламеннэ высказывалъ республиканскія симпатіи. Теперь онѣ выражаются у него совершенно ясно. Одно изъ его видѣній напоминаетъ намъ своею рельефностью Апокалипсисъ, своею фразеологіей—республиканизмъ французской революціи: семь королей, пьющіе кровь изъ человѣческаго черепа, вмѣсто чаши, проклинаютъ Христа, принесшаго въ міръ свободу, и клянутся другъ другу въ томъ, что будутъ развращать подвластные имъ народы, дабы безпрепятственно имъ править. Народное верховенство теперь окончательно дѣлается политическимъ догматомъ Ламеннэ. Въ Римѣ „Слова вѣрующаго" встрѣтили самое безусловное осужденіе. Въ новой энцикликѣ, спеціально посвященной книгѣ, Григорій XVI назвалъ ее произведеніемъ, выдающимся по превратности изложенныхъ въ немъ идей.

Послѣ этого Ламеннэ былъ въ совершенномъ разрывѣ съ католицизмомъ. Въ 1836 г. онъ даже издалъ книгу „Римскія дѣла", въ которой даетъ цѣлый обвинительный актъ противъ современнаго папства и въ частности противъ Григорія XVI. И въ рядѣ новыхъ сочиненій, каковы „Книга народа" (1837), „Современное рабство" (1839), „Страна и правительство" (1840), „Голосъ изъ тюрьмы" (1841), „Набросокъ философіи" (1841—48), онъ продолжалъ пропагандировать свои демократическія воззрѣнія, постепенно отрѣшаясь отъ самого христіанства для выработки своеобразнаго религіознаго міросозерцанія, въ которомъ, такъ сказать, перекрещиваются отголоски платонизма съ философіей Шеллинга на почвѣ умозрѣній Ѳомы Аквинскаго. За одно изъ этихъ сочиненій („Страна и правительство") Ламеннэ даже попалъ въ тюрьму. Да и вообще за свои нападки на іюльскую монархію онъ довольно часто подвергался преслѣдованіямъ. Когда, наконецъ, палъ ненавистный ему политическій режимъ и во Франціи была провозглашена республика со всеобщею подачею голосовъ, онъ началъ издавать газету „Le Peuple constituant". Въ это именно время и обнаружилось, какъ далекъ былъ Ламеннэ на самомъ дѣлѣ отъ соціализма. По его мнѣнію, всѣ соціальныя системы, бывшія въ то время въ ходу, никуда не годились, ибо въ концѣ концовъ онѣ приводятъ къ коммунизму, а „собственность должна быть индивидуальною, или ея вовсе не будетъ". Съ другой

стороны, по его представленію, все дѣло только въ добровольномъ проявленіи братскихъ чувствъ между отдѣльными членами общества, проникнутыми христіанскою любовью и просвѣщенными религіозною вѣрою. Наконецъ, онъ прямо предостерегалъ народъ отъ „призрачныхъ и обманчивыхъ системъ, выдумываемыхъ людьми и только отклоняющихъ насъ отъ путей, предначертанныхъ божественнымъ Провидѣніемъ". Поэтому онъ обвинялъ всѣ соціалистическія системы въ томъ, что онѣ готовятъ для народа такое рабство, какого еще свѣтъ не видѣлъ, ибо превращаютъ человѣка въ машину, въ простое орудіе, низводятъ его на степень раба, ниже негра, ниже животнаго.

Сочиненія Ламеннэ тоже производили сильное впечатлѣніе на читателей. Подобно другимъ писателямъ, стоявшимъ въ оппозиціи къ правящему классу, онъ выступалъ защитникомъ народныхъ интересовъ. Его демократизмъ имѣлъ тоже ясно выраженный республиканскій характеръ. Не раздѣляя воззрѣній современнаго соціализма и коммунизма, онъ, однако, не только не защищалъ существующаго общественнаго строя, но обличалъ его, по-своему находя его противнымъ евангельской истинѣ.

Общественныя движенія, происходившія во Франціи между іюльской и февральской революціей, отразились и на изящной литературѣ. Правда, весьма многія явленія этой литературы находились внѣ всякаго отношенія къ политической злобѣ дня, и даже эта эпоха выставила не мало представителей чистой поэзіи, защитниковъ „искусства для искусства", а съ другой стороны, писатели нерѣдко старались только угождать вкусамъ буржуазной толпы [1]), тѣмъ не менѣе въ литературѣ іюльской монархіи было слишкомъ много отраженій современности, чтобы можно было обойти ее молчаніемъ.

Іюльская революція совпала по времени съ побѣдой романтизма надъ классицизмомъ. Устами Виктора Гюго романтизмъ объявилъ себя либерализмомъ въ литературѣ [2]). Въ это время и онъ окончательно раздѣлался съ своими прежними роялистическими и католическими симпатіями. Запрещеніе театральною цензурою пьесы „Le roi s'amuse" (1832) крайне раздосадовало Виктора Гюго, и онъ заговорилъ оппозиціоннымъ языкомъ. Но это еще не значило, что изящная литература обратилась къ политическимъ темамъ. Въ тридцатыхъ годахъ романъ и драма интересовались болѣе міромъ внутренней жизни личности и взаимныхъ людскихъ отношеній частнаго характера, чѣмъ вопросами чисто общественнаго свойства. Событія 1830 г. отразились только на лирикѣ, да и то въ данномъ случаѣ вдохновляла поэтовъ главнымъ образомъ драматическая сторона событій. Делавинь воспѣлъ

[1]) См. выше, стр. 113

[2]) См. т. IV, стр. 292.

іюльскую революцію въ своей „Parisienne“, за которою послѣдовала „La Varsovienne», воспѣвавшая польское возстаніе. Послѣднее вообще вдохновляло французскихъ поэтовъ, среди которыхъ по этому же поводу необходимо назвать и старика Беранже. Бартелеми и Мери, осмѣивавшіе въ стихахъ порядки реставраціи и подвергавшіеся за это преслѣдованіямъ, выразили свое недовольство исходомъ іюльской революціи въ стихотвореніи „La dupinade ou la révolution dupée“. Великій сатирикъ Барбье нападалъ съ негодованіемъ въ своихъ сильныхъ стихахъ („Ямбы“) на реакціонное направленіе властей и правящихъ классовъ, вырывавшихъ у народа плоды его іюльской побѣды. Вообще, репрессивныя мѣры противъ печати [1]) сильно раздражали писателей и отвращали ихъ отъ іюльскаго режима. Но самое интересное литературное явленіе, достойное здѣсь быть отмѣченнымъ, это — обращеніе романистовъ и драматурговъ къ начинавшему все болѣе и болѣе волновать умы соціальному вопросу.

Въ сороковыхъ годахъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ видовъ литературы во Франціи сдѣлался такъ называемый соціальный романъ, главнымъ содержаніемъ котораго было изображеніе бѣдствій, происходящихъ отъ дурного устройства общества. Особенно много читались въ эту эпоху знаменитыя „Парижскія тайны“ Эжена Сю, вышедшія въ свѣтъ въ 1842 г. Авторъ этого романа выступилъ на литературное поприще еще около 1830 года и скоро сдѣлался однимъ изъ наиболѣе читаемыхъ авторовъ. Первоначальное его направленіе, однако, далеко не соотвѣтствовало новымъ демократическимъ стремленіямъ. Скорѣе онъ былъ даже бытописателемъ добраго стараго времени и противникомъ современныхъ идей. Около 1840 г. онъ сразу перешелъ въ лагерь соціалистовъ и въ своихъ „Парижскихъ тайнахъ“ далъ ужасающую картину нищеты и порочности парижскаго пролетаріата. Это произведеніе было написано въ духѣ сенсаціонныхъ романовъ той эпохи, расчитанныхъ на то, чтобы поражать читателя разными невѣроятностями и несообразностями, но основная мысль Эжена Сю была та, что всѣ ужасы, которые онъ изображалъ, были результатомъ дурного общественнаго устройства. Успѣхъ романа былъ колоссальный. О немъ свидѣтельствуютъ многочисленныя изданія, выдержанныя имъ въ короткое время, между прочимъ дешевое изданіе для народа, а также и разныя подражанія, которыя стали появляться на литературномъ рынкѣ. „Парижскія тайны“ были переведены на многіе языки, и имя Сю сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе популярныхъ во всей Европѣ. И впослѣдствіи Сю выступалъ съ романами, въ которыхъ затрогивалъ соціальные вопросы. Его книга Les mystères du

[1]) См. выше, стр. 137—138.

peuple", въ которой изображалось состояніе пролетаріата въ разныя историческія времена, подвергалась даже судебному преслѣдованію, и присяжные приговорили уничтожить ее за ея безнравственность и опасное направленіе, такъ какъ увидѣли въ ней призывъ къ мятежу.

Почти въ одно время съ Эженомъ Сю сдѣлала соціальныя отношенія предметомъ своихъ произведеній и самая замѣчательная романистка эпохи, Жоржъ Зандъ Какъ извѣстно, это былъ литературный псевдонимъ Авроры Дюдеванъ, выступившей на литературное поприще въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ сотрудничествѣ съ Жюлемъ Сандо, изъ фамиліи котораго и возникъ ея литературный псевдонимъ. Въ своей юности Жоржъ Зандъ пришлось испытать массу непріятностей семейнаго характера въ смыслѣ родительскаго и супружескаго деспотизма. Разошедшись въ 1831 г. съ мужемъ, она поселилась въ Парижѣ, подружилась со многими молодыми писателями и постоянно вела съ ними компанію, переодѣвшись въ мужское платье. Первые ея романы представляли изъ себя проповѣдь свободы чувства, заступничество за права женщины противъ того положенія, въ какое ее ставили семья и бракъ, какъ основа семьи. Эти романы были написаны въ романтическомъ духѣ, и реальная жизнь подвергалась въ нихъ сильной идеализаціи. У Жоржъ Зандъ никогда не исчезала мистическая основа ея міросозерцанія, и на ней до самаго конца сверхъ того сказывалось вліяніе сентиментализма Руссо. Ея романы производили сильное впечатлѣніе на современное общество. Особенно большое вліяніе оказала Жоржъ Зандъ на теоретическую постановку женскаго вопроса; въ этомъ отношеніи ея проповѣдь имѣла много общаго съ тою эманципаціей женщины, о которой говорили с.-симонисты [1]). Нѣкоторые романы Жоржъ Зандъ дѣлались предметомъ самыхъ живыхъ общественныхъ толковъ, и нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что соціальные реформаторы той эпохи искали сближенія съ талантливой романисткой, которая обнаруживала замѣчательную способность къ краснорѣчивой защитѣ исповѣдуемыхъ ею принциповъ. Сама Жоржъ Зандъ, натура въ высшей степени подвижная и увлекающаяся, искала знакомствъ среди людей новаго образа мыслей, легко воспринимала ихъ идеи, особенно если послѣднія гармонировали съ ея собственнымъ міросозерцаніемъ, и около 1840 г. отъ міра личной страсти, который изображала въ первыхъ своихъ романахъ, обратилась къ окружающей общественной дѣйствительности, дабы воспроизвести ее въ цѣломъ рядѣ новыхъ романовъ съ содержаніемъ прямо соціальнымъ.

Начало ея сближенія съ тогдашними демократами относится

---

[1]) См. выше, стр. 285 и слѣд.

къ серединѣ тридцатыхъ годовъ. Именно въ это время она сблизилась съ Мишелемъ, однимъ изъ адвокатовъ, принимавшихъ участіе въ знаменитомъ политическомъ процессѣ по случаю республиканскаго возстанія 1834 г. [1]). Впервые въ это время Жоржъ Зандъ начала интересоваться политикой, тѣмъ болѣе, что самъ Мишель указывалъ ей на эгоистичность любви и говорилъ о необходимости распространить защиту человѣческихъ правъ на всѣхъ, кто только страдаетъ отъ людской несправедливости. Около того же времени Жоржъ Зандъ стала видаться съ Ламеннэ, Леру и Луи Бланомъ. Особенно сильное вліяніе оказали на нее два первые писателя, болѣе подходившіе къ ея собственному міросозерцанію и настроенію своимъ религіознымъ мистицизмомъ. Съ этого времени въ своихъ романахъ она начала заступаться за народъ противъ своекорыстной буржуазіи, пользуясь привычной ей литературной формой для того, чтобы распространять соціалистическія идеи. Въ 1841 г. съ своими новыми друзьями она даже основала журналъ „Revue Indépendante“ для пропаганды новой соціальной религіи. Въ романахъ Жоржъ Зандъ, вышедшихъ изъ-подъ ея пера въ сороковыхъ годахъ, выводятся на сцену лица разныхъ общественныхъ положеній, но всѣ симпатіи автора на сторонѣ пролетаріата и крестьянства. Мы напрасно, однако, стали бы искать въ этихъ романахъ настоящій народъ. Свою прежнюю манеру— идеализировать дѣйствительность она перенесла и въ новую область литературнаго творчества. Народъ въ ея произведеніяхъ, въ особенности сельскій людъ, который она идеализировала съ тѣмъ большею охотою, что здѣсь ей представлялась возможность рисовать чисто идиллическія картины быта, является вообще настроеннымъ весьма религіозно и въ то же время обладающимъ здравымъ смысломъ и большою практическою мудростью. Первымъ романомъ, въ которомъ она открыто стала проповѣдовать новыя идеи, былъ „Le Compagnon d'un tour de France“, названный въ русскомъ переводѣ по имени главнаго героя „Пьеръ Гюгененъ“ (1841). За этимъ романомъ слѣдовалъ рядъ другихъ, и всѣ они нарасхватъ читались публикой, производя сильное впечатлѣніе на людей, бывшихъ недовольными существующими порядками.

Французскій театръ сороковыхъ годовъ равнымъ образомъ становился орудіемъ пропаганды новыхъ общественныхъ идей. Достаточно вспомнить пьесу „Парижскій Ветошникъ“, о которой писалъ Герценъ въ своихъ корреспонденціяхъ изъ Парижа въ 1847 г. Авторомъ этой пьесы былъ Феликсъ Піа, игравшій впослѣдствіи такую видную роль въ исторіи французской демократіи. Герценъ раз-

[1]) См. выше, стр. 136—137.

сказываетъ анекдотъ о томъ, что когда знаменитый въ то время французскій актеръ Леметръ представилъ нѣкоторыя сцены изъ этой драмы передъ королевой Викторіей въ Виндзорѣ, послѣдняя была ими тронута до слезъ. „Неужели въ Парижѣ много такихъ бѣдняковъ?“ спросила она Леметра.—„Много, Ваше Величество, отвѣчалъ Леметръ; это—парижскіе ирландцы“.

Новое общественное движеніе было встрѣчено во Франціи господствовавшей въ то время эклектической философіей весьма неблагосклонно [1]). Въ эпоху іюльской монархіи эклектизмъ Кузена, сдѣлавшагося членомъ государственнаго совѣта и палаты пэровъ, получилъ, такъ сказать, оффиціальное признаніе, и философскія каѳедры замѣщались почти исключительно его послѣдователями. Нисколько не измѣнивъ своего характера, эта школа стала направлять свои удары только въ другую сторону, чѣмъ дѣлала это раньше. Прежде она боролась противъ реакціоннаго католицизма, заимствуя свои идеи изъ Германіи, а теперь врагомъ, съ которымъ она считала нужнымъ вести борьбу, былъ соціализмъ, нѣмецкая же философія сама, какъ мы увидимъ, рѣзко порвала съ своимъ консервативнымъ прошлымъ. Недовольный такимъ оборотомъ, Кузенъ возвратился къ „національнымъ традиціямъ“ въ философіи, усердно начавъ изучать Декарта. Весьма естественно, что представители новыхъ общественныхъ идей выступили противниками Кузена, хотя сами стояли на религіозно-мистической точкѣ зрѣнія. Впрочемъ, въ разсматриваемый періодъ вышелъ въ свѣтъ „Курсъ положительной философіи“ (1830—42) Огюста Конта, но въ ту эпоху онъ не обратилъ на себя большого вниманія и не оказалъ вліянія на міросозерцаніе современниковъ [2]).

---

[1]) Объ этой философіи см. т. IV, стр. 255—257.

[2]) Соціальныя идеи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не въ одной Франціи имѣли, какъ выразился бы Контъ, теологическую и метафизическую окраску, т.-е. принимали мистическій и романтическій характеръ („утопическій соціализмъ“). Только очень немногіе въ это время мечтали объ основаніи соціальной философіи на данныхъ наукъ, хотя и не всѣ понимали, какъ это должно было произойти (примѣръ — Луи Бланъ). Мысль Конта о соціологіи, какъ позитивной наукѣ объ обществѣ, поэтому имѣетъ въ высшей степени важное значеніе. Въ Германіи съ такою же идеей нѣсколько позже выступилъ Марксъ, какъ это будетъ показано въ обѣихъ слѣдующихъ главахъ.

XV. Нѣмецкій литературный и политическій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ [1]).

Вліяніе іюльской революціи на умственную жизнь Германіи. — Бёрне и Гейне, какъ главные представители оппозиціонной литературы.—Личность и литературная физіономія Бёрне.—Общественное міросозерцаніе Гейне.—«Молодая Германія» и политическая лирика.—Начало раскола въ гегельянствѣ.—Штраусъ, Фейербахъ, Бруно, Бауеръ, Штирнеръ. — Дѣятельность Руге. — Первое выступленіе Карла Маркса.—Философскіе и политическіе взгляды Маркса въ началѣ сороковыхъ годовъ.

На Германіи іюльская революція отразилась не только тѣмъ, что вызвала нѣсколько политическихъ волненій [2]). Тридцатые и сороковые годы были эпохой и совершенно новыхъ явленій въ умственной жизни нѣмецкой націи, на которыхъ несомнѣннымъ образомъ сказалось вліяніе іюльской революціи. Послѣдняя нанесла ударъ всему тому, что было въ столь большомъ почетѣ въ Германіи въ эпоху реставраціи. Въ нѣмецкой литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ происходило освободительное движеніе, которое было настоя-

---

[1]) Общія сочиненія по исторіи нѣмецкой литературы: *I. Hillebrand.* Die deutsche Nationalliteratur seit dem Anfange des XVIII Jahrhundert (1850 и сл.; см. вторую половину 3 тома).—*Gottschal.* Deutsche Nationalliteratur des XIX Jahrhunderts. 1892. — *Kirchner.* Die deutsche Nationalliteratur des XIX Jahrhunderts. 1893. Спеціально „Молодой Германіи“ посвящены книги: *F. Wehl.* Dus junge Deutschland. Ein kleiner Beitrag zur Literaturgeschichte unserer Zeit. 1886.—*G. Brandes.* Das junge Deutschland (VI томъ его соч. Die Literatur des XIX Jahrhunderts in ihren Hauptströmungen. 1891). Соч. о Бёрне и Гейне: *Aug. Boden.* Heine und Börne. 1841. *Reinganum.* Біографія Бёрне при полномъ собраніи сочиненій. 1862.—*C. Grün.* Біографія Бёрне въ другомъ изданіи его сочиненій. 1868. — *C. Alberti.* Ludwig Börne. 1886. По-русски есть переводъ его соч., сдѣланный П. И. Вейнбергомъ, написавшимъ и біографическій очеркъ Бёрне. Кромѣ того, см. *Е. Утинъ.* Политическая литература въ Германіи (Вѣстн. Евр., 1870). Біографіи и характеристики Гейне писались *Meiszner*'омъ (1856), *Strodtmann*'омъ (1857 и болѣе новыя изданія), *Proelss*'омъ (1886), *П. И. Вейнбергомъ* (1892, въ „Биограф. библіотекѣ“ Павленкова). Изд. соч. Гейне въ рус. переводахъ подъ ред. П. И. Вейнберга. Не мало указаній на политическіе взгляды Бёрне и Гейне собрано въ кн. *Юліана Шмидта* по исторіи франц. литературы, названной выше на стр. 314. Для исторіи философскаго движенія см. общіе курсы по исторіи новой философіи или исторіи философіи въ Германіи, особенно *Erdman.* Grundriss der Geschichte der Philosophie (II, 68 sq.). Болѣе подробныя указанія въ рус. переводахъ книгъ *Ибервега-Гейнца* и *Фалькенберга.* Литература о Марксѣ указывается въ слѣд. главѣ.

[2]) См. выше, стр. 59 и слѣд.

щимъ протестомъ противъ началъ, получившихъ перевѣсъ въ жизни нѣмецкаго народа въ предыдущій періодъ. Въ самомъ дѣлѣ, до 1830 г. реакція господствовала въ Германіи не только въ области политики, но и въ умственной жизни [1]). Въ литературѣ царила романтическая школа, характеризующаяся преклоненіемъ передъ средними вѣками, ихъ культурными принципами и соціальными формами. Это литературное направленіе стояло далеко отъ дѣйствительной жизни или даже относилось къ ея треволненіямъ, какъ къ чему-то будничному и недостойному вниманія людей, живущихъ высшими духовными интересами. Идеалистическая философія этой эпохи равнымъ образомъ отличалась абстрактностью, и если нисходила изъ заоблачныхъ высотъ для того, чтобы говорить о земныхъ предметахъ, то лишь для оправданія окружающей дѣйствительности, а такъ какъ эта дѣйствительность имѣла реакціонный характеръ, то и философія, которая ее оправдывала, была проповѣдью, по меньшей мѣрѣ, общественнаго квіетизма. Въ области правовѣдѣнія самымъ выдающимся явленіемъ того времени была такъ называемая историческая школа, которая, конечно, оказала весьма важныя услуги развитію объективной науки, но въ общественномъ смыслѣ придерживалась началъ строгаго консерватизма. Впослѣдствіи по образцу этой исторической школы юриспруденціи сформировалась и историческая школа въ политической экономіи, которая точно такъ же или сторонилась живыхъ вопросовъ современности, или стремилась разрѣшить ихъ въ консервативномъ смыслѣ. Подъ тройнымъ вліяніемъ романтической литературы, идеалистической философіи и исторической школы права нѣмецкое общество какъ-будто засыпало, но іюльская революція его пробудила. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ Гейне, какъ Лютеръ защищалъ свои тезисы на вормсскомъ сеймѣ, ни одно событіе такъ сильно не взволновало мое отечество, какъ іюльская революція“. Переворотъ этотъ былъ совершенною неожиданностью для нѣмцевъ: до такой степени они свыклись съ мыслью о томъ, что жизнь европейскихъ народовъ вступила въ періодъ какой-то неподвижности, которую проповѣдовали и литераторы, и философы, и ученые. Несмотря на то, что за политическими движеніями, вызванными въ Германіи іюльской революціей, снова наступила реакція, на этотъ разъ она ограничилась главнымъ образомъ однѣми правительственными сферами, тогда какъ въ обществѣ, наоборотъ, тѣ идеи, проповѣдниками которыхъ были писатели предыдущихъ лѣтъ, стали утрачивать всякій кредитъ, а на первый планъ выдвинулись новыя идеи, бывшія отрицаніемъ не только господ-

[1]) Для дальнѣйшаго ср. т. IV, стр. 257—258, 266—270, 275, 279—280, 347—348, 355—357, 361, 364—367, 373—376.

ствовавшихъ порядковъ, но и принциповъ, царившихъ въ умственной жизни Германіи до 1830 г. Въ данномъ отношеніи особенно характерными явленіями нѣмецкаго культурнаго развитія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ были, съ одной стороны, новое литературное направленіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ подъ именемъ „молодой Германіи“, а съ другой—новое направленіе философское, имѣвшее своихъ представителей въ лицѣ такъ называемыхъ „молодыхъ гегельянцевъ“, образовавшихъ въ школѣ знаменитаго философа „лѣвую“ партію. И въ литературѣ, и въ философіи, порвавшихъ съ традиціями реставраціи, сталъ господствовать радикализмъ, который по временамъ принималъ прямо революціонный характеръ.

Главными представителями новаго литературнаго движенія были Бёрне и Гейне. Оба они по происхожденію принадлежали къ еврейству. Не связанные съ старыми національными традиціями нѣмецкаго общества, оба они должны были скорѣе отрицательно относиться къ этимъ традиціямъ, если только мы вспомнимъ, въ какомъ униженіи жили ихъ единоплеменники при господствѣ стараго порядка. Къ окружающей ихъ дѣйствительности оба они относились отрицательно, какъ и къ тѣмъ культурнымъ началамъ, которыя господствовали въ литературѣ предыдущихъ десятилѣтій. Сначала они между собою сблизились, встрѣтившись въ Парижѣ, куда оба отправились послѣ іюльской революціи. Они даже стали вмѣстѣ дѣйствовать, но затѣмъ разошлись въ разныя стороны, благодаря крайнему несходству своихъ натуръ. Бёрне относился къ жизни, какъ практическій дѣятель, Гейне—какъ художникъ. Одинъ былъ прежде всего политическимъ агитаторомъ, другой интересовался болѣе всего эстетической стороною жизни. Къ своимъ принципамъ Бёрне относился съ крайнимъ фанатизмомъ, не дозволявшимъ ему глядѣть по сторонамъ и даже все, какъ слѣдуетъ, видѣть тамъ, куда были направлены его умственные взоры. У Гейне, наоборотъ, скорѣе не было принциповъ, и ко всему онъ готовъ былъ относиться скептически, особенно если что-нибудь не совпадало съ его артистическимъ вкусомъ; во всякомъ случаѣ онъ интересовался весьма живо многими такими вещами, которыя для Бёрне имѣли значеніе пустяковъ. Когда Бёрне хорошо узналъ, что̀ представлялъ собою Гейне, онъ постоянно упрекалъ его въ политическомъ индифферентизмѣ и въ чрезмѣрномъ преклоненіи передъ художественною формою. Онъ говорилъ, напримѣръ, что, пожалуй, въ эпоху великой революціи Гейне и способенъ былъ бы увлечься сценою въ Jeu de Paume и сталъ бы на сторону самыхъ рьяныхъ защитниковъ свободы, но если бы онъ увидѣлъ, что изъ кармана Мирабо высовывается кончикъ трубки съ кисточкой, какъ у любого нѣмецкаго бурша, онъ тотчасъ же охладѣлъ бы къ свободѣ и

началъ бы выхвалять въ чудесныхъ стихахъ прелестные глаза Маріи Антуанеты. Это было сказано очень зло, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма мѣтко. Съ своей стороны, Гейне находилъ Бёрне слишкомъ узкимъ и слишкомъ скучнымъ и, признавая его честность, не хотѣлъ признавать за нимъ дарованій. Впослѣдствіи, уже по смерти Бёрне, онъ написалъ о немъ небольшое сочиненіе, въ которомъ даже весьма нескромно выставляетъ на видъ собственныя свои достоинства рядомъ съ недостатками своего бывшаго пріятеля. Оба они будили мысль нѣмецкаго общества, но каждый по-своему, и въ этомъ смыслѣ они только другъ друга дополняли. Какъ писатель, Гейне, конечно, стоялъ гораздо выше своего соперника, но послѣдній превосходилъ его, какъ нравственная личность и какъ общественный дѣятель. Оружіемъ Гейне была злая насмѣшка; ради краснаго словца, лишь бы только вышло остроумно, онъ никого и ничего не щадилъ, позволяя себѣ выходки и противъ тѣхъ принциповъ, которымъ, повидимому, служилъ всею своею литературною дѣятельностью. Такія выходки были особенно несимпатичны Бёрне: онъ тоже умѣлъ зло смѣяться, но не умѣлъ смѣяться ради простого остроумія, такъ какъ въ основѣ его смѣха лежало глубокое негодованіе на тѣ явленія жизни, которыя находились въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его нравственнымъ и общественнымъ идеаломъ.

Людвигъ Бёрне первоначально предназначался къ занятію медициной, потомъ юриспруденціей, по желанію своего отца, мелкаго франкфуртскаго банкира. Но его влекли къ себѣ науки политическія, на которыхъ онъ окончательно и остановился. Его студенческіе годы пришлись на время національнаго возбужденія Германіи, вызваннаго борьбою съ Наполеономъ. Еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ сталъ издавать журналы въ либеральномъ духѣ, выступая спеціально противъ людей, которые въ это время въ Германіи проповѣдовали ненависть къ французамъ и ко всему французскому [1]). По условіямъ тогдашней цензуры ему не всегда было возможно проводить безъ обиняковъ свои политическіе взгляды. Особенно охотно онъ обращался къ критикѣ литературныхъ произведеній, если при этомъ представлялась возможность высказать тѣ или другіе общественные взгляды. Статьи по формѣ выходили литературныя, по содержанію публицистическія. Другую категорію его статей представляли тѣ, въ которыхъ онъ выступалъ сатирикомъ, изображая въ смѣшномъ видѣ тогдашнюю нѣмецкую періодическую печать, равно какъ нѣмецкое общество, составлявшее читателей всей этой пошлой прессы. Цензура преслѣдовала изданія Бёрне, да и къ нему самому власти отно-

[1]) См. т. IV, стр. 339 и 361.

сились довольно подозрительно. Однажды во время знаменитаго преслѣдованія демагоговъ [1]) Бёрне даже предпочелъ на время покинуть родину и уѣхалъ въ Парижъ. Другой разъ ему не удалось избѣжать обыска, за которымъ послѣдовалъ арестъ, впрочемъ, непродолжительный, такъ какъ въ бумагахъ его не было найдено ничего сколько-нибудь предосудительнаго. Когда вспыхнула іюльская революція, Бёрне поспѣшилъ въ Парижъ. Сначала все его тамъ необыкновенно увлекало, и онъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ переворота, пока не стали обнаруживаться признаки вызванной этимъ переворотомъ реакціи. За кратковременнымъ періодомъ увлеченія наступилъ періодъ разочарованія. Но Бёрне остался жить въ Парижѣ, откуда своими сочиненіями главнымъ образомъ и дѣйствовалъ на нѣмецкое общество. Для многочисленныхъ политическихъ выходцевъ изъ Германіи, искавшихъ убѣжища въ Парижѣ послѣ неудачи революціонныхъ попытокъ начала тридцатыхъ годовъ, домъ Бёрне сдѣлался своего рода центромъ, и самъ онъ на время превратился въ вождя нѣмецкаго политическаго радикализма. Только въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ вынужденъ болѣзнью проводить свои дни въ уединеніи. Кромѣ того, онъ одинъ изъ первыхъ пришелъ къ мысли о необходимости объединенія политической дѣятельности друзей свободы въ обѣихъ сосѣднихъ націяхъ. Вообще французская общественная мысль въ эту эпоху оказывала весьма сильное вліяніе на нѣмцевъ, а Бёрне былъ первымъ виднымъ писателемъ, который сталъ разъяснять нѣмцамъ значеніе іюльской революціи.

Въ двадцатыхъ годахъ Бёрне былъ еще мало извѣстенъ читающей публикѣ. Въ 1829 г. онъ предпринялъ изданіе своихъ сочиненій, весьма сочувственно принятое критикой, но сначала не обратившее на себя большого вниманія въ обществѣ. Только когда появились его „Письма изъ Парижа“, онъ сразу прославился и сдѣлался однимъ изъ любимцевъ читающей публики. Первоначально эти письма вовсе не предназначались для печати. Бёрне писалъ ихъ къ одной своей пріятельницѣ, госпожѣ Воль, которая убѣдила его потомъ предать эти письма гласности. Въ нихъ вылилось все то, что накопилось у него на душѣ по поводу событій 1830 года не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ. Нѣмецкія правительства, встревоженныя громаднымъ успѣхомъ книги, поторопились ее запретить, а писатели изъ консервативнаго лагеря стали нападать на ея автора. Это только увеличило популярность Бёрне. Въ 1832 г. онъ даже предпринялъ не вполнѣ безопасное путешествіе въ Германію на знаменитый Гам-

[1]) См. т. IV, стр. 365 и слѣд.

бахскій праздникъ [1]). Во время этого путешествія онъ былъ предметомъ самыхъ пламенныхъ овацій со стороны нѣмецкихъ либераловъ. Этотъ успѣхъ заставилъ его продолжать свои „Письма изъ Парижа“, въ которыхъ онъ попрежнему давалъ волю своему политическому негодованію. Общественное міросозерцаніе Бёрне можно опредѣлить, какъ политическій радикализмъ. Онъ вѣрилъ, что политическая свобода въ демократическихъ формахъ есть главное и даже единственное средство противъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій. Соціальный вопросъ его интересовалъ очень мало, и онъ думалъ даже, что установленіе республиканской формы правленія само по себѣ можетъ устранить всѣ недостатки общественнаго устройства. Только въ концѣ своей жизни онъ сталъ увлекаться проповѣдью Ламеннэ и даже началъ переводить его сочиненія на нѣмецкій языкъ, да и то, повидимому, цѣня въ этихъ сочиненіяхъ религіозно-демократическое направленіе ихъ автора. Извѣстно, что Бёрне принялъ христіанство лишь въ 1817 г., имѣя отъ роду около тридцати лѣтъ. Его личное отношеніе къ христіанской религіи было весьма сочувственное, и въ ней ему особенно нравилась заповѣдь братской любви. Христіанство казалось ему религіей демократіи и гуманности, религіей простонародья (die Religion des armen Teufels). Онъ даже считалъ католицизмъ религіей свободы, ссылаясь между прочимъ на то, что единственнымъ народомъ на сѣверѣ Европы, ведущимъ борьбу за свободу, являются поляки, оставшіеся вѣрными католицизму. Не будучи человѣкомъ вѣрующимъ въ догматическомъ смыслѣ, онъ непріязненно относился, однако, къ сенъ-симонистамъ за ихъ отступничество отъ католицизма и очень не одобрялъ появившуюся въ послѣдніе годы его жизни книгу Штрауса „Жизнь Іисуса“. Такое отношеніе къ христіанству вполнѣ объясняетъ намъ, почему Бёрне сдѣлался переводчикомъ „Словъ вѣрующаго“ Ламеннэ. Тонъ, въ которомъ Бёрне писалъ свои памфлеты, отличался большою рѣзкостью. Въ его глазахъ главными виновниками всего дурного въ общественной жизни были правители. Съ другой стороны, еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности онъ всячески преслѣдовалъ филистерство, въ которомъ видѣлъ главный недостатокъ нѣмецкаго общества. „Если бы, писалъ онъ однажды, я былъ нѣмецкимъ государемъ, я всѣхъ своихъ подданныхъ сдѣлалъ бы счастливыми: я всѣхъ ихъ произвелъ бы въ надворные совѣтники; да, по крайней мѣрѣ, въ надворные совѣтники“. Его очень огорчало, что другіе народы гораздо болѣе любятъ свободу, чѣмъ его соотечественники. „Испанцы, итальянцы, русскіе, писалъ онъ въ 1831 г., и разные другіе народы—рабы, а народы нѣмецкаго

[1]) См. выше, стр. 169—170.

языка—прислужники. Рабство, однако, дѣлаетъ людей только несчастными, не лишая ихъ достоинства, тогда какъ прислужничество унижаетъ человѣка". На одномъ международномъ банкетѣ 1831 г. онъ даже не рѣшился произнести рѣчи, объяснивъ потомъ свой отказъ слѣдующимъ образомъ: „полякъ, испанецъ представляютъ собою нѣкоторое отечество; за каждымъ изъ нихъ стоитъ цѣлый народъ. Но что̀ представляю собою я? О какихъ дѣлахъ я напоминаю? Я стою̀ одиноко, я лакей и, какъ всѣ нѣмцы, ношу ливрею". Весьма естественно, что своими нападками на самый характеръ нѣмецкаго общества онъ возбуждалъ противъ себя національное чувство значительной части своихъ соотечественниковъ, и какъ среди его современниковъ, такъ и впослѣдствіи противъ Бёрне раздавались обвиненія въ недостаткѣ патріотизма, въ желаніи всячески унижать Германію и на ея счетъ возвышать Францію, какъ настоящую страну свѣта и свободы. Главнымъ противникомъ Бёрне въ этомъ отношеніи былъ извѣстный „французоѣдъ" (Französenfresser) Менцель, когда-то либералъ, впослѣдствіи обскурантъ и реакціонеръ, сдѣлавшійся даже настоящимъ политическимъ доносчикомъ. Въ послѣдній годъ своей жизни (1837) Бёрне разразился противъ него извѣстною статьею, которая еще болѣе ожесточила Менцеля противъ новаго направленія литературы.

Литературная дѣятельность Генриха Гейне началась лѣтъ за десять до іюльской революціи. Первыя его произведенія, написанныя въ духѣ романтизма, увидѣли свѣтъ еще въ его студенческіе годы. Уже въ этихъ юношескихъ его произведеніяхъ обнаруживалось довольно смѣлое отношеніе автора къ традиціоннымъ рѣшеніямъ разныхъ религіозныхъ и моральныхъ вопросовъ. Въ 1825 г. Гейне окончилъ свой докторскій экзаменъ, перемѣнивъ еврейскую религію на лютеранство, что̀ ни малѣйшимъ образомъ не было результатомъ какого-либо убѣжденія. Около этого времени онъ много путешествовалъ по Германіи, плодомъ чего были его знаменитыя „Reisebilder". Появленіе перваго выпуска этого сочиненія Гейне доставило ему большую извѣстность, но вмѣстѣ съ тѣмъ книжка подверглась запрещенію. Та же судьба постигла и вторую часть „Путевыхъ картинъ", которая также произвела сильное впечатлѣніе. Самъ Гейне счелъ даже болѣе благоразумнымъ на время уѣхать въ Лондонъ. И третья часть „Путевыхъ картинъ" была запрещена тотчасъ же послѣ своего выхода въ Берлинѣ, который Гейне благоразумно поспѣшилъ оставить. Вскорѣ послѣ этого произошла іюльская революція, и Гейне сталъ подумывать о переселеніи въ Парижъ. Намѣреніе это онъ привелъ въ исполненіе весною 1831 г., сдѣлавшись корреспондентомъ „Allgemeine Zeitung". Однако, его корреспонденціи въ эту газету должны были скоро прекратиться, потому что у ея издателя власти

прямо потребовали прекращенія сотрудничества Гейне. Тогда онъ собралъ свои статьи въ одну книгу [1]), подъ заглавіемъ „Französische Zustände“ (1832), снабдивъ ее такимъ предисловіемъ, послѣ котораго возвращеніе на родину сдѣлалось для него совершенно немыслимымъ. Подобно Бёрне въ Парижѣ Гейне сталъ сближаться съ французами и даже писалъ для французскихъ журналовъ статьи по религіи, философіи и литературѣ Германіи. На родинѣ между тѣмъ его сочиненія подвергались новымъ преслѣдованіямъ. Его поэма „Зимняя сказка“, въ которой онъ подвергаетъ безпощадному осмѣянію тогдашніе нѣмецкіе порядки, была немедленно запрещена, а прусскимъ пограничнымъ властямъ было послано предписаніе схватить дерзкаго поэта, если бы онъ только гдѣ-нибудь появился. Такимъ образомъ Гейне былъ обреченъ проводить жизнь въ изгнаніи. Въ сороковыхъ годахъ онъ даже вынужденъ былъ жить на пенсію, которую ему платило французское правительство. Когда въ Парижѣ вспыхнула новая революція, Гейне былъ уже настоящей развалиной отъ страшной болѣзни, въ теченіе восьми лѣтъ державшей его прикованнымъ къ постели.

Здѣсь не мѣсто разсматривать дѣятельность Гейне, какъ поэта, особенно въ тѣхъ сторонахъ его поэзіи, за которыя его справедливо называютъ великимъ писателемъ. Для насъ здѣсь важно указать лишь на характеръ общественнаго міросозерцанія и политическаго настроенія Гейне, бывшій полною противоположностью романтизма, въ духѣ котораго Гейне началъ свою поэтическую дѣятельность. Незадолго до своей смерти въ „Признаніяхъ“ (1854) онъ самъ писалъ, что одинъ умный французъ назвалъ его „романтикомъ-разстригой“ (un romantique défroqué) и что такое опредѣленіе весьма мѣтко. „Дѣлая, продолжаетъ онъ, опустошительные набѣги противъ романтики, я самъ оставался, однако, романтикомъ и былъ имъ еще въ бо̀льшей мѣрѣ, нежели то думалъ самъ“. Дѣйствительно, онъ весьма многое унаслѣдовалъ и удержалъ за собою изъ романтизма, хотя въ то же самое время своей насмѣшкой никто не наносилъ романтизму такихъ, какъ онъ, убійственныхъ ударовъ. Особенно было важно то, что онъ сдѣлалъ предметомъ своей поэзіи дѣйствительную жизнь и что онъ внесъ въ свою поэзію критическое отношеніе къ принципамъ и формамъ культурнаго и политическаго быта современной ему Германіи. Благодаря этому то, что̀ было романтическаго въ его литературной дѣятельности, получало совершенно иной характеръ, и эта дѣятельность пріобрѣла несомнѣнно освободительное значеніе

[1]) См. выше, стр. 115.

для общества, которое только-что пережило нѣсколько лѣтъ самой мрачной культурной реакціи.

Нѣмецкій романтизмъ питался идеями среднихъ вѣковъ съ ихъ рыцарствомъ и монашествомъ. Въ одномъ изъ своихъ произведеній Гейне называетъ себя „рыцаремъ духа“, но этотъ рыцарь, какъ опять-таки говоритъ о себѣ онъ самъ, былъ „удалымъ барабанщикомъ“ свободы, „храбрымъ солдатомъ въ войнѣ за освобожденіе человѣчества“. Прежде всего это освобожденіе было освобожденіемъ отъ всякаго аскетизма и пуританизма. Поэтъ защищалъ права человѣческой личности на наслажденіе радостями жизни, и въ этомъ смыслѣ та реабилитація плоти, которую проповѣдовали сенъ-симонисты [1]), была весьма симпатична Гейне. Пожалуй, только это и понималъ онъ въ сенъ-симонизмѣ, экономическая доктрина котораго его интересовала весьма мало. Вообще всѣхъ людей по міросозерцанію и настроенію онъ дѣлилъ на іудеевъ и эллиновъ, отдавая рѣшительное предпочтеніе жизнерадостному эллинству предъ ригористическимъ іудействомъ. Первая французская революція казалась ему слишкомъ строгой и добродѣтельной, потому что его собственное сочувствіе было на сторонѣ демократіи блаженныхъ боговъ, питающихся нектаромъ и амброзіей и живущихъ въ полное свое удовольствіе. Гейне всегда былъ индивидуалистомъ-эпикурейцемъ и потому не сносилъ никакихъ внѣшнихъ стѣсненій. Но этотъ эпикуреецъ не былъ квіетистомъ и индифферентистомъ. Натура его была боевая, и настроеніе оппозиціонное. При этомъ, однако, онъ былъ лишенъ строго опредѣленнаго политическаго міросозерцанія, будучи способенъ восторгаться силою и величіемъ духа, проявлялась она въ революціонномъ порывѣ народа или геніальной личности Наполеона, глубоко презирая только всякую посредственность и пошлость, проявлялись ли они въ буржуазномъ филистерствѣ цѣлыхъ общественныхъ слоевъ, или въ тѣхъ „трехъ дюжинахъ монарховъ“, какъ онъ называлъ современныхъ ему нѣмецкихъ государей.

Гейне съ восторгомъ привѣтствовалъ іюльскую революцію. Извѣстіе о переворотѣ пришло къ нему, когда ради купанья въ морѣ онъ жилъ на островѣ Гельголандѣ. „Съ материка, писалъ онъ тогда же, получился толстый пакетъ газетъ съ горячими, знойно-жаркими новостями. То были солнечные лучи, завернутые въ бумагу, и они произвели въ душѣ моей самый дикій пожаръ. Мнѣ казалось, что я могъ зажечь весь океанъ до сѣвернаго полюса тѣмъ огнемъ вдохновенія и безумной радости, который пылалъ во мнѣ. Я, какъ сумасшедшій, бѣгалъ по всему дому... Я все еще точно во снѣ, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ.

---

[1]) См. т. IV, стр. 646 и выше, стр. 285.

Особенно имя Лафайета звучитъ для меня, какъ сказка, слышанная въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ снова сидитъ на конѣ, предводительствуя національной гвардіей?.. Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, марсельеза! Я въ совершенномъ опьяненіи! Смѣлыя надежды страстно вздымаются во мнѣ, какъ деревья съ золотыми плодами и длинными-длинными вѣтвями, достигающими высокихъ облаковъ... Я сынъ революціи, восклицаетъ еще Гейне, и снова берусь за оружіе, надъ которымъ моя мать произнесла свое полное чаръ благословеніе. Цвѣтовъ! цвѣтовъ! Я увѣнчаю ими свою голову для смертельной битвы! И лиру! дайте мнѣ лиру, чтобы я спѣлъ боевую пѣсню. Изъ нея вылетятъ слова подобно пламеннымъ звѣздамъ, которыя стрѣляютъ внизъ съ небесной высоты, сожигая дворцы и освѣщая хижины". Поэту даже казалось, что онъ совсѣмъ сошелъ съ ума: „Изъ этихъ дикихъ, завернутыхъ въ печатную бумагу солнечныхъ лучей одинъ попалъ мнѣ въ мозгъ, и всѣ мои мысли горятъ яркимъ пламенемъ". Ему иногда представлялось, что его члены получали колоссальные размѣры, и онъ на неизмѣримо длинныхъ ногахъ перебѣгалъ изъ Германіи во Францію: „да, я помню, что прошедшею ночью я пробѣгалъ по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ и землицамъ и стучалъ въ дверь моихъ друзей и будилъ спящихъ". Въ этихъ словахъ Гейне выразился его восторгъ, съ одной стороны, предъ драматическою красотою момента, съ другой—передъ свободою, которая для него тоже была своего рода красотою. Онъ не прочь былъ вдохновляться и картинами будущаго лучшаго общественнаго строя, когда послѣдній рисовался ему въ поэтическихъ краскахъ. Но восторгаясь марсельезой, онъ въ то же время создавалъ своего рода культъ Наполеона и съ аристократическою брезгливостью отворачивался отъ реальнаго народа, когда ему приходилось съ нимъ непосредственно сталкиваться. Прибавимъ еще, что его пугали новыя соціальныя стремленія, которыя, какъ ему казалось, грозили красотѣ жизни съ ея духовными интересами, поэзіей и искусствомъ. Въ „Признаніяхъ", написанныхъ уже незадолго до смерти, Гейне очень хорошо передаетъ это свое настроеніе, самъ отмѣчая собственныя свои противорѣчія въ области общественныхъ взглядовъ [1]). Самодержавіе народной массы его пугало. „Мы, говоритъ онъ, охотно жертвуемъ собою за народъ: самопожертвованіе принадлежитъ къ числу утонченнѣйшихъ нашихъ наслажденій; осво-

[1]) На упрекъ Бёрне, находившаго противорѣчія въ мнѣніяхъ Гейне, послѣдній отвѣчалъ, что каждый разъ, когда онъ начинаетъ что-нибудь писать, онъ обыкновенно перечитываетъ политическіе взгляды прежнихъ своихъ сочиненій, дабы не впасть какъ-нибудь въ противорѣчіе съ самимъ собою.

божденіе народа было великою задачею нашей жизни. Мы боролись за нее и перенесли много неизъяснимой скорби какъ на родинѣ, такъ и въ изгнаніи. Но, продолжаетъ онъ, чистая, чувствующая натура поэта боится всякаго личнаго близкаго прикосновенія къ народу. Одинъ великій демократъ сказалъ однажды: если бы король пожалъ мнѣ руку, я тотчасъ же положилъ бы ее въ огонь, чтобы очистить ее. А я говорю: если бы самодержавный народъ удостоилъ меня рукопожатія, я вымылъ бы послѣ того руки". Въ тѣхъ же „Признаніяхъ", откуда выписаны эти строки, Гейне разсказываетъ о своей встрѣчѣ „съ знаменитымъ подмастерьемъ портного Вейтлингомъ [1]), который отрекомендовалъ себя, какъ товарища, преданнаго тѣмъ же революціоннымъ и атеистическимъ доктринамъ". Въ эту минуту Гейне „желалъ, чтобы милосердый Богъ вовсе не существовалъ, дабы не могъ замѣтить замѣшательства", въ какое Гейне былъ повергнутъ такимъ товариществомъ и недостаткомъ почтительности, обнаруженнымъ со стороны этого мастерового. Съ особою брезгливостью слушалъ онъ разсказъ Вейтлинга о томъ, какъ тюремщики надѣвали ему цѣпи. „Странныя противорѣчія въ чувствахъ человѣческаго сердца! восклицаетъ при этомъ Гейне. Я, поцѣловавшій однажды съ благоговѣніемъ въ Мюнстерѣ останки портного Яна Лейденскаго, цѣпи, которыя онъ носилъ, и орудія его пытки, до сихъ поръ хранящіяся въ нишѣ передъ мюнстерской ратушей,—я, восторженно поклонявшійся мертвому портному, почувствовалъ непреодолимое отвращеніе при приближеніи живого портного, бывшаго, однако, мученикомъ того самаго дѣла, за которое пострадалъ блаженной памяти Янъ Лейденскій". И Гейне къ этому прибавляетъ, что онъ не въ состояніи объяснить это противорѣчіе и только констатируетъ фактъ, несмотря на возможность крайне неблагопріятнаго для себя его истолкованія.

Вотъ почему у Гейне мы встрѣчаемъ одновременно выраженія крайняго страха предъ надвигающимися соціальными стремленіями и прославленіе будущаго общественнаго строя, на который направлены всѣ эти стремленія. „Моя боязнь коммунизма, говоритъ онъ, право, не имѣетъ ничего общаго со страхомъ счастливца, дрожащаго за свои капиталы. Нѣтъ! сердце мое сжимается съ затаеннымъ страхомъ художника и ученаго, которые понимаютъ, что побѣда коммунизма грозитъ гибелью всей нашей новѣйшей цивилизаціи, наслѣдству, добытому трудомъ столькихъ столѣтій, плоду благороднѣйшихъ усилій нашихъ предшественниковъ". Тотъ же самый Гейне,

---

[1]) См. сл. главу.

однако, написалъ въ первой главѣ своей „Германіи“ „новую пѣснь“, на которой, какъ думаютъ нѣкоторые, сказалось вліяніе Маркса [1]).

Во всякомъ случаѣ отношеніе Гейне къ тогдашней политической дѣйствительности его отечества было въ общемъ вполнѣ отрицательное. „Три дюжины нѣмецкихъ коронъ“ не давали ему покоя, а въ частности его сатирическое перо особенно поражало нѣкоторыхъ представителей власти въ Германіи. Съ особенною рѣзкостью онъ относился къ Пруссіи, казавшейся ему воплощеніемъ всего того, что было для него наиболѣе ненавистнаго въ тогдашней нѣмецкой общественной жизни. Свое политическое настроеніе онъ выражалъ подчасъ съ такою рѣзкостью, которая должна была казаться болѣе, нежели дерзостью, всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ (напримѣръ, его стихотвореніе „1649—1789 — ???“). Весьма естественно, что сочиненія этого писателя въ тогдашней Германіи были запрещены.

Бёрне и Гейне причисляютъ къ литературной группѣ, которая получила названіе „Молодой Германіи“, хотя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ это имя носило нѣсколько писателей болѣе второстепеннаго значенія, именно Лаубе, Винбаргъ, Гутцковъ и Мундтъ. Это были писатели, которые, подобно Гейне, порвавъ связи съ романтическимъ міросозерцаніемъ, сохранили, однако, его субъективизмъ геніальныхъ натуръ, свысока взирающихъ на будничную жизнь. Въ области политическихъ взглядовъ они примыкали къ радикализму и благоговѣли передъ Франціей, что̀ и создавало близость между ними и Бёрне. Ихъ моральная доктрина, какъ и у Гейне, была своеобразнымъ эпикуреизмомъ, протестомъ противъ всякаго аскетизма и ригоризма, проповѣдью реабилитаціи плоти. Въ этомъ отношеніи на нихъ сказывалось вліяніе с.-симонизма и романовъ Жоржъ Зандъ — изъ той поры ея дѣятельности, когда основнымъ мотивомъ этихъ романовъ была эманципація женщины. Произведенія „Молодой Германіи„ на-

---

[1]) Другую, другую и лучшую пѣснь—Для васъ я, друзья, начинаю:—Небесное царство ужъ здѣсь на землѣ—Я съ вами найти уповаю.—Мы счастливы будемъ и здѣсь на землѣ...—Къ чему распинанья и муки?—Лѣнивому брюху того не проѣсть,—Что намъ заработаютъ руки.—А хлѣба для всѣхъ земнородныхъ и здѣсь—Довольно еще наберется:—Есть мирты и розы, краса и любовь,—И сладкій горошекъ найдется.—Да, сладкій горошекъ для всѣхъ мы найдемъ,—Пусть только стручечки облущимъ,—А страны воздушныя мы воробьямъ—И сиамъ нездѣшнимъ уступимъ...—Да, новую, новую, лучшую пѣснь:—Звучитъ она музыкой бальной...—Исчезни навѣкъ Miserere предъ ней,—Замолкни и звонъ погребальный!—Прекрасный у дѣвы Европы женихъ...—То геній свободы: ликуя,—Другъ другу въ объятья упали они,—И въ первомъ слились поцѣлуѣ.—И пусть освященья имъ нѣтъ отъ попа,—Ихъ бракъ всѣхъ прочнѣе на свѣтѣ,—Да здравствуютъ вѣкъ молодая чета—И всѣхъ ихъ грядущія дѣти!

дѣлали не мало шуму, и на нихъ было обращено вниманіе. Главнымъ литературнымъ противникомъ „Молодой Германіи“ явился Менцель, дѣйствовавшій прямо нелитературными пріемами. Въ своихъ нападкахъ на эту группу онъ сталъ указывать, что она пропагандируетъ презрѣніе къ родинѣ, вражду къ религіи, прямую безнравственность и неуваженіе къ установленнымъ властямъ и существующимъ порядкамъ. Результатъ извѣстенъ [1]): 10 декабря 1835 года союзный сеймъ издалъ свое знаменитое постановленіе, которымъ нѣмецкія правительства обязывались дѣйствовать всѣми уголовными и полицейскими средствами своихъ земель противъ сочинителей, издателей, типографщиковъ и распространителей произведеній „Молодой Германіи“, какъ названа была оффиціально новая литературная школа. Это постановленіе только усилило оппозиціонное настроеніе новой литературной школы, и ея представители начинаютъ проявлять еще большій радикализмъ. Какъ мы увидимъ нѣсколько далѣе, около того же 1835 года начинается новое движеніе и въ области нѣмецкой философіи. Оба направленія даже объединяются въ общемъ дѣйствіи—на почвѣ отрицанія романтики и реакціонныхъ общественныхъ порядковъ. Позднѣе, главнымъ образомъ въ сороковыхъ годахъ, въ Германіи появляется даже плеяда поэтовъ, которые создаютъ особую политическую лирику съ характеромъ рѣзко оппозиціоннымъ и даже иногда прямо революціоннымъ. Уже въ предисловіи къ своей „Исторіи нѣмецкой поэзіи“ (1840) Гервинусъ высказалъ мысль, что въ будущемъ нѣмецкая нація не будетъ интересоваться исключительно поэзіей и искусствомъ, но начнетъ стремиться къ разрѣшенію практическихъ жизненныхъ задачъ.

Предшественникомъ этихъ поэтовъ былъ австрійскій поэтъ Ауерспергъ, большой поклонникъ системы Іосифа II. Его стихи были направлены главнымъ образомъ противъ клерикализма, причемъ, однако, онъ дѣлалъ строгое различіе между „попами“ (Pfaffen) и священниками. Другими предметами его ненависти были Меттернихъ, тайная полиція и цензура. Наиболѣе выдающимся представителемъ политической лирики былъ Гервегъ, „король нѣмецкихъ поэтовъ“, какъ готовы были называть его критики. Въ 1841 году онъ сразу прославился сборникомъ стихотвореній (Gedichte eines Lebendigen), а въ 1848 г.— своимъ участіемъ въ революціонномъ движеніи. Въ промежутокъ между этими двумя датами онъ былъ высланъ изъ Пруссіи за рѣзкое письмо, написанное къ Фридриху-Вильгельму IV. Особенно было въ ходу его двустишіе, въ которомъ онъ приглашалъ вырывать изъ земли кресты, чтобы превращать ихъ въ мечи. Впрочемъ, политическія

[1]) См. выше, стр. 178.

воззрѣнія его не отличались опредѣленностью. Нападая на „тирановъ“ и на „филистеровъ“, онъ то склонялся къ республикѣ, то, наоборотъ, возлагалъ всѣ свои упованія на Пруссію. Одновременно съ нимъ выступилъ Дингельштедтъ, который въ 1842 г. выпустилъ сборникъ стиховъ подъ заглавіемъ „Пѣсни космополитическаго ночного сторожа“, въ свое время пользовавшійся успѣхомъ въ публикѣ. Но онъ скоро измѣнилъ оппозиціонному направленію своей поэзіи. Эта политическая лирика стала даже отражать на себѣ и чисто соціальныя стремленія эпохи. Послѣднее можно сказать, напримѣръ, о Фрейлигратѣ, находившемся въ тѣсной дружбѣ съ Марксомъ и даже прямо вдохновлявшемся его идеями. Другимъ такимъ поэтомъ былъ Веердъ, состоявшій въ близкомъ знакомствѣ съ Энгельсомъ. Многіе изъ этихъ политическихъ поэтовъ впослѣдствіи принимали участіе въ событіяхъ 1848 г.

Переходя теперь къ нѣмецкому философскому движенію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, мы должны прежде всего замѣтить, что новыя литературныя направленія находились въ самой тѣсной связи съ этимъ философскимъ движеніемъ. Оно само было реакціей противъ романтизма и ретроградства, притомъ же иногда и сами философы выступали въ роли литературныхъ критиковъ, а поэты, въ свою очередь дѣлавшіеся подчасъ литературными критиками, такъ или иначе отражали въ своихъ воззрѣніяхъ новыя философскія идеи. Между отдѣльными философами и литераторами существовали весьма часто и близкія отношенія личнаго характера, скрѣплявшіяся сотрудничествомъ въ однихъ и тѣхъ же періодическихъ изданіяхъ. Наконецъ, „философія“ прямо давала для поэтической обработки политическія, соціальныя и моральныя темы. Этимъ путемъ происходило распространеніе новыхъ идей въ широкихъ кругахъ читающей публики, несмотря на всѣ цензурныя строгости. Подобно тому, какъ многіе политическіе дѣятели въ эту эпоху удалялись на житье за границу, такъ и печататься многія произведенія тогдашней нѣмецкой литературы могли лишь за предѣлами Германскаго союза. Этотъ оппозиціонный характеръ литературы и философіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ результатомъ весьма медленнаго культурнаго процесса, совершавшагося въ общественной нѣмецкой жизни. Общее его направленіе можетъ быть опредѣлено, какъ переходъ отъ метафизическаго и романтическаго идеализма къ жизненному и научному реализму, отъ политическаго индифферентизма къ живому интересу передъ основными вопросами общественной жизни и главными явленіями окружающей общественной дѣйствительности. Если, однако, въ областяхъ литературнаго творчества и политическаго мышленія нѣмцы этой эпохи многимъ были обязаны французамъ, то въ области отвлеченной фило-

софіи, наоборотъ, они выступили вполнѣ самостоятельно и создали совершенно оригинальныя направленія.

Передъ 1830 годомъ господствующею философіей въ Германіи была система Гегеля. Многимъ вѣрнымъ послѣдователямъ берлинскаго философа казалось, что въ области мысли далѣе и итти некуда, и они готовы были серьезно предлагать вопросъ, что же будетъ составлять дальнѣйшее содержаніе исторіи человѣчества послѣ того, какъ всемірный духъ достигъ въ гегелевой философіи познанія самого себя, составлявшаго цѣль всего процесса [1]). Система Гегеля царила не только въ философіи, но и въ другихъ наукахъ. Этимъ господствомъ она была обязана своей строгой законченности, равно какъ приложимости своихъ основныхъ понятій и своего метода къ разнымъ отраслямъ знанія. Число гегельянцевъ росло съ каждымъ годомъ. Для распространенія идей этой школы основывались и спеціальные органы, изъ которыхъ первый сталъ выходить въ свѣтъ въ 1827 г. подъ заглавіемъ „Ежегодниковъ для научной критики“. Распространенію гегельянства и утвержденію его въ университетахъ очень много содѣйствовало и покровительство, которое оказывалось этой философіи свыше, особенно въ Пруссіи. Въ послѣдніе годы своей жизни, когда Гегель занималъ профессорскую каѳедру въ Берлинѣ, его система сдѣлалась, какъ выразился о немъ одинъ историкъ, „наукообразной хранительницей духа прусской реставраціи“ [2]). Дѣйствительно, его философія въ политическомъ отношеніи была, такъ сказать, идеологическимъ воспроизведеніемъ прусской государственности, отличаясь характеромъ оптимистическаго консерватизма [3]). Въ 1831 г. Гегель умеръ, но и послѣ его смерти продолжалось господство его философіи, вообще характеризующее разсматриваемую эпоху. Вскорѣ, однако, среди гегельянцевъ начались разногласія, которыя привели къ весьма рѣзкому раздѣленію школы на двѣ главныя партіи. Имъ дано было названіе, заимствованное изъ политической области,—одни образовали изъ себя правую сторону, другіе составили лѣвую.

Исходнымъ пунктомъ разногласія было отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, о которыхъ Гегель высказался недостаточно ясно. Во всякомъ случаѣ, оказалось возможнымъ толковать его взглядъ на отношенія, существующія между знаніемъ и вѣрою, совершенно различнымъ образомъ. Онъ училъ, что философія имѣетъ то же самое содержаніе, какъ и религія, только въ другой формѣ, именно въ формѣ понятія, а не представленія. Тѣ изъ гегельянцевъ, которые

---

[1]) См. т. IV, стр. 375.
[2]) См. т. IV, стр. 373.
[3]) См. т. IV, стр. 375—376.

были настроены болѣе консервативно, ухватились за эту формулу, чтобы превратить философію въ своего рода умозрительное богословіе. Другой выводъ сдѣлали болѣе свободомыслящіе гегельянцы. Они выдвигали на первый планъ ту мысль, что измѣненіе формы влечетъ за собою и измѣненіе содержанія. Одни стояли за сохраненіе церковной догматики, другіе стали относиться къ ней отрицательно. Въ частности между учениками Гегеля разгорѣлся споръ о томъ, есть ли Богъ личное или безличное существо, принадлежитъ ли безсмертіе каждому индивидуальному духу или только знаменуетъ вѣчность всеобщаго разума, и, наконецъ, слѣдуетъ ли признавать за Богочеловѣка личность Христа или понимать подъ богочеловѣчествомъ идею человѣчества. Консервативнымъ сторонникамъ Гегеля не нравился основной пантеистическій характеръ системы учителя, и они старались истолковать его ученіе въ смыслѣ церковныхъ догматовъ. Наоборотъ, противоположная партія настаивала на томъ, чтобы видѣть въ Богѣ лишь вѣчную и всеобщую субстанцію, доходящую до самосознанія только въ человѣчествѣ, чтобы безсмертіе допускать въ смыслѣ вѣчности духа вообще, а богочеловѣчество принимать лишь въ отвлеченномъ смыслѣ. Съ этого и началось раздѣленіе между правой и лѣвой гегельянства. Раздѣленіе, возникшее въ области отвлеченной философіи, распространилось потомъ и на отношеніе къ вопросамъ личной и общественной жизни. Правые гегельянцы въ политическомъ смыслѣ являлись защитниками существующихъ порядковъ и въ этомъ отношеніи даже усугубляли консервативный характеръ философіи родоначальника своей школы. Наоборотъ, лѣвая сторона проникнута была радикальными стремленіями не только въ философіи, но и въ политикѣ. Исключеніе составляли только Штраусъ и Бруно Бауеръ, которые, будучи видными представителями лѣваго гегельянства въ философіи, въ политическомъ отношеніи держались, наоборотъ, довольно консервативныхъ взглядовъ. Второй изъ нихъ, впрочемъ, и началъ свою дѣятельность въ рядахъ консервативныхъ гегельянцевъ и даже весьма рѣзко нападалъ на Штрауса. Затѣмъ онъ сдѣлался радикаломъ, но въ концѣ дѣйствовалъ въ духѣ прусской реакціи. Нѣсколько гегельянцевъ заняло среднее положеніе между правой и лѣвою, составивъ то, что въ парламентахъ называется центромъ. Лѣвые гегельянцы — Рихтеръ, Руге, Бруно Бауеръ, Фейербахъ и Штраусъ,— къ нимъ нужно присоединить и Карла Маркса,—представляли собою, такъ сказать, революціонную партію нѣмецкой философіи, которая совершенно измѣнила характеръ ея сравнительно съ прежними идеалистическими системами Фихте, Шеллинга и самого Гегеля. Пантеизмъ послѣдняго въ этомъ новомъ направленіи сталъ постепенно превращаться въ метафизическій матеріализмъ, ставшій въ

весьма враждебныя отношенія къ христіанству. Это направленіе создавало въ Германіи совершенно новое умственное настроеніе, которое расшатывало старые устои нѣмецкаго общества и государства.

Однимъ изъ первыхъ выступилъ на арену съ сочиненіемъ въ новомъ направленіи Рихтеръ, авторъ „Ученія о послѣднихъ вещахъ“ (1833), гдѣ онъ проводилъ взглядъ о поглощеніи всякаго индивидуальнаго духа духомъ всеобщимъ, изъ котораго онъ возникъ, подобно тому какъ волна поглощается океаномъ. Но особенно большой разладъ вызвало появленіе въ 1835 г. книги Давида Штрауса „Жизнь Іисуса“. Штраусъ былъ адъюнктомъ въ Тюбингенѣ, когда написалъ это свое сочиненіе, за которое и лишился своего мѣста. Впослѣдствіи онъ вынужденъ былъ жить главнымъ образомъ литературнымъ трудомъ, и только въ концѣ тридцатыхъ годовъ либеральное цюрихское правительство пригласило его на каѳедру богословія въ своемъ университетѣ. Но Штраусу не удалось занять эту каѳедру. Въ Цюрихѣ противъ него началось серьезное народное волненіе, и правительство должно было уступить, давъ только-что назначенному профессору отставку съ пенсіей (1839). Въ своей „Жизни Іисуса“ Штраусъ выступилъ съ чисто раціоналистическимъ объясненіемъ евангелія. Подъ его перомъ философія религіи, которою такъ охотно занимались нѣмецкіе идеалисты, превратилась въ историческую критику священнаго писанія и догматики. Съ этой точки зрѣнія исторія развитія догматовъ должна была превратиться въ ихъ уничтоженіе путемъ ихъ критики. Штраусъ проповѣдовалъ несовмѣстимость христіанства и философіи: для того, чтобы получить возможность знать, прежде всего нужно перестать вѣрить. Собственное его міросозерцаніе сводилось къ пантеизму. Отвергая чудо, которое было бы только перерывомъ въ естественномъ процессѣ, произведеннымъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ творческой силы, Штраусъ прилагалъ къ толкованію библейскихъ разсказовъ понятіе миѳа. Миѳы не передаютъ намъ ничего дѣйствительно бывшаго, но въ нихъ заключается идеальная истина. Всякій миѳъ создается народной фантазіей, которая облекаетъ въ такую форму ту или другую вѣчную правду. Эту свою теорію Штраусъ примѣнялъ и къ тѣмъ историческимъ даннымъ, которыя послужили для первоначальной христіанской общины въ выработкѣ всего евангельскаго сказанія. Все то, что церковь относитъ къ Христу, должно быть относимо не къ индивидууму, а къ идеѣ, идеею же этою является человѣчество, какъ богочеловѣкъ. Сочиненіе Штрауса вызвало цѣлую массу опроверженій, на которыя онъ отвѣчалъ съ своей стороны. Но ни Штраусъ, ни его противники бо́льшею частью не подвергали изслѣдованію самихъ источниковъ евангельскаго разсказа. Этимъ послѣднимъ дѣломъ занялась такъ называемая тюбингенская

школа богослововъ, которые къ вопросу о началѣ христіанства стали примѣнять методы исторической критики, выработанные предыдущимъ развитіемъ науки: самъ Штраусъ получилъ свое образованіе въ тюбингенскомъ университетѣ и слушалъ лекціи Бауера, признаннаго главы этой школы.

Другимъ виднымъ представителемъ лѣваго гегельянства былъ Фейербахъ. Если Штраусъ, такъ сказать, обнажилъ пантеистическую основу гегелевой системы, то Фейербахъ привелъ ее къ матеріализму. Онъ самъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ ходъ своего философскаго развитія: „первою моею мыслью былъ Богъ, второю мыслью—разумъ, третьею и послѣднею—человѣкъ". Сначала онъ дѣйствительно предавался изученію богословія, но затѣмъ весьма рано промѣнялъ его на философію, сдѣлавшись однимъ изъ самыхъ рьяныхъ послѣдователей Гегеля. Въ духѣ его системы въ 1828 г. онъ началъ читать лекціи въ Эрлангенѣ, а въ годъ смерти Гегеля издалъ (безъ имени автора) „Мысли о смерти и безсмертіи", написанныя въ пантеистическомъ направленіи. Однако, подобно тому, какъ теологію побѣдила философія Гегеля, сама она, по представленію Фейербаха, должна была уступить мѣсто чисто человѣческой философіи. По его собственнымъ словамъ, высшимъ и единственнымъ предметомъ философіи можетъ быть только человѣкъ, а также природа, служащая для него основаніемъ. Поэтому универсальною наукою Фейербахъ сталъ признавать антропологію (конечно, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется въ настоящее время). Съ такой точки зрѣнія онъ вообще принималъ за истину только то, что достовѣрно непосредственно. Онъ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ теологіи, такъ какъ всякій догматъ равносиленъ запрещенію мыслить. Задача философіи вовсе не въ томъ, чтобы оправдывать содержаніе догматовъ, а въ томъ, чтобы объяснять психологически ихъ происхожденіе. Въ своихъ главныхъ сочиненіяхъ „О философіи и христіанствѣ" (1839), „Сущность христіанства" (1841) и „Сущность религіи" (1845) онъ развиваетъ ту мысль, что въ религіи человѣкъ олицетворяетъ свое собственное существо и противопоставляетъ его себѣ, какъ нѣкоторое личное существо. Не въ человѣкѣ Богъ сознаётъ самого себя, какъ говорилъ Гегель, а, наоборотъ, человѣкъ въ своемъ Богѣ сознаётъ самого себя. Всякая религія есть не что иное, какъ самообожаніе человѣка: въ ней происходитъ какъ-бы его раздвоеніе, и вотъ ограниченный человѣческій индивидуумъ обращается къ собственной своей сущности, возведенной до безконечности, дабы отъ своего Бога получить удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыя не могутъ быть удовлетворены его собственными средствами. Вѣчное противорѣчіе между хотѣніемъ человѣка и возможностью его исполненія является истиннымъ источ-

никомъ религіи. Качества, которыхъ самъ человѣкъ не имѣетъ, но которыя ему были бы въ высшей степени желательны, онъ и приписываетъ своимъ богамъ. Въ философскомъ отношеніи Фейербахъ приходитъ къ сенсуализму, а чрезъ него къ матеріализму.

Къ лѣвому гегельянству примкнулъ и Бруно Бауеръ, который во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ читалъ богословскія лекціи въ Берлинѣ и Боннѣ, но въ началѣ сороковыхъ годовъ вынужденъ былъ оставить университетъ. Сначала онъ стоялъ на правой сторонѣ гегельянства и даже нападалъ вмѣстѣ съ другими на „Жизнь Іисуса“ Штрауса. Поводомъ къ неудовольствію на него, и къ лишенію его права преподаванія, было изданіе имъ двухъ сочиненій„ Критика Евангелія отъ Іоанна“ и „Критика синоптическихъ евангелій“ (1840 и 1841—42). Здѣсь Бауеръ объявляетъ основныя книги Новаго Завѣта тенденціозными сочиненіями, хотя и не имѣвшими обмана своею цѣлью. Его братъ Эдгаръ, защищавшій его въ сочиненіи „Споръ критики съ церковью и государствомъ“ (1841), поплатился за это сочиненіе заключеніемъ въ крѣпости. Впослѣдствіи оба брата развивали принципъ чистой или абсолютной критики въ примѣненіи рѣшительно ко всему, что̀ является предметомъ спора разныхъ партій. Если, утверждали они, что-либо получаетъ признаніе, тѣмъ самымъ оно перестаетъ быть истиннымъ. Чистая критика должна совершенно спокойно созерцать, какъ все идетъ само-собою къ уничтоженію. Ничто поэтому не можетъ претендовать на безусловное значеніе. Истина можетъ заключаться только въ нашемъ *я*, которое все подвергаетъ критикѣ и тѣмъ самымъ все уничтожаетъ, будучи само совершенно свободно отъ какихъ бы то ни было извнѣ налагаемыхъ узъ.

Къ такому же отрицательно-индивидуалистическому выводу пришелъ также и Каспаръ Шмидтъ, издавшій въ 1845 г. — подъ псевдонимомъ Макса Штирнера—знаменитую книгу, озаглавленную „Отдѣльная личность и ея собственность“ (Der Einzige und sein Eigenthum). Этотъ Einzige есть отъ начала до конца эгоистъ. У отдѣльнаго *я* нѣтъ и быть не можетъ ничего дороже своего же *я*, и все, что находится внѣ его, а слѣдовательно и другіе люди, все это—только орудія или средства, которыми отдѣльное *я* пользуется для достиженія собственныхъ своихъ цѣлей, заключающихся въ наслажденіи. Все остальное лишь призраки, предразсудки и суевѣрія, остатки стараго міросозерцанія. Человѣкъ на все имѣетъ право и можетъ стать всѣмъ и всѣмъ обладать, что̀ только ему физически доступно. Нравственность и общественныя узы съ такой точки зрѣнія теряютъ то значеніе, которое приписываютъ имъ люди. Безусловный индивидуализмъ, который Бруно Бауеромъ признавался для области мысли, Максомъ

Штирнеромъ провозглашался для области жизни. Но любопытно, что изъ того же самаго лѣваго гегельянства вышло и противоположное воззрѣніе практической философіи—соціализмъ Карла Маркса.

Штраусъ и Фейербахъ, Бруно Бауеръ и Штирнеръ сдѣлали предметомъ своихъ изслѣдованій философію религіи и тѣсно съ нею связанную мораль. Политика собственно лежала внѣ ихъ области; но и этотъ предметъ сталъ также разсматриваться съ этой новой точки зрѣнія, вырабатывавшейся въ лѣвомъ лагерѣ гегельянцевъ. Первымъ, кто направилъ философское изслѣдованіе на общественные вопросы, былъ Арнольдъ Руге, особенно замѣчательный своими попытками создать для новаго направленія свободный литературный органъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ Руге учился филологіи и философіи въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ, а затѣмъ былъ обвиненъ въ принадлежности къ такъ называемому союзу юношей, мечтавшему объ объединеніи Германіи подъ главенствомъ Пруссіи [1]), за что подвергся заключенію въ крѣпости на цѣлыя пять лѣтъ. Въ это время онъ ревностно изучалъ классическихъ поэтовъ и философовъ. Въ 1831 г. онъ выступилъ съ диссертаціей о платоновой эстетикѣ. Примкнувъ къ молодымъ гегельянцамъ, онъ въ 1838 г. предпринялъ періодическое изданіе подъ названіемъ „Hallesche Jahrbücher für deutsche Kunst und Wissenschaft“, сдѣлавшееся главнымъ органомъ лѣваго гегельянства. Хотя это изданіе носило названіе города Галле, на самомъ дѣлѣ печаталось оно въ Лейпцигѣ. Въ 1840 г. прусское правительство, побуждаемое берлинскими піэтистами, предписало, чтобы журналъ Руге печатался непремѣнно въ Галле и не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстной цензуры. Тогда Руге, перемѣнивъ только названіе журнала въ „Deutsche Jahrbücher“ и снявъ съ обложки свое имя, только усилилъ радикальный характеръ изданія. Это навлекло на него неудовольствіе саксонскаго правительства, и въ 1843 году журналъ былъ запрещенъ. Руге, однако, не хотѣлъ сдаваться. Соединившись съ молодымъ гегельянцемъ Карломъ Марксомъ, который около этого времени выступилъ на литературное поприще, онъ задумалъ продолжать свой журналъ за границей, для чего и переселился въ Парижъ. Здѣсь его изданіе должно было возобновиться подъ названіемъ „Deutsch-französische Jahrbücher“. Но едва только началъ выходить въ свѣтъ этотъ новый органъ, какъ между Руге и его компаньономъ произошло серьезное разногласіе, и изданіе прекратилось. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ Руге занялся вмѣстѣ съ Фребелемъ издательскимъ дѣломъ въ Цюрихѣ, но Германскій союзъ запретилъ изданія этой фирмы въ своихъ владѣніяхъ. Когда вспых-

[1]) См. т. IV, стр. 364 и 366.

нула революція 1848 г., Руге сталъ играть политическую роль въ рядахъ тогдашней крайней лѣвой, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжая свою издательскую дѣятельность. Послѣдняя прекратилась только съ полной побѣдою реакціи въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

Руге обладалъ несомнѣнно большимъ организаторскимъ талантомъ. Въ своихъ изданіяхъ онъ хотѣлъ объединить всѣхъ радикальныхъ писателей эпохи. Ему въ высшей степени трудно было издавать свои органы въ Германіи, и ранѣе, чѣмъ онъ вынужденъ былъ переселиться въ Парижъ, онъ уже параллельно съ своими „Deutsche Jahrbücher“ издавалъ въ видѣ приложеній къ нимъ въ Швейцаріи такъ называемыя „Anecdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik“. Въ его изданіяхъ принимали участіе всѣ видные представители лѣваго гегельянства. Въ числѣ сотрудниковъ Руге былъ между прочимъ и Бакунинъ, въ то время изучавшій въ Берлинѣ философію Гегеля. Переселившись въ Парижъ, Руге мечталъ привлечь къ сотрудничеству также французовъ, главнымъ образомъ Ламартина, Ламеннэ, Луи Блана, Лэру и Прудона. Однако, ему не удалось получить отъ нихъ ни одной статьи. Ламеннэ выставлялъ на видъ свою религіозную точку зрѣнія, но объявилъ, что подождетъ, какой характеръ приметъ изданіе. Ламартинъ сначала обнадежилъ Руге и Маркса, но потомъ заявилъ въ газетахъ, что вовсе не намѣренъ появляться въ печати рядомъ съ еретикомъ Ламеннэ. Луи Бланъ въ „Revue indépendante“ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что молодое поколѣніе нѣмцевъ направило свои мысли на практическіе вопросы жизни, но находилъ, что нѣмцамъ слѣдовало бы поумѣрить свой пылъ, такъ какъ атеизмъ въ философіи неминуемо приводитъ къ анархіи въ политикѣ. Онъ не скрывалъ, что возвращеніе нѣмецкой философіи къ французскому матеріализму прошлаго вѣка, къ Дидро, Гольбаху и Энциклопедіи для него крайне несимпатично. Онъ напоминалъ, что настоящимъ представителемъ демократіи, основывавшій ее на единеніи и братской любви, былъ Руссо, и что та же самая рука, которая написала „Общественный договоръ“, начертала и „Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія“. Зато Руге удавалось получать работы такихъ видныхъ представителей нѣмецкой поэзіи, какъ Гейне и Гервегъ. Кромѣ Маркса, въ недолговѣчномъ парижскомъ журналѣ Руге выступилъ и Энгельсъ, играющій такую видную роль въ исторіи нѣмецкаго соціализма.

Въ качествѣ представителя лѣваго гегельянства Руге особенно важенъ тѣмъ, что подвергъ критикѣ философію права Гегеля. Именно онъ нашелъ, что Гегель въ этой части своей системы отступилъ отъ собственнаго діалектическаго метода. Его государство — нѣчто туманное; оно столь же мало реально, какъ и государство Платона,

хотя оно и напоминаетъ прусское государство, какъ государство Платона—греческое. Гегель успокоился на разумности абсолютизма, потому что абсолютизмъ былъ настолько разуменъ, чтобы признать разумность гегелевой философіи. Вся ошибка Гегеля, по мнѣнію Руге, заключалась въ томъ, что онъ принялъ историческія формы, каковы наслѣдственная королевская власть, майораты, двухпалатная система, за чисто логическія необходимости. Для того, чтобы имѣть государство въ формѣ государства, нужно еще обладать тѣми великими учрежденіями, которыхъ еще совершенно лишены нѣмцы, а именно: національнымъ представительствомъ, судомъ присяжныхъ, свободою печати. Руге, однако, самъ не выдерживалъ послѣдовательно своей точки зрѣнія. Разсматривая прусское феодально-абсолютистическое государство, какъ историческую категорію, онъ не распространялъ этого понятія на современный строй гражданскаго общества, продолжая принимать его, наоборотъ, за чисто логическую категорію. Во всякомъ случаѣ Руге перевелъ критику гегелевой философіи съ почвы религіозной на почву политическую. Подобно другимъ своимъ современникамъ, истинное начало государственности онъ готовъ былъ видѣть какъ бы воплощеннымъ въ тогдашней Франціи, въ которой безпрепятственно совершалось политическое движеніе. Онъ думалъ даже, что быть противъ Франціи все равно, что быть противъ политики, а быть противъ политики для него обозначало быть противъ свободы. Вотъ почему онъ переселился въ Парижъ, вотъ почему онъ хотѣлъ, чтобы въ его изданіи приняли участіе французы. Онъ даже расчитывалъ, что гегелева философія своею строгою логичностью принесетъ пользу самимъ французамъ, которые, какъ представлялось гегельянцамъ, пускаются въ область общественныхъ вопросовъ безъ руля и безъ вѣтрилъ. Но въ Парижѣ ему пришлось разочароваться. Умственный союзъ съ французами, о которомъ онъ мечталъ, не состоялся. Коммунистическое направленіе, господствовавшее въ извѣстныхъ кругахъ французскаго общества, въ немъ самомъ не встрѣтило ни малѣйшаго сочувствія. Мало того: его товарищъ по изданію новаго журнала, Марксъ, наоборотъ, заинтересовался именно этимъ общественнымъ направленіемъ, и какъ-разъ на этой почвѣ между обоими издателями „Deutsch-französische Jahrbücher“ произошелъ разладъ, повлекшій за собою прекращеніе этого изданія.

Самый ранній періодъ литературной дѣятельности Маркса принадлежитъ всецѣло исторіи лѣваго гегельянства. Карлъ Марксъ родился въ 1818 г. въ Трирѣ въ еврейской семьѣ, которая приняла христіанство въ 1824 г. Съ XVI столѣтія предки Маркса были раввинами, но отецъ его былъ юристъ и впослѣдствіи занималъ должность юстицрата. Семья, въ которой родился Марксъ, была весьма обра-

зованная. Очень рано онъ имѣлъ возможность познакомиться съ французскимъ и англійскимъ языками, что̀ открывало передъ нимъ свободный доступъ къ литературамъ двухъ народовъ, значительно опережавшихъ въ своемъ развитіи Германію. Годы его ранней юности совпадали съ эпохой крайней реакціи, къ которой онъ относился весьма враждебно. Подобно другимъ своимъ современникамъ, онъ болѣлъ душой, видя, въ какомъ печальномъ положеніи находилась его родина. Впослѣдствіи нѣкоторые его противники (напр., Бакунинъ) даже прямо обвиняли его въ излишнемъ національномъ патріотизмѣ. Окончивъ гимназическій курсъ въ родномъ городѣ, онъ учился потомъ въ боннскомъ и берлинскомъ университетахъ. Своею спеціальностью онъ избралъ юриспруденцію, но весьма скоро заинтересовался исторіей и философіей. Марксу пришлось учиться въ университетѣ какъ-разъ въ то время, когда самымъ важнымъ явленіемъ въ умственной жизни нѣмецкаго образованнаго общества была борьба двухъ противоположныхъ направленій, возникшихъ въ школѣ Гегеля. Онъ сразу примкнулъ къ передовой партіи, ревностно занявшись изученіемъ философіи. Одно время онъ даже думалъ, что настоящее его призваніе заключалось именно въ философіи и ея преподаваніи съ университетской каѳедры. Въ 1841 г. онъ окончилъ курсъ и получилъ докторскую степень за диссертацію о философіи Эпикура. Ему даже представлялась возможность занять должность доцента философіи въ боннскомъ университетѣ, но уже въ то время прусское правительство начинало принимать мѣры противъ философскаго свободомыслія. Когда Бруно Бауеръ, находившійся въ личной дружбѣ съ Марксомъ, былъ лишенъ доцентуры на богословскомъ факультетѣ боннскаго университета, Марксъ отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія. Передъ нимъ открывалась совершенно иная дорога. Будучи человѣкомъ въ матеріальномъ отношеніи достаточно обезпеченнымъ, онъ могъ совершенно свободно предаться литературной дѣятельности не ради заработка,—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ,—а для удовлетворенія своей внутренней потребности. Отличаясь весьма живымъ умомъ и интересомъ къ окружающей дѣйствительности, онъ сдѣлался публицистомъ, но публицистомъ особеннаго рода. Именно онъ сталъ примѣнять къ разсмотрѣнію общественныхъ вопросовъ діалектическій методъ гегелевской школы, которымъ онъ съ самаго же начала владѣлъ въ совершенствѣ. Но абстрактный идеализмъ философіи Гегеля даже въ работахъ представителей лѣвой не удовлетворялъ Маркса. Его привлекали къ себѣ больше вопросы практической жизни, а эти вопросы въ ту эпоху ставились и разрѣшались главнымъ образомъ во французской литературѣ. Соціалисты эпохи реставраціи и іюльской монархіи вскрывали язвы современнаго общества и искали

средствъ для ихъ исцѣленія. Одновременно съ этимъ французскіе историки, ставившіе свою науку на почву изученія общественнаго строя и общественныхъ движеній, указывали на болѣе вѣрный путь въ дѣлѣ пониманія историческихъ явленій, нежели тотъ, по которому шелъ Гегель въ своей идеалистической философіи исторіи. Марксъ не сразу перешелъ на новую точку зрѣнія, но и впослѣдствіи онъ оставался вѣрнымъ діалектическому методу Гегеля.

Въ 1842 г. въ Кельнѣ мѣстные либералы основали „Рейнскую Газету, въ которой Марксъ и выступилъ съ первыми своими публицистическими статьями. Газета эта весьма энергично защищала свободу печати, и въ ней участвовали братья Бауеры, Штирнеръ, Гейне и др. Марксъ писалъ въ ней статьи о засѣданіяхъ рейнскаго провинціальнаго ландтага и, кромѣ того, подвергъ весьма рѣзкой критикѣ воззрѣнія исторической школы права. Его участіе въ газетѣ было настолько выдающимся, что очень скоро онъ сдѣлался ея редакторомъ. Но это изданіе просуществовало лишь около полутора года. Прусское правительство очень скоро обратило вниманіе на оппозиціонное направленіе „Рейнской Газеты“ и запретило ея дальнѣйшее изданіе. Въ это-то самое время Марксъ и переселился въ Парижъ, чтобы вмѣстѣ съ Руге издавать Deutsch-französische Jahrbücher“. Въ эту пору своей жизни онъ еще стоялъ на точкѣ зрѣнія тогдашнихъ нѣмецкихъ политическихъ радикаловъ, воззрѣнія которыхъ вообще господствовали среди гегельянцевъ прогрессивнаго направленія. Экономическіе вопросы занимали ихъ очень мало, и Марксъ самъ скоро убѣдился, до какой степени его свѣдѣнія въ этой области были недостаточны и какъ односторонни были его научныя понятія. Въ Парижѣ онъ ревностно принялся читать и изучать сочиненія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся экономистовъ, соціалистовъ и коммунистовъ. Не забудемъ, что незадолго до переселенія Маркса въ Парижъ вышли въ свѣтъ сочиненія Кабе, Луи Блана и Прудона [1]). Новыя идеи совершенно его поглотили, и въ его головѣ началась та работа, результатомъ которой было своеобразное сочетаніе радикальнаго гегельянства, усвоеннаго имъ въ годы университетскаго ученія, съ новыми соціальными воззрѣніями, развившимися на французской почвѣ. Выше было уже упомянуто, что Марксъ довольно скоро разошелся съ Руге, который совсѣмъ не раздѣлялъ его увлеченія новыми идеями. Но это было только началомъ его разрыва и съ другими его товарищами, молодыми гегельянцами. Въ 1845 г. онъ вмѣстѣ съ своимъ новымъ другомъ Фридрихомъ Энгельсомъ издалъ полемическое сочиненіе подъ заглавіемъ „Святое семейство или критика критической критики“.

---

[1]) См. выше, стр. 313.

Святымъ семействомъ въ шутку называли философскій кружокъ, группировавшійся около братьевъ Бауеровъ, и воззрѣнія этого кружка были подвергнуты теперь разбору. Выходъ въ свѣтъ этой книги былъ признакомъ полнаго разрыва съ партіей радикальныхъ гегельянцевъ. Послѣ прекращенія журнала, который Марксъ началъ издавать съ Руге, онъ предпринялъ изданіе собственнаго органа „Vorwärts“, въ которомъ онъ сталъ нападать на прусское правительство. Послѣднее было задѣто этими нападками за живое и стало требовать у французскаго правительства высылки Маркса. Людовикъ-Филиппъ въ серединѣ сороковыхъ годовъ сильно заискивалъ у легитимныхъ монарховъ, да и Гизо, бывшій душою тогдашняго французскаго министерства, раздѣлялъ взгляды короля на необходимость по возможности дѣлать пріятное абсолютнымъ государямъ. Марксъ былъ высланъ изъ Парижа и вмѣстѣ съ Энгельсомъ переселился въ Брюссель, гдѣ началась для него совершенно новая дѣятельность, именно дѣятельность соціалиста—критика и агитатора. Собственно говоря, онъ далеко не былъ первымъ проповѣдникомъ соціализма въ нѣмецкой литературѣ, и прежде, нежели продолжать разсмотрѣніе дальнѣйшей дѣятельности, намъ придется разсмотрѣть его предшественниковъ въ этомъ направленіи. Здѣсь пока мы познакомимся съ философскими и общественными взглядами Маркса въ первый, самый ранній періодъ его литературной дѣятельности, когда онъ еще принадлежалъ къ молодымъ гегельянцамъ или только-что начиналъ переходить въ ряды соціалистовъ.

Марксъ выступилъ въ первый разъ въ „Рейнской Газетѣ“ съ статьями, въ которыхъ онъ касался жгучихъ вопросовъ современности. Разсматривалъ онъ ихъ здѣсь еще совершенно въ духѣ всей школы съ заоблачной высоты, исходя изъ чисто идеологическихъ предпосылокъ. Съ этой же точки зрѣнія онъ напалъ и на историческую школу права, которая, по его словамъ, способна была обнаруживать отнюдь не разумность, а именно неразумность существующаго. Основные взгляды Маркса были тогда совершенно гегельянскими. О французскомъ соціализмѣ „Рейнская Газета“ тогда почти еще ничего не говорила. Въ 1842 г. въ Страсбургѣ былъ ученый конгрессъ, на который съѣхались многіе нѣмцы и французы. Среди послѣднихъ были Консидеранъ и Леру, и въ одной секціи съѣзда разсматривались системы французскаго соціализма. „Рейнская Газета“ имѣла на этомъ съѣздѣ своего корреспондента, который написалъ о немъ отчетъ, высказавъ въ немъ ту мысль, что какъ въ 1789 г. среднее сословіе отвоевало у дворянства его привилегіи и стало на его мѣсто, такъ теперь неимущіе хотятъ занять мѣсто средняго сословія. Но, прибавлялъ корреспондентъ, теперешнее среднее сословіе отличается бо́льшею предусмотрительностью, чѣмъ дворянство 1789 г., и вопросъ, конечно, будетъ рѣшенъ

мирнымъ путемъ. Это невинное заявленіе представило случай консервативнымъ газетамъ обвинить „Рейнскую Газету“ въ коммунистической пропагандѣ, что̀ дало поводъ Марксу, незадолго передъ тѣмъ взявшему на себя редакцію, отвѣчать на этотъ доносъ. Любопытно, что въ своей статьѣ онъ совершенно искренно признавался, что не имѣетъ еще своего собственнаго взгляда на французскій соціализмъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ, однако, указывалъ на то, что сочиненія Леру, Консидерана и Прудона заслуживаютъ изученія и критики. „Мы глубоко убѣждены, писалъ онъ, что настоящую опасность представляетъ не практическая попытка, но теоретическое развитіе коммунистическихъ идей, ибо на практическія попытки, разъ онѣ становятся опасными, можно отвѣчать пушками, но идеи, которыя усваиваетъ нашъ умъ, которыя входятъ въ наше настроеніе и при помощи которыхъ нашъ разсудокъ управляетъ нашею совѣстью,—вотъ настоящія цѣпи, отъ которыхъ нельзя освободиться, не нанося ранъ своему сердцу, вотъ демоны, которыхъ человѣкъ можетъ побѣдить лишь тогда, когда имъ подчиняется“. Редактируя „Рейнскую Газету“, Марксъ не имѣлъ и достаточно времени, чтобы заняться изученіемъ французскаго соціализма. Какъ мы видѣли, этому дѣлу онъ посвятилъ себя въ Парижѣ, съ самаго же начала примѣнивъ къ ученіямъ догматическихъ коммунистовъ свою философско-критическую точку зрѣнія. Особенно ему не по душѣ было мнѣніе, господствовавшее среди многихъ французскихъ соціальныхъ реформаторовъ о томъ, что политическіе вопросы сами по себѣ не имѣютъ большого значенія. Онъ сталъ, наоборотъ, проводить тотъ взглядъ, что соціальная истина повсюду развивается изъ конфликта политическаго государства съ самимъ собою и изъ противорѣчія между его идеальнымъ назначеніемъ и его реальными исходными пунктами. И вотъ съ новой точки зрѣнія, которая начинаетъ въ это время вырабатываться у Маркса, онъ въ „Deutsch-französische Jahrbücher“ берется за тему, которою раньше занимался Руге,—за критику гегельянской философіи права.

Въ лѣвомъ лагерѣ гегельянцевъ Марксъ ближайшимъ образомъ примыкалъ къ Фейербаху, къ которому всегда относился съ величайшимъ уваженіемъ. У него онъ заимствовалъ положеніе, что не религія создаетъ человѣка, а человѣкъ религію. Кромѣ того, уже Фейербахъ высказывалъ ту мысль, что если наши идеи возникаютъ изъ чувствъ, то лишь благодаря духовному общенію между нѣсколькими индивидуумами: высшія понятія не могутъ быть произведеніями отдѣльнаго *я* безъ содѣйствія нѣкотораго *ты*. Поэтому Фейербахъ думалъ, что сущность человѣческой природы настоящимъ образомъ выражается только въ обществѣ. Марксъ пошелъ далѣе въ томъ же направленіи. По его представленію, человѣкъ вовсе не какое-то абстрактное существо:

человѣкъ, это—міръ людей, государство, общество. Задача исторіи и задача философіи, которая служитъ исторіи, заключается въ установленіи истины дѣйствительнаго міра послѣ того, какъ исчезла истина „того свѣта“. Вслѣдствіе этого критика неба превращается въ критику земли, критика религіи въ критику права, критика теологіи въ критику политики. Критика политики обращается у Маркса на современную ему Германію, которая кажется ему лишь копіей другого оригинала: нѣмецкія отношенія 1843 года соотвѣтствуютъ французскимъ отношеніямъ 1789 г. Эту отсталость Германіи сравнительно съ Франціей, а также и съ Англіей, онъ особенно охотно выдвигаетъ на первый планъ Но зато, если нѣмцы въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ далеко не соотвѣтствуютъ современности, ихъ исторія имѣетъ нѣкоторое идеальное продолженіе въ ихъ философіи: нѣмцы являются философскими современниками настоящей эпохи, не будучи ея историческими современниками. Критика нѣмецкой философіи права и государства вводитъ непосредственно въ тѣ вопросы, надъ практическимъ разрѣшеніемъ которыхъ работаетъ современная жизнь. Но критическая мысль должна имѣть реальную опору. „Оружіе критики никоимъ образомъ не можетъ замѣнить критики оружія. Матеріальная сила должна быть низвергнута матеріальною же силою, но и теорія становится матеріальною силою, когда она овладѣваетъ массами. Теорія способна овладѣть массами, разъ только она демонстрируетъ на людяхъ, а она демонстрируетъ на людяхъ, разъ она радикальна. Быть радикальнымъ значитъ схватывать вещи въ ихъ корнѣ, а корень для человѣка есть самъ человѣкъ“. Каждая теорія можетъ осуществиться въ народѣ лишь настолько, насколько она сама является осуществленіемъ его потребностей. Такимъ образомъ радикально-философскимъ теоріямъ своего времени Марксъ приписывалъ способность осуществленія новыхъ формъ жизни, но лишь подъ условіемъ, чтобы онѣ соотвѣтствовали потребностямъ массъ. Прежде всего нужно, чтобы эманципировалась и достигла всеобщаго господства одна часть народа, и чтобы такой классъ вслѣдствіе своего особаго положенія предпринялъ общую эманципацію общества. Но сдѣлаетъ это онъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы все общество находилось въ положеніи этого класса, напримѣръ, обладало достаткомъ и просвѣщеніемъ или, по крайней мѣрѣ, свободно могло бы достигать того и другого. Но нужно, кромѣ того, чтобы этотъ классъ былъ способенъ проявлять въ самомъ себѣ и пробуждать въ массѣ энтузіазмъ, сливаться съ массою въ этомъ энтузіазмѣ и выступать въ роли ея представителя. Но необходимо еще съ другой стороны,—чтобы всѣ недостатки общественнаго устройства сосредоточивались въ какомъ-нибудь другомъ классѣ, чтобы извѣстное сословіе было

предметомъ общаго нерасположенія и чтобы освобожденіе отъ него получало характеръ всеобщаго самоосвобожденія. Напримѣръ, во Франціи, по представленію Маркса, отрицательно-всеобщее значеніе дворянства и духовенства обусловливало положительно-всеобщее значеніе буржуазіи. Нѣмецкая жизнь еще не выработала такой рѣзкой противоположности. Сферы нѣмецкаго общества относятся одна къ другой не драматически, а эпически, и средній классъ въ Германіи является скорѣе всеобщимъ представителемъ филистерской посредственности всѣхъ остальныхъ классовъ. Единственная положительная возможность нѣмецкой эманципаціи заключается, говорилъ тогда Марксъ, „въ образованіи класса, который не былъ бы ни однимъ классомъ гражданскаго общества,—сословія, которое было бы разложеніемъ всѣхъ сословій, т.-е. сферы, которая получила бы универсальный характеръ вслѣдствіе своихъ универсальныхъ страданій и добивалась бы не какого-нибудь особеннаго права, такъ какъ испытывала бы не какую-нибудь особенную несправедливость, а несправедливость вообще“. Эта сфера, продолжаетъ Марксъ, не можетъ эманципироваться отъ существующаго государственнаго устройства, не эманципируясь въ то же самое время отъ другихъ сферъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ не эманципируя всѣхъ остальныхъ сферъ общества. Такимъ общественнымъ классомъ, утратившимъ человѣческое достоинство, но долженствующимъ пріобрѣсти его вновь, Марксъ объявляетъ пролетаріатъ. Подобно тому, говоритъ онъ, какъ философія должна найти въ пролетаріатѣ свою матеріальную силу, такъ и пролетаріатъ долженъ найти свое духовное оружіе въ философіи, и только тогда осуществится эманципація нѣмецкаго народа. „Голова этой эманципаціи—философія, ея сердце—пролетаріатъ. Философія не можетъ осуществиться безъ прекращенія пролетаріата, пролетаріатъ не можетъ прекратиться безъ осуществленія философіи. Когда исполнятся всѣ внутреннія условія, день нѣмецкаго воскресенья будетъ возвѣщенъ пѣніемъ галльскаго пѣтуха“. Такова основная мысль той статьи Маркса, въ которой онъ высказываетъ свои идеи въ области философіи права. Необходимымъ дополненіемъ къ ней была другая статья, посвященная, собственно говоря, еврейскому вопросу, но въ ней авторъ поднялъ болѣе широкій вопросъ о различіи между двумя видами эманципаціи — освобожденіемъ политическимъ и освобожденіемъ человѣческимъ. Когда, напримѣръ, положеніе гражданина въ государствѣ не обусловливается принадлежностью гражданина къ той или другой религіи, это обозначаетъ лишь освобожденіе государства отъ религіи, и тутъ мы имѣемъ случай политической эманципаціи, которая вовсе еще не свидѣтельствуетъ о томъ, что и человѣкъ сдѣлался совершенно свободнымъ отъ религіи. Совер-

шенно такъ же государство можетъ не обращать вниманіе на то, есть ли у гражданина собственность или нѣтъ, и какъ эта собственность велика, и тогда политическія права гражданина не будутъ опредѣляться никакимъ имущественнымъ цензомъ, но это еще вовсе не обозначаетъ, чтобы частная собственность, какъ таковая, перестала существовать и оказывать вліяніе на взаимныя отношенія людей. И въ данномъ случаѣ политическая эманципація неимущихъ совсѣмъ не совпадаетъ съ эманципаціей человѣка отъ тѣхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ существованія частной собственности. „Политическая эманципація, говоритъ Марксъ, есть сведеніе человѣка, съ одной стороны, на члена гражданской общины, на эгоистическаго и независимаго индивидуума, съ другой стороны—на гражданина государства, на моральную личность. Лишь тогда, когда дѣйствительный индивидуальный человѣкъ поглощаетъ въ себѣ отвлеченнаго гражданина государства и, какъ индивидуальный человѣкъ, въ своей эмпирической жизни, въ своей индивидуальной работѣ, въ своихъ индивидуальныхъ отношеніяхъ становится представителемъ своего рода; лишь тогда, когда человѣкъ созналъ и организовалъ свои собственныя силы, какъ общественныя силы, и потому болѣе не отдѣляетъ отъ себя общественную силу въ образѣ особой политической силы,—лишь тогда совершается человѣческая эманципація“. Обращаясь къ современности, Марксъ высказываетъ ту мысль, что въ настоящую минуту религіозная злоба дня имѣетъ исключительно общественное значеніе и что религіозные интересы, какъ таковые, важности болѣе не имѣютъ. И сущность еврейскаго вопроса заключается не въ религіозной теоріи, а въ промышленной и торговой практикѣ. Признаніе человѣческихъ правъ есть не что иное, какъ признаніе эгоистической гражданской индивидуальности и ничѣмъ нестѣсняемаго движенія духовныхъ и матеріальныхъ элементовъ, составляющаго содержаніе теперешней гражданской жизни [1]). Для теперешняго государства признаніе правъ человѣка равносильно признанію рабства античнымъ государствомъ. Какъ это послѣднее имѣло въ своей основѣ рабство, такъ современныя государства ту же основу получаютъ въ гражданскомъ обществѣ.

Это разсужденіе Маркса привело его къ выводу, діаметрально противоположному тому, который былъ главнымъ пунктомъ гегелевой философіи права. Гегель подчинялъ общество государству, Марксъ,

---

[1]) Нужно замѣтить, что у Маркса и его послѣдователей слово „Bürger“ вообще имѣетъ двоякій смыслъ, соотвѣтствуя, съ одной стороны, французскому bourgeois, съ другой—французскому citoyen. То же самое относится и къ прилагательному „bürgerlich“, которое обозначаетъ и „буржуазный“, и „гражданскій“.

наоборотъ, государство обществу: и въ античномъ мірѣ, и въ мірѣ феодальномъ, равно какъ и въ современности общество является необходимой основой государства, отнюдь не наоборотъ. Въ критикѣ философіи Гегеля это былъ весьма рѣшительный шагъ впередъ. Совершенно въ духѣ этихъ новыхъ идей Марксъ написалъ и свой памфлетъ противъ Бруно Бауера, съ которымъ собственно онъ полемизировалъ и въ статьѣ по еврейскому вопросу. Главнымъ предметомъ нападенія со стороны Маркса въ философіи Бруно Бауера и его товарищей сдѣлался абстрактный идеализмъ, господствовавшій вообще въ воззрѣніяхъ радикальныхъ гегельянцевъ. „У реальнаго гуманизма, говоритъ Марксъ, нѣтъ въ Германіи болѣе опаснаго врага, какъ спиритуализмъ или умозрительный идеализмъ, который на мѣсто дѣйствительнаго индивидуальнаго человѣка ставитъ самосознаніе или духъ... То, что̀ мы оспариваемъ въ бауеровской критикѣ, есть именно умозрѣніе, воспроизводящее себя въ видѣ каррикатуры. Оно представляется намъ, какъ совершеннѣйшее выраженіе христіанско-германскаго принципа, который прибѣгаетъ къ своему послѣднему средству, превращая самоё критику въ какую-то трансцендентную силу“. Крайнему идеализму Бауера, который былъ готовъ объяснять явленія жизни изъ идей, Марксъ противопоставилъ столь же крайнее объясненіе этихъ явленій изъ интереса, между прочимъ примѣнивъ эту точку зрѣнія къ общему ходу французской революціи. Разрывъ съ гегельянскимъ идеализмомъ былъ полный. Подобно Фейербаху, Марксъ сталъ на матеріалистическую точку зрѣнія, но примѣнилъ ее не къ объясненію природы, а къ объясненію общества. Сохранивъ діалектическое представленіе Гегеля объ историческомъ процессѣ, онъ наполнилъ эту унаслѣдованную имъ изъ его школы форму содержаніемъ, заимствованнымъ главнымъ образомъ у современныхъ ему французскихъ соціалистовъ. Еще незадолго передъ выходомъ въ свѣтъ „Святого семейства“ Марксъ признавался, что не успѣлъ составить себѣ самостоятельнаго взгляда на новыя общественныя идеи, которыя развивались главнымъ образомъ во Франціи. Теперь, наоборотъ, онъ выступаетъ именно съ своимъ собственнымъ взглядомъ въ этой области и съ точки зрѣнія своей новой исторической и политической философіи подвергаетъ критикѣ ученіе современныхъ ему соціалистовъ. Съ этого момента имя Маркса принадлежитъ уже не исторіи радикальнаго гегельянства, а исторіи соціализма.

Въ философскомъ ученіи Маркса гегельянство, если такъ можно выразиться, перешло въ полную свою противоположность. Здѣсь послѣдовательный идеализмъ замѣнился столь же послѣдовательнымъ матеріализмомъ, и если одинъ поставилъ своею задачею защитить отъ нападокъ современный общественный порядокъ, то другой, наоборотъ,

явился безпощаднымъ критикомъ этого порядка. Для Гегеля исторически сложившееся общество и государство было разумнымъ уже по одному тому, что оно было существующимъ, а все существующее вѣдь было только саморазвитіемъ идеи. Наоборотъ, Марксъ, видя въ современномъ обществѣ и государствѣ необходимую ступень развитія, признавалъ эту необходимость, отнюдь, однако, не приписывая ей разумности, такъ какъ для него развитіе представлялось процессомъ чисто матеріальнымъ. Мало того: въ современномъ состояніи онъ видѣлъ не завершеніе процесса, какъ Гегель, а новыя противорѣчія, которыя должны быть сняты дальнѣйшимъ развитіемъ. Гегель былъ склоненъ признавать за современностью логическую необходимость, а Марксъ говорилъ только объ одной необходимости исторической, и это послѣднее понятіе распространилъ на современную капиталистическую форму производства, какъ неизбѣжный фазисъ историческаго процесса. Противорѣчія, которыя порождаются этою формулою, и сдѣлались главнымъ предметомъ его вниманія. Съ точки зрѣнія закономѣрной необходимости процесса общественной жизни онъ отвергъ французскія ученія о будущемъ общественномъ строѣ, какъ утопическія, но не для того, чтобы совершенно устранить всякія надежды на лучшій соціальный строй, а лишь для того, чтобы вывести его историческую необходимость изъ изученія современнаго общества, заключающаго въ себѣ какъ начало своего разложенія, такъ и тѣ силы, которыя совершенно естественнымъ путемъ осуществятъ эманципацію человѣка. Старшіе товарищи Маркса въ лѣвомъ гегельянствѣ тоже ставили своею задачею эманципацію человѣка, но болѣе въ области міросозерцанія, чѣмъ въ различныхъ сферахъ общественной жизни. Марксъ все свое вниманіе сосредоточилъ именно на вопросахъ общественной жизни, понявъ ихъ притомъ не такъ, какъ понимали ихъ старшіе его товарищи по школѣ Гегеля, не шедшіе далѣе политическаго радикализма[1]).

---

[1]) Марксъ сдѣлался родоначальникомъ особой историко-философской теоріи, получившей названіе „экономическаго матеріализма“. Свое отношеніе къ ней мы высказали въ книгѣ „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“ (Спб. 1896 г.), къ которой и отсылаемъ читателя (см. особенно гл. V и VI этой книги). Отъ общей отвлеченной историко-философской (вѣрнѣе— соціологической) теоріи Маркса слѣдуетъ отличать сужденія о конкретныхъ историческихъ явленіяхъ (преимущественно двухъ послѣднихъ вѣковъ), весьма часто поражающія своею тонкой наблюдательностью и глубокою проницательностью. Что касается до экономической теоріи Маркса, которую опять-таки слѣдуетъ разсматривать отдѣльно отъ его „экономическаго матеріализма“ и общаго взгляда на европейскую исторію, то главныя работы его въ этой области относятся уже къ слѣдующему періоду.

XVI. Нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ [1]).

Соціальное состояніе Германіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—Общій взглядъ на общественное настроеніе. — Политическая экономія на нѣмецкой почвѣ и возникновеніе исторической школы. — Родбертусъ. — Книга Лоренца Штейна о французскомъ соціализмѣ и коммунизмѣ. — Первые нѣмецкіе соціалисты.— Дѣятельность Маркса во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. — Фридрихъ Энгельсъ. — Нѣмецкое соціалистическое движеніе. — «Коммунистическій манифестъ».

Соціальное развитіе Германіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ значительно отставало отъ соціальнаго развитія Англіи и Франціи. Начать съ того, что въ самыхъ значительныхъ частяхъ Германіи старые феодальные порядки или оставались еще въ полной неприкосновенности, или только были поколеблены, а не совсѣмъ еще уничтожены. Дворянство продолжало попрежнему играть роль привилегированнаго сословія сравнительно съ бюргерствомъ и все еще господствовало надъ сельскимъ населеніемъ. Крупная промышленность въ томъ видѣ, какой она получила въ Англіи и Франціи, едва только

---

[1]) По исторіи экономическихъ ученій, кромѣ общихъ руководствъ *Кауца*, *Дюринга*, *Ингрэма* и др., указанныхъ въ т. III, стр. 229 и т. IV, стр. 515, см. *W. Roscher*. Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland. 1874. — *М. Мейеръ*. Главныя теченія въ современной политической экономіи. 1891. Для исторіи соціализма, кромѣ сочиненій, указанныхъ въ т. IV, стр. 515 — 516 и выше, стр. 186, см. *Adler*. Geschichte der ersten socialpolitischen Bewegung in Deutschland. 1885.—Далѣе, по отдѣльнымъ вопросамъ: *Fr. Goldschmidt*. Friedrich List, Deutschlands grosser Volkswirth. 1879.—*Dietzel*. Karl Rodbertus. Darstellung seines Lebens und seiner Lehre. 1886—1887.—*А. Блокъ*. Государственная власть въ европейскомъ обществѣ. Взглядъ на политическую теорію Лоренца Штейна и на французскіе политическіе порядки. 1880. (Ср. разборъ теоріи Штейна у *Гумпловича* въ Rechtsstaat und Socialismus, 1881. II, §§ 15—22). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ исторію нѣмецкаго соціализма (Die deutsche Socialdemocratie, ihre Geschichte und Theorie) издалъ *Fr. Mehring* (изложеніе этой книги г. А-ва въ статьѣ „Соціальное движеніе въ Германіи“, Вѣстн. Евр., 1879). Впослѣдствіи онъ рѣзко перемѣнилъ свой взглядъ на предметъ и издалъ свой трудъ въ сильно переработанномъ видѣ (Geschichte der deutschen Socialdemocratie, 1897; первый томъ охватываетъ время отъ 1830 до 1863), включивъ его въ „Geschichte des Socialismus in Einzeldarstellungen“ (изд. съ 1895 г.).— *Weryho*. Marx des Philosoph. 1895. — *Wenckstern*. Marx. 1896. — *Kautsky*. Marxoekonomische Lehren. 1890. Весьма большой матеріалъ по соціальной исторіи Германіи собранъ въ извѣстномъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ *Конрада*, *Эльстера*, *Лексиса* и *Лёнинга*. Тамъ же и библіографическія указанія. См. еще *Jaurès*. De primis socialismi germanici lineamentis.

зарождалась въ Германіи, и старыя цеховыя формы ремесленнаго сословія еще не отжили здѣсь своего вѣка. По статистическимъ даннымъ 1846 г. въ Пруссіи насчитывалось 457.365 мастеровъ и самостоятельныхъ ремесленниковъ, у которыхъ работало 384.783 подмастерьевъ и учениковъ, тогда какъ на фабрикахъ было занято лишь около 550.000 человѣкъ. И вообще въ Германіи тогда еще не существовало рѣзкихъ границъ между отдѣльными общественными классами городского населенія. Нарождавшаяся крупная буржуазія незамѣтно переходила въ мелкую буржуазію, а эта послѣдняя почти сливалась съ ремесленнымъ сословіемъ. Въ области промышленности продолжали господствовать старые порядки, исчезновеніе которыхъ долго задерживали таможенныя заставы, паспортныя правила, болѣе поздняя сравнительно съ Англіей и Франціей постройка желѣзныхъ дорогъ, наконецъ, вся бюрократическая и полицейская практика тогдашнихъ правительствъ. Если крестьяне продолжали жить подъ прежнимъ помѣщичьимъ гнетомъ, то и городское простонародье держалось, такъ сказать, въ ежевыхъ рукавицахъ всякаго рода административными и судебными властями, равно какъ не особенно было избаловано обращеніемъ и своихъ хозяевъ изъ болѣе зажиточнаго бюргерства. Вообще рабочій классъ, сколько-нибудь похожій на англійскій и французскій пролетаріатъ, былъ сравнительно малочисленъ, разрозненъ и не особенно развитъ въ культурномъ отношеніи. Только къ концу сороковыхъ годовъ стало замѣчаться нѣкоторое движеніе въ этомъ классѣ, что̀ и подготовило его выступленіе въ 1848 г.

Введеніе машинъ въ фабричное производство и въ Германіи сопровождалось уже всѣми тѣми непосредственными слѣдствіями, которыя еще ранѣе дали себя знать въ Англіи и Франціи [1]). Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, благодаря какимъ-нибудь особеннымъ условіямъ, получала нѣкоторое развитіе фабричная промышленность новаго типа, уже обнаруживались всѣ бѣдствія, которыя влекъ за собою экономическій переворотъ. Напримѣръ, въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ страшная нищета и безработица господствовала въ Силезіи, гдѣ съ двадцатыхъ годовъ развилась прядильная и ткацкая промышленность. Весьма многіе рабочіе вдобавокъ были крестьяне, обремененные разнаго рода оброками и повинностями по отношенію къ своимъ помѣщикамъ. Въ 1844 г. доведенные до отчаянія ткачи стали ломать машины, громить фабричныя зданія, истреблять конторскія книги. Ихъ усмиряли военною силою. Въ слѣдующихъ годахъ въ Силезіи свирѣпствовалъ голодъ, и стала распространяться эпидемія голоднаго тифа. Правительство пришло на помощь къ бѣдствующему населенію,

[1]) См. т. IV, стр. 572 и слѣд. и выше, гл. X и др. мѣста.

продавая хлѣбъ по удешевленной цѣнѣ и организуя общественныя работы. Но эти мѣры не могли сразу остановить этого бѣдствія. Въ Чехіи также рано развилась прядильная промышленность, и введеніе новыхъ машинъ сокращало число рабочихъ, удлиняло рабочій день, понижало заработную плату. Въ 1844 г. въ разныхъ мѣстностяхъ этой страны произошли равнымъ образомъ серьезные рабочіе безпорядки, сопровождавшіеся разгромомъ зданій и машинъ. Когда одна большая толпа взбунтовавшихся рабочихъ направилась къ Прагѣ, чтобы просить защиты у эрцгерцога Стефана, ее встрѣтили военнымъ отрядомъ, открывшимъ по ней ружейные выстрѣлы. Признаки глубокаго разстройства обнаруживались и въ сельскомъ хозяйствѣ, которое не могло хорошо итти при существованіи многочисленныхъ остатковъ феодальнаго режима. Одновременно съ мѣстными кризисами въ только-что зарождавшейся крупной промышленности на народное благосостояніе удручающимъ образомъ дѣйствовали частые недороды хлѣба. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ народныя волненія, вызывавшіяся безработицей и дороговизной хлѣба, были особенно часты. Въ большіе города стекалось множество бездомнаго и безработнаго люда, увеличивая собою такъ называемый „опасный элементъ“ городского населенія. Противъ него принимались преимущественно мѣры чисто полицейскаго характера, но вообще правительства, повидимому, гораздо болѣе боялись крестьянскихъ волненій. Голодные и праздные люди представляли изъ себя постоянный контингентъ для уличныхъ безпорядковъ. Самымъ типичнымъ примѣромъ народнаго волненія, вызваннаго дороговизною пищи, была такъ называемая картофельная война въ Берлинѣ въ апрѣлѣ 1847 г., продолжавшаяся цѣлые четыре дня. Расходившійся народъ усмиряли военною силою, и многіе потомъ поплатились тюремнымъ заключеніемъ за свое участіе въ этихъ безпорядкахъ. Бюргерство, недовольное общимъ направленіемъ внутренней политики, оправдывало подобнаго рода проявленія народнаго раздраженія, если только безпорядки не принимали прямо характера возстанія неимущихъ противъ имущихъ. Въ разныхъ вспышкахъ народнаго неудовольствія оно охотно видѣло доказательство того, что правительства плохо дѣлаютъ свое дѣло, что старые порядки никуда болѣе не годятся. Его вражда была направлена главнымъ образомъ на представителей власти и сословныхъ привилегій. Предполагалось, что всѣ категоріи промышленнаго класса, начиная богатыми купцами и фабрикантами и кончая самыми незначительными ремесленниками, имѣютъ совершенно тождественные интересы, и въ этомъ были убѣждены представители мелкой буржуазіи, которая еще не ощущала на себѣ невыгоднаго для нея вліянія крупной индустріи, забивающей мелкую промышлен-

ность. Въ низшихъ слояхъ городского населенія, особенно въ томъ общественномъ классѣ, который впослѣдствіи сталъ называться Lumpen proletariat (по-русски—„босая команда“, „золоторотцы“ и т. п.), не было, да и быть не могло никакой политической идеи по ихъ крайней неразвитости, никакого общаго классоваго сознанія при полной между ними разрозненности, естественно поддерживавшейся полицейскими мѣрами. Только въ нарождавшемся фабричномъ пролетаріатѣ могли распространяться новыя идеи, но большею частью эти идеи были иностраннаго происхожденія, да и общія политическія условія не особенно благопріятствовали ихъ распространенію.

Интеллигентная нѣмецкая буржуазія была въ эту эпоху подъ сильнымъ вліяніемъ политическаго либерализма, съ завистью смотря на англійскія и французскія отношенія. Гнетъ меттерниховской системы приводилъ ее въ раздраженіе, и въ этомъ общемъ недовольствѣ существующими порядками сглаживались въ значительной мѣрѣ разные политическіе оттѣнки. Указанное оппозиціонное настроеніе принимало нерѣдко революціонный характеръ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ словесныхъ выраженіяхъ. Особенно ненавистны были нѣмецкимъ либераламъ вѣроисповѣдный характеръ внутренней политики и вообще духовный гнетъ въ области науки и литературы. Въ сороковыхъ годахъ наиболѣе видные представители нѣмецкаго либерализма стали сближаться между собою на почвѣ общихъ демократическихъ и республиканскихъ стремленій, которыя, однако, они не рѣшались высказывать публично. Таковы были знаменитый въ свое время баденскій парламентскій ораторъ Адамъ фонъ-Ицштейнъ, Робертъ Блумъ изъ Лейпцига, извѣстный своимъ свободолюбіемъ, Мати изъ Бадена, на котораго смотрѣли, какъ на весьма рѣшительнаго человѣка, и нѣкоторые другіе дѣятели. Съ 1840 г. они ежегодно съѣзжались для того, чтобы потолковать объ общемъ положеніи дѣлъ и о лучшемъ будущемъ. Отъ политическаго радикализма было, такъ сказать, рукой подать до радикализма соціальнаго, главныя идеи котораго, какъ было сказано, приходили изъ Франціи. Таково было настроеніе, которое господствовало въ среднихъ классахъ. Мелкая нѣмецкая буржуазія сравнительно мало была задѣта идейными теченіями эпохи и по многимъ вопросамъ раздѣляла даже взгляды добраго стараго времени, напримѣръ, высказываясь противъ доктрины свободной конкурренціи съ точки зрѣнія цеховыхъ преданій. Изъ фабричныхъ рабочихъ лишь тѣ начинали сознательно относиться къ своему положенію, которымъ удавалось побывать въ чужихъ странахъ. Особенно много нѣмцевъ уходило на заработки въ Швейцарію. Хотя тамошнія экономическія отношенія не отличались отъ тѣхъ, какія существовали въ Германіи, но, благодаря политической свободѣ, нѣмецкіе рабочіе

въ Швейцаріи могли основывать между собою союзы, и политическіе эмигранты пользовались этими союзами для распространенія новыхъ общественныхъ идей. Нѣмецкіе работники отправлялись также иногда во Францію и Англію, гдѣ знакомились уже съ совершенно новыми индустріальными порядками и воспринимали идеи, бывшія въ ходу у французскихъ и англійскихъ пролетаріевъ. Возвращаясь на родину, странствующіе рабочіе приносили съ собою новые взгляды. Въ 1834 г. около Берна состоялся съѣздъ нѣмецкихъ рабочихъ, вызвавшій со стороны нѣмецкихъ властей запрещеніе отправляться на заработки въ Швейцарію. Прусское правительство даже нашло нужнымъ держать въ Швейцаріи своихъ шпіоновъ. Но вообще движеніе это отличалось довольно наивнымъ характеромъ. Въ свое время разсказывали анекдотъ объ одномъ молодомъ подмастерьѣ, который на вопросъ объ его ремеслѣ отвѣчалъ: „Fürstenmörder“. Только въ прирейнскихъ областяхъ настроеніе рабочаго класса было болѣе опредѣленно и рѣшительно. Во всякомъ случаѣ, то „Германіи сонное храпѣніе“, о которомъ говоритъ Гейне въ одномъ изъ своихъ произведеній, было скорѣе остроумной шуткой, чѣмъ вѣрной дѣйствительности характеристикой общественнаго настроенія нѣмцевъ.

Рядомъ съ политическими вопросами вниманіе нѣмецкаго общества въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ привлекали къ себѣ и вопросы экономическіе. Политическая экономія, которая въ Германіи интересовала сначала почти исключительно однихъ чиновниковъ и практическихъ дѣятелей на поприщахъ промышленности и торговли, мало-по-малу стала обращать на себя вниманіе и болѣе широкихъ круговъ общества. Но это случилось здѣсь гораздо позднѣе, нежели, напримѣръ, въ Англіи [1]). Хотя Адама Смита переводить на нѣмецкій языкъ, излагать и комментировать начали еще въ семидесятыхъ годахъ XVIII в., и тогда же образовалась небольшая школа экономистовъ, слѣдовавшихъ его ученію, англійская экономическая теорія въ Германіи не имѣла особенно большого вліянія. Писатели и дѣятели реакціоннаго направленія были горячими противниками новой экономической доктрины, которая казалась имъ слишкомъ сродни французской революціи, и они не хотѣли ни распространенія теоретическихъ взглядовъ Адама Смита, ни приложенія ихъ къ практической жизни [2]). Даже великій прусскій реформаторъ Штейнъ далеко не раздѣлялъ воззрѣній новой экономической школы [3]). Идея свободной конкурренціи совершенно противорѣчила всѣмъ обще-

[1]) См. выше, стр. 93.
[2]) См. т. IV, стр. 523.
[3]) См. т. IV, стр. 189 и 561.

ственнымъ порядкамъ, а также воззрѣніямъ и интересамъ господствующаго дворянскаго сословія. Съ другой стороны, промышленная буржуазія существовала только въ зародышѣ, и поэтому манчестерство не могло найти въ Германіи столь многочисленныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ, какихъ оно пріобрѣло въ Англіи и во Франціи. Вотъ почему исторія политической экономіи въ Германіи пошла по нѣсколько иному пути, нежели во Франціи, хотя и здѣсь, и тамъ основные принципы новой науки были заимствованы изъ одного и того же источника—изъ англійской классической школы, созданной Адамомъ Смитомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Нѣмцы отнеслись къ новой теоріи вообще съ бо́льшею критикою, нежели французы (конечно, если исключить соціалистовъ), и внесли въ науку политической экономіи совершенно новыя понятія.

Наиболѣе видные нѣмецкіе экономисты школы Адама Смита дѣйствовали около 1830 г. Особенно популяренъ былъ въ эту эпоху—преимущественно въ средѣ нѣмецкаго чиновничества — Карлъ Рау, прославившійся своею ученостью и большимъ запасомъ фактическаго матеріала въ своихъ трудахъ. Уже у него мы встрѣчаемся съ идеей относительности принциповъ политической экономіи. Еще болѣе любопытное явленіе представляетъ собою фонъ-Тюненъ, авторъ знаменитаго въ свое время сочиненія „Изолированное государство въ его отношеніяхъ къ сельскому хозяйству и политической экономіи“ (1826). Между прочимъ фонъ-Тюнена уже тревожила мысль о возможности крупнаго конфликта между среднимъ классомъ и рабочей массой. Относясь съ большимъ сочувствіемъ къ трудящемуся люду, онъ сдѣлалъ предметомъ своихъ спеціальныхъ изысканій вопросъ о заработной платѣ, стремясь найти ея естественную величину. Въ его глазахъ эта плата выражала собою не только цѣну труда, взятаго въ качествѣ товара, но и средства къ существованію громаднаго большинства народа. Онъ выразилъ въ математической формулѣ, которую завѣщалъ вырѣзать на своемъ надгробномъ памятникѣ, эту естественную величину заработной платы, необходимо, по его мнѣнію, растущую съ увеличеніемъ общаго количества продуктовъ труда. Будучи вполнѣ убѣжденъ въ истинности своего экономическаго закона, онъ даже сдѣлалъ рабочихъ въ своемъ имѣніи участниками въ прибыляхъ хозяйства. Но самымъ замѣчательнымъ представителемъ политической экономіи въ Германіи въ разсматриваемую эпоху былъ Фридрихъ Листъ, главное сочиненіе котораго „Національная система политической экономіи“ вышло въ свѣтъ въ 1841 г. Его дѣятельность—сначала чиновничья, потомъ профессорская—началась гораздо раньше. Удаленный съ вюртембергской службы за несогласный образъ мыслей, онъ съ 1819 г. сдѣлался главнымъ агитаторомъ въ

пользу таможеннаго союза, такъ какъ полагалъ, что основная причина неудовлетворительнаго состоянія Германіи заключалась въ разобщенности отдѣльныхъ частей ея территоріи. Именно въ этомъ году онъ основалъ „Нѣмецкій торговый и промышленный союзъ“ и сталъ издавать для пропаганды своей идеи журналъ „Органъ для нѣмецкаго торговаго и промышленнаго сословія“. Вюртембергское правительство продолжало его преслѣдовать и послѣ того, какъ онъ былъ выбранъ въ нижнюю палату ландтага: за либеральное воззваніе къ своимъ избирателямъ онъ былъ исключенъ изъ ландтага, подвергся тюремному заключенію и въ заключеніе былъ высланъ изъ страны. Въ серединѣ двадцатыхъ годовъ онъ эмигрировалъ въ Америку, изъ которой вернулся въ Германію только въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Кромѣ того, временно онъ жилъ еще въ Швейцаріи, во Франціи и въ Бельгіи. Во время своихъ странствованій Листъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ весьма различнымъ экономическимъ порядкамъ и наблюдать экономическія явленія на разныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, и это не могло не отразиться на его научной теоріи. Въ тридцатыхъ годахъ Листъ, кромѣ таможеннаго союза, пропагандировалъ еще необходимость проведенія въ Германіи желѣзныхъ дорогъ. Живя въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи, онъ былъ хорошо знакомъ и съ ея экономическимъ бытомъ. Помимо этого онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось за границей, знакомя нѣмецкую и даже французскую публику съ борьбою изъ-за экономическихъ вопросовъ, происходившею въ тогдашней Англіи. Въ своей теоріи Листъ выступаетъ уже противникомъ системы Адама Смита. Онъ находилъ, что англійская школа слишкомъ космополитична, потому что между отдѣльною личностью и человѣчествомъ стоитъ еще нація, какъ нѣчто единое и цѣлое въ культурномъ и политическомъ отношеніяхъ. Вотъ почему онъ назвалъ свою систему „національною“; да и вообще послѣ того нѣмцы стали охотнѣе называть политическую экономію національною экономіей. Особенно замѣчательна мысль Листа, что всѣ народы умѣреннаго климата проходятъ черезъ извѣстные фазисы хозяйственнаго развитія. По его мнѣнію, на высшей ступени находилась Англія, за нею слѣдовала Франція, а на болѣе низкой ступени, исключительно земледѣльческой, находились южноромансвія страны. Что касается до Германіи, то она вмѣстѣ съ Соединенными Штатами Сѣв. Америки занимала промежуточную ступень, характеризующуюся началомъ развитія обрабатывающей промышленности. Листъ указывалъ далѣе на то, что каждая такая ступень развитія имѣетъ свои условія, съ которыми слѣдуетъ сообразоваться, и свои нужды, требующія удовлетворенія. Онъ не только не отрицалъ государственнаго вмѣшательства, но даже ставилъ пра-

вительству задачу создавать путемъ законодательства и административныхъ мѣропріятій наилучшія условія для дальнѣйшаго развитія и наиболѣе подходящія средства для удовлетворенія текущихъ потребностей. Съ этой точки зрѣнія онъ различнымъ образомъ оцѣнивалъ значеніе свободной торговли, смотря по тому, на какой ступени развитія находится страна. Для Англіи онъ считалъ свободную торговлю системой вполнѣ умѣстною, т.-е. необходимою и полезною. Но для Германіи требовалось нѣчто иное. По его мнѣнію, внутреннія таможни въ Германіи, стѣснявшія промышленность и торговлю въ самой странѣ, должны быть уничтожены, но вся Германія, взятая въ цѣломъ, должна была быть подчинена разумному протекціонизму для насажденія въ ней самостоятельной обрабатывающей промышленности. Идеи Листа, которыя были весьма благопріятны для зарождавшейся промышленной буржуазіи, произвели сильное впечатлѣніе на нѣмецкое общество, такъ какъ въ нихъ отвлеченная экономическая теорія являлась въ сочетаніи съ цѣлымъ рядомъ отвѣтовъ на вопросы національнаго существованія Германіи. Благодаря этому, политической экономіей и стали теперь интересоваться вообще образованные люди, не имѣвшіе спеціальнаго отношенія къ вопросамъ промышленности и торговли.

Идея относительности принциповъ политической экономіи съ большею или меньшею рѣзкостью выступаетъ въ сочиненіяхъ большей части нѣмецкихъ ученыхъ этой эпохи. Политическая экономія Адама Смита, равно какъ его предшественниковъ—физіократовъ, возникла въ эпоху господства анти-исторической философіи естественнаго права [1]). Германіи, которой принадлежала честь созданія исторической школы права [2]), выпало на долю положить начало и исторической школѣ политической экономіи. Уже Листъ при изученіи экономическихъ явленій становился на историческую точку зрѣнія. Въ 1839 и 1840 гг. онъ даже написалъ по-французски и по-нѣмецки двѣ статьи о политической экономіи „передъ судомъ исторіи“ и „съ исторической точки зрѣнія“. Одновременно Ганссенъ въ качествѣ историка изучалъ экономическій бытъ древности и среднихъ вѣковъ. Но настоящимъ основателемъ исторической школы былъ весьма ученый историкъ и экономистъ Вильгельмъ Рошеръ, прямо противоположившій историческій методъ методу философскому. Въ 1843 г. онъ изложилъ основные принципы новаго научнаго направленія въ небольшомъ „Пособіи къ лекціямъ политической экономіи на основаніи историческаго метода“. Здѣсь онъ поставилъ для науки новую задачу — изученіе взаимной связи исторіи формъ народнаго хозяйства и экономическихъ

---

[1]) См. т. III, стр. 149—150, 243—244 и др.

[2]) См. т. IV, стр. 275.

ученій. Между прочимъ, Рошеръ указывалъ на то, что недостаточно наблюдать лишь современныя хозяйственныя явленія, что нужно сравнивать эти явленія въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, и что лишь этимъ путемъ можно объяснить, какъ и почему учрежденія, бывшія когда-то цѣлесообразными, постепенно превратились въ нѣчто безсмысленное, и вещи, бывшія раньше полезными, сдѣлались вредными. Съ этой точки зрѣнія онъ не могъ допускать, чтобы одно и то же было хорошо или было дурно для всѣхъ народовъ и для всѣхъ ступеней развитія. Этимъ Рошеръ вводилъ въ науку требованіе объективизма, такъ какъ историческій методъ не дозволяетъ абсолютно порицать или восхвалять какія бы то ни было хозяйственныя учрежденія. Наконецъ, будучи самъ хорошимъ знатокомъ древней исторіи [1]), онъ утверждалъ, что съ наибольшими интересомъ и поучительностью мы должны изслѣдовать жизнь древняго міра, исторія котораго передъ нами вся, какъ цѣльный, завершившійся процессъ.

Рошеръ справедливо считается основателемъ исторической школы въ области экономическихъ изученій, хотя онъ выражалъ только стремленія, общія ему съ другими экономистами эпохи, и лишь переносилъ на изученіе народнаго хозяйства идеи, бывшія въ ходу въ исторической школѣ права. Нѣсколько позднѣе, именно въ 1848 г. Бруно Гильдебрандъ издалъ первый томъ оставшагося безъ продолженія труда подъ заглавіемъ „Національная экономія прошедшаго и будущаго“, гдѣ тоже проводилъ принципы историческаго направленія и метода. По его мысли, политическая экономія должна была прямо превратиться въ науку о законахъ экономическаго развитія народовъ. Методологическимъ образцомъ для него въ этомъ отношеніи служила тогдашняя лингвистика, уже широко примѣнявшая пріемы сравнительнаго изученія. Научное значеніе исторической школы не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но у нея были и свои недостатки, какъ въ философскомъ, такъ и въ общественномъ смыслахъ. Наиболѣе рьяные сторонники экономическаго историзма стали отрицать всякое значеніе за абстрактнымъ методомъ школы, созданной англійскими экономистами [2]). Съ другой стороны, объективизмъ, провозглашенный этою школою, нерѣдко заставлялъ ея сторонниковъ лишь констатировать данныя явленія безъ ихъ оцѣнки, особенно въ примѣненіи къ жизненной практикѣ, а историзмъ, какъ и въ соотвѣтственной

---

[1]) Въ 1838 и 1842 гг. онъ издалъ „De historicae doctrinae apud sophistas majores vestigiis“ и „Leben, Werk und Zeitalter des Thucydides“.

[2]) См. мои „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“, стр. 288 и слѣд.

школѣ права, былъ иногда только прикрытіемъ своего рода консерватизма. Становясь на историческую точку зрѣнія, при извѣстномъ настроеніи легко оправдывать настоящее ссылками на то, что это настоящее есть не что иное, какъ необходимый результатъ прошедшаго. Такая точка зрѣнія, дѣйствительно, давала возможность брать подъ защиту одинаково и противъ либеральной экономіи, и противъ соціалистовъ устарѣлыя хозяйственныя формы, обреченныя на разложеніе. Консерватизмъ, присущій исторической школѣ права [1]), проявился такимъ образомъ и въ новомъ направленіи политической экономіи. Рошеръ, конечно, справедливо указывалъ на то, что наука не можетъ ограничиваться изученіемъ одного современнаго состоянія. Но здѣсь онъ слишкомъ перегнулъ сломанную палку въ другую сторону, поставивъ на самое первое мѣсто изученіе античнаго народнаго хозяйства, дабы извлекать оттуда данныя для пониманія нѣмецкой современности, которую гораздо болѣе могли бы освѣтить изслѣдованія въ области экономическихъ порядковъ тогдашнихъ Англіи и Франціи. Не безъ основанія поэтому упрекали историческую школу въ томъ, что въ ней начиналъ преобладать духъ безпринципнаго оппортунизма, безъ ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ на вопросы, ставившіеся самою жизнью. Въ этомъ заключалась и слабая сторона идеи объ относительности экономическихъ принциповъ, бывшей однимъ изъ лозунговъ исторической школы. Рошеру и его школѣ, быть можетъ, позволительно еще сдѣлать упрекъ и въ томъ, что, признавая въ теоріи относительность принциповъ политической экономіи, ни онъ, ни послѣдователи его не распространяли этой идеи на самыя понятія политической экономіи, разсматривая ихъ не какъ историческія, а какъ логическія категоріи.

Новое направленіе политической экономіи получило большое распространеніе и оказало значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе науки. Но въ ту же самую пору въ Германіи жилъ одинъ экономистъ, котораго надлежащимъ образомъ оцѣнили только позднѣе. Это былъ Родбертусъ-Ягетцовъ. По окончаніи университетскаго курса онъ сначала состоялъ на прусской государственной службѣ, а потомъ съ середины тридцатыхъ годовъ проживалъ помѣщикомъ и сельскимъ хозяиномъ въ своемъ померанскомъ имѣніи. На литературное поприще Родбертусъ выступилъ въ началѣ сороковыхъ годовъ и продолжалъ подвизаться на немъ до самой своей смерти (1875). Съ 1848 г. онъ, кромѣ того, игралъ въ Пруссіи и политическую роль.

Первая статья, которую онъ еще въ 1839 г. написалъ для „Allgemeine Zeitung“, касалась требованій рабочихъ классовъ, но ре-

---

[1]) См. т. IV, стр. 275.

дакція этой газеты отклонила присланную ей статью, какъ нѣчто совсѣмъ неподходящее. Въ 1842 г. онъ издалъ сочиненіе „Къ познанію нашихъ экономическихъ отношеній“. Свою точку зрѣнія онъ называлъ лишь послѣдовательнымъ развитіемъ принципа, впервые высказаннаго Адамомъ Смитомъ и затѣмъ подкрѣпленнаго Рикардо, что съ экономической точки зрѣнія всѣ блага нужно разсматривать единственно какъ продукты труда. Существованіе пауперизма и экономическихъ кризисовъ онъ принималъ за указанія на то, что въ распредѣленіи продуктовъ общаго труда не все обстоитъ благополучно [1]). Другими словами, Родбертусъ доказывалъ, что трудъ есть единственный источникъ цѣнности, но что современный экономическій порядокъ съ его свободной конкурренціей не можетъ считаться правильнымъ. На первоначальныхъ воззрѣніяхъ Родбертуса несомнѣнно сказалось нѣкоторое вліяніе Сисмонди [2]), но если послѣдній мечталъ о возвращеніи къ старымъ формамъ быта, то Родбертусъ, наоборотъ, хорошо понималъ, что возвращеніе къ пережитымъ формамъ немыслимо, что общество постоянно идетъ впередъ. „Для меня, писалъ онъ, имѣетъ значеніе соціальной реакціи, да и вообще реакціи всякое учрежденіе, которое было да сплыло и тѣмъ не менѣе снова вводится въ жизнь для будущихъ временъ, хотя бы условіе его существованія было несовмѣстимо съ исторической ступенью жизни этой будущей эпохи“. Его положительный идеалъ будущаго сложился подъ вліяніемъ системы Оуена, но только онъ думалъ, что для осуществленія новаго общественнаго строя потребовалось бы еще полъ-тысячелѣтія странствованія человѣчества по пустынѣ, пока оно не вступитъ въ „обѣтованную землю“ освобожденія отъ поземельной и капиталистической собственности. Относясь съ сочувствіемъ къ пролетаріату, Родбертусъ, однако, вовсе не помышлялъ о томъ, чтобы дать какой-нибудь лозунгъ рабочимъ классамъ. Движенія, происходившія въ ихъ средѣ, его даже пугали, особенно позднѣе, и чѣмъ болѣе грозный характеръ они принимали, тѣмъ болѣе готовъ онъ былъ превыше всего ставить государство и отъ него одного ожидать спасенія. Равнымъ образомъ впослѣдствіи, когда въ Германіи съ развитіемъ обрабатывающей промышленности обострились отношенія между буржуазіей и народомъ, Родбертусъ не ожидалъ ничего хорошаго ни отъ побѣды средняго класса, ни отъ побѣды пролетаріата и все настойчивѣе проводилъ ту мысль, что спасенія нужно искать въ третьемъ общественномъ классѣ, въ землевладѣльцахъ, т.-е. въ томъ самомъ сословіи, къ которому онъ принадлежалъ самъ. Нѣкоторые критики Родбер-

---

[1]) См. т. IV, гл. XXV, гдѣ рѣчь идетъ о кризисахъ и пауперизмѣ.

[2]) См. т. IV, стр. 619—621.

туса даже высказывали мысль, будто основнымъ источникомъ соціалистическихъ выводовъ, которые онъ дѣлалъ изъ трудовой теоріи цѣнности, было желаніе посѣять раздоръ между рабочими и буржуазіей, дабы сдѣлать изъ первыхъ орудіе интересовъ землевладѣльческаго класса въ его борьбѣ съ промышленными и торговыми капиталистами. Для исторіи экономическихъ идей гораздо важнѣе то, что въ теоріи Родбертуса мы встрѣчаемся съ положеніями, которыя впослѣдствіи получили полное развитіе у самыхъ видныхъ представителей нѣмецкаго соціализма. Необходимо прибавить, что Родбертусъ занимался не только вопросами экономической теоріи и политики, но равнымъ образомъ и вопросами экономической исторіи, хотя самъ не принадлежалъ къ исторической школѣ и не пользовался особеннымъ сочувствіемъ среди ея представителей. Между прочимъ даже Рошеръ какъ-то всегда замалчивалъ научныя заслуги Родбертуса, несмотря на то, что историческія его изслѣдованія были направлены какъ-разъ на экономическія отношенія античнаго міра. Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить, что уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности Родбертусъ былъ хорошо знакомъ съ французской и англійской экономической и соціалистической литературой. Въ этомъ отношеніи онъ, впрочемъ, не составлялъ исключенія: наиболѣе видные нѣмецкіе ученые этой эпохи хорошо знали Англію и Францію, что̀, конечно, было ихъ преимуществомъ въ сравненіи съ экономистами тѣхъ странъ, гдѣ знали и даже хотѣли знать только свое.

Въ Германіи же, и тоже въ началѣ сороковыхъ годовъ, вышло въ свѣтъ и первое научное изслѣдованіе французскаго соціализма и коммунизма, до сихъ поръ остающееся однимъ изъ основныхъ сочиненій для исторіи французскихъ соціальныхъ ученій той эпохи. Авторомъ этого труда былъ въ то время только-что начинавшій свою дѣятельность молодой ученый, впослѣдствіи сдѣлавшійся спеціалистомъ въ различныхъ областяхъ государствовѣдѣнія и прославившійся въ ученомъ мірѣ, какъ замѣчательный систематизаторъ въ этой наукѣ. Это былъ Лоренцъ Штейнъ, авторъ вышедшей въ 1842 г. книги „Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи“. Окончивъ на родинѣ юридическое образованіе и получивъ докторскую степень, Лоренцъ Штейнъ поѣхалъ въ Парижъ для изученія новыхъ общественныхъ идей, которыя тогда волновали умы. Въ Парижѣ онъ познакомился съ Консидераномъ и Луи Бланомъ и Кабе, которые сообщили не мало драгоцѣнныхъ данныхъ для его будущей книги. Въ Парижѣ онъ познакомился также и съ Луи Рейбо, авторомъ незадолго передъ тѣмъ появившейся книжки „Этюды о современныхъ реформаторахъ или новѣйшихъ соціалистахъ, С.-Симонѣ, Фурье и Оуенѣ“ (1839). Рейбо былъ единственнымъ предшественникомъ Штейна

въ избранномъ имъ предметѣ, но это былъ скорѣе простой излагатель, чѣмъ изслѣдователь предмета. По собственнымъ словамъ Штейна, заслуга Рейбо заключалась въ томъ, что онъ первый соединилъ вмѣстѣ въ одной книгѣ современныхъ реформаторовъ и познакомилъ большую публику съ ихъ воззрѣніями въ одномъ цѣломъ. Но главный недостатокъ представленій Рейбо, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Штейнъ, заключался въ томъ, что онъ не выходилъ за предѣлы самого соціализма и потому далъ предмету одностороннее освѣщеніе. Рейбо, говоритъ Штейнъ, „не приходитъ къ мысли объ обществѣ и его исторіи, а также къ мысли о пролетаріатѣ, и поэтому видитъ въ теоріяхъ С.-Симона и Фурье лишь двѣ новыя утопіи, занимающія извѣстное мѣсто въ исторіи утопическихъ міровоззрѣній рядомъ съ Томасомъ Моромъ, Кампанеллой и др. Въ этомъ заключается величайшая несправедливость, какую онъ дѣлаетъ относительно болѣе глубокаго содержанія какъ своего времени, такъ и названныхъ писателей". Значеніе труда Штейна состоитъ именно въ томъ, что онъ далъ болѣе широкую постановку своему предмету. Въ 1848 г. въ видѣ прибавленія къ первому своему сочиненію онъ издалъ еще книжку „Соціалистическія и коммунистическія движенія со времени третьей французской революціи", а въ 1850 г.—трехтомный трудъ подъ заглавіемъ „Исторія соціальнаго движенія во Франціи съ 1789 г. до нашихъ дней.

Штейнъ видѣлъ, что жизнь порождаетъ новыя формы, и хотѣлъ понять ихъ научно въ качествѣ хладнокровнаго наблюдателя. По его словамъ, новыя соціальныя теоріи получаютъ настоящее свое значеніе отъ той почвы, на которой онѣ возникли. „Время чисто политическихъ движеній, говоритъ онъ въ первомъ своемъ сочиненіи, прошло. Подготовляется новое движеніе, не менѣе серьезное и сильное. Какъ въ концѣ прошлаго столѣтія поднялось противъ государства одно сословіе народа, такъ и теперь одинъ классъ народа думаетъ о томъ, чтобы кореннымъ образомъ преобразовать общество, и ближайшая революція теперь можетъ быть только соціальной". Впослѣдствіи въ новомъ своемъ трудѣ Штейнъ могъ уже сослаться на то, что его предсказаніе исполнилось. Съ гораздо меньшимъ правомъ онъ могъ утверждать тогда же, будто соціалистическое движеніе въ Германіи явилось результатомъ появленія его первой книги. Несомнѣнно, однако, что именно въ этомъ трудѣ онъ первый высказалъ ту мысль, что „ни одно сколько-нибудь глубокое движеніе европейскаго народа не принадлежитъ ему одному", и что „если его кругъ выходитъ далеко за границы отдѣльной націи, то это не простая случайность. Поэтому, прибавляетъ онъ самъ, если соціальное направленіе французской жизни вѣрно и имѣетъ историческое основаніе, то оно, хотя бы

только въ качествѣ отдаленнаго будущаго, равнымъ образомъ содержится и въ нашей жизни". По мнѣнію Штейна, это соціальное направленіе коренится въ данномъ состояніи общества, породившемъ пролетаріатъ. Но пролетаріатъ есть только одинъ изъ классовъ общества, общество же есть нѣчто отличное отъ государства, и взаимныя ихъ отношенія должны быть поняты научно. „На долю Германіи, говоритъ Штейнъ, выпадаетъ высокая задача примирить въ своей наукѣ всѣ противорѣчія европейскаго міра". Онъ остановился лишь на однихъ французскихъ соціалистахъ, ибо для того, чтобы говорить объ Оуенѣ, нужно было бы изслѣдовать англійскія соціальныя отношенія, какъ это имъ было сдѣлано по отношенію къ французскимъ, и онъ даже ожидалъ, что кто-нибудь исполнитъ и эту задачу. Научный результатъ изслѣдованій Штейна заключался въ мысли, что соціально-экономической подкладкой французскаго соціализма и коммунизма являлась классовая борьба буржуазіи и пролетаріата. Поэтому Рошеръ обнаружилъ только свое непониманіе, когда заявилъ, что книга Штейна подѣйствовала на нѣмецкую публику, какъ баснословный разсказъ изъ далекихъ странъ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ появленія книги Штейнъ издалъ ее въ совершенно переработанномъ видѣ, придавъ ей и болѣе теоретическій характеръ. Онъ занялся здѣсь установленіемъ понятія общества, взятаго главнымъ образомъ въ своей экономической основѣ „съ зависимостью тѣхъ, которые ничего не имѣютъ, отъ тѣхъ, которые имѣютъ". Между обществомъ и государствомъ, по теоріи Штейна, возможны разныя отношенія, и между прочимъ борьба. Въ народномъ представительствѣ онъ видѣлъ „органъ, посредствомъ котораго общество (т.-е. господствующій классъ общества) господствуетъ надъ государствомъ". А такъ какъ государственная власть должна содѣйствовать интересу всѣхъ отдѣльныхъ лицъ безъ различія ихъ положенія, то Штейнъ и считалъ необходимымъ элементомъ государственнаго устройства такую власть, которая стояла бы выше противоположности частныхъ, а въ томъ числѣ и классовыхъ интересовъ. Такое значеніе онъ приписывалъ, съ одной стороны, монархіи, съ другой, совокупности должностныхъ лицъ въ государствѣ. Отношеніе монарха къ господствующимъ общественнымъ классамъ можетъ быть различнымъ, но нормальнымъ Штейнъ считалъ такое поведеніе королевской власти, когда она „самодѣятельно, противъ воли и естественнаго стремленія господствующаго класса берется за возвышеніе низшаго, соціально и политически подчиненнаго класса и въ этомъ направленіи осуществляетъ ввѣренное ей государственное верховенство". Съ этой точки зрѣнія Штейнъ подвергъ критикѣ политику прежнихъ монархическихъ правительствъ Франціи, поставивъ въ то же время передъ монархическою властью въ Германіи служеніе соціальной задачѣ.

Книга Лоренца Штейна выясняла самимъ нѣмецкимъ соціалистамъ основную сущность всего движенія. Дѣло въ томъ, что соціальныя идеи уже давно возникали и распространялись въ нѣмецкомъ обществѣ. Первоначально, какъ и въ другихъ странахъ [1]), это были чисто теоретическія, вполнѣ абстрактныя разсужденія, не имѣвшія въ виду практическаго осуществленія. Напримѣръ, еще Фихте въ 1800 г. въ своемъ сочиненіи „Замкнутое торговое государство“ изображалъ такое государство, которое завѣдовало бы всѣмъ производствомъ и распредѣленіемъ матеріальныхъ благъ. Фихте исходилъ изъ идей естественнаго права. Въ сущности, всѣ люди имѣютъ совершенно одинаковое право на все, и если какая-либо вещь становится моею, то лишь потому, что всѣ другіе люди отреклись отъ этой вещи. Поэтому всѣ люди имѣютъ одинаковое право на одинаково хорошую жизнь посредствомъ участія въ общемъ трудѣ: напримѣръ, прежде, чѣмъ кто-либо начнетъ наряжаться, у всѣхъ должна быть одинаково теплая и удобная одежда. Можно было бы привести и другія разсужденія въ подобномъ родѣ, но они оставались въ книгахъ своихъ авторовъ, не овладѣвая умами сколько-нибудь значительныхъ общественныхъ группъ и не оказывая вліянія на ихъ поведеніе. Только въ ту эпоху, о которой идетъ теперь рѣчь, сталъ возникать въ Германіи соціализмъ, какъ настоящее общественное направленіе, причемъ довольно рано въ данномъ отношеніи уже обнаруживалось французское вліяніе. Мы видѣли, что воззрѣнія с.-симонистовъ отразились на стремленіяхъ Гейне и другихъ представителей „молодой Германіи“. Но этихъ писателей интересовала болѣе моральная, нежели экономическая сторона с.-симонизма. Соціалистическіе взгляды и притомъ съ революціонною окраскою во второй половинѣ сороковыхъ годовъ проповѣдовали также нѣкоторые западно-германскіе публицисты, среди которыхъ особенно выдвинулись Гессъ и Грюнъ, бывшіе одновременно послѣдователями „гуманизма“ Фейербаха и „анархіи“ Прудона, но стоявшіе далеко позади Лоренца Штейна по своему чисто отвлеченному отношенію къ предмету. Особенно Гессъ старался облекать экономическія понятія въ философскую фразеологію гегельянства, напримѣръ, объявляя, что „матеріальная собственность есть ставшее опредѣленной идеей для-себя-бытіе (Für-sich-sein) духа“. Въ 1845 г. Грюнъ побывалъ въ Парижѣ и написалъ книгу о соціальномъ движеніи во Франціи и Бельгіи, въ которой равнымъ образомъ разсматривалъ вопросъ совершенно абстрактно. Оба они относились свысока къ либеральнымъ стремленіямъ буржуазіи, доказывая, что для массъ отсюда ничего не выйдетъ, кромѣ, пожалуй, одного только зла. Это направленіе нашло въ лицѣ Маркса и его друга Энгельса весьма строгихъ критиковъ.

[1]) См. т. IV, стр. 625.

Гораздо болѣе серьезное значеніе имѣли соціальныя стремленія, которыя стали проявляться въ тайныхъ обществахъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, ставившихъ своею цѣлью объединеніе, возрожденіе и преобразованіе Германіи. Эти общества возникли въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, и первымъ изъ нихъ былъ парижскій Bund der Geächteten, въ которомъ очень скоро произошло раздѣленіе между политическими и соціальными революціонерами. Отъ него отдѣлился въ 1836 г. Bund der Gerchten, въ числѣ членовъ котораго, большею частью ремесленниковъ, мы находимъ магдебургскаго портного Вильгельма Вейтлинга, издавшаго въ 1838 г. сочиненіе подъ заглавіемъ „Человѣчество, какъ оно есть и какимъ должно быть“. Это общество искало сближенія съ французскимъ обществомъ „Временъ года“ [1]) и съ представителями тогдашняго соціализма и коммунизма. Неудача республиканской попытки 1839 г. заставила членовъ союза перенести свою организацію въ Лондонъ, а Вейтлингъ направился въ Швейцарію для того, чтобы и въ этой странѣ вести коммунистическую пропаганду. Здѣсь ему удалось основать новый союзъ, цѣлью котораго было оказывать воздѣйствіе на Францію и Германію. На этого ремесленника-коммуниста справедливо смотрятъ, какъ на связующее звено (по крайней мѣрѣ, для Германіи) между утопическимъ соціализмомъ предыдущей эпохи и соціализмомъ, какъ проявленіемъ стремленій пролетаріата въ эпоху, которая наступила впослѣдствіи. Человѣкъ, убѣжденный въ правотѣ своихъ воззрѣній, онъ всѣ свои надежды возлагалъ на революцію, которую долженъ былъ произвести доведенный до отчаянія народъ. Онъ даже придавалъ очень важное значеніе участію въ этой революціи такъ называемыхъ подонковъ общества, способныхъ только къ разрушительной работѣ. Въ его соціалистическихъ мечтаніяхъ было мѣсто и для грядущаго великаго человѣка, который явится во время революціи, чтобы всѣ свои силы употребить на водвореніе коммунизма. Это было нѣчто въ родѣ того милліонера, котораго каждый день поджидалъ Фурье [2]), или въ родѣ Икара въ соціально-философскомъ романѣ Кабе [3]). Вейтлингъ называлъ его новымъ Мессіей, который придетъ для того, чтобы осуществить ученіе перваго Мессіи: и онъ не выпуститъ власти изъ своихъ рукъ, пока не исполнитъ своего великаго дѣла, а когда оно будетъ совершено, весь міръ признаетъ его и назоветъ его вторымъ Мессіей и болѣе великимъ, чѣмъ былъ первый. Подобно современнымъ ему французскимъ соціальнымъ проповѣдникамъ, Вейтлингъ готовъ былъ понимать

[1]) См. выше, стр. 318.
[2]) См. т. IV, стр. 651.
[3]) См. выше, стр. 300.

первоначальное христіанство, какъ революціонное движеніе угнетенныхъ классовъ общества въ коммунистическомъ направленіи. Подобное же движеніе и самъ онъ стремился возбудить среди современныхъ рабочихъ классовъ: Вейтлингъ дѣйствовалъ, какъ пропагандистъ и организаторъ. Его сочиненія (кромѣ названнаго выше, еще „Евангеліе бѣднаго грѣшника“ и „Гарантіи гармоніи и свободы“) въ свое время производили сильное впечатлѣніе. Между прочимъ Марксъ и Энгельсъ находили, что его дѣятельность не была безрезультатна, а Марксъ подъ впечатлѣніемъ сочиненія Вейтлинга даже говорилъ, что нѣмецкій пролетаріатъ является теоретикомъ европейскаго пролетаріата, какъ англійскій пролетаріатъ—его экономистомъ, а французскій—его политикомъ. Замѣтимъ, что главное сочиненіе Вейтлинга („Гарантіи гармоніи и свободы“) вышло въ свѣтъ въ одинъ годъ съ книгою Лоренца Штейна.

Таковы были экономическія ученія и соціальныя теченія въ Германіи въ то время, когда Марксъ, дошедшій до воззрѣній, діаметрально противоположныхъ политическому ученію Гегеля, совершилъ новый шагъ въ своемъ развитіи, обратившись въ соціалиста. Многое изъ того, что онъ сталъ высказывать въ эту пору своей жизни, въ той или другой формѣ уже существовало въ тогдашней нѣмецкой литературѣ. Одни и тѣ же условія жизни въ разныхъ людяхъ порождали сходныя мысли, но кое-чѣмъ Марксъ былъ прямо обязанъ своимъ предшественникамъ. Соціальный вопросъ на почву классовой борьбы былъ поставленъ еще французскими писателями, изъ которыхъ особенно слѣдуетъ отмѣтить Луи Блана [1]). Ту же самую точку зрѣнія положилъ въ основу своей книги и Лоренцъ Штейнъ. Благодаря этому, новыя соціальныя ученія получали свою историческую основу. Въ то же время нѣмецкіе экономисты вводили въ науку понятіе объ относительности экономическихъ принциповъ, и экономическія категоріи изъ логическихъ превращались въ историческія. Далѣе, идея закономѣрности историческаго процесса была общимъ достояніемъ всей гегельянской школы, и если ея родоначальникъ вносилъ въ пониманіе этого процесса крайній идеализмъ, то таковое пониманіе уже было разрушено старшими представителями лѣваго гегельянства, стремившимися придать своей философіи болѣе реалистическій характеръ. Марксъ, одинаково хорошо овладѣвшій философскими и соціальными теоріями двухъ сосѣднихъ странъ, занялся своего рода синтезомъ этихъ ученій, сопровождая ихъ своей критикой. Сначала эта критика, какъ мы видѣли, была направлена на нѣмецкія философскія теоріи, бывшія исходнымъ пунктомъ мышленія самого Маркса [2]). Потомъ онъ

[1]) См. выше, стр. 100 и 324—325.

[2]) См. выше, стр. 364 и слѣд.

сдѣлалъ то же самое съ французскими соціальными ученіями, отъ которыхъ имъ также былъ полученъ весьма сильный импульсъ къ умственной дѣятельности. Съ англійскими экономическими отношеніями и соціальными движеніями онъ на первыхъ порахъ знакомился главнымъ образомъ черезъ Фридриха Энгельса, съ которымъ сошелся во время написанія своего „Святого семейства".

Энгельсъ, по происхожденію сынъ фабриканта, былъ лишь двумя годами моложе Маркса. Очень молодымъ человѣкомъ онъ сошелся съ лѣвыми гегельянцами, откуда получилъ импульсъ къ своей дальнѣйшей дѣятельности. Съ конца 1842 до осени 1844 г. онъ прожилъ въ главномъ центрѣ англійской обрабатывающей промышленности, Манчестерѣ, гдѣ изучалъ фабричное дѣло, бытъ рабочихъ и новыя соціальныя идеи. Въ это время въ Англіи далеко еще не всѣ понимали, что между пролетаріатомъ и соціализмомъ существуетъ внутренняя связь, но Энгельсъ скоро уловилъ эту связь. Ему приходилось вступать въ сношенія и съ чартистами, и съ послѣдователями Оуена и съ вожаками нѣмецкаго „Союза праведниковъ". Почти два года, проведенные въ такой обстановкѣ, дали Энгельсу возможность не только хорошо изучить соціальный бытъ тогдашней Англіи, но и прійти къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ, напоминающимъ тѣ взгляды, которые Марксомъ были вынесены изъ изученія французской революціи. Весьма естественно, что, встрѣтившись осенью 1844 г. въ Парижѣ, они быстро сблизились на почвѣ однородныхъ философскихъ и соціальныхъ воззрѣній, и съ этого времени между ними установилась тѣсная дружба на всю жизнь. Энгельсъ работалъ еще въ „Deutsch-Französische Jahrbücher" Руге, гдѣ помѣстилъ статьи по критикѣ политической экономіи и о внутреннемъ состояніи въ Англіи; затѣмъ онъ принималъ участіе въ написаніи „Святого семейства". Въ этомъ сочиненіи Марксъ и Энгельсъ между прочимъ высказывали ту мысль, что соціальные реформаторы Франціи и Англіи не понимали того значенія, какое имѣетъ самостоятельное развитіе пролетаріата. Наконецъ въ 1845 году Энгельсъ издалъ свою знаменитую книгу „Положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи". Въ предисловіи къ этой книгѣ онъ говорилъ, что хочетъ положить конецъ всѣмъ спорамъ за и противъ соціализма, изобразивъ настоящее положеніе пролетаріата. Такъ какъ полнаго своего развитія пролетаріатъ достигъ только въ Англіи, то Энгельсъ и взялся изобразить положеніе именно англійскихъ рабочихъ. Здѣсь онъ проводитъ ту мысль, что капиталистическое хозяйство, создавшее всѣ бѣдствія пролетаріата, заключаетъ въ себѣ и зародыши его освобожденія, и что капитализмомъ обусловливается не только современное всемогущество буржуазіи, но и будущій ея упадокъ. Основной задачей сочиненія было показать, какъ

крупная промышленность создаетъ современный рабочій классъ, и какъ послѣдній самъ въ силу законовъ исторической діалектики развивается, чтобы низвергнуть ту самую силу, которая его создала. Буржуазія и пролетаріатъ находятся въ тѣсномъ взаимоотношеніи, взаимно обусловливаются другъ другомъ. Хотя пролетарій, повидимому, совершенно свободенъ, но на самомъ дѣлѣ онъ находится въ положеніи раба. Правда, его никто не продаетъ, но онъ самъ продаетъ себя, хотя и не разъ навсегда, а, такъ сказать, по частямъ—на сутки, на недѣлю, на цѣлый годъ, и продаетъ себя при этомъ не одному какому-нибудь человѣку, а цѣлому общественному классу. Изображая бѣдствія англійскихъ рабочихъ, Энгельсъ въ этихъ бѣдствіяхъ видитъ и надежду на спасеніе, такъ какъ она ведетъ къ борьбѣ пролетаріата за возможность для рабочихъ оставаться и чувствовать себя людьми. Если Марксъ критиковалъ современныхъ ему французскихъ реформаторовъ, то Энгельсъ дѣлалъ то же самое по отношенію къ англійскимъ, главнымъ образомъ указывая на то, что чартизмъ и соціализмъ въ Англіи слишкомъ разъединены, и ни тотъ, ни другой въ отдѣльности не можетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ знаменемъ пролетаріата. Въ заключеніи къ своей книгѣ онъ предсказывалъ близкую соціальную революцію въ Англіи, въ данномъ случаѣ лишь повторяя то, что на этотъ счетъ говорили сами англичане, хотя бы, напримѣръ, Карлейль.

Начавъ работать сообща, Марксъ и Энгельсъ задумали всестороннюю критику всей послѣ-гегелевской философіи и написали большое сочиненіе, которое, однако, въ печати не появилось и для своихъ авторовъ имѣло лишь то значеніе, что дало имъ возможность лучше продумать свое соціально-философское міросозерцаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Марксъ продолжалъ свои занятія теоретическими вопросами политической экономіи. Живя еще въ Парижѣ, онъ довольно близко сошелся съ Прудономъ, къ которому относился съ большимъ почтеніемъ и котораго самъ посвящалъ въ тайны гегельянской философіи. До нѣкоторой степени овладѣвъ діалектическимъ методомъ, Прудонъ и примѣнилъ его, какъ извѣстно, въ своей „Системѣ экономическихъ противорѣчій, или философіи нищеты [1]), задумавъ въ ней примирить въ высшемъ синтезѣ воззрѣнія экономистовъ и коммунистовъ. Прочитавъ это сочиненіе, Марксъ нашелъ, однако, что Прудонъ не достигъ своей цѣли и что, желая стать выше буржуазіи и пролетаріата, онъ, въ сущности, остался позади этого раздѣленія, являясь, такъ сказать, представителемъ мелкаго мѣщанства. Книгу Прудона Марксъ подвергъ поэтому весьма рѣзкой критикѣ въ написанной по-французски работѣ подъ заглавіемъ „Нищета философіи. Отвѣтъ на философію нищеты Пру-

[1]) См. выше, стр. 312.

дона“ (1847). Защищая противъ Прудона экономистовъ, которые гораздо лучше, нежели онъ, поняли внутреннее строеніе буржуазнаго общества, Марксъ указывалъ, однако, что общія понятія, употребляемыя экономистами, вовсе не вѣчныя и естественныя категоріи, а только категоріи историческія и общественныя. „Экономическія категоріи суть только теоретическія выраженія отвлеченности общественныхъ отношеній. Соціальныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Съ пріобрѣтеніемъ новыхъ производительныхъ силъ люди измѣняютъ свои способы производства, а съ измѣненіемъ способовъ производства, т.-е. пріемовъ добыванія средствъ къ существованію, измѣняютъ они и свои общественныя отношенія. Ручной жерновъ создаетъ общество съ феодальными господами, паровая мельница—съ индустріальными капиталистами. Но тѣ же самые люди, которые образуютъ соціальныя отношенія въ соотвѣтствіи съ матеріальными способами производства, образуютъ также и принципы, и идеи, и категоріи соотвѣтственно своимъ общественнымъ отношеніямъ [1]). Съ этой точки зрѣнія экономисты являются у Маркса научными выразителями интересовъ буржуазіи, а соціалисты и коммунисты—теоретиками пролетаріата. Такое толкованіе совершенно устраняло мысль Прудона о томъ, что экономисты и соціалисты разсматривали лишь разныя стороны одного и того же процесса. Вмѣстѣ съ этимъ Марксъ объяснялъ утопическій соціализмъ недостаточностью развитія пролетаріата, какъ особаго общественнаго класса, сознающаго свои интересы. „Крупная промышленность сводитъ въ одно мѣсто большое количество людей, совершенно другъ съ другомъ незнакомыхъ. Конкурренція ихъ—въ ихъ интересахъ, но желаніе держать на извѣстной высотѣ рабочую плату, этотъ общій ихъ интересъ противъ ихъ хозяевъ соединяетъ ихъ въ общей мысли о сопротивленіи“. Правда, и предприниматели соединяются между собою, и между двумя классами происходятъ стычки, въ которыхъ развиваются всѣ элементы грядущей битвы. Коалиціи пріобрѣтаютъ политическій характеръ, такъ какъ борьба одного класса противъ другого есть политическая борьба. Равнымъ образомъ и Энгельсъ говорилъ въ своей книгѣ, что англійскіе рабочіе союзы, не будучи въ состояніи измѣнить экономическій законъ,

---

[1]) Въ своей теоріи экономическаго матеріализма Марксъ и Энгельсъ распространили эту мысль о зависимости экономическихъ идей отъ экономическихъ отношеній и на идеи не-экономическаго содержанія, объявивъ, что всѣ идеи, составляющія духовную культуру общества, суть только отраженія въ человѣческомъ сознаніи данныхъ экономическихъ отношеній. То же самое они сдѣлали и со всякаго рода учрежденіями, подчинивъ ихъ тому же принципу, т.-е. поставивъ государство и право въ исключительную зависимость отъ народнаго хозяйства, какъ единственной основы общественнаго существованія.

ставящій заработную плату въ зависимость отъ отношенія предложенія къ спросу на рынкѣ труда, имѣютъ тѣмъ не менѣе значеніе своего рода подготовительныхъ школъ въ классовой борьбѣ. Въ сочиненіи противъ Прудона и Марксъ развиваетъ свою историческую теорію о смѣнѣ въ Западной Европѣ хозяйства феодальнаго капиталистическимъ, которое само должно уступить мѣсто новой формѣ. Несмотря на важное значеніе полемики Маркса противъ Прудона въ развитіи „научнаго“ соціализма, „Нищета философіи“ въ свое время не обратила на себя особеннаго вниманія и нисколько не поколебала авторитета Прудона.

Марксъ въ это время проживалъ въ Брюсселѣ: попытка прусскаго правительства добиться изгнанія Маркса изъ бельгійской столицы окончилась полной неудачей. Въ 1847 г. Марксъ и Энгельсъ принимали дѣятельное участіе въ „Нѣмецкой брюссельской газетѣ“, гдѣ полемизировали съ другими соціалистическими направленіями и съ чисто политическимъ радикализмомъ. Между прочимъ, они доказывали, что утвержденіе, будто единственными виновниками всякой реакціи являются нѣмецкіе государи, столь же неосновательно, какъ и утвержденіе этихъ послѣднихъ, будто всѣ революціонныя движенія возбуждаются единственно подстрекательствомъ демагоговъ. Съ другой стороны, они доказывали, что пролетаріатъ въ собственныхъ своихъ интересахъ долженъ помогать буржуазіи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ и феодализмомъ. Они поэтому находили вреднымъ воевать съ либерализмомъ, пока послѣдній не одержитъ побѣды надъ старымъ порядкомъ. Одновременно съ Марксомъ и Энгельсомъ въ Брюсселѣ проживали многіе другіе нѣмецкіе эмигранты, какъ интеллигенты, такъ и рабочіе. Съ однимъ изъ эмигрантовъ, Фердинандомъ Вольфомъ, Марксъ и Энгельсъ основали въ Брюсселѣ союзъ нѣмецкихъ рабочихъ, въ которомъ Марксъ читалъ лекціи политической экономіи, посвященныя вопросу о заработной платѣ и капиталѣ. Кромѣ того, онъ читалъ въ „Международномъ демократическомъ обществѣ“ о модной въ то время свободной торговлѣ, которую онъ отождествилъ съ свободою капитала. За покровительственную систему стоитъ только нарождающаяся буржуазія, какою была буржуазія нѣмецкая, самъ же Марксъ высказывался за свободную торговлю, потому что она стираетъ границы между отдѣльными національностями и выдвигаетъ на первый планъ противоположность между пролетаріатомъ и буржуазіей. Въ только-что названномъ обществѣ, состоявшемъ изъ мѣстныхъ демократовъ и эмигрантовъ разныхъ національностей, Марксъ былъ однимъ изъ вице-президентовъ. То братство народовъ, о которомъ много говорилось въ ихъ средѣ, и Марксу, и Энгельсу казалось чистой фантазіей въ виду того, что отдѣльные народы стояли на весьма различныхъ ступе-

няхъ соціальнаго развитія. Общеевропейская республика объявлялась ими за чистый призракъ, подобно ожиданіямъ, что вѣчный миръ между народами будетъ результатомъ полнаго торжества свободной торговли [1]). Если и существуетъ общественный классъ, который во всѣхъ національностяхъ имѣетъ одинъ общій интересъ, такъ это—пролетаріатъ. Буржуазія въ каждой странѣ имѣетъ свои особые интересы, а потому вовсе не можетъ быть на самомъ дѣлѣ расположена къ братанію народовъ. — Играя видную роль въ брюссельскомъ Международномъ обществѣ, Марксъ и Энгельсъ, кромѣ того, поддерживали дѣятельныя сношенія съ англійскими чартистами и французскими соціалистами. Еще живя въ Манчестерѣ, Энгельсъ сотрудничалъ въ чартистскихъ изданіяхъ, у Маркса же было много знакомыхъ въ Парижѣ. Точно также они поддерживали связь и съ нѣмецкимъ „Союзомъ праведниковъ“, состоявшимъ преимущественно изъ ремесленниковъ и исповѣдовавшимъ идеи утопическаго коммунизма. Они вступили въ это общество и образовали его отдѣленіе въ Брюсселѣ. Лѣтомъ 1847 г. въ Лондонѣ состоялся съѣздъ представителей союза, и на немъ было рѣшено, устранивъ изъ организаціи ея прежній заговорщическій характеръ, превратить ее въ общество для пропаганды, причемъ цѣлью союза было объявлено „низверженіе буржуазіи, господство пролетаріата, уничтоженіе стараго гражданскаго общества, основаннаго на классовыхъ противоположностяхъ, и основаніе общества новаго безъ классовъ и безъ частной собственности“. Въ концѣ того же самаго 1847 г. въ Лондонѣ состоялся второй конгрессъ, который поставилъ своею задачею выработать основное ученіе союза и изложить его принципы въ особомъ манифестѣ, окончательная редакція котораго была поручена Марксу и Энгельсу. Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ конгрессами къ союзу обратился за поддержкою и денежною помощью Кабе, въ то время готовившійся осуществить исходъ французскихъ коммунистовъ въ новую Икарію [2]). Союзъ отнесся къ самому Кабе съ полнымъ уваженіемъ и даже благодарилъ его за то, что онъ оказалъ громадную услугу пролетаріату, отвращая рабочихъ отъ участія во всякихъ заговорахъ, но къ плану Кабе отнесся несочувственно, такъ какъ считалъ всю его затѣю даже вредною. Икарійскій коммунизмъ былъ объявленъ неосуществимымъ, потому что для перехода къ общенію имуществъ нужно время, въ теченіе котораго, съ одной стороны, необходимо развитіе демократіи, съ другой—постепенное превращеніе частной собственности

[1]) Сравни выше, стр. 98, гдѣ говорится о Кобденѣ, проводившемъ именно такую мысль.

[2]) См. выше, стр. 297.

въ собственность общественную. Кабе нарочно пріѣзжалъ въ Лондонъ для того, чтобы убѣдить нѣмецкихъ коммунистовъ въ основательности своего плана, но не достигъ своей цѣли. То, что ему предсказывали, и случилось съ его коммунистической попыткой.

Марксъ и Энгельсъ, которые, собственно говоря, и были авторами проекта, разсматривавшагося на лондонскомъ конгрессѣ, исполнили данныя имъ порученія въ знаменитомъ „Коммунистическомъ манифестѣ", вышедшемъ въ свѣтъ въ февралѣ 1848 г. на нѣмецкомъ языкѣ и вскорѣ затѣмъ переведенномъ на языки англійскій, французскій, датскій и польскій. Въ томъ же февралѣ отправилась въ Америку первая партія икарійцевъ и вспыхнула въ Парижѣ революція, въ исторіи которой парижскому пролетаріату пришлось играть такую видную роль. Коммунистическій манифестъ заключалъ въ себѣ цѣлую программу. Появленіе его съ энтузіазмомъ привѣтствовали небольшія группы людей, которымъ онъ могъ быть понятенъ и которые были подготовлены къ тому, чтобы раздѣлять его идеи. Но революціонное движеніе 1848 г. въ рабочемъ классѣ совершалось не подъ знаменемъ этихъ идей. Когда вскорѣ затѣмъ наступила реакція, этотъ документъ былъ совсѣмъ позабытъ, и только въ болѣе близкое къ намъ время соціальное движеніе въ Германіи, а отчасти и въ другихъ странахъ, приняло марксистскій характеръ. Въ основу коммунистическаго манифеста была положена историко-философская теорія экономическаго развитія, которую Марксъ и Энгельсъ вырабатывали сообща въ предшествующіе годы. „Исторія всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ есть исторія борьбы классовъ... Господствующими идеями даннаго времени всегда были идеи господствующаго класса. Говорятъ объ идеяхъ, которыя создаютъ революціонное настроеніе во всемъ обществѣ, но этимъ выражаютъ тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго строя, что рядомъ съ разрушеніемъ стараго образа жизни идетъ разложеніе старыхъ идей". Борьба классовъ всегда основывалась на ихъ противоположности, которая въ различныя эпохи принимала различные виды. По мнѣнію авторовъ манифеста, историческій процессъ совершается въ сторону уничтоженія классовыхъ противоположностей, и манифестъ пророчитъ совершенное исчезновеніе тѣхъ формъ общественнаго сознанія, въ которыхъ оно до сихъ поръ всегда вращалось. „Съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ, все міросозерцаніе". Такова въ общихъ чертахъ историко-философская теорія, положенная въ основу манифеста [1]). Практиче-

[1]) Ср. подстрочное примѣчаніе на стр. 390. Впослѣдствіи ту же самую

ская программа, изложенная Марксомъ и Энгельсомъ въ разсматриваемомъ документѣ, стояла въ тѣсной связи съ пониманіемъ переживавшагося Западною Европой момента, который самъ обусловленъ предыдущимъ моментомъ закономѣрнаго историческаго процесса и въ свою очередь подготовляетъ наступленіе новаго момента. Авторы манифеста, хорошо знакомые съ тѣмъ, что дѣлалось въ трехъ главныхъ странахъ Западной Европы и сознательно стремившіеся отдѣлаться отъ всякихъ иллюзій и утопій (что, по собственному сознанію, имъ не всегда, однако, удавалось), старались построить свою программу на изученіи реальныхъ отношеній, разсматривавшихся ими подъ угломъ зрѣнія борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ. Указавъ на то, какъ образовалось раздѣленіе общества на буржуазію и пролетаріатъ, они высказываютъ ту мысль, что самъ прогрессъ промышленности ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкурренціи объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи. Буржуазія „производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ“, коммунисты представляютъ изъ себя лишь самую рѣшительную часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, которая только лучше другихъ партій понимаетъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія. Но у всѣхъ этихъ партій ближайшая цѣль общая: это—организація рабочаго класса, сверженіе господства буржуазіи и завоеваніе пролетаріатомъ политической власти. Манифестъ перечисляетъ, какія мѣропріятія могли бы быть немедленно приняты въ наиболѣе передовыхъ странахъ, включая сюда экспропріацію поземельной собственности, высокій прогрессивно-подоходный налогъ, централизацію въ рукахъ государства кредита и перевозочныхъ средствъ, увеличеніе числа государственныхъ фабрикъ и орудій производства, введеніе одинаковой обязательности труда для всѣхъ, соединеніе земледѣльческаго труда съ фабричнымъ, общественное и даровое воспитаніе всѣхъ дѣтей и т. д. Выставивъ такую положительную программу, Марксъ и Энгельсъ подвергли критикѣ другія соціальныя теоріи эпохи, чтобы показать или ихъ непригодность для пролетаріата, или ихъ фантастичность. Вмѣстѣ съ тѣмъ они разсмотрѣли, въ какомъ отношеніи находились коммунисты сороковыхъ годовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ въ отдѣльныхъ странахъ. На Германію, говорятъ они, коммунисты обращаютъ главное свое вниманіе потому, что она находится наканунѣ буржуазной революціи. Этотъ переворотъ совершится въ ней при гораздо далѣе подвинувшихся впередъ условіяхъ европейской цивилизаціи вообще и

мысль о чисто экономическомъ базисѣ общества и исторіи Марксъ повторилъ въ предисловіи своего сочиненія „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ (1859). О дальнѣйшемъ развитіи экономическаго матеріализма см. въ гл. VI указанныхъ выше (стр. 370) „Этюдовъ“.

застанетъ пролетаріатъ въ гораздо болѣе развитомъ состояніи, чѣмъ былъ онъ въ Англіи XVII и во Франціи XVIII столѣтія. Пророча наступленіе буржуазной революціи въ Германіи, Марксъ и Энгельсъ ожидали, что она можетъ послужить непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи. Послѣдняго, какъ извѣстно, не случилось, и въ позднѣйшихъ своихъ взглядахъ на этотъ предметъ Марксъ старался найти для этого историческое объясненіе. Оканчивается манифестъ слѣдующими словами: „Пролетаріи ничего не могутъ потерять въ коммунистической революціи, кромѣ цѣпей, пріобрѣтутъ же они цѣлый міръ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Впослѣдствіи авторы манифеста признали, что пролетаріатъ не былъ еще готовъ исполнить свою миссію въ ту минуту, когда вспыхнула революція 1848 г.

XVII. Славянское возрожденіе, панславизмъ и мессіанизмъ [1]).

Общій взглядъ на состояніе славянскихъ народовъ въ первой половинѣ XIX в.— Вліяніе политическихъ событій начала XIX в. на славянское возрожденіе.—Чешское возрожденіе.—Иллиризмъ.—Слабость русинскаго движенія въ Галиціи.—Патріотическія увлеченія славянскихъ ученыхъ. — Панславизмъ.—Полемика славянъ съ нѣмцами и мадьярами. — Отношеніе славянъ къ австрійскому правительству.— Славяне и Россія. — Особое положеніе поляковъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. —Попытка польскаго возстанія въ 1846 г.—Польскій мессіанизмъ.—Славяне и революціонное движеніе 1848 г.

Въ то самое время, какъ въ Англіи, Франціи и отчасти въ западной Германіи развивался капитализмъ, въ восточныхъ частяхъ европейскаго материка еще господствовало феодальное хозяйство. Когда въ тѣхъ странахъ уже давнымъ давно былъ поставленъ—и притомъ по-

---

[1]) Большой матеріалъ для исторіи славянскаго возрожденія даетъ *Гильфердингъ* въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Собраніи сочиненій“ (1868—1874).— *Пыпинъ и Спасовичъ*. Исторія славянскихъ литературъ. 1879 и 1881.—*Первольфъ*. Славянское движеніе въ Австріи 1800—1848 гг. („Русская Рѣчь“ 1879 г.).— *Murko*. Deutsche Einflüsse auf die böhmische Romantik. 1897.—*П. Кулаковскій*. Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы. 1894.—*Я. Головацкій*. О первомъ литературно-умственномъ движеніи въ Галиціи. Львовъ. 1863.—*А. Будиловичъ*. Янъ Колларъ и западное славянофильство (Слав. Обозр. 1894).—*Wachsmuth*. Geschichte des Illyrismus. 1849.—*A. Lewicki*. Zarys historyi polskiej az do najnowszych czasów. 1897.—*Barzykowski*. Historya powstania roku 1830—1831. — *Knorr*. Die polnische Aufstände seit 1830. 1880.— *Heltman*. Demokracya polska na emigracyi.—*Н. Берлъ*. Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. 1873 (охватываетъ время отъ 1831 по 1862 г.; есть еще дополненное заграничное изданіе). — *Нилъ Поповъ*. Исторія вольнаго го-

ставленъ въ очень рѣзкой формѣ—вопросъ рабочій, здѣсь еще почти не поднимали крестьянскаго вопроса, и населеніе деревень все еще оставалось въ крѣпостной зависимости. Изъ всѣхъ странъ Западной Европы наиболѣе отсталою въ этомъ отношеніи была феодальная и крѣпостническая имперія Габсбурговъ. Но въ Австріи мы имѣемъ дѣло еще съ однимъ явленіемъ, также не соотвѣтствовавшимъ тому, что происходило въ болѣе развитыхъ странахъ. Въ то время, какъ въ Англіи, Франціи и даже Германіи начинала обостряться классовая борьба и уже раздавался призывъ, приглашавшій пролетаріевъ всѣхъ странъ соединиться между собою, а однородныя политическія партіи въ разныхъ государствахъ готовы были дѣйствовать заодно во имя общихъ принциповъ, въ разноплеменной Австріи все болѣе и болѣе обострялась борьба національная, и если возникала мысль о соединеніи разрозненныхъ силъ для осуществленія общихъ стремленій, то происходило это не на почвѣ классовыхъ интересовъ или политическихъ принциповъ, а на почвѣ сознанія этнографическаго родства. Это явленіе наблюдается именно среди славянскаго населенія Австріи. Въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка въ разныхъ углахъ монархіи Габсбурговъ происходитъ такъ называемое славянское возрожденіе, которое идетъ crescendo въ слѣдующія два десятилѣтія. Въ сороковыхъ годахъ въ Европѣ уже говорятъ объ опасности, какою западной цивилизаціи грозитъ новое явленіе на политическомъ горизонтѣ—панславизмъ.

Въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ славянскіе народы далеко стояли позади народовъ романскихъ и германскихъ Запада. Крѣпостничество или аналогичныя отношенія господствовали въ сельскомъ быту на всемъ протяженіи славянской территоріи. Въ XVIII столѣтіи лишь два народа — русскіе и поляки — пользовались политической самостоятельностью, но поляки ее утратили и подпали подъ власть болѣе сильныхъ сосѣдей. Всѣ западные и южные славяне входили въ составъ иноплеменныхъ государствъ—Австрія и Турціи, причемъ въ послѣдней подчинялись вдобавокъ варварской, нехристіанской власти. Господствующія сословія въ этихъ славянскихъ странахъ были равнымъ образомъ иноплеменныя или состояли изъ потомковъ славянъ, принявшихъ языкъ и всю культуру завоевателей,— нѣмцевъ, мадьяръ, итальянцевъ, турокъ. Иныя славянскія племена

рода Кракова. („Вѣстн. Евр.“).—*В. Спасовичъ.* Жизнь и политика маркиза Велепольскаго. 1882 (Ср. польскій трудъ *Лисицкаго*, указанный выше на стр. 22).—*Урсинъ.* Русскіе славянофилы и польскіе мессіанисты. — *Макушевъ.* Андрей Товянскій. Его жизнь, ученіе и послѣдователи („Рус. Вѣсти.“, 1879).—*Его же.* Ученіе А. Товянскаго, преимущественно соціально-политическое („Славянскій ежегодникъ“, 1882).

почти сплошь состояли изъ одного простонародья, не имѣли національной интеллигенціи, лишены были поэтому всякой высшей культуры и даже не имѣли литературнаго языка. Даже чехи, которые когда-то были однимъ изъ первыхъ народовъ Европы въ культурномъ отношеніи, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. почти ничѣмъ не возвышались надъ самыми отсталыми племенами, никогда и раньше не стоявшими на сколько-нибудь высокомъ уровнѣ развитія. Если всѣмъ этимъ народамъ грозила такимъ образомъ или постепенная денаціонализація, или коснѣніе на низшихъ ступеняхъ развитія, бороться съ такой судьбою можно было, лишь вызывая во всѣхъ слояхъ общества національное самосознаніе, пробуждая къ культурной жизни народныя массы, какъ главную основу національности, работая на поприщѣ просвѣщенія и создавая національную литературу. Въ такой культурной работѣ именно и состояло славянское возрожденіе. Въ немъ приняли участіе разные славянскіе народы, преимущественно въ Австріи, гдѣ, съ одной стороны, славяне нуждались въ такомъ возрожденіи, чего не было въ Россіи, и гдѣ, съ другой стороны, внѣшнія условія были все-таки лучшія, чѣмъ въ Турціи. Не забудемъ, однако, что и въ Турціи среди славянъ происходило движеніе, которое въ началѣ XIX вѣка между прочимъ привело къ освобожденію Сербіи. На первыхъ порахъ это славянское возрожденіе было дѣломъ ученыхъ патріотовъ, искавшихъ духовнаго содержанія въ родной старинѣ и у единоплеменныхъ современниковъ. Славянское возрожденіе тѣсно связано съ славянскою взаимностью, т.-е. съ обращеніемъ ученыхъ и писателей однѣхъ народностей къ культурному и литературному содержанію родственныхъ племенъ. Если уже обращеніе къ родной старинѣ придавало этому движенію романтическій характеръ, сближавшій славянскій національнзмъ первой половины XIX в. съ аналогичнымъ явленіемъ у нѣмцевъ въ эпоху наибольшаго развитія „тевтонства“ въ началѣ этого же вѣка [1]), то сознаніе племеннаго единства всѣхъ славянъ вселяло въ борцовъ за національную идею извѣстную бодрость духа: не погибнетъ маленькій народъ, разъ онъ только часть великаго цѣлаго, изъ котораго онъ можетъ черпать свои силы и которое не дастъ его въ обиду! Вотъ на какой почвѣ выросъ политическій призракъ панславизма, когда въ дѣйствительности это была лишь, такъ сказать, извѣстная форма національнаго романтизма. Чисто романтическій характеръ, какой принимали и возрожденіе, и панславизмъ, особенно явствуетъ изъ того, что, противополагая славянскій міръ западно-европейскому, славянскіе ученые и поэты, публицисты и мыслители страшно идеализировали

[1]) См. т. IV, стр. 361.

этотъ міръ и въ прошедшемъ, и въ будущемъ: они надѣляли предковъ славянскаго племени всякими совершенствами и добродѣтелями, до которыхъ Западу далеко, и предрекали возрождающимся славянамъ великое всемірно-историческое значеніе. Все, что нѣмецкіе философы отъ Фихте до Гегеля говорили о великомъ значеніи германскаго міра [1]), представители „славизма“ переносили на свое племя. Съ особою силою мечтанія подобнаго рода развились въ литературѣ двухъ народовъ, какъ-разъ тѣхъ народовъ, которые не нуждались въ чисто національномъ возрожденіи, т.-е. у русскихъ и у поляковъ, у однихъ въ видѣ славянофильства, у другихъ—въ такъ называемомъ мессіанизмѣ.

Романтическій характеръ славянскаго возрожденія мѣшалъ ему испытывать на себѣ воздѣйствіе болѣе передовыхъ культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ идей той эпохи. Правда, на Западѣ было еще очень много романтики, но тамъ и она соединялась то съ политическимъ либерализмомъ, то съ соціальными стремленіями, а эти-то вліянія времени какъ-разъ и миновали австрійскихъ славянъ [2]). Тутъ дѣйствовалъ, конечно, и гнетъ меттерниховскаго режима, отзывавшагося одинаково и на австрійскихъ нѣмцахъ; дѣйствовало и то, что соціальный бытъ австрійскаго славянства не ставилъ еще тѣхъ вопросовъ, которые волновали англичанъ, французовъ и нѣмцевъ,— но главное было то, что самый вопросъ былъ вопросъ національнаго существованія, вопросъ языка и литературы, вопросъ, далекій отъ политическихъ и экономическихъ отношеній. Самый интересъ къ народности, — беря его въ научномъ смыслѣ, — былъ характера болѣе этнографическаго, чѣмъ соціологическаго. И старая исторія изучалась болѣе въ связи съ филологіей и фольклоромъ, чѣмъ въ связи съ условіями хозяйственнаго и правового быта. Весьма долгое еще время славянская исторіографія, зародившаяся въ эту эпоху, сохраняла (да, пожалуй, и до сихъ поръ еще сохраняетъ) этотъ филологическій характеръ.

Изъ подвластныхъ Австріи славянъ только одни поляки, лишь незадолго передъ тѣмъ лишившіеся политической самостоятельности и съ давнихъ поръ обладавшіе значительно развитой литературой, сильно отражали на себѣ демократическія движенія эпохи внѣ своей родины и сами участвовали въ этихъ движеніяхъ. Это были эмигранты, жившіе преимущественно во Франціи, въ Бельгіи, въ Швейцаріи, въ Англіи, т.-е. на чужбинѣ, оторванные отъ родины, а очень часто и совершенно лишенные чувства дѣйствительности.

---

[1]) См. т. IV, стр. 210 и 374—375.

[2]) Но русскихъ и поляковъ они не миновали. У насъ вспомнимъ западниковъ той эпохи.

При разсмотрѣніи отдѣльныхъ сторонъ вопроса нужно прежде всего обратить вниманіе на угнетенное и приниженное положеніе славянъ въ Австріи въ первыя десятилѣтія XIX в.

Можно сказать, что вообще въ австрійскихъ земляхъ, населенныхъ славянами, на мѣстныхъ языкахъ говорилъ лишь простой народъ. Послѣ паденія чешской независимости въ началѣ тридцатилѣтней войны [1]) и въ Чехіи, и въ Моравіи началось подавленіе славянскаго элемента. Когда-то значительно развитая чешская литература пришла въ упадокъ, и на чешскомъ языкѣ издавались только библія да разныя іезуитскія писанія. Въ дворянствѣ и городахъ сталъ все болѣе и болѣе брать перевѣсъ нѣмецкій элементъ, благодаря иммиграціи нѣмцевъ и германизаціи самихъ высшихъ сословій. Государственнымъ языкомъ сдѣлался языкъ нѣмецкій: его употребляли на сеймахъ, въ судахъ, канцеляріяхъ, школахъ. По-чешски говорило одно простонародье. То же самое наблюдалось и въ тѣхъ внутреннихъ австрійскихъ земляхъ, которыя имѣютъ славянское населеніе, такъ какъ дворянство здѣсь было нѣмецкое. Въ частяхъ, доставшихся Австріи изъ достоянія старой Польши, германизація, впрочемъ, не получила такого развитія, и польскій языкъ удержался въ прежней силѣ, но зато русская часть населенія, мѣщанство и крестьянство, была совсѣмъ почти лишена литературы. Въ Далмаціи, которую Австрія пріобрѣла въ концѣ XVIII вѣка, потомъ на время потеряла и снова получила по вѣнскому конгрессу [2]), славянское народонаселеніе со временъ венеціанскаго владычества управлялось итальянскимъ чиновничествомъ и находилось въ зависимости отъ итальянскаго же дворянства; да и города здѣсь были населены итальянцами. Австрія сохранила здѣсь господство этого элемента и даже еще болѣе расширила его вліяніе. Когда-то здѣсь процвѣтала славянская письменность, но въ началѣ XIX вѣка вся литература ограничивалась молитвенниками да календарями; сами южно-славянскіе ученые писали или по-латыни, или по-итальянски.

Въ земляхъ „венгерской короны“ съ ихъ значительнымъ славянскимъ населеніемъ языкомъ церкви, сеймовъ и сеймиковъ, судовъ, канцелярій въ старыя времена былъ языкъ латинскій, что̀ казалось безобиднымъ для всѣхъ разноплеменныхъ „венгерцевъ“, какъ въ политическомъ отношеніи называли себя и мадьяры, и нѣмцы, и румыны, и разные славяне (словаки, сербы, хорваты, угорскіе русскіе), населявшіе эти земли: это былъ, такъ сказать, языкъ нейтральный. Сословные интересы дворянства, которое одно по венгерской консти-

[1]) См. т. II, стр. 366.
[2]) См. т. IV, стр. 152 и 241.

туціи пользовалось всякими правами, держа въ крѣпостничествѣ крестьянъ и стѣсняя городское населеніе, объединяли всѣхъ членовъ этого господствующаго сословія безъ различія происхожденія. Главнымъ народомъ Венгріи были, однако, все-таки мадьяры, и имъ мало-по-малу удалось въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ замѣнить нейтральную латынь общественной жизни своимъ языкомъ. Мало того: у нихъ сдѣлалась очень популярною мысль о необходимости мадьяризаціи другихъ народностей Венгріи. Хорваты и сербы пользовались еще особымъ, привилегированнымъ положеніемъ, а потому усилія мадьяръ направлялись на словаковъ, русскихъ и румынъ. Дворянство этихъ народностей, видя въ мадьярахъ главный оплотъ своихъ сословныхъ привилегій, стало въ этомъ предпріятіи на ихъ сторону. Особенно неблагопріятнымъ оказалось положеніе словаковъ. Принадлежа къ одной этнографической группѣ съ чехами и моравами, давъ даже нѣсколько видныхъ дѣятелей чешской литературы (Колларъ, Шафарикъ и др.), они, однако, предпочли развить свое собственное нарѣчіе, и вотъ мадьяры стали доказывать словакамъ, что все это праздныя затѣи, что имъ нужно слиться съ мадьярами, что всѣ славянскія мечтанія лишь на руку варварской Россіи. Все, что только было въ распоряженіи мадьярскихъ властей, пускалось въ ходъ для подавленія національныхъ стремленій словаковъ подъ предлогомъ ихъ политической опасности. Во главѣ венгерскаго правительства съ титуломъ палатина, т.-е. намѣстника, находился братъ императора эрцгерцогъ Іосифъ, говорившій, что онъ въ Венгріи знаетъ только одинъ народъ—венгерскій. Несогласныхъ съ такимъ взглядомъ патріотовъ власти всячески преслѣдовали.

Итакъ, положеніе славянъ въ Австріи было крайне незавидное. Несмотря на то, что они составляли самый значительный элементъ населенія, надъ ними господствовали другія національности. Но не слѣдуетъ забывать, что славяне и сами ослабляли себя внутренними раздорами. Въ то самое время, когда нѣкоторые ученые мечтали, какъ мы это увидимъ, о созданіи одного общеславянскаго языка, въ отдѣльныхъ народностяхъ все болѣе и болѣе обострялись внутреннія несогласія по вопросу, какому нарѣчію быть литературнымъ языкомъ. Хорваты и сербы были, въ сущности, лишь двумя частями одного и того же народа, но одни были католиками и пользовались латинскимъ алфавитомъ, другіе—православными и употребляли славянскую азбуку, и этого было достаточно для сепаратическихъ стремленій, конечно, вредно отзывавшихся и на духовной культурѣ, и на политическомъ положеніи всей народности. Проявлялся подобный же сепаратизмъ и у словаковъ по отношенію къ чехамъ. Въ Галиціи жили рядомъ двѣ національности— польская и русинская, между которыми тоже существо-

валъ антагонизмъ. Понятно, что австрійское правительство, исполнявшееся правила: „divide et impera“ [1]), пользовалось этими племенными антипатіями для того, чтобы держать всѣхъ въ одинаковомъ угнетеніи.

Въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, однако, повсемѣстно обнаруживается стремленіе австрійскихъ славянъ выйти изъ такого печальнаго положенія. Французская революція и наполеоновскія войны не прошли для австрійскихъ славянъ безслѣдно. Французская революція вообще весьма много содѣйствовала пробужденію національныхъ стремленій. Въ войнахъ, начавшихся еще въ эпоху революціи и продолжавшихся при Наполеонѣ, Австрія принимала дѣятельное участіе. Въ 1799 г. въ Чехіи появилась армія Суворова по дорогѣ въ Италію и произвела своимъ „славянствомъ“ сильное впечатлѣніе на чеховъ. Вскорѣ возстаютъ затѣмъ подвластные Турціи сербы, и при помощи Россіи добиваются образованія полунезависимаго княжества; это движеніе передается сербамъ, подвластнымъ Габсбургамъ, пробуждая въ то же время и другія православныя славянскія племена Австріи. Между тѣмъ Наполеонъ изъ словенскихъ, хорватскихъ и далматскихъ земель, отнятыхъ у Австріи, создаетъ Иллирію, возбудивъ этимъ въ ихъ населеніи представленіе объ единствѣ всѣхъ иллировъ. Несмотря на все свое нерасположеніе къ народной войнѣ, австрійское правительство изъ чувства самосохраненія во время борьбы съ Наполеономъ стало дѣлать разныя послабленія своимъ славянскимъ подданнымъ. Напримѣръ, цензура готова была смотрѣть сквозь пальцы, какъ чехи начали писать патріотическія брошюры и сочинять патріотическія пѣсни, въ которыхъ прославлялся храбрый народъ чешскій, умѣвшій въ свое время колотить нѣмцевъ. Въ эпоху паденія Наполеона русскія войска снова появились въ Австріи, и чехи видѣли въ стѣнахъ своей древней столицы русскаго императора. Роль, которую Россія играла въ освобожденіи Европы, сильно льстила славянскому чувству ея австрійскихъ единоплеменниковъ. Въ самой Россіи начинали проникаться идеей величія славянскаго міра и не прочь были помечтать о славянской федераціи подъ гегемоніей русскаго царя. Славянскіе патріоты были полны надеждъ. Въ 1817 г. разнесся даже слухъ, вскорѣ оказавшійся неосновательнымъ, будто правительство было намѣрено соединить Чехію, Моравію и Галицію въ особое „Славянское королевство“.

Культурное возрожденіе славянъ началось въ Чехіи. Первые признаки пробужденія умственной дѣятельности въ чешскомъ обществѣ относятся еще къ царствованію Іосифа II, который своимъ „про-

[1]) См. т. IV, стр. 311—312 и особенно 358—359.

свѣтительнымъ" режимомъ способствовалъ освобожденію умственной дѣятельности отъ клерикальной опеки, а попытками германизаціи расшевелилъ дремавшее національное чувство. Въ концѣ XVIII вѣка среди чеховъ явились отдѣльныя лица, — большею частью священники, учителя, мѣщане, — которые стали интересоваться прошлымъ своего народа и работать въ пользу сохраненія своей національности. Освободительное движеніе XVIII в. коснулось отчасти и Чехіи. Гуситство, память о которомъ въ народѣ стремилась истребить наступившая послѣ 1620 г. реакція, и которое въ изображеніи іезуитскихъ писателей было ересью и преступленіемъ, въ свѣтѣ новыхъ идей и на почвѣ національнаго патріотизма начинало оцѣниваться совсѣмъ иначе, а именно—какъ великая борьба за религіозную и національную свободу. На такую точку зрѣнія становились иногда даже чешскіе священники. Самымъ важнымъ средствомъ для сохраненія роднаго языка патріоты считали просвѣтительную дѣятельность среди народа, для котораго они издавали популярныя книжки и дешевыя газеты. Съ другой стороны, они хлопотали и о томъ, чтобы привлечь на сторону національной идеи онѣмеченное или полуонѣмеченное дворянство. Любопытно, однако, что первые ученые, которые стали пробуждать интересъ къ родной старинѣ, писали еще больше по-нѣмецки или по-латыни, чѣмъ по-чешски. Самое знаменитое сочиненіе родоначальника научнаго славяновѣдѣнія Іосифа Добровскаго было написано по-латыни (Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, 1822).

Наибольшей силы славянское возрожденіе въ Чехіи стало достигать лишь въ двадцатыхъ годахъ. Знаменитый чешскій историкъ и политическій дѣятель Палацкій впослѣдствіи разсказывалъ, что, когда онъ пріѣхалъ въ Прагу (въ 1823 г.), одинъ лишь простой народъ говорилъ по-чешски, а всякій, кто только хотѣлъ сколько-нибудь подняться надъ общимъ уровнемъ, говорилъ непремѣнно по-нѣмецки и относился съ насмѣшкою или сожалѣніемъ, если не съ прямымъ презрѣніемъ, къ людямъ, державшимся чешской рѣчи. Главнымъ органомъ національнаго возрожденія сдѣлался „Чешскій музей", основанный въ 1818 г. При немъ возникли фондъ для изданія книгъ на чешскомъ языкѣ и особое повременное изданіе (Casopis ceskeho museum). Чешскій языкъ, литература и исторія стали предметомъ ревностнаго изученія со стороны цѣлаго ряда ученыхъ славистовъ. Начинаетъ развиваться и изящная литература съ характеромъ національнаго патріотизма. Одинъ изъ дѣятелей этого возрожденія, Вацлавъ Ганка, въ 1819 г. издалъ будто бы найденную имъ за два года передъ тѣмъ въ Кралеводворѣ рукопись съ весьма древними поэтическими произведеніями на чешскомъ языкѣ. Въ настоящее время наиболѣе авторитетными учеными признается, что „Крале-

дворская рукопись", — равно какъ и „Зеленогорская рукопись", — представляютъ собою лишь „новѣйшія произведенія древне-чешской литературы", т.-е. попросту поддѣлки, но до начала пятидесятыхъ годовъ никто не сомнѣвался въ ихъ подлинности. Появленіе этого „памятника" встрѣчено было энтузіазмомъ всѣхъ патріотовъ. Молодежь мало-по-малу стала переходить на сторону новаго движенія, и поколѣніе сороковыхъ годовъ уже было настроено въ чисто національномъ духѣ. Въ 1832 г. „Чешская матица" (издательскій фондъ) насчитывалъ лишь 15 членовъ, а черезъ четырнадцать лѣтъ ихъ было уже болѣе 1600. Матеріальныя средства для всѣхъ патріотическихъ предпріятій доставлялись чешскимъ дворянствомъ, у котораго существовалъ свой мѣстный патріотизмъ, хотя бы и чисто политическаго характера (существовала вѣдь среди габсбургскихъ земель и „богемская корона"), такъ какъ ихъ разговорнымъ языкомъ былъ все-таки нѣмецкій. Въ Чехіи существовалъ земскій сеймъ, на которомъ было представлено только дворянство, и оно было не прочь поиграть въ оппозицію на тему особой чешской конституціи, но въ сороковыхъ годахъ въ народѣ и это поддерживало надежды на торжество національнаго дѣла. Прага сдѣлалась средоточіемъ славянской науки. Здѣсь слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось у другихъ единоплеменныхъ народовъ, обогащали чешскую литературу переводами съ другихъ языковъ; и въ Прагу ѣхали учиться и знакомиться съ тамошними дѣятелями славистики разные славянскіе ученые (изъ русскихъ, напримѣръ, Погодинъ, Срезневскій, Бодянскій, Григоровичъ), пражскіе слависты вели переписку съ патріотами другихъ славянскихъ странъ. Между прочимъ, они сильно поддерживали такъ называемый иллиризмъ, заключавшійся въ стремленіи къ литературному объединенію юго-славянъ. Мицкевичъ, начиная въ Collège de France (1840 г.) свои лекціи по литературѣ и исторіи славянскихъ народовъ, воздалъ должную дань чешскимъ ученымъ, назвавъ ихъ „патріархами славянской науки" и поставивъ имъ въ особую заслугу ихъ безпристрастіе, позволяющее учиться у нихъ одновременно и русскимъ, и полякамъ, заклятымъ врагамъ между собою. Въ эти же десятилѣтія, можно сказать, была основана и чешская литература.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ у чеховъ, именно въ тридцатыхъ годахъ, началось возрожденіе у австрійскихъ юго-славянъ, среди которыхъ именно возникло направленіе, получившее названіе иллиризма. Родоначальникомъ этого культурнаго движенія былъ хорватъ Людевитъ Гай, повидимому, пользовавшійся поддержкою со стороны Меттерниха, такъ какъ послѣдній сочувствовалъ антимадьярской сторонѣ иллиризма. Гай выбралъ для литературнаго объединенія всѣхъ южныхъ славянъ (кромѣ болгаръ) далматское нарѣчіе, разработанное

въ эпоху такъ называемой дубровницкой литературы и бывшее достаточно понятнымъ для всѣхъ вѣтвей сербо-хорватскаго племени. Этому языку было дано книжное названіе иллирійскаго, причемъ представители юго-славянскаго движенія были убѣждены, будто иллиры греко-римской эпохи были славяне. Иллиризмъ пользовался большимъ сочувствіемъ со стороны чеховъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ во многомъ былъ только сколкомъ съ чешскаго возрожденія. Къ нему отчасти примкнули и словенцы. Хотя сербы, среди которыхъ тоже началось національное возрожденіе, протестовали противъ распространенія и на нихъ имени иллировъ, однако, оживленіе хорватской литературы не могло не подѣйствовать и на нихъ [1]).

Неизмѣримо меньше было сдѣлано въ томъ же направленіи русинами въ Галиціи. Нѣкоторое оживленіе произошло здѣсь еще при Іосифѣ II. Въ учрежденномъ имъ во Львовѣ университетѣ (1784) преподаваніе было введено на русскомъ языкѣ (1787), и между профессорами этого университета совсѣмъ не было поляковъ. Впрочемъ, галицкіе ученые, не стоявшіе ни въ какой связи съ тогдашнею русскою литературою, пытались воскресить въ своихъ сочиненіяхъ церковно-славянскій языкъ; да и направленіе ихъ ученой дѣятельности было старое, схоластическое. Такъ дѣло продолжалось до 1806 г., когда преподаваніе на русскомъ языкѣ было отмѣнено. Книгъ во весь этотъ періодъ выходило очень мало, и были даже такіе сплошные годы, когда не появлялось буквально ни одной книги. Австрійское правительство мало-по-малу стало опасаться „рутенскаго“ языка въ виду его родства съ языкомъ русскимъ. Славянское возрожденіе отразилось, однако, и на галичанахъ. Среди львовской учащейся молодежи, особенно между воспитанниками духовной семинаріи, возникло въ двадцатыхъ годахъ тайное общество, поставившее своею задачею возрожденіе русинской народности и борьбу съ полонизмомъ. По отношенію къ австрійскому правительству русинскіе патріоты держали себя, впрочемъ, самымъ вѣрноподданническимъ образомъ, и первымъ произведеніемъ, написаннымъ на народномъ русинскомъ языкѣ, было одно стихотвореніе, воспѣвавшее австрійскаго цесаря. Тѣмъ не менѣе только-что начавшееся движеніе было подавлено, отчасти по доносамъ мѣстнаго духовенства, льнувшаго къ полякамъ и относившагося къ невиннымъ попыткамъ писать на народномъ языкѣ или переводить на него св. писаніе, какъ къ какому-то бунту противъ установленныхъ властей. Впрочемъ, и русины были не прочь доносить вѣнскому правительству на поляковъ. Га-

[1]) Основатель новой сербской литературы Вукъ Караджичъ началъ свою литературную дѣятельность во второмъ десятилѣтіи XIX в.

лицкое крестьянство находилось въ полной власти у своихъ помѣщиковъ поляковъ, и извѣстный русинскій патріотъ Яковъ Головацкій доказывалъ („Положеніе русиновъ въ Галиціи“ въ Slavische Jahrbücher“ за 1846 г.), что Австрія вовсе не должна бояться какого-либо тяготѣнія русиновъ къ Россіи, что съ симпатіей относится скорѣе польская шляхта, раздражавшаяся малѣйшими попытками правительства смягчить печальную участь крѣпостного люда. Вслѣдствіе особенно бѣдственнаго положенія русскаго населенія Галиціи и общей культурной ея отсталости, а также господства въ ней другого славянскаго народа, поляковъ, русинское возрожденіе и заставило себя ждать до болѣе поздняго времени.

Поставивъ своею задачею возрожденіе угнетенныхъ народностей, славянскіе ученые и писатели искали основъ для лучшаго будущаго въ историческомъ прошломъ, а опоры для настоящаго—въ сознаніи принадлежности каждаго отдѣльнаго славянскаго народа къ одной великой семьѣ, связанной общимъ происхожденіемъ, родственными языками и многими общими чертами быта. Изслѣдованія въ областяхъ грамматики, фольклора, древней письменности, этнографіи и исторіи составляютъ почти исключительно все содержаніе научной дѣятельности славянскихъ ученыхъ. Въ эти изслѣдованія, однако, невольно закрадывались патріотическія увлеченія, съ одной стороны, національною и вообще славянскою стариною, а съ другой—широкими горизонтами, которые открывались въ будущемъ для духовно-объединеннаго славянства. Какъ бы тамъ ни было, учились славянскіе ученые все-таки въ нѣмецкой школѣ, а она, несмотря на всѣ свои достоинства, тоже немало грѣшила патріотическими увлеченіями. Подобно тому, какъ нѣмцы любили противополагать свой германскій міръ міру романскому, и даже, пожалуй, еще въ гораздо большей, чѣмъ они, степени славянскіе патріоты развивали мысль о противоположности славянскаго и германскаго міровъ съ предпочтеніемъ своему родному, какъ призванному къ высшей культурѣ. Шафарикъ, сдѣлавшійся въ тридцатыхъ годахъ самымъ сильнымъ авторитетомъ въ славяновѣдѣніи, благодаря „Славянскимъ древностямъ“ (1837) и „Славянскому народописанію“ (1842), особенно способствовалъ идеализаціи древняго славянства. Славяне подъ его перомъ, равно какъ въ произведеніяхъ другихъ славистовъ того времени, выходили какимъ-то воплощеніемъ всякихъ совершенствъ: будь они только посолидарнѣе между собою да не такъ падки на все чужеземное, они никогда не подпадали бы подъ власть другихъ народовъ и иностранныхъ династій; только разные писаки могли изображать древнихъ славянъ варварами, и лишь у другихъ народовъ они переняли все дурное, напримѣръ, рабство. Шафарикъ не поща-

дилъ даже Карамзина за то, что онъ представилъ бытъ древнихъ славянъ не въ такомъ идеальномъ видѣ.

Другую сторону того же національнаго настроенія составляло сознаніе, что за каждымъ отдѣльнымъ славянскимъ народомъ стоитъ цѣлое славянство, которое не дастъ, когда соединится, своихъ членовъ въ обиду ни нѣмцу, ни мадьяру, ни турку. Интересъ славянскихъ дѣятелей ко всему славянскому, а не только своему народному, имѣлъ не одинъ ученый характеръ, и идея о славянской взаимности не ограничивалась, по крайней мѣрѣ, у наиболѣе пламенныхъ славянофиловъ, областью одной литературы. На почвѣ національныхъ стремленій отдѣльныхъ народовъ возникаетъ въ разсматриваемую эпоху такъ называемый „панславизмъ“. Въ своемъ развитіи и въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ это направленіе принимало весьма разнообразныя формы, большею частью фантастическія, и славянская мечта направлялась то на созданіе одного общеславянскаго языка, то на созданіе одного общеславянскаго царства.

Уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка чешскіе ученые особенно настойчиво стали указывать на то, что чешскій языкъ есть лишь одинъ изъ языковъ громадной славянской семьи, что народъ, который на немъ говоритъ, имѣетъ братьевъ за предѣлами своей родины на великомъ пространствѣ земли—до границъ Китая. Такъ, напримѣръ, высказывался патріархъ славистики Добровскій. Въ 1806 г. онъ издалъ сборникъ „Славинъ“, названный имъ „Посланіемъ изъ Чехіи ко всѣмъ славянскимъ народамъ, къ славянскимъ братьямъ“. Находясь въ сношеніяхъ съ учеными другихъ славянскихъ народностей, онъ даже сдѣлался какъ бы вождемъ всего движенія. У чешскихъ ученыхъ возникла и мысль о созданіи одного общеславянскаго языка путемъ сочетанія элементовъ, уже существующихъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Чехъ Юнгманъ доказывалъ весьма усердно, что славянскіе языки скорѣе лишь діалекты одного общаго языка, и что нужно соединить братскіе народы посредствомъ извѣстнаго средняго нарѣчія въ родѣ діалекта Плутарха, соединившаго въ себѣ другіе греческіе діалекты. Вскорѣ, мечталъ Юнгманъ, всѣхъ славянъ связала бы воедино и литература, а затѣмъ и политика. Онъ даже высказывалъ надежду, что австрійскій императоръ создастъ такой языкъ для всѣхъ подвластныхъ ему славянъ или, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, которые употребляютъ латинскій алфавитъ. Мысль объ общеславянскомъ языкѣ поддерживалъ и ученый словенецъ Копитаръ; съ теченіемъ времени, однако, по мѣрѣ того, какъ лучше знакомились съ отдѣльными славянскими языками, все болѣе переставали вѣрить въ возможность подобнаго сліянія. Самъ Юнгманъ въ началѣ сороковыхъ годовъ отказался отъ своей прежней мысли и сталъ думать, что

общеславянскимъ литературнымъ языкомъ можетъ сдѣлаться только одинъ изъ существующихъ уже языковъ. Кое-кто начиналъ указывать на то, что такую роль суждено играть русскому языку, но другіе (и ихъ было большинство) проповѣдовали необходимость для образованныхъ славянъ одновременнаго обладанія разными славянскими языками. На самомъ дѣлѣ обще-славянскимъ языкомъ очень часто у австрійскихъ славянъ былъ языкъ нѣмецкій, по крайней мѣрѣ, въ наукѣ, такъ какъ на немъ писали и Добровскій, и Копитаръ, и Шафарикъ, и Палацкій.

Общій языкъ, какъ органъ духовнаго общенія славянъ, недолго занималъ умы славянскихъ ученыхъ, да и странно было бы, чтобы эта мысль могла утвердиться — въ эпоху возникновенія и развитія національныхъ литературъ. Но и при разныхъ языкахъ можно было чувствовать свое племенное единство, а свои чувства общеславянскаго братства выражать на родныхъ языкахъ и стихами, и прозой. Панславизмъ, дѣйствительно, получалъ чисто литературное выраженіе и въ поэзіи, и въ публицистикѣ. Самымъ виднымъ представителемъ такого панславизма въ чешской литературѣ былъ венгерскій словакъ Янъ Колларъ, самый крупный чешскій поэтъ этой эпохи. Онъ выступилъ на писательское поприще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, а главнымъ его произведеніемъ былъ сборникъ стихотвореній, изъ котораго выросла потомъ его лирико-эпическая поэма „Дочь славы“ (Slavy Dcera, 1824 г.), дополнявшаяся въ новыхъ изданіяхъ. Это— изображеніе прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ судебъ славянства, по замыслу нѣчто въ родѣ „Божественной комедіи“ Данте. Между прочимъ, авторъ нисходитъ въ подземную область ада, гдѣ видитъ мученія измѣнниковъ и недруговъ славянства, и возносится въ рай, гдѣ лицезритъ славныхъ мужей славянскихъ и благожелателей славянства, а главное — самоё Славу, родоначальницу славянъ. Поэма имѣла громадный успѣхъ у чеховъ, словаковъ и южныхъ славянъ и вызвала массу всякихъ подражаній. Другіе поэты прославляли Коллара, пророча безсмертіе его великому произведенію. Колларъ—настоящій поэтъ панславизма, „Дочь славы“ — апоѳеозъ славянства. „Если бы, восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, наши племена были разными металлами, я бы изъ всѣхъ вылилъ одну статую: Россія была бы ея голова, поляки—туловище, чехи—плечи и руки, сербы—ноги, а меньшія вѣтви, словенцевъ и хорватовъ, лужичанъ и словаковъ, я растопилъ бы въ латы и оружіе! Передъ этимъ изваяніемъ, восходящимъ за облака и двигающимъ землею, вся Европа могла бы встать на колѣни“. А вотъ и совѣтъ Коллара славянскимъ народамъ: „устройте себѣ общину, названную однимъ именемъ, крѣпкую и единодушную, чтобы чужіе негодяи и свои скупцы не разрушили ее

новымъ ударомъ. Пусть будутъ у васъ многіе члены, но одна голова, выросшая, однако, изъ вашего же тѣла!" Это единеніе Колларъ прежде всего практически представлялъ себѣ лишь въ смыслѣ литературной взаимности, о чемъ написалъ особую статью. Девизомъ каждаго образованнаго славянина, по его мнѣнію, должно быть такое изреченіе: „я—славянинъ, и ничто славянское мнѣ не чуждо". Въ будущемъ онъ пророчилъ славянству превосходство надъ дряхлѣющими народами романскаго и германскаго корня.

Колларъ развивалъ свою идею и въ качествѣ публициста. Его брошюра „О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа", вышедшая въ свѣтъ въ 1837 г. (между прочимъ и въ нѣмецкомъ переводѣ), впослѣдствіи была переведена почти на всѣ славянскіе языки. Основная идея брошюры— необходимость взаимности, которая кажется Коллару главнымъ лѣкарствомъ противъ всѣхъ золъ, удручающихъ славянство. Нынѣшніе славяне, сознавался самъ Колларъ,—„великаны въ географіяхъ и на картахъ и карлики въ искусствахъ и литературѣ", а причина этого— въ раздробленности и недостаткѣ единства.

Подобныя мысли высказывались и другими писателями, притомъ не въ одной Чехіи. Въ иллиризмѣ также довольно сильно звучала панславистическая нота. Хорваты въ сороковыхъ годахъ питали сепаратистическіе замыслы по отношенію къ Венгріи въ духѣ панславистическихъ мечтаній, такъ какъ въ остальномъ славянскомъ мірѣ видѣли опору для своихъ національныхъ стремленій. Въ 1833 г. Гай написалъ стихотвореніе: „Хорватія еще не погибла, пока мы живы", но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводилъ и панславистическія идеи, сравнивая свою родину, Иллирію, съ головою великана, упирающагося ногами въ Ледовитый океанъ и Китай, и говоря, что въ жилахъ всеславянскаго колосса течетъ одна кровь. Эта нота замѣтно звучитъ и у другихъ хорватскихъ поэтовъ. Подражая Арндту, написавшему „Wo ist des Deutschen Vaterland", Кукулевичъ сочинилъ пѣсню на тему: „Гдѣ отечество славянъ?" Слава вездѣ, гдѣ господствуетъ славянскій языкъ, и отечество славянина всюду, гдѣ царствуютъ кроткіе и мягкіе нравы.

Постоянныя ссылки на великую славянскую семью и на русскій народъ, какъ на старшаго брата, на громадность славянскаго міра и на численность славянскаго племени должны были сильно раздражать австрійское правительство и господствовавшія въ Австріи національности. Хотя и по образу мыслей, и по главнымъ своимъ интересамъ, и по внѣшнимъ условіямъ, въ какія въ Австріи поставлена была литература, славянское возрожденіе и панславизмъ не заключали въ себѣ ничего политически-оппозиціоннаго, тѣмъ не менѣе правительство Меттерниха смотрѣло на все это очень косо.

Вѣнскія власти, сначала благопріятствовавшія иллиризму, какъ противовѣсу противъ мадьярскихъ притязаній, скоро стали бояться этого движенія и даже запретили самое имя иллировъ. И мадьяры, первоначально относившіеся къ хорватскому возрожденію больше съ шуточками, равнымъ образомъ перемѣнили тонъ, когда иллирійскіе депутаты на загребскомъ сеймѣ, вмѣсто латинскаго языка, стали употреблять свое родное нарѣчіе. Иллировъ принялись упрекать въ сепаратизмѣ, въ руссофильствѣ, въ панславизмѣ. Мадьяры даже готовы были объяснять все хорватское движеніе внѣшними вліяніями,— то интригами австрійскаго правительства, выдвигавшаго юго-славянъ противъ мадьяръ, то подстрекательствомъ чеховъ или подкупомъ со стороны Россіи. Гай прямо прослылъ у враговъ славянства за агента русскаго правительства. Когда однажды одинъ изъ мадьярскихъ патріотовъ сталъ его упрекать за его пропаганду, онъ отвѣтилъ, что не онъ создалъ славянское море, на которомъ мадьяры лишь простой островъ, да еще прибавилъ, какъ бы волны славянскаго моря не затопили мадьярскаго острова, если мадьяры не будутъ осторожны. Подобныя рѣчи, понятно, не могли дѣйствовать на мадьяръ успокоительно, и вотъ представители господствующей народности забили тревогу, стали обвинять славянъ въ завоевательныхъ замыслахъ противъ всей Европы, а себя выставлять какъ единственную плотину, могущую задержать грозный разливъ славянства по западу. Съ обѣихъ сторонъ раздраженіе росло съ каждымъ годомъ. Дѣло доходило до серьезныхъ стычекъ, а одинъ разъ (1845) дошло и до кровопролитія. Въ иллирійской поэзіи зазвучала воинственная нота, призывъ къ славянамъ не дать „татарину“-мадьяру попирать ногами народъ и его языкъ.

Нѣмцы и мадьяры не могли оставаться равнодушными къ національнымъ стремленіямъ славянъ. Уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ между славянскими, главнымъ образомъ, чешскими патріотами, съ одной стороны, и нѣмецкими и мадьярскими публицистами, съ другой, началась значительная газетная и брошюрная полемика по поводу славянскаго возрожденія и панславизма. По адресу славянъ было наговорено не мало грубыхъ и оскорбительныхъ словъ, какъ народовъ низшей расы и культуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ на славянъ сыпались обвиненія въ томъ, что они строятъ въ высшей степени опасные революціонные планы въ тайномъ сообществѣ съ Россіей противъ Австріи, даже противъ всей западной цивилизаціи. Призракъ панславизма доводилъ опасенія нѣмецкихъ и мадьярскихъ публицистовъ до крайнихъ размѣровъ. Проповѣдовалось совокупное дѣйствіе нѣмцевъ и мадьяръ противъ славянъ, за которыми стоитъ варварская Россія. Славянскіе публицисты, возражая нѣмцамъ и мадьярамъ,

доказывали, что никто не думаетъ о политическомъ соединеніи славянъ, что оно было бы и нежелательно, и невозможно. На такой точкѣ зрѣнія стояли въ началѣ сороковыхъ годовъ Воцелъ („Die Westslaven und die böhmische Literatur", „Die Slaven und ihr Verhältniss zu Deutschland" и др.), гр. Тунъ („Ueber den gegenwärtigen Zustand der böhmischen Literatur"). Іорданъ (лужичанинъ, предпринявшій въ 1843 г. для ознакомленія Европы съ славянствомъ изданіе „Jahrbücher für slavische Literatur. Kunst und Geschichte") и многіе другіе. Въ самомъ дѣлѣ, громадное большинство славянскихъ дѣятелей при всемъ своемъ нерасположеніи къ нѣмецкой и мадьярской націи и къ австрійскому чиновничеству вовсе не относилось враждебно къ самой Австріи, какъ государству, и къ габсбургской династіи, объединявшей подъ скипетромъ своимъ разноплеменное населеніе монархіи. Мало того, славянскіе патріоты неоднократно заявляли о своей преданности Австріи и только хотѣли, чтобы правительство вступило на путь славянской политики.

Вообще весьма рано начались въ литературѣ указанія на то, что преобладающій этнографическій составъ Австріи — славянскій. Напримѣръ, въ 1791 г. ученый нѣмецъ Лингартъ издалъ „Опытъ исторіи Крайны и прочихъ земель южныхъ славянъ Австріи", гдѣ высказывалъ мысль, что Австрія въ нѣкоторой мѣрѣ, какъ и Россія, есть государство славянское, и что Габсбургамъ нужно считаться съ этимъ обстоятельствомъ: нѣсколько милліоновъ славянъ—немаловажный политическій факторъ. Въ томъ же 1791 г. во время посѣщенія Леопольдомъ II Праги Добровскій привѣтствовалъ его рѣчью, въ которой говорилъ о преданности чеховъ и другихъ славянскихъ народовъ австрійскому дому. „Мы, сказалъ онъ между прочимъ, вмѣстѣ съ другими славянскими племенами можемъ обезпечить Австрію противъ всѣхъ нападеній ея враговъ". Ученый словенецъ Копитаръ въ началѣ XIX в., съ своей стороны, часто напоминалъ, что Габсбурги должны опираться на славянъ, между прочимъ, для того, чтобы противодѣйствовать Россіи, которая пользуется большимъ вліяніемъ среди, напримѣръ, православныхъ сербовъ. Въ анонимномъ сочиненіи одного хорвата давался Австріи также совѣтъ искать расположенія у иллировъ, могущихъ ей пригодиться противъ Россіи. Еще одинъ иллиръ, Федоровичъ, издавшій нѣмецкій переводъ французской книги Роберта о турецкихъ славянахъ, рекомендовалъ Австріи превратиться въ защитницу и руководительницу славянства, дабы избавить послѣднее отъ поглощенія сѣвернымъ колоссомъ. Во время полемики съ нѣмецкими публицистами Воцелъ тоже доказывалъ, что развитіе болѣе свободной славянской литературы—въ интересахъ Австріи, дабы было что́ противопоставить русскому деспотизму. По

его словамъ, государственные люди Австріи должны были понять, что есть не одинъ, а два славянскихъ протектората—въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ, и что отталкивать отъ себя славянъ значитъ отдавать ихъ въ руки Россіи. Многіе указывали и на то, что именно габсбургской монархіи суждено разрѣшить восточный вопросъ, по существу своему вопросъ юго-славянскій, и что поэтому ей нужно поддерживать славянъ Среди славянъ разныхъ народностей вообще жило сознаніе, что для ихъ совмѣстной жизни трудно придумать какую-либо иную форму, чѣмъ Австрія. Вѣнское правительство тѣмъ не менѣе относилось къ славянамъ съ крайнею подозрительностью, что явствуетъ между прочимъ изъ слѣдующаго факта. Въ началѣ сороковыхъ годовъ были основаны каѳедры славянскихъ языковъ и литературъ въ русскихъ университетахъ въ Берлинѣ, въ Бреславлѣ, въ Парижѣ. Около того же времени стали читаться о славянахъ публичныя лекціи въ Лондонѣ (гр. Красинскій), Лейпцигѣ, Бѣлградѣ. Ко всему этому вела не одна любознательность научнаго характера, но и политическія соображенія о важности славянства въ европейскомъ мірѣ. И вотъ какъ-разъ въ Австріи, гдѣ проживали родоначальники и корифеи новой науки, и гдѣ было столько различныхъ славянскихъ племенъ, очень долго и не рѣшались дозволить преподаваніе этой науки съ университетской каѳедры, несмотря на то, что объ этомъ хлопотали не только сами слависты, но даже и нѣкоторые австрійскіе чиновники, находившіе, что такимъ способомъ можно будетъ бороться противъ панславизма. Правительство согласилось на это лишь въ 1848 г., незадолго до взрыва революціи.

Изъ Австріи страхъ передъ славянами перешелъ и въ другія части Германскаго союза. Извѣстный баденскій либералъ, Геккеръ, въ мѣстномъ ландтагѣ обращалъ вниманіе соотечественниковъ на грозящую съ Востока опасность. Въ каждой славянской хижинѣ Австріи ему мерещился портретъ русскаго царя, и ему слышился голосъ каждаго владѣльца этого портрета, что это-де—„нашъ отецъ, который насъ всѣхъ соединитъ“. Одинъ нѣмецъ, знавшій, что слово „панъ“ по-славянски значитъ господинъ, толковалъ самое названіе панславизма въ смыслѣ стремленія славянъ къ господству надъ всѣми европейскими народами. Заговорили о панславизмѣ и во Франціи, гдѣ о немъ знали главнымъ образомъ по представленіямъ польскихъ эмигрантовъ. Въ 1847 г. упоминающійся уже Роберъ, французскій писатель по славянскимъ дѣламъ, издалъ „Les deux panslavismes“, гдѣ различалъ два панславизма—славянскій и московскій, причемъ совѣтовалъ представителямъ перваго (полякамъ съ южными и западными славянами) соединиться для сокрушенія второго, какъ вредной силы, грозящей гибелью европейской цивилизаціи.

Отношенія панславистовъ къ Россіи отличались большой неопредѣленностью, если только не обращать вниманія на громкія фразы, такъ часто встрѣчавшіяся въ тогдашней славянской публицистикѣ. Если нѣкоторые патріоты и возлагали на Россію какія-либо надежды, то этимъ свидѣтельствовали лишь о своемъ плохомъ знаніи русскихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній той эпохи. Вообще славянскія представленія о Россіи складывались подъ вліяніемъ того, что говорилось тогда о ней поляками и нѣмцами, или сводились къ ученымъ свѣдѣніямъ о ея древней исторіи, преимущественно до-монгольскаго періода. Дѣйствительной и современной Россіи славяне совсѣмъ не знали, и въ концѣ концовъ ихъ представленія о ней были крайне смутны. Это обстоятельство и позволяло нѣкоторымъ чешскимъ патріотамъ, въ особенности молодежи, дѣйствительно увлекаться перспективою присоединенія всѣхъ славянъ къ Россіи. Въ своихъ письмахъ къ гр. Уварову Погодинъ около 1840 г. писалъ, что славяне въ Австріи увѣрены, будто русское правительство втайнѣ сочувствуетъ ихъ стремленіямъ и только по политическимъ расчетамъ до поры, до времени не проявляетъ своихъ истинныхъ чувствъ. Извѣстно, что Погодинъ настаивалъ, чтобы Россія помогала матеріальными средствами просвѣтительнымъ предпріятіямъ австрійскихъ славянъ. Совѣтъ его не остался безъ исполненія, но въ общемъ оффиціальная Россія смотрѣла на славянское движеніе австрійскими глазами, какъ на движеніе революціонное. Убѣдить въ этомъ русское правительство было тѣмъ легче, что, съ одной стороны, „славизмъ“ грозилъ неприкосновенности Турецкой имперіи, которую взялись солидарно охранять Россія и Австрія, а съ другой—польская эмиграція тоже проповѣдовала „славизмъ“, прямо враждебный Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонно-демократическій. Уже въ 1841 г. г. Юнгманъ выражалъ сожалѣніе, что русскій императоръ смотритъ на славянское движеніе, какъ на какую-то революцію. Русскій посолъ въ Вѣнѣ, Медемъ, въ 1842 г. писалъ въ одной депешѣ, что австрійское правительство встревожено иллиризмомъ, стремящимся къ сліянію южныхъ славянъ, какъ австрійскихъ, такъ и турецкихъ, и что въ возбужденіи этого стремленія участвовали русскіе и польскіе выходцы. На этой депешѣ Николай I собственноручно написалъ, что Россія никогда не дозволитъ себѣ поддерживать революціонную агитацію въ дружественной державѣ. Въ сороковыхъ годахъ направленіе русской политики вообще опредѣлялось помощью австрійскому правительству въ розысканіи корней и нитей заговоровъ, подготовлявшихся подъ личиною славизма французскими и польскими революціонерами въ предѣлахъ Оттоманской имперіи.

Весьма сильно смущали славянъ и русско-польскія отношенія

послѣ 1830 г. Чешскіе патріоты въ 1815 г. очень радовались соединенію Россіи и Польши подъ однимъ скипетромъ, видя въ этомъ какъ-бы прообразъ будущихъ славянскихъ отношеній. Симпатіи большинства были не на сторонѣ Россіи, когда вспыхнуло и вскорѣ затѣмъ было подавлено польское возстаніе. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ среди чешской молодежи сочувствіе къ полякамъ принимало иногда весьма значительные размѣры. Съ другой стороны, однако, были и защитники Россіи, видѣвшіе въ суровой репрессіи печальную необходимость и въ своемъ благодушномъ оптимизмѣ высказывавшіе мысль, что изъ подавленія польскаго возстанія тоже можетъ получиться въ будущемъ благо для славянства. Слѣдуетъ прибавить, что и среди поляковъ было не мало людей, вѣрившихъ въ славянскую взаимность во вкусѣ чешскихъ патріотовъ и даже бывшихъ готовыми представлять себѣ всеславянское будущее подъ русской гегемоніей. 1830 годъ нанесъ ударъ этому направленію, хотя само по себѣ оно едва ли могло имѣть сколько-нибудь прочное будущее въ польскомъ обществѣ [1]). Послѣ подавленія революціи началась эмиграція за границу и стала развиваться эмигрантская литература. Если и въ ней тоже пропагандировалась славянская идея, то уже главнымъ образомъ въ смыслѣ объединенія всѣхъ славянъ подъ духовнымъ руководительствомъ Польши съ ея двадцатипяти-милліоннымъ населеніемъ (въ границахъ 1772 г.). Отраженіе именно такого взгляда мы и находимъ въ упомянутой публикаціи Робера о двухъ панславизмахъ.

Условія существованія польской національности послѣ 1830 г. были самыя ненормальныя. Въ польскихъ земляхъ Австріи, Пруссіи и Россіи господствовалъ суровый режимъ, бывшій естественнымъ результатомъ пораженія поляковъ въ 1831 г. Громадное количество инсургентовъ спаслось бѣгствомъ за границу, куда стали выселяться и мирные жители, не принимавшіе участія въ возстаніи, но тяготившіеся дальнѣйшимъ пребываніемъ на родинѣ. Всѣ лучшія литературныя силы польской націи находились въ эмиграціи. У поляковъ, остававшихся на мѣстѣ, сталъ вырабатываться своего рода культурный консерватизмъ въ видѣ чрезмѣрнаго преклоненія передъ національными традиціями, въ поддержаніи которыхъ общество видѣло залогъ спасенія народности. Наоборотъ, эмиграція, представлявшая собою, такъ сказать, духовное правительство польскаго народа, все болѣе и болѣе отрывалась отъ родной почвы, предаваясь иногда своего рода мистическому романтизму. Эмигранты были разсѣяны повсюду, но больше всего ихъ было во Франціи.

---

[1]) См. выше, стр. 23—24.

Въ Парижѣ польскіе эмигранты создали особую организацію, но тотчасъ же возникъ раздоръ между аристократическою и демократическою партіями эмиграціи. Демократы немедленно вступили въ сношенія съ родственными элементами французскаго общества, образовавшими изъ себя особый французско-польскій комитетъ; рядомъ съ нимъ существовалъ еще комитетъ американско-польскій. Демократическій комитетъ (komitet narodowy polski), руководимый извѣстнымъ историкомъ Лелевелемъ, началъ издавать революціонныя воззванія къ разнымъ европейскимъ народамъ, между прочимъ и къ народу русскому, за что правительство выслало главныхъ дѣятелей комитета изъ Парижа. Начался, кромѣ того, цѣлый рядъ заговоровъ, съ цѣлью возстановленія Польши, за которыми слѣдовали попытки поднять снова народное возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и въ Галиціи. Поляки стали принимать участіе и въ западно-европейскихъ революціонныхъ попыткахъ, надѣясь, что въ случаѣ удачи отъ этого только выиграетъ свобода ихъ родины. Эмигранты старались доказать всему европейскому міру, что Польша въ прошломъ всегда защищала западъ отъ варварскихъ вторженій татаръ, турокъ и москалей. Польша погибла потому, что когда на западѣ освобожденная человѣческая мысль объявила войну старому порядку, на защиту котораго ополчился русскій деспотизмъ, Польша, исполняя свою историческую миссію, вступила въ борьбу и съ этою силою, но была побѣждена. Спасеніе Европы было отложено. Отсюда вытекалъ тотъ выводъ, что дѣло спасенія Польши есть дѣло не одной только Польши, но всего человѣчества. Въ 1836 г. эти мысли были, напримѣръ, развиты въ манифестѣ польскаго „Демократическаго Общества“, изданномъ по-польски, по-французски, по-нѣмецки и по-англійски. Весьма естественно, что въ организаціи „Молодой Европы“ [1]) „Молодая Польша“ играла довольно видную роль. Сближаясь съ иностранными демократами и революціонерами, польская эмиграція поддерживала связи и съ тайными кружками, которые были разбросаны по всѣмъ землямъ исторической Польши, хотя вездѣ царило внѣшнее спокойствіе. Одни изъ этихъ кружковъ болѣе или менѣе подчинялись заграничной „централизаціи“, другіе считали себя въ правѣ дѣйствовать на свой страхъ. Среди самихъ вождей движенія одни находили нужнымъ дѣйствовать осторожно, чтобы подготовить вполнѣ обезпеченный успѣхъ, другіе, наоборотъ, думали, что даже самыя безплодныя революціонныя предпріятія полезнѣе выжидательной политики. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ, и поляки сдѣлали попытку новаго возстанія.

Около 1845 г. во всѣхъ частяхъ польскаго міра — и въ эми-

[1]) См. выше, стр. 202.

граціи, и въ вольномъ городѣ Краковѣ, и во всѣхъ трехъ „заборахъ“ — замѣчается уже общее оживленіе, и всюду уже поговариваютъ о приготовленіяхъ къ самому обширному возстанію, конечною цѣлью котораго ставилось освобожденіе всей Польши въ границахъ 1772 г. Заговорщики, дѣйствительно, готовились къ тому, чтобы поднять возстаніе на всей территоріи прежней Рѣчи Посполитой, и для этого даже былъ назначенъ день—21 февраля 1846 г. Центромъ возстанія долженъ былъ сдѣлаться вольный городъ Краковъ. Сосѣднія державы уже давно смотрѣли на эту польскую республику, какъ на очагъ заговоровъ и мятежей. Онѣ даже принимали противъ Кракова свои мѣры. Самая крутая изъ этихъ мѣръ была принята въ 1836 г., когда войска трехъ державъ вступили въ городъ, изгнали оттуда всѣхъ агитаторовъ и повстанцевъ и ушли лишь для того, чтобы оставить городъ подъ полицейскимъ надзоромъ Австріи. Въ 1846 г. великія державы, замѣтивъ, что готовится новое возстаніе, заставили краковскій сенатъ призвать къ себѣ на помощь австрійскій отрядъ, стоявшій недалеко отъ города. Но этому отряду пришлось отступить, такъ какъ онъ былъ слишкомъ незначителенъ для того, чтобы занять городъ, и въ Краковѣ провозглашено было временное правительство, которое стало призывать къ возстанію всѣ части прежней Рѣчи Посполитой. Въ прусской и русской Польшѣ возстаніе было подавлено и кончилось, какъ будто и не начавшись, но въ Галиціи дѣла приняли другой оборотъ Здѣсь пришлось употребить уже особыя усилія для подавленія инсуррекціонныхъ отрядовъ, и австрійское правительство задумало опереться на угнетенныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, пригласивъ ихъ дѣйствовать противъ мятежниковъ. Особенно ревностно объ этомъ хлопотали перепуганныя мѣстныя власти. Говорятъ, что крейсъ-капитаны и старосты округовъ Тарновскаго и Бохенскаго прямо объявили крестьянамъ, что за каждаго живого предводителя возстанія правительство выдастъ пять гульденовъ, за мертваго—десять. Началась знаменитая „галиційская рѣзня“. Помѣщиковъ ловили, избивали до полусмерти, связывали и отправляли въ городъ. Многіе были убиты, а одного перепилили пополамъ пилою. Всѣхъ убитыхъ насчитывалось до 800 семействъ. Дома и хутора помѣщиковъ были во многихъ мѣстахъ разграблены и даже сожжены. Одна крестьянская банда состояла, говорятъ, изъ пяти тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ „короля хлоповъ“ Шели. И долго послѣ этого въ селахъ не видно было ни пановъ, ни ксендзовъ, ни управляющихъ помѣщичьими имѣніями, ни представителей административной или судебной власти. Цѣлую недѣлю продолжалось нѣчто въ родѣ пиршества, и народъ ходилъ въ праздничныхъ одеждахъ. Галицкіе хлопы уже спрашивали своихъ сосѣдей въ Царствѣ Польскомъ, скоро ли и они начнутъ свою расправу съ

панами. Мало того, крестьяне не хотѣли платить податей и даже стали требовать обѣщанной денежной награды, ссылаясь на прочитанную во всѣхъ церквахъ прокламацію, въ которой правительство благодарило сельское населеніе за то, что среди него не было найдено ни одного заговорщика. Дѣло кончилось, однако, тѣмъ, что расходившійся народъ стали усмирять военною силою, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ для устрашенія поставлены были висѣлицы.

Галиційскія событія 1846 г. произвели страшное впечатлѣніе на польскую эмиграцію. Дубецкій, жившій въ Брюсселѣ, грозилъ, что Вѣнѣ отплатятъ за каждую каплю польской крови всѣ славяне, и что ссора поляковъ съ русскими не помѣшаетъ имъ дѣйствовать сообща для освобожденія и соединенія славянскаго міра. Въ Царствѣ Польскомъ и Познани господствовало то же настроеніе. Въ открытомъ письмѣ къ Меттерниху (Lettre d'un gentilhomme polonais au pr. de Metternich) маркизъ Велепольскій тоже грозилъ Австріи соединеніемъ всѣхъ славянъ подъ главенствомъ Россіи и местью за пролитую славянскую кровь. Въ такомъ же духѣ высказывался еще гр. Гуровскій. Въ Познани поляки пили за всеславянское братство и за здоровье императора Николая I. Впрочемъ, еще въ 1838 г. одинъ польскій эмигрантъ, Медынскій, въ своемъ „Обзорѣ революцій у славянскихъ народовъ“ пророчилъ также соединеніе всѣхъ славянъ, включая сюда и русскій народъ, на развалинахъ Габсбургской монархіи. Тогда же поэтъ Уейскій написалъ „Z dymem pozarów“, сдѣлавшееся впослѣдствіи революціоннымъ гимномъ поляковъ.

Между тѣмъ австрійское войско снова вступило въ Краковъ, а затѣмъ подоспѣли русскіе отряды; за ними пришли и пруссаки. Въ ноябрѣ того же года вольный городъ пересталъ существовать, будучи включенъ въ составъ Австрійской имперіи [1]).

Въ то самое время, какъ одна часть польской эмиграціи устраивала заговоры и предпринимала возстанія для возстановленія Польши, въ другой части развивалось мистическое ученіе національстическаго характера, извѣстное подъ названіемъ мессіанизма. Несмотря на своеобразный характеръ этого направленія, оно въ нѣкоторой мѣрѣ было порожденіемъ той же почвы, на которой выросли славянское возрожденіе, панславизмъ и русское славянофильство. Однимъ изъ родоначальниковъ польскаго мессіанизма былъ весьма странный философъ Гёне Вронскій, проживавшій въ Парижѣ съ 1808 г. Около 1830 г. онъ прославился какъ авторъ цѣлаго ряда сочиненій, въ которыхъ провозглашался „мессіанизмъ“, новое ученіе, призванное переродить міръ. Современное состояніе человѣчества болѣзненно, и

[1]) Ср. выше, стр. 166.

происходитъ это отъ общественной борьбы между консерваторами и либералами, изъ которыхъ одни являются представителями добра, а другіе—представителями правды. Изъ этого состоянія человѣчество можетъ быть извлечено только соединеніемъ и осуществленіемъ добра и правды, исполнить же это долженъ мессіанизмъ. Разные народы различнымъ образомъ относятся къ принципамъ добра и правды, но у однихъ евреевъ и поляковъ это отношеніе можетъ быть выражено, какъ ожиданіе и надежда, но тутъ и есть вѣра въ пришествіе Мессіи. Это ученіе изложено было наиболѣе полно въ „Problème fondamentale de la politique moderne“ (1829) и особенно въ „Prodrome du messianisme, révélation des destinées de l'humanité“ (1831). Между появленіемъ этихъ двухъ сочиненій произошла польская революція. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Вронскій издалъ еще (по-французски же) „Мессіаническую метаполитику“ и „Пролегомены къ мессіанизму“, въ которыхъ придавалъ мессіаническое значеніе и Наполеону I, какъ „божественному предтечѣ будущаго“, и священному союзу Александра I, какъ прообразу грядущей мессіанической лиги. Совершеніе мессіанической миссіи суждено Франціи, Германіи и Россіи, стоящей во главѣ славянскихъ народовъ. Подъ покровительствомъ Россіи образуется братство Св. Духа, которое дастъ окончательное направленіе человѣчеству. Это будетъ славянская федерація, но, поддерживая идею панславизма, Россія должна уважать индивидуальность каждаго славянскаго народа. Историческое призваніе всѣхъ славянскихъ народовъ—сохраненіе благъ цивилизаціи, въ особенности религіозной и политической свободы.

Любопытно, что Вронскій пророчилъ мессіаническую роль Россіи, но наиболѣе важное здѣсь — самая идея о провиденціальной миссіи того или другого народа. Около 1830 г. среди поляковъ мысль объ особомъ посланничествѣ Польши имѣла нѣкоторое распространеніе; по крайней мѣрѣ, отдѣльные дѣятели смотрѣли на свой народъ, какъ на націю, призванную служить особеннымъ образомъ всему человѣчеству. Одинъ изъ первыхъ польскихъ романтиковъ, Бродзинскій, въ 1831 г. въ засѣданіи варшавскаго Общества любителей наукъ прочиталъ рѣчь о народности поляковъ, въ которой говорилъ о реформаторской миссіи Польши и объ ея правѣ на предводительство въ родѣ человѣческомъ, а въ „Посланіи къ братьямъ-изгнанникамъ“, сравнивая страданія польскаго народа съ мученіями, которымъ подвергнутъ былъ Христосъ, предсказывалъ будущее Польши, какъ водительницы всего человѣчества. Поэтъ Винцентъ Поль говорилъ то же самое въ „Пророчествѣ польскаго священника“ (1831) и въ пѣсни „На годовщину 29 ноября 1830 г.“ (1832): Польша представляется у него Христомъ народовъ, „ея книга“—ихъ евангеліемъ. Другіе польскіе поэты (Гар-

чинскій, Красинскій, Словацкій) обнаруживали склонность къ подобной же идеализаціи своего отечества. Но самымъ виднымъ представителемъ польскаго мессіанизма сдѣлался величайшій поэтъ польскаго народа, Мицкевичъ.

Мицкевичъ не ожидалъ и, повидимому, не желалъ вспыхнувшей въ 1830 г. революціи, а когда она началась, въ успѣхъ ея не вѣрилъ. Въ возстаніи онъ не принималъ ни малѣйшаго участія, тѣмъ болѣе, что находился въ это время за границей, откуда, однако, на родину потомъ не возвратился, пожелавъ раздѣлить изгнаніе съ борцами за національную свободу. Въ его поэзіи и въ его натурѣ была весьма большая доля мистицизма. Въ своихъ „Книгахъ народа польскаго и польскаго пилигримства“ (1833), наполненныхъ пророчествами, онъ далъ на восемнадцати страницахъ, написанныхъ библейскимъ слогомъ, исторію человѣчества „отъ начала свѣта до замученія народа польскаго“, объявивъ въ послѣсловіи, что многое въ этомъ произведеніи исходитъ изъ откровенія Божія... „и предали на мученіе народъ польскій. и положили его во гробъ, и воскликнули короли: мы убили и похоронили свободу,... но народъ польскій не умеръ. Тѣло его лежитъ во гробѣ, а душа его удалилась съ земли, т.-е. изъ жизни публичной въ бездну, т.-е. жизнь домашнюю всѣхъ терпящихъ неволю на родинѣ и на чужбинѣ, чтобы видѣть терпѣнія ихъ. И на третій день душа вернется въ тѣло, и народъ воскреснетъ и освободитъ всѣ народы Европы изъ неволи. И прошло уже два дня: одинъ день кончился первымъ взятіемъ Варшавы, второй день кончился вторымъ взятіемъ Варшавы, а третій день настанетъ и не кончится. И какъ по воскресеніи Христовомъ прекратились кровавыя жертвы, такъ по воскресеніи народа польскаго прекратятся въ христіанствѣ войны“. Въ началѣ сороковыхъ годовъ религіозно-мистическое настроеніе Мицкевича усилилось, и онъ сдѣлался горячимъ послѣдователемъ одного появившагося въ это время въ Парижѣ польскаго пророка, по фамиліи Товянскаго. Андрей Товянскій, начавшій свою литературную дѣятельность въ Вильнѣ около 1820 г., уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ, по собственнымъ его словамъ, почувствовалъ призваніе сдѣлаться реформаторомъ человѣческаго рода. Нашлись люди, которые повѣрили въ его миссію и стали его послѣдователями. Онъ не только не принималъ участія въ возстаніи въ 1830 г., но даже удерживалъ другихъ, ссылаясь на то, что свыше ему дано было знать, что возстаніе постигнетъ неудача. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Товянскій переселился за границу, гдѣ сталъ пропагандировать свое ученіе среди поляковъ, серьезно называя себя посланникомъ Бога къ людямъ. Въ 1840 г., въ самый день перенесенія останковъ Наполеона въ Домъ инвалидовъ, Товянскій пріѣхалъ въ Парижъ. На Мицкевича, который

благоговѣлъ передъ памятью императора, освобождавшаго Польшу, какъ воображали его соотечественники, торжество это произвело сильное впечатлѣніе, и у него самого было тогда какое-то „видѣніе“. Товянскій явился къ поэту только черезъ полгода и скоро совершенно овладѣлъ его воображеніемъ, разъяснивъ ему и его видѣніе и даже истолковавъ ему аллегорическій смыслъ его собственныхъ стиховъ. Мицкевичъ оказался теперь пророкомъ, предсказавшимъ пришествіе новаго Мессіи, а этимъ Мессіей былъ не кто иной, какъ Товянскій: въ него перешелъ духъ Наполеона, и онъ довершитъ дѣло, начатое великимъ императоромъ. Мицкевичъ во все это увѣровалъ и сталъ свидѣтельствовать о божественномъ посланничествѣ Товянскаго. Съ Мицкевичемъ увѣровали другіе. Пронеслась молва, что Богъ сжалился надъ Польшею, и что явился небесный посолъ, который принесъ радостную вѣсть о скоромъ возстановленіи Польши и окончаніи печальнаго изгнанія. Въ октябрѣ 1841 г. Мицкевичъ даже устроилъ въ соборѣ Notre Dame de Paris благодарственное молебствіе Господу Богу за милости, излитыя на поляковъ. Собралось много эмигрантовъ, и послѣ богослуженія Товянскій возвѣстилъ имъ свою миссію. О пророкѣ заговорилъ весь польскій Парижъ. Въ концѣ 1841 г. Товянскій обратился къ своимъ соотечественникамъ съ печатнымъ воззваніемъ, снова приглашая ихъ на религіозную церемонію, но парижскій архіепископъ запретилъ духовенству давать свои церкви для такой кощунственной агитаціи. Сходки, на которыхъ Товянскій выступалъ проповѣдникомъ, стали происходить въ квартирѣ Мицкевича. Къ товянщизнѣ стали примыкать видные члены польской эмиграціи, между прочимъ, крупный поэтъ Юлій Словацкій. Товянскій, видя, какой успѣхъ его проповѣдь имѣетъ среди поляковъ, задумалъ проповѣдовать свой миссіанизмъ и французамъ. Дѣло окончилось, однако, высылкой Товянскаго изъ Парижа по приказанію префекта полиціи, нашедшаго, что онъ слишкомъ мутитъ умы. Мицкевичъ и другіе послѣдователи новаго пророка хлопотали о немъ у министра внутреннихъ дѣлъ и даже рекомендовали его благосклонному вниманію бельгійскаго короля, въ столицу котораго Товянскій переѣхалъ на жительство. Въ Парижѣ вѣрующіе въ его божественную миссію сплотились въ особое общество съ правильной организаціей. Мицкевичъ въ немъ былъ чѣмъ-то въ родѣ намѣстника отсутствовавшаго главы, но по временамъ онъ ѣздилъ къ нему на свиданія. На собраніяхъ товянщиковъ произносились рѣчи, исполнялись разныя обрядности. Въ кружкѣ сталъ развиваться культъ Наполеона, „бывшаго величайшимъ духомъ послѣ Христа, полнѣйшаго идеала духа“, и Мицкевичъ даже считалъ возможнымъ вступать въ общеніе съ духомъ Наполеона. Свои мессіаническія идеи онъ прямо излагалъ съ каѳедры Collège de France, издавъ потомъ свои лекціи подъ

заглавіемъ „Оффиціальная церковь и Мессія“ (1845). Поляки, оставшіеся правовѣрными католиками, всячески противодѣйствовали новой „ереси“, а правительство лишило Мицкевича профессорской каѳедры.

Между тѣмъ Товянскій продолжалъ искать новыхъ адептовъ и даже расчитывалъ привлечь на свою сторону франкфуртскаго банкира Ротшильда, папу Григорія XVI и самого императора Николая I. Въ прошеніи на имя русскаго государя онъ прямо говорилъ о всемірно-историческомъ призваніи Россіи въ духѣ его мессіанической идеи. „Всѣ народы славянскаго племени, говорилось здѣсь, одарены божіимъ сокровищемъ простоты, и искра Христова, угасшая или затаившаяся на землѣ, хранится только у славянъ. Это—единственное племя на землѣ, характеръ котораго составляетъ душевная теплота, эта искра Христова; проистекающее изъ этого характера его предназначеніе велико“. Славяне должны выполнить свою миссію. „Пришло время, когда всѣ славяне, слитые въ одно чувство любви, какой еще не бывало ни въ понятіяхъ людей, ни въ жизни, должны соединить свои усилія въ одномъ великомъ и общемъ интересѣ для достиженія цѣли, какую Богъ назначаетъ имъ отнынѣ... Человѣчество въ своемъ движеніи впередъ встрѣчало препятствія и уклонялось отъ пути, предназначеннаго Богомъ; отъ этого пути уклонился и Наполеонъ, носитель мысли Божіей, и былъ побѣжденъ, но воля Божія совершилась: идея союза религіи съ политикой созрѣла на землѣ. Миссія Наполеона не прекратилась съ его смертью: духъ его продолжаетъ дѣйствовать на землѣ. Новое поприще открылось для Слова. Новое орудіе Слова—императоръ Николай“. Въ 1845—1848 г. Товянскій жилъ въ Швейцаріи, гдѣ его время отъ времени навѣщали приверженцы его ученія. Въ парижскомъ кружкѣ Мицкевича попрежнему шла разработка мессіанизма, центральнымъ пунктомъ котораго было возстановленіе Польши. Всѣ движенія и событія, происходившія вокругъ, оцѣнивались главнымъ образомъ по возможному отношенію ихъ къ воскресенію польскаго народа. Февральская революція окрылила надежды польской эмиграціи, съ большинствомъ которой товянщики были тогда въ разладѣ. Мицкевичъ и его единомышленники тоже надѣялись, что наконецъ наступаетъ время возстановленія. Но между нимъ и Товянскимъ произошло охлажденіе: Мицкевичъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что спасеніе Польши выйдетъ изъ Франціи, тогда какъ Товянскій попрежнему думалъ, что исполненіе всѣхъ его пророчествъ совершится при участіи Россіи [1]).

---

[1]) Въ одномъ письмѣ къ Мицкевичу онъ писалъ: „благо человѣчества и въ то же время благо Россіи — въ прогрессѣ во исполненіе воли, данной въ словѣ Божіемъ. На этомъ пути сила и счастье Россіи, призванной къ испол-

Прибавимъ, что въ воззрѣніяхъ Товянскаго и Мицкевича во второй половинѣ сороковыхъ годовъ отчасти звучитъ и нота мистическаго соціализма. Въ этомъ нельзя не видѣть вліянія Франціи, гдѣ въ сороковыхъ годахъ соціализмъ принималъ и религіозно-мистическій характеръ.

Сравнивая умственное движеніе, происходившее среди славянъ, съ тѣми движеніями, которыя совершались въ Англіи, Франціи и Германіи, мы не можемъ не отмѣтить ихъ совершенно особеннаго характера. Мистицизмъ и романтизмъ были присущи нѣкоторымъ проявленіямъ даже общаго демократическаго движенія, охватившаго Западную Европу, и въ этомъ отношеніи идеализація народности и мессіанизмъ у славянъ находятъ свои аналогіи въ болѣе передовыхъ странахъ. Существенная разница заключалась въ томъ, что у передовыхъ народовъ романской и германской расы общее движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ имѣло характеръ политико-соціальный, тогда какъ у славянъ оно имѣло преимущественно характеръ культурно-національный. Тѣмъ не менѣе славянскія стремленія сыграли свою роль въ исторіи австрійской революціи 1848 г. Чехи потребовали равноправности съ нѣмцами и сліянія во-едино Богеміи, Моравіи и Силезіи. Въ Прагѣ образовалось даже временное правительство и собранъ былъ всеславянскій съѣздъ. У юго-славянъ тоже произошло движеніе въ пользу сліянія Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Наконецъ, и венгерскіе сербы равнымъ образомъ задумали образовать національное правительство. Культурное возрожденіе австрійскаго славянства готовилось перейти въ возрожденіе политическое. Революція 1848 г., которая у нѣмцевъ, у итальянцевъ и у венгровъ получила рѣзко выраженную національную окраску, не могла не затронуть съ той же стороны подвластныхъ Австріи славянъ, въ теченіе трехъ десятилѣтій ревностно занимавшихся возрожденіемъ своей народности.

нешію на землѣ слова Божьяго... Я не призываю къ братскому союзу съ Австріей. На новомъ пути желаю усерднѣе и правдивѣе служить Россіи".

РЕВОЛЮЦІЯ 1848 ГОДА.

XVIII. Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г. [1]).

Начало новаго историческаго періода.—Швейцарія въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и Зондербундъ.—Италія послѣ 1830 г.—Мадзини.—Итальянское «воскресеніе». — Начало правленія Пія IX. — Событія въ Италіи конца 1847 и начала 1848 г.—Зарожденіе политической оппозиціи въ Венгріи. — Кошутъ и Дэакъ.— Политическое броженіе въ Германіи.—Политическая оппозиція въ Баденѣ и Баваріи. — Новая эра въ Пруссіи. — Личный характеръ Фридриха-Вильгельма IV.— Либеральныя уступки въ началѣ новаго царствованія и скорое наступленіе реакціи. — Конституціонное движеніе въ Пруссіи. — Патентъ 3 февраля 1847 г.— Оцѣнка его въ публицистикѣ. — Соединенный ландтагъ. — Отношеніе Англіи къ либеральнымъ движеніямъ на континентѣ.

Историческій періодъ, начавшійся послѣ іюльской революціи, замыкается февральской революціей во Франціи, бывшею сигналомъ для цѣлаго ряда потрясеній почти во всей Западной Европѣ. Февральская революція и въ самой Франціи, и внѣ ея предѣловъ ото-

---

[1]) Указанія на исторію Швейцаріи, см. выше на стр. 201. О Зондербундѣ: *Crétincau-Joly*. Histoire du Sonderbund. 1850. — *Esseiva*. Fribourg, la Suisse et le Sonderbund. 1882.—*Siegwart Müller*. Der Kampf zwischen Recht und Gewalt in der schweizerischen Eidgenossenschaft. 1863—1868. Всѣ эти три сочиненія написаны въ духѣ католической партіи. О союзной конституціи 1848 г. см. *Эдэмсъ* (*Adams*) *и Кеннингэмъ*. Швейцарія и ея учрежденія. 1893. Первая глава этой книги представляетъ собою историческій очеркъ швейцарскаго государственнаго устройства съ древнѣйшихъ временъ. (По-русски по исторіи Швейцаріи имѣется еще сочиненіе *Ванъ Мюйдена*). Сочиненія по исторіи Италіи въ XIX в. указаны въ т. IV, на стр. 10 и 306 (изъ нихъ книга *Сорена* недавно переведена по-русски). Исторія „воскресенія“ Италіи въ громадномъ трудѣ *Tivaroni*. Storia critica del Risorgimento. 1891—1896.—О Мадзини большая литература: кромѣ біографій *Nardi* (итал., 1872), *Mario* (итал., 1892) и др. *Cironi*. Die nationale Presse in Italien und die Kunst der Rebellen. 1863 переводъ съ итал.). — *Simoni*. Histoire des conspirations mazziniènnes. 1870.—

звалась гораздо болѣе серьезными движеніями, нежели тѣ, которыя произошли послѣ іюльскаго переворота. По силѣ непосредственнаго дѣйствія даже революція 1789 г. не имѣла такого общеевропейскаго значенія, какое выпало на долю февральскаго переворота. На самомъ дѣлѣ, однако, уже крушенію іюльской монархіи въ концѣ февраля 1848 г. предшествовали въ Западной Европѣ разныя волненія и возстанія, которыя сильно тревожили тогдашнія правительства и заставляли ихъ придумывать и принимать новыя мѣры для противодѣйствія начинавшимся политическимъ соціальнымъ, и національнымъ движеніямъ. Въ 1846 г. сдѣлана была, какъ мы видѣли [1]), попытка поднять общее возстаніе въ разныхъ частяхъ исторической Польши. Такъ какъ возстаніе было направлено противъ трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой, то Австрія, Пруссія и Россія стали только еще солидарнѣе дѣйствовать въ своей общей политикѣ. Одновременно съ этимъ Австрію, Пруссію и Францію безпокоили событія, разыгрывавшіяся въ Швейцаріи, гдѣ борьба между радикалами и консерваторами дошла въ началѣ 1847 года до междоусобной войны. Прежде чѣмъ заинтересованныя державы успѣли вмѣшаться въ эту внутреннюю распрю, война была окончена побѣдою радикальной партіи. Въ Италіи въ 1846—1847 гг. точно также существовало очень сильное политическое броженіе, одинаково безпокоившее и Меттерниха и Гизо [2]). На почвѣ противодѣйствія итальянской революціи Австрія и Франція направляли свою политику въ одну и ту же сторону, и буржуазная монархія готова была дѣйствовать заодно съ феодально-клерикальною имперіей. Опасенія Меттерниха и Гизо имѣли свои основанія. Въ январѣ 1848 г. въ отдѣльныхъ странахъ Италіи вспыхнули возстанія. Австрія, у которой были свои

Bouiller. Un roi et un conspirateur. 1885.—*Saffi.* Il pensiero politico e sociale di Giuseppe Mazzini. 1887. — *Schack.* J. Mazzini und die italienische Einheit. 1891.—Ср. русскія статьи въ „Вѣстн. Евр." за 1868 г. и въ „Русской Мысли" за 1882.—О Піи IX: *Pougeois.* Histoire de Pie IX, son pontificat et son siècle. 1886.—*Villefranche.* Pie IX, sa vie, son histoire, son siècle. 1889.—*Pfleiderer.* Pius IX. 1878.—Литература по исторіи Италіи съ 1848 г. будетъ указана ниже, равно какъ и литература по исторіи венгерскаго движенія. — Сочиненія по исторіи Пруссіи въ XIX в. указаны въ т. IV, стр. 173 и 367 (книга *Treitschke* доведена до 1848 г.). — *Natzmer.* Unter den Hohenzollern. Aus der Zeit Fr. Wilh. IV. 1888.—*Ranke.* Fr. Wilh. IV.—*Wagener.* Die Politik Friedr. Wilh. IV. 1883. — *Falkson.* Liberale Bewegung in Königsberg (1840 — 1848). 1888.—*Gervinus.* Die preussische Verfassung und das Patent vom 3 Februar 1847.—*Bülow-Cummerow.* Preussen im Januar 1847 und das Patent. 1847. — *Biedermann.* Gesch. des ersten preussischen Reichstages. 1847.

[1]) См. выше, стр. 415.

[2]) См. выше, стр. 167.

итальянскіе поданные, сильно боялась всякихъ движеній на Апеннинскомъ полуостровѣ, а тутъ еще и Венгрія держала себя крайне безпокойно, и между вѣнскимъ правительствомъ и венгерскимъ сеймомъ начались уже рѣзкіе конфликты. Въ нѣмецкой націи совершалось также весьма значительное политическое движеніе. Въ Пруссіи въ 1847 г. былъ собранъ такъ называемый соединенный земскій сеймъ: это событіе произвело очень сильное впечатлѣніе въ разныхъ частяхъ Германіи и повлекло за собою внутреннія столкновенія. Въ юго-западной Германіи, которая всегда была очагомъ либеральной оппозиціи, готовились важныя событія. Въ Баденѣ обострилась борьба между правительствомъ и мѣстнымъ сеймомъ. Въ Баваріи совсѣмъ незадолго до февральской революціи совершился внутренній переворотъ въ либеральномъ смыслѣ. Даже въ Англіи около того же времени усиливается чартизмъ, предъ тѣмъ, повидимому, совершенно побѣжденный [1]). Наконецъ, и въ Ирландіи дѣйствовала революціонная партія, стремившаяся къ возстановленію національной независимости [2]). Если кромѣ этихъ политическихъ движеній принять еще въ расчетъ напряженность соціальныхъ и національныхъ стремленій, характеризующую сороковые годы, то мы поймемъ, почему февральская революція зажгла такой пожаръ во всей Западной Европѣ. Небольшіе пожары уже начинались въ разныхъ мѣстахъ.

Въ этой главѣ мы и разсмотримъ бо́льшую часть только-что перечисленныхъ движеній, предшествовавшихъ февральской революціи и подъ ея вліяніемъ сами принявшихъ потомъ болѣе широкіе размѣры. Реакція, которая въ разныхъ странахъ въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, повидимому, торжествовала полную побѣду, во второй половинѣ слѣдующаго десятилѣтія уже не въ состояніи была справиться съ общественнымъ движеніемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже сами правительства пошли на уступки, что́, понятное дѣло, придавало движенію новую силу, порождая новыя надежды и увеличивая увѣренность въ скоромъ ихъ осуществленіи. Самыми замѣчательными въ этомъ отношеніи явленіями были реформы, предпринятыя въ Италіи по иниціативѣ новаго папы Пія IX, и созваніе въ Пруссіи соединеннаго ландтага Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Это все-таки были уступки со стороны правительствъ духу времени,—уступки, которыя совершенно не соотвѣтствовали общему реакціонному направленію внутренней политики за весь предшествовавшій періодъ. Новыя явленія во внутренней жизни Италіи и Германіи стояли притомъ въ нѣкоторой связи съ національными стремленіями къ политическому объ-

---

[1]) См. выше, стр. 245.

[2]) См. выше, стр. 229.

единенію, игравшими такую видную роль въ революціонную эпоху 1848—1849 гг.

Мы начнемъ этотъ обзоръ съ Швейцаріи, гдѣ въ теченіе всѣхъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ происходило весьма значительное демократическое движеніе [1]). Вся исторія Швейцаріи въ этотъ періодъ сводится къ борьбѣ двухъ партій, изъ которыхъ одна была консервативно-клерикальная и стояла за полную самостоятельность отдѣльныхъ кантоновъ, а другая отличалась свѣтскимъ и радикальнымъ характеромъ, въ то же время мечтая объ усиленіи федеративнаго элемента. Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ въ одиннадцати кантонахъ былъ произведенъ пересмотръ мѣстныхъ конституцій въ демократическомъ духѣ, и сеймъ въ концѣ 1830 г. даже призналъ, что онъ не будетъ противодѣйствовать измѣненіямъ въ кантональныхъ конституціяхъ. Дѣло, однако, не обошлось кое-гдѣ безъ внутреннихъ раздоровъ, и, напримѣръ, въ 1842 г. базельскій кантонъ раздѣлился на-двое. Явилась даже мысль о пересмотрѣ конституціи всего союза. Въ 1815 г. Швейцарія была сдѣлана союзомъ независимыхъ государствъ, тогда какъ прогрессивная партія, получившая названіе радикальной, стремилась превратить Швейцарію въ союзное государство. Въ 1832 г. въ Швейцаріи образовалось два частныхъ союза, изъ которыхъ одинъ стоялъ за пересмотръ общей конституціи, другой былъ противъ этого. Достигнуть такого пересмотра не удалось, и дальнѣйшая политическая борьба велась главнымъ образомъ въ отдѣльныхъ кантонахъ. Въ большей части кантоновъ взяли перевѣсъ демократы, которые прежде всего направили свою дѣятельность противъ католической церкви, поставивъ своею задачею подчинить ее государственному контролю, ввести свободу образованія и привлечь монастыри къ участію въ благотворительности. Одновременно съ этимъ, впрочемъ, и протестантское духовенство должно было лишиться своего прежняго положенія въ государствѣ. Духовенство обоихъ исповѣданій стало тогда агитировать среди сельскихъ жителей противъ либеральныхъ кантональныхъ правительствъ, и во многихъ мѣстахъ произошли народныя волненія. Напримѣръ, когда радикальное правительство кантона Аргау взяло на себя завѣдованіе монастырскими имѣніями, вспыхнуло цѣлое возстаніе, окончившееся, впрочемъ, побѣдой правительства и конфискаціей имущества мѣстныхъ монастырей (1841). Наоборотъ, въ Люцернѣ клерикальная партія, опираясь на сельское населеніе, низвергла либеральное правительство и сама захватила власть въ свои руки. То же самое нѣсколько позднѣе (1844) при помощи Люцерна произошло въ кантонѣ Валэ послѣ полнаго пораженія радика-

[1]) См. выше, стр. 200 и 201.

ловъ. Протестантское духовенство не отставало отъ католическаго. Въ 1839 году радикальное цюрихское правительство пригласило на каѳедру богословія въ незадолго передъ тѣмъ основанномъ цюрихскомъ университетѣ Давида Штрауса, автора „Жизни Іисуса“. Пасторы возбудили противъ этого назначенія сельскихъ жителей, и хотя оно было отмѣнено, тѣмъ не менѣе въ Цюрихѣ произошелъ переворотъ, который низвергъ прежнее правительство. Главнымъ оплотомъ консерватизма были семь католическихъ кантоновъ: Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Люцернъ, Цугъ, Фрейбургъ и Валэ. Люцерицы задумали пригласить въ Швейцарію для воспитанія юношества іезуитовъ; тогда радикалы сдѣлали попытку низверженія консервативнаго правительства въ Люцернѣ, которая, однако, не удалась и участники которой потомъ жестоко поплатились за свое участіе. Ожесточеніе обѣихъ сторонъ начинало доходить до прямо террористическихъ мѣръ. Наконецъ, семь кантоновъ рѣшили заключить между собою „отдѣльный союзъ“ (Зондербундъ), дабы соединенными силами защищаться отъ нападенія извнѣ и подавлять въ самомъ зародышѣ всякія внутреннія волненія. Это было осенью 1845 г. Но консервативныя правительства существовали и въ другихъ кантонахъ. Чтобы имѣть перевѣсъ на сеймѣ, радикалы рѣшились вырвать власть въ этихъ кантонахъ изъ рукъ консерваторовъ, что̀ имъ въ Лозаннѣ и Женевѣ и удалось сдѣлать. Въ послѣднемъ изъ названныхъ городовъ во главѣ правительства сталъ весьма способный и вліятельный радикалъ Фази (1846). Точно такъ же произошло измѣненіе въ конституціи Берна, гдѣ консерваторы равнымъ образомъ потерпѣли пораженіе и власть перешла въ руки радикаловъ. Нѣсколько позднѣе то же самое случилось и въ С.-Галленѣ (1847). Послѣ этого большинство голосовъ на сеймѣ принадлежало радикальной партіи, которая и добилась постановленія объ изгнаніи іезуитовъ и о расторженіи Зондербунда. Семь кантоновъ, однако, не хотѣли уступать. Съ одной стороны, они расчитывали на легкость защиты въ горныхъ проходахъ и не особенно вѣрили въ солидарность и энергію своихъ противниковъ. Съ другой стороны, ихъ поощряли къ сопротивленію Австрія, Пруссія и Франція, видѣвшія въ швейцарскихъ радикалахъ враговъ порядка, такъ какъ главнымъ образомъ они защищали политическихъ эмигрантовъ, искавшихъ убѣжища на швейцарской территоріи [1]). Къ тому же правительства названныхъ государствъ боролись съ демократическими движеніями у себя и не хотѣли допускать вообще торжества радикализма у своихъ сосѣдей [2]). Были причины и болѣе частнаго свойства, которыя заставляли пра-

[1]) См. выше, стр. 157—158.

[2]) См. выше, стр. 202.

вительства не сочувствовать швейцарскимъ демократамъ. Въ составъ Швейцаріи входилъ Невшатель, принадлежавшій прусскому королю, какъ особое княжество, совершенно отдѣленное отъ другихъ его владѣній. Положеніе этого кантона-княжества было нѣсколько странное, и понятно, что прусскому королю управлять имъ было довольно трудно. Въ 1830 г. прусскій король согласился замѣнить прежнюю сословную конституцію княжества новою, демократическою, но это не предотвратило республиканскаго движенія въ Невшателѣ. Въ 1833 г. польскіе эмигранты, жившіе въ Швейцаріи, предприняли даже походъ на Невшатель, окончившійся, впрочемъ, неудачею. Весьма естественно, что прусскій король былъ особенно затронутъ демократическимъ движеніемъ въ Швейцаріи. Ему не нужно было никакихъ доказательствъ въ пользу необходимости вмѣшаться въ швейцарскія дѣла. Равнымъ образомъ и у Гизо была чисто личная причина раздраженія противъ швейцарскихъ демократовъ. Онъ былъ убѣжденный кальвинистъ и очень любилъ старую Женеву, гдѣ проживалъ нѣкоторое время въ свои молодые годы, а радикальная партія хотѣла все измѣнить въ этомъ городѣ. Кромѣ того, уже ранѣе стремился онъ къ сближенію съ Австріей и Пруссіей [1]): швейцарскія дѣла представляли удобный случай для совмѣстнаго дѣйствія. Вмѣшательство Австріи, Пруссіи, Франціи въ дѣла сосѣдней республики грозило независимости послѣдней. Швейцарцы не могли не знать, что уже раньше на конгрессахъ великихъ державъ поднимался вопросъ о такомъ же раздѣлѣ Швейцаріи, какому въ XVIII столѣтіи подверглась Польша. Зондербундъ, бывшій созданіемъ клерикаловъ и противорѣчившій союзной конституціи, представлялъ собою вообще большую опасность по своей связи съ иностранными державами, которыя уже давно были недовольны тѣмъ, что происходило на швейцарской территоріи. Къ Австріи, Пруссіи и Франціи присоединилась также и Россія. Такимъ образомъ четыре великія державы были на сторонѣ частнаго консервативнаго союза семи кантоновъ. Мало того: въ виду готовившагося въ Швейцаріи междоусобія Австрія прислала Зондербунду значительную денежную сумму и нѣсколько тысячъ ружей, а Франція прислала пушекъ.

Одна только Англія, дѣлами которой въ это время руководилъ Пальмерстонъ, не хотѣла торжества Зондербунда. Правда, Пальмерстонъ не былъ противъ того, чтобы великія державы взяли на себя посредничество между враждующими сторонами, но поставилъ съ своей стороны два условія: во-первыхъ, чтобы вмѣшательство великихъ державъ никоимъ образомъ не привело къ тому результату,

[1]) См. выше, стр. 164 и слѣд.

какой имѣло вмѣшательство въ дѣла вольнаго города Кракова, только-что утратившаго свою политическую независимость, а во-вторыхъ, чтобы прежде всего принято было требованіе большинства швейцарскаго сейма объ изгнаніи іезуитовъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ посовѣтовалъ швейцарскому правительству держать себя подальше отъ эмигрантовъ и не принимать услугъ со стороны иностранныхъ волонтеровъ, дабы не подавать повода къ вооруженному вмѣшательству сосѣднихъ державъ. Поставленное въ извѣстность о намѣреніяхъ сосѣдей, швейцарское правительство рѣшило дѣйствовать быстро и энергично. Война съ Зондербундомъ началась и окончилась въ теченіе одного ноября 1847 г. Зондербундъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и долженъ былъ согласиться на требованія, которыя ему были предъявлены побѣдителями. Австрія, Франція и Пруссія не ожидали такого оборота дѣла. Курьеръ, посланный Гизо съ депешами къ Зондербунду, уже не засталъ въ Швейцаріи ни одного изъ вождей консервативно-клерикальной партіи, такъ какъ всѣ они бѣжали въ Италію, куда курьеръ и повезъ депеши французскаго правительства. Для престижа великихъ державъ, говорившихъ, что ихъ вмѣшательство въ швейцарскія дѣла должно было совершиться во имя трактатовъ 1815 г., эта побѣда радикальной партіи была страшнымъ ударомъ. Всего три мѣсяца отдѣляютъ февральскую революцію отъ пораженія Зондербунда. Конечно, революція, охватившая въ 1848 г. всѣ сосѣднія съ Швейцаріей страны, только упрочивала положеніе побѣдителей. Въ сентябрѣ 1848 г. Швейцарія получила новую конституцію, которая съ нѣкоторыми позднѣйшими добавленіями существуетъ въ этой странѣ и въ настоящее время.

Одновременно съ пораженіемъ въ Швейцаріи консервативная политика испытала неудачу и въ Италіи, гдѣ произошло нѣсколько революціонныхъ движеній въ короткій промежутокъ времени между паденіемъ Зондербунда и крушеніемъ іюльскаго трона.

Послѣ Вѣнскаго конгресса въ Италіи два раза начиналась революція—въ 1820 г. и въ 1831 г. Оба раза она вызывала противъ себя самую жестокую репрессію, которой, однако, не удавалось остановить политическое броженіе. Нигдѣ не была до такой степени развита дѣятельность тайныхъ обществъ, какъ именно въ Италіи, а послѣ неудачныхъ попытокъ начала двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ тайныя общества не только не исчезли, но даже усилили свою дѣятельность. Въ разсматриваемый періодъ наиболѣе вліятельнымъ агитаторомъ былъ Джузеппе Мадзини. Въ двадцатыхъ годахъ еще совсѣмъ юношей онъ былъ агентомъ тайнаго общества карбонаріевъ и въ 1830 г. попалъ въ тюрьму, а затѣмъ былъ изгнанъ изъ Италіи. Во время своего тюремнаго заключенія онъ пришелъ къ той мысли, что

карбонаризмъ отжилъ свое время, и что для освобожденія и объединенія Италіи нужно дѣйствовать новыми средствами. Живя затѣмъ во Франціи, Швейцаріи и Англіи, Мадзини только и думалъ о приведеніи въ исполненіе своей мысли, сдѣлавшейся для него своего рода религіей. Нужно замѣтить, что итальянскіе революціонеры были большею частью вѣрующіе католики. Мадзини къ католической церкви относился враждебно, но собственное его міросозерцаніе было строго религіозное. Это былъ какой-то мистическій деизмъ, получившій, однако, политическій характеръ. Мадзини считалъ, что свобода есть самый святой и самый дорогой даръ, какой только человѣкъ получаетъ отъ Бога. Стремиться къ свободѣ, бороться за нее—нравственный долгъ человѣка, исполненіе Божьей воли. Политическимъ идеаломъ Мадзини была республика, хотя онъ готовъ былъ согласиться и на демократическую монархію, если бы послѣдняя была установлена по народному желанію и предоставляла республиканцамъ возможность работать въ пользу своего идеала. Далѣе, онъ хотѣлъ, чтобы границы отдѣльныхъ государствъ совпадали съ границами національностей. Хотя въ моментъ его выступленія на политическое поприще многіе патріоты не прочь были отъ превращенія Италіи въ федерацію нѣсколькихъ государствъ, Мадзини настойчиво требовалъ единой и нераздѣльной Италіи. По его представленію, федеративный строй современемъ должна была осуществить вся Европа, превратившись въ своего рода соединенные штаты національныхъ республикъ. Эту идею онъ между прочимъ пропагандировалъ демократамъ разныхъ національностей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться во время своихъ скитаній на чужбинѣ. Уже въ 1831 г. Мадзини основалъ тайное общество „Молодой Италіи“, въ составъ котораго вошли многіе прежніе карбонаріи и совершенно новые люди (между другими и Гарибальди). Въ томъ же самомъ году Мадзини обратился съ открытымъ письмомъ къ новому сардинскому королю Карлу-Альберту, приглашая его взять въ свои руки дѣло либеральныхъ реформъ. Лично для Мадзини его агитаторская дѣятельность имѣла лишь то значеніе, что въ 1833 году онъ былъ заочно приговоренъ къ смертной казни. Тогда же сдѣлана была смѣлая, но безразсудная попытка итальянскихъ эмигрантовъ вторгнуться изъ Швейцаріи въ Пьемонтъ, чтобы начать новое возстаніе. Мадзини, участвовавшій въ этомъ предпріятіи, успѣлъ спастись бѣгствомъ заграницу, но въ 1834 г. ему было запрещено жить въ Швейцаріи, гдѣ онъ сталъ-было издавать журналъ „La jeune Suisse“. Основанная Мадзини „Молодая Италія“ послужила образцомъ для другихъ подобныхъ же національныхъ организацій [1]). Молодая Европа, въ со-

[1]) См. выше, стр. 202.

ставъ которой вошли революціонныя партіи разныхъ народовъ, была задумана также Мадзини. Кромѣ упомянутой попытки нападенія на Пьемонтъ, нѣчто подобное было предпринято и по отношенію къ Неаполю, но и эта попытка потерпѣла пораженіе.

Мадзини былъ сторонникомъ національнаго принципа въ государственной жизни. Въ ту эпоху, когда онъ дѣйствовалъ, національная идея въ Италіи все болѣе и болѣе получала признаніе со стороны либераловъ; въ сороковыхъ годахъ она стала все чаще и чаще получать литературное выраженіе. Въ эти именно годы вышло въ свѣтъ нѣсколько сочиненій, получившихъ громкую извѣстность. Ихъ общая черта заключалась въ соединеніи самаго пламеннаго патріотизма и любви къ свободѣ съ глубокою вѣрою въ истинность ученія римской церкви. Наиболѣе виднымъ писателемъ на этомъ поприщѣ былъ Джіоберти, издавшій въ 1843 г. громадный томъ подъ заглавіемъ „О нравственномъ и гражданскомъ первенствѣ итальянцевъ“. Авторъ этого сочиненія самъ былъ священникомъ, принимавшимъ участіе въ политическомъ движеніи и бѣжавшимъ въ Парижъ. Въ своей книгѣ онъ проводитъ ту мысль, что Богъ поставилъ Италію въ центрѣ міра для того, чтобы Италія сдѣлалась духовнымъ вождемъ народовъ. Для выполненія этой своей провиденціальной миссіи ей нужно освободиться отъ иноземнаго владычества, объединиться и ввести у себя либеральныя реформы. Со временъ Маккіавелли политики привыкли смотрѣть на папство, какъ на главную помѣху для объединенія Италіи, но Джіоберти совѣтовалъ какъ-разъ папству взять въ руки великое дѣло національнаго объединенія Италіи, что̀ возвысило бы и универсальное значеніе святого престола. Джіоберти выступилъ и противникомъ іезуитовъ, которые, по его мнѣнію, исказили папство. Такъ какъ іезуиты напали на его книгу, то онъ вступилъ съ ними въ политику въ другомъ большомъ сочиненіи „Современный іезуитъ“, которое было переведено на разные языки. Главный трудъ Джіоберти показался столь опаснымъ австрійскому правительству, что оно строжайшимъ образомъ запретило его въ своихъ итальянскихъ владѣніяхъ. Нужно прибавить еще, что и Джіоберти обращалъ свои взоры на Пьемонтъ, ожидая, что это государство сдѣлается мечемъ Италіи въ моментъ ея освобожденія. Книга Джіоберти имѣла громадный успѣхъ въ итальянскомъ обществѣ и сильно содѣйствовала распространенію и укрѣпленію въ немъ національной идеи.

Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ еще графъ Чезаре Бальбо, который подъ вліяніемъ Джіоберти написалъ книгу „Надежды Италіи“. Онъ также рекомендовалъ введеніе конституціи въ отдѣльныхъ итальянскихъ государствахъ, которыя, по его плану, должны были соединиться между собою подъ протекторатомъ католической церкви.

Цѣлью должна была быть независимость Италіи отъ австрійцевъ. Наконецъ, въ подобномъ же смыслѣ высказывался и Азеліо. Всѣ они были выразителями того пробужденія національнаго чувства среди итальянцевъ, которое получило названіе „воскрешеніе“ (Risorgimento). Правда, стремленія, характеризующія итальянскихъ патріотовъ, были не всегда достаточно опредѣленны, но всѣ сходились въ томъ, что нужно избавиться отъ Австріи и сдѣлать это собственными средствами. Кличъ „долой нѣмцевъ!“ (fuori i Tedeschi) былъ уже ранѣе лозунгомъ патріотовъ, а теперь и стремленіе устроить свои дѣла національными средствами нашло выраженіе въ знаменитомъ изреченіи сардинскаго короля Карла-Альберта: „Italia farà da se“ (Италія справится сама собою). Сначала въ серединѣ сороковыхъ годовъ къ этому національному движенію примкнули и нѣкоторыя итальянскія правительства.

Лѣтомъ 1846 года умеръ папа Григорій XVI, отличавшійся крайне реакціоннымъ направленіемъ. Въ конклавѣ образовалось двѣ партіи — австрійская и римская, изъ которыхъ вторая пользовалась поддержкою Франціи. Выборъ палъ на кандидата второй партіи Мастаи-Ферретти, который и сдѣлался папой подъ именемъ Пія IX. Одно то обстоятельство, что новый папа не былъ кандидатомъ Австріи, давало итальянцамъ поводъ радоваться и даже надѣяться, что Пій IX возьмется за осуществленіе идеи Джіоберти, Бальбо и Азеліо. Восторгъ, которымъ встрѣчено было избраніе Пія IX, подѣйствовалъ и на него самого: будучи отъ природы человѣкомъ мягкимъ и добродушнымъ, легко увлекавшимся и потому всегда подчинявшимся внѣшнимъ вліяніямъ, онъ самъ вообразилъ, что ему было свыше назначено осуществить народныя надежды, по крайней мѣрѣ въ Церковной Области. Свое правленіе онъ началъ съ амнистіи политическимъ узникамъ и эмигрантамъ, а затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ реформъ въ либеральномъ духѣ: смягчены были строгости цензуры; дозволена была постройка желѣзныхъ дорогъ; учрежденъ былъ государственный совѣтъ, въ который были допущены свѣтскіе люди (призванные правительствомъ нотабли изъ отдѣльныхъ провинцій), да и вообще мірянамъ открытъ былъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ; въ Римѣ были организованы новыя муниципальныя учрежденія, а подконецъ даже была устроена гражданская гвардія. Мало того: Пій IX выразилъ намѣреніе учредить итальянскій таможенный союзъ и даже думалъ о союзѣ политическомъ. Австрійское правительство весьма косо смотрѣло на начинанія новаго папы, и въ этомъ отношеніи на сторонѣ Австріи были и нѣкоторые итальянскіе государи. Въ августѣ 1847 г. между Австріей и папой произошло даже столкновеніе. Вѣнскій конгрессъ давалъ австрійскому правительству право занять своимъ гарнизономъ цитадель города Феррары.

Меттернихъ истолковалъ это право распространительно и по отношенію къ самому городу, Пій IX самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ этого нарушенія итальянской независимости. Поэтому онъ сдѣлался необычайно популяренъ во всей Италіи. Возгласъ „Evviva Pio nono!“ раздавался при всякомъ удобномъ случаѣ; въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, въ Неаполѣ и въ Моденѣ онъ даже считался мятежнымъ. Мадзини написалъ Пію IX письмо, приглашая его стать вождемъ національнаго движенія. Римскіе демократы, изъ которыхъ особенно выдвинулся демагогъ Чичероваккіо, смотрѣли на папу съ той же точки зрѣнія. Даже часть духовенства была одушевлена идеей поставить церковь во главѣ освободительнаго движенія. Одинъ священникъ, по фамиліи Вентура, въ своихъ проповѣдяхъ доказывалъ, что деспотизмъ имѣетъ языческое происхожденіе, свобода же есть понятіе христіанское. Онъ грозилъ европейскимъ монархамъ, если они не перемѣнятъ своей политики, союзомъ церкви и демократіи. Въ Римѣ началось настоящее политическое движеніе и даже образовался политическій клубъ. Когда въ концѣ ноября 1847 года въ папскую столицу пришло извѣстіе о побѣдѣ швейцарскихъ радикаловъ надъ Зондербундомъ, населеніе Рима устроило манифестацію передъ домомъ представителя Швейцаріи, и въ толпѣ раздавались крики: „долой іезуитовъ!“.

Изъ Церковной Области движеніе распространилось и на другія части Италіи. Въ маѣ 1847 г. въ двухъ городахъ великаго герцогства Тосканскаго, въ Ливорно и въ Пизѣ, произошли народныя демонстраціи въ честь Пія IX съ рѣзкимъ антіезуитскимъ характеромъ. Во Флоренціи также происходило либеральное движеніе. Великій герцогъ Леопольдъ послѣдовалъ примѣру папы и сдѣлалъ нѣкоторыя уступки своимъ подданнымъ. Въ это же время къ Тосканѣ было присоединено герцогство Луккское, принадлежавшее Карлу-Людовику Бурбонскому. Въ концѣ 1847 г. умерла герцогиня Пармская, Марія-Луиза, вдова Наполеона I, и преемникомъ ея сдѣлался герцогъ Луккскій, который уступилъ свое прежнее владѣніе, гдѣ его страшно не любили, великому герцогу Тосканскому. Эта маленькая перемѣна тоже казалась итальянскимъ патріотамъ нѣкоторымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что великій герцогъ Тосканскій былъ въ родствѣ съ императорскимъ австрійскимъ домомъ. Съ новымъ герцогомъ Пармскимъ Австрія поспѣшила заключить союзъ, какъ это сдѣлала нѣсколько ранѣе съ герцогомъ Моденскимъ.

Сардинскій король Карлъ-Альбертъ, бывшій въ началѣ двадцатыхъ годовъ надеждой итальянскихъ либераловъ [1]), по впослѣдствіи

[1]) См. т. IV, стр. 331—332.

правившій своею страною вполнѣ абсолютно, въ 1846 г. снова перемѣнилъ фронтъ и примкнулъ къ національному движенію. Прежде онъ очень боялся Австріи, которая, какъ подозрѣвали, пользовалась тайными услугами сардинскаго министра полиціи. Теперь Карлъ-Альбертъ рѣшился не уступать Австріи. Англія, сильно поддерживавшая итальянское національное движеніе, обѣщала ему свою поддержку и даже совѣтовала вступить съ Церковною Областью и Тосканою въ таможенный союзъ. И въ Пьемонтѣ начались антиавстрійскія демонстраціи, подобныя происходившимъ въ другихъ частяхъ Италіи. Въ 1847 г. и Карлъ-Альбертъ задумалъ ввести въ своемъ государствѣ нѣкоторыя либеральныя реформы. Такъ какъ онъ всегда заботился о своей арміи, которая въ то время въ случаѣ войны могла быть доведена до 60.000 человѣкъ, то итальянскіе патріоты возлагали на него особенныя надежды. Король былъ человѣкъ осторожный и потому часто дѣйствовалъ нерѣшительно, но его честолюбію льстила мечта о соединеніи всѣхъ итальянскихъ земель подъ его властью.

Ранѣе всего рѣшительное движеніе противъ австрійцевъ началось въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, т.-е. въ той части Италіи, которая находилась непосредственно подъ австрійскимъ управленіемъ. Положеніе нѣмецкихъ чиновниковъ и военныхъ сдѣлалось здѣсь совершенно невозможнымъ. Уже въ самыхъ первыхъ числахъ января 1848 г. въ Миланѣ и Падуѣ происходили стычки между народомъ, съ одной стороны, и полиціей и солдатами, съ другой. 12 января началась настоящая революція въ Палермо, откуда она распространилась на всю Сицилію. Фердинандъ II отнялъ у этого острова послѣдніе слѣды былой автономіи. Подъ вліяніемъ того, что происходило въ другихъ частяхъ Италіи и расчитывая на помощь Англіи, сицилійцы потребовали возстановленія конституціи 1812 г., и когда имъ въ этомъ было отказано, то они и подняли знамя возстанія противъ неаполитанскаго короля. Примѣру Сициліи послѣдовалъ Неаполь, потребовавшій конституціи. Фердинандъ II, не полагаясь на войско, 29 января объявилъ своимъ подданнымъ, что добровольно даетъ конституцію по образцу тогдашней французской хартіи. Вслѣдъ за этимъ 8 февраля и король Сардинскій объявилъ у себя введеніе конституціи. Объ этомъ въ Пьемонтѣ стали поговаривать еще въ самомъ началѣ января, и вотъ когда въ Туринъ пришло извѣстіе о неаполитанской революціи, муниципалитетъ сардинской столицы обратился къ королю съ просьбою даровать конституцію. Карлъ-Альбертъ поспѣшилъ удовлетворить это желаніе. Великій герцогъ Тосканскій тоже далъ своимъ подданнымъ конституцію, составленную по образцу французской хартіи. Подобнаго рода желаніе заявлялось въ Церковной Области, но Пій IX обратился къ своимъ

подданнымъ съ просьбою не предъявлять ему требованій, противныхъ святой церкви, которыхъ онъ совершенно не могъ бы исполнить.

Таково было настроеніе народа и положеніе дѣлъ въ Италіи въ то самое время, когда въ Парижѣ произошла февральская революція. Всего за два дня до этого событія австрійское правительство, видя все болѣе и болѣе усиливавшееся народное движеніе среди своихъ итальянскихъ подданныхъ, ввело въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ осадное положеніе, дабы этимъ положить конецъ разнымъ демонстраціямъ и попыткамъ возстанія. Извѣстіе о переворотѣ во Франціи произвело сильное впечатлѣніе во всей Италіи, а когда произошла революція и въ самой Вѣнѣ, итальянскіе подданные Австріи уже прямо начали повсемѣстно возставать противъ прежняго правительства. Такимъ образомъ и началась общая итальянская революція 1848 г.

Одна эта революція создала большія затрудненія австрійскому правительству, но и другія народности монархіи Габсбурговъ тоже пришли въ движеніе. Въ мѣстныхъ австрійскихъ сеймахъ, имѣвшихъ, правда, чисто дворянскій составъ, въ серединѣ сороковыхъ годовъ обнаруживалось оппозиціонное настроеніе. Оно стало проявляться, напримѣръ, въ нижне-австрійскомъ сеймѣ. Чешскій сеймъ еще около сорокового года спорилъ съ представителями центральной власти о своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и однажды (1842) по этому поводу получилъ высочайшій выговоръ. Въ 1847 году вожди сеймовой оппозиціи рѣшились даже войти въ сношеніе съ сеймами другихъ провинцій для совмѣстнаго дѣйствія, но ихъ желанія не шли далѣе введенія городского представительства въ сеймъ и чешскаго языка въ учебныя заведенія. Нѣкоторое оживленіе политическихъ стремленій среди чеховъ обнаружилось и въ развитіи политической прессы. Въ это время у нихъ явился весьма талантливый публицистъ Гавличекъ-Боровскій, жившій нѣкоторое время въ Россіи и проникшійся тамъ славянофильскими стремленіями. Отличаясь большимъ остроуміемъ, за которое его сравнивали съ Гейне и даже съ Вольтеромъ, онъ сталъ защищать въ печати права чешской націи, обращаясь преимущественно къ среднему классу и къ народу. Въ 1846 году онъ сдѣлался редакторомъ пражской оффиціальной газеты, въ которой сталъ особенно много распространяться объ угнетеніи Ирландіи Англіей и о борьбѣ ирландцевъ за свободу: въ сущности, Ирландія здѣсь должна была играть роль Чехіи и соотечественники Гавличка очень хорошо читали между строкъ и понимали намеки талантливаго публициста. Но самое значительное оппозиціонное движеніе передъ 1848 г. происходило въ Венгріи.

Въ пестромъ составѣ австрійской монархіи земли короны св.

Стефана съ своимъ разнообразнымъ этнографическимъ составомъ занимали особое положеніе. Въ Венгріи лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сохранялись остатки автономіи и старинные общественные и государственные порядки. Попытка Іосифа II реформировать Венгрію окончилась полною неудачею, и послѣ его смерти старая конституція королевства св. Стефана была возстановлена [1]). Императоръ Францъ даже торжественно обѣщалъ ее поддерживать, хотя и прекратилъ въ 1812 г. созывъ сейма. Венгерская конституція сильно напоминала конституцію польскую временъ Рѣчи Посполитой. Сеймъ состоялъ изъ депутатовъ дворянства, по два изъ каждаго комитата, на которые распадалась Венгрія: кромѣ нихъ, въ сеймѣ было всего только два представителя отъ всѣхъ городовъ, да делегаты отъ хорватскаго сейма, тоже имѣвшаго дворянскій составъ. Въ каждомъ комитатѣ была своя конгрегація (сеймикъ), которая выбирала депутатовъ въ сеймъ, снабжая ихъ опредѣленными инструкціями, и избирала также на разныя административныя и судейскія должности въ комитатахъ. Эти сеймики, имѣвшіе большую силу, послѣ 1812 года сдѣлались главными органами дворянской оппозиціи: не разъ, напримѣръ, они отказывали правительству въ налогахъ и въ рекрутахъ. Императоръ вынужденъ былъ итти на уступки, и съ 1825 года венгерскій сеймъ сталъ снова созываться. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ венгерскіе сеймы начали проявлять замѣчательную энергію въ отстаиваніи правъ королевства св. Стефана. Они стали требовать, чтобы императоръ австрійскій, какъ венгерскій король, пріѣзжалъ въ Венгрію на болѣе продолжительное пребываніе, чтобы засѣданія сейма были перенесены изъ полунѣмецкаго Пресбурга въ Пештъ, какъ главный мадьярскій городъ, и чтобы государственнымъ языкомъ вмѣсто латинскаго сдѣлался мадьярскій языкъ. Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ мадьяры добились введенія своего языка въ законодательство, администрацію, судопроизводство и преподаваніе. Если въ этомъ австрійское правительство сдѣлало имъ уступку, то тѣмъ самымъ нарушило національные интересы не-мадьярскихъ народностей Венгріи, тѣмъ болѣе, что, какъ уже мы видѣли, въ это самое время происходило возрожденіе угнетенныхъ славянскихъ народностей. Мадьяры тоже были охвачены въ это время національными стремленіями и мечтами о томъ, чтобы омадьярить всѣ инородческіе элементы королевства св. Стефана. Это вызвало оппозицію славянъ, которая была особенно сильна среди хорватовъ [2]). Мадьяры

[1]) См. т. III, стр. 353 и слѣд. Отмѣтимъ здѣсь кстати только-что вышедшую книгу: *Radò-Rothfeld.* Die ungarische Verfassung geschichtlich dargestellt.

[2]) См. выше, стр. 403 и слѣд.

зашевелились и въ Трансильваніи и стали требовать присоединенія этой области къ Венгріи, къ крайнему неудовольствію австрійскаго правительства, которое даже силою старалось подавить это стремленіе.

На желаніи полной мадьяризаціи Венгріи сходились всѣ представители мадьярской національности, и потому дѣйствовали вполнѣ единодушно, какъ по отношенію къ правительству, такъ и по отношенію къ славянскому населенію. Зато по вопросамъ внутренняго устройства самой Венгріи политическіе вожди мадьярской націи раздѣлились на двѣ партіи, постоянно боровшіяся между собою на сеймахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Одна партія стояла за сохраненіе прежняго соціальнаго и политическаго строя, за дворянскія привилегіи, за помѣщичьи права надъ крестьянами, за прежнее положеніе комитатовъ въ государствѣ. Эту партію въ сеймѣ поддерживала верхняя палата — „столъ магнатовъ“, поддерживали и комитатскіе сеймики. Другая партія, наоборотъ, была проникнута идеями западно-европейскаго либерализма и стремилась, съ одной стороны, къ отмѣнѣ феодальныхъ правъ и привилегій, а, съ другой, къ реформѣ представительства въ интересахъ городского сословія, которое до тѣхъ поръ было почти совсѣмъ исключено изъ пользованія политическими правами. Впрочемъ, среди самихъ либераловъ одни думали о сохраненіи комитатской автономіи, тогда какъ другіе стремились къ большей централизаціи управленія. Но и либералы нисколько не отличались отъ консерваторовъ по вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать съ не-мадьярскими элементами населенія.

Въ этой передовой партіи особенно выдвинулись два дѣятеля: Кошутъ и Дэакъ. Первый изъ нихъ, человѣкъ знатнаго происхожденія, хотя и не особенно богатый, по профессіи былъ адвокатъ и отличался замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Сначала онъ добивался играть роль въ администраціи, но этому помѣшалъ его либерализмъ, бросавшій тѣнь на его благонадежность. Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ онъ предпринялъ изданіе газеты, въ которой старался знакомить своихъ читателей со всѣмъ тѣмъ, что̀ дѣлалось на сеймѣ и особенно на комитатскихъ сеймикахъ. Газета имѣла громадный успѣхъ, но была запрещена. Тогда Кошутъ сталъ распространять свою газету въ рукописномъ видѣ, разсылая ее по комитатамъ, гдѣ съ нея снимались новыя и новыя копіи. За такую дѣятельность въ 1837 году онъ былъ арестованъ съ нѣсколькими своими друзьями, а въ 1839 году приговоренъ судомъ къ четыремъ годамъ тюрьмы, какъ государственный измѣнникъ. Въ 1840 г. онъ, впрочемъ, былъ помилованъ къ великой радости мадьяръ, которые даже поднесли ему національный подарокъ въ видѣ 10.000 гульденовъ, собранныхъ по подпискѣ. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Кошутъ былъ де-

мократъ, и въ его программу входили широкія соціальныя и политическія реформы. Свои идеи онъ проповѣдовалъ въ газетѣ „Pesti-Hirlab“, а въ 1847 г., несмотря на оппозицію правительства, былъ выбранъ въ Пештѣ депутатомъ въ венгерскій сеймъ, въ которомъ въ слѣдующемъ году ему пришлось играть такую видную роль. Кошутъ въ эти годы сдѣлался настоящимъ политическимъ вождемъ мадьярской націи. Другимъ предводителемъ либеральной оппозиціи былъ Дэакъ, членъ венгерскаго сейма съ 1832 года. Весьма быстро онъ занялъ въ немъ положеніе главы партіи реформъ, и ему даже удалось въ 1839—1840 гг. сблизить съ этой партіей правительство. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ, однако, долженъ былъ отклонить новое избраніе свое въ сеймъ, такъ какъ сеймиковая инструкція требовала, чтобы онъ голосовалъ за сохраненіе дворянской привилегіи не платить налоговъ, на что онъ никакъ не хотѣлъ согласиться. Онъ возвратился въ сеймъ только въ началѣ 1848 года.

Уже сеймъ 1847 г. обнаружилъ довольно оппозиціонное настроеніе. Хотя императоръ, открывшій засѣданія сейма, старался быть какъ можно болѣе любезнымъ, произнесенная имъ тронная рѣчь дала поводъ къ оживленнымъ преніямъ по вопросу о томъ, что̀ долженъ былъ заключать въ себѣ отвѣтный адресъ сейма, и дѣло окончилось тѣмъ, что рѣшено было совсѣмъ на нее не отвѣчать. Либеральная партія какъ-разъ въ это время вырабатывала свою программу, формулировать которую было поручено Дэаку. Сущность его взглядовъ сводилась къ слѣдующему: „Венгрія—страна свободная и независимая во всей своей системѣ законодательства и администраціи. Она не подчинена никакой другой странѣ. Мы не хотимъ ставить интересы нашего отечества въ противорѣчіе съ единствомъ монархіи и прочностью ея существованія, но признаёмъ противнымъ праву и справедливости, чтобы интересы Венгріи были подчинены интересамъ какой бы то ни было другой страны... Мы никогда не согласимся, чтобы они были принесены въ жертву единству правительственной системы... Для насъ конституціонная жизнь — сокровище, которымъ намъ нельзя жертвовать не только въ пользу какого-нибудь чуждаго интереса, но даже ради самыхъ большихъ матеріальныхъ выгодъ“. Въ этихъ словахъ выражалась мысль всей мадьярской націи. Поэтому отдѣльныя сеймовыя партіи въ 1847 году вполнѣ единодушно нападали на политику вѣнскаго правительства, старавшагося подчинить своему вліянію внутреннія дѣла венгерскихъ комитатовъ. Въ 1848 г. политическая борьба въ Венгріи приняла прямо революціонный характеръ.

Нѣмецкія земли монархіи Габсбурговъ болѣе или менѣе отражали на себѣ то, что совершалось въ другихъ частяхъ Германіи. Въ

австрійской столицѣ, которая въ двадцатыхъ годахъ славилась своими развлеченіями и удовольствіями, въ особенности своею музыкой, за что была окрещена, какъ „духовная Капуя“ (die Capua der Geister [1]), началось въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нѣкоторое пробужденіе умовъ и распространеніе либеральныхъ идей. Въ Вѣну привозилось громадное количество запрещенныхъ книгъ изъ другихъ частей Германіи. Немудрено поэтому, что нѣмецкая революція 1848 г. захватила въ свой водоворотъ и австрійскихъ нѣмцевъ.

Въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ наканунѣ 1848 г. тоже происходили событія, которыя указывали на приближеніе революціонной бури. Въ 1845 г. въ Лейпцигѣ произошли серьезные уличные безпорядки противъ нелюбимаго народомъ принца Іоганна, брата короля и наслѣдника престола. Переходъ этихъ безпорядковъ въ открытое возстаніе предотвратилъ только Робертъ Блумъ, весьма въ то время популярный публицистъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ городѣ и даже стяжавшій себѣ извѣстность въ другихъ городахъ Германіи. Въ 1847 г. въ Кургессенѣ вступилъ на престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, который задумалъ-было произвести нѣкоторыя измѣненія въ конституціи. Это вызвало, однако, оппозицію со стороны сейма, объявившаго, что курфюрстъ, будучи еще наслѣднымъ принцемъ и соправителемъ своего отца [2]), присягнулъ конституціи и потому дѣлать въ ней перемѣны не имѣетъ права. Курфюрсту пришлось отказаться отъ своего намѣренія, такъ какъ даже военные говорили, что и они присягали конституціи, когда вступали на службу, а потому не могутъ итти противъ своего долга. Но особенно важныя событія происходили въ Баденѣ, Баваріи и Пруссіи.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ подъ управленіемъ великаго герцога Леопольда (1830—1852) Баденъ былъ самою свободною страною во всей Германіи. Баденскій сеймъ славился своимъ либеральнымъ направленіемъ, и такіе его дѣятели, какъ Роттекъ, Велькеръ, Дютлингеръ, Миттермайеръ, пользовались почетною извѣстностью во всей Германіи. Конечно, Баденъ вынужденъ былъ исполнять реакціонные законы союзнаго сейма [3]), но насколько это было возможно, примѣненіе ихъ здѣсь смягчалось. Въ 1831 г. по иниціативѣ сейма въ Баденѣ была введена весьма значительная свобода печати, и хотя потомъ пришлось ее ограничить, все-таки такихъ стѣсненій, какъ въ другихъ мѣстахъ Германіи, здѣсь не было. Правда, въ концѣ тридцатыхъ годовъ реакція не миновала и этого великаго герцогства [4]), но она

[1]) Это выраженіе принадлежитъ вѣнскому поэту Грильпарцеру.
[2]) См. выше, стр. 60.
[3]) См. выше, стр. 171 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 176 и 177.

не сломила сеймовыхъ вождей, отстаивавшихъ свободу и добивавшихся даже въ эти годы либеральныхъ реформъ. Особенно въ началѣ сороковыхъ годовъ здѣсь въ качествѣ предводителей оппозиціи выдвинулись Ицштейнъ, Мати, Геккерманъ и др., не считая прежнихъ, напримѣръ, Велькера. Въ серединѣ этого десятилѣтія правительство прямо было вынуждено ослабить реакцію. Результатомъ послѣдней было только превращеніе части прежнихъ либераловъ въ радикаловъ, во главѣ которыхъ стали Геккеръ и Струве. Такимъ образомъ прежняя оппозиція раскололась на двѣ партіи, — событіе, весьма важное въ исторіи не одного только Бадена. Произошло это въ концѣ 1846 г., а осенью 1847 г. радикальная партія уже организовала въ Оффенбургѣ большое народное собраніе, на которомъ заявлены были разныя демократическія требованія, напримѣръ, о народномъ представительствѣ при союзномъ сеймѣ, о замѣнѣ постояннаго войска народнымъ ополченіемъ, объ уничтоженіи всякихъ привилегій, о введеніи прогрессивнаго налога, о покровительствѣ труду противъ капитала и т. д. Правительство увидѣло въ этомъ государственную измѣну и начало судебное преслѣдованіе противъ радикаловъ. Въ свою очередь либералы тоже хлопотали о политическихъ реформахъ. Зимою они съѣхались въ Гейдельбергѣ со своими единомышленниками изъ другихъ частей Германіи и пришли къ тому заключенію, что необходимо ввести народное представительство при союзномъ сеймѣ или при таможенномъ союзѣ. Въ этомъ смыслѣ въ началѣ февраля 1848 г. даже сдѣлано было Бассерманомъ предложеніе въ баденской палатѣ. Извѣстіе объ этомъ произвело весьма сильное впечатлѣніе на Германію, и не успѣло оно еще остыть, какъ распространилась другая вѣсть—о паденіи іюльской монархіи.

Въ Баваріи тоже приходилъ конецъ царившей тамъ реакціи [1]). Король Людвигъ I былъ большой любитель женской красоты, и въ концѣ 1846 г. его сердце было совершенно плѣнено испанскою танцовщицею Лолою Монтесъ, обладавшею необыкновенно властнымъ характеромъ. Будучи протестанткою, она относилась съ ненавистью къ ультрамонтанамъ и сумѣла вооружить противъ нихъ короля, который, повидимому, и самъ тяготился слишкомъ большою зависимостью, въ какую онъ попалъ по отношенію къ своимъ клерикальнымъ министрамъ. Въ началѣ 1847 г. для церковныхъ и школьныхъ дѣлъ было основано новое министерство; тогда министръ внутреннихъ дѣлъ Абель, ранѣе вѣдавшій все, касавшееся исповѣданій и народнаго просвѣщенія, и другіе министры, попробовавъ подѣйствовать на короля запугиваніями разнаго рода, вышли въ отставку. Клери-

[1]) О реакціи въ Баваріи см. выше, стр. 177—178.

кальная партія негодовала, тѣмъ болѣе, что король пригласилъ составить новое министерство—протестанта Маурера, который рѣшилъ управлять страною въ строгомъ соотвѣтствіи съ конституціей. Естественно, что клерикалы, крайне недовольные новымъ направленіемъ политики, пустили въ ходъ все, чтобы повернуть ее на старую дорогу. Они стали возбуждать народъ противъ новаго министра и противъ графини Ландсфельдъ, какъ стала называться „побѣдительница Лойолы", Лола, даже противъ самого короля, сдѣлавшагося совершеннымъ рабомъ „новой Дюбарри". Въ концѣ 1847 г. Мауреръ долженъ былъ уступить мѣсто ставленнику Лолы князю Эттингенъ-Валлерштейну, министерство котораго было прозвано „испанскимъ". Новый министръ оказался, однако, настоящимъ либераломъ. Онъ одинъ разъ уже былъ министромъ, еще въ тридцатыхъ годахъ, до Абеля, но тогда онъ какъ-то не осмѣлился стать окончательно на сторону либераловъ, хотя не рѣшался поддерживать и реакціонную политику. Вступивъ вторично въ управленіе, онъ далъ печати большую свободу, которою прежде всего воспользовались клерикалы для своихъ цѣлей. Новое правительство, однако, не нашло поддержки въ либеральной партіи, вожди которой, какъ и всѣ порядочные люди въ Баваріи, были скандализированы поведеніемъ Лолы. Королевская фаворитка прямо выставляла напоказъ свое значеніе: ѣздила въ министерство внутреннихъ дѣлъ, назначала на правительственныя должности, раздавала приказанія и т. п. Клерикальная партія и духовенство удвоили свои нападенія на Лолу, начавъ распространять въ народѣ слухи о незаконной связи между королемъ и графинею Ландсфельдъ, которая отстранила отъ двора всѣхъ истинныхъ католиковъ. Особенно волновались мюнхенскіе студенты, какъ воспитанники клерикальныхъ профессоровъ строго католическаго университета. Начались студенческія демонстраціи, на которыя король отвѣтилъ временнымъ закрытіемъ университета, но это было только сигналомъ къ началу новыхъ безпорядковъ. Въ первыхъ числахъ февраля 1848 г. въ баварской столицѣ вспыхнуло даже настоящее возстаніе, всего за нѣсколько дней до знаменитыхъ событій въ Парижѣ. Король испугался, велѣлъ снова открыть университетъ и согласился на высылку Лолы Монтесъ изъ Мюнхена.

Въ годъ, предшествовавшій февральской революціи, совершилось важное событіе и въ Пруссіи. 3 февраля 1847 г. монархія Гогенцоллерновъ получила конституцію, добровольно объявленную королемъ, когда подданные уже перестали ожидать исполненія когда-то данныхъ на этотъ счетъ обѣщаній [1]).

---

[1]) Ср. т. IV, стр. 198—199 и 369—373.

Мы уже видѣли, что Фридрихъ-Вильгельмъ III, забывъ всѣ свои прежнія заявленія о конституціи, завѣщалъ своему преемнику сохранить и на будущія времена абсолютную королевскую власть и даже ограничилъ его право дѣлать какія-либо измѣненія въ прусскомъ государственномъ устройствѣ безъ согласія всѣхъ принцевъ Гогенцоллернской фамиліи [1]). Когда въ 1840 г. старый король, правившій Пруссіей сорокъ три года, скончался, общественное мнѣніе стало высказываться въ пользу введенія конституціи. Первые шаги новаго короля какъ-будто соотвѣтствовали этому настроенію, но либераламъ довольно скоро пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV оказался настоящимъ королемъ культурной, соціальной и политической реакціи. Тѣмъ больше долженъ былъ вызвать удивленія и въ Пруссіи, и за ея предѣлами патентъ, дававшій королевству новое государственное устройство: этотъ шагъ Фридриха-Вильгельма IV, дѣйствительно, былъ большою неожиданностью.

Фридриху-Вильгельму IV при вступленіи на престолъ было уже сорокъ пять лѣтъ. Будучи кронъ-принцемъ, онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ весьма талантливый и разносторонне образованный. Особенно славились его краснорѣчіе и покровительство наукамъ. Въ самомъ дѣлѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV обладалъ многими высокими качествами, отличался остроуміемъ, любовью къ духовнымъ наслажденіямъ и дѣятельнымъ темпераментомъ, но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ была нѣкоторая неустойчивость и даже какая-то раздвоенность, вносившая противорѣчія и послѣдовательность въ его поведеніе. Недаромъ однажды появилась каррикатура, въ которой король былъ представленъ держащимъ въ одной рукѣ „Ordre“, въ другой— „Contre-ordre“, тогда какъ на лбу у него самого было написано „Desordre“. Извѣстно, что въ концѣ своего царствованія Фридрихъ-Вильгельмъ IV лишился разсудка, но и раньше уже замѣчалась какая-то излишняя торопливость въ его рѣчахъ и поступкахъ. То, что было, такъ сказать, династическою традиціей Гогенцоллерновъ,—интересъ къ солдатамъ и канцелярщинѣ [2])—совершенно отсутствовало у Фридриха-Вильгельма IV. Онъ вообще имѣлъ мало склонности ко всему, что отдавало прозою жизни. Его больше интересовали искусства, поэзія, наука, потому что все это гораздо болѣе соотвѣтствовало его нервной, впечатлительной натурѣ. Въ концѣ концовъ, онъ былъ большимъ фантазеромъ, и его фантазіи принимали мистическій и романтическій

---

[1]) См. выше, стр. 180—181.

[2]) См. т. III, стр. 306 и слѣд.

характеръ [1]). Его очень занимали религіозные вопросы, но сухость протестантизма его не удовлетворяла; въ немъ было даже нѣкоторое расположеніе къ католицизму, и когда онъ познакомился съ полукатолическою англиканскою церковью, то не прочь былъ заимствовать изъ нея кое-что и для своей монархіи. Это настроеніе короля объясняетъ между прочимъ, съ одной стороны, предпринятое имъ окончаніе кельнскаго собора [2]), съ другой, уступки, сдѣланныя католической церкви [3]). Понятно, что такой человѣкъ долженъ былъ быть большимъ поклонникомъ романтики. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, дѣйствительно, былъ представителемъ средневѣковыхъ идеаловъ, между прочимъ и въ области политики. О королевскомъ достоинствѣ онъ имѣлъ самое высокое понятіе и былъ настоящимъ абсолютистомъ, въ данномъ отношеніи отнюдь не отступая отъ династической традиціи Гогенцоллерновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ нужнымъ поддерживать и средневѣковой сословный строй старой Пруссіи. Новыя конституціонныя и демократическія идеи не только не пользовались его расположеніемъ, но даже находили въ немъ крайняго противника. Хотя одержимый безпокойною жаждою дѣятельности, онъ готовъ былъ многое измѣнить въ Пруссіи, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы его власть оставалась въ полной неприкосновенности и чтобы никто не подумалъ, будто онъ дѣлаетъ какія-либо уступки либераламъ. Многія задачи, которыя ставились тогдашнею нѣмецкою жизнью, были ему даже симпатичны,— напримѣръ, національное объединеніе Германіи, — но вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ далекъ отъ ихъ практическаго осуществленія, потому что нерѣдко, стремясь въ душѣ къ извѣстнымъ цѣлямъ, онъ не хотѣлъ средствъ, ведущихъ къ этимъ цѣлямъ, разъ они казались ему зараженными хотя бы самымъ отдаленнымъ сходствомъ съ либерализмомъ. Прусскіе либералы возлагали на него сначала большія надежды, потому что знали его только съ одной стороны, какъ человѣка, относившагося къ людямъ очень благосклонно, любившаго красно говорить о своихъ добрыхъ чувствахъ и высокихъ стремленіяхъ и живо интересовавшагося главными проявленіями духовной жизни націи. Первые шаги Фридриха-Вильгельма IV, какъ короля, повидимому, должны были оправдать эти ожиданія.

Новый король началъ свое царствованіе цѣлымъ рядомъ милостей и облегченій. Была объявлена амнистія для всѣхъ, которые въ предшествовавшее царствованіе были осуждены за оскорбленіе величества, государственную измѣну и другія политическія престу-

[1]) Д. Ф. Штраусъ изобразилъ Фридриха-Вильгельма IV въ лицѣ Юліана Отступника въ соч. „Ein Romantiker auf dem Thron der Caesaren“. 1847.

[2]) См. выше, стр. 185.

[3]) См. выше, стр. 179.

пленія. Особая коммиссія, которая должна была наблюдать за благонадежностью должностныхъ лицъ, была уничтожена. Многія лица, лишенныя мѣстъ за свои убѣжденія, какъ, напримѣръ, Арндтъ и братья Гриммы были снова призваны къ дѣятельности. Но особенно много ожидали отъ Фридриха-Вильгельма IV по поводу облегченій, данныхъ имъ печати. Какъ человѣкъ, самъ интересовавшійся литературой и наукой, король не могъ не понимать, до какихъ нелѣпостей доходила тогдашняя прусская цензура. Напримѣръ, въ Кельнѣ запрещенъ былъ переводъ „Божественной комедіи“ Данте единственно на томъ основаніи, что божественные предметы не могутъ быть содержаніемъ комедій, а въ 1841 г. берлинская цензура, не разобравъ, въ чемъ дѣло, запретила перепечатать одинъ изъ приказовъ Фридриха-Вильгельма III, какъ произведеніе возмутительное и способное только породить общественное неудовольствіе. Несмотря на представленія Меттерниха, зорко слѣдившаго за тѣмъ, чтобы во всей Германіи не было ничего похожаго на свободу печати, Фридрихъ-Вильгельмъ IV нашелъ нужнымъ издать распоряженія, значительно ослаблявшія прежнія цензурныя строгости. Декабрьскій указъ 1841 г. предписывалъ цензурѣ умѣрить свое рвеніе и даже выражалъ мысль о необходимости предоставить печати извѣстную свободу обсуждать политическіе вопросы. Въ октябрѣ 1842 г. всѣ книги болѣе двадцати печатныхъ листовъ были освобождены отъ предварительной цензуры. Наконецъ, въ февралѣ 1843 г. въ Берлинѣ былъ учрежденъ высшій цензурный комитетъ, который долженъ былъ контролировать дѣйствія цензоровъ между прочимъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда они вызывали противъ себя неудовольствіе писателей и издателей: для послѣднихъ такимъ образомъ создана была особая инстанція, въ которую можно было приносить жалобы на цензоровъ. Въ составъ этого суда, кромѣ членовъ академіи наукъ и университета, могли входить люди только съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, установленнымъ для занятія наиболѣе важныхъ судебныхъ и административныхъ должностей. Все это были довольно значительныя уступки сравнительно съ прежнимъ режимомъ, что̀ и отозвалось на нѣкоторомъ оживленіи политической печати въ отдѣльныхъ частяхъ Пруссіи. Напримѣръ, лишь благодаря новымъ законамъ о печати могла нѣкоторое время существовать знаменитая „Рейнская Газета“, основанная въ 1842 г. кельнскими либералами [1]). Понятно, что подобныя облегченія должны были поддерживать надежду на то, что новый король введетъ въ Пруссіи народное представительство. Многіе ссылались на то, что, еще бывши кронпринцемъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV

[1]) См. выше, стр. 363.

довольно часто говорилъ о необходимости расширить права земскихъ чиновъ. Кое-какія заявленія, сдѣланныя имъ вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, были истолкованы также въ смыслѣ намѣренія короля осуществить конституціонныя обѣщанія своего отца.

По старому обычаю, въ 1840 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV созвалъ областной сеймъ въ Кенигсбергѣ для того, чтобы принять присягу отъ чиновъ провинціи Пруссіи. По заведенному порядку онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, какія изъ прежнихъ привилегій они желали бы видѣть подтвержденными въ его царствованіе. По предложенію кенигсбергскаго купца Гейнриха, прусскіе земскіе чины большинствомъ 39 голосовъ противъ 5 рѣшили заявить, что они желали бы только введенія конституціи, обѣщанной покойнымъ королемъ. На это заявленіе король отвѣчалъ, что его отецъ, оставивъ въ сторонѣ идею о такъ называемомъ народномъ представительствѣ, рѣшился итти по пути, болѣе соотвѣтствующему духу нѣмецкой націи, и потому даровалъ всѣмъ частямъ своей монархіи провинціальное представительство, и что самъ онъ, принимавшій участіе въ выработкѣ этихъ учрежденій, будетъ заботиться о дальнѣшемъ ихъ развитіи. Эти слова возбудили надежды, особенно послѣ того, когда король произнесъ очень красивую рѣчь, исполненную самаго добраго чувства по отношенію къ подданнымъ. Велико было разочарованіе всѣхъ, когда вскорѣ затѣмъ появился кабинетскій приказъ, въ которомъ прямо опровергалось распространившееся мнѣніе, будто король при распущеніи сейма сказалъ о своемъ согласіи дать Пруссіи конституцію въ духѣ обѣщаній 1815 г. Красивую рѣчь произнесъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV и во время коронаціонныхъ торжествъ въ Берлинѣ, но и здѣсь онъ былъ далекъ отъ какого бы то ни было обѣщанія въ смыслѣ конституціонныхъ надеждъ общества. Напротивъ, онъ говорилъ о необходимости простого, отеческаго, чисто германскаго и христіанскаго правленія. „Я знаю, сказалъ онъ между прочимъ, что получилъ корону отъ всемогущаго Бога и что обязанъ отдать ему отчетъ за каждый часъ своего царствованія. Я обращаюсь къ тѣмъ, которые требуютъ отъ меня гарантій относительно будущаго, но лучшаго ручательства я дать не хочу, да и не можетъ дать ни одинъ человѣкъ на землѣ. Мое слово болѣе вѣско, чѣмъ всѣ увѣренія на пергаменѣ“. Это было ужъ совсѣмъ ясно. Притомъ скоро сдѣлалось извѣстно, что люди, которые ближайшимъ образомъ окружали короля, были большею частью завзятые консерваторы. Прошло немного времени, и всѣ иллюзіи должны были исчезнуть. Мало-по-малу самъ король началъ раздражаться, когда, пользуясь нѣкоторымъ расширеніемъ правъ печати, прусскіе либералы стали выражать мысли, которыя были не по сердцу королю. Однимъ изъ первыхъ въ пользу необходимости ввести консти-

туцію высказался Шенъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ „Откуда и куда?“ (Woher und wohin? oder der preussische Landtag im Jahre 1840). Но вскорѣ автору, бывшему оберъ-президентомъ провинціи Пруссіи, пришлось отказаться отъ своей должности. Затѣмъ (1841) появилась брошюра кёнигсбергскаго врача Якоби „Четыре вопроса съ отвѣтами на нихъ жителя Восточной Пруссіи“, гдѣ доказывалось, что царствующій король связанъ обѣщаніемъ своего предшественника. Якоби, привлеченный къ суду, былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, но апелляціонный судъ его оправдалъ. Послѣ этого начались настоящія гоненія на печать, особенно когда короля стали раздражать насмѣшки надъ нимъ Гейне и другихъ поэтовъ. Одновременно съ этимъ по поводу оправданія Якоби и другихъ аналогичныхъ случаевъ стали преслѣдовать судей, которые обнаруживали какую-нибудь независимость. Одною изъ хорошихъ сторонъ прусскаго устройства была относительная независимость суда, какъ бы она по временамъ на практикѣ ни нарушалась. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ изданы были законы, которые подчиняли судей совершенно произвольному дисциплинарному суду и дозволяли переводъ судей съ одного мѣста на другое по усмотрѣнію начальства. Еще болѣе усилилась реакція послѣ того, какъ въ 1844 г. на жизнь короля сдѣлано было покушеніе радикальнымъ бургомистромъ Чехомъ, который за свое преступленіе подвергся смертной казни. Но и недовольство на Фридриха-Вильгельма IV стало усиливаться послѣ того, какъ онъ, пользуясь своимъ королевскимъ правомъ, сталъ вводить въ протестантскую церковь разные новые порядки, отчасти заимствованные имъ изъ Англіи. Реакція, выразившаяся между прочимъ въ запрещеніи „Рейнской Газеты“, распространилась и на университетское преподаваніе, особенно когда министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлался Эйхгорнъ. Тогда многіе ученые лишены были права преподавать, какъ признанные за неблагонадежныхъ. Болѣе всего преслѣдовалось лѣвое гегельянство въ лицѣ такихъ своихъ представителей, какъ, напримѣръ, братья Бауеры. Для противодѣйствія новому направленію философіи въ Берлинъ былъ призванъ Шеллингъ. Романтизмъ, съ которымъ боролась новая нѣмецкая литература, былъ взятъ подъ высочайшее покровительство, и борьба противъ романтики въ литературѣ приняла, благодаря этому, характеръ политической борьбы. Изъ Пруссіи стали прямо высылать людей, чѣмъ-нибудь непріятныхъ королю. Такъ высланъ былъ поэтъ Гервегъ, были высланы баденскіе либеральные депутаты Ицштейнъ и Геккеръ.

Эта реакція не остановила, однако, конституціоннаго движенія. Самъ король начиналъ недоумѣвать, почему сердца подданныхъ все болѣе и болѣе отъ него отвращались, и наконецъ пришелъ къ мысли,

что нужно такъ или иначе подрѣзать корни оппозиціи. Онъ очень хорошо зналъ, что его подданные хотятъ конституціи, такъ какъ ему объ этомъ неоднократно напоминали петиціи и постановленія магистратовъ разныхъ городовъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ сеймовъ. Правда, король отвѣчалъ на нихъ выраженіями монаршей немилости, и даже высказывалась угроза прекратить совсѣмъ созваніе провинціальныхъ сеймовъ, но, въ концѣ концовъ, все это заставляло короля невольно задумываться. Еще въ 1842 г. въ провинціальныхъ сеймахъ сдѣланы были кое-какія улучшенія, и даже было организовано особое собраніе вновь учрежденныхъ постоянныхъ комитетовъ провинціальныхъ сеймовъ (Vereinigte Ausschüsse) для согласованія мнѣній отдѣльныхъ сеймовъ о разныхъ вопросахъ. Эта уступка никого не удовлетворила, а между тѣмъ и на подобныхъ съѣздахъ обнаруживалась нѣкоторая оппозиція, несмотря на то, что король объявилъ ихъ настоящими представителями земскихъ чиновъ и пріобрѣтенныхъ правъ, могущими быть лишь совѣтниками короны, а не „представителями перемѣнчиваго общественнаго мнѣнія и модныхъ ученій“ (Repräsentanten des Windes der Meinung und der Tageslehren). Сами ближайшіе совѣтники короля сознавали необходимость что-нибудь предпринять, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ самой глубокой тайнѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV обсуждалъ съ ними вопросъ о государственномъ преобразованіи, которое, удовлетворивъ желаніе націи, лишило бы оппозицію всякой почвы, но въ то же время отнюдь не ограничивало бы королевскаго самодержавія, т.-е. было бы лишь примѣненіемъ къ жизни любезныхъ сердцу короля принциповъ „германскаго и христіанскаго правленія“. Одно обстоятельство совершенно частнаго свойства заставило Фридриха-Вильгельма IV поспѣшить съ приведеніемъ въ исполненіе новаго государственнаго плана.

Прусскому правительству понадобилось построить одну желѣзнодорожную линію, которая должна была имѣть важное стратегическое значеніе. Обыкновенныхъ государственныхъ средствъ на это не хватало, а потому оставалось прибѣгнуть къ займу. Между тѣмъ еще Фридрихъ-Вильгельмъ III самымъ торжественнымъ образомъ объявилъ, что Пруссія будетъ заключать государственные займы не иначе, какъ при содѣйствіи общегосударственнаго представительства [1]). Вотъ это и заставило Фридриха-Вильгельма IV придумать свой соединенный ландтагъ (der vereinigte Landtag). Обсужденіе этого плана началось еще въ 1845 г. Тогда же прусскому королю пришлось лично говорить о немъ съ Меттернихомъ, съ которымъ онъ встрѣтился во время путешествія своего на Рейнъ. Понятно, что Меттернихъ ста-

[1]) См. т. IV, стр. 372.

рался отклонить Фридриха-Вильгельма IV отъ такого шага. Въ коммиссіи, которой было отдано разсмотрѣніе королевскаго плана, дѣло тоже затормазилось, и лишь въ 1846 г. пришли къ благополучному окончанію работъ.

Королевскій патентъ, установлявшій центральное земское представительство, былъ помѣченъ 3 февраля 1847 г. и подписанъ однимъ королемъ безъ министровъ, дабы имѣлъ видъ чисто личнаго рѣшенія короля. Въ этомъ документѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV объявлялъ, что съ самаго вступленія его на престолъ особою его заботою было содѣйствовать развитію сословно-представительныхъ учрежденій монархіи, насколько они совмѣстимы съ наслѣдственными правами, достоинствомъ и могуществомъ короны. Съ этою цѣлью, основываясь на указѣ о государственныхъ долгахъ 1821 г. и на законѣ о провинціальныхъ чинахъ 1823 г., король обѣщалъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда потребуется заключеніе новыхъ займовъ или введеніе новыхъ налоговъ, равно какъ увеличеніе налоговъ старыхъ, созывать провинціальные чины монархіи на соединенный сеймъ (zu einem vereinigten Landtag). Кромѣ того онъ обѣщалъ созывать соединенный земскій комитетъ (den vereinigten ständischen Ausschus). Соединенному сейму или заступающему его учрежденію передавались слѣдующія права: содѣйствіе въ законодательствѣ, установленное закономъ 1823 г. по отношенію къ провинціальнымъ чинамъ; таковое же содѣйствіе по закону 1820 г. касательно заключенія и погашенія государственныхъ долговъ; наконецъ, право петиціи по внутреннимъ и не только однимъ провинціальнымъ вопросамъ. Дальше въ патентѣ говорилось о томъ, что такой порядокъ при установленіи новыхъ и увеличеніи старыхъ налоговъ соотвѣтствуетъ существу германскаго государственнаго устройства и представляетъ собою особое доказательство королевскаго довѣрія къ подданнымъ. Къ этому патенту были приложены распоряженія, касавшіяся устройства соединеннаго ландтага и о другихъ предметахъ, о которыхъ шла рѣчь въ патентѣ. Соединенный ландтагъ долженъ былъ состоять изъ собранія въ одномъ мѣстѣ восьми провинціальныхъ ландтаговъ, причемъ мѣсто, продолжительность, день открытія и день закрытія такого соединеннаго ландтага должны были опредѣляться особо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Совершеннолѣтніе принцы королевскаго дома должны были засѣдать и голосовать въ сословіи князей, графовъ и господъ (Herren); въ составъ этого сословія включались еще созывавшіеся на провинціальные ландтаги прежніе имперскіе чины (князья и графы), силезскіе князья и господа и всѣ, обладавшіе личнымъ или коллективнымъ голосомъ учрежденія, князья, графы и господа восьми провинціальныхъ ландтаговъ. Уполномоченные рыцарства, городовъ и сельскихъ общинъ

восьми провинцій монархіи должны были появляться на соединенномъ ландтагѣ въ томъ же количествѣ, какъ и въ провинціальныхъ ландтагахъ. Въ особыхъ параграфахъ говорилось объ участіи соединеннаго ландтага въ дѣлахъ, касающихся государственнаго долга, который получалъ гарантію со стороны соединеннаго ландтага. Впрочемъ, общій принципъ, въ силу котораго король отказывался отъ произвольнаго введенія и увеличенія налоговъ во всей монархіи и въ отдѣльныхъ провинціяхъ, въ сущности, допускалъ довольно значительное число исключеній. Самымъ важнымъ изъ нихъ было заявленіе, по которому король оставлялъ за собою право въ случаѣ войны назначать чрезвычайные налоги безъ согласія соединеннаго ландтага, если бы было найдено неудобнымъ созывать послѣдній въ виду политическихъ событій. Правда, къ этому прибавлялось, что при первой возможности, самое позднее тотчасъ же по окончаніи войны, соединенному ландтагу будетъ сообщено о цѣли и расходованіи полученныхъ чрезвычайныхъ налоговъ. Каждой сессіи соединеннаго ландтага долженъ былъ предъявляться финансовый отчетъ, но установленіе бюджета, равно какъ рѣшеніе вопроса о расходованіи государственныхъ доходовъ и возможныхъ остатковъ, объявлялись исключительнымъ правомъ короны. Особымъ параграфомъ участіе соединеннаго сейма въ законодательствѣ опредѣлялось, какъ совѣщательный голосъ чиновъ (ständischer Beirath) при всѣхъ перемѣнахъ въ личныхъ и имущественныхъ правахъ и другихъ вопросахъ, касающихся налоговъ. Равнымъ образомъ требовалось подобнаго же рода обращеніе къ соединенному ландтагу въ случаѣ какихъ-либо измѣненій самого сословнаго представительства. Соединенному же ландтагу предоставлялось право обращаться къ королю съ просьбами и жалобами по предметамъ, имѣвшимъ значеніе для всего государства или для нѣсколькихъ провинцій, причемъ просьбы и жалобы по предметамъ, касающимся одной какой-либо провинціи, предоставлялось подавать лишь мѣстнымъ ландтагамъ. Что касается до совѣщаній въ соединенномъ ландтагѣ, то для обсужденія правительственныхъ предложеній относительно долговъ и налоговъ сословіе господъ должно было собираться вмѣстѣ съ другими сословіями, во всѣхъ же другихъ случаяхъ оно должно было совѣщаться и голосовать отдѣльно. Всѣ рѣшенія должны были приниматься по большинству голосовъ. Просьбы и жалобы лишь тогда могли доводиться до королевскаго свѣдѣнія, когда въ обоихъ мѣстахъ, т.-е. въ палатѣ господъ и въ собраніи депутатовъ отъ рыцарей, городовъ и сельскихъ общинъ получили бы по двѣ трети голосовъ; въ случаѣ разногласія королю должно было представляться и мнѣніе меньшинства. Руководить собраніемъ и предсѣдательствовать должны были назначаемые королемъ маршалы. Соединенному

ландтагу запрещалось входить въ какія бы то ни было непосредственныя сношенія съ окружными чинами (Kreisständen), общинами и другими корпораціями, и никому не дозволялось давать депутатамъ какіе-либо наказы. Равнымъ образомъ соединенный ландтагъ лишенъ былъ права принимать отъ кого бы то ни было просьбы и жалобы за исключеніемъ его собственныхъ членовъ. Не разрѣшалось также одному и тому же соединенному ландтагу возобновлять разъ уже отклоненныя королемъ просьбы и жалобы, да и позднѣе возобновленіе просьбъ и жалобъ допускалось лишь подъ условіемъ новыхъ къ тому основаній. Въ засѣданіяхъ имѣли право участвовать и говорить министры и другія должностныя лица, спеціально на то уполномоченныя королемъ. Но въ голосованіи они могли участвовать лишь въ томъ случаѣ, когда сами были членами соединеннаго ландтага.

Обнародывая этотъ патентъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV расчитывалъ на то, что онъ будетъ принятъ обществомъ благопріятно. На самомъ дѣлѣ вышло наоборотъ. Среди прусскаго дворянства одни, наиболѣе консервативные, готовы были видѣть въ соединенномъ ландтагѣ непростительную уступку либеральнымъ требованіямъ, а другіе, въ общемъ довольные сохраненіемъ сословной привилегіи дворянства, находили, что компетенція новаго сейма была слишкомъ незначительна. Нѣкоторые при этомъ опасались, какъ бы централизація провинціальныхъ сеймовъ не была только началомъ ихъ упраздненія, тѣмъ болѣе, что общій сеймъ объявлялся учрежденіемъ, созваніе котораго ставилось въ зависимость исключительно отъ королевской воли. Но болѣе всего были недовольны либералы, которые высказывались противъ средневѣкового, чисто сословнаго характера соединеннаго ландтага и еще рѣзче указывали на отсутствіе періодичности собраній сейма. Патентъ 3 февраля 1847 года сдѣлался предметомъ обсужденія и въ печати. Отзывы прессы были для него вообще неблагопріятны, особенно тѣ, которые выходили въ свѣтъ безъ прусской цензуры. Болѣе всего заставила о себѣ говорить брошюра Генриха Симона подъ заглавіемъ „Принять или отклонить?“ На этотъ вопросъ, поставленный именно о новой прусской конституціи, авторъ отвѣчалъ отрицательно. Съ большой энергіей и съ сильной юридической діалектикой онъ доказывалъ, что распоряженіе короля „отнимаетъ у народа, котораго даже не выслушали, его немногія сословныя права и присваиваетъ коронѣ права, которыхъ она никогда не имѣла. По мнѣнію Симона, патентъ 3 февраля въ лучшемъ случаѣ былъ не что иное, какъ проектъ, принять же его или отклонить,— этотъ вопросъ имѣлъ бы право рѣшить только самъ народъ. Авторъ подвергъ тщательному разбору права соединеннаго ландтага, чтобы доказать совершенную ихъ призрачность при малѣйшемъ желаніи

правительства. За эту брошюру Симонъ былъ преданъ суду по обвиненію въ оскорбленіи величества и въ неуваженіи къ законамъ, но дѣло не было доведено до конца благодаря мартовской революціи 1848 г. Въ числѣ критиковъ новаго государственнаго устройства былъ также и Гервинусъ, который уже ранѣе прославился своимъ протестомъ противъ уничтоженія ганноверской конституціи [1]).

Соединенный ландтагъ былъ открытъ 17 апрѣля 1847 г. [2]) лично королемъ, произнесшимъ длинную рѣчь. Она заключала въ себѣ заявленіе, что Пруссія будетъ управляться попрежнему единой волей. „Считаю нужнымъ, говорилъ между прочимъ король, торжественно объявить, что никакой силѣ на землѣ не удастся замѣнить естественное отношеніе между государемъ и народомъ, которое своею внутренней правдою дѣлаетъ насъ столь сильными, отношеніемъ условнымъ и конституціоннымъ, и что я ни теперь, ни когда-либо въ будущемъ не соглашусь на то, чтобы между Господомъ Богомъ на небесахъ и этою страною сталъ исписанный листъ бумаги, подобный второму провидѣнію, чтобы управлять нами своими параграфами и замѣнить ими старую святую вѣрность". Далѣе Фридрихъ-Вильгельмъ IV высказывалъ мнѣніе, что внутреннія отношенія въ Пруссіи превосходны и что все дѣло портитъ дурная пресса, „позорящая нѣмецкую вѣрность и прусскую честь". Прусскій народъ— народъ христіанскій, вѣрный и доблестный, и онъ вовсе не хочетъ соправительства представителей. Въ соединеніи съ нимъ власть сумѣетъ отстоять свои права противъ враждебнаго государству и церкви либерализма: „я и домъ мой хотимъ служить Господу". Король просилъ чины стоять на стражѣ ихъ собственныхъ правъ, по совѣсти подавать добрые совѣты и выражать свои желанія, но отнюдь не представлять мнѣнія. Послѣднее противно нѣмецкому духу и лишь повлекло бы за собою конфликты съ короною, „которая должна править по закону Бога и по закону страны и по собственному свободному изволенію, а не по волѣ того или другого большинства". Онъ, король, ни за что не созвалъ бы чиновъ своего государства, если бы у него было хотя малѣйшее подозрѣніе, что они захотятъ разыгрывать роль такъ называемыхъ народныхъ представителей. На самомъ дѣлѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV ошибался, думая, что его политическіе принципы вполнѣ раздѣлялись собравшимися представителями сословій. Пріемъ, оказанный этой рѣчи, былъ весьма сдержанный, и вскорѣ обнаружилось въ соединенномъ ландтагѣ существованіе оппозиціи.

---

[1]) См. выше, стр. 174.

[2]) Въ немъ участвовало 72 господъ, 231 рыцарь, 182 бюргера и 120 крестьянъ.

Представителями сословій было рѣшено составить въ отвѣтъ на королевскую рѣчь благодарственный адресъ. Нѣкоторые депутаты были такъ недовольны, что предлагали написать противъ новой конституціи протестъ и разъѣхаться по домамъ, но ихъ уговорили этого не дѣлать. Составленіе адреса, бывшее, кстати сказать, дѣломъ совершенно необычнымъ при старомъ сословномъ представительствѣ, дало также поводъ къ выраженіямъ политическаго недовольства. Проектъ адреса былъ выработанъ коммиссіей изъ двадцати членовъ, среди которыхъ наиболѣе видную роль игралъ ея докладчикъ Бекератъ. Въ проектѣ говорилось, что обѣщанія покойнаго короля суть права, которыя народъ законнымъ образомъ пріобрѣлъ за свою вѣрность въ борьбѣ, и что собраніе должно созываться періодически со всѣми правами, которыя должны принадлежать государственнымъ чинамъ. Адресъ вызвалъ пренія, результатомъ которыхъ было лишь нѣкоторое смягченіе выраженій, но существо дѣла не было измѣнено, и въ такомъ видѣ адресъ былъ принятъ 484 голосами противъ 107.

Король отвѣтилъ на адресъ указаніемъ на то, что соединенный ландтагъ получилъ даже болѣе, чѣмъ было обѣщано его отцомъ, что патентъ 3 февраля имѣетъ окончательное значеніе, хотя въ немъ и могутъ быть сдѣланы измѣненія подъ условіемъ согласованія ихъ съ правами короны, и что онъ намѣренъ созвать соединенный ландтагъ снова не позже, какъ чрезъ четыре года. Несмотря на это заявленіе, нѣкоторые члены сейма сдѣлали новыя попытки требовать измѣненій въ конституціи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ этимъ крайне недоволенъ, но сдерживалъ себя, не желая доводить дѣла до полнаго разрыва. Правительство внесло въ соединенный ландтагъ нѣсколько предложеній, но они были отвергаемы, напримѣръ, на томъ основаніи, что отъ собранія требовали участія въ законодательствѣ, не признавая за нимъ правъ государственныхъ чиновъ. Когда король предписалъ выбрать членовъ долговой депутаціи, то изъ 496 присутствовавшихъ депутатовъ двѣсти пятнадцать отказались принять участіе въ этихъ выборахъ. Наконецъ, сеймъ былъ закрытъ, причемъ министръ Бодельшвингъ съ большимъ неодобреніемъ отозвался о его дѣятельности (іюнь 1847 года). Сеймовые комитеты начали свою работу въ январѣ 1848 года и были закрыты въ началѣ марта 1848 г., когда въ Берлинѣ уже знали о февральской революціи. Теперь Фридрихъ-Вильгельмъ IV уже готовъ былъ на уступки: на періодичность собраній соединеннаго ландтага и на ограниченіе правъ соединенныхъ коммиссій.

Созывъ прусскаго соединеннаго ландтага въ 1847 году и борьба его съ правительствомъ оказали весьма сильное вліяніе на политическую жизнь не только Пруссіи, но и вообще всей Германіи.

Пренія, которыя происходили въ соединенномъ ландтагѣ, дали возможность намѣтиться нѣсколькимъ политическимъ дѣятелямъ, на которыхъ народъ сталъ смотрѣть, какъ на своихъ естественныхъ вождей во время вспыхнувшей въ мартѣ 1848 г. революціи. Но точно также народу сдѣлались извѣстными и имена тѣхъ лицъ, которыя выступили въ качествѣ непримиримыхъ консерваторовъ. Между ними мы находимъ имена принца Прусскаго, будущаго императора Вильгельма I, и Бисмарка Шёнгаузена, будущаго перваго канцлера Германской имперіи.

Одновременно съ этимъ возрожденіемъ стремленія къ политической свободѣ мы наблюдаемъ въ Германіи усиленіе и національнаго сознанія, которое въ 1840 г. было затронуто опасностью войны съ Франціей [1]), а въ концѣ сороковыхъ годовъ Шлезвигъ-Голштинскимъ вопросомъ [2]). 20 января 1848 г. умеръ датскій король Христіанъ VIII, а его сынъ и преемникъ чрезъ недѣлю обнародовалъ конституцію, которою были крайне недовольны нѣмецкія герцогства, находившіяся подъ властью датскаго короля. Въ Германіи съ большимъ интересомъ слѣдили за національною борьбою, происходившею въ Шлезвигѣ и Голштиніи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострявшеюся. Въ то самое время, какъ наканунѣ 1848 г. уже почти повсемѣстно готовились внутреннія потрясенія, на стражѣ существующихъ порядковъ стояли три абсолютныя монархіи, съ которыми все болѣе и болѣе сближалась теперь и Франція. Разссорившись въ 1846 г. съ Англіей изъ-за такъ называемыхъ испанскихъ браковъ [3]), іюльская монархія стала съ особымъ усердіемъ стремиться къ союзу съ Австріей, дѣйствуя съ нею солидарно и въ Италіи [4]), и въ Швейцаріи [5]). Между тѣмъ въ Англіи съ паденіемъ торійскаго министерства завѣдованіе иностранными дѣлами досталось Пальмерстону (1846). Совершенно теперь изолированная Англія стала дѣйствовать вполнѣ самостоятельно въ направленіи, рѣзко враждебномъ къ континентальнымъ державамъ. Пальмерстонъ прямо нашелъ теперь нужнымъ оказывать поддержку итальянскому движенію, которое такъ безпокоило Меттерниха и Гизо. 7 авг. 1847 г. Австрія даже обратилась къ великимъ державамъ съ нотою, въ которой спрашивалось, думаютъ ли онѣ сохранить въ неприкосновенности трактаты 1815 г., которые, раздѣливъ Италію на независимыя государства, тѣмъ самымъ сдѣлали изъ нея простой „географическій терминъ“. На этотъ за-

[1]) См. выше, стр. 161—163.
[2]) См. выше, стр. 184.
[3]) См. выше, стр. 166.
[4]) См. выше, стр. 167 и 460.
[5]) См. выше, стр. 167 и 426—427.

просъ австрійскаго правительства Пальмерстонъ отвѣчалъ, что, будучи вполнѣ независимыми, итальянскія государства имѣютъ полное право вводить у себя реформы, какія имъ угодно, и что иностранныя правительства мѣшать имъ въ этомъ никакого права не имѣютъ. Англійскій министръ даже совѣтовалъ Меттерниху оказать свое вліяніе на неаполитанскаго короля, чтобы тотъ не противился реформамъ въ своемъ государствѣ. Вскорѣ затѣмъ Пальмерстонъ, какъ было уже сказано [1]), вошелъ въ болѣе близкія сношенія съ Сардиніей, которой и обѣщалъ поддержку противъ Австріи. Въ Швейцаріи, какъ это равнымъ образомъ было уже отмѣчено [2]), Пальмерстонъ противодѣйствовалъ континентальнымъ державамъ, поддерживавшимъ Зондербундъ. Въ данномъ случаѣ Англія отдѣлилась отъ европейскаго концерта, думавшаго и въ Швейцаріи защищать трактаты 1815 г. Чтобы выиграть время и дать возможность радикальной партіи раздавить Зондербундъ, Пальмерстонъ на проектъ Гизо отвѣтилъ своимъ контръ-проектомъ, который былъ отвергнутъ другими державами. Революція 1848 г. разстроила политическую комбинацію, бывшую результатомъ сближенія Гизо съ Меттернихомъ. Франція была отторгнута отъ союза съ абсолютными монархіями, изъ которыхъ двѣ (Австрія и Пруссія) сами переживали тяжелое время. Это было на руку Пальмерстону. Вообще онъ былъ весьма доволенъ февральской революціей и поспѣшилъ признать республику. Иначе отнесся къ парижскому перевороту русскій императоръ. И у Англіи, и у Россіи были вполнѣ развязаны руки для того, чтобы дѣйствовать въ Европѣ, каждой сообразно съ ея традиціями и интересами.

XIX. Министерство Гизо и Февральская революція [3]).

Общій взглядъ на состояніе Франціи въ сороковыхъ годахъ.—Буржуазія, Гизо и Людовикъ-Филиппъ. — Система подкуповъ. — Безплодность парламентскихъ сессій.—Нѣкоторыя законодательныя мѣры.—Вопросъ о парламентской реформѣ.—Дѣятельность парламентской оппозиціи. — Начало реформистскихъ банкетовъ.—Открытіе сессіи 1848 г. — Новая побѣда министерства. — Настроеніе и поведеніе оппозиціонныхъ группъ въ началѣ 1848 г.—Событія 22—27 февраля.—Установленіе временнаго правительства.

Систематическій обзоръ царствованія Людовика-Филиппа былъ доведенъ нами въ своемъ мѣстѣ до самаго 1848 г. по отношенію къ

---

[1]) См. выше, стр. 433.

[2]) См. выше, стр. 427.

[3]) Для исторіи іюльской монархіи см. сочиненія, указанныя выше на стр. 32 и 115, а также *E. Regnault.* Histoire de huit ans. — *Montalivet.* Le roi

внѣшней политикѣ [1]) и только до 1840 г. по отношенію къ политикѣ внутренней [2]). Мы видѣли, что къ 1840 г. во Франціи улеглись волненія, вызванныя іюльской революціей, и прекратились попытки произвести новую революцію. Окончились тоже частые министерскіе кризисы. Съ образованіемъ „министерства 29 октября“ начался періодъ полнаго единодушія короля, его министровъ и подавляющаго большинства обѣихъ палатъ [3]). Въ эту-то эпоху и достигла наибольшаго своего развитія та система господства буржуазіи, которая характеризуетъ вообще іюльскую монархію [4]). Главнымъ руководителемъ внутренней и внѣшней политики былъ теперь Гизо, болѣе всего заботившійся о томъ, чтобы преобладаніе принадлежало буржуазіи, и чтобы не происходило никакихъ нарушеній порядка [5]). Между тѣмъ, хотя съ 1840 по 1848 г. порядокъ дѣйствительно

Louis-Philippe. 1851.— *Villaut de Geraiuville.* Histoire de Louis-Philippe. 1870—1876.—*Calmon.* Histoire parlementaire des finances de la monarchie de juillet. 1898. (См. также сочиненія о Гизо, названныя на стр. 255). На стр. 115 были указаны корреспонденціи *Гейне* о первыхъ годахъ іюльской монархіи. Для начала сороковыхъ годовъ (1840—1843) мы имѣемъ такія же корреспонденціи („Парламентскій періодъ мѣщанской монархіи“ въ указанномъ тамъ же переводѣ), но уже нѣсколько иного рода. Въ 1847 г. уѣхалъ за границу *А. И. Герценъ*, который тогда же сталъ писать корреспонденціи въ „Современникъ“ (письма изъ Avenue Marigny), въ которыхъ дается интересная характеристика состоянія и настроенія Франціи передъ февральской революціей. (Въ сочиненіяхъ Герцена не мало матеріала и для исторіи 1848 и слѣд. гг., о чемъ см. ниже). Спеціально по исторіи революціи 1848 г. и второй республики см. *L. Stein.* Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich. 1850. Объ этомъ сочиненіи говорится въ текстѣ (см. выше, стр. 383), и къ 1848 г. относится лишь третій томъ (das Königthum, die Republik und die Souveränetät der französischen Gesellschaft seit der Februarrevolution 1848), одинъ изъ самыхъ научныхъ трудовъ объ этой эпохѣ. Кромѣ того, исторіи революціи 1848 г. были написаны и нѣкоторыми ея участниками, каковы *Lamartine* (1859), *Garnier-Pagès* (1866—1873, есть русск. переводъ), *Louis Blanc* (1871) и др. Прибавимъ мемуары *Гизо*, *Одилона Барро*, „Воспоминанія“ *Токвиля*, а также *Прудона* (Confessions d'un révolutionnaire), *Caussidière* и др., а въ русской литературѣ *Герцена* („Съ того берега“, „Былое и думы“, ч. V и „Посмертныя статьи“). См. также *D. Stern.* Histoire de la révolution de 1848. — *Ch. Robin.* Histoire de la révolution de 1848. — *De la Hodde.* La naissance de la république. 1850. Книга *Вермореля* „Дѣятели 1848 года“ (русск. пер. 1870) заключаетъ въ себѣ характеристики четырнадцати дѣятелей этой эпохи. Наконецъ, отмѣтимъ и отдѣльно изданныя біографіи нѣкоторыхъ дѣятелей: соч. о Ламартинѣ указаны выше (стр. 313), о Луи Бланѣ *Ch. Edmond* и др.

[1]) См. выше, стр. 166—168.

[2]) См. выше, гл. VI.

[3]) Ср. выше, стр. 115 и 164.

[4]) См. выше, стр. 99—103.

[5]) См. выше, стр. 258—261.

серьезнымъ образомъ болѣе не нарушался, и Гизо могъ даже считать его надолго обезпеченнымъ, какъ это и заявилъ въ 1846 г., общественное движеніе во Франціи именно въ сороковыхъ годахъ и получило особенно сильное развитіе. Разбившись на разныя направленія, оно во всѣхъ своихъ проявленіяхъ было одинаково враждебно системѣ Людовика-Филиппа, Гизо и обѣихъ палатъ. Прежде всего въ общественномъ сознаніи все болѣе и болѣе выдвигался на первый планъ рабочій вопросъ, въ связи съ которымъ получила широкое развитіе соціалистическая и коммунистическая литература [1]). Въ то самое время, какъ образуется министерство Сульта-Гизо, бывшее самымъ прочнымъ изъ всѣхъ министерствъ Людовика-Филиппа, выходятъ въ свѣтъ наиболѣе важныя сочиненія Кабе, Луи Блана и Прудона. Съ другой стороны, около того же времени, съ окончаніемъ столько разъ неудававшихся республиканскихъ попытокъ, во Франціи начинается и чисто политическое движеніе въ пользу парламентской реформы, которое и привело непосредственно къ взрыву 1848 г. Если знаменитые іюньскіе дни 1848 г., когда произошло возстаніе парижскаго пролетаріата, стоятъ въ тѣсной связи съ распространеніемъ въ рабочей массѣ соціалистическихъ и коммунистическихъ ученій, то февральская катастрофа ближайшимъ образомъ связана именно съ охватившею французское общество агитаціей въ пользу чисто политической реформы.

Король, министры, палаты, т.-е. всѣ конституціонныя власти, были между собою солидарны, но они опирались лишь на незначительное меньшинство, составлявшее такъ называемую „легальную страну“ (pays legal), т.-е. на какихъ-нибудь 200—240 тысячъ избирателей [2]). Остальная нація или вовсе не могла служить поддержкою установившемуся режиму (напримѣръ, косная крестьянская масса), или прямо стояла къ нему во враждебныхъ отношеніяхъ. Своекорыстная политика господствующаго класса, заразившая и тѣхъ, которые находились во главѣ правленія, конечно, не могла содѣйствовать тому, чтобы эта система пользовалась какимъ-нибудь нравственнымъ авторитетомъ. У іюльской монархіи не было старой исторической традиціи, въ иныхъ случаяхъ восполняющей недостатокъ уваженія, а реакціонное направленіе правительства было въ полномъ противорѣчіи съ единственнымъ принципомъ, на который могла, но какъ-разъ менѣе всего хотѣла ссылаться іюльская монархія. Основнымъ чувствомъ, какое вызывалъ къ себѣ упрочившійся режимъ у политически развитыхъ элементовъ французской націи, было крайнее неуваженіе. Оно проявлялось по отношенію и къ королю, и къ Гизо, и ко всей правительственной партіи.

[1]) См. выше, главы XIII и XIV.

[2]) См. выше, стр. 51.

„Настоящимъ положеніемъ Франціи, писалъ въ 1847 г. Герценъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій въ „Современникѣ“,—всѣ недовольны, кромѣ записной буржуазіи, да и та боится впередъ заглядывать... Обвиненіе, чаще всего повторяемое и совершенно вѣрное, состоитъ въ томъ, что съ нѣкотораго времени матеріальные интересы подавили собой всѣ другіе, что идеи, слова, потрясавшія такъ недавно людей и массы, заставлявшія ихъ покидать домъ, семью, для того, чтобы взять оружіе и итти на защиту своей святыни и на ниспроверженіе враждебныхъ кумировъ, потеряли свою магнетическую силу и повторяются только по привычкѣ... Вмѣсто „благородныхъ“ идей и „возвышенныхъ“ цѣлей рычагъ, приводящій все въ движеніе,— деньги“. Въ концѣ 1847 г. Герценъ уѣхалъ изъ Парижа, не будучи въ состояніи „сладить съ безобразнымъ нравственнымъ паденіемъ, которое его окружало“: „смерть въ литературѣ, смерть въ театрѣ, смерть въ политикѣ, смерть на трибунѣ; ходячій мертвецъ Гизо, съ одной стороны, лепетъ сѣдой оппозиціи, съ другой [1])“. „До 1840 г., писалъ онъ уже послѣ февральскаго переворота, у правительства былъ еще стыдъ, если не стыдъ, то осторожность; оно боялось прибѣгать ко всѣмъ средствамъ, оно не было совершенно увѣрено въ полномъ безграничномъ сочувствіи буржуазіи. Оно убѣдилось, наконецъ, что маска не нужна; дѣйствовавшая часть народа, т.-е. та часть, которая имѣла гражданскія права, была достаточно развращена для того, чтобы дѣйствовать заодно съ правительствомъ... Не могу вамъ выразить тяжелаго, болѣзненнаго чувства, которое овладѣло мною, когда я нѣсколько присмотрѣлся къ міру, окружавшему меня... Видимый [2]) Парижъ представлялъ край нравственнаго растлѣнія, душевной устали, пустоты, мягкости; въ обществѣ царило совершенное безучастіе ко всему выходящему изъ маленькаго круга пошлыхъ ежедневныхъ вопросовъ... Одна господствующая страсть поглощала всѣ мысли и досуги средняго состоянія — стяжаніе, нажива, ажіотажъ... Изданіе журнала, выборъ депутата, голосъ въ камерѣ, все это было торговымъ оборотомъ, едва прикрытымъ условными фразами. Сила банкировъ во всѣхъ дѣлахъ была чрезвычайная; министерство боялось больше всѣхъ золъ распаденія съ капиталистами... Прибавьте къ страсти стяжанія страсть власти, жажду мѣстъ, которою заражены всѣ политическіе люди, къ какой бы партіи они ни принадлежали... [3]). При такомъ нравственномъ паденіи буржуазіи, при невѣжествѣ крестьянъ, при подозрительной чистотѣ оппозиціи и либеральной

---

[1]) Писано въ декабрѣ 1847 г.

[2]) Т.-е. доступный иностранцу.

[3]) О томъ же говоритъ Токвиль. См. выше, стр. 102—103.

партіи, при страшныхъ средствахъ административной централизаціи министры Людовика-Филиппа могли смѣло поступать, какъ хотѣли, храня наружный видъ законности... Все вліяніе на Европу было утрачено изъ-за мелкихъ династическихъ интересовъ; всѣ интересы народа были пожертвованы для того, чтобы простили испанскіе браки [1]) и революціонное начало іюльскаго трона. Франція не могла держаться даже на той высотѣ, на которой была за десять лѣтъ: она дѣлалась второстепеннымъ государствомъ. Правительства переставали ее бояться, народы начинали ненавидѣть. Узкая, эгоистическая мѣщанская политика, ставившая миръ выше всего и невозможную теорію de la non intervention ключемъ свода, не мѣшала Гизо запятнать Францію своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Португаліи и въ дѣла Швейцаріи".

Нужно, однако, замѣтить, что настоящее зерно буржуазіи составляли банкиры, биржевые и желѣзнодорожные воротилы, владѣльцы каменноугольныхъ копей и мѣстъ добыванія разныхъ рудъ; имъ вмѣстѣ съ наиболѣе крупными землевладѣльцами и принадлежало большинство въ палатѣ. Оппозиціонное меньшинство представляло собою промышленную буржуазію.

Въ сороковыхъ годахъ господствующій классъ болѣе всего страшила перспектива соціальной революціи Давая характеристику его настроенія, Гейне писалъ въ одной изъ своихъ газетныхъ корреспонденцій 1842 г., что буржуазія „не боится собственно республики, но она чувствуетъ инстинктивный страхъ предъ коммунизмомъ. Да, продолжаетъ онъ, французскую буржуазію не напугала бы республика прежняго сорта; ея не испугалъ бы даже маленькій робеспьеризмъ; она легко примирилась бы съ этою формою правленія и спокойно стояла бы на часахъ у Тюльери и охраняла бы его, не обращая вниманія на то, что, вмѣсто Людовика-Филиппа, въ немъ засѣдалъ бы какой-нибудь комитетъ общественнаго спасенія. Ибо буржуазія желаетъ прежде всего порядка и защиты существующаго права собственности, — желаніе, которому республика можетъ удовлетворять точно такъ же, какъ монархія. Но эти лавочники инстинктивно чувствуютъ, что въ настоящее время республика не могла бы уже быть представительницей принциповъ девятидесятыхъ годовъ, но что она сдѣлалась бы только формой, въ которой получило бы силу новое неслыханное господство пролетаріата со всѣми догматами общенія имуществъ. Эти лавочники — консерваторы вслѣдствіе внѣшней необходимости, а не внутренняго побужденія, и боязнь служитъ здѣсь поддержкою всѣхъ вещей". Гейне совершенно вѣрно писалъ, что

[1]) См. выше, стр. 166.

именно „этой боязни Людовикъ-Филиппъ обязанъ своими преданнѣйшими приверженцами, надежнѣйшими опорами своего трона. Чѣмъ сильнѣе дрожатъ опоры, прибавляетъ онъ, тѣмъ меньше шатается тронъ, и королю рѣшительно нечего бояться именно потому, что боязнь служитъ для него ручательствомъ безопасности. Гизо также держится вслѣдствіе страха,... несмотря на то, что господствующая партія буржуазіи, для которой онъ столько сдѣлалъ и дѣлаетъ, совсѣмъ не любитъ его". Дѣйствительно, Гизо совсѣмъ не пользовался популярностью среди самой буржуазіи, и это даже была одна изъ причинъ того, что за него особенно крѣпко держался Людовикъ-Филиппъ, любившій быть популярнѣе своихъ министровъ. Гизо отличался сухимъ, жесткимъ и надменнымъ нравомъ; противники его даже упрекали въ томъ, что онъ какъ бы нарочно гонялся за непопулярностью. Все его поведеніе показываетъ, что онъ бравировалъ ею съ величайшимъ упрямствомъ, противодѣйствуя всѣмъ новымъ требованіямъ французскаго общества. Строгому кальвинисту и прямолинейному доктринеру, какимъ былъ Гизо, совершенно были непонятны ни характеръ французскаго народа, живой и подвижной, ни новыя общественныя стремленія, въ которыя вносилось столько страсти. Мало-по-малу Гизо вообразилъ, что въ его системѣ заключается все спасеніе Франціи, и что система эта совершенно безъ него немыслима. Въ послѣднемъ ему удалось убѣдить поддерживавшее его большинство палатъ, хотя онъ обращался и къ другимъ средствамъ, чтобы привязать къ себѣ это большинство: недаромъ его обвиняли въ томъ, что онъ, подобно Вальполю [1]), прибѣгалъ къ подкупамъ. Людовикъ-Филиппъ тоже считалъ Гизо необходимымъ потому, что, въ сущности, заставлялъ этого непреклоннаго и высокомѣрнаго человѣка исполнять то, что входило въ его собственные планы. Разъ достигнувъ власти, Гизо держался за нее необыкновенно крѣпко. Еще въ началѣ 1840 г., сравнивая Тьера и Гизо, Гейне очень остроумно замѣтилъ, что первый изъ нихъ весьма расторопно и ловко умѣетъ взлѣзать на мачту власти, но еще искуснѣе и граціознѣе умѣетъ съ нея спускаться, вызывая аплодисменты зрителей, тогда какъ Гизо въ этомъ отношеніи далеко остается позади Тьера. „Господинъ Гизо не такъ искусно взлѣзаетъ на гладкую мачту. Онъ взбирается на нее неловко и съ большимъ трудомъ, но разъ взобравшись, крѣпко цѣпляется за верхушку своею сильною лапой. На вершинѣ власти онъ будетъ всегда держаться дольше своего ловкаго соперника. Я готовъ даже сказать, прибавляетъ Гейне, что онъ не сумѣетъ самъ слѣзть оттуда и что для того, чтобы помочь ему, нужно будетъ сильно

[1]) См. т. III, стр. 65.

пошатнуть мачту". Эти слова нѣмецкаго поэта были по отношенію къ Гизо настоящимъ пророчествомъ. „Теперь, писалъ онъ еще въ 1843 г., Гизо—вѣрный слуга господствующей буржуазіи, и нося въ душѣ непоколебимость герцога Альбы, будетъ защищать буржуазію до послѣдней минуты съ неумолимой послѣдовательностью". Впослѣдствіи самъ Гизо въ своихъ мемуарахъ объяснялъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старался оправдать свою политику. По его словамъ, съ 1840 по 1848 г. Франція жила подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ идей, „которыя подъ разными наименованіями возводились въ основной догматъ республиканцами, демократами, соціалистами, коммунистами, позитивистами, политическими партіями, философскими группами, тайными обществами, отдѣльными писателями, всѣми противниками установленнаго правительства, наперерывъ распространявшими ихъ въ обществѣ. Противъ этихъ-то непріязненныхъ намъ силъ, говоритъ Гизо, мы и должны были защищать въ 1840 году общество и правительство, несмотря на существованіе и упроченіе внѣшняго порядка". Онъ прибавляетъ къ этому, что въ этой борьбѣ онъ не сходилъ съ почвы законности, хотя и не умалчиваетъ, что часто прибѣгалъ къ репрессіи. Дѣйствительно, въ министерство Гизо и палаты принимали репрессивныя мѣры, и правительство часто возбуждало судебныя преслѣдованія по дѣламъ печати,—оканчивавшіяся, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что присяжные оправдывали подсудимыхъ.

Людовикъ-Филиппъ вполнѣ оцѣнилъ качества своего министра, хотя ему и не нравилось, что министръ говорилъ съ нимъ не иначе, какъ наставительнымъ тономъ. Въ 1846 г. онъ писалъ своему зятю, бельгійскому королю Леопольду, что трудно найти было бы другого такого человѣка, какъ Гизо. Другіе политическіе дѣятели смѣлы и храбры, пока находятся въ оппозиціи, а чуть только попадаютъ въ министерство, какъ тотчасъ же предоставляютъ королю выпутываться самому. Для Людовика-Филиппа это былъ дѣйствительно драгоцѣнный человѣкъ.

Король видимо старѣлъ и дѣлался все болѣе и болѣе упрямымъ. Задачею своей политики онъ поставилъ охраненіе существующаго порядка и не хотѣлъ итти ни на какія уступки. Подъ конецъ онъ даже прямо заявлялъ, что, пока онъ живъ, никакихъ перемѣнъ не будетъ. Одною изъ постоянныхъ его заботъ было упрочить на французскомъ престолѣ свою династію. Но въ 1842 г. его постигло большое горе: его старшій сынъ, герцогъ Орлеанскій, сумѣвшій пріобрѣсти себѣ нѣкоторую популярность, умеръ отъ несчастнаго случая, бывшаго съ нимъ неподалеку отъ Парижа во время одной изъ поѣздокъ его въ Нельи. Лошади чего-то испугались и понесли, герцогъ выпрыгнулъ изъ экипажа, но при этомъ расшибся на смерть. Послѣ

него осталось двое сыновей, изъ которыхъ старшему, графу Парижскому, было только четыре года, и поэтому пришлось назначать регентство на случай вступленія на престолъ малолѣтняго короля. Для іюльской монархіи это было большимъ ударомъ. Между тѣмъ въ своей собственной семьѣ Людовикъ-Филиппъ не встрѣчалъ одобренія своей политикѣ, хотя ему и не всегда рѣшались высказывать это. Сама королева начала наконецъ говорить ему, что нужно сдѣлать уступку общественному мнѣнію и распроститься съ непопулярнымъ министромъ. Но Людовикъ-Филиппъ все болѣе и болѣе утверждался въ той мысли, что министерство Гизо должно и впредь управлять Франціей. Одинъ изъ сыновей короля, принцъ Жуанвильскій, писалъ своему брату, герцогу Немурскому, въ ноябрѣ 1847 года письмо, наполненное тревожными предчувствіями. „Я начинаю сильно безпокоиться, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, ибо насъ ведутъ къ революціи... Общество, конечно, обратитъ вниманіе на то, что, по моему мнѣнію, въ высшей степени опасно для правительства, именно на вліяніе, оказываемое на всѣ дѣла нашимъ отцомъ. Мудрено, чтобы палата во время своихъ преній не коснулась ненормальнаго положенія дѣлъ, уничтожившаго конституціонную фикцію и возложившаго на короля отвѣтственность по всѣмъ разсматриваемымъ вопросамъ. Министровъ больше нѣтъ; отвѣтственность ихъ доведена до нуля; король достигъ такого возраста, когда человѣкъ не хочетъ выслушивать никакихъ замѣчаній: онъ привыкъ управлять и любитъ показывать, что управляетъ онъ". Письмо это содержало въ себѣ критику и внѣшней политики. Франція должна была въ угоду Австріи „исполнять роль жандарма въ Швейцаріи и душителя въ Италіи собственныхъ же своихъ принциповъ и своихъ естественныхъ союзниковъ". Герцогъ Немурскій, которому было адресовано это письмо, былъ назначенъ регентомъ на случай кончины короля, но былъ весьма непопуляренъ. Зато принцъ Жуанвильскій и немного его старшій герцогъ Омальскій, раздѣлявшій опасенія своего брата, пользовались любовью и уваженіемъ, особенно въ арміи и флотѣ. Подозрѣвая настоящіе взгляды принцевъ, старый король сталъ даже бояться, какъ бы ихъ салоны не сдѣлались очагами оппозиціи, и удалилъ ихъ обоихъ въ Африку, назначивъ герцога Омальскаго генералъ-губернаторомъ Алжира. Въ концѣ концовъ, Людовикъ-Филиппъ сталъ обнаруживать даже еще бо̀льшее упорство, чѣмъ его министръ. По крайней мѣрѣ, Гизо разсказываетъ, что въ концѣ 1847 г. онъ заговорилъ было съ королемъ о томъ, что, быть можетъ, онъ вынужденъ будетъ перемѣнить кабинетъ и что сдѣлать это было бы гораздо лучше изъ предосторожности, нежели будучи вынужденнымъ къ тому необходимостью. Людовикъ-Филиппъ отвѣчалъ на это самымъ рѣшитель-

нымъ образомъ, что не пойдетъ ни на какія уступки, пока его министерство имѣетъ за себя большинство народнаго представительства.

И король, и министръ старались соблюдать внѣшнія формы конституціи. Гизо все время имѣлъ на своей сторонѣ парламентское большинство: выборы 1842 и 1846 г. посылали въ палату сторонниковъ министерства. Но это большинство было на самомъ дѣлѣ искусственнымъ. Подкупались избиратели, подкупались и депутаты. Правительство раздавало мѣста, пенсіи, концессіи, подряды и т. д. до казенныхъ табачныхъ лавочекъ включительно, а затѣмъ и сами депутаты давали охотно избирателямъ обѣщанія на счетъ разныхъ мѣстныхъ благополучій (дорогъ, казармъ, школъ и т. п.). Все это дѣлалось открыто, и самъ Гизо, напримѣръ, говорилъ своимъ избирателямъ, что если онъ имъ за свое избраніе обѣщаетъ дорогу или мостъ, церковь или школу, то это вовсе не значитъ, что онъ ихъ хочетъ подкупить. Гизо даже утверждалъ, что „злоупотребленіе вліяніемъ“, какъ онъ предлагалъ называть случаи, у другихъ слывшіе за подкупы, „присуще нѣкоторымъ образомъ всѣмъ свободнымъ странамъ“. Въ избраніи депутата, угоднаго властямъ, а потому и могущаго доставить выгоды своимъ избирателямъ, онъ видѣлъ „обмѣнъ услугъ между избирателемъ и депутатомъ“, „своего рода патронатъ, которому слѣдуетъ скорѣе радоваться, чѣмъ жаловаться на него“. Дѣло дошло до того, что чуть не половина всего числа депутатовъ занимала разныя должности на государственной службѣ; понятно, что такіе депутаты-чиновники не могли быть независимыми отъ правительства. Наконецъ, о системѣ подкуповъ громко заговорили, какъ о всеобщемъ злѣ. Между прочимъ Ламартинъ на одномъ банкетѣ 1847 г., устроенномъ въ его честь по поводу выхода въ свѣтъ „Исторіи жирондистовъ“ [1]), прямо обвинялъ королевскую власть въ томъ, что она стремится „превратить націю гражданъ въ толпу барышниковъ“, и пророчилъ гибель этой власти. „И послѣ того, сказалъ онъ, какъ мы имѣли революцію свободы и контръ-революцію славы, мы переживемъ еще революцію общественной совѣсти и революцію презрѣнія“. Нечистыя дѣла стали дѣлаться предметомъ судебнаго разбирательства. На свѣтъ божій начали всплывать скандальные факты казнокрадства, продажности, безчестныхъ сдѣлокъ. Одно за другимъ открывались злоупотребленія въ разныхъ военныхъ учрежденіяхъ, въ арсеналахъ, магазинахъ, интендантствѣ. Въ 1847 г. на скамью подсудимыхъ попали и были признаны виновными въ мошенничествѣ два члена палаты перовъ, бывшіе министры (Кюбьеръ и Тестъ). Талантливый журналистъ Эмиль де Жирарденъ ежедневно печаталъ въ своей газетѣ

[1]) См. выше, стр. 326.

(La Presse), что министръ внутреннихъ дѣлъ Дюшатель принялъ участіе въ сдѣлкѣ, по которой основатель одного театра за разрѣшеніе заплатилъ сто тысячъ франковъ, которые пошли на субсидію новой министерской газетѣ, издававшейся Гранье де Кассаньякомъ. Система подкуповъ распространялась и на печать, которая должна была поддерживать министерство. Такъ какъ правительство не привлекло Жирардена къ суду за клевету, никто не сомнѣвался, что онъ говоритъ правду. Вскорѣ тотъ же журналистъ печатно заявилъ, что ему извѣстенъ случай обѣщанія правительствомъ одному лицу званія пера за 80 т. франковъ. Въ палатѣ депутатовъ, членомъ которой былъ Жирарденъ, и въ палатѣ перовъ, суду которой онъ былъ преданъ, между нимъ и Гизо съ Дюшателемъ произошли неприличныя сцены взаимнаго обвиненія въ непорядочности и лжи, и хотя оппозиція требовала назначить слѣдствіе по этому дѣлу, правительственное большинство объявило, что оно вполнѣ удовлетворено объясненіями министерства.

Такое народное представительство, какимъ были французскія палаты сороковыхъ годовъ, не могло стоять на высотѣ своей законодательной задачи. Мы уже видѣли, что и въ первое десятилѣтіе іюльской монархіи въ законодательной дѣятельности палатъ господствовалъ застой, составлявшій такой контрастъ съ оживленіемъ законодательной дѣятельности англійскаго парламента [1]). Читая историковъ іюльской монархіи, слѣдящихъ за работами отдѣльныхъ сессій палатъ, мы постоянно встрѣчаемся съ отмѣтками, что такая-то сессія была безплодна или очень незначительна по своимъ результатамъ. Время уходило главнымъ образомъ на парламентскіе турниры, на борьбу партій, для которой обильную пищу доставляла внѣшняя политика. Впрочемъ, конечно и внутренняя политика министерства также давала оппозиціи постоянные поводы для критики; только критика эта равнымъ образомъ не давала никакихъ ощутительныхъ результатовъ, такъ какъ Гизо отнюдь не думалъ измѣнять свою систему. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ законахъ, изданныхъ въ 1840—1848 гг. Въ сороковыхъ годахъ во Франціи было предпринято не мало общественныхъ работъ, которыя независимо отъ своей важности интересовали буржуазію и потому, что многимъ давали случай пристроиться къ выгодному дѣлу. Таковы были, напримѣръ, укрѣпленія Парижа, предпринятыя еще въ предыдущій періодъ [2]). Далѣе, въ эту эпоху во Франціи происходила усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, равнымъ образомъ сильно привлекавшая къ себѣ

---

[1]) См. выше, гл. X.

[2]) См. выше, стр. 133—134.

вниманіе палаты. Существовала мысль о необходимости взять это дѣло на себя государству, но палаты были противъ этого, и постройка желѣзныхъ дорогъ велась акціонерными компаніями, которымъ предоставлялось право заключать займы съ гарантіей государства. Особенно важенъ былъ законъ 1842 г., который привлекалъ къ расходамъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ заинтересованные этимъ общины и департаменты, а также частью и государственную казну. Это было весьма выгодно для акціонерныхъ компаній, и отъ 1842 по 1848 гг. было построено громадное количество желѣзнодорожныхъ линій. Рискъ предпріятій подобнаго рода брало на себя государство, барыши шли въ карманъ акціонеровъ, а называлось это—„поощреніемъ духа предпріимчивости и содѣйствіемъ промышленности“. Тѣ же самыя лица, которыя въ качествѣ законодателей рѣшали вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ въ палатѣ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и акціонерами желѣзнодорожныхъ компаній. Другимъ видомъ легкой наживы были государственные займы. Іюльская монархія вела свои финансовыя дѣла съ постоянными дефицитами, требовавшими частыхъ займовъ, а это выдвигало на первый планъ банкировъ и биржевиковъ: какъ правительство, такъ и депутаты очень хорошо знали, какими путями можно было извлекать выгоды изъ разныхъ денежныхъ операцій на счетъ мелкихъ капиталистовъ, обращавшихъ свои сбереженія въ процентныя бумаги. Сами дефициты были результатомъ того, что въ послѣдніе годы царствованія Людовика-Филиппа государство несло чрезвычайныхъ расходовъ вдвое больше, чѣмъ при Наполеонѣ. Менѣе всего было сдѣлано въ фабричномъ законодательствѣ, такъ какъ въ этой области все сводится къ закону 1841 г. о дѣтскомъ трудѣ, разсмотрѣнному нами въ другомъ мѣстѣ [1]). Если въ какомъ-либо отношеніи министерство Гизо и принимало на себя иниціативу особенно важныхъ законовъ, то это касается области народнаго просвѣщенія. Какъ бывшій профессоръ, который и послѣ своего паденія въ 1848 г. вернулся къ научнымъ занятіямъ, Гизо еще въ тридцатыхъ годахъ положилъ начало цѣлой системѣ первоначальнаго образованія во Франціи [2]). Въ сороковыхъ годахъ во Франціи много волновались по поводу системы средняго образованія. Въ другомъ мѣстѣ мы уже говорили, что въ эпоху іюльской монархіи духовенство во Франціи добивалось свободы преподаванія для того, чтобы забрать въ свои руки среднія школы [3]). Гизо по этому вопросу пришлось столкнуться съ клерикальною партіей, руководимой іезуитами, противъ которой

---

[1]) См. выше, стр. 224.
[2]) См. выше, стр. 267, прим.
[3]) См. выше, стр. 194—195.

въ это время боролись въ литературѣ и такіе люди, какъ Мишле и Кине. Правительство не хотѣло допустить, чтобы іезуитскій орденъ, существовавшій во Франціи противъ всякихъ законовъ, захватилъ въ свои руки среднее образованіе, а у Гизо, какъ кальвиниста, было и чисто протестантское нерасположеніе къ духовнымъ конгрегаціямъ; такъ какъ, однако, онъ все-таки боялся прійти въ слишкомъ рѣзкое столкновеніе съ католическою церковью, то готовъ былъ оказывать нѣкоторую снисходительность къ духовенству, за что подвергался нападенію со стороны оппозиціи. Такъ какъ раздраженіе противъ іезуитовъ было особенно сильно, то Гизо вступилъ въ переговоры съ папою по вопросу объ уничтоженіи ордена іезуитовъ во Франціи, причемъ папѣ давалось понять, что это будетъ необходимо для спасенія во Франціи другихъ религіозныхъ конгрегацій. Григорій XVI уступилъ и согласился на то, чтобы французскіе іезуиты сами закрыли свои учрежденія и удалились изъ страны (1845). Замѣчательно, однако, что и въ этомъ вопросѣ Гизо старался охранять консервативные интересы, напримѣръ, всячески смягчая мѣры, вызывавшіяся этою своеобразною борьбою церкви и государства. Особеннаго вліянія на ходъ событій во Франціи эта борьба, впрочемъ, не имѣла. Она заслуживаетъ быть отмѣченною только какъ одинъ изъ эпизодовъ общаго столкновенія клерикальной партіи съ свѣтскимъ обществомъ, характеризующаго эти годы и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ.

Въ свое министерство Гизо пришлось выдержать вообще не мало сильныхъ парламентарныхъ бурь со стороны оппозиціи, руководимой такими парламентскими бойцами, какъ Тьеръ, Одилонъ Барро и др. Независимая печать тоже доставляла Гизо не мало непріятностей, и министерство пользовалось всякимъ случаемъ, когда представлялась возможность привлекать газеты къ суду. Поводы къ этому представлялись между прочимъ благодаря тому, что оппозиціонныя газеты задѣвали самого короля, вліяніе котораго на политику министерства всѣми хорошо чувствовалось и сознавалось. Правительство какъ бы совсѣмъ не обращало вниманія на то, что чѣмъ больше возбуждало оно судебныхъ преслѣдованій противъ печати, тѣмъ чаще присяжные выносили оправдательные приговоры подсудимымъ. Неудачными преслѣдованіями министерство себя дискредитировало, а газеты дѣлались только смѣлѣе. Самъ Людовикъ-Филиппъ прямо подвергался нападеніямъ. Въ 1841 г. одна легитимистская газета опубликовала весьма неудобныя для короля письма, написанныя имъ во времена эмиграціи; затѣмъ и другая газета напечатала письма Людовика-Филиппа, написанныя имъ уже послѣ 1830 г., въ которыхъ король раскрывалъ свою антиреволюціонную политику. До сихъ поръ не рѣшено, были ли эти послѣднія письма подлинными или подлож-

ными, но въ обществѣ имъ повѣрили, и правительство сочло нужнымъ подвергнуть газету, ихъ напечатавшую, судебному преслѣдованію, обвинивъ ее въ оскорбленіи величества. Во время процесса адвокатъ, защищавшій газету, доказывалъ подлинность писемъ, ссылаясь на то, что ихъ содержаніе соотвѣтствуетъ мнѣніямъ Людовика-Филиппа, и проводилъ еще ту мысль, что редакція дѣйствовала вполнѣ добросовѣстно, а потому личности короля никакого оскорбленія нанесено не было. Голоса присяжныхъ раздѣлились пополамъ, и газета была оправдана. Это, однако, не прекратило газетной полемики по поводу обнародованныхъ писемъ, и самъ Гизо вынужденъ былъ о нихъ говорить съ трибуны въ виду петиціи 5.000 парижскихъ гражданъ, внесенной въ палату. Къ тому же 1841 году относится другой инцидентъ. Газета „National“ напечатала статью, въ которой нападала на Тьера и Гизо, дерущихся за раздѣлъ добычи и готовыхъ продать другъ друга. Но, прибавлялось въ статьѣ, настоящіе виновники не они: „Главный виновникъ? О, мы знаемъ хорошо, кто онъ и гдѣ онъ! Франція также знаетъ его, а потомство громко провозгласитъ его имя!“ Газета была предана суду, и прокуроръ доказывалъ, что въ статьѣ рѣчь шла о королѣ и что такимъ образомъ ему было нанесено оскорбленіе. Присяжные оправдали „National“, и на другой день газета прямо объявила, что она дѣйствительно имѣла въ виду короля и что отрицать это было бы оскорбительно для здраваго смысла и ума присяжныхъ. Тогда министерство начало противъ газеты новый процессъ, который окончился опять ея оправданіемъ. Эти случаи могутъ служить примѣромъ того, какъ неудачны были иногда попытки министерства заставить молчать оппозиціонную прессу. Особенно много вредила правительству газета Эмиля-де-Жирардена, „La Presse“, сначала державшаяся политики Гизо, но въ концѣ перешедшая на сторону его ярыхъ враговъ. Де-Жирардену, какъ мы видѣли, тоже приходилось подвергаться преслѣдованію и его оправдывали [1]). Это, впрочемъ, даетъ мѣру и той свободы, какою пользовалась во Франціи печать въ сороковыхъ годахъ [2]).

Главнымъ политическимъ вопросомъ за весь этотъ періодъ была политическая реформа, которая распадалась на двѣ части. Съ одной стороны, оппозиція требовала исключенія изъ палаты или, по крайней мѣрѣ, сокращенія числа депутатовъ, которые въ то же время занимали разныя мѣста на государственной службѣ. Это была парламент-

[1]) См. выше, стр. 462.

[2]) За все это время дѣйствовалъ во Франціи законъ 1835 г., который былъ изданъ послѣ ліонскаго и парижскаго возстаній и покушенія Фіески. Онъ не вводилъ цензуры и предварительнаго разрѣшенія и оставлялъ судъ присяжныхъ, но умножалъ число преступленій и проступковъ и усиливалъ налагаемыя за нихъ наказанія.

ская реформа въ собственномъ смыслѣ, и съ 1830 по 1847 г. предложенія въ указанномъ смыслѣ вносились въ палату восемнадцать разъ. Съ другой стороны, въ сороковыхъ годахъ трижды вносилось предложеніе объ избирательной реформѣ, т.-е. о расширеніи избирательнаго права. Въ 1830 г. число избирателей опредѣлялось въ 200.000, въ 1847 г. оно доходило уже до 241.000, благодаря развитію благосостоянія въ среднихъ классахъ общества. Между тѣмъ общественное мнѣніе еще въ первые годы послѣ іюльской революціи требовало пониженія ценза и замѣны его въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, предполагающимъ извѣстное умственное развитіе (такъ называемыя capacités, напримѣръ, профессора, врачи, адвокаты, нотаріусы и др. представители либеральныхъ профессій). Вопросъ о положеніи чиновниковъ въ палатѣ и вопросъ о расширеніи избирательнаго права то ставились отдѣльно, то соединялись между собою, да и относительно избирательнаго права и въ обществѣ, и въ печати существовали разныя мнѣнія, какъ это, впрочемъ, было и въ Англіи въ эпоху борьбы за парламентскую реформу [1]). Демократическая партія ставила вопросъ вполнѣ послѣдовательно въ смыслѣ введенія во Франціи всеобщаго избирательнаго права. Это особенно пугало господствующую буржуазію, и она не хотѣла дѣлать никакихъ уступокъ, боясь, что всякая уступка будетъ только первымъ шагомъ къ введенію всеобщей подачи голосовъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ самой палатѣ даже представители радикальной партіи не шли дальше пониженія ценза до 50 франковъ. Любопытно, что за всеобщую подачу голосовъ стояли легитимисты, надѣявшіеся, конечно, что громадное большинство сельскихъ избирателей будетъ подавать голоса по указанію духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ. Сдѣлавшаяся слишкомъ очевидною система подкуповъ представляла, конечно, весьма сильный аргументъ (какъ это было и въ Англіи) въ пользу реформы выборовъ. При высокомъ избирательномъ цензѣ бывали случаи, что цѣлый избирательный округъ представлялся какими-нибудь 150—200 избирателями,— весьма удобная почва для подкупа самихъ избирателей и продажности выбраннаго ими депутата. О расширеніи избирательнаго права въ палаты поступали не разъ петиціи изъ разныхъ мѣстностей Франціи, но впервые вопросъ объ этомъ былъ поставленъ на очередь лишь въ 1840 г.

Первымъ, кто выступилъ съ предложеніемъ реформы выборовъ въ началѣ сессіи, открывшейся въ самомъ концѣ 1839 г., былъ Одилонъ Барро, который въ данномъ случаѣ явился только вырази-

---

[1]) См. выше, стр. 75 и слѣд.

телемъ движенія, зарождавшагося въ самомъ обществѣ, такъ какъ въ 1839 г. сильно умножилось число петицій и стали образовываться особые комитеты для пропаганды и организаціи избирательной реформы. Къ началу 1840 г. относятся и первые банкеты, спеціально устраивавшіеся въ видѣ манифестацій въ пользу реформы. Одновременно депутатъ Гогье, уже раньше говорившій о необходимости воспрепятствовать наполненію палаты чиновниками, поставилъ на очередь и этотъ послѣдній вопросъ. Всѣ подобныя предложенія отвергались большинствомъ палаты, хотя и не особенно значительнымъ. Въ 1842 г. противъ реформы подано было 198 голосовъ, за реформу—190. Не вполнѣ полагаясь и по другимъ причинамъ на палату, въ которой оппозиція имѣла такую силу, Гизо распустилъ ее, но и новая палата не дала министерству такого большинства, какого оно хотѣло бы. Только выборы 1846 г. доставили ему рѣшительное большинство; напримѣръ, при вотированіи адреса въ началѣ сессіи 1847 г. министерство одержало блестящую побѣду, имѣя на своей сторонѣ 248 голосовъ противъ 84 [1]). И въ этой палатѣ возобновлялся вопросъ о реформѣ, но былъ отвергнутъ по требованію Гизо. Предложеніе было сдѣлано Дювержье де Горанномъ, опубликовавшимъ предварительно брошюру, въ которой онъ указывалъ на то, что нужно спасти представительное правленіе отъ угрожающей его существованію системы подкуповъ. Планъ его отличался умѣренностью, и авторъ самъ отмѣчалъ это обстоятельство: цензъ предполагалось понизить до ста франковъ, дать право избранія представителямъ либеральныхъ профессій (capacités), которые могли быть присяжными, а если бы число избирателей въ данномъ округѣ не доходило до цифры 400, то она должна была бы пополняться лицами, платящими и меньше ста франковъ прямыхъ налоговъ (изъ тѣхъ, которые платятъ наибольшій налогъ). Гизо лично опровергалъ необходимость реформы, пуская въ ходъ весьма сомнительные аргументы въ родѣ неизбѣжности „злоупотребленія вліяніемъ“ [2]). Онъ ссылался и на то, что вслѣдствіе роста налоговъ и накопленія богатствъ число избирателей возрастетъ само собою. „Да и къ чему, спрашивалъ онъ, хлопотать объ увеличеніи этого числа? Въ чемъ цѣль законодателя, когда онъ издаетъ избирательный законъ, чего онъ хочетъ достигнуть? Только того, чтобы всѣ интересы были представлены и поставлены подъ надежную защиту. Между тѣмъ, продолжалъ онъ, со времени уничтоженія привилегированныхъ классовъ, никакихъ отдѣльныхъ интересовъ въ

[1]) Въ маѣ 1847 г. Гизо, какъ было сказано выше (стр. 258), сдѣлался и по имени главою кабинета.

[2]) См. выше, стр. 461.

обществѣ не существуетъ: у двухсотъ тысячъ избирателей тѣ же интересы, что и у всѣхъ другихъ гражданъ“ [1]). Поэтому онъ и не видѣлъ никакой необходимости въ расширеніи избирательнаго права и „какъ ни старался онъ, по собственнымъ его словамъ, понять предложеніе Дювержье де Горанна“, оно представлялось ему „не болѣе, какъ махинаціей“ партій и пустою фантазіей. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Дюшатель, тоже принимавшій дѣятельное участіе въ преніяхъ, говорилъ, что реформистамъ нечего ссылаться на примѣръ Англіи 1832 г.: „гдѣ тѣ тысячи петицій, которыя привозились на телѣгахъ въ англійскій парламентъ? „Во Франціи нѣтъ ничего подобнаго. Здѣсь реформы требуетъ лишь кучка людей, а нація совсѣмъ равнодушна къ проекту, который „не болѣе, какъ спекуляція честолюбцевъ, желающихъ сдѣлаться министрами“. Въ видѣ послѣдняго аргумента министры заявили, что въ случаѣ враждебнаго имъ вотума они сочтутъ своею обязанностью выйти въ отставку. Палата большинствомъ 252 голосовъ противъ 154 отвергла разсмотрѣніе предложенія. Такую же судьбу испытало и предложеніе Ремюза о депутатахъ-чиновникахъ: оно было отвергнуто 219 голосами противъ 170. Видя, что обыкновеннымъ путемъ реформы не добьешься, оппозиціонные депутаты рѣшились дѣйствовать на общественное мнѣніе путемъ политическихъ банкетовъ. Это было средство, практиковавшееся и раньше: въ царствованіе Людовика-Филиппа къ нему прибѣгали довольно часто разныя партіи, но теперь оно получило новое значеніе. Дюшатель спрашивалъ, гдѣ же тысячи петицій о реформѣ, которыя привозились въ англійскій парламентъ, и вотъ оппозиція рѣшилась обратиться къ банкетамъ, дабы показать, что страна дѣйствительно желаетъ реформы. Первый такой банкетъ былъ данъ въ Парижѣ 9 іюля 1847 г., и примѣру столицы скоро послѣдовала провинція.

Въ этой агитаціи приняли участіе разныя фракціи тогдашней оппозиціи, хотя и не всѣ. Именно легитимисты, желавшіе гибели іюльскому трону, отнюдь не думали поддерживать реформу, которая, по господствовавшему тогда мнѣнію, имѣла бы своимъ результатомъ упроченіе существующаго порядка вещей. Иниціатива агитаціи принадлежала такъ называемой династической лѣвой, руководимой Одилономъ Барро [2]), а она прямо заявляла, что ею защищается „реформа во избѣжаніе революціи“. Этотъ лозунгъ не нравился, съ другой стороны, и крайнимъ республиканцамъ, органомъ которыхъ была газета съ соціали-

[1]) Въ своей знаменитой „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ“ Гизо уже ранѣе проводилъ ту мысль (страшно невѣрную), будто съ паденіемъ феодальныхъ привилегій и сословнаго строя исторія знаетъ только двѣ силы: правительство и народъ.

[2]) Ср. выше, стр. 256.

стическимъ оттѣнкомъ „La Réforme“ [1]), и они даже упрекали чисто политическихъ радикаловъ, державшихся идей „National'я“, въ томъ, что тѣ идутъ заодно съ династической лѣвой. Но если партія Одилона Барро стояла за „реформу во избѣжаніе революціи“ и думала именно преобразованіями предупредить переворотъ, то республиканцы, наоборотъ, въ агитаціи во имя реформы видѣли удобное средство для того, чтобы вызвать переворотъ. И вотъ даже тѣ изъ нихъ, которые первоначально не хотѣли принимать участія въ банкетахъ, впослѣдствіи, когда увидѣли, что агитація вызываетъ въ народѣ сильное броженіе, рѣшили, что и имъ нужно присоединиться къ политической лѣвой. Присоединились къ кампаніи и многіе члены лѣваго центра, руководимаго Тьеромъ. Послѣдній лично отказался принять участіе въ движеніи. Повидимому, ему желательны были результаты всего этого похода на правительство, но онъ не хотѣлъ ни рисковать, ни брать на себя отвѣтственность. Такъ объясняетъ дѣло, напримѣръ, Токвиль, который тоже держался въ сторонѣ. Въ своихъ мемуарахъ онъ объясняетъ свое собственное поведеніе тѣмъ, что въ первый разъ послѣ восемнадцатилѣтняго перерыва оппозиція обращалась непосредственно къ народу, но онъ сначала не думалъ, чтобы народъ поднялся, а въ такомъ случаѣ оппозиція, потерпѣвъ неудачу, только укрѣпила бы правительственную партію; потомъ же, когда его мнѣніе на этотъ счетъ стало измѣняться, онъ воздерживался отъ участія въ агитаціи, находя, что совершенно нельзя было предвидѣть, чѣмъ бы все это кончилось. Мало-по-малу онъ сталъ ясно понимать, что дѣло шло къ катастрофѣ, и только удивлялся какимъ образомъ и та часть оппозиціи, которая вовсе не хотѣла революціи, и само правительство могли относиться такъ спокойно къ тому, что происходило въ странѣ. Онъ даже предупреждалъ нѣкоторыхъ своихъ друзей объ опасности положенія, но они смотрѣли на него, какъ на алармиста. Ну, что же, возражали ему, если правительство будетъ упорствовать, то, конечно, возможна будетъ и уличная борьба,—не предвидѣть ея было бы невозможно,—но правительство скорѣе должно было бы ея желать, чѣмъ ея бояться, потому что оно знаетъ хорошо, что побѣда будетъ на его сторонѣ. 29 января 1848 г. Токвиль произнесъ даже рѣчь въ палатѣ депутатовъ на ту тему, что палата располагается почивать на вулканѣ. „Вспомните, говорилъ онъ между прочимъ, — вспомните старую монархію. Вѣдь она была покрѣпче васъ, покрѣпче своимъ происхожденіемъ: она имѣла лучшую, чѣмъ вы, опору въ вѣковыхъ обычаяхъ, въ старыхъ нравахъ, въ вѣковыхъ вѣрованіяхъ. Да, она была покрѣпче васъ, и однако, она разсыпалась

[1]) См. выше, стр. 304—305.

въ прахъ. А почему это произошло?... Потому, что управлявшій тогда классъ вслѣдствіе своего легкомыслія, своего эгоизма, своихъ пороковъ сдѣлался неспособнымъ и недостойнымъ управлять... А вы развѣ не чувствуете—какъ бы точнѣе выразиться?—не чувствуете въ воздухѣ какого-то дуновенія революціи?.. И въ такія-то времена вы остаетесь спокойными, видя полное паденіе политическихъ нравовъ, ибо слово это соотвѣтствуетъ вещи!... Я глубоко и безповоротно убѣжденъ въ томъ, что политическая нравственность падаетъ, и что это паденіе политическихъ нравовъ приведетъ васъ въ скоромъ времени,—даже въ очень, быть можетъ, близкомъ времени—къ новымъ переворотамъ... Развѣ вы можете знать, что̀ будетъ дѣлаться во Франціи черезъ годъ, черезъ мѣсяцъ, быть можетъ, черезъ одинъ день? Вы вѣдь не знаете этого, но что̀ вамъ должно быть извѣстно, такъ это то, что грозовая туча уже на горизонтѣ, что она надвигается на васъ". Приводя эту рѣчь въ своихъ посмертныхъ „Воспоминаніяхъ", Токвиль прибавляетъ, что „эти мрачныя предсказанія были встрѣчены большинствомъ съ насмѣшливымъ хохотомъ", и что „если оппозиція сильно аплодировала, то не по убѣжденію, а просто изъ партійности". Никто, продолжаетъ онъ, не вѣрилъ въ возможность переворота. „Уже сколько лѣтъ большинство чуть не каждый день твердило, что оппозиція подвергаетъ общество опасности, а оппозиція постоянно повторяла, что министры губятъ монархію. Обѣ стороны, замѣчаетъ еще Токвиль, столько разъ утверждали это, сами тому не особенно вѣря, что наконецъ сами совсѣмъ перестали вѣрить въ ту самую минуту, когда событія оправдали и тѣхъ, и другихъ". Даже друзья Токвиля говорили ему, что онъ хватилъ черезъ край и пустился въ реторику. Самъ Токвиль признается, что онъ „не ожидалъ такой революціи, какую пришлось видѣть, да и кто, спрашиваетъ онъ, могъ ея ожидать? Я, замѣчаетъ онъ, видѣлъ яснѣе, чѣмъ кто-либо другой, общія причины, которыя подготовляли событіе, но я еще не видѣлъ обстоятельствъ, которыя должны были его ускорить" (les accidents qui allaient le précipiter).

Эти заявленія такого тонкаго наблюдателя, какимъ былъ Токвиль, весьма характерны: начиная агитацію за реформу, оппозиція вовсе не думала, чтобы могло дѣло кончиться революціей. То обстоятельство, что республиканцы сначала держались въ сторонѣ, не менѣе характерно. Еще за пять мѣсяцевъ до революціи Герценъ писалъ, что во Франціи многіе знали, чѣмъ они недовольны, но почти никто не зналъ, чѣмъ и какъ исправить положеніе, „ни даже соціалисты, прибавляетъ онъ, люди дальняго идеала, едва виднѣющагося въ будущемъ". Если кто и начиналъ, однако, тревожиться въ виду разыгрывавшихся событій, такъ это были вожди радикальной партіи, лучше знавшіе

настроеніе народа, но совсѣмъ не приготовившіеся къ тому, чтобы встрѣтить грядущія событія. Революція и ихъ застала врасплохъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы, непосредственно предшествовавшіе революціи 1848 г., особенно выдвинулись Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ. Первый изъ нихъ, когда-то (до 1843 г.) сторонникъ Гизо, обратилъ на себя вниманіе общества своей „Исторіей жирондистовъ“, а потомъ смѣлою рѣчью на одномъ изъ банкетовъ (въ Маконѣ 17 іюля 1847 г.), пророчески предсказывавшей Франціи „революцію презрѣнія“ [1]). Другой, Ледрю-Ролленъ, членъ палаты депутатовъ съ 1841 г., еще въ своей первой рѣчи передъ избирателями объявилъ себя республиканцемъ и говорилъ, что намѣренъ искать опоры не въ палатахъ, а въ народѣ, и только въ народѣ. За эту рѣчь онъ и издатель газеты, ее напечатавшей, тогда же подверглись уголовному преслѣдованію, но присяжные признали вину не въ произнесеніи этой рѣчи, а лишь въ ея обнародованіи, и Ледрю-Ролленъ былъ приговоренъ къ четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и къ уплатѣ 4 т. фр. штрафа. Этотъ приговоръ пошелъ, однако, въ кассаціонный судъ, который его отмѣнилъ, а новый составъ присяжныхъ оправдалъ подсудимаго. Попавъ въ палату, Ледрю-Ролленъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей демократической партіи; онъ нападалъ не только на правительство, но и на династическую лѣвую, требуя при каждомъ удобномъ случаѣ проведенія демократическихъ принциповъ. Не будучи соціалистомъ и даже прямо высказываясь противъ соціализма, онъ стоялъ тѣмъ не менѣе за самое широкое осуществленіе демократическихъ началъ и для пропаганды ихъ принялъ участіе въ основаніи радикальнаго органа „La Réforme“ (1843). Такъ какъ въ этой газетѣ сталъ работать Луи Бланъ, выступившій въ ней съ своей соціалистической программой, то многіе соціалисты видѣли въ Ледрю-Ролленѣ своего единомышленника. Когда началась компанія банкетовъ, онъ сначала сторонился отъ этого движенія.

Первый банкетъ (въ Шато-Ружъ въ Парижѣ) состоялся 9 іюля, и за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ банкетовъ въ другихъ городахъ (напр., въ Маконѣ 17 іюля), и лишь черезъ четыре мѣсяца (7 ноября въ Лиллѣ). Ледрю-Ролленъ примкнулъ къ этой агитаціи. При первой же встрѣчѣ между Одилономъ Барро и Ледрю-Ролленомъ произошла размолвка, и сторонники послѣдняго стали устраивать свои особые банкеты. Ледрю-Ролленъ объѣхалъ нѣсколько городовъ и вездѣ говорилъ рѣчи. Въ Шалонѣ 18 декабря 1847 г. онъ провозгласилъ тостъ въ честь конвента, „спасшаго Францію отъ ига королей“. Сначала министерство давало полную свободу этой агитаціи, только

[1]) См. выше стр. 326—461.

осыпая сарказмами ихъ описанія въ своихъ газетахъ и даже противопоставляя династической оппозиціи радикальную партію, какъ болѣе заботящуюся о реальныхъ интересахъ народа. Нѣкоторые консерваторы встревожились и совѣтовали Гизо своевременною уступкою предотвратить возможность другой революціи, болѣе радикальной, но Гизо не хотѣлъ ничего слышать объ уступкахъ. Только передъ собраніемъ палатъ въ концѣ 1847 г. онъ самъ заговорилъ объ этомъ предметѣ съ королемъ, но и отъ него получилъ заявленіе, что никакихъ уступокъ сдѣлано не будетъ.

Послѣдняя законодательная сессія палатъ іюльской монархіи открылась 28 декабря 1847 г., за два мѣсяца до катастрофы. Въ своей тронной рѣчи Людовикъ-Филиппъ заявилъ между прочимъ о существованіи во Франціи „агитаціи, возбуждаемой враждебными или слѣпыми страстями“, а затѣмъ довольно ясно далъ понять, что никакихъ перемѣнъ не будетъ. Министерскія газеты комментировали рѣчь короля въ томъ же смыслѣ. Пренія по поводу адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь отличались большою страстностью. Въ палатѣ пэровъ даже высказано было однимъ членомъ желаніе, чтобы министры поскорѣе перешли съ своей скамьи на скамью подсудимыхъ. Въ палатѣ депутатовъ, гдѣ снова былъ поднятъ вопросъ о подкупахъ по поводу нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, пренія объ адресѣ продолжались чуть не цѣлый мѣсяцъ (съ 17 января по 12 февраля). и въ этотъ періодъ произнесено было не мало замѣчательныхъ рѣчей, бывшихъ какъ бы рядомъ обвинительныхъ актовъ противъ министерства Гизо и всей правительственной системы. Говорили Токвиль, Тьеръ, Ламартинъ, Одилонъ Барро, Дювержье де Гораннъ и др., разбирали и внутреннюю, и внѣшнюю политику Гизо, защищали банкетную агитацію, нападали на оскорбительное выраженіе тронной рѣчи. При вотированіи адреса, однако, министерство одержало побѣду. Во многихъ рѣчахъ говорилось, что оппозиція болѣе не намѣрена жаловаться большинству на министерство, а думаетъ жаловаться на большинство странѣ, стоящей внѣ и выше палаты. Банкетная агитація казалась теперь оппозиціи болѣе, чѣмъ необходимою. Во время преній по поводу адреса депутаты оппозиціи не разъ отстаивали право собраній, но министерство на этотъ разъ рѣшительно заявило, что такого права во Франціи не существуетъ. 19 января 1848 г. задумали-было устроить банкетъ избиратели 12 округа Парижа, но префектъ полиціи его запретилъ. Правительство рѣшилось положить конецъ агитаціи. Когда 12 февраля Гизо одержалъ побѣду въ палатѣ депутатовъ надъ оппозиціей, болѣе ста депутатовъ составили протестъ, который 14 февраля былъ напечатанъ во всѣхъ оппозиціонныхъ газетахъ.

Въ Парижѣ возбужденіе росло, но оппозиціонные депутаты старались успокоить народъ, въ то же время заявляя о необходимости устроить грандіозную манифестацію, спокойствіе которой должно было, какъ было сказано въ одной газетѣ, внушить ужасъ правительству: „нѣтъ, вы не увидите ни смутъ, ни безпорядковъ, ни кровавыхъ столкновеній; парижскому населенію не нужны битвы; оно знаетъ, что ему достаточно показаться, чтобы одержать надъ вами побѣду". Такою манифестаціей долженъ былъ быть банкетъ, въ необходимости котораго были теперь согласны и члены династической лѣвой, и радикалы. Сначала, когда открылись палаты, династическая лѣвая находила продолженіе агитаціи излишнимъ, быть можетъ, и потому, что увидѣла, что банкеты начали хватать далѣе той цѣли, какая имъ прежде ставилась, но теперь, когда министерство стало оспаривать право собраній, отступать династическая лѣвая уже не хотѣла, особенно въ виду положенія, занятаго радикалами. Вообще пренія по поводу адреса сильно разгорячили страсти, и конституціонная оппозиція стала все болѣе и болѣе подпадать подъ вліяніе радикаловъ. 10 февраля комитетъ, устраивавшій банкетъ, заявилъ, что банкетъ состоится 22 числа, и что „манифестація въ пользу права и противъ произвола не достигнетъ цѣли, если не будетъ происходить мирно и въ полномъ порядкѣ".

Правительство отнеслось съ высокомѣріемъ къ этой „бурѣ въ стаканѣ воды", какъ выразился Людовикъ-Филиппъ, и маршалъ Бюжо обѣщалъ „дать хорошій урокъ" либераламъ. Министерскія газеты писали, что всѣ мѣры приняты для подавленія малѣйшихъ безпорядковъ. Самоувѣренный тонъ правительственной прессы вселялъ и въ членовъ династической оппозиціи убѣжденіе въ томъ, что никакой опасности нѣтъ, а потому, какъ признавался потомъ Одилонъ Барро, всѣ и „относились съ меньшею тревогою къ агитаціи, которую должны были возбудить въ отвѣтъ на вызовъ правительства". Это признаніе очень характерно; оно объясняетъ и дальнѣйшій образъ дѣйствій оппозиціонныхъ депутатовъ. Подконецъ они пошли сами на уступки, испугавшись возможности смутъ. Даже радикалы думали, что возстаніе окончилось бы только пораженіемъ. Наоборотъ, руководители тайныхъ обществъ усиливали свою дѣятельность въ парижскомъ населеніи.

Только передъ самою катастрофою династическая лѣвая ясно увидѣла, что дѣло можетъ кончиться не такъ, какъ она того желала бы. Между нѣкоторыми представителями оппозиціонной и министерской партій произошло совѣщаніе, на которомъ было постановлено обѣимъ сторонамъ отказаться отъ своихъ плановъ, предоставивъ рѣшеніе вопроса о правѣ собраній суду. Составлена была даже программа поведенія обѣихъ сторонъ во время банкета—что говорить коммис-

сару полиціи, который явится протестовать противъ банкета, что отвѣчать Одилону Барро, который предложитъ собранію спокойно разойтись, уступая силѣ, и какъ будетъ оппозиція успокоивать публику и газеты указаніемъ на то, что она добилась своего—передачи спорнаго вопроса на авторитетное рѣшеніе суда. Къ сожалѣнію, въ исторіи этого соглашенія до сихъ поръ многое еще остается неяснымъ, но какъ бы то ни было, соглашеніе состоялось, и оппозиціонныя газеты напечатали цѣлое воззваніе къ публикѣ съ приглашеніемъ вести себя мирно во время готовившейся манифестаціи. Между тѣмъ министерство узнало черезъ полицію, что провожать на мѣсто собранія оппозиціонныхъ депутатовъ будетъ толпа въ сто тысячъ человѣкъ. Этого было довольно для министерства, чтобы отказаться отъ даннаго имъ согласія разъиграть комедію съ діалогомъ полицейскаго коммиссара и Одилона Барро: депутаты могли исполнить свое обѣщаніе разойтись, но стотысячная толпа представляла собою уже нѣчто иное, чѣмъ депутаты. Предлогомъ для взятія назадъ согласія было обнародованіе газетами воззванія къ публикѣ о готовящейся манифестаціи. Министерству возражали, что манифестація все равно состоялась бы, какъ это было хорошо извѣстно ему самому, что воззваніе имѣло своею цѣлью обезпечить порядокъ и т. д., но все это оказалось тщетнымъ. Префектъ полиціи формальнымъ приказомъ запретилъ устройство объявленнаго банкета, а главный начальникъ парижской національной гвардіи напомнилъ національнымъ гвардейцамъ существованіе закона, который не дозволялъ имъ собираться вмѣстѣ безъ приказа начальства. На улицахъ Парижа было расклеено объявленіе, гласившее, что правительство прибѣгнетъ къ военной силѣ противъ всякихъ народныхъ сборищъ на площадяхъ и улицахъ столицы. Въ виду такого оборота дѣлъ оппозиціонные депутаты и журналисты стали собираться на совѣщанія, не зная, что́ предпринять. На одномъ изъ такихъ собраній Ламартинъ говорилъ, что оппозиціи нужно выбрать одно изъ двухъ — или стыдъ, или опасность: быть можетъ, лучше взять на себя стыдъ за попранную свободу, чѣмъ пролить хоть одну каплю народной крови, но вѣдь этимъ стыдомъ покроется вся страна. „Желаемъ ли мы возмущенія? спрашивалъ онъ далѣе.—Нѣтъ! Революціи? Нѣтъ! Да избавитъ отъ нея насъ Богъ на долгія времена“. Депутаты должны только выполнить долгъ гражданъ путемъ законнаго сопротивленія произвольнымъ и незаконнымъ дѣйствіямъ, „защищать сначала голосомъ, а затѣмъ грудью учрежденія и будущность народа“. О томъ стоитъ ли хоть капли крови какое-либо министерство, какая-либо административная система, спрашивалъ и Одилонъ Барро въ своей рѣчи, произнесенной въ палатѣ наканунѣ переворота. Вечеромъ у него было многочисленное собраніе депутатовъ, журна-

листовъ, членовъ банкетнаго комитета. Громаднымъ большинствомъ собравшихся было рѣшено не участвовать въ банкетѣ. Къ этому рѣшенію присоединился и главный редакторъ National'я", Маррастъ, который сначала убѣждалъ депутатовъ явиться на банкетъ: сами же они съ журналистами созвали народъ, а теперь отказываются явиться, боясь междоусобія, которое, наоборотъ, какъ-разъ и могло бы быть предотвращено только присутствіемъ депутатовъ. Безъ этого послѣдняго условія и онъ, и устроители банкета находили манифестацію лишенною всякаго политическаго значенія. Изъ записавшихся на банкетъ заявило намѣреніе прійти семь-восемь человѣкъ, въ ихъ числѣ Ламартинъ, который сказалъ, что онъ пошелъ бы „и одинъ въ сопровожденіи своей тѣни". Принятое на собраніи у Одилона Барро рѣшеніе было тотчасъ же обнародовано оппозиціонными газетами, которыя обратились вмѣстѣ съ тѣмъ къ населенію Парижа съ убѣдительною просьбою отказаться отъ какихъ бы то ни было демонстрацій въ виду положенія, занятаго правительствомъ, и неизбѣжности столкновенія съ военною силою. Возлагая отвѣтственность за все могущее произойти на правительство, оппозиція вмѣстѣ съ тѣмъ брала на себя обязательство добиваться всѣми легальными путями осуществленія права собраній и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала привлечь министерство къ суду.

Это заявленіе было принято крайне несочувственно и національной гвардіей, и избирательнымъ комитетомъ парижскаго округа, и учащеюся молодежью, тоже собиравшимися для обсужденія вопроса, какъ слѣдуетъ себя вести. Въ редакціи „Реформы" очень многіе изъ дѣятелей республиканской партіи настаивали на необходимости немедленно возстать, но противъ этого высказались Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ и Флоконъ, находившіе, что шансы борьбы слишкомъ неравны. Ихъ мнѣніе взяло верхъ, и скоро министерство внутреннихъ дѣлъ узнало, что даже эта газета отказывается отъ банкета. Это окончательно успокоило правительство. Министръ внутреннихъ дѣлъ уже подписалъ-было приказъ объ арестѣ двадцати двухъ вождей республиканской партіи, но теперь эта мѣра казалась ему излишнею. Рѣшили даже отмѣнить съ согласія короля и предполагавшееся на другой день размѣщеніе военныхъ силъ въ разныхъ частяхъ города. Людовикъ-Филиппъ ликовалъ и свою радость выразилъ особенно въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ одному изъ министровъ: „Вы знаете, что они отказались отъ банкета. Хотя и поздно нѣсколько, они все-таки увидѣли опасность затѣянной ими игры". Другому министру онъ сказалъ: „а вы вчера еще пророчили о вулканѣ! Хорошъ вулканъ! Вѣдь я говорилъ вамъ, что все это разлетится въ прахъ". Разска-

зываютъ даже, будто онъ замѣтилъ еще, что „куда-де имъ итти, когда у нихъ нѣтъ герцога Орлеанскаго,—вотъ они и отступаютъ".

Многіе изъ тѣхъ, которые были недовольны отступленіемъ оппозиціонныхъ депутатовъ и журналистовъ, дѣятельно стали готовиться къ возстанію, разсѣявшись по предмѣстьямъ, среди рабочаго населенія, уже сильно волновавшагося. Замѣчательно, что наиболѣе видные дѣятели республиканской партіи были противъ малѣйшей попытки возстанія: они, какъ и либералы передъ іюльской революціей, не вѣрили въ возможность переворота и опасались, что подавленіе возстанія будетъ равносильно разгрому всей республиканской партіи. Нѣкоторые изъ нихъ даже не допускали мысли, чтобы республика могла быть прочною въ виду крайней малочисленности ея приверженцевъ. Въ „Реформѣ" появилась даже статья Флокона, убѣждавшая народъ остерегаться безразсудныхъ увлеченій, дабы не дать правительству одержать надъ нимъ кровавую побѣду. Нѣкоторыя тайныя общества думали то же самое. Прудонъ, самъ республиканецъ, мечтавшій о республикѣ еще на школьной скамьѣ, „содрогался, по собственнымъ его словамъ, отъ ужаса, видя приближеніе республики. Я, поясняетъ онъ эти слова, дрожалъ при мысли, что нѣтъ никого ни вокругъ, ни выше меня, кто вѣрилъ бы въ наступленіе республики, въ наступленіе столь быстрое и внезапное. Надвигались крупныя событія, исполнялась воля судьбы; соціальная революція была неизбѣжна, и никого не было—ни одной души, которая понимала бы смыслъ грядущаго". И Прудонъ прибавлялъ, что прежде чѣмъ народилась республика, онъ уже готовъ былъ носить по ней трауръ.

Такимъ образомъ революція застала французское общество врасплохъ. И если можно сказать, что наканунѣ переворота никто, собственно говоря, его не предвидѣлъ, то и на другой день никто, навѣрное, не могъ сказать, что̀ изъ всего этого выйдетъ. 22-го февраля, въ день, назначенный для банкета въ мѣстахъ, прилегающихъ къ площади Madeleine, гдѣ онъ долженъ былъ происходить, еще съ утра начали собираться толпы народа, которыя двигались туда со всѣхъ концовъ Парижа. Кричали: „да здравствуетъ реформа! долой министровъ! долой Гизо!", а затѣмъ началось то, что обыкновенно бывало въ Парижѣ въ подобныхъ случаяхъ,—грабили оружейные магазины, пробовали строить баррикады, и въ разныхъ пунктахъ города начинались стычки съ военными отрядами. Между тѣмъ въ палатѣ Одилонъ Барро, Дювержье де Гораннъ и Гарнье Пажесъ внесли обвинительный актъ противъ министровъ, извратившихъ принципы конституціи и предавшихъ честь Франціи. Но президентъ палаты поспѣшилъ закрыть засѣданіе. Около пяти часовъ дня правительство рѣшило созвать національную гвардію, которая въ тридцатыхъ годахъ постоянно

принимала участіе въ подавленіи безпорядковъ, но теперь національная гвардія относилась къ правительству, по меньшей мѣрѣ, равнодушно. Поэтому сборъ національныхъ гвардейцевъ шелъ вяло, да и среди собравшихся оказалось не мало сторонниковъ реформы. Къ вечеру, повидимому, въ Парижѣ все успокоилось, и правительство могло думать, что ничего серьезнаго не произойдетъ, тѣмъ болѣе, что погода не благопріятствовала возстанію: было холодно и сыро, шелъ безпрерывный дождь. На другой день, однако, опять начались попытки постройки баррикадъ, а въ разныхъ отрядахъ національной гвардіи кричали о необходимости перемѣнить министерство и дать реформу. Одинъ отрядъ національной гвардіи явился даже передъ палатой, въ которую онъ съ собою принесъ петицію о реформѣ и отставкѣ министровъ. Около того же времени Гизо, блѣдный и взволнованный, объявилъ въ палатѣ, что король поручилъ Моле составить новое министерство. Дѣло въ томъ, что Людовикъ-Филиппъ, узнавъ о поведеніи національной гвардіи, совершенно растерялся: національная гвардія состояла изъ той же самой буржуазіи, которая образовала собою pays légal, и вотъ эта сила теперь его оставляла. Сначала онъ утѣшалъ себя мыслью, что у возставшихъ нѣтъ лица, которымъ они могли бы его замѣнить, но ему возразили, что если у нихъ нѣтъ никого, то это еще не значитъ, чтобы у нихъ не было чего-нибудь въ родѣ, напримѣръ, республики. Поспѣшили призвать Гизо, и отставка министерства состоялась. Приглашенный Людовикомъ-Филиппомъ, Моле услышалъ отъ него, что, собственно говоря, мѣнять свою систему онъ вовсе не желаетъ, а готовъ лишь сдѣлать маленькія уступки, дабы зажать ротъ крикунамъ. Моле убѣждалъ короля призвать Тьера и Одилона Барро, но Людовикъ-Филиппъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Извѣстіе объ отставкѣ Гизо быстро распространилось по всему городу, и начавшаяся борьба прекратилась, хотя построенныя уже баррикады продолжали охраняться инсургентами. Между тѣмъ Моле пріискивалъ себѣ будущихъ товарищей, для чего обращался за содѣйствіемъ и къ Тьеру, но депутаты, собравшіеся у Одилона Барро, находили, что въ данный моментъ возможно было только министерство изъ членовъ лѣвой. Вечеромъ во многихъ частяхъ города зажглась иллюминація, и на главныхъ улицахъ устроилось настоящее гулянье съ радостными криками и пѣснями. Народъ сознавалъ свою побѣду, и многіе республиканцы считали свое дѣло потеряннымъ, такъ какъ лозунгомъ возстанія была реформа выборовъ, а она была гарантирована отставкой Гизо. Но народное ликованіе было непродолжительно. Въ одномъ мѣстѣ, именно передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ около восьми часовъ вечера собралась густая толпа народа, неизвѣстно кѣмъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, на который караулъ отвѣтилъ залпомъ изъ пяти-

десяти ружей. На мѣстѣ оказалось много раненыхъ и убитыхъ. Это сдѣлалось сигналомъ къ общему возстанію. Немедленно образовалась процессія съ трупами убитыхъ, которыми нагрузили проѣзжавшій мимо дилижансъ. Шествіе съ криками „мщеніе“ двигалось по разнымъ улицамъ города далеко за полночь. Между прочимъ эта процессія останавливалась передъ редакціями „National'я“ и „Реформы“, гдѣ на этотъ разъ рѣшено было дѣйствовать заодно съ народомъ. Весьма быстро весь городъ былъ охваченъ возстаніемъ. Почти во всѣхъ церквахъ ударили въ набатъ, вездѣ воздвигались новыя баррикады.

Моле отказался образовать министерство, и въ ночь на 24-е число Людовикъ-Филиппъ потребовалъ къ себѣ Тьера и предложилъ ему немедленно составить новое министерство. Тьеръ посовѣтовалъ королю присоединить къ его имени еще имя Одилона Барро, на что немедленно же получилъ согласіе. Это обозначало, что правительство шло на уступки, но каково было удивленіе Тьера, когда онъ узналъ, что за нѣсколько часовъ передъ этимъ во главѣ военныхъ силъ столицы былъ поставленъ маршалъ Бюжо, имя котораго было крайне непопулярно въ населеніи. Всю ночь населеніе Парижа строило баррикады и готовилось къ борьбѣ. Готовился къ ней и Бюжо. Но еще утромъ 24-го февраля мало кто думалъ о возможности низверженія монархіи. Обѣ республиканскія газеты — „National“ и „Réforme“ — требовали отъ правительства только значительныхъ уступокъ. Извѣстіе о назначеніи Бюжо главнокомандующимъ лишь ожесточило народную массу, и вѣсть о томъ, что образовалось министерство Тьера-Барро, уже не производила особаго впечатлѣнія. Борьба продолжалась, и національная гвардія все болѣе и болѣе переходила на сторону народа. Людовикъ-Филиппъ, который еще ночью ни за что не хотѣлъ согласиться на распущеніе палаты, утромъ наконецъ уступилъ требованіямъ Тьера и Одилона Барро. Вмѣстѣ съ этимъ по ихъ же настоянію былъ отданъ приказъ войскамъ прекратить огонь. Однако, власти до такой степени растерялись, что своевременно не было дано знать всѣмъ отрядамъ войска о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Кровавыя столкновенія продолжались въ разныхъ частяхъ города. Утромъ между десятью и одиннадцатью часами возставшіе овладѣли Пале-Роялемъ, гдѣ когда-то жилъ Людовикъ-Филиппъ, будучи еще герцогомъ Орлеанскимъ. Королевское семейство въ это время садилось за завтракъ, когда прибѣжали нѣкоторые депутаты предупредить короля, что и Тюльери грозитъ опасность быть взятымъ возставшими. Гизо еще ночью спасся бѣгствомъ, переодѣтый, какъ говорятъ, въ женское платье. Теперь Людовику-Филиппу говорили о необходимости спасать королевское семейство. Людовикъ-Филиппъ попробовалъ-было явиться лично съ двумя своими сыновьями передъ рядами линейныхъ войскъ

и національной гвардіи. Со стороны солдатъ встрѣча была холодная, а изъ рядовъ національной гвардіи слышны были крики: „да здравствуетъ реформа!“ а это были отряды, которые должны были защищать Тюльери отъ нападенія. Во дворцѣ, куда вернулся король послѣ этой неудачной попытки, его ждало новое огорченіе: Тьеръ прямо заявилъ ему, что чувствуетъ себя совершенно безсильнымъ въ виду совершающихся событій, и что развѣ только Одилонъ Барро настолько популяренъ, чтобы остановить движеніе. Около полудня, когда битва на улицахъ Парижа все еще продолжалась, къ королю безъ доклада ворвался Эмиль де Жирарденъ съ готовою уже прокламаціей къ народу, объявлявшей объ отреченіи короля отъ престола, о регентствѣ герцогини Орлеанской, о распущеніи палаты и о всеобщей амнистіи. Людовикъ-Филиппъ сталъ-было возражать, но Жирарденъ началъ говорить такъ настойчиво о необходимости отреченія, а среди окружавшихъ столь многіе его поддерживали, что Людовикъ-Филиппъ наконецъ уступилъ. „Актъ отреченія“ былъ собственноручно написанъ Людовикомъ-Филиппомъ, передававшимъ теперь корону, „носить которую онъ былъ призванъ голосомъ народа“, своему малолѣтнему внуку, графу Парижскому. Послѣ этого оставалось только поспѣшно бѣжать черезъ Тюльерійскій садъ на площадь Согласія, куда съ большимъ трудомъ привели два извозчичьихъ экипажа. Бѣгство было такъ поспѣшно, что Людовикъ-Филиппъ не принялъ никакихъ мѣръ для того, чтобы обезпечить передачу короны своему внуку. Свидѣтели этой сцены различнымъ образомъ передаютъ слова, сказанныя Людовикомъ-Филиппомъ по вопросу о регентствѣ. Герцогиня Орлеанская хотѣла послѣдовать за своимъ свекромъ и его семействомъ, но король ей сказалъ, чтобы она осталась. Не присоединился къ бѣглецамъ и герцогъ Немурскій, который въ эту рѣшительную минуту взялъ на себя главную команду надъ войскомъ.

Въ весьма скоромъ времени предстояло выступить на сцену и герцогинѣ Орлеанской. Одилонъ Барро звалъ ее въ городскую ратушу, гдѣ онъ предполагалъ провозгласить ее регентшей, а герцогъ Немурскій убѣждалъ ее немедленно отправиться въ палату депутатовъ. Рѣшиться на что-нибудь было необходимо, тѣмъ болѣе, что инсургенты уже овладѣвали Тюльерійскимъ садомъ. Наконецъ, герцогиня, взявъ за руки своихъ маленькихъ сыновей, пѣшкомъ направилась въ палату депутатовъ, гдѣ, какъ ей говорили, находился и Одилонъ Барро. За нею послѣдовалъ туда и герцогъ Немурскій. Но въ это самое время произошли другія событія, которыя сдѣлали невозможнымъ сохраненіе во Франціи монархіи.

Герцогиня Орлеанская не успѣла еще достигнуть палаты депутатовъ, когда народная толпа овладѣла Тюльерійскимъ дворцомъ, въ

которомъ произвела настоящій разгромъ. Многіе инсургенты уже кричали при этомъ „да здравствуетъ республика!“ Въ другихъ частяхъ Парижа происходили подобныя же сцены. Еще одна толпа овладѣла ратушей, которая съ давнихъ временъ считалась главнымъ пунктомъ парижскихъ революцій. Полицейская префектура была также въ рукахъ возставшаго народа. Часть толпы, овладѣвшей Тюльерійскимъ дворцомъ, понесла съ тріумфомъ королевскій тронъ на площадь Бастиліи, гдѣ онъ и былъ сожженъ у подножія іюльской колонны. Другая часть, какъ мы сейчасъ увидимъ, совершила вторженіе въ палату депутатовъ какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда тамъ рѣшался вопросъ о регентствѣ герцогини Орлеанской. Кромѣ того, важныя по своимъ результатамъ событія происходили и въ редакціяхъ обоихъ органовъ республиканской оппозиціи. Вотъ какъ передаетъ, что тамъ дѣлалось Герценъ, правда, не бывшій очевидцемъ, но довольно вѣрно схватившій сущность дѣла: „Бюро Réforme и National кипѣли охотниками царствовать. По мѣрѣ того, какъ народъ побѣждалъ, они росли въ предпріимчивости. У нихъ тѣмъ больше было досуга обдумать и приготовить планъ, какъ завладѣть движеніемъ, чѣмъ меньше они участвовали въ томъ, что происходило на площади. Они, отойдя въ сторону, предложили себѣ вопросъ, на который не только никто не отвѣчалъ, но который еще не былъ поставленъ: что же теперь? Réforme хотѣла провозгласить республику; National довольствовался регентствомъ; онъ во имя регентства отправилъ уже Гарнье-Пажеса въ ратушу, но обойденный обстоятельствами Маррастъ тотчасъ согласился на республику и составилъ свой листъ временнаго правительства. Листъ этотъ онъ отправилъ въ Réforme для взаимнаго соглашенія. Réforme возстала противъ имени Одилона Барро, который не отличался храбростью въ дѣлѣ банкета 12-го округа; его вычеркнули и потомъ согласились въ главныхъ лицахъ. Réforme ввела трехъ своихъ: Ледрю-Роллена, Флокона и Луи Блана“. Кандидатами „National'я“ были Дюпонъ, Араго, Мари, Гарнье-Пажесъ, Одилонъ Барро, Маррастъ. Составленный такимъ образомъ списокъ былъ сообщенъ толпѣ, находившейся поблизости, и принятъ ею громкими знаками одобренія. Въ сопровожденіи своихъ друзей и случайно находившихся здѣсь лицъ Араго направился въ палату депутатовъ, чтобы объявить ей волю народа. Герцогиня Орлеанская пришла туда же лишь немного ранѣе его появленія.

Въ палатѣ депутатовъ царило величайшее смущеніе. На одну минуту забѣжалъ туда Тьеръ, чтобы сказать свою исторически знаменитую фразу: „Волна растетъ, растетъ, растетъ; все погибло!“— „Вы министръ?“ спросили его, еще не зная объ отреченіи Людовика-Филиппа, но Тьеръ отрицательно покачалъ головой, оставилъ палату

и болѣе не появлялся на сцену во всѣ эти дни. Затѣмъ произошло появленіе въ палатѣ герцогини Орлеанской съ обоими сыновьями и въ сопровожденіи герцога Немурскаго. Сторонники династической оппозиціи, среди которыхъ наиболѣе видную роль продолжалъ играть Одилонъ Барро, думали увлечь палату, чтобы провозгласить графа Парижскаго королемъ, а его мать—регентшею, но въ это же самое время въ палатѣ уже произносились слова: „временное правительство".

Среди крайняго безпорядка одни говорили за регентство, другіе за образованіе временнаго правительства, но въ то же время Ларошжакленъ потребовалъ обращенія къ народу, говоря, что палата депутатовъ не существуетъ болѣе, какъ палата, что теперь она ничто. Еще большій безпорядокъ начался, когда въ палату ворвалась толпа, не задолго передъ тѣмъ взявшая Тюльери. На трибуну стали взбѣгать люди, вовсе не входившіе въ составъ палаты, и нельзя было разобрать, что̀ они говорили. Только съ большимъ трудомъ Ледрю-Роллену удалось наконецъ произнести рѣчь, въ которой онъ протестовалъ противъ регентства и требовалъ установленія временнаго правительства, назначеннаго, однако, не палатой, а народомъ. Его рѣчь прерывалась постоянными аплодисментами. За нимъ говорилъ Ламартинъ, который тоже предлагалъ учредить временное правительство, но во время его рѣчи въ палату ворвалась новая толпа народа съ криками: „долой палату! долой подкупленныхъ депутатовъ!" Началось всеобщее смятеніе. Герцогиня Орлеанская спаслась бѣгствомъ съ большимъ трудомъ, растерявъ по дорогѣ своихъ дѣтей. Герцогъ Немурскій тоже бѣжалъ. Между тѣмъ происходитъ провозглашеніе членовъ временнаго правительства. Сначала наскоро присутствующими депутатами, національными гвардейцами, студентами и т. д. написаны были на билетикахъ имена кандидатовъ, а на основаніи ихъ Ламартинъ по своему усмотрѣнію составилъ списокъ, не включивъ въ него, напримѣръ, Луи Блана за его соціалистическій образъ мыслей. Многіе стали протестовать, но Ламартинъ объявилъ, что засѣданіе временнаго правительства переносится въ ратушу. Уже послѣ его удаленія Ледрю-Ролленъ прочиталъ окончательный списокъ, на которомъ стояли имена Дюпона, Араго, Ламартина, Ледрю-Роллена, Гарнье-Пажеса, Мари и Кремье [1]). „Почему именно этимъ людямъ

[1]) Этотъ списокъ нѣсколько разъ мѣнялся, будучи составленъ сначала въ редакціяхъ республиканскихъ газетъ и съ нѣкоторыми измѣненіями принятъ послѣ палаты еще въ ратушѣ. Токвиль разсказываетъ, что когда предложили Ламартину прочитать этотъ списокъ народу съ подъѣзда ратуши, онъ отказался это сдѣлать, такъ какъ въ спискѣ стояло и его имя. Тогда обратились съ тѣмъ же предложеніемъ къ Кремье, но онъ, увидѣвъ, что въ данномъ ему спискѣ онъ не былъ названъ, припялъ это за насмѣшку и тоже не захотѣлъ прочесть этотъ списокъ народу, потому что его имени здѣсь не было.

въ руки попала судьба народа? спрашивалъ Герценъ въ одномъ изъ своихъ писемъ и совершенно вѣрно отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ слѣдующихъ словахъ: „они заняли мѣсто потому, что нашлись люди довольно смѣлые, чтобы выбирать не на баррикадахъ, а въ бюро журнала, чтобы провозглашать ихъ имена не на мѣстѣ битвы, а въ побитой камерѣ. Народу не дали опомниться, временное правительство явилось передъ нимъ совсѣмъ не кандидатами, а готовымъ правительствомъ“.

Первою мыслью Ламартина и Ледрю-Роллена было спѣшить въ ратушу, дабы не дать времени захватить ее какому-нибудь другому временному правительству. Ратуша въ эту минуту была уже въ рукахъ участниковъ движенія. Здѣсь тоже собирались избрать правительство, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что это уже сдѣлано въ палатѣ и что выбранное тамъ правительство, сопровождаемое толпами народа, само идетъ въ ратушу. „Никто, замѣчаетъ по этому поводу Герценъ, не спросилъ, кѣмъ выбрано, когда, по какому праву. Всѣ торопились узнать имена новыхъ господъ. Изъ этого ясно, прибавляетъ онъ, что демократическая партія была незрѣла, что у нея не было ничего готоваго, что народъ вообще до такой степени привыкъ быть управляемымъ другими, что сейчасъ удовлетворился правителями, взятыми въ рядахъ парламентской и журнальной оппозиціи“. Передъ ратушей столпилась такая масса рабочихъ, что новые правители Франціи едва были въ состояніи проникнуть въ зданіе, да и въ самомъ зданіи вездѣ былъ народъ; найти свободную комнату для засѣданія долго не удавалось. Здѣсь временному правительству пришлось включить въ свой составъ новыхъ членовъ, назначенныхъ редакціями „National'я“ и „Реформы“. Это были Маррастъ и Флоконъ въ качествѣ представителей обѣихъ газетъ, Паньеръ, издатель республиканскихъ публикацій, Луи Бланъ и одинъ рабочій, по имени Альбертъ. Еще ранѣе прихода временнаго правительства въ ратушу мѣсто сенскаго префекта занялъ Гарнье-Пажесъ съ титуломъ парижскаго мэра. Не зная еще, будетъ ли регентство или республика, онъ уже раздавалъ мѣста по назначенію Марраста. Совершенно такимъ же образомъ префектура полиціи по порученію редакціи „Реформы“ была занята Коссидьеромъ, котораго потомъ временное правительство утвердило въ должности не особенно охотно. Это былъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ тайныхъ обществъ, старый заговорщикъ, который прямо съ баррикадъ съ ружьемъ на плечѣ пришелъ въ префектуру и объявилъ, что назначается именемъ французскаго народа на постъ префекта полиціи.

Первымъ дѣломъ временнаго правительства было составленіе прокламаціи къ народу, провозглашавшей республику. Любопытно, что

нѣкоторые изъ членовъ этого правительства (Дюпонъ, Араго, Мари, Гарнье-Пажесъ), ранѣе исповѣдовавшіе республиканскія воззрѣнія, теперь не обнаруживали особой склонности къ провозглашенію республики и даже не всѣ подписались подъ прокламаціей. Энергичнѣе другихъ безусловнаго провозглашенія республики требовалъ Ледрю-Ролленъ, но Ламартинъ настоялъ на томъ, чтобы окончательное рѣшеніе вопроса было предоставлено націи. Затѣмъ были распредѣлены министерскіе портфели, причемъ нѣкоторые изъ нихъ взяли сами члены временнаго правительства: Ламартинъ взялъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Ледрю-Ролленъ — министерство внутреннихъ дѣлъ. Хотя комната, въ которой происходило засѣданіе временнаго правительства, охранялась карауломъ, въ нее безпрестанно врывались цѣлыя кучки посторонних людей съ тѣми или другими совѣтами или требованіями. Въ ратушѣ и около нея народъ продолжалъ толпиться, и не разъ среди него раздавались рѣчи, въ которыхъ подвергалась сомнѣнію законность только-что образовавшагося правительства, его расположеніе къ народу, его революціонное настроеніе. Въ эти трудные часы особое присутствіе духа, большую смѣлость и находчивость проявилъ Ламартинъ, который выходилъ нѣсколько разъ успокаивать народъ [1]). Между прочимъ ему принадлежала мысль немедленно образовать изъ наиболѣе энергичныхъ инсургентовъ особое революціонное войско подъ названіемъ подвижной гвардіи (garde mobile). Пока все это происходило въ ратушѣ, баррикады охранялись вооруженными людьми, такъ какъ по городу ходили самые тревожные слухи. Говорили, напримѣръ, что отступившія войска готовятся къ ночному нападенію, что форты, окружающіе Парижъ, будутъ бомбардировать городъ, что въ разныхъ мѣстахъ посредствомъ поджоговъ будетъ произведенъ пожаръ. Для того, чтобы предупредить всѣ эти ужасы, народъ бросался на казармы, выгонялъ оттуда солдатъ, отнималъ у нихъ оружіе. Солдаты, не получавшіе никакихъ распоряженій, не оказывали сопротивленія, но крайне раздражались, — впослѣдствіи имъ представился случай выместить свою злобу на народѣ. Все это, однако, не помѣшало парижанамъ закончить бурный день 24-го февраля импровизированной иллюминаціей.

Волненіе не улеглось и въ слѣдующіе дни. Утромъ 25 февраля къ Hôtel de ville, гдѣ засѣдало временное правительство, снова стекались толпы народа, въ которыхъ преобладали рабочіе, но были также и люди сомнительныхъ профессій, какихъ бываетъ много въ большихъ

[1]) „Чего вы хотите? закричалъ онъ толпѣ, врывавшейся въ засѣданіе. „Твоей головы!“ было ему отвѣтомъ. „Дай Богъ, возразилъ онъ, чтобы у каждаго изъ васъ была такая голова: вы были бы умнѣе“. Эти слова были встрѣчены смѣхомъ и громкимъ одобреніемъ толпы.

городахъ. На дворы и въ залы ратуши были принесены съ баррикадъ и изъ госпиталей трупы убитыхъ во время возстанія. Временному правительству одно за другимъ предъявлялись разныя требованія, на которыя оно вынуждено было отвѣчать, по возможности не раздражая и безъ того уже разгоряченныя страсти. Съ опасностью для своей жизни отстоялъ Ламартинъ для новой республики трехцвѣтное знамя, вмѣсто краснаго знамени, котораго весьма энергично требовалъ народъ [1]). Къ вечеру стало замѣчаться нѣкоторое успокоеніе, когда перестали бояться парижскихъ фортовъ, одинъ за другимъ признавшихъ временное правительство. 26 февраля съ утра ратуша уже находилась подъ охраною національныхъ гвардейцевъ, студентовъ и воспитанниковъ военныхъ школъ. Въ этотъ день между прочимъ временное правительство объявило отмѣну смертной казни за политическія преступленія. Наконецъ, 27 числа совершилось торжественное провозглашеніе республики на площади Бастиліи, хотя въ этотъ же день было еще одно народное нападеніе на ратушу.

Страна, привыкшая повиноваться Парижу, поспѣшила признать временное правительство. Людовикъ-Филиппъ и члены его семейства разными дорогами спаслись за границу. Когда находившіеся внѣ Франціи сыновья короля, которые стояли во главѣ флота и арміи [2]), узнали, что страна признала республику, то они также уѣхали въ Англію, сложивъ съ себя команду.

XX. Начало второй республики и іюньскіе дни [3]).

Общій взглядъ на 1848 годъ. — Временное правительство и его партійныя отношенія. — Соціализмъ и Луи Бланъ. — «Право на трудъ» и національныя мастерскія.—Выборы въ учредительное собраніе и его характеръ.—Возстаніе 15 мая.—Выборъ Людовика Наполеона въ депутаты.—Іюньскіе дни.—Отзывы нѣкоторыхъ современниковъ о значеніи іюньскихъ событій.—Начало реакціи во Франціи.

24 февраля 1848 г. во Франціи была объявлена республика, которой было суждено существованіе недолговѣчное, но крайне бур-

---

[1]) Ламартинъ обратился къ толпѣ съ такими словами: „ваше красное знамя гуляло только по Марсову полю, гдѣ его влачили по крови народа, тогда какъ трехцвѣтное знамя съ именемъ, славою и свободою отечества обошло кругомъ весь свѣтъ“. Противники трехцвѣтнаго знамени потомъ указывали на то, что оно же было и знамя Наполеона, обидное для всей Европы, и знамя, осѣнявшее семнадцать лѣтъ „лавочку Людовика-Филиппа“.

[2]) См. выше, стр. 460.

[3]) См. общія сочиненія по исторіи революціи 1848 г., указанныя въ предъидущей главѣ, а кромѣ того, *Pierre.* Histoire de la république de 1848. (1873—1874).—*De la Gorce.* Histoire de la deuxième république française. 1887. (Объ

ное. За подавленіемъ двухъ соціалистическихъ попытокъ (въ маѣ и особенно въ іюнѣ) началась реакція, которая завершилась черезъ три года повтореніемъ 18 брюмера, а еще черезъ годъ возстановленіемъ имперіи. Будущій императоръ французовъ уже въ концѣ 1848 г. былъ всенародно избранъ президентомъ республики. Какъ и послѣ іюльской революціи, въ 1848 г., равнымъ образомъ среди людей, очутившихся во главѣ правленія, образовалось два мнѣнія на счетъ внѣшней политики Франціи: одни хотѣли нести революцію въ Бельгію и Германію; другіе, наоборотъ, стояли за то, чтобы Франція осталась въ сторонѣ отъ революціонныхъ движеній за границей [1]) Въ 1849 г. Франція даже совершила насильственную реставрацію папской власти въ Церковной Области, тоже превратившейся-было въ республику.

Опять, какъ и въ 1830 г., сплетались между собою вопросы внутренней и внѣшней политики, но теперь они были гораздо сложнѣе, благодаря соціальнымъ и національнымъ стремленіямъ, которыя еще не давали себя чувствовать за два десятилѣтія передъ тѣмъ. Іюльская революція, какъ мы видѣли [2]), вызвала въ Западной Европѣ рядъ потрясеній, но они не могутъ итти въ сравненіе съ тѣми, которыя были вызваны февральской революціей. Вся центральная Европа была захвачена революціей, сначала повсюду побѣдоносной, потомъ вездѣ подавленной. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ февральскаго переворота произошли революціи въ обѣихъ великихъ абсолютныхъ монархіяхъ запада, въ Австріи и въ Пруссіи. Движеніе распространилось на всю Германію и Италію, и въ обѣихъ націяхъ совершены были попытки объединенія. По примѣру Франціи провозносили себя республиками нѣкоторыя второстепенныя государства (Церковная Область, Тоскана, Венеціанская область, Венгрія). Образовались республиканскія партіи и тамъ, гдѣ дѣло не доходило до провозглашенія республики: въ нѣмецкомъ франкфуртскомъ парламентѣ цѣлая треть представителей состояла изъ республиканцевъ. Какъ и во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, республиканская идея дѣлала завоеванія. Не въ одной Франціи въ то же время поднималась и соціальная демократія. Въ Англіи въ 1848 г. чартисты снова сдѣлали попытку добиться своего посредствомъ массовыхъ де-

---

эти книги написаны въ консервативномъ направленіи).—*Spuller.* Histoire parlementaire de la deuxième république. 1891. *E. Thomas.* Histoire des ateliers nationaux. 1848. — *K. Marx.* Die Klassenkämpfe in Frankreich von 1848 bis 1850 (статьи его изъ „Neue Rheinische Zeitung“, написанныя въ 1850 г. и перепечатанныя отдѣльной книжкой въ 1895 г.).

[1]) Ср. выше, стр. 123.

[2]) См. выше, гл. III.

монстрацій. Нѣмецкіе рабочіе тоже пришли въ движеніе, стали основывать союзы, собираться на съѣзды, предпринимать возстанія, а среди республиканцевъ франкфуртскаго парламента были уже и соціалисты.

Для дальнѣйшаго хода событій во всей Европѣ было весьма важно, какой политики станетъ держаться республика во Франціи, той ли, которую проводилъ конвентъ, начавшій революціонную пропаганду, или той, которая возобладала послѣ іюльской революціи. Въ 1848 г. революціонеры во всѣхъ странахъ, въ Италіи и въ Германіи, въ Ирландіи и въ Польшѣ, возлагали большія надежды на Францію. Въ ней самой революціонная партія требовала, чтобы правительство оказало помощь другимъ народамъ, борящимся за свободу. Какъ и послѣ іюльской революціи, въ Парижѣ особенно была популярна идея возстановленія Польши.

Еще ранѣе, чѣмъ во Франціи; былъ совершенъ государственный переворотъ, подготовившій возстановленіе имперіи, европейская революція была уже побѣждена. Реставрація началась еще въ 1848 г. (въ Австріи и Пруссіи), и хотя въ слѣдующемъ году движеніе все еще продолжалось, тѣмъ не менѣе 1849 г. видѣлъ уже и конецъ бури, охватившей всю Западную Европу.

Общій характеръ февральской революціи былъ довольно удачно опредѣленъ Жюлемъ Симономъ въ слѣдующихъ словахъ: „агитація велась либералами въ пользу республики, которой они боялись, а затѣмъ сами республиканцы провозгласили всеобщую подачу голосовъ въ пользу соціализма, къ которому они относились съ ужасомъ“. Результатами переворота дѣйствительно прежде всего воспользовалась республиканская партія, изъ которой и были взяты члены временнаго правительства. Но въ эту эпоху сами республиканцы дѣлились на двѣ фракціи, изъ которыхъ одна стремилась исключительно къ политическому переустройству Франціи, а другая думала и о переустройствѣ соціальномъ. Эта двойственность проявилась и во временномъ правительствѣ, члены котораго были прежде всего названы въ редакціяхъ „National'я“ и „Реформы“, двухъ республиканскихъ газетъ, представлявшихъ собою два разныхъ политическихъ воззрѣнія. Съ самаго начала вслѣдствіе этого во временномъ правительствѣ стали происходить несогласія, отражавшіяся, конечно, на общемъ ходѣ дѣлъ, не говоря уже о томъ, что люди обѣихъ категорій одинаково были застигнуты врасплохъ и совсѣмъ не были приготовлены къ тому, чтобы управлять страной среди необычныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ временное правительство представляло собою двѣ республики, и которая-нибудь изъ нихъ должна была побѣдить. Это различіе скоро сдѣлалось общеизвѣстнымъ и, напримѣръ, въ апрѣлѣ Леру писалъ

къ Кабе: „Будущее грозитъ опасностями, потому что теперь стоятъ одна противъ другой двѣ республики". Большинство парижскаго населенія, оставшееся вооруженнымъ послѣ 24 февраля, стояло на сторонѣ республики соціальной. Уже ранѣе, какъ мы видѣли [1]), наблюдательные люди предсказывали, что слѣдующая революція во Франціи неизбѣжно будетъ имѣть характеръ соціальный. Такъ оно и случилось. Соціалистическая и коммунистическая идеи были уже прежде распространены въ парижскомъ пролетаріатѣ, а когда совершилась революція, въ городѣ образовалось нѣсколько политическихъ клубовъ, основателями которыхъ являлись большею частью члены тайныхъ обществъ, привлекавшіе на свои засѣданія рабочихъ. Правда, каждый изъ этихъ клубовъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, и вожаки ихъ даже ссорились между собою. Напримѣръ, это случилось съ Барбесомъ и Бланки, старыми заговорщиками, зачинщиками неудачнаго республиканскаго возстанія 1839 года [2]), благодаря революціи выпущенными изъ тюрьмы. Но проповѣдовалось въ этихъ клубахъ одно и то же—необходимость общественнаго переустройства. Кромѣ того, и уличная жизнь Парижа совершенно переродилась: появились народные ораторы, произносившіе рѣчи подъ открытымъ небомъ; цѣлая армія мальчиковъ продавала всевозможные листки. Такъ какъ регулярное войско совсѣмъ исчезло, а полицейская служба была организована бывшимъ заговорщикомъ Коссидьеромъ, то парижскій пролетаріатъ очутился настоящимъ господиномъ положенія. Зато во временномъ правительствѣ его стремленія были представлены слабо. Большинство членовъ временнаго правительства было противъ соціалистическихъ стремленій и, въ свою очередь, могло расчитывать на поддержку не только радикальныхъ элементовъ буржуазіи, но и всѣхъ нереспубликанскихъ элементовъ общества. Послѣдніе подчинились республикѣ, но въ глубинѣ души ея боялись и даже ее ненавидѣли. Какъ и въ 1792 г., республиканскій переворотъ 1848 г. былъ дѣломъ главнымъ образомъ только одной части парижскаго населенія [3]). Въ провинціяхъ крупные землевладѣльцы, большею частью дворяне, затѣмъ буржуазія, наконецъ, крестьянская масса, не чувствовали особаго расположенія къ новому образу правленія, равнымъ образомъ неблагопріятно относилось къ республикѣ и духовенство. Однимъ словомъ, какъ и въ девятидесятыхъ годахъ XVIII в., республиканской партіи, очутившейся у власти, предстояла въ высшей степени трудная задача основать республику въ странѣ

---

[1]) См. выше, стр. 103, 197 и др.
[2]) См. выше, стр. 139 и 318.
[3]) См. т. III, стр. 577—579.

съ монархическимъ прошлымъ, въ націи, громадное большинство которой относилось къ этой государственной формѣ по меньшей мѣрѣ съ недовѣріемъ. Для выполненія такой задачи нужна была въ правительствѣ прежде всего солидарность, а ея-то именно и не было. Понятно, что нуженъ былъ также ясный планъ, который приводился бы въ исполненіе послѣдовательно и цѣлесообразно. Но и его не было.

Двумя наиболѣе видными и вліятельными членами временнаго правительства были Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ. Первый изъ нихъ—болѣе поэтъ, чѣмъ политикъ—выступилъ рѣшительнымъ противникомъ какихъ бы то ни было стремленій соціальнаго характера. Въ немъ было много сантиментальной благожелательности и къ народу, но онъ думалъ, что съ провозглашеніемъ республики революція достигла своей цѣли и что далѣе ей дѣлать больше нечего. Мало того: онъ сталъ напрягать всѣ свои усилія къ тому, чтобы прекратить революцію и вообще остановить движеніе. Самое провозглашеніе республики онъ допустилъ только условно. Взявъ на себя министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ съ первыхъ же дней старался успокоить Европу оффиціальнымъ заявленіемъ, въ которомъ обѣщалъ, что новая французская республика будетъ вести миролюбивую политику. Кажется, онъ сильно опасался, какъ бы война въ случаѣ успѣха не создала военной диктатуры. Съ другимъ, болѣе рѣшительнымъ характеромъ выступаетъ Ледрю-Ролленъ. Съ самаго начала онъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы республика была провозглашена безусловно. Взявъ на себя министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ хотѣлъ пользоваться имъ не для обузданія революціи, а для того, чтобы предупредить реакцію и сдѣлать контръ-революцію невозможною. Онъ не прочь былъ также перенести революцію въ Бельгію и Германію. Въ то время, какъ Ламартинъ былъ выставленъ редакціей одного „National'я", имя Ледрю-Роллена значилось въ спискахъ обѣихъ редакцій, и нужно прибавить, что это было единственное такое имя. Являясь въ сравненіи съ Ламартиномъ болѣе послѣдовательнымъ демократомъ и республиканцемъ, Ледрю-Ролленъ довольно близко стоялъ къ соціалистической партіи, хотя самъ вовсе не былъ соціалистомъ. Правда, онъ не разъ дѣлалъ заявленія въ смыслѣ необходимости удовлетворенія соціальнымъ требованіямъ, но когда ему пришлось выбирать между двумя республиками, онъ сталъ не на сторону соціалистовъ. Большинство временнаго правительства относилось къ нему недружелюбно. Его стали обвинять въ якобинскихъ замашкахъ, въ деспотизмѣ. Точно также онъ былъ весьма непопуляренъ среди буржуазіи, боявшейся его республиканизма. Тѣмъ сильнѣе зато была его популярность въ рабочемъ населеніи Парижа. Далѣе, въ самомъ правительствѣ были и другія лица, которыя участвовали въ провозглашеніи респуб-

лики съ нѣкоторою неохотою, и они, конечно, должны были скорѣе тормозить движеніе, чѣмъ давать ему соотвѣтственное направленіе. Наконецъ, не всегда даже наиболѣе убѣжденные понимали, чего должна была требовать республика. Маррастъ, захватившій должность парижскаго мэра, четыре дня спустя, принимая депутацію представителей періодической прессы, обратился къ ней съ такими словами: „при свободѣ прессы невозможно управлять страною“. Эти слова въ устахъ республиканскаго журналиста, подвергавшагося при іюльской монархіи неоднократнымъ преслѣдованіямъ, показываютъ, чего можно было ожидать отъ него, какъ члена временнаго правительства. Парижская мэрія превратилась подъ его управленіемъ [1]) въ центръ разнаго рода интригъ и конспирацій, имѣвшихъ своею цѣлью противодѣйствовать болѣе радикальнымъ членамъ временнаго правительства.

Этому правительству, конечно, нужны были помощники, которые приводили бы въ исполненіе его постановленія. Между тѣмъ весь служебный персоналъ оставался прежній, и, разумѣется, отъ людей, которые служили іюльской монархіи, нельзя было ожидать вѣрной службы республикѣ. Мало того: временное правительство не думало отказываться и отъ тѣхъ пріемовъ управленія, которые были въ ходу при Людовикѣ-Филиппѣ. Между прочимъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Ламартинъ довѣрялъ самыя важныя дипломатическія тайны лицамъ, которыя наканунѣ служили реакціонной политикѣ Гизо. Нѣчто худшее дѣлалось въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Многочисленные шпіоны прежняго правительства предложили свои услуги новому, какъ говорятъ, ссылаясь на то, что 24-е февраля лишило ихъ обычнаго заработка. Правительство приняло ихъ всѣхъ на службу вмѣстѣ съ новыми добровольцами той же самой профессіи. Сразу въ Парижѣ образовалось три тайныхъ полиціи, шпіонившихъ одна за другою. Кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ, тайныхъ агентовъ имѣлъ Маррастъ, слѣдившій одновременно за поведеніемъ Ледрю-Роллена, Луи Блана и Коссидьера, радикализмъ которыхъ внушалъ ему опасенія. Равнымъ образомъ и Коссидьеръ, изъ заговорщика попавшій въ префекты полиціи, хорошо знакомый съ разнаго рода тайными махинаціями, устроилъ свою особую тайную полицію, которая извѣщала его чуть не о каждомъ словѣ, произнесенномъ Маррастомъ. На это, конечно, тратились не малыя суммы денегъ, и въ охотникахъ ихъ получать недостатка не было. Разумѣется, подобнаго рода факты свидѣтельствуютъ и о томъ, какъ мало другъ другу довѣряли люди, взявшіеся управлять Франціей. Правда, это было только временное правительство и

[1]) Въ должности мэра онъ смѣнилъ Гарнье-Пажеса, сдѣлавшагося министромъ финансовъ.

оно должно было сравнительно въ скоромъ времени уступить мѣсто правильно организованнымъ властямъ, но отъ него все-таки зависѣло, какое направленіе дать дальнѣйшему теченію дѣлъ и между прочимъ самой организаціи государственныхъ властей.

Затруднительность положенія временнаго правительства усугублялась тѣмъ, что населеніе Парижа было до-нельзя взволновано революціей и постоянно оказывало давленіе на правительство. Какъ и въ эпоху великой революціи, Парижъ диктовалъ свою волю людямъ, стоявшимъ у власти, бурно предъявляя имъ тѣ или другія требованія, которыя часто и при всемъ желаніи правительства не могли быть удовлетворены.

Самыми популярными среди рабочихъ классовъ членами временнаго правительства были Луи Бланъ и Альберъ. Послѣдній самъ принадлежалъ къ рабочему классу и уже ранѣе былъ извѣстенъ среди народа, какъ агитаторъ. Онъ принималъ живое участіе въ разныхъ движеніяхъ сороковыхъ годовъ и очень близко стоялъ къ Луи Блану, когда вспыхнула революція. Но особенно большимъ вліяніемъ пользовался въ рабочемъ классѣ самъ Луи Бланъ. Его извѣстность началась съ того времени, когда онъ издалъ свою „Организацію труда“. Сочиненіе это, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, выдержало нѣсколько изданій, и даже дѣлались попытки примѣненія на практикѣ его принциповъ. Нужно, однако, замѣтить, что въ новыхъ изданіяхъ „Организація труда“ подвергалась передѣлкамъ, которыя указываютъ на то, что авторъ самъ недостаточно твердо держался, если не своихъ принциповъ, то, по крайней мѣрѣ, рекомендовавшихся имъ способовъ осуществленія новаго общественнаго строя. Можно даже сказать, что планъ новой соціальной организаціи имъ самимъ не былъ еще окончательно установленъ. Во всякомъ случаѣ ничто не указываетъ на то, чтобы Луи Бланъ думалъ о скоромъ осуществленіи своихъ принциповъ. Февральская революція застала его, какъ и многихъ другихъ, врасплохъ; къ тому же онъ отличался лично характеромъ весьма мягкимъ и уступчивымъ, несмотря на весь свой теоретическій якобинизмъ. Положеніе Луи Блана во временномъ правительствѣ было совершенно особенное. Товарищи относились къ нему очень недружелюбно и всячески противодѣйствовали его проектамъ, не довѣряя ему и боясь его вліянія на массу, а самъ онъ, наоборотъ, старался всячески ладить съ своими товарищами и изыскивать средства къ успокоенію народа, хотя именно эти самыя средства и казались опасными его товарищамъ. Если бы на его мѣстѣ былъ другой человѣкъ, то онъ могъ бы при малѣйшемъ желаніи низвергнуть временное правительство и захватить въ свои руки диктатуру отъ имени революціоннаго пролетаріата. Луи Бланъ не только не шелъ на встрѣчу такой возможности, но, наобо-

ротъ, всѣми силами старался поддерживать авторитетъ временнаго правительства.

Уже 25 февраля вооруженная толпа требовала „права на трудъ“, а на другой день въ самомъ правительствѣ зашла рѣчь о національныхъ мастерскихъ, которыя и рѣшено было учредить. Но эти національныя мастерскія не имѣли ничего общаго съ соціальными мастерскими, проектированными Луи Бланомъ, хотя ему же потомъ и была поставлена въ вину вся эта неудачная затѣя. Настоящимъ ихъ иниціаторомъ былъ членъ временнаго правительства и министръ общественныхъ работъ Мари, у котораго были свои расчеты. Съ одной стороны, онъ надѣялся, что національныя мастерскія на опытѣ докажутъ рабочимъ свою непрактичность и тѣмъ подорвутъ опасное вліяніе Луи Блана, а съ другой — онъ надѣялся, выдавая казенныя деньги на содержаніе нѣкоторой части рабочихъ, привлечь ее на свою сторону и, создавъ изъ нея вооруженную силу, тѣмъ самымъ сдѣлать неопасною другую часть пролетаріата. Между тѣмъ 28 февраля парижскими рабочими была устроена новая демонстрація. Къ ратушѣ двинулись толпы народа со знаменами, на которыхъ красовался девизъ: „уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ“. Манифестанты потребовали отъ временнаго правительства учрежденія особаго министерства прогресса, долженствовавшаго подготовить обѣщанную организацію труда. Это требованіе поддерживалъ предъ своими товарищами и Луи Бланъ, говорившій, что министерство прогресса было бы администраціей, которая посредствомъ распространенія просвѣщенія предотвращала бы народныя насилія. Всѣ члены временнаго правительства, кромѣ одного Альбера, возстали противъ такого плана. Тогда Луи Бланъ и Альберъ объявили, что они подадутъ въ отставку, если не будетъ дано согласія на учрежденіе новаго министерства. Остальные члены временнаго правительства хорошо понимали, что отставка Луи Блана и Альбера была бы сигналомъ къ революціи, которой они не въ состояніи были бы подавить. И вотъ они пошли на уступку, предложивъ, вмѣсто министерства прогресса, учредить особую коммиссію для разработки вопросовъ, относящихся къ труду и какъ къ матеріальному, такъ и къ нравственному положенію рабочихъ. Луи Бланъ долженъ былъ сдѣлаться предсѣдателемъ этой коммиссіи. Сначала онъ отказался отъ этой чести, говоря, что безъ власти и безъ денегъ онъ ничего не могъ бы сдѣлать и только обманулъ бы довѣріе народа. „Мнѣ поручаютъ, сказалъ онъ, прочитать передъ голодными людьми курсъ о голодѣ, но моя совѣсть не позволяетъ мнѣ взять на себя такую роль“. Тогда Луи Блана стали просить, чтобы онъ не ставилъ временное правительство въ затруднительное положеніе, и даже обѣщали ему раздѣлить съ нимъ

отвѣтственность, и Луи Бланъ позволилъ себя упросить. Онъ принялъ на себя предсѣдательство, Альберъ былъ сдѣланъ товарищемъ предсѣдателя; мѣстопребываніемъ коммиссіи былъ назначенъ Люксембургскій дворецъ. Въ этомъ смыслѣ немедленно былъ составленъ и опубликованъ декретъ, гласившій между прочимъ слѣдующее: „Признавая, что революція, совершонная народомъ, должна быть сдѣлана и для него, что пора уже положить предѣлъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ рабочихъ, что рабочій вопросъ есть вопросъ величайшей важности, что не существуетъ предмета, который былъ бы настолько достоинъ заботливости республиканскаго правительства,... временное правительство республики учреждаетъ постоянную правительственную коммиссію для рабочихъ съ спеціальнымъ назначеніемъ заниматься участью рабочаго класса“. Этимъ декретомъ временное правительство торжественно признавало соціальный характеръ революціи, но въ то же время, такъ сказать, устраняло изъ своего состава единственныхъ людей, которые представляли въ немъ какъ-разъ эту самую соціальную идею. Вмѣсто министерства, Луи Блану дали, какъ онъ самъ впослѣдствіи выражался, предсѣдательство въ ученой коммиссіи, у которой не было никакого авторитета и никакихъ матеріальныхъ средствъ. Быть можетъ, какъ думаютъ нѣкоторые, Луи Бланъ пошелъ на такой компромиссъ потому, что самъ опасался дѣйствительной власти и отвѣтственности, съ нею соединенной, не имѣя практически и въ подробностяхъ разработаннаго плана соціальной реорганизаціи. По крайней мѣрѣ, онъ безъ малѣйшей попытки протестовать уступилъ Мари все предпріятіе съ національными мастерскими. Да и впослѣдствіи, когда диктатура сама давалась ему въ руки, онъ передъ нею отступилъ, несмотря на раздававшіяся обвиненія въ измѣнѣ. Въ Люксембургскомъ дворцѣ Луи Бланъ и Альберъ созвали уполномоченныхъ отъ рабочихъ изъ разныхъ мастерскихъ, дабы выслушать въ чемъ заключались ихъ желанія. На основаніи выраженныхъ ими требованій составленъ былъ декретъ, сокращавшій рабочій день съ одиннадцати на десять часовъ въ Парижѣ и съ двѣнадцати до одиннадцати въ провинціи. Но этотъ декретъ остался мертвою буквою, такъ какъ хозяева промышленныхъ заведеній вовсе не обнаруживали намѣренія ему подчиниться. Коммиссія, приглашавшая въ свои засѣданія и ученыхъ экономистовъ, выработала еще нѣсколько практическихъ мѣръ, оставшихся точно также безъ осуществленія. Занятые въ этой коммиссіи Луи Бланъ и Альберъ совсѣмъ были устранены отъ того, что дѣлалось въ ратушѣ. Между тѣмъ рабочіе возлагали большія надежды на коммиссію. Народъ вѣрилъ, что она осуществитъ обѣщаніе, данное ему декретомъ 25 февраля въ отвѣтъ на требованіе „права на трудъ“: пра-

вительство французской республики обязалось въ этомъ отвѣтѣ обезпечить существованіе рабочимъ трудомъ и доставить работу всѣмъ гражданамъ.

„Такимъ образомъ, писалъ впослѣдствіи Марксъ въ „Новой Рейнской газетѣ“, представители рабочаго класса были устранены изъ временнаго правительства, и буржуазная часть его захватила исключительно въ свои руки дѣйствительную власть и бразды правленія, а рядомъ съ министерствами финансовъ, торговли и общественныхъ работъ, рядомъ съ банкомъ и биржею возникла соціалистическая синагога, первосвященники которой, Луи Бланъ и Альберъ, имѣли своей задачею открыть обѣтованную землю, провозгласить новое евангеліе и занять парижскій пролетаріатъ... Въ то время, какъ въ Люксембургѣ отыскивали философскій камень, въ ратушѣ чеканили монету, имѣвшую настоящій курсъ“.

За манифестаціей 28 февраля, приведшей къ учрежденію люксембургской коммиссіи, послѣдовала другая. 16 марта передъ ратушею произошла буржуазная демонстрація такъ называемыхъ „мохнатыхъ шапокъ“. Дѣло въ томъ, что правительство рѣшило упразднить гренадерскую роту національной гвардіи, состоявшую изъ буржуазіи и носившую особый головной уборъ. Подъ предлогомъ просьбы сохраненія мохнатыхъ шапокъ національная гвардія устроила свою демонстрацію, имѣвшую чисто реакціонный характеръ. Въ толпѣ раздавались крики, враждебные соціализму, и многіе даже требовали смерти Ледрю-Роллена. Узнавъ объ этомъ происшествіи, рабочіе страшно взволновались и на другой день, 17 марта, имѣя во главѣ свои клубы, снова двинулись къ ратушѣ, чтобы не дать буржуазіи восторжествовать надъ временнымъ правительствомъ, а главное, чтобы принудить его къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій и въ случаѣ надобности даже произвести перемѣны въ его составѣ. Однимъ изъ главныхъ требованій манифестантовъ (ихъ было около полутораста тысячъ), была отсрочка выборовъ въ учредительное собраніе, назначенныхъ на 9-е апрѣля, такъ какъ республиканцы хотѣли имѣть время, чтобы подготовить народъ къ этимъ выборамъ. Другими словами, это значило, что правительство приглашалось взять въ свои руки диктатуру. Луи Бланъ старался помѣшать этой манифестаціи, и когда она тѣмъ не менѣе состоялась, то онъ своими рѣчами всячески успокаивалъ народъ. Вожди клубовъ раздѣлились, и въ то время, какъ Бланки хотѣлъ довести дѣло до конца, Барбесъ и Кабе помогали Луи Блану уговаривать толпу. По всеобщимъ отзывамъ, манифестація 17 марта отличалась необыкновеннымъ порядкомъ, спокойствіемъ и сдержанностью; на слѣдующій день само временное правительство благодарило народъ за устроенную имъ величественную манифестацію. „Ла-

мартинъ и Ледрю-Ролленъ, писалъ впослѣдствіи Прудонъ, имѣли полное основаніе назвать 17 марта прекраснымъ днемъ: они не желали диктатуры, а въ этотъ день Франція, можетъ быть, была спасена отъ диктаторовъ", и къ этимъ словамъ Прудонъ прибавляетъ упрекъ по адресу Луи Блана. Послѣдній потомъ оправдывался тѣмъ, что изъ диктатуры все равно ничего хорошаго не вышло бы, а между тѣмъ сама разнохарактерность составныхъ элементовъ въ правительствѣ, по его словамъ, была необходима для сохраненія равновѣсія между различными элементами общества. Теоретикъ соціальной реформы и литературный поклонникъ якобинизма отступалъ на практикѣ отъ осуществленія идей, распространенію которыхъ среди парижской демократіи самъ же содѣйствовалъ своими сочиненіями. Практическимъ результатомъ 17 марта была отсрочка выборовъ на двѣ недѣли,—срокъ слишкомъ короткій для того, чтобы можно было укрѣпить въ умахъ избирателей республиканскую идею, и наоборотъ, оказавшійся совершенно достаточнымъ для того, чтобы враги республики успѣли оправиться отъ душевнаго потрясенія, испытаннаго ими подъ вліяніемъ внезапнаго крушенія іюльской монархіи.

Черезъ мѣсяцъ, 16 апрѣля, произошла новая народная манифестація, имѣвшая своею цѣлью еще разъ напомнить временному правительству, что главная его задача заключалась въ изысканіи средствъ улучшить бытъ пролетаріата. Но теперь временное правительство заранѣе приготовилось къ возможности повторенія такого движенія, какое произошло 17 марта. Оно рѣшило во что бы то ни стало организовать вооруженную силу для противодѣйствія. По предложенію Араго, въ Парижъ введено было нѣсколько полковъ, а Маррастъ, съ своей стороны, всячески располагалъ въ свою пользу національную гвардію, распространяя въ ней мысль о томъ, что она должна „защищать семью и собственность" противъ коммунистовъ. Въ то же время Ламартинъ занялся организаціей подвижной гвардіи изъ всякаго сброда, котораго вообще бываетъ много въ большихъ городахъ, а Мари дѣйствовалъ среди рабочихъ, занятыхъ въ національныхъ мастерскихъ. Собственно говоря, никакихъ мастерскихъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова не было устроено. Мари сталъ принимать безработныхъ на земляныя работы, платя всѣмъ по два франка въ день, хотя подъ рукой распространялся слухъ, что это какъ-разъ и было то, о чемъ хлопоталъ Луи Бланъ. Такъ какъ февральская революція повлекла за собой промышленно-торговый кризисъ, то безработныхъ было очень много, и пришлось давать занятія такому громадному числу нуждающихся, что въ общей сложности на это предпріятіе было затрачено около семи милліоновъ франковъ. Въ апрѣлѣ такихъ рабочихъ было уже десятки тысячъ, и Мари записалъ ихъ 60.000 въ

національные гвардейцы, не жалѣя денегъ на то, чтобы организовать изъ нихъ вѣрную правительству вооруженную силу. Рабочіе смотрѣли на подвижную гвардію, какъ на плоть отъ плоти своей, но на самомъ дѣлѣ это были люди, у которыхъ не было никакого классоваго чувства; это были настоящіе наемники. Съ другой стороны, буржуазія воображала, что рабочіе, навербованные и организованные Мари, будутъ послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, но на самомъ дѣлѣ Мари создавалъ армію для возстанія пролетаріевъ. Манифестація 16 апрѣля страшно напугала Ледрю-Роллена, все еще продолжавшаго пользоваться большимъ вліяніемъ въ народѣ. Онъ приказалъ генералу Шангарнье организовать защиту ратуши, и когда уполномоченные манифестантовъ явились на площадь передъ ратушей, то нашли все это мѣсто занятымъ національными гвардейцами, которые встрѣтили процессію корпорацій клубовъ криками: „долой коммунистовъ!“ Манифестантамъ пришлось отступить, ровно ничего не добившись. Вечеромъ національная гвардія торжествовала свою побѣду. Отдѣльные ея отряды ходили по улицамъ Парижа, крича: „Долой коммунистовъ! Смерть Бланки! смерть Кабе!“ Одна толпа ворвалась даже въ квартиру Кабе, но не нашедши его тамъ, ограничилась разгромомъ квартиры. Ночью національная гвардія потребовала у министра юстиціи, чтобы въ Парижъ было введено войско, и министръ обѣщалъ исполнить это „желаніе народа“. 20-го апрѣля временное правительство устроило парадный смотръ національной гвардіи, на который было приглашено и нѣсколько линейныхъ полковъ. Собственно говоря, угрожающаго ничего манифестація 16 апрѣля не имѣла. По крайней мѣрѣ, рабочіе ничего не прибавляли къ прежнимъ заявленіямъ о томъ, что революція должна была положить конецъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ путемъ организаціи труда и что народъ готовъ оказывать временному правительству всякую помощь въ борьбѣ съ реакціонерами, и манифестація 16 апрѣля могла бы окончиться такъ же спокойно, какъ и манифестація 17 марта. Побѣда буржуазіи тотчасъ же выразилась въ томъ, что на другой уже день въ префектуру полиціи начало поступать такое количество доносовъ, что, по словамъ Кассидьера, можно было бы подумать, будто одна половина парижскаго населенія хочетъ засадить въ тюрьму другую половину.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого совершены были выборы въ учредительное собраніе. Они происходили, съ одной стороны, подъ вліяніемъ страха передъ пролетаріатомъ, которому приписывали намѣреніе произвести раздѣлъ собственности, а съ другой, подъ вліяніемъ реакціи, бывшей результатомъ событія 16 апрѣля. Эти выборы сильно озабочивали Ледрю-Роллена. Уже въ самомъ началѣ республики онъ послалъ въ департаменты особыхъ коммиссаровъ, которые должны

были заняться на мѣстахъ устроеніемъ новаго порядка. Охотниковъ ѣхать въ провинцію нашлось громадное количество, но все это были парижане, совершенно чуждые мѣстной жизни и зараженные самыми централистическими взглядами. Въ этомъ отношеніи Ледрю-Ролленъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ принциповъ якобинизма и традицій національнаго конвента. Когда эти правительственные коммиссары разъѣхались по мѣстамъ назначенія, Ледрю-Ролленъ сталъ обращаться къ нимъ съ циркулярами, которые въ свое время надѣлали не мало шума, хотя въ печать они попали лишь благодаря нескромности враговъ республики. Между прочимъ Ледрю-Ролленъ просилъ коммиссаровъ постараться, чтобы въ учредительное собраніе были выбраны люди, преданные народу. По его словамъ, правительство должно было просвѣщать націю для уничтоженія интригъ контръ-революціи. Ему казалось, что если кто и боится республики, то лишь вслѣдствіе непониманія: народу нужно разъяснить, что она такое, и онъ ее полюбитъ. Это должно было быть единственнымъ способомъ вліянія на выборы: устрашенія и жестокости возбуждаютъ волненія, а подкупъ унижаетъ и губитъ власть, которая къ нему прибѣгаетъ. Сами коммиссары дѣйствовали въ провинціяхъ весьма различно, и далеко не всѣ стояли на высотѣ своего призванія. Съ другой стороны, на громадное большинство избирателей весьма неблагопріятно подѣйствовало объявленное временнымъ правительствомъ увеличеніе налоговъ. Правительство поторопилось отмѣнить наиболѣе непопулярные налоги, но не имѣя денежныхъ средствъ и потерпѣвъ неудачу съ заключеніемъ займа, рѣшилось прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ. Незадолго передъ тѣмъ одинъ англійскій министръ, далеко не отличавшійся прогрессивными стремленіями, провелъ на своей родинѣ законъ о подоходномъ налогѣ, который прежде всего падалъ на избытокъ богатыхъ [1]). Временное правительство французской республики выбрало другой путь, прибавивъ 45% къ существовавшимъ уже прямымъ налогамъ. Для массы плательщиковъ, въ особенности для крестьянъ, это распоряженіе создавало очень неблагопріятное представленіе о республикѣ. И это обстоятельство тоже оказало свое вліяніе на исходъ выборовъ.

По распоряженію временнаго правительства, право участвовать въ выборахъ получалъ каждый французъ, достигшій гражданскаго совершеннолѣтія, депутаты же должны были имѣть не менѣе двадцати пяти лѣтъ. Общее ихъ число было опредѣлено въ 900, и каждый депутатъ долженъ былъ получать суточныхъ денегъ 25 франковъ. Избирательная агитація отличалась необыкновенною живостью, такъ какъ всѣ партіи и отдѣльные политическіе люди выбивались изъ

[1]) См. выше, стр. 211.

всѣхъ силъ, чтобы доставить торжество своимъ идеямъ. Особое значеніе, конечно, получили выборы въ Парижѣ, который имѣлъ право на тридцать четыре представителя. Въ столицѣ государства и за немногими исключеніями въ департаментахъ выборы совершались въ полномъ порядкѣ. Лишь въ немногихъ случаяхъ произошли волненія. Особенно серьезные размѣры приняло нарушеніе порядка въ Руанѣ, гдѣ недовольная результатами выборовъ соціальная демократія возстала, но была жестоко усмирена. Въ учредительное собраніе страна послала весьма сильное большинство, враждебное какимъ бы то ни было соціальнымъ перемѣнамъ. Въ самомъ Парижѣ большинство голосовъ было на сторонѣ Ламартина (260.000), Араго, Гарнье-Пажеса, Марраста, Мари и т. п., тогда какъ Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ и Альберъ прошли въ меньшинствѣ; къ числу лицъ, получившихъ наименьшее количество голосовъ, принадлежалъ также Ламеннэ. Въ общемъ соціалистамъ въ учредительномъ собраніи принадлежало лишь нѣсколько мѣстъ. Остальные депутаты, сходившіеся между собою на почвѣ противодѣйствія соціальной республикѣ, раздѣлялись на монархистовъ и республиканцевъ. Преобладаніе принадлежало послѣднимъ, вслѣдствіе чего монархисты (легитимисты и орлеанисты), выбранные подъ вліяніемъ духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ и составлявшіе все-таки весьма сильное меньшинство, были вынуждены подчиниться республикѣ, требуя только, чтобы она держалась строго консервативной политики. Понятно, что такой результатъ выборовъ былъ слѣдствіемъ того, что главную массу избирателей составляли крестьяне и мелкая буржуазія, а они сплотились вокругъ крупной буржуазіи и даже землевладѣльческаго дворянства, которое въ эпоху существованія ценза почти совсѣмъ не имѣло избирателей [1]). Въ собраніи было и большое число ревностныхъ католиковъ и, въ частности, священниковъ. Такое собраніе отнюдь не соотвѣтствовало мечтамъ парижскаго пролетаріата о соціальной республикѣ.

Національное собраніе открыло свои засѣданія 4 мая съ торжественной церемоніей, для которой было снова введено въ Парижъ нѣсколько отрядовъ войска, парадировавшаго во время церемоніи. Временное правительство предписало депутатамъ явиться въ костюмахъ членовъ конвета, но это требованіе исполнилъ одинъ Коссидьеръ. Собраніе провозгласило республику съ девизомъ: „свобода, равенство, братство“ и, выслушавъ отчеты членовъ временнаго правительства, выбрало (10 мая) исполнительную коммиссію изъ пяти членовъ (Араго,

[1]) Въ „Воспоминаніяхъ“ Токвиля очень рельефно описано, какъ всѣ классы во время выборовъ слились въ одномъ чувствѣ страха передъ соціальнымъ характеромъ революціи.

Гарнье-Пажесъ, Мари, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ), которая сама распредѣлила министерскіе портфели (причемъ военное министерство досталось Каваньяку). Луи Бланъ и Альберъ оказались исключенными изъ состава новаго правительства. Луи Бланъ предложилъ-было учредить министерство прогресса, но оно было отвергнуто, а новый министръ общественныхъ работъ, Трела, прямо заявилъ, что трудъ долженъ быть возвращенъ къ прежнимъ условіямъ своего существованія.

Парижскій пролетаріатъ не могъ быть доволенъ подобнымъ результатомъ: въ маѣ и іюнѣ имъ сдѣланы были поэтому попытки снова занять то положеніе, которое онъ уже занималъ послѣ февральскаго переворота. Къ его вождямъ присоединились еще иностранные эмигранты, особенно поляки, требовавшіе, чтобы Франція заступилась за угнетенныя національности. Уже 13-го мая толпа въ пять-шесть тысячъ человѣкъ съ криками: „да здравствуетъ Польша!“ отправилась къ національному собранію и черезъ особую депутацію представила ему адресъ съ просьбою заступиться за польскую націю. 15 мая демонстрація повторилась, и на этотъ разъ она приняла характеръ настоящаго возстанія. Народъ снова долженъ былъ сдѣлать манифестацію въ пользу поляковъ, но правительство черезъ своихъ шпіоновъ узнало, что вожди движенія имѣли другую цѣль—низвергнуть правительство и разогнать національное собраніе. Поэтому съ его стороны приняты были мѣры. Утромъ 15-го мая члены демократическихъ клубовъ, имѣя во главѣ Бланки, Распайля и др. агитаторовъ, собрались на площади Бастиліи и оттуда съ громадной толпой народа двинулись къ національному собранію. Народъ, не встрѣтивъ на пути серьезнаго сопротивленія, ворвался въ засѣданіе и произвелъ страшный безпорядокъ. Національное собраніе было объявлено распущеннымъ; овладѣвшіе его залой члены демократическихъ клубовъ приступили даже къ избранію новаго правительства. Въ число членовъ были предложены Луи Бланъ и Альберъ, хотя первый изъ нихъ еще раньше старался удержать народъ отъ демонстраціи. Остальными кандидатами были Бланки, Распайль, Коссидьеръ, Кабе, Леру, Консидеранъ. Когда, однако, пришло извѣстіе о приближеніи національной гвардіи и подвижной гвардіи, инсургенты оставили національное собраніе и пошли къ ратушѣ, которою и овладѣли почти безъ всякаго сопротивленія подъ начальствомъ Барбеса и Альбера. Здѣсь Барбесъ и Альберъ образовали новое правительство, въ составъ котораго должны были войти нѣкоторые изъ намѣченныхъ ранѣе лицъ и, кромѣ того, Ледрю-Ролленъ, вовсе не думавшій становиться на сторону возставшихъ. Между тѣмъ подъ защитою военной силы члены національнаго собранія возвратились на свои мѣста. Среди нихъ было два члена исполнительной коммиссіи, Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ, рѣшившіе

не допустить образованія новаго правительства. Они стали во главѣ національной и подвижной гвардіи и двинулись на ратушу, которою вскорѣ и завладѣли. Точно такъ же отняты были у возставшихъ и другія мѣста, занятыя ими, между прочимъ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда овладѣвшій имъ Собрье приступилъ-было къ извѣщенію провинцій о совершившемся переворотѣ. Были приняты мѣры и противъ Коссидьера, котораго подозрѣвали въ соучастіи съ возставшими. Въ тотъ же день были арестованы и нѣкоторые вожди инсургентовъ; другіе были переловлены въ слѣдующіе дни и всѣ посажены въ Венсенскій замокъ. Парижскій пролетаріатъ вслѣдствіе этого лишился наиболѣе энергичныхъ своихъ вождей. Правительство теперь постановило увеличить численность военныхъ силъ въ столицѣ. 21-го мая оно устроило для народа великолѣпное зрѣлище съ военнымъ парадомъ, такъ называемый праздникъ согласія, ухлопавъ на это цѣлый милліонъ франковъ. День прошелъ совершенно спокойно, но результатомъ его было новое увеличеніе вооруженной силы въ Парижѣ.

Нельзя сказать, чтобы между національнымъ собраніемъ и исполнительной коммиссіей существовало полное согласіе. Былъ даже моментъ, когда можно было ожидать отставки исполнительной коммиссіи. Поводъ къ одному изъ столкновеній былъ слѣдующій. Въ первыхъ числахъ іюня, во время дополнительныхъ выборовъ, въ числѣ новыхъ представителей народа оказался избраннымъ въ Парижѣ и трехъ департаментахъ Людовикъ-Бонапартъ. Посаженный за свое второе покушеніе въ крѣпость [1]), онъ сумѣлъ оттуда бѣжать (1846), а немедленно послѣ февральской революціи рѣшился поселиться въ Парижѣ. Временное правительство, однако, намекнуло ему тогда, что ему лучше было бы уѣхать, и онъ повиновался. Избраніе его въ четырехъ округахъ уже само по себѣ кое-что значило, но когда на парижскихъ бульварахъ стали по временамъ раздаваться крики: „да здравствуетъ Наполеонъ! да здравствуетъ императоръ!“, исполнительная коммиссія постановила примѣнить къ принцу, какъ къ претенденту на престолъ, законы 1816 и 1832 гг. объ изгнаніи всѣхъ членовъ фамиліи Наполеона. Но національное собраніе высказалось противъ этого, увлеченное отчасти Луи Бланомъ, который говорилъ, что примѣненіе такого закона было бы недостойно республики и что возстановленіе имперіи совершенно невозможно. Ламартинъ даже поставилъ вопросъ объ отставкѣ, но не былъ поддержанъ товарищами. Равнымъ образомъ національное собраніе и исполнительная коммиссія не могли сойтись между собою по вопросу о національныхъ мастерскихъ. Если не по существу дѣла, то по самому

[1]) См. выше, стр. 143.

названію своему національныя мастерскія являлись какъ бы воплощеніемъ соціалистическихъ стремленій пролетаріата. Весьма естественно, что буржуазія относилась къ нимъ крайне недружелюбно. Мелкая буржуазія, переживавшая тяжелый кризисъ, прямо даже съ ненавистью смотрѣла на это учрежденіе: она разорялась, а государство за какую-то никому ненужную работу платило деньги Богъ знаетъ кому. Съ этой точки зрѣнія смотрѣла она и на соціализмъ, и на люксембургскую коммиссію, и на рабочія манифестаціи. Впослѣдствіи ту же ненависть къ пролетаріату и соціализму проявили и крестьяне, которые сначала были раздражены „сорока пятью сантимами“, а затѣмъ прослышали о существованіи опасныхъ partageux, думающихъ отнять у нихъ землю для всеобщаго раздѣла. И національное собраніе весьма косо смотрѣло на національныя мастерскія, находя ихъ дорого стоющими, совершенно ненужными, а сверхъ того и опасными, такъ какъ многіе работники этихъ мастерскихъ приняли участіе въ возстаніи 15-го мая. Въ средѣ національнаго собранія возникло даже подозрѣніе, будто исполнительная коммиссія держится за національныя мастерскія лишь ради того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи стотысячную революціонную армію рабочихъ, которую можно было бы пустить въ ходъ противъ самого національнаго собранія. На самомъ дѣлѣ такое мнѣніе было совершенно неосновательно. Исполнительная коммиссія сама начинала подумывать объ уничтоженіи національныхъ мастерскихъ, хотя и понимала, что такое предпріятіе было бы въ высшей степени труднымъ и даже опаснымъ. Ее пугалъ громадный ростъ количества рабочихъ, потому что въ Парижъ стало стекаться множество народа изъ провинцій ради полученія раздававшейся правительствомъ поденной платы: въ началѣ іюня число рабочихъ, занятыхъ въ національныхъ мастерскихъ, опредѣлялось въ 117.000, и были всѣ основанія ожидать новаго прилива рабочихъ. Большія суммы денегъ, поглощавшіяся этимъ предпріятіемъ, тоже заставляли исполнительную коммиссію задуматься надъ тѣмъ, что же будетъ дальше. Въ сущности, и національное собраніе, и исполнительная коммиссія были одинаково противъ національныхъ мастерскихъ, но исполнительная коммиссія только хотѣла соблюдать извѣстную осторожность или, по крайней мѣрѣ, выгородить себя, сваливъ отвѣтственность за всѣ непріятныя для пролетаріата мѣры на національное собраніе. Наиболѣе нетерпѣливые депутаты, наоборотъ, хотѣли поскорѣе положить конецъ непріятному для нихъ положенію дѣлъ, хотя бы при этомъ пришлось подвергнуться опасности новаго возстанія.

Съ 15 мая начался рядъ мѣръ, направленныхъ противъ національныхъ мастерскихъ. Уже въ этотъ день было предписано пред-

ложить всѣмъ холостымъ рабочимъ отъ 18 до 25 лѣтъ поступить въ солдаты или уйти. Затѣмъ было сдѣлано распоряженіе удалить всѣхъ рабочихъ, не жившихъ передъ тѣмъ въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, или такихъ, которые отказывались отъ предлагавшейся имъ частной работы, работа же въ мастерскихъ, оплачивавшаяся поденно, должна была оплачиваться издѣльно. Наконецъ, рѣшено было отправить часть рабочихъ въ отдаленныя провинціи, гдѣ они должны были быть заняты земляными работами. Директора національныхъ мастерскихъ, Эмиля Тома, не соглашавшагося на эти мѣры, министръ общественныхъ работъ Трела лишилъ должности и насильственно выслалъ изъ Парижа. Это вызвало волненіе рабочихъ, и самъ Трела, старавшійся ихъ успокоить, потребовалъ у національнаго собранія новаго кредита въ три милліона франковъ для національныхъ мастерскихъ (20 іюня). Волненіе усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе рабочіе, отправленные въ провинцію, возвращались въ Парижъ и доказывали, что никакихъ работъ тамъ они не нашли, что ихъ обманули, что съ ними дурно обращались. Декретъ, предписывавшій удалить или записать въ солдаты всѣхъ холостыхъ рабочихъ, появившійся 21 іюня въ „Монитерѣ“ еще болѣе раздражилъ рабочихъ.

Не лучше шли дѣла люксембургской коммиссіи. При открытіи національнаго собранія Луи Бланъ настаивалъ на томъ, чтобы эту безцѣльную коммиссію преобразовали въ министерство труда и прогресса, предсказывая возможность новой революціи. „Вѣдь говорили, сказалъ онъ при этомъ, — вѣдь говорили передъ февральской революціей, что нужно беречься революціи презрѣнія [1]), мы же должны устранить — и этого достигнуть можно — революцію голода“. Когда его предложеніе не было принято, ему оставалось только уйти, а послѣ его ухода и коммиссія прекратила свое существованіе. Нѣсколько рабочихъ ассоціацій, основанныхъ на деньги, которыя Луи Бланъ успѣлъ выхлопотать у правительства во время своего предсѣдательства въ видѣ ссудъ, были единственнымъ практическимъ результатомъ дѣятельности этого „рабочаго парламента“. Коммиссія не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, и это тоже внесло не мало озлобленія въ пролетаріатъ.

Съ каждымъ днемъ національное собраніе и исполнительная коммиссія принимали все болѣе и болѣе вызывающее положеніе. Борьба казалась неизбѣжной, и чтобы выйти изъ тягостнаго ожиданія, правительство даже желало, чтобы на него какъ можно скорѣе было сдѣлано нападеніе. Побѣда 15 мая вселяла правительству увѣ-

[1]) Слова Ламартина; см. выше, стр. 461.

ренность въ своихъ силахъ. Народные вожди сидѣли въ тюрьмѣ. Въ Парижѣ и его окрестностяхъ въ распоряженіи властей было около тридцати тысячъ линейнаго войска, не считая тысячъ двадцати подвижной гвардіи. Генералъ Каваньякъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Парижъ изъ Алжира, чтобы принять военное министерство и вмѣстѣ съ тѣмъ главное начальство надъ войсками, выработалъ планъ уличной войны противъ пролетаріата, открыто теперь обвинявшагося въ стремленіи къ поджигательству, грабежамъ и безначалію.

Между тѣмъ, прежде чѣмъ обратиться къ возстанію, рабочіе дѣлали разныя попытки прійти къ какому-либо соглашенію. При извѣстіи о томъ, что въ собраніи требуютъ закрытія національныхъ мастерскихъ, они обращались къ начальству съ просьбою дать имъ настоящую работу, которой они сами желаютъ, и ставили при этомъ вопросъ, чѣмъ же будутъ кормиться сто тысячъ человѣкъ съ ихъ женами и дѣтьми, если національныя мастерскія будутъ закрыты. 22 іюня они толпою ходили къ люксембургскому дворцу спрашивать, что значитъ объявленіе о насильственной вербовкѣ рабочихъ въ армію, но Мари далъ такой рѣзкій отвѣтъ, что только раздражилъ толпу. Вечеромъ произошла большая народная сходка на площади Пантеона, и здѣсь было рѣшено на другой день возстать противъ правительства и собранія за нарушеніе обѣщанія, даннаго февральской революціей. Въ теченіе ночи возстаніе было уже вполнѣ организовано. Рано утромъ 23 іюня въ разныхъ частяхъ города выростали одна за другою баррикады, выростали совершенно безпрепятственно, такъ какъ планъ Каваньяка, подъ начальство котораго была отдана и національная гвардія, заключался въ томъ, чтобы избѣгать стычекъ съ мелкими отрядами, а дѣйствовать большими массами. Главнымъ пунктомъ возставшихъ была сосѣдняя съ люксембургскимъ дворцомъ площадь Пантеона, что̀ заставило исполнительную коммиссію перенести свое мѣстопребываніе во дворецъ національнаго собранія, откуда легко было удалиться изъ Парижа съ войскомъ и національной гвардіей въ случаѣ побѣды инсургентовъ. Правда, Араго и Ламартинъ дѣлали попытки уговаривать народъ, но эти попытки были безуспѣшны. „Мы не дурные граждане, отвѣчали Ламартину, мы просто несчастные рабочіе. Мы требуемъ, чтобы вы обратили вниманіе на нашу бѣдность. Подумайте о насъ, управляйте нами и мы будемъ вамъ помогать. Мы хотимъ жить для республики и умереть за нее“. Рабочіе требовали распущенія собранія и возстановленія національныхъ мастерскихъ. Несмотря на разгорѣвшіяся страсти, народъ не совершалъ грабежей, и когда, напримѣръ, одинъ пьяный рабочій посовѣтовалъ произвести пожаръ, то былъ арестованъ своими же то-

варищами. На знаменахъ инсургентовъ рядомъ съ надписью: „хлѣба и работы!“ была и другая: „смерть ворамъ!“

Уличный бой начался 23 іюня и окончился только на четвертый день, 26 числа. Національное собраніе въ первый же день объявило себя непрерывнымъ и засѣдало, по крайней мѣрѣ, pro forma, всю ночь; на другой день оно громаднымъ большинствомъ объявило Парижъ въ осадномъ положеніи и поручило всю исполнительную власть Каваньяку. Всѣ классы общества, не принимавшіе участія въ возстаніи, съ радостью привѣтствовали эти мѣры національнаго собранія, радовались даже осадному положенію, которое такъ ненавидѣли при Людовикѣ Филиппѣ, радовались и назначенію военной диктатуры. Каваньякъ, дѣйствительно, былъ прежде всего солдатъ. Когда временное правительство пригласило его на постъ министра, онъ отвѣчалъ ему письмомъ, въ которомъ говорилъ, что прежде всего онъ долженъ знать, какъ намѣрено правительство относиться къ арміи, и прибавилъ, что никогда не согласится хотя бы на малѣйшее униженіе арміи. Письмо это сильно оскорбило своимъ тономъ временное правительство, и Каваньяку было послано предписаніе остаться въ Африкѣ. Однако, исполнительная коммиссія, чувствовавшая потребность въ арміи и въ рукѣ, которая умѣла бы энергично управлять военной силой, обратилась опять къ Каваньяку, и на этотъ разъ онъ принялъ предложеніе. Теперь ему поручено было подавить возстаніе. На свою задачу онъ тоже смотрѣлъ исключительно съ военной точки зрѣнія: ему хотѣлось прежде всего „защитить честь знамени“, одержавъ блестящую побѣду, а для этого требовалось дать разыграться возстанію и потомъ нанести ему рѣшительный ударъ. Онъ ссылался прямо на іюльскій опытъ 1830 г. и февральскій опытъ 1848 г., когда ему говорили о необходимости мѣшать постройкѣ баррикадъ. „Пусть національная гвардія ведетъ атаку противъ баррикадъ, говорилъ онъ, потому что это ея дѣло. Не для того же я здѣсь, чтобы защищать парижанъ и національную гвардію! Пускай она сама защищаетъ и свой городъ, и свои лавки. Если ее разобьютъ, я лучше отступлю на равнину Сенъ-Дени и уже тамъ дамъ возстанію настоящую битву“. Такой человѣкъ былъ безпощаденъ, тѣмъ болѣе, что громадное большинство національнаго собранія ему сочувствовало и не давало говорить своимъ товарищамъ, дѣлавшимъ попытки взывать къ чувствамъ состраданія и великодушія. Линейные полки, среди которыхъ воскресло озлобленіе за февральскіе дни, національная гвардія, раздраженная требованіями рабочихъ, подвижная гвардія, состоявшая изъ всякаго сброда, соперничали между собой въ жестокости. Возставшіе тоже дошли до крайней степени ожесточенія.

Нѣсколько разъ обѣ стороны вступали между собой въ пере-

говоры. Въ качествѣ посредника выступилъ 25 іюня архіепископъ парижскій Аффръ. Съ двумя своими викаріями онъ отправился на площадь Бастиліи, гдѣ возвышалась громадная баррикада, защищавшая входъ въ сильно укрѣпленное Сентъ-Антуанское предмѣстье. Защитники баррикады приняли архіепископа съ знаками уваженія и пропустили его за первую баррикаду, но въ это время почему-то снова началась перестрѣлка, и одна пуля (повидимому, солдатская) попала въ Аффра,—къ непритворному огорченію защитниковъ баррикады. Тяжело раненаго архіепископа большая толпа провожала до его жилища, гдѣ черезъ день онъ и скончался [1]). Особенно упорно защищались инсургенты въ кварталахъ съ рабочимъ населеніемъ. Предмѣстьемъ Тампль генералъ Ламорисьеръ овладѣлъ лишь послѣ кровопролитнаго боя. Было сожжено множество домовъ, чтобы вытѣснить изъ нихъ возставшихъ; въ другихъ домахъ пробивались стѣны, и въ бреши врывались, убивая всѣхъ встрѣчныхъ, озвирѣлые солдаты. Сентъ-Антуанское предмѣстье, на одной главной улицѣ котораго было около семидесяти громадныхъ баррикадъ, сдалось только послѣ страшной канонады. Съ обѣихъ сторонъ были совершены жестокости (между прочимъ разстрѣливаніе плѣнныхъ), но месть побѣдителей превосходила всякія вѣроятія. Парижская національная гвардія, подкрѣпленная національной гвардіей изъ сосѣднихъ мѣстностей, разстрѣливала и мирныхъ жителей, разъ послѣдніе внушали подозрѣніе. Отъ ярости національ-гардовъ едва спаслись, напримѣръ, Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ. Многіе лишь съ опасностью для жизни отбивали у національной гвардіи плѣнниковъ, которыхъ она хотѣла разстрѣливать. Мобили (подвижная гвардія), въ которой было очень много молодежи лѣтъ 16—18, хвастались потомъ своими убійствами. Терроръ не прекращался еще нѣсколько дней послѣ подавленія возстанія, тѣмъ болѣе, что къ разнаго рода жестокостямъ подстрекали своими зажигательными статьями многія газеты „Горе тому, писалъ Луи Бланъ, кто осмѣлился бы высказать слово милосердія, оплакивать заблужденія инсургентовъ, напомнить, что многіе изъ нихъ вовлечены въ возстаніе голодомъ: это значило бы явиться ихъ сообщникомъ. Даже родителямъ и друзьямъ убитыхъ инсургентовъ запрещено было оплакивать ихъ смерть“.

Въ числѣ свидѣтелей этой бойни находился и А. И. Герценъ. Уже ранѣе онъ предвидѣлъ печальную развязку. „Пятнадцатое мая, писалъ онъ въ первыхъ числахъ іюня 1848 г., сняло съ моихъ глазъ

[1]) И въ февралѣ, и въ іюнѣ 1848 г. инсургенты не проявляли неуваженія къ религіи, какимъ отличались возстанія тридцатыхъ годовъ. Напротивъ, масса была настроена религіозно.

повязку. Даже мѣста сомнѣнію не осталось: революція побѣждена, вслѣдъ за нею будетъ побѣждена и республика". „Республика ранена на смерть, ей остается только умереть", сказалъ онъ въ этотъ день одному знакомому республиканцу. Ему пришлось своими глазами видѣть разные ужасы, и столько разъ возвращался онъ къ этому событію въ своихъ сочиненіяхъ, каждый разъ съ чувствомъ страстнаго негодованія на поведеніе политическихъ людей Франціи и буржуазіи [1]). „Послѣ бойни, разсказываетъ онъ, наступила тишина и миръ осаднаго положенія; улицы были еще оцѣплены; рѣдко-рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался экипажъ; надменная національная гвардія съ свирѣпой и тупой злобой на лицѣ берегла свои лавки, грозя штыкомъ и прикладомъ; ликующія толпы пьяной мобили (подвижной гвардіи) ходили по бульварамъ, распѣвая: „Mourir pour la patrie"; мальчишки 16, 17 лѣтъ хвастались кровью своихъ братій, запекшейся на ихъ рукахъ; на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгавшія изъ-за прилавка, чтобы привѣтствовать побѣдителей.... А дома предмѣстья св. Антонія еще дымились; стѣны, разбитыя ядрами, обваливались; раскрытая внутренность комнатъ представляла каменныя раны; сломанная мебель тлѣла; куски разбитыхъ зеркалъ мерцали... Мѣстами посыпали пескомъ, но кровь все-таки выступала... По бульварамъ стояли палатки; лошади глодали береженыя деревья Елисейскихъ полей; на Place de la Concorde вездѣ было сѣно, кирасирскія латы, сѣдла; въ Тюльейрійскомъ саду солдаты у рѣшетки варили супъ". Въ пораженіи парижскаго пролетаріата Герценъ видѣлъ пораженіе дѣла свободы и другихъ народовъ.

Объ іюньскихъ дняхъ высказался и Марксъ въ „Новой Рейнской газетѣ", которую онъ издавалъ въ Лондонѣ въ 1850 г., примѣнивъ къ разсмотрѣнію событій 1848 г. свою теорію классовой борьбы. Главная его мысль была та, что, кромѣ Парижа, пролетаріатъ существовалъ лишь въ нѣсколькихъ разобщенныхъ между собою промышленныхъ пунктахъ, и что вслѣдствіе этого онъ совершенно утопалъ среди подавляющаго большинства крестьянства и мелкой буржуазіи, ставшихъ къ нему вдобавокъ во враждебныя отношенія. 24 февраля пролетаріатъ побѣдилъ вмѣстѣ съ буржуазіей, но она не хотѣла допустить побѣды пролетаріата надъ нею: „настоящимъ мѣстомъ рожденія буржуазной республики была не февральская побѣда, а іюньское пораженіе". Іюньское возстаніе было „первой битвой между обоими классами, на которые распалось современное общество. Это была борьба за сохраненіе или уничтоженіе буржуаз-

[1]) См. „Письма изъ Франціи и Италіи" (письмо V), „Съ того берега" (гл. II) и др.

наго порядка". Но къ этому возстанію „буржуазія вынудила парижскій пролетаріатъ. Уже въ этомъ заключался его смертный приговоръ. Непосредственная потребность пролетаріата отнюдь не заставляла его насильственно низвергать буржуазію, да онъ и не доросъ еще до этой задачи". Оцѣнивая историческое значеніе іюньскихъ дней, Марксъ указывалъ еще, что побѣда французской буржуазіи имѣла своимъ результатомъ въ другихъ странахъ союзъ буржуазіи съ феодальною монархіей противъ народа, хотя первою жертвою такого союза была сама же буржуазія. Вмѣстѣ съ тѣмъ европейскія правительства увидѣли, что Франція будетъ теперь держаться мирной политики въ своихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, а потому и сосредоточили всѣ силы на борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ.

Оба писателя, о которыхъ шла сейчасъ рѣчь, принадлежали къ одному и тому же лагерю (хотя лично, какъ извѣстно, и не ладили между собой) — къ лагерю побѣжденныхъ. Приведемъ теперь мнѣніе объ іюньскихъ дняхъ, высказанное Токвилемъ, который, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, при всей своей политической проницательности очень мало понималъ сущность соціальнаго вопроса, игравшаго первенствующую роль въ революціи 1848 г.

Разсказывая въ своихъ „Воспоминаніяхъ" о революціи 1848 г., Токвиль отмѣчаетъ, что на другой день послѣ 24 февраля его поразили два обстоятельства: чисто народный характеръ совершившейся революціи и благодушное настроеніе народа послѣ этого переворота. „Февральская революція, говоритъ онъ, произошла совершенно какъ бы помимо буржуазіи и противъ нея"; это обстоятельство онъ называетъ фактомъ вполнѣ небывалымъ въ исторіи Франціи („rien n'était plus nouveau dans nos annales". Съ другой стороны, „на этотъ разъ, продолжаетъ онъ, дѣло шло не объ одномъ торжествѣ извѣстной партіи, а стремились основать новую общественную науку или философію — я готовъ былъ бы даже сказать религію — которую могли бы усвоить и которой могли бы слѣдовать всѣ люди. Это была дѣйствительно новая часть давно знакомой картины парижскихъ революцій". Указавъ на то, какъ это встревожило другіе общественные классы, ожидавшіе неслыханныхъ насилій, Токвиль прибавляетъ, что онъ не раздѣлялъ этихъ опасеній, но уже предвидѣлъ въ ближайшемъ будущемъ рядъ неожиданностей — des perturbations étranges, des crises singulières. „Я никогда не вѣрилъ, говоритъ онъ, въ ограбленіе богатыхъ; я слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ парижскимъ простонародьемъ, чтобы не знать, что первыя его движенія въ дни революцій обыкновенно великодушны". Токвиль особенно настаиваетъ на этомъ мирномъ настроеніи парижскаго населенія. Революція приняла соціалистическій характеръ, но это уже слѣдовало предвидѣть

ранѣе [1]). А между тѣмъ всѣ классы общества были напуганы, и въ провинціяхъ только и ожидали извѣстія о томъ, что Парижемъ овладѣли вооруженные соціалисты. Когда Токвиль послѣ избранія своего въ Нормандіи вернулся въ Парижъ, онъ нашелъ уже видъ города зловѣщимъ: буржуазія была удручена, но въ своемъ отчаяніи она приходила къ рѣшенію о необходимости дать битву вооруженному пролетаріату. Токвиль, который говоритъ, что у него, какъ и у большинства собранія, не было ни „монархической вѣры", ни сожалѣнія или привязанности къ какому-либо государю, самъ признаётся, что былъ на сторонѣ буржуазіи: его желаніемъ было—„защитить старые устои общества отъ новаторовъ при помощи новой силы, которую республиканскій принципъ могъ сообщить правительству, дать восторжествовать очевидной волѣ французскаго народа надъ страстями и стремленіями парижскихъ рабочихъ и такимъ образомъ позволить демократіи побѣдить демагогію". То, чего ожидалъ Токвиль, и случилось, и вотъ какъ онъ опредѣляетъ значеніе іюньскихъ дней: „Іюньское возстаніе было самымъ большимъ и самымъ необыкновеннымъ, какое только извѣстно въ нашей исторіи и, быть можетъ, вообще въ исторіи. Это было самое большое возстаніе, ибо въ немъ въ теченіе четырехъ дней участвовало болѣе ста тысячъ человѣкъ, самое необыкновенное, потому что возставшіе сражались безъ боевого лозунга, безъ вождей, безъ знаменъ и тѣмъ не менѣе сражались съ удивительнымъ единодушіемъ и съ военною опытностью, изумлявшею самыхъ старыхъ офицеровъ. Что еще отличало его отъ всѣхъ подобнаго рода событій нашей исторіи за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, такъ это то, что цѣлью его была не перемѣна формы правленія, но измѣненіе самаго устройства общества... Нужно замѣтить еще, что это грандіозное возстаніе не было дѣломъ кучки заговорщиковъ, но возстаніемъ одной части населенія противъ другой". Неудача возстанія, по словамъ Токвиля, „не потушила во Франціи революціоннаго пламени, не положила конца, по крайней мѣрѣ, на время, тому, что можно назвать особенностью февральской революціи... Соціалистическія теоріи еще продолжали проникать въ народъ... но сама соціалистическая партія была сокрушена и обречена на безсиліе". Однако, онъ усматривалъ и нѣчто другое въ этой „побѣдѣ французской націи надъ парижскими рабочими": ударъ былъ нанесенъ и политическимъ радикаламъ. „Я, замѣчаетъ Токвиль,—я, который терпѣть не могъ монтаньяровъ и не особенно дорожилъ республикой, но боготворилъ свободу, тотчасъ же вслѣдъ за іюньскими днями сталъ ощущать большое опасеніе за нее. Я тогда же увидѣлъ, что послѣ іюньскаго

[1]) Токвиль дѣйствительно предвидѣлъ. См. выше, стр. 103 и 279.

бой настроеніе націи нѣкоторымъ образомъ перемѣнится. Любовь къ независимости должна была уступить мѣсто боязни и даже, быть можетъ, отвращенію къ свободнымъ учрежденіямъ... Въ самомъ дѣлѣ, это отступленіе началось съ 27 іюня, сначала весьма медленное и какъ бы едва замѣтное для простого взгляда, затѣмъ быстрое, потомъ бурное и непреодолимое. И гдѣ оно остановится?—спрашивалъ Токвиль, когда въ 1850 г. записывалъ свои воспоминанія объ іюньскихъ дняхъ.—Я думаю, что намъ трудно будетъ не покатиться далѣе точки, которую мы занимали уже раньше февраля, и я предвижу, что мы всѣ, соціалисты, монтаньяры, либеральные республиканцы, одинаково лишимся всякаго кредита, пока не отойдутъ въ прошлое и не поблѣднѣютъ особыя воспоминанія о революціи 1848 г., и общій духъ времени не возьметъ своего". Это предсказаніе Токвиля исполнилось въ очень непродолжительномъ времени.

За іюньскими днями, дѣйствительно, наступила страшная реакція. По окончаніи борьбы начались настоящія облавы противъ инсургентовъ, которыхъ было взято въ плѣнъ отъ 12 до 14 тысячъ человѣкъ. Уже на другой день послѣ подавленія возстанія національное собраніе рѣшило сослать всѣхъ безъ суда во французскія колоніи, а зачинщиковъ и предводителей подвергнуть военному суду. 28 іюня Каваньякъ получилъ отъ собранія благодарность и продленіе своихъ полномочій въ качествѣ „главы исполнительной власти и президента кабинета". Національныя мастерскія были уничтожены. Были закрыты вмѣстѣ съ тѣмъ многіе клубы и запрещенъ цѣлый рядъ газетъ (между прочимъ „Пресса" Жирардена, „Представитель народа" Прудона и др.) Противъ преступленій печати былъ изданъ строгій законъ, и для газетъ возстановлены были залоги. Кромѣ того, полиція получила новыя полномочія. Наконецъ, осадное положеніе не только не было снято, но даже продолжено на неопредѣленное время. Однимъ словомъ, то, что считалось совершенно невозможнымъ при монархіи, низвергнутой всего лишь за четыре мѣсяца передъ тѣмъ, теперь вводилось республикой при общемъ одобреніи громаднаго большинства націи. Эти мѣры считались необходимыми и впредь, такъ какъ внутренняя борьба могла возобновиться.

Еще 26 іюня національное собраніе назначило особую коммиссію (подъ предсѣдательствомъ Одилона Барро) для слѣдствія надъ майскимъ и іюньскимъ возстаніями. Результаты ея работъ въ августѣ были представлены собранію въ докладѣ, авторомъ котораго былъ Бошаръ. Докладчикъ считалъ виновными во всемъ Ледрю-Роллена, но особенно Луи Блана, люксембургскую коммиссію и національныя мастерскія, соціалистическую прессу и клубы. Ледрю-Роллену уда-

лось оправдать себя, но Луи Бланъ предупредилъ арестъ, которому его хотѣли подвергнуть, бѣгствомъ въ Лондонъ [1]).

Въ сентябрѣ національное собраніе начало обсужденіе проекта новой конституціи и окончило его 4 ноября, а 12 числа того же мѣсяца конституція была торжественно провозглашена на площади Согласія [2]). 10 декабря происходили выборы президента республики, которые должны были происходить всенароднымъ голосованіемъ. Подано было всего 7.300.000 голосовъ; изъ нихъ 5.430.000 досталось Людовику-Наполену Бонапарту, 1.448.000—Каваньяку, 370.000—Ледрю-Роллену; Ламартинъ получилъ только 17.900 голосовъ. Результатъ народнаго избранія былъ торжественно объявленъ въ національномъ собраніи 20 декабря. Исполнительная власть перешла изъ рукъ Каваньяка въ руки принца Бонапарта.

XXI. Нѣмецкая революція 1848 г. и франкфуртскій парламентъ [3]).

Мартовская революція въ Германіи.—Движенія въ среднихъ и малыхъ государствахъ.—Гейдельбергскій съѣздъ.—Перевороты въ Вѣнѣ и Берлинѣ.—„Форпарламентъ“.—Баденское возстаніе республиканцевъ.—Первые признаки реакціоннаго настроенія.—Начало франкфуртскаго парламента.—Германская имперская конституція 1849 г.

За февральскою революціей во Франціи послѣдовала мартовская революція въ Германіи. Извѣстіе о крушеніи іюльской монархіи про-

---

[1]) Онъ подлежалъ суду за участіе въ возстаніи 15 мая, хотя на самомъ дѣлѣ его участіе было чисто пассивное.

[2]) См. ниже въ главѣ XXIV.

[3]) Кромѣ соч., названныхъ выше: *Шерръ*. Комедія всемірной исторіи. 1898. — *Zwiedinek-Südenhorst*. Deutsche Geschichte von Auflösung des alten und Errichtung des neuen Kaiserreichs. 1897. — *Kottenkamp*. Deutschland in seiner Erhebung und in seiner Entwickeln. 1848 и слѣд. — *B. Bauer*. Die bürgerliche Revolution. 1849. — *S. Stein*. Geschichte des deutschen Volkes (1848 — 1849). 1850 — 51. — *Haym*. Die deutsche Nationalversammlung 1848 — 1850. — *Taillandier*. Étude sur la révolution en Allemagne. 1853. — *Jürgens*. Zur Geschichte des deutschen Verfassungswerkes. 1850—1857.—*Bernstein*. Revolutions- und Reactionsgeschichte. 1882. — *Vogel*. Studien zur Geschichte des Frankf. Parl. 1881. — *Bloss*. Die deutsche Revolution Geschichte der deutschen Bewegung von 1848 und 1849 (1892). — См. также книгу *Fr. Mering'a*, указанную на стр. 371. — *Häusser*. Denkwürdigkeit zur Geschichte der badischen Revolution. 1858. — *Weber*. Rückblicke auf die badische Revolution (въ „Geschichtsbilder.“ 1886). — *Vieland*. Sociale Geschichte der Revolution in Oesterreich. 1850. — *G. Wolf*. Aus der Revolutionszeit in Oesterreich-Ungarn (1848—1849). 1885.—*Helfert*. Geschichte Oesterreichs vom Ausgange des Wiener

извело въ Германіи одинаково сильное впечатлѣніе и на правительства, и на націю. Нѣмецкіе государи прежде всего стали опасаться, что новая французская республика возобновитъ завоевательную политику первой революціи, а потому на первыхъ же порахъ между Пруссіей и Австріей начались переговоры о томъ, какъ бы обезопасить Германію отъ новаго французскаго вторженія. Оффиціозная печать старалась представить парижскій переворотъ и самому народу, какъ нѣчто опасное для національной независимости нѣмцевъ: напоминали униженіе, въ какомъ находилась Германія въ началѣ вѣка; предостерегали отъ французскаго честолюбія, прикрывающагося громкими фразами о счастіи всѣхъ народовъ. Нѣкоторая часть нѣмецкаго общества сама готова была смотрѣть такими глазами на событія, но большинство взглянуло на дѣло совершенно иначе, и правительства въ концѣ концовъ оказались вынужденными пойти на уступки, чтобы не дать разыграться революціонному движенію въ самой Германіи. Весьма скоро они убѣдились, что примѣръ Франціи не могъ пройти безслѣдно для ихъ подданныхъ. Мы уже видѣли, что въ 1847 году и въ первые два мѣсяца 1848 года въ Германіи происходило значительное политическое движеніе—преимущественно среди либеральной буржуазіи [1]). Въ народныхъ массахъ тоже господствовало большое недовольство. Крестьяне были обременены разнаго рода феодальными повинностями и оброками. Среди городскихъ рабочихъ уже распространялись соціалистическія и коммунистическія ученія. Общее экономическое состояніе послѣднихъ лѣтъ было крайне неблагопріятно. Два года неурожая вызвали большую дороговизну, а мѣстами—страшную нищету, сопровождавшуюся эпидеміей голоднаго тифа. Промышленность и торговля тоже переживали тяжелый кризисъ, равнымъ образомъ отражавшійся весьма неблагопріятно на матеріальномъ положеніи народныхъ массъ. Весьма естественно, что тамъ и сямъ происходили народныя волненія и безпорядки, которые подавлялись вооруженною силою [2]).

Политическія движенія, которыя совершались въ разныхъ мѣ-

Octoberaufstandes. 1869—1885.—*Zencker.* Die Wiener Revolution 1848 in ihren socialen Voraussetzungen und Beziehungen. 1897.— *Wolff.* Berliner Revolutionschronik. 1849 — 1854. — *Stahr.* Preussische Revolution. 1851. — *Angerstein.* Die Berliner Märzereignisse. 1864. — Сюда же относится цѣлый радъ біографій и сочиненій по исторіи отдѣльныхъ эпизодовъ: *Gagern.* Das Leben des Generals von Gagern. 1856 — 1857. — *Berger.* Fürst Felix Schwarzenberg. 1853. — *Blum.* Robert Blum. 1879.—*Notter.* Uhland. 1863.—*Staroste.* Tagebuch über die Ereignisse in der Pfalz und Baden im 1849. 1852. — *A. Springer.* Fr.-Ch. Dahlmann 1870 — 1872. — *G. Freitag.* Karl Mathy. Geschichte seines Lebens 1872. — См. также *А. Д. Градовскій.* Германская конституція. 1876.

[1]) См. выше, стр. 438—440 и 449—452.

[2]) Ср. выше, стр. 372—373.

стахъ Германіи въ мартѣ 1848 года, имѣли довольно однородный характеръ, напоминая въ этомъ отношеніи то, что происходило въ сентябрѣ 1830 года вслѣдъ за іюльской революціей [1]). Народъ предъявлялъ свои требованія, вездѣ приблизительно одинаковыя, а государи спѣшили давать на нихъ свое согласіе. Сравнительно съ 1830 годомъ въ этомъ общемъ движеніи было, впрочемъ, и нѣчто новое. Во-первыхъ, въ 1830 году движенія, происходившія въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, имѣли чисто мѣстный характеръ, тогда какъ теперь на первый планъ выдвинулась идея политическаго переустройства всей Германіи, какъ одного цѣлаго. Во-вторыхъ, тогда революція не коснулась ни Австріи, ни Пруссіи, ограничившись лишь средними и мелкими государствами, а на этотъ разъ именно въ Австріи и Пруссіи и происходили наиболѣе бурныя событія.

Движеніе началось въ юго-западной Германіи, которая и ранѣе отличалась большимъ развитіемъ либерализма. Въ первыхъ же числахъ марта здѣсь произошли значительныя народныя волненія подъ руководствомъ либеральной буржуазіи. На мѣстныя правительства посыпались адресы и петиціи, въ которыхъ излагались „требованія народа“. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти требованія сводились къ свободѣ печати, къ гласности и устности судопроизводства, къ суду присяжныхъ, къ вооруженію народа, религіозной свободѣ, праву собраній и ассоціацій и всеобщей подачѣ голосовъ. Замѣчательно, что вопросы матеріальнаго быта, которые должны были особенно сильно интересовать настоящій народъ, совершенно отсутствовали въ большей части этихъ адресовъ и петицій. Дѣйствительною руководительницею движенія выступила буржуазія, для которой эти вопросы не имѣли первостепеннаго значенія. Кромѣ того, въ этихъ адресахъ и петиціяхъ выражалось желаніе, чтобы Германія получила общее народное представительство.

Сигналъ къ движенію былъ поданъ изъ Бадена. Еще 27 февраля въ Маннгеймѣ состоялось большое собраніе подъ предсѣдательствомъ Ицштейна. Настроеніе участниковъ было довольно революціоннымъ, и рѣшено было послать во вторую палату петицію съ требованіемъ вооруженія народа, свободы печати, суда присяжныхъ и общегерманскаго парламента. На эту петицію правительство отвѣчало одними обѣщаніями, но перваго марта въ Карлсруэ произошло народное волненіе, во время котораго даже раздавались крики: „да здравствуетъ республика“. Правительство поспѣшило уступить. Великій герцогъ далъ отставку реакціонному министерству и сдѣлалъ министромъ одного изъ вождей либераловъ, Карла Мати. Подъ влія-

[1]) См. выше, стр. 59—61.

піемъ второй петиціи баденская палата сдѣлала постановленія въ духѣ оффенбургскаго собранія 1847 г. [1]), въ числѣ которыхъ были уничтоженіе всякихъ привилегій и покровительство труду противъ капитала. 5 марта правительство объявило, что изготовитъ законопроекты въ смыслѣ этихъ постановленій палаты. Примѣру Бадена послѣдовалъ Вюртембергъ. Здѣсь 2 марта состоялось большое собраніе гражданъ, на которомъ принята была составленная оппозиціоннымъ депутатомъ Рёмеромъ петиція съ извѣстными требованіями народа. Вмѣстѣ съ другими петиціями изъ разныхъ другихъ мѣстъ королевства она была представлена королю. Послѣдній сначала думалъ-было сопротивляться, но вынужденъ былъ уступить. Прежнее министерство получило отставку, и составлено было новое изъ людей, пользовавшихся общественнымъ довѣріемъ; въ ихъ числѣ былъ Рёмеръ. И въ Баденѣ, и въ Вюртембергѣ одновременно съ этимъ сильно волновались крестьяне, что̀ заставило мѣстное дворянство также пойти на уступки изъ опасенія, чтобы крестьяне не стали на сторону соціальной революціи. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне соединились въ цѣлые отряды, нападали на замки и истребляли феодальные документы и хозяйственныя книги. Для усмиренія крестьянъ посылались даже военныя команды. Скоро, однако, крестьянская масса успокоилась, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что сами дворяне стали дѣлать предложенія о выкупѣ феодальныхъ повинностей.—Въ Баваріи, гдѣ незадолго передъ тѣмъ еще происходили безпорядки, вызванные скандаломъ съ Лолой Монтесъ [2]), извѣстіе о парижскомъ переворотѣ вызвало тоже цѣлый рядъ народныхъ демонстрацій. Первый адресъ на имя короля съ изложеніемъ народныхъ требованій былъ составленъ въ Нюрнбергѣ, а его примѣру послѣдовали Мюнхенъ и другіе города. Такъ какъ король не обнаруживалъ склонности къ уступкамъ, то 2 марта въ Мюнхенѣ возобновились безпорядки, во время которыхъ народъ требовалъ отставки „министерства Лолы“. Домъ одного изъ наиболѣе непопулярныхъ министровъ, Беркса, подвергся разгрому, а къ вечеру были даже построены баррикады. Черезъ день распространилось извѣстіе, что король намѣренъ привести мюнхенцевъ къ покорности посредствомъ военной силы. Тогда всѣ жители столицы, которые были способны носить оружіе, вооружились, разграбивъ предварительно цейхгаузъ. Дѣло до вооруженнаго столкновенія, однако, не дошло, такъ какъ офицеры всячески избѣгали стычки. Возбужденіе не прекращалось и въ слѣдующіе дни; тогда король ясно увидѣлъ, что ему нужно сдѣлать уступку. Волненіе не улеглось даже послѣ того, какъ

---

[1]) См. выше, стр. 439.

[2]) См. выше, стр. 439—440.

король замѣнилъ ненавистнаго Беркса вождемъ либеральной партіи, Тономъ-Дитмаромъ. Повидимому, большую роль въ этихъ событіяхъ играла церковная партія, ненавидѣвшая короля и желавшая довести его до необходимости отречься отъ престола. Одинъ разъ въ городѣ распространился слухъ, что Лола вернулась въ Мюнхенъ, и въ городѣ произошло новое народное волненіе. Самъ Людвигъ I убѣдился наконецъ, что при явной враждебности іезуитовъ и ненадежности либераловъ ему не остается ничего болѣе, какъ отречься отъ престола въ пользу своего сына Максимиліана II (20 марта). Новое министерство, въ составъ котораго вошло нѣсколько либеральныхъ членовъ, поспѣшило издать распоряженіе о свободѣ печати, гласности судопроизводства, отвѣтственности министровъ, выкупѣ феодальныхъ повинностей и т. п. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ происходили такія же событія, какъ и вездѣ. Дѣло началось съ Майнца, гдѣ впервые составленъ былъ адресъ съ извѣстными „требованіями народа“, а за нимъ и другіе города составили свои петиціи. 2 марта при громадномъ стеченіи народа майнцскій адресъ былъ препровожденъ въ Дармштадтскую палату, и великій герцогъ поспѣшилъ сдѣлать министромъ одного либеральнаго депутата, Генриха фонъ-Гагерна, стоявшаго раньше во главѣ оппозиціонной партіи. Кромѣ того, великій герцогъ назначилъ своимъ соправителемъ наслѣднаго принца. Въ Гессенъ-Касселѣ общественное неудовольствіе направилось главнымъ образомъ противъ курфюрста Фридриха-Вильгельма I, который вступилъ на престолъ только въ 1847 году, но успѣлъ уже вполнѣ обнаружить свои реакціонныя стремленія. Центромъ оппозиціи сдѣлался Ганау, гдѣ произошла большая вооруженная сходка народа, грозившая пустить въ ходъ физическую силу, если курфюрстъ не согласится на „требованія народа“. Курфюрстъ хотѣлъ подавить это движеніе войсками, среди которыхъ, однако, не было особаго расположенія проливать кровь гражданъ. Съ другой стороны, окрестные жители спѣшили на помощь къ возставшимъ. Въ столицѣ государства, Касселѣ, тоже составлялись депутаціи къ курфюрсту для предъявленія ему народныхъ требованій. Громадныя толпы народа окружили курфюршескій дворецъ, и на улицахъ уже начинали строить баррикады. Фридрихъ-Вильгельмъ I вынужденъ былъ уступить и сдѣлать своими министрами людей, только-что стоявшихъ во главѣ народнаго движенія. Въ числѣ гессенъ-кассельскихъ „мартовскихъ министровъ“ былъ, напримѣръ, ганаускій бюргермейстеръ Эбергардъ. Сильное движеніе происходило и въ Нассау. Возстаніе началось здѣсь 1 марта. Герцогъ былъ въ отсутствіи, когда висбаденцы, подъ предводительствомъ адвоката Гербенбана, предъявили правительству все тѣ же, что и въ другихъ мѣстахъ, требованія, успѣвъ при этомъ овладѣть цейхгаузомъ и вооружиться на случай

борьбы. Извѣстіе объ этомъ быстро распространилось по всему герцогству, и въ слѣдующіе дни въ Висбаденъ потянулись толпы вооруженныхъ крестьянъ. 4 марта въ городѣ было уже около 30.000 готовыхъ къ битвѣ людей. Офицеры и солдаты не скрывали своего нежеланія драться съ народомъ. Герцогъ, вернувшійся домой, согласился на всѣ требованія. Зачинщикъ возстанія Гергенбанъ былъ даже сдѣланъ министромъ. Крестьяне были удовлетворены отмѣной феодальныхъ повинностей и скоро успокоились. Общее движеніе не миновало и Саксонію. Главнымъ центромъ саксонской оппозиціи былъ Лейпцигъ, гдѣ при первомъ извѣстіи о парижскомъ переворотѣ былъ составленъ адресъ королю о необходимости реформъ. Отвѣтъ короля пришелъ вечеромъ 2 марта, и передъ ратушей собралась громадная толпа народа, чтобы узнать содержаніе этого отвѣта. Она была очень возбуждена и пѣла марсельезу. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что король отвѣтилъ на адресъ полнымъ отказомъ, народъ пришелъ въ страшное возбужденіе и произвелъ безпорядки. Лейпцигцы рѣшились силою настаивать на своихъ требованіяхъ и даже въ случаѣ надобности массою двинуться на Дрезденъ. Адресы были посланы королю еще изъ шести городовъ, но и они были также отвергнуты. Тогда возбужденіе распространилось по всей странѣ. Въ самомъ Дрезденѣ начались уличные безпорядки. Лишь послѣ этого король далъ отставку реакціонному министерству и назначилъ новыхъ министровъ изъ либераловъ, которые и приняли въ свою программу все тѣ же знаменитыя „требованія народа“. Но и это не остановило все-таки народныхъ волненій въ Саксоніи: въ однихъ мѣстахъ бунтовали голодные рабочіе, въ другихъ—крестьяне, недовольные чрезмѣрными поборами. Въ Ганноверѣ „народныя требованія“ были предъявлены королю 6 марта, но Эрнстъ-Августъ, бывшій абсолютистомъ до мозга костей, отклонилъ ихъ самымъ рѣзкимъ образомъ. Тогда въ разныхъ городахъ королевства начались волненія и безпорядки. Въ самой столицѣ нѣсколько тысячъ гражданъ окружили королевскій дворецъ и послали къ королю депутацію, получившую снова отрицательный отвѣтъ. Толпа пришла тогда въ раздраженіе и перебила стекла въ домахъ министровъ и полицейскихъ чиновниковъ. Войско, присланное усмирить толпу, было встрѣчено свистками и враждебными криками, но и здѣсь офицеры и солдаты не обнаруживали охоты сражаться противъ гражданъ. Въ концѣ концовъ Эрнстъ-Августъ тоже вынужденъ былъ дать отставку прежнимъ министрамъ и образовать новое министерство, во главѣ котораго былъ поставленъ либералъ Штюфе. Въ болѣе мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ революція шла тѣмъ же путемъ. Во многихъ мѣстахъ въ движеніи принимали весьма дѣятельное участіе крестьяне, громадными толпами приходившіе въ города и присоеди-

нявшіеся къ бюргерамъ и рабочимъ. Къ срединѣ марта въ среднихъ и мелкихъ государствахъ власть повсемѣстно принадлежала либеральной буржуазіи въ лицѣ „мартовскихъ министровъ“, которымъ испуганные государи вынуждены были передать управленіе. Кромѣ буржуазіи, въ этомъ революціонномъ движеніи участвовали крестьяне и рабочіе. Крестьяне, впрочемъ, весьма скоро впали въ прежнее равнодушіе и бездѣятельность, какъ только пали ненавистныя феодальныя права. Но рабочіе продолжали принимать участіе и въ дальнѣйшемъ ходѣ событій, идя подъ знаменемъ либеральной буржуазной программы. Лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ они пользовались мартовскими днями для предъявленія требованій, касавшихся спеціально рабочихъ интересовъ. Напримѣръ, гамбургскіе портные потребовали двѣнадцатичасового рабочаго дня, свободнаго воскресенья и двухъ марокъ рабочей платы.

Въ числѣ „требованій народа“ видное мѣсто въ 1848 г. принадлежитъ созванію общегерманскаго парламента. Либеральная буржуазія, побѣдившая въ первой половинѣ марта въ среднихъ и мелкихъ государствахъ, задумала взять въ свои руки и политическое переустройство всей Германіи. Союзный сеймъ, сначала совершенно растерявшійся, сдѣлалъ видъ, какъ будто и самъ намѣренъ былъ овладѣть движеніемъ. Онъ объявилъ 3 марта, что каждое нѣмецкое государство вольно уничтожить у себя цензуру и ввести свободу печати, когда въ Баденѣ и Вюртембергѣ это уже было совершившимся фактомъ. Черезъ нѣсколько дней сеймъ провозгласилъ, что гербомъ и цвѣтами германскаго союза будутъ древне-нѣмецкій имперскій орелъ и соединеніе чернаго, краснаго и золотого цвѣтовъ: въ эпоху реакціи черно-красно-золотое знамя было своего рода мятежнымъ символомъ, теперь же оно должно было служить оффиціальною эмблемою союза. Перевороты въ отдѣльныхъ государствахъ отразились и на самомъ составѣ союзнаго сейма: мѣняя реакціонныхъ министровъ на либеральныхъ, правительства вмѣстѣ съ тѣмъ на мѣсто прежнихъ своихъ уполномоченныхъ посылали новыхъ. Напримѣръ, одновременно съ назначеніемъ Мати баденскимъ министромъ Велькеръ былъ сдѣланъ баденскимъ посломъ въ союзномъ сеймѣ. Но это мертворожденное учрежденіе было неспособно возродить Германію къ новой жизни. Дать Германіи новую конституцію по мысли передовыхъ политическихъ дѣятелей должно было особое учредительное собраніе, избранное всеобщею подачею голосовъ. Добиться созыва такого собранія именно и взяли на себя мартовскіе побѣдители юго-западной Германіи еще въ то время, когда движеніе сдѣлало только первые свои успѣхи и совсѣмъ не было извѣстно, примкнутъ ли къ революціи австрійцы

и пруссаки, безъ которыхъ, конечно, такой важный вопросъ рѣшать не приходилось.

Инициатива созыва парламента вышла изъ Бадена. Еще въ 1832 г. Велькеръ здѣсь сдѣлалъ предложеніе въ этомъ смыслѣ, но тогда эта идея не могла встрѣтить поддержки со стороны націи [1]). Въ 1847 и началѣ 1848 г. баденскіе политическіе дѣятели собирались на съѣзды, на которыхъ тоже заходила рѣчь о необходимости народнаго представительства при союзномъ сеймѣ или при таможенномъ союзѣ; то же самое было предложено всего за двѣ-три недѣли до февральской революціи въ самой баденской палатѣ [2]). 5 марта въ Гейдельбергѣ произошелъ новый съѣздъ баденскихъ политическихъ дѣятелей и представителей либеральной буржуазіи изъ другихъ частей Германіи. Это были большею частью тѣ же самые люди, которые съѣзжались въ Гепненгеймъ не задолго до февральской революціи. Всѣхъ членовъ съѣзда было 51, въ числѣ ихъ баденцевъ—двадцать (Бассерманъ, Мати, Гервинусъ, Велькеръ, Гейсеръ и др.), вюртембергцевъ—девять (между ними Рёмеръ) и т. д.; менѣе всего пріѣхало изъ Пруссіи (двое) и изъ Австріи (одинъ). Собрались, собственно говоря, наиболѣе видные и вліятельные депутаты представительныхъ палатъ юго-западной Германіи, и среди нихъ были всѣ главные дѣятели мѣстныхъ мартовскихъ революцій, сдѣлавшіеся тогда министрами (Мати, Рёмеръ, Гагернъ и др.). Подавляющее большинство членовъ съѣзда состояло изъ либераловъ, но было на немъ и нѣсколько баденскихъ радикаловъ (Струве, Геккеръ, Брентано, Ицштейнъ). Отъ послѣднихъ вышло даже предложеніе провозгласить республику, но оно было отклонено монархическимъ большинствомъ съѣзда. Главнымъ рѣшеніемъ, принятымъ въ Гейдельбергѣ, было „созвать національное представительство, выбранное во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ по числу жителей“... „для устраненія ближайшихъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей, угрожающихъ отечеству, и для развитія силы и процвѣтанія нѣмецкой національной жизни“. Для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія былъ выбранъ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли Гагернъ, Велькеръ, Ицштейнъ, Рёмеръ и еще трое депутатовъ; двое изъ членовъ этого комитета были мартовскіе министры. Вмѣстѣ съ этимъ 11 марта было постановлено созвать въ концѣ мѣсяца въ Франкфуртъ на Майнѣ уполномоченныхъ отъ земскихъ чиновъ отдѣльныхъ государствъ для образованія „предварительнаго парламента“ (Vorparlament), который окончательно организовалъ бы національное представительство. Эти рѣшенія были при-

---

[1]) См. выше, стр. 168.

[2]) См. выше, стр. 439.

няты съ восторгомъ во всей Германіи. Съ своей стороны и союзный сеймъ поспѣшилъ заявить о необходимости пересмотра союзной конституціи. Конкуррируя съ гейдельбергскимъ съѣздомъ, онъ обратился къ правительствамъ съ приглашеніемъ прислать въ Франкфуртъ особыхъ уполномоченныхъ для пересмотра конституціи. Правительства поспѣшили исполнить это желаніе союзнаго сейма, но хотя въ числѣ посланныхъ, ими уполномоченныхъ, были весьма популярные въ то время дѣятели (напримѣръ, Бассерманъ, Гагернъ, Гервинусъ и т. п.), эта мѣра не имѣла никакого реальнаго значенія. Нѣмецкая нація пошла не за союзнымъ сеймомъ, а за гейдельбергскимъ съѣздомъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Германіи, когда въ серединѣ марта вспыхнули революціи въ столицахъ обѣихъ великихъ нѣмецкихъ державъ, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. Монархіи Габсбурговъ въ 1848—49 гг. предстояло пережить очень бурное время. Еще прежде, чѣмъ поднялись нѣмецкіе подданные Австріи, уже начались революціонныя движенія среди мадьяръ и славянъ, а нѣсколько дней спустя вспыхнуло возстаніе и въ итальянскихъ владѣніяхъ монархіи. Ходъ и судьбу революцій въ Венгріи, у славянъ и въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ, чтобы сосредоточить все свое вниманіе лишь на нѣмецкой революціи.

Броженіе въ Вѣнѣ началось при первыхъ же извѣстіяхъ о томъ, что дѣлалось во Франціи и въ западной Германіи. Какъ и въ другихъ мѣстахъ Германіи, и въ Вѣнѣ стали составляться адресы съ требованіемъ „перемѣнить систему“. Правительство, напуганное событіями въ Парижѣ и въ столицахъ среднихъ и мелкихъ государствъ, совершенно растерялось. Меттернихъ, привыкшій къ покорности вѣнскаго населенія и убѣжденный, что его система—лучшее средство противъ революцій, и слышать не хотѣлъ ни о какихъ уступкахъ, но братъ императора Францъ-Карлъ и его жена эрцгерцогиня Софья, которые давно уже тяготились всемогуществомъ Меттерниха, совѣтовали пойти на уступки. Слабый Фердинандъ I колебался и не зналъ, что̀ предпринять. Подъ адресами о перемѣнѣ системы были подписи высшихъ чиновниковъ, богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ, и это производило впечатлѣніе на дворъ. Въ ресторанахъ и кофейняхъ громко читались и обсуждались газетныя извѣстія объ успѣхахъ революціи, и никто не обращалъ вниманія на шпіоновъ тогдашняго начальника полиціи Седльницкаго. Сильно волновалась и студенческая молодежь, которая потомъ играла такую видную роль въ вѣнской революціи. За адресами австрійскаго промышленнаго союза и именитаго вѣнскаго бюргерства послѣдовалъ адресъ, составленный на сходкѣ вѣнскихъ студентовъ въ университетѣ и отнесенный императору двумя профессорами. Этотъ студенческій адресъ заключалъ въ себѣ извѣстныя народныя

требованія. Все это происходило 11 и 12 марта. 13-го числа открылись засѣданія нижне-австрійскаго земскаго сейма, и передъ мѣстомъ ихъ собранія столпилась большая публика, состоявшая почти исключительно изъ прилично одѣтыхъ людей: хотя вѣнскій пролетаріатъ предмѣстій тоже волновался, но онъ выступилъ только позднѣе. Студенты тоже собрались въ актовомъ залѣ университета, чтобы узнать, какой отвѣтъ послѣдовалъ на ихъ адресъ. Затѣмъ и они двинулись къ мѣсту засѣданій сейма. Здѣсь произошло настоящее народное собраніе съ политическимъ характеромъ, послѣ того какъ къ толпѣ обратился съ зажигательною рѣчью одинъ демократически настроенный молодой докторъ, по фамиліи Фишгофъ. Отъ имени народа онъ обратился потомъ къ земскимъ чинамъ съ требованіемъ, чтобы они передали народныя желанія императору. Потомъ одинъ студентъ громко прочиталъ передъ собравшимися страстную рѣчь, которую незадолго передъ тѣмъ Кошутъ произнесъ въ венгерскомъ сеймѣ. Въ отвѣтъ послышались крики: „долой Меттерниха! долой іезуитовъ!“ Между тѣмъ земскіе чины объявили народу, что будутъ просить императора объ обнародованіи государственнаго бюджета и о созывѣ сословнаго комитета изъ всѣхъ провинцій. „Только-то! закричали въ толпѣ,— къ чорту чины! Конституція! Да здравствуетъ конституціонный австрійскій императоръ!“ Когда часть толпы ворвалась въ самое зданіе, гдѣ засѣдали чины, сеймовый маршалъ, сказавъ, что ничего болѣе не остается, какъ передать императору требованія народа, отправился въ сопровожденіи студенческаго отряда во дворецъ. Между тѣмъ на улицахъ собиралось войско, состоявшее изъ конницы, пѣхоты и артиллеріи. Командовавшій имъ эрцгерцогъ Альбрехтъ направилъ его къ дворцу чиновъ, бывшему въ рукахъ толпы. Изъ оконъ дворца въ солдатъ полетѣли обломки мебели, въ отвѣтъ на что со стороны солдатъ грянулъ въ окна ружейный залпъ. Изъ оконъ продолжали бросать разные предметы, и какой-то обломокъ попалъ въ плечо эрцгерцога. Послышались два новые залпа, и когда пороховой дымъ разсѣялся, на мѣстѣ оказались убитыми пять человѣкъ. Толпа обратилась въ бѣгство, взывая о мщеніи и пытаясь строить баррикады противъ преслѣдовавшей ее кавалеріи. Послѣ полудня неподалеку отъ Гофбурга собралось множество вооруженныхъ бюргеровъ, которые послали къ императору депутацію съ просьбою отозвать войска. Одновременно съ этимъ явилась во дворецъ депутація отъ земскихъ чиновъ, а также прибылъ и ректоръ университета, посланный студентами съ требованіемъ раздать имъ оружіе. На улицахъ продолжались выстрѣлы, но вообще убито и ранено было лишь человѣкъ пятьдесятъ, не больше. Во время этой борьбы значительная толпа тоже направилась къ императорскому дворцу, охранявшемуся четырьмя ты-

сячами солдатъ и нѣсколькими пушками. Эрцгерцогъ Максимиліанъ далъ приказъ прогнать эту толпу картечью, но не встрѣтилъ повиновенія со стороны солдатъ. Самъ Фердинандъ I заперся въ одной комнатѣ, оставивъ при себѣ лишь слугу, и не велѣлъ никого къ себѣ пускать. „Видите, я не приказываю стрѣлять“, говорилъ онъ этому слугѣ. Въ залахъ, гдѣ собрались придворные, члены государственнаго совѣта, офицеры и члены депутацій, царствовалъ настоящій хаосъ. Туда и пріѣхалъ Меттернихъ. Увидѣвъ одного изъ депутатовъ отъ именитаго бюргерства, онъ сталъ стыдить его, что бюргеры въ союзѣ съ военными не могутъ справиться съ простымъ уличнымъ буйствомъ. „Ваше сіятельство,—отвѣчалъ тотъ словами герцога Ліанкура Людовику XVI послѣ взятія Бастиліи:—это не уличное буйство, это—революція“.—„Неправда, возразилъ Меттернихъ, это только жиды, поляки, итальянцы и швейцарцы подстрекаютъ народъ“. Депутатъ показалъ канцлеру на подписи, стоявшія подъ петиціей, и замѣтилъ, что бюргеры не могутъ дѣйствовать заодно съ войскомъ, разъ оно стрѣляетъ въ народъ. Эрцгерцоги Альбрехтъ и Максимиліанъ объявили, что и въ бюргеровъ будутъ стрѣлять, если они не захотятъ быть на сторонѣ войска. Послѣ такого заявленія депутатамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить залу. Такъ какъ, однако, явились другія депутаціи, которыя настоятельно требовали отставки Меттерниха, то при дворѣ рѣшено было пожертвовать канцлеромъ. Всѣ депутаціи были созваны тогда въ одну залу. Къ нимъ вышелъ самъ Меттернихъ. „Вы заявили, сказалъ онъ, что только моя отставка можетъ возстановить спокойствіе; я съ радостью исполняю ваше желаніе“.—„Ваше сіятельство, отвѣтилъ ему одинъ депутатъ, мы ничего противъ васъ лично не имѣемъ, но все имѣемъ противъ вашей системы. Благодаримъ васъ за вашу отставку. Да здравствуетъ императоръ Фердинандъ!“

Такъ произошло паденіе знаменитаго австрійскаго канцлера, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ бывшаго однимъ изъ главныхъ дѣятелей общеевропейской реакціи. Немедленно же онъ оставилъ дворецъ и городъ и черезъ Прагу уѣхалъ въ Лондонъ, куда бѣжалъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ и Гизо. Вилла Меттерниха была разгромлена народомъ.

Послѣ удаленія Меттерниха во дворцѣ согласились раздать оружіе студентамъ и бюргерамъ. Вечеромъ вся Вѣна была иллюминована по случаю отставки ненавистнаго министра. Ночью студенты организовались въ знаменитый „академическій легіонъ“, получившій такое важное значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ вѣнской революціи. Вооружилась также и буржуазія. Она считала нужнымъ это сдѣлать не только для того, чтобы защищать свободу, но и для того, чтобы поддерживать порядокъ, которому грозило выступленіе городской

черни. Когда въ предмѣстьяхъ Вѣны распространилась вѣсть объ уличной борьбѣ, цѣлыя толпы народа бросились оттуда во внутренній городъ, но передъ ними заперли ворота. Тогда народъ разсѣялся по улицамъ предмѣстій и произвелъ цѣлый рядъ разныхъ безчинствъ— поджигалъ фабричныя зданія, портилъ машины, ломалъ уличные фонари и зажигалъ газъ, выходившій изъ сломанныхъ трубокъ, громилъ городскія таможни и т. п. Съ валовъ внутренняго города въ безчинствующія толпы стрѣляли даже изъ пушекъ. Правительство поручило усмиреніе рабочихъ бюргерской гвардіи. Академическій легіонъ не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ, и отсюда возникли хорошія отношенія между студентами и пролетаріатомъ.

Мало-по-малу при дворѣ пришли въ себя. 14 марта около 3 часовъ дня появилась прокламація, объявлявшая, что „императоръ повелѣлъ для возстановленія порядка передать всѣ необходимыя полномочія и подчинить всѣ гражданскія и военныя власти фельдмаршалу князю Виндишгрецу“. Это извѣстіе вызвало крайнее раздраженіе въ населеніи Вѣны, и въ ночь на 15 марта на улицахъ былъ расклеенъ плакатъ, изъ котораго жители столицы узнали, что ихъ городъ объявленъ въ военномъ положеніи. Однако, на продолженіе борьбы дворъ не рѣшился. Въ тотъ же день появилась императорская прокламація, обѣщавшая подданнымъ свободу печати, учрежденіе національной гвардіи на основаніи извѣстнаго имущественнаго и образовательнаго ценза (aus den Grundlagen des Besitzes und der Intelligenz) съ свободнымъ выборомъ офицеровъ и созывъ депутатовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ чиновъ съ усиленнымъ представительствомъ сословія гражданъ для соглашенія съ императоромъ относительно задуманной имъ „конституціи отечества“. Успѣху революціи много содѣйствовало появленіе въ этотъ день въ Вѣнѣ венгерской депутаціи съ Кошутомъ во главѣ, которая тоже пріѣхала съ своими требованіями къ императору. 17 марта состоялось торжественное погребеніе „павшихъ за отечество 13 и 14 марта“; въ процессіи участвовала гражданская гвардія и масса народа, которую опредѣляли тысячъ въ тридцать. Извѣстіе о вѣнскомъ переворотѣ быстро распространилось по всей Австріи и вызвало возстаніе въ Миланѣ, за которымъ послѣдовало возстаніе Ломбардіи.

Наконецъ, дошла очередь и до Пруссіи. Еще раньше, чѣмъ произошла берлинская революція, въ нѣкоторыхъ частяхъ монархіи Гогенцоллерновъ уже обнаруживались признаки революціоннаго настроенія. Прежде всего отложился отъ Пруссіи Невшатель [1]). Затѣмъ начались демонстраціи въ прирейнскихъ провинціяхъ. Въ Кельнѣ

[1]) См. выше, стр. 427.

происходили народныя сходки, на которыхъ играли и пѣли марсельезу: въ этомъ городѣ отдѣльно отъ бюргерства уже выступалъ съ своими требованіями и пролетаріатъ, такъ какъ среди него уже достаточно были распространены соціалистическія идеи; въ народныхъ массахъ разсуждали о монархіи или республикѣ и даже раздавались голоса за присоединеніе къ Франціи. Въ самомъ Берлинѣ возбужденіе росло съ каждымъ днемъ, и особенно волновались рабочіе, на которыхъ произвело сильное впечатлѣніе извѣстіе о томъ, что въ составъ временнаго правительства въ Парижѣ вошелъ простой рабочій и что это правительство обѣщало рабочимъ улучшеніе ихъ быта. Правительство держало наготовѣ войска, но оффиціально заявляло, что „въ Пруссіи король, войско и народъ остаются вѣрными себѣ изъ рода въ родъ“, какъ было сказано королемъ въ тронной рѣчи при роспускѣ комитета земскихъ чиновъ. Но въ тотъ же самый день (6 марта), когда сказаны были эти слова, произошла въ Тиргартенѣ первая народная сходка. И здѣсь начиналъ выступать на сцену пролетаріатъ. Недаромъ уже вечеромъ 6 марта одинъ прусскій графъ въ разговорѣ съ принцемъ Прусскимъ (будущимъ императоромъ Вильгельмомъ I) доказывалъ необходимость вооруженія бюргеровъ для поддержанія внутренней „безопасности“. 7 марта состоялось новое народное собраніе въ Тиргартенѣ, сдѣлавшемся на все время революціи главнымъ мѣстомъ сходокъ. Здѣсь уже принятъ былъ адресъ къ королю и выбрана была для представленія его особая депутація. Но въ принятіи депутаціи было отказано. Тѣмъ не менѣе это собраніе произвело впечатлѣніе на Фридриха-Вильгельма IV, и прокламаціей 8 марта онъ обѣщалъ реформу законовъ о печати съ уничтоженіемъ цензуры и „гарантіями противъ злоупотребленій свободою“. Сходки продолжались и въ слѣдующіе дни. Въ городской ратушѣ тоже происходили важныя совѣщанія. Большинство „отцовъ города“ было, однако, настроено очень умѣренно. 7-го марта 18 голосами противъ 9 было отвергнуто предложеніе просить короля о созывѣ соединеннаго ландтага. Въ слѣдующіе дни гласные были озабочены вопросомъ о томъ, что̀ дѣлать съ массою бѣдняковъ, не находившихъ себѣ работы. Одна петиція, представленная въ городской совѣтъ, просила назначить особую коммиссію, которая занялась бы благосостояніемъ рабочихъ, и собрать путемъ общей подписки деньги, необходимыя для организаціи общественныхъ работъ. Въ городѣ распространились тревожные слухи; на улицахъ и площадяхъ постоянно толпился народъ; взадъ и впередъ двигались военные отряды, которые занимали караулы у дворца, арсенала и т. п. Громко говорили, что принцъ Прусскій горитъ нетерпѣніемъ подавить народное движеніе.

Борьба народа съ правительствомъ, дѣйствительно, была немі-

нуема, но предстояла и борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ. На народной сходкѣ 13 марта былъ принятъ новый адресъ королю, въ которомъ говорилось, что народъ находится въ угнетеніи у капиталистовъ и ростовщиковъ, и предлагалось учредить особое министерство труда, „дабы предохранить государство отъ опасности, обезпечить достояніе всѣхъ отъ разоренія и улучшить судьбу рабочихъ“. Когда толпа, бывшая на сходкѣ, возвращалась въ городъ, у бранденбургскихъ воротъ у нея произошла стычка съ войскомъ, у дворца же толпу приняли въ штыки. Новый адресъ и первое столкновеніе народа съ войскомъ берлинскія газеты комментировали самымъ враждебнымъ для народа образомъ. „Vossische Zeitung“ называла адресъ „чисто коммунистическимъ“, расчитаннымъ лишь на „произведеніе смуты въ рабочемъ классѣ“, и хвалила поведеніе полиціи, которая убѣдилась-де, что на сходкѣ вовсе не была выражена настоящая воля благонамѣренныхъ гражданъ, такъ какъ состояла эта сходка лишь изъ разнаго сброда. 14 марта король принялъ депутацію городской думы. Онъ сказалъ ей, что нельзя ожидать, чтобы въ Берлинѣ температура оставалась ниже точки замерзанія, когда вокругъ во всемъ мірѣ все кипитъ, выразилъ радость, что, однако, порядокъ болѣе не нарушается, и обѣщалъ позаботиться о постепенномъ развитіи существующихъ учрежденій: на 27 апрѣля онъ созоветъ соединенный ландтагъ, и тогда все будетъ рѣшено. Въ тотъ же день вечеромъ появился королевскій патентъ, въ которомъ говорилось о созывѣ соединеннаго ландтага, „дабы защитить страну свободными учрежденіями отъ опасностей революціи и анархіи“. Одновременно съ тѣмъ на углахъ улицъ были расклеены плакаты, запрещавшіе подъ страхомъ строгихъ наказаній всякія скопища и сходки. При встрѣчахъ на улицахъ народъ и войско обнаруживали крайнее раздраженіе другъ противъ друга. Пришедшее вечеромъ извѣстіе о побѣдѣ народа въ Вѣнѣ только усилило броженіе, и 15 марта уличные безпорядки приняли еще большіе размѣры; войско стрѣляло, были убитые и раненые. На другой день происходило то же самое. Бюргеры и студенты предлагали властямъ свои услуги для возстановленія порядка, но ихъ предложенія были отвергнуты. 17 числа внѣшній порядокъ не былъ нарушенъ, но броженіе въ народѣ было очень сильное. Приходили новыя извѣстія изъ Вѣны; узнали о пріѣздѣ депутаціи изъ Кельна; говорили даже, что кельнская депутація будетъ грозить отложеніемъ рейнскихъ провинцій и присоединеніемъ ихъ къ Франціи, если король не согласится принять требованіе народа. Въ разныхъ мѣстахъ происходили бюргерскія собранія, на которыхъ было рѣшено устроить „мирную демонстрацію желаній народа“: она должна была состоять въ процессіи къ королевскому дворцу въ полномъ порядкѣ и въ передачѣ

королю адреса съ изложеніемъ желаній народа, каковыми были названы свобода печати, скорѣйшій созывъ соединеннаго ландтага, отозваніе войска и вооруженіе гражданъ.

18 марта въ десять часовъ утра Фридрихъ-Вильгельмъ IV милостиво принялъ рейнскую депутацію. Король объявилъ ей, что „желанія рейнландцевъ—его собственныя желанія". За этою депутаціею пришла другая, задуманная наканунѣ, и ей тоже король сказалъ, что удовлетворитъ всѣ желанія народа. Дѣло въ томъ, что въ ночь съ 17 на 18 марта подъ вліяніемъ, съ одной стороны, усиливавшагося возбужденія въ столицѣ, съ другой — извѣстій изъ другихъ мѣстъ при дворѣ нашли нужнымъ быть посговорчивѣе. Обѣщанія короля были подтверждены въ тотъ же день двумя патентами о скоромъ созывѣ соединеннаго ландтага и объ уничтоженіи цензуры; въ первомъ изъ этихъ патентовъ говорилось, что новый видъ, какой принимаетъ Германскій союзъ, дѣлаетъ необходимымъ введеніе конституцій во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ. Радость населенія была неописуемая. Передъ дворцомъ собирались толпы народа и восторженно привѣтствовали короля, выходившаго на балконъ и привѣтливо махавшаго народу платкомъ. Только среди пролетаріата не было замѣтно одушевленія. Разсказываютъ, что Савиньи, въ то время министръ юстиціи, сталъ объяснять одному рабочему, который смотрѣлъ нѣсколько свирѣпо, что королемъ собственно дано гораздо больше, нежели у него требовали, но получилъ такой отвѣтъ: „ничего ты, старичокъ, не понимаешь; ничего намъ не дали". Едва король удалился съ балкона, какъ на площади передъ дворцомъ опять начался шумъ. Толпа потребовала, чтобы удалили отрядъ войска, стоявшій на караулѣ у дворца. Въ это время вдругъ на площади появляется эскадронъ драгунъ и съ саблями наголо нападаетъ на толпу, а изъ внутренняго двора замка выступаетъ отрядъ пѣхоты и штыками разгоняетъ собравшихся. Раздаются два ружейныхъ выстрѣла, и начинается побоище. Съ криками: „измѣна! къ оружію! мщеніе!" разбѣгается народъ съ дворцовой площади и поднимаетъ чуть не все населеніе города. На улицахъ воздвигаются баррикады или вырываются глубокіе рвы, чтобы мѣшать движенію конницы; съ крышъ снимаютъ черепицу, чтобы бросать ее внизъ на проходящія войска; оружейныя лавки берутся приступомъ, и каждый вооружается, чѣмъ можетъ; на колокольняхъ бьютъ въ набатъ, и на этотъ призывъ въ Берлинъ спѣшатъ окрестные жители. Люди, посланные изъ дворца успокоить населеніе столицы, объяснить ему, что тутъ вышло какое-то недоразумѣніе, уже не могли ничего подѣлать. Началась упорная борьба, въ которой самое дѣятельное участіе приняли рабочіе; съ одной только фабрики, напримѣръ, явилось около тысячи человѣкъ на баррикады. Студенты, не

задолго передъ тѣмъ предлагавшіе свои услуги для возстановленія порядка, тоже въ большомъ количествѣ дрались на баррикадахъ. Женщины и дѣвушки приносили бойцамъ ѣсть и пить, дѣти лили пули. Борьба продолжалась тринадцать часовъ и кончилась лишь около 6 часовъ утра 19 марта. Народъ овладѣлъ всѣми городскими воротами и оттѣснилъ утомленныя войска къ центру города. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, которому дѣло было представлено такъ, будто въ возстаніи участвуетъ только одна пьяная сволочь, подстрекаемая пріѣзжими бунтовщиками, сначала и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы отозвать войска, но наконецъ увидѣлъ, что дальнѣйшее продолженіе борьбы можетъ окончиться катастрофою въ родѣ парижской. Въ 7 часовъ утра появилась королевская прокламація „Къ моимъ любезнымъ берлинцамъ“, въ которой Фридрихъ-Вильгельмъ IV обѣщалъ отозвать войска, если народъ оставитъ баррикады. Но отвѣтомъ на эту прокламацію были новые выстрѣлы съ баррикадъ. Между тѣмъ во дворецъ стали прибывать депутаціи гражданъ, которыя сообщали, что все населеніе жаждетъ продолженія борьбы и что ближайшею цѣлью возставшихъ является самъ королевскій замокъ. Послѣ этого Фридрихъ Вильгельмъ IV приказалъ войскамъ удалиться изъ Берлина, несмотря на то, что принцъ Прусскій настаивалъ, чтобы этого не дѣлали. Одновременно было оповѣщено, что король думаетъ назначить новое министерство въ духѣ народныхъ требованій. Немедленно затѣмъ началось выступленіе войскъ, а къ королевскому замку двинулась громадная толпа народа, которая принесла во дворъ замка и трупы убитыхъ. Толпа шумно потребовала, чтобъ къ ней вышелъ король, и когда наконецъ онъ вмѣстѣ съ королевою появился во внутренней галлереѣ, его заставили обнажить голову и выслушать пѣніе церковной пѣсни: „Іисусъ— мое прибѣжище“. Затѣмъ у короля потребовали вооруженія гражданъ, на что онъ тоже долженъ былъ согласиться, и въ тотъ же день на караулъ у дворца сталъ первый отрядъ гражданской стражи. Вечеромъ городъ былъ блестяще иллюминованъ. Въ этотъ и слѣдующіе дни король старался всячески заискивать у своихъ „любезныхъ берлинцевъ“. Такъ какъ въ народѣ въ эти дни обнаружилось сильное возбужденіе противъ принца Прусскаго (народные ораторы требовали даже его устраненія отъ престолонаслѣдія, а его дворецъ былъ спасенъ отъ разгрома только сдѣланною на немъ надписью „національная собственность“, то Фридрихъ Вильгельмъ IV поспѣшилъ отправить его въ Англію, якобы съ дипломатическимъ порученіемъ. Отъѣздъ принца изъ Берлина былъ настоящимъ бѣгствомъ, и принцъ оставался въ Лондонѣ, пока не прошла революціонная буря. 20 марта Фридрихъ-Вильгельмъ IV обнародовалъ всеобщую амнистію, и изъ тюремъ были выпущены политическіе узники. Въ числѣ послѣднихъ

были и поляки, арестованные въ 1846 году (Мѣрославскій, Либельтъ и др.). Ихъ даже съ тріумфомъ возили по улицамъ Берлина, и Мѣрославскій съ черно-красно-золотымъ знаменемъ въ рукахъ обращался къ народу съ рѣчью. Вмѣстѣ съ тѣмъ король говорилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ желанія народа и отдаетъ себя подъ его охрану. Какъ внѣшній знакъ своего присоединенія къ національному движенію, онъ принялъ черно-красно-золотую кокарду и велѣлъ употреблять ее въ войскахъ. Наконецъ, 21 марта обнародована была слѣдующая прокламація: „Къ нѣмецкой націи! Съ сегодняшняго дня начинается для васъ новая славная исторія. Вы опять сдѣлались единою и великою націей, свободною и могущественною въ сердцѣ Европы. Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV, уповая на ваше геройское содѣйствіе и ваше духовное возрожденіе, сталъ во главѣ общаго отечества для спасенія Германіи. Вы еще сегодня увидите его со старыми почтенными цвѣтами нѣмецкой націи въ вашей средѣ! Да будетъ благословеніе надъ конституціоннымъ государемъ, вождемъ всего нѣмецкаго народа, новымъ королемъ свободной возрожденной націи!“ Эта прокламація, составленная новыми либеральными министрами, была принята съ большимъ восторгомъ, и король верхомъ на лошади могъ, среди восторженныхъ криковъ народа, проѣхать по нѣкоторымъ улицамъ города. Увлеченный своею страстью къ ораторству, онъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой говорилъ, что это вовсе не узурпація съ его стороны, если онъ объявляетъ себя призваннымъ спасти нѣмецкія свободу и единство. „Клянусь предъ Богомъ, воскликнулъ онъ, что я не хочу низвергать государей съ ихъ троновъ, но хочу только защитить единство и свободу Германіи нѣмецкой вѣрностью на основахъ истинно-германскаго конституціоннаго устройства“. Короля сопровождали вооруженные студенты и привѣтствовала гражданская стража. Къ послѣдней онъ тоже обратился съ нѣсколькими словами, прося ее вѣрить, что у него нѣтъ словъ для выраженія своей благодарности. И здѣсь одинъ рабочій крикнулъ: „не вѣрьте ему“, но былъ тотчасъ же арестованъ. Съ красивою рѣчью обратился король и къ студентамъ, увѣряя ихъ, что онъ желаетъ только свободы и единства Германіи, и что, стремясь къ порядку, онъ далекъ отъ какой бы то ни было узурпаціи. Городскимъ представителямъ онъ сказалъ, что сила его не въ его храбромъ войскѣ и не въ полной казнѣ, а въ сердцахъ и вѣрности его народа. Въ тотъ же день появилась новая королевская прокламація, озаглавленная: „Къ моему народу и къ нѣмецкой націи“. Въ ней объявлялось, что Пруссія берется за спасеніе и успокоеніе Германіи путемъ предложенія всѣмъ государямъ и чинамъ Германіи устроить одно общее собраніе. Будущее единство Германіи должно

было быть, по этой прокламаціи, основано на слѣдующихъ принципахъ: „повсемѣстное введеніе истинныхъ конституціонныхъ учрежденій, съ отвѣтственностью министровъ, гласное и устное уголовное судопроизводство съ участіемъ присяжныхъ, политическая и гражданская равноправность для всѣхъ вѣроисповѣданій и истинно-народное свободное управленіе“. 22 марта былъ обнародованъ новый избирательный законъ, который правительство должно было предложить сейму. Вмѣстѣ съ этимъ было обѣщано представить сейму законопроекты о гарантіяхъ личной свободы, о правѣ собраній и ассоціацій, объ организаціи національной гвардіи и свободномъ выборѣ ея офицеровъ, объ отвѣтственности министровъ, о введеніи суда присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ, не исключая политическихъ и преступленій печати, о независимости судейскаго сословія, объ уничтоженіи патримоніальной юстиціи и вотчинной полиціи. Въ заключеніе говорилось, что арміи будетъ приказано принести присягу новой конституціи. Въ этотъ же день состоялось погребеніе убитыхъ во время уличной борьбы, большею частью рабочихъ. Процессія, въ которой участвовала масса народа, прошла мимо королевскаго замка, и Фридрихъ-Вильгельмъ IV все время стоялъ на балконѣ съ непокрытой головой. Убитыхъ прославляли въ надгробныхъ рѣчахъ и въ газетныхъ статьяхъ — въ тѣхъ же самыхъ органахъ, которые незадолго передъ тѣмъ совершенно иначе относились къ народу. Громадное большинство газетъ выражало полное удовольствіе по поводу всего случившагося и смотрѣло на будущее самымъ радужнымъ образомъ. Только одна „Zeitungshalle“, издававшаяся Юліусомъ, напечатала статью, которая произвела крайнее раздраженіе среди берлинскихъ бюргеровъ. 24 марта хоронили убитыхъ солдатъ, и на ихъ могилѣ собралось не мало бюргеровъ, кричавшихъ арміи виваты. Объясняя, какимъ образомъ послѣднее могло случиться, редакторъ „Zeitungshalle“ писалъ слѣдующее: „дѣло въ томъ, что у насъ совершенно такъ же, какъ во Франціи, какъ въ Англіи произошелъ разрывъ между классомъ бюргеровъ и классомъ рабочихъ. Борьба ведется не между королевскою властью и республикой, а между имущими и тѣми, которые стремятся что-либо получить посредствомъ своей работы. Наши бюргеры хорошо это понимаютъ, и вотъ поэтому-то уже теперь, въ первые дни послѣ нашей славной революціи они уже начинаютъ изъ всѣхъ силъ пятиться назадъ“. Вмѣстѣ съ этимъ Юліусъ находилъ, что, вмѣсто созванія соединеннаго ландтага, король долженъ былъ бы октроировать избирательный законъ въ смыслѣ всеобщей подачи голосовъ, назначить на основаніи этого закона выборы и учредить „министерство для изслѣдованія и упорядоченія отношеній труда“. На эту статью обрушились другіе органы печати, объявившіе, что у рабочихъ

и у бюргеровъ одни и тѣ же интересы, и что Юліусъ дурно воспользовался свободою печати въ своей смутьянской статьѣ. Между тѣмъ объясненіе Юліуса было совершенно вѣрно. 27 марта уже подписывалась и собрала 14 тысячъ подписей „добрыхъ гражданъ“ петиція о возвращеніи въ Берлинъ войска. Того же требовали гражданская гвардія (по крайней мѣрѣ, ея вожди) и городской совѣтъ. Буржуазія обнаруживала самымъ явнымъ образомъ намѣреніе не допускать рабочихъ ни въ гражданскую гвардію, ни къ обсужденію политическихъ вопросовъ въ публичныхъ собраніяхъ. Ее испугало то, что уже 26 марта состоялось одно большое собраніе рабочихъ, на которомъ заявлены были требованія о министерствѣ труда, составленномъ изъ рабочихъ и работодателей, о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, о сокращеніи машинъ и т. п. Настроеніе рабочихъ тревожило также полицію и городское управленіе. Первая выпроваживала изъ Берлина пришлыхъ пролетаріевъ, второе задумало устроить общественныя работы.

Берлинская революція отразилась и въ другихъ мѣстахъ Пруссіи. Между прочимъ взволновались и крестьяне, такъ что правительство въ апрѣлѣ вынуждено было снова приняться за вопросъ объ окончательной ликвидаціи старыхъ крѣпостническихъ отношеній. Сельское населеніе было увѣрено, что новое народное представительство совершенно и безвозмездно отмѣнитъ всѣ крестьянскія повинности.

Послѣдняя „мартовская“ революція совершилась въ Шлезвигъ-Голштиніи, гдѣ уже раньше началось сильное броженіе противъ новаго датскаго короля [1]). Еще 18 марта нѣмецкая партія сейма обоихъ герцогствъ потребовала у Христіана VIII общей для нихъ національной конституціи, но въ этомъ депутаціи было отказано. Берлинскій переворотъ и заявленіе Фридриха-Вильгельма IV, что онъ станетъ во главѣ германской націи, вызвали въ обоихъ герцогствахъ большую радость. 23 марта въ Килѣ вспыхнуло возстаніе, на сторону котораго перешло и войско. Вся страна послѣдовала примѣру Киля и признала немедленно образовавшееся временное правительство.

Итакъ, въ первыя три недѣли марта 1848 г. революція обошла всѣ столицы тогдашней Германіи. Самъ союзъ уже не могъ существовать въ своемъ прежнемъ видѣ. Это признано было не только гейдельбергскимъ съѣздомъ и союзнымъ сеймомъ, но и прусскимъ королемъ, который объявилъ (въ прокламаціи 22 марта), что отнынѣ Пруссія принадлежитъ Германіи, и что сама Германія должна была получить новое устройство. Между тѣмъ исполнительнымъ комитетомъ гейдельбергскаго съѣзда разосланы были приглашенія къ наиболѣе виднымъ изъ бывшихъ или настоящихъ членовъ палатъ и земскихъ чиновъ и

[1]) См. выше, стр. 452.

разнымъ другимъ лицамъ, занимавшимъ общественныя должности, пріѣхать въ Франкфуртъ на Майнѣ для образованія изъ себя „форпарламента“ [1]). Одновременно Гагернъ и графъ Лербахъ объѣзжали отдѣльныхъ государей для переговоровъ о новомъ федеральномъ устройствѣ Германіи съ общимъ народнымъ представительствомъ. Повсемѣстный успѣхъ революціи дѣлалъ нѣмецкихъ государей весьма сговорчивыми. 31 марта въ франкфуртской церкви св. Павла произошло первое собраніе форпарламента. Всѣхъ съѣхалось 511 человѣкъ, въ числѣ которыхъ изъ Пруссіи были 141 членъ, изъ Австріи—только двое. Собраніе выбрало своимъ предсѣдателемъ знаменитаго гейдельбергскаго профессора уголовнаго права Миттермайера, товарищами предсѣдателя — Блума, Ицштейна, Дальмана и Іордана. Вообще въ составѣ форпарламента было значительное число профессоровъ. Юридическое значеніе этого собранія страдало большой неопредѣленностью. Собственно говоря, съѣхавшихся въ Франкфуртъ людей никто не выбиралъ, такъ что они не могли считаться представителями народа, но они не были и уполномоченными отъ правительствъ тѣхъ земель, изъ которыхъ явились засѣдать въ предварительномъ парламентѣ для подготовки уже настоящаго парламента. Тѣмъ не менѣе оно пользовалось громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ и было единственною силою, которую уважали и которой слушались въ Германіи. На довѣренныхъ, посланныхъ отдѣльными правительствами въ союзный сеймъ для выработки проекта новаго устройства, никто даже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, и вся ихъ работа, конченная въ послѣднихъ числахъ апрѣля, пропала даромъ. Свою задачу форпарламентъ исполнилъ очень быстро, въ первыхъ же числахъ апрѣля. Было рѣшено къ первому мая созвать въ Франкфуртъ единое (einzig und allein) для всей Германіи національное собраніе, избранное всеобщею подачею голосовъ безъ всякихъ ограниченій какимъ-либо имущественнымъ цензомъ или принадлежностью къ какому-либо вѣроисповѣданію; на каждыя 50 тысячъ жителей долженъ былъ приходиться одинъ депутатъ. Этому національному собранію и предстояло дать Германіи новое государственное устройство. Приведеніемъ въ исполненіе этихъ постановленій въ промежутокъ времени между концомъ форпарламента и началомъ національнаго собранія долженъ былъ завѣдовать особый „комитетъ пятидесяти“ (Fünfzigerausschuss), къ которому фактически перешла въ это время вся власть союзнаго сейма. Наиболѣе дальновидные члены форпарламента доказывали необходимость не расходиться до собранія настоящаго представительства, но громадное большинство уклонилось отъ этой мѣры.

---

[1]) См. выше, стр. 516.

Франкфуртскій парламентъ собрался черезъ полтора мѣсяца послѣ окончанія засѣданій форпарламента. Но еще раньше въ западной Германіи произошли новыя событія, оказавшія большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ нѣмецкой революціи.

Еще въ серединѣ марта въ Баденѣ (въ Оффенбургѣ) и въ Вюртембергѣ (въ Гёппингенѣ) состоялись большія политическія сходки, послѣ которыхъ организовалась здѣсь большая республиканская партія. На первомъ изъ этихъ собраній предлагалось даже немедленно провозгласить республику. Уже въ форпарламентѣ вожди этой партіи (Струве и др.) потребовали превращенія Германіи въ федеративную республику по сѣверо-американскому образцу. Программа партіи была демократическая, радикальная, и ею даже слегка затрогивался соціальный вопросъ. По крайней мѣрѣ, демократы выражали намѣреніе „устранить бѣдственное состояніе рабочихъ классовъ и средняго сословія“ и „уладить дурныя отношенія между капиталомъ и трудомъ“. Но республиканская группа была слишкомъ незначительна числомъ, чтобы быть въ состояніи провести на практикѣ свои идеи. Недовольные поведеніемъ подавляющаго большинства форпарламента, которое не обнаруживало достаточной рѣшительности и даже проявляло боязнь передъ новой революціей чисто демократическимъ характеромъ, наиболѣе энергичные республиканскіе члены собранія тотчасъ же по закрытіи форпарламента собрались въ одной гостинницѣ и постановили въ виду того, что рѣшенія форпарламента могутъ испортить все дѣло, призвать народъ къ оружію. Они думали, что населеніе раздѣляетъ ихъ политическія идеи и революціонное настроеніе. Нàскоро Геккеръ и Струве организовали въ Баденскомъ Оберландѣ вольные отряды, которые должны были начать республиканское возстаніе. На помощь къ нимъ были призваны изъ Франціи и Швейцаріи жившіе тамъ нѣмцы, въ это время большею частью не имѣвшіе работы. Къ возстанію готовы были примкнуть нѣсколько французовъ и поляковъ. Предпріятіе не встрѣтило, однако, ни малѣйшей поддержки въ той мѣстности, чрезъ которую должны были проходить инсургенты. Вожди ожидали перехода на ихъ сторону союзныхъ войскъ, посланныхъ подавить возстаніе, но и этого не случилось. При Кандернѣ и Доссенбахѣ инсургенты потерпѣли такія пораженія, что должны были признать себя побѣжденными. Въ числѣ предводителей этого страннаго возстанія былъ и знаменитый поэтъ Гервегъ [1]). Марксъ и Энгельсъ, жившіе тогда въ Парижѣ, были противъ этого предпріятія и отсовѣтовали многимъ изъ нѣмецкихъ эмигрантовъ возвращаться въ Германію такимъ путемъ. Они находили всю эту затѣю

[1]) См. выше, стр. 352 и 445.

своего рода „игрой въ революцію“ и говорили, что насильно ввозить революцію изъ-за границы значитъ только подставлять ножку серьезному движенію. Между плѣнными инсургентами оказалось нѣсколько десятковъ французовъ, что̀ дало поводъ многимъ нѣмецкимъ патріотамъ говорить чуть не объ „иностранномъ вмѣшательствѣ“, къ которому прибѣгли баденскіе демократы. Съ другой стороны, для правительствъ это было удобнымъ предлогомъ держать войска наготовѣ.

Впрочемъ, для усиленія реакціоннаго настроенія въ извѣстной части націи была и другая причина. Въ большихъ городахъ, гдѣ скучены были массы рабочаго люда безъ работы и безъ хлѣба, происходило значительное демократическое движеніе съ соціальнымъ характеромъ. Это не было политическимъ движеніемъ съ ясно сознанною цѣлью и сколько-нибудь правильною организаціей, но оно тѣмъ не менѣе пугало нѣмецкую буржуазію и тотъ общественный классъ, который получилъ названіе „Spiezsbürgerthum“ (ремесленники, лавочники и т. п.). Добившись „свободы“, бюргерство всѣхъ степеней начало бояться „анархіи“ и стало вездѣ на стражѣ „порядка“. Гражданская гвардія сдѣлалась своего рода полиціей безопасности. На солдатъ, въ которыхъ незадолго еще видѣли орудія деспотизма, стали смотрѣть, какъ на необходимыхъ союзниковъ. Мы видѣли, какъ скоро послѣ побѣды народа это настроеніе обнаружилось въ Берлинѣ [1]). Въ этомъ городѣ въ двадцатыхъ числахъ апрѣля была задумана большая мирная демонстрація, въ которой должны были принять участіе рабочіе; цѣлью ея было поддержать требованіе прямыхъ выборовъ. Гражданская стража усмотрѣла въ этомъ бунтъ, и были приняты мѣры, чтобы помѣшать этой демонстраціи, которая такъ и не состоялась. Многіе демократы прямо высказывались въ томъ смыслѣ, что народъ еще „не созрѣлъ“ для прямыхъ выборовъ, хотя послѣдніе были приняты при избраніи депутатовъ въ франкфуртскій парламентъ. Устроенныя около Берлина земляныя работы, которыми правительство заняло часть рабочихъ, тоже многимъ не понравились, такъ какъ въ этомъ они видѣли поощреніе лѣни и тунеядства на казенный счетъ. Въ Вѣнѣ также устроены были земляныя работы, чтобы занять праздныя руки и отвлечь рабочихъ отъ непрекращавшагося броженія. Въ австрійской столицѣ все это время господствовало народное возбужденіе. Настоящею властью въ городѣ былъ центральный комитетъ національной гвардіи и академическаго легіона. Хотя этотъ комитетъ былъ настроенъ демократически, сама національная гвардія относилась къ пролетаріату крайне недовѣрчиво и старалась устранить его отъ участія въ событіяхъ. Зато между студентами и рабочими

[1]) См. выше, стр. 522.

установились наилучшія отношенія, и стоило только академическому легіону кликнуть кличъ, какъ на его сторону становились массы пролетаріевъ; студенты сдѣлались настоящими вождями рабочихъ. Правительство, поддерживаемое національной гвардіей, задумало поэтому упразднить центральный комитетъ. Какъ и въ Пруссіи, въ это время здѣсь стоялъ на очереди вопросъ о выборахъ въ будущее національное представительство. Центральный комитетъ рѣшилъ добиваться демократическаго закона о выборахъ какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда былъ поставленъ вопросъ о самомъ существованіи комитета. 15 мая въ Вѣнѣ произошло новое возстаніе: за академическимъ легіономъ двинулись вооруженные рабочіе, и правительство должно было снова уступить. Но въ буржуазіи уже распространялось мнѣніе, что народъ не созрѣлъ для прочныхъ выборовъ. Когда Фердинандъ I 17 мая бѣжалъ въ Инспрукъ [1]), вѣнская буржуазія пришла въ большое безпокойство, опасаясь провозглашенія республики, и стала сближаться съ министрами и аристократіей. Особенно были недовольны „диктатурою студентовъ“, грозившею, какъ говорилось, „еще бо̀льшимъ одичаніемъ рабочихъ“. Всему этому опять было рѣшено положить конецъ. 26 мая академическій легіонъ, который приказано было распустить, снова поднялъ рабочее населеніе предмѣстій. Это третье возстаніе вѣнцевъ было самое грозное. На улицахъ были воздвигнуты баррикады, войска должны были удалиться изъ города, и для поддержанія порядка былъ учрежденъ особый комитетъ общественной безопасности (Sicherheits-Ausschuss) изъ бюргеровъ, представителей національной гвардіи и студентовъ. Весьма скоро онъ получилъ значеніе настоящаго центральнаго правительства, менѣе всего, однако, думая самъ о томъ, чтобы захватить власть въ свои руки. Боязнь соціальной революціи все болѣе и болѣе распространялась и въ австрійской столицѣ, хотя, одержавъ 26 мая побѣду, вѣнскіе рабочіе съ своей стороны не предъявили никакихъ требованій и даже не думали добиваться, чтобы въ числѣ членовъ новаго комитета были представители и съ ихъ стороны.

Страхъ передъ возможностью соціальной революціи оказалъ свое вліяніе и на дѣятельность франкфуртскаго парламента, собравшагося 18 мая. Составъ этого собранія оказался весьма пестрый и по общественному положенію [2]), и по политическимъ мнѣніямъ депутатовъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь были собраны наиболѣе выдающіеся представители умственной и общественной дѣятельности во

[1]) См. ниже.

[2]) Около 125 чиновниковъ, по сотнѣ изъ сословій ученаго, судейскаго и адвокатскаго, около 75 землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и купцовъ; остальные изъ духовныхъ, врачей, писателей.

всей Германіи. Демократы воображали, что франкфуртскій парламентъ захватитъ въ свои руки власть подобно долгому парламенту въ Англіи или національному конвенту во Франціи, но такое представленіе обнаруживало лишь полное непониманіе положенія вещей. Въ собраніи, состоявшемъ изъ 586 членовъ, образовались слѣдующія партіи: правая, выдававшая себя за конституціонно-аристократическую партію, но въ сущности стоявшая за абсолютизмъ; центръ, распадавшійся на конституціонно-либеральную и демократическую фракціи; лѣвая, представлявшая собою болѣе рѣшительныхъ демократовъ, а къ нимъ примыкала еще немногочисленная крайняя лѣвая, состоявшая изъ республиканцевъ, изъ которыхъ многіе выступали съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ соціалистическимъ оттѣнкомъ. Впрочемъ, въ составѣ и взаимныхъ отношеніяхъ партій происходили перемѣны [1]). Во главѣ лѣвой стоялъ Робертъ Блумъ; предсѣдателемъ былъ выбранъ Генрихъ Гагернъ, который и объявилъ, что цѣль собранія создать германскую конституцію: „право на это, сказалъ онъ въ своей вступительной рѣчи, заключается въ верховенствѣ народа“. На дѣлѣ, однако, собраніе вовсе не думало о томъ, чтобы стать дѣйствительнымъ воплощеніемъ суверенитета націи. Парламентъ не создалъ зависимой отъ него вооруженной силы, на которую могъ бы опереться. Старыя правительства продолжали сохранять свою власть, и рядомъ съ ними парламентъ скорѣе походилъ на ученый съѣздъ, теоретически вырабатывавшій конституцію. Правда, одною изъ первыхъ заботъ собранія было установить временную центральную власть, которая была бы притомъ властью сильной, и на этотъ счетъ было сдѣлано нѣсколько предложеній. Лѣвая настаивала, чтобы парламентъ изъ своей среды назначилъ исполнительную власть, а крайняя лѣвая даже имѣла въ виду нѣчто въ родѣ комитета общественнаго спасенія временъ національнаго конвента, но громадное большинство и слышать не хотѣло о чемъ-либо подобномъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что исполнительную власть рѣшено было ввѣрить такъ называемому „блюстителю имперіи“ (Reichsverweser), который, будучи безотвѣтственъ, управлялъ бы посредствомъ отвѣтственнаго министерства. 29 іюня на этотъ постъ былъ избранъ 436 голосами изъ 548 австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ, сынъ императора Леопольда II. Ему въ это время было уже 66 лѣтъ. До 1848 г. онъ жилъ вдали отъ двора, въ полномъ уединеніи, частнымъ человѣкомъ, и пользовался большою популярностью за свой мягкій характеръ и благородный образъ мысли. Это тотъ самый

[1]) Правая дѣлилась еще на протестантскую и католическую. Многіе изъ видныхъ политическихъ дѣятелей предыдущаго періода (Дальманъ, Я. Гриммъ, Велькеръ, Бассерманъ, Мати) принадлежали къ правому центру, самой сильной и вліятельной партіи. Въ лѣвой видную роль играли Карлъ Фохтъ и Руге.

эрцгерцогъ, который прославился патріотическимъ тостомъ при закладкѣ башенъ кёльнскаго собора [1]). Когда дворъ въ маѣ покинулъ Вѣну, Іоаннъ былъ оставленъ въ столицѣ въ качествѣ намѣстника, какъ лицо, пользовавшееся довѣріемъ народа. Онъ принялъ предложенное ему франкфуртскимъ парламентомъ званіе и 6 іюня торжественно въѣхалъ въ Франкфуртъ, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого (12 іюня) старый союзный сеймъ сложилъ свои полномочія. Блюститель имперіи назначилъ и первое имперское министерство, первенствующимъ членомъ котораго сдѣлался австрійскій депутатъ Шмерлингъ. Но у этого центральнаго правительства, хотя оно и было признано отдѣльными правительствами, не было ни подчиненныхъ органовъ, ни казны, ни арміи. Правда, имперское министерство потребовало, чтобы 6 августа союзное войско принесло присягу блюстителю имперіи, но это требованіе осталось безъ исполненія. Около этого времени на праздникѣ отстройки кёльнскаго собора произошла встрѣча между Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и эрцгерцогомъ Іоанномъ. Она была весьма дружелюбная, но король все-таки сказалъ Гагерну: „не забывайте, что въ Германіи еще есть государи, и что одинъ изъ нихъ—я“.

Главнымъ дѣломъ франкфуртскаго парламента была выработка конституціи для всей Германіи. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ былъ составъ будущей имперіи. Австрія и Пруссія не были исключительно германскими государствами, и ихъ положеніе въ будущей Германіи могло быть весьма различнымъ. Приглашеніе прислать депутатовъ въ франкфуртскій парламентъ было распространено и на тѣ нѣмецкія провинціи Австріи и Пруссіи, которыя не входили въ составъ союза, но чехи отказались прислать депутатовъ. Дѣло страшно усложнилось и запуталось, когда въ самомъ парламентѣ пришлось рѣшать вопросъ о будущемъ составѣ Германіи. На почвѣ этого вопроса началось соперничество между Австріей и Пруссіей, которому суждено было играть такую роль въ исторіи объединенія Германіи. Франкфуртскому парламенту, конечно, прежде всего нужно было считаться съ обѣими великими державами, а онѣ менѣе всего были расположены подчиняться рѣшеніямъ новой центральной власти, особенно послѣ того, какъ осенью 1848 г. и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, какъ мы увидимъ, началась реставрація „до-мартовскихъ порядковъ“. Оба государства явно обнаруживали, что будутъ вести свою собственную политику. Это прежде всего парламентъ могъ увидѣть изъ слѣдующаго. Еще форпарламентъ, къ которому обратились жители Шлезвига съ жалобой на Данію [2]), вмѣстѣ съ союзнымъ сеймомъ поручилъ Пруссіи

[1]) См. выше, стр. 185. Эрцгерцогъ жилъ въ уединеніи послѣ своей женитьбы на одной бѣдной дѣвушкѣ.

[2]) См. выше, стр. 527.

отъ имени Германіи произвести надъ Даніей экзекуцію. Прусскія войска вступили въ герцогства, но Данія, благодаря своему флоту, стала наносить большой вредъ нѣмецкой торговлѣ. Когда сдѣлалось яснымъ, что сторону Даніи приметъ Швеція, и въ дѣло вмѣшались великія державы, Пруссія поспѣшила заключить съ Даніей перемиріе до 1 апрѣля 1849 г. на условіяхъ, весьма выгодныхъ для датскаго правительства. Это случилось въ послѣднихъ числахъ августа, а въ началѣ сентября объ этомъ узналъ франкфуртскій парламентъ, который, конечно, былъ крайне недоволенъ, что Пруссія въ данномъ случаѣ дѣйствовала вполнѣ самостоятельно, не спросившись новой центральной власти. Положеніе самаго парламента было, однако, крайне затруднительнымъ. Не принять перемирія значило бы разорвать съ Пруссіей, принять перемиріе значило возбудить противъ себя населеніе Франкфурта, находившееся подъ вліяніемъ радикальной партіи. Сначала собраніе оттягивало дѣло, но потомъ должно было такъ или иначе высказаться. Послѣ бурныхъ преній 14—16 сентября рѣшено было весьма незначительнымъ большинствомъ принять перемиріе. Тогда въ Франкфуртѣ вспыхнуло возстаніе, которое было возбуждено нѣкоторыми радикальными депутатами съ цѣлью провозглашенія республики и распущенія парламента. Возстаніе началось 17 сентября, и на другой день толпы народа хотѣли ворваться въ церковь св. Павла, гдѣ засѣдалъ парламентъ. Во время этой смуты были даже убиты два депутата правой (князь Лихновскій и генералъ Ауерсвальдъ). Имперское министерство поспѣшило вызвать на помощь противъ народа австрійскія и прусскія войска, которыя защитили парламентъ и подавили возстаніе.—Со стороны Австріи тоже обнаруживалось по отношенію къ парламенту не такое отношеніе, какого онъ долженъ былъ желать. Всегдашнимъ стремленіемъ австрійскаго правительства было создать изъ всѣхъ габсбургскихъ земель единую имперію на началахъ строгой централизаціи [1]), тогда какъ франкфуртскій парламентъ принялъ за общій принципъ, что въ случаѣ соединенія нѣмецкихъ и не-нѣмецкихъ земель подъ одною и тою же верховною властью, онѣ должны находиться между собою лишь въ отношеніи личной уніи. Для Австріи это значило или отказаться отъ своей централистической политики, или совсѣмъ выйти изъ состава Германіи. Сначала вѣнское правительство обратилось къ парламенту съ просьбою оставить рѣшеніе вопроса о будущемъ отношеніи Австріи къ Германіи до того времени, когда сама Австрія устроитъ свои внутреннія дѣла. Тогда въ парламентѣ и въ націи образовалось двѣ партіи: великогерманская (Grossdeutsche), желавшая единой Германіи съ Австріей, и малогер-

[1]) См. т. IV, стр. 309 и слѣд., 358—359.

манская (Kleindeutsche), которая, наоборотъ, думала устроить будущую Германію безъ Австріи. Въ сущности, за этимъ расколомъ скрывался вопросъ о томъ, кому будетъ принадлежать гегемонія въ объединенной Германіи—Австріи или же Пруссіи. На сторонѣ великой Германіи были правая и республиканцы, на сторонѣ малой Германіи—оба центра, составлявшіе большинство. Можно даже сказать, что малогерманская идея дѣлала все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи. Австрія, однако, вовсе не думала о выходѣ изъ союза, и весьма естественно, что дѣло объединенія Германіи, надъ которымъ работалъ франкфуртскій парламентъ, съ этой стороны встрѣтило сильную помѣху, тѣмъ болѣе, что и Пруссія, какъ мы увидимъ, вовсе не желала поддерживать стремленій мало-германской партіи.

Къ обсужденію имперской конституціи франкфуртскій парламентъ приступилъ въ серединѣ октября, когда и въ Австріи, и въ Пруссіи уже началась внутренняя реакція, которая, конечно, не сулила ничего хорошаго и имперской конституціи. Мы еще разсмотримъ тѣ событія, которыя происходили въ Германіи во время выработки имперской конституціи франкфуртскимъ парламентомъ. Несмотря на все увеличивавшіяся затрудненія и на пестрый составъ собранія, въ которомъ рядомъ съ республиканцами засѣдали феодалы и клерикалы и въ которомъ было не мало партикуляристовъ, въ немъ все-таки образовалось большинство, вынесшее на своихъ плечахъ весьма тщательно разработанную „конституцію Германской имперіи“ (Verfassung des deutschen Reiches). Она была окончательно принята парламентомъ въ концѣ марта 1849 г., но осталась простымъ памятникомъ того, какое государственное устройство хотѣлъ этотъ парламентъ дать своему отечеству. Съ этой точки зрѣнія она заслуживаетъ особаго вниманія.

Германская имперская конституція 1849 г. заключалась въ 197 параграфахъ, распредѣленныхъ между семью отдѣлами. Въ первомъ отдѣлѣ говорилось о составѣ имперіи, во второмъ—объ имперской власти, въ третьемъ—о верховномъ главѣ имперіи, въ четвертомъ—о рейхстагѣ, въ пятомъ—объ имперскомъ судѣ, въ шестомъ—объ основныхъ правахъ нѣмецкаго народа, въ седьмомъ—объ охранѣ конституціи. Мы начнемъ разсмотрѣніе конституціи съ основныхъ правъ нѣмецкаго народа, на которыхъ и остановимся нѣсколько подробнѣе. Эти права, по буквальному выраженію § 130, должны были „служить нормою для конституцій отдѣльныхъ германскихъ государствъ, и никакая конституція или законодательство отдѣльнаго германскаго государства не могло отмѣнить или ограничить эти права“. 1-й статьей этого отдѣла признавалась равноправность всѣхъ жителей Германіи на всемъ ея протяженіи безъ всякаго различія въ зависимости отъ принадлежности къ тому или другому государству, между прочимъ

однимъ изъ §§ этой статьи запрещалось наказаніе гражданской смертью съ распространеніемъ этого запрещенія на всѣ прежніе приговоры подобнаго рода. „Передъ закономъ, гласила ст. 2, нѣтъ различія сословій. Дворянство, какъ сословіе, отмѣняется. Сословныя привилегіи уничтожаются. Нѣмцы равны передъ закономъ. Всѣ титулы, поскольку они не соединены съ какою-либо должностью, отмѣняются и не должны быть возстановляемы. Общественныя должности одинаково доступны для всѣхъ способныхъ ихъ занимать. Воинская повинность для всѣхъ одинакова, и замѣстительство при ней возбраняется". 3 статья установляла неприкосновенность свободы личности. Арестъ за исключеніемъ случая захвата на мѣстѣ преступленія могъ совершаться только въ силу судейскаго и притомъ мотивированнаго приказа съ разрѣшеніемъ освобожденія отъ ареста подъ условіемъ залога или поручительства по опредѣленію суда. Смертная казнь за изъятіемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ военнымъ или морскимъ правомъ, равно какъ клейменіе преступниковъ и тѣлесныя наказанія отмѣнялись. Этою же статьею жилище объявлялось неприкосновеннымъ. Впрочемъ, домашніе обыски допускались въ силу судейскаго мотивированнаго приказа при преслѣдованіи преступника по свѣжимъ слѣдамъ, и въ особыхъ случаяхъ, когда законъ въ видѣ исключенія уполномочиваетъ къ тому опредѣленныхъ должностныхъ лицъ и безъ судейскаго приказа. Тутъ же признавалась неприкосновенность тайны писемъ. „Каждый нѣмецъ, гласила ст. 4, имѣетъ право свободно выражать свои мнѣнія устно, письменно, въ печати и посредствомъ изображеній. Свобода печати ни при какихъ обстоятельствахъ и никоимъ образомъ не должна быть ограничиваема, отсрочиваема или отмѣняема посредствомъ такихъ мѣропріятій, каковы цензура, концессіи, залоги, стѣсненіе типографій или книжной торговли, запрещеніе почтовой пересылки и другія помѣхи свободнаго обращенія. По проступкамъ печати, преслѣдованія за которые будутъ начинать власти, долженъ дѣйствовать судъ присяжныхъ". „Каждый нѣмецъ, читаемъ мы далѣе въ статьѣ 5, имѣетъ полную свободу вѣры и совѣсти. Никто не обязывается высказывать свое религіозное убѣжденіе. Ничто не ограничиваетъ нѣмца въ совмѣстномъ съ другими домашнемъ или публичномъ отправленіи обязанностей своей религіи. Пользованіе гражданскими или политическими правами отнюдь не обусловливается и не ограничивается вѣроисповѣданіемъ. Каждое религіозное общество устраивается и управляется самостоятельно, оставаясь, однако, подчиненнымъ общимъ государственнымъ законамъ. Ни одно религіозное общество не пользуется какими-либо привилегіями въ сравненіи съ другими со стороны государства, а потому впредь не будетъ никакой государственной церкви. Могутъ образовываться новыя религіозныя

общества, не нуждаясь въ признаніи ихъ исповѣданія со стороны государства. Никто не долженъ быть принуждаемъ къ какому-либо церковному дѣйствію или празднованію". Тою же статьею устанавлялась закономѣрность одного гражданскаго брака съ устраненіемъ прежнихъ препятствій къ заключенію браковъ, вытекавшихъ изъ разницы вѣроисповѣданія. „Наука и ея ученія свободны, гласила статья 6. Обученіе и воспитаніе находится подъ верховнымъ надзоромъ государства и за исключеніемъ преподаванія религіи изъемлется изъ наблюденія духовенства. Основывать учебныя и воспитательныя заведенія, руководить ими и преподавать въ нихъ можетъ свободно каждый нѣмецъ, разъ онъ докажетъ свою способность въ соотвѣтственномъ государственномъ учрежденіи". Этою же статьею объявлялось, что родители и ихъ замѣстители не имѣютъ права оставлять дѣтей безъ первоначальнаго образованія и что образованіе въ народныхъ и низшихъ ремесленныхъ школахъ должно быть даровое, во всѣхъ же другихъ учебныхъ заведеніяхъ оно должно быть безвозмезднымъ для всѣхъ неимущихъ. Статьею 7-ю всѣмъ нѣмцамъ предоставлялось право обращаться съ письменными просьбами и жалобами къ властямъ, къ представительнымъ учрежденіямъ и къ рейхстагу, при чемъ этимъ правомъ могли пользоваться какъ отдѣльныя лица, такъ и корпораціи и союзы. Для возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ по поводу дѣйствій, совершонныхъ ими въ качествѣ таковыхъ, не требовалось предварительнаго разрѣшенія начальства. „Нѣмцы, говорилось въ статьѣ 8, имѣютъ право собираться мирно и безъ оружія: особаго разрѣшенія на это не требуется. Народныя собранія подъ открытымъ небомъ въ случаѣ опасности для общественнаго порядка и спокойствія могутъ быть запрещаемы. Нѣмцы имѣютъ право составлять союзы: это право не должно быть стѣсняемо какими-либо особыми мѣропріятіями". Статья 9 посвящена была вопросамъ, касающимся собственности вообще, и въ частности старымъ феодальнымъ правамъ. Она уничтожала всѣ отношенія крѣпостничества и зависимости безъ вознагражденія и отмѣняла патримоніальную юстицію и вотчинную полицію со всѣми основанными на нихъ повинностями. Что касается до оброковъ и повинностей поземельнаго характера, то они должны были подлежать выкупу на основаніи законовъ, особыхъ для каждаго государства, съ запрещеніемъ впредь обременять поземельные участки какими бы то ни было не подлежащими выкупу оброками и повинностями. Въ эту же статью включены были §§ объ уничтоженіи всякихъ ленныхъ отношеній, объ отмѣнѣ конфискаціи, какъ уголовнаго наказанія, и о запрещеніи неравномѣрности обложенія отдѣльныхъ сословій и имуществъ, какъ государственными, такъ и общинными податями. Цѣлымъ

рядомъ §§, составляющихъ содержаніе статьи 10, были установлены новыя начала для отправленія правосудія. Этою статьею отмѣнялись патримоніальные суды, кабинетская и министерская юстиція, всякіе исключительные суды и судебныя привилегіи какихъ бы то ни было лицъ и имуществъ. Особымъ параграфомъ обезпечивались самостоятельность и независимость суда. Ни одинъ судья не долженъ былъ безъ судебнаго приговора быть удаляемъ съ должности или быть лишаемъ своего содержанія, равно какъ безъ собственнаго согласія переводиться на другое мѣсто и т. п. Судъ долженъ былъ быть гласнымъ и устнымъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ вводился обвинительный процессъ, и вмѣстѣ съ этимъ устанавливался судъ присяжныхъ для болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ и для всѣхъ политическихъ преступленій. Та же статья отдѣляла юстицію отъ администраціи и потому уничтожала какъ административную юстицію, такъ и уголовную юрисдикцію полиціи. Основными принципами общиннаго устройства Германіи признавались избраніе въ общинахъ властей, самостоятельное управленіе общинными дѣлами съ включеніемъ мѣстной полиціи и гласное веденіе всѣхъ общинныхъ дѣлъ. Очень короткая, но очень важная статья 12 заключала въ себѣ слѣдующія постановленія: „каждое нѣмецкое государство должно имѣть конституцію съ народнымъ представительствомъ. Министры отвѣтственны предъ народнымъ представительствомъ. Народное представительство имѣетъ рѣшающій голосъ въ вопросахъ законодательства, налоговъ и государственнаго бюджета. Равнымъ образомъ оно имѣетъ—и притомъ, гдѣ существуетъ двѣ палаты, каждая палата за себя—право законодательной иниціативы, обращенія къ государю и обвиненія министровъ. Засѣданія ландтаговъ по общему правилу публичны". 13 статьею обезпечивалось за всѣми не-нѣмецкими племенами Германіи ихъ національное развитіе, именно въ смыслѣ равноправности ихъ языковъ въ церковной жизни, въ преподаваніи, во внутреннемъ управленіи и въ судѣ. Наконецъ, 14 статья объявляла каждаго гражданина Германской имперіи, находящагося за границей, подъ покровительствомъ и защитой всей имперіи.

По конституціи 1849 г. въ Германіи утверждалась общая имперская власть („Reichsgewalt"), которая одна должна была выступать въ международныхъ отношеніяхъ имперіи, вѣдать дѣла войны и мира, распоряжаться арміей и флотомъ, имѣть высшій надзоръ за путями сообщенія, почтою и телеграфами, издавать законы, касающіеся промышленности и торговли, устанавливать вѣсъ и мѣры. Той же имперской власти предоставлялось охранять всѣ права, равно какъ внутренніе безопасность и порядокъ и издавать въ интересахъ цѣлаго законы, которые должны были итти впереди законовъ отдѣль-

ныхъ государствъ. Во главѣ имперіи ставился одинъ изъ царствующихъ нѣмецкихъ государей съ титуломъ „императора нѣмцевъ“ (Kaiser der Deutschen), причемъ этотъ императоръ объявлялся наслѣдственнымъ и безотвѣтственнымъ. Ему принадлежало представительство Германіи извнѣ, право созывать и закрывать рейхстагъ и распускать палату народныхъ представителей и пользоваться въ конституціонныхъ предѣлахъ правительственною властью. Его министры должны были быть отвѣтственными. Рейхстагъ долженъ былъ состоять изъ двухъ палатъ—палаты представителей государствъ (Staatenhaus) и палаты представителей народа (Volkshaus). Первую изъ нихъ предполагалось составить изъ членовъ, которые назначались бы на половину правительствами, на половину народными представительствами и обновлялись бы черезъ каждыя шесть лѣтъ въ два срока. Другую палату должны были составлять депутаты нѣмецкаго народа (Abgeordneten des deutschen Volkes), которымъ полагалось вознагражденіе, но которые не могли быть связаны никакими инструкціями. Обѣимъ палатамъ было предоставлено право предлагать законы, подавать адресы и вчинать преслѣдованіе министровъ. Законную силу получаютъ лишь рѣшенія, принятыя обѣими палатами; за центральнымъ правительствомъ было признано лишь отсрочивающее veto. Засѣданія рейхстага должны были быть ежегодными, притомъ публичными. Въ случаѣ роспуска „народной палаты“ рейхстагъ долженъ былъ быть созванъ снова въ трехмѣсячный періодъ. Депутаты пользовались гарантіями личной неприкосновенности и должны были слагать свое званіе въ случаѣ принятія какой-либо должности. Рядомъ съ имперскимъ сеймомъ учреждался имперскій судъ (Reichsgericht) для разбора споровъ отдѣльныхъ государствъ между собою и съ имперскою властью, споровъ между отдѣльными правительствами и мѣстными народными представительствами или между обѣими палатами и для разбора жалобъ гражданъ на нарушеніе ихъ правъ и т. д. Этому же суду подлежали какъ имперскіе, такъ и другіе министры по дѣламъ, за которыя они должны были отвѣтствовать. Отдѣльныя государства не могли имѣть конституцій или законовъ, которые находились бы въ противорѣчіи съ имперскими. Измѣненія въ этихъ конституціяхъ могли совершаться лишь съ согласія имперской власти. Въ случаѣ войны или возстанія имперское министерство или министерство отдѣльнаго государства могло съ согласія соотвѣтственнаго представительства отмѣнять въ теченіе двухъ недѣль основныя права.

Конституція Германской имперіи была дополнена особымъ избирательнымъ закономъ 12 апрѣля, состоявшимъ изъ 17 §§. По этому закону въ принципѣ признавалось избирательное право за каждымъ незапятнаннымъ нѣмцемъ, достигшимъ 25-лѣтняго возраста. Исклю-

ченія изъ общаго правила должны были составлять лица, которыя находились подъ опекой или попечительствомъ, или надъ имуществомъ которыхъ судебнымъ порядкомъ установлено было конкурсное управленіе, равно какъ лица, жившія общественною или общинною благотворительностью. Право быть избраннымъ признавалось за каждымъ нѣмцемъ, имѣющимъ право избирать, достигшимъ 25-лѣтняго возраста и, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ принадлежавшимъ къ одному изъ нѣмецкихъ государствъ. Право быть избираемымъ въ представительную палату не утрачивалось вслѣдствіе наказанія за политическія преступленія. Кромѣ того, для занятія мѣста въ представительной палатѣ должностныя лица, будучи въ нее избранными, не нуждались въ чьемъ-либо разрѣшеніи. Избирательные округа опредѣлялись въ 100.000 душъ, но если бы въ отдѣльномъ государствѣ при образованіи избирательныхъ округовъ оказался остатокъ, превышающій 50.000 душъ, онъ долженъ былъ бы составлять особый избирательный округъ. Каждое мелкое государство съ населеніемъ, по крайней мѣрѣ, въ 50.000 душъ, должно было составлять особый избирательный округъ (въ томъ числѣ г. Любекъ), государства же съ меньшимъ населеніемъ приписывались къ болѣе крупнымъ государствамъ. Выборы должны были быть публичными, и избирательнымъ правомъ каждый долженъ былъ пользоваться лично посредствомъ неподписаннаго бюллетеня. Наконецъ, выборы должны были быть прямыми и совершаться въ одинъ и тотъ же день на всемъ пространствѣ Германской имперіи.

XXII. Паденіе нѣмецкой революціи и конецъ франкфуртскаго парламента.

Конституціонная борьба въ великихъ нѣмецкихъ державахъ.—Общій взглядъ на ходъ революціи въ Австріи.—Конецъ австрійской революціи.—Національное собраніе въ Пруссіи.—Подавленіе прусской революціи.—Вопросъ объ Австріи въ франкфуртскомъ парламентѣ.—Избраніе германскаго императора.—Возстанія въ Германіи весною 1849 г.—Баденская революція.—Конецъ франкфуртскаго парламента.—Возстановленіе союзнаго сейма.—Причины неудачи нѣмецкой революціи.—Нѣмецкій соціализмъ и рабочее движеніе въ Германіи въ 1848—1849 г.—Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ.

Исходъ нѣмецкой революціи долженъ былъ зависѣть между прочимъ—и притомъ въ весьма значительной мѣрѣ—отъ того, какое направленіе приняли дѣла въ Австріи и Пруссіи. Одновременно съ вопросомъ объ общегерманской конституціи рѣшался вопросъ о конституціи въ монархіяхъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ, для чего и

здѣсь были созваны учредительныя собранія. Можно сказать, что это былъ періодъ учредительныхъ собраній въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы [1]). Непосредственнымъ слѣдствіемъ мартовской революціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ были обѣщанія и Фердинанда I, и Фридриха-Вильгельма IV дать своимъ подданнымъ конституцію. Въ Австріи такое обѣщаніе было дано 15 марта, въ Пруссіи—18 марта, и въ обоихъ же случаяхъ вопросъ о конституціи должны были рѣшать спеціально созванныя собранія. Искренняго желанія исполнить взятыя на себя обязательства не было, однако, ни у австрійскаго, ни у прусскаго правительства. Вѣнское „мартовское министерство“ (гр. Коловратъ, гр. Фикельманъ, Пиллерсдорфъ, бар. Кюбекъ, гр. Таафе) убѣдило императора дать своею собственною властью обѣщанную конституцію, чтобы обойтись безъ учредительнаго собранія. Эта конституція, обнародованная 25 апрѣля для всѣхъ частей Австріи, кромѣ Венгріи и Ломбардо-Венеціанскаго королевства, была составлена по бельгійскому образцу, т.-е. отличалась весьма большимъ либерализмомъ [2]), но не обращала никакого вниманія на права отдѣльныхъ національностей. Вскорѣ затѣмъ былъ выработанъ избирательный законъ, совершенно исключавшій изъ пользованія политическими правами весь рабочій классъ. Тогда-то и произошло возстаніе 15 мая, о которомъ уже было сказано выше [3]). Императоръ пошелъ на новыя уступки, согласившись на то, чтобы была созвана одна палата (по конституціи 25 апрѣля полагались двѣ палаты), избранная притомъ всеобщей подачей голосовъ. 17 мая Фердинандъ I бѣжалъ въ Инспрукъ, но столица осталась ему вѣрна и послѣ этого. Черезъ нѣсколько дней, какъ мы это также уже видѣли [4]), въ Вѣнѣ вспыхнуло новое возстаніе, которое отдало столицу Австріи во власть революціоннаго правительства (26 мая). Между тѣмъ въ Берлинѣ въ силу королевскаго обѣщанія, даннаго 18 марта, былъ созванъ соединенный ландтагъ, который открылъ свои засѣданія 2 апрѣля. Его спеціальною цѣлью было выработать избирательный законъ, на основаніи котораго было бы выбрано національное собраніе для созданія совмѣстно съ королемъ будущей конституціи. Новый законъ предоставлялъ активное право каждому прусскому подданному, достигшему двадцатичетырехлѣтняго возраста съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями, но установлялъ двухстепенную систему выборовъ, стоявшую въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, какъ произведено было

[1]) Французское учредительное собраніе открылось 4 мая, франкфуртскій парламентъ—18 мая, прусское и австрійское собранія—2 мая и 10 іюля.

[2]) Ср. выше, стр. 68.

[3]) См. выше, стр. 68.

[4]) См. выше, стр. 531.

избраніе членовъ франкфуртскаго парламента. Берлинское національное собраніе открыло свои засѣданія 22 мая и немедленно приступило къ выработкѣ конституціи. Черезъ полтора мѣсяца (10 іюля) собрались на подобное же собраніе и народные представители въ Вѣнѣ, чтобы дать разноплеменной монархіи Габсбурговъ общую конституцію, а 22 іюля послѣдовало и торжественное открытіе этого государственнаго сейма. Но ни тому, ни другому собранію не довелось исполнить свою задачу. И въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ продолжались народныя волненія, поддерживаемыя радикальною партіей. Въ началѣ октября въ австрійской столицѣ вспыхнуло новое возстаніе, заставившее императора снова бѣжать (на этотъ разъ въ Ольмюцъ), но въ самомъ концѣ того же мѣсяца Вѣна была усмирена вѣрными императору войсками. Паденіе Вѣны было ударомъ и для собраннаго въ ней сейма, и Австрія осталась безъ конституціи. Въ прусской столицѣ тоже происходило сильное броженіе. Франкфуртскія сентябрьскія событія [1]) и октябрьская вѣнская революція нашли отголоски и въ Берлинѣ, но паденіе Вѣны дало возможность и прусскому правительству выступить на путь реакціи. Хотя Берлинъ былъ тоже усмиренъ, и національное собраніе распущено, но Фридрихъ-Вильгельмъ IV все-таки октроировалъ своимъ подданнымъ конституцію. Подавленіе революцій въ Вѣнѣ и Берлинѣ въ октябрѣ и ноябрѣ 1848 г. было дурнымъ предзнаменованіемъ и для франкфуртскаго парламента.

Нѣмецкую революцію 1848 г. страшно осложняли революціонныя движенія, которыя происходили у другихъ народовъ; въ частности, исходъ революціи въ Австріи зависѣлъ отъ событій, совершавшихся въ ея не-нѣмецкихъ областяхъ. Мы будемъ еще разсматривать эти событія отдѣльно, а здѣсь остановимся на нихъ лишь настолько, насколько это нужно для пониманія общей исторіи Австріи въ 1848 г.

Въ то самое время, когда въ Вѣнѣ собирался государственный сеймъ для выработки конституціи, въ Ломбардіи, въ Чехіи и въ Венгріи происходили свои собственныя революціи. Правительство, которое оказалось совершенно безсильнымъ въ столицѣ, имѣло, однако, на своей сторонѣ войска, съ которыми и начало подавлять революцію у своихъ не-нѣмецкихъ подданныхъ. Въ Италіи Австрія имѣла большую армію подъ начальствомъ Радецкаго, всѣ же остальныя императорскія войска находились подъ главною командою князя Виндишгреца [2]). Обоимъ генераламъ дана была самая широкая власть, и оба они проявили несокрушимую энергію. Значительную помощь оказали австрійскому правительству въ дѣлѣ усмиренія революціи и славяне, которые

---

[1]) См. выше, стр. 534.

[2]) Ср. выше, стр. 520.

давно ненавидѣли нѣмцевъ и мадьяръ и естественно опасались побѣды ихъ національныхъ стремленій. Труднѣе всего оказалось управиться съ венгерской революціей, которая, впрочемъ, и разыгралась нѣсколько позже. Ранѣе всего нанесенъ былъ ударъ чешскому движенію, принявшему панславистическій характеръ. Въ іюнѣ Виндишгрецъ бомбардировалъ Прагу и тѣмъ подавилъ тамошнее возстаніе. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ и Радецкій отвоевалъ Ломбардію, которая возмутилась противъ Австріи и на помощь къ которой пришла Сардинія. Послѣ этого австрійское правительство, почувствовавъ себя снова сильнымъ, заговорило другимъ языкомъ и съ мадьярскими революціонерами, которымъ до тѣхъ поръ вынуждено было дѣлать уступки, тѣмъ болѣе, что революціонное движеніе, проявившееся у южныхъ славянъ, направилось главнымъ образомъ противъ мадьяръ. На Венгрію былъ двинутъ хорватскій банъ Елачичъ съ большою арміей. При такихъ-то обстоятельствахъ и пришлось дѣйствовать вѣнскому учредительному собранію. Въ этомъ сеймѣ не замедлила обнаружиться рознь между нѣмецкими и славянскими депутатами. Но національный антагонизмъ былъ только выгоденъ правительству, которому приходилось послѣ усмиренія чеховъ и итальянцевъ вести борьбу съ мятежной столицей и съ Венгріей, рѣшившейся отстаивать свою независимость. Имѣя общихъ враговъ, правительство и славяне стали все болѣе и болѣе сближаться между собою. Въ свою очередь сблизились между собою нѣмцы и мадьяры, которые ранѣе въ качествѣ двухъ господствующихъ національностей находились между собою въ постоянномъ соперничествѣ. Такимъ образомъ взаимныя отношенія нѣмцевъ, мадьяръ и славянъ въ Австріи играли весьма видную роль въ исторіи и общегерманской революціи. Для успѣха дѣла франкфуртскаго парламента было необходимо обезсиленіе Австріи, а потому весьма естественно, что венгерское возстаніе пользовалось большимъ сочувствіемъ среди нѣмцевъ. Наоборотъ, славяне, которые сдѣлались главнымъ орудіемъ австрійской реакціи, возбудили къ себѣ среди нѣмцевъ страшную ненависть.

Національный антагонизмъ между нѣмцами и славянами проявился въ самомъ же началѣ вѣнскаго парламента 1848 г. Въ этомъ собраніи, члены котораго сошлись вмѣстѣ въ первый разъ 10 іюля въ императорскомъ манежѣ, были представители восьми національностей: нѣмцы, чехи, сербо-хорваты (изъ Далмаціи), словенцы, поляки, русины (изъ Галиціи), итальянцы (изъ Истріи) и валахи (изъ Буковины). Нѣмцы были въ меньшинствѣ, и это производило крайне непріятное впечатлѣніе на вѣнцевъ. Націоналистическія и радикальныя газеты били тревогу по поводу этого „варварскаго пашествія“, а нѣкоторыя въ знакъ траура вышли даже съ черными каемками. Жители

Вѣны стали даже подвергать оскорбленіямъ чешскихъ депутатовъ, которые, благодаря своему умственному превосходству надъ остальными не-нѣмецкими депутатами, играли наиболѣе видную роль. Объявить нѣмецкій языкъ оффиціальнымъ для этого собранія не рѣшились, и потому пришлось прибѣгать къ переводчикамъ. Весьма естественно, что собраніе раздѣлилось на національныя группы. Въ общемъ славяне составили правую, лѣвая состояла преимущественно изъ нѣмцевъ, часть которыхъ (австрійскіе консерваторы и тирольцы) образовала изъ себя центръ. Засѣданія сейма были открыты 22 іюля; такъ какъ императоръ находился тогда еще въ Инспрукѣ среди „вѣрныхъ тирольцевъ", то его мѣсто заступалъ эрцгерцогъ Іоаннъ (будущій германскій Reichsverweser). Тронная рѣчь, прочитанная собранію, начиналась съ привѣтствія депутатамъ, „призваннымъ совершить дѣло возрожденія отечества". Это дѣло понималось въ смыслѣ упроченія пріобрѣтенной свободы на будущія времена посредствомъ открытаго и независимаго содѣйствія рейхстага правительству. „Всѣ національности австрійской монархіи, говорилось далѣе, одинаково близки сердцу его величества, и всѣ интересы должны имѣть прочное основаніе въ свободномъ и братскомъ союзѣ этихъ національностей, въ полной ихъ равноправности, равно какъ въ тѣсномъ соединеніи съ Германіей. Сердце его величества наполняется скорбью, что не сразу можетъ осуществиться полнота всѣхъ благодѣяній, которыя доставляютъ народамъ свободныя учрежденія при мудромъ пользованіи ими". Далѣе, въ этой рѣчи высказывалась надежда на возможность миролюбиваго разрѣшенія затрудненій, возникшихъ въ земляхъ венгерской короны. Что касается до войны въ Италіи, то она, сказано было въ рѣчи, „отнюдь не направлена противъ свободы итальянскихъ народовъ (der italienischen Völker), такъ какъ единственная ея цѣль при полномъ признаніи національности поддержать честь австрійскаго оружія противъ итальянскихъ державъ и обезпечить наиболѣе важные интересы государства". Указавъ на то, что внѣшнія отношенія Австріи остаются попрежнему хорошими, тронная рѣчь отмѣчала печальное положеніе государственныхъ финансовъ, требовавшее чрезвычайныхъ мѣропріятій, о которыхъ министерство должно было сдѣлать нужныя предложенія. „Въ созваніи народныхъ представителей, гласилъ конецъ рѣчи, для совѣщанія объ общихъ интересахъ заключается вѣрнѣйшая основа духовнаго и матеріальнаго развитія Австріи. Его величество передаетъ вамъ поэтому, и съ вами всей націи, свой императорскій привѣтъ и увѣреніе своего сердечнаго благоволенія". За этимъ слѣдовало объявленіе учредительнаго государственнаго сейма (der konstituirende Reichstag) открытымъ.

Австрійская аристократія или уклонилась отъ выборовъ, или

не получила на нихъ достаточнаго количества голосовъ. Среди 383 депутатовъ было даже около сотни сельскихъ жителей. Одинъ такой депутатъ предложилъ уничтожить всѣ помѣщичьи права, и послѣ долгихъ преній собраніе приняло отмѣну всѣхъ старыхъ феодальныхъ правъ и привилегій. Для Австріи въ этомъ, собственно говоря, и заключалось главное пріобрѣтеніе революціи 1848 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе назначило комитетъ, который долженъ былъ выработать конституцію.

По просьбѣ учредительнаго собранія императоръ 12 августа возвратился въ Вѣну. Но въ столицѣ Австріи продолжались прежнія волненія. Роспускъ комитета общественной безопасности, въ маѣ, вызвалъ новые безпорядки. Собраніе объявило себя непрерывнымъ, но не въ состояніи было поддерживать порядокъ даже въ собственной средѣ. Когда въ Вѣну пріѣхала венгерская депутація просить защиты у австрійскаго государственнаго сейма, то не была имъ даже принята по настоянію славянскаго большинства, относившагося враждебно къ венгерской революціи. Зато вѣнскіе демократы устроили мадьярскимъ депутатамъ восторженную встрѣчу и обѣщали поддерживать ихъ дѣло. Вскорѣ послѣ этого власть въ Венгріи перешла въ руки комитета обороны подъ предсѣдательствомъ Кошута, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ окончательный разрывъ между австрійскимъ правительствомъ и мадьярами. Часть войскъ, находившихся въ Вѣнѣ, должна была двинуться усмирять венгерскую революцію. Приказъ объ этомъ сдѣлался сигналомъ къ октябрьскому возмущенію австрійской столицы. Уже въ первой половинѣ сентября въ Вѣнѣ было большое волненіе среди рабочихъ по поводу уменьшенія платы за участіе въ общественныхъ работахъ, но вызванная этимъ демонстрація была подавлена гражданской стражей. Теперь значительная часть національной гвардіи, академическій легіонъ и демократическіе клубы, поддержанные рабочими, сами поднялись, чтобы помѣшать выступленію изъ города солдатъ, которыхъ правительство посылало въ Венгрію. Одинъ нѣмецкій полкъ самъ отказалъ въ повиновеніи, и противъ него по приказанію военнаго министра Латура двинутъ былъ другой полкъ, состоявшій изъ славянъ. Рабочіе приняли сторону непокорныхъ солдатъ. Народъ разрушилъ мостъ, по которому войска должны были выходить изъ Вѣны. На многихъ улицахъ построены были баррикады. Толпа ворвалась въ домъ, гдѣ находился министръ Латуръ; министръ былъ избитъ до смерти и затѣмъ повѣшенъ на фонарѣ (6 октября). Императоръ въ тотъ же день бѣжалъ изъ Вѣны. Изъ Ольмюца, куда онъ на этотъ разъ удалился, всего болѣе довѣряя славянамъ, онъ обратился ко всѣмъ своимъ народамъ съ воззваніемъ, приглашавшимъ ихъ бороться съ революціей. Націо-

нальное собраніе, сдѣлавшее-было попытку выступить въ качествѣ примирителя между правительствомъ и населеніемъ столицы, потеряло всякое значеніе. Правая, руководимая чехами, тоже оставила городъ, и изъ Праги протестовала противъ своихъ товарищей, продолжавшихъ засѣдать въ сеймѣ. Но противъ Вѣны, снова очутившейся во власти революціонеровъ, были теперь направлены три арміи. Съ востока къ столицѣ двинулся Елачичъ съ хорватами, съ сѣвера — Виндишгрецъ, третьею арміей командовалъ Ауерспергъ. Вѣна рѣшила защищаться подъ начальствомъ польскаго генерала Бема. Мадьяры обѣщали свою помощь возставшему городу. Франкфуртскій парламентъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ Вѣны. Двое депутатовъ правой (Велькеръ и Мосле) предложили Фердинанду I посредничество, но не имѣли успѣха. Два депутата лѣвой (Блумъ и Фребель) поѣхали сами въ Вѣну, чтобы поддержать въ ней демократическое движеніе. Мадьяры, однако, опоздали во-время прійти на помощь, и 30 октября Вѣна сдалась Виндишгрецу. Побѣдитель началъ немедленно суровую расправу съ инсургентами. Въ Вѣнѣ было объявлено осадное положеніе, и вожди возстанія были приговорены военнымъ судомъ къ разстрѣлянію; въ числѣ казненныхъ былъ и Блумъ, котораго не спасло званіе члена франкфуртскаго парламента. Протестъ послѣдняго и заявленіе имперскаго министра австрійца Шмерлинга, что онъ не одобряетъ поведенія Виндишгреца, не имѣли никакого реальнаго значенія.

Еще за недѣлю до паденія Вѣны (23 октября) Фердинандъ I объявилъ отсрочку засѣданій государственнаго сейма и перенесеніе ихъ въ моравскій городокъ Кромержижъ (Кремзиръ). Вскорѣ по рѣшенію семейнаго совѣта Габсбурговъ, въ которомъ участвовали министры, назначенные послѣ паденія Вѣны (Шварценбергъ и др.), а также Виндишгрецъ и Елачичъ, императоръ отрекся отъ престола въ пользу своего племянника, восемнадцатилѣтняго Франца-Іосифа, о чемъ собравшійся въ Кромержижѣ сеймъ совершенно неожиданно узналъ 2 декабря. Объявляя о вступленіи своемъ на престолъ, новый императоръ высказывалъ надежду „на возрожденіе Австріи на основахъ равноправности всѣхъ ея національностей, равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и участія народныхъ представителей въ законодательствѣ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ подданнымъ Австріи давалось знать, что правительство „сохранитъ незатемненнымъ блескъ короны и не допуститъ нарушенія единства монархіи“. Этимъ самымъ новое правительство выражало ясно свое намѣреніе поддерживать централистическую политику, хотя бы и съ допущеніемъ нѣкоторыхъ областныхъ особенностей, тогда какъ въ кромержижскомъ собраніи преобладали, наоборотъ, федералистическія стремленія, главными

представителями которыхъ выступали, конечно, славяне. Собраніе даже выработало проектъ конституціи въ этомъ смыслѣ, но министерство поспѣшило его распустить, и 4 марта 1849 г. Австрія получила октроированную конституцію, общую для всей монархіи, не исключая и земель короля Св. Стефана, но съ расчлененіемъ Венгріи на болѣе мелкія провинціи съ своими ландтагами, которые должны были быть и въ другихъ земляхъ, впрочемъ, повсюду исключительно для разсмотрѣнія мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ и пользъ. Эта конституція была составлена по всѣмъ правиламъ представительнаго правленія, но на самомъ дѣлѣ серьезно ее и не думали вводить въ дѣйствіе. Напротивъ, ждали только удобнаго времени, чтобы ее отмѣнить. Такой моментъ наступилъ, впрочемъ, не сразу. Лишь въ послѣдній день 1851 г. появился императорскій указъ, который отмѣнялъ конституцію 4 марта 1849 г., какъ несовмѣстимую съ основами устройства всей монархіи и въ отдѣльныхъ случаяхъ не всегда удобную для примѣненія.

Такимъ образомъ революція была побѣждена въ Австріи. Одновременно совершилось и паденіе ея въ Пруссіи. Берлинское національное собраніе открыло свои засѣданія 22 мая. Въ немъ принимало участіе около 400 членовъ, большею частью второстепеннаго достоинства, такъ какъ наиболѣе видные политическіе дѣятели находились въ Франкфуртѣ. Въ составѣ его преобладали люди либеральныхъ профессій: преподаватели и духовные (около 80), чиновники (около 150) и т. п.; крупное землевладѣніе, промышленность и торговля представлены были весьма слабо; ремесленниковъ и крестьянъ было зато около сотни. Что касается до раздѣленія на партіи, то собраніе распалось на слѣдующія группы, которыя и впослѣдствіи имѣли значеніе главныхъ политическихъ партій Пруссіи. Правую составляла консервативная и партикуляристская партія, получившая названіе феодальной или партіи „Крестовой газеты“; она отстаивала старые соціальные порядки и полную независимость Пруссіи. Наоборотъ, лѣвая, высланная преимущественно прирейнскими провинціями и городами, проявляла демократическія и радикальныя стремленія и желала объединенія Германіи. Подобно лѣвой франкфуртскаго парламента, съ которою она вошла въ сношенія, она стояла на точкѣ зрѣнія народнаго верховенства. Середину между этими двумя партіями занимала партія центра, которая, раздѣлившись на двѣ (а потомъ на три) фракціи, стремилась, такъ сказать, сглаживать и примирять противоположные принципы правой и лѣвой. Созывая національное собраніе, Фридрихъ-Вильгельмъ IV предполагалъ, что новая прусская конституція будетъ выработана по взаимному соглашенію правительства и народныхъ представителей Поэтому собранію былъ предло-

женъ проектъ новой конституціи. Но большинство депутатовъ взглянуло на свою задачу иначе и, отложивъ въ сторону правительственный проектъ, назначило свою коммиссію, которая должна была приготовить свой собственный проектъ. Это, конечно, очень не нравилось Фридриху-Вильгельму IV. Кромѣ того, на первыхъ же порахъ въ собраніи сдѣлано было предложеніе объявить себя суверенным и, признавъ совершившуюся революцію, выразить уваженіе къ памяти бойцовъ 18 и 19 марта, „хорошо послужившихъ отечеству“. Народное волненіе въ Берлинѣ не улегалось. На другой же день послѣ открытія собранія недовольные правительственнымъ проектомъ конституціи вывѣсили надъ зданіемъ университета черный флагъ, а ночью сожгли проектъ конституціи передъ дворцомъ наслѣднаго принца. Въ послѣднихъ числахъ мая были уличные безпорядки, которые потребовали вмѣшательства гражданской стражи. Въ серединѣ іюня, когда собраніе отказалось признать мартовскія событія за революцію, въ Берлинѣ вспыхнуло новое возмущеніе, сопровождавшееся постройкой баррикадъ и разграбленіемъ арсенала. Въ самомъ собраніи все болѣе и болѣе начинала получать значеніе лѣвая, которую поддерживала наиболѣе дѣятельная часть берлинскаго населенія. Съ каждымъ днемъ между тѣмъ усиливались конфликты между правительствомъ и собраніемъ. Дворъ и военная партія съ своей стороны выказывали неудовольствіе на всѣ совершавшіяся перемѣны и старались всячески противодѣйствовать собранію. Однажды (31 іюля) между гражданской стражей и войскомъ произошло столкновеніе, окончившееся кровопролитіемъ. Это возбудило противъ арміи и собраніе, и народъ. Въ сентябрѣ лѣвая добилась даже постановленія собранія, въ силу котораго сеймъ ставилъ себя подъ охрану народа. На самомъ дѣлѣ вооруженныя толпы народа стали собираться вокругъ зданія собранія и начали разными способами оказывать свое вліяніе на голосованіе. За весь этотъ періодъ король нѣсколько разъ перемѣнилъ министровъ. Между тѣмъ конституціонная коммиссія, находившаяся подъ предсѣдательствомъ Вальдека, выработала свой проектъ, и обсужденіе его въ полномъ собраніи началось 12 октября, когда въ Вѣнѣ только-что произошло извѣстное возстаніе, передавшее городъ въ руки революціонеровъ. Конституціонный проектъ („хартія Вальдека“) былъ составленъ въ такомъ духѣ, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ крайне обиженъ. Напримѣръ, изъ королевскаго титула были выброшены слова: „милостію Божіею“. Но именно обсужденіе конституціи вызвало страстную борьбу между партіями берлинскаго парламента. Особенно негодовала правая на уничтоженіе дворянства и запрещеніе употреблять дворянскіе титулы. Когда въ Берлинъ пришло извѣстіе о паденіи Вѣны, Вальдекъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы мини-

стерство употребило всѣ находящіяся въ распоряженіи государства средства и силы для охраны народной свободы, которой угрожала опасность. Во время преній народныя толпы окружали зданіе собранія, и даже произошла стычка между ними и гражданской стражей, вызванной для охраны собранія (31 октября).

Но подавленіе вѣнской революціи вооруженною силою показало Фридриху-Вильгельму IV, какимъ путемъ и онъ могъ возстановить свою пошатнувшуюся власть. Послѣ событія 31 октября онъ образовалъ новое министерство, главою котораго былъ назначенъ графъ Бранденбургъ. Первымъ дѣломъ этого министерства было изданіе королевскаго посланія, отсрочившаго засѣданія народныхъ представителей до 27 ноября, послѣ чего они должны были засѣдать уже не въ Берлинѣ, а въ маленькомъ городкѣ Бранденбургѣ. При первомъ извѣстіи о назначеніи новаго министерства собраніе обратилось къ королю съ адресомъ, въ которомъ просило перемѣнить это рѣшеніе. Съ большимъ трудомъ удалось депутаціи добиться пріема. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, прочитавши адресъ, хотѣлъ удалиться изъ залы безъ всякаго отвѣта, но тогда одинъ изъ депутатовъ, именно Якоби, авторъ надѣлавшей когда-то много шума брошюры „Четыре вопроса“ [1]) подошелъ къ королю и вскричалъ: „несчастье королей въ томъ, что они не хотятъ слушать правды“. Настоящимъ отвѣтомъ короля и было перенесеніе засѣданій въ Бранденбургъ (9 ноября). Въ слѣдующіе дни была распущена гражданская стража, Берлинъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, запрещены были всякія собранія болѣе двадцати человѣкъ и т. п. Однако, собраніе, изъ котораго немедленно удалилась большая часть правой, постановило продолжать свои собранія; при этомъ оно протестовало противъ права короны отсрочивать, переносить въ другое мѣсто и распускать собраніе и даже приняло (10 ноября) прокламацію къ прусскому народу, въ которой приглашало его крѣпко держаться завоеванной свободы, ни на одно мгновеніе, впрочемъ, не оставляя законной почвы. Но въ тотъ же самый день генералъ Врангель съ значительнымъ отрядомъ занялъ зданіе, въ которомъ происходили засѣданія. Въ слѣдующіе дни около 230 депутатовъ, поклявшись, что подчинятся только вооруженной силѣ, дѣлали попытки собираться то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, но имъ постоянно мѣшали. Въ послѣдній разъ они собрались 15 числа и на этотъ разъ объявили, что правительство не имѣетъ права собирать налоги, пока національное собраніе опять не будетъ засѣдать въ Берлинѣ. Большого дѣйствія это постановленіе не оказало, хотя и были въ разныхъ мѣстахъ случаи отказа уплачивать налоги. Такъ

[1]) См. выше, стр. 445.

какъ всѣ эти мѣропріятія прусскаго правительства были поддержаны значительной военной силой, введенной въ Берлинъ, то не встрѣтили никакого сопротивленія въ столицѣ. Въ назначенный день въ Бранденбургѣ національное собраніе снова открыло свои засѣданія, но такъ какъ сюда явилось очень мало членовъ, а многіе явились лишь для того, чтобы снова протестовать, то правительство рѣшило совсѣмъ распустить собраніе (5 декабря). Впрочемъ, на другой же день послѣ этого король своею властью октроировалъ Пруссіи конституцію, которая была какъ бы списана съ проекта національнаго собранія. Для пересмотра этой конституціи въ Берлинѣ, попрежнему остававшемся въ осадномъ положеніи, было въ началѣ 1849 года созвано новое національное собраніе, которое, однако, король скоро распустилъ, когда пренія приняли слишкомъ бурный характеръ и народные представители пришли въ новый конфликтъ съ исполнительною властью. Фридрихъ-Вильгельмъ IV затѣмъ еще разъ созвалъ національное собраніе, издавъ предварительно избирательный законъ, совсѣмъ уже не демократическаго характера: тѣ, которые платили болѣе налоговъ, оказывали и большее вліяніе на выборы. Новая палата, избранная на основаніи этого закона и собравшаяся въ августѣ 1849 года, была весьма сговорчива. 31 января 1850 года королевское посланіе объявило пересмотръ конституціи 5 декабря 1848 года оконченнымъ, и новое государственное устройство вошло въ силу. Такимъ образомъ политическая реакція въ Пруссіи не зашла такъ далеко, какъ въ Австріи: Пруссія все-таки получила конституцію.

Побѣда реакціи въ Австріи и Пруссіи осенью 1848 года отразилась и на дѣлахъ франкфуртскаго парламента въ то самое время, какъ въ послѣднемъ ставился вопросъ о томъ, кто будетъ первенствовать въ будущей Германіи—Австрія или Пруссія [1]). Суровая репрессія въ Вѣнѣ и особенно казнь Блума сильно повредили Австріи въ франкфуртскомъ парламентѣ. Послѣдній вздумалъ-было выступить посредникомъ между прусскимъ правительствомъ и берлинскимъ собраніемъ въ началѣ ноября, но это вмѣшательство окончилось совершенной неудачей. Послѣ своей побѣды надъ революціей и Фридрихъ-Вильгельмъ IV уже не обнаруживалъ прежняго своего расположенія къ германскому единству. Когда Гагернъ пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы переговорить съ нимъ о возможности исключенія Австріи изъ союза, то получилъ въ отвѣтъ, что Германія безъ Австріи совершенно немыслима. Наконецъ, послѣ того, какъ Австрія получила октроированную конституцію, она, пользуясь поддержкою Россіи и расчитывая на соперничество среднихъ нѣмецкихъ государствъ,

[1]) См. выше, стр. 533—535.

стала уже прямо, рѣзко и рѣшительно высказываться противъ федеративнаго устройства Германіи.

Съ осени 1848 г. въ франкфуртскомъ парламентѣ шла борьба между велико-германской и мало-германской партіями, раздѣлившимися между собою по вопросу объ Австріи. Безъ опредѣленія ея отношенія къ Германіи трудно было закончить выработку конституціи. Нужно было рѣшить вопросъ о томъ, кто будетъ поставленъ во главѣ союза: именно въ случаѣ вступленія Австріи въ союзъ немыслимо было сдѣлать его главою одно лицо въ виду соперничества между Австріей и Пруссіей, а потому пришлось бы, напримѣръ, устроить директорію изъ трехъ лицъ, въ противномъ же случаѣ намѣчался единый глава союза, которымъ могъ бы быть только самый сильный нѣмецкій государь, т.-е. король прусскій. Гагернъ, смѣнившій Шмерлинга въ имперскомъ министерствѣ въ концѣ 1848 г., стоялъ во главѣ мало-германской партіи, но Шмерлингу удалось организовать противъ его проектовъ оппозицію изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, по всѣмъ другимъ вопросамъ рѣзко расходившихся между собою. Хотя австрійскій вопросъ оставался нерѣшеннымъ, въ январѣ 1849 г. большинствомъ собранія былъ принятъ параграфъ конституціи, по которому главой имперіи долженъ былъ сдѣлаться одинъ изъ нѣмецкихъ государей съ титуломъ германскаго императора. Въ началѣ февраля конституція была готова, и нѣмецкія правительства должны были высказать о ней свои мнѣнія. Среднія и мелкія государства, за исключеніемъ королевствъ, заявили, что подчинятся рѣшенію національнаго собранія, но все зависѣло, конечно, отъ Австріи и Пруссіи. Прусское правительство около этого времени обратилось къ другимъ нѣмецкимъ правительствамъ съ нотой, довольно благопріятной для мало-германской программы Гагерна. Но оно порицало притязанія франкфуртскаго парламента на верховную власть и не считало нужнымъ установить новую должность императора, хотя и совѣтовало дать удовлетвореніе желанію націи объединиться болѣе тѣснымъ образомъ; для этого лучше всего было бы, сохранивъ старый союзъ съ его прежними отношеніями къ Австріи, Даніи и Нидерландамъ [1]), допустить въ немъ образованіе болѣе тѣснаго союза. Австрія самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась противъ этого плана. Обнародованная въ мартѣ австрійская конституція, составленная въ централистическомъ духѣ, ясно указывала на то, что австрійское правительство и знать ничего не хотѣло о германской конституціи: положеніе въ Австріи нѣмецкихъ земель по новой конституціи ничѣмъ

---

[1]) Съ двумя послѣдними по Люксембургу и Голштиніи. См. т. IV, стр. 241, 345 и 346.

не должно было отличаться отъ положенія провинцій не-нѣмецкихъ Мало того: Австрія потребовала включенія всѣхъ ея владѣній въ составъ германскаго союза, во главѣ котораго стояла бы семичленная директорія подъ австрійскимъ предсѣдательствомъ и въ которомъ была бы лишь палата представителей отдѣльныхъ государствъ, но безъ палаты народныхъ представителей. Послѣ длинныхъ и бурныхъ преній была въ концѣ марта принята уже извѣстная намъ германская конституція [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ 28 марта прусскій король былъ выбранъ въ германскіе императоры. Въ подачѣ голосовъ приняли участіе 290 депутатовъ, но почти столько же (248) воздержались отъ подачи голосовъ. Нѣсколько депутатовъ протестовало противъ присвоеннаго собраніемъ права на окончательное утвержденіе конституціи и распоряженіе короной. Какъ-разъ въ это время въ Берлинѣ засѣдало второе національное собраніе [2]), въ которомъ лѣвая рѣзко порицала произвольный роспускъ перваго собранія и не хотѣла признавать значенія за октроированной конституціей. 3 апрѣля Фридрихъ-Вильгельмъ IV принялъ депутацію отъ франкфуртскаго парламента, пріѣхавшую въ Берлинъ предложить ему званіе наслѣдственнаго германскаго императора. Отвѣтъ короля былъ весьма любезный. „Въ рѣшеніи германскаго національнаго собранія, сказалъ онъ, я признаю голосъ представителей нѣмецкаго народа. Національное собраніе оказало мнѣ честь, остановившись на мнѣ, когда потребовалось основать единство и могущество Германіи. Я высоко цѣню его довѣріе, и передайте ему мою за это довѣріе благодарность. Я готовъ на дѣлѣ доказать, что не ошиблись тѣ люди, которые возложили свои надежды на мою вѣрность, на мою любовь къ общему германскому отечеству“, но, говорилъ далѣе Фридрихъ-Вильгельмъ IV, онъ не можетъ „безъ свободнаго соглашенія коронованныхъ главъ князей и вольныхъ городовъ Германіи принять рѣшеніе, которое должно имѣть столь важныя послѣдствія для нихъ самихъ и для управляемыхъ ими германскихъ племенъ“. А потому въ заключеніе король объявилъ, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ другими правительствами. Впрочемъ, этотъ отвѣтъ все еще оставлялъ нѣкоторую надежду. Скоро стало яснымъ, что предложенная Фридриху-Вильгельму IV корона будетъ имъ отвергнута окончательно. Нерѣшительный и измѣнчивый нравъ Фридриха-Вильгельма IV былъ уже давно извѣстенъ [3]), а тутъ, съ одной стороны, имъ уже ранѣе дѣлались заявленія о томъ, что онъ не пойдетъ противъ Австріи, и онъ опасался,

---

[1]) См. выше, стр. 535—539.
[2]) См. выше, стр. 550.
[3]) См. выше, стр. 441.

что послѣдняя объявитъ ему войну, а съ другой, предлагавшаяся ему корона имѣла революціонное происхожденіе, и императоръ Николай I, котораго онъ всегда слушался, предостерегалъ его противъ уступокъ революціи. Съ самаго начала революціи русскій государь заявилъ, что на всякое преобразованіе Германіи безъ участія Австріи онъ будетъ смотрѣть какъ на нарушеніе трактатовъ 1815 г. Объявляя мотивъ своего отказа близкимъ людямъ, король говорилъ, что вовсе не хочетъ ѣсть „такого блюда, которое приготовлено изъ грязи и глины“, и что предлагаемая ему корона—скорѣе „желѣзный ошейникъ, который превратитъ его изъ правителя шестнадцати милліоновъ людей въ раба революціи“. Не получивъ никакого окончательнаго рѣшенія, франкфуртская депутація съ крайне тяжелымъ чувствомъ оставила Берлинъ, заявивъ при этомъ прусскому министерству, что съ принятіемъ короны безусловно связано и признаніе германской конституціи. Между тѣмъ и сама конституція не нравилась Фридриху-Вильгельму IV. Его романтическому настроенію и средневѣковымъ идеаламъ совершенно не соотвѣтствовала конституція, написанная подъ вліяніемъ принциповъ 1789 г. Въ частности, онъ не могъ примириться съ отсрочивающимъ veto [1]), бывшимъ уступкою, которую собраніе сдѣлало республиканской партіи, и съ избирательнымъ закономъ, составленнымъ въ самомъ демократическомъ духѣ. Въ концѣ концовъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV не прочь былъ, впрочемъ, получить императорскую корону, если бы ему ее поднесли нѣмецкіе государи и вольные города. Съ этою цѣлью прусское правительство обратилось къ нимъ съ нотою, въ которой говорилось, что король въ виду того положенія, какое въ Германіи принадлежитъ Пруссіи, готовъ стать во главѣ союзнаго государства, если на то согласятся государи и вольные города, и что въ случаѣ ихъ согласія форма этого союзнаго государства (а также и его составъ) будетъ зависѣть отъ самихъ союзниковъ. Другими словами, Пруссія объявляла, что не признаетъ обязательности франкфуртской конституціи.

Съ своей стороны, франкфуртскій парламентъ рѣшилъ твердо держаться принятой имъ конституціи. Мелкія нѣмецкія государства признали конституцію и выразили желаніе, чтобы прусскій король принялъ императорскую корону. Вюртембергскій король, сначала не соглашавшійся подчиниться рѣшенію франкфуртскаго парламента, вынужденъ былъ это сдѣлать послѣ продолжительной борьбы съ своими палатами, но короли баварскій, саксонскій и ганноверскій самымъ категорическимъ образомъ высказались и противъ конституціи, и противъ прусскаго императорства. Они даже отсрочили засѣданія

[1]) См. выше, стр. 539.

своихъ ландтаговъ, которые стали бы требовать признанія постановленій франкфуртскаго парламента. Одновременно съ этимъ и нижняя палата берлинскаго національнаго собранія рѣшилась обратиться къ Фридриху-Вильгельму IV съ адресомъ, содержавшимъ просьбу принять имперскую конституцію и императорскую корону. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ палатѣ заговорили еще о необходимости прекратить въ Берлинѣ осадное положеніе, объявленное въ ноябрѣ, то правительство и распустило тогда нижнюю палату [1]). Теперь въ Берлинѣ болѣе не колебались. Когда отъ саксонскаго короля пришла просьба оказать военную помощь въ виду начинавшихся въ его государствѣ волненій, ему было обѣщано помочь и напридачу данъ совѣтъ не принимать имперской конституціи. Нижняя прусская палата была распущена 25 апрѣля, а 28 числа состоялся окончательный отказъ Фридриха-Вильгельма IV отъ предложенной ему короны. Въ прокламаціи прусскаго правительства по этому случаю подвергалась рѣзкой критикѣ и сама имперская конституція, которая называлась просто „средствомъ къ тому, чтобы постепенно и якобы законнымъ образомъ устранить высшую власть и ввести республику".

Дѣло приняло такой характеръ, что за конституцію, принятую франкфуртскимъ парламентомъ, становились представительныя палаты отдѣльныхъ государствъ и представлявшаяся ими нація, а противъ нея правительства наиболѣе крупныхъ государствъ: Австріи, Пруссіи, Баваріи, Саксоніи и Ганновера. Еще ранѣе прусскаго отказа значительная часть австрійскихъ депутатовъ по требованію своего правительства покинула Франкфуртъ, но затѣмъ и другіе депутаты стали слагать съ себя полномочія. Это только усиливало значеніе лѣвой. Въ виду возможныхъ опасностей и уменьшенія числа членовъ было постановлено предоставить предсѣдателю собранія право созывать его во всякое время и во всякомъ мѣстѣ и для законности рѣшеній объявить достаточнымъ присутствіе полутораста членовъ. Затѣмъ 4 мая парламентъ постановилъ обратиться къ правительствамъ, законодательнымъ собраніямъ и общинамъ отдѣльныхъ государствъ, ко всему нѣмецкому народу съ требованіемъ принять и привести въ дѣйствіе имперскую конституцію. Первый рейхстагъ при этомъ долженъ былъ собраться въ августѣ. На случай отказа Пруссіи прислать въ него своихъ представителей, главой имперіи съ титуломъ имперскаго намѣстника (Reichsstatthalter) объявлялся правитель самаго значительнаго государства, которое пришлетъ своихъ представителей. Это постановленіе было принято всего большинствомъ двухъ голосовъ и практически имѣло только два результата: съ одной стороны, уда-

[1]) См. выше, стр. 550.

леніе изъ парламента все бо̀льшаго и бо̀льшаго количества членовъ, съ другой—цѣлый рядъ возстаній во многихъ мѣстахъ Германіи въ защиту имперской конституціи.

Это были послѣднія вспышки революціи. Въ бо̀льшей части нѣмецкихъ земель въ 1848 г. пали феодальные порядки и сельская масса успокоилась; рабочіе, которые надѣялись добиться улучшенія своего быта, успѣли разочароваться; буржуазія, напуганная соціальной революціей, хлопотала главнымъ образомъ о порядкѣ. Одна только радикально-демократическая и республиканская партія еще продолжала стремиться къ организаціи нѣмецкой демократіи. Хотя ея представители въ парламентѣ далеко не были поклонниками имперской конституціи и яростно боролись съ конституціонной партіей, тѣмъ не менѣе рѣшили воспользоваться конституціей, какъ знаменемъ и своего рода законной почвой, для того, чтобы вызвать демократическое возстаніе. И демократамъ это удалось. Возстанія вспыхнули въ Ганноверѣ, въ прирейнскихъ частяхъ Баваріи и Пруссіи, въ Вюртембергѣ, въ Саксоніи, въ Баденѣ, въ Гессенъ-Дармштадтѣ (май—іюнь). Въ этихъ возстаніяхъ приняли участіе всѣ мѣстные радикальные, демократическіе, республиканскіе и соціалистическіе элементы, а къ нимъ примкнули и такіе люди, которые дѣйствительно думали защищать только имперскую конституцію. Для большинства возставшихъ, состоявшихъ изъ радикальной части буржуазіи и пошедшихъ за нею рабочихъ, дѣло было, однако, вовсе не въ этой конституціи. Ранѣе всего началась эта „майская революція“ въ Саксоніи. Здѣсь велась сильная агитація за принятіе правительствомъ конституціи. За нее стояла гражданская стража; на ея сторонѣ было городское общественное управленіе; поддерживать ее постановилъ и дрезденскій рабочій союзъ, „хотя, какъ было сказано въ его объявленіи, для матеріальнаго благосостоянія народа въ будущемъ остается еще очень много сдѣлать“. Когда король отвѣтилъ отказомъ на требованіе присоединиться къ имперской конституціи, въ Дрезденѣ вспыхнуло возстаніе. 3 мая народная толпа сдѣлала нападеніе на арсеналъ, но была встрѣчена ружейными выстрѣлами. Это было сигналомъ къ постройкѣ баррикадъ и къ уличной борьбѣ съ войсками. На слѣдующій день благодаря между прочимъ подкрѣпленіямъ, которыя возставшіе получили изъ другихъ мѣстъ со стороны рабочихъ, городъ попалъ совершенно въ руки революціонеровъ. Король съ министрами и дворомъ удалился въ крѣпость Кенигштейнъ, и въ Дрезденѣ образовалось временное правительство съ адвокатомъ и депутатомъ сейма Тширнеромъ во главѣ; онъ принадлежалъ къ партіи радикальныхъ демократовъ. Населеніе города рѣшилось защищаться, и этимъ дѣломъ руководилъ Бакунинъ, дѣйствовавшій, какъ диктаторъ и самыми террористическими средствами. Саксонское правительство обрати-

лось за помощью въ Берлинъ, и уже 6 мая прусскія войска начали борьбу съ инсургентами. Три дня послѣдніе вели ожесточенную битву, крѣпко держась за своими укрѣпленіями, и въ то же время въ нѣсколькихъ мѣстахъ городъ горѣлъ. Только 9 мая кончилась эта битва побѣдою прусскихъ войскъ, и новыя толпы вооруженнаго народа, находившіяся на пути въ Дрезденъ, должны были возвратиться домой. Тширнеру удалось спастись бѣгствомъ, Бакунинъ [1]) и еще одинъ членъ временнаго правительства были взяты въ плѣнъ. Дрезденъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. — За исключеніемъ Бреславля, гдѣ тоже произошло, быстро, впрочемъ, подавленное, возстаніе, и нѣкоторыхъ мѣстностей Вестфаліи сѣверная Германія оставалась вообще болѣе спокойною.

Гораздо большее возбужденіе царило въ прирейнскихъ земляхъ, гдѣ среди буржуазіи была особенно популярна имперская конституція. Значительныя возстанія съ баррикадами и настоящими военными схватками происходили въ Эльберфельдѣ и Дюссельдорфѣ, и послѣ ихъ усмиренія въ области, гдѣ находились эти города, было введено осадное положеніе. Но особенно сильное развитіе получила майская революція въ южной Германіи. Въ прирейнскомъ Пфальцѣ, принадлежавшемъ Баваріи, дѣло дошло до учрежденія временнаго правительства и образованія народнаго ополченія, въ которое стали со всѣхъ сторонъ стекаться волонтеры. На сторону инсургентовъ стали даже переходить солдаты. Франкфуртское центральное правительство отправило туда въ качествѣ своего коммиссара одного члена лѣвой (Эйзенштюка), но онъ вмѣсто того, чтобы удерживать движеніе въ законныхъ границахъ, какъ это ему было поручено, сталъ дѣйствовать въ интересахъ своей партіи и даже добился возвращенія назадъ прусскаго войска, которое вызвано было имперскимъ правительствомъ изъ Майнца для поддержанія порядка въ Пфальцѣ. Одновременно съ этимъ началось движеніе и въ сосѣднемъ Баденѣ. Это великое герцогство, бывшее и раньше центромъ нѣмецкаго либерализма, въ 1848 году было особенно настроено революціонно [2]). Нигдѣ республиканизмъ не имѣлъ такого большого количества приверженцевъ, какъ здѣсь. Республиканцамъ даже удалось расположить въ пользу своихъ идей часть войска. 11 мая въ Раштатѣ произошло военное возстаніе, и эта важная крѣпость попала въ руки инсурген-

[1]) Бакунинъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была ему замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ, но потомъ онъ былъ выданъ Австріи, потребовавшей его за участіе въ пражскомъ возстаніи, но выдавшей его Россіи. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ бѣжалъ изъ Сибири и потомъ игралъ первенствующую роль въ анархистскомъ движеніи.

[2]) См. выше, стр. 168, 169, 438—439, 511 и др.

товъ. На другой день послѣ этого делегаты разныхъ народныхъ обществъ собрались на конгрессъ, на которомъ рѣшили требовать у правительства распущенія палаты и созыва учредительнаго собранія, которое было бы избрано всеобщей подачей голосовъ. Правительство отвѣчало уклончиво, а само обратилось въ Франкфуртъ съ требованіемъ военной помощи, на что̀ имперское правительство отвѣчало, что въ его распоряженіи нѣтъ въ данную минуту никакихъ военныхъ силъ. Между тѣмъ 13 мая было созвано въ Оффенбургѣ большое народное собраніе, въ которомъ участвовало около 35 т. человѣкъ. Это собраніе было еще задолго задумано Амандомъ Гёггомъ, главнымъ организаторомъ всего движенія. Собственно говоря, этому дѣятелю были обязаны своимъ происхожденіемъ и демократическіе народные союзы, соединявшіеся подъ управленіемъ одного общаго земскаго комитета (Landes-Ausschuss), который сталъ пользоваться бо̀льшимъ значеніемъ въ населеніи, чѣмъ законное правительство. Еще въ первыхъ числахъ мая по соглашенію съ крайней лѣвой франкфуртскаго парламента Гёггъ остановился на мысли собрать въ Оффенбургѣ большую сходку и на ней провозгласить республику. Отъ послѣдней мысли онъ, впрочемъ, отказался. Оффенбургскому собранію была предложена цѣлая программа, выработанная земскимъ комитетомъ народныхъ обществъ съ Гёггомъ во главѣ. Главными пунктами этой программы,— которую нельзя не признать самою широкою, какая только была формулирована въ эпоху нѣмецкой революціи 1848 г., были введеніе имперской конституціи въ томъ видѣ, какой она получила по устраненіи событіями вопроса о главѣ имперіи, созваніе учредительнаго ландтага, который сосредоточилъ бы все въ себѣ, „всю полноту правъ и власти“ (die gesammte Rechts- und Machtvollmmenheit) баденскаго народа, самостоятельность общинъ, судъ присяжныхъ, вооруженіе народа и т. п., а рядомъ со всѣмъ этимъ установленіе прогрессивнаго налога, безвозмездное уничтоженіе поземельныхъ повинностей крестьянъ, учрежденіе національнаго банка для защиты промышленности, торговли и земледѣлія отъ крупныхъ капиталистовъ, образованіе большого земскаго пенсіоннаго фонда для оказанія помощи каждому гражданину, сдѣлавшемуся неспособнымъ къ работѣ. Народное собраніе приняло эту программу и выбрало новый комитетъ, объявившій себя непрерывнымъ. Ему удалось, благодаря энергіи Гёгга, добиться признанія со стороны гарнизона крѣпости Раштата. Революція быстро распространилась по всей странѣ. Въ самомъ Карлсруэ произошло возмущеніе солдатъ, и великій герцогъ ночью долженъ былъ покинуть свою столицу. Въ другихъ городахъ гарнизоны тоже перешли на сторону возстанія. Городской совѣтъ Карлсруэ извѣстилъ земскій комитетъ, переѣхавшій изъ Оффенбурга въ Раштатъ, что не станетъ

оказывать сопротивленія его переселенію въ столицу, если только онъ приметъ мѣры къ поддержанію порядка. 14 мая комитетъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Карлсруэ и здѣсь пополнилъ свой составъ новыми лицами, принявъ въ свои руки правительственную власть. Съ Пфальцемъ, отложившимся отъ Баваріи, новымъ правительствомъ былъ заключенъ союзъ, и были приняты мѣры, чтобы распространить возстаніе на сосѣднія страны—Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау, Вюртембергъ. Въ этихъ земляхъ тоже происходили волненія, собирались народныя сходки, совершались стычки съ войсками, но такого успѣха, какъ въ Баденѣ и Пфальцѣ, революціонеры здѣсь не имѣли. Такимъ образомъ баденская революція получила чисто мѣстное значеніе. Въ Баденъ, впрочемъ, со всѣхъ концовъ Германіи стекались демократы и добровольцы. Между тѣмъ въ Карлсруэ образовалось новое временное правительство, а 10 іюня собралось учредительное собраніе, которое вручило диктаторскую власть комитету изъ трехъ лицъ (Брентано, Гёгга и Вернера) и объявило Баденъ республикой. Великій герцогъ баденскій и король баварскій обратились за помощью къ Пруссіи. Послѣдняя немедленно двинула свои войска противъ революціонной арміи, во главѣ которой баденское и пфальцское временныя правительства поставили тогда Мѣрославскаго. Въ серединѣ іюня пруссаки вступили въ Пфальцъ и вскорѣ въ союзѣ съ имперскими войсками овладѣли и всѣмъ Баденомъ. Война окончилась взятіемъ Раштата (23 іюля). Великій герцогъ возвратился въ свою столицу, и главные участники возстанія, какіе только попались въ руки стараго правительства, были казнены. Но многимъ удалось спастись бѣгствомъ за границу.

Теперь очередь была за франкфуртскимъ парламентомъ. Когда Пруссія послала свои войска усмирять саксонскую столицу, парламентъ протестовалъ противъ такого „нарушенія имперскаго мира“, на что Пруссія отвѣтила отозваніемъ своихъ депутатовъ. Вслѣдъ за этимъ начались раздоры въ самомъ имперскомъ правительствѣ. Блюститель имперіи не хотѣлъ подчиниться рѣшенію собранія на счетъ приведенія конституціи въ дѣйствіе, что повлекло за собою сначала перемѣну министерства, а потомъ рѣшеніе парламента замѣнить блюстителя имперіи имперскимъ намѣстникомъ (Reichsstatthalter) по возможности изъ царствующихъ государей (имѣлся въ виду Эрнстъ Кобургскій). Это повлекло за собою выходъ изъ парламента цѣлой группы членовъ съ Гагерномъ во главѣ (20 мая). Большинство теперь было на сторонѣ лѣвой и крайней лѣвой, но зато пришлось понизить до ста число депутатовъ, при которомъ рѣшенія парламента считались бы законными. 30 мая собраніе 71 голосовъ противъ 64 рѣшило перенести свои засѣданія въ Штуттгартъ, гдѣ 6 іюня и состоялось

первое засѣданіе этого парламента—охвостья (Rumpfparlament), какъ онъ былъ названъ по аналогіи съ долгимъ парламентомъ. Здѣсь рѣшено было избрать изъ среды членовъ парламента имперское регентство (Генрихъ Симонъ, Карлъ Фохтъ, Каво, Шюлеръ и Бехеръ), и издана была прокламація, приглашавшая націю къ борьбѣ съ абсолютизмомъ. Вюртембергскій министръ Рёмеръ [1]), самъ вышедшій изъ состава парламента лишь 13 іюня, потребовалъ 18 числа, опираясь на вюртембергскія палаты, низложенія регентства и прекращенія засѣданій. Когда въ тотъ же день депутаты въ торжественной процессіи отправились тѣмъ не менѣе въ залу засѣданій, доступъ въ нее имъ былъ прегражденъ военнымъ отрядомъ. Это и было концомъ франкфуртскаго парламента.

Оставалось рѣшить, чѣмъ же будетъ Германія послѣ подавленія революціи. Пруссія выступила съ предложеніемъ создать союзное государство подъ главенствомъ ея государя съ тѣмъ, чтобы это государство заключило затѣмъ особый союзъ съ Австріей. Въ концѣ мая съ Пруссіей вступили въ союзъ Саксонія и Ганноверъ, но всѣ попытки привлечь на сторону этого союза Баварію и Вюртембергъ окончились неудачей. У прусскаго правительства былъ свой планъ преобразованія Германіи въ союзное государство съ народнымъ представительствомъ, и онъ даже былъ одобренъ частью членовъ франкфуртскаго парламента, собравшихся въ концѣ іюня въ Готѣ. Къ прусскому проекту примкнуло 17 государствъ. Между тѣмъ Австрія окончательно справилась съ итальянской и венгерской революціей, что́ было крайне невыгодно для прусскихъ плановъ. Однимъ изъ результатовъ этого было отпаденіе отъ прусскаго союза саксонскаго и ганноверскаго королей, которые, лишь скрѣпя сердце, готовы были подчиниться прусской гегемоніи. Тогда Пруссія попробовала устроить союзъ съ мелкими государствами (Deutsche Union) и съ этою цѣлью даже выработала проектъ союзной конституціи, который и былъ принятъ особымъ парламентомъ, собраннымъ въ Эрфуртѣ (въ мартѣ 1850 г.). Королевства выступили тогда съ другимъ проектомъ, въ которомъ давалось мѣсто и Австріи. Послѣдняя согласилась принять это предложеніе, но Пруссія не захотѣла дать на него своего согласія. Тогда австрійское правительство обратилось ко всѣмъ германскимъ правительствамъ съ приглашеніемъ прислать своихъ уполномоченныхъ въ Франкфуртъ для возстановленія прежняго союзнаго сейма, а прусское правительство отвѣтило на это созывомъ въ Берлинъ на конгрессъ всѣхъ государствъ, находившихся съ нею въ союзѣ. Изъ этой борьбы побѣдительницей вышла Австрія. На ея

[1]) См. выше, стр. 512.

сторону стали переходить одинъ за другимъ прусскіе союзники, и наконецъ самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, опасаясь столкновенія съ Австріей, которая потребовала, чтобы онъ расторгъ свой союзъ, объявилъ уничтоженіе союзной конституціи (ноябрь 1850). Но и Австріи не удалось провести свой планъ относительно включенія въ составъ Германской имперіи всѣхъ своихъ владѣній, такъ какъ противъ этого были наиболѣе вліятельные нѣмецкіе государи. Послѣ всего этого оставалось только одно — возстановить старый союзный сеймъ. Это было признакомъ полнаго торжества реакціи. Нѣмецкая революція 1848 г. окончилась такимъ образомъ полной неудачей.

Причины этой неудачи не разъ обсуждались въ исторической и политической литературѣ. Нѣмецкая революція 1848 года была явленіемъ очень сложнымъ. На ея ходъ и судьбу не безъ вліянія остались событія, происходившія внѣ Германіи, какъ революціи, происходившія въ другихъ странахъ, такъ и шаги, которые дѣлало русское правительство, чтобы удержать Пруссію отъ заигрыванія съ революціей и помочь Австріи выпутаться изъ своего печальнаго положенія. Соперничество между Австріей и Пруссіей, а равнымъ образомъ и желаніе другихъ государей отстоять свою независимость и существованіе вѣками въѣвшагося въ жизнь націи партикуляризма были главными причинами неудачи германскаго единства. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ центральной и территоріальныхъ властей въ Германіи былъ всегда больнымъ мѣстомъ ея исторіи: вспомнимъ хотя бы эпохи реформаціи, вестфальскаго мира и вѣнскаго конгресса. И прежнія попытки бо́льшаго объединенія Германіи въ политическомъ отношеніи разбивались все о тѣ же самыя препятствія. Движеніе 1848 г. было, кромѣ того, направлено на завоеваніе свободы. Въ исторической и политической литературѣ довольно часто уже высказывалось мнѣніе, что шедшее въ 1848 г. изъ Франціи революціонное движеніе нашло нѣмцевъ еще недостаточно созрѣвшими для политической свободы. Но это общее объясненіе можетъ быть понято въ двоякомъ смыслѣ. Именно одни думаютъ, что въ 1848 г. нѣмцы не были достаточно духовно развиты, чтобы всецѣло и глубоко проникнуться новыми идеями. Наоборотъ, другіе утверждаютъ, что въ Германіи 1848 г. соціально-экономическое раздѣленіе націи на классы не ушло еще настолько далеко впередъ, чтобы классовыя противоположности могли проявиться вполнѣ рѣзко и отразиться совершенно ясно въ классовомъ сознаніи народной массы [1]). Въ движеніи участвовали и буржуазія, и городскіе рабочіе, и крестьяне, но настоящею его руководи-

[1]) Такова точка зрѣнія *Блоса* и *Меринга*, сочиненія которыхъ названы выше (стр. 371 и 509), а также и другихъ писателей того же направленія.

тельницею была одна буржуазія. Въ ней уже было развито сознаніе классовыхъ интересовъ, и она уже начинала побаиваться пролетаріата и соціализма. Крестьяне выступили съ весьма опредѣленными требованіями, касавшимися главнымъ образомъ феодальныхъ тягостей, которыя лежали еще на сельскихъ жителяхъ. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ вліяніемъ крестьянскихъ бунтовъ сами дворяне пошли на уступки, то и буржуазія, конечно, должна была хлопотать объ удовлетвореніи крестьянскихъ требованій. Во-первыхъ, уничтоженіе феодальныхъ порядковъ входило въ число пунктовъ либеральной программы вообще: оно требовалось и идеей свободы, и необходимостью нанести ударъ реакціонному дворянству. Во-вторыхъ, отъ уничтоженія феодальныхъ правъ буржуазія ничего не теряла; наоборотъ, скорѣе даже выигрывала, пріобрѣтая союзниковъ въ той борьбѣ, которую вела съ представителями стараго порядка. Въ-третьихъ, соединеніе крестьянъ съ городскими рабочими грозило опасностью соціальной революціи, избѣжать которой было однимъ изъ самыхъ твердыхъ намѣреній нѣмецкой буржуазіи. Послѣ того, какъ крестьяне добились своего, въ ихъ средѣ вполнѣ возстановились спокойствіе и порядокъ и даже развилась своего рода ненависть къ „городскимъ людямъ“ (Stadtleute), продолжавшимъ волноваться и бунтовать. Впослѣдствіи для реакціи крестьянская масса была поэтому весьма прочною опорою. Но реакціонное настроеніе возникло и среди самой буржуазіи. Совершивъ при помощи народа революцію, она хотѣла эту революцію заключить въ извѣстныя границы, не дать ей зайти далѣе того, что̀ соотвѣтствовало буржуазнымъ „требованіямъ народа“. Почти всѣ „мартовскіе министры“, изъ гонимыхъ превратившіеся на время въ господъ положенія, всячески подавляли тѣ стремленія, которыя заходили, по ихъ мнѣнію, слишкомъ далеко. Въ началѣ движенія нѣмецкіе рабочіе шли подъ предводительствомъ буржуазіи. Какъ мы видѣли, лишь въ немногихъ случаяхъ они предъявляли свои собственныя требованія. Гражданская свобода, которую отстаивала буржуазія, конечно, была нужна и рабочему классу, но когда послѣдній сталъ обнаруживать стремленія, не соотвѣтствовавшія понятіямъ буржуазіи и противорѣчившія ея интересамъ, боязнь соціальной революціи заставила буржуазію искать союза съ тѣми самыми властями, надъ которыми она только-что одержала побѣду. Мало-по-малу пролетаріатъ, съ своей стороны, разочаровался и не обнаруживалъ болѣе охоты вступать въ борьбу. „Движеніе, говоритъ Блосъ въ своей „Исторіи нѣмецкой революціи“, пало главнымъ образомъ вслѣдствіе противорѣчій, заключавшихся въ классовыхъ интересахъ. Побѣжденная демократія не могла этого понять; она была того мнѣнія, что все погибло отъ противодѣйствія государей. Она не вынесла въ этомъ

отношеніи никакого поученія для себя изъ урока Франціи, гдѣ случилось то же самое, что и въ Германіи. Во Франціи классовыя противоположности были только уже гораздо рѣзче выражены". Но и тѣ историки, которые объясняютъ неудачу нѣмецкой революціи 1848 г. тогдашнимъ взаимоотношеніемъ соціальныхъ классовъ, соглашаются съ тѣмъ, что и въ области пониманія политическихъ задачъ не все обстояло благополучно. „Нѣмцы, говоритъ только-что цитированный авторъ, воображали, что дѣйствительно сдѣлались свободными, а о томъ не думали, что самая трудная задача какъ-разъ не была еще разрѣшена, именно—какъ дать только-что завоеванной свободѣ прочную основу и соотвѣтственную обстоятельствамъ форму... Всѣ національныя свойства тогдашнихъ нѣмцевъ съ ихъ недостаткомъ политическаго воспитанія (der damals noch wenig politisch geschulten Deutschen) выступили наружу. Дорогое время тратилось на спѣвки; вездѣ раздавались знаменитыя пѣсни: „Германія, Германія выше всего!" и „Гдѣ отечество нѣмца?", и тысячи поэтовъ и пивныхъ ораторовъ прославляли свободу до тошноты. Не мало и выпивали, какъ это и понятно въ такія времена. Въ большомъ количествѣ явились на сцену разныя взбалмошныя головы, которыя изъ революціи сдѣлали своего конька. Были, напримѣръ, люди, которымъ уничтоженіе обычая снимать шляпу въ знакъ привѣтствія казалось болѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о конституціи". Въ другихъ мѣстахъ своей книги Блосъ постоянно отмѣчаетъ недостатокъ политическаго воспитанія у тогдашнихъ нѣмцевъ, не исключая самихъ вождей движенія. Вся его книга является весьма строгой критикой дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и политическихъ собраній той эпохи [1]). Онъ приводитъ на этотъ счетъ и показанія болѣе наблюдательныхъ современниковъ. „Представимъ себѣ, писалъ въ своемъ дневникѣ Варнгагенъ фонъ-Энзе, что во Франціи произошло возстановленіе королевской власти, развѣ въ Германіи не возьмутъ назадъ сдѣланныхъ уступокъ, не начнутъ преслѣдовать и наказывать вождей движенія? Мы живемъ чужимъ счастьемъ, посторонними воздѣйствіями".

Нѣмецкая революція 1848 г. была не только національной и политической, но и соціальной. Республиканская партія, которая во Франціи рѣзко раздѣлилась на политическихъ радикаловъ и соціа-

[1]) Нужно, однако, замѣтить, что иногда эта критика руководствуется чисто условными принципами, и въ вину дѣятелямъ 1848 г. ставится въ сущности, что они не раздѣляли историко-философской точки зрѣнія автора. Болѣе или менѣе правъ онъ лишь тогда, когда показываетъ, что эти дѣятели не всегда понимали условія, среди которыхъ имъ пришлось дѣйствовать, и потому строили несбыточные планы, то увлекаясь примѣрами великой французской революціи, то подражая современнымъ французамъ.

листовъ, вступившихъ между собою въ борьбу, въ Германіи тоже заключала въ себѣ эти два оттѣнка, но здѣсь, имѣя еще противъ себя монархическія правительства, соціалисты шли заодно съ демократами. До 1848 г. нѣмецкій соціализмъ развивался преимущественно внѣ Германіи [1]). Не забудемъ, что „Коммунистическій манифестъ" вышелъ изъ среды нѣмецкихъ эмигрантовъ какъ-разъ въ февралѣ 1848 г. [2]). Когда въ Германіи вспыхнула мартовская революція, политическіе изгнанники и массы нѣмецкихъ рабочихъ устремились на родину, чтобы принять участіе въ событіяхъ и направить ихъ въ пользу осуществленія своихъ идей. Революція 1848 г. была по преимуществу революціей городскою, и первыя ея побѣды объясняются выступленіемъ рабочаго класса. Мы сейчасъ только говорили, что это выступленіе пролетаріата напугало буржуазію. По мѣрѣ того, однако, какъ послѣдняя все сильнѣе и сильнѣе начинала обнаруживать свое реакціонное настроеніе, все болѣе, наоборотъ, развивалось революціонное настроеніе пролетаріата, который, не имѣя еще во всемъ своемъ составѣ собственнаго знамени, шелъ подъ знаменемъ самой буржуазіи. Въ это время въ Германіи возникли разныя общества рабочихъ, вступившія между собой въ союзъ и начавшія устраивать общіе съѣзды. Рядомъ съ этимъ шло движеніе и среди мелкой буржуазіи, преимущественно среди ремесленниковъ, которые тоже организовались и собирались, но главнымъ образомъ для воскрешенія старыхъ цеховъ. На этой почвѣ между пролетаріатомъ и мелкой буржуазіей, конечно, не могло образоваться такого прочнаго союза, какой представляетъ собою англійскій чартизмъ или французская соціальная демократія. Германскій Spiessbürgerthum стремился стать во главѣ рабочаго движенія, желая, однако, чтобы послѣднее слѣдовало его программѣ и не одобряя собственныхъ стремленій пролетаріата. Первый конгрессъ, на которомъ встрѣтились представители демократическихъ и рабочихъ обществъ, происходилъ въ серединѣ іюня 1848 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ. На немъ было постановлено, что наиболѣе подходящимъ для Германіи государственнымъ устройствомъ является демократическая республика, и была создана цѣлая организація для пропаганды этой идеи, охватившая демократическія, рабочія и гимнастическія общества (такъ называемые турнферейны, которые вообще играли значительную роль въ революціи, какъ готовыя организаціи). Органами этого союза сдѣлались „Abendzeitung" въ Маннгеймѣ, „Neue Kölnische Zeitung" въ Кельнѣ и „Zeitungshalle" [3]) въ Берлинѣ. Въ

[1]) См. выше, стр. 385 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 393.
[3]) Ср. выше, стр. 526.

числѣ членовъ этого союза были и члены коммунистическаго союза. Между прочимъ, окружной комитетъ этой организаціи въ Кельнѣ болѣе чѣмъ на половину состоялъ изъ „коммунистовъ“, и однимъ изъ такихъ членовъ былъ Марксъ. Приглашенный чрезъ Флокона временнымъ французскимъ правительствомъ возвратиться въ Парижъ [1]), онъ сталъ во главѣ нѣмецкаго соціалистическаго движенія въ этомъ городѣ, а потомъ, когда революція побѣдила и въ Германіи, переселился въ Кельнъ. Уже ранѣе стоя на той точкѣ зрѣнія, что одними возстаніями ничего не достигнешь, онъ былъ противъ такихъ предпріятій, какимъ было вооруженное вторженіе въ Германію нѣмецкихъ рабочихъ подъ предводительствомъ Гервега [2]), и ратовалъ лишь за широкую пропаганду своихъ идей и организацію общественныхъ силъ. Съ этою цѣлью онъ и основалъ въ Кельнѣ „Новую Рейнскую газету“ и принялъ участіе въ республиканскомъ союзѣ.

Второй конгрессъ собрался въ октябрѣ 1848 г. въ Берлинѣ, но онъ только обнаружилъ непрочность всей организаціи. Отъ него откололись многіе члены, узнавъ изъ рѣчи предсѣдателя (Криге), что цѣлью организаціи является основаніе демократическо-соціальной республики. Но тотъ же предсѣдатель заявилъ, что „главною опорою союза должны быть бюргеры“, и что „къ пролетаріату не слѣдуетъ обращаться: онъ,—пояснилъ Криге свою мысль,—слишкомъ грубъ и необразованъ, чтобы понять наши стремленія“. Зажигательныя рѣчи, произносившіяся на этомъ конгрессѣ, только дали лишній матеріалъ для усиливавшейся реакціи. Любопытно, что въ этой организаціи появились партикуляристическія стремленія и среди демократіи. Юго-западные нѣмцы были недовольны тѣмъ, что мѣстомъ центральнаго комитета союза былъ назначенъ Берлинъ, и воздержались поэтому отъ дѣятельнаго участія въ организаціи.

Настоящими центрами чисто рабочаго движенія сдѣлались Берлинъ и Кельнъ. Однако, современные историки нѣмецкой соціалъ-демократіи не устаютъ повторять въ своихъ трудахъ, что тогдашніе нѣмецкіе рабочіе вообще были слишкомъ политически незрѣлы и еще очень плохо понимали свои классовые интересы. Правда, они пережили стадію безцѣльныхъ голодныхъ бунтовъ, хотя мѣстами еще и происходили разгромы машинъ, пережили также и стадію утопическаго соціализма, на что указываетъ неуспѣхъ Вейтлинга [3]), пріѣхавшаго въ Берлинъ издавать газету, но не встрѣтившаго сочувствія своимъ идеямъ, и уже стояли на точкѣ зрѣнія французскихъ соціалистовъ, требуя

---

[1]) Ср. выше, стр. 364.
[2]) См. выше, стр. 529.
[3]) См. выше, стр. 386.

„организаціи труда“, „права на трудъ“, „министерства труда“ [1]) и т. п., но идеи „Коммунистическаго манифеста“ были имъ еще непонятны. Однако, берлинскіе рабочіе получили въ это время довольно прочную организацію, однимъ изъ вождей которой сдѣлался Борнъ, жившій раньше въ Брюсселѣ и Парижѣ и вполнѣ примкнувшій къ „Коммунистическому манифесту“. 18 іюня въ Берлинѣ былъ уже созванъ небольшой съѣздъ ремесленныхъ и рабочихъ союзовъ, изъ среды котораго вышло воззваніе „ко всѣмъ рабочимъ, ремесленнымъ и образовательнымъ обществамъ въ Германіи, къ нѣмецкимъ союзамъ въ Швейцаріи, Парижѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ“ съ приглашеніемъ прислать представителей „отъ работающихъ классовъ изъ всѣхъ городовъ и фабричныхъ или земледѣльческихъ округовъ“ для обсужденія вопроса о государственныхъ гарантіяхъ труда, государственной помощи рабочимъ ассоціаціямъ, равно какъ безработнымъ или неспособнымъ къ труду рабочимъ, о государственномъ регулированіи рабочаго времени, реформѣ податной системы въ интересахъ рабочаго класса (прогрессивный подоходный налогъ и отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ, падающихъ на жизненные припасы), объ уничтоженіи феодальныхъ оброковъ и повинностей, безвозмездномъ народномъ образованіи и учрежденіи въ отдѣльныхъ государствахъ министерствъ труда по свободному избранію трудящихся классовъ. 23 августа въ Берлинѣ, дѣйствительно, собрался рабочій конгрессъ изъ сорока представителей рабочихъ обществъ Берлина, Бреславля, Гамбурга [2]), Лейпцига, Кенигсберга, Мюнхена и другихъ большихъ городовъ. Конгрессъ засѣдалъ десять дней и выработалъ въ предѣлахъ своей программы цѣлый рядъ постановленій, которыя и просилъ франкфуртскій парламентъ включить въ число „основныхъ правъ“ нѣмецкаго народа. Къ этому была присоединена еще просьба созвать на государственный счетъ въ Франкфуртѣ рабочій парламентъ, который имѣлъ бы совѣщательный голосъ при народно-хозяйственномъ комитетѣ франкфуртскаго собранія. Наконецъ, конгрессъ написалъ еще уставъ для обще-германской рабочей организаціи, которая должна была носить названіе „Братскаго общенія рабочихъ“ (Arbeiterverbrüderung) и состоять изъ мѣстныхъ, окружныхъ и центральнаго комитета. Эта организація быстро распространилась по разнымъ мѣстностямъ, и скоро въ Альтенбургѣ, Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Гейдельбергѣ и Нюрнбергѣ состоялись окружные конгрессы. Когда въ Берлинѣ произошелъ ноябрьскій государственный переворотъ [3]), мѣстный окружной комитетъ сдѣлалъ національному собранію пред-

[1]) См. выше, стр. 522, 526 и др.

[2]) Передъ этимъ въ Гамбургѣ собирался ремесленный съѣздъ строго цехового направленія.

[3]) См. выше, стр. 549.

ставленіе о необходимости отвѣтить на него не рѣчами, а дѣлами. Центральный комитетъ, засѣдавшій въ Лейпцигѣ, тоже обратился къ окружнымъ и мѣстнымъ комитетамъ съ приглашеніемъ позаботиться о вооруженіи рабочихъ. „Братское общеніе рабочихъ“ имѣло свой печатный органъ, въ которомъ на понятномъ языкѣ говорилось о богатыхъ и бѣдныхъ, о капиталѣ и трудѣ и т. п. Организація поддерживала также стачки, которыхъ въ 1848 г. было особенно много. Послѣднія также не мало раздражали буржуазію.

Другимъ центромъ рабочаго движенія сдѣлался Кельнъ, гдѣ выступили главные дѣятели прежней коммунистической партіи. Здѣсь Марксъ и Энгельсъ 1 іюня 1848 г. выпустили первый нумеръ „Neue Rheinische Zeitung“, назвавшейся „органомъ демократіи“ и съ самаго начала заявившей, что задачей ея будетъ служеніе интересамъ пролетаріата. Поэтому газета Маркса и Энгельса не примкнула ни къ одной изъ фракцій лѣвой франкфуртскаго парламента. Наоборотъ, редакторы прямо говорили, что при своемъ пестромъ составѣ нѣмецкая демократическая партія особенно вызываетъ осторожное къ себѣ отношеніе, что ихъ идеалъ вовсе не черно-красно-золотая республика и что какъ-разъ лишь въ такой республикѣ начнется ихъ настоящая оппозиція. Іюньскіе дни въ Парижѣ дали возможность „Новой Рейнской газетѣ“ вполнѣ развернуть свое знамя въ страстной статьѣ, написанной въ защиту побѣжденныхъ противъ нападокъ на нихъ между прочимъ и со стороны либеральной и радикальной буржуазіи. Газета сразу отшатнула отъ себя своихъ акціонеровъ, но пріобрѣла большое вліяніе и сочувствіе въ массахъ, несмотря на крайне рѣзкое отношеніе къ политической недальновидности и оптимистическимъ увлеченіямъ вообще всѣхъ нѣмцевъ. Главныя статьи газеты содержали въ себѣ критику программъ отдѣльныхъ политическихъ партій. Въ этихъ статьяхъ предсказывалось, что реакція въ духѣ крупной буржуазіи пойдетъ лишь на пользу феодальной партіи, но въ то же время обращалось вниманіе и на фантастичность плана крайней лѣвой создать федерацію изъ конституціонныхъ монархій, княжествъ и вольныхъ городовъ съ республиканскимъ правленіемъ во главѣ. „Германское единство и германская конституція, говорила „Neue Rheinische Zeitung“, не могутъ быть декретированы. Дѣло не въ осуществленіи того или другого мнѣнія, той или другой идеи, а въ самомъ ходѣ развитія. Національное собраніе можетъ лишь дѣлать ближайшимъ образомъ практически возможные шаги“. Руководители газеты не тѣшили себя иллюзіями. Тонко понимая и всю сложность тогдашнихъ международныхъ отношеній, они весьма многое предсказали напередъ, особенно послѣ парижскаго пораженія пролетаріата въ іюнѣ 1848 г. Когда въ октябрѣ пала Вѣна, они писали: „Въ Вѣнѣ только-что былъ второй

актъ драмы, первый актъ которой разыгранъ былъ въ Парижѣ подъ названіемъ іюньскихъ дней. Въ Парижѣ мобили, въ Вѣнѣ хорваты, въ обоихъ городахъ ладзарони, вооруженный и купленный деньгами пролетаріатъ-отребье (Lumpenproletariat) противъ пролетаріата работающаго и мыслящаго. Скоро въ Берлинѣ увидимъ третій актъ". Если бы іюньскіе дни имѣли иной исходъ и если бы возможнымъ стало вступленіе Англіи во власть чартистовъ, то лишь въ этомъ случаѣ возможенъ былъ бы, по мнѣнію газеты, успѣхъ соціальной революціи.

Кельнскія демократическія общества соединились подъ руководствомъ общаго комитета, который въ серединѣ августа 1848 г. собралъ съѣздъ другихъ демократическихъ союзовъ прирейнской Пруссіи и Вестфаліи. Въ Кельнѣ и сосѣднихъ мѣстностяхъ происходили большія народныя сходки (одна высказалась прямо за красную республику) и возникали волненія, хотя вожди соціальной демократіи отговаривали рабочихъ отъ участія въ безцѣльныхъ вспышкахъ, которыя только обезсиливаютъ народъ передъ дѣйствительно критическими моментами. Предсказанія „Новой Рейнской газеты" исполнились и въ этомъ отношеніи. Когда въ ноябрѣ въ Берлинѣ произошелъ государственный переворотъ, кельнскіе жители, ранѣе даже строившіе баррикады и тѣмъ вызывавшіе вмѣшательство войска, не оказали никакого сопротивленія. За поддержку, которую рейнскій окружной комитетъ (Марксъ и др.) хотѣлъ оказать берлинскому національному собранію, когда оно сдѣлало постановленіе объ отказѣ въ уплатѣ налоговъ, комитетъ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ подстрекательствѣ къ вооруженному сопротивленію властямъ. Въ февралѣ 1849 г. происходилъ ихъ процессъ передъ кельнскими присяжными, которые оправдали, впрочемъ, обвиняемыхъ. Въ апрѣлѣ Марксъ и его ближайшіе товарищи вышли, однако, изъ демократическаго комитета, такъ какъ объединенныя имъ общества заключали въ себѣ слишкомъ разнородные элементы, и это только тормазило общую дѣятельность. Одновременно съ этимъ кельнскій рабочій союзъ отдѣлился отъ прирейнскихъ демократическихъ союзовъ и созвалъ на 6 мая на провинціальный конгрессъ всѣ рабочіе и иные союзы, принимающіе принципы соціальной демократіи. На этомъ съѣздѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ объ организаціи прирейнскихъ и вестфальскихъ рабочихъ союзовъ и о посылкѣ депутатовъ на общій конгрессъ всѣхъ рабочихъ союзовъ Германіи, который созывало въ Лейпцигѣ въ іюлѣ „Братское общеніе рабочихъ". Но именно въ это самое время произошла „майская революція" [1]), задѣвшая и прирейнскую область. За

[1]) См. выше, стр. 555 и слѣд.

подавленіемъ возстаній въ Эльберфельдѣ и Дюссельдорфѣ прусское правительство рѣшило положить конецъ изданію „Новой Рейнской газеты“ высылкою изъ Кельна ея редакторовъ. Въ послѣднемъ нумерѣ газеты, прощаясь съ читателями, они предостерегали мѣстныхъ рабочихъ отъ какихъ бы то ни было безпорядковъ въ Кельнѣ. „Благодаря военному значенію Кельна, сказано было въ этой статьѣ, вы прямо себя только погубили бы. Вы видѣли въ Эльберфельдѣ, какъ буржуазія посылаетъ рабочихъ въ огонь, а затѣмъ выдаетъ ихъ самымъ позорнымъ образомъ. Осадное положеніе въ Кельнѣ деморализировало бы всю Рейнскую провинцію, а осадное положеніе было бы необходимымъ слѣдствіемъ всякаго возстанія съ вашей стороны въ данный моментъ“ (19 мая). Послѣ этого Марксъ уѣхалъ въ Парижъ, а Энгельсъ въ это время участвовалъ въ баденско-пфальцскомъ возстаніи.

Къ этому обзору исторіи нѣмецкой революціи остается еще прибавить, что и въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ Германія потерпѣла неудачу. Мы видѣли уже, что въ обоихъ герцогствахъ, соединенныхъ съ Даніей, произошла своя мѣстная революція [1]). Къ нѣмецкому населенію герцогствъ, начавшему подъ предводительствомъ революціоннаго правительства войну съ Даніей, скоро явились на помощь добровольцы изъ Германіи. Шлезвигъ-голштинскій вопросъ занималъ очень и франкфуртскій парламентъ. Пруссія, какъ было сказано, также послала свои войска на помощь возставшимъ, но вынуждена была заключить перемиріе съ Даніей [2]). Въ мартѣ 1849 г. истекъ срокъ этого перемирія, и война возобновилась. На этотъ разъ въ герцогства вступили имперскія войска, состоявшія изъ контингентовъ разныхъ нѣмецкихъ государствъ. Они стали одерживать побѣду за побѣдой, и только прусскія войска дѣйствовали очень вяло. Такъ какъ весною 1849 г. въ Германіи снова начались народныя возстанія, Пруссія ничего такъ не хотѣла, какъ поскорѣе окончить войну, и ждала лишь окончанія дипломатическихъ переговоровъ. Въ маѣ и іюнѣ военныя дѣйствія даже совсѣмъ почти прекратились, что дало возможность датчанамъ оправиться отъ прежнихъ пораженій и въ началѣ іюля нанести имперскому войску страшное пораженіе. Пруссія и тутъ не вышла изъ своего положенія и даже заключила съ Даніей новое перемиріе, опять ни съ кѣмъ не сговорившись. Конечнымъ результатомъ было возвращеніе обоихъ герцогствъ датскому королю, причемъ впослѣдствіи сами Австрія и Пруссія грозили силою сломить сопротивленіе герцогствъ и тѣмъ заставили ихъ примириться съ своею участью (январь 1851 г.).

---

[1]) См. выше, стр. 527.

[2]) См. выше, стр. 534.

XXIII. Славянская, венгерская и итальянская революціи [1]).

Положеніе Австріи въ 1848—1849 годахъ.—Положеніе поляковъ въ 1848—49 гг. Революціонныя движенія у австрійскихъ славянъ.—Пражскій съѣздъ.—Венгерская революція.—Взаимныя отношенія мадьяръ и славянъ.—Отношеніе нѣмецкой революціи къ венгерской и славянской.—Революція въ разныхъ мѣстахъ Италіи.—Итальянскія политическія партіи въ 1848 и 1849 гг.—Австрійское и французское вмѣшательство въ итальянскія дѣла.—Сардинское королевство.—Второстепенныя движенія 1848 г.

Ни одно государство Западной Европы не переживало въ 1848—49 гг. такого опаснаго кризиса, какъ Австрія. Разнородныя національности, изъ которыхъ составилась монархія Габсбурговъ, выступили съ своими противоположными стремленіями, и если бы стремленія эти осуществились, Австрія должна была бы быть вычеркнута съ карты Европы. Нѣмецкое населеніе монархіи примкнуло къ общегерманской революціи, тѣсно связанной съ идеею политическаго объединенія Германіи; итальянскія провинціи Австріи тоже были въ возстаніи и стремились слиться воедино съ другими частями Италіи, гдѣ равнымъ образомъ совершалось объединительное движеніе; Венгрія отложилась отъ династіи Габсбурговъ и готовилась стать самостоятельнымъ государствомъ. Вмѣстѣ съ другими народностями монархіи пришли въ движеніе и славяне, начавшіе требовать и для себя возстановленія національныхъ правъ. Но, именно благодаря національной розни своего населенія, монархія Габсбурговъ и спаслась отъ распаденія. Австрійскіе славяне, угнетавшіеся до того времени нѣмцами и мадьярами, выступили врагами ихъ національныхъ стремленій и оказали династіи поддержку въ борьбѣ съ ними. Правда, наиболѣе развитые элементы славянства мечтали при этомъ объ образованіи федераціи равноправныхъ народностей, но, въ сущности,

---

[1]) По исторіи венгерской революціи *Iranyi et Chassin.* Histoire politique de la révolution de Hongrie. 1859.—*Horwath.* Fünf-und-zwanzig Jahre aus der Geschichte Ungarns (1823—1848). 1866.—*Balleydier.* Histoire des révolutions de l'empire d'Autriche.—См. также сочиненія по исторіи Австріи *Springer*'а, *Krones*'а, *Léger*, *Helfert*'а, *Asseline* и др. Для исторіи австрійскихъ славянъ въ эту эпоху главные труды указаны выше (стр. 395).—Итальянская революція (кромѣ соч., указ. на стр. 422—423): *Ferrari.* Deux ans de révolution en Italie (1848—1849). 1857.—*De Crozals.* L'unité italienne. 1898.—*Cantu.* Della indipendenza italiana (т. III).).—*Costa de Beauregard.* Dernières années du roi Charles-Albert. 1890.—О Кавурѣ см. соч. *Bonghi* (1861), *Edw. Dicey* (1861), *Massõri* (1873), *Ch. de Mazade* (1877), статью *Добролюбова* (въ „Сочиненіяхъ"), о Гарибальди—*Delvau* (1867), *Balbiani* (1872), *Bent* (1881), *Guerzoni* (1882), *Mario* (1884) и др., о Манинѣ—*H. Martin.*

сыграли только въ руку централистической политикѣ вѣнскаго правительства. Когда послѣднее справилось съ національными революціями, оно возвратилось къ старымъ своимъ традиціямъ, и славяне, спасшіе династію, снова были отданы въ порабощеніе господствующимъ національностямъ. Съ другой стороны, нѣмецкая и венгерская революціи были политическими движеніями, направленными къ установленію конституціонной свободы, а большая часть славянъ пошла подъ знаменемъ австрійскаго абсолютизма. Такимъ образомъ, въ 1848—49 г. австрійскимъ славянамъ пришлось сыграть въ исторіи Западной Европы чисто реакціонную роль. Наиболѣе развитые въ политическомъ отношеніи славянскіе народы Австріи, поляки и чехи, съ самаго же начала потерпѣли пораженіе, и главное значеніе въ подавленіи революціи получили южные славяне.

За два года до начала бурной революціонной эпохи, 1848—49 гг., поляки сдѣлали попытку возстанія, которая была подавлена въ самомъ же началѣ [1]). Имъ трудно было оправиться отъ пораженія 1846 г., и этимъ отчасти объясняется слабость польскаго движенія въ 1848 году. Менѣе всего могло расчитывать на успѣхъ какое-либо движеніе въ русской Польшѣ. Галиція была сильнѣе затронута общей бурей, но въ ней движеніе было подавлено необыкновенно быстро. Съ одной стороны, польская шляхта этой области сдерживалась страхомъ передъ Россіей и недовѣріемъ къ крестьянамъ, которые еще такъ недавно показали, что если они и начнутъ возстаніе, то не противъ „цесаря“, а противъ пановъ. Съ другой стороны, австрійскій губернаторъ Стадіонъ понялъ, какую выгоду правительство можетъ извлечь изъ антагонизма между поляками и русинами, и сталъ покровительствовать послѣднимъ, насколько это было нужно для цѣлей австрійской политики. Окончательнымъ уничтоженіемъ барщины онъ привязалъ крестьянское населеніе къ монархіи. Вотъ почему галиційское движеніе 1848 г. было такъ незначительно. Прежде всего Львовъ потребовалъ у австрійскаго правительства удаленія дурныхъ чиновниковъ, уничтоженія тайной полиціи, назначенія поляковъ на административныя должности и расквартированія польскихъ полковъ въ самой Галиціи—и только. Затѣмъ уже только возвратившіеся эмигранты пошли и дальше, организовавъ въ Краковѣ революціонный комитетъ съ характеромъ временнаго правительства, а 26 апрѣля 1848 г. здѣсь вспыхнуло и возстаніе. Австрійскія войска бомбардировали городъ, и тѣмъ дѣло кончилось. Болѣе серьезное значеніе имѣло возстаніе въ прусской части Польши. Берлинская революція не могла не отозваться на Познани. Объявивъ себя 21 марта

[1]) См. выше, стр. 415—416.

какъ-бы покровителемъ нѣмецкой національности [1]), Фридрихъ Вильгельмъ IV предоставилъ провинціямъ, не входившимъ въ составъ Германскаго союза, свободу присоединиться къ нему или остаться внѣ союза. Это значило, что прусскій король признавалъ за ними право на національное существованіе. Мы уже видѣли, что мартовская революція освободила изъ заключенія вождей польскаго возстанія 1846 г., и что берлинское населеніе сдѣлало имъ даже овацію [2]). Форпарламентъ высказался даже прямо за возстановленіе Польши. Все это должно было возбудить въ полякахъ надежды на возможность достиженія своихъ національныхъ цѣлей. Между тѣмъ познанскіе нѣмцы вовсе не хотѣли отдѣляться отъ Германіи и были противъ какихъ бы то ни было польскихъ плановъ, опасаясь войны съ Россіей. Между обѣими національностями въ Познани началась поэтому борьба, принявшая крайне ожесточенный характеръ: и поляки, и нѣмцы стали прибѣгать къ убійствамъ и къ поджогамъ. Прусское правительство вздумало выступить посредникомъ, но потерпѣло неудачу. 22 апрѣля западная и притомъ бо́льшая часть великаго герцогства была принята въ составъ Германскаго союза, хотя въ ней были цѣлые округа съ преобладаніемъ польскаго населенія. Тогда въ Познани вспыхнуло настоящее возстаніе. Прусское правительство съ самаго начала рѣшило подавить его силою. 30 апрѣля Мѣрославскій, незадолго передъ тѣмъ выпущенный изъ берлинской тюрьмы, разбилъ пруссаковъ при Милославѣ. Но въ Познань были посланы болѣе значительныя силы, и въ началѣ мая возстаніе было вполнѣ подавлено послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ битвъ. Не смѣя возстать въ Царствѣ Польскомъ, побитые въ Галиціи и Познани еще весною 1848 г., польскіе революціонеры были обречены сражаться въ рядахъ революціонеровъ другихъ національностей въ надеждѣ, что успѣхъ западно-европейской демократіи приведетъ къ возстановленію Польши. Дѣйствительно, демократическія партіи повсемѣстно симпатизировали полякамъ и очень часто въ число пунктовъ своихъ программъ включали возстановленіе Польши. Этого требовали не только французскіе, но и нѣмецкіе демократы, а среди послѣднихъ и соціалисты. Марксъ въ своей „Neue Rheinische Zeitung“ тоже проповѣдовалъ возстановленіе Польши.

Чешская революція 1848 г. тоже была подавлена очень скоро. Въ Прагѣ первыя манифестаціи начались еще 11 марта, когда на одномъ собраніи чешскихъ патріотовъ было рѣшено требовать у правительства административнаго объединенія Богеміи, Моравіи и Силезіи, улучшенія быта крестьянъ и развитія народнаго образованія.

---

[1]) См. выше, стр. 525.

[2]) См. выше, стр. 525.

Когда въ Вѣнѣ произошла мартовская революція, то и Прага пришла въ сильное волненіе. Немедленно была выработана новая петиція къ правительству, требовавшая возстановленія „королевства св. Вячеслава“ съ центральнымъ сеймомъ въ Прагѣ и отвѣтственнымъ министерствомъ, причемъ чешская національность должна была пользоваться равноправностью съ нѣмецкою. Вѣнское правительство приняло эту петицію довольно благосклонно и надавало обѣщаній (8 апрѣля). Богемскіе нѣмцы были недовольны такими требованіями чеховъ, да и вообще всѣ нѣмцы не были расположены дѣлать славянамъ какія бы то ни было уступки. Комитетъ, избранный форпарламентомъ, пригласилъ принять участіе въ своихъ засѣданіяхъ и знаменитаго чешскаго историка Франца Палацкаго, но тотъ наотрѣзъ отказался. Въ своемъ отвѣтѣ онъ говорилъ, что понимаетъ и высоко цѣнитъ стремленіе нѣмцевъ замѣнить федераціей народовъ федерацію князей и создать единство и величіе своей родины, но что именно поэтому онъ и не можетъ принять участія въ собраніи. „Я, писалъ онъ далѣе, не нѣмецъ или, по крайней мѣрѣ, не считаю себя нѣмцемъ. Я—чехъ, славянинъ по происхожденію, и всѣ мои силы принадлежатъ моему народу. Конечно, это небольшой народъ, но онъ съ самаго своего начала имѣетъ собственную историческую индивидуальность; его государи вступили въ кругъ германскихъ государей, но самъ онъ никогда не причислялъ себя къ нѣмцамъ“. Этимъ было совершенно ясно опредѣлено отношеніе чеховъ къ нѣмецкому національному движенію. Мало того: Палацкій въ своемъ письмѣ указывалъ на то, что дѣло, задуманное въ Франкфуртѣ, грозитъ существованію Австріи, какъ самостоятельнаго государства, а оно, заявлялъ Палацкій, „имѣетъ важное значеніе не только для моего народа, но и для всей Европы и цѣлаго человѣчества“. Такимъ образомъ вождь самаго значительнаго племени австрійскихъ славянъ прямо высказывался за необходимость существованія Австріи, и этимъ еще болѣе вооружалъ противъ чеховъ ту часть нѣмецкихъ патріотовъ, которые въ Австріи видѣли главную помѣху для національнаго единства. Австрійское правительство предписало, однако, и въ Богеміи произвести выборы въ франкфуртскій парламентъ, но чехи отказались принять въ нихъ участіе. Обнародованіе австрійской конституціи 25 апрѣля, составленной въ чисто централистическомъ духѣ [1]), еще болѣе раздражило чеховъ. Послѣ бѣгства императора въ Инспрукъ [2]), они прямо отказали въ повиновеніи вѣнскому министерству, попавшему въ руки революціонеровъ, и учредили при гр. Тунѣ, императорскомъ намѣстникѣ, особый комитетъ, бывшій своего рода времен-

[1]) См. выше, стр. 541.
[2]) См. выше, стр. 541.

нымъ правительствомъ; въ его составъ вошли Палацкій, Ригеръ и др. Это правительство созвало—въ видѣ противовѣса франкфуртскому парламенту—большой славянскій съѣздъ въ Прагѣ.

Между тѣмъ движеніе охватило и южныхъ славянъ Австріи, у которыхъ оно направилось противъ мадьяръ. Загребскій сеймъ выработалъ цѣлую программу національной независимости для Хорватіи, Славоніи и Далмаціи съ Военною Границею. Вѣдѣнію центральнаго правительства предоставлялись армія, финансы и иностранныя дѣла, но въ странѣ должны были существовать одни хорватскія войска. Въ мартѣ въ Вѣну прибыла хорватская депутація, которую правительство приняло благосклонно. Баномъ (губернаторомъ) хорватскимъ былъ назначенъ весьма популярный среди своихъ соотечественниковъ Елачичъ, отличавшійся горячею ненавистью къ мадьярамъ. Затѣмъ произошло движеніе и среди австрійскихъ сербовъ. Въ серединѣ мая они устроили собраніе въ Карловцѣ, на которомъ вотировали возстановленіе патріаршества и воеводства, образованіе изъ сербовъ самостоятельной націи и соединеніе ея съ хорватами. Венгерское правительство задумало подавить это движеніе силою и смѣнило Елачича, но онъ не повиновался.

Таково было положеніе дѣлъ среди австрійскихъ славянъ, когда въ Прагѣ состоялся подъ предсѣдательствомъ Палацкаго славянскій съѣздъ (2 іюня). Съѣздъ этотъ раздѣлился на три секціи. Первую составляли чехи, моравы и словаки, которые и были болѣе всего представлены, именно 237 членами; вторую секцію съ 41 членомъ составляли поляки и русины; третью съ 42 членами—хорваты и сербы. Главными вопросами, подлежавшими обсужденію, были взаимныя отношенія австрійскихъ славянъ, ихъ отношеніе къ нѣмцамъ и мадьярамъ и къ славянамъ турецкимъ (въ частности, отношеніе къ франкфуртскому парламенту), условія образованія изъ Австріи федераціи и т. п. Въ числѣ членовъ конгресса были посторонніе Австріи революціонеры: полякъ Либельтъ, участникъ возстанія 1846 г., только-что освобожденный изъ берлинской тюрьмы, и Бакунинъ, уже тогда пользовавшійся большою извѣстностью въ революціонныхъ кругахъ. Главнымъ затрудненіемъ членовъ съѣзда было разнообразіе нарѣчій, заставившее Бакунина предложить сочленамъ говорить на общеславянскомъ языкѣ,—такъ онъ назвалъ языкъ нѣмецкій. Въ числѣ задуманныхъ конгрессомъ дѣйствій было составленіе манифеста къ народамъ Европы, въ которомъ славяне должны были заявить свои законныя желанія и снять съ себя обвиненія, распространявшіяся нѣмцами и мадьярами [1]). Но съѣзду не было суждено довести своихъ за-

[1]) Ср. выше, стр. 409 и слѣд.

нятій до конца. Нѣмецкіе бюргеры Праги для поддержанія порядка и спокойствія образовали особый комитетъ, что́ сильно вооружило мѣстное студенчество, организовавшее, по примѣру Вѣны, свой академическій легіонъ. Состоя преимущественно изъ чеховъ, онъ былъ настроенъ крайне враждебно противъ нѣмцевъ вообще. 12 іюня состоялась въ Прагѣ большая, но совершенно мирная демонстрація національнаго характера, кончившаяся стычкою съ войсками и кровопролитіемъ. Главнымъ начальникомъ австрійскихъ войскъ въ Прагѣ былъ князь Виндишгрецъ, родомъ чехъ, но аристократъ до конца ногтей, говорившій, что „человѣкъ начинается только съ барона". Во время возникшихъ безпорядковъ его жена была убита, и это его страшно ожесточило. Когда на улицахъ Праги началась борьба чешскихъ горожанъ, студентовъ и рабочихъ съ войсками (нѣмецкое населеніе въ возстаніи не приняло участія) и были даже построены баррикады, Виндишгрецъ подвергъ Прагу бомбардированію, продолжавшемуся три дня. Послѣ геройской, но безуспѣшной защиты городъ сдался (17 іюня). Результатомъ этого было совершенное подавленіе чешской революціи. Въ Прагѣ было объявлено осадное положеніе, славянскій съѣздъ закрытъ, обѣщанный чехамъ учредительный сеймъ не былъ созванъ Впрочемъ, Виндишгрецъ обошелся съ чешскими инсургентами довольно милостиво, не такъ, какъ обошелся нѣсколько времени спустя, когда ему же пришлось подавлять революцію въ Вѣнѣ [1]). Интересно, что франкфуртскій парламентъ вотировалъ Виндишгрецу благодарность за бомбардированіе Праги.

Это не испортило, однако, хорошихъ отношеній между чехами и правительствомъ. Національная ненависть къ нѣмцамъ заставляла чеховъ держаться за Габсбурговъ въ надеждѣ обратить ихъ къ славянской политикѣ. Правительство, дѣйствительно, поняло, что, поддерживая чеховъ противъ нѣмцевъ, а хорватовъ и сербовъ противъ мадьяръ, оно легче всего справится съ революціей. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ демократическіе элементы чешской столицы потерпѣли пораженіе, чешская аристократія сблизилась съ дворомъ.

Вскорѣ послѣ этого произошли выборы въ вѣнское учредительное собраніе, въ которое и нѣмцы, и чехи выслали наиболѣе непримиримыхъ представителей своихъ національностей. Въ этомъ собраніи [2]) нѣмцы являлись сторонниками франкфуртскаго парламента и союзниками мадьяръ, тогда какъ чехи выступили защитниками Австріи, хотя и подъ условіемъ самой широкой автономіи для Богеміи. Они образовали въ этомъ собраніи правую подъ предводитель-

[1]) См. выше, стр. 546.
[2]) См. выше, стр. 543 и слѣд.

ствомъ Палацкаго и Ригера. Палацкій же и посовѣтовалъ правительству перенесеніе засѣданій государственнаго сейма въ Кромержижъ [1]). Отрекшійся отъ престола Фердинандъ I переселился на жительство въ Прагу. Правда, вожди славянскаго движенія мечтали о федераціи, и Палацкій даже выработалъ цѣлый проектъ конституціи въ этомъ смыслѣ. Для общихъ интересовъ имперіи должно было существовать лишь четыре министерства: военное, морское, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Для каждой національности (нѣмцы, чехи, поляки, итальянцы, юго-славяне, мадьяры и валахи) въ Вѣнѣ должна была существовать особая государственная канцелярія, но каждая провинція должна была имѣть полную автономію. Центральный сеймъ долженъ былъ состоять изъ делегатовъ отъ сеймовъ національныхъ. Правительство рѣшило иначе, и 4 марта 1849 г. Австрія получила централистическую конституцію [2]). Славянская революція превратилась въ славянскую реакцію.

Въ другой половинѣ имперіи произошло то же самое. Славянская революція вступила въ союзъ съ австрійской реакціей противъ венгерскаго возстанія.

При тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, которыя существовали между правительствомъ и націей еще передъ 1848 г. въ Венгріи [3]), революція не могла миновать и этой страны. Еще 3 марта 1848 г. Кошуту удалось провести въ нижней палатѣ сейма адресъ правительству объ установленіи отвѣтственнаго министерства, а когда въ Пресбургѣ сдѣлалась извѣстной мартовская революція въ Вѣнѣ, адресъ этотъ былъ посланъ въ Вѣну, гдѣ правительство его приняло, обѣщавъ мадьярамъ удовлетворить ихъ желанія. Сеймъ между тѣмъ дѣлалъ постановленіе за постановленіемъ въ духѣ революціонныхъ требованій (присоединеніе Трансильваніи къ Венгріи, ежегодные сеймы, уничтоженіе дворянскихъ привилегій и феодальныхъ правъ, равенство вѣроисповѣданій, свобода печати, судъ присяжныхъ и т. д.). Одновременно въ Пештѣ происходило сильное народное броженіе. Въ серединѣ марта нѣсколько молодыхъ людей (Петефи, Іокай и др.), захвативъ одну типографію, напечатали въ ней знаменитую программу 15 марта, въ которой сверхъ сеймовыхъ требованій поставили перенесеніе сейма и министерства въ Пешть, образованіе національной гвардіи и освобожденіе политическихъ узниковъ. Фердинандъ I согласился на всѣ желанія сейма. Въ мартѣ же подъ предсѣдательствомъ графа Баттіани образовалось новое венгерское министерство, въ составъ кото-

---

[1]) См. выше, стр. 546.
[2]) См. выше, стр. 547.
[3]) См. выше, стр. 435—437.

раго вошли и Кошутъ съ Дэакомъ [1]). Правительство согласилось и на перенесеніе всѣхъ центральныхъ учрежденій Венгріи въ Пештъ, и 26 іюня министерство переселилось въ новую столицу, въ которой 2 іюля собралось венгерское учредительное собраніе, избранное по новому закону, только-что вотированному сеймомъ. Послѣ этого Венгрія стала чувствовать себя совершенно самостоятельнымъ государствомъ. Была организована національная армія, и офицерамъ было запрещено повиноваться приказаніямъ изъ Вѣны; были введены въ употребленіе венгерскіе кредитные билеты; былъ заключенъ венгерскій государственный заемъ. Наконецъ, пештское правительство даже послало за границу своихъ дипломатическихъ агентовъ и при этомъ заявило, что Австрія можетъ, какъ хочетъ, рѣшать свои дѣла съ Германіей. Однимъ словомъ, мадьяры, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ династіи, вполнѣ осуществили свою національную идею. Но съ самаго же начала они встрѣтили оппозицію со стороны славянскихъ элементовъ, которые тоже стремились къ осуществленію своихъ національныхъ правъ [2]). Къ славянамъ присоединились еще и трансильванскіе румыны, которые были равнымъ образомъ недовольны мадьярскимъ и нѣмецкимъ гнетомъ. На большомъ народномъ собраніи они протестовали противъ намѣренія соединить Трансильванію съ Венгріей, но тѣмъ не менѣе мѣстные провинціальные чины провозгласили эту унію (30 мая). На эти-то недовольные элементы и могло опереться австрійское правительство въ своей борьбѣ съ Венгріей.

Первыми возстали противъ мадьяръ сербы подъ начальствомъ Стратимировича при помощи граничаръ и добровольцевъ изъ Сербіи. Между тѣмъ въ Вѣнѣ была устроена конференція мадьярскихъ и хорватскихъ уполномоченныхъ, которая не привела ни къ чему. Послѣ подавленія чешскаго возстанія и обратнаго завоеванія Ломбардіи Фердинандъ I заговорилъ съ мадьярами другимъ языкомъ. Онъ объявилъ, что сдѣланныя имъ уступки получатъ силу лишь по одобреніи ихъ другими землями монархіи и отказался утвердить вотированные пештскимъ сеймомъ законы о національномъ войскѣ и государственномъ займѣ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ приказалъ остановить начатыя венгерскимъ министерствомъ военныя дѣйствія противъ сербовъ. Первоначально императоръ не одобрялъ поведенія Елачича и даже отставилъ его отъ должности хорватскаго бана, но когда тотъ, вызванный въ Инспрукъ, объяснилъ, что всѣ его движенія клонятся къ благу династіи, ему была возвращена его должность. Елачичъ даже на дѣлѣ доказалъ свои вѣрноподданническія чувства, обратив-

---

[1]) Ср. выше, стр. 436.

[2]) См. выше, стр. 408—409 и 573.

шись съ воззваніемъ къ южнымъ славянамъ, находившимся въ австрійской арміи въ Италіи, и убѣждая ихъ защищать права императора на Ломбардію.

По соглашенію съ правительствомъ и съ реакціонной партіей Елачичъ поднялъ возстаніе противъ „азіатской орды“ и 9 сентября во главѣ большого хорватскаго войска перешелъ черезъ Драву. Мадьяры отправили депутацію къ вѣнскому національному собранію съ просьбою о помощи, но, какъ уже было сказано выше [1]), славянское большинство этого собранія не допустило даже, чтобы депутація была принята. Намѣстникъ (палатинъ) Венгріи, эрцгерцогъ Стефанъ, оставилъ Пештъ, а затѣмъ и самую страну послѣ неудачной попытки добиться свиданія съ Елачичемъ; Баттіани также сложилъ съ себя власть. Между тѣмъ къ сербамъ и хорватамъ присоединились еще румыны и словаки. Тогда венгерскій сеймъ учредилъ подъ предсѣдательствомъ Кошута комитетъ національной обороны въ то самое время, какъ императоръ назначилъ своимъ коммиссаромъ и главнокомандующимъ въ Венгріи графа Ламберта (25 марта). На другой же день по прибытіи своемъ въ столицу Венгріи Ламбертъ былъ умерщвленъ разъяренною толпою. Отвѣтомъ на это было объявленіе Елачича полномочнымъ коммиссаромъ императора и главнымъ начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ въ Венгріи. Все королевство объявлялось въ военномъ положеніи, а венгерскій сеймъ—распущеннымъ (3 октября).

Между династіей и мадьярами началась война. На сторону Венгріи стало населеніе и австрійской столицы. Мы видѣли, что въ октябрѣ вѣнцы возмутились, чтобы помѣшать австрійскимъ войскамъ итти на помощь Елачичу, и что, съ своей стороны, мадьяры оказали, хотя и запоздалую, помощь Вѣнѣ [2]). Елачичъ на время долженъ былъ заняться подавленіемъ возстанія въ австрійской столицѣ. Послѣ побѣды надъ вѣнской революціей война противъ Венгріи возобновилась съ удвоенною силою. Кошутъ и другіе вожди возстанія были объявлены государственными измѣнниками, и усмиреніе Венгріи было поручено Виндишгрецу. Съ своей стороны, послѣ отреченія Фердинанда I мадьяры не хотѣли признавать своимъ государемъ Франца-Іосифа. Въ началѣ января комитетъ національной обороны былъ вынужденъ оставить Пештъ и удалиться въ Дебречинъ. Виндишгрецъ, въ декабрѣ занявшій Пресбургъ, вступилъ въ Пештъ и началъ въ немъ суровую расправу. Но эти успѣхи Австріи были непродолжительны, и раннею весною 1849 г. счастье стало снова переходить на сторону Венгріи.

Въ числѣ защитниковъ венгерской независимости было много

---

[1]) См. выше, стр. 545.

[2]) См. выше, стр. 546.

поляковъ. Сначала главнокомандующимъ былъ назначенъ полякъ Дембинскій, ветеранъ наполеоновской арміи, но къ нему съ завистью относились мадьярскіе генералы, особенно Гёргей, который потомъ и сдѣлался самъ главнокомандующимъ. Другимъ выдающимся полякомъ на службѣ Венгріи былъ Бемъ, незадолго передъ тѣмъ организовавшій защиту Вѣны [1]). Гёргею и Бему удалось одержать побѣды и перейти въ наступленіе. Тогда Виндишгрецъ былъ смѣщенъ.

14 апрѣля 1849 г., упоенный побѣдами своего войска, венгерскій сеймъ въ Дебречинѣ провозгласилъ низложеніе австрійскаго дома и полную независимость Венгріи, назначивъ временное правительство подъ предсѣдательствомъ Кошута. Къ несчастью венгерцевъ, Гёргей отнесся къ этому непріязненно, завидуя положенію, которое занялъ въ Венгріи Кошутъ. Въ тотъ же самый день, какъ Гёргей снова взялъ у австрійцевъ Пештъ, на личномъ свиданіи императора Николая I съ Францемъ-Іосифомъ въ Варшавѣ (21 мая) было рѣшено, что усмиреніе Венгріи будетъ поручено русскимъ войскамъ. Въ іюнѣ русская армія подъ начальствомъ Паскевича вступила въ Венгрію. 13 августа Гёргей, которому Кошутъ только-что передалъ диктатуру, капитулировалъ при Вилагошѣ: „Венгрія у ногъ вашего величества“, писалъ Паскевичъ Николаю I. Кошутъ и нѣкоторые другіе вожди возстанія бѣжали въ Турцію. Въ Венгріи началась самая жестокая репрессія. Первый президентъ перваго венгерскаго министерства былъ разстрѣлянъ въ Пештѣ; разстрѣляны и даже повѣшены были и нѣкоторые генералы; масса народа была посажена въ крѣпости и тюрьмы. Австрія и Россія даже потребовали у Турціи выдачи бѣглецовъ, но султанъ отказалъ. Съ этого времени и ведетъ свое начало симпатія мадьяръ къ туркамъ.

Въ 1848 г. и нѣмцы, и славяне, и мадьяры, и итальянцы стремились къ національной независимости, ссылаясь на одинъ и тотъ же принципъ. Но нѣмцы и мадьяры слишкомъ привыкли господствовать надъ славянами, чтобы охотно признать за ними равноправность. Притомъ и тѣхъ, и другихъ пугалъ призракъ панславизма, за которымъ они видѣли господство Россіи [2]). Враждебное отношеніе самихъ славянъ къ нѣмецкой и мадьярской революціямъ, отъ успѣха которыхъ они для себя ничего хорошаго не ожидали, и помощь, оказанная ими династіи Габсбурговъ въ борьбѣ съ мятежными нѣмецкими и мадьярскими подданными, только укрѣпили и нѣмцевъ, и мадьяръ въ ихъ ненависти къ славянству. Подавленіе венгерской революціи русскими войсками оправдывало и опасенія ихъ на счетъ того,

---

[1]) См. выше, стр. 546.

[2]) См. выше, стр. 406 и слѣд.

что за австрійскими славянами стояла Россія съ своими опасными для европейской свободы замыслами. Ни нѣмцы, ни мадьяры не хотѣли признать, что славяне имѣли такое же право на національную независимость, и что они добивались тѣхъ же самыхъ политическихъ правъ, ради завоеванія которыхъ они возстали сами. Австрійскіе нѣмцы, которые часто были партикуляристами по отношенію къ Германіи, въ монархіи Габсбурговъ являлись, наоборотъ, ярыми централистами, и славяне, поддержавъ Габсбурговъ, которые были тоже централистами по традиціи, тѣмъ самымъ содѣйствовали только торжеству своихъ враговъ. Венгрія, не хотѣвшая, подобно славянамъ, подчиниться централизму, не допускала, однако, федералистической идеи, за которую были славяне, такъ какъ для мадьяръ это значило значительно сузить предѣлы своего національнаго королевства; поэтому она стояла за дуализмъ, который даже былъ фактически осуществленъ, когда представители одной половины монархіи засѣдали въ Вѣнѣ, потомъ въ Кромержижѣ, а представители другой—въ Пештѣ, потомъ въ Дебречинѣ. Послѣ подавленія революціи въ Австріи наступила эпоха централизма, пока въ 1867 г. не установилась система дуализма, выгодная для нѣмцевъ и для мадьяръ, но невыгодная для славянъ. Австрійскіе славяне жестоко поплатились тогда за свою реакціонную роль въ 1848—49 гг.

Венгерская революція пользовалась большимъ сочувствіемъ нѣмецкой демократіи, но скорѣе только потому, что создавала затрудненіе главному врагу—австрійскому абсолютизму. Демократы 1848 г. стояли за братство народовъ, а между тѣмъ и мадьяры были проникнуты сильнымъ національнымъ эгоизмомъ. Въ венгерскомъ сеймѣ партія, защищавшая общіе съ нѣмецкой демократіей принципы, составляла самое незначительное меньшинство, и самъ Кошутъ готовъ былъ видѣть въ людяхъ этой партіи бунтовщиковъ. Въ сущности, венгерская армія, отстаивая національную независимость, сражалась скорѣе за интересы мадьярской аристократіи и буржуазіи, чѣмъ за свободу и благосостояніе всего народа. Въ національномъ отношеніи мадьяры не хотѣли признать правъ за славянами короны св. Стефана. При извѣстныхъ обстоятельствахъ они сами не прочь были бы сыграть по отношенію къ другимъ народамъ ту роль, какую славяне сыграли по отношенію къ нимъ. Чуть не до конца поддерживая фикцію, будто война ведется ими не противъ „короля“, а противъ придворной камарильи, захватившей въ свои руки власть, они еще въ іюлѣ 1848 г. говорили о необходимости помочь Австріи людьми и деньгами въ Италіи въ то самое время, когда организовали свою революціонную армію. Баттіани и Дэакъ требовали этого прямо, и Кошутъ не рѣшился итти противъ. Сдѣлали лишь тонкое

различіе между Италіей, противъ которой помогать не хотѣли, и Сардинскимъ королемъ, противъ котораго, наоборотъ, считали нужнымъ помочь Австріи.

Реакціонная роль австрійскаго славянства въ событіяхъ 1848—49 гг. давала пищу для враждебнаго отношенія къ панславизму въ Германіи не съ одной націоналистической точки зрѣнія. „Новая Рейнская газета" весьма опредѣленно высказывала свой взглядъ на этотъ счетъ. Правда, Марксъ очень вѣрно понималъ, что панславизмъ, котораго такъ боялись въ Европѣ, былъ не чѣмъ инымъ, какъ фантазіей, рожденной въ головахъ нѣсколькихъ идеологовъ,—онъ называлъ политическимъ романтизмомъ и сентиментализмомъ и демократическій панславизмъ, проповѣдовавшійся Бакунинымъ на пражскомъ съѣздѣ,—но онъ отмѣчалъ постоянно и настаивалъ на этомъ, что исторически австрійскіе славяне должны были выступить въ качествѣ контръ-революціонеровъ и враговъ демократіи въ новомъ смыслѣ. И газета поэтому призывала къ „непримиримой борьбѣ на жизнь и смерть съ славянствомъ, измѣняющимъ революціи", къ „истребительной войнѣ и безпощадному терроризму—не въ интересѣ Германіи, а въ интересѣ человѣчества". То же самое настроеніе по отношенію къ славянству стало господствовать и у нѣмецкой либеральной буржуазіи.

Переходимъ теперь къ итальянскимъ событіямъ 1848—49 гг.

Въ Италіи революція началась еще раньше февральскаго переворота, бывшаго сигналомъ для нѣмецкой, славянской и венгерской революцій [1]). Итальянская революція съ самаго начала получила характеръ, враждебный Австріи. Въ одной части Италіи Австрія владычествовала непосредственно, и революція поставила на своемъ знамени освобожденіе этой части отъ нѣмецкаго ига, а въ другихъ ея частяхъ монархія Габсбурговъ была главною поддержкою реакціонныхъ правительствъ, и девизомъ революціи сдѣлалось вообще изгнаніе Австріи изъ Италіи. Между тѣмъ вѣнское правительство при первомъ же взрывѣ революціоннаго движенія рѣшило отстаивать свое положеніе на Апеннинскомъ полуостровѣ. Другія народности монархіи оказывали въ этомъ отношеніи Австріи свое содѣйствіе. Мадьяры не прочь помочь были и деньгами, и людьми. Елачичъ призывалъ хорватовъ къ вѣрности императору въ Италіи. Творцы австрійской федералистической конституціи считали въ составѣ монархіи и итальянцевъ.

Сначала Австрія вынуждена была покинуть занятую ею позицію. Когда извѣстіе о мартовской революціи въ Вѣнѣ достигло до Ломбардіи, вспыхнула революція и въ Миланѣ. Австрійскій главно-

[1]) См. выше, стр. 483.

командующій Радецкій, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Австріи, отступилъ (22 марта) въ четыреугольникъ крѣпостей (Пескьера, Верона, Леньяно и Мантуя) между Ломбардіей и Венеціанской областью, гдѣ тоже вспыхнуло возстаніе. Ломбардцы учредили временное правительство и начали собирать войско. Временное правительство было учреждено и въ Венеціи, гдѣ во главѣ его сталъ адвокатъ Манинъ, провозглашавшій возстановленіе „республики св. Марка“. Пармскій и моденскій герцоги, бывшіе въ союзѣ съ Австріей, были вынуждены покинуть свои резиденціи. Движеніе передалось и въ другія части Италіи. Король сардинскій Карлъ-Альбертъ двинулъ свою армію въ Ломбардію безъ всякаго формальнаго объявленія войны Австріи и занялъ Миланъ. Къ сардинской арміи примкнули войска другихъ итальянскихъ государствъ. Примѣръ поданъ былъ великимъ герцогомъ тосканскимъ. Папа издалъ 30 марта воззваніе „къ народамъ Италіи“, поощрявшее ихъ къ войнѣ за освобожденіе, и начальникъ его арміи двинулся тоже на помощь къ Карлу-Альберту, хотя потомъ Пій IX и увѣрялъ, что былъ не такъ понятъ своимъ главнокомандующимъ. Въ Неаполѣ произошло народное движеніе, и король, давъ отставку министерству, которое обвинялось въ сочувствіи Австріи, обнародовалъ воззваніе къ своимъ подданнымъ о борьбѣ за свободу и славу Италіи. Неаполитанскимъ войскомъ командовалъ ветеранъ революціи 1820 г. Гуильельмо Пепе [1]). Это присоединеніе трехъ государей къ Карлу-Альберту вовсе не было дѣломъ порыва ихъ патріотическихъ чувствъ, а было вынуждено общественнымъ движеніемъ. Въ сущности, всѣ они относились къ національнымъ стремленіямъ подозрительно, да и другъ другу плохо довѣряли. Въ данномъ случаѣ въ Италіи происходило то же самое, что́ и въ Германіи, гдѣ тоже лишь страхъ передъ революціей заставлялъ государей дѣлаться поборниками національнаго единства. Въ этомъ заключалась одна изъ причинъ неудачи итальянскаго движенія 1848 — 49 гг. Въ Италіи даже не образовалось ничего подобнаго франкфуртскому парламенту, т.-е. никакого политическаго центра, который хоть сколько-нибудь объединялъ бы движенія отдѣльныхъ частей націи.

Первымъ, и притомъ очень скоро, отсталъ отъ національнаго движенія Пій IX. Его министры убѣждали его прямо дать разрѣшеніе своимъ подданнымъ участвовать въ войнѣ съ Австріей, говоря, что отказъ отъ войны вызоветъ возстаніе въ его владѣніяхъ, но папа, испуганный демократическимъ движеніемъ и недовольствомъ правовѣрныхъ католиковъ, въ аллокуціи 29 апрѣля объявилъ, что не можетъ принимать участія въ войнѣ, будучи намѣстникомъ на

[1]) См. т. IV, стр. 330 и 335.

землѣ Верховнаго Миротворца. Въ Римѣ, дѣйствительно, вспыхнуло возстаніе, заставившее Пія IX учредить чисто свѣтское министерство подъ главенствомъ либеральнаго графа Маміани, участвовавшаго въ возстаніи 1831 г. и до 1848 г. жившаго во Франціи въ изгнаніи. Новое правительство не отказалось отъ участія въ войнѣ, но самъ папа нанесъ сильный ударъ своей популярности въ Италіи: для вѣры въ то, что св. престолъ объединитъ Италію, бывшей столь распространенною до того времени [1]), уже не могло быть болѣе мѣста. Зато аллокуція Пія IX очень обрадовала неаполитанскаго короля. Скоро и ему представился случай отступиться отъ общаго итальянскаго дѣла. Сицилія, еще ранѣе этого потребовавшая у Фердинанда II конституціи [2]), не желая подчиниться общей для всего королевства конституціи, отложилась отъ Неаполя, и 13 апрѣля парламентъ объявилъ низложеніе Фердинанда II и призваніе на престолъ въ будущемъ, когда окончится пересмотръ конституціи, одного изъ итальянскихъ принцевъ. Для усмиренія мятежныхъ подданныхъ королю понадобились войска, и это было хорошимъ предлогомъ для того, чтобы отступиться отъ итальянскаго дѣла. Затѣмъ и въ самомъ Неаполѣ произошелъ переворотъ. 15 мая собрались неаполитанскія палаты, но въ тотъ же день были распущены королемъ, нашедшимъ, что онѣ превышаютъ свою власть. Неаполитанскіе демократы подняли возстаніе и стали строить баррикады, но оно было подавлено швейцарской гвардіей и ландзарони. Новое реакціонное министерство отозвало назадъ армію Пепе и флотъ, посланный на помощь Венеціи. Въ Неаполѣ началась революція. Сицилійцы избрали-было въ короли второго сына Карла-Альберта, но Карлъ-Альбертъ отклонилъ избраніе, потому что въ это время (іюль) и его дѣла пошли плохо.

Дѣло въ томъ, что Австрія представила свое дѣло въ Италіи, какъ дѣло, задѣвающее всю Германію. Въ Тиролѣ образовались нѣмецкіе отряды и черезъ Фріуль двинулись въ Италію. Радецкій перешелъ тогда въ наступленіе (іюнь) и послѣ ряда успѣховъ разбилъ Карла-Альберта при Кустоццѣ (25 іюля). Ломбардія была вновь во власти Австріи, и одна только Венеція еще кое-какъ держалась.

Такимъ образомъ еще весною и лѣтомъ 1848 г. были подавлены и неаполитанская, и ломбардская революціи. Съ сицилійской революціей дѣло было труднѣе. Фердинандъ II отправилъ въ Сицилію неаполитанскую армію, которая бомбардировала въ октябрѣ Мессину и др. города, откуда Фердинандъ II получилъ свое прозвище Бомбы (il re Bomba). При посредствѣ Франціи и Англіи сицилійцамъ уда-

---

[1]) См. выше, стр. 430 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 433.

лось заключить перемиріе, но такъ какъ переговоры ни къ чему не привели, то весною слѣдующаго года война въ Сициліи возобновилась. Къ инсургентамъ явился на помощь Мѣрославскій съ иностраннымъ легіономъ, но потерпѣлъ пораженіе. 14 мая неаполитанское войско заняло столицу Сициліи, Палермо, и на островѣ водворился абсолютизмъ. Около того же времени неограниченное правленіе было возстановлено и въ самомъ Неаполѣ.

Ранѣе всего, слѣдовательно, отстала отъ національнаго движенія и испытала на себѣ реакцію южная Италія. Въ средней и сѣверной неудача „меча Италіи", какъ звали Карла-Альберта, не остановила еще движенія. Кромѣ партіи, которая думала достигнуть объединенія Италіи путемъ федераціи отдѣльныхъ государей, здѣсь образовалась еще республиканская партія, стремившаяся рѣшить вопросъ о будущемъ устройствѣ Италіи созывомъ общаго парламента. Во главѣ этой партіи стоялъ Мадзини [1]), главнымъ полемъ дѣствія была средняя Италія, гдѣ въ концѣ 1848 и началѣ 1849 г. республиканцы имѣли значительный успѣхъ. Сторонники этой партіи вербовались въ большихъ городахъ на всемъ пространствѣ Италіи, и они расчитывали на помощь со стороны французскихъ республиканцевъ. Эта надежда оказалась, однако, обманчивой, а между тѣмъ и въ самой Италіи республиканская партія встрѣтила сильную оппозицію со стороны партіи конституціонныхъ монархистовъ, опиравшихся на Сардинію, которая, хотя и потерпѣла отъ Австріи пораженіе лѣтомъ 1848 г., еще не отказывалась отъ роли объединительницы Италіи. Помимо отпаденія отъ общаго дѣла южной Италіи, гдѣ побѣда осталась за абсолютистами, этотъ расколъ между конституціонными монархистами и республиканцами сильно вредилъ національному дѣлу. Австрія, управившаяся постепенно съ революціями въ другихъ своихъ земляхъ, могла напрячь всѣ свои силы на Италію, а послѣдняя въ это время какъ-разъ была разъединена. Неаполитанское правительство поддерживало реакцію и въ этомъ отношеніи помогало Австріи. Средняя Италія, въ которой установились республики, и сѣверная, присоединившаяся къ Пьемонту, дѣйствовали несолидарно. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ Италіи Франція, въ которой тоже началась реакція, прямо выступила въ роли усмирительницы національнаго движенія на полуостровѣ.

Республики были введены въ Римѣ, въ Тосканѣ и въ Венеціи. Послѣ назначенія Піемъ IX на министерскій постъ либерала Маміани (4 мая 1848 г.) въ Римѣ народныя волненія, вызванныя отказомъ папы отъ участія въ общемъ итальянскомъ дѣлѣ, не прекращались.

---

[1]) См. выше, стр. 428—430.

Самъ Пій IX рѣшительно сталъ на сторону реакціи, такъ что въ началѣ іюня между нимъ и новымъ министерствомъ произошелъ разладъ. Въ виду открытія созванныхъ въ это время палатъ министерство приготовило для папы рѣчь, въ которой между прочимъ говорилось, что національныя различія созданы самимъ Богомъ, дабы каждая изъ нихъ жила своею жизнью, и что такое же право на народность даровано Богомъ и Италіи, но Пій IX отказался включить это мѣсто въ свою рѣчь. Палаты выразили желаніе, чтобы папа отдѣлилъ свою власть, какъ государя, отъ власти своей, какъ главы церкви, и установилъ министерство, отвѣтственное передъ народнымъ представительствомъ, но и на это требованіе онъ тоже отвѣчалъ отказомъ. Затѣмъ Пій IX образовалъ новое министерство, поставивъ во главѣ его Росси, который, не будучи сторонникомъ власти духовенства, въ то же время былъ врагомъ демократіи. 15 ноября Росси былъ убитъ кинжаломъ на лѣстницѣ въ зданіи палатъ, а вслѣдъ за этимъ уличная толпа, собравшаяся передъ Квириналомъ, заставила папу назначить радикальное министерство (Маміани, Галлетти, Стербини). Швейцарская гвардія папы была выслана изъ Рима, гдѣ организовалась тогда для поддержанія порядка гражданская стража. Фактически власть перешла въ руки демократическаго клуба, вслѣдствіе чего Пій IX бѣжалъ въ Гаэту подъ покровительство неаполитанскаго короля (24 ноября). Въ Римѣ учреждено было временное правительство и произведены были выборы въ учредительное собраніе, несмотря на угрозу отлученія отъ церкви, объявленную папой. Въ первомъ же засѣданіи своемъ 9 февраля 1849 г. это собраніе объявило свѣтскую власть папы въ Римѣ отмѣненною и провозгласило римскую республику. Во главѣ новой республики было поставлено временное правительство изъ трехъ лицъ подъ предсѣдательствомъ Мадзини. Вмѣстѣ съ этимъ Джузеппе Гарибальди [1]), принимавшій въ 1848 г. участіе въ войнѣ противъ Австріи, организовалъ изъ добровольцевъ народное ополченіе. Изъ римской республики, куда стали стекаться демократы изъ другихъ частей Италіи, рѣшено было сдѣлать главный оплотъ для объединенія Италіи на началахъ демократической республики.

Республика на время установилась и въ Тосканѣ. Въ началѣ 1849 г. и здѣсь подъ давленіемъ демократовъ было созвано учредительное собраніе, но вслѣдъ затѣмъ произошло народное возстаніе, принудившее великаго герцога бѣжать въ Гаэту. Во главѣ временнаго правительства (тріумвирата) сталъ (19 февраля) радикальный адвокатъ и писатель Гверацци, который въ 1848 г. былъ призванъ великимъ герцогомъ на постъ перваго министра (тоже вслѣдствіе

[1]) О немъ подробнѣе см. въ главѣ объ объединеніи Италіи.

возмущенія). Главною квартирою тосканской республиканской партіи былъ Ливорно, гдѣ волненія происходили еще въ 1848 г. Во Флоренціи преобладаніе получили умѣренные либералы, которые въ апрѣлѣ же 1849 г. произвели переворотъ и образовали новое правительство, обратившееся къ великому герцогу съ приглашеніемъ пріѣхать въ свою столицу.

Между тѣмъ послѣ римскаго и тосканскаго переворотовъ и Карлъ-Альбертъ возобновилъ войну съ Австріей. На него уже давно возлагались надежды итальянскихъ патріотовъ, и въ 1848 г. онъ взялся ихъ оправдать, обнародовавъ либеральную конституцію и сдѣлавъ вторженіе въ Ломбардію. Но уже тогда онъ сталъ съ неудовольствіемъ замѣчать, что часть итальянцевъ стремится къ республикѣ; онъ даже сталъ подумывать, что, быть можетъ, лучше будетъ добиться уступокъ отъ самой Австріи, въ то время находившейся въ крайне опасномъ положеніи, и расчитывалъ на помощь англійской дипломатіи. Недовѣріе, возникшее въ его душѣ противъ итальянской революціи, сильно мѣшало энергіи его дѣйствій. Послѣ пораженія при Кустоццѣ въ концѣ іюля 1848 г.[1]) и вступленія австрійцевъ въ Миланъ (6 августа), Карлъ-Альбертъ заключилъ съ Австріей перемиріе (9 августа). Ломбардія, которая за два мѣсяца передъ тѣмъ присоединилась къ Пьемонту въ силу народнаго голосованія, вернулась къ Австріи. Венеція, тоже въ началѣ іюля рѣшившая присоединиться къ Пьемонту, возстановила у себя республику (13 августа). Такимъ образомъ въ началѣ 1849 г. въ Италіи республиканское правительство существовало въ трехъ государствахъ, когда Карлъ-Альбертъ снова сдѣлалъ попытку монархическаго объединенія Италіи. Постоянно оскорбляемый за свою неудачу республиканцами, видя ихъ успѣхи въ средней Италіи, подстрекаемый радикальною частью своихъ подданныхъ, которые въ февралѣ 1849 г. свергли умѣренно-либеральное министерство Джіоберти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ снова началъ надѣяться на то, что Австрія, занятая домашними дѣлами, вынуждена будетъ уступить. Подъ предлогомъ неисполненія условій перемирія Карлъ-Альбертъ въ мартѣ двинулъ свою армію въ Ломбардію. Война продолжалась всего четыре дня. При Новарѣ 24 марта Радецкій разбилъ сардинскую армію, и враждебныя дѣйствія должны были прекратиться. Карлъ-Альбертъ отрекся тогда отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила и бѣжалъ въ Португалію, гдѣ и умеръ лѣтомъ того же года. Новый король заключилъ съ Радецкимъ перемиріе. Сардинская палата не хотѣла его

[1]) Ср. выше, стр. 543.

утвердить, а въ Генуѣ даже вспыхнуло возстаніе. Палата была распущена, возстаніе же подавлено военною силою.

Послѣ вторичнаго пораженія Сардиніи центромъ итальянской революціи остался Римъ, да Венеція еще продолжала держаться противъ австрійцевъ, тогда какъ въ Тосканѣ уже въ апрѣлѣ была подготовлена реставрація великаго герцога. Но и дни римской и венеціанской республикъ были сочтены. Пій IX обратился за помощью противъ мятежныхъ подданныхъ къ католическимъ державамъ, какъ защитницамъ его свѣтской власти. Съ юга въ Церковную Область вступила неаполитанская армія, но она была отражена республиканскимъ войскомъ. Испанія ограничилась присылкою двухъ военныхъ кораблей. Главная задача усмиренія выпала на долю Австріи и Франціи.

Вмѣшательство Австріи и Франціи въ 1849 г. въ итальянскія дѣла съ цѣлью подавленія революціи было возвращеніемъ къ той политикѣ, въ которой незадолго до революціи 1848 г. согласились между собою Меттернихъ и Гизо [1]), низвергнутые этой революціей. Мы еще остановимся на общемъ значеніи этого факта послѣ. Что Австрія, справившаяся съ революціей среди нѣмецкихъ и славянскихъ подданныхъ, должна была выступить въ роли усмирительницы итальянской революціи, это было вполнѣ понятно, но вопросъ о томъ, какимъ образомъ французская республика нашла нужнымъ подавить республиканское движеніе въ Италіи, требуетъ болѣе подробнаго объясненія.

По отношенію къ Римской республикѣ австрійцы ограничились лишь занятіемъ одной сѣверной части Церковной Области, т.-е. такъ называемой Романьи. Имъ пришлось еще завоевывать Тоскану, Парму съ Моденой и Венецію. Покореніе Тосканы совершилось, когда австрійскія войска заняли Ливорно, главный пунктъ мѣстнаго республиканскаго движенія. Парма и Модена, присоединившіяся-было къ Сардинскому королевству, были скоро возвращены своимъ владѣтелямъ. Въ концѣ августа сдалась Австріи и Венеція. Такимъ образомъ Австрія возвратила свои итальянскія владѣнія и заняла прежнее положеніе въ другихъ частяхъ Италіи. Въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ было введено осадное положеніе, снятое только въ 1851 г. Австрійскія войска оставались въ Тосканѣ и Романьѣ до 1859 г., причемъ великій герцогъ тосканскій въ угоду вѣнскому правительству отмѣнилъ въ 1852 г. конституцію 1848 г. и уничтожилъ свободу печати. Въ Пармѣ и Моденѣ былъ также возстановленъ абсолютизмъ, и оба герцогства должны были заключить съ Австріей таможенный союзъ.

---

[1]) См. выше, стр. 167 и др.

Возстановленіемъ папской власти въ самомъ Римѣ занялась Франція. Въ апрѣлѣ 1849 г. въ Чивитта-Веккіи высадился небольшой отрядъ французовъ, которые заявляли, что пришли въ качествѣ доброжелателей, дабы предохранить страну отъ занятія австрійцами и неаполитанцами и отъ клерикальной реакціи. Римскіе республиканцы отвергли ихъ услуги. Сначала французы не имѣли военнаго успѣха, и Гарибальди удалось прогнать также и неаполитанцевъ. Въ концѣ концовъ, однако, Римъ послѣ упорнаго сопротивленія взятъ былъ французами, оставившими въ немъ свой гарнизонъ (3 іюля 1849). Папская власть была возстановлена, но лишь въ апрѣлѣ 1850 г. Пій IX рѣшился вернуться въ свою столицу.

Итальянская революція была подавлена. Многіе ея вожди поплатились за свое участіе въ ней жизнью или тюремнымъ заключеніемъ, другимъ удалось бѣжать. Въ числѣ послѣднихъ были Мадзини и Гарибальди.

Одно только Сардинское королевство избѣжало абсолютистической реакціи. Хотя Австрія и предлагала новому королю заключить миръ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, если онъ уничтожитъ конституцію 1848 г., онъ на это не согласился и не отказался отъ трехцвѣтнаго знамени, принятаго итальянской революціей. Въ его владѣніяхъ даже находили пріютъ политическіе выходцы изъ другихъ частей Италіи. Сардинскій „Конституціонный статутъ“ 1848 г. представлялъ собою конституцію октроированную, не признававшую ни народовластія, ни пересмотра народнымъ представительствомъ. Въ немъ была даже такая статья, какъ объявленіе католицизма государственной религіей, чѣмъ нарушался принципъ свободы вѣроисповѣданій. О правахъ личности сардинская конституція тоже ничего не говорила. Но ею все-таки вводилось народное представительство съ двухпалатною системою, избирательнымъ цензомъ, который былъ меньше французскаго въ эпоху парламентарной монархіи, и съ отвѣтственнымъ передъ палатами министерствомъ [1]). Викторъ-Эммануилъ сталъ держаться этой конституціи и назначалъ министровъ сообразно съ волею парламентскаго большинства. Свобода печати также не была уничтожена въ Пьемонтѣ. Въ слѣдующемъ періодѣ Пьемонту, сохранившему конституцію, пришлось выступить въ роли объединителя Италіи.

Мы разсмотрѣли всѣ главныя движенія, изъ которыхъ сложилась революція 1848 г. Для полноты намъ остается отмѣтить второстепенныя движенія.

---

[1]) Сардинская конституція превратилась потомъ въ конституцію итальянскую и дѣйствуетъ до сихъ поръ. О ней будетъ подробнѣе сказано въ т. VI настоящаго труда.

Мы еще увидимъ въ своемъ мѣстѣ [1]), что въ Англіи февральская революція оживила надежды чартистовъ, но что новое усиленіе чартизма было кратковременно. Въ Ирландіи при извѣстіи о февральской революціи началась революціонная агитація, и даже былъ посланъ временному французскому правительству адресъ съ просьбою о вмѣшательствѣ. Англійское правительство арестовало вождей „молодой Ирландіи“ и ввело репрессивныя мѣры. Сдѣланная ирландцами попытка возстанія была подавлена въ самомъ началѣ [2]). Въ Бельгіи, Голландіи и Даніи дѣло ограничилось мирными политическими реформами. Въ Бельгіи либеральное министерство въ 1848 г. добилось пониженія избирательнаго ценза и запрещенія чиновникамъ выбираться въ палату. Въ Голландіи еще съ 1844 г. либералы требовали пересмотра конституціи, и подъ вліяніемъ революціоннаго движенія, охватившаго Европу, король (Вильгельмъ II) уступилъ и созвалъ учредительные генеральные штаты съ двойнымъ количествомъ депутатовъ, которые и выработали новую конституцію. По нидерландскому основному закону 1848 г., право назначать членовъ верхней палаты перешло отъ короля къ провинціальнымъ штатамъ, а нижняя стала избираться прямымъ путемъ съ пониженіемъ избирательнаго ценза; ея права были расширены; министры объявлены отвѣтственными. Были произведены либеральныя реформы и въ устройствѣ провинцій и общинъ. Въ Даніи основанія для новой конституціи были обнародованы въ іюлѣ 1848 г. Въ томъ же 1848 г., какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, получила новую конституцію и Швейцарія [3]). Невшательскій кантонъ расторгъ свои связи съ Пруссіей. Государства Пиренейскаго и Скандинавскаго полуострововъ одни изъ всѣхъ странъ Западной Европы не были прямо затронуты революціоннымъ движеніемъ 1848 г. [4]).

---

[1]) См. ниже, начало главы XXIX.

[2]) Юбилейныя сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ 1898 г.: *Abrien.* Who fears to speak of 98?—*O'Connor Moris.* Ireland 1798—1898.—*Palliser.* The irish rebellion of 1798.

[3]) См. выше, стр. 428.

[4]) Въ дополненіе къ литературѣ, указанной на стр. 509, отмѣтимъ самыя новыя сочиненія по исторіи революціи 1848 г., вышедшія въ свѣтъ по случаю пятидесятой годовщины этого событія въ 1898 г.: *Bach.* Geschichte der wiener Revolution.—*Hans Blum.* Die deutsche Revolution.—*Kravani.* Der Vormärz und Oktoberrevolution 1848.—*Liebknecht.* Zum Jubeljahr der Märzrevolution. Во французской литературѣ пока не появилось ни одного сколько-нибудь замѣтнаго сочиненія по этому поводу.

XXIV. Французская конституція 1848 г. и декабрьскій переворотъ [1]).

Международныя отношенія въ Западной Европѣ въ 1848—49 гг. — Внѣшняя политика Франціи.—Конституція 4 ноября 1848 г. и вопросъ объ организаціи исполнительной власти. — Причины избранія принца Бонапарта. — Прошлое и личный характеръ принца-президента. — Установленіе новаго режима. — Мнѣніе Токвиля о тогдашнемъ положеніи.—Взаимныя отношенія президента и національнаго собранія и политическія партіи 1849—51 гг.—Реакціонныя мѣры этой эпохи.—Конфликты президента съ собраніемъ.—Coup d'état 2 декабря 1851 г.—Конституція 14 января 1852 г.—Возстановленіе имперіи во Франціи.—Два труда по исторіи французской революціи.

Революція 1848 г. произвела цѣлый переворотъ въ международномъ положеніи Европы. Франція была отторгнута отъ союза съ Австріей, и могло показаться, что новая республика снова начнетъ революціонную пропаганду. Австрійское и прусское правительства временно должны были подчиниться требованіямъ революціи. Задуманное революціонерами объединеніе Германіи и Италіи поставило два новые вопроса для международной политики европейскихъ правительствъ и вызвало двѣ войны, изъ которыхъ одна велась Германіей противъ Даніи, другая Сардиніей противъ Австріи. Въ концѣ, когда стала побѣждать реакція, произошло, съ одной стороны, вооруженное вмѣшательство Россіи въ венгерскую революцію, съ другой— Австріи и Франціи въ итальянскія дѣла. Во время этого кризиса у дипломатіи было много работы. Исходъ кризиса зависѣлъ отъ того, какое положеніе заняли въ немъ Россія и Англія, внутреннее спокойствіе которыхъ составляло ихъ силу и было выгодно для ихъ

[1]) Для международныхъ отношеній, о которыхъ говорится въ началѣ главы, см. второй томъ соч. *Debidour'a*, названнаго выше (стр. 1). Общій свой взглядъ авторъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Les nations qu'on n'a pas consultées sur leur destinées en 1815 ont pris la parole en 1848. Mais leur ignorance, leur jalousie mutuelle et l'inexpérience de leurs gouvernements improvisés ont facilité aux princes la tache de les réduire au silence".— Литература по исторіи второй республики указана выше (стр. 454, 484—485), а о декабрьскомъ переворотѣ см. *Pascal Duprat.* Les tables de proscription de Louis Bonaparte. 1853.—*Тено.* Парижъ и провинція въ 1851 году. — *Викторъ Гюго.* Исторія одного преступленія. — *Прудонъ.* Наполеонъ III и конституціи XIX вѣка.—Анонимное сочиненіе Der Staatsstreich von 2 Dec. 1851 und seine Rückwirkung auf Europa. 1870.—*Karl Marx.* Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte. 1885 (перепечатка современной событію брошюры; ср. выше, стр. 485).— *Thirria.* Napoleon III avant l'empire. 1895. См. также сочиненія по исторіи второй имперіи, названныя ниже, въ главѣ XXVI.

иностранной политики, и Франція, которая могла стать и на сторону революціи, и на сторону реакціи.

Русская и англійская политика въ 1848—49 гг. была діаметрально противоположна. Императоръ Николай I выступилъ безусловнымъ противникомъ всего, что совершалось тогда на западѣ, Пальмерстонъ, наоборотъ, относился ко многому съ большимъ сочувствіемъ. Но были пункты, по которымъ оба правительства сходились. Объединеніе Германіи было встрѣчено враждебно и Россіей, и Англіей; онѣ даже не захотѣли признать франкфуртскаго имперскаго правительства, Россія—потому, что была вообще противницей всякой революціи, Англія—вслѣдствіе своего нерасположенія къ таможенному союзу, вредившему ея коммерческимъ интересамъ. Въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ обѣ державы были тоже не на сторонѣ Германіи, и опять-таки русскій императоръ являлся защитникомъ status quo, нарушеннаго революціей, англійскій министръ—охранителемъ интересовъ Великобританіи, какъ морской державы, потому что отторженіе герцогствъ отъ Даніи повело бы къ образованію нѣмецкаго военнаго флота. Такимъ образомъ германское національное движеніе встрѣтило враждебное къ себѣ отношеніе со стороны Россіи и Англіи. Прибавимъ, что и Франція ему не благопріятствовала. Если бы въ Парижѣ побѣдила демократія, она протянула бы руку нѣмецкимъ демократамъ, но лишь подъ условіемъ превращенія самой Германіи въ демократическую республику.

Русскій императоръ съ тѣмъ бо́льшимъ неудовольствіемъ долженъ былъ отнестись къ революціи 1848 г., что съ своей стороны вожди и сторонники политическихъ движеній этого года требовали возстановленія Польши и проповѣдовали необходимость войны съ Россіей. Онъ сразу сталъ на сторону Австріи, которая изъ всѣхъ державъ наиболѣе была заинтересована сохраненіемъ въ неприкосновенности трактатовъ 1815 г. и въ Германіи, и въ Италіи. Уже лѣтомъ 1848 г. Нессельроде обратился къ другимъ дворамъ съ циркулярной нотой, въ которой высказывалось неодобреніе русскаго правительства матеріальному единству Германіи, задуманному демократіей и грозящему войною съ сосѣдними государствами. Въ своемъ мѣстѣ уже было указано, что въ числѣ причинъ, заставившихъ Фридриха-Вильгельма IV отказаться отъ германской императорской короны, было и воздѣйствіе со стороны петербургскаго двора [1]). Въ свою очередь, Австрія тоже подчинялась русскому вліянію. Отреченіе Фердинанда I отъ престола въ пользу новаго государя, не связаннаго никакими обѣщаніями и обязательствами, произошло съ согласія и даже по совѣту

[1]) См. выше, стр. 553.

Николая I. Австрійское правительство само стояло за союзъ съ Россіей, и помощь, оказанная Францу-Іосифу противъ Венгріи, была вознагражденіемъ за такую политику. И въ Германіи, и въ Италіи Австрія мѣшала національному объединенію, пользуясь сочувствіемъ и поддержкою Россіи. Въ союзѣ же съ Россіею въ 1850 г. Австріи, какъ мы еще увидимъ, удалось унизить Пруссію и заставить ее снова подчинить свою политику видамъ вѣнскаго двора. Священный союзъ былъ возстановленъ.

Иначе вело себя англійское правительство. Еще до начала кризиса 1848 г. Пальмерстонъ поддерживалъ противъ консервативныхъ державъ либеральныя движенія на материкѣ [1]). Послѣ паденія іюльской монархіи Англія поспѣшила признать во Франціи республику. Въ итальянскихъ дѣлахъ она охотно брала на себя посредничество, всячески отстаивая національное дѣло отъ Австріи. Ту же роль бралъ на себя Пальмерстонъ и по отношенію къ Неаполю съ Сициліей, настоявъ на перемиріи между ними въ 1848 г. Отказъ султана на требованіе Австріи и Россіи выдать бѣжавшихъ въ Турцію мадьярскихъ инсургентовъ состоялся прямо по совѣту англійскаго правительства. Англія же протестовала по поводу жестокостей неаполитанскаго правительства противъ побѣжденныхъ либераловъ. Когда началось бѣгство повсюду побитыхъ вождей и главныхъ участниковъ революціи, опять-таки въ Англіи они нашли спокойное и безопасное убѣжище.

Передъ Франціей въ 1848 г. снова стояла дилемма—или поддерживать европейскую революцію, или стать на сторону реакціи. Революціонная партія требовала, чтобы республика оказала поддержку свободѣ другихъ народовъ; часть нѣмецкихъ и итальянскихъ патріотовъ дѣйствовала въ расчетѣ на содѣйствіе французскихъ республиканцевъ, хотя болѣе умѣренные элементы и въ Германіи, и въ Италіи были противъ вмѣшательства Франціи въ ихъ внутреннія дѣла. И здѣсь, и тамъ часть націи, и особенно государи, боялись побѣды демократическихъ партій съ ихъ республиканскими стремленіями. Съ другой стороны, вездѣ боялись завоевательныхъ предпріятій Франціи. Въ 1848 г. еще не успѣли забыть въ Германіи опасности войны съ Франціей, грозившей въ 1840 г. [2]). Этимъ мотивомъ даже пользовались нѣмецкія правительства, чтобы не дать своимъ подданнымъ увлечься обѣщаніями французскихъ демократовъ [3]). Нѣмецкіе патріоты при этомъ не забывали еще, что часть „общаго отечества“, Эльзасъ и Лотарингія, находилась подъ властью Франціи: въ этомъ отношеніи Франція была

---

[1]) См. выше, стр. 427—428, 433, 452—453.
[2]) См. выше, стр. 168 и 184.
[3]) См. выше, стр. 510.

такимъ же врагомъ Германіи, какъ и Данія, удерживавшая подъ своею властью Шлезвигъ и Голштинію. Сардинскій король, державшійся того принципа, что Италія fara da se [1]), боялся въ случаѣ французскаго вмѣшательства потерять Савойю и Ниццу. Такимъ образомъ, по ту сторону и Рейна, и Альповъ французскаго вмѣшательства не желали. Однако, Франція все-таки вмѣшалась въ итальянскія дѣла, но только для доставленія торжества Австріи. Интересно, что окончательнымъ подавленіемъ революціи, и притомъ почти одновременно, Австрія была обязана Россіи и Франціи. Уничтоженіе республики въ Римѣ французами указывало на то, что въ самой Франціи возобладало реакціонное направленіе.

Какова же была вообще внѣшняя политика Франціи въ эту бурную эпоху?

Временное правительство, образовавшееся въ Парижѣ послѣ февральской революціи, съ самаго начала стало на точку зрѣнія совершенно миролюбивой политики, хотя нѣкоторые его члены и увлекались идеей революціонной пропаганды. Если бы Франція начала тогда войну, послѣдняя могла бы только вестись противъ трактатовъ 1815 г., и прямыми ея цѣлями были бы Бельгія, лѣвый берегъ Рейна и Савойя, что̀ подняло бы противъ Франціи и Англію, и Германію, и Сардинію. Новые правители Франціи, очутившись у власти, плохо знали дипломатическія отношенія эпохи, но не могли не знать, что французская армія была неважная, да и то лучшая часть ея находилась въ Алжирѣ. Къ этому присоединялось, съ одной стороны, то соображеніе, что временное правительство не имѣетъ полномочій для начатія такого важнаго дѣла, какъ война, съ другой—общее желаніе временнаго правительства не дать революціи дальнѣйшаго развитія. Этимъ и объясняется декларація Ламартина отъ 5 марта 1848 г. [2]), которая должна была успокоить другія правительства на счетъ намѣреній республики. Въ этомъ документѣ говорилось, что провозглашеніе республики вовсе не имѣетъ аггрессивнаго значенія для другихъ формъ правленія, что война не составляетъ принципа французской республики, что Франція не будетъ вести у сосѣдей зажигательной пропаганды, но ограничится чисто нравственнымъ на нихъ вліяніемъ въ интересахъ мира и порядка. Отрицая правомѣрность трактатовъ 1815 г., временное правительство тѣмъ не менѣе признавало созданныя ими границы за основу и отправной пунктъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ націямъ. „Республика взялась бы за оружіе лишь въ томъ случаѣ, если бы враждебное вмѣшательство

[1]) См. выше, стр. 431.
[2]) См. выше, стр. 488.

стало на пути такихъ націй, какъ Италія и Швейцарія, во время задуманныхъ ими внутреннихъ преобразованій". Этимъ манифестомъ временное правительство объявляло, что Франція отказывается отъ войны и революціонной пропаганды. Совершенно иначе думала парижская демократія, которая продолжала дѣлать воинственныя демонстраціи и между прочимъ особенно громко требовала возстановленія Польши [1]). Іюньскіе дни, бывшіе полнымъ пораженіемъ соціальной демократіи и началомъ внутренней реакціи, рѣшили вопросъ и о будущей внѣшней политикѣ Франціи. Такіе представители демократическихъ стремленій, какъ Герценъ или Марксъ, прямо говорили, что пораженіе парижскаго пролетаріата наносило ударъ революціи и въ другихъ странахъ [2]). Каваньякъ даже прямо стремился къ солидарному дѣйствію съ другими державами. Будучи однимъ изъ кандидатовъ въ президенты, уже онъ старался расположить въ свою пользу клерикаловъ и католиковъ; онъ тогда еще предлагалъ убѣжище Пію IX во Франціи и даже дѣлалъ видъ, что готовится на этотъ случай дать ему военную охрану. Въ президенты былъ выбранъ принцъ Людовикъ-Наполеонъ, благодаря именно союзу клерикаловъ и монархистовъ, и послѣ этого совершенно нельзя было ожидать, чтобы Франція оказала помощь итальянской революціи. Мало того: президентъ французской республики только о томъ и думалъ, чтобы возстановить въ Римѣ власть Пія IX и чтобы ни въ какомъ случаѣ эта честь не досталась Австріи.

Теперь намъ остается перейти къ внутренней исторіи Франціи, уже раньше доведенной до установленія новой конституціи и президентскихъ выборовъ [3]).

Разсмотримъ прежде всего ту конституцію, которую 4 ноября 1848 г. національное собраніе дало Франціи. Во вступленіи къ этой конституціи говорилось, что, устраиваясь въ качествѣ республики, этой „окончательной формы правленія", Франція ставитъ своею цѣлью шествовать болѣе свободнымъ образомъ по пути прогресса и цивилизаціи; что французская республика, демократическая, единая и нераздѣльная, признаётъ права и обязанности, существовавшія раньше положительныхъ законовъ и болѣе ихъ важныя; что своимъ принципомъ она принимаетъ свободу, равенство и братство; что между гражданами и республикой существуютъ взаимныя обязанности; что граждане должны любить отечество, служить республикѣ, защищать ее, не щадя своей жизни и т. п., и что республика должна оказы-

[1]) См. выше, стр. 498.
[2]) См. выше, стр. 505—506.
[3]) См. выше, стр. 509.

вать покровительство гражданамъ, доставлять имъ необходимое образованіе, помогать нуждавшимся доставленіемъ работы и даже средствъ къ существованію тѣмъ изъ нихъ, которые не въ состояніи работать. Вмѣстѣ съ этимъ объявлялось, что французская республика уважаетъ иностранныя національности и никогда не предприметъ войны съ завоевательной цѣлью, равно какъ никогда не употребитъ своихъ силъ противъ свободы какого-либо народа. Самая конституція состояла изъ 116 статей, распредѣленныхъ между двѣнадцатью главами. Верховная власть признавалась за всею совокупностью французскихъ гражданъ (ст. 1). Затѣмъ шли статьи о правахъ гражданъ, обезпеченныхъ конституціей. Въ сущности, новаго здѣсь почти ничего не было, за исключеніемъ совершенной отмѣны смертной казни за политическія преступленія (ст. 5) и обѣщанія содѣйствовать развитію труда посредствомъ дарового начальнаго образованія и образованія профессіональнаго, а также путемъ установленія равенства отношеній между патрономъ и рабочимъ и организаціи учрежденій сберегательныхъ и кредитныхъ, добровольныхъ ассоціацій и государственныхъ „общественныхъ работъ“, которыя могли бы занять незанятыхъ рабочихъ [1]) (ст. 13). Въ проектѣ конституціи, составленномъ до іюньскихъ дней, находилось еще „право на трудъ“, которое было потомъ вычеркнуто.

Во главѣ статей о государственныхъ властяхъ поставлены были два принципа: „всѣ общественныя власти, каковы бы онѣ ни были, истекаютъ отъ народа“ (ст. 18) и „раздѣленіе властей есть первое условіе свободнаго правленія“ (ст. 19). Суверенный народъ делегировалъ всю полноту своей законодательной власти единственному національному собранію, а всю полноту власти исполнительной—„гражданину, который получитъ титулъ президента республики“ (ст. 43). Такимъ образомъ, конституція 1848 г. ставила другъ противъ друга законодательную диктатуру національнаго собранія и исполнительную диктатуру президента республики. Національное собраніе должно было состоять изъ 750 (и 900 въ случаѣ пересмотра конституціи) „представителей народа“ (ст. 21 и 22), выбранныхъ всеобщею, прямою и тайною подачею голосовъ (ст. 24) на три года (ст. 31), причемъ избирателями могли быть безъ какихъ бы то ни было условій ценза „всѣ французы, достигшіе двадцати одного года и пользующіеся гражданскими и политическими правами“ (ст. 25), а выбираться—граждане, достигшіе двадцатипятилѣтняго возраста (ст. 26); представителямъ назначалось вознагражденіе, отъ котораго они не имѣли права отказываться (ст. 38). Въ коммиссіи, изготовлявшей проектъ

[1]) Ср. т. III, стр. 615, гдѣ говорится объ аналогичныхъ обѣщаніяхъ жирондистской и якобинской конституцій 1793 г.

конституціи, нѣсколько голосовъ (между прочимъ голоса Од. Барро и Токвиля) высказалось за двухпалатную систему, но большинство или слѣдовало традиціямъ первой революціи [1]) и стояло на той точкѣ зрѣнія, что „единый народъ не нуждается въ двухъ представительствахъ“, или же доказывало, что въ виду европейскихъ усложненій и внутренней партійной борьбы необходима диктатура, которая можетъ быть отдана лишь единому собранію. Вопросъ былъ рѣшенъ въ послѣднемъ смыслѣ, и единое собраніе было объявлено (ст. 32) засѣдающимъ непрерывно (permanente) за исключеніемъ, конечно, временныхъ отсрочекъ засѣданій.

Коммиссія, вырабатывавшая конституцію 1848 г., разсматривала разные способы организаціи исполнительной власти. Послѣдняя могла быть или коллегіальною, какъ это было, напримѣръ, въ конституціи III года [2]), или, наоборотъ, единоличной. Коммиссія высказалась за единоличнаго президента республики, но этимъ вопросъ еще не рѣшался. Выборъ президента можно было предоставить или самому національному собранію, или по сѣверо-американскому образцу особымъ избирательнымъ коллегіямъ (за что былъ Токвиль), или же всенародному голосованію. Послѣ долгихъ преній вопросъ былъ рѣшенъ въ послѣднемъ смыслѣ, главнымъ образомъ, благодаря краснорѣчивой защитѣ этого принципа Ламартиномъ. Онъ указывалъ на то, что „энергическія эпохи требуютъ энергической власти“, и что президентъ, избранный собраніемъ, былъ бы лишь ни къ чему не нужною пружиною въ механизмѣ конституціи, тогда какъ президентъ, выбранный всѣмъ народомъ, могъ бы имѣть самостоятельное значеніе. Уже тогда нѣкоторые предусмотрительные люди обращали вниманіе на то, что такой президентъ могъ бы быть весьма опасенъ для собранія, и даже прямо говорили о возможности повторенія государственнаго переворота 18 брюмера. Ламартинъ и противъ этого возражалъ болѣе краснорѣчиво, чѣмъ основательно: „чтобы дойти до 18 брюмера, мы должны были бы имѣть позади себя длинную эпоху террора, а впереди—побѣды при Маренго и Аустерлицѣ“. Ни самъ Ламартинъ, ни собраніе, увлеченное его доводами, не понимали, что роль длинной эпохи террора сыграетъ въ ихъ дни „красный призракъ“ соціальной революціи, и не предвидѣли, что новое 18 брюмера постарается оправдать себя и новыми побѣдами французскаго оружія надъ внѣшними врагами. По конституціи 1848 года президентъ республики, которому французскій народъ делегировалъ всю исполнительную власть, долженъ былъ выбираться прямою подачею голосовъ всѣхъ избира-

[1]) См. т. III, стр. 541—542.
[2]) См. т. III, стр. 622.

телей французскихъ департаментовъ и Алжира (ст. 46), т.-е. онъ одинъ долженъ былъ имѣть за себя столько же голосовъ, сколько всѣ 750 членовъ національнаго собранія, что создавало для президента страшное преобладаніе надъ народнымъ представительствомъ. Правда, конституція старалась ослабить общее значеніе этого факта разнаго рода ограниченіями. Президентъ выбирался на четыре года и не могъ подвергаться переизбранію въ теченіе четырехъ лѣтъ, и во весь этотъ восьмилѣтній срокъ не имѣли права быть ни вице-президентомъ, ни президентомъ никакой его родственникъ до шестой степени родства включительно (ст. 45). Онъ распоряжался вооруженною силою, но не имѣлъ права лично ею командовать (ст. 50). Акты президента республики, за исключеніемъ тѣхъ, которыми онъ назначалъ или смѣнялъ министровъ, должны были быть скрѣпляемы однимъ изъ министровъ, бравшимъ на себя тѣмъ самымъ отвѣтственность за каждый подобный актъ (ст. 67). Рядомъ съ отвѣтственностью министровъ и вообще всѣхъ органовъ власти отвѣтственность за всѣ дѣйствія правительства и администраціи распространялась и на президента республики. Однако, всѣ акты отвѣтственнаго президента нуждались въ подписи министровъ, что лишало президента всякой свободы дѣйствій. „Всякая мѣра, гласила далѣе конституція, посредствомъ которой президентъ республики распускаетъ національное собраніе, отсрочиваетъ его засѣданія или препятствуетъ въ отправленіи его обязанностей, есть государственная измѣна. Однимъ этимъ поступкомъ президентъ отрѣшается отъ должности; граждане обязываются отказывать ему въ повиновеніи; исполнительная власть по полному праву переходитъ къ національному собранію. Судьи верховнаго суда подъ страхомъ наказанія немедленно собираются и созываютъ присяжныхъ въ мѣсто, которое сами назначаютъ, чтобы судить президента и его сообщниковъ; они сами назначаютъ и тѣхъ членовъ судейскаго сословія, которые должны исполнять обязанности публичнаго обвиненія“ (ст. 68). Переворотъ 2 декабря доказалъ, что такихъ гарантій было слишкомъ недостаточно для того, чтобы сдѣлать невозможною узурпацію власти со стороны всенароднаго избранника, какимъ по конституціи 1848 г. былъ президентъ республики.

Въ учредительномъ собраніи эта конституція была принята подавляющимъ большинствомъ 739 голосовъ противъ 30. Чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 10 декабря происходили выборы президента республики, и мы уже говорили, что въ президенты былъ выбранъ принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ [1]).

И конституція 1848 г., и президентскій выборъ должны быть

[1]) См. выше, стр. 509.

поняты и оцѣнены и съ точки зрѣнія классовыхъ отношеній тогдашняго французскаго общества. Конституція 1848 г. была дѣломъ крупной буржуазіи. Устранивъ „право на трудъ“, подъ знаменемъ котораго шелъ пролетаріатъ, учредительное собраніе самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалось и противъ прогрессивнаго налога, введеніе котораго было бы выгодно мелкой буржуазіи. Но какъ-разъ этимъ же самымъ классамъ общества — съ крестьянами на придачу — конституція посредствомъ всеобщей подачи голосовъ передавала всю политическую власть, лишивъ тѣмъ самымъ политической гарантіи соціальное господство буржуазіи. Авторы конституціи какъ-бы предполагали, что демократія, удовлетворившись политической эманципаціей, не станетъ добиваться эманципаціи соціальной, и что буржуазія для обезпеченія соціальной реставраціи не обратится и къ реставраціи политической[1]). Президентскимъ кандидатомъ буржуазіи былъ Каваньякъ, который еще въ октябрѣ призвалъ на министерскіе посты двухъ бывшихъ министровъ Людовика-Филиппа, но выборы доставили побѣду принцу Бонапарту. На немъ сошлись всѣ тѣ классы общества, которые не могли быть довольны „республикой богатыхъ“. Таковы были прежде всего крестьяне, недовольные республикой за увеличеніе налоговъ [2]), враждебно настроенные по отношенію къ пролетаріату [3]), руководимые монархистами и клерикалами [4]), а также прельщенные громкимъ именемъ; французская политическая реакція, какъ и нѣмецкая [5]), опиралась на крестьянскую массу. Для пролетаріата имя принца Бонапарта было лозунгомъ противъ ненавистнаго Каваньяка. Мелкая буржуазія подавала голоса тоже противъ послѣдняго. Въ самой крупной буржуазіи сторонники монархической реставраціи были за Бонапарта. Въ ихъ числѣ были Тьеръ, Моле, Монталамберъ, даже Одилонъ Барро. Въ арміи одно имя этого кандидата возбуждало дорогія воспоминанія славы. Вообще на новаго президента возлагались самыя разнообразныя надежды, и одновременно съ воспоминаніями 1793 г. во Франціи воскресали и воспоминанія о Наполеонѣ I. Самъ президентъ долгое время оставался загадкою, и многіе считали его не такимъ, какимъ онъ оказался на самомъ дѣлѣ.

Принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ [6]) началъ свою карьеру въ рядахъ итальянскихъ революціонеровъ 1831 года. Въ 1836 и 1840 гг. онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими безумными

---

[1]) Это было указано еще Марксомъ въ 1850 г.
[2]) См. выше, стр. 496.
[3]) См. выше, стр. 500.
[4]) См. выше, стр. 497.
[5]) См. выше, стр. 561 и др.
[6]) Для послѣдующаго ср. выше, стр. 140—143 и 499.

выходками въ Страсбургѣ и Булони. За второе покушеніе онъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію. Около шести лѣтъ онъ провелъ въ заточеніи, но въ 1846 г. ему удалось бѣжать. Живя послѣ этого въ Лондонѣ, онъ написалъ „Наполеоновскія идеи", такъ сказать, бывшія его политическимъ исповѣданіемъ вѣры. Здѣсь перемѣшивались наполеоновскія традиціи съ принципами 1789 г., англійскіе политическіе взгляды съ отголосками соціальныхъ идей середины XIX в., принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ чисто романтическій обликъ. Въ 1848 г. принцъ возвратился во Францію и попалъ въ число членовъ учредительнаго собранія. Республиканская партія смотрѣла на него, какъ на человѣка весьма ограниченнаго, но когда его кандидатура стала пріобрѣтать успѣхъ, противъ нея были приняты мѣры, и въ памфлетахъ и каррикатурахъ республиканцевъ принцъ выставлялся совершеннымъ ничтожествомъ, достойнымъ лишь насмѣшки и презрительнаго сожалѣнія. На самомъ дѣлѣ, республиканцы ошибались, какъ ошибались и тѣ изъ его сторонниковъ, которые думали только о томъ, чтобы сдѣлать изъ него слѣпое орудіе своихъ плановъ. Людовикъ-Наполеонъ въ эту пору отличался большою простотою и даже скромностью въ обхожденіи, любезнымъ и покладистымъ характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большою сдержанностью и неразговорчивостью, вполнѣ гармонировавшими съ неподвижностью чертъ его лица и какою-то неопредѣленностью выраженія его тусклыхъ глазъ. По натурѣ это былъ мечтатель, вѣчно носившійся съ разными химерическими планами, которые онъ привыкъ создавать вдали отъ всякаго соприкосновенія съ дѣйствительностью и общенія съ людьми: до 1848 г. у него не было никакого практическаго дѣла, и около шести лѣтъ онъ провелъ въ уединеніи тюремнаго заключенія. Хотя онъ и чувствовалъ влеченіе къ теоретическому изложенію своихъ идей, онъ менѣе всего могъ бы назваться мыслителемъ вслѣдствіе нескладности и туманности своего ума. Его поведеніе тоже давало поводъ къ неблагопріятной оцѣнкѣ его личнаго характера. Онъ былъ очень привязанъ къ удовольствіямъ и былъ не особенно разборчивъ въ выборѣ способовъ удовлетворенія своихъ инстинктовъ,—даже, повидимому, готовъ былъ жертвовать имъ другими своими стремленіями. Въ практической жизни онъ проявлялъ нерѣдко большую нерѣшительность и часто поражалъ другихъ своими колебаніями. Но когда ему нужно было дѣйствовать, у него находились и ясно сознанная цѣль, и вѣрно расчитанныя средства, и холодная отвага; вообще у него былъ какой-то фатализмъ, какая-то вѣра въ свою судьбу и свое предназначеніе. Изъ идей своего времени онъ воспринялъ какое-то преклоненіе передъ народомъ, но народомъ, взятымъ совершенно абстрактно, и къ политическимъ собраніямъ у него было своего рода отвращеніе. Онъ не

любилъ и окружать себя людьми сколько-нибудь выдающагося характера и ума. Обмѣнъ мыслей вообще его тяготилъ, и ему нравились лишь люди, которые вѣрили въ его звѣзду. Вотъ почему около него тотчасъ же стали группироваться люди легкой наживы и безъ всякихъ принциповъ, разные проходимцы и авантюристы, которымъ онъ оказывалъ всякое покровительство [1]). Они изъ президента дѣйствительно умѣли извлекать личныя выгоды, но люди, которые его поддерживали, надѣясь сдѣлать его своимъ орудіемъ въ достиженіи тѣхъ или другихъ политическихъ плановъ, оказывались обойденными. Конечно, къ управленію государствомъ, для чего онъ былъ призванъ всенароднымъ голосованіемъ, онъ былъ приготовленъ очень мало. Токвиль, который былъ при немъ одно время министромъ иностранныхъ дѣлъ, удивлялся его малому знакомству съ тѣмъ, что̀ дѣлалось въ Европѣ, и вмѣсто фактовъ находилъ въ его умѣ фантазіи. Однимъ изъ его плановъ было войти въ соглашеніе съ какою-либо изъ великихъ нѣмецкихъ державъ, чтобы при ея помощи измѣнить границы, навязанныя Франціи въ 1815 г. Нужно прибавить, что въ своей внѣшней политикѣ онъ, по примѣру временнаго правительства [2]), вынужденъ былъ прибѣгать къ содѣйствію дипломатовъ старой школы. „Большая часть нашихъ заграничныхъ агентовъ, говоритъ Токвиль, креатуры монархіи, въ глубинѣ души страстно ненавидѣли правительство, которому служили, и отъ имени демократической и республиканской Франціи втайнѣ работали въ пользу реставраціи старыхъ аристократій и всѣхъ абсолютныхъ монархій Европы“, въ то самое время, какъ „другіе, выдвинутые февральской революціей изъ неизвѣстности, въ какой остались бы навсегда, поддерживали подъ рукою демагогическія партіи, съ которыми боролось само французское правительство.

20 декабря 1848 г. Людовикъ-Наполеонъ принесъ установленную присягу и въ особой рѣчи, произнесенной въ національномъ собраніи, далъ обѣщаніе, „какъ честный человѣкъ, исполнить свои обязанности“. Министерство, составленное президентомъ, заключало въ себѣ людей разныхъ оттѣнковъ отъ легитимистовъ и клерикаловъ (Фаллу) до представителей прежней династической лѣвой (Одилонъ Барро), но все это были въ то же время и представители консервативнаго большинства собранія. Посты начальника парижскаго гарнизона и національной гвардіи были соединены въ однѣхъ рукахъ

---

[1]) Эта характеристика написана на основаніи „Воспоминаній Токвиля“, который очень рѣзко аттестуетъ и ближайшихъ сторонниковъ Людовика-Наполеона.

[2]) Ср. выше, стр. 499.

(генерала Шангарнье), а полицейскимъ префектомъ, чего ранѣе не дѣлалось, былъ назначенъ военный. Президентъ переѣхалъ на жительство въ Елисейскій дворецъ, гдѣ онъ устроилъ настоящій монархическій дворъ и въ которомъ его величали не господиномъ президентомъ, а принцемъ. Въ Парижъ съѣхались члены фамиліи Бонапартовъ и ихъ многочисленные родственники. Всѣ они требовали себѣ мѣстъ и наградъ, хотя на первыхъ порахъ и довольствовались еще малымъ. Напримѣръ, дядя принца, бывшій вестфальскій король Іеронимъ, былъ сдѣланъ начальникомъ дома инвалидовъ съ весьма, впрочемъ, хорошимъ жалованьемъ.

Между началомъ президентства Людовика-Наполеона и государственнымъ переворотомъ, имъ совершеннымъ, прошло три года, бывшихъ постепеннымъ усиленіемъ реакціи. Весь этотъ періодъ былъ наполненъ борьбою между президентомъ и народнымъ представительствомъ, и многіе уже съ самаго начала предвидѣли возможность государственнаго переворота. И настроеніе націи, и общее положеніе дѣлъ, и характеръ конституціи, не говоря уже о личности самого президента, все подготовляло этотъ переворотъ. „Нація, говоритъ Токвиль, выбрала Людовика-Наполеона съ правомъ дерзать на все“ (pour tout oser). Самъ Токвиль признается, что во время выработки конституціи 1848 г. онъ болѣе стремился къ тому, чтобы „поскорѣе поставить во главѣ республики сильнаго главу (un chef puissant), чѣмъ выработать совершенную республиканскую конституцію. Не нужно забывать, прибавляетъ онъ, что соціализмъ стучался тогда въ нашу дверь, и что мы приближались къ іюньскимъ днямъ“ [1]). Токвиль, который самъ принималъ участіе въ конституціонномъ комитетѣ и былъ потомъ министромъ, отлично понималъ опасность всенароднаго избранія президента въ такой странѣ, какъ Франція съ ея монархическими традиціями и съ ея централизаціей. „Мы, говоритъ онъ, только-что выходили изъ монархіи, и даже самыя привычки республиканцевъ были монархическія. Мы, замѣчаетъ онъ еще, сохранили духъ монархіи, утративъ къ ней вкусъ. При такихъ условіяхъ чѣмъ могъ сдѣлаться президентъ, избранный народомъ, какъ не претендентомъ на корону?“ Теоретически Токвиля весьма интересовалъ вопросъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда въ такой республикѣ, какую устанавливали во Франціи, и онъ переходилъ отъ одного рѣшенія этого вопроса къ другому; но онъ не сомнѣвался въ томъ, что между законодательною и исполнительною властями произойдетъ борьба, и что результатомъ ея будетъ гибель республики. Самъ онъ, однако, говорилъ за выборъ президента на-

[1]) См. выше, стр. 506—508, гдѣ говорится объ отношеніи Токвиля къ іюньскимъ днямъ.

родомъ и потомъ раскаивался въ этомъ [1]). Впрочемъ, и впослѣдствіи Токвиль еще считалъ все-таки возможнымъ поддержать во Франціи существованіе республики, которую, какъ онъ думалъ, и нечѣмъ было бы замѣнить. Легитимная династія была глубоко антипатична громадному большинству французовъ, ненавидѣвшихъ старый порядокъ съ его старыми привилегированными классами, вернуться же къ Орлеанской фамиліи послѣ опыта, только-что сдѣланнаго съ нею, было немыслимо. Это значило бы немедленно снова поставить въ оппозицію высшіе классы и духовенство и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это уже было, оттолкнуть и народъ, оставивъ заботы и выгоды правленія среднимъ классамъ, доказавшимъ уже свою неспособность хорошо управлять Франціей. „Людовикъ-Наполеонъ, продолжаетъ Токвиль, былъ одинъ готовъ занять мѣсто республики, потому что власть уже была въ его рукахъ. Но что могло выйти изъ его успѣха, какъ не монархія-ублюдокъ (une monarchie batarde), презираемая образованными классами, враждебная свободѣ и управляемая интригами, авантюристами и лакеями". Токвиль думалъ, однако, что поддерживать республику будетъ трудно, такъ какъ „люди, которые ее любили, были въ большинствѣ случаевъ неспособны или недостойны ею управлять, а тѣ, которые были въ состояніи руководить ею, относились къ ней съ отвращеніемъ". Скоро, впрочемъ, онъ убѣдился, что именно въ перспективѣ была эта самая „monarchie batarde". Онъ поставилъ своей задачею бороться съ нею, но—таковы были противорѣчія этой эпохи—искалъ союза съ консерваторами и даже съ легитимистами, думая вмѣстѣ съ тѣмъ, что „единственнымъ средствомъ спасти свободу послѣ столь бурной революціи было ограничить эту свободу", т.-е. предпринялъ „спасти республику при помощи партій, которыя ея не любили". Средство, конечно, было плохое, но Токвиль не довѣрялъ французскимъ республиканцамъ и находилъ, что „тѣхъ, которые были достойны носить это имя", было между ними слишкомъ немного [2]). Въ концѣ концовъ Токвиль оставилъ министерство, когда убѣдился, что съ помощью консерваторовъ республики не учредишь, и что принцъ-президентъ прямо готовилъ себя въ наслѣдники этой республики.

Послѣ избранія президента учредительное собраніе продолжало сохранять власть еще въ теченіе пяти мѣсяцевъ слѣдующаго 1849 года. Оно окончило свои засѣданія лишь 26 мая, а 28 мая вступило въ отправленіе своихъ обязанностей національное собраніе, выбранное на основаніи конституціи 1848 г. Въ учредительномъ собраніи уже

---

[1]) „Je regrette d'avoir parlé dans cette occasion... Ce vote et sa grande influence est le souvenir le plus fâcheux, qui me soit resté de ce temps-là".

[2]) Ср. выше, стр. 271—278.

существовало весьма сильное меньшинство, которое было избрано подъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ и духовенства [1]), въ новомъ собраніи эта партія, усиленная голосами и роялистической буржуазіи, уже составляла большинство двухъ третей (около 500 изъ 750). Большинство учредительнаго собранія потерпѣло на майскихъ выборахъ 1849 г. рѣшительное пораженіе, такъ какъ было представлено въ законодательномъ собраніи лишь какими-нибудь семьюдесятью голосами. Среднюю по численности своей партію (около 180 голосовъ) составляли монтаньяры, заимствовавшіе свое названіе изъ воспоминаній первой революціи, у своихъ же противниковъ слывшіе подъ названіемъ „красныхъ“. Подобно тому, какъ монархическое большинство образовалось изъ союза клерикаловъ и легитимистовъ съ орлеанистами (съ Тьеромъ во главѣ), и монтаньяры включили въ свой составъ радикаловъ и соціалистовъ. Такъ какъ послѣ іюньскихъ дней 1848 г. въ націи господствовало реакціонное настроеніе, то всѣ усилія большинства были направлены на борьбу съ монтаньярами. Среди самихъ монархистовъ стала даже формироваться бонапартистская партія, которая главною своею цѣлью поставила противодѣйствіе „краснымъ“. Страхъ предъ монтаньярами сдѣлался господствующимъ настроеніемъ большинства французскаго общества. Дополнительные выборы 1850 г. усилили монтаньяровъ въ собраніи, и это только еще больше напугало консервативные элементы общества. Противъ монтаньяровъ дѣйствовало также и правительство съ президентомъ во главѣ. Пока засѣдало учредительное собраніе, президентъ былъ не въ ладахъ съ народнымъ представительствомъ. Оно, напримѣръ, крайне неодобрительно отнеслось къ римской экспедиціи, конечною цѣлью которой было возстановленіе власти папы. Ледрю-Ролленъ даже требовалъ отдачи подъ судъ президента республики и министровъ за нарушеніе конституціи, обѣщавшей не употреблять французскаго оружія для угнетенія другихъ народовъ, но дѣло окончилось только порицаніемъ итальянской политики правительства. Правительство, съ своей стороны, всячески поддерживало неблагопріятное отношеніе народа къ учредительному собранію и содѣйствовало агитаціи, требовавшей, чтобы оно сдѣлало постановленіе о своемъ распущеніи и объ избраніи законодательнаго собранія. Въ этомъ послѣднемъ реакціонное большинство сначала дѣйствовало въ полномъ согласіи съ президентомъ и министерствомъ, главнымъ образомъ имѣя противъ себя одного врага—„красную республику“. Результатомъ этого согласія былъ цѣлый рядъ реакціонныхъ мѣръ. Но президентъ начиналъ уже вести и свою собственную политику. По мѣрѣ того, какъ совокуп-

[1]) См. выше, стр. 497.

ными дѣйствіями правительства и собранія „краснымъ“ наносился одинъ ударъ за другимъ, среди самого большинства все болѣе и болѣе обострялся расколъ между партіей президента и возникшей противъ него монархической оппозиціей. Теоретическіе недостатки конституціи, къ числу которыхъ относилась неясность разграниченія сферъ законодательной и исполнительной властей, лишь облегчали возникновеніе конфликтовъ между президентомъ и собраніемъ и несогласій между обѣими консервативными партіями.

Въ эту эпоху постоянно усиливавшейся реакціи вся сила демократической оппозиціи сосредоточивалась въ партіи Горы. Въ составъ ея входили Ледрю-Ролленъ, кандидатъ въ президенты чистыхъ демократовъ; Распайль, кандидатъ соціалистовъ, сидѣвшій, впрочемъ, въ тюрьмѣ; Феликсъ Піа [1]), одинъ изъ наиболѣе основательныхъ критиковъ проекта о всенародномъ избраніи президента, требовавшій соціальныхъ реформъ, права на трудъ, введенія прогрессивнаго налога и т. п. Изъ прежнихъ вождей движенія многихъ уже не было на сценѣ. 2 апрѣля 1849 г. состоялся приговоръ суда, засѣдавшаго въ Буржѣ подъ охраною вооруженной силы по дѣлу о возстаніи 15 мая [2]). Къ отвѣтственности были привлечены Луи Бланъ, Коссидьеръ, Альбертъ, Барбесъ, Распайль и др. Первые двое спаслись бѣгствомъ въ Англію, другіе были приговорены къ тюремному заключенію или ссылкѣ. Въ началѣ 1849 г. демократы еще надѣялись добиться своего путемъ новаго возстанія. Уже 29 января 1849 г. была въ Парижѣ небольшая народная вспышка, подавленная правительствомъ. Въ самомъ началѣ законодательнаго собранія монтаньяры сдѣлали нападеніе на правительство по поводу римской экспедиціи. 11 іюня Ледрю-Ролленъ отъ имени своей партіи внесъ предложеніе о преданіи суду президента республики и министровъ за нарушеніе конституціи бомбардированіемъ Рима французскими войсками, но законодательное собраніе 12 іюня отвергло это предложеніе. Въ концѣ своей страстной рѣчи по этому поводу Ледрю-Ролленъ сказалъ даже, что въ крайнемъ случаѣ онъ вмѣстѣ съ своей партіей будетъ защищать конституцію съ оружіемъ въ рукахъ, и когда предсѣдатель собранія призвалъ его къ порядку, онъ сослался на статью конституціи, въ которой послѣдняя отдавалась подъ защиту патріотизма всѣхъ французовъ. 13 іюня въ радикальныхъ газетахъ появилось воззваніе, объявлявшее президента, его министровъ и часть національнаго собранія внѣ конституціи и приглашавшая національную гвардію, народъ и войско на защиту этой конституціи. Слѣдствіемъ

---

[1]) См. выше, стр. 338.
[2]) См. выше, стр. 498.

этого воззванія была большая народная демонстрація, во время которой Ледрю-Ролленъ и нѣкоторые члены его партіи собрались для того, чтобы организовать революціонное правительство, надѣясь на успѣхъ возстанія. Но оно немедленно было подавлено войскомъ (равно какъ и возмущеніе, вспыхнувшее въ Ліонѣ, гдѣ тоже вѣрили въ успѣхъ новаго парижскаго возстанія). На этотъ разъ пораженіе потерпѣла мелкая буржуазія, истиннымъ вождемъ которой былъ Ледрю-Ролленъ. Главные виновники этой революціонной попытки—Ледрю-Ролленъ, Феликсъ Піа, Викторъ Консидеранъ—спаслись бѣгствомъ за границу, другіе поплатились тюрьмой и ссылкой. Съ этого момента внутреннее спокойствіе во Франціи болѣе не нарушалось: это была послѣдняя вспышка революціи. Правительству и собранію она только дала поводъ принять рядъ мѣръ противъ печати и публичныхъ собраній. Во внѣшней политикѣ реакціонное направленіе французскаго правительства стало выступать теперь еще болѣе открыто. Французскимъ радикаламъ оставалось послѣ этого дѣйствовать только на выборахъ да прибѣгать къ прежнему средству тайныхъ обществъ.

Партія Горы опиралась преимущественно на мелкую буржуазію и имѣла противъ себя всѣ консервативныя силы націи. Ея вожди, пропитанные воспоминаніями 1793 г., плохо понимали положеніе вещей въ современномъ имъ обществѣ. Глава ея, Ледрю-Ролленъ, оттолкнулъ отъ себя пролетаріатъ въ іюнѣ 1848 г. [1]), и та часть пролетаріата, которая сознавала свои классовые интересы, на президентскихъ выборахъ подавала голоса не за него, а за Распайля. Вообще монтаньяры жили больше традиціями первой революціи и стремились нерѣдко рабски копировать дѣятелей конвента. Эту черту монтаньяровъ 1848—51 гг. отмѣчали въ свое время всѣ безпристрастные наблюдатели. Напримѣръ, у Герцена на этотъ счетъ въ его сужденіяхъ о тогдашнихъ французскихъ дѣлахъ есть превосходныя мѣста [2]). То же самое говоритъ и Марксъ въ своихъ Klassenkämpfe in Frankreich von 1848 bis 1850“ [3]). „Людовикъ-Наполеонъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, съ своею императорскою шляпой и своимъ орломъ [4]) пародировалъ Наполеона I не хуже, чѣмъ Гора 1849 г. пародировала своими фразами, взятыми на прокатъ изъ 1793 г., и своими демагогическими позами старую Гору“. Суевѣрное отношеніе къ традиціямъ 1793 г. (der traditionnelle Aberglauben an 1793) онъ ставитъ на одну доску съ традиціоннымъ культомъ Наполеона. Но и Гора, и Людовикъ-Наполеонъ были „лишь безжизненными каррикату-

[1]) См. выше, стр. 498 и 508—509.
[2]) См. выше, стр. 326.
[3]) См. выше, стр. 505.
[4]) Намекъ на mise en scène одного изъ покушеній принца Бонапарта.

рами (Zerrbilder) великихъ дѣйствительностей, названія которыхъ они носили". Съ этими указаніями двухъ соціалистовъ вполнѣ сходится и характеристика монтаньяровъ, сдѣланная Токвилемъ, который какъ-разъ въ эту пору былъ однимъ изъ министровъ президента. Это копированіе началось еще съ перваго періода второй республики, когда временное правительство подписало членамъ учредительнаго собранія надѣть костюмы членовъ конвента [1]). Указывая на подобныя подражанія, и Токвиль, подобно Марксу, замѣчаетъ, что монтаньяры гораздо менѣе соотвѣтствовали истинному духу революціи, чѣмъ соціалисты [2]). Оба писателя столь различныхъ направленій согласны въ томъ, что пораженіе демократіи было результатомъ отказа монтаньяровъ служить дѣлу пролетаріата. „Іюнь 1849 г., говоритъ Марксъ, былъ возмездіемъ за іюнь 1848 г." — „Въ 1848 г., говоритъ Токвиль, выступила армія безъ вождей, въ 1849 г.—вожди безъ арміи".

Постоянныя ссылки монтаньяровъ на эпоху террора и ихъ фразеологія, заимствованная опять-таки изъ временъ конвента, только усиливали реакціонное настроеніе большинства. Въ 1849 — 51 гг. цѣлый рядъ репрессивныхъ и ретроградныхъ мѣръ отразилъ на себѣ это настроеніе. Даже такой человѣкъ, какъ Токвиль, находилъ „мудрымъ и необходимымъ дѣлать въ этомъ отношеніи большія уступки страхамъ и законнымъ требованіямъ націи". Реакціонныя мѣры оправдывались правомъ общества на самозащиту, и депутаты, которые издавали законы, стѣснявшіе свободу, сваливали всю вину на людей, злоупотреблявшихъ этою свободою. Дѣятели, ранѣе стоявшіе въ оппозиціи іюльской монархіи, теперь заходили гораздо далѣе того, что позволяло себѣ правительство Людовика-Филиппа. Одилонъ Барро однажды даже воскликнулъ: „насъ губитъ законность!" (la légalité nous tue). Не говоря уже о прежнихъ реакціонерахъ, бывшіе оппозиціонные элементы поставили своею задачею охрану консервативныхъ интересовъ общества, лозунгомъ которыхъ выставлялись „собственность, семья, религія и порядокъ". Вслѣдъ за 13 іюня издаются законы противъ печати (введеніе газетнаго залога и право запрещать розничную продажу газетъ) и публичныхъ собраній, а также законъ,

---

[1]) См. выше, стр. 497.

[2]) Въ этомъ отношеніи его взглядъ вполнѣ совпадаетъ съ взглядомъ Маркса. Слова Токвиля: „les socialistes... répondaient plus exactement au vrai caractère de la révolution et aux seules passions qu'elle eût fait naître". Слова Маркса (по поводу заимствованія имени монтаньяровъ): „die Revolution war erst bei sich selbstangelang sobald sie ihren eigenen originellen Namen gewonnen hatte, und das konnte sie nur, sobald die moderne revolutionäre Klasse, das industrielle Proletariat, herrschend in ihren Vordergrund trat".

дававшій правительству большія полномочія относительно введенія осаднаго положенія. Въ 1850 г. собраніе принимаетъ законъ о народномъ образованіи, бывшій всецѣло созданіемъ клерикаловъ. Мысль объ обязательномъ и безвозмездномъ обученіи была отвергнута, и свѣтскіе преподаватели, какъ распространители ученій революціи и соціализма, были взяты подъ подозрѣніе; въ высшій учебный совѣтъ введены были представители духовенства, и префекты получили право (временное, правда) отставлять отъ должности всѣхъ учителей народныхъ школъ съ вреднымъ образомъ мыслей. Удерживая право государства контролировать всѣ учебныя заведенія, законъ во имя „свободы обученія“ отмѣнялъ монополію „университета“ [1]), но что эта отмѣна расчитана была въ пользу церкви, это явствуетъ изъ постановленія, по которому уже одна принадлежность къ духовенству безъ государственнаго экзамена и удостовѣренія въ способности давала право на преподаваніе. Правомъ открывать среднія и низшія школы воспользовались главнымъ образомъ разныя религіозныя корпораціи, а женское образованіе даже цѣликомъ попало въ руки монахинь. Авторомъ этого закона былъ клерикалъ Фаллу, въ 1849 г. занимавшій постъ министра народнаго просвѣщенія, но въ собраніи въ числѣ его защитниковъ выступилъ и Тьеръ. Такимъ образомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія клерикаламъ удалось достигнуть того, къ чему они тщетно стремились въ эпоху конституціонной монархіи [2]). Въ 1850 г. должны были произойти выборы на мѣста, сдѣлавшіяся вакантными по случаю осужденія на тюремное заключеніе или ссылку нѣсколькихъ депутатовъ за участіе ихъ въ возстаніи 13 іюня 1849 г. Выборы были благопріятны для радикаловъ, особенно въ Парижѣ. Это встревожило партію порядка. Правительство, не довольствуясь закономъ, дававшимъ ему право закрывать и запрещать всѣ собранія и общества, кромѣ избирательныхъ собраній, потребовало распространенія этого права и на послѣднія. Вмѣстѣ съ этимъ оно предложило издать законъ, который еще болѣе стѣснялъ печать, между прочимъ, дѣлая газеты болѣе дорогими возстановленіемъ штемпельной пошлины. Собраніе одобрило эти проекты, а второй изъ нихъ даже дополнило еще параграфами, предложенными двумя клерикальными депутатами: одинъ вмѣнялъ въ обязанность авторамъ статей религіознаго, философскаго или политическаго содержанія подписывать свои фамиліи подъ угрозой штрафа въ 500—1000 франковъ за появленіе статей безъ подписи и шестимѣсячнаго сверхъ того заключенія въ случаѣ ненастоящей подписи, другимъ же дополненіемъ устанавливался налогъ на газетный

[1]) Ср. выше, стр. 267.

[2]) См. выше, стр. 194—195 и 463—464.

фельетонъ, въ которомъ печатались непріятные для партіи порядка романы. Но важнѣе еще было то, что изъ среды самого собранія вышелъ проектъ ограничить всеобщую подачу голосовъ. Партія порядка испугалась, что въ концѣ концовъ это право приведетъ къ торжеству красныхъ безъ всякихъ возстаній и революцій. Главнымъ образомъ нужно было затруднить пользованіе этимъ правомъ для фабричныхъ рабочихъ, ремесленныхъ подмастерьевъ и поденщиковъ, которыхъ сорвавшееся у Тьера съ языка слово обозначило во время преній, какъ „низкую чернь“. Прямо отмѣнить всеобщую подачу голосовъ было невозможно, но можно было создать разныя ограниченія. Законъ 31 мая 1850 повышалъ съ шести мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ срокъ жительства въ одномъ мѣстѣ для пользованія избирательнымъ правомъ и лишалъ голоса лицъ, осужденныхъ за участіе въ тайныхъ обществахъ, мятежахъ и оскорбленіи властей. Этотъ законъ, результатомъ котораго должно было быть значительное уменьшеніе числа избирателей, коснулся не только городскихъ рабочихъ, но и части сельскаго населенія. Только при такомъ настроеніи французской націи сдѣлалась возможной и римская экспедиція, подавленіе республиканскаго движенія въ Италіи войсками республиканской Франціи. Одновременно съ этимъ французское правительство дѣлало все отъ него зависящее, чтобы помѣшать успѣху баденскихъ республиканцевъ. Въ обоихъ случаяхъ къ дѣлу приложилъ свою руку и Токвиль, хотя въ то же время онъ уже понималъ, куда клонилась политика президента.

Послѣ того, какъ красная республика была побѣждена, раздоръ начался между самими побѣдителями. Консервативное большинство распалось на союзъ монархическихъ партій и партію президента. При голосованіяхъ по вопросамъ, которые раздѣляли обѣ партіи, большинство составлялось случайное, смотря по тому, на чью сторону становились республиканцы. Были случаи соединенія послѣднихъ и съ монархистами, и съ партіей президента, а кромѣ того, были случаи и раздѣленія самого монархическаго союза на легитимистовъ и орлеанистовъ. Это давало возможность Людовику-Наполеону назначать въ министры людей, лично ему преданныхъ и исполнявшихъ только его волю. Страшная административная централизація, созданная Наполеономъ I, ставила въ полную зависимость отъ президента и его министровъ всѣ мѣстныя власти, начиная съ префектовъ и кончая сельской полиціей. Конституція 1849 г. ввѣрила военную силу государства президенту республики и его военному министру, и Людовикъ-Наполеонъ пользовался этимъ своимъ положеніемъ, чтобы создать себѣ въ арміи приверженцевъ. Ни реставрація, ни іюльская монархія не отличались милитаризмомъ, и армія какъ при Бурбонахъ, такъ и при Людовикѣ-Филиппѣ не играла большой роли.

Принцъ-президентъ, наслѣдникъ великаго военнаго имени, сознательно сталъ выдвигать на первый планъ армію, въ которой и всѣ консервативные элементы націи видѣли главную силу, только и поддерживающую внутренній порядокъ. Президентъ любилъ устраивать смотры солдатамъ и съ этою цѣлью предпринималъ даже поѣздки по провинціямъ. Все болѣе и болѣе начинало входить въ обычай привѣтствовать его криками: „да здравствуетъ Наполеонъ!“ Иногда ему приходилось даже слышать возгласъ: „да здравствуетъ императоръ!“ Осенью 1850 г. военный министръ отставилъ отъ должности генерала, давшаго приказъ солдатамъ молчать во время одного смотра, на которомъ присутствовалъ президентъ. Въ началѣ января 1851 г. Людовикъ-Наполеонъ отрѣшилъ отъ должности генерала Шангарнье, главнокомандующаго арміей и парижской національной гвардіей, за то, что онъ принялъ сторону указаннаго генерала. Шангарнье пользовался большимъ довѣріемъ у монархистовъ, и они, получивъ поддержку республиканцевъ, выразили недовѣріе министерству весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Главными пунктами столкновенія президента съ собраніемъ сдѣлались конституціонные вопросы. Конституція 1848 г. не допускала переизбранія президента республики на новый срокъ. Между тѣмъ Людовику-Наполеону хотѣлось продлить свою власть, и вотъ началась агитація въ пользу пересмотра конституціи, которую успѣшно вели президентская партія и администрація. Въ законодательное собраніе посылались адресы съ просьбами о пересмотрѣ, и собрано было болѣе милліона подписей. Въ самомъ собраніи были приверженцы пересмотра, а потому была назначена для обсужденія этого вопроса особая парламентская коммиссія, высказавшаяся въ пользу предложенія большинствомъ 9 голосовъ противъ 6. Докладчикомъ ея по этому вопросу былъ Токвиль, видѣвшій въ пересмотрѣ единственно возможный путь, чтобы избѣжать одной изъ неминуемыхъ бѣдъ— анархіи или узурпаціи, но „если бы собраніе отвергло пересмотръ, говорилъ онъ, нужно всѣми силами поддерживать существующую конституцію“. Хотя въ собраніи въ пользу проекта и состоялось большинство (446 противъ 278), но не такое, какого въ подобныхъ случаяхъ требовала конституція (три четверти голосовъ). Противъ пересмотра подавали голоса демократы и ревностные монархисты обѣихъ фракцій. Вскорѣ послѣ этого рѣшенія настало время парламентскихъ вакацій, и этимъ временемъ воспользовалась президентская партія, чтобы усилить агитацію въ странѣ, особенно же чтобы расположить въ пользу пересмотра генеральные совѣты. Дѣло велось такъ ловко, что почти всѣ генеральные совѣты высказались за пересмотръ. Срокъ полномочій президента истекалъ въ маѣ 1852 г., и очень

многіе боялись, что новые президентскіе выборы послужатъ только поводомъ для новыхъ смутъ, правительство же Людовика-Наполеона уже доказало свою способность справляться съ крамолою. Притомъ оппозиціонныя партіи не имѣли въ данную минуту никакихъ опредѣленныхъ программъ, которыя могли бы противопоставить программѣ партіи президента. Среди легитимистовъ и орлеанистовъ возникла было мысль о сліяніи (фузіонисты), но если бы даже послѣднее и удалось, думать о реставраціи было еще слишкомъ смѣло, республиканская же партія была въ полномъ разгромѣ. Правда, въ разныхъ мѣстахъ стали возникать тайныя общества, которыя пробовали организоваться, но ихъ было сравнительно мало, весьма часто они расходились между собою въ самыхъ существенныхъ пунктахъ своихъ программъ, а иногда слишкомъ уже они копировали старый карбонаризмъ своими эмблемами, обрядами и паролями. Результатами ихъ тайной агитаціи и сношеній съ заграничными революціонерами разныхъ національностей, нашедшихъ убѣжище въ Англіи и Швейцаріи, было то, что въ націи объ ихъ дѣятельности стали распространяться самые преувеличенные слухи, повидимому, нарочно поддерживавшіеся бонапартистами. Говорили, напримѣръ, что эти общества запасаются оружіемъ и заранѣе организуютъ революціонные суды и составляютъ списки ихъ будущихъ жертвъ, чтобы сдѣлать нападеніе на существующій порядокъ при президентскихъ выборахъ. Самъ Людовикъ-Наполеонъ оффиціально говорилъ объ обширномъ демагогическомъ заговорѣ, будто бы охватывавшемъ Францію и всю Европу. Этимъ самымъ онъ рекомендовалъ себя въ спасители „собственности, семьи, религіи и порядка“. Кандидаты оппозиціонныхъ партій (принцъ Жуанвильскій со стороны орлеанистовъ и Карно со стороны республиканцевъ) на успѣхъ не имѣли ни малѣйшихъ шансовъ. Притомъ могло случиться и такъ, что сама нація вторичнымъ выборомъ Людовика-Наполеона нарушила бы статью конституціи, которую собраніе не хотѣло отмѣнить, и на такой исходъ принцъ имѣлъ всѣ основанія расчитывать. Ему только нужно было подготовить для этого вполнѣ надежную почву, и вотъ онъ задумалъ потребовать у законодательнаго собранія отмѣны закона 31 мая о выборахъ. Этотъ законъ былъ весьма непопуляренъ въ массахъ, и начать агитацію противъ него значило сильно содѣйствовать подъему своей собственной популярности. Впрочемъ, если бы законъ и былъ приведенъ въ исполненіе, около трехъ милліоновъ гражданъ было бы исключено изъ права пользоваться избирательнымъ голосомъ: защищая ихъ интересы, можно было громадное ихъ большинство привлечь на свою сторону.

Осенью 1851 г. національное собраніе открыло снова свои засѣданія лишь 4 ноября. Президентъ обратился къ нему съ посланіемъ, въ

которомъ представлялъ Францію наканунѣ страшныхъ потрясеній и какъ-разъ въ то самое время, когда единственный спасительный принципъ, способный оказать сопротивленіе общественной опасности, потерпѣлъ ущербъ отъ закона 31 мая. Президентъ требовалъ, чтобы вопросъ объ отмѣнѣ этого закона былъ подвергнутъ немедленному обсужденію. Консервативное большинство, видѣвшее въ новомъ законѣ якорь спасенія противъ красной республики и думавшее, что Людовикъ-Наполеонъ хочетъ осуществить свои честолюбивые замыслы при помощи демократовъ и соціалистовъ, сначала не признало за предложеніемъ правительства неотложности, а потомъ (13 ноября) и самый проектъ былъ отвергнутъ незначительнымъ, правда, большинствомъ голосовъ. Вслѣдъ за этимъ произошелъ новый конфликтъ. Передъ самымъ открытіемъ осенней сессіи собранія президентъ образовалъ министерство исключительно изъ своихъ креатуръ, отдавъ постъ военнаго министра генералу Сентъ-Арно. Новый военный министръ первымъ дѣломъ обратился къ командирамъ отдѣльныхъ частей съ циркуляромъ, требовавшимъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія правительству. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ снять со стѣнъ въ казармахъ декретъ учредительнаго собранія, дававшій право предсѣдателю собранія призывать въ свое распоряженіе войска. Въ законодательномъ собраніи это вызвало бурю со стороны монархистовъ, которые потребовали, чтобы собраніе самымъ категорическимъ образомъ утвердило свое право распоряжаться военною силою. Монтаньяры, поддерживавшіе правительство въ вопросѣ о всеобщей подачѣ голосовъ, не хотѣли быть на сторонѣ монархистовъ по вопросу о военной силѣ, опасаясь государственнаго переворота въ монархическомъ духѣ или, по крайней мѣрѣ, не сочувствуя тому, чтобы „законъ 31 мая получилъ еще и оружіе“. По этому вопросу они голосовали съ бонапартистами и провалили своимъ содѣйствіемъ предложеніе о правѣ собранія пользоваться военною защитою (17 ноября). Черезъ какія-либо двѣ недѣли Людовикъ-Наполеонъ совершилъ государственный переворотъ.

Политическій кризисъ, приведшій къ coup d'état 2 декабря 1851 г., былъ вызванъ исключительно притязаніями принца-президента, а не какими-либо внутренними усложненіями въ жизни страны, а съ другой стороны, при тогдашнемъ настроеніи большинства націи Людовикъ-Наполеонъ, несомнѣнно, добился бы своего, и не прибѣгая къ насилію надъ законодательнымъ собраніемъ. Если одни изъ членовъ собранія послѣ вотума 17 ноября, предчувствуя государственный переворотъ, всю свою надежду возлагали на параграфы конституціи объ отвѣтственности президента и министровъ, то другіе для того, чтобы предотвратить какой-нибудь рѣшительный шагъ со стороны

Людовика-Наполеона, сами уже готовились снова поставить на очередь вопросъ о пересмотрѣ конституціи, чтобы тѣмъ самымъ создать возможность для удовлетворенія совершенно легальнымъ путемъ честолюбія принца. Отъ самого претендента на власть зависѣло теперь или дождаться спокойно того момента, когда эта власть будетъ вручена ему самою націей, или ускорить естественное наступленіе этого момента своимъ вмѣшательствомъ. Людовикъ-Наполеонъ предпочелъ пойти по этому послѣднему пути — повторить 18 брюмера своего дяди. И день для этого выбранъ былъ знаменательный въ исторіи Бонапартовъ—годовщина коронаціи Наполеона I и аустерлицкой битвы.

Главными дѣятелями переворота 2 декабря были корыстолюбивые и честолюбивые люди, связавшіе свою судьбу съ интересами претендента ради достиженія личныхъ цѣлей путемъ захвата власти. Въ министерствѣ, назначенномъ въ концѣ октября, самымъ преданнымъ Людовику-Наполеону агентомъ былъ военный министръ Сентъ-Арно, человѣкъ съ сомнительнымъ прошлымъ: когда-то онъ назывался Леруа, былъ изгнанъ изъ военной службы и вновь вступилъ въ армію, только перемѣнивъ свою фамилію. Въ войскѣ онъ пользовался популярностью, а національную гвардію онъ обезсилилъ, заранѣе сдѣлавъ нѣсколько перемѣнъ въ составѣ ея начальствующихъ лицъ. И въ будущемъ правительствѣ ему предназначалось мѣсто военнаго министра. Министерство внутреннихъ дѣлъ было предназначено для второго главнаго помощника переворота, Морни, считавшагося побочнымъ братомъ принца. Въ числѣ заговорщиковъ былъ и префектъ полиціи Мопа, содѣйствіе котораго было особенно важно. Въ замыселъ былъ посвященъ и начальникъ первой дивизіи, генералъ Маньянъ. Наконецъ, нужно назвать еще бывшаго унтеръ-офицера Персиньи, который еще въ Страсбургѣ и Булони оказывалъ свою помощь претенденту. Всѣ приготовленія къ перевороту сдѣланы были весьма искусно, но хотя при этомъ соблюдалась величайшая тайна, кое-что сдѣлалось извѣстнымъ, и въ иностранныхъ газетахъ прямо писали о предстоящемъ переворотѣ. Въ Парижѣ тоже говорили о coup d'état, но въ это время ходило столько разныхъ слуховъ, что на этотъ слухъ не обратили должнаго вниманія.

Въ ночь съ 1 на 2 декабря послѣ бала во дворцѣ президента республики Мопа, собравшій въ префектурѣ полиціи около тысячи городовыхъ по случаю якобы открытаго имъ заговора красныхъ, пригласилъ затѣмъ къ себѣ болѣе сорока полицейскихъ коммиссаровъ, устроивъ такъ, чтобы они не могли другъ съ другомъ переговариваться. Затѣмъ имъ было объявлено, будто уже совершился государственный переворотъ, о которомъ ходили слухи, и что теперь остается

лишь арестовать людей, не желающихъ признать новое правительство. Этими людьми, конечно, были наиболѣе видные и вліятельные члены законодательнаго собранія (генералы Шангарнье, Ламорисьеръ, Каваньякъ, Бедо, политическіе дѣятели Тьеръ, Лагранжъ, Викторъ Гюго, Базъ и др.), члены тайныхъ обществъ и кое-кто изъ народа, кого считали поопаснѣе. За всѣми такими лицами уже ранѣе былъ устроенъ тайный полицейскій надзоръ, который долженъ былъ облегчить аресты. Почти всѣ были захвачены врасплохъ, еще во время сна (въ 6 часовъ утра), и лишь немногіе (Ламорисьеръ, Бедо и Базъ) сдѣлали попытку сопротивляться. Одновременно самыя важныя въ военномъ отношеніи мѣста Парижа были заняты отрядами солдатъ въ виду возможности со стороны жителей возстанія. Ночью же были отпечатаны прокламаціи, изъ которыхъ населеніе и армія должны были узнать обо всемъ происшедшемъ. Эти прокламаціи были расклеены на стѣнахъ домовъ, чтобы къ утру все было готово. Отъ имени французскаго народа президентъ республики распускалъ законодательное собраніе и уничтожалъ государственный совѣтъ, возстановлялъ статью конституціи о всеобщей подачѣ голосовъ и призывалъ народъ къ новымъ выборамъ, но въ то же время Парижъ и десять ближайшихъ департаментовъ объявлялись въ осадномъ положеніи. Это нарушеніе конституціи оправдывалось особымъ воззваніемъ къ народу, въ которомъ законодательное собраніе представлялось скопищемъ заговорщиковъ, готовящихъ междоусобную войну: и самъ народъ призывался быть судьей между этимъ собраніемъ и избранникомъ шести милліоновъ голосовъ. Противъ людей, погубившихъ двѣ монархіи и хотѣвшихъ связать руки этому народному избраннику, чтобы низвергнуть и республику, президентъ поэтому апеллировалъ къ народу, какъ къ единственному государю, существующему во Франціи. Если народъ самъ хочетъ, чтобы продолжалась внутренняя смута, пусть выбираетъ другого президента, но если народъ желаетъ выйти изъ печальнаго положенія и довѣряетъ своему избраннику, то пусть же дастъ ему и средства исполнить ту задачу, которую онъ ему поставилъ, вручая власть. Конституція 1848 г. признавалась негодною, и были намѣчены необходимыя въ ней перемѣны, всѣ въ духѣ консульской конституціи VIII года [1]). Послѣдняя уже однажды „дала Франціи спокойствіе и порядокъ“, и французскій народъ приглашался отвѣтить своимъ „да“ или „нѣтъ“ на предложенныя измѣненія. Президентъ обѣщалъ при этомъ созвать новое національное собраніе и сложить передъ нимъ свою власть въ томъ случаѣ, если бы народъ отвѣтилъ отрицательно на его предложенія. Особая, въ высшей сте-

[1]) См. т. IV, стр. 89 и слѣд.

пени льстивая прокламація была составлена для арміи и прочитана утромъ 2 декабря во всѣхъ казармахъ. Въ ней между прочимъ говорилось солдатамъ о томъ, какъ тѣсно съ ними связано имя Наполеона, написанное въ ихъ сердцахъ. „Ваша исторія есть и моя исторія, заявлялъ Людовикъ-Наполеонъ. У насъ одно общее прошедшее, слава и несчастья. Въ будущемъ общими будутъ и наши заботы о спокойствіи и величіи Франціи".

Когда Парижъ проснулся 2 декабря, онъ съ изумленіемъ узналъ, что конституціи уже болѣе не существуетъ, и что власть находится въ рукахъ наслѣдника имени Наполеона. Дворецъ національнаго собранія съ ранняго утра былъ окруженъ солдатами; хотя многимъ депутатамъ, а въ ихъ числѣ и президенту собранія, туда удалось проникнуть, ихъ скоро заставили силою покинуть залу засѣданій. Другая часть депутатовъ, собравшаяся предварительно у одного изъ вице-президентовъ, подошла къ дворцу, но была встрѣчена штыками наперевѣсъ; многіе при этомъ получили легкія раны и подверглись другимъ насиліямъ. И тѣ, и другіе депутаты сошлись тогда въ меріи X-го округа, и туда же пришли депутаты, собравшіеся въ квартирѣ Одилона Барро, гдѣ составлена была прокламація, объявлявшая президента республики виновнымъ въ государственной измѣнѣ и потому лишеннымъ должности. Въ меріи X округа эта прокламація получила окончательную редакцію, и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось постановленіе, призывавшее національную гвардію X округа и парижскій гарнизонъ въ распоряженіе національнаго собранія. Передъ меріей собралась толпа народа, но скоро явились полиція и солдаты, которые арестовали всѣхъ депутатовъ: послѣдніе были потомъ развезены по разнымъ тюрьмамъ и фортамъ Парижа. Другой отрядъ солдатъ разогналъ членовъ высшаго суда въ тотъ самый моментъ, когда онъ приступилъ къ составленію прокламаціи о государственной измѣнѣ президента республики. Члены государственнаго совѣта нашли тоже мѣсто своихъ собраній занятымъ солдатами и вынуждены были сойтись въ другомъ мѣстѣ, чтобы составить и свой протестъ. Вездѣ, откуда только можно было ждать сопротивленія или протеста, стояли отряды солдатъ. Между прочимъ заняты были и типографіи, гдѣ печатались оппозиціонныя газеты.

Республиканцы все-таки рѣшились сопротивляться. Избѣжавшіе ареста депутаты изъ партіи монтаньяровъ въ союзѣ съ вождями тайныхъ обществъ стали организовать возстаніе въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ и прилегающихъ кварталахъ, но бороться съ 80 тысячами солдатъ было трудно. Въ ночь съ 2 на 3 декабря были устроены во многихъ мѣстахъ баррикады, и утромъ началась уличная борьба, во время которой на одной баррикадѣ былъ убитъ депутатъ Боденъ.

Новое правительство отвѣтило на попытку возстанія прокламаціей, въ которой обвиняло инсургентовъ въ стремленіи къ убійствамъ, грабежамъ и поджогамъ и грозило разстрѣливать всякаго, взятаго на баррикадахъ или съ оружіемъ въ рукахъ. Солдаты, которымъ щедро раздавались деньги и вино, дрались съ ожесточеніемъ и 4 декабря одержали наконецъ побѣду. Одна изъ послѣднихъ вспышекъ возстанія произошла подъ предводительствомъ Виктора Гюго. Одновременно съ войскомъ дѣйствовала и полиція, которая всѣ эти дни очень энергично занималась арестами. Возстаніе и потому не могло имѣть успѣха, что собственно народъ остался равнодушенъ къ перевороту и почти не принялъ участія въ борьбѣ, которую вела преимущественно буржуазія и интеллигенція. Только въ департаментахъ кое-гдѣ были сдѣланы попытки возстанія, но они были скоро усмирены. Правительство всюду распространяло убѣжденіе, что ведетъ борьбу противъ соціалистовъ, и что они только пользуются предлогомъ защиты конституціи, чтобы путемъ убійствъ, поджоговъ и грабежей начать низверженіе собственности, семьи, религіи и общественнаго порядка. Новая власть не останавливалась ни передъ какими средствами для того, чтобы сломить всякое сопротивленіе. Для устрашенія военные отряды даже прошли въ Парижѣ по большимъ бульварамъ и стрѣляли въ безоружныхъ прохожихъ и зрителей. По случаю декабрьскаго переворота было арестовано болѣе 26 т. человѣкъ, изъ которыхъ потомъ около 10 т. было сослано въ Алжиръ, около 3 т.—посажено въ тюрьму болѣе 5 т.—отдано подъ надзоръ полиціи и т. п., а меньшія партіи сосланы въ Кайенну или высланы изъ предѣловъ Франціи. Высылались на границу (часто съ жандармами) депутаты, арестованные 2 декабря и въ слѣдующіе дни. Между ними были самые видные политическіе дѣятели разныхъ партій: Тьеръ, Эмиль де-Жирарденъ, Дювержье де-Гораннъ, Шангарнье, Каваньякъ и др. Въ числѣ изгнанниковъ былъ и Викторъ Гюго, сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ заклятыхъ враговъ узурпатора. Въ своемъ „Napoléon le Petit“ онъ заклеймилъ виновника 2 декабря, какъ самаго гнуснаго тиранна, разбойника и врага человѣческаго рода, назвавъ соучастниками въ его преступленіи всѣхъ, которые признали его власть,—и судей, и чиновниковъ, и самый народъ; противъ него же направилъ онъ свои знаменитые „Châtiments“; позднѣе (въ концѣ семидесятыхъ годовъ) онъ разсказалъ событія этихъ дней въ своей „Исторіи одного преступленія“. Когда для изгнанниковъ 1852 г. была объявлена амнистія, Викторъ Гюго не пожелалъ воспользоваться ею и вернулся на родину изъ изгнанія лишь въ 1870 г.

Разстрѣливая, сажая въ тюрьмы и ссылая или изгоняя противниковъ, правительство 2 декабря всячески ласкало и награждало

солдатъ. Другою общественною силою, у которой видимо заискивало правительство, было духовенство. Народнымъ голосованіемъ 20 и 21 декабря французская нація приняла предложенія президента семью съ половиною милліоновъ утвердительныхъ отвѣтовъ противъ 647 тысячъ отрицательныхъ. Когда Людовику-Наполеону были поднесены результаты народнаго голосованія, къ нему немедленно явился съ своими поздравленіями дипломатическій корпусъ (31 декабря), а на другой день, бывшій первымъ днемъ новаго, 1852 года, въ церкви Парижской Богоматери духовенство отслужило благодарственный молебенъ, на которомъ уже молилось за Наполеона (Domine, salvum fac Napoleonem). Папа съ своей стороны написалъ начальнику французскаго отряда въ Римѣ письмо, призывая въ немъ благословеніе Божіе на виновника радостнаго событія 2 декабря. Около этого же времени Людовикъ-Наполеонъ переселился на жительство въ дворецъ французскихъ королей.

14 января 1852 г. появилась новая конституція, которая была „дана въ силу полномочій, врученныхъ французскимъ народомъ Людовику-Наполеону Бонапарту всенароднымъ голосованіемъ 20 и 21 декабря“. Эта конституція, лишь основанія которой были утверждены народомъ, была измѣненнымъ произведеніемъ конституціи VIII года съ послѣдующими ея дополненіями. Именно она должна была сочетать принципъ народовластія съ учрежденіями единоличнаго правленія. Первая же статья этой конституціи „признавала, утверждала и обезпечивала великіе принципы, провозглашенные въ 1789 году и составляющіе основу публичнаго права французовъ“. Извѣстно, что въ числѣ принциповъ 1789 года одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ заявленію о томъ, что одинъ народъ долженъ пользоваться верховною властью. Этимъ принципомъ народнаго верховенства конституція 1852 года воспользовалась лишь для того, чтобы на широкой основѣ всенароднаго избранія основать единоличную власть президента республики. Народъ ввѣрялъ правленіе президенту (ст. 2), а президентъ долженъ былъ править при посредствѣ министровъ, государственнаго совѣта, сената и законодательнаго корпуса (ст. 3). Въ этихъ послѣднихъ названіяхъ мы даже прямо видимъ подражаніе такъ называемымъ конституціямъ имперіи [1]). Вопреки конституціонному принципу неотвѣтственности главы государства и, наоборотъ, отвѣтственности министровъ, конституція 1852 года признавала отвѣтственность президента республики предъ народомъ (ст. 5), министры же объявлялись зависящими исключительно отъ главы государства (ст. 13). Правда, и сѣверо-американская конституція признаётъ отвѣтствен-

[1]) См. т. IV, стр. 95.

ность президента и зависимость министровъ исключительно отъ него одного (а не отъ парламентскаго большинства), но въ Америкѣ осуществленіе этого принципа обезпечивается правомъ палаты депутатовъ возбуждать противъ президента обвиненіе и правомъ сената судить президента, тогда какъ отвѣтственность президента республики по французской конституціи 1852 года заключалась въ правѣ президента апеллировать къ народу (ст. 5), т.-е. обращаться къ нему за плебисцитами, результаты которыхъ, какъ показывалъ опытъ [1]). заранѣе всегда можно было предвидѣть. При такой системѣ, конечно, не могло быть и рѣчи о такъ называемомъ парламентарномъ министерствѣ въ смыслѣ солидарнаго кабинета, зависящаго отъ большинства народныхъ представителей. Министры не только объявлялись подчиненными лишь главѣ государства, но и не могущими находиться въ солидарныхъ отношеніяхъ между собою: Il n'y a point de solidarité entre eux, прямо гласитъ ст. 13 конституціи. Понятно, что такіе министры могли быть только слѣпыми орудіями президентской воли, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ (наравнѣ, впрочемъ, съ государственнымъ совѣтомъ, законодательнымъ корпусомъ и сенатомъ, а также со всѣми военными, судьями и чиновниками) требовалась присяга въ „повиновеніи конституціи и *вѣрности* президенту“ (ст. 14). Президентъ республики, какъ глава государства, начальствовалъ надъ сухопутными и морскими силами, объявлялъ войну, заключалъ мирные, союзные и торговые договоры, назначалъ на всѣ должности, издавалъ регламенты и декреты, необходимые для исполненія законовъ (ст. 6). Правосудіе отправлялось отъ его имени (ст. 7). Ему одному принадлежала иниціатива законовъ (ст. 8). Онъ имѣлъ право объявлять осадное положеніе въ одномъ или нѣсколькихъ департаментахъ (ст. 12). Что касается до конституціонныхъ учрежденій, то положеніе ихъ вполнѣ было подчиненное. Члены государственнаго Совѣта назначались и смѣнялись президентомъ (ст. 48). Подъ его руководствомъ государственный совѣтъ долженъ былъ изготовлять законопроекты, административные регламенты и разрѣшать трудности, возникающія въ области управленія (ст. 50), а также защищать отъ имени правительства законопроекты въ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ (ст. 51). Законодательный корпусъ долженъ былъ состоять изъ депутатовъ, избранныхъ всеобщею подачею голосовъ, причемъ они выбирались на шесть лѣтъ (ст. 38) и не получали никакого жалованья. Президентъ и вице-президенты законодательнаго корпуса съ жалованьемъ назначались президентомъ республики (ст. 43). Хотя засѣданія законодательнаго корпуса были объявлены

[1]) См. т. III, стр. 610 и т. IV, стр. 93, 101 и 237.

публичными (ст. 41), обнародованію подлежали лишь оффиціальные протоколы (ст. 42). Это учрежденіе было лишено законодательной иниціативы; оно только вотировало законы и налоги (ст. 39), но не могло дѣлать никакихъ поправокъ въ законопроектахъ (ст. 40). Министры не могли быть членами законодательнаго корпуса. Таковы были права народнаго представительства по конституціи 1852 года. Если мы примемъ еще въ расчетъ, что введена была система оффиціальныхъ кандидатуръ и административнаго давленія на выборахъ, то увидимъ, что это представительство было чисто призрачнымъ. Наконецъ, конституціей 1852 года установлялся еще сенатъ, и онъ долженъ былъ состоять, во-первыхъ, изъ кардиналовъ, маршаловъ и адмираловъ и, во-вторыхъ, изъ гражданъ, назначенныхъ пожизненно президентомъ республики (ст. 20, 21). Хотя въ принципѣ сенаторамъ не полагалось жалованья, однако, президенту республики дозволялось назначать сенаторамъ „личныя дотаціи“ до 30.000 франковъ въ годъ (ст. 22). Сенатъ объявлялся „стражемъ основного договора и общественныхъ вольностей“ (ст. 25), а именно, ему предоставлялось право противиться обнародованію законовъ, наносящихъ ущербъ конституціи, религіи, морали, индивидуальной свободѣ, гражданскому равенству, неприкосновенности собственности, несмѣняемости судей или защитѣ территоріи (ст. 26). На самомъ дѣлѣ, эти права сената остались такою же мертвою буквою, какою были аналогичныя права сената временъ первой имперіи [1]). Далѣе сенату давалось право посредствомъ такъ называемыхъ сенатусъ-консультовъ дѣлать постановленія по всѣмъ вопросамъ, которые не были предусмотрѣны конституціей, но рѣшеніе которыхъ необходимо для ея дѣйствія, или же которые являлись болѣе или менѣе спорными (ст. 27). Сенатъ могъ дѣлать предложенія относительно перемѣнъ въ конституціи, и если предложеніе принималось исполнительною властью, оно въ качествѣ сенатусъ-консульта входило въ силу (ст. 31). Наконецъ, въ случаѣ роспуска законодательнаго корпуса, право на который принадлежало президенту республики (ст. 46), до созыва новаго законодательнаго корпуса сенатъ, по предложенію президента республики, имѣлъ право принимать чрезвычайныя мѣры, необходимыя для правительственной дѣятельности (ст. 33). Другими словами, всѣ эти статьи дѣлали и изъ сената простое орудіе власти президента республики. Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ первыхъ примѣненій права сената издавать сенатусъ-консульты было возведеніе органическимъ сенатусъ-консультомъ 7 ноября 1852 года принца Людовика-Наполеона Бонапарта въ императоры французовъ подъ именемъ Наполеона III.

---

[1]) См. т. IV, стр. 101—102.

Конституція 1852 г. ввѣряла президенту власть на десять лѣтъ, но не прошло, какъ мы только-что видѣли, и полнаго года со дня введенія конституціи, какъ Людовикъ-Наполеонъ сдѣлался императоромъ французовъ. Весь 1852 г. прошелъ въ подготовленіи этой перемѣны. 29 февраля происходили выборы въ законодательный корпусъ, число членовъ котораго было сокращено до 261 (по одному депутату на 35 т. жителей). Были выставлены оффиціальныя кандидатуры, и администрація поддерживала ихъ самымъ энергичнымъ образомъ, такъ что почти всѣ мѣста (за исключеніемъ какихъ-нибудь 5—6) достались бонапартистамъ. Избирательныя собранія были крайне стѣснены. Правительство дѣятельно „очищало“ служебный персоналъ отъ непріятныхъ людей и все болѣе и болѣе располагало въ свою пользу армію и духовенство. 2 декабря была введена цензура, которая была, правда, скоро отмѣнена, но только для того, чтобы облечь правительство правомъ давать и брать назадъ разрѣшенія на изданіе любой газеты; вмѣстѣ съ тѣмъ залогъ и штемпельная пошлина были повышены. Лѣтомъ Людовикъ-Наполеонъ предпринялъ путешествіе по Франціи, бывшее для него цѣлымъ рядомъ тріумфовъ, и въ Бордо онъ самъ провозгласилъ: „имперія, это—миръ“ (l'empire, c'est la paix). Искусственно поддерживаемая чиновниками агитація вызвала подачу адресовъ о скорѣйшемъ возстановленіи имперіи. По возвращеніи въ Парижъ Людовикъ-Наполеонъ обратился къ сенату съ проектомъ въ этомъ же смыслѣ, ссылаясь на общее желаніе народа. 7 ноября сенатъ постановилъ, а 21 числа того же года народъ 7.824.189 голосами противъ 250.145 утвердилъ возстановленіе имперіи (причемъ было подано 63.326 пустыхъ бюллетеней). Наконецъ, въ годовщину государственнаго переворота произошло торжественное провозглашеніе „Наполеона III, милостію Божіею и волею народа императоромъ французовъ“. Новая французская имперія по мысли ея основателя была цезаристической организаціей демократіи.

Случилось то, что̀ предсказывалъ для демократіи своей родины Токвиль еще въ то время, когда во Франціи едва ли кто думалъ о возможности такихъ переворотовъ, какъ 24 февраля и 2 декабря. Вопросъ о томъ, почему Франція, которая совершила столько революцій и пролила столько крови съ цѣлью добиться политической свободы, опять подпала подъ иго цезаризма, конечно, долженъ былъ заставить глубоко задуматься всѣхъ мыслящихъ людей. На этотъ вопросъ взялись отвѣтить два выдающихся историка, Кинэ и Токвиль, указавшіе въ своихъ трудахъ „La Révolution“ и „L'ancien régime et la révolution“ на то, что все предыдущее политическое развитіе Франціи совершилось въ направленіи, неблагопріятномъ для политической свободы, и что принципъ равенства игралъ въ политическихъ

движеніяхъ Франціи гораздо болѣе важную роль, чѣмъ принципъ свободы [1]). Въ данномъ случаѣ Токвилю приходилось только развивать въ примѣненіи къ исторіи своей родины главныя идеи, выраженныя имъ въ сочиненіи объ американской демократіи. Послѣ своей неудачи, какъ политическаго дѣятеля 1848 и 1849 гг., онъ снова вернулся къ болѣе сроднымъ его уму и характеру научнымъ занятіямъ и написалъ одно изъ самыхъ важныхъ сочиненій по исторіи французской революціи, проливающее свѣтъ и на исторію Франціи въ первой половинѣ XIX вѣка.

[1]) См. т. III, стр. 8.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ И ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

XXV. Общая реакція пятидесятыхъ годовъ [1]).

Характеръ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ сравнительно съ тридцатыми и сороковыми.—Союзъ консервативныхъ силъ.—Роль Франціи, Австріи и Россіи.—Возстановленіе союзнаго сейма и реакція въ Германіи.—Прусская реакція.—Политическая теорія Шталя.—Австрійская реакція.—Реакція въ Италіи.—Эмиграція. — Реакціонная роль папства. — Усиленіе клерикализма.—Конецъ остраго періода реакціи.

Революціонныя движенія 1848 и 1849 годовъ были подготовлены всѣмъ общественнымъ развитіемъ со временъ іюльской революціи и даже предшествовавшаго ей десятилѣтія. Слѣдующій періодъ западно-европейской исторіи, охватывающій пятидесятые и шести-

---

[1]) Для международной политики см. книгу *Debidour'a*, указывавшуюся раньше (стр. 1). — *Rothan.* L'Europe et l'avenement du second empire. — Для реакціи въ Германіи: *Stirner.* Geschichte der Reaction. 1852.—*B. Becker.* Die Reaction in Deutschland gegen die Revolution von 1848 beleuchtet in socialer, nationaler und statistischer Beziehung. 1873. *А. Назимовъ.* Реакція въ Пруссіи (1848 — 1858). 1886.—*J. Fischer.* Preussen am Abschluss der ersten Hälfte des XIX Jahrhunderts. 1878. — Анонимная статья Preussen seit Abschluss des Staatsgrundgesetzes bis zur Einsetzung der Regenschaft (въ „Unsere Zeit.", Jahrbuch zum Conversations-Lexicon 1862).—*E. Lasker.* Zur Verfassungsgeschichte Preussens. 1874.—*Bethmann-Hollweg.* Die Reactivierung der preussischen Provinziallandtage. 1851. — *Gräfe.* Der Verfassungskampf in Kurhessen. 1851. — *Pfaff.* Das Trauerspiel in Kurhessen. 1851. — *Fr. Müller.* Kassel seit siebzig Jahren. 1876—1879.—*Bernstein.* Revolutions- und Reactionsgeschichte. 1882.—*Helfert.* Geschichte Oesterreichs vom Ausgange des Wiener Oktobereaufstandes. 1869—1885.—*Rogge.* Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart. 1872—1873.— По вопросу о вліяніи австрійской реакціи на судьбу славянъ — сочиненія *Гильфердинга* (см. выше, стр. 395). — Для реакціи въ Италіи см. указанія на стр. 569 и ниже въ главѣ объ объединеніи Италіи. — О церковныхъ дѣлахъ— *Ch. Baur.* Kirchengeschichte des XIX Jahrhunderts. 1877.—*Nielsen.* Исторія пап-

десятые годы до 1870—71 гг., когда произошло паденіе второй имперіи и завершилось объединеніе Италіи и Германіи, въ сравненіи съ періодомъ предыдущимъ является эпохою реакціи, гораздо болѣе бѣдною историческимъ значеніемъ сравнительно съ предыдущимъ двадцатилѣтіемъ. Эпоха второй имперіи, провозгласившей себя равносильной миру, была снова временемъ постоянныхъ войнъ, какъ и первая имперія. Времена реставраціи и іюльской монархіи отличались большимъ миролюбіемъ въ международныхъ отношеніяхъ Западной Европы, но послѣ перехода власти къ Наполеону III снова наступаетъ время кровавыхъ международныхъ столкновеній, вызванныхъ между прочимъ (но только между прочимъ) вопросомъ о національностяхъ, который былъ поставленъ революціей 1848 г. Въ 1853—1856 гг. происходитъ крымская война, въ 1859—итальянская; въ 1863 г. европейскою войною грозитъ вопросъ польскій; въ 1864 г. Австрія и Пруссія ведутъ войну съ Даніей, а въ 1866 г. вступаютъ въ вооруженную борьбу и между собою; наконецъ, въ 1870 г. начинается франко-прусская война, за окончаніемъ которой въ 1871 г. слѣдуетъ современный періодъ „вооруженнаго мира“. Въ началѣ новаго періода войнъ знаменитый Бокль писалъ свою „Исторію цивилизаціи въ Англіи“, обширное историко-философское сочиненіе, въ которомъ онъ между прочимъ говорилъ о благотворномъ вліяніи просвѣщенія на характеръ международныхъ отношеній. Именно онъ ссылался на то, что послѣ 1814—15 г. Европа пользовалась благами мира, и что если въ ней еще происходитъ война, то лишь между самыми отсталыми государствами (Турціей и Россіей). Дѣйствительность опровергла выводы историка, а въ 1870 г. война произошла какъ-разъ между двумя наиболѣе просвѣщенными націями европейскаго материка. Но по отношенію къ внутреннему развитію два десятилѣтія, предшествовавшихъ революціи 1848 г., были гораздо болѣе живымъ временемъ, чѣмъ два десятилѣтія, слѣдовавшія за подавленіемъ этой революціи. О пятидесятыхъ годахъ и говорить нечего: это было время самой мрачной реакціи, какой, пожалуй, не было даже послѣ 1830 г. Нѣкоторое оживленіе начинается лишь въ самомъ концѣ этого реакціоннаго десятилѣтія. О шестидесятыхъ годахъ на западѣ Европы нельзя судить по тому, что̀ дѣлалось тогда у насъ въ Россіи, въ эту эпоху нашего воз-

---

ства въ XIX в. 1880. — *Nippold.* Handbuch der neuesten Kirchengeschichte. 1883—1892.—*Brück.* Geschichte der katholischen Kirche im XIX Jahrhundert. 1887—1896.—*H. Schmid.* Geschichte der katholischen Kirche in Deutschland von der Mitte des XVIII Jahrhunderts bis in die Gegenwart 1872—1874.—*Debidour.* Hist. des rapports de l'église et de l'état en France au XIX s. 1898.—Ср. также сочиненія о папѣ Піи IX, указанныя выше. — Отмѣтимъ еще „Съ того берега“ Герцена, превосходно рисующее настроеніе послѣ неудачи, которая постигла революцію 1848 г.

рожденія и великихъ реформъ. Конечно, въ сравненіи съ пятидесятыми годами и на Западѣ шестидесятые года были временемъ болѣе живымъ, но ихъ идейное содержаніе было менѣе оригинально и не такъ богато, какъ идейное содержаніе сороковыхъ годовъ. Неудача движенія 1848 г. нанесла сильный ударъ всему духовному и общественному развитію Западной Европы, достигшему наивысшей своей точки въ сороковыхъ годахъ. Пышныя надежды смѣнились горькими разочарованіями, и внѣшнія условія сдѣлались менѣе благопріятными. Какъ послѣ неудачи великой революціи конца XVIII вѣка не сразу была возобновлена прерванная реакціей нить развитія, такъ и послѣ революціи середины XIX вѣка не сразу могло возвратить себѣ силу то общественное движеніе, которое дѣлаетъ столь содержательною исторію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Въ виду этого и намъ приходится посвятить временамъ второй имперіи гораздо меньше мѣста, чѣмъ временамъ іюльской монархіи; особенно мало придется говорить о первой половинѣ этого періода.

Революція была побѣждена въ серединѣ 1849 г. окончательно. Послѣдними ея вспышками были республиканскія возстанія въ Германіи, подавленныя въ маѣ и іюнѣ, республиканская попытка въ Парижѣ 13-го іюня, римская республика, которой конецъ былъ положенъ въ іюлѣ, и венгерская революція, побѣжденная въ августѣ. Побѣда была на сторонѣ консервативныхъ силъ. Прежде всего это были государи, которые не хотѣли утратить своей прежней власти и выступили одновременно и противъ политическаго движенія, принявшаго республиканскій характеръ, и противъ національнаго объединенія Германіи и Италіи. Нѣмецкая и итальянская націи были возвращены къ прежнему своему положенію раздробленности и безсиліи, и одновременно съ этимъ произошла реакція противъ представительнаго образа правленіи, завершившаяся возстановленіемъ во Франціи наполеоновскаго самовластія. Это представительное правленіе въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи было достояніемъ лишь самой зажиточной части націи, но движеніе 1848 г. отличалось рѣзко выраженнымъ демократическимъ характеромъ, что̀ бросило въ ряды реакціи и бо̀льшую часть имущихъ классовъ, особенно послѣ того, какъ стало совершенно ясно, что за политическимъ радикализмомъ, отстаивавшимъ права народной массы на участіе въ государственной власти, уже выступала соціальная демократія, требовавшая передѣлки самого экономическаго строя общества. „Красный призракъ“ и сдѣлался тѣмъ факторомъ, который дозволилъ совершиться политической реакціи, въ свою очередь повлекшей за собою и паденіе національныхъ стремленій. Наиболѣе сильнымъ и строгимъ преслѣдованіямъ въ эту эпоху подвергся соціализмъ, который встрѣтилъ одинаковый отпоръ и со стороны пра-

вительствъ, и со стороны имущихъ классовъ общества. На этой почвѣ представители абсолютизма готовы были итти на уступки умѣренному либерализму, когда этимъ можно было купить содѣйствіе либераловъ противъ демократіи, и сами либералы не прочь были поступаться своими принципами въ пользу сильной власти, если послѣдняя обезпечивала порядокъ. Реакція, наступившая послѣ 1830 года, имѣла преимущественно правительственный характеръ, и наоборотъ, революція 1830 года знаменовала собою прекращеніе общественной реакціи, которою характеризуется періодъ реставраціи [1]). Теперь снова реакція овладѣла обществомъ. Соціальная демократія грозила „собственности, порядку и религіи", и этимъ опредѣлялась политика консервативныхъ интересовъ. Порядокъ нуженъ былъ для охраны угрожаемой собственности, религія—для упроченія порядка, совершенно такъ же, какъ это было въ эпоху реакціи, вызванной великой французской революціей и ея непосредственными слѣдствіями [2]).

Яснѣе всего наблюдается это направленіе во Франціи, гдѣ на сторону порядка, представителемъ котораго сдѣлался Наполеонъ III, перешли многіе люди, считавшіе раньше парламентскую систему истинною основою гражданской свободы, и гдѣ самый этотъ порядокъ сталъ искать опоры не только въ штыкахъ преданной арміи, но и въ католическомъ духовенствѣ, которому правительство дѣлало всевозможныя уступки. До 2 декабря 1851 г. положеніе дѣлъ во Франціи считалось все-таки непрочнымъ, и это вызывало опасенія у всѣхъ защитниковъ консервативныхъ интересовъ за границей. Когда тамъ узнали о государственномъ переворотѣ, вездѣ вздохнули легче. Недаромъ представители иностранныхъ дворовъ въ Парижѣ поспѣшили поздравить новаго владыку Франціи и выразить ему чувства признательности и даже удивленія. Недаромъ радовался и папа — и посылалъ благословеніе новому защитнику религіи. Только принятіе Людовикомъ-Наполеономъ императорскаго титула и имени Наполеона III непріятно задѣло иностранные дворы. Это было нарушеніемъ договоровъ 1815 года, навѣки устранявшихъ династію Бонапартовъ отъ занятія французскаго престола, а Наполеонъ называлъ себя вдобавокъ Третьимъ, тѣмъ самымъ признавъ законность правъ Наполеона II, никогда не царствовавшаго и не бывшаго признаннымъ другими державами. Съ другой стороны, законные монархи были оскорблены, что такой выскочка, какимъ былъ новый французскій повелитель, присвоивалъ себѣ высшій монархическій титулъ. Императоръ Николай I, одобрившій государственный переворотъ, уже напередъ высказался противъ того,

[1]) См. выше, стр. 340 и слѣд.

[2]) См. т. III, стр. 645 и слѣд. и т. IV, глава XIII.

чтобы принцъ-президентъ сталъ называться императоромъ, но когда и ему по примѣру другихъ государей пришлось признать совершившійся фактъ, то онъ обратился къ Наполеону III не какъ къ „дорогому брату“ (обычное обращеніе въ личной перепискѣ государей), а какъ къ „доброму другу“. Императоръ-выскочка долженъ былъ знать свое мѣсто среди старыхъ монархій, и ни одинъ княжескій родъ не согласился на то, чтобы выдать какую-либо изъ своихъ принцессъ за него замужъ и ему пришлось взять себѣ въ жены испанскую дворянку Евгенію Монтихо (1853). Но иностранные дворы все-таки не рѣшились не признать Наполеона III, такъ какъ онъ былъ представителемъ порядка и далъ обѣщаніе, что поставитъ задачею своей иностранной политики охрану мира. Въ глазахъ реакціонеровъ и консерваторовъ всѣхъ странъ Наполеонъ III сдѣлался настоящимъ „спасителемъ общества“, его имперія—оплотомъ противъ демагогическихъ замысловъ.

Изъ всѣхъ правительствъ, которыя привѣтствовали государственный переворотъ 2 декабря, болѣе всего ликовало правительство австрійское. Руководителемъ политики вѣнскаго двора съ ноября 1848 г. былъ князь Шварценбергъ, который сдѣлался настоящимъ министромъ реакціи. Въ то время нельзя было еще предугадать, что внѣшняя политика Наполеона III приметъ по отношенію къ Австріи революціонный характеръ, и Шварценбергъ видѣлъ въ Наполеонѣ III только искуснаго и сильнаго дѣятеля реакціи. Вотъ почему онъ самымъ яснымъ образомъ выражалъ свое сочувствіе новому французскому правительству. Онъ находилъ, что у обоихъ правительствъ врагъ одинъ и тотъ же—революція, т.-е. онъ повторялъ то же, что говорили уже Меттернихъ и Гизо [1]). Австрія поэтому была на сторонѣ Наполеона III, и поэтому готова была дозволить ему дѣлать все, что ему было угодно „внутри границъ Франціи“. Менѣе, нежели на разстояніи мѣсяца послѣ французскаго государственнаго переворота, и въ Австріи отмѣнена была конституція 4 марта 1849 г. [2]) императорскимъ указомъ 31 декабря 1851. Въ монархіи Габсбурговъ такимъ образомъ формально былъ возстановленъ прежній абсолютизмъ. Вскорѣ послѣ смерти Шварценберга (1852) главнымъ руководителемъ реакціонной политики сдѣлался Бахъ, когда-то демократъ и революціонеръ, превратившійся въ клерикала и абсолютиста. Внутри Австріи все должно было вернуться къ тому положенію, въ какомъ было до революціи, но кромѣ того, благодаря своему положенію въ Германіи и Италіи, Австрія имѣла возможность сильно содѣйствовать реакціи и въ другихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ государствахъ. Традиціи Священнаго союза снова утверждались австрійскою политикой начала пятидесятыхъ годовъ.

[1]) См. выше, стр. 167 и др.

[2]) См. выше, стр. 547.

Успѣхи Австріи въ эту эпоху объясняются и сильною поддержкою, какую ей оказывала Россія. Лишь при помощи императора Николая I справилась Австрія съ венгерской революціей. Испуганному воображенію Западной Европы могло казаться, что въ данномъ случаѣ русскій императоръ дѣйствовалъ въ духѣ панславизма, какъ бы заступившись за славянъ, угнетаемыхъ мадьярами, но на самомъ дѣлѣ это была помощь въ духѣ принциповъ Священнаго союза, не имѣвшаго ничего общаго съ какою бы то ни было національною политикой. Русское правительство отнеслось враждебно и къ объединенію Германіи опять-таки потому, что оно было дѣломъ революціи; и въ данномъ также случаѣ Австріи очень пригодилась помощь петербургскаго двора. Мы видѣли, что въ числѣ причинъ, заставившихъ прусскаго короля отказаться отъ императорской короны, было прямое давленіе на него со стороны Николая I. Шварценбергъ дѣйствовалъ весьма искусно, чтобы выбить Пруссію изъ той позиціи, которую она заняла въ 1848—49 годахъ. Хотя и въ этомъ государствѣ царствовала реакція, но оно все-таки не покидало мысли о томъ, чтобы сплотить подъ своей гегемоніей хотя бы только часть Германіи [1]). Австрійское правительство пустило въ ходъ всѣ средства, чтобы поселить недовѣріе въ Пруссіи не только у нѣмецкихъ государей, но и въ самой націи. Шварценбергъ прямо стоялъ на томъ, „что Пруссію нужно унизить, а потомъ и уничтожить“. Въ роли третейскаго судьи между Австріей и Пруссіей выступилъ русскій императоръ. Но русская политика въ этомъ конфликтѣ двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ была на сторонѣ Австріи, отстаивавшей трактаты 1815 г. Притомъ Николай I не могъ простить Фридриху-Вильгельму IV введенія въ Пруссіи „демократической конституціи“. Распря эта чуть не довела до войны, но нескрываемое сочувствіе Россіи къ Австріи заставило Фридриха-Вильгельма IV стать на сторону партіи, желавшей мира. Шварценбергу этимъ удалось добиться дѣйствительнаго униженія Пруссіи. Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Мантейфель долженъ былъ просить у австрійскаго министра позволенія пріѣхать къ нему для личныхъ переговоровъ, и въ ноябрѣ 1840 г. въ Ольмюцѣ состоялось между ними свиданіе, на которомъ Пруссія подчинилась всѣмъ требованіямъ Австріи, т.-е. отказалась отъ всякой самостоятельной политики, уничтожила свой отдѣльный союзъ съ нѣкоторыми нѣмецкими государствами и безусловно признала возстановленіе стараго союзнаго сейма [2]). Это было результатомъ прямого воздѣйствія русской политики. За мѣсяцъ передъ тѣмъ въ Варшаву по приглашенію

[1]) См. выше, стр. 559.

[2]) См. выше, стр. 560.

Николая I пріѣзжали Францъ-Іосифъ и принцъ Прусскій, и здѣсь русскій государь столь рѣшительно выразилъ свою волю, что Пруссіи пришлось смириться.

Этимъ конфликтомъ между двумя великими нѣмецкими державами думалъ воспользоваться въ своихъ видахъ Людовикъ-Наполеонъ, тогда еще президентъ республики. Въ это время онъ носился съ мыслью о возвращеніи Франціи рейнской границы и даже зондировалъ на этотъ счетъ мнѣнія Россіи и Австріи. Ему казалось теперь удобнымъ войти въ соглашеніе съ Пруссіей и, поддерживая ея притязанія, втравить ее въ войну съ Австріей и Россіей, чтобы разстроить этимъ возстановленіе Священнаго союза и воспользоваться войной въ цѣляхъ приведенія въ исполненіе своего замысла, явившись въ надлежащій моментъ посредникомъ. Само прусское правительство въ концѣ 1849 г. просило президента французской республики прислать въ Берлинъ посломъ личнаго его друга Персиньи. Серьезнаго намѣренія сблизиться съ Франціей тутъ, однако, не было; былъ только расчетъ напугать Австрію и Россію возможностью такого сближенія. На самомъ дѣлѣ никакимъ обѣщаніямъ Персиньи, дѣйствительно пріѣхавшаго въ Берлинъ въ началѣ 1850 г., не довѣряли, зная, что личная политика президента не пользовалась сочувствіемъ національнаго собранія и министерства. Шварценбергъ сумѣлъ разссорить Пруссію и съ Франціей. Фридриху-Вильгельму IV Австрія въ согласіи съ Россіей внушила мысль возстановить свою власть въ швейцарскомъ кантонѣ Невшательѣ [1]), что удобнѣе всего было бы совершить путемъ военной экзекуціи противъ Швейцаріи, давшей у себя убѣжище революціонерамъ. Прусское правительство сдѣлало въ этомъ смыслѣ предложеніе въ Вѣнѣ и Парижѣ, но Австрія, знавшая, что Людовикъ-Наполеонъ, самъ пользовавшійся правомъ убѣжища, не пойдетъ на такое вмѣшательство, отреклась передъ нимъ отъ всякой солидарности съ Пруссіей въ этомъ дѣлѣ. Персиньи надменно заявилъ прусскимъ министрамъ, что съ его принцемъ нельзя обращаться, какъ съ Людовикомъ-Филиппомъ, и что если хотятъ сдѣлать нападеніе на Швейцарію, то Франція можетъ отвѣтить движеніемъ на Рейнъ. Этимъ инцидентомъ взаимныя отношенія Пруссіи и Франціи были испорчены, и берлинское правительство было послѣ этого совершенно изолировано.

Успѣхи австрійской политики до такой степени вскружили голову Шварценбергу, что онъ задумалъ осуществить мысль о включеніи всѣхъ австрійскихъ земель въ составъ возстановленнаго Германскаго союза [2]). Но этотъ планъ, исполненіе котораго страшно

[1]) Ср. выше, стр. 588.

[2]) См. выше, стр. 552 и др.

усилило бы Австрію, встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Англіи, Франціи и Россіи. 5 марта 1851 г. французское правительство протестовало особой нотой ко всѣмъ державамъ, подписавшимъ трактаты 1815 г., противъ такого нарушенія политическаго равновѣсія Европы. Николай I въ маѣ того же 1851 г. имѣлъ свиданіе въ Варшавѣ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и обѣщалъ ему свою поддержку противъ Австріи, а въ іюлѣ самъ посѣтилъ въ Ольмюцѣ Франца-Іосифа и тономъ своихъ рѣчей заставилъ Шварценберга отказаться отъ указаннаго плана. Австрійскій министръ былъ сильно оскорбленъ тѣмъ, что русскій императоръ обращался съ Австріей, какъ съ вассальнымъ государствомъ, и говорилъ, что вѣнскій дворъ когда-нибудь „поразитъ міръ своей неблагодарностью“. Вскорѣ послѣ этого и Пруссія, которая раньше думала включить въ составъ Германскаго союза свои восточныя провинціи, заявила отказъ отъ этого намѣренія, и этимъ отняла у Австріи послѣдній предлогъ настаивать на своемъ планѣ. Въ Берлинѣ скоро забыли униженіе, которому она подверглась, благодаря русской политикѣ 1850 г. Мало того: въ Пруссіи стали смотрѣть на Россію, какъ на единственную прочную опору консервативныхъ интересовъ, и въ столицѣ Пруссіи образовалась большая и вліятельная партія, чуть не обоготворявшая Николая I. Особенно ярко это настроеніе проявилось въ 1852 г. во время посѣщенія русскимъ императоромъ прусскаго короля. Русскій посланникъ въ Берлинѣ занялъ первенствующее положеніе и смотрѣлъ на Пруссію, почти какъ на вассальное государство. Въ 1851 г. положеніе дѣлъ въ Германіи возвратилось къ порядку, созданному вѣнскимъ конгрессомъ. Въ Вѣну даже возвратился Меттернихъ, который и изъ своего изгнанія не переставалъ, впрочемъ, давать совѣты австрійскому правительству; теперь онъ опять сдѣлался, хотя и неоффиціальнымъ, руководителемъ австрійской политики и оставался имъ до самой своей смерти (1859 г.).

Реакція въ Германіи выразилась не только въ возстановленіи стараго устройства съ союзнымъ сеймомъ во главѣ, но и въ уничтоженіи въ отдѣльныхъ государствахъ большей части результатовъ революціи 1848 г. Это была третья реакція, которую переживала Германія въ XIX вѣкѣ, и если этой реакціи не удалось зайти такъ далеко, какъ заходила реакція послѣ паденія Наполеона I [1]), то во многихъ отношеніяхъ она была суровѣе реакціи послѣ іюльской революціи [2]). Движеніе начала тридцатыхъ годовъ имѣло характеръ почти исключительно политическій, совсѣмъ даже не отразившись на общественномъ строѣ, тогда какъ революція 1848 г. наносила страшный ударъ

[1]) См. т. IV, гл. XVI.
[2]) См. выше, гл. VIII.

всѣмъ сословнымъ привилегіямъ. Буржуазная реакція противъ демократическ стороны движенія 1848 г. только расчищала почву для реакціи чисто феодальнаго характера, которая происходила въ пятидесятыхъ годахъ. Дворянство выступило, какъ главная общественная сила этой эпохи, съ своими притязаніями вернуть, что только было можно, изъ „до-мартовскихъ порядковъ“. Въ союзѣ съ правительствами и духовенствомъ оно вездѣ возстановляло старину. Если правительства не оказывали надлежащаго содѣйствія, феодальная партія обращалась къ союзному сейму, а послѣдній, поддерживаемый Австріей, въ большинствѣ случаевъ становился на сторону реакціи.

Одновременно съ вопросомъ о будущемъ устройствѣ Германіи раздѣлившемъ нѣмецкія правительства на два враждебныхъ лагеря, и сами эти правительства, и общественное мнѣніе были озабочены еще борьбою изъ-за конституціи въ Гессенъ-Кассель и Шлезвигъ-Голштинскимъ дѣломъ. Въ Гессенъ-Кассель [1]) снова сдѣлался министромъ абсолютистъ Гассенпфлугъ, который вступилъ въ борьбу съ мѣстнымъ ландтагомъ. Послѣ распущенія двухъ ландтаговъ (въ іюнѣ и сентябрѣ 1850 г.) онъ предписалъ собирать налоги, не утвержденные сеймомъ, но чиновники отказались исполнять это предписаніе. Тогда въ курфюршествѣ было введено осадное положеніе, несмотря на полное спокойствіе населенія, и курфюрстъ выѣхалъ изъ своей столицы въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ, откуда Гассенпфлугъ обратился къ союзному сейму съ просьбою о помощи (сентябрь). Союзный сеймъ въ это время еще не былъ признанъ всѣми нѣмецкими государствами. Желая имѣть на своей сторонѣ Гессенъ-Кассель, онъ высказался въ пользу курфюршескаго правительства, основываясь на реакціонныхъ постановленіяхъ начала тридцатыхъ годовъ [2]), хотя они и были отмѣнены въ 1848 г. Тогда Гассенпфлугъ для приведенія въ исполненіе рѣшенія союзнаго сейма назначилъ генерала Карла Гайнау военнымъ диктаторомъ, на что высшіе и низшіе офицеры отвѣтили, однако, массовыми отставками, такъ какъ не „имѣли возможности согласовать обязанность подчиняться приказаніямъ начальства съ присягою охранять конституцію“ (октябрь). Гассенпфлугъ обратился къ другимъ нѣмецкимъ правительствамъ, и государи Австріи, Баваріи и Вюртемберга на личномъ свиданіи постановили занять Гессенъ-Кассель своими войсками. Въ то время Пруссія, стремившаяся основать союзное государство [3]), не признавала еще союзнаго сейма и двинула въ Гессенъ-Кассель свои войска (ноябрь). Фрид-

[1]) См. выше, стр. 30, 60, 170, 176, 438 и 513.
[2]) См. выше, стр. 170.
[3]) См. выше, стр. 559.

рихъ-Вильгельмъ IV, конечно, вовсе не думалъ серьезно защищать конституцію Кургессена; боясь междоусобной войны, а также усмотрѣвъ въ сопротивленіи гессенцевъ революцію, онъ вскорѣ предоставилъ курфюршество его судьбѣ, отозвавъ свои войска. Въ Ольмюцѣ [1]) прусское правительство даже прямо обязалось не препятствовать союзной экзекуціи въ курфюршествѣ. Мало того: одинъ прусскій отрядъ долженъ былъ послѣ этого дѣйствовать сообща съ союзными войсками для поддержанія порядка (ноябрь). Въ декабрѣ 1850 г. австрійскія и баварскія („Strafbayern“) войска возстановили въ Гессенъ-Кассельѣ власть курфюрста. За этимъ послѣдовало (также рѣшенное въ Ольмюцѣ) подавленіе послѣднихъ признаковъ революціи въ видѣ шлезвигъ-голштинскаго возстанія противъ Даніи. Въ началѣ января 1851 г. Австрія и Пруссія, дѣйствуя въ данномъ случаѣ отъ имени Германскаго союза и грозя въ случаѣ неповиновенія союзной экзекуціей, потребовали, чтобы шлезвигъ-голштинскій сеймъ прекратилъ войну противъ Даніи. Оба герцогства вынуждены были смириться, и лондонскій трактатъ 1852 г. утвердилъ неразрывность всѣхъ владѣній датскаго короля.

Иниціатива всѣхъ реакціонныхъ мѣръ въ Германіи принадлежала Австріи, политикѣ которой должна была подчиниться и Пруссія. Среднія и мелкія нѣмецкія государства слѣдовали общему реакціонному направленію. Почти вездѣ правительства отмѣняютъ уступки, вынужденныя у нихъ въ 1848 г., возстановляютъ административный произволъ, поощряютъ дворянство въ его стремленіи возстановить прежнія привилегіи, содѣйствуютъ духовенству въ его попыткахъ вернуть былую власть надъ свѣтскимъ обществомъ. Саксонія и Ганноверъ, Мекленбургъ и Липпе-Детмольдъ, Гессенъ-Кассель и Гессенъ-Дармштадтъ были государствами, въ которыхъ реакція отличалась особою силою. Въ Саксоніи полное возстановленіе „домартовскихъ“ порядковъ произошло главнымъ образомъ при новомъ королѣ Іоаннѣ (1854 — 1873), благодаря дѣятельности реакціоннаго министра Бейста, который ввелъ даже въ употребленіе особую „черную книгу“ для занесенія въ нее всѣхъ лицъ съ неблагонамѣреннымъ образомъ мыслей. Въ Ганноверѣ дворянство въ 1851 г. добилось отъ союзнаго сейма постановленія, запрещавшаго вводить какія-либо измѣненія въ составѣ земскихъ чиновъ, и это дѣлало невозможнымъ обѣщанное въ 1848 г. ихъ преобразованіе, а новый король, слѣпой Георгъ V (1851—1866), крайній реакціонеръ, только поддерживалъ всѣ домогательства дворянства. Онъ даже предложилъ измѣнить конституцію въ дворянскомъ духѣ, но дворянство вообще и

[1]) См. выше, стр. 625.

слышать не хотѣло ни о какой конституціи (1851). И вотъ оно еще разъ обратилось къ союзному сейму, къ которому прибѣгло и правительство, желая свалить на высшую силу вину неисполненія своихъ обѣщаній 1848 г. (1854). Союзный сеймъ не заставилъ долго просить себя и потребовалъ, чтобы король не вводилъ въ конституцію ничего, что̀ было бы несогласно съ принципами союзнаго сейма или противорѣчило бы правамъ дворянства. Этого только и ждало ганноверское правительство, чтобы отмѣнить конституцію 1848 г. и ввести вновь государственный законъ 1840 г. [1]). Въ Мекленбургѣ дворянство тоже протестовало противъ всѣхъ нововведеній. Великій герцогъ Фридрихъ-Францъ II отдалъ это дѣло на разсмотрѣніе третейскаго суда, въ составъ котораго вошли государственные люди Пруссіи, Ганновера и Саксоніи, и этотъ судъ рѣшилъ вопросъ въ пользу реакціи (1850). Новая конституція была отмѣнена, а старый сословный сеймъ поставилъ своею задачею возстановленіе помѣщичьей власти и даже издалъ законъ, дававшій дворянамъ право подвергать земледѣльческихъ рабочихъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ Липпе-Детмольдѣ министръ Фишеръ всячески стѣснялъ дѣйствія земскихъ чиновъ, жалуясь въ союзный сеймъ на то, что они ведутъ себя мятежнымъ образомъ. Въ Гессенъ-Кассельѣ союзный сеймъ призналъ конституцію 1831 г. [2]) не соотвѣтствующею основнымъ законамъ Германскаго союза и предложилъ курфюрсту совмѣстно съ земскими чинами выработать новую (1852). Гассенпфлугъ, опираясь на военное положеніе, продолжавшее тяготѣть надъ страною, составилъ проектъ конституціи, въ сущности отмѣнявшій даже тѣ права, которыя и до 1831 г. были у земскихъ чиновъ противъ самовластія правительства. Такъ какъ сеймъ не хотѣлъ принять этой конституціи, то Гассенпфлугъ продолжалъ править курфюршествомъ съ неограниченною властью. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ министру Дальвигу удалось путемъ новаго закона о выборахъ достигнуть того, что мѣстное народное представительство утратило даже тѣнь независимости. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода реакціонеры обыкновенно имѣли на своей сторонѣ союзный сеймъ, сдѣлавшійся своего рода судьей между спорящими партіями въ отдѣльныхъ государствахъ. Въ 1851 г. онъ отмѣнилъ утвержденныя франкфуртскимъ парламентомъ „основныя права“ [3]) и потребовалъ, чтобы отдѣльныя правительства приводили государственныя учрежденія, введенныя въ 1848 г., въ соотвѣтствіе съ законами Германскаго союза. Въ 1854 г. онъ издалъ нормальный законъ о печати, къ которому отдѣльныя правительства должны были при-

[1]) О послѣднемъ см. выше, стр. 175 и 176.

[2]) См. выше, стр. 60.

[3]) См. выше, стр. 535 и слѣд.

норовлять мѣстные законы. Кромѣ того, союзный сеймъ издалъ законъ и противъ обществъ и собраній. Даже въ такихъ государствахъ, гдѣ отношенія между правителями и подданными оставались сравнительно сносными и гдѣ сами государи противились крайностямъ реакціи (Баденъ, Вюртембергъ, Баварія), всякій либерализмъ былъ въ опалѣ, и все, что напоминало собою демократическія стремленія, подвергалось пресѣченію. Лишь въ очень немногихъ земляхъ (главнымъ образомъ въ Саксенъ-Веймарѣ и Кобургъ-Готѣ) не было принимаемо репрессивныхъ мѣръ противъ свободнаго выраженія политическихъ мнѣній, конечно, въ предѣлахъ извѣстной умѣренности.

Особенно важна была реакція въ Пруссіи и Австріи.

Въ пятидесятыхъ годахъ Пруссія пережила худшіе дни своей исторіи. Унизившись передъ Австріей и совершенно подчинившись вліянію Россіи, Фридрихъ-Вильгельмъ IV долженъ былъ совершенно отказаться отъ своихъ плановъ въ Германіи. Роль Пруссіи, какъ великой державы, сильно пострадала, и когда восточныя дѣла въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ возбудили большую европейскую войну, берлинское правительство не проявило никакой самостоятельной политики. Участіе Пруссіи на парижскомъ конгрессѣ, окончившемъ крымскую войну, тоже было незначительнымъ. И ея поведеніе въ самой Германіи тоже не могло содѣйствовать ея престижу среди нѣмецкихъ патріотовъ, возлагавшихъ на нее такія надежды въ 1848 г. Все это отзывалось на настроеніи Фридриха-Вильгельма IV, да и пережитыя имъ волненія сдѣлали его крайне подозрительнымъ по отношенію ко всему, что̀ сколько-нибудь грозило новой революціей. Этимъ пользовались въ своихъ реакціонныхъ цѣляхъ люди, окружавшіе нервнаго короля, и запугивали его всякими страхами. Особенно поддался онъ своему мрачному настроенію послѣ смерти Николая I и парижскаго конгресса, ослабившаго Россію, такъ какъ въ обоихъ этихъ событіяхъ онъ видѣлъ паденіе твердыни, задерживавшей побѣду революціи. Осенью 1857 г. стали замѣчаться первые признаки душевной болѣзни короля, которая затѣмъ стала все болѣе и болѣе усиливаться. Черезъ годъ ему пришлось сложить съ себя власть, назначивъ регентомъ своего брата принца Вильгельма Прусскаго (7 октября 1858 г.), который и наслѣдовалъ ему послѣ его смерти (2 января 1861 г.).

Фридрихъ-Вильгельмъ IV не отмѣнилъ утвержденной имъ 31 января 1850 г. конституціи [1]). Вмѣстѣ съ избирательнымъ закономъ 30 мая 1849 г. [2]) и съ королевскимъ распоряженіемъ 12 октября

[1]) См. выше, стр. 550.
[2]) См. выше, стр. 550.

1854 г. о верхней палатѣ эта конституція до сихъ поръ остается основнымъ закономъ монархіи. Въ сравненіи съ конституціей 5 декабря и избирательнымъ закономъ 6 декабря 1848 г., новое государственное устройство Пруссіи было менѣе либеральнымъ. Оно являлось результатомъ сближенія правительства съ болѣе консервативными элементами общества. Второй избирательный законъ, во-первыхъ, устанавливалъ открытое голосованіе,—чѣмъ доставлялъ возможность имущимъ классамъ оказывать вліяніе на подачу голосовъ зависящими отъ нихъ людьми,—во-вторыхъ, дѣлилъ всѣхъ избирателей на три разряда по уплачиваемымъ ими налогамъ, причемъ каждый разрядъ, далеко не одинаковый по своему численному составу, былъ тѣмъ не менѣе представленъ равнымъ числомъ депутатовъ. На собраніи въ Кётенѣ (11 іюня) демократическая партія постановила воздержаться отъ выборовъ, благодаря чему и отсутствовала въ собраніи, занявшемся пересмотромъ конституціи. Какъ это обстоятельство, такъ и то, что въ собраніи было около двухсотъ чиновниковъ, а наконецъ и реакціонное настроеніе представителей крупной буржуазіи и объясняютъ намъ сговорчивость собранія, утвердившаго правительственный проектъ. Конституція 1850 г. сохраняла за королевскою властью первенствующее и рѣшающее значеніе въ государствѣ. Король одинъ распоряжается всею исполнительною властью, и министры подчинены только ему одному. Законодательною властью онъ пользуется совмѣстно съ двумя палатами, и для изданія всякаго закона требуется согласіе обѣихъ палатъ и короля. Выборы въ палату депутатовъ трехразрядные, и вмѣстѣ съ тѣмъ двухстепенные. Составъ верхней палаты установился позднѣе (1854). Палата господъ состоитъ изъ наслѣдственныхъ и пожизненныхъ членовъ (принцы королевскаго дома, наиболѣе аристократическіе роды и т. д., а также представители нѣкоторыхъ корпорацій, напримѣръ, университетовъ). Обѣ палаты имѣютъ право законодательной инициативы и могутъ принять петиціи и обращаться къ королю съ адресами. Члены палаты не отвѣчаютъ за поданные голоса или произнесенныя рѣчи. Конституція 1850 г. заключаетъ въ себѣ и изложеніе основныхъ правъ, но на практикѣ впослѣдствіи не все, что̀ было тутъ обѣщано, дѣйствительно соблюдалось. Этими основными правами вводились равенство передъ закономъ, личная неприкосновенность, судъ присяжныхъ, свобода совѣсти, науки и преподаванія („наука и ея преподаваніе свободны“), ограниченная свобода печати, обществъ и собраній, причемъ сословныя привилегіи объявлялись уничтоженными, а введеніе цензуры прямо запрещалось. Уже изъ этого краткаго изложенія прусской конституціи 1850 г. явствуетъ, что на ней все-таки сказалось вліяніе принциповъ 1848 г.,

но въ то же время при пересмотрѣ конституціи сказалось и вліяніе бюрократическихъ стремленій. Дѣло въ томъ, что истолкованіе законовъ въ Пруссіи было предоставлено министрамъ, администрація не была поставлена подъ контроль суда, и новое устройство государственныхъ властей было соединено съ старою бюрократическою системою управленія. Еще въ началѣ XIX вѣка, когда Пруссія при Штейнѣ и Гарденбергѣ выступила на путь внутреннихъ преобразованій, былъ уже самою жизнью поставленъ вопросъ о необходимости введенія въ Пруссіи мѣстнаго самоуправленія, и Штейнъ считалъ его даже важнѣе общегосударственнаго представительства, тогда какъ Гарденбергъ стоялъ на противоположной точкѣ зрѣнія и думалъ сочетать политическую свободу съ бюрократической цивилизаціей [1]). Впрочемъ, и французскіе либералы эпохи реставраціи и іюльской монархіи стояли тоже за введенную Наполеономъ I централизацію, при помощи которой надѣялись властно проводить въ жизнь свои политическіе принципы [2]). Прусскіе либералы раздѣляли подобный же взглядъ, который, конечно, поддерживался и бюрократіей. Хотя закономъ 11 марта 1850 г. и было положено начало введенію въ Пруссіи самоуправленія, но въ маѣ 1851 г. задуманная организація по предложенію верхней палаты была отмѣнена тремя министерскими распоряженіями, и въ существѣ дѣла была возстановлена старая бюрократическая система.

Какъ бы то ни было, однако, Пруссія получила все-таки конституцію, и 6-го февраля 1850 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV принесъ въ сеймѣ торжественную присягу въ томъ, что будетъ исполнять эту конституцію. Своей клятвѣ онъ остался вѣренъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что не отмѣнилъ дѣйствія конституціи. Если тѣмъ не менѣе и въ конституціонной Пруссіи наступила реакція, то одна изъ причинъ этого была и въ составѣ національнаго представительства. Мы только-что видѣли, что демократическая партія сама устранилась отъ парламентской дѣятельности, и положеніемъ овладѣла партія консервативно-конституціонная, въ соглашеніи съ которою правительство и издало конституцію. Это былъ союзъ антидемократическихъ общественныхъ классовъ, и онъ не только шелъ на уступки правительству, но даже старался выставлять на видъ свою лойяльность, дабы тѣмъ самымъ на дѣлѣ опровергать обвиненія, возводившіяся на конституціонную систему крайними ретроградами. Этотъ консервативно-конституціонный союзъ объединялъ промышленную буржуазію съ чиновничествомъ и дворянствомъ. Буржуазія, стоявшая во главѣ революціоннаго движенія 1848 г., но отшатнувшаяся отъ

[1]) См. т. IV, стр. 196—197.

[2]) См. т. IV, стр. 419—420 и выше, стр. 266.

него, когда оно приняло соціальный характеръ, стала искать сближенія съ властью, изданіе же королемъ избирательнаго закона, составленнаго въ интересахъ имущихъ классовъ, было шагомъ, который былъ сдѣланъ самимъ правительствомъ для привлеченія буржуазіи на свою сторону. Заискивая у буржуазіи, правительство изъ ея рядовъ назначало и на разныя вліятельныя должности. Чиновничество было сначала очень недовольно уступками, сдѣланными революціи, и всячески имъ противодѣйствовало, пока въ министерство Мантейфеля, бюрократа до мозга костей, само не сложилось въ сильную правительственную партію, и эта партія не поставила своею задачею содѣйствовать всѣми мѣрами расширенію королевской прерогативы. Благодаря поддержкѣ администраціи, чиновники стали выбираться въ палату все въ бо́льшемъ и бо̀льшемъ количествѣ, и палата 1855 г. получила даже названіе „палаты ландратовъ“ (Landrats-Kammer). Третью группу рядомъ съ буржуазіей и бюрократіей составляли феодалы, которые еще въ 1848 г. основали свою газету, знаменитую „Neue Preussische (Kreuz)-Zeitung“, откуда ихъ позднѣйшее названіе партіи „Крестовой газеты“. Сначала въ разгаръ революціоннаго движенія эта партія не играла никакой роли, но когда началась реакція, она выступила уже, какъ „маленькая, но могущественная партія“ [1]), которая была теперь не противъ ограниченія королевской власти, лишь бы оно шло на пользу сословнымъ интересамъ. Ища поддержки при дворѣ и въ ортодоксальной части лютеранскаго духовенства, феодальная партія стремилась привлечь на свою сторону и бюргеровъ, владѣвшихъ рыцарскими помѣстьями [2]), и зажиточныхъ крестьянъ, боявшихся возстанія земледѣльческаго пролетаріата, и ремесленниковъ, враждебныхъ принципу свободы промышленности, и т. д. Разнородные элементы, на которые опиралось прусское „юнкерство“, объединялись имъ въ разбросанные по всей странѣ „Preussenvereine“ съ центральнымъ органомъ, носившимъ названіе „союза вѣрности“ (Treubund). Эта группа получила большую силу. Въ 1856 г. всемогущій президентъ полиціи Гинкельдей, нерѣдко конфисковавшій нумера „Крестовой газеты“, закрылъ одинъ аристократическій игорный домъ, за что былъ вызванъ на дуэль и убитъ молодымъ дворяниномъ Гансомъ фонъ-Роховымъ. Юнкерская партія въ засѣданіи палаты прославляла „благороднаго Ганса фонъ-Рохова“, и послѣдній былъ помилованъ королемъ.

Таковы были партіи, которыя стали господствовать въ прусской палатѣ, представляя собою едва третью часть населенія. Издавая

---

[1]) Die kleine, aber mächtige Partei. 1885.

[2]) О бюргерахъ, владѣвшихъ рыцарскими помѣстьями, см. т. IV, стр. 201—202.

новый избирательный законъ, король нарушалъ конституцію, но буржуазія не только не протестовала противъ этого нарушенія, а прямо санкціонировала выгодное для себя распоряженіе, хотя тѣмъ самымъ создавала прецедентъ, которымъ правительство легко могло воспользоваться противъ самой же буржуазіи. Она думала, что сдѣлалась госпожею положенія, и вотъ, чтобы консолидировать власть въ своихъ рукахъ какъ противъ представителей до-мартовскихъ порядковъ, такъ и противъ соціальной демократіи, она всячески усиливала правительственную власть, въ которой видѣла лишь свой органъ. Конституція 1850 г. оставляла въ силѣ всѣ прежнія правительственныя установленія впредь до изданія органическихъ законовъ, и кромѣ того былъ принятъ цѣлый рядъ временныхъ или переходныхъ мѣръ, снабжавшихъ бюрократію новыми полномочіями (расширеніе власти начальниковъ надъ подчиненными, предоставленіе одной прокуратурѣ права преслѣдовать чиновниковъ за должностныя преступленія и т. п.). Буржуазія не была даже и противъ того, чтобы администрація воздѣйствовала на выборы. Буржуазія была убѣждена, что, подчинивъ себѣ центральное правительство, она будетъ имѣть и выборы, какіе ей были нужны. Но всѣмъ этимъ она лишь создавала почву для торжества принциповъ абсолютизма, хотя бы и подъ покровомъ конституціонной легальности, и благопріятствовала стремленіямъ феодальной партіи. Послѣдняя ранѣе всего отдѣлилась отъ союза съ буржуазіей, недовольная законами, которые задѣвали ея сословные интересы. Нѣсколько дольше держался союзъ буржуазіи съ бюрократіей, благодаря которому и были возможны либеральныя реформы, раздражавшія юнкерство, но мало-по-малу чиновничество было возвращено центральнымъ правительствомъ къ прежнему безусловному повиновенію. Мало того: вслѣдствіе сочувствія двора притязаніямъ феодальной партіи, бюрократія, которую прусскіе либералы вооружили разными полномочіями, очутилась въ концѣ концовъ не на сторонѣ буржуазіи, и послѣдняя, оставшись одна, оказалась совершенно безсильною сопротивляться абсолютистической и феодальной реакціи.

При такомъ составѣ представительства было весьма естественно то реакціонное законодательство, которое характеризуетъ дѣйствіе прусскихъ палатъ въ пятидесятыхъ годахъ. Между прочимъ, въ 1851 г. нанесенъ былъ ударъ независимости судей путемъ разрѣшенія переводить ихъ безъ ихъ желанія съ одного мѣста на другое или даже прямо отстранять отъ должности. Въ томъ же году былъ изданъ законъ о печати, который подчинялъ ее полицейскому надзору, довольно близкому къ цензурѣ. Въ 1852 г. усилена была дисциплинарная власть начальниковъ надъ подчиненными. Въ 1852 г. преступленія по дѣламъ печати были изъяты изъ компетенціи суда при-

сяжныхъ. Въ 1856 г. была возстановлена вотчинная полиція. Эта реакція отразилась и вообще на всемъ законодательствѣ о крестьянахъ [1]). Многія реакціонныя мѣры, впрочемъ, не удалось осуществить. Къ ихъ числу нужно отнести попытку возстановленія цеховой организаціи, отмѣненной въ Пруссіи еще въ началѣ XIX вѣка [2]).

Въ эту эпоху прусское правительство было вооружено и строгимъ закономъ объ осадномъ положеніи, который давалъ военнымъ властямъ и военнымъ судамъ самыя широкія полномочія. Пользуясь правомъ толкованія законовъ, министры всѣми мѣрами поддерживали реакцію. Правительство, кромѣ того, пускало въ ходъ разные безнравственные способы воздѣйствія на бюрократію и на общество, подкупая или застращивая должностныхъ лицъ, поощряя доносы и шпіонство, подвергая либераловъ преслѣдованіямъ, и, наоборотъ, добиваясь помилованія для благонадежныхъ людей, приговаривавшихся къ наказаніямъ за клевету и т. п. Партія „Крестовой газеты“ даже подвергла самого наслѣдника престола надзору нѣкоего Линденберга. Полиція иногда прямо сочиняла разные поводы для процессовъ съ политическимъ характеромъ. О знаменитомъ процессѣ коммунистовъ въ Кельнѣ мы будемъ еще говорить въ другой связи [3]). Крайняя реакціонная партія стремилась къ тому, чтобы даже умѣренныхъ выставлять врагами существующаго порядка. Когда въ маѣ 1850 г. одинъ душевно-больной отставной унтеръ-офицеръ выстрѣлилъ въ короля и легко ранилъ его въ руку, реакціонеры стали доказывать, что это покушеніе было результатомъ развращающаго вліянія либеральной прессы, хотя на слѣдствіи было обнаружено, что у преступника не было ни политическаго мотива, ни сообщниковъ [4]).

Настоящимъ выразителемъ идей прусской реакціи пятидесятыхъ годовъ и духовнымъ вождемъ феодальной партіи сдѣлался Фридрихъ-Юлій Шталь (1802 — 1861), достойный преемникъ Галлера и Мюллера [5]). Еврей по происхожденію, Шталь, будучи еще молодымъ человѣкомъ, перешелъ въ христіанство и, посвятивъ себя научнымъ занятіямъ, предался изученію философіи. Мало-по-малу онъ отдѣлялся отъ гегельянства, къ которому примкнулъ въ началѣ своихъ занятій, и даже сталъ въ самое враждебное отношеніе къ этой философіи, какъ къ истинѣ чисто раціоналистической. Сначала онъ про-

---

[1]) Объ этомъ см. ниже, въ главѣ (XXX) о крестьянскихъ реформахъ.

[2]) См. т. IV, стр. 560 и слѣд.

[3]) См. ниже, въ гл. XXXI.

[4]) Литература по исторіи преслѣдованій: *Ladendorff.* Sechs Jahre Gefangenschaft. 1882. — *Poschinger.* Lothar Buchers Leben. 1890 — 91. *K. Marx.* Enthüllungen über den Kommunistenprocess zu Köln и др.

[5]) См. т. IV, стр. 279—280.

фессорствовалъ въ Баваріи, но въ началѣ сороковыхъ годовъ былъ вызванъ въ берлинскій университетъ, гдѣ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ столбовъ консерватизма. Въ 1830 и 1836—37 гг. онъ издалъ „Исторію философіи права“ и „Философію права съ исторической точки зрѣнія“, въ которыхъ подвергъ критикѣ раціонализмъ, какъ антирелигіозную основу всякой революціи. Послѣ мартовской революціи онъ сталъ сотрудничать въ „Крестовой газетѣ“, которая впослѣдствіи перешла въ его руки, какъ главнаго редактора. Его вліяніе на феодальную партію было весьма значительно; попавъ въ палату господъ въ качествѣ пожизненнаго члена, онъ сдѣлался настоящимъ руководителемъ общественной реакціи. Въ своемъ сочиненіи о современныхъ партіяхъ (Die gegenwärtigen Parteien in Staat und Kirche), вышедшемъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти, онъ самъ говоритъ, что до 1848 г. „съ своими воззрѣніями на необходимость сословно-конституціонной монархіи для Пруссіи“ онъ „стоялъ довольно изолированно“, такъ какъ въ то время „большинство противниковъ либеральной системы принадлежало либо къ абсолютистамъ, либо къ феодаламъ“, но что послѣ 1848 г. его „воззрѣніе въ существенныхъ чертахъ перешло въ программу правой прусскаго парламента“. Отличаясь большою проницательностью, Шталь увидѣлъ, что старый прусскій абсолютизмъ вовсе не былъ уничтоженъ представительной системой, а только ею прикрытъ и отданъ въ услуженіе либерализму. Вся задача реакціонной политики съ этой точки зрѣнія заключалась лишь въ томъ, чтобы заставить абсолютизмъ служить консервативнымъ силамъ и чтобы, опираясь на конституцію, вести борьбу противъ самого конституціонализма. Шталя не такъ страшили отдѣльныя лица или партіи, какъ самый духъ новыхъ учрежденій. Въ названномъ сочиненіи о партіяхъ онъ самъ говорилъ, что основа всей церковной, политической и соціальной борьбы заключается въ вопросѣ, кто долженъ опредѣлять нравственный порядокъ на землѣ — божественная или человѣческая воля. Со времени французской революціи политическій міръ распался на два враждебныхъ стана: это — сторонники легитимности и сторонники революціи. Революція, какъ всемірно-историческое понятіе, не есть синонимъ бунта, а есть цѣлая система. Возстанія, низверженія царствующихъ домовъ, превращенія монархій въ республики и т. д. еще не составляютъ сами по себѣ революцій, и наоборотъ, революціи могутъ совершаться мирными путями и даже при содѣйствіи самихъ государей. Революція заключается въ извращеніи нормальнаго отношенія между властью и подданными: когда власть и законъ вмѣсто того, чтобы стоять надъ людьми, постоянно и притомъ принципіально становятся подъ начало людей, тогда и происходитъ революція. Впервые революціонный принципъ былъ провозглашенъ въ 1789 году, и отсюда

ведутъ начало всѣ революціонныя партіи, дочери общей матери, какъ бы онѣ ни ссорились между собою, — всѣ эти либералы, демократы, соціалисты и коммунисты. Этимъ революціоннымъ партіямъ Шталь противополагалъ, какъ нѣчто образующее одно органическое цѣлое, не взирая на частныя несогласія, разныя партіи, защищающія принципъ легитимности. Всѣ онѣ признаютъ именно нѣкоторое начало, которое стоитъ выше воли людей и цѣлей правителей, какъ нѣчто безусловно обязательное и для подданныхъ, и для государей. Такими партіями онъ считаетъ англійскихъ торіевъ и французскихъ легитимистовъ, а въ Германіи послѣдователей Галлера. Вообще „ходячему понятію о свободѣ“ Шталь противополагалъ идею „нравственнаго порядка“ общественной жизни, коренящагося въ божественной волѣ. Съ этой точки зрѣнія въ своихъ историко-философскихъ сочиненіяхъ онъ опровергалъ систему естественнаго права во всѣхъ ея школахъ и направленіяхъ, какъ порожденіе зловреднаго раціонализма, провозгласившаго, что всѣ государственныя учрежденія держатся волею людей и имѣютъ единственною своею цѣлью охрану ихъ свободы. Эта философія породила и ложную теорію народовластія. Однако, изъ того, что индивидуальная свобода не можетъ терпѣть надъ собою никакой неограниченной власти, хотя бы то была власть цѣлаго народа, и что, съ другой стороны, народовластіе не желаетъ считаться съ ограниченіями, налагаемыми на него свободою отдѣльной личности, и возникаетъ борьба между либерализмомъ, какъ защитою индивидуальной свободы, и демократизмомъ, какъ проповѣдью народовластія. Либерализмъ сдѣлался знаменемъ буржуазіи, но либеральная партія, стремясь дать преобладаніе среднимъ классамъ, становится въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ революціоннымъ принципомъ, поступая такъ если не на самомъ дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, по всей видимости въ силу чисто своекорыстныхъ соображеній. Убѣдившись въ томъ, что всеобщее избирательное право, вытекающее изъ разложенія сословій и корпорацій на ничѣмъ между собою несвязанныя личности, ведетъ лишь къ торжеству радикализма, либералы, не осмѣливаясь вернуться къ сословности, какъ началу реакціонному, обратились къ принципу имущественнаго ценза. Съ другой стороны, чувствуя необходимость защиты противъ низшихъ слоевъ общества, либералы начали даже усиливать королевскую прерогативу, въ то же время, однако, обставляя ее такими условіями, при которыхъ правительство можетъ воспользоваться своими правами исключительно въ интересахъ партіи, господствующей въ парламентѣ. Будучи довольна конституціей, составленной ею же самою, либеральная партія готова видѣть измѣну въ каждой попыткѣ передѣлать эту конституцію, такъ сказать, обоготворяя тѣмъ самымъ листъ бумаги, на которомъ написана воля людей. Критика

либеральной политической теоріи приводитъ Шталя къ той мысли, что въ наукѣ долженъ быть произведенъ полный поворотъ (die Wissenschaft muss umkehren). Этой теоріи онъ противопоставляетъ идею ненарушимости существующаго порядка, какъ основаннаго на установленной Богомъ закономѣрности, ненарушимости его одинаково и со стороны народовъ, и со стороны государей. Всякіе насильственные перевороты запрещаются св. писаніемъ, которое, однако, не говоритъ, что ихъ никогда не будетъ. Иногда перевороты совершаются, такъ сказать, стихійно. Въ такихъ случаяхъ сама природа общежитія мститъ за попраніе своихъ законовъ, и здѣсь нѣтъ мѣста для человѣческаго суда: орудія переворота дадутъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только Богу. Но и новый порядокъ долженъ пользоваться божественной санкціей, разъ онъ попущеніемъ Божіимъ существуетъ. Вводить революціонныя конституціи, конечно, грѣхъ, но жить подъ ними не составляетъ никакого грѣха. И государи не имѣютъ права нарушать конституцій революціоннаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что сама христіанская религія относится совершенно безразлично къ тѣмъ или другимъ формамъ правленія. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда государству грозитъ внѣшняя опасность или внутренняя анархія, монархъ, по Шталю, имѣетъ право устранить извѣстную конституцію, но отнюдь не на основаніи принципа, будто присяга, данная конституціи революціоннаго происхожденія, ни къ чему не обязываетъ. Проповѣдуя обязательность и даже полную разумность и нравственность всякаго существующаго порядка вообще, пока этотъ порядокъ самымъ фактомъ своего существованія доказываетъ свою истинность и справедливость, Шталь на самомъ дѣлѣ явился защитникомъ только одного весьма опредѣленнаго порядка, а именно прусской сословно-бюрократической системы. Его политическій идеалъ, который онъ готовъ былъ выдавать за первообразъ человѣческихъ общежитій,—сословно-представительная монархія. Въ защиту этого своего принципа онъ пускаетъ въ ходъ всевозможныя философскія и историческія соображенія. Особенно все легитимное и исторически сложившееся пользовалось его сочувствіемъ, какъ существующее въ силу божественнаго соизволенія. Высоко ставя монархическое начало, Шталь доказывалъ справедливость и привилегированнаго положенія феодальнаго дворянства. Цѣлымъ рядомъ разсужденій о народѣ, его раздѣленіи на классы и представительствѣ его интересовъ онъ приходитъ къ тому выводу, что въ представительствѣ пролетаріатъ долженъ быть устраненъ буржуазіей, а буржуазія — родовымъ дворянствомъ. Исходя изъ идеи ненарушимости существующихъ правъ, онъ даже допускалъ консервативное сопротивленіе легитимному правительству въ тѣхъ случаяхъ, когда оно либеральными реформами на-

рушаетъ существующій порядокъ и органическое развитіе общежитія. Но эта оппозиція для осуществленія своихъ цѣлей, по словамъ Шталя, вовсе и не нуждается въ насильственныхъ средствахъ, такъ какъ имѣетъ для этого мирные пути въ той „формальной легальности", которая создается революціонными конституціями. Шталь давалъ и практическіе совѣты, какъ это дѣлать, измѣняя смыслъ конституціи путемъ искусной интерпретаціи отдѣльныхъ ея статей или законодательнаго ихъ измѣненія. Въ конституціи, кромѣ того, были обѣщанія относительно будущихъ законовъ, которыхъ не успѣли во-время выработать. Таковъ былъ, напримѣръ, законъ о министерской отвѣтственности; либералы были удовлетворены обѣщаніемъ, что законъ будетъ выработанъ, и само правительство считало себя связаннымъ подобными обѣщаніями. Шталь и тутъ явился съ ученіемъ, оправдывавшимъ неисполненіе данныхъ обѣщаній: пока они еще не сдѣлались законами, они не могутъ связывать кого-либо въ его дѣятельности, но они необязательны и для законодателя, потому что, будучи верховною властью въ государствѣ, онъ не можетъ быть связанъ какой-нибудь высшей властью и считаться простымъ исполнителемъ ея порученій.

Австрійская реакція была еще рѣшительнѣе прусской. Здѣсь рядомъ съ подавленіемъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ стремленій 1848 г. было соединено подавленіе и національныхъ стремленій, грозившихъ строгому единству монархіи. Уже октроированная 4 марта 1849 г. конституція, составленная въ духѣ умѣреннаго либерализма, совершенно умалчивала объ историческихъ правахъ отдѣльныхъ провинцій и о равноправности національностей, а потомъ и самая эта конституція была отмѣнена, какъ послѣдняя уступка, сдѣланная революціи [1]). Централистическая политика правительства и бюрократіи въ пятидесятыхъ годахъ отличалась крайнимъ германизаторствомъ. Въ этомъ отношеніи испытали на себѣ безпощадную систему онѣмеченія не только мадьяры, по отношенію къ которымъ это могло быть наказаніемъ за ихъ мятежный духъ, но и славяне, напротивъ, помогавшіе правительству одолѣть между прочимъ и возставшихъ противъ него нѣмцевъ. У мадьяръ были отняты самые остатки ихъ былой автономіи. Въ земляхъ короны св. Стефана нѣмецкій языкъ сдѣлался языкомъ администраціи, судовъ и школы; онѣмечивались одинаково съ мадьярами и славяне. Если отъ Венгріи и были теперь совершенно отдѣлены нѣкоторыя славянскія земли (Хорватія, Славонія и т. д.), то это не помѣшало и здѣсь ввести систему германизаціи. Въ Чехіи и Галиціи дѣлалось то же самое. Добиваясь прежде всего возвращенія прежняго господства въ Германіи,

[1]) См. выше, стр. 547.

австрійское правительство старалось расположить въ свою пользу нѣмцевъ, усиленно преслѣдуя малѣйшія проявленія „панславизма“. На чешскомъ языкѣ въ Прагѣ не дозволено было издавать газеты. Гавличекъ [1]), который былъ привлеченъ къ суду за оскорбленіе правительства въ своихъ сатирическихъ сочиненіяхъ, но былъ оправданъ, тѣмъ не менѣе подвергся административной ссылкѣ.

Особенную черту реакціи пятидесятыхъ годовъ въ нѣмецкихъ государствахъ, именно возстановленіе дворянскихъ привилегій и помѣщичьихъ правъ, мы разсмотримъ особо, въ главѣ о крестьянскихъ реформахъ.

Реакціи подверглась и Италія. Въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ возстановленъ былъ старый австрійскій режимъ. Реставрація прежнихъ порядковъ была поддержана Австріей въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ, а также въ части Церковной Области. Пій IX, опираясь на сочувствіе Австріи, отвергъ преобразованія, сдѣлать которыя ему предложило французское правительство, и возвратился къ порядкамъ, господствовавшимъ при его предшественникѣ, Григоріи XVI. Но нигдѣ реакція не доходила до такихъ крайнихъ проявленій, какъ въ Неаполѣ и Сициліи. Фердинандъ II послѣ подавленія революціи далъ полную волю своему жестокому и мстительному нраву. Начались казни, аресты, конфискаціи имуществъ. Число осужденныхъ за политическія преступленія опредѣляли цифрой 22000. Когда путешествовавшій по Италіи англійскій государственный дѣятель Гладстонъ познакомился со всѣми подробностями неаполитанской реакціи, то возмущенный ими до глубины души протестовалъ противъ такого режима въ письмахъ къ министру лорду Абердину. Обнародованіе описанія жестокостей неаполитанскаго правительства произвело сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе Европы. Подъ вліяніемъ этихъ разоблаченій англійское и французское правительства сдѣлали даже Фердинанду II представленіе о необходимости ради спокойствія Европы ввести въ Неаполѣ конституцію и другія реформы и положить конецъ жестокостямъ надъ политическими преступниками. Фердинандъ II отвергъ это представленіе, и тогда оба правительства отозвали изъ Неаполя своихъ представителей (1856). Во всемъ королевствѣ было такое сильное неудовольствіе противъ Фердинанда II, что стали составляться вооруженныя банды и вспыхивать бунты. Это обстоятельство, равно какъ покушеніе на жизнь Фердинанда II, сдѣланное однимъ солдатомъ на смотру, еще болѣе усилило злобное настроеніе „короля Бомбы“. Онъ даже сталъ бояться жить въ Неаполѣ и переселился въ сосѣднюю Казерту, доступъ въ

[1]) См. выше, стр. 434.

которую былъ крайне затрудненъ. Своей реакціонной политики Фердинандъ II держался до самой своей смерти въ 1859 г.: уже на смертномъ одрѣ онъ приказалъ очистить часть тюремъ высылкой заключенныхъ въ Америку для того, чтобы приготовить мѣста для новыхъ узниковъ.

При такомъ общемъ настроеніи правительствъ и правящихъ общественныхъ классовъ политическая жизнь должна была вездѣ заглохнуть. Представительныя учрежденія въ большей части государствъ состояли изъ людей, послушно подчинявшихся правительственнымъ указаніямъ. Политическая печать была стѣснена до крайности, и политическія общества или собранія сдѣлались невозможными. Къ людямъ, которые въ 1848—49 гг. проявили особенную ревность къ новымъ стремленіямъ, вообще относились съ подозрѣніемъ, и большинство изъ нихъ было поставлено въ самыя неблагопріятныя условія жизни. Менѣе скомпрометированные были стѣсняемы въ своей дѣятельности, другихъ подвергали разнымъ взысканіямъ и наказаніямъ отъ тюремнаго заключенія до смертной казни. Спасшіеся бѣгствомъ вожди движенія жили въ изгнаніи, ища убѣжища въ Англіи, Бельгіи или Швейцаріи, но въ двухъ послѣднихъ странахъ далеко не всѣ изгнанники пользовались правомъ убѣжища. Нѣкоторые уѣзжали даже въ Америку. Революціонная эмиграція по своему національному составу была весьма разнообразная: въ ней были и французы (напримѣръ, Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ, Викторъ Гюго и т. п.), и нѣмцы (Карлъ Марксъ и др.), и итальянцы (Мадзини, Гарибальди), и мадьяры (Кошутъ), и поляки (Мѣрославскій и др.). Къ этой международной эмиграціи примкнули и нѣкоторые русскіе, пережившіе на Западѣ революціонную бурю 1848—49 гг. (Герценъ, въ шестидесятыхъ годахъ Бакунинъ). О настроеніи, господствовавшемъ въ эмиграціи, лучше всего можно судить по тому, что̀ разсказываетъ о ней Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ нѣкоторыя правительства объявили амнистію съ разрѣшеніемъ изгнанникамъ вернуться на родину подъ условіемъ признанія существующихъ властей. Наиболѣе непримиримые не захотѣли, однако, воспользоваться такимъ разрѣшеніемъ. Пятидесятые годы вообще были крайне неблагопріятны для какихъ бы то ни было политическихъ предпріятій, и вообще эмиграція была обречена на вынужденное бездѣйствіе.

Политическая и соціальная (буржуазная или феодальная) реакція пятидесятыхъ годовъ приняла еще повсемѣстно рѣзкую клерикальную окраску, одинаково и въ католическихъ, и въ протестантскихъ странахъ. Конечно, рѣзче всего реакціонное направленіе проявилось въ католицизмѣ. Подъ вліяніемъ общественныхъ движеній двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ самомъ католицизмѣ проявились

свои либеральныя [1]), демократическія и даже соціалистическія теченія. Съ другой стороны, революція 1848 г. приняла принципы свободы совѣсти и невмѣшательства духовной власти въ свѣтскія дѣла, даже принципъ свободы церкви отъ государственной опеки. Послѣ подавленія революціи католицизмъ выступаетъ исключительно въ качествѣ силы реакціонной, и какъ правительства, такъ и правящіе классы обращаются къ церкви, какъ къ главной опорѣ консервативныхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи повторяется то, что было послѣ 1814 г. [2]).

Католицизмъ въ пятидесятыхъ годахъ объявилъ настоящую войну всему духу новѣйшаго времени и держался этого направленія самымъ упорнымъ образомъ до смерти Пія IX. Этотъ папа, возбуждавшій либеральныя надежды въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи [3]), сдѣлался послѣ 1848 г. отчаяннымъ реакціонеромъ. Возстановивъ свою свѣтскую власть въ Римѣ, онъ запялся и возстановленіемъ духовнаго владычества церкви надъ свѣтскимъ обществомъ. Хотя всѣ его начинанія находились въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ историческимъ движеніемъ XIX в., тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ, — именно когда особенно была сильна реакція, вызванная революціей,—реставрація католицизма, задуманная папой, находила для себя благопріятную почву въ настроеніи правительствъ и правящихъ классовъ.

Въ концѣ декабря 1849 г. Пій IX обратился къ епископамъ Италіи съ энцикликой „Nostris et nobiscum“; въ которой повторялись средневѣковыя опредѣленія папской власти и сама эта власть представлялась, какъ спасительница отъ всякихъ революцій. Энциклика указывала на то, что ослабленіе авторитета епископовъ и усиливающееся пренебреженіе къ постановленіямъ церкви повлекли за собою и уменьшеніе повиновенія подданныхъ свѣтской власти и тѣмъ дали возможность врагамъ Бога и человѣчества легче бунтовать народы. Соціализмъ и коммунизмъ подверглись спеціальному осужденію папы, который объявилъ ихъ порожденіемъ секуляризаціи и распродажи церковныхъ имуществъ, ослабившихъ въ людяхъ уваженіе къ собственности. Этой энцикликой Пій IX только открывалъ цѣлый рядъ новыхъ заявленій, имѣвшихъ своею цѣлью вернуть папству и церкви былую власть надъ міромъ. Въ 1850 г. для распространенія своихъ взглядовъ онъ основалъ особый органъ „Civiltà cattolica“. Затѣмъ Пій IX задумалъ показать міру, что за нимъ все-таки еще остается

[1]) *Leroy-Beaulieu.* Les catholiques libéraux de 1830 à nos jours. 1885.
[2]) См. т. IV, стр. 248, 258 и др.
[3]) См. выше, стр. 431 и слѣд.

высшая власть въ церкви и что установленіе новыхъ догматовъ еще не кончилось. Въ числѣ религіозныхъ мнѣній, принимать или не принимать которыя церковь предоставляла вѣрующимъ свободу, было ученіе о непорочномъ зачатіи Богородицы; напримѣръ, еще въ средніе вѣка доминиканцы его не принимали, а францисканцы, наоборотъ, признавали. Пій IX задумалъ утвердить это ученіе, какъ догматъ, въ который обязаны вѣрить всѣ чада римской церкви. Обратившись по этому вопросу къ епископамъ и получивъ отъ нихъ большею частью утвердительные отвѣты, онъ личною своею властью торжественно провозгласилъ новый догматъ (1854 г.). Сдѣлавъ главною задачею папства борьбу съ заблужденіями вѣка, Пій IX созвалъ даже особую конгрегацію, которая должна была выработать общее ученіе о положеніи церкви въ наше время и составить подробный перечень всѣхъ заблужденій, господствующихъ въ обществѣ. Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ провозглашенія новаго догмата, когда свѣтской власти папы опять грозила революція, заставившая Пія IX выпустить новыя посланія въ защиту правъ папства, появились знаменитые энциклика „Quanta cura“ и „Списокъ (Syllabus) современныхъ заблужденій“ (1864 г.). Названная энциклика стремилась возвратить общество къ средневѣковому міросозерцанію, къ тѣмъ временамъ, когда протестантизмъ, янсенизмъ, вольтерьянство и соціализмъ еще не потрясали вѣры, и въ жизни общества не было и слѣда еретическихъ началъ. Основнымъ заблужденіемъ „нашего печальнѣйшаго времени“ Пій IX считаетъ натурализмъ, какъ онъ называетъ стремленіе основывать общественные порядки на естественныхъ началахъ, а не на религіи [1]). Изъ этого заблужденія вытекаетъ другое, заключающееся въ томъ, что общество должно предоставлять гражданамъ по своему произволу исповѣдовать ту или другую вѣру и безпрепятственно и открыто высказывать свои мнѣнія. Изгнаніе религіи изъ гражданскаго общества влечетъ за собою утрату людьми всякаго представленія о справедливости и ставитъ на мѣсто высшаго закона волю народа, которая даетъ силу права самымъ вопіющимъ нарушеніямъ справедливости. Враги Бога и человѣчества устраняютъ религію и изъ семьи, узаконяя гражданскій бракъ, и изъ воспитанія юношества, установляя свѣтское преподаваніе. Касаясь вопроса объ отношеніи церкви и государства, энциклика осуждаетъ ученіе, подчиняющее духовную власть свѣтской или ставящее религіозныя распоряженія первой подъ контроль второй. Всѣ заблужденія „Syllabus“ перечисляетъ въ восьмидесяти положеніяхъ, классифицируя ихъ на десять рубрикъ. Въ сущности, это—перечень всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ человѣческою личностью, свѣтскимъ

[1]) Ср. съ ученіемъ Шталя, изложеннымъ выше (стр. 637 и слѣд.).

обществомъ и государствомъ въ главнѣйшія культурныя эпохи новаго времени; къ врагамъ церкви въ этомъ перечнѣ причисляются даже послѣдователи галликанизма и либеральные католики, стоящіе на точкѣ зрѣнія простой вѣротерпимости. Энциклика и „Силлабусъ“ были настоящимъ вызовомъ со стороны реакціоннаго католицизма всей современной цивилизаціи. Въ числѣ осужденныхъ „Силлабусомъ“ положеній было прямо формулировано и такое: „папа можетъ и долженъ примириться и вступить въ миролюбивое сношеніе съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей“. Крайніе реакціонеры были въ восторгѣ отъ этихъ документовъ и старались истолковать ихъ во всей строгости основныхъ принциповъ средневѣкового католицизма. Однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ комментаторовъ энциклики и „Силлабуса“ былъ австрійскій іезуитъ Шрадеръ, который самъ участвовалъ въ конгрегаціи, вырабатывавшей „Силлабусъ“, и потомъ (1865) издалъ цѣлую книгу „Der Papst und die modernen Ideen“. Вообще іезуиты сильно поддерживали Пія IX и, пользуясь сами благосклонностью съ его стороны, оказывали на него большое вліяніе. Либеральные католики, наоборотъ, были очень недовольны такимъ шагомъ папы и въ своихъ толкованіяхъ на энциклику и „Силлабусъ“ старались смягчить ихъ значеніе, доказывая, что папа имѣлъ цѣлью только осудить революцію и злоупотребленія свободой, отнюдь не все современное общество, хотя бы оно и не соотвѣтствовало его идеалу. Но Пій IX не остановился и на этомъ объявленіи войны всей современной цивилизаціи, задумавъ ввести еще одинъ новый догматъ—о непогрѣшимости папы [1]).

Энциклика и „Силлабусъ“ относятся уже къ тому времени, когда общая реакція значительно ослабѣла, и ихъ содержаніе только раздражило противъ папы отдѣльныя правительства, сдѣлавшія даже попытку помѣшать обнародованію этихъ документовъ. Пятидесятые годы были бы временемъ болѣе благопріятнымъ для появленія энциклики и „Силлабуса“. Общественная реакція послѣ 1848 г. получила характеръ возстановленія правовѣрной религіозности въ томъ самомъ обществѣ, которое раньше относилось къ церкви индифферентно или даже непріязненно. Особенно замѣчателенъ этотъ поворотъ къ религіозности во французской буржуазіи съ ея старыми вольтерьянскими традиціями, хотя подобный фактъ уже ранѣе встрѣчается въ исторіи Франціи, именно въ эпоху заключенія Наполеономъ I конкордата съ папою. Настоящій характеръ этого возвращенія на путь истины уже тогда былъ отмѣченъ словами одного защитника конкордата, назвавшаго духовенство „священной жандармеріей“ [2]).

[1]) См. ниже, въ главѣ (XXVII) объ объединеніи Италіи.

[2]) См. т. IV, стр. 119.

Въ сущности, то же самое было и послѣ 1848 г.: недаромъ знаменитый французскій клерикалъ Вейльо въ своей газетѣ „L'Univers" говорилъ, что Тьеру желательно было бы, вслѣдствіе очевидной непригодности настоящихъ жандармовъ, искать опоры для своей партіи сытыхъ и довольныхъ революціонеровъ—у жандармовъ въ рясѣ. На самомъ дѣлѣ такъ и было. Понятно, что если во Франціи стало господствовать въ правящихъ классахъ такое настроеніе, еще больше должно оно было проявиться въ такихъ странахъ, какъ Австрія. Внѣшняя религіозность сдѣлалась даже своего рода признакомъ принадлежности къ обществу „порядочныхъ людей". Церковь всячески поощряла такое направленіе, наоборотъ, преслѣдуя разныя проявленія религіозности, которыя сколько-нибудь были заражены духомъ либерализма. Рядомъ съ церковными обществами, возникшими въ предыдущій періодъ, стали образовываться теперь новыя общества, ставившія своею цѣлью внушать простому народу бо́льшее уваженіе къ церкви (Piusvereiп въ Германіи) или распространять католицизмъ въ протестантскихъ земляхъ (Bonifaciusvereiп) и т. п. Какъ это бывало и раньше, католическая реакція прямо поставила своею задачею наступательную борьбу противъ протестантизма. Пользуясь духомъ времени, католическому духовенству удалось даже добиться очень важныхъ уступокъ отъ протестантскихъ государей. Нечего говорить, что въ католическихъ странахъ папѣ и епископамъ добиться уступокъ со стороны свѣтской власти было уже и совсѣмъ легко.

Одну изъ самыхъ блистательныхъ побѣдъ своихъ одержала католическая церковь въ Австріи. Несмотря на общій реакціонный характеръ своей внутренней политики съ самаго начала XIX вѣка, австрійское правительство сохранило въ церковныхъ порядкахъ монархіи многіе слѣды „іозефинизма", т.-е. реформъ Іосифа II въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма [1]). Послѣ революціи 1848 г. оно рѣшилось отмѣнить многіе изъ этихъ церковныхъ порядковъ въ пользу папства и духовенства, какъ лучшихъ союзниковъ въ борьбѣ съ революціей. Уже въ 1849 г. австрійскіе епископы, собравшись въ Вѣнѣ, объявили, что національныя стремленія имѣютъ языческій характеръ, такъ какъ различіе языковъ есть слѣдствіе грѣха и паденія человѣка. Это вполнѣ гармонировало съ централистическими намѣреніями правительства. Въ 1855 г. послѣ долгихъ переговоровъ Австрія заключила съ св. престоломъ конкордатъ, которымъ устранялись изъ взаимныхъ отношеній церкви и государства послѣдніе признаки „іозефинизма". Австрійское правительство согласилось признать, что церковь получаетъ свои права не вслѣдствіе уступокъ со

[1]) См. т. III, стр. 356—357 и 380—384.

стороны свѣтской власти, а въ силу своего божественнаго происхожденія и на основаніи каноническаго права. Поэтому отнынѣ папа имѣлъ право обнародованія въ Австріи всѣхъ своихъ распоряженій безъ какого бы то ни было правительственнаго контроля. Если духовныя лица и были объявлены подсудными свѣтскимъ уголовнымъ судамъ, то лишь съ оговоркою, что папа въ данномъ случаѣ дѣлаетъ уступку только въ виду обстоятельствъ времени. Преподаваніе какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ было поставлено подъ надзоръ епископовъ. Государство обязывалось не допускать распространенія сочиненій, запрещенныхъ епископами. Вмѣстѣ съ этимъ правительство должно было приводить въ исполненіе приговоры епископовъ надъ непослушными духовными лицами, напримѣръ, подвергать ихъ тюремному заключенію и т. п. Для надзора за исполненіемъ конкордата въ Вѣнѣ былъ даже учрежденъ особый духовный совѣтъ, въ которомъ предсѣдательство было отдано папскому нунцію, а епископы могли сноситься съ Римомъ непосредственно. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ реакціи пятидесятыхъ годовъ Австрія отказалась отъ всего церковнаго законодательства восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, т.-е. попятилась назадъ на цѣлыя три четверти столѣтія. Въ подобномъ же духѣ папство стремилось заключать конкордаты и съ другими государствами. Испанскій конкордатъ 1851 г. формально воспрещалъ въ странѣ всякую иную религію, кромѣ католической, и отдавалъ въ руки духовенства народное образованіе и надзоръ за изданіемъ, ввозомъ и обращеніемъ вредныхъ книгъ. Непроданныя имущества духовенства должны были остаться неприкосновенными. Папа согласился только на упраздненіе духовныхъ судовъ.—Римская курія хлопотала даже о томъ, чтобы создать привилегированное положеніе для католической церкви въ протестантскихъ странахъ, въ которыхъ у нея существовала своя паства. Въ 1851 г. папа самовластно сдѣлалъ архіепископомъ майнцскимъ Кеттлера, который прямо сталъ грозить, что въ случаѣ сопротивленія его требованіямъ онъ будетъ освобождать жителей отъ присяги, принесенной ими государю. Въ существеннѣйшихъ статьяхъ своихъ австрійскій конкордатъ былъ введенъ въ Вюртембергѣ, несмотря на то, что большинство населенія королевства—протестантское. Гессенъ-Дармштадтское правительство заключило подобный же договоръ съ архіепископомъ майнцскимъ. Въ Баденѣ между католическою церковью и правительствомъ произошла борьба, окончившаяся побѣдой церкви. Здѣсь въ 1852 г. умеръ великій герцогъ, и правительство потребовало, чтобы католическое духовенство отправило по немъ заупокойную службу, какъ это дѣлалось и прежде, но архіепископъ фрейбургскій запретилъ подвѣдомственнымъ ему священникамъ слу-

жить при этомъ мессу и подвергъ наказанію священниковъ, исполнившихъ требованіе правительства. Съ обѣихъ сторонъ по этому поводу началась ожесточенная борьба, доставившая, однако, такъ много хлопотъ свѣтской власти, что она вступила въ переговоры съ папствомъ и вынуждена была отмѣнить всѣ свои распоряженія, принятыя въ эпоху конфликта. Даже прусское правительство, отстаивавшее въ предыдущемъ періодѣ свѣтское законодательство отъ притязаній католическаго духовенства [1]), сдѣлало теперь большія уступки епископамъ, значительно расширивъ ихъ власть надъ низшимъ духовенствомъ и духовными семинаріями. Пію IX удалось выхлопотать себѣ право учреждать епархіи и приходы даже въ Англіи и Нидерландахъ (1850 и 1853 гг.).

Во Франціи, гдѣ продолжалъ дѣйствовать наполеоновскій конкордатъ, ограждавшій права государства, правительственная реакція тоже весьма благопріятствовала католицизму. Всеобщая подача голосовъ при невѣжествѣ сельскаго населенія была очень выгодна для клерикаловъ. Еще до переворота 2 декабря духовенство успѣло добиться важныхъ для себя уступокъ въ дѣлѣ народнаго образованія [2]). Въ значительной мѣрѣ обязанный своимъ избраніемъ въ президенты содѣйствію духовенства, Людовикъ-Наполеонъ, сдѣлавшійся императоромъ, продолжалъ поддерживать это сословіе, которое съ своей стороны постоянно убѣждало свою паству голосовать во время выборовъ за правительственныхъ кандидатовъ. Императрица Евгенія была извѣстна своею особою приверженностью къ церкви, и, благодаря ея вліянію, клерикальная партія могла добиваться очень многаго отъ тогдашняго французскаго правительства. За свою преданность интересамъ церкви Евгенія получила отъ папы освященную золотую розу, а главный вождь французскихъ ультрамонтанъ, Вейльо, въ своей газетѣ „L'Univers“ выступилъ рьянымъ сторонникомъ императора. Іезуитское вліяніе настолько возросло при тюльерійскомъ дворѣ, что стало даже вызывать оппозицію со стороны многихъ клерикаловъ, не доходившихъ въ своемъ усердіи до проповѣди абсолютизма церковной іерархіи.

Изъ всѣхъ католическихъ странъ только одна Сардинія сильно отстаивала себя отъ притязаній клерикальной реакціи. Она держалась принципа „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“, бывшаго лозунгомъ либеральнаго католицизма.

Реакція съ клерикальнымъ характеромъ задѣла и протестантскія страны. Еще до революціи 1848 г. среди протестантскихъ теологовъ

---

[1]) См. выше, стр. 178—179.

[2]) См. выше, стр. 606.

возникло направленіе, крайне враждебное новымъ философскимъ и научнымъ направленіямъ въ богословіи. Нѣмецкія правительства уже тогда благопріятствовали этому ортодоксальному направленію и стремились реформировать въ духѣ строгаго правовѣрія теологическіе факультеты во всей Германіи. Въ сущности, однако, это ретроградное движеніе въ протестантизмѣ было лишь отголоскомъ того, что дѣлалось въ католицизмѣ. Крайніе представители ортодоксальнаго духовенства даже готовы были въ силу чисто клерикальнаго принципа становиться на сторону католической іерархіи, когда происходили столкновенія между послѣднею и государственною властью, и тѣмъ давали поводъ католикамъ говорить, что, лишь благодаря союзу съ папствомъ, протестантское духовенство не растеряло всей своей паствы. Послѣ 1848 г. протестантское духовенство уже прямо начало подражать католическому клиру своимъ вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла. Придворные пасторы стали играть при протестантскихъ государяхъ ту же роль внушителей реакціонной политики, какая давно упрочилась за католическими придворными духовниками. И протестантское духовенство принялось тоже защищать свободу церкви, понимая эту свободу въ католическомъ смыслѣ порабощенія государства. Съ другой стороны, въ Пруссіи еще Фридрихъ-Вильгельмъ III сдѣлалъ попытку учрежденія государственной „евангелической“ церкви путемъ сліянія въ одно исповѣданіе кальвинизма и лютеранства (1817), но это намѣреніе встрѣтило оппозицію со стороны строгихъ лютеранъ, которые за это стали подвергаться преслѣдованіямъ. Романтически настроенный Фридрихъ-Вильгельмъ IV задумалъ потомъ „англиканизировать“ эту оффиціальную церковь [1]). Для завершенія дѣла уніи протестантскихъ церквей, противъ которой возставали не одни строгіе лютеране, не желавшіе поступиться ничѣмъ изъ своихъ ученій и порядковъ, но и болѣе либеральные протестанты, защищавшіе большую свободу религіозной жизни, въ сороковыхъ годахъ созывались синоды, которые, однако, ни къ чему не привели. Собравшаяся въ Берлинѣ въ 1848 г. высшая консисторія въ 1850 г. превратилась въ высшій церковный совѣтъ (Oberkirchenrath), который и сталъ отъ имени короля и по соглашенію съ министромъ духовныхъ дѣлъ управлять прусскою церковью, несмотря на то, что государственный законъ обезпечивалъ за всѣми исповѣданіями право самостоятельно вѣдать свои внутреннія дѣла. Далѣе, въ этомъ церковномъ совѣтѣ образовались по королевскому декрету 1852 лютеранская и реформатская фракціи, которыя продолжали между собою борьбу, хотя во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было поддерживать вліяніе и власть духовенства, всѣ члены совѣта дѣйствовали солидарно. Самые ярые

[1]) См. выше, стр. 442.

клерикалы были, впрочемъ, лютеранами. Въ 1859 г. вождь феодальной партіи Шталь выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе „О лютеранской церкви и уніи“, гдѣ въ согласіи съ общими принципами своей теоріи [1]) доказывалъ, что лютеранская церковь основана подобно католической на іерархическомъ принципѣ, тогда какъ реформатское вѣроисповѣданіе отличается демократизмомъ и духомъ неповиновенія властямъ предержащимъ. Министры духовныхъ дѣлъ были тоже сторонниками ортодоксальной нетерпимости. Вообще при назначеніи на разныя должности,—не только на пасторскія и преподавательскія мѣста, но и на мѣста административныя и судебныя,—прежде всего обращалось вниманіе на религіозныя воззрѣнія аспирантовъ. Пасторы, сколько-нибудь повинные въ „либерализмѣ“, подвергались взысканіямъ или увольненію. Рядомъ съ фанатизмомъ развивались лицемѣріе и ханжество, существованіе которыхъ было потомъ оффиціально засвидѣтельствовано самимъ правительствомъ. Если своею церковною политикою Фридрихъ-Вильгельмъ IV стремился сдѣлать изъ прусской евангелической церкви нѣчто такое, что могло бы напоминать собою русское православіе или французскій католицизмъ и въ смыслѣ строгаго единства, и въ смыслѣ полнаго соотвѣтствія съ цѣлями государственной власти, то болѣе мелкіе протестантскіе государи, за весьма немногими исключеніями (Саксенъ-Веймаръ, Кобургъ-Гота, Ольденбургъ), въ свою очередь, брали примѣръ съ Пруссіи и тоже стремились подкрѣпить политическую реакцію реакціей церковной. Понятно, что эта церковная реакція въ протестантскихъ странахъ не могла не отразиться и на школьномъ дѣлѣ. Прусскій школьный законъ 1854 г. придалъ всѣмъ низшимъ училищамъ чисто вѣроисповѣдный характеръ, развивъ въ ущербъ другимъ предметамъ религіозное обученіе и подчинивъ учителей надзору духовенства.

Острый періодъ этой общей реакціи кончается въ 1859 г. Нѣсколько крупныхъ фактовъ отмѣчаетъ наступленіе совершенно иныхъ временъ. Въ концѣ 1858 г. Пруссія получаетъ новаго правителя въ лицѣ принца-регента, который заступилъ мѣсто душевно-больного Фридриха-Вильгельма IV. Для Пруссіи и для всей Германіи это было наступленіемъ „новой эры“ (die neue Aera). Въ томъ же 1858 году Франція и Сардинія заключили между собою союзъ противъ Австріи, результатомъ котораго была итальянская война 1859 г. и послѣдовавшее затѣмъ начало объединенія Италіи. Австрійское правительство, потерпѣвшее пораженіе въ этой войнѣ, пришло, наконецъ, къ мысли о необходимости внутреннихъ реформъ, и въ монархіи Габсбурговъ тоже начинается своя новая эра. Самъ Наполеонъ III вынужденъ

[1]) См. выше, стр. 442.

былъ нѣсколько измѣнить свою внутреннюю политику. До 1859 г. французскій императоръ дѣйствовалъ въ самомъ полномъ согласіи съ духовенствомъ, но вступленіе его въ союзъ съ Сардиніей, находившейся въ оппозиціи церкви, и образованіе Итальянскаго королевства, въ составъ котораго вошла часть папскихъ владѣній, нарушили прежнія хорошія отношенія между Наполеономъ III и католиками, и ему пришлось волею-неволею искать поддержки въ либералахъ. Свое отступленіе отъ прежней политики онъ началъ съ общей амнистіи, дозволившей всѣмъ политическимъ изгнанникамъ и ссыльнымъ возвратиться на родину, а затѣмъ сталъ дѣлать и нѣкоторыя другія уступки либерализму. Такимъ образомъ повсемѣстно для либерализма наступили лучшія времена, и прерванное историческое движеніе возобновляется. Конституціонныя стремленія, игравшія такую роль въ 1848 г., получаютъ извѣстное удовлетвореніе. Одновременно удовлетворяются и національныя стремленія: происходитъ сначала объединеніе Италіи, потомъ освобожденіе Венгріи, наконецъ и объединеніе Германіи, т.-е. исполняются задачи, поставленныя 1848 годомъ, хотя и не въ томъ видѣ, и не такими способами, какъ это было задумано въ 1848 г. Новая революція шла теперь не снизу, а сверху, т.-е. была дѣломъ правительствъ, а не народовъ. Правда, рѣшая политическія и національныя задачи, поставленныя народными движеніями 1848 г., правительства должны были искать опоры въ общественныхъ силахъ и отказываться отъ прежней реакціонной политики, но отказъ этотъ далеко не былъ полнымъ, да и опоры искали они не въ демократіи, а въ среднихъ классахъ, представлявшихся умѣренно-либеральными партіями. Но возрожденіе послѣ 1859 г. политической жизни на западѣ Европы привело въ движеніе и демократическія партіи, побитыя въ 1848—49 годахъ. За возрожденіемъ политическаго и національнаго движенія послѣдовало и возрожденіе движенія соціальнаго. Шестидесятые годы были временемъ возникновенія соціалистическаго „Международнаго общества рабочихъ“ и организаціи германской соціально-демократической партіи, снова выдвинувшихъ на сцену соціальный вопросъ. Впрочемъ, и въ политическомъ, и въ національномъ, и въ соціальномъ движеніи шестидесятыхъ годовъ мы не обнаруживаемъ никакихъ новыхъ идейныхъ началъ сравнительно съ 1848 годомъ. Эти годы были временемъ практическаго осуществленія общественныхъ формулъ, выработанныхъ раньше, а не творчества новыхъ началъ, и притомъ во многихъ отношеніяхъ выполненіе не соотвѣтствовало первоначальному замыслу. Десятилѣтіе реакціи оставило еще весьма многое въ наслѣдіе слѣдующему періоду въ жизни Западной Европы.

XXVI. Господство Наполеона III въ Европѣ и во Франціи [1]).

Международныя отношенія въ эпоху второй имперіи. — Восточная война.—Торжество Наполеона III.—Общій характеръ его внѣшней политики.—Наполеонъ III и Италія.—Наполеонъ III и нѣмецкія дѣла. — Внѣевропейскія предпріятія Наполеона III.—Вліяніе его внѣшней политики на внутреннія дѣла Франціи.—Внѣшній блескъ царствованія Наполеона III.—Экономическая политика второй имперіи.—Правительственный гнетъ. — Положеніе печати. — Законодательный корпусъ. — Ссора съ духовенствомъ. — Измѣненія конституціи въ шестидесятыхъ годахъ.—Возникновеніе оппозиціи. — Послѣдніе годы имперіи. — Конецъ Наполеона III.

Эпоха второй французской имперіи — особенно во второй половинѣ пятидесятыхъ и въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, была временемъ политическаго преобладанія Франціи въ Европѣ. Россія, игравшая первенствующую роль при Николаѣ I, послѣ своего пораженія въ восточной войнѣ 1853 — 56 гг., занялась въ новое царствованіе внутренними реформами и стала держаться политики вполнѣ миролюбивой. Австрія, обезсиленная событіями 1848—49 гг. и окончательно приведенная въ разстройство реакціей пятидесятыхъ годовъ, тоже не могла выступать съ самостоятельною активною по-

---

[1]) Литература по исторіи второй имперіи весьма обширна. Кромѣ вышедшихъ еще въ шестидесятыхъ годахъ сочиненій *Girard'a* (1861), *Mullois* (1864), *Morel'я* (1869) и др., см. *Taxile-Delord.* Histoire du second Empire. 1870.—*De la Gorce.* Histoire du second Empire. 1894 и слѣд.—*Bulle.* Geschichte des zweiten Kaiserreiches und Koenigreiches Italien. 1890 (въ Allgemeine Weltgeschichte *Онкена*).—*Treitschke.* Frankreichs Staatsleben und der Bonapartismus (въ Собраніи историческихъ и политическихъ статей). — *Sybel.* Napoleon III. 1873. — *Gottschal,* Napoleon III. 1884. *Jerrold.* Life of Napoleon III. 1874 — 1882. — *Hamel.* Histoire illustrée du second Empire. 1873. — *Giraudeau.* Napoléon III intime. 1895. — По исторіи внѣшней политики въ эту эпоху, кромѣ общихъ сочиненій о XIX вѣкѣ (2 часть XV т. „Всеобщей исторіи“ *Г. Вебера*, III т. „Исторіи Европы XIX вѣка“ *Файфа*, „Исторіи нашего времени“ *Торсое*, „Политической исторіи современной Европы“ *Сеньобоса*, „Histoire diplomatique de l'Europe“ par *Debidour* и т. п.), спеціальныя сочиненія о крымской войнѣ (*Kinglake*, *Jasmund'a*, *Geffken'a*, *Rüstow'a*, *Rousset*, *Kunz'a*, *Богдановича* и др.), равно какъ о войнахъ итальянской, австро-прусской и франко-прусской, названныя въ слѣдующихъ главахъ, и общія исторіи Италіи и Германіи (съ Австріей и Пруссіей) въ эту эпоху. Кромѣ того, см. *Simson.* Beziehungen Napoleon's III zu Preussen und Deutschland. 1882.—*Poujade.* La diplomatie du second empire et celle du 4 septembre 1870.—*A. Sorel.* Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande. — *В. Даневскій.* Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. 1882.—Для внутреннихъ отношеній: *De Nervo.* Les finances de la France (1852—1860). 1861.—*E. Tenot.* Les suspects en 1859. 1869.

литикой. Вынужденная, однако, обороняться отъ нападеній со стороны Сардиніи и Пруссіи, своихъ соперницъ въ Италіи и Германіи, она вела въ этотъ періодъ войны, крайне для себя неудачныя. Но и Сардинія, и Пруссія могли перейти въ наступленіе не сразу: оба эти государства, пытавшіяся въ 1848—49 гг. вести самостоятельную активную политику, потерпѣли, какъ извѣстно, пораженіе и должны были еще собраться съ силами. Таково было положеніе дѣлъ на континентѣ, и оно было какъ нельзя болѣе выгоднымъ для Франціи. Въ самомъ началѣ царствованія Наполеона III опасными для него соперницами были только Англія и Россія, но обѣ эти двѣ державы сами находились между собою въ антагонизмѣ.

Вполнѣ подчинивъ Австрію и Пруссію своему вліянію, Николай I задумалъ въ соглашеніи съ одною Англіей рѣшить восточный вопросъ, совершенно устранивъ Францію отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Подобный планъ уже не былъ совершенною новостью: и раньше Россія искала сближенія съ Англіей, которое необходимо являлось направленнымъ противъ Франціи [1]). Но Англія, продолжая стоять на своей традиціонной точкѣ зрѣнія сохраненія цѣлости Турецкой имперіи, не обнаруживала ни малѣйшей склонности вступить въ соглашеніе съ Россіей относительно наслѣдства послѣ „больного человѣка“, какъ назвалъ русскій императоръ Турцію, и даже стала прилагать всѣ свои старанія къ тому, чтобы посѣять ссору между Турціей и Россіей. Около этого времени между православными и католиками въ Палестинѣ возгорѣлся споръ изъ-за святыхъ мѣстъ, а такъ какъ православные находились подъ покровительствомъ Россіи, то она и вступилась въ это дѣло. Какъ того Англія и желала, дѣло скоро дошло до враждебнаго столкновенія между русскимъ и турецкимъ правительствами. Для того, чтобы оказать давленіе на султана, русскія войска безъ объявленія войны заняли дунайскія княжества, но султанъ обратился тогда къ Англіи и Франціи, флоты которыхъ вошли въ проливы. Россія протестовала противъ этого нарушенія международной конвенціи 1841 г. [2]), объявившей Босфоръ и Дарданеллы закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй, но Англія отвѣчала указаніемъ на то, что послѣ вступленія русскихъ въ дунайскія княжества Турція уже не можетъ считаться состоящею на мирномъ положеніи. Затѣмъ осенью 1853 г. султанъ объявилъ войну Россіи. Война началась блестящимъ успѣхомъ для русскихъ (сраженіе при Синопѣ), но за Турцію заступились тогда обѣ великія западныя державы.

Вопросъ о святыхъ мѣстахъ задѣвалъ и французское прави-

---

[1]) См. выше, стр. 160.

[2]) См. выше, стр. 165.

тельство. Подобно тому, какъ православные находились въ Палестинѣ подъ покровительствомъ Россіи, католики издавна пользовались протекторатомъ Франціи, хотя со временъ революціи она и не особенно ревностно исполняла свою обязанность защищать католицизмъ въ Св. землѣ. Людовикъ-Наполеонъ, сдѣлавшись президентомъ республики, въ этомъ вопросѣ увидѣлъ превосходный поводъ показать свою ревность къ католицизму и къ національному престижу Франціи на Востокѣ и поднялъ вопросъ о правахъ Франціи передъ турецкимъ правительствомъ (1850). Въ Константинополѣ началось тогда соперничество французскихъ и русскихъ дипломатовъ, которое все болѣе и болѣе обостряло взаимныя отношенія обоихъ правительствъ. Русскій императоръ проникся крайнимъ нерасположеніемъ къ Наполеону III, ставшему на его дорогѣ въ Турціи и притомъ слишкомъ часто повторявшему объ унизительности для Франціи трактатовъ 1815 г. Съ своей стороны Наполеонъ III не могъ простить русскому императору, отказавшемуся назвать его своимъ братомъ [1]) и даже одно время склонявшему Австрію и Пруссію не признавать его императоромъ. Обиженный и поведеніемъ другихъ дворовъ, онъ искалъ случая показать имъ, что новый государь Франціи умѣетъ за себя постоять. Какъ-разъ въ это время Англія, собираясь помѣшать Россіи на Востокѣ, нуждалась въ союзникѣ. Поэтому она чуть не первая [2]) признала Наполеона III императоромъ и стала показывать, что отнюдь не смотритъ на него, какъ на выскочку, на котораго нельзя полагаться. Весьма естественно, что Наполеонъ III, которому нужна была война и для того, чтобы отвлечь вниманіе общества отъ внутреннихъ дѣлъ и вернуть его къ традиціямъ національной славы, ухватился за идею о защитѣ Турціи отъ Россіи въ союзѣ съ Англіей. Весною 1854 г. обѣ западныя державы тоже объявили войну Николаю I. Въ этой войнѣ Россія оказалась совершенно изолированною. Всѣ старанія Николая I устроить другую коалицію окончились неудачей. Австрія и Пруссія воздержались отъ войны, хотя втянуть ихъ въ это международное столкновеніе пытались обѣ стороны. Австрія, „поражая міръ своей неблагодарностью“ [3]), скорѣе даже готова была соединиться съ Англіей и Франціей, чѣмъ съ Россіей, и по отношенію къ ней прямо заняла угрожающее положеніе. Въ Пруссіи тоже была сильная партія, воспрепятствовавшая Фридриху-Вильгельму IV стать на сторону Россіи; она даже совѣтовала ему присоединиться къ союзникамъ, но онъ объявилъ, что никогда не начнетъ войны противъ Россіи. Это заста-

[1]) См. выше, стр. 624.

[2]) Первымъ призналъ его король неаполитанскій къ крайнему раздраженію другихъ дворовъ.

[3]) См. выше, стр. 627.

вило и Австрію воздержаться отъ участія въ войнѣ и помѣшало исполненію плана Наполеона III послать свои войска черезъ Германію въ Австрію и въ дунайскія княжества для нападенія оттуда на Россію. Но Австрія все-таки заняла эти княжества, откуда русскій императоръ долженъ былъ вывести свои войска, чтобы лишить вѣнскій дворъ всякаго предлога къ войнѣ. Когда союзники осадили Севастополь и война приняла для Россіи крайне неблагопріятный оборотъ, къ Англіи и Франціи присоединилась еще Сардинія, и Австрія заключила съ ними оборонительный союзъ и начала настаивать на томъ, чтобы и весь Германскій союзъ готовился къ войнѣ. Наполеонъ III, кромѣ того, мечталъ поднять возстанія въ Польшѣ, въ Финляндіи, на Кавказѣ и даже втянуть въ войну Швецію. Смерть Николая I и паденіе Севастополя повлекли за собою окончаніе войны. 25 февраля 1856 г. въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ одного изъ французскихъ уполномоченныхъ (французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Валевскаго) открылся конгрессъ, въ которомъ приняли участіе представители Франціи, Англіи, Россіи, Турціи, Австріи и Сардиніи, а потомъ по особому приглашенію и Пруссіи [1]). Выборъ мѣста для конгресса и предсѣдательство на немъ представителя Франціи были естественнымъ слѣдствіемъ первенствующей и руководящей роли, какую Франція играла во все время войны. 30 марта 1856 г. былъ подписанъ мирный договоръ, обезпечивавшій цѣлость и полную внутреннюю независимость Турціи, объявлявшій Черное море нейтральнымъ безъ права кому бы то ни было держать на немъ военный флотъ, а также свободу плаванія по Дунаю и устанавливавшій автономію дунайскихъ княжествъ, причемъ Молдавія получила часть русской Бессарабіи. Это было для Наполеона III эпохой величайшаго торжества. Французская имперія, будущность которой, казалось, еще упрочивалась рожденіемъ у Наполеона III сына какъ-разъ во время парижскаго конгресса, сдѣлалась первенствующей державой во всей Европѣ. Другіе государи стали искать сближенія съ Наполеономъ III и его расположенія. Въ Парижъ начали ѣздить одинъ за другимъ разные монархи, совсѣмъ забывъ, какъ недавно еще относились они къ новому французскому государю. Успѣхъ внѣшней политики Наполеона III упрочивалъ его положеніе и въ самой Франціи, такъ какъ военныя и дипломатическія побѣды, политическое преобладаніе въ Европѣ, посѣщенія Парижа коронованными особами и т. п. льстили національному самолюбію французовъ.

Внѣшняя политика вообще сдѣлалась любимымъ дѣломъ Наполеона III. Съ молодыхъ лѣтъ склонный къ мечтательности, онъ и на

[1]) См. выше, стр. 631.

императорскомъ престолѣ постоянно создавалъ въ своемъ воображеніи новые и новые политическіе планы. Другая его бѣда заключалась въ томъ, что онъ постоянно подчинялся чужимъ вліяніямъ, а эти вліянія были часто діаметрально противоположными. Въ то самое время, какъ вполнѣ опутанная клерикалами императрица дѣйствовала на своего супруга въ интересахъ политики консервативной, вполнѣ притомъ соотвѣтствовавшей тому, что дѣлалось правительствомъ внутри самой Франціи, другіе близкіе къ нему люди, напротивъ, толкали его на совершенно революціонный путь разрушенія старой международной системы въ пользу новыхъ политическихъ комбинацій, хотя бы это и шло въ разрѣзъ съ внутренней реакціей. Императоръ часто не зналъ, на что рѣшиться, и потому его поступки отличались крайнею непослѣдовательностью. Случалось даже, что онъ прибѣгалъ къ тайнымъ агентамъ, которымъ давалъ порученія, остававшіяся неизвѣстными его собственнымъ министрамъ и совершенно не соотвѣтствовавшія общему направленію его политики. Отсюда всѣ противорѣчія и неожиданности внѣшней политики Наполеона III, ставившія совершенно втупикъ дипломатовъ и заставлявшія всѣхъ постоянно предполагать у него существованіе необыкновенно коварныхъ замысловъ и самыхъ хитрыхъ плановъ. Ему самому притомъ нравилось держать Европу въ вѣчной тревогѣ, заставлять постоянно ожидать что-то скажетъ или сдѣлаетъ Франція, и такимъ образомъ разыгрывать роль вершителя судебъ Европы. Новогодніе пріемы дипломатическаго корпуса обыкновенно сопровождались рѣчами, въ которыхъ „тюльерійскій сфинксъ“ знакомилъ Европу съ своими намѣреніями, хотя и тутъ онъ часто прибѣгалъ къ намекамъ, требовавшимъ еще разгадки. Не завися въ своей внѣшней политикѣ отъ народнаго представительства и мало обращая вниманія на общественное мнѣніе страны, имѣя прямое право вступать въ союзы, объявлять войны, заключать мирные договоры единственно своею собственною властью, стоя, наконецъ, во главѣ преданной арміи, которая стала считаться лучшей арміей во всей Европѣ, Наполеонъ III могъ руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ иностранцамъ чисто личными соображеніями. Тревожныя опасенія другихъ государствъ онъ успокаивалъ постоянными увѣреніями въ безкорыстіи своихъ стремленій, говоря, что пользуется силами Франціи лишь ради исполненія цивилизаторской миссіи на благо человѣчества, для торжества свободы и мирнаго преуспѣянія народовъ. И это также льстило честолюбію французовъ, многіе изъ которыхъ вполнѣ серьезно считали себя призванными устраивать судьбы другихъ націй. Успѣхъ парижскаго конгресса внушилъ Наполеону III мысль о созваніи новаго конгресса, который передѣлалъ бы границы, созданныя трактатами 1815 года,

этимъ вѣчнымъ позоромъ Франціи. Въ немъ эти трактаты нашли наиболѣе страстнаго противника. Политическому равновѣсію Европы, основанному на братскомъ союзѣ легитимныхъ государей, въ своихъ мечтахъ онъ противопоставлялъ гармоническое сочетаніе свободныхъ и независимыхъ національностей. „Съ 1856 г., говоритъ одинъ историкъ (Debidour), желаніе доставить торжество принципу національностей сдѣлалось у Наполеона III настоящею мономаніей". Но это была у него чисто абстрактная идея: самъ ея носитель слишкомъ мало зналъ этнографію и исторію, чтобы идея эта могла получить въ его умѣ сколько-нибудь реальный обликъ, не говоря уже о томъ, что его династическіе интересы и выгоды текущей минуты нерѣдко заставляли его поступать совсѣмъ не такъ, какъ того требовалъ „принципъ національностей". Онъ мечталъ, напримѣръ, о томъ, чтобы соединить всѣ „латинскія расы" (Италію, Испанію, Португалію) подъ гегемоніей Франціи, предоставивъ подобнымъ же образомъ устроиться германскимъ и славянскимъ „расамъ", но Францію будущаго онъ представлялъ себѣ не иначе, какъ въ ея „естественныхъ границахъ"—съ Бельгіей до Рейна и до Альповъ, что̀ едва ли соотвѣтствовало принципу національностей. Такимъ образомъ политика національностей совсѣмъ не исключала въ его умѣ политики приращенія территоріи. Наиболѣе реальною частью этой политики національностей были только итальянскіе планы Наполеона III. Въ молодости онъ принималъ участіе въ заговорѣ для освобожденія Италіи [1]); далѣе у него была итальянская родня, нѣкоторые члены которой сами принимали дѣятельное участіе въ революціи 1848—49 гг., а его двоюродный братъ принцъ Наполеонъ (сынъ бывшаго вестфальскаго короля), женившійся (въ 1859 г.) на дочери короля сардинскаго, даже особенно настойчиво требовалъ освобожденія Италіи. Сверхъ всего этого своею римскою политикою Наполеонъ III вооружилъ противъ себя итальянскихъ патріотовъ, и вотъ люди, когда-то бывшіе его друзьями, стали смотрѣть на него, какъ на предателя, измѣнившаго данной раньше клятвѣ и потому достойнаго смерти. Изъ разныхъ покушеній на жизнь Наполеона III [2]) ни одно не произвело на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ покушеніе (въ январѣ 1858 г.) графа Орсини, итальянскаго патріота, сражавшагося раньше за республику и бывшаго членомъ учредительнаго собранія въ Римѣ, попавшаго затѣмъ въ мантуанскую тюрьму, но удачно оттуда бѣжавшаго. Схваченный полиціей послѣ того, какъ имъ брошены были въ императора бомбы, онъ прямо

[1]) См. выше, стр. 62.

[2]) Первыя два покушенія на его жизнь (въ 1855 г.) были тоже дѣломъ итальянцевъ (Пьянори и Белламаре).

на допросѣ заявилъ, что хотѣлъ убить Наполеона III, который долженъ былъ бы быть освободителемъ Италіи, а сдѣлался главнымъ препятствіемъ къ ея освобожденію. Изъ тюрьмы Орсини обратился къ Наполеону III съ письмомъ, въ которомъ умолялъ его освободить Италію. Адвокатъ Орсини прочиталъ это письмо передъ присяжными, и Наполеонъ III позволилъ его напечатать. Потомъ въ одной туринской газетѣ появилось второе письмо Орсини, которое онъ будто бы написалъ къ императору за два дня до своей казни. Боясь новыхъ покушеній на свою жизнь, Наполеонъ III и рѣшился взять въ свои руки итальянскій вопросъ.

Первымъ крупнымъ дѣломъ Наполеона III послѣ парижскаго конгресса [1]) было заключеніе въ 1858 г. тайнаго союза съ Сардиніей, за которымъ въ 1859 г. послѣдовала война съ Австріей. Чтобы примирить свой принципъ національностей съ свѣтской властью папы, за которую горой стояли императрица, клерикалы и крупная буржуазія, Наполеонъ III думалъ превратить Италію въ федерацію, независимую отъ Австріи и связанную съ Франціей тѣсными узами благодарности, но въ концѣ концовъ ему пришлось признать образованіе итальянскаго королевства, получивъ за это въ награду отъ Виктора-Эммануила Савойю и Ниццу. Правда, эта уступка сопровождалась условіемъ, чтобы была спрошена посредствомъ народнаго голосованія воля жителей, но голосованіе совершилось въ пользу Франціи. Вмѣшательство въ итальянскія дѣла было во Франціи очень популярно среди либераловъ и республиканцевъ, которые были только недовольны тѣмъ, что Наполеонъ III продолжалъ поддерживать свѣтскую власть папы. Во время этой войны императоръ для того, чтобы повредить Австріи, думалъ снова поднять революцію въ Венгріи и даже вступилъ по этому поводу въ личные переговоры съ Кошутомъ. Въ качествѣ покровителя угнетенныхъ національностей Наполеонъ III въ 1863 г. заступился и за поляковъ, поднявшихъ новое возстаніе противъ Россіи. И въ этомъ случаѣ на его сторонѣ было сочувствіе общественнаго мнѣнія во всей Западной Европѣ, и къ вмѣшательству въ польскія дѣла, предпринятому Наполеономъ III, присоединились Англія и Австрія. Въ союзѣ съ ними онъ думалъ даже начать войну за Польшу, но, не встрѣтивъ расположенія къ этому съ ихъ стороны, ограничился одними дипломатическими дѣйствіями. Онъ пригласилъ-было державы на новый конгрессъ для пересмотра трактатовъ 1815 г. и для рѣшенія вопросовъ римскаго, польскаго и шлезвигъ-голштинскаго, но другія государства отказались отъ этого предложенія.

---

[1]) Въ 1857 г. по соглашенію между Франціей и Россіей изъ Молдавіи и Валахіи возникла единая „румынская національность“.

Свой принципъ національностей Наполеонъ III думалъ примѣнить и къ шлезвигъ-голштинскому вопросу, снова ставшему на очередь вслѣдствіе прекращенія датской династіи; именно онъ предлагалъ присоединить къ Германіи нѣмецкія части герцогствъ. Когда Австрія и Пруссія, завоевавшія въ 1864 г. оба герцогства, потомъ подѣлили ихъ между собою, Наполеонъ III протестовалъ противъ этого во имя опять-таки принципа національностей и права жителей посредствомъ плебисцита рѣшать свою судьбу. Между тѣмъ въ Германіи снова подготовлялось выступленіе на сцену вопроса объ объединеніи. Вражда Наполеона III къ Австріи заставляла его дѣйствовать заодно съ ея врагами не только въ Италіи, но и въ Германіи. Еще до начала итальянской войны, въ виду задуманной борьбы съ Австріей императоръ, не желая имѣть противъ себя всего Германскаго союза,—который безъ Пруссіи не пошелъ бы воевать съ Франціей,—всѣми способами старался склонить на свою сторону прусскаго короля, льстя его честолюбію заманчивыми обѣщаніями на счетъ преобладанія въ германскомъ мірѣ, если только Пруссія будетъ дѣйствовать въ союзѣ съ Франціей. Въ Берлинѣ довольно рано поняли, какую выгоду можно извлечь отсюда, и вотъ когда наступило время, Пруссія, готовясь къ войнѣ съ Австріей, добилась у Наполеона III разрѣшенія для Италіи вступить въ союзъ съ нею противъ Австріи (1865 г.). Давая свое согласіе на эту комбинацію, онъ думалъ довершить объединеніе Италіи присоединеніемъ Венеціи во вредъ Австріи и усилить Пруссію увеличеніемъ и улучшеніемъ ея границъ и образованіемъ изъ сѣверной Германіи особаго прусскаго союза, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечталъ въ надлежащій моментъ явиться посредникомъ и въ награду получить, быть можетъ, Бельгію. Въ своихъ мысляхъ Наполеонъ расчленялъ Германію на Австрію, Пруссію съ сѣверо-германскимъ союзомъ, южную Германію, не зависящую ни отъ Австріи, ни отъ Пруссіи, и лѣвый берегъ Рейна, гдѣ получили бы вознагражденіе тѣ государи, у которыхъ были бы отняты земли въ пользу Пруссіи по другую сторону этой рѣки. Наполеонъ III такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ этого плана, что сталъ поддерживать Пруссію, несмотря на то, что даже бонапартистское большинство палаты апплодировало рѣчи, произнесенной Тьеромъ противъ Пруссіи и ея стремленій къ объединенію Германіи. Союзъ Италіи и Пруссіи заключалъ въ себѣ взаимныя обязательства относительно поддержки прусскаго плана преобразованія германскаго союза и присоединенія Венеціи къ Италіи. Такъ какъ, однако, дѣло сразу до войны не дошло, а самъ Наполеонъ III снова сталъ колебаться, то у него опять явилась мысль объ европейскомъ конгрессѣ, который на этотъ разъ не состоялся только вслѣдствіе упорства Австріи (1866 г.). Когда вспыхнула наконецъ война, Пруссія, обезпечен-

ная нейтралитетомъ Франціи, имѣла полную возможность двинуть всѣ свои военныя силы на Австрію и на тѣ нѣмецкія государства, которыя вступили въ союзъ съ послѣдней. Извѣстно, что Пруссія необычайно быстро нанесла Австріи рѣшительное пораженіе, тогда какъ Италія, наоборотъ, сама потерпѣла неудачу. Австрійское правительство обратилось тогда къ посредничеству Наполеона III, уступивъ ему Венеціанскую область, лишь бы онъ помогъ Австріи заключить миръ съ Италіей. Французскій императоръ снова явился въ роли вершителя судебъ Европы. Онъ нѣкоторое время колебался, что̀ ему дѣлать. Одни совѣтовали ему вступиться за Австрію, другіе—держаться нейтралитета. Наконецъ, Наполеонъ III потребовалъ отъ Италіи, чтобы она заключила перемиріе съ Австріей, и предложилъ Пруссіи условія мира. Въ общемъ они были приняты, но это уже не былъ первоначальный планъ Наполеона III, и Франція при этомъ не получила никакого территоріальнаго приращенія. Императоръ мечталъ сначала получить владѣнія Баваріи и Гессена на лѣвомъ берегу Рейна, но прусское правительство отказало ему въ этомъ и даже обнародовало весь этотъ проектъ, чтобы заставить Баварію и Гессенъ заключить съ нею тайные союзы противъ Франціи. Но Пруссія все-таки еще продолжала лелѣять мечты Наполеона III о пріобрѣтеніи Бельгіи и Люксембурга. Когда, однако, въ 1867 г. французскій императоръ вступилъ съ голландскимъ королемъ, какъ государемъ Люксембурга въ переговоры объ уступкѣ этого великаго герцогства за деньги и сдѣлка на этотъ счетъ была уже вполнѣ готова, Пруссія объявила голландскому королю, что уступка Люксембурга Франціи можетъ быть поводомъ къ войнѣ. Продажа не состоялась, и Наполеонъ III долженъ былъ отказаться отъ своихъ плановъ.

Своими успѣхами въ шестидесятыхъ годахъ Пруссія была обязана новому государственному человѣку, смѣнившему Наполеона III въ качествѣ вершителя судебъ Европы. Это былъ Отто фонъ-Бисмаркъ, который первый нанесъ рѣшительный ударъ престижу Наполеона III въ Европѣ [1]). Отношеніе императора къ Пруссіи, побившей Австрію, увеличившей свои владѣнія присоединеніемъ одной части сѣверо-германскихъ государствъ, ставшей во главѣ союза съ другою ихъ частью и вдобавокъ воспротивившейся его планамъ объ увеличеніи территоріи, совершенно послѣ этого измѣнилось. Франція стала теперь искать союзниковъ противъ Пруссіи и съ этою цѣлью вступила въ переговоры съ Австріей и Италіей, которые привели лишь къ тому, что Наполеонъ III, Францъ-Іосифъ и Викторъ-Эммануилъ

[1]) Впослѣдствіи Бисмаркъ остроумно назвалъ Наполеона III „непризнанной, но крупной бездарностью“.

обязались не заключать никакихъ союзовъ, предварительно не сообщивъ о томъ другъ другу (1869 г.). Безъ союзниковъ Наполеонъ III не рѣшался нападать на Пруссію, но послѣдняя сумѣла въ 1870 г. вызвать войну, бывшую настоящимъ пораженіемъ Франціи и положившую конецъ владычеству Наполеона III, но вмѣстѣ съ тѣмъ повлекшую за собою окончательное объединеніе Италіи и Германіи.

Въ слѣдующихъ главахъ мы остановимся подробнѣе на ходѣ объединенія Италіи и Германіи. Принципъ національностей, который Наполеонъ III хотѣлъ ввести въ международную жизнь Европы, вполнѣ соотвѣтствовалъ стремленіямъ, проявившимся въ обѣихъ этихъ странахъ въ 1848 г. Выступивъ противъ Австріи, которая была главною противницей національныхъ движеній въ Италіи и Германіи, Наполеонъ III явился союзникомъ Сардиніи и Пруссіи, которыя стали во главѣ итальянскаго и германскаго объединенія. Французскій императоръ допускалъ, однако, это объединеніе двухъ сосѣднихъ съ Франціей націй лишь до извѣстныхъ предѣловъ, далѣе которыхъ онѣ не должны были итти, и, кромѣ того, подъ условіемъ вознагражденія Франціи. Въ обѣихъ націяхъ на него стали смотрѣть поэтому, какъ на главную помѣху окончательнаго объединенія, и это создало ему и тамъ, и здѣсь массу враговъ. Присоединеніе Савойи и Ниццы было единственнымъ пріобрѣтеніемъ, удавшимся Наполеону III, но зато война 1870 г. лишила Францію Эльзаса и Лотарингіи.

Въ промежутокъ между войнами въ Европѣ Наполеонъ III занималъ вниманіе цивилизованнаго міра внѣ-европейскими предпріятіями. Въ 1860 г. въ Сиріи произошелъ взрывъ мусульманскаго фанатизма, и Франція для защиты христіанъ отъ рѣзни послала туда свое войско, которое и произвело оккупацію этой провинціи. Но особенно характерна для политики Наполеона III мексиканская экспедиція. Ни въ чемъ такъ рельефно не проявился мечтательный характеръ его политики, на практикѣ дѣлавшей его простымъ авантюристомъ, какъ именно въ этомъ его предпріятіи. Стремясь къ объединенію латинскихъ расъ [1]), онъ обратилъ свои взоры и на Америку. Онъ воспользовался дурнымъ состояніемъ финансовъ въ Мексикѣ, отъ котораго страдали европейскіе кредиторы, чтобы при содѣйствіи Англіи и Испаніи вмѣшаться въ мексиканскія дѣла (1862). Когда, однако, правительства обѣихъ названныхъ странъ увидѣли, что Наполеонъ III затѣваетъ что-то большее, они предоставили ему свободу дѣйствовать одному. Онъ послалъ тогда въ Мексику цѣлую армію съ цѣлью ея завоеванія и образованія изъ нея вассальнаго государства подъ властью австрійскаго эрцгерцога Максимиліана. Война между Югомъ и Сѣверомъ въ Сѣверо-

[1]) См. выше, стр. 657.

Американскихъ Штатахъ благопріятствовала Наполеону III, и онъ даже думалъ при содѣйствіи другихъ европейскихъ государствъ разбить Штаты на два независимые другъ отъ друга союза. Когда Сѣверъ одолѣлъ южанъ, то вашингтонское правительство объявило, что въ Мексикѣ оно признаётъ только власть прежняго президента Хуареса, который еще держался съ республиканцами на сѣверѣ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ вашингтонское правительство выразило Наполену III свое желаніе, чтобы онъ отозвалъ свои войска обратно (1865). Наполеонъ III, обязавшійся передъ „императоромъ“ Максиміліаномъ содержать въ Мексикѣ для его защиты значительное войско, объявилъ ему, что перемѣнившіяся обстоятельства заставляютъ его удалить оккупаціонную армію (1866). Хлопоты жены Максиміліана, пріѣхавшей въ Европу просить за своего мужа, оставляемаго на произволъ судьбы, лишь на короткое время отсрочили отозваніе французскихъ войскъ (1867). Наполеонъ III старался убѣдить Максиміліана отречься отъ престола, но тотъ остался въ Мексикѣ и вскорѣ послѣ отправки оттуда послѣдняго французскаго отряда былъ взятъ въ плѣнъ Хуаресомъ. Максиміліанъ никогда не хотѣлъ признавать офицеровъ и солдатъ Хуареса за воюющую сторону и даже издалъ декретъ, предписывавшій разстрѣливать ихъ, какъ разбойниковъ. Взятый самъ въ плѣнъ, онъ былъ приговоренъ къ разстрѣлянію. Такой позорный исходъ мексиканской экспедиціи тоже не мало содѣйствовалъ потерѣ Наполеономъ III его престижа. Такимъ образомъ временемъ наибольшаго могущества Наполеона III было десятилѣтіе между парижскимъ конгрессомъ и австро-прусскою войною, одновременно съ которою политика Наполеона III потерпѣла пораженіе и въ Америкѣ (1856—1866).

Внѣшняя политика, игравшая главную роль въ царствованіе Наполеона III, оказывала громадное вліяніе и на направленіе внутренней политики. Каждый дипломатическій и военный успѣхъ упрочивалъ положеніе императора во Франціи и укрѣплялъ систему управленія, введенную имъ послѣ переворота 2 декабря, и наоборотъ, каждая неудача колебала его власть и наносила ударъ установленнымъ имъ порядкамъ. Съ другой стороны, въ этой внѣшней политикѣ важное значеніе принадлежало отношеніямъ къ папству, которыя совершенно измѣнились послѣ того, какъ Наполеонъ III оказалъ содѣйствіе Сардиніи на Апеннинскомъ островѣ. Въ зависимости отъ этого его царствованіе можетъ быть раздѣлено на три періода. Первый охватываетъ собою пятидесятые годы, періодъ наибольшей реакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ начала политическаго преобладанія Франціи въ Европѣ. Это преобладаніе продолжается и во второмъ періодѣ, но реакція въ самой Франціи уже нѣсколько смягчается, благодаря тому, что клерикальная партія становится къ императору послѣ 1859 г. въ

непріязненныя отношенія, и Наполеонъ III этимъ былъ вынужденъ сдѣлать нѣкоторыя уступки либерализму. Наконецъ, австро-прусская война и исходъ мексиканской экспедиціи заставили Наполеона III еще болѣе отступить отъ своей прежней системы въ либеральномъ направленіи. Впрочемъ, всѣ уступки, которыя были сдѣланы императоромъ во второмъ и третьемъ періодахъ, мало измѣняли существо системы [1]).

Подобно своему дядѣ, Наполеонъ III старался утѣшать націю, лишенную свободы, внѣшнимъ блескомъ и славою своего царствованія. Парижъ сдѣлался въ его время какъ бы столицею всей Европы, которую стали одинъ за другимъ посѣщать европейскіе монархи (короли бельгійскій и португальскій, англійская королева, короли сардинскій, вюртембергскій и баварскій, великій герцогъ тосканскій и др. въ пятидесятыхъ годахъ, русскій императоръ и прусскій король въ шестидесятыхъ годахъ и т. д.). Двѣ всемірныя выставки, устроенныя Наполеономъ III въ Парижѣ въ 1855 и 1867 гг., тоже много содѣйствовали блеску его царствованія. Французскій дворъ сдѣлался самымъ роскошнымъ и веселымъ во всей Европѣ, какъ то было и во времена Наполеона I. Этотъ дворъ задавалъ тонъ обществу и по части беззаботнаго наслажденія удовольствіями, и по части легкости нравовъ. Вторая имперія имѣла для Франціи прямо растлѣвающее значеніе: общественная нравственность вообще сильно понизилась въ эту эпоху. Желая доставить заработки пролетаріату и вмѣстѣ съ тѣмъ распланировать Парижъ такъ, чтобы, уничтоживъ старыя узкія улицы и проложивъ новыя, широкія, сдѣлать въ немъ невозможною баррикадную борьбу, Наполеонъ III предпринялъ перестройку своей столицы, сдѣлавшую этотъ городъ самымъ красивымъ и блестящимъ во всей Европѣ. Словомъ, Парижъ превратился въ центръ веселой свѣтской жизни, тонкихъ художественныхъ наслажденій, хорошаго вкуса и моды. Императрица Евгенія сдѣлалась настоящей законодательницей модъ, а перестройка Парижа прославила имя главнаго своего руководителя барона Османа (собственно Hausmann'a). Газеты взапуски раздували значеніе этого внѣшняго великолѣпія второй имперіи.

Кромѣ блеска и веселой жизни, которые могли бы заставить забыть потерю свободы, Наполеонъ III заботился и о томъ, чтобы вліятельные классы общества могли и обогащаться, какъ во времена Людовика-Филиппа. Грандіозная перестройка Парижа, проведеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденіе всевозможныхъ акціонерныхъ обществъ

[1]) Замѣтимъ еще, что Наполеонъ III выступалъ и въ качествѣ писателя. Въ 1865—66 гг. онъ напечаталъ „Исторію Юлія Цезаря", въ которой онъ подъ видомъ восхваленія этого государственнаго человѣка древности, въ сущности, лишь оправдывалъ самого себя.

(между прочимъ кредитныхъ), разныя поставки для обмундированія, вооруженія и прокормленія арміи, государственные займы, бывшіе результатомъ широкихъ внѣшнихъ и внутреннихъ предпріятій, все это создавало массу случаевъ нажиться множеству лицъ, отдавшихся съ увлеченіемъ погонѣ за матеріальнымъ благосостояніемъ. Въ обществѣ въ эту эпоху до крайности развилась страсть къ денежнымъ спекуляціямъ. Государственные займы, заключавшіеся правительствомъ Наполеона III, имѣли обыкновенно большой успѣхъ въ націи, и панегиристы имперіи каждый разъ комментировали успѣхъ подписки, какъ одобреніе націей политики императора. Финансисты сдѣлались снова большою силою, и биржа своей игрой на повышеніе и пониженіе отражала на себѣ всѣ перипетіи внѣшней политики правительства. Хотя Наполеонъ III и выставлялъ себя защитникомъ рабочихъ и даже написалъ въ старыя времена брошюру объ искорененіи пауперизма, на самомъ дѣлѣ всѣ его мѣры, касавшіяся пролетаріата, вызывались только боязнью новыхъ возстаній, а не дѣйствительнымъ желаніемъ соціальныхъ реформъ. Экономическая политика Наполеона III имѣла чисто буржуазный характеръ. Во Франціи среди экономистовъ и ранѣе была популярна идея невмѣшательства [1]), а крушеніе соціализма въ 1848 г. лишь еще болѣе утвердило ихъ въ вѣрности принципа „laisser passer, laisser faire“. Главнымъ авторитетомъ въ области политической экономіи сдѣлался теперь Бастіа, авторъ „Политическихъ гармоній“, доведшій принципы манчестерской школы до самаго крайняго выраженія. Настоящимъ руководителемъ экономической политики второй имперіи сдѣлался Мишель Шевалье, стоявшій на точкѣ зрѣнія свободы торговли въ то самое время, какъ Шарль Дюнуайе проповѣдовалъ свободу промышленности. Англія лишь незадолго передъ тѣмъ перешла къ системѣ свободы торговли [3]), и ея примѣръ сильно импонировалъ континентальнымъ правительствамъ. Наполеонъ III тоже сильно хлопоталъ объ увеличеніи сбыта за границу произведеній французской промышленности. Отступивъ въ этомъ отношеніи отъ традицій первой имперіи, онъ прямо дѣйствовалъ въ духѣ свободной торговли, понижая или совсѣмъ отмѣняя таможенныя пошлины и заключая торговые трактаты съ другими странами, облегчавшими коммерческія сношенія. Съ Англіей въ 1860 г. онъ заключилъ торговый договоръ на новыхъ началахъ, не спросивъ мнѣнія законодательнаго корпуса. Въ общемъ, вся политика Наполеона III стоила націи очень дорого, но для буржуазіи она доставляла большія вы-

[1]) См. выше, стр. 99.
[2]) См. выше, стр. 97 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 96—97.

годы. Мелкіе капиталисты, помѣщавшіе свои сбереженія въ государственныхъ бумагахъ, были тоже благопріятствуемы такой системой.

Стараясь расположить къ себѣ своихъ подданныхъ политикой національной славы и національнаго богатства, Наполеонъ III въ то же время продолжалъ дѣйствовать на нихъ и путемъ устрашенія. Въ пятидесятыхъ годахъ во Франціи воскресла вся деспотическая система Наполеона I. Агенты правительства пользовались самою широкою властью и ничѣмъ не стѣснялись въ ея проявленіи: аресты, обыски, полицейскій надзоръ, шпіонство и провокаторство были главными средствами этой системы. Покушеніе Орсини на жизнь Наполеона III, хотя и произведенное итальянцемъ и по поводу итальянскихъ дѣлъ [1]), дало предлогъ правительству еще болѣе обострить систему, введенную послѣ 2 декабря. Наполеонъ III раздѣлилъ Францію на пять округовъ съ маршаломъ во главѣ каждаго и соединилъ въ рукахъ одного изъ участниковъ 2 декабря, Эспинаса, министерства военное и полиціи. Вся Франція была подвергнута усиленной охранѣ, стѣснявшей даже переѣзды внутри страны, не говоря уже о заграничныхъ сообщеніяхъ. На таможняхъ стали обыскивать путешественниковъ, не везутъ ли они чего-либо печатнаго противъ императора. Въ законодательномъ корпусѣ былъ проведенъ „законъ объ общественной безопасности“, дававшій правительству право безъ всякаго суда сажать въ тюрьму, ссылать и изгонять изъ государства всѣхъ, кто только раньше подвергался осужденію по политическимъ причинамъ, а также и тѣхъ, кто впослѣдствіи будетъ осужденъ. Приведеніе этого закона въ дѣйствіе началось съ того, что правительство предписало всѣмъ префектамъ примѣнить его къ извѣстному количеству (20—40) лицъ въ каждомъ департаментѣ, причемъ самый выборъ лицъ былъ предоставленъ усмотрѣнію префектовъ. Цѣлью правительства было устрашить общество и отдѣлаться отъ наиболѣе непріятныхъ республиканцевъ. Лишь постепенно эта система стала замѣняться менѣе устрашительными мѣрами, которыя, однако, вообще не прекращались до самаго конца имперіи. Чтобы имѣть поводъ безконтрольно распоряжаться гражданами, полиція даже сочинила въ 1864 г. новое покушеніе на жизнь Наполеона III, за которое нѣсколько человѣкъ отвѣтило тюремнымъ заключеніемъ или ссылкою.

Совсѣмъ какъ и во времена первой имперіи, печать была сильно стѣснена правительствомъ Наполеона III. Въ 1852 г. залоги, которые вносились издателями, были повышены до 50 т. франковъ, но сверхъ того на изданіе газеты требовалось разрѣшеніе правительства, которое утверждало и редакторовъ. Процессы по дѣламъ печати изъ вѣ-

[1]) См. выше, стр. 657.

дѣнія суда присяжныхъ были переведены въ вѣдѣніе суда исправительной полиціи, и отчеты объ этихъ процессахъ не могли печататься въ газетахъ; запрещалось печатать и пренія въ законодательномъ корпусѣ. Администрація могла давать газетамъ предостереженія и даже прямо ихъ закрывать. Одна провинціальная газета подверглась предостереженію за то, что въ извѣстіи о восторгѣ, съ какимъ была принята одна рѣчь императора, указала на источникъ этого извѣстія въ такой формѣ: „по словамъ агентства Гаваса", что было истолковано въ смыслѣ сомнѣнія въ достовѣрности извѣстія. Въ эту эпоху расплодилось во Франціи множество газетъ и брошюръ, издатели и авторы которыхъ получали внушенія и деньги отъ правительства, дабы вліять на общество въ благопріятномъ для имперіи смыслѣ. Научная дѣятельность тоже была крайне стѣснена, и въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія царила реакція.

Въ пятидесятыхъ годахъ политическая жизнь во Франціи совершенно поэтому прекратилась. На сценѣ дѣйствовали только армія, чиновничество, духовенство и оффиціальная пресса. Военные заняли при Наполеонѣ III привилегированное положеніе, и онъ охотно давалъ преданнымъ генераламъ важныя государственныя должности. Національная гвардія въ 1852 г. была распущена въ виду предположеннаго преобразованія, но это преобразованіе такъ и осталось однимъ предположеніемъ. Политическихъ собраній уже не существовало въ послѣднія времена второй республики, и были даже запрещены избирательныя собранія подъ тѣмъ предлогомъ, что они нарушаютъ свободу избирателей. Послѣднее соображеніе, однако, не мѣшало правительству широко пользоваться системою оффиціальныхъ кандидатуръ, но уже на основаніи того принципа, что правительство обязано просвѣщать гражданъ. Сверхъ того, правительство и его агенты въ департаментахъ,—между прочимъ руководившіе выборами меры,—прибѣгали къ очень разнообразнымъ способамъ, чтобы въ законодательный корпусъ попадали лишь сторонники существующей системы. Избирательные округа распредѣлялись самымъ произвольнымъ образомъ и даже составлялись изъ городскихъ и сельскихъ участковъ; оффиціальные кандидаты усиленно рекомендовались населенію, а ихъ соперники объявлялись чуть не бунтовщиками; счетъ голосовъ часто производился безъ всякаго контроля, и результаты прямо подтасовывались. Немудрено, что составъ законодательнаго корпуса былъ самый послушный. Сессіи корпуса были непродолжительны—всего три мѣсяца въ году, а права его весьма ограниченныя. У него не было законодательной иниціативы; бюджетъ онъ вотировалъ не по отдѣльнымъ статьямъ, а по министерствамъ; публичность преній могла быть всегда уничтожена требованіемъ хотя бы пяти депутатовъ; газеты

имѣли право печатать лишь сокращенный оффиціальный отчетъ о преніяхъ. Въ первые годы имперіи въ законодательномъ корпусѣ не было ни одного республиканца, а затѣмъ въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ ихъ была только знаменитая „пятерка“ (les cinq) представителей Парижа и Ліона, допущенныхъ подъ условіемъ принесенія особой присяги въ вѣрности императору. Только амнистія, вернувшая ссыльныхъ и опальныхъ въ 1857 г., и ослабленіе реакціи послѣ 1859 г. дали возможность нѣсколько усилиться республиканской оппозиціи. Немного свободнѣе дѣйствовали орлеанисты, среди которыхъ въ шестидесятыхъ годахъ опять игралъ первенствующую роль Тьеръ [1]).

Только въ шестидесятыхъ годахъ, какъ было уже сказано, Наполеонъ III сталъ отчасти ослаблять этотъ деспотическій режимъ одновременно съ ослабленіемъ реакціи и въ другихъ государствахъ. Ссора правительства съ духовенствомъ, вызванная итальянской войной, обострилась, когда правительство запретило обнародованіе папскаго „Силлабуса“ [2]) за его несоотвѣтствіе съ принципами, на которыхъ основана французская конституція, а на протестъ епископовъ отвѣтило рѣзкимъ осужденіемъ его въ государственномъ совѣтѣ. Самъ Наполеонъ III, открывая сессію законодательнаго корпуса въ 1865 г., заявилъ, что будетъ охранять права свѣтской власти. Духовенство даже сдѣлало нападеніе на министра народнаго просвѣщенія Дюрюи, который, по представленію клерикальной партіи, отравлялъ школьное преподаваніе духомъ матеріализма; въ этомъ смыслѣ оно даже подавало жалобы въ сенатъ

Съ 1860 по 1870 г. въ конституціи 1852 г. было сдѣлано нѣсколько измѣненій. Въ 1860 г. Наполеонъ III выразилъ желаніе „дать великимъ учрежденіямъ государства болѣе непосредственное участіе въ общей политикѣ“. Декретомъ 24 ноября этого года, за которымъ послѣдовало нѣсколько сенатусъ-консультовъ, онъ внесъ въ конституцію кое-какія измѣненія, которыя приближали ее къ обычаямъ парламентарнаго правленія. Сенату и законодательному корпусу предоставлено было право ежегодно при открытіи сессіи вотировать адресъ въ отвѣтъ на императорскую рѣчь; но адресъ долженъ былъ обсуждаться въ присутствіи правительственныхъ коммиссаровъ, отъ которыхъ обѣ стороны заранѣе могли бы получать необходимыя объясненія относительно внутренней и внѣшней политики правительства. Далѣе, разрѣшалось публиковать въ газетахъ стенографическіе отчеты о преніяхъ, происходившихъ въ сенатѣ и законода-

---

[1]) Гизо послѣ 1848 г. совсѣмъ покинулъ политическую дѣятельность.

[2]) См. выше, стр. 644.

тельномъ корпусѣ. Кромѣ того, учреждались особые министры безъ портфелей, обязанностью которыхъ было поддерживать въ обѣихъ палатахъ правительственные законопроекты. Наконецъ, бюджетъ каждаго министерства сталъ раздѣляться на отдѣльныя статьи (section), и законодательный корпусъ могъ отвергнуть одну какую-либо статью, тогда какъ раньше онъ долженъ былъ принимать или отвергать весь бюджетъ цѣликомъ (en bloc). Декретъ 19 января 1867 г. прямо расширялъ компетенцію сената и законодательнаго корпуса, предоставивъ имъ право интерпелляціи, т.-е. право предлагать правительству запросы по разнымъ предметамъ внутренней и внѣшней политики и даже высказывать свои мнѣнія по даннымъ объясненіямъ. Особенно же важныя измѣненія были введены въ конституцію сенатусъ-консультами 8 ноября 1869 года и 20 апрѣля 1870 года. Это была, въ сущности, новая конституція, которая была утверждена плебисцитомъ 8-го мая 1870 г. (7.350.142 утвердительныхъ голоса противъ 1.538.825 голосовъ отрицательныхъ при 112.975 пустыхъ бюллетеняхъ) и затѣмъ развита въ сенатусъ-консультѣ 21 мая. Сущность всѣхъ нововведеній сводилась къ тому, что у сената отнималась учредительная власть, которая ему принадлежала при первой имперіи. Законодательный корпусъ получалъ право законодательной иниціативы и избранія членовъ своего бюро, причемъ уничтожены были нѣкоторыя ограниченія въ правѣ интерпеллировать правительство. Министры дѣлались отвѣтственными и составляли изъ себя совѣтъ подъ предсѣдательствомъ императора, хотя этотъ совѣтъ и не былъ настоящимъ парламентскимъ министерствомъ, зависящимъ отъ большинства народныхъ представителей. Трибуна, которая была устранена изъ обѣихъ палатъ конституціей 1852 года, была теперь возстановлена. Однако, изъ новаго плебисцита Наполеонъ III думалъ извлечь только усиленіе своей власти, разсматривая себя, подобно Наполеону I, „единственнымъ истиннымъ представителемъ народа“ [1]). Одновременно съ этимъ и печать стала получать нѣкоторое облегченіе прежняго режима, что дало возможность газетамъ свободнѣе, хотя и съ большою осторожностью, часто лишь одними намеками обсуждать правительственную политику. Допущены были даже подъ извѣстными ограниченіями и собранія (1868).

Первыя же уступки Наполеона III дали возможность свободнѣе выступить недовольнымъ имперіей республиканцамъ, орлеанистамъ и легитимистамъ, вступившимъ между собою въ союзъ и образовавшимъ такъ называемую либеральную оппозицію. На выборахъ 1863 г. Парижъ высказался исключительно за оппозиціонныхъ депутатовъ. Въ

[1]) См. т. IV, стр. 79 и 103.

законодательномъ корпусѣ ихъ было теперь уже 35, хотя подавляющее большинство (249) все-таки принадлежало правительству. Въ 1863 г. впервые послѣ очень долгаго молчанія оппозиція стала критиковать внѣшнюю и внутреннюю политику правительства, нападать на мексиканскую экспедицію, на расточительность, на стѣсненія свободы. Тьеръ, который при республикѣ самъ содѣйствовалъ реакціи [1]), заговорилъ о существованіи нѣкоторыхъ „libertés nécéssaires“ [2]), попираемыхъ правительствомъ. Нѣкоторое оживленіе либерализма заразило и кое-кого изъ представителей бонапартистскаго большинства, которые жаловались на своеволіе министровъ и стали добиваться для законодательнаго корпуса бо́льшаго вліянія. Они даже составили небольшую „третью партію“ (tiers parti) и въ слѣдующихъ годахъ начали агитировать въ пользу отвѣтственнаго министерства, подчиненія печати суду и отмѣны закона, запрещавшаго собранія. Расколъ въ бонапартистской партіи касался и внѣшней политики. Въ то время какъ реакціонеры, имѣя во главѣ императрицу и всесильнаго министра Руэра, стояли за то, чтобы Франція выступила противъ Пруссіи и Италіи [3]), „третья партія“ стояла за сохраненіе мира. Ея вождемъ сдѣлался Оливье, бывшій республиканскій депутатъ, перешедшій на сторону Наполеона III. Самъ императоръ, сдѣлавшій этой партіи въ началѣ 1867 г. уступку, долго не рѣшался, однако, вполнѣ соединиться съ нею. Наступилъ періодъ колебаній, которыя поддерживались личнымъ соперничествомъ Руэра и Оливье. Первый изъ нихъ, достигшій такого значенія, что его даже прозвали „вице-императоромъ“, былъ поборникомъ абсолютизма и реакціи. За нимъ стояла большая партія, которая была за сохраненіе старой системы сильной власти и воинственной политики. Планъ этой партіи состоялъ въ томъ, чтобы разгромить Пруссію въ отместку за 1866 г. и, опираясь на военный успѣхъ, снова вернуть прежніе порядки внутри страны. Она, конечно, съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣла на усиленіе оппозиціи. Дѣйствительно, пользуясь смягченіемъ законодательства о печати, сходкахъ и т. п., республиканцы начали рѣзко нападать на имперію. Особенно враждебное положеніе заняла по отношенію къ правительству газета Рошфора „Lanterne“, зло и остроумно бичевавшая своими насмѣшками существующій режимъ. Затѣмъ много шума надѣлала подписка, объявленная нѣсколькими газетами на памятникъ депутату Бодену, убитому на баррикадахъ въ 1851 году [4]). Эта подписка сдѣлалась предметомъ политическаго процесса, во время котораго

[1]) См. выше, стр. 597, 602, 606 и 607.
[2]) См. выше, стр. 263.
[3]) См. выше, стр. 660.
[4]) См. выше, стр. 613.

адвокатъ Гамбетта произнесъ рѣчь, порицавшую государственный переворотъ. 2 декабря 1868 г. республиканцами были предприняты даже кое-какія манифестаціи. Все это были довольно грозные для Наполеона III признаки, но онъ не могъ уже слѣдовать политикѣ Руэра. Выборы въ законодательный корпусъ 1869 г. дали большинство „третьей партіи“ и либеральной оппозиціи. У Наполеона III потребовали реформъ, и послѣ нѣкотораго колебанія онъ далъ отставку Руэру и согласился на вышеупомянутое измѣненіе конституціи. Наступилъ кратковременный періодъ такъ называемой либеральной имперіи. Открывая сессію законодательнаго корпуса 29 ноября 1869 г., Наполеонъ III опредѣлилъ свою будущую политику слѣдующими словами: „Франція желаетъ свободы и порядка. За порядокъ отвѣчаю я, вы же помогайте мнѣ охранять свободу. Дабы выполнить эту задачу, станемъ держаться одинаково далеко и отъ реакціонныхъ стремленій, и отъ революціонныхъ ученій. Между людьми, противящимися всякимъ перемѣнамъ, и людьми, стремящимися къ ниспроверженію всего, можно занять похвальную середину“. Вскорѣ послѣ этого Наполеонъ III поручилъ Оливье составить однородное министерство, которое пользовалось бы довѣріемъ большинства законодательнаго корпуса, и 2 января 1870 г. Оливье вступилъ во власть.

Въ законодательномъ корпусѣ 1869—70 гг. у республиканской оппозиціи, которую Наполеону III не удалось примирить съ собою никакими уступками, было лишь сорокъ голосовъ. „Непримиримые“ были всѣ настроены болѣе или менѣе въ духѣ традицій 1793 и 1848 гг. Уже на выборахъ 1869 г. эта оппозиція выступила съ явною республиканскою программою Гамбетты, получившею названіе Бельвильской,—съ программою, составленною въ духѣ политическихъ требованій радикализма, но только глухо упоминавшею о соціальномъ вопросѣ, рѣшеніе котораго должно было дать новое государственное устройство. Въ началѣ 1870 г. республиканцы устроили даже грандіозную демонстрацію, которая могла бы при иныхъ условіяхъ перейти въ возстаніе. Поводъ былъ такой: двоюродный братъ императора (сынъ Луціана), принцъ Петръ Бонапартъ, отличавшійся необузданнымъ характеромъ, раздраженный противъ нѣсколькихъ журналистовъ вслѣдствіе нападокъ на него и его родню, убилъ сотрудника газеты Рошфора „Марсельеза“, Виктора Нуара, выстрѣливъ въ него изъ пистолета, когда тотъ пришелъ къ принцу для личныхъ объясненій. Похороны убитаго собрали на улицу стотысячную толпу народа, и для предотвращенія безпорядковъ явились полиція и войска. Рошфоръ былъ преданъ суду и приговоренъ къ тюремному заключенію и большому штрафу за преступную агитацію, а принцъ Бонапартъ, наоборотъ,

былъ оправданъ чрезвычайнымъ судомъ въ Турѣ. Такой исходъ дѣла вызвалъ новый взрывъ негодованія въ республиканской партіи.

Тогда Наполеонъ III по совѣту Руэра прибѣгъ къ старому бонапартовскому средству обращенія къ народу, бывшему весьма удобнымъ, когда нужно было найти опору противъ политическихъ партій. Таково было происхожденіе знаменитаго „плебисцита“ 1870 г. Французскому народу было предложено отвѣтить „да“ или „нѣтъ“ на вопросъ, одобряетъ ли онъ либеральныя реформы, предпринятыя императоромъ съ 1860 г. при содѣйствіи высшихъ государственныхъ установленій и желаетъ ли онъ утвердить сенатусъ-консультъ 20 апрѣля 1870 г., вводившій новую конституцію. По оффиціальному толкованію вопроса, дать утвердительный отвѣтъ значило выразить желаніе сохранить императора и вмѣстѣ съ этимъ облегчить переходъ короны къ его сыну. Правительство предписало своимъ агентамъ развить самую лихорадочную дѣятельность, чтобы получить какъ можно болѣе утвердительныхъ голосовъ, и администрація всѣми силами старалась внушить народу ту мысль, что утвердительный отвѣтъ только упрочитъ во Франціи и внутреннюю свободу, и внѣшній миръ. Либералы стояли также за утвердительный отвѣтъ, но республиканцы объявили себя противъ предложенія, указавъ на то, что плебисцитъ, устроенный правительствомъ, въ сущности, былъ не чѣмъ инымъ, какъ давленіемъ на волю народа. Мы уже упомянули [1]), какое подавляющее большинство голосовъ было подано за императора. Но и полтора милліона „нѣтъ“ кое-что значили, тѣмъ болѣе, что во многихъ большихъ городахъ большинство оказывалось часто отрицательнымъ, и что около 50 т. несогласныхъ нашлось въ арміи и флотѣ.

Плебисцитъ, семью слишкомъ милліонами голосовъ снова утверждавшій Наполеона III и его династію на престолѣ, состоялся 8 мая 1870 г., но не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ этого, какъ имперіи во Франціи болѣе не существовало. Въ послѣдніе годы Наполеонъ III очень хворалъ, такъ что одно время даже опасались за его жизнь. Онъ начиналъ все болѣе и болѣе чувствовать усталость и даже самъ сравнивалъ себя съ утомленнымъ путешественникомъ, который понемногу облегчаетъ свою ношу. Вмѣстѣ съ этимъ онъ все чаще и чаще начиналъ впадать въ молчаливую задумчивость, сидя съ полузакрытыми глазами и не обращая вниманія на то, что дѣлалось вокругъ. И прежде склонный къ колебаніямъ, всегда доступный личнымъ вліяніямъ и принимавшій потому противорѣчивыя и неожиданныя рѣшенія, онъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, не былъ теперь полнымъ господиномъ своихъ дѣйствій. Придворныя интриги,

---

[1]) См. выше, стр. 668.

въ которыхъ замѣшана была императрица и которыя стояли въ извѣстной связи съ отношеніями къ папству (по поводу ватиканскаго собора и французскаго отряда въ Римѣ), внесли свою долю въ путаницу французской политики 1870 г. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Дарю, сторонникъ мира и противникъ папскихъ притязаній, былъ замѣненъ Грамономъ, который, наоборотъ, былъ настроенъ самымъ воинственнымъ образомъ. Несмотря на миролюбивое расположеніе самого императора, который вдобавокъ былъ боленъ, Грамонъ воспользовался первымъ предлогомъ, чтобы довести дѣло до войны съ Пруссіей. Объявленіе войны состоялось 17 іюля, и черезъ шесть недѣль Наполеонъ III былъ уже въ плѣну (2 сентября), а въ Парижѣ народъ провозгласилъ республику (4 сентября). Война была начата легкомысленно, безъ союзниковъ, безъ знанія силъ противника, безъ надлежащей подготовки, съ арміей и интендантствомъ, оказавшимися ниже своей задачи, но въ воинственномъ задорѣ была виновата и та часть французскаго народа, которая стремилась къ новымъ завоеваніямъ, мечтала о рейнской границѣ и кричала на улицахъ Парижа: „въ Берлинъ, въ Берлинъ!“ Седанская катастрофа 2 сентября въ глазахъ современниковъ сдѣлалась возмездіемъ за 2 декабря [1]).

Наполеонъ III кончилъ свои дни въ изгнаніи въ 1873 (въ Чизльгёрстѣ въ Англіи), его сынъ—въ англійской экспедиціи противъ зулусовъ, въ которой онъ участвовалъ въ качествѣ волонтера (1879).

XXVII. Объединеніе Италіи [2]).

Два направленія въ итальянскомъ объединительномъ движеніи.—Мадзини и Гарибальди. — Пьемонтъ и роль Кавура. — Союзъ Сардиніи съ Наполеономъ III.— Образованіе итальянскаго королевства.—Итальянскія политическія партіи.—Римскій вопросъ. — Присоединеніе Венеціи. — Ватиканскій соборъ. — Присоединеніе Рима.—Результаты объединенія.

Въ исторіи объединенія Италіи слѣдуетъ различать два теченія. Одно было народное, ясно ставившее цѣлью единую Италію и

---

[1]) Исторія войны 1870—71 гг. будетъ разсказана въ VI томѣ настоящаго труда, гдѣ болѣе подробно будетъ изложена и внутренняя исторія Франціи въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

[2]) Кромѣ сочиненій, указанныхъ на стр. 52, 422—423 и 569, см. *Zeller.* Pie IX et Victor Emmanuel.—*Bulle.* Geschichte des Zweiten Kaiserreiches und Königreiches Italien. 1890. — *Bianchi.* Storia della monarchia piemontese.— *Его же.* Storia documentata della diplomazia europea in Italia (доведена до 1861 г.). — *Rattazzi (M-me).* Rattazzi et son temps. — *Rüstow.* Der italienische Krieg von 1860.—*Ollivier.* L'eglise et l'état au concile du Vatican.—*Friedrich.* Geschichte des vatikanischen Konzils.—*Frommann.* Geschichte und Kritik des

полагавшееся исключительно на свои собственныя силы, т. е. не искавшее помощи у сосѣднихъ націй, другое — правительственное, „собиравшее“ Италію воедино по частямъ, притомъ не особенно довѣрявшее народнымъ движеніямъ и дѣйствовавшее въ союзѣ и подъ покровительствомъ болѣе могущественныхъ державъ. Первое движеніе было создано „Молодой Италіей“ Мадзини [1]), во главѣ второго сталъ Пьемонтъ. Дорогу къ единству Италіи проложило первое теченіе, но воспользовалось этою дорогою для достиженія своихъ цѣлей второе. Во внутренней жизни націи одно было связано съ осуществленіемъ демократической программы, другое же приняло характеръ буржуазный. Пользуясь услугами перваго, второе прибѣгало, однако, къ помощи иностранныхъ силъ не только для того, чтобы выбить Австрію изъ ея позиціи, но и для того, чтобы обезсилить итальянскую демократію. Эта противоположность двухъ направленій съ особенною силою проявилась въ 1859—1861 гг., но начало свое она ведетъ съ болѣе ранняго времени.

Первымъ съ проповѣдью единой и нераздѣльной Италіи въ республиканской формѣ выступилъ еще въ тридцатыхъ годахъ Мадзини, который потомъ въ 1848—1849 гг. и думалъ добиться осуществленія своей идеи. Мы видѣли [2]), какую видную роль игралъ онъ въ тогдашнемъ революціонномъ движеніи. Республиканская партія на время овладѣла средней Италіей, но у нея были приверженцы и въ сѣверной Италіи; не говоря уже о Венеціи, которая превратилась въ республику, демократическое движеніе происходило и въ Миланѣ, возстаніемъ котораго думали воспользоваться республиканцы, и даже въ Туринѣ въ 1848 г. было весьма замѣтно крайнее народное неудовольствіе, которое и заставило Карла-Альберта вторично выступить противъ Австріи [3]). Но это выступленіе уже тогда должно было сопровождаться и подавленіемъ республиканскаго движенія въ Италіи. Для новыхъ министровъ сардинскаго короля, Джіоберти и Ратацци, во-

---

vaticanischen Konzils.— *Ceccoui*. Storia del Concilio vaticano.—Въ русской литературѣ обращаютъ на себя статьи *Н. А. Добролюбова*, помѣщавшіяся въ „Современникѣ“ за 1860 и 1861 гг. и вошедшія въ собраніе его сочиненій: „Непостижимая странность“ (изъ неаполитанской исторіи) и особенно „Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура“, а также появившаяся въ собраніи сочиненій статья „Отецъ Александръ Гавацци и его проповѣди“ (Гавацци былъ священникъ-патріотъ, пользовавшійся церковной каѳедрой для проповѣди единства Италіи). Въ дополненіе къ литературѣ о Кавурѣ, указанной на стр. 569, см. статью *О. П. Орловой* „Гр. К. Кавуръ по его письмамъ и современнымъ запискамъ“ (Русск. Мысль, 1898).

[1]) См. выше, стр. 428—430.

[2]) См. выше, стр. 583, 584 и др.

[3]) См. выше, стр. 585.

просъ заключался прямо въ спасеніи сардинской монархіи, которой грозила народная революція. Ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы возстановить конституціонную монархію въ Тосканѣ и въ Церковной Области, бывшихъ тогда въ рукахъ республиканцевъ, и въ союзѣ съ великимъ герцогомъ и папою ударить на Австрію, и этотъ политическій планъ встрѣтилъ полное одобреніе со стороны французскаго правительства. Эта комбинація не удалась, и Джіоберти долженъ былъ выйти въ отставку, одинаково заподозрѣнный въ предательствѣ и революціонерами, и реакціей. Но его планъ въ существенныхъ чертахъ былъ тотъ же самый, который сталъ приводиться въ исполненіе десятью годами позднѣе: подавленіе республиканскаго движенія и война противъ Австріи при сочувствіи со стороны Франціи—съ цѣлью спасенія савойской династіи, которой предназначалась первенствующая роль въ будущей федераціи итальянскихъ государей. У пьемонтскихъ патріотовъ еще не было мысли объ устраненіи всѣхъ другихъ итальянскихъ государей для образованія на полуостровѣ единаго королевства. Выступая въ 1849 г. противъ Австріи, Карлъ-Альбертъ зналъ, что римскіе и тосканскіе республиканцы ему не помогутъ, и дѣйствительно, они совсѣмъ не такъ, какъ сардинское правительство, понимали національное дѣло Италіи. Послѣ пораженія римской республики Мадзини пришлось бѣжать въ Швейцарію, откуда его, однако, просили удалиться; онъ переѣхалъ въ Англію и здѣсь продолжалъ свою дѣятельность агитатора, чтобы во имя „Бога и народа“ (Dio e popolo) добиться единой Италіи. Эта агитація энергично велась и въ Италіи. Въ 1853 г. приверженцы Мадзини сдѣлали попытку возстанія въ Миланѣ, но она была подавлена весьма сурово. Въ Генуѣ образовалось по мысли Мадзини тайное общество, и какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ другихъ были сдѣланы новыя революціонныя попытки (1857).

Другимъ виднымъ дѣятелемъ демократической партіи, игравшимъ большую роль въ объединеніи Италіи, былъ Джузеппе Гарибальди. Въ молодыхъ годахъ онъ служилъ въ сардинскомъ флотѣ, но участіе въ одномъ заговорѣ заставило его въ 1834 г. покинуть родину. Тогда началась его скитальческая, полная приключеній жизнь, сначала—въ теченіе очень короткаго времени—въ Старомъ Свѣтѣ (ю Франціи и Тунисѣ), потомъ въ южной Америкѣ, гдѣ онъ принималъ участіе въ войнахъ тамошнихъ республикъ, храбро сражаясь и на сушѣ, и на морѣ. Здѣсь изъ него выработался замѣчательный военный вождь, и въ 1848 г. онъ явился въ Миланъ, какъ только въ немъ произошло возстаніе противъ Австріи, и предложилъ свои услуги комитету обороны. Во главѣ отряда добровольцевъ Гарибальди принималъ затѣмъ участіе въ первомъ походѣ Карла-Альберта противъ Австріи. Въ 1849 г. онъ въ чинѣ генерала республиканской арміи сражался

за свободу Рима. Передъ самой сдачей города французамъ онъ собралъ на площади храма св. Петра отрядъ своихъ добровольцевъ и предложилъ имъ продолжать борьбу въ другомъ мѣстѣ. „Я, говорилъ онъ, могу предложить тѣмъ изъ васъ, которые готовы пойти за мною, одни лишенія — голодъ и жажду, зной и холодъ, да однѣ тревоги солдатской жизни — постоянные походы днемъ и ночью, безъ запасовъ и безъ пороха, бой штыками, но кто любитъ славу, тотъ пусть идетъ за мною!“ На другой день Гарибальди выступилъ изъ Рима съ четырьмя тысячами человѣкъ пѣхоты и восемью сотнями конницы. Въ отрядѣ находились жена генерала, его сыновья, нѣкоторые видные дѣятели римской революціи, между прочимъ Чичероваккіо [1]). Цѣлью предпріятія было возбудить новое возстаніе въ Тосканѣ, а оттуда итти или въ Пьемонтъ, или въ Венецію. Начался удивительный походъ этого отряда, преслѣдуемаго одновременно французами и австрійцами и, такъ сказать, таявшаго отъ частыхъ дезертирствъ. Путь въ Тоскану былъ закрытъ, и пришлось переправляться черезъ Апеннины, чтобы спуститься въ Романью, гдѣ, однако, инсургентовъ тоже ожидали австрійскіе отряды. Весь вопросъ теперь для Гарибальди и его сподвижниковъ заключался въ томъ, чтобы не попасть въ плѣнъ. Ихъ спасла близость республики Санъ-Марино, гдѣ они нашли временный пріютъ, хотя австрійскій генералъ, шедшій по пятамъ храбрецовъ, грозилъ разстрѣливать всѣхъ, кто будетъ доставлять Гарибальди и его „разбойничьей шайкѣ“ съѣстные припасы и воду. Съ большимъ трудомъ съ остатками своего отряда добрался Гарибальди до Адріатическаго моря и на тринадцати рыбачьихъ баркахъ направился къ Венеціи, которая еще держалась противъ австрійцевъ. Но тутъ бѣглецы встрѣтились съ австрійскими военными кораблями, и часть барокъ была ими захвачена. Всѣхъ, кого австрійцы взяли въ плѣнъ во время бѣгства, они разстрѣляли (между прочимъ Чичероваккіо). Гарибальди, однако, спасся, потерявъ на дорогѣ свою жену, которая была беременна, и которую пришлось нести на рукахъ; преданная женщина не выдержала трудностей похода и скончалась. Населеніе вездѣ по дорогѣ оказывало Гарибальди всякое содѣйствіе. Изъ Равенны черезъ Тоскану и Пьемонтъ онъ добрался до берега Средиземнаго моря и отплылъ опять въ Америку, чтобы позднѣе опять вернуться на родину и черезъ десять лѣтъ стать во главѣ новой народной революціи. Своими подвигами на войнѣ за освобожденіе и объединеніе Италіи онъ покрылъ свое имя неувядаемою славою настоящаго народнаго героя. Человѣкъ замѣчательно скромный, простой и добрый, необыкновенно безкорыстный, искренній и чистый, беззавѣтно преданный родинѣ и

[1]) См. выше, стр. 432.

народу, храбрый до самозабвенія и въ то же время въ высшей степени искусный въ веденіи народной войны, онъ былъ боготворимъ своими добровольцами, почитаемъ народомъ, какъ святой, и стяжалъ любовь, удивленіе и уваженіе всего просвѣщеннаго міра [1]).

Гарибальди, такъ сказать, явился соединительнымъ звеномъ между обоими направленіями итальянскаго объединенія. Пораженіе республиканской партіи въ 1849 г. заставило нѣкоторыхъ ея приверженцевъ перейти на сторону савойской династіи. Особенно въ этомъ отношеніи было важно обращеніе къ ней бывшаго диктатора Венеціи Манина [2]). Этотъ итальянскій патріотъ послѣ паденія Венеціи бѣжалъ въ Парижъ, гдѣ скромно жилъ уроками итальянскаго языка, отказываясь отъ всякой денежной помощи до самой своей смерти (1857). Въ Парижѣ онъ сталъ писать статьи и брошюры, въ которыхъ высказывалъ мысль о необходимости союза съ савойскимъ домомъ. Въ 1855 г. въ газетѣ „Siècle“ онъ обратился къ сардинскому королю съ такими словами: „создайте единую и независимую Италію, и въ такомъ случаѣ я и всѣ республиканцы будемъ на вашей сторонѣ“. Манину удалось даже создать особое „Итальянское національное общество“, которое существовало въ Пьемонтѣ совершенно гласно и имѣло тайныхъ членовъ въ другихъ частяхъ Италіи, большею частію среди либеральной буржуазіи. Это общество стояло за совершенно мирный образъ дѣйствій и не одобряло возстаній. Мадзини относился къ нему непріязненно, и въ свою очередь оно постоянно враждовало съ его „Союзомъ дѣйствія“. Одинъ изъ друзей Манина, положившій вмѣстѣ съ нимъ начало названной организаціи, Паллавичино, писалъ Мадзини, что сто тысячъ воиновъ, на которыхъ онъ расчитываетъ,—одна фантазія, и что для побѣды надъ австрійскимъ войскомъ нужна дѣйствительная, а не призрачная армія, какая у Пьемонта и есть на самомъ дѣлѣ. Дѣятельную роль игралъ въ обществѣ еще и сициліецъ Лафарина. Черезъ него велись переговоры съ сардинскимъ государственнымъ человѣкомъ Кавуромъ. Къ этому же обществу примкнулъ и Гарибальди, вернувшись изъ Америки и поселившись на островкѣ Капрерѣ. Для Пьемонта это было весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ.

Въ глазахъ итальянскихъ патріотовъ Пьемонтъ былъ важенъ не только тѣмъ, что въ немъ царствовала національная династія, что онъ считался естественнымъ врагомъ Австріи и что у него была хорошая

---

[1]) Одно изъ лучшихъ страницъ, написанныхъ о Гарибальди, принадлежатъ Герцену, который находился съ нимъ лично въ дружескихъ отношеніяхъ. Между прочимъ, Герценъ разсказываетъ любопытныя подробности о пріемѣ Гарибальди въ Англіи въ 1864 г. (см. ниже въ гл. XXIX).

[2]) См. выше, стр. 581.

армія, но и тѣмъ, что лишь онъ одинъ не поддался послѣ 1849 г. общей реакціи. Въ то самое время, какъ въ остальныхъ частяхъ Италіи царила абсолютистическая и клерикальная реакція, здѣсь дѣйствовала конституція [1]) и противъ господства духовенства принимались мѣры. Король-джентльменъ (il re galantuomo) Викторъ-Эммануилъ старался сохранять за собою репутацію либеральнаго конституціоннаго монарха, назначающаго министрами лишь людей, угодныхъ большинству палаты, и ему тѣмъ легче было выдерживать эту роль, что въ его распоряженіи всегда было послушное большинство. Соціальное и политическое состояніе сардинской монархіи, за исключеніемъ Генуи и ея округа, бывшей еще за полвѣка передъ тѣмъ республикой и пользовавшейся значительнымъ благосостояніемъ, было довольно отсталымъ, и королю-джентльмену не стоило большихъ хлопотъ имѣть на своей сторонѣ постоянное большинство. Когда большинства не было, король распускалъ палату и назначалъ новые выборы, какъ это и было сдѣлано имъ въ первый же годъ царствованія, когда палата отказалась утвердить мирный договоръ съ Австріей [2]). Правда, среди народныхъ представителей были и сторонники клерикально-абсолютистическаго режима, господствовавшаго въ другихъ частяхъ Италіи, и республиканцы, раздѣлявшіе идеи Мадзини, но они составляли незначительное меньшинство; громадное большинство, хотя оно и дѣлилось само на консерваторовъ и либераловъ, стояло и за конституцію, и за династію. Викторъ-Эммануилъ вообще стремился слѣдовать формамъ англійскаго парламентаризма, хотя подъ ними и проводилъ свою чисто личную политику. Въ первую половину его царствованія ему притомъ много помогалъ „царствовать, не управляя“, его министръ графъ Камилло Бенцо Кавуръ. Антиклерикальный характеръ сардинской политики выразился еще до вступленія во власть этого государственнаго человѣка. Не обращая вниманія на сардинскую конституцію, Пій IX хотѣлъ сохранить въ королевствѣ старые церковные суды (foro ecclesiastico), и Виктору-Эммануилу не удалось заключить съ куріей конкордата, выгоднаго для государства. Тогда министръ Сиккарди провелъ въ парламентѣ законы („сиккардіевскіе“), отмѣнявшіе духовную юрисдикцію (1850). Во время преній по этому вопросу впервые и обратилъ на себя вниманіе Кавуръ. Папа протестовалъ, а затѣмъ и архіепископъ туринскій сталъ возбуждать народъ противъ правительства, но за это онъ былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ. Духовенство съ своей стороны отказало въ причастіи умиравшему министру торговли Санта-Роза, а потомъ не хотѣло его хоронить; но народъ

[1]) См. выше, стр. 587 и 648.

[2]) См. выше, стр. 585—586.

устроилъ въ честь его торжественныя похороны. Вскорѣ послѣ этого завѣдованіе дѣлами и принялъ въ свои руки Кавуръ. Въ 1850—51 гг. онъ былъ министромъ торговли и земледѣлія (потомъ и финансовъ), а послѣ кратковременной отставки занималъ съ 1852 по 1859 г. постъ перваго министра, вернувшійся къ нему снова послѣ новаго полугодового перерыва въ январѣ 1860 г., но уже за полтора года до его смерти.

Въ международныхъ отношеніяхъ въ эпоху второй имперіи, кромѣ самой Франціи, наиболѣе дѣятельную политику вели Сардинія и Пруссія, и рядомъ съ именемъ Наполеона III, какъ устроителя судьбы народовъ и государствъ, назывались въ эту эпоху только имена сардинскаго (потомъ итальянскаго) министра Кавура до начала шестидесятыхъ годовъ и прусскаго (впослѣдствіи германскаго) государственнаго дѣятеля Бисмарка съ начала шестидесятыхъ годовъ. Между обоими министрами притомъ было много общаго. По своему характеру оба они были люди необычайно властные и стремились все подчинить своей волѣ; оба старались пользоваться народнымъ представительствомъ въ видахъ своей личной политики; оба были врагами демократіи и революціи, хотя и вынуждены были содѣйствовать своею политикою революціи въ чужихъ владѣніяхъ; оба они выступили въ роли сторонниковъ національнаго объединенія и притомъ оба не столько въ качествѣ патріотовъ единаго цѣлаго, сколько въ особыхъ интересахъ отдѣльныхъ частей этого цѣлаго, т.-е. Пьемонта въ Италіи и Пруссіи въ Германіи, оба—какъ слуги своихъ династій; оба они вмѣстѣ съ тѣмъ проявили большое политическое искусство во внутреннихъ дѣлахъ и особенную ловкость въ своей дипломатіи. И Кавуръ, и Бисмаркъ имѣли, наконецъ, и аналогичную задачу—выбить Австрію изъ Италіи и Германіи, сломить партикуляризмъ отдѣльныхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ земель даже съ устраненіемъ съ своего пути царствовавшихъ тамъ династій и такимъ образомъ создать національное единство. Исполнить эту задачу одинаково и Сардиніи, и Пруссіи помогъ Наполеонъ III, котораго одинаково же сумѣли обойти и Кавуръ, и Бисмаркъ.

Кавуръ не былъ вполнѣ итальянцемъ. По его же словамъ, въ его жилахъ текло „немножко савойской крови“, да и говорилъ онъ преимущественно по-французски или на пьемонтскомъ нарѣчіи. Въ годъ рожденія Кавура (1810) его родина, Пьемонтъ, была еще французской провинціей, и воспитаніе онъ получилъ тоже чисто французское. Отецъ его, аристократъ по происхожденію и убѣжденію, занималъ въ Туринѣ важную должность, отличался реакціоннымъ направленіемъ и пріумножалъ свое состояніе разными спекуляціями. Сначала онъ пристроилъ своего сына при дворѣ въ качествѣ пажа, потомъ потребовалъ, чтобы

онъ вступилъ въ военную службу, но молодой человѣкъ не ужился ни тамъ, ни здѣсь. Двадцати двухъ лѣтъ онъ былъ свободенъ и началъ вести жизнь богатаго человѣка съ научными и литературными вкусами. Уже въ эту пору Кавуръ выказывалъ взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ семейными традиціями и правительственнымъ режимомъ; но начавшееся въ Италіи послѣ іюльской революціи политическое движеніе его совершенно не затронуло. Обладая хорошимъ состояніемъ, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ за границей, въ Англіи и во Франціи, вращаясь въ политическихъ и литературныхъ кругахъ. Въ первой изъ этихъ странъ онъ сдѣлался поклонникомъ тамошней конституціи, въ другой — врагомъ коммунизма и въ обѣихъ проникся уваженіемъ къ либеральной экономической доктринѣ. Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ онъ выступилъ въ то время съ публицистическими статьями на разныя современныя темы. Одна его статья была „О коммунистическихъ идеяхъ и способахъ бороться съ ихъ распространеніемъ“: въ ней авторъ высказывалъ о новыхъ соціальныхъ идеяхъ тотъ общій приговоръ, что онѣ суть лишь порожденія зависти и невѣжества, и что лучшее средство имъ противодѣйствовать заключается въ распространеніи здравыхъ истинъ политической экономіи. Когда передъ 1848 г. въ Италіи нѣсколько оживилась общественная жизнь, Кавуръ принялъ въ ней участіе въ роли одного изъ редакторовъ либеральной газеты, которой далъ названіе „Risorgimento“, какъ принято было называть тогдашнее возрожденіе Италіи [1]). Эта газета провозглашала независимость Италіи, основанную на солидарности итальянскихъ государей между собою и со своими подданными и соединенную съ внутренними реформами. Около того же времени Кавуръ и нѣсколько его единомышленниковъ обратились къ неаполитанскому королю съ письмомъ, въ которомъ просили его дать конституцію своему государству; а у себя на родинѣ онъ тоже возбудилъ въ собраніи журналистовъ вопросъ о необходимости введенія конституціи. Это было въ самомъ началѣ 1848 г., когда уже были налицо всѣ признаки начинавшейся революціи. Кавуръ, пропагандировавшій въ своемъ органѣ англійскую конституцію, указывалъ на то, что нужно дѣйствовать, пока не будетъ поздно, т.-е. пока доведенный до послѣдней крайности народъ не произведетъ самъ низверженія властей. Затѣмъ вмѣстѣ съ своими друзьями Кавуръ написалъ петицію Карлу-Альберту о дарованіи конституціи, о чемъ хлопоталъ передъ сардинскимъ правительствомъ и англійскій посланникъ. Карлъ-Альбертъ, какъ извѣстно, тогда же исполнилъ это требованіе [2]). Вскорѣ послѣ этого Кавуръ сталъ писать

---

[1]) Ср. выше, стр. 431.

[2]) См. выше, стр. 433.

и о необходимости объявленія войны Австріи. Но на дѣйствія демократической партіи, которая въ 1848 г. начала поднимать народныя возстанія, онъ нападалъ въ своей газетѣ съ такою страстностью, что вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ непопулярныхъ людей въ глазахъ тогдашнихъ патріотовъ. Въ палатѣ депутатовъ, въ которую онъ былъ выбранъ, онъ высказывался въ томъ же смыслѣ, чѣмъ вызывалъ противъ себя шумныя выраженія неудовольствія. Кавура пугало народное движеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не довѣрялъ народнымъ силамъ. Онъ думалъ, что борьба съ Австріей должна была вестись арміями итальянскихъ государей [1]), причемъ вопреки господствовавшему мнѣнію [2]), что Италія справится сама собою (Italia farà da se), онъ настаивалъ на томъ, чтобы искать покровительства итальянскому дѣлу у Англіи, которая тогда дѣйствительно относилась благосклонно къ итальянскому національному движенію. Въ палатѣ Кавуру даже очень часто свистали въ отвѣтъ на его рѣчи, шедшія въ разрѣзъ съ тогдашнимъ настроеніемъ патріотовъ. Ставилось тогда ему въ вину и то, что онъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ клерикалами. Въ самой первой сардинской палатѣ вообще преобладали демократы, и Кавуръ поэтому занималъ въ ней мѣсто среди крайней правой. Мало-по-малу, однако, именно съ 1850 г. онъ началъ отставать отъ этой партіи и даже особенно прославился своими антиклерикальными рѣчами во время преній по поводу „сиккардіевскихъ законовъ“ [3]). Въ этомъ же году онъ вступилъ въ министерство д'Азельо. Соглашаясь на предложеніе д'Азельо сдѣлать Кавура министромъ, Викторъ-Эммануилъ предсказывалъ, что онъ всѣхъ ссадитъ съ занимаемыхъ ими мѣстъ. Такъ и случилось. Съ 1852 г. Кавуръ началъ играть въ министерствѣ первую роль, забравъ въ свои руки всѣ важнѣйшія дѣла государства, особенно финансы и дипломатію, причемъ совсѣмъ разошелся съ правою и сталъ все болѣе и болѣе сближаться съ лѣвою монархическаго и конституціоннаго большинства.

Главною заботою Кавура съ 1852 по 1859 г. было подготовить Сардинію къ борьбѣ съ Австріей. Для этого нужны были армія, денежныя средства и союзники. Помощникомъ Кавура въ реорганизаціи и усиленіи войска явился генералъ Ламормора. Будучи очень искуснымъ финансистомъ, Кавуръ ввелъ въ государственномъ хозяйствѣ важныя улучшенія, но особенно онъ старался объ общемъ поднятіи національнаго богатства. Вполнѣ раздѣляя принципы манчестерской школы и опираясь на примѣръ Англіи, перешедшей къ свободной тор-

---

[1]) См. выше, стр. 581.
[2]) См. выше, стр. 431.
[3]) См. выше, стр. 677.

говлѣ, онъ ввелъ эту систему и въ Сардиніи, въ то же время всячески поощряя развитіе обрабатывающей промышленности, строя желѣзныя дороги или помогая въ этомъ дѣлѣ акціонернымъ компаніямъ, расширилъ генуэзскій торговый портъ и т. д. Правда, отъ всего этого выгоды доставались главнымъ образомъ буржуазіи и акціонернымъ компаніямъ, а государственный долгъ Сардиніи страшно возросъ, такъ какъ было сдѣлано займовъ на 400 слишкомъ милліоновъ франковъ [1]). Для увеличенія государственныхъ средствъ Кавуръ обложилъ церковныя имущества и секуляризировалъ около 330 монастырей (изъ 600), чѣмъ вызвалъ протестъ со стороны папы. Наконецъ, онъ все это время хлопоталъ о томъ, чтобы имѣть союзниковъ для предстоявшей войны съ Австріей.

Сначала, въ концѣ сороковыхъ годовъ Кавуръ думалъ только объ Англіи: во Франціи была демократическая республика и происходили народныя движенія; поэтому оттуда скорѣе могла бы прійти помощь итальянскимъ революціонерамъ, чѣмъ савойской династіи. Государственный переворотъ 2 декабря успокоилъ Кавура на счетъ Франціи, и чтобы привлечь на свою сторону новаго повелителя французовъ, Кавуръ добился изданія закона, налагавшаго кары за оскорбленія иностранныхъ правительствъ путемъ печати. Нужно замѣтить, что Наполеонъ III былъ очень щепетиленъ въ этомъ отношеніи, и ему не мало огорченій доставляло то, что, напримѣръ, англійское правительство не обуздывало враждебной ему прессы. Въ Пьемонтѣ тоже на него стали нападать за 2 декабря, и понятно, что онъ долженъ былъ быть весьма благодаренъ министру, защитившему его отъ итальянскихъ демократовъ. Въ 1852 г. Кавуръ, воспользовавшись временной отставкой, съѣздилъ въ Парижъ и имѣлъ аудіенцію у императора, съ которымъ велъ политическую бесѣду. Когда началась крымская война, Кавуръ рѣшилъ извлечь изъ нея выгоду для Сардиніи и вступилъ въ переговоры съ Англіей и Франціей о союзѣ, взявъ на себя въ началѣ 1855 г. министерство иностранныхъ дѣлъ. (Вообще онъ довольно самовластно распоряжался министерскими портфелями и все болѣе и болѣе подбиралъ себѣ вполнѣ послушныхъ людей. Недаромъ одна сатирическая газетка, бывшая, впрочемъ, вполнѣ очарованной Кавуромъ, помѣстила однажды каррикатуру, на которой онъ былъ изображенъ пишущимъ обѣими руками и обѣими ногами, тогда какъ другіе министры тутъ же подъ столомъ покоятся сномъ праведниковъ; подписано было: „Кавуръ дѣлаетъ все, а прочіе—остальное“). Дипломатическій планъ Кавура состоялъ въ томъ, чтобы парализовать

---

[1]) Въ 1847 г. Сардинія была должна только 100 милліоновъ, послѣ 1848—49 гг.—около 300 м., къ 1859 г.—болѣе 700 м.

политическое вліяніе Австріи въ Италіи вліяніемъ французскимъ, опираясь на давнишнее соперничество обѣихъ великихъ державъ, и при помощи одной изъ нихъ отнять у другой Ломбардо-Венеціанское королевство для присоединенія его къ Пьемонту. Критикуя впослѣдствіи этотъ планъ, Мадзини писалъ, что Кавуръ не имѣлъ настолько высокаго ума и сердца, чтобы подняться до идеи національнаго единства, и что потому онъ приковалъ себя къ одному интересу—къ чисто династическому интересу савойскаго дома, для котораго захотѣлъ создать королевство сѣверной Италіи, оставивъ другія части полуострова во власти папы и прочихъ государей. Разумѣется, говорилъ далѣе Мадзини, одному Пьемонту это было не подъ силу, и вотъ поэтому-то Кавуръ, отвергая союзъ съ народомъ, и сталъ искать сближенія съ Бонапартомъ и противъ Австріи, и противъ народной революціи. Война Англіи и Франціи съ Россіей дала Кавуру случай оказать услугу союзнымъ державамъ посылкою въ Крымъ сардинскаго отряда.

Не слѣдуетъ думать, чтобы эта экспедиція была всецѣло обязана своимъ происхожденіемъ самому Кавуру. Англія и Франція въ 1854 г. сильно добивались имѣть на своей сторонѣ Австрію. Думая заставить ее сдаться на предложеніе вступить съ ними въ союзъ, оба правительства стали открыто искать союза съ Пьемонтомъ, къ которому Австрія относилась съ нескрываемою ненавистью и съ которымъ въ 1853 г. даже разорвала дипломатическія сношенія. Мѣра удалась, и Австрія хотя и не приняла участія въ войнѣ, но стала на сторону Англіи и Франціи, чтобы помѣшать слишкомъ тѣсному сближенію ихъ съ Пьемонтомъ. Такое поведеніе Австріи, однако, мало удовлетворяло Наполеона III, и онъ настойчивѣе сталъ звать Виктора-Эммануила въ свой союзъ. Есть даже извѣстіе, что Наполеонъ III прямо вынудилъ у Сардиніи этотъ союзъ. Такъ какъ Австрія отказывалась отъ участія въ общихъ дѣйствіяхъ, ссылаясь на угрожающее положеніе своей итальянской сосѣдки, то Наполеонъ III потребовалъ у Виктора-Эммануила, чтобы тотъ или разоружился, или позволилъ Австріи поставить гарнизонъ въ Алессандріи, или же послалъ тридцатитысячное войско въ Крымъ [1]). Восточный вопросъ совсѣмъ Сардиніи не касался, съ Россіей у нея никакихъ серьезныхъ счетовъ не было, но въ предпріятіи была выгодная сторона—участвовать въ общемъ конгрессѣ по окончаніи войны, заявить тамъ свои притязанія, имѣть при этомъ на своей сторонѣ Англію и Францію и даже, быть можетъ, не встрѣтить противодѣйствія со стороны Россіи, которая должна же захотѣть отомстить Австріи за ея неблагодарность. Англія предложила взять войска

---

[1]) Достовѣрность этого извѣстія защищаетъ Кошутъ, но оно признается далеко не всѣми.

Виктора-Эммануила на свое содержаніе въ качествѣ вспомогательнаго корпуса, но Кавуръ хотѣлъ вступить въ союзъ на равныхъ правахъ и снарядилъ 15-тысячное войско на счетъ самой Сардиніи. Въ томъ же самомъ 1855 г. Викторъ-Эммануилъ побывалъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ въ сопровожденіи своего министра. Въ слѣдующемъ году Сардинія, представленная самимъ Кавуромъ, участвовала въ парижскомъ конгрессѣ, несмотря на Австрію, которая сначала этого не хотѣла допустить. Кавуръ воспользовался конгрессомъ, чтобы поднять итальянскій вопросъ. Все дѣло, однако, ограничилось лишь заявленіями, разсматривать которыя дипломаты, не имѣвшіе полномочій отъ своихъ правительствъ, отказались, да представленіемъ Наполеону III докладной записки. Желанія, высказанныя Кавуромъ, заключались въ томъ, чтобы австрійское вліяніе было ослаблено, чтобы выведены были австрійскія войска изъ Церковной Области, чтобы въ этой послѣдней были введены реформы, и чтобы было прекращено несогласіе, царствующее между отдѣльными итальянскими государями.

Итальянскіе патріоты были крайне недовольны такимъ жалкимъ результатомъ. Они говорили, что не Кавуръ первый открылъ глаза Европы на бѣдствія Италіи, — какъ это ставилось ему въ заслугу общественнымъ мнѣніемъ другихъ странъ, — и что задача національной политики не въ томъ, чтобы австрійское вліяніе замѣнить французскимъ. Они даже утверждали, будто и самое возбужденіе итальянскаго вопроса на конгрессѣ было дѣломъ самого Наполеона III, нуждавшагося въ предлогѣ для вмѣшательства въ итальянскія дѣла, а вовсе не Кавура. Какъ бы тамъ ни было, послѣ 1856 г. Сардинія, дѣйствительно, находилась какъ бы подъ французскимъ протекторатомъ, и ея правительство послѣ этого въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ должно было во многихъ случаяхъ считаться съ желаніями Наполеона III [1]).

Послѣ парижскаго конгресса въ Италіи усилилось революціонное броженіе, которое одинаково безпокоило и Наполеона III [2]), и Кавура. Часть итальянскихъ патріотовъ стояла на сторонѣ Мадзини, другая устроила „Національное общество“, которое черезъ Лафарину [3]) вошло въ сношенія съ Кавуромъ. Послѣдній одобрилъ основныя идеи этой организаціи и однажды на тайномъ свиданіи съ Лафариною сказалъ ему: „дѣлайте, что можете, но знайте, что передъ всѣмъ свѣтомъ я отрекусь отъ васъ, какъ отрекся Петръ отъ Спасителя“. Лѣтомъ 1858 г. между Наполеономъ III и Кавуромъ произошло

---

[1]) См. выше, стр. 659.

[2]) Вспомнимъ покушеніе Орсини, о чемъ выше, стр. 657—658.

[3]) См. выше, стр. 676.

знаменитое тайное свиданіе въ Пломбьерѣ: здѣсь и была рѣшена война противъ Австріи, причемъ Сардинія должна была получить отъ Австріи Ломбардо-Венеціанское королевство, а Франція отъ Сардиніи—Савойю и Ниццу. Даже французскимъ министрамъ осталось неизвѣстнымъ это соглашеніе, но Наполеонъ III все-таки обезпечилъ себя нейтралитетомъ со стороны Пруссіи и Россіи. Горячимъ приверженцемъ этого союза, какъ мы видѣли [1]), былъ принцъ Наполеонъ, мечтавшій даже о возложеніи на свою голову тосканской короны.

1 января 1859 г., принимая поздравленія дипломатическаго корпуса, Наполеонъ III сказалъ австрійскому посланнику: „я сожалѣю, что наши отношенія съ вашимъ правительствомъ не такъ хороши, какъ прежде. Прошу васъ передать императору, что личныя мои къ нему чувства не измѣнились". По соглашенію съ Наполеономъ III и Викторъ-Эммануилъ вскорѣ произнесъ въ палатѣ тронную рѣчь о томъ, что горизонтъ заволакивается тучами, но что Сардинія исполнитъ свой патріотическій долгъ, разъ со всѣхъ концовъ порабощенной Италіи раздаются стоны и вопли народа (10 января). Въ томъ же январѣ 1859 г. въ Туринъ пріѣхалъ принцъ Наполеонъ и вступилъ въ бракъ съ принцессою Клотильдою, дочерью Виктора-Эммануила. Появившаяся около этого же времени брошюра „Наполеонъ III и Италія" предлагала превращеніе Италіи въ союзъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы, но подъ дѣйствительной гегемоніей сардинскаго короля. Союзникамъ оставалось только вызвать Австрію на объявленіе войны, чтобы не первымъ на нее напасть, такъ какъ въ противномъ случаѣ она имѣла бы право призвать къ себѣ на помощь Германскій союзъ. Благодаря своей дипломатической изворотливости, Кавуръ достигъ и этого.

Война съ Австріей была необычайно популярна среди всѣхъ передовыхъ партій въ разныхъ странахъ Европы. Въ Италіи даже республиканцы на этотъ разъ выражали свое удовольствіе, и со стороны Мадзини и его приверженцевъ не было оказано противодѣйствія, тѣмъ болѣе, что всѣ политическіе преступники получили безусловную амнистію; въ движеніи принялъ самое дѣятельное участіе и Гарибальди. Палата депутатовъ вручила Виктору-Эммануилу диктатуру. Наполеонъ III, объявившій, что цѣль его—освобожденіе Италіи до Адріатическаго моря, лично явился въ Италію. Война была объявлена Австріей 30 апрѣля, а уже въ началѣ іюня пораженіе австрійцевъ при Маджентѣ (4 числа) доставило союзникамъ Ломбардію; черезъ нѣсколько дней оба государя вступили въ Миланъ. Упоенный побѣдою, французскій императоръ обратился къ итальянцамъ съ

[1]) См. выше, стр. 657.

приглашеніемъ соединиться подъ знаменами Виктора-Эммануила, чтобы быть пока солдатами, а потомъ сдѣлаться „свободными гражданами великой страны“. 24 іюня произошла новая битва, одна изъ кровопролитнѣйшихъ битвъ въ новѣйшей исторіи—при Сольферино, послѣ которой австрійцы снова отступили. Война началась такимъ образомъ съ величайшимъ блескомъ для французскаго оружія, но вмѣсто того, чтобы продолжать борьбу, Наполеонъ III совершенно неожиданно заключилъ миръ. Ряды его арміи сильно порѣдѣли отъ битвъ и болѣзней и были крайне утомлены большими переходами и страшнымъ зноемъ, да и на самого императора произвели отталкивающее впечатлѣніе поля битвъ, покрытыя трупами и ранеными. Вмѣстѣ съ этимъ онъ видѣлъ, что начавшееся въ Италіи народное движеніе не успокоится на одномъ присоединеніи къ Пьемонту лишь сѣверной Италіи, но что можетъ угрожать опасность и свѣтской власти папы. Встревожили, наконецъ, его и извѣстія изъ Германіи, гдѣ Пруссія готовилась къ вооруженному посредничеству и легко могла двинуть армію на Рейнъ. 11 іюля между Наполеономъ III и Францемъ-Іосифомъ состоялось личное свиданіе въ Виллафранкѣ, на которомъ были приняты слѣдующія прелиминарныя условія мира: Италія превратится въ конфедерацію подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы съ условіемъ включенія въ нее Венеціанской области, остающейся, однако, подъ верховною властью Австріи, и съ условіемъ введенія реформъ во владѣніяхъ папы, а также полной амнистіи лицамъ, оказавшимъ неблагонадежность въ послѣднихъ событіяхъ; вмѣстѣ съ этимъ австрійскій императоръ уступалъ французскому императору Ломбардію, за исключеніемъ двухъ крѣпостей (Пескьеры и Мантуи); изгнанные незадолго передъ тѣмъ изъ своихъ владѣній великій герцогъ тосканскій и герцогъ моденскій должны были вернуться въ свои владѣнія.

Европа была поражена неожиданностью, Италія негодовала: Наполеонъ III не исполнилъ своего обѣщанія и снова отдавалъ Австріи всю Италію. Хотя онъ и посовѣтовалъ итальянскимъ государямъ ввести у себя реформы, но послѣ Виллафранки они надѣялись болѣе на Австрію. Народъ въ Италіи смотрѣлъ на Наполеона III и на французскихъ солдатъ, какъ на измѣнниковъ и предателей. Правда, Ломбардія была уступлена Наполеономъ III Виктору-Эммануилу, но въ это время уже и въ другихъ частяхъ Италіи обнаружилось могущественное движеніе, поставившее своею цѣлью присоединеніе къ Пьемонту. Органы передовой партіи („Italia del popolo“, лондонскій „Pensiero ed azione“ и др.) гораздо раньше предостерегали своихъ соотечественниковъ отъ союза съ Наполеономъ III, указывая на то, что онъ вовсе не желаетъ единой Италіи; они даже предсказывали, что императоръ помирится съ Австріей и броситъ Пьемонтъ на произ-

волъ судьбы. Кавуръ черезъ день послѣ заключенія мира вышелъ въ отставку и началъ дѣйствовать въ качествѣ частнаго лица въ союзѣ съ монархическими сторонниками объединенія Италіи. На этотъ разъ онъ уже пошелъ далѣе и примкнулъ къ объединительному движенію, совершавшемуся въ значительной части націи. Когда онъ снова вернулся къ власти (январь 1860 г.), средняя Италія была уже фактически во власти Виктора-Эммануила, и Кавуру удалось уговорить Наполеона III согласиться на расширеніе территоріи Сардиніи за уступку Франціи Савойи и Ниццы.

Дѣло въ томъ, что, начиная войну съ Австріей, Викторъ-Эммануилъ обратился съ воззваніемъ ко всей итальянской націи, призывая ее къ оружію. Въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ и въ части Церковной Области (Романьѣ) по соглашенію съ туринскимъ правительствомъ послѣ удаленія австрійскихъ войскъ, стоявшихъ въ этихъ земляхъ [1]), вспыхнули народныя возстанія, образовались временныя правительства и состоялись постановленія собраній депутатовъ въ Тосканѣ и Романьѣ и всенародныя въ Пармѣ и Моденѣ о присоединеніи къ королевству Сардиніи (августъ—сентябрь 1859 г.). Нѣсколько мѣсяцевъ эти провинціи находились въ неопредѣленномъ положеніи, и ихъ судьбу, по мысли Наполеона III, долженъ былъ рѣшить международный конгрессъ, который, однако, не состоялся вслѣдствіе отказа папы прислать своего делегата. Положеніе Виктора-Эммануила, не желавшаго итти противъ Наполеона III, но въ то же время вызвавшаго противъ себя страшное раздраженіе среди республиканцевъ, было крайне затруднительнымъ. Въ самомъ Пьемонтѣ демократы основали „Союзъ вооруженной націи“, поставившій своею цѣлью поднять во всей Италіи революцію для достиженія единства. Часть монархистовъ была тоже за продолженіе войны. Король тогда и призвалъ снова къ власти Кавура, который убѣдилъ Наполеона III не противиться желанію средней Италіи. Для санкціи присоединеній была принята система всенародныхъ голосованій, которыя произошли въ мартѣ 1860 г. За присоединеніе было подано подавляющее большинство голосовъ. Парма, Модена и Романья, успѣвшія уже соединиться въ королевскія провинціи Эмиліи, дали болѣе 425 тысячъ утвердительныхъ голосовъ противъ семи съ небольшимъ сотенъ отрицательныхъ, а въ Тосканѣ утвердительныхъ голосовъ было болѣе 365 тысячъ противъ 15 тысячъ отрицательныхъ. Савойя и графство Ницца должны были быть равнымъ образомъ присоединены къ Франціи (а не уступлены ей) въ силу всенароднаго голосованія, которое дало большинство 130 тысячъ противъ 2 тысячъ въ Савойѣ и 25 тысячъ противъ полуторы сотни въ Ниццѣ (апрѣль). Напо-

[1]) См. выше, стр. 586 и 641.

леону III Савойя и Ницца были нужны въ эту минуту, чтобы поднять свою популярность въ виду начавшейся клерикальной оппозиціи. Но Кавуръ уступкою Савойи и Ниццы разъединилъ интересы Франціи и Англіи, которая была этимъ очень недовольна. „Теперь вы — наши сообщники", сказалъ Кавуръ французскому посланнику послѣ заключенія договора. Понятно, что эта уступка части итальянской территоріи страшно вооружила противъ Кавура общественное мнѣніе страны. Тѣмъ не менѣе палата одобрила его подавляющимъ большинствомъ.

Такимъ образомъ въ началѣ 1860 г. вся сѣверная и бо́льшая часть средней Италіи, за исключеніемъ Венеціи и Рима съ ихъ областями, находились подъ властью Виктора-Эммануила. 1860 годъ принесъ ему, кромѣ того, и южную Италію, гдѣ вспыхнула народная революція, руководимая республиканцами и выдвинувшая на первое мѣсто Гарибальди.

Въ 1859 г. умеръ „король Бомба". Его молодой сынъ, Франциск II, пошелъ по стопамъ отца. Послѣ виллафранкскаго мира французскій посланникъ, поддерживаемый посланникомъ русскимъ, склонялъ новаго короля вступить въ союзъ съ Пьемонтомъ, какъ того желалъ и Викторъ-Эммануилъ, совѣтовавшій вмѣстѣ съ тѣмъ Франциску II дать своимъ подданнымъ конституцію, но Франциск II слушался болѣе внушеній Австріи. Между тѣмъ общее національное движеніе охватило и его владѣнія. Волненіемъ умовъ въ Сициліи и Неаполѣ воспользовалась республиканская партія, и Гарибальди предпринялъ не болѣе, не менѣе, какъ завоеваніе всей южной Италіи.

Въ 1859 г. Гарибальди принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Сардиніи, но оставилъ службу, когда увидѣлъ, что Викторъ-Эммануилъ идетъ совсѣмъ не туда, куда направлены были его собственные помыслы. Онъ крайне былъ недоволенъ тѣмъ, что сардинское правительство помѣшало ему вторгнуться изъ Тосканы въ Церковную Область, и былъ особенно огорченъ уступкою Ниццы, его родины. Онъ вышелъ тогда же и изъ состава „Національнаго общества", въ которомъ числился почетнымъ предсѣдателемъ, опять-таки будучи недоволенъ миролюбіемъ и этого союза. Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ удовольствовались частью Италіи, оставивъ Венецію въ рукахъ австрійцевъ, не тронувъ папу въ Римѣ, задумавъ даже союзъ съ Неаполемъ, Гарибальди же стоялъ за мадзиніевскую единую Италію. Когда онъ еще только собирался въ свой походъ, Кавуръ ожидалъ, что онъ будетъ дѣйствовать въ пользу Пьемонта, и не мѣшалъ его предпріятію, но Гарибальди скоро совсѣмъ подчинился видамъ республиканской партіи и своими необычайно быстрыми успѣхами привелъ въ крайнее смущеніе Наполеона III, Виктора-Эммануила, Кавура и всю

либеральную партію, которые всячески и стали, конечно, противодѣйствовать осуществленію мадзиніевской идеи. Наполеонъ III былъ противъ лишенія папы свѣтской власти, Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ—противъ республиканскаго характера движенія, и представители либеральной партіи стали склонять Гарибальди къ перемѣнѣ политики.

Въ апрѣлѣ 1860 г. началось революціонное движеніе въ Сициліи, и демократическій комитетъ въ Генуѣ рѣшилъ немедленно оказать ему помощь, поставивъ во главѣ экспедиціи Гарибальди. Сардинское правительство не мѣшало, хотя оффиціально и отреклось отъ всякаго сообщничества съ предпріятіемъ Гарибальди. Во главѣ тысячнаго отряда добровольцевъ („тысяча Марсалы", отличительнымъ признакомъ которыхъ были красныя рубашки („гарибальдійки"), Гарибальди высадился въ Сициліи и при помощи народнаго возстанія очень скоро овладѣлъ всѣмъ островомъ (май—іюль). Молодой король пошелъ на уступки, объявилъ конституцію, принялъ трехцвѣтное знамя и т. п. Французское правительство начало настаивать въ Туринѣ, чтобы Викторъ-Эммануилъ остановилъ Гарибальди. Король написалъ народному вождю письмо съ предложеніемъ оставить намѣреніе итти на Неаполь, но получилъ въ отвѣтъ, что народъ призываетъ его и что онъ не можетъ оставить начатаго дѣла. Въ августѣ гарибальдійцы частями переправились на материкъ черезъ Мессинскій проливъ, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія; напротивъ того, неаполитанскіе солдаты даже перебѣгали на сторону Гарибальди. Побѣдитель могъ заранѣе назначить день своего вступленія въ столицу. 6 сентября Франциск II бѣжалъ изъ Неаполя въ то самое время, какъ въ городъ уже вступали первые отряды гарибальдійцевъ. На другой день запросто, по желѣзной дорогѣ прибылъ въ Неаполь и самъ Гарибальди. Населеніе города съ энтузіазмомъ приняло освободителей. Флотъ отказался слѣдовать за королемъ въ Гаэту и тоже перешелъ на сторону революціи. Нѣкоторое время въ рукахъ Гарибальди не было лишь Гаэты и Капуи, но и онѣ были впослѣдствіи неаполитанскимъ королемъ потеряны. Овладѣвъ южной Италіей, Гарибальди рѣшилъ завоевать и Церковную Область, но здѣсь уже встрѣтился съ серьезнымъ препятствіемъ. Наполеонъ III не могъ допустить уничтоженія свѣтской власти папы, Кавуръ боялся, что революціонное движеніе можетъ охватить и уже присоединенныя части Италіи. Съ согласія Наполеона III, которому было указано на необходимость остановить потокъ, угрожающій монархическимъ правительствамъ, Кавуръ черезъ папскія владѣнія (Умбрію и Марки) двинулъ къ неаполитанской границѣ пьемонтскую армію. Папское войско потерпѣло пораженіе при Кастельфидардо (18 сентября), а

черезъ нѣсколько дней взята была Анкона, послѣ чего пьемонтская армія двинулась къ неаполитанской границѣ.

Въ это время высшая власть въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій принадлежала Гарибальди, который принялъ титулъ диктатора. Хотя онъ и заявлялъ, что дѣйствуетъ ради итальянскаго единства подъ властью Виктора-Эммануила, но не спѣшилъ съ присоединеніемъ обѣихъ частей неаполитанской монархіи къ Пьемонту. Онъ ставилъ своею цѣлью взять Римъ и лишь тогда хотѣлъ уже рѣшать судьбу освобожденныхъ областей. Къ Кавуру онъ относился съ нескрываемымъ недовѣріемъ, а окружавшія его лица не очень-то довѣряли и самому Виктору-Эммануилу. Посылая пьемонтскія войска въ неаполитанское королевство, Кавуръ оправдывалъ этотъ шагъ передъ Европою тѣмъ, что, бросивъ страну на произволъ судьбы, Франциск II тѣмъ самымъ отказался отъ короны, и что безъ вмѣшательства Виктора-Эммануила Италіи грозила бы анархія; а къ „народамъ южной Италіи“ была составлена прокламація, въ которой говорилось, что Викторъ-Эммануилъ повинуется лишь голосу народа, призывающаго его со всѣхъ сторонъ. „Вся Италія, сказано было въ прокламаціи, испугалась, какъ бы подъ авторитетомъ одного популярнаго и славнаго имени не утвердилась партія, которой ничего не стоитъ пожертвовать близостью національнаго торжества мечтамъ своего честолюбиваго фанатизма“; дальше въ прокламаціи эта партія была названа разноплеменнымъ и разноязычнымъ сбродомъ, собраніемъ космополитическихъ сектъ и т. п., которыя представляютъ собою самый худшій видъ иностраннаго вмѣшательства и составляютъ планы или реакціи, или всеобщей демагогіи. Король провозглашалъ поэтому „Италію итальянцевъ“ и „примиреніе прогресса народовъ съ неприкосновенностью монархій“, которое будетъ для Италіи „концомъ эпохи революціи“. Въ этой прокламаціи осуждалась самымъ рѣзкимъ образомъ вся дѣятельность ближайшихъ друзей и сотрудниковъ Гарибальди. Этимъ, конечно, воспользовались Мадзини и его приверженцы, чтобы, опираясь и на нерасположеніе диктатора къ Кавуру, еще сильнѣе начать настаивать передъ нимъ на необходимости не присоединять Неаполя и Сициліи къ Пьемонту. Но на Гарибальди дѣйствовали одновременно и представители савойской партіи, члены бывшаго „Національнаго общества“, подогрѣвавшіе давнишнее расположеніе Гарибальди къ Виктору-Эммануилу, въ которомъ онъ видѣлъ орудіе божественнаго Промысла для освобожденія Италіи. Большая народная манифестація въ Неаполѣ, во время которой жители города ходили по улицамъ съ бумажками на шляпахъ, имѣвшими на себѣ слово „si“ (да), склонила Гарибальди окончательно въ пользу присоединенія. 21 октября въ Неаполѣ и Сициліи происходилъ плебисцитъ, который

далъ болѣе 1.300.000 голосовъ въ Неаполѣ и 430.000 въ Сициліи за присоединеніе къ Пьемонту противъ 10 тысячъ съ небольшимъ въ одной странѣ и только 667 голосовъ въ другой. Въ ноябрѣ происходило голосованіе въ папскихъ Маркахъ и Умбріи, которые тоже присоединились къ Пьемонту. Гарибальди сложилъ съ себя званіе диктатора и передалъ власть въ руки Виктора-Эммануила, котораго и сопровождалъ при его торжественномъ въѣздѣ въ Неаполь (7 ноября). Въ январѣ 1861 г. происходили въ старыхъ и новыхъ владѣніяхъ Виктора-Эммануила выборы, и парламентъ, громадное большинство членовъ котораго состояло изъ сторонниковъ политики Кавура, провозгласилъ Виктора-Эммануила—„милостью Божіей и по волѣ народа королемъ Италіи“ (17 марта). Австрія, папа и монархи, лишенные своихъ владѣній, протестовали, но ихъ протестъ остался безъ всякаго дѣйствія. Наполеонъ III былъ „сообщникомъ“ (complice) Кавура, и нельзя же было послать французовъ драться противъ своихъ недавнихъ союзниковъ, какъ этого требовали клерикальная партія и вся католическая паства. Впрочемъ нѣкоторое время французскій отрядъ все-таки помогалъ Франциску II держаться въ Гаэтѣ.

Кавуръ, дѣйствовавшій всегда не иначе, какъ съ разрѣшенія Наполеона III, былъ вполнѣ доволенъ достигнутыми результатами и отказался отъ Венеціи и Рима, хотя и пытался убѣдить Пія IX, что свѣтская власть несовмѣстима съ главенствомъ въ католической церкви. Онъ вообще стоялъ на точкѣ зрѣнія „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“, а курія этой точки зрѣнія не раздѣляла. Между тѣмъ крайніе патріоты (italianissimi) не хотѣли удовольствоваться Италіей безъ Рима и Венеціи. Мадзини снова началъ агитацію противъ Виктора-Эммануила и Кавура, да и самъ Гарибальди стоялъ за продолженіе начатаго дѣла. Онъ негодовалъ на Кавура и за то, что тотъ распустилъ созданную имъ армію добровольцевъ и всячески стѣснялъ его товарищей по оружію. Въ апрѣлѣ 1860 г. онъ далъ волю своему негодованію въ парламентѣ, гдѣ сдѣлалъ предложеніе о необходимости призвать къ оружію весь итальянскій народъ. Кавуръ, хлопотавшій лишь о томъ, чтобы остановить всякое дальнѣйшее движеніе въ націи, и пускавшій въ ходъ для этого все, что было въ его власти, старался смягчить недовольнаго патріота и просилъ у него примиренія, но отъ своей политики не отступалъ. Гарибальди удалился тогда на свою Капреру, гдѣ и сталъ снова жить частнымъ человѣкомъ. Вскорѣ и Кавуръ сошелъ со сцены, скончавшись въ іюнѣ 1861 г.

Сардинская конституція была распространена на все новое королевство, столицею котораго временно объявлена была Флоренція (1864 г.). По смерти Кавура продолжателемъ его политики сдѣлался самъ Вик-

торъ-Эммануилъ. Будучи лично ревностнымъ католикомъ (какимъ былъ и его министръ), онъ старался смягчить отношенія Италіи къ папѣ, который, наоборотъ, не хотѣлъ его признавать, какъ узурпатора. Среди самихъ итальянцевъ произошло по римскому вопросу раздѣленіе на партіи, да и вообще новыя отношенія произвели новую группировку политическихъ партій въ странѣ и въ парламентѣ. Фанатики католицизма, бывшіе въ то же время и сторонниками абсолютизма, кричали громко объ ограбленіи папы; впрочемъ, въ палатѣ они почти не имѣли представителей, такъ какъ папа запретилъ вѣрнымъ выбирать и выбираться (ne elettori, ne eletti) въ парламентъ. Благодаря тому, что конституція была основана на избирательномъ цензѣ [1]), демократическая партія тоже не могла имѣть значительнаго представительства. Подавляющее большинство парламента было конституціонное, хотя и распадалось на двѣ фракціи (правую и лѣвый центръ), попеременно находившіяся у власти. Въ группировкѣ партій замѣчался нѣкоторый партикуляризмъ, и большинство депутатовъ изъ боязни партикуляризма не рѣшилось согласиться на сдѣланное нѣкоторыми депутатами предложеніе ввести провинціальное самоуправленіе. Напротивъ того, въ Италіи возобладала французская система административной централизаціи съ назначенными префектами и мерами и съ искусственнымъ областнымъ дѣленіемъ. Въ церковныхъ дѣлахъ наиболѣе вліятельная и чаще бывшая у власти партія (правая) держалась, наоборотъ, системы, далекой отъ французской, и „хотѣла свободной церкви въ свободномъ государствѣ“, но Пій IX не шелъ ни на какія соглашенія съ итальянскимъ правительствомъ (знаменитое „non possumus“, которымъ папа отвѣчалъ на всѣ предложенія Виктора-Эммануила). Лишь послѣ неудачи, постигшей короля въ попыткѣ заключить съ папою договоръ относительно замѣщенія епископскихъ каѳедръ и другихъ вопросовъ, правительство упразднило монастыри и конфисковало ихъ имѣнія, принявъ содержаніе духовенства на счетъ государства и сильно сокративъ число духовныхъ училищъ. Бывшія духовныя имѣнія стали распродаваться—мѣра, которою правительство думало отчасти поправить разстроенные финансы страны. Дѣло въ томъ, что объединеніе Италіи обошлось казнѣ недешево: война 1859 г. и необходимость содержать большіе армію и флотъ, съ одной стороны, принятіе на себя долга упраздненныхъ монархій, съ другой, привели государственное хозяйство въ полное разстройство, и для покрытія дефицитовъ правительству приходилось прибѣгать къ новымъ займамъ. Главной задачей всѣхъ министерствъ съ 1861 г. было выпутываться изъ финансовыхъ затрудненій, не ослабляя военной силы Италіи, и

[1]) См. выше, стр. 428—430.

приноравливаться къ измѣнчивымъ теченіямъ внѣшней политики. Такъ какъ между правой и лѣвымъ центромъ разница была неособенно большая, то перемѣна министерствъ политическаго значенія для страны не имѣла, тѣмъ болѣе, что у власти становились большею частью одни и тѣ же люди, а за ними была „неизмѣнная мысль“ въ лицѣ короля. Въ заботахъ о наполненіи казны создавались новые налоги, и въ 1868 г. даже былъ возстановленъ отмѣненный въ 1859 г. вслѣдствіе крайней своей обременительности и непопулярности въ населеніи налогъ на помолъ, создавшій дороговизну хлѣба. Съ другой стороны, для народнаго благосостоянія ничего серьезнаго не предпринималось. Народъ, доведенный до обнищанія прежнимъ режимомъ, не получилъ облегченія отъ объединенной Италіи. Поэтому онъ продолжалъ волноваться и, смотря по обстоятельствамъ, становился на сторону той или другой изъ враждебныхъ правительству партій. Въ южной Италіи необычайно развилось разбойничество (каморра въ Неаполѣ, маффія въ Сициліи), которое попало подъ вліяніе партіи абсолютистовъ и терроризировало населеніе, въ особенности приверженцевъ новаго королевства. Эта своеобразная народная оппозиція нерѣдко находила сочувствіе и поддержку у мирныхъ жителей, что затрудняло борьбу съ нею правительства: иногда между его врагами, имѣвшими природную защиту въ горахъ своей родины, и присланными для ихъ поимки солдатами происходили настоящія битвы. Неудовольствіемъ другихъ народныхъ элементовъ пользовалась республиканская партія. Въ это время въ Италіи еще не было яснаго сознанія соціальнаго вопроса, и демократія жила старыми принципами Мадзини. На первомъ планѣ для нея стояло окончательное объединеніе Италіи и прежде всего обращеніе Рима въ столицу королевства.

Для итальянскаго правительства это былъ самый трудный вопросъ внутренней и внѣшней политики въ теченіе всего перваго десятилѣтія существованія единаго королевства. Общественное мнѣніе страны было за присоединеніе Рима, а радикальная партія не отказывалась отъ мысли добыть Римъ такимъ же образомъ, какъ она это сдѣлала въ 1860 г. съ Сициліей и Неаполемъ, и съ этой стороны итальянскому правительству приходилось считаться съ римскимъ вопросомъ въ своей внутренней политикѣ, тогда какъ иностранныя государства съ Франціей во главѣ и католики всего міра были противъ занятія Рима, и Наполеонъ III продолжалъ тамъ держать свой гарнизонъ. Кавуръ до конца своей жизни хитрилъ и съ итальянцами, и съ Европой, оставивъ вопросъ о Римѣ открытымъ. Открытымъ считалъ его и Гарибальди, удалившись на время въ частную жизнь. Партія дѣйствія приготовлялась къ новому предпріятію и даже стала подумывать о присоединеніи къ Италіи и южнаго Ти-

роля и всѣхъ тѣхъ земель по ту сторону Адріатическаго моря, гдѣ населеніе говоритъ по-итальянски. Для бо́льшаго успѣха она вступила въ союзъ съ венгерскими выходцами, увлекши даже Кошута. Лѣтомъ 1862 г. Гарибальди оставилъ свое капрерское уединеніе и во главѣ отряда добровольцевъ появился снова въ Сициліи, чтобы начать завоевательный походъ на Римъ. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ III послалъ въ Римъ свѣжія войска для подкрѣпленія французскаго гарнизона въ вѣчномъ городѣ. Онъ даже грозилъ занять Неаполь, если итальянское правительство не подавитъ этой революціи. Викторъ-Эммануилъ, поддерживаемый парламентомъ, въ началѣ августа обратился къ своимъ подданнымъ съ прокламаціей, въ которой объявлялъ всякое воззваніе, исходящее не отъ короля, за призывъ къ мятежу и междоусобію, за который законъ грозитъ строгимъ наказаніемъ. При Аспромонте между отрядомъ Гарибальди и отрядомъ королевской арміи началась перестрѣлка, вопреки приказаніямъ обоихъ начальниковъ. Гарибальди поскакалъ къ своимъ солдатамъ, чтобы велѣть прекратить стрѣльбу, и въ это время былъ раненъ въ ногу. Битва прекратилась, но раненый очутился въ плѣну. Викторъ-Эммануилъ даровалъ, однако, своему плѣннику амнистію; да и дѣлать ему болѣе ничего не оставалось въ виду громадной популярности Гарибальди въ Италіи и сильнаго сочувствія, которое проявилось къ нему во всей Европѣ по поводу его раны и плѣна. Въ сентябрѣ 1864 г. Франція и Италія заключили между собою конвенцію, по которой Италія дѣлала своей столицей Флоренцію, а Франція обязывалась вывести свои войска изъ Рима подъ условіемъ, чтобы итальянское правительство охраняло свѣтскую власть папы и чтобы самъ папа организовалъ армію, достаточную для самозащиты, но безопасную для Италіи. Папа, крайне недовольный этимъ соглашеніемъ, состоявшимся безъ его участія, отвѣтилъ на него знаменитыми энцикликой „Quanta cura“ и „Силлабусомъ“ [1]), вызвавшими неудовольствіе католическихъ государей, но встрѣченныхъ восторгомъ со стороны клерикаловъ.

Сентябрьская конвенція рѣшала вопросъ о Римѣ, по крайней мѣрѣ на время, въ смыслѣ, неблагопріятномъ для итальянскихъ притязаній, и Викторъ-Эммануилъ задумалъ тогда утѣшить своихъ подданныхъ видами на Венецію. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ образовалъ новое министерство, во главѣ котораго былъ поставленъ генералъ Ламармора, извѣстный всѣмъ своей „пруссоманіей“. Пруссія въ это время искала союзниковъ противъ Австріи, и Бисмаркъ въ октябрѣ посѣтилъ Наполеона III въ Біаррицѣ, гдѣ и выхлопоталъ разрѣшеніе для Италіи вступить въ союзъ съ Пруссіей.

---

[1]) Ср. выше, стр. 644.

Черезъ годъ онъ еще разъ съѣздилъ въ Біаррицъ и вступилъ съ Наполеономъ III въ новые переговоры, во время которыхъ, повидимому, состоялось соглашеніе о присоединеніи къ Италіи Венеціанской области [1]). Въ 1866 г. вспыхнула австро-прусская война [2]). Италія была въ союзѣ съ Пруссіей и имѣла обѣщаніе со стороны Наполеона III не противиться пріобрѣтенію ею Венеціи. Пруссія помогла Италіи даже деньгами. Въ этой новой войнѣ съ Австріей опять принялъ участіе и Гарибальди, который поставилъ своею цѣлью вторженіе въ Тироль, чтобы обойти австрійскую армію. Съ самаго начала, однако, итальянское войско потерпѣло пораженіе при Кустоццѣ (24 іюня) и должно было отступить въ то самое время, какъ Пруссія, одержавъ надъ Австріей нѣсколько побѣдъ, нанесла ей окончательное пораженіе при Садовой (3 іюля). На другой же день послѣ этого Францъ-Іосифъ телеграфировалъ Наполеону III, что уступаетъ ему Венеціанскую область для передачи ея Италіи, и проситъ его вмѣшательства для заключенія мира съ Италіей и перемирія съ Пруссіей. Французскій императоръ тотчасъ же предложилъ Пруссіи и Италіи свое посредничество, но ни Бисмаркъ, ни Викторъ-Эммануилъ не были расположены прекратить войну. Итальянское правительство охотно приняло бы Венецію, если бы Пруссія была побита, Бисмаркъ же подбивалъ его не мириться. Притомъ Виктору-Эммануилу хотѣлось возстановить „честь знамени“ послѣ пораженія при Кустоццѣ, а для этого Венецію нужно было завоевать. Мало того, въ Италіи уже мечтали и о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ. Наполеонъ III, который въ это время сильно хворалъ и далекъ былъ отъ какой бы то ни было рѣшительной политики, находясь подъ противоположными вліяніями сторонниковъ Австріи и сторонниковъ Пруссіи и Италіи, бездѣйствовалъ, и война продолжалась. Итальянцы снова вступили въ Венеціанскую область и имѣли тамъ нѣсколько успѣшныхъ дѣйствій, но зато ихъ флотъ почти совсѣмъ былъ уничтоженъ австрійцами при Лиссѣ (20 іюля). Когда черезъ нѣсколько дней послѣ этого Австрія и Пруссія заключили между собою миръ,—причемъ Пруссія сдѣлала это совершенно безъ вѣдома Италіи,—правительство Виктора-Эммануила протестовало противъ такого поведенія своей союзницы, но Бисмаркъ отвѣтилъ, что онъ обѣщалъ Италіи только помочь пріобрѣсти Венецію, и что теперь обладаніе ею за Викторомъ-Эммануиломъ обезпечено. Итальянцы, успѣвшіе занять южный Тироль и Фріуль, хотѣли мириться лишь на условіи присоединенія и этихъ областей, но и Пруссія, и Франція этому воспротивились. Въ августѣ Италія заключила съ

---

[1]) См. выше, стр. 428.

[2]) См. въ слѣдующей главѣ.

Австріей перемиріе, 3 октября — миръ (въ Вѣнѣ), по которому вѣнское правительство признало существованіе Итальянскаго королевства. По бывшимъ уже примѣрамъ [1]) и для удовлетворенія самолюбія итальянцевъ, не хотѣвшихъ получить Венецію въ видѣ французской подачки, въ этой области было устроено народное голосованіе. Утвердительныхъ голосовъ при этомъ было получено около 650 тысячъ, отрицательныхъ не полные семь десятковъ.

Въ томъ же 1866 г. Наполеонъ III, исполняя обязательство, принятое на себя за два года передъ тѣмъ, вывелъ изъ Рима французскій гарнизонъ. Въ тронной рѣчи при открытіи парламентской сессіи въ концѣ года Викторъ-Эммануилъ торжественно констатировалъ тотъ фактъ, что впервые послѣ столькихъ столѣтій въ Италіи нѣтъ болѣе иноземной вооруженной силы. Но Римъ все-таки оставался за папой, и скоро французскія войска опять появились въ папскихъ владѣніяхъ. Осенью 1867 г. Гарибальди сдѣлалъ третью свою попытку завоеванія Рима, вторгшись въ Церковную Область съ своими добровольцами. Итальянское правительство просило у Наполеона III дозволенія защитить папу своими собственными войсками. но императоръ отправилъ на помощь папской арміи свои собственныя войска, и Виктору-Эммануилу, тоже пославшему въ папскія владѣнія военную силу, пришлось удовольствоваться положеніемъ вооруженнаго нейтралитета. 3 ноября между гарибальдійцами и соединенными папско-французскими войсками произошла при Ментанѣ битва, въ которой Гарибальди потерпѣлъ страшное пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ. Его нѣкоторое время продержали въ крѣпости, а потомъ интернировали на Капрерѣ. Французскій генералъ послалъ въ Парижъ телеграмму о томъ, что „ружья Шасспо дѣлали чудеса“. Въ законодательномъ корпусѣ, въ которомъ даже оппозиція съ Тьеромъ во главѣ была за сохраненіе свѣтской власти папы, министръ Руэръ объявилъ „отъ имени французскаго правительства, что Италія не завладѣетъ Римомъ. Никогда, воскликнулъ онъ, никогда и никогда Франція не потерпитъ такого насилія надъ ея честью и надъ католицизмомъ!“ Въ отвѣтъ на эту рѣчь депутаты тоже кричали: „никогда, никогда!“ Французскій гарнизонъ остался въ Чивитта-Веккіи охранять папскія владѣнія. Такое рѣшеніе Наполеона III впослѣдствіи сильно мѣшало ему въ его стремленіи заключить союзъ съ Италіей противъ Пруссіи [2]). Напротивъ, въ Италіи стали теперь болѣе полагаться на Пруссію, и даже Мадзини, который въ союзѣ Италіи съ Наполеономъ III всегда видѣлъ опасность для политической сво-

[1]) См. выше, стр. 436.

[2]) См. выше, стр. 660—661 и 672.

боды и національнаго единства своей родины, написалъ Бисмарку письмо, предлагая ему союзъ съ итальянской „партіей дѣйствія“ противъ общаго врага. „Если бы, писалъ онъ, прусское правительство дало намъ милліонъ франковъ и двѣ тысячи игольчатыхъ ружей, моя честь была бы порукой въ томъ, что эти средства пошли бы лишь на то, чтобы не допустить Италію до заключенія союза съ Франціей и низвергнуть всякое правительство, которое рѣшилось бы на такой шагъ“.

Въ то самое время, какъ на свѣтскую власть папства уже около двадцати лѣтъ дѣлались постоянныя покушенія и держалась она исключительно вооенною поддержкою Франціи, Пій IX продолжалъ итти въ своей общецерковной политикѣ по той дорогѣ, на которую вступилъ послѣ революціи 1849 г. За догматомъ о непорочномъ зачатіи, за энцикликой „Quanta cura“ и Силлабусомъ [1]) послѣдовали юбилей ап. Петра (1867 г.) и собственный юбилей папы (1869 г.), отпразднованные съ большою торжественностью и бывшіе, такъ сказать, смотромъ боевыхъ силъ католицизма. Реакція сплотила силы католическаго міра у св. престола, а „ограбленіе“ папы и покушенія на его свѣтскую власть только еще болѣе ожесточили католическій фанатизмъ. Великіе соборы XV и XVI вѣка оставили неразрѣшеннымъ вопросъ, принадлежитъ ли непогрѣшимость вселенской церкви собору или папѣ. Пій IX пришелъ къ мысли о созваніи новаго вселенскаго собора для установленія догмата папской непогрѣшимости. Большинство кардиналовъ и епископовъ Франціи и Германіи отговаривали Пія IX отъ созванія собора, но папа, руководимый іезуитами, поддержалъ эту мысль, и лѣтомъ 1869 года разослалъ приглашенія на соборъ, не исключивъ при этомъ православнаго и протестантскаго духовенства. Конечно, и православные, и протестанты на соборъ не поѣхали. Засѣданія открылись въ Ватиканѣ 8 декабря 1869 г. Съѣхалось со всего міра болѣе семисотъ высшихъ духовныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ папа располагалъ солиднымъ большинствомъ, состоявшимъ изъ итальянцевъ, испанцевъ, изъ титулярныхъ епископовъ безъ епархій (такъ называемыхъ епископовъ in partibus infidelium) и разныхъ „папскихъ нахлѣбниковъ“ (духовныхъ лицъ, получавшихъ содержаніе отъ папы). Во главѣ ультрамонтанской партіи стоялъ хитрый кардиналъ Антонелли, главный совѣтникъ папы по всѣмъ политическимъ вопросамъ съ довольно давняго времени. Оппозицію составляли епископы Франціи, Германіи и Венгріи. Французскій богословъ Маре въ сентябрѣ 1869 г. издалъ противъ папскихъ притязаній книгу „Соборъ и религіозные интересы“, а мюнхенскій

[1]) См. выше, стр. 644.

профессоръ Дёллингеръ еще раньше (въ мартѣ) подъ псевдонимомъ Януса писалъ оппозиціонныя статьи въ „Аугсбургской газетѣ“ и напечаталъ ихъ потомъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Папа и соборъ“. Хорватскій патріотъ епископъ Штросмайеръ въ самомъ началѣ собора протестовалъ противъ установленнаго папою порядка совѣщаній, лишавшаго членовъ собора иниціативы и стѣснявшаго свободу преній. Самый догматъ папской непогрѣшимости встрѣтилъ на соборѣ оппозицію. Правда, одни находили этотъ догматъ только несвоевременнымъ (иноппортунисты), не возставая противъ него по существу, но другіе выступили противъ него, какъ противъ нарушенія преданій церкви: Дёллингеръ назвалъ его духовной революціей. Пій IX былъ очень обиженъ ссылкою на преданія и заявилъ, что „преданіе, это—онъ“. Засѣданія были шумныя и бурныя: Штросмайеръ, напримѣръ, однажды сталъ протестовать противъ возложенія на протестантовъ вины за всякое безбожіе, какое только существуетъ въ мірѣ, и отцы собора стали тогда ему кричать, топать на него ногами и т. п. Засѣданія происходили при закрытыхъ дверяхъ, и все, что́ совершалось, должно было сохраняться въ тайнѣ, но въ иностранныхъ газетахъ появлялись подробные отчеты. Видя, что единогласія не будетъ, папа объявилъ достаточнымъ, если за его предложеніе будетъ большинство. 13 іюля 1870 г. догматъ о непогрѣшимости былъ принятъ громаднымъ большинствомъ, но несогласные (около 120 человѣкъ) „покинули Римъ, не желая давать отрицательнаго отвѣта въ публичномъ засѣданіи, и въ этомъ публичномъ засѣданіи собора подано было только два голоса противъ 535 голосовъ. Конституція „Pastor aeternus“, прочитанная папою въ этомъ засѣданіи (18 іюля), гласила, что когда папа съ каѳедры (ex cathedra), т.-е. исполняя свои обязанности пастыря и наставника всѣхъ христіанъ, установляетъ ученія о вѣрѣ и нравственности, то ему принадлежитъ непогрѣшимость, обѣщанная церкви самимъ Спасителемъ, и что такія опредѣленія папы неизмѣняемы сами по себѣ, а не въ силу одобренія ихъ церковью,—кто же этому осмѣлится противиться, да будетъ проклятъ. На другой день послѣ торжественнаго провозглашенія новаго догмата совершилось объявленіе войны Наполеономъ III Пруссіи. Засѣданія собора были отложены до ноября; прежде чѣмъ окончился этотъ срокъ, свѣтской власти папы уже болѣе не существовало.

Французскій гарнизонъ долженъ былъ оставить Чивитта-Веккію, чтобы спѣшить на помощь своему отечеству, которому съ самаго же начала войны грозила большая опасность отъ Пруссіи. Вскорѣ произошло и паденіе имперіи. Итальянское правительство немедленно

объявило о прекращеніи сентябрьской конвенціи 1864 г. [1]) и отправило обсерваціонный корпусъ къ папской границѣ, въ то время какъ бывшій сподвижникъ Гарибальди, Биксіо, вступилъ въ Чивитта-Веккію. Викторъ-Эммануилъ предложилъ Пію IX признать за нимъ полную власть въ церковныхъ дѣлахъ, оставивъ за нимъ почести монарха и обладаніе частью Рима на правомъ берегу Тибра съ Ватиканомъ, но Пій IX упорствовалъ. Послѣ отказа папы итальянскія войска заняли всю Папскую Область, куда стали стекаться также римскіе изгнанники и многочисленные добровольцы. Достаточно было трехчасовой канонады, чтобы заставить Римъ сдаться (20 сентября). Черезъ двѣ недѣли (3 октября) происходило всенародное голосованіе. За присоединеніе къ Италіи было подано 130 т. голосовъ, противъ — тысячи полторы, но была масса воздержавшихся отъ участія въ голосованіи. На присоединеніе Рима къ Италіи папа отвѣтилъ отлученіемъ Виктора-Эммануила отъ церкви. Гарибальди уѣхалъ во Францію, гдѣ сталъ во главѣ добровольцевъ, желая послужить новой республикѣ, провозглашенной въ этой странѣ.

Объединеніе Италіи совершилось, но впослѣдствіи возникла партія (Italia irredenta), которая требовала распространенія итальянскаго господства на всѣ сосѣднія области, гдѣ господствуетъ итальянскій языкъ, но владычествуютъ иностранцы. Царство свободы и демократіи, о которомъ мечтали Мадзини и Гарибальди, тоже далеко не было осуществлено новымъ королевствомъ. На двадцатисемимилліонное населеніе Италіи, благодаря существованію ценза, приходилось лишь около 600 тысячъ избирателей. Только реформа 1882 г. подняла число избирателей до двухъ милліоновъ, хотя фактически голосуютъ едва 50%. Направленіе внутренней и внѣшней политики стало зависѣть главнымъ образомъ отъ буржуазіи, на которую преимущественно и стало опираться правительство въ своей борьбѣ съ клерикалами и республиканцами. Для улучшенія быта народной массы ничего сдѣлано не было. Напротивъ, великодержавная политика итальянскаго правительства легла тяжелымъ бременемъ на народъ. Недовольство рабочихъ классовъ повлекло за собою въ позднѣйшее время соціалистическую агитацію, которой Италія оставалась чужда въ эпоху своихъ объединительныхъ стремленій.

---

[1]) См. выше, стр. 693.

XXVIII. Объединеніе Германіи [1]).

Общій взглядъ на объединеніе Германіи.—Оживленіе національнаго и либеральнаго движенія въ Германіи послѣ 1859 г. — Антагонизмъ Австріи и Пруссіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. — «Новая эра» въ Пруссіи. — Вильгельмъ I и Бисмаркъ.—Конституціонная борьба въ Пруссіи.—Переходъ Австріи къ конституціонной жизни и внутреннія колебанія. — Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ и австро-прусская война. — Пруссія и Сѣверо-германскій союзъ. — Возникновеніе Австро-Венгріи.—Взаимныя отношенія Франціи и Пруссіи въ 1867—69 гг.—Франко-германская война и основаніе Германской имперіи.

Параллельно съ объединеніемъ Италіи и въ извѣстной связи съ нею шло и объединеніе Германіи. Итальянская война 1859 г., приведшая къ образованію Итальянскаго королевства, произвела сильное впе-

---

[1]) Кромѣ сочиненій, указанныхъ на стр. 620, *F. Jastrow.* Geschichte des deutschen Einheitstraumes. 1891. — *Lévy-Bruhl.* L'Allemagne depuis Leibnitz. 1890.—*Sybel.* Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I. 1893 и слѣд. *Oncken.* Zeitalter des Kaisers Wilhelms I. 1890—1892.—Сочиненія по частнымъ вопросамъ: *Völdendorff.* Deutsche Verfassungen und Verfassungsentwürfe. Annalen des deutschen Reiches. 1890.—*Mamroth.* Die Entwickelung der österreichisch-deutschen Handelsbeziehungen. 1887.—Der Nationalverein, seine Entstehung und seine bisherige Wirksamkeit. 1860.—*Fr. Jul. Stahl.* Die gegenwärtige Parteien in Staat und Kirche. — *Baumgarten.* Der deutsche Liberalismus. 1876. — *Parisius.* Deutschlands politische Parteien. 1878.— *Von Rönne.* Staatsrecht der preussischen Monarchie (4 изд. 1881).—*Rothan.* La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimée. 1888. — *Wehrenpfenig.* Geschichte der deutschen Politik unter dem Einfluss des italienischen Kriegs. 1860. — Der Gang der preussischen Politik in der schleswig-holsteinischen Angelegenheit von 1863—65. 1865.—*L. Hahn.* Zwei Jahre preussisch-deutscher Politik. 1868.—*Rothan.* Les origines de la guerre de 1870. La politique française en 1866. 1879. — *Vilbort.* L'oeuvre de M. de Bismark (1863—1866). Sadowa et la campagne des sept jours. 1869.—*Simson.* Beziehungen Napoleons III zu Preussen und Deutschland. — *Blanckenburg.* Der deutsche Krieg von 1866. 1868. — *Hahn.* Der Krieg Deutschlands gegen Frankreich. Die deutsche Politik 1867—1871. 1871.—*Binding.* Die Gründung des Norddeutschen Bundes. 1888.—*Friedjung.* Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland (1859—1866). 1897.—*Rothan.* L'affaire du Luxembourg. 1883.—*Его же.* La France et sa politique extérieure en 1867. 1887. — *Sorel.* Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande. — *Rothan.* L'Allemagne et l'Italie. 1884. — *Chuquet.* La guerre de 1870—1871. 1895.—О Вильгельмѣ I и Бисмаркѣ: біографіи Вильгельма I *Schneider'a, Meding'a, Hahn'a, Müller'a, Forbes'a, Scherenberg'a, E. Simon'a* (франц. 1886). — *Bamberger.* M. de Bismark. 1868.—*Hesekiel.* Das Buch vom Fürsten Bismarck. 1878.—*L. Hahn.* Fürst Bismarck. 1878—1890.—*Thudichum.* Bismarks parlamentarische Kämpfe und Siege. 1890. — Denckwürdigkeiten aus dem Leben des Fürsten Bismarck. 1890.—*E. Simon.* Histoire du prince de Bismarks. 1887. — *Е. И. Утинъ.* Вильгельмъ I и Бисмаркъ. 1892. — *Н. К. Михайловскій.* Графъ Бисмаркъ (Сочиненія, т. VI по изд. 1897 г.).

чатлѣніе на нѣмцевъ и въ значительной мѣрѣ содѣйствовала оживленію политической жизни въ Германіи. Роль, которую на Аппенинскомъ полуостровѣ сыгралъ Пьемонтъ, здѣсь въ шестидесятыхъ годахъ взяла на себя Пруссія. Въ 1866 г. оба государства въ союзѣ между собою вели войну съ Австріей, которая дала Италіи Венеціанскую область, а для Пруссіи окончилась увеличеніемъ территоріи на счетъ нѣсколькихъ болѣе мелкихъ нѣмецкихъ государствъ и образованіемъ подъ ея гегемоніей Сѣверо-германскаго союза. Австрія была выброшена и изъ Италіи, и изъ Германіи. Дальнѣйшему объединенію обѣихъ націй начала теперь препятствовать Франція, которая не хотѣла допустить, чтобы Италія овладѣла Римомъ, и стала въ крайне враждебное отношеніе къ усиленію Пруссіи. Разгромъ Франціи въ 1870—1871 гг. доставилъ Италіи Римъ и сдѣлалъ возможнымъ образованіе Германской имперіи. Есть даже нѣчто общее въ исторіи обоихъ объединеній. И въ Италіи, и въ Германіи это дѣло было совершено государствами, которыя въ эпоху реакціи пятидесятыхъ годовъ сохранили у себя конституціонныя учрежденія, хотя примѣненіе ихъ далеко не отличалось въ обоихъ же государствахъ вѣрностью духу этихъ учрежденій. И въ Пьемонтѣ, и въ Пруссіи во главѣ правленія стояли государственные люди, Кавуръ и Бисмаркъ, которые въ своей дѣятельности исходили изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ и пользовались одинаковыми средствами [1]). И здѣсь, и тамъ передовыя партіи представляли себѣ дѣло объединенія совсѣмъ не такъ, какъ оно велось стоявшими у власти государственными людьми, и заняли по отношенію къ ихъ политикѣ оппозиціонное положеніе, но въ обоихъ случаяхъ потерпѣли неудачу. Главная разница заключалась въ томъ, что оппозиціонная партія въ Италіи явно стремилась къ республикѣ, тогда какъ въ Германіи республиканская партія сошла со сцены еще въ 1849 г. и болѣе не возрождалась. Зато, съ другой стороны, исторія объединенія Германіи сопровождалась соціальнымъ движеніемъ, которое выразилось образованіемъ самостоятельной рабочей партіи, чего совершенно не было въ Италіи въ эпоху ея объединенія [2]). Въ способахъ объединенія тоже проявилось нѣкоторое различіе. Въ Италіи, какъ мы видѣли [3]), былъ принятъ принципъ всенароднаго голосованія, рѣшавшаго вопросъ о присоединеніи отдѣльныхъ территорій къ Итальянскому королевству, но Пруссія расширяла свои предѣлы включеніемъ въ нихъ новыхъ земель, не спрашивая на то согласія

[1]) Ср. выше, стр. 678.

[2]) Въ настоящей главѣ мы упоминаемъ лишь вскользь объ этомъ соціальномъ движеніи и образованіи рабочей партіи, откладывая болѣе подробное разсмотрѣніе этого предмета до главы XXXI.

[3]) Ср. выше, стр. 686, 689—690 и 698.

населенія, т.-е. по одному праву завоеванія. Наконецъ, германское объединеніе не было такимъ полнымъ, какъ итальянское. Во-первыхъ, за предѣлами объединенной Италіи осталась сравнительно весьма незначительная часть итальянскаго племени, тогда какъ объединеніе Германіи совершилось въ смыслѣ стремленій мало-германской партіи, и въ составъ новой имперіи не вошли австрійскіе нѣмцы. Во-вторыхъ, объединеніе Италіи сопровождалось устраненіемъ мѣстныхъ династій въ пользу одной династіи, Савойской, и Италія превратилась въ единое королевство, въ Германіи же такое устраненіе мѣстныхъ династій произошло лишь отчасти (въ 1866 г.), и новая имперія въ 1871 г. составила изъ себя своеобразную форму союза нѣсколькихъ государствъ. Германія никогда не была, какъ то случилось съ Италіей, простымъ „географическимъ понятіемъ“ [1]), всегда оставаясь въ той или другой формѣ политической федераціей—и во времена средневѣковой „Священной Римской имперіи нѣмецкой націи“, и въ эпоху даже Рейнскаго союза [2]), и въ періодъ существованія въ 1815—1866 гг. Германскаго союза. Этотъ федеративный строй она сохранила и въ эпоху новой имперіи, которой предшествовало кратковременное существованіе Сѣверо-германскаго союза (1866—1871). Соперничество обѣихъ великихъ нѣмецкихъ державъ, начавшееся еще во второй половинѣ XVIII в., и стремленіе другихъ болѣе значительныхъ нѣмецкихъ государствъ къ независимости были главными факторами, о которые разбились объединительныя стремленія нѣмецкихъ патріотовъ и въ 1813—1815 гг. [3]), и въ эпоху революціонной бури 1848—1849 гг. Положеніе, занятое Пруссіей въ Германіи, дѣлало невозможнымъ объединеніе Германіи съ Австріей, тѣмъ болѣе, что бо́льшая половина населенія монархіи Габсбурговъ и не принадлежала къ нѣмецкому племени. Съ другой стороны, въ Италіи устраненію подлежали династіи, на которыя нація смотрѣла, какъ на чуждыя ей, какъ на иноземныя, держащіяся лишь иностранною поддержкою, и устраненіе это совершалось въ пользу династіи, имѣвшей вполнѣ національный характеръ, между тѣмъ какъ въ Германіи всѣ династіи были одинаково національны, и во многихъ случаяхъ, особенно въ юго-западной Германіи [4]), само населеніе было противъ поглощенія мелкихъ государствъ однимъ крупнымъ, такъ какъ не ожидало для себя ничего хорошаго отъ этого. Въ Италіи конституціонный Пьемонтъ въ глазахъ населенія другихъ тамошнихъ государствъ имѣлъ великое преимущество, благодаря своимъ свободнымъ учрежденіямъ, Пруссія же приступила къ

[1]) Выраженіе Меттерниха объ Италіи.
[2]) См. т. IV, стр. 145 и слѣд.
[3]) См. т. IV, стр. 341 и слѣд.
[4]) См. т. IV, стр. 351 и слѣд.

объединенію Германіи какъ-разъ въ такое время, когда въ ней самой конституція попиралась правительствомъ, и въ смыслѣ развитія свободныхъ учрежденій нѣкоторыя другія нѣмецкія государства стояли выше Пруссіи. Образовавъ изъ Италіи единое государство, Пьемонтъ, такъ сказать, растворился въ немъ: единая Италія отнюдь не является даже замаскированной гегемоніей Пьемонта надъ Ломбардіей, Венеціей, Тосканой, бывшей Папской Областью, Неаполемъ и Сициліей. Другой характеръ получило нѣмецкое объединеніе. Пруссія не перешла въ Германію, какъ это обѣщалъ въ 1848 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, но стала господствовать надъ Германіей. Не такого объединенія желали лучшіе изъ нѣмецкихъ патріотовъ предыдущаго періода. Впрочемъ, какъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ [1]), и объединеніе Италіи во многомъ не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагали люди, наиболѣе безкорыстно работавшіе въ пользу этого національнаго дѣла.

Переходимъ теперь къ фактамъ. Мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи находилась Германія въ пятидесятыхъ годахъ [2]): это была эпоха реакціи и застоя. Въ 1859 г. вспыхнула война за освобожденіе Италіи, и это событіе тотчасъ же нашло отголосокъ и въ Германіи. Австрія была очень заинтересована въ томъ, чтобы въ этой войнѣ принялъ участіе на ея сторонѣ весь Германскій союзъ. Ея оффиціозы (Augsburger Allgemeine Zeitung) доказывали, что владычество Австріи въ Италіи составляетъ общій интересъ всѣхъ нѣмцевъ, такъ какъ Австрія защищаетъ Рейнъ отъ иноземнаго вторженія, держа свою армію на По. Эта австрійская пропаганда играла главнымъ образомъ на струнѣ боязни завоевательныхъ плановъ Наполеона III, но и французское правительство стало агитировать въ свою пользу среди нѣмцевъ. Къ этому времени относится сближеніе съ Наполеономъ III извѣстнаго натуралиста Карла Фохта, который игралъ раньше роль въ революціи 1848 г. и даже входилъ въ составъ имперскаго регентства 1849 г. [3]). Карлъ Фохтъ, владѣвшій бойкимъ публицистическимъ перомъ, выступилъ съ защитою политики Наполеона III, котораго онъ изображалъ, какъ освободителя народовъ. Газетная полемика, вызванная событіями 1859 г., оживила и успѣвшій уже заглохнуть антагонизмъ велико-нѣмецкой и мало-нѣмецкой партій [4]). Одни стали на сторону Австріи, другіе — на сторону Франціи, видя въ современныхъ итальянскихъ событіяхъ указаніе на то, какъ должно совершиться и объединеніе Германіи. Австрія сулила своимъ приверженцамъ нѣ-

[1]) См. выше, стр. 672—673 и 698.
[2]) См. выше, стр. 483.
[3]) См. выше, стр. 545.
[4]) См. выше, стр. 546.

мецкую гегемонію надъ всей средней Европой, включая сюда Бельгію, Голландію, Эльзасъ-Лотарингію, Венгрію и славяно-румынскія земли по Дунаю, для охраны интересовъ германской націи отъ романскаго союза на Западѣ и отъ славянской имперіи на Востокѣ. Но по этой программѣ, въ сущности, сама Германія должна была оставаться попрежнему разъединенной. Австрійскія стремленія пользовались большимъ сочувствіемъ во многихъ частяхъ Германіи и у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслителей и дѣятелей. За Австрію стояли, напримѣръ, баварскіе ультрамонтаны, вюртембергскіе партикуляристы, франкфуртскіе биржевики-евреи и т. п., а также многіе историки и публицисты. Обѣ партіи употребляли всѣ силы, чтобы имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе націи, которая была очень встревожена слухами о намѣреніи Наполеона III овладѣть лѣвымъ берегомъ Рейна и чувствовала свою полную безпомощность при существующемъ государственномъ устройствѣ. Въ полемику между великими и малыми нѣмцами вмѣшались и представители соціальной мысли. Энгельсъ издалъ анонимную брошюру „По и Рейнъ“, въ которой опровергалъ австрійскую теорію о необходимости защищать Рейнъ на По, доказывая несостоятельность этой мысли и безнравственность подавленія чужой національности. Но онъ выступилъ и противъ своекорыстной политики Наполеона III, котораго онъ отнюдь не могъ признать освободителемъ народовъ. Въ томъ же смыслѣ высказался и Марксъ (въ „New-York Tribune“). Оба они, однако, не затрогивали вопроса о томъ, въ какое отношеніе должно было стать національное движеніе въ Германіи къ нѣмецкимъ государямъ. Энгельсъ напечаталъ свою брошюру въ Германіи при посредствѣ Лассаля, который тогда тоже издалъ брошюру объ итальянской войнѣ, указавъ въ ней на Пруссію, какъ на будущую объединительницу Германіи [1]). Всѣ они предостерегали нѣмецкій народъ отъ войны съ Франціей, какъ отъ величайшаго бѣдствія для европейской демократіи. Впрочемъ, Лассаль совѣтовалъ во имя принципа національности послать нѣмецкія войска на Данію, чтобы отнять у нея Шлезвигъ-Голштинію, и въ этомъ случаѣ онъ находилъ возможнымъ для германской демократіи итти подъ знаменемъ Пруссіи.

Попытки Австріи увлечь въ войну съ Франціей Пруссію и весь союзъ не встрѣтили сочувствія въ Берлинѣ, хотя Пруссія на всякій случай и вооружилась. Управлявшій ею въ это время принцъ-регентъ ставилъ условіемъ своего вмѣшательства передачу ему одному главнаго начальства надъ всей арміей Германскаго союза, но Францъ-Іосифъ предпочелъ потерять Ломбардію, чѣмъ дать свое согласіе на такое

[1]) См. ниже, въ главѣ XXXI.

усиленіе Пруссіи. Но зато въ своемъ манифестѣ по поводу заключенія бывшаго столь унизительнымъ для Австріи мира [1]) онъ жаловался на то, что его оставили ближайшіе и самые естественные его союзники. Это только подлило масла въ огонь полемики между двумя партіями, защищавшими въ печати интересы Австріи и Пруссіи. Пораженіе Австріи въ войнѣ съ Италіей и Франціей обнаружило ея безсиліе и несовмѣстимость ея интересовъ съ интересами Германіи, и это высказывалось въ цѣломъ рядѣ брошюръ и газетныхъ статей, выходившихъ изъ-подъ пера сторонниковъ мало-нѣмецкой партіи. Общественное движеніе выразилось въ это время и въ многочисленныхъ народныхъ собраніяхъ, созывавшихся вождями обѣихъ партій или сопровождавшихъ столь обычные въ Германіи пѣвческіе, гимнастическіе или охотничьи праздники. Особенно сильнымъ національнымъ характеромъ отличалось празднованіе осенью 1859 г. юбилея Шиллера. На ученыхъ съѣздахъ тоже проявлялось это національное движеніе. Одновременно въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи также оживилась политическая жизнь и снова началась борьба между либералами и абсолютистами. Въ общемъ либералы были сторонниками національнаго единства, тогда какъ партикуляристы склонялись на сторону абсолютизма.

Въ сентябрѣ 1859 г. въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ съѣздовъ, либеральные сторонники объединенія Германіи подъ предводительствомъ Пруссіи образовали большое политическое общество по образцу итальянскаго союза [2]) и назвали его „Нѣмецкій національный союзъ“. Своею цѣлью общество поставило всѣми законными способами содѣйствовать распространенію и утвержденію въ народномъ сознаніи стремленій только-что образовавшейся національной партіи, которая провозгласила „идею единой Германіи съ крѣпкими извнѣ и свободными внутри учрежденіями“. Франкфуртское правительство взглянуло на этотъ союзъ недоброжелательно, и онъ перенесъ свой центральный органъ въ Кобургъ, такъ какъ тамошній герцогъ, наоборотъ, отнесся къ нему съ большою благосклонностью. Въ началѣ сентября 1860 г. здѣсь произошло первое общее собраніе членовъ общества, на которомъ была принята такая резолюція: нѣмецкій народъ твердо держится конституціи 1849 г., и союзъ желаетъ всѣми законными путями добиваться образованія центральной власти и германскаго парламента, надѣясь, что каждое германское племя пойдетъ на всякія жертвы ради величія и единства Германіи. „Если, сказано было далѣе въ этомъ постановленіи,

---

[1]) См. выше, стр. 685.

[2]) См. выше, стр. 676.

прусское правительство прочно проникнется интересами Германіи и сдѣлаетъ необходимые шаги для возстановленія могущества и единства Германіи, нѣмецкій народъ, конечно, съ довѣріемъ передастъ центральную власть главѣ самаго крупнаго чисто-нѣмецкаго (reindeutschen) государства. Національный союзъ не уступаетъ ни одной части германской союзной территоріи. Онъ признаетъ нѣмецкія провинціи Австріи, какъ естественныя составныя части отечества, и будетъ съ радостью привѣтствовать моментъ, когда сдѣлается возможнымъ присоединеніе (Anschluss) этихъ провинцій къ объединенной Германіи... Но и въ томъ случаѣ, если бы сила обстоятельствъ и непреодолимыя препятствія не дозволили одновременно присоединить нѣмецкія части Австріи къ германскому союзному государству, Національный союзъ въ этомъ не увидитъ для себя помѣхи (wird sich hierdurch nicht hindern lassen) къ тому, чтобы добиваться объединенія остальной Германіи". Число членовъ Національнаго союза быстро достигло цифры 20.000, но многія нѣмецкія правительства отнеслись къ нему враждебно. Въ обоихъ Гессенахъ и въ Мекленбургѣ онъ былъ запрещенъ, въ Саксоніи и Ганноверѣ на него воздвигли настоящее гоненіе. Прусскій принцъ-регентъ, которому былъ поданъ адресъ въ смыслѣ стремленій Національнаго союза, отклонилъ его, какъ несвоевременный. За свое покровительство союзу герцогъ Кобургскій подвергся порицанію со стороны другихъ нѣмецкихъ государей, собравшихся на одинъ съѣздъ [1]). Въ южной Германіи, гдѣ всегда относились къ Пруссіи съ большою подозрительностью, Національный союзъ притомъ не встрѣтилъ сочувствія и со стороны населенія. Съ нимъ здѣсь даже начали конкуррировать другіе подобные союзы, которые стали возникать съ поощренія баварскаго и австрійскаго правительствъ тоже съ задачею пропагандировать идею національнаго единства. Въ 1862 г. они даже объединились въ одинъ большой „Союзъ реформы". Въ томъ же году на общемъ собраніи Національнаго союза, провозгласившаго за годъ передъ тѣмъ, что Пруссія нужна Германіи и что слѣдуетъ направить прусское правительство на путь истинный, прямою цѣлью его дѣйствій была объявлена конституція 1849 г. Въ такомъ же смыслѣ около того же времени высказался и съѣздъ либеральныхъ депутатовъ отдѣльныхъ ландтаговъ. Либеральное движеніе этихъ годовъ получило пищу еще и въ возобновленіи Кургессенскаго конституціоннаго вопроса. Въ своемъ мѣстѣ было сказано, что въ 1850 г. въ Гессель-Касселѣ произошло упраздненіе конституціи 1831 г. [2]). Это дѣло тогда же было отдано на разсмо-

[1]) Въ Баденѣ, о чемъ см. ниже.

[2]) См. выше, стр. 628.

трѣніе союзнаго сейма и находилось безъ всякаго почти движенія до 1859 г., когда снова стало на очередь, сдѣлавшись предметомъ большого общественнаго вниманія. Тянулось оно до осени 1862 г., пока курфюрстъ не оказался вынужденнымъ со стороны другихъ государей возстановить конституцію 1831 г.

Опасность со стороны Франціи и національное возбужденіе въ Германіи привели въ движеніе и нѣмецкія правительства. Вопросъ о внутреннемъ устройствѣ Германіи не могъ быть окончательно рѣшенъ возстановленіемъ прежняго союзнаго сейма, тѣмъ болѣе, что жизнь продолжала ставить новыя задачи. Въ пятидесятыхъ годахъ предметомъ пререканій и переговоровъ между нѣмецкими государями былъ таможенный союзъ. Когда Пруссія подверглась извѣстному политическому униженію послѣ своей попытки устроить тѣсный политическій союзъ [1]), то и таможенному союзу, основанному ею [2]), стала грозить опасность распаденія, то государи, находившіеся въ этомъ союзѣ, вступили въ переговоры съ Австріей, отъ которой хотѣли добиться большихъ для себя выгодъ. Однако, они не получили отъ нея того, чего желали. Дѣло шло до упраздненія прежняго союза (1852), но Пруссія тѣмъ временемъ, сдѣлавъ кое-какія уступки государствамъ, ранѣе не входившимъ въ составъ таможеннаго союза (Мекленбургъ, Ганноверъ, Брауншвейгъ, Ольденбургъ и вольные ганзейскіе города), заключила съ ними новый союзъ, а затѣмъ къ этому соглашенію примкнули и всѣ члены прежняго. Такимъ образомъ въ 1853 г. въ торговомъ отношеніи вся Германія, за исключеніемъ одной Австріи, была объединена подъ предводительствомъ Пруссіи. Итальянская война 1859 г. выдвинула снова вопросъ о военной организаціи Германіи, который Пруссія и подняла опять, какъ это дѣлала и раньше [3]), въ союзномъ сеймѣ. Но предложеніе принца-регента раздѣлить имперское войско на австрійскую и прусскую команды встрѣтило сильную оппозицію со стороны Австріи и другихъ союзныхъ государствъ. Вообще послѣднія относились къ Пруссіи съ большимъ недовѣріемъ и всячески мѣшали осуществленію ея плановъ. Въ ноябрѣ 1859 г. съѣхались въ Вюрцбургѣ—и съѣзжались потомъ въ 1860 г.—министры болѣе крупныхъ послѣ Австріи и Пруссіи государствъ для выработки плана реформъ во внутреннемъ устройствѣ Германіи, но это послужило лишь началомъ для цѣлаго ряда безплодныхъ переговоровъ, въ которыхъ приняли участіе и обѣ соперничавшія державы: гдѣ Австрія говорила *да*, Пруссія отвѣчала рѣшительнымъ *нѣтъ* и на-

---

[1]) См. выше, стр. 559—560 и 625.

[2]) См. т. IV, стр. 348—349 и выше, стр. 181—183.

[3]) См. выше, стр. 185 и др.

оборотъ. Впрочемъ, планы государствъ средней величины были болѣе благопріятны для Австріи, хотя и отличались дуалистическимъ характеромъ. Поэтому эти планы были сочувственно приняты великонѣмецкимъ Союзомъ реформы, но по той же причинѣ они были отвергнуты Національнымъ союзомъ и собраніемъ либеральныхъ депутатовъ 1862 г. Кромѣ министровъ, съѣзжались по тому же вопросу о преобразованіяхъ въ устройствѣ Германіи и нѣкоторые ея государи. Какъ-разъ въ это время Наполеонъ III, „возвративъ Франціи ея естественную границу въ Альпахъ“, возбудилъ въ Германіи особенно сильное опасеніе относительно другой „естественной границы“ Франціи на Рейнѣ [1]). Его предложеніе исправить рейнскую границу съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ Пруссіи не встрѣтило, однако, сочувствія въ Берлинѣ. На выраженное французскимъ императоромъ желаніе лично свидѣться съ принцемъ-регентомъ послѣдній отвѣчалъ согласіемъ лишь подъ условіемъ, чтобы неизбѣжною основою всѣхъ переговоровъ была признана неприкосновенность германской территоріи, и этотъ отвѣтъ былъ имъ доведенъ до свѣдѣнія другихъ нѣмецкихъ государей. Свиданіе происходило въ іюнѣ 1860 г. въ Баденѣ, куда пріѣхали также и наиболѣе значительные нѣмецкіе государи. Съ Наполеономъ III здѣсь произошелъ только обмѣнъ вѣжливостей и любезностей, но и переговоры нѣмецкихъ государей между собою ни къ чему не привели. Еще разъ только обнаружилось крайне враждебное отношеніе ихъ къ Національному союзу. Баварскій король даже настаивалъ на необходимости начать общее преслѣдованіе союза. Послѣдовавшіе затѣмъ съѣздъ (въ Теплицѣ) между принцемъ-регентомъ и Францемъ-Іосифомъ и свиданіе обоихъ съ русскимъ императоромъ (въ Варшавѣ) тоже не имѣли никакихъ реальныхъ результатовъ. Нѣмецкіе государи только убѣдились, что Пруссія не пожертвуетъ ни одною пядью нѣмецкой земли, а Францъ-Іосифъ сталъ надѣяться, что въ случаѣ новаго нападенія Наполеона III на Австрію Пруссія не оставитъ ее безъ своей помощи.

Впрочемъ, Пруссіи не удалось преодолѣть недовѣріе къ ней нѣмецкихъ государей. Лишь очень немногіе правители, преимущественно ея мелкіе сосѣди въ сѣверной Германіи, а въ южной одинъ Баденъ, стояли на ея сторонѣ, остальные же были за Австрію. Когда монархія Габсбурговъ, какъ мы увидимъ, получила конституцію (1861) и стала управляться либеральнымъ нѣмецкимъ министерствомъ, а въ Пруссіи, наоборотъ, правительство начало нарушать конституцію, часть нѣмецкихъ либераловъ перенесла свои упованія на Австрію. Въ исторіи этихъ лѣтъ былъ даже моментъ, когда Австрія

[1]) См. выше, стр. 658 и слѣд.

особенно выдвинулась впередъ. На свиданіи съ прусскимъ королемъ въ Гаштейнѣ въ августѣ 1863 г. Францъ-Іосифъ заявилъ ему о своемъ намѣреніи созвать въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ нѣмецкихъ государей для совѣщанія о новомъ союзномъ устройствѣ съ пятичленной директоріей, парламентомъ изъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ палатъ и періодическими съѣздами государей, но прусскій король отклонилъ это предложеніе, когда ему было прислано оффиціальное приглашеніе на конгрессъ. Послѣдній тѣмъ не менѣе состоялся (17 авг.—1 сент.), и во всѣхъ городахъ южной Германіи, черезъ которые Францъ-Іосифъ проѣзжалъ въ Франкфуртъ, ему устраивались восторженныя встрѣчи. На конгрессѣ великій герцогъ мекленбургъ-шверинскій сдѣлалъ предложеніе пригласить прусскаго короля отъ имени всѣхъ государей пріѣхать въ Франкфуртъ, но король Вильгельмъ I по требованію Бисмарка еще разъ отклонилъ приглашеніе. Проектъ Австріи съ нѣкоторыми измѣненіями былъ принятъ 24 государями, но шестеро высказались противъ. Тогда рѣшеніе большинства было сообщено Пруссіи, которая отвѣтила своимъ контръ-проектомъ; однимъ изъ главныхъ пунктовъ прусскаго плана была замѣна собранія делегатовъ отъ ландтаговъ парламентомъ изъ депутатовъ, выбранныхъ непосредственнымъ образомъ. Общественное мнѣніе въ Германіи раздѣлилось, и когда на новомъ собраніи депутатовъ разныхъ ландтаговъ, на которомъ снова говорилось о конституціи 1849 г., тѣмъ не менѣе рѣшено было не отклонять австрійскаго предложенія, лишь бы только были созваны свободные представители націи, то Національный союзъ высказался противъ проекта, тогда какъ Союзъ реформы, наоборотъ, за проектъ. Австрійское правительство уже подумывало о томъ, чтобы другія союзныя государства отвѣтили Пруссіи тождественными нотами съ указаніемъ на то, что они сумѣютъ образовать союзъ и безъ Пруссіи, но министры другихъ нѣмецкихъ государствъ, собравшіеся по приглашенію австрійскаго правительства на конференцію въ Нюрнбергъ, уполномочивъ Австрію отвѣтить Пруссіи за всѣхъ, объявили, что и слышать не хотятъ о какомъ-либо союзѣ безъ Пруссіи: остальныя королевства и другія болѣе крупныя княжества видѣли въ дуализмѣ и соперничествѣ Австріи и Пруссіи спасеніе своей самостоятельности. Дѣло кончилось отверженіемъ прусскаго предложенія, но и австрійское не могло безъ Пруссіи быть приведено въ исполненіе. Около этого времени кончался срокъ таможеннаго союза, и этимъ Австрія воспользовалась снова, чтобы разстроить это прусское созданіе, но въ концѣ концовъ въ 1865 г. прежній союзъ опять былъ возобновленъ.

Между тѣмъ внутри обѣихъ соперничавшихъ державъ тоже совершались важныя событія и происходили крупныя перемѣны.

Въ Пруссіи, какъ было уже указано въ другомъ мѣстѣ [1]), въ эпоху оживленія національныхъ и либеральныхъ стремленій началъ царствовать новый государь. Душевная болѣзнь, постигшая бездѣтнаго Фридриха-Вильгельма IV (1857), заставила его передать правленіе своему брату Вильгельму, сначала съ званіемъ замѣстителя (Stellvertreter), потомъ—регента. 26 октября 1858 г. новый правитель Пруссіи принесъ присягу въ вѣрности конституціи. Это замѣстительство и регентство продолжались около трехъ лѣтъ, и когда 2 января 1861 г. больной король скончался, принцъ-регентъ сдѣлался королемъ съ именемъ Вильгельма I. Эта перемѣна правителя была для Пруссіи началомъ важныхъ измѣненій во внутренней политикѣ государства, позволившихъ говорить о „новой эрѣ“ (die neue Aera). Новому государю Пруссіи суждено было сдѣлаться объединителемъ Германіи и первымъ германскимъ императоромъ.

Вильгельму I въ моментъ вступленія во власть было уже шестьдесятъ лѣтъ. Его прошлое не особенно располагало къ нему общественное мнѣніе въ Пруссіи и Германіи, но начало его правленія оживило надежды патріотовъ. Съ самаго ранняго возраста его воспитывали исключительно для военной службы, и онъ долгое время интересовался однимъ военнымъ дѣломъ. Выросши въ абсолютистическихъ традиціяхъ династіи Гогенцоллерновъ, онъ въ эпоху оживленія въ Пруссіи конституціонныхъ стремленій въ сороковыхъ годахъ высказывался сначала въ смыслѣ необходимости сохраненія въ силѣ завѣщанія Фридриха-Вильгельма III [2]), хотя и подчинился рѣшенію своего брата совершить въ Пруссіи государственную перемѣну. Онъ самъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ, приведшихъ къ образованію соединеннаго ландтага [3]), и когда дѣло было рѣшено, сказалъ, что теперь возникаетъ новая Пруссія, что съ обнародованіемъ новаго закона прежняя Пруссія сойдетъ въ могилу, лишь бы только новая сохранила силу и славу старой. Въ 1848 г. народная молва возложила на принца Прусскаго отвѣтственность за берлинское кровопролитіе 18—19 марта [4]), и Фридрихъ-Вильгельмъ IV нашелъ нужнымъ отправить своего брата въ Англію. Впрочемъ, въ началѣ іюня онъ возвратился въ Берлинъ и занялъ въ національномъ собраніи свое мѣсто въ качествѣ депутата, выбраннаго въ вирзицкомъ округѣ. При этомъ онъ торжественно заявилъ, что будетъ вѣрою и правдою служить конституціонной монархіи, которую рѣшилъ дать своимъ подданнымъ король. Въ характерѣ Вильгельма I была вѣр-

[1]) См. выше, стр. 650.
[2]) См. выше, стр. 180—181.
[3]) См. выше, стр. 446—447.
[4]) См. выше, стр. 521 и 523—524.

ность данному слову, и онъ даже по-своему оставался вѣрнымъ конституціи, которой присягнулъ въ 1858 г. Еще одна черта, которую проявилъ Вильгельмъ I задолго до вступленія во власть, заключалась въ большомъ прусскомъ патріотизмѣ. Онъ былъ крайне недоволенъ политикой Фридриха-Вильгельма IV, приведшей къ униженію Пруссію [1]), и настаивалъ на томъ, чтобы не дѣлать Австріи никакихъ уступокъ, хотя бы это стоило Пруссіи войны, которой такъ не хотѣлъ его братъ. Въ 1854 г. онъ также принадлежалъ къ придворной и правительственной партіи, желавшей, чтобы Пруссія примкнула къ союзу западныхъ державъ противъ Россіи. Весьма естественно, что онъ прослылъ главой „военной партіи". Съ прусскими реакціонерами, составлявшими партію „Крестовой газеты", онъ, впрочемъ, не ладилъ, находя внѣшнюю политику, которую она внушала королю, слабою и недостойною чести Пруссіи, порицая и стремленія этой партіи во внутренней политикѣ. Онъ былъ, конечно, весьма далекъ отъ всякаго либерализма, но и ему система крайней реакціи, установившаяся въ Пруссіи въ пятидесятыхъ годахъ, казалась чрезмѣрной. Въ сравненіи съ своимъ братомъ, отличавшимся романтическимъ фантазерствомъ и болѣзненнымъ непостоянствомъ, это былъ человѣкъ, наоборотъ, весьма положительный и опредѣленный, и люди, которые могли нравиться Фридриху-Вильгельму IV, напротивъ, не пользовались его сочувствіемъ. Устарѣлыя идеи брата и столь же устарѣлыя идеи феодальной партіи не имѣли силы надъ его умомъ, которому было болѣе доступно пониманіе современныхъ отношеній, какъ бы лично онъ ни оцѣнивалъ разныя стороны этихъ отношеній. У партіи „Крестовой газеты" будущій король Пруссіи былъ поэтому въ сильномъ подозрѣніи, и она даже прямо за нимъ шпіонила. Вступивъ въ управленіе государствомъ, Вильгельмъ I порвалъ съ крайними реакціонерами, еще болѣе не взлюбившими его за это. Вдохновителямъ прежней политики, конечно, не могло понравиться заявленіе принца-регента, что онъ не будетъ поощрять лицемѣрія и ханжества, не станетъ стѣснять развитія науки и образованія и, охраняя права католической церкви, не допуститъ, чтобы она нарушала чужія права.

Въ первые же дни своего регентства Вильгельмъ I далъ отставку старымъ министрамъ, назначивъ на ихъ мѣсто новыхъ, среди которыхъ были даже умѣренные либералы. Это произвело очень хорошее впечатлѣніе на общество послѣ столь продолжительной реакціи. Выборы осени 1858 г., которые были произведены на этотъ разъ безъ административнаго давленія на избирателей, дали министерству сочувственное большинство, состоявшее изъ умѣренныхъ либераловъ, а

[1]) См. выше, стр. 625—626.

феодальная партія потерпѣла полное пораженіе. Эта перемѣна оказала свое дѣйствіе и на другія нѣмецкія государства. Въ Баваріи реакціонный министръ фонъ-деръ-Пфордтенъ, бывшій въ ссорѣ съ палатами, помышлялъ-было о государственномъ переворотѣ, но въ виду „новой эры“ въ Пруссіи предпочелъ уйти съ своего поста. Нужно, впрочемъ, прибавить, что принцъ-регентъ пользовался, съ другой стороны, всякимъ случаемъ для предостереженія общества отъ чрезмѣрныхъ ожиданій. Присягая на вѣрность конституціи, онъ сказалъ, что „все обѣщанное будетъ исполнено, но чего не было обѣщано, то не будетъ и допущено“. Въ своей рѣчи новымъ министрамъ онъ также заявилъ, что о разрывѣ съ прошлымъ и рѣчи быть не должно, и что благо короны и страны можетъ заключаться лишь въ здоровой, сильной и консервативной политикѣ. Вильгельмъ I, понимавшій притомъ конституцію, не какъ договоръ между королемъ и народомъ, а какъ статутъ, регулирующій веденіе государственныхъ дѣлъ, думалъ, что за палатой должна сохраниться роль простого совѣщательнаго учрежденія, на какую фактически низвела ее реакція пятидесятыхъ годовъ. Особенно онъ не считалъ возможнымъ выпустить изъ своихъ рукъ исключительное право безусловно распоряжаться войскомъ и дипломатіей: извѣстно, что какъ-разъ изъ-за арміи у него и начался конфликтъ съ народнымъ представительствомъ. Прусскіе либералы, которые начали разочаровываться въ „новой эрѣ“ еще во время регентства Вильгельма I, еще болѣе непріятно были поражены его заявленіями по поводу вступленія на престолъ. Въ воззваніи къ народу послѣ кончины брата онъ повторилъ библейскія слова, приведенныя имъ въ рѣчи 1847 г.: „я и домъ мой будетъ служить Господу“ [1]). 18 октября 1861 г. въ Кенигсбергѣ совершилось коронованіе Вильгельма I, которое онъ возстановилъ, вмѣсто прежняго принесенія вѣрноподданнической присяги (Huldigung). При этомъ онъ заявилъ призваннымъ на это торжество обѣимъ палатамъ ландтага, что „прусскіе короли получаютъ корону отъ Бога“. Взявъ во время церемоніи корону съ алтаря, онъ какъ „первый король, вступившій на престолъ послѣ введенія новыхъ учрежденій“, поэтому еще разъ счелъ нужнымъ провозгласить, что „корона не можетъ быть дана никѣмъ, кромѣ Бога“, и что онъ, король, „получилъ ее изъ рукъ Господа“.

Поводомъ къ упомянутому столкновенію между Вильгельмомъ I и народнымъ представительствомъ послужила задуманная имъ реформа прусской военной системы. По династическимъ традиціямъ, равно какъ по воспитанію и прежней дѣятельности Вильгельмъ I былъ однимъ изъ типичныхъ представителей прусскаго милитаризма.

---

[1]) См. выше, стр. 450.

Ставя выше всего величіе Пруссіи, онъ хотѣлъ, чтобы она была сильна и славна своимъ войскомъ. Онъ не могъ забыть униженія своего отечества въ 1850 г., понималъ, что рано или поздно дѣло не обойдется безъ войны съ Австріей, и, наконецъ, не могъ безъ тревоги смотрѣть на замыслы Наполеона III. Уже въ своемъ обращеніи къ новымъ министрамъ осенью 1858 г. онъ указывалъ на то, что армія создала величіе Пруссіи и что пренебреженіе арміей привело и государство къ катастрофѣ, но что, наоборотъ, реорганизація арміи имѣла слѣдствіемъ побѣды во время войны за освобожденіе, и выводилъ отсюда необходимость и теперь сдѣлать военныя преобразованія, требуемыя опытомъ сорока лѣтъ. Дѣйствовавшая въ Пруссіи военная организація, основанная на принципѣ всеобщей воинской повинности и трехлѣтней службы въ арміи, была создана въ 1814—1820 гг. [1]), но съ теченіемъ времени въ ней произошли нѣкоторыя измѣненія. Въ началѣ дѣйствія этой системы Пруссія имѣла населеніе въ 11 милліоновъ, изъ которыхъ ежегодно бралось въ военную службу около сорока одной тысячъ человѣкъ; къ шестидесятымъ годамъ населеніе увеличилось болѣе, чѣмъ въ полтора раза (до 18 милліоновъ), но цифра призывныхъ оставалась та же самая, вмѣсто того, чтобы подняться до шестидесяти пяти тысячъ человѣкъ, и это нарушало основной принципъ всей организаціи. Трехлѣтняя служба даже сокращалась до двухъ (1833) и двухъ съ половиной лѣтъ (1852), хотя потомъ (1856) и вернулись къ прежнему сроку. Еще въ 1848 и 1857 гг. принцъ въ особыхъ мемуарахъ настаивалъ на необходимости измѣненій въ существующихъ порядкахъ. Мобилизація прусской арміи и ландвера, произведенная во время итальянской войны, подобно мобилизаціямъ 1849 и 1850 гг. обнаружила, что половина ландвера состояла изъ людей, обзаведшихся своимъ семействомъ, тогда какъ масса холостыхъ молодыхъ людей совсѣмъ не служила въ войскѣ. Принцъ-регентъ провелъ тогда реформу, состоявшую въ томъ, что ежегодный призывъ былъ опредѣленъ въ 63 т. человѣкъ, составъ арміи былъ соотвѣтственно этому увеличенъ 39 пѣхотными и 10 кавалерійскими полками, при этомъ нѣсколько удлинялся срокъ службы въ запасѣ, но зато сокращался срокъ пребыванія въ ландверѣ. Въ 1859 г. правительство воспользовалось мобилизаціей ландвера, чтобы образовать эти новые полки. Но такая реформа увеличивала военный бюджетъ Пруссіи на $9^1/_2$ милліоновъ талеровъ, а потому нужно было просить у палаты новыхъ денежныхъ средствъ. Военный министръ фонъ-Бонинъ не считалъ себя пригоднымъ для парламентской борьбы, которой нельзя было не предвидѣть, и уступилъ свое мѣсто одному изъ

[1]) См. т. IV, стр. 203.

иниціаторовъ новой военной реформы, генералу фонъ-Роону. Общественное мнѣніе отнеслось къ преобразованію арміи несочувственно: предвидѣлось увеличеніе налоговъ на 25%; самое увеличеніе состава арміи казалось страннымъ, разъ правительство всѣмъ прежнимъ своимъ поведеніемъ доказывало, что оно только умѣетъ отступать въ рѣшительные моменты; говорили, что армію хотятъ увеличить лишь для того, чтобы легче держать страну въ повиновеніи и чтобы создать новыя офицерскія мѣста для „юнкерства". Въ февралѣ 1860 г. проектъ реформы и установленія новыхъ налоговъ былъ предложенъ на утвержденіе ландтага. Палата депутатовъ отнеслась къ реформѣ съ явнымъ несочувствіемъ и настаивала на двухлѣтнемъ срокѣ службы, а палата господъ была недовольна намѣреніемъ правительства увеличить поземельный налогъ, чтобы создать новыя денежныя средства, которыхъ требовала реформа. Дѣло кончилось, однако, компромиссомъ: ландтагъ согласился дать требуемыя деньги лишь на одинъ годъ для временнаго (einstweiligen) содержанія арміи въ томъ видѣ, какой ей дало правительство, которое, съ своей стороны, было убѣждено въ томъ, что конституція не отмѣнила закона 1814 г. о военной организаціи. Обѣ стороны поняли, впрочемъ, по-своему эту сдѣлку: правительство приняло ее въ смыслѣ окончательнаго утвержденія реформы, а оппозиція, напротивъ, крѣпко держалась за слово „einstweilig", указывавшее на ея временный характеръ. Сессіи 1861 г. правительство уже и не представляло военнаго законопроекта, но включило въ бюджетъ восемь милліоновъ талеровъ; тогда большинство, сокративъ нѣсколько эту цифру, снова вотировало ее лишь на годъ. Вскорѣ затѣмъ образовалась въ Пруссіи новая политическая партія, получившая названіе „нѣмецкой партіи прогресса" (Fortschrittspartei) и въ слѣдующихъ 1862—1866 гг. вступила въ борьбу съ правительствомъ.

Основателями этой партіи были Вирховъ, Шульце-Деличъ, Говербекъ, Моммзенъ, Филиппсъ и др. Программа партіи, составленная въ іюнѣ 1861 г., провозглашала вѣрность королю и преданность конституціи, установленіе въ Германіи центральной власти въ рукахъ Пруссіи и введеніе общаго парламента, послѣдовательное осуществленіе въ самой Пруссіи принциповъ правового государства (Rechtsstaat), т.-е. дѣйствительную независимость судей, возможность привлекать чиновниковъ къ суду, судъ присяжныхъ для преступленій политическихъ и по дѣламъ печати, законъ объ отвѣтственности министровъ, общинное, окружное и провинціальное самоуправленіе, отдѣленіе церкви отъ государства и равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій, освобожденіе начальнаго образованія отъ духовенства и т. п. По вопросу о военной реформѣ прогрессистская партія высказалась въ смыслѣ сокращенія военнаго бюджета, сохраненія прежняго ланд-

вера и двухгодичной службы въ арміи. Въ программу партіи входилъ еще и пересмотръ промышленнаго законодательства въ либеральномъ направленіи, и, наконецъ, она требовала полной реформы палаты господъ, противящейся всякому прогрессу. Выборы 6 декабря 1861 г. дали рѣшительное большинство (около ста шестидесяти мѣстъ) прогрессистамъ, и консерваторы явились въ палату въ самомъ незначительномъ количествѣ (около двадцати пяти). На сторону прогрессистовъ сталъ лѣвый центръ, и прежняя умѣренно-либеральная партія осталась въ меньшинствѣ. Въ сессіи 1862 г. по вопросу о военной организаціи и началась настоящая борьба. На одной сторонѣ были король, министры, палата господъ, на другой—большинство палаты депутатовъ, и конфликтъ продолжался четыре года. Вильгельмъ I крѣпко держался за фактически уже выполненную реорганизацію арміи, считая ее крайне необходимою для государства и лишь за собою признавая право рѣшать вопросы, касающіеся внѣшней безопасности страны. Онъ скорѣе готовъ былъ бы отречься отъ престола, чѣмъ поступиться этимъ правомъ, и негодовалъ на народныхъ представителей, которые, по его мнѣнію, только мѣшали ему въ отправленіи его должности верховнаго вождя вооруженной силы Пруссіи. Съ своей стороны, палата депутатовъ находила, что если бы она всегда обязана была давать деньги по требованію короля, то право утвержденія налоговъ, признанное за нею конституціей, превратилось бы въ ничто. Сторонники королевской власти нарочно подчеркивали принципіальную сторону конфликта изъ-за этого совершенно частнаго, повидимому, вопроса и стали обвинять оппозицію въ томъ, что она стремится отнять государственную власть у короля, дабы перенести ее на палату депутатовъ. Прогрессисты, съ своей стороны, оправдывались, доказывая, что они отнюдь не покушаются на конституціонныя права короны, а хотятъ только знать, должно ли праву представительства, тоже имѣющему конституціонную санкцію, вообще принадлежать какое-либо значеніе рядомъ съ огромными полномочіями правительства. Обѣ стороны одинаково ссылались на то, что онѣ охраняютъ конституцію: король охранялъ конституціонный порядокъ отъ превращенія въ парламентскій, оппозиція охраняла конституцію отъ абсолютизма, такъ что споръ осложнялся взаимнымъ недоразумѣніемъ. Однако, если правительство готово было поставить вопросъ ребромъ, то прогрессисты, наоборотъ, избѣгали этого, и потому ихъ оппозиція часто страдала внутренними противорѣчіями. Отколовшись отъ прежней либеральной партіи и даже признавъ себя демократами, прогрессисты на самомъ дѣлѣ были очень далеки отъ дѣйствительно демократической политики. Они отказались, напримѣръ, отъ внесенія въ свою программу всеобщаго избирательнаго

права, ни единымъ словомъ не упоминали въ ней ни о свободѣ печати, ни о правѣ собраній. Экономическая программа партіи заключалась прямо въ шаблонномъ буржуазномъ либерализмѣ. Въ національномъ вопросѣ прогрессисты стояли за объединеніе Германіи подъ гегемоніей Пруссіи и потому не могли не понимать, что безъ реформы арміи дѣло обойтись не могло, но какъ-разъ этой самой реформѣ они и пытались помѣшать своей оппозиціей.

Въ палатѣ 1862 г. прогрессистское большинство постановило разсматривать и вотировать бюджетъ по спеціальнымъ статьямъ расхода, а не въ общихъ суммахъ, какъ это практиковалось раньше. Министерство „новой эры“ увидѣло въ этомъ требованіи вотумъ недовѣрія и вышло въ отставку, хотя многіе изъ его членовъ вошли потомъ въ составъ новаго министерства, образованнаго королемъ на этотъ разъ уже главнымъ образомъ изъ бюрократовъ и феодаловъ; фонъ-Роонъ сохранилъ свой постъ и въ новомъ министерствѣ. Одновременно палата была распущена (11 марта). Выборы теперь должны были происходить подъ административнымъ давленіемъ въ виду характера, приписаннаго правительствомъ оппозиціи, но прогрессисты опять явились въ палату въ огромномъ большинствѣ (около 250), перетянувъ на свою сторону часть прежнихъ либераловъ и въ рукахъ консерваторовъ оставивъ едва какую-нибудь дюжину мѣстъ. Новое министерство пошло-было на разныя уступки, но палата, желая, такъ сказать, подтвердить свое право вотировать налоги, отказала въ тѣхъ деньгахъ, которыя давала въ предыдущіе годы на содержаніе новыхъ полковъ, хотя бо́льшая часть требовавшейся правительствомъ суммы была уже истрачена (23 сент.). Многіе находили подобный образъ дѣйствій прогрессистской партіи непослѣдовательнымъ, такъ какъ безъ реорганизаціи арміи и прусское объединеніе Германіи было бы немыслимо, а другіе указывали, что оппозиція прогрессистовъ не была достаточно смѣла и рѣшительна [1]), но сочувствіе подавляющаго большинства общества было на сторонѣ прогрессистовъ. На отказъ палаты утвердить военный бюджетъ король отвѣтилъ образованіемъ боевого министерства съ Бисмаркомъ во главѣ. Къ этому назначенію общественное мнѣніе прямо отнеслось, какъ къ своего рода государственному перевороту.

При такихъ обстоятельствахъ въ концѣ сентября 1862 г. вступилъ во власть человѣкъ, которому суждено было играть такую видную роль въ исторіи Пруссіи, Германіи и всей Европы въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ истекающаго столѣтія. Оттонъ фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ (впослѣдствіи графъ, князь и

[1]) См. ниже, въ главѣ XXXI о критикѣ Лассаля.

герцогъ) происходилъ изъ стариннаго бранденбургскаго дворянскаго рода. Получивъ въ гёттингенскомъ и берлинскомъ университетахъ юридическое образованіе и прослушавъ курсъ агрономіи, онъ поступилъ сначала на государственную службу, пробылъ потомъ нѣкоторое время въ качествѣ вольноопредѣляющагося въ арміи, но скоро оставилъ и военную службу, чтобы поселиться въ деревнѣ и вести жизнь помѣщика, лично занимающагося хозяйствомъ. Состоя членомъ областного сейма прусской Саксоніи, онъ былъ имъ посланъ на первый соединенный ландтагъ 1847 г. Затѣмъ ему пришлось участвовать также во второмъ соединенномъ ландтагѣ [1]) и во второй палатѣ прусскаго сейма 1849 г. [2]). Во всѣхъ этихъ собраніяхъ онъ примыкалъ къ ультра-консервативной партіи и съ большой смѣлостью защищалъ принципъ абсолютизма. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ договорился до того, что выразилъ желаніе стереть съ лица земли большіе города, какъ очаги демократіи и конституціонализма. Съ самаго же образованія партіи „Крестовой газеты“ онъ сдѣлался горячимъ ея сторонникомъ и по всѣмъ вопросамъ высказывался въ самомъ реакціонномъ смыслѣ. Многія наиболѣе пикантныя статьи написаны были въ ней Бисмаркомъ. Между прочимъ, въ 1849 г. въ палатѣ онъ оспаривалъ предложеніе Родбертуса просить короля о принятіи германской императорской короны. „Мой отчій домъ—Пруссія“, говорилъ онъ и доказывалъ, что и „народъ не имѣетъ никакого интереса потопить прусскую монархію въ южно-германской безалаберности“. Въ слѣдующемъ году онъ ратовалъ въ палатѣ за ольмюцскую политику [3]). „Единственное разумное основаніе въ политикѣ великой державы, сказалъ онъ между прочимъ тогда въ палатѣ, это—государственный эгоизмъ, а не романтизмъ, и какой бы то ни было странѣ не слѣдуетъ воевать за дѣла, не касающіяся ея интересовъ“. Фридриху-Вильгельму IV понравилась преданность Бисмарка, и въ 1851 г. онъ назначилъ его представителемъ Пруссіи въ франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ. Любопытно, однако, что сначала Бисмаркъ своимъ непринужденнымъ обращеніемъ производилъ на Фридриха-Вильгельма IV крайне непріятное впечатлѣніе, и король даже выразился о немъ, какъ о „красномъ реакціонерѣ“, который „пахнетъ кровью“. Первоначально Бисмаркъ былъ сторонникомъ тѣснѣйшаго единенія съ Австріей, но когда Шварценбергъ сталъ стремиться къ тому, чтобы „унизить Пруссію, а потомъ ее и уничтожить“ [4]), онъ совершенно измѣнилъ свой прежній взглядъ и возненавидѣлъ Австрію. Въ Франкфуртѣ онъ

[1]) См. выше, стр. 547.
[2]) См. выше, стр. 550.
[3]) См. выше, стр. 625.
[4]) См. выше, стр. 625.

выработалъ цѣлую программу, въ которой на основаніи исторіи Германскаго союза доказывалъ невозможность пребыванія въ немъ обѣихъ великихъ державъ безъ ущерба для интересовъ Пруссіи. Такъ какъ, говорилось въ мемуарѣ Бисмарка, Австрія и ея союзницы, конечно, не придадутъ своей политикѣ относительно Пруссіи другого направленія, то Пруссія никакъ не должна держать себя съ ними попрежнему. Столкновеніе неизбѣжно, и правительство должно позаботиться о томъ, чтобы быть вполнѣ подготовленнымъ для успѣшной борьбы. Этимъ Пруссія нисколько не измѣнитъ своему призванію въ Германіи, а также освободится отъ навязываемаго ей ея противницами представленія будто союзный сеймъ и Германія одно и то же, и будто нѣмецкія чувства Пруссіи измѣряются степенью ея покорности рѣшеніямъ большинства. Напротивъ, разсуждалъ Бисмаркъ, ни одно германское государство въ такой мѣрѣ, какъ Пруссія, не призвано и не способно ставить свои нѣмецкія чувства въ полную независимость отъ союзнаго сейма, да и для государствъ средняго и малаго размѣровъ Пруссія гораздо важнѣе, чѣмъ для нея самой какое-то большинство девяти голосовъ. На своемъ посту въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ Бисмаркъ оставался восемь лѣтъ, весьма искусно защищая интересы своего правительства и въ то же время подкапываясь подъ прежнее положеніе Австріи. Благодаря ему, Пруссія стала играть болѣе самостоятельную и вліятельную роль въ союзномъ сеймѣ, и въ Австріи были очень недовольны его политикой. Во время итальянской войны 1859 г. онъ рѣшительно высказался противъ австрійскихъ предложеній [1]) и стоялъ на сторонѣ Италіи. Ему даже приписали (совершенно невѣрно, впрочемъ) авторство брошюры „Пруссія и итальянскій вопросъ“, въ которой говорилось, что Пруссія должна или заключить союзъ съ Наполеономъ III противъ Австріи, или остаться въ покоѣ, но во всякомъ случаѣ должна воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ Австріи, чтобы взять въ свои руки предводительство въ Германіи. Правительство сочло нужнымъ отозвать Бисмарка и перевело его на постъ своего посланника въ Петербургѣ (1859). Какъ здѣсь, такъ и въ Парижѣ, куда онъ былъ переведенъ за полгода до своего назначенія министромъ, онъ сумѣлъ овладѣть расположеніемъ Александра II и совершенно очаровалъ Наполеона III. Когда Вильгельмъ I призвалъ его въ министерство, общество знало Бисмарка больше по воспоминаніямъ о 1847—1850 гг., чѣмъ по его дѣятельности въ 1851—1861 гг. Онъ не принадлежалъ къ числу людей, такъ сказать, застывающихъ на разъ пріобрѣтенныхъ воззрѣніяхъ, а Франкфуртъ, Петербургъ и Парижъ заставили

[1]) См. выше, стр. 703.

его смотрѣть на многія вещи совершенно иначе, чѣмъ смотрѣлъ на нихъ Бисмаркъ конца сороковыхъ годовъ, въ прошломъ котораго были только студенческіе кутежи да помѣщичьи заботы и забавы. Общественное мнѣніе не ошиблось только относительно того, что министерство Бисмарка будетъ министерствомъ боевымъ. Самъ Вильгельмъ I, когда ему предложили призвать Бисмарка, боялся, что онъ во внѣшней политикѣ перевернетъ все вверхъ ногами, и согласился на это назначеніе, скрѣпя сердце. Это было въ такой моментъ, когда король серьезно подумалъ объ отреченіи въ пользу сына, которому либералы очень симпатизировали.

Бисмаркъ сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Вильгельма I, которымъ онъ совершенно овладѣлъ, когда король увидѣлъ, что политика его перваго министра съ успѣхомъ осуществляла его цѣли. По мѣрѣ того, какъ Бисмаркъ шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, старый король все болѣе и болѣе стушевывался передъ своимъ совѣтникомъ и послѣдній все болѣе и болѣе становился настоящимъ властелиномъ Пруссіи, хотя и любилъ выставлять себя вѣрноподданнымъ слугой монарха и династіи Гогенцоллерновъ. Вильгельмъ I лично былъ человѣкъ простой и непритязательный, признававшій за собою не только извѣстныя права, но и извѣстныя обязанности по отношенію къ государству, способный поступаться личнымъ мнѣніемъ и личнымъ чувствомъ во имя своего королевскаго долга, какъ онъ его понималъ, и умѣвшій слушаться людей, которыхъ считалъ умнѣе и опытнѣе себя, такъ какъ въ характерѣ его была своего рода скромность, отсутствіе рѣзкаго честолюбія. Бисмаркъ хорошо зналъ своего государя и пользовался этимъ знаніемъ, чтобы вполнѣ подчинить его своей волѣ. Самъ онъ былъ по натурѣ человѣкомъ необыкновенно властнымъ, энергичнымъ, честолюбивымъ: не даромъ за нимъ утвердилось прозвище „желѣзнаго канцлера“. Постъ перваго министра Пруссіи открывалъ широкое поприще для его честолюбія и для осуществленія его плана подчинить всю Германію Пруссіи, которая сама должна была находиться въ полномъ подчиненіи у него самого. Прежнее отвращеніе его къ конституціонализму не связывало его, однако, настолько, чтобы не дѣлать уступокъ духу времени, если изъ этихъ уступокъ можно было извлечь пользу, т.-е. если онъ находилъ удобнымъ превращать въ орудія своей политики идеи и учрежденія, имѣвшія хотя бы и прямо революціонное происхожденіе. Это не былъ доктринеръ; напротивъ, его оппортунизмъ граничилъ иногда чуть не съ полной безпристрастностью. Судьба наградила его многими качествами, весьма рѣдко встрѣчающимися въ соединеніи. Обладая трезвымъ и проницательнымъ практическимъ умомъ, онъ хорошо зналъ людей, особенно ихъ слабости, которыми удобнѣе всего пользоваться, вѣрно схватывалъ окружающія отношенія,

насколько они могли служить его цѣлямъ, умѣлъ учиться и быстро освоиваться съ новыми знаніями и понятіями, не пренебрегая для этого никакими источниками, и какъ искусный игрокъ, заранѣе высчитывалъ всѣ свои будущіе ходы, въ высшей степени владѣя искусствомъ не теряться при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ. Природа надѣлила его сверхъ того и крѣпкимъ здоровьемъ, и неутомимостью въ работѣ, и внушительною наружностью, и своеобразнымъ остроуміемъ въ бесѣдѣ. Какъ дипломатъ, онъ превзошелъ всѣхъ современниковъ въ искусствѣ вести тонко задуманную интригу, скрывая ее за грубою, часто циническою откровенностью своихъ политическихъ заявленій или прибѣгая для той же цѣли къ прямой лжи, въ которой впослѣдствіи онъ иногда, смотря по надобности, и не запирался. Наполеонъ Ш, на котораго долго смотрѣли, какъ на очень искуснаго политика, оказался въ концѣ концовъ далеко позади Бисмарка. Въ качествѣ министра Бисмарку приходилось выступить и на парламентской трибунѣ, и здѣсь онъ выработалъ себѣ особые пріемы, дѣлавшіе изъ него незауряднаго политическаго оратора, въ рѣчахъ котораго уже чувствовалась большая духовная мощь. Умѣя страстно ненавидѣть и безпощадно мстить, онъ не останавливался ни передъ какими средствами, когда считалъ возможнымъ нанести ударъ противнику. Вообще нравственные мотивы менѣе всего руководили его поступками, и многія его изреченія, сдѣлавшіяся достояніемъ исторіи, какъ нельзя лучше характеризуютъ этого политическаго дѣятеля, которому столько людей безуспѣшно подражало въ эпоху его славы и могущества. Онъ не разъ заявлялъ во всеуслышаніе, что вся его политика основывается лишь на принципахъ пользы и цѣлесообразности, и что политическіе вопросы представляются ему лишь вопросами силы, а не права. Онъ твердо держался того взгляда, что „сила господствуетъ надъ правомъ“, и въ дѣлѣ объединенія Германіи фактами старался доказать, что для нѣмецкой націи имѣетъ значеніе не либерализмъ Пруссіи, а ея армія, и что единство Германіи будетъ достигнуто не ораторскими рѣчами и не голосованіями, а „желѣзомъ и кровью“. Безпринципность, съ которою онъ для достиженія своей основной цѣли заигрывалъ впослѣдствіи съ самыми несходными между собою партіями, выразилась также въ одномъ изъ его изреченій: „все на свѣтѣ—лицемѣріе и гаерство“. Въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ онъ поэтому способенъ былъ говорить объ одномъ и томъ же или дѣйствовать въ одномъ и томъ же дѣлѣ различнымъ образомъ. Общій успѣхъ, сопровождавшій дѣйствіе его системы, только укрѣплялъ его въ убѣжденіи относительно ея правильности и позволялъ откровенно излагать ея основныя правила. Этотъ же успѣхъ сдѣлалъ его изъ крайне популярнаго человѣка, какимъ онъ былъ въ началѣ своей

министерской карьеры, чуть не національнымъ героемъ объединенной Германіи. Тогда ему простилась и та реакціонная роль, которую онъ игралъ въ 1863 — 1866 гг., такъ что бывшій когда-то феодальный реакціонеръ сдѣлался кумиромъ либеральной буржуазіи. Эта эволюція не только весьма интересна для біографіи Бисмарка, который многими сторонами своихъ воззрѣній и своей дѣятельности приспособился къ своей буржуазной эпохѣ, но и характерна для общественной исторіи Германіи за всю эту эпоху.

Съ самаго начала министерства Бисмарка „конфликтъ“ между правительствомъ и оппозиціей принялъ самую острую форму. Палата объявила, что министры, производя временные расходы, ею отвергнутые, нарушаютъ конституцію и протестовала противъ внесенія бюджета прямо въ палату господъ, которая его приняла. Бисмаркъ, съ своей стороны, ссылался на то, что онъ дѣйствуетъ на благо государства, и что конституція молчитъ на счетъ того, что̀ нужно дѣлать, если одна изъ трехъ властей окажется въ разногласіи съ другими: тутъ, понятно, или должны прійти къ соглашенію, или произойдетъ столкновеніе, исходъ котораго можетъ рѣшить только сила на чьей сторонѣ она окажется. Въ теченіе трехъ лѣтъ на этомъ основаніи правительство представляло бюджетъ на утвержденіе лишь одной палаты господъ. По окончаніи сессіи 1862 г. избиратели устроили рядъ овацій оппозиціоннымъ депутатамъ и привѣтствовали ихъ благодарственными адресами, что̀ произвело крайне тягостное впечатлѣніе на короля. Сессія 1863 г. началась страстными дебатами объ адресѣ королю, и Вильгельмъ I даже отказался принять депутацію палаты, указавъ, что она сама создала такое положеніе—управленіе безъ бюджета, и объявивъ, что при всемъ его желаніи прійти къ соглашенію онъ ни за что не поступится правами короны. Какъ-разъ въ это время вспыхнуло возстаніе въ Царствѣ Польскомъ, и прусское правительство предложило въ Петербургѣ общими силами подавить эту революцію; по этому случаю въ прусской палатѣ правительству былъ сдѣланъ запросъ Шульце-Деличемъ и Карловицемъ, повлекшій за собою новые страстные дебаты съ требованіемъ соблюденія строгаго нейтралитета между русскими и поляками. Правительство возобновило военный законопроектъ, прогрессисты выступили съ проектомъ закона объ отвѣтственности министровъ, и дѣло дошло до самыхъ рѣзкихъ сценъ. Министры не хотѣли подчиняться во время преній предсѣдателю собранія, депутаты отстаивали предсѣдательское право; министры добились отъ короля объявленія о томъ, что они въ этомъ спорѣ были правы, палата обратилась къ королю съ адресомъ, въ которомъ говорилось, что она не можетъ работать съ такими министрами, но на это Вильгельмъ I отвѣтилъ, что его министры пользуются его довѣріемъ, дѣй-

ствуютъ по его указаніямъ и потому заслужили его благодарность за противодѣйствіе „противоконституціонному стремленію палаты депутатовъ расширить свою власть“. Сессія была затѣмъ закрыта (май), и черезъ нѣсколько дней (іюнь) на основаніи статьи 63 конституціи вышелъ ордонансъ о прессѣ, дававшій администраціи право закрывать газеты послѣ двухъ предостереженій. Общественное раздраженіе было страшное. Въ Берлинѣ начали составляться адресы и снаряжаться депутаціи, чтобы просить короля объ отмѣнѣ этого распоряженія, но правительство запретило всѣ подобныя манифестаціи. Въ началѣ сентября палата была объявлена распущенной, и на новыхъ выборахъ была широко примѣняема система оффиціальныхъ кандидатуръ и давленія на избирателей прямо уже отъ имени короля. Страна выслала, однако, лишь 37 министерскихъ депутатовъ; всѣ остальные были на сторонѣ оппозиціи. Новая палата протестовала противъ ордонанса о печати и давленія на выборахъ и приняла законъ объ отвѣтственности министровъ, но послѣдніе съ своей стороны ни о чемъ этомъ не хотѣли знать. Дѣло доходило до возбужденія вопроса о преданіи Бисмарка суду за нарушеніе конституціи. Внѣшняя политика министерства тоже встрѣтила оппозицію: палата протестовала противъ рѣшеннаго правительствомъ совмѣстнаго занятія Шлезвига и Голштиніи Австріей и Пруссіей и громаднымъ большинствомъ голосовъ отвергла предложеніе правительства о государственномъ займѣ въ виду споровъ, возникшихъ между Германіей и Даніей изъ-за герцогствъ. Бисмаркъ не обратилъ никакого вниманія на эту оппозицію, и въ 1864 г. была вопреки протесту палаты предпринята шлезвигъ-голштинская экспедиція, окончившаяся отторженіемъ обоихъ герцогствъ отъ Даніи. Такъ же поступилъ Бисмаркъ и въ 1866 г., когда началъ войну съ Австріей. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы увидимъ, что въ эпоху этого прусскаго конфликта зародилась въ Германіи рабочая партія.

Въ Австріи въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ тоже рѣшался конституціонный вопросъ. Пораженіе, которое было нанесено монархіи въ итальянской войнѣ 1859 г., заставило правительство послѣ десятилѣтняго періода реакціи перейти къ системѣ внутреннихъ преобразованій. Военная организація государства доказала полную свою несостоятельность, финансы были въ самомъ жалкомъ положеніи, и неудача займа въ 200 милліоновъ гульденовъ произвела особенно сильное впечатлѣніе на правительство. Само оно въ манифестѣ по случаю окончанія войны признало существованіе въ государствѣ застарѣлыхъ недостатковъ, требовавшихъ радикальнаго лѣченія, а тутъ еще

[1]) См. ниже, главу XXXI.

обнаружилось колоссальное казнокрадство, кончившееся нѣсколькими самоубійствами въ высшихъ кругахъ вѣнскаго общества и выставившее эти круги въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Францъ-Іосифъ нашелъ нужнымъ пообѣщать своимъ подданнымъ разныя реформы и созвать „усиленный государственный совѣтъ“ (verstärker Reichsrath), въ который было приглашено нѣсколько лишнихъ членовъ изъ высшей аристократіи и бюрократіи для совѣщанія по финансовымъ и законодательнымъ вопросамъ (6 марта 1860 г.). Въ это собраніе были призваны и нѣкоторые венгерскіе магнаты, которымъ было обѣщано возстановить старыя учрежденія ихъ страны; они прямо заявили, что они во имя историческихъ правъ своей родины просятъ покончить съ положеніемъ, созданнымъ въ 1849 г. Коммиссія, назначенная для обсужденія бюджета, высказала мнѣніе, что старая система управленія никуда не годится, что всѣ отдѣльныя земли монархіи должны принять участіе въ завѣдованіи своими дѣлами, и что пора положить конецъ умственному застою общества. Въ этомъ были согласны всѣ, но по вопросу о томъ, какъ организовать участіе отдѣльныхъ частей монархіи въ управленіи, образовались двѣ партіи— централистическая и федералистическая, какъ это было и въ революціонную эпоху [1]). Это раздѣленіе получило большое значеніе въ исторіи Австріи. Партія централистовъ была по преимуществу партіей нѣмецкой либеральной буржуазіи, стоявшей за администрацію изъ нѣмцевъ, за реформы, которыя подняли бы промышленный классъ, и за ослабленіе аристократическихъ и клерикальныхъ вліяній. Наоборотъ, другія національности монархіи, за исключеніемъ мелкихъ народностей, а именно мадьяры, чехи, поляки, хорваты, словенцы, итальянцы,—или, точнѣе говоря, аристократическіе и клерикальные элементы этихъ народовъ, одни только и выступавшіе въ публичной жизни,— были на сторонѣ федерализма, который получилъ характеръ строго-консервативный и поэтому пришелся по душѣ нѣмецкому дворянству и духовенству. Большинство въ коммиссіи было федералистическое и почти вдвое (25 и 13) превосходило централистическое меньшинство. Федералисты ссылались на историческія права и требовали областной автономіи; централисты, отстаивая единство совокупнаго государства (Gesammtstaats), соглашалось на октроированіе новаго устройства императоромъ, хотя и не опредѣляло, чѣмъ оно должно было бы быть. Правительство, серьезно все-таки не думавшее отказаться совсѣмъ отъ абсолютизма, рѣшило вопросъ въ духѣ болѣе консервативнаго федерализма. Императорскимъ патентомъ 20 октября 1860 г. монархіи давалось такое устройство: государь долженъ былъ пользоваться за-

[1]) См. выше, стр. 543—544, 546—547, 574—575.

конодательною властью при содѣйствіи областныхъ сеймовъ и имперскаго совѣта (Reichsrath), составленнаго изъ сеймовыхъ делегатовъ; сеймы должны попрежнему состоять изъ привилегированныхъ сословій и вѣдать всѣ дѣла, кромѣ дѣлъ общихъ (финансовъ, торговли, путей сообщенія и военнаго дѣла), которыя подлежали компетенціи имперскаго совѣта изъ ста членовъ; министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и культовъ отмѣнялись; всѣ подданные объявлялись равными передъ закономъ въ отношеніи вѣроисповѣдныхъ правъ, уплаты налоговъ и отбыванія воинской повинности. Эта конституція встрѣтила сопротивленіе со стороны мадьяръ, которые воспользовались возвращеніемъ венгерской автономіи, чтобы объявить недѣйствительность всего сдѣланнаго правительствомъ за послѣдніе годы, и потребовать прямого возстановленія конституціи 1848 г., превращавшей Венгрію въ особое государство въ личной уніи съ Австріей [1]). Къ числу фактовъ, за которыми они не хотѣли признавать юридической силы, относилась и замѣна на престолѣ императора Фердинанда Францемъ-Іосифомъ [2]). Въ Венгріи тотчасъ же вопреки приказаніямъ правительства возстановлены были всѣ прежніе порядки, и народъ пересталъ платить существующіе налоги, ссылаясь на то, что они не были утверждены сеймомъ. Снова образовались комитаты, сеймики которыхъ въ январѣ 1861 обратились къ императору съ адресомъ, заключавшимъ въ себѣ просьбу возстановить всѣ законы 1848 г. и объявить полную амнистію. Францъ-Іосифъ былъ сильно встревоженъ настроеніемъ, царившимъ въ Венгріи, и перешелъ на сторону централистовъ. Патентъ 1860 г. былъ выработанъ при содѣйствіи поляка Голуховскаго, призваннаго на министерскій постъ, какъ человѣкъ, который по своей національности былъ одинаково чуждъ нѣмцамъ и мадьярамъ, но въ декабрѣ 1860 г. этого министра замѣнили нѣмцемъ Шмерлингомъ, который естественно сталъ стремиться къ тому, чтобы удержать за нѣмцами преобладающее вліяніе въ монархіи. Въ это же время австрійскія торговыя палаты на вопросъ правительства, какъ поднять сильно опустившійся курсъ бумажныхъ денегъ, отвѣчали указаніемъ на необходимость введенія конституціи. Это тоже произвело впечатлѣніе на Франца-Іосифа, и онъ поручилъ Шмерлингу выработать новую конституцію, которая и была объявлена 26 февраля 1861 г., хотя была названа только дополненіемъ къ патенту, обнародованному за четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Государственное устройство, которое получала теперь Австрія, прямо уже называлось въ императорскомъ патентѣ конституціей, и новый конституціонный

---

[1]) См. выше, стр. 576.

[2]) Ср. выше, стр. 546 и 577.

государь давалъ обѣщаніе за себя и своихъ преемниковъ соблюдать ее, въ силу чего каждый новый императоръ долженъ былъ приносить присягу въ вѣрности этой конституціи.

Австрійская конституція 1861 г. была сочетаніемъ федералистическихъ, дуалистическихъ и централистическихъ принциповъ съ явнымъ преобладаніемъ послѣднихъ. Областные сеймы сохранялись и, кромѣ Венгріи и Венеціанской области, должны были вездѣ имѣть однообразное устройство. Они должны были избираться тремя куріями избирателей — крупными землевладѣльцами, горожанами и крестьянами, что̀ давало перевѣсъ нѣмецкому, т.-е. дворянскому и бюргерскому элементамъ надъ славянскимъ, т.-е. крестьянскимъ, да и избирательные округа были распредѣлены къ явной выгодѣ нѣмцевъ, такъ что получили большее число представителей, чѣмъ должны были бы имѣть по своей относительной численности. Для земель короны св. Стефана сдѣлано было исключеніе, и Венгрія сохраняла старыя черты своего устройства съ большею компетенціей мѣстнаго сейма; да и въ общемъ представительствѣ имперіи венгерскіе депутаты должны были принимать участіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обсуждались дѣла, общія для всей монархіи, всѣ же другія, превышавшія компетенцію мѣстныхъ сеймовъ, кромѣ спеціально венгерскихъ, должны были разсматриваться въ болѣе тѣсныхъ собраніяхъ рейхсрата. Это была уступка дуализму. Центральное представительство сохранило названіе рейхсрата, т.-е. имперскаго совѣта, и раздѣлилось на палату господъ и палату депутатовъ, 343 члена которой должны были выбираться областными сеймами. И здѣсь все было устроено такъ, чтобы преобладающее значеніе принадлежало нѣмцамъ, такъ какъ даже Венгрія посылала сюда лишь 85 депутатовъ. Уничтоженныя въ 1860 г. министерства были возстановлены, и компетенція рейхсрата расширена.

Новая конституція, составленная въ духѣ централистской партіи, была хорошо встрѣчена либеральными кругами нѣмецкой національности и мелкими народностями, которыя по своей численной незначительности или малой культурности не могли ничего выиграть отъ областной автономіи, но аристократическіе элементы нѣмецкаго населенія и всѣ крупныя не-нѣмецкія національности были конституціей недовольны. Венеціанская область, Венгрія, Трансильванія, Хорватія наотрѣзъ отказались выслать своихъ депутатовъ въ Вѣну. Правительству стоило большихъ усилій добиться присылки депутатовъ изъ Трансильваніи, но мадьяры упорно стояли за свое историческое право, и ихъ политическій вождь, Дэакъ, повторялъ въ своихъ рѣчахъ на пештскомъ сеймѣ и еще разъ заявилъ въ сеймовомъ адресѣ императору то, что говорилъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую

революціи 1848 г. [1]): Венгрія ни ради чего не поступится своими интересами. Пештскій сеймъ былъ распущенъ, и комитатскіе сеймики запрещены, но мадьяры не сдавались. Чехи были тоже недовольны конституціей 1861 г., но все-таки послали въ рейхсратъ своихъ депутатовъ, хотя и съ оговоркою относительно историческихъ правъ ихъ родины. Впрочемъ, въ 1863 г. и они перестали принимать участіе въ этомъ собраніи; между прочимъ чехи симпатизировали полякамъ, а австрійское правительство по случаю возстанія въ Царствѣ Польскомъ ввело въ Галиціи осадное положеніе. Чешская оппозиція могла выражаться только въ печати, но несмотря на то, что въ общемъ положеніе прессы Шмерлингомъ и было облегчено, чешскія газеты подвергались суровой репрессіи. Подобно чехамъ, поступили и поляки, отказавшись отъ участія въ центральномъ представительствѣ монархіи. Нѣмецкіе абсолютисты и клерикалы равнымъ образомъ выражали свое неудовольствіе, между прочимъ, напримѣръ, по поводу отмѣны стѣсненій, которымъ прежде подвергалось протестантское богослуженіе. „Вѣрный“ тирольскій народъ даже обратился къ императору съ просьбою, въ которой высказался противъ такой „чумной заразы“. Впрочемъ, крупные нѣмецкіе землевладѣльцы“, имѣвшіе, благодаря избирательной системѣ, преобладаніе на сеймахъ, не рѣшились поддерживать федералистическихъ стремленій не-нѣмецкихъ народностей. Рейхсратъ все-таки составился, хотя и безъ представителей отъ цѣлыхъ областей. 1 мая 1861 г. Францъ-Іосифъ открылъ его рѣчью, въ которой подтвердилъ, что новая имперская конституція должна быть неприкосновенною основою единой и нераздѣльной монархіи. Сначала рейхсратъ былъ объявленъ только „тѣснымъ“, но когда въ немъ явились и трансильванскіе депутаты, онъ былъ признанъ компетентнымъ разсматривать дѣла всей монархіи. Въ концѣ концовъ, однако, составъ рейхсрата былъ главнымъ образомъ нѣмецкій, и Шмерлингъ, который самъ былъ однимъ изъ „имперскихъ министровъ“ 1848 г. [2]), велъ чисто нѣмецкую политику, почему она и находила сочувствіе и въ Германіи. Мы видѣли [3]), что въ это время Австрія вступила въ переговоры съ другими нѣмецкими государствами о переустройствѣ Германіи, и что часть нѣмецкихъ либераловъ, отшатнувшаяся отъ Пруссіи, стала возлагать свои надежды на Франца-Іосифа. Большинство рейхсрата одобряло политику правительства и даже однажды (1863) обратилось къ императору съ просьбою закрѣпить болѣе тѣснымъ образомъ узы, связывающія монархію съ другими нѣмецкими

[1]) См. выше, стр. 437.
[2]) См. выше, стр. 533 и 551.
[3]) См. выше, стр. 706—708.

государствами. Лишь одна финансовая политика правительства, которое не могло справиться съ дефицитами и умѣло только увеличивать государственный долгъ, вызывала рѣзкую оппозицію нѣмецкихъ либераловъ. Сначала они потребовали, чтобы положенъ былъ конецъ дефицитамъ, потомъ стали добиваться болѣе экономнаго бюджета, наконецъ, прямо не захотѣли утвердить государственный заемъ. Франца-Іосифа раздражала эта уже чисто нѣмецкая оппозиція, и онъ задумалъ отказаться отъ централистической политики.

Первымъ дѣломъ Францъ-Іосифъ пошелъ на уступки Венгріи и началъ переговоры съ вождями мадьярской націи. Въ 1865 г. онъ самъ поѣхалъ въ Пештъ, назначилъ для Венгріи новаго канцлера и отставилъ Шмерлинга (іюнь). Не только въ Венгріи, но и въ славянскихъ земляхъ извѣстіе о паденіи этого министра было встрѣчено съ большой радостью: въ Пештѣ, въ Прагѣ, во Львовѣ по случаю отставки Шмерлинга были устроены иллюминаціи. Затѣмъ 20 сентября императоръ объявилъ, что онъ счелъ нужнымъ пріостановить дѣйствіе конституціи, пока не войдетъ въ соглашеніе съ венгерскимъ и хорватскимъ сеймами относительно той формы, какую должна имѣть ихъ связь съ другими частями имперіи. Тотчасъ послѣ этого были начаты переговоры съ обоими сеймами, но они были окончены уже послѣ войны 1866 г., на время которой должны были прерваться. Чехи и поляки отнеслись къ пріостановкѣ конституціи 1861 г. весьма сочувственно. Были довольны и тирольскіе католики, и вообще нѣмецкіе консерваторы. Нѣмецкая либеральная партія, наоборотъ, видѣла въ этой пріостановкѣ настоящій государственный переворотъ, тѣмъ болѣе, что новое министерство (Белькреди) имѣло чисто аристократическій составъ.

Такимъ образомъ въ обѣихъ великихъ державахъ Германіи въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ переживался конституціонный кризисъ. Въ Пруссіи конституція явно нарушалась Бисмаркомъ, получившимъ тогда прозвище „конфликтъ-министра“, въ Австріи конституціонный опытъ былъ признанъ неудачнымъ и дѣйствіе конституціи было пріостановлено. Внутреннія дѣла обоихъ государствъ особенно сильно занимали общественное мнѣніе въ другихъ частяхъ Германіи въ виду снова поставленнаго жизнью вопроса о переустройствѣ союза, т.-е. австрійскихъ и прусскихъ предложеній на этотъ счетъ и борьбы между велико-германской и мало-германской партіями, раздѣлившими свои симпатіи между Австріей и Пруссіей. То, что происходило въ обоихъ этихъ государствахъ, не могло, понятно, радовать людей, желавшихъ объединенія Германіи на основахъ свободныхъ учрежденій. Въ 1864 г. Австрія и Пруссія уже прямо вооружили противъ себя всю Германію своимъ поведеніемъ въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ,

въ которомъ обѣ эти державы солидарно выступили противъ Даніи вопреки общественному мнѣнію громаднаго большинства націи.

Шлезвигъ-голштинскому вопросу, поднявшемуся въ 1848 г., великія державы положили конецъ въ 1852 г., когда Англія, Франція и Россія обязались на лондонской конференціи оберегать неприкосновенность датской монархіи [1]). Тогда же наслѣдникомъ всей монархіи вмѣстѣ съ герцогствами былъ признанъ этими державами принцъ Глюксбургскій, женатый на племянницѣ датскаго короля. Но это рѣшеніе не было принято ни земскими чинами герцогствъ, отказавшихся и отъ участія въ датскомъ представительствѣ, ни Германскимъ союзомъ, ни наслѣдниками герцогствъ по мужской линіи. Датское правительство между тѣмъ всячески утѣсняло нѣмецкое населеніе герцогствъ къ великому неудовольствію Германскаго союза и всей нѣмецкой націи. Когда въ 1863 г. Фридрихъ VII умеръ, принцъ Глюксбургскій воцарился въ Даніи подъ именемъ Христіана IX, но шлезвигскій и голштинскій ландтаги провозгласили своимъ государемъ Фридриха Аугустенбургскаго, который тоже имѣлъ право на престолъ, принадлежа къ мужской линіи царствовавшей династіи. Всѣ нѣмецкія государства, кромѣ Австріи и Пруссіи, стали на его сторону, и за него же было также и общественное мнѣніе всей Германіи, но державы, участвовавшія въ лондонской конференціи 1852 г., остались на точкѣ зрѣнія неприкосновенности датской монархіи. На ту же самую точку зрѣнія стали и обѣ великія германскія державы. Голштинія съ своимъ сплошнымъ нѣмецкимъ населеніемъ, Шлезвигъ, лишь въ сѣверной части котораго населеніе было датское, выразили, съ своей стороны, желаніе тѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ остальной Германіей. Германскіе патріоты рѣшились тогда поддерживать своихъ единоплеменниковъ, и оба политическія общества, т.-е. и велико-германскій Союзъ реформы, и мало-германскій Національный союзъ стали собирать деньги и вербовать добровольцевъ на помощь національному дѣлу. Они даже забыли свой антагонизмъ и сообща созвали съѣздъ депутатовъ разныхъ ландтаговъ и организовали особую коммиссію для руководства предпріятіемъ. На сторону этого общественнаго движенія стали и нѣмецкіе государи, поддерживаемые мѣстными народными представительствами, и, наконецъ, самъ союзный сеймъ сдѣлалъ постановленіе о военномъ занятіи Голштиніи. Пруссія и Австрія, не соглашаясь только на то, чтобы герцогства находились не въ простой лишь личной уніи съ Даніей, но составляли интегральную часть монархіи, заняли положеніе, враждебное по отношенію къ національному движенію, охватившему нѣмцевъ и германскія прави-

[1]) О предыдущихъ фазисахъ этого вопроса см. выше, стр. 452, 527, 533—534.

тельства и распространившемуся среди ихъ собственныхъ подданныхъ. Дѣло въ томъ, что и австрійская, и прусская палаты раздѣляли вполнѣ стремленія палатъ другихъ германскихъ государствъ.

Иниціатива такого оборота дѣла принадлежала Бисмарку, начавшему своимъ союзомъ съ Австріей противъ Даніи объединеніе Германіи „кровью и желѣзомъ". Прежде всего ему было нужно устранить европейское вмѣшательство въ это дѣло. Россія теперь была на сторонѣ Пруссіи послѣ того какъ Бисмаркъ, вопреки общественному мнѣнію всей Германіи, самъ сталъ на сторону Россіи въ польскомъ вопросѣ. Между Франціей и Англіей произошло охлажденіе изъ-за того же польскаго вопроса, въ которомъ Наполеонъ III былъ покинутъ своей союзницей, и поэтому не захотѣлъ помочь Даніи, тѣмъ болѣе, что, самъ руководясь принципомъ національностей [1]), склонялся къ мысли о необходимости присоединенія къ Германіи нѣмецкаго населенія герцогствъ. Англія, сначала объявившая Пруссіи, что не можетъ обѣщать нейтралитета, и предложившая созваніе новой конференціи, не рѣшилась одна вести войну. Бисмарку оставалось только привлечь на свою сторону Австрію. Дѣло было нелегкое: союзу мѣшалъ постоянный антагонизмъ, обострившійся еще несогласіемъ въ вопросѣ о переустройствѣ Германіи, и самый предметъ—возбужденіе національнаго вопроса—принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые по возможности всегда устранялись австрійской политикой. Едва Бисмаркъ увидѣлъ, что сближеніе Франціи, Англіи и Австріи на почвѣ польскаго вопроса совсѣмъ разстроилось [2]), онъ сталъ искать случая перетянуть Австрію, разошедшуюся съ западными державами, въ прусскій лагерь. Въ Вѣну былъ посланъ изъ Берлина генералъ Мантейфель, который только-что передъ тѣмъ по порученію Бисмарка ѣздилъ въ Вюрцбургъ застращать собравшійся тамъ конгрессъ „тріады" (Саксоніи, Ганновера и Баваріи) прусскими вооруженіями; успѣшно исполнивъ эту миссію, онъ долженъ былъ теперь передать австрійскому правительству, будто Наполеонъ III замышляетъ въ самомъ скоромъ времени снова напустить Италію на Венеціанскую область, но что въ Берлинѣ не прочь гарантировать Францу-Іосифу обладаніе его не-нѣмецкими провинціями. Этотъ дипломатическій ходъ удался какъ нельзя лучше; удались и другіе дипломатическіе ходы Бисмарка, сумѣвшаго въ то же самое время увѣрить англійскаго министра Джона Росселя, будто Саксонія, Ганноверъ и Бавaрія подготовляютъ новый Рейнскій союзъ, который станетъ подъ протекторатъ Наполеона III, передастъ въ его распоряженіе цѣлую половину Германіи и облегчитъ ему добиться для Франціи границы по Рейну.

---

[1]) См. выше, стр. 657.

[2]) См. выше, стр. 658.

Склонивъ на свою сторону Австрію, Бисмаркъ добился еще того, что Францъ-Іосифъ объявилъ въ Галиціи осадное положеніе: этимъ Пруссія оказала новую услугу Россіи, такъ какъ именно изъ Галиціи шла главнымъ образомъ помощь польскому возстанію. Въ Европѣ въ 1864 г. прямо заговорили даже о возобновленіи Священнаго союза, послѣ того какъ въ Берлинѣ, Киссингенѣ и Карлсбадѣ произошли свиданія между австрійскимъ, прусскимъ и русскимъ государями.

Начало совмѣстныхъ дѣйствій Пруссіи и Австріи состояло въ томъ, что они потребовали отъ Даніи установленія отдѣльнаго правительства для Шлезвига. Отказъ датскаго короля исполнить это требованіе повлекъ за собою въ январѣ 1864 г. объявленіе войны. Австро-прусская армія, состоявшая изъ 70 т. человѣкъ, быстро (въ январѣ и февралѣ) заняла оба герцогства, потому что датская армія была вдвое меньше и не рѣшилась оказывать сопротивленіе, да и правительство приказало ей избѣгать сраженій и тѣмъ затягивать войну, чтобы дать время вмѣшаться въ дѣло европейскимъ державамъ. Германская армія, раньше посланная въ Голштинію союзнымъ сеймомъ, была вытѣснена австрійцами и пруссаками. Затѣмъ въ скоромъ времени послѣдовало занятіе австро-прусскимъ войскомъ и Ютландіи. Англія въ это время (въ апрѣлѣ) собрала въ Лондонѣ конференцію, на которой, однако, не встрѣтила поддержки со стороны Франціи. Между тѣмъ Австрія и Пруссія объявили, что послѣ своей побѣды онѣ уже не признаютъ силы за договоромъ 1852 г. и желаютъ совершеннаго отторженія герцогствъ отъ Даніи. Послѣ нѣкотораго перемирія союзники продолжали войну, приказавъ своимъ войскамъ итти и на острова. Совершенно оставленная всею Европою, Данія вынуждена была тогда просить мира (августъ). Окончательный договоръ былъ подписанъ въ Вѣнѣ 30 октября 1864 г. По этому миру датскій король совершенно отказался отъ своихъ правъ на герцогства Шлезвигъ, Голштинію и Лауенбургъ въ пользу императора австрійскаго и короля прусскаго и обязался признать всѣ распоряженія, какія они найдутъ нужнымъ сдѣлать относительно этихъ герцогствъ. Еще ранѣе англійское правительство говорило о возможности раздѣленія Шлезвига на двѣ части, и это же самому датскому правительству совѣтовалъ сдѣлать Наполеонъ III, который предложилъ въ данномъ случаѣ руководствоваться различіемъ языковъ населенія, т.-е. національнымъ принципомъ. Однимъ позднѣйшимъ (1866) договоромъ населенію сѣверной части Шлезвига, дѣйствительно, предоставлено было право высказаться свободнымъ голосованіемъ, не желаетъ ли оно быть присоединеннымъ къ Даніи, но это условіе никогда не было исполнено: Бисмаркъ не былъ сторонникомъ принципа національностей.

Союзъ Австріи и Пруссіи не могъ быть прочнымъ. Австрія

дозволила Пруссіи увлечь себя въ войну, боясь, что Пруссія пойдетъ одна, и не желая дать ей одной воспользоваться плодами побѣды. Во время войны обѣ державы объявили себя за права герцога Аугустенбургскаго, но потомъ нашли, что датскій король въ качествѣ законнаго государя спорныхъ герцогствъ имѣетъ право уступить ихъ, кому желаетъ, и взяли герцогства себѣ, оставивъ открытымъ вопросъ о правахъ герцога. Со стороны Пруссіи послѣднему были предложены условія, которыя онъ соглашался исполнить, если на то будетъ согласіе самихъ герцогствъ, но ихъ населеніе было крайне враждебно настроено по отношенію къ Пруссіи. Именно въ Берлинѣ потребовали присоединенія герцогствъ къ таможенному союзу, включенія шлезвигъ-голштинской арміи въ составъ прусской и уступки Киля съ его портомъ Пруссіи. Видя, что эти условія не будутъ приняты, Бисмаркъ сдѣлалъ новое предложеніе—присоединить герцогства къ Пруссіи. Конечно, на это Австрія не могла дать своего согласія, и Бисмаркъ прямо хотѣлъ довести дѣло до войны съ своей союзницей, зная, что она не была готова къ войнѣ [1]). Вильгельмъ I, который тогда еще не былъ въ полномъ подчиненіи у своего министра, воспротивился войнѣ, и въ августѣ 1865 г. между обоими государствами была заключена въ Гаштейнѣ конвенція, по которой Австрія взяла во временное управленіе Голштинію, Пруссія—Шлезвигъ [2]). Депутаты нѣмецкихъ ландтаговъ, собравшіеся въ октябрѣ на съѣздъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, протестовали противъ этой конвенціи во имя права самихъ населеній обоихъ герцогствъ рѣшить свою судьбу и заявили, что вся нѣмецкая нація должна защищать это право герцогствъ. Австрія и Пруссія отвѣтили на этотъ протестъ грозными представленіями союзному сейму и этимъ совершенно застращали остальныя германскія правительства. Тѣмъ не менѣе, однако, между самими союзниками, подѣлившими между собою герцогства, начались несогласія. Еще до гаштейнскаго договора между австрійскимъ и прусскимъ коммиссарами, управлявшими Шлезвигомъ и Голштиніей, происходили вѣчныя недоразумѣнія. Затѣмъ послѣ гаштейнской конвенціи оба государства стали вести себя совершенно различнымъ образомъ по отношенію къ мѣстному населенію. Австрія управляла Голштиніей очень мягко, тогда какъ Пруссія установила въ Шлезвигѣ совершенно деспотическій режимъ. Сторонники самостоятельнаго существованія герцогства всячески преслѣдовались, и вообще не допускалось никакихъ проявленій мѣстнаго патріотизма. Когда австрійское правительство дозволило въ Голштиніи одно

[1]) Впослѣдствіи самый союзъ съ Австріей въ 1864 г. стали объяснять намѣреніемъ Бисмарка подготовить поводъ для войны съ Австріей изъ-за дѣлежа добычи.

[2]) Пруссія за деньги пріобрѣла маленькое Лауенбургское герцогство.

собраніе, выразившее желаніе, чтобы были созваны земскіе чины, Пруссія стала обвинять Австрію въ потаканіи революціонерамъ и запросила вѣнское правительство, намѣрено ли вообще оно оставаться солидарнымъ съ Пруссіей. Францъ-Іосифъ отвѣтилъ на это, что онъ вовсе не обязанъ кому бы то ни было давать отчетъ въ своемъ образѣ дѣйствій и что уже и безъ того онъ принесъ союзу не мало жертвъ, хотя это и угрожало его добрымъ отношеніямъ къ другимъ германскимъ государствамъ.

Въ это время Австрія избѣгала войны, по крайней мѣрѣ, пока внутреннее положеніе монархіи оставалось неопредѣленнымъ, а Венгрія находилась даже въ явной оппозиціи. Вильгельмъ I, какъ было уже сказано, тоже не чувствовалъ расположенія къ войнѣ. Бисмаркъ между тѣмъ хлопоталъ уже о заключеніи союза съ Италіей, хотя ему очень долгое время не удавалось преодолѣть легитимистическія и консервативныя сомнѣнія своего государя, видѣвшаго въ союзѣ съ Италіей своего рода поощреніе революціи. Если Пруссія въ видѣ уступки либераламъ въ самомъ еще началѣ признала Виктора-Эммануила королемъ Италіи, то другія нѣмецкія государства, державшіяся австрійской политики, не хотѣли поддерживать дипломатическихъ сношеній съ Италіей. Послѣ гаштейнскаго соглашенія германскія правительства были раздражены противъ Австріи, и Бисмарку удалось добиться отъ нихъ не только возобновленія прерванныхъ сношеній съ Италіей, но и заключенія торговаго договора между нею и Таможеннымъ союзомъ. Прусскому министру нужно было всячески располагать Виктора-Эммануила въ свою пользу. Разсматривая внѣшнюю политику Наполеона III и объединеніе Италіи [1]), мы уже упоминали о томъ, что Бисмаркъ поманилъ императора французовъ обѣщаніями, отвѣчавшими его честолюбивымъ планамъ, и добился отъ него разрѣшенія для Италіи заключить союзъ съ Пруссіей. Ему нужно было спѣшить во что бы то ни стало, пока Наполеонъ III былъ занятъ мексиканской экспедиціей [2]) и потому не могъ бы дѣятельно вмѣшаться въ войну. Несмотря на продолжавшуюся оппозицію палаты депутатовъ, прусское правительство взимало неразрѣшенные ею налоги и расходовало ихъ по своему усмотрѣнію, но зато реорганизованная прусская армія, благодаря военному министру фонъ-Роону и начальнику генеральнаго штаба Мольтке, была уже совсѣмъ готова выступить въ походъ. Въ виду всего этого Бисмаркъ прежде всего обратился къ австрійскому правительству съ упреками въ томъ, что оно плохо исполняетъ гаштейнскій договоръ (январь 1866), и сталъ затѣмъ вести

---

[1]) См. выше, стр. 659 и 693—694.

[2]) См. выше, стр. 661—662.

себя по отношенію къ вѣнскому кабинету все болѣе и болѣе вызывающимъ образомъ. Съ обѣихъ сторонъ вскорѣ начались военныя приготовленія. Австрія, впрочемъ, торжественно заявляла, что она первая не начнетъ войны, и Бисмаркъ тоже съ своей стороны объявлялъ, что „нѣтъ ничего дальше отъ намѣреній его государя, какъ наступательныя дѣйствія противъ Австріи". Послѣднее завѣреніе было, однако, сдѣлано всего за три дня до подписанія наступательнаго и оборонительнаго союза съ Италіей (апрѣль). Въ концѣ концовъ, Бисмарку удалось преодолѣть отвращеніе Вильгельма I къ союзу съ итальянскимъ королемъ, этимъ союзникомъ революціи, низвергшей нѣсколькихъ законныхъ монарховъ. Бѣдная деньгами Италія получила при этомъ большую субсидію отъ Пруссіи. Заручившись такимъ союзомъ, Бисмаркъ на приглашеніе отдать прусско-австрійскую распрю на разсмотрѣніе союзнаго сейма рѣзко отвѣтилъ, что союзный сеймъ въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ не судья. Мало того: прусское правительство предложило теперь этому сейму не болѣе, не менѣе, какъ „созваніе собранія путемъ прямыхъ выборовъ и всеобщаго голосованія всей нѣмецкой націи", которое и разсмотрѣло бы предложенія германскихъ правительствъ касательно переустройства Германскаго союза. Предъявляя такой планъ, Бисмаркъ, только-что заключившій союзъ съ итальянской революціей въ лицѣ Виктора-Эммануила, прибѣгалъ къ политическому средству, заимствованному имъ уже у нѣмецкой революціи, чтобы напасть на Австрію, которую самъ же только-что обвинялъ въ потаканіи революціи въ Голштиніи, какъ упрекалъ въ томъ же и другихъ нѣмецкихъ государей, раздѣлявшихъ общественное мнѣніе всей націи по шлезвигъ-голштинскому вопросу.

Открыла военныя дѣйствія Пруссія. Ея армія 8 іюня вступила изъ Шлезвига въ Голштинію, откуда австрійское войско немедленно же должно было удалиться, будучи слабѣе прусскаго. Черезъ день послѣ перваго появленія пруссаковъ въ Голштиніи Бисмаркъ предложилъ непосредственно отдѣльнымъ германскимъ государствамъ свой планъ переустройства союза: Австрію и Люксембургъ, соединенный съ Голландіей, предлагалось совсѣмъ исключить изъ Германіи; далѣе, долженъ былъ быть созванъ путемъ всеобщаго голосованія германскій парламентъ, установлена центральная власть для дипломатическаго представительства, для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ и для завѣдованія экономическими дѣлами и организована общая армія подъ начальствомъ королей прусскаго и баварскаго. Австрія потребовала въ союзномъ сеймѣ мобилизаціи союзныхъ войскъ, чтобы наказать Пруссію за нападеніе на Голштинію, и сеймъ принялъ это предложеніе, но прусскій уполномоченный всталъ съ своего мѣста и заявилъ, что его государь считаетъ союзъ расторгнутымъ и думаетъ сохранить за собою полную

свободу дѣйствій. Это было 14 іюня, а 15 числа Бисмаркъ потребовалъ отъ правительствъ Ганновера, Кургессена и Саксоніи взять назадъ вчерашнее рѣшеніе, разоружиться и примкнуть къ прусскому предложенію. Срокъ для отвѣта былъ имъ данъ самый короткій, и когда они отвѣтили отказомъ, прусскія войска немедленно (16 іюня) вступили въ эти государства, которыя въ нѣсколько дней и были ими заняты. Мелкія государства сѣверной Германіи подчинились прусскимъ требованіямъ. Южная Германія стала на сторону Австріи, но тамошнія правительства дѣйствовали очень вяло и медленно, такъ что прусскимъ войскамъ удалось отрѣзать ихъ военныя силы отъ соединенія съ австрійскими или задержать ихъ движеніе впередъ. Главныя арміи свои Пруссія двинула въ Чехію, оставивъ въ своихъ прирейнскихъ земляхъ едва пятнадцать тысячъ солдатъ, въ то самое время, какъ Викторъ-Эммануилъ напалъ на Венеціанскую область (20 іюня) и этимъ отвлекъ въ Италію цѣлую половину австрійской арміи. Военныя операціи въ Чехіи велись Мольтке необыкновенно быстро. Въ эту страну вторглись двѣ арміи. Одна была подъ начальствомъ королевскаго племянника, принца Фридриха-Карла, и явилась сюда черезъ Саксонію, другая, вступившая изъ Силезіи, находилась подъ командою кронпринца. Въ нѣсколько дней (26—29 іюня) каждая изъ нихъ одержала рядъ побѣдъ надъ австрійцами, пока обѣ онѣ не соединились и не разбили 3 іюля наголову непріятеля (фельдмаршала Бенедека) при Садовой (или Кёниггрецѣ). Австрійцы потеряли здѣсь 160 пушекъ и 40 т. человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Путь на Вѣну былъ открытъ, но кромѣ того прусская армія, въ которой даже былъ особый легіонъ изъ мадьярскихъ изгнанниковъ, могла двинуться и на Венгрію, чтобы поднять въ ней новое мадьярское возстаніе. Мы уже говорили [1]), что Францъ-Іосифъ поспѣшилъ отдать Наполеону III Венеціанскую область для переуступки ея Италіи, лишь бы онъ помогъ Австріи заключить миръ съ Италіей и перемиріе съ Пруссіей. Никто въ Европѣ не ожидалъ такой быстрой развязки и столь рѣшительной побѣды Пруссіи. Наполеонъ III, думавшій, что война затянется и обезсилитъ обоихъ противниковъ, и что тогда ему легко будетъ сказать свое властное слово, былъ застигнутъ врасплохъ и, какъ мы видѣли [2]), не рѣшился на сколько-нибудь смѣлый шагъ, тѣмъ болѣе что Бисмаркъ и на этотъ разъ сумѣлъ его обойти, представивъ ему въ самомъ скромномъ видѣ дальнѣйшія намѣренія Пруссіи, пообѣщавъ ему въ будущемъ союзъ съ Пруссіей и поманивъ его опять надеждой на вознагражденіе Франціи на лѣвомъ берегу Рейна. Вмѣсто

---

[1]) См. выше, стр. 660.

[2]) См. выше, стр. 660.

того, чтобы выступить противъ Пруссіи, какъ того желали во Франціи, Наполеонъ III сдѣлался вполнѣ соучастникомъ Бисмарка, и заручившись его согласіемъ на задуманныя въ Германіи перемѣны, Бисмаркъ уже могъ не стѣсняясь ставить свои условія. Россію Пруссія расположила въ свою пользу обѣщаніемъ не противиться, если она при случаѣ откажется отъ соблюденія трактата 1856 г. Наполеонъ III потребовалъ-было присоединенія къ Франціи прирейнской Баваріи и прирейнскаго Гессена, но получилъ отъ Пруссіи рѣшительный отказъ, и Бисмаркъ только воспользовался этимъ требованіямъ императора французовъ, чтобы совершенно дискредитировать его въ глазахъ южно-нѣмецкихъ государей, которые въ виду чрезмѣрныхъ притязаній Пруссіи искали защиты у Франціи. Бисмаркъ, поставившій имъ сначала очень тяжелыя условія, хотѣлъ лишь застращать ихъ, а затѣмъ, сдѣлавъ имъ уступку и обѣщавъ защиту противъ Франціи, перетянуть ихъ на свою сторону. При посредничествѣ Наполеона III переговоры между Австріей и Пруссіей привели къ заключенію сначала предварительнаго мира въ Никольсбургѣ (26 іюля), потомъ и окончательнаго мира въ Прагѣ (23 августа), но Наполеонъ III уклонился отъ участія въ самомъ заключеніи этого мира, не желая подписывать трактатъ, увеличивавшій территорію Пруссіи, пока въ его рукахъ не было вознагражденія, на которое Бисмаркъ подавалъ ему надежду. Съ другой стороны, Бисмаркъ заключилъ миръ съ Австріей, вопреки условіямъ союза съ Италіей не спросивъ на то ея согласія, а на ея протестъ противъ этого отвѣтилъ, что она получила Венеціанскую область, и что болѣе ей ничего не было обѣщано. Одновременно Пруссія заключила мирные договоры отдѣльно съ Вюртембергомъ, Баденомъ, Баваріей (13, 17 и 22 августа), Гессенъ-Дармштадтомъ, Рейссомъ старшей линіи (3 и 25 сентября), Саксенъ-Мейнингеномъ и Саксоніей (8 и 21 октября) на весьма льготныхъ для нихъ условіяхъ. Съ Баденомъ, Баваріей и Вюртембергомъ были заключены, кромѣ того, и наступательно-оборонительные союзы. Подобнаго же рода договоръ былъ подписанъ (18 августа) между Пруссіей и тѣми государствами сѣверной Германіи, которыя передъ началомъ войны стали на сторону Пруссіи; вскорѣ къ этому договору вынуждена была присоединиться и Саксонія. Союзы съ южно-германскими государствами держались въ секретѣ, такъ какъ въ никольсбургскомъ предварительномъ трактатѣ было условлено, что государства на югъ отъ Майна должны были оставаться независимыми отъ Пруссіи. Франція, согласившаяся на прусскую гегемонію лишь въ сѣверной Германіи, была и тутъ обманута. Передъ самымъ заключеніемъ пражскаго мира Бисмаркъ велъ переговоры съ Наполеономъ III, который теперь просилъ лишь присоединенія къ Франціи Люксембурга и предлагалъ Пруссіи союзъ, обѣщая за присоединеніе Бельгіи помочь Пруссіи распространить

ея гегемонію и на югъ отъ Майна, но едва только миръ съ Австріей былъ заключенъ, какъ Бисмаркъ, выпросившій у французскаго правительства письменное изложеніе этого проекта, сталъ дѣлать возраженія и настоялъ на томъ, чтобы для успѣха переговоровъ Наполеонъ III объявилъ, что онъ одобряетъ все, что было сдѣлано прусскимъ правительствомъ. 16 сентября Наполеонъ III въ длинной циркулярной нотѣ объявилъ всей Европѣ, что одобряетъ только-что совершившіяся перемѣны, какъ залогъ благосостоянія и безопасности для всей Европы и въ особенности для Франціи. Во Франціи, однако, чувствовали, что теперь ея очередь сдѣлаться главнымъ предметомъ аггрессивной политики Пруссіи, и самъ Наполеонъ III, не отказываясь отъ веденія переговоровъ съ Бисмаркомъ, пришелъ къ мысли, что лишь счастливая война съ Пруссіей въ состояніи была бы возстановить его прежнее всемогущество. Бисмаркъ, еще въ 1866 г. предавшій гласности проектъ Наполеона III объ увеличеніи Франціи на счетъ Баваріи и Гессена, въ 1870 г. опубликовалъ и планъ захвата Бельгіи.

Война 1866 г. положила конецъ существованію Германскаго союза. Сообразно положенія въ Германіи сдѣлалась Пруссія, такъ какъ расширила свои владѣнія и стала во главѣ новаго союза, изъ котораго Австрія была совсѣмъ исключена. Къ Пруссіи были присоединены, во-первыхъ, Шлезвигъ и Голштинія, во-вторыхъ, цѣлыя три государства сѣверной Германіи, отдѣлявшія западныя части Пруссіи отъ восточныхъ, именно королевство Ганноверское, курфюршество Гессенъ-Кассельское и герцогство Нассауское, съ небольшими частями Баваріи и Гессенъ-Дармштадта, а также Гессенъ-Гомбургъ и, въ третьихъ, вольный городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, занятый Пруссіей во время войны. Пруссія не только увеличила свою территорію, но и уничтожила прежнюю ея черезполосность. Отнявъ обширныя владѣнія у законныхъ государей, Вильгельмъ I оправдывалъ себя ссылкою на то, что они „по волѣ Божіей“ были побѣждены, и что какъ интересы Пруссіи, такъ и благо всей германской націи не позволяютъ возвратить этимъ государямъ власть, отнятую у нихъ побѣдою Пруссіи. Ссылаясь на необходимость создать такую Германію, которая вполнѣ осуществляла бы требованія націи, прусское правительство было далеко отъ мысли выслушать голосъ самой націи въ этомъ дѣлѣ, и когда коммиссія палаты депутатовъ выразила желаніе, чтобы присоединеніе новыхъ территорій получило народную санкцію, болѣе соотвѣтствующую духу времени, чѣмъ простой фактъ завоеванія. Бисмаркъ отвѣтилъ, что эта санкція—въ долгѣ Пруссіи поддерживать независимость и единство Германіи. Какъ было уже упомянуто [1]), не спросили даже о желаніи датскихъ жителей сѣвернаго Шлезвига, хотя это прямо было

[1]) См. выше, стр. 729.

условлено въ пражскомъ трактатѣ 1865 г. Само прусское правительство въ оффиціальномъ документѣ о завоеваніи новыхъ территорій не скрывало того, что убѣжденіе въ необходимости присоединенія названныхъ областей „раздѣлялось только частью ихъ населенія", и лишь выражало свою надежду на то, что современемъ это населеніе привыкнетъ къ новому своему положенію. Число жителей Пруссіи увеличилось до 25 милліоновъ, но зато сама Германія, благодаря исключенію изъ нея Австріи, потеряла восемь милліоновъ нѣмцевъ. Устранивъ отъ участія въ нѣмецкихъ дѣлахъ свою старую соперницу, Пруссія въ томъ же 1866 г. заключила съ другими нѣмецкими государствами, на сѣверъ отъ линіи Майна, особые договоры, создавъ изъ нихъ подъ своей гегемоніей новое союзное государство (Bundesstaat), которое существенно отличалось отъ прежняго союза государствъ (Staatenbund) и которое получило названіе Сѣверо-германскаго союза (Norddeutscher Bund). Въ составъ его, кромѣ Пруссіи, вошло 21 государство, и всѣ они, за исключеніемъ Саксоніи, относились къ числу мелкихъ. Внѣ союза остались лишь южно-германскія государства (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ), и Франція, особенно хлопотавшая о линіи Майна, желала, чтобы они создали особый союзъ по образцу Сѣверо-германскаго. Однако, здѣсь ни правительства, ни палаты (за исключеніемъ вюртембергской) не желали образованія союза, но Пруссія и тутъ путемъ тайныхъ договоровъ обезпечила себя на случай войны съ Франціей.

Въ 1866 г. Бисмаркъ еще въ одномъ отношеніи проявилъ большую дальновидность. Какъ ни противился Вильгельмъ I сначала братоубійственной войнѣ съ Австріей и ни отстаивалъ принципъ легитимитета, послѣ Садовой онъ сталъ требовать отъ имени арміи тріумфальнаго въѣзда въ Вѣну и выразилъ желаніе получить территоріальное приращеніе изъ австрійскихъ земель. Бисмаркъ рѣшительно воспротивился этому, чтобы не нажить Пруссіи заклятого врага въ Австріи, которая никогда не простила бы подобнаго униженія. Расчетъ впослѣдствіи оказался вѣрнымъ, и Австрія послѣ разгрома Франціи приняла даже участіе въ союзѣ трехъ императоровъ, устроенномъ Бисмаркомъ. Позднѣе онъ признавался еще, что послѣ побѣдъ 1866 г. ему ничего не стоило бы броситься въ самую рѣшительную и смѣлую реакцію, тѣмъ болѣе, что объ этомъ прямо просила его и короля депутація отъ консервативной партіи, пріѣхавшая въ Прагу и указавшая на удобный случай измѣнить конституцію въ болѣе монархическомъ направленіи. Вильгельму I этотъ планъ нравился; но Бисмаркъ нашелъ, что такіе друзья, не видящіе дальше своего носа, гораздо опаснѣе враговъ, и самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивился требованію консерваторовъ.

Поразительные и совершенно неожиданные успѣхи прусскаго правительства, его военныя и дипломатическія побѣды рѣзкимъ образомъ измѣнили его международное и внутреннее положеніе. Европа, не сумѣвшая сдержать Пруссію, обнаружила полное безсиліе своего „концерта, и отдѣльныя государства стали считаться съ политикой Бисмарка, какъ съ факторомъ первостепенной важности. Прусская военная организація, игольчатое ружье, которому она была многимъ обязана въ своихъ побѣдахъ, тактика прусскаго генеральнаго штаба затмили совершенно военную славу Франціи. Война съ Франціей въ 1870—1871 г. прямо доставила Пруссіи и объединенной ею Германіи господствующее положеніе въ Европѣ. Внутри страны прусское правительство также сильно укрѣпило себя всѣми этими успѣхами.

Бисмаркъ велъ датскую и австрійскую войну 1864 и 1866 г., находясь въ конфликтѣ съ палатой депутатовъ, не одобрявшею и внѣшней его политики. За все это время онъ всячески подавлялъ въ Пруссіи свободное выраженіе политическаго мнѣнія. Сессія 1866 г. была закрыта послѣ объявленія, сдѣланнаго палатой, что министерство нарушило конституцію. Новые выборы происходили подъ вліяніемъ военныхъ успѣховъ Пруссіи; сессія открылась по окончаніи войны (іюль и августъ). Самъ Бисмаркъ стремился теперь къ прекращенію конфликта, и въ тронную рѣчь короля рядомъ съ указаніемъ на новѣйшія событія, подтвердившія вѣрность принятой правительствомъ политики, было вставлено желаніе прекратить конфликтъ путемъ снятія отвѣтственности (Indemnität) за управленіе безъ законнаго бюджета (die ohne Staatshaushaltsgesetz geführte Verwaltung). Нужно, однако, прибавить, что во время обсужденія послѣдняго вопроса король заявилъ, что онъ и „на будущее время будетъ держаться такого же образа дѣйствій, если повторятся подобныя обстоятельства“, хотя и выразилъ при этомъ надежду, что этого, конечно, болѣе не случится. На выборахъ прогрессисты получили меньшинство, и въ палатѣ составилось правительственное большинство. Предложенный министерствомъ законъ о снятіи отвѣтственности былъ принятъ 230 голосами противъ 75. Другія предложенія правительства (присоединеніе новыхъ территорій, законъ о выборахъ въ рейхстагъ Сѣверо-германскаго союза, покрытіе военныхъ расходовъ, бюджетъ на 1867 г.) прошли также вполнѣ благополучно. Въ самой прогрессистской партіи теперь произошелъ расколъ. По вопросу объ индемнитетѣ часть прогрессистовъ подъ предводительствомъ Ласкера и Твестена подала голосъ за предложеніе правительства и вышла изъ состава партіи, чтобы въ союзѣ съ нѣкоторыми старо-либералами образовать новую партію, которая объявила (24 октября 1866 г.), что будетъ поддерживать правительство въ его внѣшней политикѣ,

а внутри, не поступаясь ни единымъ конституціоннымъ правомъ, будетъ, напротивъ, охранять своей бдительной и лойяльной оппозиціей народныя права. Новая партія получила названіе націоналъ-либераловъ. Съ 1867 г. націоналъ-либералы начали играть самую выдающуюся роль въ прусской палатѣ и во вновь учрежденномъ рейхстагѣ Сѣверо-германскаго союза. Въ ея составъ вошли отколовшіеся отъ своей партіи прогрессисты, большинство прусскихъ старо-либераловъ и либеральные депутаты вновь присоединенныхъ областей; сдѣлавшійся ея главою Беннигсенъ прежде былъ вождемъ ганноверской либеральной оппозиціи. Желая полнаго сліянія съ Пруссіей ея новыхъ областей и объединенія Германіи путемъ включенія въ нее южныхъ государствъ, и вмѣстѣ съ этимъ стремясь къ уничтоженію дворянскихъ привилегій, къ ослабленію вліянія духовенства и къ отмѣнѣ всего, что стѣсняло промышленность и торговлю, національно-либеральная партія готова была дѣлать правительству уступки по многимъ другимъ пунктамъ, прямо не затрогивавшимъ ея буржуазно-объединительной программы. Бисмаркъ самъ мало-по-малу сталъ переходить на сторону этой партіи, въ которой искалъ поддержки не только противъ прогрессистовъ и соціалистовъ, но и противъ оппозиціи, возникшей во вновь присоединенныхъ областяхъ (датчане въ Шлезвигѣ, „гвельфы“ въ Ганноверѣ и т. п.) и въ Познани (поляки), которая до 1866 г. не считалась составною частью Германіи. Впрочемъ, главною ареною борьбы политическихъ партій послѣ образованія Сѣверо-германскаго союза былъ уже не прусскій ландтагъ, а сѣверо-германскій рейхстагъ.

Лѣтомъ и осенью 1866 г. Пруссія заключила договоры съ отдѣльными сѣверо-германскими государствами объ образованіи новаго союза, а зимою 1866—1867 гг. происходило обсужденіе его будущаго устройства. Окончательное рѣшеніе вопроса было предоставлено учредительному рейхстагу, члены котораго, согласно прежнему предложенію Бисмарка [1]), были избраны всеобщею подачею голосовъ. Этотъ сеймъ открылъ свои засѣданія 24 февраля 1867 г. Значительное большинство избранныхъ оказалось принадлежащимъ къ среднимъ партіямъ націоналъ-либераловъ (115) и такъ называемыхъ свободныхъ консерваторовъ (Freikonservative, 40), отколовшихся (Botschafterfraktion) отъ старыхъ консерваторовъ, чтобы поддерживать правительство. Прогрессистовъ было избрано только 20. Кромѣ нихъ къ оппозиціи принадлежали нѣмецкіе партикуляристы и ультрамонтаны и небольшое число польскихъ, датскихъ и соціалъ-демократическихъ депутатовъ. 4 марта Бисмаркъ представилъ рейхстагу проектъ конституціи, указавъ на необходимость поскорѣе окончить его разсмо-

[1]) См. выше, стр. 732.

трѣніе въ виду срока, поставленнаго для этого договорами 1866 г., и поступленія его на разсмотрѣніе и отдѣльныхъ ландтаговъ. Дѣло, благодаря сговорчивости большинства, пошло быстро, и 17 апрѣля была провозглашена новая конституція, а учредительный рейхстагъ распущенъ. Прусскій и другіе ландтаги приняли конституцію въ маѣ и іюнѣ (въ Пруссіи, несмотря на оппозицію прогрессистовъ), а въ іюлѣ она была приведена въ дѣйствіе. 14 числа этого мѣсяца Бисмаркъ былъ назначенъ на постъ имперскаго канцлера. Первая обыкновенная сессія рейхстага открылась 10 сентября 1867 г.

Образованіе Сѣверо-германскаго союза было только преддверіемъ къ основанію Германской имперіи (1871 г.), которая сохранила съ соотвѣтственными, въ сущности, самыми незначительными измѣненіями и конституцію Сѣверо-германскаго союза. Въ промежутокъ времени между основаніемъ союза и превращеніемъ его въ имперію Бисмарку удалось привлечь и южно-германскія государства къ совмѣстному разсмотрѣнію дѣлъ, касавшихся таможеннаго союза, и три раза за эти годы созывались такъ называемые таможенные парламенты (Zollparlamente), которые были не чѣмъ инымъ, какъ своего рода рейхстагами съ представителями отъ южно-германскихъ государствъ, избранными тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ Сѣверо-германскомъ союзѣ. Договоръ въ этомъ смыслѣ былъ заключенъ 8 іюля 1867 г., и первый таможенный парламентъ собрался 27 апрѣля 1868 г.

Конституція Сѣверо-германскаго союза [1]) заимствовала основныя свои очертанія изъ имперской конституціи 1849 г. [2]). Пруссія получила въ союзѣ предсѣдательство (Praesidium): ея король, представленный въ союзѣ особою назначеннаго имъ канцлера, сдѣлался носителемъ всей дипломатической и военной власти союза и его главою во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ. Отдѣльныя правительства посылали своихъ уполномоченныхъ съ опредѣленными инструкціями въ союзный совѣтъ (Bundesrath), и изъ 43 голосовъ Пруссіи принадлежало здѣсь 17 голосовъ. Третьею основною частью этого устройства былъ рейхстагъ, избиравшійся всеобщею подачею голосовъ. Бисмаркъ провелъ всеобщее избирательное право, съ одной стороны, видя изъ примѣра Франціи, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ всенародное голосованіе не грозитъ опасностью для всемогущества правительства, а съ другой, признавъ, что національное представительство, составленное такимъ образомъ, будетъ служить лучшимъ средствомъ для политическаго объединенія Германіи, такъ какъ на рейхстагъ будетъ удобно опираться для противодѣйствія партикуляризму отдѣльныхъ

[1]) Подробно она будетъ разсмотрѣна въ томѣ VI настоящаго труда.

[2]) См. выше, стр. 535 и слѣд.

правительствъ. Въ Пруссіи оставлена была прежняя трехразрядная система выборовъ [1]), выгодная для консервативныхъ элементовъ общества, хотя націоналъ-либералы требовали ея реформы, а сами прусскіе консерваторы, имѣвшіе на своей сторонѣ почти всю палату господъ ландтага и располагавшіе довольно значительнымъ по численности своей меньшинствомъ, даже стали въ оппозиціонное отношеніе къ правительству. Рейхстагъ, избранный всеобщей подачей голосовъ, не казался опаснымъ Бисмарку и потому, что за прусскимъ королемъ признана была законодательная санкція, а единственнымъ представителемъ правительства передъ рейхстагомъ являлся по конституціи союзный канцлеръ, назначаемый тѣмъ же прусскимъ королемъ, и одинъ имѣлъ право контрасигнировать правительственные акты предсѣдателя союза, хотя и не несъ на себѣ юридической отвѣтственности за эти акты. Бисмаркъ воспротивился самымъ энергичнымъ образомъ установленію отвѣтственнаго союзнаго министерства. Впрочемъ, онъ оправдывался отъ обвиненія въ стремленіи къ цезаризму въ союзѣ съ народными массами противъ свободы буржуазіи. „Я, сказалъ онъ однажды, не поклонникъ народовластія, но въ общемъ чувствѣ и сознаніи народа всегда вижу больше здравомыслія, нежели въ профильтрованномъ мнѣніи привилегированнаго меньшинства, объединяющагося одинаковымъ имущественнымъ цензомъ и одинаковыми квитанціями въ уплатѣ налоговъ. Всеобщіе и прямые выборы все-таки даютъ исходъ броженію въ народѣ и позволяютъ намъ ощупывать народный пульсъ... Нѣтъ ничего болѣе безсмысленнаго и отвратительнаго, какъ прусское избирательное право“ [2]).

Въ то самое время, какъ Пруссія создавала Сѣверо-германскій союзъ, бывшій лишь первымъ шагомъ къ образованію теперешней Германской имперіи, исключенная изъ состава Германіи Австрія изъ единой и нераздѣльной имперіи, какую желала сдѣлать изъ нея партія централистовъ, превратилась въ дуалистическую Австро-Венгрію. Мы видѣли, что еще до войны 1866 г. Францъ-Іосифъ отказался отъ централистической конституціи 1861 г. [3]). Война 1866 г., совершенно измѣнившая международное положеніе Австріи, только заставила правительство поспѣшить съ рѣшеніемъ вопроса о будущемъ устройствѣ монархіи. Сначала правительство обратилось къ федера-

---

[1]) См. выше, стр. 550 и 632.

[2]) Одинъ разъ, отвѣчая въ рейхстагѣ на упрекъ въ уступкѣ демократизму, Бисмаркъ сказалъ, что хотя онъ и чувствуетъ себя свободнѣе въ прусской палатѣ, но она отнюдь не представляется ему интеллигентнѣе рейхстага: „скорѣе напротивъ“, прибавилъ онъ.

[3]) Ср. выше, стр. 726. Болѣе подробное изложеніе австрійской исторіи послѣ 1866 г. будетъ дано въ VI томѣ.

листической программѣ, но нѣмцы отказались засѣдать въ чрезвычайномъ рейхсратѣ, который былъ созванъ между прочимъ для обсужденія соглашенія съ Венгріей и въ которомъ образовалось плотное федералистическое большинство. Тогда правительство выступило на путь дуализма, и главнымъ дѣятелемъ новой политики явился Бейстъ. До 1866 г. Бейстъ былъ первымъ саксонскимъ министромъ, крайне враждебно относившимся къ Пруссіи. Въ числѣ проектовъ новаго устройства Германіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ былъ и его проектъ, направленный противъ преобладанія Пруссіи. Въ 1864 г. онъ выступилъ противникомъ политики Бисмарка, и даже предложилъ рѣшеніе вопроса о герцогствахъ предоставить голосованію ихъ населенія. Въ 1866 г. онъ выступилъ самымъ рѣшительнымъ непріятелемъ Пруссіи и всячески мѣшалъ заключенію мира съ нею. Саксонскій король вынужденъ былъ дать ему отставку, но Францъ-Іосифъ принялъ его на австрійскую службу, сдѣлалъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ назначилъ канцлеромъ имперіи. Бейстъ именно и настоялъ на томъ, чтобы раздѣлить господство въ монархіи между нѣмцами и мадьярами. На этой основѣ онъ началъ и благополучно довелъ до конца переговоры съ вождемъ мадьярскихъ патріотовъ Дэакомъ, и въ силу соглашенія (Ausgleich) 1867 г. Австрія превратилась въ Австро-Венгрію,—въ два государства, получившія еще названія Цислейтаніи и Трансленганіи (отъ пограничной рѣки Лейты), но сохранившія общаго государя, хотя и съ различными титулами — императора Австріи и „апостолическаго“ короля Венгріи. Венгрія вернула себѣ конституцію 1848 г., хотя и съ нѣкоторымъ расширеніемъ королевской власти, но славяне въ обѣихъ частяхъ монархіи должны были подчиниться господствующимъ національностямъ. Въ Австріи въ 1867 г. тоже было возстановлено конституціонное устройство, и нѣмцы опять заняли господствующее положеніе.

Мы не станемъ здѣсь разсказывать внутреннюю исторію центральной Европы (Пруссіи съ Сѣверо-германскимъ союзомъ, южной Германіи и Австро-Венгріи) послѣ 1867 г. и остановимся, но тоже лишь въ общихъ чертахъ, на событіяхъ, приведшихъ къ превращенію Сѣверо-германскаго союза въ современную Германскую имперію [1]). Разсмотримъ лишь главнѣйшія событія.

Поманивъ Наполеона III надеждою на присоединеніе Бельгіи, Бисмаркъ не думалъ исполнять своего обѣщанія относительно союза съ Франціей. Открывая 17 февраля 1867 г. засѣданія законодательнаго

[1]) Обо всемъ этомъ рѣчь будетъ въ VI томѣ, который начнется съ обзора состоянія Западной Европы въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и съ исторіи войны 1870—71 гг. Ср. то, что говорится о послѣдней выше, на стр. 672 и 697—698.

корпуса, Наполеонъ III съ гордостью объявилъ, что въ предыдущемъ году онъ „остановилъ побѣдителя у воротъ Вѣны, сохранилъ цѣлость Австріи и довершилъ (complété) итальянскую независимость“, на что Вильгельмъ I, черезъ недѣлю послѣ этого открывая рейхстагъ, отвѣтилъ выраженіемъ твердой надежды на завершеніе въ будущемъ германскаго единства, которому помѣшали въ Никольсбургѣ. Мы видѣли въ другомъ мѣстѣ [1]), что въ томъ же 1867 г. Бисмаркъ помѣшалъ Наполеону III пріобрѣсти за деньги отъ голландскаго короля герцогство Люксембургское. Дурныя отношенія, установившіяся между прусскимъ и французскимъ правительствами, распространились и на общественное мнѣніе обѣихъ націй, и пресса обѣихъ странъ только раздувала національную вражду. Французскіе публицисты говорили о необходимости отомстить Пруссіи за Садовую, нѣмецкіе стали ссылаться на старые счеты съ Франціей, этимъ „наслѣдственнымъ врагомъ“ германскаго единства, свободы и величія. Уже въ 1867 г. поговаривали о войнѣ, особенно послѣ того, какъ Наполеонъ III свидѣлся съ Францемъ-Іосифомъ въ Зальцбургѣ. Австрійской политикой въ это время уже заправлялъ Бейстъ, который не терялъ надежды вернуть Австріи ея прежнее положеніе въ Германіи; новый австрійскій министръ присутствовалъ при этомъ свиданіи. Австро-французскій союзъ, однако, не состоялся, но попытка его заключенія доставила Бисмарку возможность напасть на французское правительство и натравить на него нѣмецкую прессу. Зальцбургское свиданіе состоялось въ августѣ, и на немъ оба правительства „нравственно“ другъ передъ другомъ обязались не допускать дальнѣйшаго объединенія Германіи. Бисмаркъ отвѣтилъ на это циркулярной нотой отъ 7 сентября, гдѣ было сказано, что, несмотря ни на какія угрозы, германское единство все-таки будетъ завершено и что линія Майна будетъ устранена, лишь только южно-германскія государства захотятъ слиться съ общимъ отечествомъ. Переговоры Австріи съ Франціей возобновлялись и впослѣдствіи, но Бейстъ мало довѣрялъ Наполеону III и не сходился съ его планами. Въ самой Австріи Бейстъ поощрялъ анти-прусскія нѣмецкія манифестаціи и прессу, враждебную Бисмарку, что̀ сильно безпокоило и раздражало канцлера. Кромѣ союза Австріи съ Франціей имѣлось въ виду и привлеченіе къ нему Италіи, и Бейстъ объ этомъ очень хлопоталъ, но и изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло. Австрія соглашалась на союзъ подъ условіемъ, чтобы Италія шла съ нею рука объ руку, но Италія требовала Рима, а Наполеонъ III не хотѣлъ ей этого обѣщать [1]). Кромѣ того, мадьяры были противъ войны, а австрійскіе

---

[1]) См. выше, стр. 660.

[2]) См. выше, стр. 695.

нѣмцы противъ союза съ Франціей, въ Италіи же смѣло дѣйствовала [1]) республиканская партія, желавшая союза съ Пруссіей въ расчетѣ на то, что это заставитъ Францію вывести изъ Папской Области свои войска. Тогда Бисмаркъ рѣшилъ, что пора начать войну.

Съ одной стороны, онъ боялся, что въ концѣ концовъ можетъ осуществиться соглашеніе между Австріей, Франціей и Италіей, а, съ другой—его сильно тревожило неудовольствіе населенія сѣверной Германіи на разорительныя вооруженія Пруссіи. Особенно жаловались жители областей, присоединенныхъ къ Пруссіи въ 1866 г., такъ какъ онѣ должны были теперь платить болѣе высокіе налоги, чѣмъ платили прежде. Въ октябрѣ 1869 г. въ рейхстагѣ сдѣлано было даже предложеніе о разоруженіи, а срокъ, на который вотированъ былъ военный бюджетъ Сѣверо-германскаго союза, истекалъ въ 1871 г. Кромѣ того, Бисмаркъ очень хорошо видѣлъ, что въ южной Германіи все болѣе и болѣе обнаруживалось нерасположеніе къ тому, чтобы вполнѣ подчиниться прусской гегемоніи: какъ въ таможенномъ парламентѣ, такъ и въ палатахъ Баваріи и Вюртемберга особенно сильно проявлялось оппозиціонное настроеніе. Въ началѣ 1870 года и въ Мюнхенѣ, и въ Штутгартѣ народное представительство жаловалось на тяжести военнаго бюджета и требовало уменьшенія вооруженныхъ силъ. Наконецъ, Бисмаркъ былъ очень хорошо освѣдомленъ обо всемъ, что происходило при тюльерійскомъ дворѣ, гдѣ въ это время партія, желавшая войны, пользовалась особымъ расположеніемъ и покровительствомъ императрицы Евгеніи. Бисмарку нужна была война, и въ это время ему не стоило большого труда ее вызвать. Онъ только хотѣлъ заставить Наполеона III самого объявить войну и искалъ для этого удобнаго случая, и поводъ скоро представился.

Этимъ поводомъ послужили испанскія дѣла [2]). Въ 1868 г. въ Испаніи произошла революція, свергшая съ престола королеву Изабеллу. Эта новая революція сопровождалась внутреннею борьбою партій; но въ учредительныхъ кортесахъ 1869 г. образовалось конституціонно-монархическое большинство, которое было одинаково враждебно и возстановленію абсолютизма, и учрежденію республики. Но тутъ являлся вопросъ о томъ, кого возвести на вакантный престолъ. Кандидатовъ было нѣсколько; но выборъ испанцевъ остановился на принцѣ Леопольдѣ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскомъ, который принадлежалъ къ католической церкви и по своему происхожденію былъ родственникомъ прусскаго королевскаго дома. Насколько такому рѣшенію вопроса содѣй-

[1]) См. выше, стр. 695—696.

[2]) Въ предыдущемъ изложеніи исторія Испаніи была доведена до середины сороковыхъ годовъ (см. выше, стр. 155). Болѣе подробное ея изложеніе будетъ сдѣлано въ VI т.

ствовала политика берлинскаго кабинета, въ настоящее время пока еще рѣшить нельзя; но съ самаго же начала въ переговорахъ объ этой кандидатурѣ приняли участіе и прусское, и французское правительства. Сначала испанцы три раза обращались съ предложеніемъ короны къ отцу принца, который совсѣмъ не обнаруживалъ расположенія къ тому, чтобы его сынъ сдѣлался испанскимъ королемъ. Вильгельмъ I, въ качествѣ главы фамиліи Гогенцоллерновъ, тоже не считалъ эту кандидатуру подходящей, но Бисмаркъ ей благопріятствовалъ, хотя и старался представлять дѣло такъ, что весь этотъ вопросъ нисколько не касается прусскаго правительства, будучи только дѣломъ самой Испаніи и фамиліи Гогенцоллерновъ. Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ рѣшенія вопроса при посредствѣ отца принца Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго испанцы обратились прямо къ своему избраннику, и въ іюнѣ 1870 года получили отъ него согласіе. Бисмаркъ хорошо зналъ, что Наполеону III эта кандидатура была крайне непріятна, и онъ, очевидно, интересовался вопросомъ, что̀ станетъ противъ нея возражать императоръ французовъ, нѣсколько разъ заявлявшій свое уваженіе къ принципу національной воли. Въ концѣ того же мѣсяца Вильгельмъ I написалъ отцу принца письмо, въ которомъ говорилъ, что въ качествѣ главы фамиліи онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы тотъ далъ разрѣшеніе своему сыну занять испанскій престолъ. Прусскій король тѣмъ рѣшительнѣе могъ вмѣшаться въ этотъ вопросъ, что за нѣсколько дней передъ этимъ видѣлся въ Эмсѣ съ Александромъ II, который обѣщалъ ему въ случаѣ надобности сдержать Австрію, такъ какъ русскій императоръ былъ недоволенъ австрійскимъ правительствомъ за слишкомъ большое его расположеніе къ полякамъ. Извѣстіе о принятіи принцемъ Леопольдомъ испанскаго предложенія произвело весьма сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. Воинственная партія при тюльерійскомъ дворѣ обрадовалась этому обстоятельству и стала эксплуатировать его, всячески стараясь раздуть его значеніе въ глазахъ общества. Хотя министерство, только-что вступившее во власть, было расположено къ миролюбивой политикѣ, оно не рѣшилось, желая сохранить свое положеніе, итти наперекоръ общественному мнѣнію и сдѣлало кое-какіе шаги, которые тоже должны были обострить вопросъ. Бисмаркъ въ данный моментъ находился въ отпуску, а лицо, заступавшее въ Берлинѣ его мѣсто, отвѣтило на запросъ французскаго правительства объ испанской кандидатурѣ, что все это дѣло не касается прусскаго правительства. Въ Парижѣ, однако, вовсе не были расположены различать между королемъ Вильгельмомъ I и главою фамиліи Гогенцоллерновъ. Въ началѣ іюля прусскій посланникъ при дворѣ Наполеона III баронъ Вертеръ поѣхалъ къ своему государю въ Эмсъ и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Грамонъ по-

ручилъ ему передать прусскому королю, что Франція ни подъ какимъ видомъ не потерпитъ водворенія въ Испаніи принца Гогенцоллернскаго и вообще какого бы то ни было прусскаго принца. Вскорѣ французское министерство вызвано было и публично повторить подобное же заявленіе, когда одинъ членъ либеральной оппозиціи, дѣйствовавшей подъ вліяніемъ возбужденнаго общественнаго мнѣнія, сдѣлалъ въ законодательномъ корпусѣ запросъ о политикѣ правительства въ испанскомъ дѣлѣ. Отвѣчая ему, Грамонъ торжественно объявилъ, что Франція не потерпитъ нарушенія политическаго равновѣсія и ущерба для своей чести и сумѣетъ безъ колебанія и слабости постоять за свои интересы и свое достоинство. Представители Австріи и Англіи приложили всѣ старанія, чтобы предупредить разрывъ; но Грамонъ слишкомъ далеко зашелъ впередъ, чтобы отступить. Онъ немедленно отправилъ въ Эмсъ къ прусскому королю французскаго посланника при берлинскомъ дворѣ Бенедетти, находившагося въ то время въ отпуску. Бенедетти долженъ былъ добиться отъ Вильгельма I, чтобы тотъ прямо приказалъ принцу Леопольду отказаться отъ кандидатуры. 9-го іюля французскій дипломатъ былъ принятъ прусскимъ королемъ, который сказалъ ему, что во всемъ этомъ дѣлѣ прусское правительство ни при чемъ и что лично онъ самъ не имѣлъ бы ничего противъ отказа принца отъ кандидатуры. Вильгельмъ I даже прибавилъ, что онъ ждетъ отъ отца принца извѣстія, какъ онъ намѣренъ поступить. Такой отвѣтъ долженъ былъ бы вполнѣ удовлетворить французское правительство, тѣмъ болѣе, что въ этомъ заявленіи прусскаго короля и люди посторонніе видѣли отказъ отъ кандидатуры. Само испанское правительство, по настоянію Англіи, Австріи и Италіи, согласилось отказаться отъ своего плана; но при тюльерійскомъ дворѣ во что бы то ни стало хотѣли войны, и потому изъ Парижа летѣли депеша за депешей въ Эмсъ къ Бенедетти, которому предписывалось дѣйствовать какъ можно болѣе настойчиво по отношенію къ Вильгельму I. 10 іюля Бенедетти опять отправился къ королю и снова выслушалъ прежній отвѣтъ съ просьбою имѣть нѣсколько терпѣнія и подождать отвѣта отца принца. Отказъ послѣдняго въ это время уже всѣ предвидѣли, и Вильгельмъ I, повидимому, хлопоталъ лишь о томъ, чтобы рѣшеніе принца имѣло видъ совершенно добровольнаго, никѣмъ не вынужденнаго поступка. Однако, Вильгельма I все-таки начинала раздражать настойчивость французскаго правительства, а тонъ парижской прессы прямо его оскорблялъ. Бисмаркъ между тѣмъ немедленно возвратился въ Берлинъ и, съ своей стороны, приложилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы дѣло довести до войны. 12 іюля сдѣлалось извѣстнымъ, что отецъ принца Леопольда оффиціально отказался за своего сына отъ испанской короны. Но во Франціи и этимъ были недовольны, и Грамонъ снова послалъ къ

Бенедетти нѣсколько телеграммъ съ требованіемъ, чтобы онъ добился отъ прусскаго короля заявленія, что онъ не только одобряетъ этотъ отказъ, но и обязуется и на будущее время не дозволять принцу взять свой отказъ назадъ. 13 іюля Вильгельмъ I на новое представленіе Бенедетти отвѣтилъ, что онъ одобряетъ отказъ отъ кандидатуры, что даже уполномочиваетъ его обнародовать извѣстіе объ его одобреніи, но что болѣе этого онъ ничего не можетъ сдѣлать. Вмѣстѣ съ этимъ Вильгельмъ I выразилъ желаніе, чтобы Бенедетти больше не возвращался къ этому вопросу. Тѣмъ не менѣе на другой день, когда Вильгельмъ I уѣзжалъ изъ Эмса, Бенедетти явился на вокзалъ, чтобы съ нимъ проститься, и снова заговорилъ о необходимости гарантій на будущее время. Отвѣтъ короля остался прежній. Между тѣмъ въ Парижѣ партія войны брала верхъ, и наиболѣе рѣшительные совѣтники Наполеона III прямо говорили о необходимости „захватить Пруссію врасплохъ“, хотя представители другихъ державъ совѣтовали французскому правительству быть посдержаннѣе и удовольствоваться полученнымъ отвѣтомъ. Подстрекаемыя правительствомъ французскія газеты тоже писали крайне воинственныя статьи, и даже независимые публицисты говорили, что пруссаковъ нужно розгами прогнать за Рейнъ. На улицахъ Парижа происходили воинственныя манифестаціи, отчасти тоже возбуждавшіяся правительственными агентами. Бисмаркъ былъ очень доволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ и уже 13 іюля въ разговорѣ съ австрійскимъ посланникомъ говорилъ о необходимости потребовать у Франціи удовлетворенія за ея послѣднія дѣйствія, а на другой день послѣ этого разговора появилась въ газетахъ нота къ дипломатическимъ агентамъ Сѣверо-германскаго союза, гдѣ разсказывалось о послѣднихъ событіяхъ, но факты передавались такъ, чтобы подѣйствовать на національное чувство нѣмцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задѣть французовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1892) сдѣлалось извѣстнымъ содержаніе телеграммы, посланной Бисмарку изъ Эмса о разговорѣ короля съ Бенедетти. Въ этой телеграммѣ разсказывалось о томъ, какъ было дѣло, и въ заключеніе Бисмаркъ уполномочивался, если найдетъ нужнымъ, сообщить объ этомъ посламъ и печати. Бисмаркъ, конечно, нашелъ нужнымъ обнародовать это извѣстіе, но вмѣстѣ съ этимъ предпочелъ придать эмской телеграммѣ свою редакцію, гораздо рѣзче выставивъ настойчивость Бенедетти и придавъ нежеланію Вильгельма I вести съ нимъ дальнѣйшіе разговоры болѣе оскорбительный для французскаго дипломата оттѣнокъ. Впослѣдствіи Бисмаркъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что, не особенно довѣряя твердости характера Вильгельма I, онъ хотѣлъ поставить его лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ. Узнавъ отъ Мольтке, что въ данную минуту Пруссія гораздо болѣе готова къ войнѣ, чѣмъ Франція, онъ рѣшился

измѣнить содержаніе эмской депеши, чтобы одновременно задѣть національную гордость французовъ и еще болѣе раззадорить нѣмцевъ. Въ это же время возникла и стала усердно поддерживаться легенда о томъ, будто Бенедетти при встрѣчѣ съ королемъ въ паркѣ велъ себя очень дерзко и будто, въ свою очередь, Вильгельмъ I выразилъ ему свое презрѣніе, повернувшись къ нему спиною. Самъ Мольтке потомъ говорилъ, что Бисмаркъ сумѣлъ сдѣлать изъ „шамады фанфару", т.-е. изъ отбоя призывъ къ наступленію.

Въ Парижѣ опубликованная Бисмаркомъ депеша произвела именно то впечатлѣніе, на которое онъ расчитывалъ. Оно усилилось тѣмъ, что правительству Наполеона III сдѣлался извѣстнымъ и разговоръ Бисмарка съ англійскимъ посланникомъ о необходимости добиться отъ Франціи удовлетворенія. 15-го іюля правительство потребовало въ законодательномъ корпусѣ чрезвычайнаго кредита на войну. Напрасно противники войны требовали у правительства доказательства, что представитель Франціи дѣйствительно былъ оскорбленъ, и настаивали на необходимости тщательно разсмотрѣть все это дѣло. Особенно горячо настаивалъ на этомъ Тьеръ; но большинство не давало ему говорить, и уличная толпа, называвшая его измѣнникомъ и пруссакомъ, выбила стекла въ его домѣ. Наоборотъ, министру Оливье, объявившему, что онъ „съ легкимъ" сердцемъ беретъ на себя отвѣтственность за войну, устроили самую бѣшеную овацію. Законодательный корпусъ въ ночь съ 15 на 16-ое іюля вотировалъ потребованныя у него правительствомъ деньги. Иностранныя державы еще разъ сдѣлали попытку предотвратить войну, но не имѣли успѣха. 19 іюля Франція объявила войну, но еще наканунѣ Пруссія приступила къ мобилизаціи своей арміи, а 19 числа рейхстагъ Сѣверо-германскаго союза восторженно привѣтствовалъ декларацію Вильгельма I, приглашавшую нѣмцевъ, по примѣру отцовъ, бороться съ оружіемъ въ рукахъ за свою свободу и свои права противъ насилія иноземныхъ завоевателей.

Событія необыкновенно быстро слѣдовали одно за другимъ. Нѣмцы предупредили французовъ и въ первыхъ числахъ августа начали наступленіе. Въ самомъ началѣ войны французы вынуждены были покинуть Эльзасъ, и главная часть французскаго войска вскорѣ была отрѣзана отъ сообщенія съ другими частями. Другая армія, двинувшаяся къ этой арміи на выручку, была взята въ плѣнъ при Седанѣ 2 сентября вмѣстѣ съ Наполеономъ III, а 4 сентября въ Парижѣ была провозглашена республика. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого нѣмцы уже подступили къ самому Парижу, а въ концѣ октября сдалась пруссакамъ французская армія, еще въ началѣ войны запертая въ Мецѣ. Другія, меньшія французскія арміи тоже терпѣли пораженіе за пораженіемъ, а 24 января 1871 г. послѣ четырехмѣсячной осады.

сопровождавшейся въ послѣднее время и бомбардировкой, сдался на капитуляцію и самъ Парижъ. Такой быстрой и рѣшительной побѣды никто не ожидалъ. Главная квартира нѣмцевъ въ это время находилась въ Версали, и вотъ здѣсь въ дворцѣ „великаго короля“ всего лишь за нѣсколько дней до паденія Парижа произошло торжественное провозглашеніе германской имперіи, и Вильгельмъ I въ присутствіи другихъ нѣмецкихъ государей возложилъ на свою голову императорскую корону. Этимъ актомъ и было завершено объединеніе Германіи, въ составъ которой по франкфуртскому миру 1871 г. включены были отнятые у Франціи Эльзасъ и Лотарингія, вовсе не стремившіеся къ слиянію съ нѣмецкимъ отечествомъ, какъ не стремились къ тому же раньше и датчане сѣвернаго Шлезвига или познанскіе поляки. Но за предѣлами объединенной Германіи осталось восемь милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ. Такимъ образомъ, объединеніе Германіи совершилось въ духѣ мало-нѣмецкой партіи, и прусскій король сдѣлался германскимъ императоромъ. И то, и другое намѣчалось еще въ 1848—49 гг.; но осуществленіе идеи далеко не соотвѣтствовало тому, къ чему стремились въ то время передовые люди Германіи. Послѣ 1870—71 гг. новая имперія заняла первенствующее положеніе въ Европѣ, которое и сохраняла затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ. Для всей Европы эта германская гегемонія сопровождалась торжествомъ милитаризма.

XXIX. Англія до второй парламентской реформы [1]).

Общій взглядъ на исторію Англіи въ разсматриваемый періодъ. — Конецъ чартистскаго движенія.—Общій характеръ политики Пальмерстона. — Подавленіе и возобновленіе ирландскаго революціоннаго броженія. — Отношеніе Англіи къ революціи и реакціи на материкѣ.—Внѣшняя политика Англіи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.—Ростъ матеріальнаго благосостоянія Англіи.—Вліяніе торговыхъ интересовъ на англійскую внѣшнюю политику. — Англійскіе рабочіе союзы.—Избирательная реформа 1867 г.—Брайтъ. — Дж. Ст. Милль и его политическія идеи.

Въ 1848 г. Англія не была серьезно затронута революціоннымъ движеніемъ и не испытала переворота, подобнаго тѣмъ, кото-

[1]) По случаю пятидесятилѣтняго (1887) и шестидесятилѣтняго (1897) юбилеевъ королевы Викторіи возникла цѣлая литература историческихъ обзоровъ Англіи за это полустолѣтіе. Главнѣйшіе изъ нихъ будутъ указаны въ VI томѣ настоящаго труда. Кромѣ того, см. сочиненія *Ersquine May*, *Held'a*, *Schulze-Gaevernitz'a*, *Туганъ-Барановскаго* и др., указанныя въ т. IV, стр. 434 и 513, и *Francqueville*, *Gammage*, *Маркса*, *Янжула* и др., отмѣченныя выше, стр. 73, 91, 205 и 232, равно какъ книги, названныя ниже въ главѣ XXXI. Наконецъ, см. разныя сочиненія объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ, а именно о Пальмерстонѣ

рые произошли въ разныхъ странахъ континента. Чартистская и ирландская попытки, сдѣланныя подъ вліяніемъ февральской революціи, были подавлены на первыхъ же порахъ, да и неудачи, постигшія демократическое движеніе на континентѣ, не могли не отразиться на внутренней исторіи Англіи. Благодаря особымъ экономическимъ условіямъ положеніе англійскихъ рабочихъ въ этотъ періодъ стало улучшаться, и революціонныя движенія, подобныя чартизму, прекратились. Наоборотъ, въ жизни массъ въ эту эпоху получили особое развитіе рабочіе союзы, которые держались очень далеко отъ политики и даже раздѣляли буржуазный экономическій принципъ невмѣшательства государства въ отношенія предпринимателей и рабочихъ. Не задолго до февральской революціи либеральная партія и буржуазія одержали въ Англіи блестящую побѣду, добившись отмѣны хлѣбныхъ законовъ и открывъ эру свободной торговли [1]). Въ 1851 г. пали послѣднія стѣсненія свободы судоходства. Правительства и промышленные классы другихъ странъ даже прямо стали смотрѣть на свободную торговлю, какъ на великое средство національнаго обогащенія [2]). Съ 1847 г. власть находилась почти постоянно въ рукахъ либеральной партіи, вождями которой были Россель и Пальмерстонъ. Послѣдній стоялъ большею частью во главѣ министерства въ пятидесятыхъ и въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ до самой своей смерти (1865). Безпокойная внѣшняя политика Франціи при Наполеонѣ III заставляла и правительство, и парламентъ, и общественное мнѣніе страны интересоваться главнымъ образомъ иностранными дѣлами, которыя такимъ образомъ въ разсматриваемый періодъ и въ Англіи получили перевѣсъ надъ дѣлами внутренними [3]). Господствующая партія, добившись своего съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ и прежнихъ другихъ стѣсненій торговли, совершенно успокоилась и не помышляла ни о какихъ новыхъ преобразованіяхъ. Въ исторіи англійскаго законодательства, которое было такъ дѣятельно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, наступило время застоя. Только послѣ смерти Пальмерстона снова съ прежнею силою выдвинулся вопросъ о новой парламентской реформѣ, и опять въ пользу преобразованія выборовъ началась общественная агитація, которая и привела къ демократизаціи государственнаго строя.

Bulwer'a и *Ashley* (1871—1874 и 1876), *Juste* (1872), *Trollope* (1882), *Sanders* (1888), *Lorne* (1892) и др., о Брайтѣ *M'Gilchrist* (1868) и др., о Миллѣ—*Courtney* (1889), *Compers* (1889), *F. A. Lange* и т. д. О колоніальномъ развитіи Англіи и объ ея отношеніи къ внѣ-европейскимъ владѣніямъ рѣчь будетъ итти въ VI томѣ.

[1]) См. выше, стр. 96—97.

[2]) См. выше, стр. 664.

[3]) См. выше, стр. 621, 655 и др.

Новая реформа выборовъ (1867 г.) снова повлекла за собою оживленіе парламентской дѣятельности. Какъ-разъ въ эпоху паденія второй имперіи и окончательнаго объединенія Италіи и Германіи во главѣ англійскаго министерства находился Гладстонъ [1]), который открываетъ собою эпоху важныхъ внутреннихъ преобразованій [2]). Такимъ образомъ и въ Англіи въ пятидесятыхъ годахъ произошло сильное пониженіе общаго тона политической жизни, и лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Англія опять быстро двинулась впередъ.

Остановимся прежде всего на чартистскомъ и ирландскомъ движеніяхъ 1848 г.

Въ своемъ мѣстѣ [3]) мы уже упоминали, что демократическія движенія на материкѣ Европы, предшествовавшія революціи 1848 г., оживили въ значительной мѣрѣ надежды чартистовъ. Масса политическихъ изгнанниковъ разныхъ національностей, жившихъ въ Лондонѣ, поддерживала англійскихъ демократовъ своимъ сочувствіемъ и даже своими связями съ континентальными революціонерами. Въ Лондонѣ же во второй половинѣ 1847 г. и началѣ 1848 г. происходили извѣстные коммунистическіе съѣзды [4]). Едва въ Англію пришло извѣстіе о февральской революціи, какъ чартисты въ соединеніи съ другими демократическими ассоціаціями послали въ Парижъ особую депутацію съ адресомъ на имя французскаго народа, и въ разныхъ городахъ стали устраиваться манифестаціи въ честь французовъ. 6 марта народный митингъ въ Лондонѣ (Трафальгаръ-скверѣ) окончился даже значительными безпорядками. Въ тотъ же самый день произошли еще болѣе крупные безпорядки въ Глазго: пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ, за которою посылали нарочно въ Эдинбургъ. Въ теченіе всего марта мѣсяца то здѣсь, то тамъ устраивались митинги, на которыхъ требовали народной хартіи и освобожденія Ирландіи. Движеніе захватило даже ремесленные союзы, прежде державшіеся въ сторонѣ отъ политической агитаціи. Въ началѣ апрѣля по приглашенію исполнительнаго комитета чартистской организаціи въ Лондонѣ собрался конвентъ делегатовъ изъ разныхъ мѣстностей Англіи. Снова заговорили о необходимости подать въ парламентъ петицію о народной хартіи: если бы, предполагалось, это опять ни къ чему не привело, нужно было бы подать королевѣ адресъ съ просьбою распустить парламентъ и назначить новые выборы, а въ случаѣ отказа и на эту просьбу указывали на одно только средство—силою добиваться осуществленія народной хартіи. Съ этою цѣлью конвентъ рѣшилъ созвать на 24 апрѣля

[1]) О немъ см. въ т. VI.

[2]) Первое министерство Гладстона относится къ 1868—1874 гг.

[3]) См. выше, стр. 245—246.

[4]) См. выше, стр. 392—393.

„національное собраніе“ изъ делегатовъ, которые были бы выбраны на народныхъ митингахъ, и для производства выборовъ назначилъ повсемѣстные митинги на 21 число. Предварительно должна была быть подана петиція въ парламентъ, и для этого объявлена была большая народная сходка на 10 апрѣля. Когда правительству сдѣлалось извѣстнымъ такое постановленіе конвента, оно рѣшилось воспротивиться приведенію его въ исполненіе. Поэтому оно объявляло заранѣе незаконность всякихъ петицій, подписанныхъ болѣе, чѣмъ десятью лицами. Мало того: лордъ Грей, занимавшій тогда постъ министра внутреннихъ дѣлъ, поспѣшилъ внести въ парламентъ особый билль „о безопасности короны и правительства“, и онъ былъ немедленно принятъ обѣими палатами: рѣчи, вызывающія волненія, приравнивались къ измѣнѣ и должны были наказываться ссылкою; впрочемъ, новый законъ устанавливался лишь на два года. Чартистскій конвентъ сначала старался убѣдить парламентъ, что намѣренія его самыя мирныя, но когда увидѣлъ, что ничто не помогаетъ, рѣшилъ во что бы то ни стало собрать митингъ. Тогда правительство начало организовать добровольческую полицію, которая должна была подавить безпорядки, и встрѣтило сочувствіе со стороны буржуазіи. Любопытно, что въ числѣ лицъ, взявшихъ на себя полицейскія обязанности, былъ и принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ; говорятъ, что число такихъ добровольцевъ доходило до семидесяти тысячъ человѣкъ. Независимо отъ этого правительство держало наготовѣ и войска. Были сдѣланы и другія приготовленія; напримѣръ, входы въ англійскій банкъ были забаррикадированы мѣшками, содержавшими въ себѣ песокъ, и даже вооружены небольшими пушками, изъ которыхъ можно было стрѣлять черезъ нарочно приспособленныя амбразуры; подобнаго же рода загражденія были устроены и въ другихъ учрежденіяхъ. Подъ вліяніемъ страха, нагнаннаго февральской революціей, 10 апрѣля въ Лондонѣ прямо ожидали возстанія, которое, какъ многіе думали, могло бы кончиться настоящимъ политическимъ переворотомъ.

Грандіозная демонстрація, дѣйствительно, состоялась 10 апрѣля. Власти объявили О'Коннору [1]), снова выступившему вождемъ движенія, что митингу никто мѣшать не будетъ, но что противъ процессіи, которая намѣревалась доставить въ парламентъ петицію, будутъ приняты всѣ мѣры. Самъ О'Конноръ убѣждалъ собравшуюся толпу не губить дѣла петиціи какимъ-либо насиліемъ. Ему удалось уговорить народъ, и петиція о хартіи съ 5.700.000, какъ говорили, подписей, уложенная отдѣльными частями въ три экипажа, была отвезена въ парламентъ самимъ О'Коннором лишь въ сопровожденіи еще

[1]) См. выше, стр. 241, 244 и 245.

одного вождя чартистской организаціи. На самомъ дѣлѣ О'Коннеръ былъ введенъ въ заблужденіе относительно количества подписей, собранныхъ подъ петиціей. Когда черезъ нѣсколько дней особая парламентская коммиссія подсчитала количество подписей, и ихъ оказалось лишь около двухъ милліоновъ, да и среди нихъ найдено было нѣсколько подписей не настоящихъ (напримѣръ, Веллингтона) или смѣхотворныхъ. Это дало поводъ парламенту обвинить О'Коннора въ умышленной мистификаціи.

Новый неуспѣхъ петиціи повлекъ за собою опять расколъ среди чартистовъ. Изъ всей ихъ массы выдѣлилась нѣкоторая часть, которая ставъ подъ руководительство Джонса [1]), организовала рядомъ съ явнымъ исполнительнымъ комитетомъ еще особый тайный комитетъ. Одновременно съ этимъ стали устраиваться особыя общества для упражненія въ стрѣльбѣ въ цѣль. При развитіи въ Англіи любви ко всякаго рода спорту, въ этомъ не было ничего чрезвычайнаго, но такъ какъ подобнаго рода любительскіе клубы начали возникать въ слишкомъ большомъ количествѣ, то правительство было крайне встревожено такимъ внезапнымъ развитіемъ ружейнаго спорта. Между тѣмъ и манифестаціи продолжались попрежнему и въ Лондонѣ, и въ другихъ городахъ. Въ довершеніе всего по рѣшенію, принятому раньше, происходили выборы въ національное собраніе. Крайніе чартисты уже требовали, чтобы въ случаѣ новой неудачи это собраніе провозгласило себя парламентомъ, хотя бы ему и пришлось защищаться вооруженною силою; но многіе и слышать не хотѣли о подобномъ шагѣ, между другими и О'Коннеръ.

1 мая въ Лондонѣ собралось 60 чартистскихъ делегатовъ, не сдѣлавшихъ, впрочемъ, ни одного рѣшительнаго шага. Въ теченіе мая во многихъ мѣстахъ уже происходили безпорядки и вотъ тайный комитетъ чартистовъ рѣшилъ 12 іюля начать настоящее возстаніе. Власти, однако, приняли мѣры, чтобы помѣшать назначенному на этотъ день митингу, занявъ военнымъ отрядомъ то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ происходить. Дѣло было тогда отложено до 15 августа, но и на этотъ разъ заговорщики были предупреждены полиціей и войскомъ. Въ тайной организаціи чартистовъ полиція имѣла своего агента въ лицѣ нѣкотораго Поуеля, игравшаго видную роль среди заговорщиковъ. Каждый разъ, когда дѣлались попытки собрать народъ, то одни, то другіе вожди движенія арестовывались; приготовленное заранѣе оружіе было также найдено и отобрано. Уже съ іюня начались и процессы схваченныхъ чартистовъ; былъ подвергнутъ суду между прочимъ и тайный комитетъ въ полномъ почти своемъ составѣ, и за заговоръ про-

[1]) См. выше, стр. 245.

тивъ королевы члены этого комитета были приговорены къ каторжной работѣ. Тайная чартистская организація была объявлена незаконной, но противъ старой организаціи никакихъ мѣръ не было принято, хотя это не спасло ея отъ постепеннаго разложенія. Только демократическая пресса продолжала еще развиваться. Въ 1849 г. О'Брайенъ [1]) основалъ газету „The Reformer", въ которой, подводя итоги политическимъ движеніямъ своего времени, онъ доказывалъ ту мысль, что вся неудача политическихъ движеній заключается въ ихъ исключительно политическихъ цѣляхъ. Въ то же время Гарней въ своихъ изданіяхъ („Red Republican" и „Democratic Review") провозглашалъ демократическую и соціальную республику.

Начало пятидесятыхъ годовъ было эпохой полнаго паденія чартизма. Послѣ неудачи 1848 г. О'Коннеръ потерялъ всякое значеніе. Къ новому направленію чартизма онъ отнесся отрицательно, а старое само находилось въ разложеніи. Въ 1850 г. онъ примкнулъ къ парламентскимъ радикаламъ, что̀ еще болѣе подорвало его авторитетъ среди чартистовъ. Скоро, впрочемъ, онъ сошелъ съ ума и умеръ. Его мѣсто занялъ Джонсъ, но и его попытки оживить чартистское движеніе ни къ чему не приводили. Чартистская организація все болѣе и болѣе, такъ сказать, таяла, и въ 1854 г. окончательно прекратила свое существованіе.

Такая же судьба постигла и ирландское революціонное броженіе, которое, какъ было въ своемъ мѣстѣ сказано, весьма усилилось къ концу сороковыхъ годовъ [2]). Вожди „Молодой Ирландіи", подобно чартистамъ, сблизились съ континентальными революціонерами, и когда во Франціи произошелъ февральскій переворотъ, ими была сдѣлана неудачная попытка возстанія. Французскому временному правительству ирландскіе патріоты послали даже адресъ, въ которомъ заключалась просьба о заступничествѣ. Англійскій парламентъ принялъ предложеніе правительства о пріостановкѣ дѣйствія въ Ирландіи habeas-corpus-act'a и уполномочилъ министерство пустить въ ходъ исключительныя мѣры. Вожди движенія были схвачены, первыя попытки собранія вооруженнаго народа подавлены. Въ пятидесятыхъ годахъ Ирландія совсѣмъ перестала напоминать о своемъ существованіи, но въ шестидесятыхъ годахъ о ней снова заговорили, когда среди ирландскаго народа снова началось революціонное движеніе. На этотъ разъ агитація шла изъ Сѣверной Америки, куда эмигрировала масса ирландцевъ, благодаря главнымъ образомъ невозможнымъ экономическимъ условіямъ на родинѣ. Американскіе

[1]) См. выше, стр. 244—245.

[2]) См. выше, стр. 229.

ирландцы организовали особое общество, получившее названіе феніевъ, съ цѣлью возстанія противъ Англіи и превращенія Ирландіи въ республику. Эта организація сгруппировала около себя, конечно, тайнымъ образомъ, и множество недовольныхъ въ самой Ирландіи. Феніи думали подготовить возстаніе, привлекши на свою сторону ирландскихъ солдатъ, принимавшихъ участіе въ сѣверо-американской междоусобной войнѣ или служившихъ въ англійскомъ войскѣ. Замыслы эти были открыты, вожди движенія въ Ирландіи снова арестованы (между ними главный дѣятель Стефенсъ) и отданы подъ судъ, дѣйствіе habeas-corpus-act'а опять пріостановлено, и снова пущены въ ходъ исключительныя мѣры (1865). На все это ирландцы съ своей стороны отвѣчали поджогами и убійствами, и въ 1867 г. сдѣлали новую попытку возстанія. Вожди феніевъ дѣйствовали изъ Америки, гдѣ они даже предприняли-было вторженіе въ Канаду. Прибытіе въ Ирландію изъ-за океана множества ирландскихъ офицеровъ и солдатъ, участвовавшихъ въ американскомъ междоусобіи, обратило на себя вниманіе англійскаго правительства, и оно постаралось помѣшать общему возстанію, на которое расчитывали феніи. Такъ какъ феніи появились и въ самой Англіи и прибѣгли къ такому средству, какъ взрывъ тюрьмы (въ Клеркенуэлѣ), то до крайности встревожили англичанъ, и снова около сорока тысячъ человѣкъ предложило свои услуги правительству въ качествѣ добровольческой полиціи для борьбы съ феніями. Лишь Гладстонъ въ 1869 г. возвратился къ политикѣ Пиля [1]) и замѣнилъ репрессію, которая исключительно дѣйствовала въ Ирландіи въ теченіе двухъ десятилѣтій, политикой преобразованій, которыя должны были успокоить эту страну удовлетвореніемъ ея наиболѣе насущныхъ нуждъ.

Такимъ образомъ оба политическихъ движенія, которыя доставили хлопоты англійскому правительству въ 1848 г., окончились ничѣмъ. Неудача демократической и республиканской революціи на континентѣ только укрѣпила въ Англіи существующій политическій строй и упрочила положеніе господствующихъ классовъ. Реакціонное направленіе до извѣстной степени охватило и англійское общество, но это не нанесло никакого ущерба внутренней свободѣ. И внѣшняя политика Англіи не имѣла также принципіально-реакціоннаго характера.

Въ разсматриваемую эпоху первенствующимъ государственнымъ дѣятелемъ Англіи былъ лордъ Пальмерстонъ. Его парламентская карьера началась еще въ 1807 г., и съ самаго же вступленія своего на это поприще онъ сталъ играть видную роль въ торійской партіи.

---

[1]) См. выше, стр. 231.

къ которой онъ тогда принадлежалъ, хотя онъ и казался слишкомъ либеральнымъ такимъ людямъ, какъ Веллингтонъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Пальмерстонъ сблизился, однако, съ вигами и въ кабинетѣ Грея въ 1830 г. принялъ портфель иностранныхъ дѣлъ, который и сохранялъ впослѣдствіи въ разныхъ либеральныхъ министерствахъ. Англійская политика временъ іюльской монархіи и въ бельгійскомъ, и въ испанскомъ, и въ португальскомъ, и въ восточномъ вопросахъ [1]) главнымъ образомъ направлялась Пальмерстономъ къ поддержанію либеральныхъ движеній на континентѣ и къ охранѣ Турціи, въ которой онъ видѣлъ естественную союзницу противъ Россіи и Франціи, вѣря вмѣстѣ съ тѣмъ въ возможность внутренняго возрожденія и обновленія турецкаго народа. Въ сороковыхъ годахъ Пальмерстонъ пріобрѣлъ репутацію прямо сѣятеля революціонныхъ смутъ въ другихъ государствахъ. Дѣйствительно, въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи 1848 г., онъ поддерживалъ либеральныя политическія движенія въ Швейцаріи и Италіи [2]). Равнымъ образомъ англійское правительство только съ удовольствіемъ отнеслось къ паденію Людовика-Филиппа и поспѣшило первымъ признать во Франціи республику. Лишь вслѣдствіе своихъ интересовъ, отнюдь не во имя какихъ-либо принциповъ, оно отнеслось неблагосклонно къ нѣмецкому національному движенію 1848 г. [3]). Когда началась эмиграція побѣжденныхъ демократовъ, Англія всѣмъ имъ дала у себя убѣжище и охраняла это свое право убѣжища отъ всѣхъ на него покушеній. Но въ сущности политика Пальмерстона была довольно безпринципной. Извѣстіе о 2 декабря вызвало въ Англіи негодованіе и настоящую панику: здѣсь не могли одобрить такого грубаго насилія надъ народнымъ представительствомъ, а кромѣ того ожидали чуть не вторженія французовъ. Пальмерстонъ взглянулъ на государственный переворотъ, наоборотъ, какъ на событіе, счастливое для Англіи. Онъ боялся возвращенія во Францію Орлеанской династіи, которую ненавидѣлъ, и, будучи лично знакомъ съ Людовикомъ-Наполеономъ, надѣялся при его посредствѣ втянуть Францію въ союзъ противъ Австріи и Россіи. Англійскаго министра нисколько не смущало то, что 2 декабря было насиліемъ надъ свободою, защитникомъ которой онъ выставлялъ себя, протестуя, напримѣръ, противъ реакціи въ Италіи (въ особенности въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій) и поощряя восторженныя манифестаціи въ честь Кошута, когда онъ пріѣхалъ въ Лондонъ [4]). Изъ-за неудовольствія, выражен-

[1]) См. выше, гл. VII.

[2]) См. выше, стр. 427—428, 433 и др.

[3]) См. выше, стр. 590.

[4]) Наоборотъ, когда въ 1864 г. въ Лондонъ пріѣхалъ Гарибальди и на-

наго ему королевой, онъ даже вышелъ въ отставку (1851 г.), впрочемъ, на очень короткое время. Хотя, вступая вновь въ министерство, онъ перемѣнилъ портфель иностранныхъ дѣлъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ оказывать сильное вліяніе и на внѣшнюю политику. То, о чемъ мечталъ Пальмерстонъ, все-таки осуществилось, и Франція помогла Англіи въ антирусской политикѣ на Востокѣ [1]). И впослѣдствіи Пальмерстонъ, сдѣлавшійся въ 1855 г. главою кабинета, старался жить съ Франціей въ хорошихъ отношеніяхъ. Изъ-за Наполеона III ему даже еще разъ пришлось выходить въ отставку. Дѣло въ томъ, что покушеніе Орсини [2]) было задумано и подготовлено на англійской территоріи. Наполеонъ III не только ввелъ въ самой Франціи суровый законъ объ общественной безопасности, но сталъ добиваться мѣръ противъ политическихъ выходцевъ и въ другихъ государствахъ. Въ этомъ отношеніи ему удалось добиться законовъ противъ оскорбленія иностранныхъ государей и отъ Сардиніи, и отъ Бельгіи. Пальмерстонъ тоже хотѣлъ угодить Наполеону III и предложилъ аналогичный законъ англійскому парламенту, но палата общинъ выразила ему порицаніе, и онъ снова долженъ былъ выйти въ отставку, впрочемъ, опять на очень недолгое время. Конечно, Наполеонъ III былъ страшно сердитъ на „коварный Альбіонъ“, откуда вскорѣ онъ получилъ и отказъ на предложеніе рѣшить европейскія дѣла на новомъ конгрессѣ [3]). Политика заставляла Наполеона III держаться англійской дружбы, и Пальмерстонъ, вернувшійся къ власти въ 1859 г., съ своей стороны старался поддерживать хорошія отношенія съ императоромъ французовъ, хотя и становился поперекъ его дороги, когда находилъ это болѣе выгоднымъ для Англіи. Напримѣръ, онъ былъ очень доволенъ, когда Наполеонъ III виллафранкскимъ миромъ и присоединеніемъ Савойи [4]) раздражилъ итальянцевъ противъ своей политики. Англійское министерство даже усилило проявленіе своей симпатіи къ дѣлу итальянскаго народа. Если Пальмерстонъ и склонялся къ мысли о заключеніи новаго союза съ Франціей, продолжавшаго предлагаться императоромъ, то главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть возможность сдерживать честолюбіе

селеніе англійской столицы стало его чуть не на рукахъ носить, Пальмерстонъ поступилъ совершенно иначе и постарался выпроводить изъ Англіи непріятнаго гостя, хотя правительству потомъ и пришлось объясняться въ парламентѣ, что внезапный-де отъѣздъ Гарибальди вовсе не былъ вызванъ какимъ-то требованіемъ Наполеона III о высылкѣ его изъ Англіи. Интересныя подробности объ этомъ эпизодѣ есть въ воспоминаніяхъ Герцена.

[1]) См. выше, стр. 654.

[2]) См. выше, стр. 657.

[3]) См. выше, стр. 658.

[4]) См. выше, стр. 685.

Наполеона III. Послѣдній, съ своей стороны, чтобы расположить въ свою пользу Англію, заключилъ съ нею торговый договоръ, очень выгодный для англійской промышленности [1]). Только товарищи Пальмерстона по министерству были противъ новаго союза. Присоединеніе Савойи и Ниццы произвело дурное впечатлѣніе на англійское общественное мнѣніе. Боялись снова проектовъ Наполеона III на счетъ расширенія границъ Франціи и прежде всего опасались за Бельгію. Общественное мнѣніе стало обвинять „стараго Пама“ (фамильярное прозвище Пальмерстона) въ потворствѣ Наполеону III, и самъ министръ сдѣлалъ видъ, что поведеніе императора вызывало въ немъ одно негодованіе. На самомъ дѣлѣ онъ былъ доволенъ, что Наполеонъ III, выставлявшій для своей итальянской войны безкорыстную, идейную цѣль, обиралъ теперь своего союзника и тѣмъ освобождалъ его отъ всякихъ обязательствъ благодарности, возбуждая, кромѣ того, и подозрѣнія всей Европы. Англія и ея правительство отнеслись съ большимъ сочувствіемъ и къ завоеванію южной Италіи гарибальдійцами, когда убѣдились, что Наполеонъ III былъ здѣсь ни при чемъ. Можно даже сказать, что англійское правительство не дозволило французскому императору помѣшать Гарибальди завоевать Неаполь. Заступничество за Франциска II, который обратился за помощью къ Франціи, могло бы вызвать разрывъ съ Англіей, а въ это время Англія и Франція выступили совершенно солидарно въ Китаѣ [2]) и Сиріи [3]). Наполеонъ III даже разослалъ ноту, въ которой сваливалъ на Англію всѣ будущія опасности, могущія произойти отъ революціоннаго предпріятія Гарибальди, такъ какъ эта держава не захотѣла допустить, чтобы Франція помѣшала возстанію въ самомъ началѣ. Тогда Пальмерстонъ, все-таки не хотѣвшій ссориться съ Франціей, объявилъ, что англійское правительство напередъ протестуетъ противъ всякой попытки Гарибальди напасть на Римъ или на Венецію. Зато когда оно убѣдилось, что ни одна изъ континентальныхъ державъ не обнаруживала охоты воспрепятствовать присоединенію къ Піемонту новыхъ земель, оно громко заявило, что стоитъ на сторонѣ народовъ, желающихъ перейти подъ власть Виктора-Эммануила. При этомъ сдѣлана была ссылка на тотъ принципъ, что народы всегда должны имѣть право мѣнять правительства и что было бы несправедливо оказывать имъ въ этомъ отношеніи какія-либо препятствія. Дѣлая такое заявленіе, англійское правительство побивало Наполеона III его собственнымъ оружіемъ. Онъ еще держалъ близъ Гаэты, куда удалился Франциск II, французскую эскадру,

---

[1]) См. выше, стр. 664.

[2]) См. ниже, въ этой же главѣ.

[3]) См. выше, стр. 661.

которая мѣшала сардинскому флоту обложить этотъ городъ съ моря [1]), но Англія во имя принципа невмѣшательства предложила императору отозвать свою эскадру, и онъ, попрежнему не желая ссориться съ Англіей, долженъ былъ это сдѣлать. Чтобы держать Наполеона III постоянно въ нѣкоторой отъ себя зависимости, лондонскій кабинетъ старался ссорить его съ другими государствами и особенно хлопоталъ разстроить его сближеніе съ Россіей.

Польское возстаніе 1863 г. давало къ этому весьма удобный поводъ. Возстаніе пользовалось въ Англіи большой симпатіей, но правительство вовсе не помышляло о томъ, чтобы возстановить Польшу, такъ какъ независимое польское государство было бы естественнымъ союзникомъ Франціи, и для Англіи было важно, чтобы державы, раздѣлявшія Польшу, по крайней мѣрѣ, этимъ общимъ своимъ интересомъ были связаны между собою и могли противодѣйствовать Франціи. Но англійская дипломатія нарочно толкала Наполеона III къ вмѣшательству въ польскія дѣла для того, чтобы возбудить противъ него неудовольствіе русскаго государя. Французское правительство не очень-то было склонно выступить въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Въ законодательномъ корпусѣ 5 февраля 1863 г. отъ имени императора было заявлено, что событія въ Польшѣ не что иное, какъ революціонная вспышка: эти слова заключали въ себѣ осужденіе польскаго возстанія. Но во Франціи съ давнихъ поръ общественное мнѣніе было на сторонѣ поляковъ, а на этотъ разъ за Польшу стали высказываться и демократы, какъ за страну, борющуюся за свою національную независимость, и клерикалы, которые видѣли въ Польшѣ прежде всего одну изъ частей католическаго міра. Для поддержанія польскаго дѣла во Франціи писались статьи и брошюры, собирались деньги, происходилъ наборъ добровольцевъ. Но Наполеонъ III, очень дорожившій хорошими отношеніями съ Россіей, долго крѣпился, и только совокупное вліяніе французскаго общественнаго мнѣнія и англійской дипломатіи привело его къ вмѣшательству въ польскій вопросъ. Англія, втянувшая его въ это дѣло, вовсе, однако, не думала осуществлять планы, возникшіе тогда у Наполеона III на счетъ новой передѣлки карты Европы, и, присоединившись къ дипломатической кампаніи, начатой Франціей, прямо заявляла, что дѣлаетъ это во имя трактатовъ 1815 г. Заставивъ Наполеона III зайти слишкомъ далеко въ угрозахъ противъ Россіи, лондонскій кабинетъ не обнаружилъ ни малѣйшей охоты поддерживать его, когда за словами должны были послѣдовать дѣйствія. Когда Наполеонъ III, чтобы выпутаться изъ затрудненія, предложилъ созваніе европейскаго кон-

[1]) См. выше, стр. 690.

гресса, Англія первая рѣшительнѣйшимъ образомъ отъ него отказалась. Польша была предоставлена своей судьбѣ. Но зато и Англіи не удалось привлечь на свою сторону Францію, чтобы помѣшать Австріи и Пруссіи отнять у Даніи Шлезвигъ-Голштинію, противъ чего всегда возставало англійское правительство, боявшееся усиленія Германіи на морѣ [1]).

Разладъ, обнаружившійся между англійскою и французскою политикой, былъ какъ нельзя болѣе выгоденъ для Пруссіи Въ европейскомъ кризисѣ 1866 г. Англія тоже не могла играть дѣятельной роли, какъ и въ событіяхъ 1864 г., отчасти по указанной причинѣ, отчасти вслѣдствіе перемѣны, которая произошла въ ея собственной внутренней жизни. Въ іюлѣ 1866 г. торіямъ, подъ предводительствомъ Дерби и Дизраэли, удалось смѣстить министерство Росселя, и новому кабинету пришлось принять въ видѣ наслѣдства, оставленнаго ему старымъ, рѣшеніе нѣкоторыхъ важныхъ внутреннихъ вопросовъ, главнымъ образомъ вопроса объ избирательной реформѣ и о феніанизмѣ [2]), который. повидимому, грозилъ Англіи новымъ ирландскимъ возстаніемъ. Внѣшняя политика новаго лондонскаго кабинета была безусловно миролюбивая. Наполеонъ Ш, носившійся съ своею мыслью о присоединеніи Бельгіи, очень хорошо зналъ, что Англія этому воспротивится, и хлопоталъ о заключеніи союза съ Пруссіей [3]), который, однако, такъ и не состоялся. Когда онъ увидѣлъ, что отъ Бельгіи приходится отказаться, и задумалъ пріобрѣсти Люксембургъ, изъ-за чего Европа снова переживала довольно острый кризисъ [4]), англійское правительство созвало въ Лондонѣ конференцію (май 1867 г.), которая мирнымъ путемъ уладила все дѣло. Обманутый Пруссіей, Наполеонъ Ш снова сталъ искать сближенія съ Англіей. Правда, въ ноябрѣ 1868 г. здѣсь опять власть перешла къ либеральному кабинету, но во главѣ правленія стоялъ теперь уже Гладстонъ, который ближе всего былъ заинтересованъ вопросами внутренней политики и проводилъ тотъ принципъ, что Англія должна держать себя подальше отъ всякихъ международныхъ столкновеній на континентѣ. Поэтому и на этотъ разъ англійская политика отличалась большимъ миролюбіемъ. У Гладстона были, кромѣ того, свои особые взгляды на восточный вопросъ [5]), который представлялъ изъ себя наиболѣе удобную почву для сближенія Англіи и Франціи. Дѣло въ томъ, что съ

---

[1]) См. выше, стр. 590.

[2]) См. выше, стр. 754.

[3]) См. выше, стр. 660.

[4]) См. выше, стр. 660 и 742.

[5]) Объ этомъ, какъ и вообще о политикѣ Гладстона, рѣчь будетъ въ VI томѣ.

1866 года европейскую дипломатію сильно занимало возстаніе Крита, обнаружившаго явное стремленіе присоединиться къ Греціи, а въ 1867 году вспыхнуло возстаніе въ Болгаріи, и сильно стали волноваться Сербія и Боснія. Пока Наполеонъ III мечталъ о Бельгіи и союзѣ съ Пруссіей, онъ старался угождать и Россіи, защищавшей интересы единовѣрныхъ ей народовъ во владѣніяхъ Турціи, но въ 1868 г. онъ рѣзко измѣнилъ свою политику и снова сблизился съ государствами, боявшимися усиленія Россіи на Востокѣ, т.-е. съ Австріей и Англіей. Хотя министерство Гладстона и было противъ какой бы то ни было войны на Востокѣ, тѣмъ не менѣе и оно не хотѣло допустить, чтобы Россія безраздѣльно хозяйничала на Балканскомъ полуостровѣ. Благодаря такому повороту французской политики, Грецію [1]) вынуждена была отказаться отъ своихъ надеждъ на Критъ (рѣшеніе парижской конференціи 1869 г.). Совмѣстное дѣйствіе Англіи и Франціи въ критскомъ вопросѣ опять установило хорошія отношенія между обоими правительствами, и этимъ Гладстонъ воспользовался для того, чтобы начать совѣтовать Наполеону III не зарываться слишкомъ впередъ въ своей распрѣ съ прусскимъ правительствомъ, изъ которой родилась война 1870 г. Англія всячески старалась предупредить эту войну, потому что Гладстонъ смотрѣлъ на нее, какъ на событіе, бѣдственное и для его отечества по вреду, какой она наносила англійской внѣшней торговлѣ. Личныя его симпатіи и общественное мнѣніе страны были скорѣе на сторонѣ Пруссіи, нежели Франціи, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ побѣды Наполеонъ III не удержался бы отъ искушенія захватить Бельгію. Бисмаркъ зналъ очень хорошо, какъ относились въ Англіи къ этому вопросу, и потому поспѣшилъ обнародовать въ газетѣ „Times“ текстъ французскаго проекта о присоединеніи Бельгіи, сообщенный ему, когда объ этомъ Наполеонъ III велъ съ нимъ переговоры; понятно, что это только еще болѣе повредило Франціи въ глазахъ англичанъ. Съ самаго же начала войны лондонскій кабинетъ объявилъ, что будетъ держаться строжайшаго нейтралитета. Гладстонъ употребилъ также всѣ усилія, чтобы локализировать войну, не давъ вмѣшаться въ нее какимъ-либо другимъ державамъ. Для Наполеона III, напримѣръ, очень удобнымъ былъ бы союзъ съ Даніей, которая могла бы произвести крайне невыгодную для Пруссіи морскую и сухопутную диверсію, но Англія вмѣстѣ съ Россіей добились объявленія нейтралитета и со стороны этого государства (хотя и послѣ этого король все еще велъ переговоры съ спеціальнымъ

---

[1]) Отмѣтимъ еще, что въ 1863 г. Англія по иниціативѣ Гладстона отдала Греціи Іоническіе острова, находившіеся подъ англійскимъ протекторатомъ съ 1815 г. Ср. т. IV, стр. 242.

агентомъ Наполеона III, пріѣхавшимъ въ Копенгагенъ). Въ началѣ войны Австрія и Италія тоже вели между собою переговоры о союзѣ, который былъ бы направленъ, конечно, не противъ Франціи, но Англія и во Флоренціи, тогдашней столицѣ Италіи, настаивала на томъ, чтобы и это государство не нарушало своего нейтралитета. Наконецъ, Гладстонъ даже предложилъ образовать лигу нейтральныхъ державъ (la ligue des neutres), въ силу которой государства, не участвовавшія въ войнѣ, должны были обязаться не мѣнять своего образа дѣйствій до конца кризиса, по крайней мѣрѣ, безъ согласія другихъ державъ. Первою къ этой лигѣ примкнула Италія, которая, впрочемъ, была раздражена неуступчивостью Наполеона III въ римскомъ вопросѣ [1]) и на другой же день послѣ первыхъ пораженій французовъ стала готовиться къ занятію Рима. Россія тоже присоединилась къ этой лигѣ (августъ), а послѣ нѣкотораго колебанія въ составъ лиги вошла и Австрія (сентябрь).

Внутри Англія въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ пользовалась спокойствіемъ. Несмотря на то, что въ теченіе двадцати лѣтъ (1847—1867 гг.) во главѣ правленія почти непрерывно стояли либералы, законодательная дѣятельность парламента—въ смыслѣ новыхъ преобразованій—ничѣмъ особеннымъ въ эту эпоху не ознаменовалась до самаго конца шестидесятыхъ годовъ. Но зато это былъ періодъ наибольшаго развитія національнаго богатства Англіи. Благодаря особенно благопріятному стеченію обстоятельствъ, англійская промышленность и торговля безъ серьезнаго соперничества съ чьей бы то ни было стороны достигли совершенно небывалаго прежде процвѣтанія. На всемірной промышленной выставкѣ, устроенной въ Лондонѣ лѣтомъ 1851 г., вся Европа могла видѣть, какіе громадные успѣхи сдѣланы были англичанами въ области промышленности. Въ 1862 г. въ Лондонѣ еще разъ была устроена всемірная выставка, которая только укрѣпила за Англіей славу перваго въ мірѣ индустріальнаго государства. О замѣчательномъ ростѣ англійскаго національнаго богатства могутъ свидѣтельствовать слѣдующія статистическія данныя [2]). Въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда Англія только-что переходила къ свободной торговлѣ, вывозъ изъ страны опредѣлялся 59 и 63½ милліонами фунтовъ стерлинговъ (въ 1846 и 1849 гг.), но въ слѣдующее десятилѣтіе цифры эти удваиваются: въ 1856 г. вывезено было на 116 милліоновъ, въ 1860 г.— на 136 милліоновъ. Это возрастаніе вывоза продолжалось и въ шестидесятыхъ годахъ: въ 1865 и 1866 г. вывозилось уже на 166 и 189 милліоновъ, что̀ составляетъ увеличеніе

---

[1]) См. выше, стр. 695.

[2]) Заимствованы изъ I тома „Капитала“ Маркса, но цифры округлены.

болѣе, чѣмъ въ три раза, сравнительно съ цифрою 1846 года. Въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ общая сумма ввоза и вывоза была около 268 м. ф. ст., а въ серединѣ слѣдующаго десятилѣтія она доходила почти до 490 м. За тотъ же десятилѣтній періодъ (1855 — 1865) увеличеніе въ добываніи каменнаго угля выражается цифрами 16 и 23 м. ф. ст., въ производствѣ чугуна—цифрами 8 и 12 м. ф. ст. (въ обоихъ случаяхъ въ полтора раза). Въ эти же десять лѣтъ и длина желѣзно-дорожныхъ линій увеличилась болѣе, чѣмъ въ полтора раза (8,154 и 12,789), а стоимость ихъ возросла на 140 м. ф. ст. Этимъ цифрамъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и ростъ всѣхъ доходовъ, подлежавшихъ подоходному налогу: въ 1856 г. общая сумма такихъ доходовъ выражалась цифрою въ 307 м. ф. ст., въ 1859 г.—328 м., въ 1862 г.—352 м., въ 1863 г. — 359 м., въ 1864 г. — 362½ м., въ 1865 г.—385½ м. Высчитано, что за 12 лѣтъ (1853—1864) прибыль, подлежавшая налогу, возросла на 50%, рента—на 38%, тогда какъ за тотъ же періодъ времени народонаселеніе возросло лишь на 12%. Притомъ это накопленіе его капитала сопровождалось и сосредоточеніемъ. Съ 1815 по 1825 г. не было ни одного движимаго имущества выше милліона фунтовъ стерлинговъ, которое подлежало бы налогу на наслѣдство, да и за тридцать слѣдующихъ лѣтъ (1825—1855) такихъ имуществъ было только восемь, тогда какъ съ 1856 по іюнь 1859 г. ихъ оказалось уже четыре. Съ 1851 г. по 1861 г. въ десяти только графствахъ аренды меньше ста акровъ уменьшились съ 31½ т. на 26½ т., т.-е. около пяти тысячъ арендъ слились съ болѣе крупными [1]). Общее увеличеніе матеріальнаго благосостоянія иллюстрируется и нѣкоторыми другими цифрами изъ статистики пауперизма и преступленій. Въ 1842 г., напримѣръ, цифра пауперовъ, получавшихъ общественное пособіе, опредѣлялась безъ малаго въ полтора милліона человѣкъ, но въ 1861 г. этой цифрѣ уже многаго не хватало до милліона (1.430 т. и 890 т.), а цифра обвиненныхъ по суду понизилась въ эти двадцать лѣтъ съ 31 т. до 18 т.

Обратную сторону указаннаго увеличенія производства и роста національнаго богатства составляютъ кризисы и пауперизмъ [2]). Съ

---

[1]) Особенно замѣчателенъ ростъ фабричной промышленности, о которомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя:

Вывезено было:	въ 1848 г.	въ 1865 г.
Хлопчато-бумажныхъ издѣлій	22,5 м.	57,2 м.
Льн. и пеньковыхъ „	3,2 „	11,6 „
Шерстяныхъ „	6,5 „	25,5 „
Шелковыхъ „	0,078 „	2,15 „

[2]) См. т. IV, гл. XXV, гдѣ говорится о кризисахъ и пауперизмѣ въ первой половинѣ XIX вѣка.

1846 по 1863 г. въ англійской хлопчатобумажной промышленности на 8 лѣтъ посредственной жизненности и процвѣтанія приходится 9 лѣтъ угнетенія и застоя, которые тяжело отзывались на положеніи рабочихъ. По оффиціальнымъ даннымъ въ Англіи (съ Уэльсомъ) нищихъ считалось среднимъ числомъ около 865 т., но подъ вліяніемъ хлопкова кризиса 1863 и 1864 гг. эта цифра временно поднималась до 1.080.000 и 1.015.000. Кризисъ 1866 г., особенно тяжело отозвавшійся на Лондонѣ, создалъ увеличеніе пауперизма почти на 20% въ сравненіи съ 1865 г. и на 24% въ сравненіи съ 1866 г. Подобнаго рода положеніе дѣлъ создавало необходимость эмиграціи изъ страны, и фабриканты искали случая препятствовать, хотя бы путемъ правительственнаго вмѣшательства, эмиграціи фабричныхъ рабочихъ.

Весьма естественно, что если еще раньше Англія была идеаломъ промышленной буржуазіи и на континентѣ [1]), то послѣ успѣховъ, обнаруженныхъ ею вслѣдъ за переходомъ къ свободной торговлѣ, еще больше поднялся престижъ ея экономическаго строя и ея экономической политики. „Свободная торговля“, повидимому, вполнѣ оправдывала возлагавшіяся на нее надежды, и „фритредерство“ вошло въ общую моду. Одно то, что Франція, бывшая всегда главнымъ оплотомъ протекціонизма, заключила съ Англіей торговый трактатъ въ фритредерскомъ духѣ, было великимъ торжествомъ для новой экономической политики. Конечно, принималась въ расчетъ и оборотная сторона медали, но одинъ лишь Марксъ въ этомъ экономическомъ развитіи Англіи со всѣми отрицательными сторонами усматривалъ начало новаго порядка вещей, наступленіе котораго онъ пророчилъ, какъ историческую необходимость. Напримѣръ, въ одномъ изъ выпусковъ „Neue Rheinische Zeitung“ за 1850 г. онъ предсказывалъ еще большее процвѣтаніе англійской промышленности („die Prosperität der englischen Industrie wird noch gesteigert werden“), между прочимъ отъ предстоявшей тогда всемірной выставки. „Эта выставка, писалъ онъ, есть самое поразительное доказательство той концентрированной мощи, съ которою современная крупная промышленность повсюду разрушаетъ національныя рамки и все болѣе и болѣе стираетъ мѣстныя особенности въ производствѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ характерѣ отдѣльныхъ народовъ. Собирая для обозрѣнія на небольшомъ пространствѣ всю массу производительныхъ силъ современной промышленности какъ-разъ въ то время, когда современныя буржуазныя [2]) отношенія со всѣхъ сторонъ подкопаны, она вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) См. выше, стр. 374 и др.

[2]) Bürgerliche Verhältnisse. Ср. выше, стр. 368, гдѣ сказано о значеніи этого термина.

даетъ матеріалъ для созерцанія того, что создалось и ежедневно созидается среди этихъ подкопанныхъ отношеній для основанія новаго общества". Правда, именно въ этомъ процвѣтаніи англійской индустріи и въ вызванномъ имъ оживленіи промышленности во Франціи и въ Германіи Марксъ уже тогда усматривалъ и причину невозможности скорой революціи, такъ какъ для нея было бы необходимо противорѣчіе между „современными производительными силами и буржуазными формами производства", а какъ-разъ въ этомъ-то процвѣтаніи, по его словамъ, „производительныя силы буржуазнаго общества развились такъ роскошно, какъ только это возможно въ буржуазномъ обществѣ". Это пророчество исполнилось прежде всего на самихъ англійскихъ рабочихъ, которые въ разсматриваемый періодъ дѣйствительно отказались вполнѣ отъ идей революціоннаго чартизма [1]). Замѣтимъ кстати, что промышленные и торговые интересы оказывали весьма сильное,—такое, какъ нигдѣ,—вліяніе и на внѣшнюю политику Англіи. Примѣромъ можетъ служить война съ Китаемъ, которую вела Англія въ разсматриваемую эпоху. Въ Индіи произошло въ 1857 г. опасное для англичанъ возстаніе сипаевъ, послужившее поводомъ для упраздненія Остъ-индійской компаніи [2]) и непосредственнаго подчиненія англійскому правительству этой обширной, населенной и богатой страны. Между прочимъ, уничтоженіе монополіи Остъ-индской компаніи повлекло за собою измѣненія въ торговлѣ съ Китаемъ, которая, какъ извѣстно, была очень стѣснена. Вслѣдствіе стѣсненій въ Китаѣ развилась контрабандная торговля, особенно опіумомъ, ввозившимся изъ Индіи, несмотря на строгое запрещеніе пекинскаго правительства. Въ 1839 г. китайскія власти конфисковали и сожгли громадную партію опіума, тайно ввезеннаго въ страну, вслѣдствіе чего Англія послала въ Китай небольшое войско, одержавшее, однако, рядъ блестящихъ побѣдъ. Результатомъ были большія привилегіи для англійской торговли (нанкинскій договоръ 1842 г). Но это очень испортило отношенія между Англіей и Китаемъ, и во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ между обоими государствами вспыхнула война, въ которой на сторону Англіи стала еще Франція. Она окончилась только въ 1860 г. новымъ трактатомъ (пекинскимъ, которому въ 1858 г. предшествовалъ тянь-цзиньскій), заставившимъ Китай сдѣлать новыя уступки. Главная суть англо-китайскихъ договоровъ заключалась въ томъ, что Небесная имперія вынуждалась открывать новые порты для заграничной торговли и дозволить Англіи въ этихъ портахъ учредить свои консуль-

---

[1]) См. ниже, въ главѣ XXXI, гдѣ объ этомъ говорится подробнѣе.

[2]) См. т. III, стр. 91—92.

ства. Въ числѣ предметовъ ввоза въ Китай опіумъ занялъ очень видное мѣсто, но въ большомъ количествѣ стали ввозиться и издѣлія англійскихъ фабрикъ.

Благодаря улучшенію матеріальныхъ условій быта, революціонное настроеніе нѣкоторой части англійской націи, выразившееся въ воинствующемъ чартизмѣ, улеглось и уступило мѣсто болѣе спокойному движенію такъ называемыхъ трэдъ-юніоновъ. Годы, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, были эпохой особаго развитія рабочихъ союзовъ [1]). Ставя себѣ исключительно профессіональныя цѣли, эти ассоціаціи захватывали все большее и большее количество рабочихъ и все болѣе расширяли и улучшали свою организацію, но принципіально удерживались отъ всякаго вмѣшательства въ политику. Однако, существованіе законовъ, которыми ограничивалось право стачекъ, было немалою помѣхою для развитія самихъ союзовъ, и рабочіе не могли не прійти къ той мысли, что добиться отмѣны всякихъ стѣсненій можно лишь путемъ вліянія на выборахъ. Это заставило ихъ мало-по-малу сблизиться съ радикалами и съ ихъ помощью добиваться новой парламентской реформы. Эта перемѣна въ образѣ дѣйствій рабочихъ относится къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, когда послѣ смерти Пальмерстона на очередь былъ снова поставленъ вопросъ объ избирательной реформѣ. Въ 1866 г. министерство Росселя внесло въ парламентъ проектъ закона, понижавшаго избирательный цензъ. Но отъ либеральной партіи откололась значительная фракція, которая была противъ расширенія избирательнаго права и вмѣстѣ съ консерваторами провела поправку къ биллю, дѣлавшую предложенный законъ совершенно призрачнымъ. По этой поправкѣ наниматели квартиръ, которыхъ имѣлъ въ виду билль, въ сущности оставались бы ни при чемъ, и такимъ образомъ значительная часть рабочихъ осталась бы безъ права голоса. Министерство подало въ отставку, и вслѣдствіе этого во главѣ правленія сталъ консервативный кабинетъ Дерби-Дизраэли. Тогда заволновались рабочіе союзы, вожди которыхъ начали созывать митинги и организовали особый „Народный союзъ въ защиту избирательной реформы“. На народныхъ сходкахъ защитники преобразованія выборовъ указывали на то, что „избраніе палаты общинъ лишь частью населенія есть насиліе и насмѣшка надъ самими принципами и общимъ духомъ англійскаго политическаго строя“, и что потому необходимо добиться лучшаго представительства народа, которое будетъ лишь тогда, когда каждый взрослый мужчина, имѣющій свою квартиру, получитъ право голоса на выборахъ въ палату общинъ. Общественное мнѣніе такъ настойчиво выска-

[1]) Подробнѣе о трэдъ-юніонахъ см. ниже, въ главѣ XXXI.

зывалось въ пользу реформы, что, наконецъ, само консервативное министерство нашло нужнымъ уступить и внесло въ парламентъ билль о реформѣ (1867). Новое преобразованіе выборовъ касалось не одного пониженія ценза, но, подобно реформѣ 1832 г., и распредѣленія избирательныхъ округовъ. У одиннадцати мѣстечекъ отнято было право посылать отъ себя депутатовъ, а за тридцатью пятью оставлено было лишь по одному депутату; вакантныя же мѣста (ихъ образовалось 57) были распредѣлены между другими округами. Что касается до пониженія избирательнаго ценза, то оно касалось главнымъ образомъ только городовъ, гдѣ право голоса получили всѣ хозяева квартиръ [1]). Это значило, что большая часть городскихъ рабочихъ съ 1867 г. стала принимать участіе въ парламентскихъ выборахъ. Въ томъ же самомъ году Германія получила всеобщее избирательное право, но Англіи пришлось ждать еще 17 лѣтъ до новой реформы, которая и на этотъ разъ не была предоставленіемъ избирательнаго права всѣмъ совершеннолѣтнимъ мужчинамъ. Тѣмъ не менѣе уже реформа 1867 г., создавъ новый классъ избирателей, оказала большое вліяніе на всю внутреннюю политическую жизнь страны. Конечно, результаты перемѣны въ составѣ избирателей дали почувствовать себя не сразу, но уже первые выборы, произведенные по закону 1867 г., дали такой составъ депутатовъ, при которомъ прекратился застой законодательной дѣятельности, продолжавшійся около двадцати лѣтъ. Въ 1868 г. министерство Дизраэли вышло въ отставку, и первымъ министромъ сдѣлался Гладстонъ, предпринявшій цѣлый рядъ реформъ въ періодъ 1868—1874 гг. [2]).

Намъ остается теперь познакомиться съ двумя общественными дѣятелями, которые болѣе другихъ способствовали новой парламентской реформѣ. Это были Брайтъ и Милль. Второй изъ нихъ интересенъ и въ качествѣ политическаго мыслителя [3]).

Джонъ Брайтъ выступилъ на поприщѣ общественной дѣятельности въ эпоху агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ и принялъ весьма дѣятельное участіе въ лигѣ, основанной для этой агитаціи [4]). Онъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ „манчестерской“ партіи [5]) и въ 1843 г., благодаря поддержкѣ этой партіи, попалъ въ парламентъ, гдѣ съ большою энергіей продолжалъ защищать необходимость отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Отличаясь большимъ ора-

---

[1]) См. выше, стр. 86—87.

[2]) Отсылаемъ къ VI тому.

[3]) Здѣсь мы разсмотримъ лишь политическія идеи Милля, оставивъ его экономическія и философскія воззрѣнія для главъ XXXI и XXXII.

[4]) См. выше, стр. 95.

[5]) См. выше, стр. 97—98.

торскимъ талантомъ, онъ охотно выступалъ и на народныхъ собраніяхъ, и передъ палатой. Когда въ 1846 г. хлѣбные законы были отмѣнены, онъ снова былъ выбранъ въ члены парламента, на этотъ разъ въ самомъ Манчестерѣ (1847), и въ слѣдующихъ годахъ очень много хлопоталъ въ пользу отмѣны другихъ законовъ, стѣснявшихъ свободную торговлю. Подобно Кобдену [1]), отъ свободной торговли онъ ожидалъ всякихъ благъ не только для своей родины, но и для всего человѣчества. Для того, чтобы предаться исключительно общественной дѣятельности, Брайтъ передалъ своимъ братьямъ веденіе фабрики, унаслѣдованной отъ отца. Съ другой стороны, на всемъ кругѣ его идей отразилось также его происхожденіе изъ квакерской семьи. Онъ былъ противникомъ всякой религіозной исключительности и агитировалъ противъ разныхъ ретроградныхъ сторонъ англійскаго церковнаго законодательства; между прочимъ онъ былъ убѣжденнымъ защитникомъ эманципаціи евреевъ. Понятно, что воинственная политика Пальмерстона не могла пользоваться сочувствіемъ Брайта, и онъ выступилъ съ рѣзкой критикой системы вмѣшательства въ дѣлахъ континента. Онъ съ такою страстностью и рѣзкостью нападалъ на восточную политику Пальмерстона въ 1854 г., что общественное мнѣніе, наоборотъ, сильно сочувствовавшее этой политикѣ, совершенно отвернулось отъ Брайта, и онъ сдѣлался положительно очень непопулярнымъ человѣкомъ. Ему даже пришлось на время отказаться отъ общественной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что и состояніе его здоровья требовало пребыванія въ болѣе тепломъ климатѣ. Послѣ долговременной жизни въ Швейцаріи и Италіи Брайтъ только въ 1857 г. снова сдѣлался членомъ парламента, въ которомъ на этотъ разъ явился борцемъ за широкую парламентскую реформу. Будучи сторонникомъ экономической свободы, онъ вовсе не былъ защитникомъ классовыхъ интересовъ буржуазіи, потому что та парламентская реформа, которую стремился онъ провести, должна была какъ-разъ распространить избирательныя права на рабочихъ. Новая агитація Брайта оказала такое вліяніе, что уже въ 1859 и 1860 гг. въ парламентъ вносились билли о реформѣ. Правда, оба раза билли проваливались, и Брайтъ только убѣдился, что пока Пальмерстонъ будетъ пользоваться вліяніемъ, никакая реформа не будетъ мыслима. Поэтому онъ на время отложилъ свою агитацію, и только въ 1866 г. снова занялъ видное мѣсто среди сторонниковъ реформы. Мы видѣли, что въ слѣдующемъ году избирательная реформа была наконецъ проведена, и по существу дѣла она была ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ идей Брайта. Когда подъ вліяніемъ этой реформы снова оживилась законодательная дѣятельность парламента, Брайтъ

[1]) См. выше, стр. 98.

принялъ въ ней самое дѣятельное участіе, тѣмъ болѣе, что въ 1868 г. онъ вошелъ въ составъ либеральнаго министерства Гладстона. Только новое значительное ухудшеніе здоровья заставило его опять оставить парламентскую дѣятельность (1870), и впослѣдствіи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ появлялся онъ на общественной аренѣ.

Общественныя воззрѣнія Милля начали складываться подъ вліяніемъ Бентама [1]) и французскаго либерализма, съ которымъ онъ имѣлъ возможность познакомиться во время своего пребыванія во Франціи въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Увлеченіе Бентамомъ у Милля было до такой степени сильно, что съ нѣкоторыми изъ своихъ молодыхъ товарищей онъ основалъ особое „утилитарное общество“, поставившее своею цѣлью пропаганду идей Бентама. Этотъ кружокъ единомышленниковъ Милля предпринялъ даже изданіе особаго органа „Вестминстерское Обозрѣніе“, въ которомъ самъ онъ принималъ весьма дѣятельное участіе. Основамъ этической системы Бентама Милль оставался вѣренъ и впослѣдствіи, хотя значительно смягчилъ ученіе Бентама въ своей извѣстной работѣ „Утилитаризмъ“ (1861). Именно Милль отступилъ отъ черезчуръ большой разсудочности этической теоріи своего учителя, признавъ за чувствомъ большее значеніе въ нравственности. Равнымъ образомъ Милль довольно рано сталъ колебаться и относительно правильности принциповъ французскаго либерализма, послѣ того какъ познакомился съ соціальными теоріями с.-симонистовъ и Фурье. Первый серьезный трудъ, написанный Миллемъ, былъ посвященъ политической экономіи и вышелъ въ свѣтъ въ 1830 г., а въ концѣ сороковыхъ онъ издалъ и свое общее сочиненіе по этому предмету „Начала политической экономіи“. Оставляя до другого мѣста изложеніе экономическихъ взглядовъ Милля, отмѣтимъ также, что около 1840 г. Милль очень заинтересовался позитивной философіей и соціологіей Ог. Конта, съ которымъ даже вступилъ въ переписку. Вскорѣ послѣ этого (1843) онъ издалъ свою знаменитую „Систему логики“, въ которой между прочимъ впервые подвергъ систематической обработкѣ вопросъ о методѣ научнаго изслѣдованія общественныхъ явленій. Высоко ставя идеи Конта, какъ мыслителя, Милль самымъ рѣзкимъ образомъ расходился, однако, съ практическими требованіями Конта, который, какъ извѣстно, былъ принципіальнымъ врагомъ индивидуальной свободы и, подобно с.-симонистамъ [2]), проповѣдовалъ необходимость безусловнаго подчиненія соціальному авторитету. Въ данномъ вопросѣ Милль былъ настоящимъ представителемъ своей націи, издавна привыкшей къ са-

---

[1]) См. т. IV, стр. 485—489 и 605—606.

[2]) См. т. IV, стр. 646 и слѣд., и выше, стр. 284 и слѣд.

мому широкому пользованію личной и общественной свободой. Лучше всего Милль выразилъ эту сторону своего общественнаго міросозерцанія въ знаменитомъ трактатѣ „О свободѣ“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1859 г. Уже не разъ высказывалась въ литературѣ та мысль, что это небольшое произведеніе Милля представляетъ собою самое лучшее, что только было написано на эту тему въ послѣднія десятилѣтія. Милль—принципіальный защитникъ свободы, въ которой онъ видитъ благо само по себѣ, независимо отъ тѣхъ побочныхъ результатовъ, которые она вообще приноситъ съ собою. То же свободолюбіе характеризуетъ и другое сочиненіе Милля, написанное около того же времени (1861) „Разсужденія о представительномъ правленіи“, гдѣ онъ называетъ эту форму наилучшимъ государственнымъ устройствомъ и сѣтуетъ только, что благомъ представительства не пользуются на его родинѣ рабочіе классы. Съ той же точки зрѣнія свободы личности Милль разсматривалъ и такъ называемый женскій вопросъ въ спеціальной книжкѣ, посвященной этому предмету („Подчиненность женщины“. 1869).

До середины шестидесятыхъ годовъ Милль не выступалъ на политическое поприще. Въ первой половинѣ своей жизни онъ занималъ одну довольно выгодную должность въ Остъ-Индской компаніи, бывшую, впрочемъ, больше синекурой. Одною изъ причинъ того, что Милль впервые сдѣлался членомъ парламента только въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, была дороговизна выборовъ, противъ которой онъ всегда вооружался и съ принципіальной точки зрѣнія [1]). Вступивши въ парламентъ въ 1865 г., Милль оставался въ немъ очень недолго, такъ какъ въ 1868 г. на новыхъ выборахъ потерпѣлъ пораженіе, но годы пребыванія Милля въ парламентѣ какъ-разъ были ознаменованы второю парламентскою реформою, въ которой самъ онъ принималъ весьма дѣятельное участіе. Кромѣ того, въ палатѣ Милль выступалъ въ качествѣ защитника ирландскихъ фермеровъ, въ пользу которыхъ требовалъ самыхъ энергическихъ мѣръ со стороны правительства. Весьма любопытно, что свою неудачу на выборахъ 1868 г. Милль объяснялъ неудовольствіемъ избирателей на то, что онъ публично выразилъ свое сочувствіе Брэдло, который вооружилъ противъ себя англійское общество своимъ открытымъ атеизмомъ [2]).

---

[1]) Ср. стр. 88.

[2]) Чарльзъ Брэдло въ очень юныхъ годахъ принималъ участіе въ чартистскомъ движеніи, а послѣ его паденія вращался главнымъ образомъ въ кругахъ лондонской революціонной эмиграціи. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ напечаталъ нѣсколько брошюръ антирелигіознаго и республиканскаго характера, а въ 1860 г. основалъ свой органъ „Національный реформаторъ“. Въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ онъ настолько уже выдвинулся, что его избрали вице-

Въ своемъ трактатѣ „О свободѣ“ Милль разсматриваетъ тотъ же самый предметъ, который составляетъ содержаніе извѣстнаго сочиненія В. Гумбольдта „Идеи для попытки опредѣленія границъ дѣятельности государства“ [1]). Но Милль идетъ далѣе своего нѣмецкаго предшественника, потому что не ограничивается разсмотрѣніемъ границъ дѣятельности государства, считая, кромѣ того, нужнымъ принципіально опредѣлить и права самого общества надъ индивидуумомъ. Онъ вполнѣ соглашается съ основнымъ принципомъ Гумбольдта, по которому конечная цѣль человѣка заключается въ развитіи его индивидуальности и по которому лучшее средство для достиженія этой цѣли заключается въ свободѣ. Одна изъ главъ трактата Милля такъ и называется: „Объ индивидуальности, какъ объ одномъ изъ элементовъ благосостоянія“. Онъ видитъ только, что въ данномъ отношеніи личность можетъ страдать не отъ одного лишь государства, но и отъ общества, и въ этомъ заключается новизна его точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что бываютъ случаи, когда тираннія общества страшнѣе всевозможныхъ политическихъ тираній, хотя именно, думаетъ Милль, она и не опирается на какія-нибудь крайнія уголовныя мѣры, но спастись отъ нея гораздо труднѣе, поскольку она глубже проникаетъ во всѣ подробности частной жизни и кабалитъ самую душу. Вотъ почему, говоритъ Милль, „недостаточно имѣть охрану только отъ правительственной тираніи, но необходимо имѣть охрану и отъ тираніи господствующаго въ обществѣ мнѣнія или чувства“. Поэтому онъ поставилъ своей задачею установить границу, далѣе которой само общественное мнѣніе не можетъ законно вмѣшиваться въ индивидуальную независимость. Этотъ вопросъ интересовалъ его не только съ отвлеченной точки зрѣнія, но и въ виду особенностей англійской общественной жизни: по его словамъ, нигдѣ до такой степени, какъ въ Англіи, не ослаблено правительственное вмѣшательство и въ то же время нигдѣ такъ не сильна тираннія общественнаго мнѣнія. Милль даже думаетъ, что нерасположеніе англичанъ къ правительственному вмѣшательству обусловливается не столько уваженіемъ къ индивидуальной независимости, сколько „старой привычкой смотрѣть на правительство, какъ на представителя интересовъ, противоположныхъ интересамъ общества“. У англичанъ поэтому нѣтъ принципа, которымъ бы они оцѣнивали правильность или неправильность пра-

---

предсѣдателемъ лиги реформы, а въ 1868 г. онъ поставилъ даже свою кандидатуру въ члены парламента. Впрочемъ, избранія ему удалось добиться только въ 1880 г., но нежеланіе его, какъ атеиста, принести установленную присягу помѣшало ему тогда же занять свое мѣсто въ парламентѣ. Это дѣло въ то время сильно волновало общественное мнѣніе и разрѣшилось только въ 1886 г.

[1]) См. т. IV, стр. 295—298.

вительственнаго вмѣшательства. Вотъ этотъ-то принципъ Милль и старался найти, какъ для огражденія личности отъ политической тираніи, такъ и для огражденія ея отъ общественнаго деспотизма. „Принципъ этотъ, говоритъ онъ самъ, заключается въ томъ, что люди индивидуально или коллективно могутъ справедливо вмѣшиваться въ дѣйствія индивидуума только ради самосохраненія, и что каждый членъ цивилизованнаго общества можетъ только въ такомъ случаѣ справедливо быть подвергнутъ какому-нибудь принужденію, если это нужно для того, чтобы предупредить съ его стороны такія дѣйствія, которыя вредны для другихъ людей". Становясь на эту точку зрѣнія, Милль оговаривается, что онъ „не пользуется для своей аргументаціи тѣми доводами, которые могъ бы заимствовать изъ идеи абстрактнаго права, предполагающей право совершенно независимымъ отъ пользы". Такая оговорка вполнѣ понятна со стороны послѣдователя Бентама и автора книги объ утилитаризмѣ; Бентамъ самъ замѣнялъ идею права идеей пользы [1]), слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Гельвеція въ его отличіи отъ Руссо [2]). Милль утверждаетъ далѣе, что интересы человѣчества оправдываютъ подчиненіе личности внѣшнему контролю лишь по такимъ ея дѣйствіямъ, которыя касаются интересовъ другихъ людей. Вотъ почему онъ подобно, напримѣръ, Бенжамену Констану [3]) защищаетъ всевозможные виды индивидуальной свободы. „Не свободно то общество, говоритъ онъ, какая бы ни была его форма правленія, въ которомъ индивидуумъ не имѣетъ свободы мысли и слова, свободы жить, какъ хочетъ, свободы ассоціаціи; только то общество свободно, въ которомъ всѣ эти виды индивидуальной свободы существуютъ абсолютно и безразлично одинаково для всѣхъ его членовъ". На этомъ пониманіи свободы сказалось также и вліяніе Токвиля, идеи котораго Милль ставилъ очень высоко и съ особеннымъ рвеніемъ популяризировалъ среди своихъ соотечественниковъ [4]). Но Милль, какъ это мы еще увидимъ изъ разсмотрѣнія его экономическихъ взглядовъ, не былъ защитникомъ невмѣшательства въ экономическую жизнь. Правда, въ трактатѣ „О свободѣ" онъ почти не касается этого предмета, но въ какомъ смыслѣ онъ рѣшалъ этотъ вопросъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ: хотя „подчиненіе торговли или производства какимъ-либо ограниченіямъ есть, конечно, стѣсненіе, но въ этомъ случаѣ оно относится къ такимъ дѣйствіямъ индивидуума, вмѣшиваться въ которыя общество имѣетъ полное право". Милль даже прибавляетъ, что „принципъ

[1]) См. т. IV, стр. 486.
[2]) См. т. III, стр. 226.
[3]) См. т. IV, стр. 299 и слѣд., 603 и слѣд.
[4]) Ср. выше, стр. 280 (прим. 1).

индивидуальной свободы, будучи совершенно непричастенъ къ доктринѣ свободной торговли, равно непричастенъ къ большей части тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ относительно предѣловъ этой доктрины".

Въ другомъ своемъ сочиненіи, посвященномъ разсмотрѣнію свойствъ представительнаго правленія, Милль поставилъ своею задачею указать какъ на сильныя, такъ и на слабыя стороны этой политической формы и намѣтить необходимыя въ ней преобразованія. Въ теоріи онъ признавалъ представительную форму наилучшею, такъ какъ она болѣе другихъ благопріятствуетъ, съ одной стороны, хорошему управленію текущими дѣлами, съ другой—усовершенствованію національнаго характера. „Права и интересы какого бы то ни было лица, говоритъ Милль, только тогда не игнорируются, когда заинтересованное лицо способно и привыкло отстаивать ихъ: люди вѣрно обезпечиваются противъ зла, угрожающаго имъ со стороны другихъ, только самозащитою". Понятно, что представительство лишь тогда достигаетъ своей цѣли, когда этимъ правомъ пользуются всѣ члены общества. „Нечего предполагать, что когда власть находится въ рукахъ одного какого-нибудь класса, онъ сознательно и умышленно приноситъ интересы остальныхъ классовъ въ жертву своимъ интересамъ; достаточно и того, что при отсутствіи естественныхъ защитниковъ исключенные классы всегда подвергаются опасности пострадать въ своихъ интересахъ, и что даже тогда, когда послѣдніе принимаются во вниманіе, они разсматриваются совершенно не такъ, какъ разсматривались бы со стороны людей, непосредственно заинтересованныхъ". Указавъ на то, что рабочіе классы въ Англіи устранены отъ участія въ управленіи, онъ замѣчаетъ, что поэтому парламентъ и не смотритъ на возникающіе вопросы жизни глазами рабочихъ. „По вопросу, напримѣръ, о стачкахъ не найдется, быть можетъ, ни одного виднаго члена обѣихъ палатъ, который не былъ бы вполнѣ убѣжденъ, что въ способѣ обсужденія этого вопроса правы только хозяева и что взглядъ рабочихъ на него просто нелѣпъ. Какъ бы искренне ни было, продолжаетъ Милль, намѣреніе другихъ защищать наши интересы, мы сами не можемъ безъ вреда относиться къ нимъ безучастно. Еще болѣе очевидна истина, что только своими собственными усиліями мы можемъ добиться положительнаго и прочнаго улучшенія нашей жизни". Къ сожалѣнію, прибавляетъ онъ, „благодѣянія свободы, насколько они до сихъ поръ осуществились, распространились только на одну часть общества". Милль подвергаетъ критикѣ даже тѣ демократическія представительства, которыя не устраняютъ господства одного класса, и его идеаломъ было бы такое распредѣленіе представительства, при которомъ были бы уравновѣшены силы

обѣихъ частей современнаго общества. „Населеніе современнаго государства, говоритъ онъ, не страдающаго сильною внутреннею рознью вслѣдствіе племенныхъ особенностей, по большей части можетъ быть въ идеѣ раздѣлено на двѣ группы, которыя, оставляя въ сторонѣ мелкія уклоненія, въ общемъ соотвѣтствуютъ двумъ противоположнымъ направленіямъ видимыхъ интересовъ". Одну изъ этихъ группъ онъ называетъ классомъ рабочихъ, другую — классомъ хозяевъ. Въ эту послѣднюю группу онъ включаетъ еще „не только капиталистовъ не у дѣлъ и лицъ съ наслѣдственнымъ состояніемъ, но и такихъ работниковъ, которые получаютъ значительное вознагражденіе (представители либеральныхъ профессій), по своему воспитанію и образу жизни походятъ на людей богатыхъ и стремятся занять мѣсто въ этомъ классѣ", но, съ другой стороны, онъ причисляетъ къ рабочимъ и „тѣхъ мелкихъ хозяевъ, которые по своимъ интересамъ, привычкамъ и воспитанію усвоили себѣ желанія, вкусы и стремленія рабочихъ классовъ. Если бы, продолжаетъ Милль, при такомъ составѣ общества можно было создать идеально совершенную представительную систему и сохранять ее въ такомъ видѣ, то она состояла бы изъ этихъ двухъ классовъ". Въ каждомъ классѣ большинство обыкновенно руководствуется своими классовыми интересами, и только меньшинство подчиняется разуму, справедливости и общему благу. Милль думалъ, что именно это меньшинство каждаго класса, вступая въ союзъ съ другимъ классомъ, и будетъ давать ему перевѣсъ надъ притязаніями собственнаго большинства, которыя, по мнѣнію меньшинства, не должны одержать верхъ. Эта теорія представительства существеннымъ образомъ отличается отъ болѣе раннихъ либеральныхъ теорій, которыя иногда въ интересахъ самой свободы исключали изъ пользованія политическими правами всю народную массу, не дорожащую свободою самою по себѣ и не умѣющую пользоваться ею. Но и Милль самъ необходимымъ условіемъ благодѣтельности представительной системы считаетъ широкое развитіе народнаго образованія. Другимъ недостаткомъ дѣйствующей системы онъ считаетъ такіе случаи, когда численное большинство представителей націи можетъ быть и часто бываетъ только меньшинствомъ самого народа даже при существованіи всеобщей подачи голосовъ. Большинство того большинства, которое одержало побѣду на выборахъ, само можетъ оказаться меньшинствомъ по отношенію къ меньшинству этого большинства, сложенному съ тѣмъ меньшинствомъ кандидатовъ, которые на выборахъ тоже собрали значительное количество голосовъ, но не имѣли ихъ достаточно, чтобы попасть въ парламентъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства Милль предлагалъ

особую систему пропорціональнаго представительства, которое устраняло бы указанный недостатокъ.

Въ виду того, что когда Милль писалъ свою книгу о представительствѣ, въ Англіи снова стоялъ на очереди вопросъ о расширеніи избирательнаго права, которое должно было теперь распространиться и на часть рабочихъ, особенно важны соображенія, какія мы находимъ у Милля на этотъ счетъ. Считая расширеніе избирательнаго права безусловно необходимымъ для хорошаго правленія, Милль опасался однако, какъ бы при переходѣ большинства на сторону рабочаго класса не понизился очень сильно уровень политическаго развитія избирателей и самое законодательство не приняло исключительно классоваго характера: невѣжество не можетъ имѣть такого же права на политическую власть, какъ и знаніе. Это опасеніе существовало уже ранѣе, и то употребленіе, которое сдѣлала Франція изъ всеобщей подачи голосовъ, заставляло даже такого человѣка, какъ Марксъ, сомнѣваться въ томъ, чтобы это было безусловно спасительное средство. Съ своей стороны, Милль предлагалъ ввести множественность голосовъ для болѣе развитыхъ общественныхъ элементовъ, но при этомъ онъ высказывалъ мысль о необходимости расширенія избирательныхъ правъ и на женщинъ, которыя исключены изъ пользованія этими правами даже тогда, когда обладаютъ имущественнымъ цензомъ, а при извѣстномъ умственномъ развитіи имѣли бы гораздо болѣе права на участіе въ политической жизни, чѣмъ менѣе развитые мужчины. „Всѣ люди, говоритъ Милль, одинаково заинтересованы въ хорошемъ правленіи, затрогивающемъ ихъ благосостояніе, и, слѣдовательно, имѣютъ одинаковую нужду въ правѣ голоса для обезпеченія своей доли участія въ его выгодахъ. Если въ данномъ случаѣ существуетъ какое-либо различіе, то лишь то, что женщины нуждаются въ политическихъ правахъ больше, чѣмъ мужчины, потому что, будучи физически слабѣе, онѣ испытываютъ бо́льшую необходимость въ покровительствѣ законовъ и общества“. Признавая, что избирательное право должно зависѣть отъ личныхъ качествъ, а не отъ имущественнаго ценза, онъ находилъ „исключительно ненормальнымъ положеніе“, въ силу котораго женщина, вполнѣ удовлетворяющая всѣмъ условіямъ, установленнымъ для избирателя-мужчины, устраняется отъ пользованія политическими правами и признается существомъ лично неправоспособнымъ. Въ своемъ сочиненіи Милль разсматриваетъ и другіе вопросы, связанные съ избирательнымъ правомъ. Говоря, напримѣръ, о двухстепенной системѣ выборовъ, онъ замѣчаетъ, что этою комбинаціею, вѣроятно, „имѣлось въ виду до извѣстной степени помѣшать свободному проявленію народныхъ чувствъ“. Вмѣстѣ съ этимъ онъ доказываетъ, что всѣ выгоды, которыхъ думаютъ достиг-

путь путемъ косвенныхъ выборовъ, могутъ быть получены и при выборахъ прямыхъ, тогда какъ, съ другой стороны, косвенные выборы имѣютъ очень много невыгодныхъ сторонъ, свойственныхъ имъ однимъ. Несомнѣнно, что въ большинствѣ случаевъ косвенные выборы вводились обыкновенно не ради практическаго удобства, а изъ желанія ослабить непосредственное выраженіе народныхъ желаній. Только по вопросу объ открытой или тайной подачѣ голосовъ Милль принципіально высказывался не въ духѣ демократическихъ требованій, всегда заключавшихся въ предпочтеніи тайной подачи передъ открытой, хотя, съ другой стороны, Милль и не считалъ возможнымъ утверждать, „будто немыслимы случаи, когда закрытая баллотировка заслуживаетъ предпочтенія передъ открытой“. Въ этомъ вопросѣ онъ исходилъ изъ того соображенія, что право голоса дается избирателю не ради него самого, т.-е. не ради его личной пользы и выгоды, а возлагается на него, какъ общественный долгъ. Если бы, думаетъ онъ, подача голоса была правомъ, мы не имѣли бы никакихъ основаній порицать человѣка, продающаго свой голосъ. Если человѣкъ долженъ имѣть право голоса между прочимъ для того, чтобы защищать самого себя, то лишь въ такихъ случаяхъ, когда подобной защиты требуютъ и другіе его сограждане. „Тутъ полной свободы, говоритъ Милль, быть не можетъ: при подачѣ голоса избиратель можетъ столько же руководствоваться своими личными желаніями, сколько присяжный, когда онъ произноситъ приговоръ“. Милль полагалъ, что при тайной подачѣ голосовъ избиратель будетъ смотрѣть такъ, какъ будто онъ вовсе не обязанъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ своихъ согражданъ. Вотъ почему онъ требовалъ, чтобы голосованіе, какъ исполненіе общественной обязанности, происходило на глазахъ и подъ контролемъ общества. Но онъ оправдывалъ закрытую баллотировку въ случаяхъ пагубнаго вліянія немногихъ лицъ надъ народною массою, и только находилъ, что въ современной Англіи въ настоящее время опасны не столько постороннія вліянія, какимъ подвергаются избиратели, сколько ихъ личныя и классовыя выгоды. Мы уже видѣли, что онъ желалъ бы чтобы лучшіе члены обоихъ общественныхъ классовъ заботились исключительно объ общемъ интересѣ. Къ числу недостатковъ англійской политической жизни Милль относилъ еще дороговизну выборовъ, потому что она поддерживаетъ преобладающее положеніе въ парламентѣ за богатыми. Такъ какъ большіе расходы при выборахъ поддерживались обѣими политическими партіями, то Милль одинаково порицалъ за это и консерваторовъ, и либераловъ, считая ихъ поведеніе въ данномъ вопросѣ совершенно злонамѣреннымъ. И для тѣхъ, и для другихъ было почти безразлично, кто будетъ голосовать, лишь бы голоса подавались исключительно въ пользу лицъ

ихъ собственнаго класса: они знаютъ, говоритъ Милль, что „имъ нечего опасаться самаго враждебнаго отношенія къ ихъ интересамъ и чувствамъ при самой демократической системѣ подачи голосовъ до тѣхъ поръ, пока демократы не могутъ попасть въ парламентъ“. Своей политикой они добиваются только того, что даютъ свободно развиваться классовымъ чувствамъ массы. Трудно, съ другой стороны, придумать болѣе развращающую систему. Люди вообще не расположены платить большія деньги за право исполненія тяжелой обязанности, и если тѣ или другія лица, не отличающіяся при томъ расточительностью въ благотворительныхъ дѣлахъ, тратятъ значительныя суммы, чтобы сдѣлаться членами парламента, то у кого не явится нелестное мнѣніе о мотивахъ, которыми эти люди руководствуются? Но желая, чтобы кандидаты въ члены парламента не тратили денегъ при выборахъ, Милль не соглашался съ бывшимъ въ ходу у демократовъ требованіемъ, чтобы члены парламента получали жалованье, такъ какъ, опасался онъ, это открыло бы доступъ въ палату людямъ, ищущимъ денежныхъ выгодъ, и авантюристамъ мелкаго калибра. Милль допускалъ только, чтобы лицо, совершенно лишенное самостоятельныхъ средствъ къ существованію, сдѣлавшись членомъ парламента, жило во время исполненія своихъ обязанностей на средства, собранныя подпискою среди его избирателей.

XXX. Крестьянскія реформы середины XIX вѣка [1]).

Общій взглядъ на значеніе 1848 г. въ исторіи крестьянскихъ реформъ.—Перечень законовъ, изданныхъ въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ послѣ 1830 и 1848 гг.—Недостатки прежняго законодательства. — Крестьянскій вопросъ въ ландтагахъ.—Законодательство по крестьянскому вопросу Ганновера, Саксоніи, Гессенъ-Касселя, Бадена, Баваріи, Вюртемберга, Гессенъ-Дармштадта.—Положеніе прусскаго крестьянина передъ 1848 г.—Прусская реформа 1850 г.—Положеніе крестьянъ въ разныхъ частяхъ Австріи передъ 1848 г.—Австрійская крестьянская реформа.—Крестьянская реформа въ Венгріи.—Общій взглядъ на реформы 1830—1850 гг.—Дворянская реакція въ крестьянскомъ вопросѣ послѣ 1848 г.—Переходъ Германіи къ новому общественному строю.

Разсмотрѣвъ исторію національныхъ и политическихъ движеній послѣ революціи 1848 г. и реакціи пятидесятыхъ годовъ, мы перей-

[1]) О крестьянскихъ реформахъ до 1830 г. см. особую главу (XXIII) въ четвертомъ томѣ настоящаго труда. Кромѣ сочиненій, *Sugenheim*'а, *L. Stein*'а, *Hanssen*'а, *Knapp*'а, *Grünberg*'а, *Hausmann*'а, *Doniol*'я, *Ю. Ѳ. Самарина* и др., указанныхъ въ т. IV, на стр. 510—512, см. еще статью проф. *И. В. Лучицкаго* „Крестьяне въ Западной Европѣ“ (Энциклопедическій Словарь Брокгауза-Ефрона, т. XVI). — Освобожденіе крестьянъ на Западѣ (статьи изъ

демъ къ соціальной исторіи за тотъ же періодъ съ конца сороковыхъ годовъ. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе, во-первыхъ, крестьянскія реформы, вызванныя революціей 1848 г., во-вторыхъ, рабочій вопросъ и тѣсно связанное съ нимъ соціалистическое движеніе.

Реакція, наступившая послѣ паденія Наполеона I и снова усилившаяся послѣ іюльской революціи, была крайне неблагопріятна для начатой въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка ликвидаціи старыхъ феодальныхъ отношеній [1]). Несмотря на разные законы, которые изданы были въ предыдущіе періоды для прекращенія помѣщичьей власти надъ крестьянами, остатки старыхъ отношеній еще существовали почти во всей центральной Европѣ. Противъ нихъ рѣшительнѣйшимъ образомъ высказывался либерализмъ, исходившій изъ идеи естественнаго права человѣческой личности на свободу; противъ нихъ высказывалась, конечно, и политическая экономія, указывавшая и на помѣхи земледѣлію, лежавшія въ старыхъ отношеніяхъ, и на бо̀льшую производительность свободнаго труда. Въ число политическихъ требованій буржуазіи всегда входила ликвидація феодальныхъ отношеній, и въ данномъ случаѣ буржуазія дѣйствовала не только во имя принципа свободы личности, собственности и труда, но изъ классовой ненависти къ дворянству съ его сословными привилегіями и реакціоннымъ духомъ. До 1848 г. правительства и помѣщики въ Германіи боялись крестьянскихъ возстаній гораздо болѣе, нежели возстаній городскихъ рабочихъ [2]), а нѣмецкая буржуазія даже охотно смотрѣла на возникновеніе народныхъ безпорядковъ, когда послѣдніе обращались противъ властей—государственной и помѣщичьей [3]). Революція 1848 г. взволновала и крестьянскую массу, которая своимъ содѣйствіемъ не мало обезпечила первый успѣхъ движенія [4]). Нѣмецкіе правительства и дворяне поспѣшили сдѣлать крестьянамъ уступки, чтобы ихъ успокоить, и наиболѣе прочные результаты отъ законодательства 1848 г. остались именно въ этой области. Но какъ-разъ вслѣдствіе того, что крестьяне, удовлетворенные исполненіемъ ихъ требованій отстали отъ революціи и даже перешли на сторону властей, движеніе было обезсилено [5]). Благодаря этому обстоятельству и реакціонному настроенію самой буржуазіи, прави-

---

„Handwörterbuch des Staatswissenschaften"). Изд. *М. П. Водовозовой*. 1897.—*Judeich*. Die Grundentlastung in Deutschland. 1863.—*Knapp*. Grundherrschaft und Rittergut. 1897.—*Stengel*. Die Grundentlastung in Bayern. 1874.

[1]) Кромѣ только-что указанной главы IV тома, см. также выше, стр. 192—193 и 372—373.

[2]) См. выше, стр. 373.

[3]) См. выше, стр. 373.

[4]) См. выше, стр. 512, 514 и др.

[5]) См. выше, стр. 561.

тельства, опираясь на дворянство, духовенство, чиновничество и войско, только и могли мало-по-малу справиться съ движеніемъ и перейти къ чисто реакціонной политикѣ. Послѣдняя отразилась неблагопріятно не только на городскихъ классахъ, но и на крестьянствѣ, и законодательство въ крестьянскомъ вопросѣ въ эпоху реакціи сдѣлало нѣсколько шаговъ назадъ.

Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ исторію крестьянскаго вопроса въ серединѣ XIX в. въ германскихъ государствахъ, равно какъ въ не-нѣмецкихъ частяхъ монархіи Габсбурговъ. Главное содержаніе этой исторіи—законодательство объ уничтоженіи и выкупѣ повинностей крѣпостническаго и феодальнаго происхожденія. „Вообще, говоритъ Зугенгеймъ, авторъ „Исторіи уничтоженія крѣпостничества въ Европѣ", до іюльской революціи во всѣхъ германскихъ государствахъ, гдѣ въ это время уже существовали законы о выкупѣ, на самомъ дѣлѣ выкуповъ совершено было очень мало". Причинами такого явленія были бѣдность, а часто и задолженность крестьянъ, съ одной стороны, и нежеланіе дворянъ, съ другой. И послѣ 1830 г., и въ 1848 г. со стороны дворянства также дѣлались разныя помѣхи законодательнымъ работамъ ландтаговъ надъ крестьянскимъ вопросомъ. Между прочимъ упорство, съ какимъ дворянство отстаивало свои привилегіи, было одною изъ причинъ той ненависти, которую по отношенію къ нему проявило сельское населеніе въ 1848 г.

Іюльская революція, отразившаяся и на Германіи рядомъ политическихъ волненій [1]), вызвала крестьянскія реформы въ Ганноверѣ, Саксоніи и Гессенъ-Касселѣ, гдѣ ранѣе того не было сдѣлано для крестьянъ ничего или почти ничего,—и нѣсколько подвинула впередъ уже прежде начатое крестьянское дѣло въ Баденѣ, Баваріи, Вюртембергѣ и Гессенъ-Дармштадтѣ. Но въ общемъ законодательство тридцатыхъ годовъ было крайне несовершенно, и въ 1848 г. потребовалось новое. Особенно важны были новые законы въ Баваріи (4 іюня 1848 г.), Вюртембергѣ (14 апрѣля 1848 г.), Гессенъ-Касселѣ (26 августа 1848 г. и 20 іюля 1849 г.), потому что они внесли весьма существенныя измѣненія въ прежнія правила о выкупѣ, тогда какъ новые законы, изданные въ Ганноверѣ (19 іюля 1848 г.) и въ Саксоніи (23 ноября 1848 г. и 15 мая 1851 г.), ограничились легкими перемѣнами. Послѣднее можно сказать и о баденскомъ законодательствѣ 1848—1849 гг., но въ Баденѣ къ тому времени выкупъ большею частью уже былъ законченъ [2]). На Пруссіи и Австріи 1830 годъ совсѣмъ не отразился, но револю-

---

[1]) Ср. выше, стр. 59 и слѣд.

[2]) Кромѣ того, въ 1848—1850 гг. были изданы новые законы въ Саксенъ-Кобургѣ, Саксенъ-Веймарѣ, Саксенъ-Мейнингенѣ и др.

ція 1848 г. также заставила оба эти государства заняться ликвидаціей стараго феодальнаго строя.

Прежнее законодательство въ общемъ исходило изъ принципа, принятаго еще физіократами (Тюрго, Бонсерфъ) и примѣненнаго къ уничтоженію феодальныхъ правъ во Франціи въ 1789 г. [1]). Принципъ этотъ заключался въ томъ, чтобы личная зависимость крестьянина отъ помѣщика и вытекающія изъ этой зависимости повинности были уничтожены безвозмездно, а всѣ повинности поземельнаго характера подлежали выкупу. Въ Германіи вообще лишь съ нѣкоторыми исключеніями держались этого принципа, но вопросъ заключался еще въ томъ, насколько были хороши законы о выкупѣ, который долженъ былъ освободить землю отъ лежавшаго на ней бремени повинностей. Разсматривая законы, изданные въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ на этотъ счетъ, мы находимъ, что всѣ они были крайне несовершенны. Во-первыхъ, выкупъ предоставлялся свободному соглашенію сторонъ, а оно достигалось съ большимъ трудомъ, если помѣщикъ былъ противъ выкупа. Во-вторыхъ, крестьянинъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы имѣть возможность единовременнымъ взносомъ извѣстной суммы освободить свою землю отъ поземельной ренты, замѣнившей собою прежнія повинности, тѣмъ болѣе вдобавокъ, что переводъ повинностей на ренту дѣлался по очень высокой оцѣнкѣ, и то же самое можно сказать о капитализаціи ренты. Выкупъ повинностей пошелъ бы гораздо быстрѣе, если бы для него существовали болѣе благопріятныя правила, т.-е. если бы фиксація и капитализація повинностей совершалась по менѣе высокой оцѣнкѣ, а кромѣ того крестьянинъ пользовался бы кредитомъ у казны, и самый выкупъ не ставился бы, по крайней мѣрѣ, фактически въ зависимость отъ согласія или несогласія помѣщиковъ. Не слѣдуетъ забывать, что во многихъ нѣмецкихъ государствахъ за помѣщиками оставалась еще патримоніальная полиція и юстиція, которая вообще держала крестьянъ въ зависимости отъ землевладѣльческаго дворянства и въ частности мѣшала успѣху выкупного дѣла.

Одновременно съ изданіемъ въ отдѣльныхъ государствахъ законовъ о реформѣ крестьянскихъ повинностей этотъ вопросъ разрабатывался и въ литературѣ, въ которой отмѣчались всѣ недостатки дѣйствующаго законодательства. Въ Пруссіи было, напримѣръ, дозволено освобождать крестьянскіе участки путемъ уступки помѣщикамъ извѣстной части земли [2]), что вызывало справедливую критику. Среди публицистическихъ произведеній эпохи особенно важна одна брошюра Штюфе [3]),

---

[1]) См. т. III, стр. 431—432 и 544—545.
[2]) См. т. IV, стр. 537.
[3]) См. т. IV, стр. 524.

въ которой была высказана (1829 г.) мысль о необходимости государству взять выкупную операцію въ свои руки путемъ организаціи особаго кредита для крестьянъ, — мысль, которая и нашла примѣненіе въ законодательствѣ по крестьянскому вопросу послѣ 1830 и 1848 гг. Это было существеннымъ нововведеніемъ, благодаря которому, несмотря на реакцію, такъ скоро наступившую послѣ 1848 г., дѣло освобожденія крестьянской земли быстро двинулось впередъ. Впрочемъ, въ періодъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государство и въ иной формѣ приходило на помощь сельскому населенію въ дѣлѣ выкупа повинностей, беря на себя часть той суммы, какую долженъ былъ платить крестьянинъ. Еще очень важнымъ недостаткомъ нѣмецкаго законодательства въ крестьянскомъ вопросѣ было то, что оно имѣло въ виду улучшеніе быта лишь крестьянъ, на тѣхъ или другихъ условіяхъ владѣвшихъ землею, и совсѣмъ оставляло безъ вниманія земледѣльческихъ рабочихъ [1]), число которыхъ, однако, было весьма значительно [2]). И въ разсматриваемый періодъ этотъ важный вопросъ оставался въ прежнемъ положеніи. Вся разница заключалась въ томъ, что болѣе раннее законодательство благопріятствовало преимущественно лишь одной зажиточной части крестьянства [3]), тогда какъ новые законы старались создать лучшія условія существованія и для менѣе зажиточной части крестьянъ, владѣвшихъ землею.

Изучая эти законы, а особенно знакомясь съ исторіей ихъ выработки, мы видимъ, что въ общемъ они въ значительной мѣрѣ щадили интересы дворянства. Въ тѣхъ германскихъ государствахъ, гдѣ и до, и послѣ 1830 г. существовали представительныя палаты или земскіе чины, законы объ отмѣнѣ феодальныхъ повинностей разсматривались въ этихъ собраніяхъ, въ которыхъ крестьянство или совсѣмъ не было представлено, или было представлено очень слабо. Наоборотъ, дворянство играло въ названныхъ учрежденіяхъ весьма видную роль, съ которою въ законодательной дѣятельности приходилось считаться и правительствамъ, и представителямъ другихъ классовъ общества. Понятно, что законы о выкупѣ проходили не безъ оппозиціи со стороны дворянъ или подвергались по требованію ихъ существеннымъ измѣненіямъ. Обыкновенно толчкомъ, заставлявшимъ правительства и ландтаги браться за рѣшеніе крестьянскаго вопроса, были политическія смуты. Тогда и дворянство дѣлалось сговорчивѣе и уступчивѣе, но лишь только оканчивались народныя волненія и возстановлялся порядокъ, какъ

---

[1]) См. т. IV, стр. 525.
[2]) См. т. IV, стр. 542—543 и др.
[3]) См. т. IV, стр. 538.

начинались попытки повернуть дѣло на старое. Вотъ почему законодательство часто останавливалось на полумѣрахъ или само искажало позднѣйшими измѣненіями лучшія свои начинанія. Только революція 1848 г. оказала болѣе рѣшительное дѣйствіе, хотя реакція пятидесятыхъ годовъ все-таки не прошла безслѣдно.

Въ дальнѣйшемъ мы разсмотримъ исторію крестьянскихъ реформъ въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ.

Въ Ганноверѣ еще ранѣе 1830 г. вторая палата общаго собранія чиновъ не разъ указывала на неотложную необходимость окончательнаго освобожденія крестьянина и земли, но дворянская палата была противъ этого, и на ея сторонѣ стояло также правительство. Въ 1822 г. оснабрюкскіе провинціальные чины выработали даже порядокъ уничтоженія крѣпостничества, но и на это не было обращено вниманія. Революціонное движеніе, проникшее и въ это королевство [1]), заставило герцога Кэмбриджскаго, сдѣланнаго вице-королемъ, приступить къ крестьянской реформѣ. Открывая собраніе наскоро созванныхъ чиновъ 7 марта 1831 г., онъ заявилъ о необходимости облегчить положеніе крестьянъ, ради чего призналъ нужнымъ присутствіе въ собраніи и крестьянскихъ представителей, которые могли бы защищать интересы своего сословія. Дѣйствительно, королевскій указъ 22 февраля 1832 г. призвалъ 16 представителей земледѣльческаго населенія въ палату депутатовъ. Законъ 10 ноября 1831 г. отмѣнилъ въ Ганноверѣ безвозмездно крѣпостничество и личную зависимость со всѣми вытекавшими изъ нихъ повинностями и объявилъ выкупъ всѣхъ поземельныхъ повинностей. Палата депутатовъ при обсужденіи вопроса о подробностяхъ настаивала на томъ, чтобы выкупная сумма опредѣлялась помноженіемъ чистаго ежегоднаго дохода на двадцать, но дворянская палата упорно требовала помноженія ежегоднаго дохода на двадцать пять, и палата депутатовъ вынуждена была уступить. Вполнѣ выработанное законодательство на этотъ счетъ мы находимъ только въ Ablösungs-Ordnung 23 іюля 1833 г. Что касается до патримоніальной судебной власти дворянства, то въ Ганноверѣ она для уголовныхъ дѣлъ была отмѣнена еще въ 1821 г., а затѣмъ бо̀льшая часть помѣщиковъ добровольно отказалась въ пользу государства и отъ гражданской юрисдикціи.

Въ Саксоніи до 1830 г. не производилось никакихъ серьезныхъ реформъ въ крестьянскомъ быту. Въ революціонномъ движеніи, вспыхнувшемъ и здѣсь послѣ іюльской революціи, приняли участіе и крестьяне, потребовавшіе прямо участія въ народномъ представительствѣ. Новая конституція 4 сентября 1831 г. дала крестьянамъ 25 мѣстъ

---

[1]) См. выше, стр. 60.

въ палатѣ депутатовъ (при общей цифрѣ членовъ—75). Затѣмъ законъ 17 марта 1832 г. объявилъ отмѣну наслѣдственнаго подданства и остатковъ всякой личной несвободы крестьянъ, равно какъ и поземельныхъ повинностей [1]).

Хотя гессенское курфюршеское правительство не разъ заявляло оффиціально, что крѣпостничества въ его владѣніяхъ давнымъ-давно не существуетъ, но это было невѣрно, и еще въ двадцатыхъ годахъ въ курфюршествѣ многіе крестьяне лишь за деньги пріобрѣтали свободу. Когда и здѣсь для прекращенія революціи наскоро были собраны 19 сентября 1830 г. чины, которые должны были вмѣстѣ съ курфюрстомъ выработать новую конституцію, то были допущены къ этому и представители крестьянъ. Гессенская конституція 5 января 1831 г. уничтожила въ странѣ крѣпостничество съ наиболѣе ненавистными барщинами и обѣщала изданіе особаго закона о выкупѣ повинностей, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ 16 представителей въ ландтагѣ. Этотъ законъ появился 23 іюня 1832.

Въ Баденѣ въ тридцатыхъ годахъ были изданы законы о выкупѣ десятины и барщинныхъ повинностей. Денежную цѣнность десятины (съ хлѣба, винограда, сѣна и т. п.) опредѣляли въ началѣ XIX в. въ $3^1/_2$ милліоновъ марокъ, и уплачивалась она въ доманіальную казну, помѣстному дворянству и разнымъ учрежденіямъ (школамъ, на постройку и содержаніе церквей и т. п.). Законъ 28 декабря 1831 г. отмѣнилъ нѣкоторыя мелкія десятины (напримѣръ, пчелиную и медовую), однѣ безъ вознагражденія, другія съ выкупомъ, съ участіемъ въ выкупѣ государства и общинъ. Общій законъ о выкупѣ десятины былъ изданъ 15 ноября 1833 г. Помѣщики и крестьяне или общины получили право требовать выкупа, но послѣдній допускался только для цѣлаго округа. Чистый десятинный доходъ, помноженный на 20, долженъ былъ составлять выкупную сумму, но уплату пятой части этой суммы брало на себя государство, которое для облегченія всей операціи учреждало кассу для погашенія десятиннаго долга. Что касается до барщины, то въ виду неудовлетворительности стараго закона 1820 г. объ ея выкупѣ былъ изданъ новый законъ 28 декабря 1831 г. Всѣ барщинныя работы этимъ постановленіемъ отмѣнялись за вознагражденіе, часть котораго платили сами крестьяне, часть—государство и общины, и только государственная барщина отмѣнялась безвозмездно. Выкупная сумма была установлена неодинаковая для барщинныхъ повинностей личнаго и поземельнаго характера: первыя выкупались денежнымъ взносомъ, равнымъ произведенію цифры годичнаго дохода на десять, для вторыхъ послѣдняя цифра была 18.

---

[1]) Спеціалисты считаютъ этотъ законъ однимъ изъ лучшихъ.

Замѣтимъ, что патримоніальная судебная власть въ Баденѣ была уничтожена еще въ 1813 г. Баденское законодательство тридцатыхъ годовъ встрѣтило оппозицію со стороны такъ называемыхъ Standesherren, т.-е. медіатизированныхъ князей, графовъ и бароновъ, которые до 1806 г. были суверенными членами Священной Римской имперіи германской націи [1]). Ихъ было въ Баденѣ очень много, и вотъ, будучи недовольны новыми законами, они протестовали противъ нихъ передъ правительствомъ, жаловались въ союзный сеймъ и даже затѣяли судебную тяжбу, которую проиграли, хотя одна судебная инстанція и присудила въ ихъ пользу увеличеніе выкупа путемъ повышенія множителя съ 18 на 24. Затѣмъ новый законъ о крестьянскихъ поземельныхъ повинностяхъ изданъ былъ въ Баденѣ 10 апрѣля 1848 г. Подъ этотъ законъ были подведены всѣ поземельные оброки, помѣщичьи монополіи, право охоты и рыбной ловли въ чужихъ владѣніяхъ и т. п., причемъ помѣщикамъ обезпечивалось справедливое „вознагражденіе". Изданный черезъ годъ (21 апрѣля 1849 г.) спеціальный законъ уничтожалъ такъ называемые крестьянскіе лены, владѣльцы которыхъ могли превращать такія свои земли въ свободную собственность путемъ выкупа.

Баварія въ дѣлѣ выкупа крестьянскихъ повинностей сильно отстала отъ сосѣднихъ государствъ, и въ ней, какъ раньше, такъ и въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, не было сдѣлано ничего съ цѣлью ускоренія выкупной операціи. Въ 1845 г. въ этомъ государствѣ количество всей поземельной собственности опредѣлялось приблизительно въ 10 милліоновъ гектаровъ, изъ которыхъ около 3 м. г. было подчинено еще феодальнымъ повинностямъ. Принимая въ расчетъ, что въ составъ указанныхъ десяти милліоновъ входили домены и земли привилегированныхъ сословій, мы должны признать, что крестьянская собственность оставалась еще большею частью невыкупленною. Впрочемъ, выкупъ все-таки совершался, и въ 1845 г. въ Баваріи насчитывали болѣе 146 тысячъ новыхъ собственниковъ. Въ 1848 г. мартовская революція опять двинула дѣло впередъ.

Главнѣйшими постановленіями баварскаго закона 4 іюня 1848 г. были переходъ къ государству судебной власти помѣщиковъ подъ условіемъ извѣстнаго вознагражденія, безвозмездная отмѣна всѣхъ барщинныхъ работъ и чисто личныхъ оброковъ, равно какъ нѣкоторыхъ особыхъ повинностей, перечисленныхъ въ законѣ, превращеніе въ ежегодный неизмѣнный оброкъ всѣхъ непостоянныхъ сборовъ (напримѣръ, при переходѣ наслѣдства), запрещеніе устанавливать новыя поземельно-зависимыя отношенія, выкупъ или превращеніе въ неиз-

[1]) См. т. III, стр. 50 и особенно т. IV, стр. 144, 161, 353 и 354.

мѣнный, но подлежащій выкупу поземельный чиншъ всѣхъ неизмѣнныхъ поземельныхъ сборовъ, государственное посредничество при выкупѣ поземельныхъ повинностей и учрежденіе съ этою цѣлью выкупной кассы и т. д. Этимъ же закономъ уничтожалось право охоты на чужой землѣ для всѣхъ частей государства на правомъ берегу Рейна, такъ какъ въ баварскомъ Пфальцѣ это право было уничтожено раньше. По закону 4 іюня 1848 г. выкупная касса вознаграждала лицъ и учрежденія, у которыхъ производился выкупъ повинностей, особыми выкупными свидѣтельствами (Ablösungsschuldbriefe), дававшими 4% въ годъ. Но выкупу подлежали далеко не всѣ поземельные оброки, а только тѣ, для которыхъ до обнародованія закона еще не было установлено опредѣленнаго выкупного капитала, и самый переводъ въ выкупную кассу могъ совершаться лишь послѣ фиксированія оброка и только въ теченіе извѣстнаго срока, который впослѣдствіи былъ продолженъ до 30 сентября 1861 г. За переведенныя въ государственную кассу земельныя ренты она должна была выдавать (своими свидѣтельствами по номинальной ихъ стоимости) въ двадцать разъ увеличенную сумму фиксированныхъ рентъ, тогда какъ при непосредственномъ выкупѣ крестьяниномъ у помѣщика прежнихъ оброковъ выплачиваемая сумма должна была равняться старой суммѣ платежей, помноженной на 18. Такимъ образомъ при посредствѣ выкупной кассы помѣщикъ получалъ больше (на 11%), чѣмъ при непосредственной сдѣлкѣ, и баварскому государственному казначейству приходилось доплачивать разницу, которая составила въ общей сложности сумму въ 26—27 милліоновъ марокъ. Нужно прибавить, что въ разсматриваемомъ законѣ выкупъ былъ объявленъ лишь факультативнымъ и могъ замѣняться фиксированіемъ поземельныхъ оброковъ, т.-е. превращеніемъ ихъ въ неизмѣнный поземельный чиншъ, тоже подлежавшій выкупу. Благодаря этому и нѣкоторымъ другимъ постановленіямъ закона, ходъ выкупной операціи крайне затянулся, и лишь въ 1872 г. (законъ 28 апрѣля) рѣшено было ускорить окончаніе операціи установленіемъ обязательности выкупа и распространеніемъ посредничества выкупной кассы на такіе оброки, которые по закону 1848 г. не подлежали переводу въ эту кассу. Вмѣстѣ съ этимъ закономъ 1872 г. уничтожилъ упомянутую надбавку въ 11%, опредѣливъ, что поземельныя повинности будутъ приниматься въ выкупную кассу съ уплатою суммы, превышающей годичные платежи лишь въ 18 разъ, да и то съ вычетомъ 2% для покрытія расходовъ по управленію. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1869 г. казна выплатила помѣщикамъ въ Баваріи около 114 милліоновъ гульденовъ.

Въ Вюртембергѣ систематическая выкупная операція началась только въ 1836 г. по законамъ 27, 28 и 29 октября, которые уни-

чтожили или объявили подлежащими выкупу нѣкоторые платежи, не затронутые законодательствомъ 1817 г. [1]), установляли правила для выкупа всякаго рода барщинъ и запрещали введеніе даже какихъ-либо суррогатовъ барщины, касались также случайныхъ повинностей и, наконецъ, принимали на казенный счетъ выкупъ всѣхъ этихъ повинностей (въ размѣрѣ, въ 20 разъ превышавшемъ по закону 1817 г. сумму чистаго дохода). По правиламъ о выкупѣ разныхъ повинностей крестьянинъ долженъ былъ выплачивать сумму, превышавшую годичный доходъ помѣщика въ 10 разъ (личная барщина), въ 16 разъ (поземельная барщина) и въ 20 разъ (мелкіе натуральные поборы). Помѣщики получали теперь отъ государства сумму, превышавшую ихъ годичные доходы отъ этихъ повинностей уже въ $20^1/_2$—22 раза, что̀ обошлось государственному казначейству въ 2.000.000 гульденовъ. Прибавимъ, что въ Вюртембергѣ патримоніальная юрисдикція дворянства была уничтожена еще въ 1809 г.

И въ Вюртембергѣ революція 1848 г. подвинула дѣло выкупа. Законъ 14 апрѣля 1848 г. устанавливалъ обязательный выкупъ всѣхъ крестьянскихъ повинностей (а нѣкоторыя изъ нихъ уничтожалъ безвозмездно) и запрещалъ вводить вновь что-либо подобное. Затѣмъ этимъ закономъ измѣнялись прежнія правила о выкупѣ. Выкупная сумма опредѣлялась ежегодными платежами, увеличенными въ 12 (для случайныхъ повинностей) и 16 разъ (для всѣхъ остальныхъ) и разсрочивалась на двадцать пять лѣтъ; для посредничества же между помѣщиками и крестьянами учреждалась государственная выкупная касса. Этотъ основной законъ былъ дополненъ рядомъ другихъ, относящихся къ тому же времени. Таковы законы 1849 г. о выкупѣ помѣщичьихъ монополій (8 іюня), о выкупѣ десятинъ (17 іюня), объ отмѣнѣ права охоты на чужой землѣ (17 августа), объ уничтоженіи или выкупѣ разныхъ повинностей, не предусмотрѣнныхъ прежними законами (24 августа) и т. п. Изъ этихъ законовъ заслуживаютъ особаго вниманія два. Закономъ 13 іюня отмѣнялась введенная раньше принудительность пользованія государственною выкупною кассою, которое предоставлялось такимъ образомъ усмотрѣнію сторонъ. Другой законъ, изданный 4 іюня того же года, безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ уничтожалъ патримоніальную полицію и юстицію. Первый изъ этихъ законовъ, конечно, замедлилъ ходъ выкупной операціи, но такъ какъ для нея былъ все-таки поставленъ срокъ, то затянуться на неопредѣленное время она не могла. Дѣйствительно, въ 1873 г. вся земля въ Вюртембергѣ уже могла считаться освободившеюся отъ старыхъ повинностей феодальнаго и крѣпостническаго происхожде-

[1]) См. т. IV, стр. 541.

нія. Благодаря второму изъ упомянутыхъ законовъ, сельское населеніе избавилось отъ полицейской и судебной власти помѣстнаго дворянства, имѣвшей также феодальное происхожденіе.

Въ Гессенъ-Дармштадтѣ, гдѣ крѣпостное состояніе и крѣпостные платежи, равно какъ и барщина, были уничтожены въ 1811 г. (а частью, именно въ рейнскомъ Гессенѣ, еще французскимъ законодательствомъ), а превращеніе десятинъ въ подлежащія выкупу поземельныя ренты совершилось по законамъ 1816 и 1824 гг., былъ предпринятъ въ тридцатыхъ годахъ и общій выкупъ этихъ рентъ. Законы 27 іюня 1836 г., 20 іюня 1839 г. и 2 февраля 1841 г. (послѣдній для рейнскаго Гессена) объявили всѣ поземельныя ренты, возникшія изъ другихъ повинностей, подлежащими обязательному выкупу за сумму, равную ежегодному доходу, помноженному на 18. Лицо, въ пользу котораго должна была поступить выкупная сумма, получило право вполнѣ въ зависимости отъ своего желанія или брать чистыя деньги или особыя облигаціи государственной кассы для погашенія долговъ, приносившія 4% годового дохода. Гессенскіе Standesherren тоже стали оспаривать правильность примѣненія этого закона къ ихъ землямъ и потребовали, чтобы казна сдѣлала имъ особую приплату къ выкупной суммѣ, опредѣленной закономъ. Когда имъ въ этомъ было отказано, они пожаловались въ союзный совѣтъ, а затѣмъ начали судебный процессъ, въ которомъ, впрочемъ, потерпѣли неудачу. Дѣло это тянулось до 1847 г. [1]). Законодательству 1848—1849 гг. сдѣлать оставалось сравнительно мало: 26 іюля 1848 г. было уничтожено право охоты на чужихъ земляхъ; законъ 6 августа того же года превратилъ въ свободную собственность наслѣдственныя аренды, а законъ 2 мая 1849 г.—крестьянскіе лены и т. п.

Переходимъ теперь къ обѣимъ великимъ нѣмецкимъ державамъ, въ которыхъ мартовская революція тоже содѣйствовала ликвидаціи феодальнаго режима.

Въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи 1848 годъ засталъ еще очень много прежнихъ порядковъ, благодаря большой медленности, съ какою здѣсь совершалась крестьянская реформа. Между прочимъ, по законамъ предыдущаго времени дозволялось выкупать барщину или регулировать свои отношенія къ помѣщикамъ лишь такимъ крестьянамъ, которые имѣли достаточное количество рабочаго скота, были, какъ говорилось, spannfähig. Для сохраненія за помѣщиками пѣшей барщины мелкіе крестьяне, владѣвшіе такъ называемыми spannlose kleine Stelle, не имѣвшіе лошадей или имѣвшіе не болѣе одной ло-

[1]) Недовольны были новыми законами и Standesherren въ Баваріи и въ Вюртембергѣ.

шади, не могли пользоваться правилами о выкупѣ. Впрочемъ, для Силезіи это исключеніе было въ 1845 г. отмѣнено, какъ невыгодное для помѣщиковъ, которые должны были отдавать больше 5% умолота крестьянамъ, отбывавшимъ пѣшую барщину. При регулированіи прусскіе крестьяне, какъ извѣстно, лишались цѣлой трети своей земли [1]), вслѣдствіе чего площадь крестьянскаго землевладѣнія сильно сокращалась. Вотъ какъ вообще характеризуетъ положеніе прусскаго крестьянина передъ 1848 г. упомянутый нѣмецкій историкъ Зугенгеймъ. „Такъ какъ, говоритъ онъ, прусскій крестьянинъ получилъ лишь личную свободу и разрѣшеніе превратить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свое имущество въ свободную собственность, если только находилъ необходимыя для этого средства, но политическая и юридическая эманципація его совсѣмъ не коснулась, то передъ 1848 г. онъ вовсе не былъ вполнѣ свободнымъ человѣкомъ и полноправнымъ гражданиномъ, какимъ былъ англійскій крестьянинъ уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, а французскій со времени революціи 1789 г. Только въ тѣхъ частяхъ монархіи, которыя находились на лѣвомъ берегу Рейна [2]), на долю прусскаго крестьянина выпало это счастье. Вслѣдствіе сохраненія старыхъ порядковъ Пруссія сильно отставала отъ нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствъ въ разсматриваемомъ отношеніи“. Въ самомъ дѣлѣ, въ Пруссіи до 1848 г. продолжала существовать патримоніальная власть помѣщиковъ, которой уже не было во многихъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ (въ Вюртембергѣ, Баденѣ, Ганноверѣ и др.). Владѣльцу рыцарскаго имѣнія (Rittergut) принадлежала вся административная и полицейская власть съ правомъ наказанія за несоблюденіе его распоряженій двухнедѣльнымъ арестомъ и принудительной работой или пятью талерами штрафа. Старосты и крестьянскіе судьи находились подъ надзоромъ помѣщика, который былъ по отношенію къ нимъ и высшею апелляціонною инстанціей. На собственной своей территоріи помѣщикъ былъ единственнымъ судьей по всѣмъ гражданскимъ и менѣе важнымъ уголовнымъ дѣламъ, хотя въ дѣйствительности долженъ былъ передавать свою судебную власть какому-нибудь лицу съ юридическимъ образованіемъ; но то обстоятельство, что такой судья получалъ содержаніе отъ помѣщика, дѣлало изъ него лишь господскаго наемника. За правительственнымъ ландратомъ признавалось право надзора, но этотъ надзоръ былъ чисто номинальнымъ. Любопытно, что люди, находившіеся подъ патримоніальною властью помѣщика, оффиціально даже продолжали называться его подданными. При существованіи такихъ

[1]) См. т. IV, стр. 537.

[2]) Здѣсь крестьянство было освобождено французами, о чемъ т. IV, стр. 170—172 и 540.

отношеній дѣло выкупа земли въ Пруссіи страшно тормазилось, тѣмъ болѣе, что правительственныя учрежденія, которымъ было поручено это дѣло, были организованы дурно и имѣли весьма плохой персоналъ; наконецъ, и самое дѣлопроизводство обходилось дорого. И при существованіи средствъ нужно было обладать большою энергіей, чтобы добиться выкупа противъ воли помѣщика, который, разумѣется, всегда могъ пустить въ ходъ свою полицейскую и судебную власть, чтобы прижать крестьянина, настаивавшаго на выкупѣ, когда онъ самъ былъ противъ этого. Во многихъ частяхъ Пруссіи въ 1848 г. не было совершено и четвертой части выкуповъ. Притомъ тамъ, гдѣ выкупы были уже совершены, выгода отъ нихъ доставалась главнымъ образомъ помѣщику. „Реформа, говоритъ знатокъ исторіи прусскаго крестьянства Кнаппъ, принесла помѣщикамъ неожиданную выгоду: получая отъ крестьянъ землю въ вознагражденіе за повинности и пріобрѣтая крестьянскіе дворы путемъ свободныхъ сдѣлокъ послѣ уничтоженія охраны крестьянства [1]), помѣщики могли увеличивать свои земельныя владѣнія до какихъ угодно размѣровъ; уничтоженіе барщины и замѣна ея наемнымъ трудомъ доставили имъ рабочую силу, при помощи которой можно было завести на мѣсто устарѣвшаго, рутиннаго новое, болѣе раціональное хозяйство“. Реформа значительно увеличила число сельскихъ рабочихъ и въ то же время избавила помѣщиковъ отъ обременительныхъ крестьянскихъ рабочихъ силъ, такъ какъ до освобожденія „наслѣдственно-подданные“ помѣщиковъ пользовались ихъ законною помощью. „Нужно замѣтить, прибавляетъ еще Кнаппъ, что законы о регулированіи нигдѣ не распространялись на дворы поденщиковъ. Все законодательство, продолжаетъ онъ, проникнутое духомъ XVIII вѣка,—если оставить въ сторонѣ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости,—было направлено къ устройству быта лишь тѣхъ сельскихъ жителей, которые имѣли земледѣльческое хозяйство. Все вниманіе законодателя обращено было только на измѣненіе правовыхъ отношеній, препятствующихъ развитію сельско-хозяйственнаго производства“ [2]).

Мартовская революція въ Пруссіи снова поставила на очередь крестьянскій вопросъ, но вскорѣ начавшаяся реакція опять неблагопріятно подѣйствовала на его рѣшеніе. Еще въ апрѣлѣ 1848 г. прусское правительство само приступило къ пересмотру законодательства о крестьянскихъ и помѣщичьихъ отношеніяхъ, обратившись къ провинціальнымъ властямъ съ предложеніемъ прислать свои мнѣнія объ этомъ предметѣ. Именно оно хотѣло явиться передъ національнымъ собра-

[1]) Объ охранѣ крестьянства отъ обезземеленія см. т. IV, стр. 528.
[2]) Ср. т. IV, стр. 539—540.

ніемъ съ готовымъ проектомъ новаго закона, но и само собраніе получило отовсюду такую массу жалобъ и петицій по тому же вопросу, что и безъ правительственнаго предложенія должно было серьезно заняться этимъ дѣломъ. Оно рѣшилось успокоить населеніе изданіемъ закона о пріостановкѣ, по требованію одной изъ сторонъ, начатыхъ дѣлъ о выкупѣ до изданія новыхъ правилъ на этотъ счетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ обязательно должны были быть пріостановлены и возникшіе, но неоконченные еще процессы. Такъ какъ, однако, само собраніе было распущено и затѣмъ политическія обстоятельства вообще сложились такъ, что обѣщанное законодательство замедлилось [1]), то упомянутый Sistirungsgesetz, вмѣсто успокоенія крестьянъ, привелъ къ совершенно противоположному результату, и, напримѣръ, въ Силезіи вспыхнули во многихъ деревняхъ серьезные безпорядки. Между тѣмъ правительство все-таки продолжало работать надъ новымъ законодательствомъ, и въ апрѣлѣ 1849 г. проектъ былъ представленъ королю, чтобы по одобреніи съ его стороны поступить на разсмотрѣніе палатъ. Въ это время въ Пруссіи уже обнаруживалась сильная реакція, и если тѣмъ не менѣе министерство считало нужнымъ издать новые законы, облегчавшіе выкупъ, то лишь въ виду неотложной государственной необходимости. Въ палатахъ предложенія правительства возбудили большія пренія, но основы проекта остались въ общемъ нетронутыми. Зато, наоборотъ, встрѣтилось нѣкоторое затрудненіе со стороны короля. Мы знаемъ, какъ интересовался Фридрихъ-Вильгельмъ IV церковными дѣлами [2]), но между ними и крестьянскимъ вопросомъ существовала та связь, что доходы многихъ церковныхъ мѣстъ состояли какъ-разъ изъ крестьянскихъ повинностей. Померанское духовенство прямо жаловалось королю, что его разоряютъ. Въ самый послѣдній моментъ, именно въ серединѣ февраля 1850 г., Фридрихъ-Вильгельмъ IV потребовалъ отъ министерства, чтобы оно предложило палатамъ, уже принявшимъ законъ, не распространять его на крестьянскія повинности указаннаго характера. Но министерство отстояло свой первоначальный проектъ. Таково было происхожденіе прусскаго законодательства 2 марта 1850 г.; содержаніе же его сводится къ слѣдующимъ пунктамъ. Во-первыхъ, отмѣнялся безъ вознагражденія цѣлый рядъ разнаго вида (числомъ 24) повинностей, являвшихся остатками старыхъ отношеній некрѣпостническаго происхожденія: напримѣръ, право помѣщика требовать отъ крестьянъ работы, оплачиваемой по мѣстной цѣнѣ, или участія въ облавахъ и т. п., а также и особыя помѣщичьи права надъ наслѣдственными

[1]) См. выше, стр. 549.

[2]) См. выше, стр. 649—650.

арендаторами, превращавшимися теперь въ полныхъ собственниковъ. Во-вторыхъ, отмѣнялись нѣкоторыя исключенія изъ права регулированія повинностей, существовавшія въ прежнемъ законодательствѣ. Регулированіе должно было происходить по требованію одной изъ сторонъ, а предпочтительною формою вознагражденія была признана рента, такъ какъ невыкупленными оставались большею частью мелкіе участки, владѣльцамъ которыхъ было бы слишкомъ тяжело уступать помѣщику часть земли для того, чтобы освободить другую. Въ-третьихъ, создавались правила для перевода на денежную ренту подлежавшихъ выкупу повинностей, которыя были классифицированы, какъ послуги (Dienste), оброки зерномъ, другіе натуральные оброки и т. п. Въ четвертыхъ, разъ устанавливалась ежегодная денежная рента, крестьянинъ могъ отъ нея откупаться, внося въ 18 разъ бо́льшую сумму единовременно, но если бы онъ этого не пожелалъ, то выкупъ долженъ былъ совершаться уже при помощи рентнаго банка. Законъ 2 марта 1850 г. учреждалъ рентные банки въ каждой провинціи для посредничества между обѣими сторонами, какъ при взносѣ ежегодныхъ рентъ, такъ и при единовременномъ выкупѣ. Правда, помѣщику банкъ выдавалъ лишь 0,8 того, что самъ получалъ отъ крестьянина; но зато полученіе помѣщикомъ долга, ложившагося на крестьянъ, было вѣрнымъ, а тѣ 0,2, которыя банкъ удерживалъ у себя, должны были входить въ составъ фонда, образованнаго для совершенія операцій погашенія рентнаго долга. Банкъ выдавалъ помѣщику особую денежную бумагу, заключавшую обязательство выплачивать $4^0/_0$ на капиталъ, равный его рентѣ, помноженный на 20. Самъ банкъ долженъ былъ ежегодно погашать часть общаго своего долга путемъ уплаты деньгами за извѣстное количество своихъ обязательствъ, и вотъ для этой операціи и удерживалось ежегодно изъ крестьянскихъ платежей 0,2. Условія регулированія по законодательству 1850 г. оказались въ общемъ довольно тяжелыми. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры. Въ пяти восточныхъ провинціяхъ (въ Пруссіи, Помераніи, Бранденбургѣ, Силезіи и Познани) отъ самаго начала регулированія до конца 1865 г. этимъ путемъ образовалось 83.285 новыхъ собственниковъ, но изъ нихъ 70.579 относится ко времени до конца 1848 г., и если принять въ расчетъ, что въ 1848 г. это дѣло остановилось и возобновилось лишь въ 1850 г., то окажется, что по новому законодательству въ 15 лѣтъ прибавилось лишь 12.706 новыхъ собственниковъ. Это, справедливо замѣчаетъ Кнаппъ, поразительно малая цифра. Въ одной верхней Силезіи было (по даннымъ 1827 г.) около 25 т. крестьянскихъ участковъ, которые по прежнему законодательству не подлежали регулированію, но по новому законодательству, уничтожившему многія ограниченія, большая часть этихъ участ-

ковъ, очевидно, подлежала регулированію, а между тѣмъ лишь половина этой цифры была регулирована въ цѣлыхъ пяти провинціяхъ, изъ которыхъ лишь въ части одной провинціи насчитывалось такое множество мелкихъ участковъ. Однимъ словомъ, законодательство 1850 г., какъ говоритъ Кнаппъ, не достигло цѣли, которую себѣ поставило— провести регулированіе во всемъ объемѣ закона 1811 г. [1]). Впрочемъ, не нужно забывать, что съ теченіемъ времени многіе мелкіе участки слились съ помѣщичьею землею и перестали существовать, какъ участки, которые требовали бы регулированія. Во многихъ случаяхъ новые законы и уже не къ чему было примѣнять: мелкіе крестьянскіе участки совсѣмъ исчезли. Процессъ обезземеленія въ Пруссіи не прекращался за все это время [2]). Трудно точно сказать, во что обошлась прусская регуляціонная и выкупная операція, но имѣющіяся цифры указываютъ на то, что крестьяне должны были выплатить около 20 милліоновъ талеровъ въ видѣ капитала, до 4 м. т. и $55^1/_2$ тысячъ шеффелей ржи въ видѣ ренты и уступили 113 тысячъ моргеновъ земли. По вычисленію одного оффиціальнаго статистика, съ 1816 по 1865 г. въ общей сложности крестьянамъ восточныхъ частей монархіи пришлось выплатить до 214 милліоновъ талеровъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что эту цифру слѣдуетъ увеличить, такъ какъ при переводѣ на деньги цѣна ржи принималась болѣе низкою, чѣмъ она стояла на хлѣбномъ рынкѣ.

Крестьянское населеніе монархіи Габсбурговъ до 1848 г. раздѣлялось на четыре группы. Самую маленькую изъ нихъ составляли свободные крестьяне-собственники въ Тиролѣ и Форарльбергѣ съ трансильванскими нѣмцами (саксами) и частью крестьянъ Истріи и Далмаціи. Тирольскіе крестьяне были даже полноправными гражданами и имѣли представителей въ мѣстныхъ собраніяхъ чиновъ. Вторая группа состояла изъ свободныхъ арендаторовъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, въ итальянскомъ Тиролѣ и въ части Истріи и Далмаціи (въ послѣднихъ областяхъ были и наслѣдственные арендаторы). Въ третью группу входило земледѣльческое населеніе Австріи, Штиріи, Каринтіи, Крайны, Чехіи, Моравіи, Силезіи, Галиціи и другой части Истріи. Въ теоріи крестьяне этихъ областей считались свободными, но на самомъ дѣлѣ были въ полной власти помѣщиковъ, пользовавшихся и патримоніальной юрисдикціей. Чешскіе, моравскіе и галиційскіе

---

[1]) См. т. IV, стр. 536.

[2]) „Четыре восточныя провинціи, говоритъ Кнаппъ, теперь имѣютъ гораздо менѣе крестьянъ (т.-е. мелкихъ собственниковъ и хозяевъ), чѣмъ прежде. Реформа (die Reformgesetzgebung) не только не остановила извѣстнаго процесса, въ силу котораго крупныя помѣстья растутъ на счетъ новыхъ, но, наоборотъ, расчистила ему дорогу“.

крестьяне вдобавокъ были по отношенію къ землѣ лишь наслѣдственными арендаторами. Послѣднюю и самую жалкую группу представляли собою крестьяне въ Венгріи и Трансильваніи, какъ славянскаго и румынскаго, такъ и мадьярскаго происхожденія. De jure они не были уже крѣпостными, не считались прикрѣпленными къ землѣ, но фактически помѣщикъ былъ полнымъ господиномъ своихъ крестьянъ въ качествѣ обладателя судебной власти, дававшей ему право подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и законы XVIII вѣка, нѣсколько облегчавшіе участь крестьянъ, не исполнялись, такъ что, напримѣръ, крестьяне отбывали барщину по усмотрѣнію помѣщиковъ. Жаловаться на нарушеніе закона можно было судьѣ, но судьей былъ самъ помѣщикъ, и жалобщикъ только получалъ розги; апелляціонные суды состояли опять-таки изъ помѣщиковъ. Наконецъ, по закону крестьянскія повинности выкупу здѣсь не подлежали, хотя бы на то было согласіе помѣщика, а у крестьянина были средства выкупиться. Крестьяне и третьей, и четвертой категорій были обязаны отбывать барщину (Roboten) отъ двухъ до трехъ дней въ недѣлю, т.-е. отъ 100 до 150 дней въ годъ. Сами помѣщики, впрочемъ, приходили къ мысли о невыгодности барщины, падавшей на опредѣленные дни недѣли и отнимавшей много времени отъ работы на приходы и уходы, и даже заговаривали о замѣнѣ ея денежными оброками, которые позволяли бы держать наемныхъ рабочихъ, работающихъ каждый день и постоянно находящихся на мѣстѣ. Нѣкоторые помѣщики и переходили къ такой системѣ, причемъ расчеты ихъ затѣмъ вполнѣ оправдывались; но это были лишь рѣдкіе, исключительные случаи. Съ своей стороны, правительство, стоявшее вообще за сохраненіе въ неприкосновенности существующихъ порядковъ, не поощряло подобныхъ сдѣлокъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ монархіи Габсбурговъ поэтому не было ничего сдѣлано для облегченія положенія крестьянъ. Въ 1833 г. венгерскій сеймъ предложилъ установить нѣкоторыя ограниченія въ пользованіи помѣщичьими правами и даже нашелъ нужнымъ начать выкупъ барщины и оброковъ, но правительство, боявшееся всякихъ реформъ, не дало на то своего согласія, и только въ 1839 г. оно утвердило принятое сеймомъ постановленіе о томъ, чтобы разрѣшено было по соглашенію сторонъ выкупать крестьянскія повинности. Въ 1844 г. гр. Деймъ въ сочиненіи своемъ о кредитныхъ учрежденіяхъ, изданномъ чешскими чинами, предлагалъ употребить въ Австріи саксонскій способъ выкупа повинностей [1]), но этотъ проектъ не получилъ движенія. Галиційская рѣзня 1846 г. [2]) показала пра-

[1]) См. выше, стр. 782 и ниже, стр. 797.

[2]) См. выше, стр. 415.

вительству, какъ было опасно держать крестьянъ въ прежнемъ положеніи, но оно ограничилось очень робкимъ патентомъ о барщинѣ (13 апрѣля 1846 г.) и разрѣшеніемъ (12 декабря 1846 г.) крестьянамъ выкупать свои повинности по соглашенію съ помѣщиками.

Въ славяно-нѣмецкихъ областяхъ Австріи главнымъ крестьянскимъ вопросомъ въ 1848 г. былъ вопросъ о барщинѣ. Едва началось революціонное движеніе этого года, какъ галиційскій губернаторъ, гр. Стадіонъ, желая удержать сельское населеніе Галиціи, не забывшее еще 1846 г., отъ новаго возстанія, рѣшился собственною властью отмѣнить состояніе подданства крестьянъ. Центральное правительство въ виду всеобщаго волненія тоже приступило къ рѣшенію крестьянскаго вопроса. Но оно все еще боялось предпринять сразу что-либо такое, что сколько-нибудь выходило бы изъ круга понятій, господствовавшихъ раньше въ высшихъ сферахъ. Оно объявило, напримѣръ, что всѣ барщины и оброки будутъ подлежать выкупу за справедливое вознагражденіе господъ, но не ранѣе слѣдующаго года (11 апрѣля 1848 г.), да и этотъ шагъ былъ сдѣланъ по иниціативѣ чиновъ Нижней Австріи, Штиріи и Каринтіи. Въ своей конституціи 25 апрѣля 1848 г. [1]) оно тоже пообѣщало предложить народному представительству законы о выкупѣ крестьянскихъ повинностей. Когда созванъ былъ учредительный сеймъ, въ немъ оказалось очень много крестьянскихъ депутатовъ — около одной четвертой части всего числа [2]), и весьма естественно, что крестьянскій вопросъ былъ здѣсь поставленъ на первую очередь. Выработанный сеймомъ законъ былъ обнародованъ 7 сентября 1848 г. въ формѣ императорскаго патента. Онъ уничтожалъ всѣ отношенія крестьянскаго подданства и зависимости, равно какъ юридическое различіе между помѣщичьими и крестьянскими землями и предписывалъ освобожденіе земли отъ феодальныхъ повинностей. Отмѣна послѣднихъ должна была совершаться безвозмездно или посредствомъ выкупа, смотря по тому, имѣла ли та или другая повинность происхожденіе въ крѣпостничествѣ либо патримоніальной юстиціи, или же повинность основывалась на владѣніи землею: повинности первой категоріи, какъ и само подданство, уничтожались безвозмездно, для второй же категоріи установлялся выкупъ. Къ числу уничтожаемыхъ безвозмездно правъ были отнесены водочная и пивная монополіи помѣщиковъ, но до введенія новыхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій должны были временно продолжать дѣйствовать прежнія патримоніальныя власти. Этотъ законъ, который справедливо считается единственнымъ прочнымъ результатомъ дѣя-

---

[1]) Ср. выше, стр. 541.

[2]) Ср. выше, стр. 545.

тельности австрійскаго государственнаго сейма 1848 г., былъ дополненъ особымъ императорскимъ патентомъ отъ 4 марта 1849 г., заключавшимъ въ себѣ подробныя правила объ отмѣнѣ поземельныхъ повинностей. Новый законъ раздѣлялъ ихъ на три категоріи: однѣ уничтожались безвозмездно, другія подлежали выкупу по соглашенію сторонъ, третьи—въ силу постановленій закона. Къ первой категоріи повинностей патентъ присоединилъ, напримѣръ, право охоты на чужой землѣ и такъ называемую охотничью барщину. Постановленія о выкупѣ по соглашенію и особенно о выкупѣ за опредѣленное закономъ вознагражденіе, добавлявшіяся особыми позднѣйшими распоряженіями для отдѣльныхъ коронныхъ областей, отличались довольно большою сложностью. Выкупъ повинностей, подлежавшихъ отмѣнѣ за законное вознагражденіе, былъ сдѣланъ обязательнымъ, и къ этой категоріи были отнесены всѣ наиболѣе важныя повинности, лежавшія на крестьянскихъ земляхъ. Вычисленіе размѣра и сроковъ вознагражденія тоже отличалось нѣкоторою сложностью, но въ общемъ принято было капитализировать ежегодную ренту посредствомъ помноженія на двадцать. Пока поземельная рента, въ которую должны были быть превращены старыя повинности, не была выкуплена, она считалась лежащимъ на землѣ долгомъ, и на него распространялась привилегія государственныхъ налоговъ быть взимаемымъ прежде всѣхъ другихъ платежей. Завѣдованіе этимъ дѣломъ было возложено на окружныя коммиссіи, дѣйствовавшія подъ контролемъ высшихъ коммиссій, которыя были учреждены въ отдѣльныхъ коронныхъ областяхъ. Императорскій патентъ 25 сентября 1850 г. повелѣвалъ, далѣе, образовать особый фондъ для выкупа земли (Grundentlastungsfond), который по патенту 11 апрѣля 1851 г. выпускалъ особыя государственныя бумаги для того, чтобы помѣщики, вмѣсто ренты, могли сразу получать капиталъ. Установленныя правительствомъ облигаціи гарантировались между прочимъ и всѣми имуществами, освобождавшимися отъ повинностей, а долгъ, который сдѣлало государство, выпустивъ такія облигаціи, подлежалъ погашенію путемъ тиража въ сорокъ лѣтъ. Къ 1859 г., благодаря быстротѣ, съ которою правительство повело дѣло, выкупная операція въ Австріи была закончена (въ Моравіи въ 1852 г., въ Истріи, Силезіи, Чехіи и Зальцбургѣ въ 1853 г., въ Австріи, Крайнѣ, Штиріи, Тиролѣ и Каринтіи въ 1854 г. и т. д.). Наконецъ, въ конституцію 1867 г. была включена и особая статья, провозглашавшая упраздненіе крѣпостническихъ отношеній и запрещавшая когда бы то ни было налагать на недвижимую собственность не подлежащія выкупу повинности.

Особенность австрійскаго закона о выкупѣ заключалась въ томъ, что при опредѣленіи цѣнности выкупаемыхъ повинностей вычиталась треть въ качествѣ налога, который платился помѣщикомъ съ дохода

отъ этихъ повинностей, расходовъ по ихъ взиманію и т. п. Изъ остальныхъ двухъ третей крестьянинъ уплачивалъ одну треть самъ, другую уплачивала казна отдѣльныхъ областей монархіи; если же то, что долженъ былъ уплачивать крестьянинъ, превышало двѣ пятыхъ его ежегодно чистаго дохода, въ такомъ случаѣ и недостающую сумму брало на себя государство. Расходы на эту операцію казна возмѣщала прибавкою къ поземельному налогу, падавшему на всѣхъ землевладѣльцевъ. Впрочемъ, эта система касалась только повинностей, отмѣнявшихся за „справедливое вознагражденіе“ (billige Entschädigung), а въ случаяхъ повинностей, подлежавшихъ „принудительному выкупу“ (gezwungene Ablösung) обѣ трети должны были платиться вполнѣ самимъ лицомъ, выкупавшимъ эти повинности. Капиталъ, потребный для освобожденія земли и вознагражденія помѣщиковъ по всей имперіи, составлялъ около 2100 милліоновъ гульденовъ, но за вычетомъ изъ этой суммы указанной трети помѣщики должны были получить 700 милліоновъ гульденовъ отъ крестьянъ и столько же отъ казны [1])

Одновременно совершалась ликвидація крѣпостническихъ отношеній и въ земляхъ короны св. Стефана. Венгерскій сеймъ закономъ 18 марта 1848 г., получившимъ санкцію 1 апрѣля, уничтожилъ на вѣчныя времена отношенія подданства, при чемъ вознагражденіе помѣщиковъ было поставлено „подъ охраняющій щитъ національной чести“. Этотъ же законъ отмѣнилъ съ согласія духовенства церковную десятину безъ всякаго вознагражденія. Подавленіе венгерской революціи сдѣлало недѣйствительными всѣ постановленія революціоннаго сейма, и дѣло крестьянской реформы было взято австрійскимъ правительствомъ въ свои руки. Именно на венгерскія земли было распространено австрійское законодательство патентами 3 марта 1853 г. (для Венгріи, Хорватіи, Славоніи и воеводства Сербскаго) и 21 іюня 1854 г. (для Трансильваніи). Въ этихъ патентахъ, впрочемъ, допущены были нѣкоторыя отступленія отъ правилъ, признанныхъ справедливыми для другихъ частей монархіи, и, напримѣръ, размѣръ вознагражденія вычислялся болѣе выгоднымъ для помѣщиковъ образомъ. Конечно, въ данномъ случаѣ правительство боялось раздражать и безъ того крайне недовольное венгерское дворянство.

Принятыя правила о выкупѣ поземельныхъ повинностей отличались большимъ разнообразіемъ [2]). Вездѣ старыя помѣщичьи права дѣлились на двѣ категоріи, а въ Австріи они были раздѣлены даже на

---

[1]) Нѣкоторыя интересныя указанія можно найти въ старой статьѣ Гакстгаузена „Объ отмѣненіи и выкупѣ помѣщичьихъ господскихъ правъ въ Австріи“ (Рус. Вѣстн., 1857). Подробности въ книгѣ *Czoernig'a* Oesterreiche Neugestaltung. 1858.

[2]) См. сравнительную ихъ оцѣнку у *Зугенгейма*, кн. V, гл. 6.

три категоріи. Самое распредѣленіе отдѣльныхъ повинностей по категоріямъ происходило различнымъ образомъ, и не всегда одинаковыя повинности въ разныхъ государствахъ подвергались безвозмездному уничтоженію. По вопросу о томъ, кому должно было принадлежать право требовать выкупа, т.-е. крестьянину или помѣщику или же одинаково и тому, и другому, законодательства отдѣльныхъ государствъ тоже расходились между собою. Лишь одно австрійское законодательство въ этомъ вопросѣ выдвинуло впередъ починъ самихъ выкупныхъ учрежденій и благодаря этой системѣ, особенно быстро и пошла выкупная операція въ Австріи [1]). Но особенно былъ сложенъ вопросъ о способахъ вознагражденія помѣщиковъ и объ изысканіи денежныхъ средствъ для этого. Въ указанномъ отношеніи господствовало тоже большое разнообразіе. Прусское, саксонское и ганноверское законодательства установили три способа для выкупа повинностей: денежную ренту, уплату капитала и уступку части земли [2]), но баварское и австрійское знаетъ только первые два способа. Далѣе, способъ погашенія капитальнаго долга устанавливался неодинаковый въ отдѣльныхъ государствахъ, а въ Австріи сразу вводилось два способа съ предоставленіемъ права выбирать любой крестьянину. Отъ другихъ законодательствъ австрійское отличалось еще тѣмъ, что въ выкупной операціи оно совершенно исключало непосредственныя сношенія сторонъ, такъ какъ крестьяне выплачивали выкупныя деньги государству, и уже казна платила помѣщикамъ, чѣмъ сразу устранялись всѣ обязательныя отношенія бывшихъ подданныхъ къ ихъ бывшимъ господамъ. Выкупныя деньги взимались одновременно съ государственными налогами и поступали въ упомянутые Grundentlastungs-Fond'ы отдѣльныхъ областей. Эти кассы были единственными кредиторами крестьянъ и должниками помѣщиковъ. Вообще старый недостатокъ всѣхъ законодательствъ, разрѣшавшихъ выкупъ повинностей и создававшихъ для этого особыя правила, но не облегчавшихъ для крестьянъ самое совершеніе выкупа, въ послѣднихъ законодательныхъ мѣрахъ главныхъ германскихъ государствъ, устранялся учрежденіемъ особыхъ выкупныхъ кассъ и свидѣтельствъ. Впервые это было сдѣлано въ Пруссіи для нѣсколькихъ округовъ Вестфаліи (1834—1836), графства Виттгенштейнъ (1839) и Эйхсфельда (1845), гдѣ особая бѣдность и задолженность крестьянъ вынудила учредить „погасительныя кассы“ (Tilgungskässen), ссужавшія крестьянъ деньгами для выкупа повинностей, но общей мѣры изъ этого правительство дѣлать не хотѣло, несмотря на то, что его прямо о томъ просили въ нѣкоторыхъ частяхъ

[1]) См. выше, стр. 794.

[2]) О послѣднемъ способѣ см. выше, но особенно т. IV, стр. 537.

монархіи. Въ видѣ общей мѣры къ этому способу прибѣгли ранѣе всего Саксонія и Гессенъ-Кассель, гдѣ такія кассы были учреждены въ 1832 г., а за ними въ 1841 г. послѣдовалъ Ганноверъ, хотя здѣсь чины подняли вопросъ объ этомъ еще въ 1831 г. Въ 1848—1850 гг. къ государствамъ, оказывавшимъ помощь крестьянамъ при выкупѣ повинностей, присоединились Баварія, Пруссія и Австрія. Эти фонды или кассы носили разныя названія (кромѣ приводившихся раньше, отмѣтимъ ганноверское „Landes-Creditanstalt"), но сущность дѣла была одна. Они посредничали между обѣими сторонами, выдавая помѣщикамъ долговыя обязательства, приносившія извѣстный процентъ, но требуя съ крестьянъ нѣсколько бо̀льшій процентъ, чѣмъ сами уплачивали помѣщикамъ. Въ подробностяхъ опять существовало большое разнообразіе. Неодинаково были организованы и коммиссіи, производившія оцѣнку выкупаемыхъ крестьянами повинностей. Только австрійское правительство само опредѣлило особыми общими правилами цѣнность отдѣльныхъ повинностей. При отмѣнѣ барщины въ Австріи принятъ былъ принципъ оцѣнивать барщинную работу въ размѣрѣ двухъ третей стоимости вольнонаемнаго труда, но самый либеральный законъ въ данномъ отношеніи былъ баварскій, отмѣнившій эти работы безъ вознагражденія. Капитализація средней годовой цѣнности отмѣняемыхъ повинностей производилась тоже различнымъ образомъ. Болѣе ранніе прусскіе законы опредѣляли выкупную сумму помноженіемъ годового дохода на 25, что̀ первоначально было принято и въ Саксоніи съ Ганноверомъ, но потомъ этотъ высокій множитель былъ пониженъ. Мы видѣли, что отдѣльныя законодательства устанавливали цифры $22^1/_2$, 20, 18, 16 и даже 10. Въ маленькихъ государствахъ главнымъ образомъ только подражали болѣе крупнымъ, хотя лишь немногія (въ пятидесятыхъ годахъ Нассау, Саксенъ-Альтенбургъ и Саксенъ-Мейнингенъ) учредили у себя рентные банки для облегченія выкупной операціи.

На ходѣ крестьянскаго дѣла въ пятидесятыхъ годахъ крайне неблагопріятно отозвалась общая реакція этой эпохи. Нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ исторіи разныхъ государствъ, укажетъ, къ чему стремилось и чего достигало въ это время нѣмецкое дворянство. Во-первыхъ, гессенъ-дармштадтскіе Standesherren [1]) опять пожаловались въ союзный сеймъ на нарушеніе ихъ правъ законами о выкупѣ крестьянскихъ повинностей. Правительство, не желая усложнять и безъ того натянутыя отношенія, съ согласія палаты депутатовъ вошло съ недовольными аристократами въ сдѣлку на счетъ особаго ихъ вознагражденія изъ государственной казны. Правда, при этомъ Standesherren пони-

[1]) См. выше, стр. 786.

зили свои требованія, но все-таки казнѣ эта сдѣлка стоила около 800 тысячъ гульденовъ. Въ другихъ государствахъ Standesherren тоже протестовали противъ новыхъ законовъ, но въ союзный сеймъ не обращались, предпочитая добиваться своего путемъ переговоровъ съ мѣстными правительствами. Частью они кое-что и получили, но больше ихъ оппозиція приводила только къ замедленію выкупной операціи. Въ Пруссіи тоже дѣйствовала феодальная реакція, прямо стремившаяся къ возстановленію сословныхъ привилегій. Одна изъ статей прусской конституціи гласила, что всѣ подданные равны передъ закономъ, и что для сословныхъ отличій въ государствѣ нѣтъ уже болѣе мѣста. Статья эта, какъ и вся конституція, отмѣнена не была, но косвеннымъ путемъ вопреки ей были возстановлены многія дворянскія привилегіи. По старымъ законамъ, бракъ дворянина съ недворянкою считался недѣйствительнымъ, и съ 1848 г. прусскіе суды признавали это постановленіе отмѣненнымъ, но въ 1851 г. стали находить такіе браки недѣйствительными, чѣмъ предрѣшали вопросы о законности рожденія и наслѣдственныхъ правахъ дѣтей отъ такихъ браковъ. Прямо возстановлены были и нѣкоторые спеціально-дворянскіе законы объ имуществахъ. Владѣльцы рыцарскихъ имѣній получили особыя права, и самое превращеніе верхней палаты въ палату господъ, совершившееся въ 1854 г. [1]), было нарушеніемъ демократическаго принципа конституціи. Возстановлены были въ 1853 г. и дворянскія привилегіи въ областномъ устройствѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что очередь дошла до возвращенія владѣльцамъ рыцарскихъ помѣстій и патримоніальной власти, что произошло въ 1856 г. Между прочимъ, все это можетъ служить иллюстраціей къ тому, въ чемъ заключались стремленія феодальной партіи въ Пруссіи. Понятно, что при такихъ условіяхъ крестьянская реформа должна была встрѣчать постоянныя помѣхи. Не прошло и года со дня изданія прусскаго закона 2 марта 1850 г., какъ со стороны дворянства сдѣлана была попытка снова подвергнуть разнымъ ограниченіямъ право крестьянъ выкупать свои земли. Помѣщики жаловались, что новый законъ наноситъ ущербъ ихъ правамъ собственности, и Фридрихъ-Вильгельмъ IV, который и раньше относился къ закону не очень благосклонно [2]), велѣлъ министру Вестфалену представить ему докладъ по этому дѣлу. Декларацiей 24 мая 1853 г. были затѣмъ внесены въ законъ для нѣкоторыхъ мѣстностей желательныя для дворянъ ограниченія. Потомъ (въ 1855 г.) юнкерская партія въ палатахъ стала добиваться установленія срока, до котораго должно

[1]) См. выше, стр. 631—632.

[2]) См. выше, стр. 789.

было бы произойти регулированіе, хотя это было равносильно тому, чтобы масса участковъ не могла воспользоваться закономъ 2 марта 1850 г. Реакціонерамъ удалось добиться своей цѣли и законъ 16 марта 1857 г. установилъ для объявленій о регулированіи срокъ 31 декабря 1858 г., послѣ котораго законъ 2 марта 1850 г. уже совершенно терялъ свою силу. Впрочемъ, говоритъ Кнапп, если владѣльцы отдѣльныхъ участковъ не воспользовались правомъ регулированія, то въ этомъ былъ виноватъ не столько упомянутый „Präklusionsgesetz“ 1857 г., сколько самый законъ о регулированіи. Между прочимъ, благодаря сильному вліянію реакціи на прусское законодательство 1850—1857 г., въ монархіи Гогенцоллерновъ выкупная операція шла не такъ быстро, какъ въ Австріи, и не завершилась съ такою полнотою, какъ въ этомъ послѣднемъ государствѣ.

Какъ бы то ни было, однако, крестьянскія реформы 1848—1850 гг. значительно содѣйствовали переходу Германіи отъ средневѣкового, феодальнаго устройства общества къ новому, капиталистическому. Уничтоженіе крѣпостническихъ отношеній, освобожденіе земли отъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, продолжавшееся обезземеленіе крестьянства не могли не отразиться на всемъ экономическомъ бытѣ нѣмецкой націи [1]).

XXXI. Соціальное движеніе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ [2]).

Вліяніе реакціи пятидесятыхъ годовъ на соціальное движеніе.—Разложеніе союза коммунистовъ и кельнскій процессъ коммунистовъ.—Оживленіе соціальнаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ. — Національныя различія въ рабочемъ движеніи. — Англійскій трэдъ-юніонизмъ и соціализмъ.—Экономическія воззрѣнія Милля.—Рабочее движеніе во Франціи и вторая имперія.—Дѣятельность французскихъ соціалистовъ послѣ 1848 г.—Прудонъ и мутуалистическое движеніе во Франціи.—Особенный характеръ рабочаго движенія въ Германіи.—Дѣятельность Маркса въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.—Лассаль и возникновеніе рабочей партіи въ Германіи. — Международное общество рабочихъ.—Первое появленіе анархизма.

Реакція пятидесятыхъ годовъ отразилась и на соціальномъ движеніи. Это движеніе, какъ мы знаемъ, страшно напугало буржуазію,

---

[1]) Объ этомъ см. въ VI томѣ.

[2]) *Ланге.* Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. 1892.—*Scheel.* Die Theorie der socialen Frage.—1871.—*Contzen.* Geschichte der socialen Frage. 1877.—*H. Herkner.* Die Arbeiterfrage. 1897.—*Ludwig Stein. Die sociale Frage im Lichte der Philosophie.* 1897.—См. также общія исторіи

которая стала искать спасенія въ сильной власти противъ соціальнаго переворота, а съ своей стороны, правительства, которыя враждебно относились къ какимъ бы то ни было политическимъ движеніямъ, приняли особенно строгія мѣры противъ соціализма и рабочихъ обществъ. Извѣстный французскій излагатель соціалистическихъ ученій Рейбо [1]) считалъ себя впослѣдствіи въ правѣ сказать, что соціализмъ скончался и что вести о немъ рѣчь можно только на заупокойной службѣ. Дѣйствительно, на весьма долгое время о соціализмѣ совсѣмъ почти перестали говорить, и возрожденіе его въ шестидесятыхъ годахъ должно было многимъ показаться совершенною новостью. Послѣ не-

---

соціализма и коммунизма, указанныя въ т. IV, на стр. 516 (книги *Graham'a*, *Bouctot*, *Malon'a*, *Warschauer'a*, *Limanowskiego)* и выше, стр. 186, 201, 280 и 371 (*Meyer'a*, *Sombart'a*, *Berghoff-Ising'a*, *Ferraz'a*, *Gumplowicz'a* и др.).—*Stegeman und Hugo.* Handbuch der Socialismus. 1894—1895 (словарь)-—*Schäffle.* Die Quintessenz des Socialismus. 1875.—*A. Menger.* Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 1886.—*Лавелэ.* Современный соціализмъ. 1882.—*Kircup.* History of socialism. 1892.—*A. Метенъ.* Соціализмъ въ Англіи. 1898.—*Sidney Webb.* Englands Arbeiterschaft 1837 und 1897. 1898 (перев. съ англійскаго).—*S. and B. Webb.* The history of Trade Unionism.—*R. Giffen.* The progress of the warking classes during the last halp-century. 1887.—*B. Potter* (г-жа Веббъ). The cooperative movement in Great Britain. 1896.- *П. де Рузье.* Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. 1898.—*L. Brentano.* History of gilds and origin of trade-unions. 1870.—*R. Archey Woods.* English social-movements. 1895.—*Howell.* The conflicts of capital and labour historically and economically considered, being a history and review of the trade-unions of Great-Britain. 1878.—*Его-же.* Trade-Unionism, old and new. 1891 (есть франц. переводъ).—*Baernreither.* Die englischen Arbeiterverbände. 1886.—Для Германіи *Adler.* Geschichte der ersten socialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland. 1885.—*Bourdeau.* Le socialisme allemand contemporain. 1892.—*Mehring.* Geschichte der deutschen Socialdemocratie. 1897. (Вторая часть этого труда, законченная въ 1898 г., доведена до 1891 г.)—*Ed. Joerg.* Geschichte der social-politischen Parteien. 1867.—*H. von Scheel.* Unsere social-politischen Parteien. 1878 (въ обоихъ послѣднихъ объ образованіи соціально-демократической партіи въ эпоху конфликта).—О Лассалѣ: біографіи и характеристики *Brandes'a* (1888 г. 2 изд.), *Plener'a* (1884), *Lenbach'a* (1887), *Kegel'я* (1890), *Kohut'a* (1889), *Becker'a* (Geschichte der Arbeiteragitation F. Lassalles. 1874—1875), *Dawson'a* (German socialism and Lassalle, 1891), *Seillière* (Études sur Ferdinand Lassalle, fondateur du parti socialiste en Allemagne. 1898), *G. Mayer'a* (Lassale, als Sozialoekonom. 1894), *Brandt'a* (F. Lassalles socialoekonomische Anschauungen und praktische Vorschläge. 1895), *Классена* (Жизнь Ф. Лассаля въ связи съ его научной и общественной дѣятельностью. 1896).—О Шульце-Деличѣ соч. *Lippert'a* (1884). Въ дополненіе къ литературѣ, указанной въ главахъ XIII и XVI (стр. 280 и 371) отмѣтимъ *Sainte-Beuve.* Proudhon. 1873.—*М. Филипповъ.* Прудонъ, какъ идеологъ мелкой буржуазіи („Научное Обозрѣніе". 1898). *W. Sombart.* Friedrich Engels. Ein Blatt zur Entwicklungsgeschichte des Sozialismus. 1895. Литература о Международномъ обществѣ рабочихъ будетъ указана въ VI т.

[1]) См. выше, стр. 382—383.

удачи, постигшей движеніе 1848—1849 гг., соціалисты должны были бѣжать или подвергались насильственному изгнанію и находили пріютъ только въ Лондонѣ. Великія державы не мѣшали демократическому развитію Швейцаріи лишь подъ условіемъ, чтобы она не злоупотребляла своимъ правомъ убѣжища. Однихъ нѣмецкихъ политическихъ эмигрантовъ было здѣсь около 11 тысячъ человѣкъ, и большая часть ихъ должна была выселиться потомъ въ Америку. Правда, въ отдѣльныхъ швейцарскихъ кантонахъ продолжали еще свое существованіе нѣмецкіе рабочіе союзы, и ихъ насчитывалось двадцать четыре, но всѣ они были весьма незначительны по количеству своихъ членовъ, колебавшемуся между цифрами 6 и 112. Среди этихъ союзовъ начала устанавливаться связь, о чемъ особенно хлопоталъ будущій вождь нѣмецкой соціальной демократіи, Вильгельмъ Либкнехтъ, въ то время совсѣмъ еще молодой человѣкъ. Онъ совершенно открыто, пользуясь швейцарскою политическою свободою, занялся даже устройствомъ въ февралѣ 1850 г. общаго съѣзда ихъ делегатовъ въ маленькомъ городкѣ Муртенѣ. Едва, однако, явились сюда представители 16 союзовъ, какъ немедленно были арестованы и обвинены въ намѣреніи сдѣлать новое нападеніе на Баденъ съ цѣлью начать въ Германіи неспроверженіе всѣхъ законныхъ властей и всѣхъ установленныхъ порядковъ. Затѣмъ нѣмецкіе рабочіе союзы въ Швейцаріи были поставлены подъ особый надзоръ полиціи, а члены не состоявшагося муртенскаго съѣзда въ количествѣ 296 человѣкъ изгнаны, причемъ ихъ имена были сообщены дипломатическимъ путемъ германскимъ правительствамъ. Въ томъ же 1849 г. въ Лондонѣ была сдѣлана попытка возобновленія союза коммунистовъ, но скоро окончилась совершенною неудачею, благодаря полному паденію въ началѣ пятидесятыхъ годовъ всякой политической жизни на континентѣ. Въ это время Марксъ и Энгельсъ издавали въ Лондонѣ „Neue Rheinische Zeitung“, гдѣ старались научнымъ образомъ объяснить возникновеніе и исходъ движенія 1848—1849 гг., и тотъ взглядъ, къ которому они пришли, былъ очень неблагопріятенъ для мысли о возобновленіи движенія. Причиною только-что пережитыхъ событій и притомъ „гораздо болѣе важною, чѣмъ февральская революція“, они признали открытіе золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи, которое, по ихъ мнѣнію, должно было произвести болѣе значительное вліяніе, чѣмъ то, какое въ свое время имѣло открытіе Америки. Калифорнійское золото должно призвать къ жизни западный берегъ американскаго материка, превратить Великій океанъ въ новый путь всемірной торговли, внести цивилизацію на восточные берега Азіи. Настоящею причиною революціи былъ, по этому объясненію, всемірный торговый кризисъ 1847 г., какъ причиною контръ-революціи сдѣлалось процвѣтаніе промышленности, по-

степенно усилившееся въ 1850 г. [1]). Такой выводъ, ставившій всю исторію въ полную независимость отъ людскихъ желаній, былъ неблагопріятенъ для революціонной агитаціи въ прежнемъ духѣ и отвлекъ отъ нея многихъ членовъ союза коммунистовъ, хотя и вызвалъ оппозицію со стороны другихъ. Въ центральномъ комитетѣ союза произошли поэтому раздоры, и главнымъ противникомъ Маркса выступилъ Виллихъ, бывшій офицеръ революціи, человѣкъ страстный и увлекающійся, но лишенный всякаго философскаго или историческаго и политическаго или экономическаго образованія. Марксъ напалъ на Виллиха и его единомышленниковъ за то, что они въ качествѣ догматическихъ идеалистовъ революціи совсѣмъ не считаются съ дѣйствительными отношеніями, думая, что сразу могутъ добиться власти для пролетаріата, и при этомъ самымъ вреднымъ образомъ льстя національному чувству и сословнымъ предразсудкамъ нѣмецкихъ ремесленниковъ. „Какъ демократы, говорилъ онъ своимъ противникамъ, сдѣлали изъ слова „народъ“ какое-то святое существо, такъ и вы дѣлаете какое-то святое существо изъ слова „пролетаріатъ“. Дѣло кончилось расколомъ въ союзѣ. Виллихъ основалъ особый „Международный демократическо-соціалистическій комитетъ“, вступившій въ дѣятельныя сношенія съ единомышленными тайными обществами его о Франціи, Бельгіи и Швейцаріи, пока на слѣды этой организаціи не напала полиція Наполеона III. Большинство членовъ комитета прежняго союза рѣшило перенести главное его управленіе въ Кельнъ, гдѣ и были бы выбраны новыя лица, которыя стали бы во главѣ союза, но большинство членовъ самого союза пошло за Виллихомъ. Послѣдній всячески старался помѣшать образованію кельнской организаціи, но не имѣлъ въ этомъ отношеніи успѣха. Въ концѣ 1850 г. устроилось въ Кельнѣ новое правленіе союза и послало четырехъ эмиссаровъ въ разныя части Германіи, чтобы завязать сношенія съ мѣстными рабочими обществами, но уже эти эмиссары почти не нашли никакихъ подобныхъ обществъ. Одинъ изъ этихъ агентовъ кельнскаго комитета весною 1851 г. былъ арестованъ въ Лейпцигѣ, и при немъ захватили массу компрометтирующихъ бумагъ. Началось строгое слѣдствіе, которое привело къ отдачѣ подъ судъ за государственную измѣну одиннадцати членовъ союза. Это открытіе надѣлало много

[1]) Въ настоящее время дѣлаются попытки такимъ же образомъ объяснить и европейскій кризисъ 1859 г. Напримѣръ, Мерингъ въ сочиненіи, названномъ на стр. 371, говоритъ о томъ, какъ „die Wirkungen der grossen Handels-Krise von 1857 die europäischen Massen in neue politische Bewegung brachte“, разумѣя подъ этимъ итальянское движеніе и оживленіе революціоннаго духа во Франціи. Но post hoc еще не значитъ propter hoc, а правильности своего вывода авторъ ничѣмъ фактически не доказываетъ.

шума, и всему заговору былъ приданъ болѣе серьезный характеръ, нежели то было на самомъ дѣлѣ. Союзъ вовсе не имѣлъ характера заговора, тѣмъ болѣе, что сами его основатели были противниками всякихъ комплотовъ и даже объ этомъ прямо заявляли въ своихъ воззваніяхъ, уставахъ и программахъ. Это было простое, хотя и тайное общество пропаганды, но въ уголовномъ кодексѣ за участіе въ такихъ обществахъ не полагалось никакихъ наказаній. Судебная инстанція, отъ которой зависѣло преданіе суду арестованныхъ коммунистовъ, не нашла въ ихъ дѣяніяхъ состава преступленія, въ которомъ ихъ обвиняли, и предложила дополнить слѣдствіе (октябрь 1851 г.). Между тѣмъ одинъ тайный агентъ прусской политической полиціи, посланный въ Лондонъ, сумѣлъ выкрасть переписку нѣкоторыхъ членовъ виллиховской партіи, изъ которой узналъ о существованіи единомышленныхъ съ нею обществъ въ Парижѣ. Объ этомъ было сообщено французской полиціи, и такъ какъ эти общества вполнѣ оказались подходящими подъ понятіе заговора, то нѣсколько нѣмецкихъ рабочихъ, жившихъ въ Парижѣ, въ февралѣ 1852 г. судились присяжными и были приговорены къ болѣе или менѣе продолжительнымъ срокамъ тюремнаго заключенія. Впрочемъ, и это дѣло не давало никакого новаго матеріала для обвиненія кельнскихъ коммунистовъ. Тогда опять начаты были поиски, которые должны были доставить новые документы; такъ какъ ихъ нигдѣ не находилось, то судебное разбирательство все откладывалось. Черезъ полтора года напрасныхъ стараній подкрѣпить обвиненіе новыми данными правительство рѣшилось наконецъ судить обвиняемыхъ. Процессъ длился шесть недѣль—отъ 7 октября до 12 ноября 1852 г.; суду полицейскіе агенты представили подложные документы и ложныя свидѣтельства, чтобы подвести дѣянія подсудимыхъ подъ статью закона о политическомъ заговорѣ. Во время процесса въ Лондонъ посылались особые агенты за новыми данными, но и защитники подсудимыхъ получали отъ Маркса все, что только было необходимо для опроверженія обвиненія. Даже сама кельнская прокуратура вынуждена была говорить о неподлинности нѣкоторыхъ документовъ. По ходу процесса всѣ ожидали оправдательнаго приговора присяжныхъ, какъ о томъ говорилось и въ печати (и нѣмецкой, и англійской), желавшей подготовить общественное мнѣніе къ такому неблагополучному исходу дѣла. Но присяжные нашли улики достаточными, и изъ одиннадцати подсудимыхъ семеро были признаны виновными и приговорены къ тюремному заключенію отъ трехъ до шести лѣтъ. Послѣ этого процесса союзъ коммунистовъ распустилъ себя, мотивируя такое рѣшеніе тѣмъ, что послѣ ареста кельнскихъ его сочленовъ прекратились всѣ его связи съ континентомъ, и что вообще при данныхъ

обстоятельствахъ подобнаго рода общество пропаганды несвоевременно. Правда, и послѣ этого дѣлались еще попытки мѣстныхъ организацій, но всѣ онѣ кончались неудачею. „Братское общеніе рабочихъ“ [1]) въ Германіи еще нѣкоторое время существовало безпрепятственно, но хотя на общемъ собраніи своемъ въ февралѣ 1850 г. оно явно стало на сторону полнаго отказа отъ какой-либо политической программы, тѣмъ не менѣе уже въ серединѣ того же года одновременно въ Пруссіи, Баваріи и Саксоніи эта организація была запрещена властями, такъ какъ законодательство этихъ странъ не допускало взаимнаго общенія между политическими союзами. 13 іюля 1854 г. германскій союзный сеймъ обязалъ всѣ правительства въ теченіе двухъ мѣсяцевъ закрыть всѣ рабочіе союзы и общества, ставящіе себѣ политическія, соціалистическія и коммунистическія цѣли и не допускать образованія новыхъ. Однимъ изъ иниціаторовъ этого закона былъ прусскій членъ союзнаго совѣта Бисмаркъ.

Во Франціи еще раньше этого былъ изданъ законъ, который дѣлалъ невозможными какіе бы то ни было союзы рабочихъ съ политическими цѣлями, и соціальное движеніе заглохло. Вся соціальная политика Наполеона III [2]) заключалась въ томъ, чтобы всячески препятствовать буржуазіи и пролетаріату снова броситься другъ на друга. Правительство покровительствовало, такъ сказать, мирному соперничеству обоихъ классовъ, лишивъ въ то же время оба класса всякаго политическаго значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ III прямо подкупалъ въ свою пользу часть буржуазіи и пролетаріата, однихъ—поощреніемъ всякимъ предпріятіямъ, переливавшимъ деньги изъ кармановъ мелкихъ капиталистовъ въ сундуки богатой буржуазіи, другихъ—страш-

---

[1]) См. выше, стр. 565 и слѣд.

[2]) Въ недавно (1897) вышедшей въ свѣтъ книгѣ *Martin-Saint-Léon'a* „Histoire des corporations de métiers depuis leurs origines jusqu'a leur suppression en 1791“ есть краткій очеркъ исторіи корпорацій и въ XIX вѣкѣ. Между прочимъ, авторъ утверждаетъ, что „банкротство плановъ соціальной организаціи, задуманныхъ реформаторами 1848 г., не помѣшало второй республикѣ съ пользою во многихъ отношеніяхъ поработать надъ улучшеніемъ положенія рабочихъ“, и что „исторія должна признать за правленіемъ Наполеона III ту заслугу, что никто не обнаруживалъ столько заботливости, какъ онъ, о моральномъ и матеріальномъ благосостояніи рабочаго, не хлопоталъ такъ много смягчить бѣдствія, отъ которыхъ рабочій терпитъ“. „Восемнадцать лѣтъ его царствованія, говоритъ еще авторъ, свидѣтельствуютъ о постоянныхъ и терпѣливыхъ усиліяхъ, о настойчивомъ стремленіи къ соціальному прогрессу“. Конечно, этотъ взглядъ не выдерживаетъ критики. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наполеоновскій законъ 1864 г. далъ рабочимъ право вступать въ коалиціи и устраивать стачки съ цѣлью добиваться повышенія платы. Всякое насиліе, однако, законъ при этомъ запрещалъ.

нымъ развитіемъ въ городахъ строительной дѣятельности на государственный счетъ [1]).

Съ возрожденіемъ политической жизни около 1860 г. возродилось и соціальное движеніе. Благодаря особымъ историческимъ условіямъ на этотъ разъ съ наибольшею силою проявилось оно въ Германіи, въ которой получило и совершенно новый характеръ. Мы видѣли, что со времени итальянской войны 1859 г. прежнее направленіе политики стало измѣняться, и это въ связи съ торговымъ кризисомъ 1857 г. нарушило тотъ внѣшній покой, который царствовалъ повсемѣстно послѣ подавленія послѣднихъ революціонныхъ попытокъ. Въ разныхъ странахъ, однако, соціальное движеніе принимало различный характеръ, если только оно существовало въ странѣ. У нѣкоторыхъ народовъ, переживавшихъ въ 1848—1849 г. политическія революціи, въ шестидесятыхъ годахъ, какъ и тогда, еще не было соціальныхъ движеній: ихъ не было именно ни въ Италіи, ни въ Венгріи, ни у австрійскихъ славянъ. Самое различіе въ характерѣ соціальнаго движенія въ Англіи, Франціи и Германіи объясняется весьма многими причинами экономическаго и политическаго свойства, не говоря уже о различіи національнаго характера и историческихъ традицій. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей о соціализмѣ [2]) различаетъ три типа рабочихъ движеній, которые онъ именно и пріурочиваетъ къ тремъ главнымъ западно-европейскимъ національностямъ. Англійскій типъ характеризуется у него своимъ не-политическимъ, чисто профессіонально-экономическимъ направленіемъ [3]). Для характеристики французскаго типа упомянутый писатель прибѣгаетъ къ понятію „революціонизма“ или бунтарства (Putschismus), т.-е. своего рода заговорщичества въ соединеніи съ уличной борьбой на баррикадахъ. Наконецъ, особенность нѣмецкаго типа, говоритъ онъ, состоитъ въ легально-парламентарно-политическомъ характерѣ рабочаго движенія [4]). Въ дальнѣйшемъ мы и разсмотримъ исторію соціальнаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ въ Англіи, Франціи и Германіи, причемъ остановимся подробнѣе всего на послѣдней странѣ, гдѣ впервые образовалась самостоятельная рабочая партія, принявшая тогда же участіе и въ народномъ представительствѣ. Въ шестидесятыхъ же годахъ сдѣлана была попытка международнаго объединенія рабочихъ, о которой въ настоящей главѣ мы упомянемъ только вскользь, чтобы разсмотрѣть ее подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

---

[1]) См. выше, стр. 663—664.

[2]) *Sombart*, соч. котораго названо выше (стр. 186).

[3]) См. т. IV, стр. 657.

[4]) Ср. мнѣніе Маркса о различіи національныхъ характеровъ въ исторіи рабочаго движенія, приведенное выше, на стр. 387.

Послѣ неудачи, постигшей чартистское движеніе [1]), англійскій пролетаріатъ прекратилъ свои революціонныя попытки. Рабочее движеніе въ Англіи стало выражаться въ томъ, что, признавъ принципіально основы современнаго капиталистическаго хозяйства, рабочіе поставили себѣ задачу улучшить свое положеніе при существующихъ соціальныхъ условіяхъ путемъ самопомощи и союзовъ. Такому направленію англійскаго рабочаго движенія, кромѣ разочарованія въ прежнемъ образѣ дѣйствій, много содѣйствовало улучшеніе ихъ положенія (хотя и далеко не всѣхъ), замѣчаемое послѣ 1848 г. Съ одной стороны, это улучшеніе было слѣдствіемъ фабричнаго законодательства, которое къ 1850 г. достигло сравнительно довольно важныхъ результатовъ [2]), особенно же, съ другой стороны, слѣдствіемъ промышленной монополіи Англіи [3]). Въ своемъ экономическомъ развитіи Англія страшно обогнала другія страны и заполонила своими товарами всѣ рынки, такъ что конкуррировать съ нею никому не было подъ силу. Хотя въ той или другой отрасли промышленности Англію и посѣщали кризисы, въ общемъ, однако, ея промышленность въ эту эпоху была въ цвѣтущемъ состояніи. Спросъ на рабочія руки былъ поэтому вообще хорошій, и предприниматели, получая баснословные барыши, обнаруживали бо́льшую склонность, да и имѣли бо́льшую возможность не такъ ужъ сильно притѣснять рабочихъ. Болѣе выгоднымъ, чѣмъ гдѣ-либо, было и политическое положеніе англійскихъ рабочихъ. Мы видѣли уже раньше, какъ много выигрывали они отъ соперничества обѣихъ большихъ политическихъ партій и представляемыхъ ими общественныхъ классовъ [4]). То же продолжалось и впослѣдствіи, особенно послѣ расширенія избирательнаго права. Предприниматели стали склоняться къ той мысли, что собственный ихъ интересъ долженъ заставлять ихъ, если не прямо содѣйствовать улучшенію быта рабочихъ, возможному при существующихъ условіяхъ производства, то, по крайней мѣрѣ, не препятствовать этому. Потеря во времени могла вознаграждаться качествомъ работы, и болѣе обезпеченный рабочій являлся болѣе тратящимъ потребителемъ. Но самымъ главнымъ было то, что рабочіе союзы могли сдѣлаться лучшею охраною противъ революціонныхъ попытокъ, и учрежденія для полюбовнаго разбирательства споровъ между предпринимателями и рабочими предотвращали стачки со всѣми ихъ невыгодными послѣдствіями для самихъ же предпринимателей. Практическая складка англійскаго національнаго характера и у самихъ

[1]) См. выше, стр. 753.
[2]) См. выше, стр. 218—222.
[3]) См. выше, стр. 761 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 94 и 217.

рабочихъ не мало содѣйствовала такому направленію соціальнаго движенія въ странѣ. Правда, за предѣлами trade-union'овъ оставалась еще цѣлая масса рабочихъ, т.-е. организовалась въ союзы только рабочая аристократія, но какъ-разъ и это раздѣленіе въ рабочемъ классѣ составляетъ одну изъ особенностей англійской соціальной исторіи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Часть рабочихъ, сознавшая свои классовые интересы, выдѣлилась изъ общей массы, оставивъ внѣ своей организаціи наименѣе развитые и, слѣдовательно, наиболѣе пассивные элементы, но та же самая болѣе развитая часть рабочаго класса въ своихъ же интересахъ стала находить болѣе выгоднымъ для себя „соціальный миръ“ [1]), а не классовую борьбу. Позднѣйшія обстоятельства показали, что этотъ миръ не могъ быть „вѣчнымъ“, что это было скорѣе „соціальнымъ перемиріемъ“, причина котораго лишь была въ исключительномъ положеніи, въ какомъ находилась англійская промышленность въ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и даже семидесятыхъ годахъ. Нельзя, однако, отрицать, чтобы все это мирное движеніе не оказало воспитательнаго вліянія на англійскій рабочій классъ, пріучивъ его къ извѣстной выдержкѣ и развивъ въ немъ умѣніе, создавая прочныя организаціи, добиваться своихъ практическихъ цѣлей съ спокойнымъ упорствомъ и методическимъ постоянствомъ.

О происхожденіи рабочихъ союзовъ уже была у насъ рѣчь раньше [2]), и въ своемъ мѣстѣ было указано, что рабочіе союзы то примыкали къ политическому движенію, то, наоборотъ, отъ него отставали. Періодъ, который мы разсматриваемъ въ этой главѣ, характеризуется именно разъединеніемъ трэдъ-юніонизма и политики. Можно сказать, что, зародившись въ эпоху революціонныхъ движеній въ средѣ англійскаго пролетаріата, трэдъ-юніонизмъ лишь на время отрѣшился отъ политическаго характера.

По опредѣленію историковъ англійскаго трэдъ-юніонизма Сиднея и Беатрисы Веббъ, рабочіе союзы суть „постоянныя группировки рабочихъ, состоящихъ на платѣ, для обезпеченія и улучшенія ихъ рабочаго договора“. Они могли начать развиваться лишь послѣ того, какъ отмѣнены были въ двадцатыхъ годахъ законы, запрещавшіе всякія коаліціи рабочихъ [3]). Впрочемъ, новое законодательство ихъ только терпѣло, но отнюдь не признавало за ними

---

[1]) См. *Schulze-Gaevernitz.* Zum Socialen Frieden. Eine Darstellung der social-politischen Erziehung des englischen Volkes im XIX Jahrhundert. 1890. Изложеніе этого труда даетъ *А. С. Гольденвейзеръ* въ книжкѣ „Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи“. 1891.

[2]) См. выше, стр. 217, 233—246.

[3]) Ср. т. IV, стр. 559—560.

права на существованіе, потому что въ концѣ концовъ въ актъ 1825 г. была включена угроза наказаніемъ за всякія движенія, которыя имѣли бы своею цѣлью принудить кого-либо изъ рабочихъ присоединиться къ коалиціи. Сама редакція этого закона давала мировымъ судьямъ возможность сажать въ тюрьму рабочаго лишь за то, что онъ обращался къ кому-либо изъ товарищей съ упрекомъ за нежеланіе примкнуть къ стачкѣ. Съ другой стороны, и предприниматели препятствовали въ то время образованію союзовъ, увольняя рабочихъ, которые въ нихъ участвовали, или требуя отъ поступающихъ на работу обязательства не быть членами союзовъ и даже закрывая на время свои промышленныя заведенія. Шансы судебной защиты интересовъ обѣихъ сторонъ были неравны, потому что по старымъ законамъ, которые продолжали еще дѣйствовать, предприниматель, отказывавшій рабочему отъ мѣста вопреки договору, отдѣлывался одною уплатою неустойки, тогда какъ рабочій, самовольно уходившій съ своего мѣста, могъ быть даже посаженъ въ тюрьму на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Мировые судьи были обыкновенно завалены дѣлами подобнаго рода, и даже была учреждена особая коммиссія для изслѣдованія вопроса о роли рабочихъ союзовъ въ разнаго рода столкновеніяхъ между предпринимателями и рабочими. Матеріалъ для этого долженъ былъ быть собранъ за десятилѣтіе между 1857 и 1867 гг. Коммиссія послѣ добросовѣстнаго изслѣдованія дѣла пришла къ выводу, діаметрально противоположному тому, какой имѣлся въ виду, что̀ оказало свое вліяніе на законодательство лишь семидесятыхъ годовъ [1]). Во всякомъ случаѣ за разсматриваемый періодъ и законодательство, и судебная практика были въ большей или меньшей степени неблагопріятными для развитія рабочихъ союзовъ.

Первоначально каждый рабочій союзъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ рабочихъ одной и той же спеціальности въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ цѣлями взаимопомощи въ случаяхъ болѣзни или смерти кого-либо изъ участниковъ или во время стачекъ, а правленіе каждаго такого союза являлось посредникомъ между рабочими и предпринимателемъ въ случаяхъ какихъ-либо недоразумѣній или споровъ. Мало-по-малу между союзами разныхъ спеціальностей въ одной мѣстности или одной спеціальности въ разныхъ мѣстностяхъ стали устанавливаться связи, перешедшія въ болѣе постоянныя и прочныя отношенія вплоть до настоящихъ объединеній и возникновенія особыхъ общихъ комитетовъ изъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ союзовъ. Временемъ, когда союзы выработали свою внутреннюю организацію, нужно считать пятидесятые годы, эпоха подобныхъ объединеній

---

[1]) См. объ этомъ въ VI томѣ.

начинается около 1860 г. Въ 1861 г. лондонскіе союзы образовали постоянный „совѣтъ союзовъ“ (London trades-council), поставившій своею цѣлью добиться законодательнаго признанія и обезпеченія союзовъ. Онъ не мало содѣйствовалъ назначенію парламентской коммиссіи 1867 г. для изслѣдованія вопроса о союзахъ. Трэдъ-юніоны другихъ городовъ около того же времени стали собирать ежегодные съѣзды своихъ представителей, а въ 1863—1867 гг. примѣру Лондона въ образованіи постояннаго совѣта послѣдовали Глазго, Шеффильдъ, Ливерпуль, Эдинбургъ, Манчестеръ. Trades-council послѣдняго изъ названныхъ городовъ пришелъ къ мысли объ общемъ для всего государства съѣздѣ, и такой конгрессъ состоялся въ Манчестерѣ же въ апрѣлѣ 1868 г. На этомъ первомъ конгрессѣ трэдъ-юніоновъ собралось 34 делегата, и только одинъ изъ нихъ представлялъ собою trades-council столицы. За этимъ собраніемъ въ 1869 г. послѣдовалъ второй съѣздъ въ Бирмингэмѣ, а въ 1871 г. въ Лондонѣ происходили засѣданія третьяго конгресса трэдъ-юніоновъ, учредившаго постоянный комитетъ, названный парламентскимъ (Parlamentary commitee), потому что онъ долженъ былъ добиваться отъ парламента законовъ, благопріятныхъ для рабочаго класса. Этотъ комитетъ замѣнилъ собою другое аналогичное учрежденіе, которое работало надъ объединеніемъ союзовъ. На лондонскомъ конгрессѣ 1871 г., кромѣ того, было рѣшено, что впредь делегаты союзовъ будутъ съѣзжаться ежегодно. Въ этомъ движеніи выработался цѣлый классъ работниковъ, которые по избраніи своихъ товарищей и за денежное вознагражденіе стали спеціально посвящать свое время и свой трудъ дѣламъ союзовъ. Это были секретари отдѣльныхъ трэдъ-юніоновъ или члены союзныхъ комитетовъ, такъ называемые leader'ы. Рядомъ съ указанной организаціей, охватившей, впрочемъ, далеко не всѣ трэдъ-юніоны, продолжали существовать и вполнѣ разобщенные и лишь соединенные по профессіямъ. Соединенія послѣдняго рода получили названіе амальгамацій, и старѣйшія изъ нихъ ведутъ свое начало еще съ пятидесятыхъ годовъ. Въ шестидесятыхъ годахъ и амальгамаціи стали объединяться въ національныя уніи, первою изъ которыхъ былъ національный союзъ рудокоповъ, основанный въ 1863 г., но раздѣлившійся потомъ на двѣ соперничающія группы. Наконецъ, нужно имѣть еще въ виду, что благами союзнаго устройства воспользовались квалифицированные рабочіе (skilled labourers), т.-е. имѣющіе опредѣленную спеціальность и постоянный заработокъ, тогда какъ всѣ чернорабочіе, живущіе болѣе или менѣе случайною работою (unskilled labourers), лишь въ рѣдкихъ случаяхъ попадали въ эти организаціи. Трэдъ-юніоны, благодаря этому, стали объединять, какъ было уже отмѣчено, лишь рабочую аристократію. Причиной этого было то, что съ принадлеж-

ностью къ трэдъ-юніонамъ съ самаго начала были соединены расходы, оказывавшіеся посильными только для болѣе обезпеченныхъ рабочихъ: достаточно указать, что многіе союзы имѣютъ довольно большія деньги въ видѣ банковыхъ вкладовъ. Въ этой привилегированной рабочей средѣ стало вырабатываться и свое классовое чувство, стали формироваться и особые нравы. Только отдѣльныя личности протестовали противъ развившейся въ трэдъ-юніонахъ исключительности, и изъ нихъ вышли многіе организаторы новѣйшаго трэдъ-юніонизма, начавшаго съ 1889 г. вербовать сторонниковъ среди неквалифицированныхъ рабочихъ и съ самаго начала получившаго болѣе агрессивный, прямо боевой характеръ. Трэдъ-юніонизмъ разсматриваемой эпохи и двухъ слѣдующихъ десятилѣтій (1870—1890) былъ вообще проникнутъ воззрѣніями либеральной буржуазіи о полной свободѣ рабочаго договора и невмѣшательствѣ государства въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Вожди этого движенія признавали современный экономическій строй за окончательный, и тѣ изъ нихъ, которые не ограничивали дѣятельности союзовъ одною самопомощью въ случаяхъ болѣзни, увѣчья, смерти или безработицы [1]), а имѣли въ виду и улучшенія условій найма, видѣли въ союзахъ лишь средство въ борьбѣ съ предпринимателями за эти условія. Въ новыхъ союзахъ самопомощь отошла на задній планъ, и на первый планъ выдвинулась идея государственной или муниципальной помощи. Новый трэдъ-юніонизмъ сдѣлался поэтому почвою, удобною для соціалистической пропаганды, но вся организація этого новѣйшаго движенія была выработана именно въ разсматриваемую эпоху.

Нельзя, однако, сказать, чтобы однимъ этимъ и исчерпывалось все значеніе разсматриваемой эпохи въ исторіи англійскаго соціальнаго движенія. То обстоятельство, что Марксъ послѣ 1848 г. жилъ въ Лондонѣ и обрабатывалъ въ своихъ трудахъ преимущественно англійскій матеріалъ, не могло остаться безслѣднымъ для развитія англійскихъ общественныхъ идей, но въ общемъ это вліяніе было сначала болѣе теоретическимъ, такъ какъ трэдъ-юніоны въ полномъ своемъ составѣ не захотѣли примкнуть къ основанному Марксомъ Международному Обществу рабочихъ. Лишь впослѣдствіи стала организоваться и въ Англіи рабочая партія на марксистскихъ началахъ.

Въ теоретическомъ отношеніи соціалистическая критика ман-

---

[1]) По вычисленію *Гоуэлля* (см. выше, стр. 800), 14 старыхъ союзовъ, основанныхъ между 1836 и 1869 гг., истратили на пособія: по случаю смерти членовъ до 654 т. фунтовъ стерлинговъ, по случаю болѣзни болѣе 1.840 т., по случаю старости 895 т., въ несчастныхъ случаяхъ 195½ т. и при безработицѣ около 3.604 т., а на поддержку стачекъ лишь около 463 т., т.-е. около 7% общей суммы расходовъ.

честерства поколебала представителей англійской экономической науки, что̀ лучше всего выразилось въ ученіи Джона Стюарта Милля. Мы уже имѣли случай говорить о немъ, какъ о политическомъ писателѣ [1]), и отмѣтили его индивидуалистическую защиту свободы, но въ своемъ экономическомъ ученіи онъ сочеталъ теоріи ортодоксальной школы съ соціалистическими требованіями. Милль даже прямо признавался, что если бы ему пришлось выбирать между коммунизмомъ и неопредѣленнымъ строемъ современнаго общества, то онъ предпочелъ бы коммунизмъ, — слова, доказывающія, какъ пошатнулась вѣра въ спасительность ничѣмъ не стѣсняемой конкурренціи, разъ ихъ могъ произнести такой индивидуалистъ, какимъ былъ Милль. Еще въ тридцатыхъ годахъ онъ интересовался ученіями Сенъ-Симона и Оуэна, но лично болѣе всего симпатизировалъ радикальной партіи, пока петиціи рабочихъ [2]) и особенно революція 1848 г. не заставили его принять въ свою систему нѣкоторыя соціалистическія воззрѣнія. Первый томъ „Основаній политической экономіи“ Милля вышелъ въ свѣтъ еще до февральской революціи, а второй — въ 1849 г. и вотъ въ этомъ второмъ томѣ онъ уже возстаетъ противъ принципа laisser faire, на который еще не дѣлалъ никакихъ возраженій въ первомъ томѣ. Милль даже принципіально различилъ законы производства отъ законовъ распредѣленія, объявивъ первые законами природы, вторые же лишь способами, зависящими отъ людской воли. Эта книга Милля, пользующаяся вполнѣ заслуженной извѣстностью, выходила потомъ не разъ новыми изданіями, и чуть не въ каждомъ изъ нихъ новый строй мыслей автора давалъ себя все болѣе и болѣе чувствовать. Кромѣ того, Милль весьма сочувственно относился къ трэдъ-юніонизму и хлопоталъ о̀ томъ, чтобы рабочіе имѣли своихъ депутатовъ въ парламентѣ. Милль очень благосклонно отнесся и къ идеѣ націонализаціи земли, съ проповѣдью о которой выступилъ въ 1850 г. филантропъ Довъ въ книгѣ „Теорія человѣческаго прогресса и естественная вѣроятность царства справедливости“. Законы противъ коалицій Милль безусловно порицалъ и даже говорилъ, что если бы „рабочіе, соглашаясь между собою, могли возвысить или удержать общій уровень рабочей платы, этому дѣлу слѣдовало бы не опредѣлять наказаніе, а радоваться и давать поощреніе“. Онъ былъ только противникомъ поведенія тѣхъ „классовъ мастеровыхъ, которые, получая наибольшую плату, ищутъ своихъ выгодъ не въ союзѣ съ другими сотоварищами-работниками, а чрезъ исключеніе ихъ изъ выгодъ. Пока, говорилъ онъ, они будутъ основывать свои надежды на огражденіи себя отъ соперни-

[1]) См. выше, стр. 768—776.
[2]) См. выше, стр. 223.

чества, на защищеніи своей рабочей платы закрытіемъ для другихъ доступа къ своему занятію, отъ нихъ нельзя ожидать ничего иного, какъ совершеннаго отсутствія обширныхъ и благородныхъ цѣлей, почти полнаго пренебреженія ко всему, кромѣ возвышенія платы и уменьшенія работы для своего малочисленнаго кружка", обнаруженныхъ Соединеннымъ обществомъ машинистовъ. Если бы и возможенъ былъ успѣхъ стремленія образовать привилегированный классъ между работниками, успѣхъ этотъ былъ бы не помощью, а задержкою для общей эманципаціи рабочихъ классовъ". Возставая противъ принужденія рабочихъ угрозами и насиліями къ вступленію въ коалиціи или стачки, Милль тѣмъ не менѣе желалъ, чтобы, вопреки установившейся практикѣ [1]), законъ не вмѣшивался въ принужденіе чисто нравственное, дѣйствующее выраженіемъ мнѣнія. Цѣлую главу своей книги Милль, наконецъ, посвятилъ вопросу объ „основаніяхъ и границахъ системы laisser faire или принципа невмѣшательства". На эту главу нужно смотрѣть, какъ на необходимое дополненіе къ его книгѣ „О свободѣ" [2]). Признавая въ согласіи съ общимъ духомъ своей философіи, съ традиціями англійской школы политической экономіи и съ правами своей родины, что „laisser faire должно быть общимъ правиломъ", Милль къ числу случаевъ, въ которыхъ онъ считалъ нужнымъ отступать отъ этого правила, относилъ тѣ случаи, гдѣ одно лицо имѣетъ власть надъ другими. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Милль не сумѣлъ выдержать въ своей политической экономіи одной опредѣленной точки зрѣнія, и его попытки примиренія противоположныхъ теорій не всегда были удачны.

Въ эту же эпоху продолжали дѣйствовать и христіанскіе соціалисты [3]), пропагандировавшіе идею производительныхъ ассоціацій. Переходимъ къ соціальному движенію во Франціи за тотъ же періодъ.

„Соціальное движеніе во Франціи, говоритъ Зомбартъ, имѣло всегда какой-то болѣзненный, возбужденный, конвульсивный характеръ. Оно всегда начиналось внезапно, бурно и величественно, но тотчасъ же затихало и падало при первыхъ неудачахъ. Оно всегда далеко заглядывало впередъ и отличалось идейностью, но зато часто бывало фантастично и утопично. Въ выборѣ способовъ и путей оно постоянно колебалось, но неизмѣнно было исполнено вѣры въ дѣйствительность быстраго, внезапнаго дѣйствія съ избирательнымъ бюллетенемъ или оружіемъ въ рукахъ, всегда исполнено было вѣры въ чудеса революціи". Вотъ почему французскій типъ соціальнаго движенія

---

[1]) См. выше, стр. 808.
[2]) См. выше, стр. 769 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 253.

Зомбартъ называетъ революціонизмомъ, отдѣльныя проявленія котораго онъ видитъ въ склонности дробиться на безчисленныя мелкія партіи (Factionismus), прятаться въ тайныхъ обществахъ и заговорахъ (Klubismus) и выступать наружу лишь въ уличной борьбѣ и на баррикадахъ (Putschismus). Такое направленіе французскаго соціальнаго движенія нужно разсматривать, какъ наслѣдіе, переданное пролетаріату мелкой буржуазіей. Французскій пролетаріатъ выступилъ на историческое поприще подъ руководствомъ именно мелкой буржуазіи, и долгое время спустя послѣ того, какъ онъ сталъ дѣйствовать самостоятельно, онъ все еще слѣдовалъ традиціямъ, выработавшимся въ революціонной мелкой буржуазіи. Примѣръ великой революціи и въ особенности примѣръ 1793 г. сдѣлался, какъ мы не разъ уже видѣли, своего рода обязательнымъ для каждаго новаго движенія правиломъ, указаніемъ, какъ нужно дѣйствовать [1]). Даже идеи французскаго пролетаріата очень часто являются лишь идеями мелкой буржуазіи. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ многія чисто французскія отрасли промышленности стоятъ на стадіи маленькихъ мастерскихъ, а не большихъ фабрикъ. Съ другой стороны, нельзя также не принимать въ расчетъ французскаго національнаго характера, живого, способнаго къ увлеченіямъ, подвижного, а также и всей исторіи Франціи съ 1789 г. съ постоянными перемѣнами формъ правленія, оказывавшими вліяніе и на соціальную жизнь.

Понятное дѣло, что общественнаго движенія съ такимъ характеромъ и быть не могло во Франціи въ царствованіе Наполеона III. Но французы, съ другой стороны, явились и первыми теоретиками рабочаго движенія. И въ этой области эпоха второй имперіи не выставила ни одного виднаго писателя, если не считать людей, начавшихъ свою дѣятельность еще въ сороковыхъ годахъ. Старые представители французскаго радикализма и соціализма теперь вынуждены были большею частью жить внѣ родины. Барбесъ былъ помилованъ въ 1854 г., но, не желая ничѣмъ быть обязаннымъ Наполеону III, обрекъ себя на добровольное изгнаніе. Луи Бланъ прожилъ всѣ пятидесятые и шестидесятые года въ Англіи, гдѣ окончилъ свою большую „Исторію французской революціи“ [2]) и написалъ нѣсколько сочиненій, относящихся къ 1848 г. [3]).

За весь этотъ періодъ—да и послѣ того—во Франціи продолжали господствовать воззрѣнія старой экономической школы. Единственнымъ важнымъ писателемъ, нападавшимъ на эти воззрѣнія, былъ

---

[1]) См. выше, стр. 604 и др.

[2]) См. выше, стр. 323.

[3]) См. выше, стр. 454.

Прудонъ, и лишь одному ему удалось въ шестидесятыхъ годахъ оказать довольно значительное вліяніе на французскихъ рабочихъ. Главнымъ представителемъ идеи полнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія сдѣлался въ это время Бастіа, горячій поклонникъ Кобдена [1]), задумавшій распространить принципъ свободной торговли рѣшительно на всѣ проявленія экономической жизни. Бастіа прославлялъ на разные лады гармонію, царствующую въ мірѣ, а объ экономическихъ бѣдствіяхъ говорилъ, что политическая экономія въ нихъ столько же повинна, сколько физіологія въ существованіи болѣзней, но онъ только забывалъ прибавить, что противъ болѣзней, однако, принимаются мѣры, и что самое ихъ существованіе далеко не свидѣтельствуетъ о царствѣ гармоніи. Одно изъ его сочиненій такъ и было озаглавлено „Harmonies économiques“. Свою защиту принципа laisser passer, laisser faire онъ основывалъ на выгодѣ конкурренціи для потребителей, не принимая въ расчетъ того, какъ свободная конкурренція отзывается на производителяхъ. Вся его теорія сводилась къ тому, что основной фактъ политической экономіи заключается въ обмѣнѣ. Замѣчательно, что и Прудонъ тоже въ области обмѣна надѣялся найти рѣшеніе соціальнаго вопроса.

До 1848 г. Прудонъ еще не игралъ никакой политической роли, да и участіе его въ событіяхъ этой бурной эпохи было самое незначительное. Въ 1848 г. отъ своей чисто критической и отрицательной дѣятельности на умственномъ поприщѣ онъ перешелъ къ дѣятельности положительной и творческой, издавъ брошюру „Организація кредита и обращенія денегъ и рѣшеніе соціальнаго вопроса“, гдѣ все сводилось къ устройству даровой кредита, но тогда эта идея не обратила на себя никакого вниманія. Гораздо болѣе имѣлъ онъ успѣха съ своей газетой „Le Représentant du peuple“, которая даже собрала около его кандидатуры въ національное собраніе совершенно достаточное количество голосовъ. Во время іюньскаго возстанія 1848 г. Прудонъ держалъ себя довольно далеко отъ происходившей борьбы, и даже его газета, несмотря на свой соціалистическій характеръ, не была тогда запрещена. Вскорѣ послѣ этого онъ самъ замѣнилъ эту газету другою—„Le Peuple“, которая въ началѣ 1849 г. печаталась уже въ количествѣ 50—60 т. экземпляровъ [2]). Въ національномъ собраніи Прудонъ обратилъ на себя вниманіе своимъ проектомъ о подоходномъ налогѣ, который, однако, совершенно провалился. Въ началѣ 1849 г. съ нѣсколькими изъ единомышлен-

[1]) См. выше, стр. 97—98. О немъ Бастіа написалъ книгу „Cobden et la Ligue“ (1845).

[2]) Деньги для внесенія залога (24 т. фр.) были даны Прудону Герценомъ, который его очень уважалъ.

никовъ своихъ онъ приступилъ къ осуществленію своей идеи о народномъ банкѣ, о которомъ писалъ въ своей газетѣ, какъ о чемъ-то небываломъ и долженствующемъ пересоздать весь общественный порядокъ. Именно „право на трудъ“ онъ замѣнялъ правомъ на кредитъ, который долженъ былъ быть взаимнымъ и даровымъ. Все дѣло—въ организаціи обмѣна и солидаризаціи обращенія: обмѣнъ долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы каждый получалъ только цѣнность своего труда, безъ возмѣщенія другихъ расходовъ, соединенныхъ съ превращеніемъ сырого матеріала въ продуктъ, годный для потребленія: напримѣръ, хлѣбопекъ долженъ былъ бы получать при продажѣ хлѣба лишь за одно печеніе, безъ того, что стоили превращеніе зерна въ муку, перевозъ зерна и всѣ прочіе процессы сельско-хозяйственнаго производства. Съ задуманнымъ банкомъ, однако, дѣло совсѣмъ не пошло, хотя нашлось, по показанію самого Прудона, около 60 т. человѣкъ, которые хотѣли принять участіе въ предпріятіи. Въ 1849 г. Прудонъ сблизился съ демократами, но былъ противъ какихъ бы то ни было манифестацій, между прочимъ и противъ демонстраціи 13 іюня [1]). Впрочемъ, за десять дней до этого событія онъ былъ арестованъ по приговору суда присяжныхъ за оскорбленіе президента республики въ двухъ газетныхъ статьяхъ. По этому приговору Прудону пришлось просидѣть три года въ тюрьмѣ, гдѣ онъ написалъ свои „Признанія революціонера“ и „Общую идею революціи XIX вѣка“. Государственный переворотъ 2 декабря онъ комментировалъ въ 1852 г. брошюрой „La révolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre“. Основная идея этой брошюры, совершенно разссорившей его съ республиканцами, была та, что государь, выбранный народомъ, долженъ быть и государемъ народа, т.-е. поддерживать его интересы. Въ слѣдующемъ году Прудонъ даже посвятилъ Наполеону III свое „Изложеніе принциповъ соціальной организаціи“. Приговоренный въ 1858 г. къ тюремному заключенію за свой трудъ „De la justice dans la révolution et dans l'église“, въ которомъ онъ выступилъ, какъ „революціонеръ, демократъ и врагъ Бога“ (и антитеистъ), Прудонъ предпочелъ уѣхать въ Бельгію. Въ своей „Théorie de l'impôt“, написанной на тему правительства кантона Во въ 1861 г. онъ проводилъ ту мысль, что теперешніе налоги падаютъ исключительно на трудящихся, но что лучше всего было бы брать въ видѣ налога извѣстную часть поземельной ренты. Непріязненное положеніе, занятое Прудономъ въ это время по отношенію къ итальянскому и польскому народамъ, вызвало противъ него страшное раздраженіе во французской

[1]) См. выше, стр. 603—604.

демократіи. Помилованный Наполеономъ III, Прудонъ въ 1862 г. возвратился во Францію. Черезъ два года къ нему обратились французскіе рабочіе съ вопросомъ, какъ имъ себя держать на выборахъ, которые тогда должны были происходить, и онъ имъ далъ совѣтъ совсѣмъ не голосовать. Но рабочіе не послушались Прудона, и изъ ихъ среды вышелъ манифестъ, приглашавшій ставить рабочія кандидатуры. Этотъ манифестъ вызвалъ со стороны Прудона книжку „De la capacité politique des classes ouvrières". Она вышла въ свѣтъ въ 1865 г., всего за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, и въ этомъ своемъ сочиненіи Прудонъ далъ наиболѣе законченное изложеніе теоріи „мутуализма", который, благодаря именно этой книжкѣ, и сдѣлался самымъ популярнымъ ученіемъ французскаго пролетаріата во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ.

Сущность этого ученія Прудона, основанія котораго онъ высказалъ еще въ „Экономическихъ противорѣчіяхъ" [1]), заключается въ слѣдующемъ: взаимный обмѣнъ услугъ долженъ быть добровольнымъ и, слѣдовательно, основываться на договорѣ или соглашеніи. Договоръ долженъ быть основою какъ экономической, такъ и политической организаціи, а высшимъ его проявленіемъ должна быть справедливость. Взявъ на себя продолженіе дѣла С.-Симона, Фурье и Луи Блана, Прудонъ увидѣлъ въ правѣ на трудъ собственно четыре права: право на орудія, право на матеріалъ, право на продуктъ и право на обмѣнъ, а въ видѣ естественнаго вывода провозгласилъ еще право на кредитъ. Право на трудъ влечетъ за собою обязанность труда, а право на кредитъ—обязанность кредита, откуда вытекаетъ взаимность (réciprocité) кредита. Въ частныхъ отношеніяхъ кредитъ проявляется въ формѣ займа, въ общественныхъ—въ формѣ обмѣна. Хорошая организація кредита—основная общественная реформа, которая уже сама вызоветъ надлежащую организацію производства и потребленія. Отъ своей первоначальной мысли о даровомъ кредитѣ Прудонъ съ теченіемъ времени отказался, и вся его задача теперь заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать кредитъ какъ можно дешевле и доступнѣе для всѣхъ. Онъ думалъ, что достигнуть этого можно было бы, сосредоточивъ всѣ торговыя операціи въ банкѣ, акціонерами котораго были бы всѣ производители, т.-е. все общество; но банкъ этотъ долженъ былъ быть устроенъ такъ, чтобы при его помощи происходилъ обмѣнъ не предметовъ, а услугъ, для чего, думалъ онъ, стоило только опредѣлить заключенную въ каждомъ предметѣ стоимость труда отдѣльныхъ лицъ. Потребитель, напримѣръ, платилъ бы пекарю, беря у него хлѣбъ, только за его работу, пекарь, беря муку у мельника,—лишь за его работу и т. д.,

---

[1]) См. выше, стр. 312.

причемъ орудіемъ обмѣна служили бы особыя кредитныя квитанціи. Прудонъ, сначала допускавшій существованіе металлическихъ денегъ, пришелъ подконецъ къ той мысли, что въ деньгахъ чуть не вся причина зла. Только деньги и получаемый съ нихъ процентъ создали фикцію производительности капитала, а благодаря этой фикціи половина продуктовъ подъ названіемъ ренты, процента, прибыли и т. п. переходитъ изъ рукъ рабочихъ въ руки капиталистовъ.

Прудонъ былъ врагомъ крупной промышленности и централизаціи труда и съ этой точки зрѣнія вооружался даже противъ желѣзныхъ дорогъ, за то, что онѣ убиваютъ мелкій извозъ и закабаляютъ своихъ рабочихъ. Его симпатіи были, собственно говоря, на сторонѣ класса, средняго между буржуазіей и пролетаріатомъ, класса, который, подобно пролетаріямъ, живетъ „болѣе личнымъ заработкомъ, чѣмъ доходомъ съ капиталовъ“, но отличается отъ пролетаріата тѣмъ, что работаетъ „за свой счетъ и рискъ, тогда какъ пролетарій работаетъ за жалованье или заработную плату“. „Великая работа нашего вѣка“ состояла, по его представленію, въ томъ, чтобы „растворить первый и третій классы во второмъ, крайности въ серединѣ“. Его желаніе возстановить какъ бы первобытныя мѣновыя отношенія, сохранивъ въ неприкосновенности всѣ остальные элементы капиталистическаго строя, очень характерно для его системы. Съ другой стороны, проектированнымъ имъ введеніемъ дарового кредита воспользовались бы только капиталисты, и если Прудонъ вѣрилъ въ возможность декретировать предоставленіе государственнаго дарового кредита и пролетаріямъ, то лишь потому, что не сознавалъ естественной связи, существующей между политическими учрежденіями и экономическимъ значеніемъ тѣхъ или другихъ классовъ. Вотъ почему у Маркса и его послѣдователей должно было составиться о Прудонѣ представленіе, какъ объ „идеологѣ мелкой буржуазіи“ и утопистѣ [1]).

Дополнимъ это изложеніе мутуалистическаго ученія Прудона краткимъ указаніемъ на значеніе его анархіи, какъ политическаго

---

[1]) Къ одному этому нельзя свести всего Прудона, и можно только согласиться съ Герценомъ, что это былъ „по преимуществу діалектикъ, контроверсистъ соціальныхъ вопросовъ“, сила котораго была „не въ созиданіи, а въ критикѣ“. Этимъ Герценъ объясняетъ и одиночество Прудона между своими. „Онъ вѣрилъ своимъ началамъ больше, чѣмъ партіи, къ которой онъ поневолѣ принадлежалъ и съ которой онъ не имѣлъ ничего общаго, а былъ собственно соединенъ только ненавистью къ общему врагу“. Герценъ разсказываетъ такой анекдотъ:

„Мнѣ очень нравится ваша система, сказалъ Прудону одинъ англійскій туристъ.—Да у меня нѣтъ никакой системы, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Прудонъ“.

принципа [1]). Признавая анархію не въ смыслѣ отсутствія принципа, отсутствія правила, т.-е. безпорядка, а въ смыслѣ отсутствія господина, государя (absence de maître, de souverain), онъ стоялъ за упраздненіе правительства, или государства, предполагая, что власть должна быть замѣнена свободнымъ договоромъ сторонъ. При такомъ порядкѣ, пророчилъ Прудонъ, промышленная организація заступитъ мѣсто организаціи политической. Съ этой точки зрѣнія онъ постоянно нападалъ и на демократическихъ государственниковъ, и на соціалистовъ, возлагавшихъ всѣ свои надежды на правительственное вмѣшательство. Въ качествѣ послѣдовательнаго индивидуалиста онъ нападалъ на всѣхъ писателей, желавшихъ помочь бѣдствіямъ человѣчества новой организаціей общества. „Человѣкъ, писалъ онъ, вовсе не хочетъ, чтобы его организовали, механизировали"; напротивъ, всѣми силами души онъ стремится къ „дефатализаціи". Съ его индивидуалистической точки зрѣнія трудъ долженъ былъ быть безусловно свободенъ, и даже существованіе правительства онъ готовъ былъ признавать лишь въ качествѣ органа, охраняющаго свободу труда.

Прудоновскій мутуализмъ привлекъ на свою сторону группу рабочихъ, которые на выборахъ въ законодательный корпусъ въ 1864 г. выставили своего кандидата (Толена, впослѣдствіи сенатора) и стали дѣятельно пропагандировать свои идеи вообще среди пролетаріата. Благодаря этому, впервые послѣ пятнадцати лѣтъ застоя во Франціи снова ожило рабочее движеніе. Всѣ французскіе мутуалисты были сторонниками Международнаго Общества рабочихъ и дѣятельно хлопотали о развитіи его французскаго отдѣленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они занялись организаціей ссудо-сберегательныхъ кассъ, дешевыхъ столовыхъ, потребительныхъ и производительныхъ ассоціацій [2]). Паденіе въ 1870 г. имперіи Наполеона III и чрезвычайныя событія, которыми сопровождалось основаніе третьей республики, снова вызвали къ жизни революціонное броженіе въ пролетаріатѣ, и оно нашло самое яркое свое выраженіе въ парижской коммунѣ 1871 г. Впрочемъ, разгромъ коммуны повлекъ за собою слѣдствія, аналогичныя тѣмъ, которыя имѣло пораженіе пролетаріата въ 1848 г. — Гораздо значительнѣе были историческіе результаты соціальнаго движенія въ Германіи.

Въ серединѣ нынѣшняго столѣтія Германія въ экономическомъ отношеніи стояла еще на такой ступени развитія, которую сравни-

---

[1]) См. выше, стр. 311. Болѣе подробно этого пункта его ученія мы коснемся въ VI томѣ.

[2]) О соціальномъ движеніи во Франціи передъ 1870 г. будетъ сказано подробнѣе въ VI томѣ.

ваютъ съ англійскою въ концѣ XVIII вѣка [1]), и чисто экономическое движеніе по англійскому типу было въ Германіи невозможно. Еще въ сороковыхъ годахъ рабочее движеніе имѣло здѣсь скорѣе ремесленный, чѣмъ пролетарный характеръ. Въ 1848 г. нѣмецкій рабочій классъ выступилъ на путь политической революціи совершенно по французскому образцу, но, какъ и во Франціи, потерпѣлъ неудачу. Во всякомъ случаѣ пролетаріатъ былъ захваченъ политическимъ движеніемъ, и по аналогіи съ другими странами можно было бы ожидать, что при возобновленіи политической жизни онъ скорѣе всего примкнетъ къ либеральному направленію буржуазіи. Но этого не могло случиться. Одною изъ особенностей нѣмецкаго либерализма сдѣлалась боязнь краснаго призрака. Съ самаго начала нѣмецкой революціи середины XIX вѣка между буржуазной оппозиціей и пролетарнымъ движеніемъ произошелъ полный разрывъ. Можно сказать, что страхъ передъ соціальной революціей помѣшалъ развиться на почвѣ буржуазной оппозиціи и болѣе рѣшительному радикальному направленію, которое, пожалуй, удовлетворило бы пролетаріатъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ 1848 г. политическій радикализмъ въ Германіи выразился въ образованіи республиканской партіи и въ возбужденіи ряда политическихъ движеній республиканскаго характера, но эти движенія были такъ рѣшительно и сурово подавлены, что названная партія въ Германіи совершенно исчезла [2]). Если, далѣе, мы перейдемъ отъ политическихъ воззрѣній нѣмецкой буржуазіи, рѣзко отмѣченныхъ антидемократическимъ характеромъ, къ ея воззрѣніямъ экономическимъ, то увидимъ, что въ этой области царило самое шаблонное манчестерство, соединенное съ полнѣйшимъ непониманіемъ рабочаго вопроса. Такимъ образомъ въ Германіи въ шестидесятыхъ годахъ между буржуазіей и пролетаріатомъ не оказалось того связующаго звена, какой въ Англіи представлялъ собою чартизмъ, во Франціи — радикализмъ и даже въ самой Германіи въ 1848 г.—республиканизмъ. Какъ относилась нѣмецкая либеральная буржуазіи къ рабочему движенію, лучше

---

[1]) См. выше, стр. 371—372, 377 и др. Прибавимъ, что въ Пруссіи въ 1853 г. былъ изданъ законъ, запрещавшій фабричный трудъ для дѣтей моложе 12 лѣтъ и устанавливавшій шестичасовой день для дѣтей—не старше 14 лѣтъ и десятичасовой для подростковъ до 16 лѣтъ. При этомъ были введены фабричные инспектора. Къ сожалѣнію, они плохо наблюдали за исполненіемъ закона, а если и привлекали фабрикантовъ къ отвѣтственности, то послѣдніе за нарушеніе закона платились лишь небольшимъ штрафомъ. Только одинъ ахенскій фабричный инспекторъ Пиперъ прославился своей энергичной борьбой съ фабрикантами, не исполнявшими закона. Впрочемъ, о фабричномъ законодательствѣ рѣчь будетъ итти въ VI т.

[2]) См. выше, стр. 558.

всего видно изъ отвѣта, даннаго въ 1862 г. вождями Національнаго союза лейпцигской рабочей депутаціи, просившей принимать рабочихъ въ члены этого союза. Отвѣтъ, какъ извѣстно, былъ тотъ, что рабочіе-де и безъ того являются прирожденными почетными членами Національнаго союза. Нѣтъ ничего мудренаго поэтому, что въ Германіи при такихъ обстоятельствахъ образовалась особая рабочая партія съ парламентарно-политическимъ характеромъ. Начало этому новому направленію было положено въ 1863 г., а введеніе въ 1867 г. въ нѣмецкую политическую жизнь всеобщаго, для всѣхъ равнаго, прямого и тайнаго голосованія [1]) дало возможность этой партіи получить вполнѣ самостоятельное значеніе въ политической жизни страны.

Къ этимъ общественнымъ причинамъ особаго характера, какой получило въ Германіи соціальное движеніе, нужно присоединить и причины чисто культурнаго значенія. Разсматривая развитіе соціальныхъ ученій въ сороковыхъ годахъ, мы не разъ отмѣчали то, что въ Германіи они впервые получили научный характеръ, отрѣшившись, съ одной стороны, отъ всякаго мистицизма и романтизма, характеризующихъ болѣе раннія соціальныя ученія, и въ то же время обосновавъ себя на теоретическихъ положеніяхъ и историческихъ наблюденіяхъ политической экономіи, къ которой относились враждебно или которую плохо знали представители прежнихъ системъ общественнаго переустройства [2]). Въ лицѣ Маркса соціальное движеніе въ Германіи пріобрѣло такого теоретика, какого не выставили ни Англія, ни Франція. Каковы бы ни были недостатки его отвлеченной философіи съ ея „экономическимъ матеріализмомъ“ и „діалектическимъ методомъ“ [3]), вооруженный хорошимъ знаніемъ политической экономіи и соціальной исторіи новаго и въ особенности новѣйшаго времени, онъ глубоко понялъ какъ характеръ „классовой борьбы“ XIX вѣка, такъ и безсиліе дѣланныхъ революцій на французскій образецъ въ измѣненіи существующихъ экономическихъ порядковъ, пока само развитіе данныхъ экономическихъ отношеній не приведетъ къ необходимости ихъ преобразованія. Человѣкъ несомнѣнно самаго революціоннаго темперамента, онъ уже въ 1848 г. отговаривалъ своихъ послѣдователей отъ заговоровъ и возстаній [4]). Съ принципіальной точки зрѣнія марксизмъ сдѣлался даже полнымъ отрицаніемъ всякаго революціонизма, за которымъ необходимо скрывается какой-либо утопизмъ. Другой вопросъ—насколько самъ Марксъ въ этомъ отношеніи

---

[1]) См. выше, стр. 739.
[2]) См. выше, гл. XVI.
[3]) Ср. выше, стр. 370, 390 и др.
[4]) См. выше, стр. 566, 568 и др.

былъ послѣдовательнымъ „марксистомъ“ въ своемъ дѣйствительномъ образѣ дѣйствій. Здѣсь можно говорить о противномъ, и даже скорѣе можно было бы удивляться, если бы Марксъ не былъ такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Ему пришлось формулировать свои теоріи въ самый разгаръ революціонныхъ страстей, въ эпоху преувеличенныхъ надеждъ и самыхъ отчаянныхъ пораженій, причемъ и лично онъ подвергался преслѣдованіямъ и долженъ былъ жить въ изгнаніи, гдѣ окружали его другіе такіе же изгнанники, равнымъ образомъ проникнутые озлобленіемъ противъ побѣдителей и совершающейся реакціи. Съ 1849 г. Марксъ жилъ все время въ Лондонѣ. Въ своей „Новой Рейнской газетѣ“ онъ и Энгельсъ занялись изученіемъ только-что пережитыхъ событій съ точки зрѣнія классовой борьбы. Кромѣ того, въ пятидесятыхъ годахъ Марксъ сотрудничалъ въ нью-іоркской „Tribune“, гдѣ помѣстилъ тоже нѣсколько экономическихъ и историческихъ статей [1]). Имѣя подъ руками богатыя лондонскія библіотеки и смотря на Англію, какъ на классическую страну капиталистическаго производства, онъ занялся изученіемъ англійскихъ экономическихъ отношеній и теорій. Плодами этихъ занятій были вышедшіе въ 1859 и 1867 гг. „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ и первый томъ „Капитала“, создавшіе ему славу первокласснаго ученаго. Развитая имъ здѣсь трудовая теорія цѣнности явилась принципіальнымъ оправданіемъ требованій рабочаго движенія [2]). Въ практическомъ отношеніи, какъ мы увидимъ, главнымъ его дѣломъ было въ эту эпоху (1864) созданіе Международнаго Общества рабочихъ, которое по его мысли должно было заниматься пропагандой и агитаціей и отнюдь не быть революціоннымъ заговоромъ [3]).

Другого научнаго теоретика и практическаго дѣятеля нѣмецкое соціальное движеніе пріобрѣло въ лицѣ Лассаля. И Марксъ, и Лассаль одинаково вышли изъ школы Гегеля и ранѣе всего систематически занимались философіей, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Марксъ въ го-

---

[1]) Статьи изъ „Neue Rheinische Zeitung“ были перепечатаны не такъ давно (см. выше, стр. 485 и 589), а въ 1897 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ (въ нѣмецкомъ переводѣ Каутскаго) и статьи изъ „Трибуны“, составившія книжку подъ заглавіемъ „Revolution und Contre-Revolution in Deutschland“.

[2]) Объ этомъ будетъ рѣчь еще въ VI т.

[3]) Для опредѣленія марксистскихъ взглядовъ на революціонный способъ дѣйствій любопытныя данныя представляетъ написанное Энгельсомъ въ 1897 г. введеніе къ „Klassenkämpfe in Frankreich“ Маркса, указаннымъ выше на стр. 485. Здѣсь авторъ говоритъ о томъ, какъ революція 1848 г. обманула надежды его и Маркса (ср. выше замѣчаніе о томъ, что оба они признавались въ своихъ ошибкахъ, стр. 395): die Geschichte hat uns Unrecht gegeben, признается Энгельсъ и на нѣсколькихъ страницахъ распространяется о невозможности и нежелательности такихъ революцій, какая была въ 1848 г.

раздо большей степени, чѣмъ Лассаль, освободился отъ идеалистической основы гегельянства. Экономическій матеріализмъ былъ далекъ отъ Лассаля, но не потому, чтобы онъ понялъ его односторонность, а потому, что онъ не сумѣлъ понять его вѣрной стороны. Оба они, далѣе, перешли отъ вопросовъ отвлеченной философіи къ вопросамъ философіи практической, испытавъ свои силы на критикѣ гегелевой философіи права, чтобы перейти затѣмъ отъ вопросовъ юридическихъ къ экономическимъ. Но для обоихъ теоретическая разработка политической экономіи и притомъ на чисто научной почвѣ должна была служить лишь практикѣ общественной жизни, какъ оба они ее понимали. Впрочемъ, Лассаль былъ гораздо болѣе юристомъ, чѣмъ экономистомъ, и его экономическая теорія далеко оставалась позади теоріи Маркса. У прежнихъ экономистовъ Лассаль заимствовалъ ученіе о „желѣзномъ законѣ“ рабочей платы, въ силу котораго трудъ оплачивается вслѣдствіе конкурренціи въ предложеніи рабочихъ рукъ лишь минимумомъ, необходимымъ для пропитанія рабочаго, а у Луи Блана онъ взялъ ученіе о рабочихъ ассоціаціяхъ, получающихъ помощь отъ государства: въ соединеніи этихъ двухъ идей онъ и видѣлъ выполненіе своей мысли о необходимости „вооружиться современной наукой“ ради рѣшенія соціальнаго вопроса. Въ политической экономіи Лассаль вообще не былъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ, ищущимъ чистой теоретической истины: изъ существующихъ ученій онъ бралъ то, что считалъ наиболѣе пригоднымъ для борьбы, не доискиваясь, насколько теоретическія основанія нужныхъ ему воззрѣній сами были вѣрны. Въ послѣднемъ отношеніи Марксъ тоже далеко оставлялъ за собою Лассаля. Если, однако, онъ и законы историческаго развитія экономическихъ отношеній и соціальныхъ формъ понималъ съ меньшимъ реализмомъ, чѣмъ Марксъ, то, съ другой стороны, онъ гораздо болѣе его вѣрилъ въ силу идей, въ творческую силу личности, и эта-то его вѣра при гораздо большемъ личномъ честолюбіи, чѣмъ то, которымъ обладалъ Марксъ, и вдохновляла его въ его поразительно энергичной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возлагалъ и неизмѣримо большія надежды на современное государство, сохранивъ изъ ученія Гегеля большое уваженіе къ этому учрежденію, лишь бы только оно сдѣлалось орудіемъ соціалистической программы. Мы увидимъ, что въ своемъ стремленіи добиться осуществленія этой программы онъ готовъ былъ обратить къ ней самого Бисмарка, на что Марксъ, конечно, никакимъ образомъ не могъ бы расчитывать. Между Марксомъ и Лассалемъ лично существовали дружескія отношенія, благодаря свиданіямъ и перепискѣ, но Марксъ находилъ, что его младшій другъ слишкомъ испытывалъ

на себѣ вліяніе обстоятельствъ данной минуты и вообще впадалъ въ ошибки прежнихъ соціалистовъ [1]).

Фердинандъ Лассаль родился въ 1825 г. въ зажиточной еврейской семьѣ, жившей въ Бреславлѣ. Онъ получилъ и университетское образованіе сначала въ родномъ своемъ городѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ. Это было въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ эпоху полнаго господства гегельянской философіи, когда, однако, въ ней же обнаружились совершенно новыя стремленія [2]). Молодой Лассаль сдѣлался убѣжденнымъ гегельянцемъ и посвятилъ себя всецѣло философіи. Плодомъ этихъ занятій были два капитальныхъ труда, вполнѣ опубликованныхъ имъ лишь въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ. Одно изъ нихъ—„Философія Гераклита Темнаго изъ Эфеса“ (1857)—представляетъ изъ себя изслѣдованіе въ области исторіи древне-греческой философіи, другое—„Система пріобрѣтенныхъ правъ“ (1861)—попытку, какъ выражается самъ авторъ, „научно-юридической разработки той политико-соціальной мысли, которая лежитъ въ основѣ всего современнаго историческаго періода“. Получивъ еще въ 1844 г. степень доктора философіи въ берлинскомъ университетѣ, Лассаль отправился продолжать свои научныя занятія въ Парижъ, гдѣ въ это время Марксъ уже началъ свою публицистическую дѣятельность соціалистическаго характера [3]). Здѣсь Лассаль сблизился съ кружкомъ Маркса и дружески сошелся съ Гейне, къ которому уже давно относился съ большою любовью и уваженіемъ. Въ 1846 г. онъ возвратился въ Берлинъ съ намѣреніемъ выступить приватъ-доцентомъ философіи въ тамошнемъ университетѣ и сразу попалъ въ ученые и литературные круги, въ которыхъ съ самаго же начала оцѣнили блестящія качества его ума и большія научныя знанія. Въ это время Лассаль впутался въ одну семейную драму изъ аристократическаго міра, явившись защитникомъ одной графини (Гацфельдъ), которая страдала отъ деспотизма своего мужа. По характеру человѣкъ способный увлекаться до самозабвенія и страстно жаждавшій жизненныхъ битвъ, Лассаль началъ нескончаемый процессъ съ этимъ прусскимъ аристократомъ, который отомстилъ ему тѣмъ, что возбудилъ преслѣдованіе противъ самого Лассаля. Это дѣло стоило ему шесть мѣсяцевъ предварительнаго заключенія (1847), но окончилось его торжествомъ передъ судомъ присяжныхъ (1848). Вся Германія была какъ-разъ въ это время въ революціонномъ движеніи, и Лассаль принялъ въ немъ самое дѣятель-

---

[1]) Различіе взглядовъ Маркса и Лассаля будетъ разсмотрѣно въ VI томѣ по поводу распри между двумя партіями нѣмецкой соціальной демократіи въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ.

[2]) См. выше, стр. 353 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 388 и слѣд.

ное участіе: вступалъ въ демократическія общества, говорилъ на народныхъ сходкахъ, составлялъ воззванія и сотрудничалъ въ „Новой Рейнской газетѣ“ Маркса. Въ качествѣ республиканца и соціалиста онъ все болѣе и болѣе приходилъ къ мысли о необходимости дать преобладающее мѣсто въ совершавшейся тогда борьбѣ рабочему сословію. Поэтому уже тогда онъ особенно охотно вращался въ рабочихъ кругахъ, читалъ рабочимъ лекціи, произносилъ рѣчи на ихъ сходкахъ, стараясь объяснить имъ ту роль, которую пролетаріатъ призванъ играть въ исторіи. Понятно, что такая дѣятельность скоро обратила на себя вниманіе властей. Когда Лассаль принялъ участіе въ агитаціи, происходившей въ прирейнской Пруссіи противъ берлинскаго государственнаго переворота [1]), онъ былъ вмѣстѣ съ другими своими единомышленниками арестованъ, какъ подстрекатель къ вооруженному возстанію противъ королевской власти (ноябрь 1848 г.). Въ началѣ мая 1849 г. послѣ пятимѣсячнаго предварительнаго заключенія Лассаль предсталъ передъ дюссельдорфскими присяжными, но они вынесли ему оправдательный приговоръ. Онъ заранѣе написалъ свою защитительную рѣчь, которую отдалъ въ печать, и она стала распространяться въ публикѣ еще задолго до начала процесса, что̀ сдѣлалось для суда предлогомъ разсматривать его дѣло при закрытыхъ дверяхъ. Лассаль протестовалъ противъ этого и отказался отъ какой бы то ни было защиты, но это не помѣшало присяжнымъ его оправдать. Сама рѣчь Лассаля была цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ реакціоннаго характера прусской политики, и крайне раздраженное всѣмъ этимъ правительство возбудило противъ него новое преслѣдованіе — уже передъ судомъ исправительной полиціи, который и приговорилъ его къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Когда онъ отбылъ свое наказаніе, въѣздъ въ Берлинъ былъ ему воспрещенъ [2]), и онъ поселился въ Дюссельдорфѣ и здѣсь предался снова своимъ философскимъ занятіямъ. Но послѣ такой массы крови, которая была пролита въ 1848 и 1849 гг., и послѣ столькихъ дѣлъ, вопіющихъ о мщеніи, какъ онъ писалъ Марксу, онъ уже не могъ заниматься однѣми отвлеченными теоріями, тѣмъ болѣе, прибавлялъ онъ, что простое теоретизированіе не приноситъ непосредственной пользы, и люди продолжаютъ жить такъ, какъ будто никогда не было высказано великихъ мыслей, никогда не было написано великихъ произведеній человѣческаго ума. Лассаль задумалъ тогда написать трагедію „Францъ фонъ-Зиккингенъ“, сюжетъ которой былъ имъ взятъ изъ исторіи нѣмецкой революціи двадца-

[1]) См. выше, стр. 567.

[2]) Лишь въ 1857 г. ему разрѣшено было переѣхать въ прусскую столицу.

тыхъ годовъ XVI в., представлявшей столько аналогій съ революціей сороковыхъ годовъ XIX столѣтія. Въ этомъ драматическомъ произведеніи, появившемся въ печати въ 1859 г., Лассаль вывелъ на сцену и Ульриха фонъ-Гуттена, этого нѣмецкаго радикала реформаціонной эпохи, характеръ и судьба котораго, по собственному признанію Лассаля, имѣли столь много общаго съ его собственною судьбой и характеромъ. Живой интересъ къ современности, когда съ конца пятидесятыхъ годовъ снова стала вездѣ пробуждаться политическая жизнь, заставилъ Лассаля напечатать въ 1859 г. (сначала анонимно) брошюру подъ заглавіемъ: „Итальянская война и задача Пруссіи, голосъ демократа“, и въ ней онъ весьма краснорѣчиво защищалъ съ демократической точки зрѣнія принципъ свободнаго самоопредѣленія національностей. Весьма естественно, что онъ взялъ подъ свою защиту дѣло итальянскаго освобожденія и объединенія противъ Австріи, этого врага свободы народовъ и оплота всякой реакціи. Ненавидя и Наполеона III, онъ тѣмъ не менѣе становился на его сторону, такъ какъ этотъ врагъ свободы дѣлалъ доброе дѣло, помогая Италіи противъ поработителей. Лассаль считалъ полезнымъ пораженіе Австріи въ этой войнѣ и съ патріотической точки зрѣнія, потому что Австрія была главной помѣхой и въ дѣлѣ объединенія Германіи. Послѣдній вопросъ, котораго Лассаль уже раньше коснулся въ своей трагедіи, очень его занималъ, и онъ рѣшительно высказывался въ томъ смыслѣ, что великое національное дѣло должно быть совершено Пруссіей. Впрочемъ, это обращеніе къ Пруссіи, на которую онъ и прежде, и послѣ нападалъ, какъ на государство съ самымъ отсталымъ, по его мнѣнію, правительствомъ, было только практическимъ маневромъ, настоящею же его мыслью, какъ республиканца 1848 г., было „объединеніе Германіи безъ династій“. Интересуясь итальянскимъ возрожденіемъ, онъ въ 1861 г. посѣтилъ Италію и гостилъ нѣкоторое время у Гарибальди на его островѣ Капрерѣ.

Въ 1861 г. Лассаль окончилъ и выпустилъ въ свѣтъ свою „Систему пріобрѣтенныхъ правъ“, представлявшую собою, какъ значилось въ самомъ подзаголовкѣ, „опытъ примиренія положительнаго законодательства съ философіей права“. Эта съ перваго взгляда строго теоретическая работа была предпринята Лассалемъ изъ-за чисто практическаго политическаго интереса. Въ немъ онъ „ковалъ оружіе для новыхъ цѣлей“ изъ всего того, что въ области права оставилъ древній Римъ и послѣдующее историческое развитіе, и издавалъ, какъ выразился онъ самъ, „прочную твердыню научной системы права для революціи и соціализма“. Являясь въ этомъ трудѣ послѣдователемъ философіи Гегеля въ ея основныхъ принципахъ и въ ея методѣ, Лассаль находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что философія права Ге-

геля подлежитъ устраненію и должна быть замѣнена новою. Критика этой философіи права была предпринята лѣвыми гегельянцами еще въ сороковыхъ годахъ [1]), но Лассаль былъ недоволенъ и тѣмъ направленіемъ, которое приняла разработка философіи права въ ближайшее къ нему время. По его мнѣнію, главная ошибка Гегеля заключалась въ томъ, что онъ разсматривалъ такія общественныя явленія, какъ собственность, семейное, наслѣдственное и договорное право и т. п., не въ качествѣ формъ, зависящихъ отъ историческихъ условій, а въ качествѣ какихъ-то вѣчныхъ и неизмѣнныхъ сущностей. Центральною идеей юридическаго построенія самого Лассаля было понятіе „пріобрѣтенныхъ правъ“ (erworbene Rechte), т.-е. правъ, добытыхъ личностью путемъ ея собственнаго дѣйствія и воли. И эти права не могутъ считаться незыблемыми и непреложными, потому что подлежатъ отмѣнѣ, разъ общее сознаніе народа, которое въ каждомъ историческомъ періодѣ представляетъ единственную основу и источникъ права, требуетъ уничтоженія какихъ-либо отжившихъ свое время формъ. Всякое время имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе и вовсе не обязано находиться въ зависимости отъ другого времени. Когда въ силу измѣненія, совершившагося въ общемъ сознаніи, происходитъ отмѣна, напримѣръ, такихъ учрежденій, какъ крѣпостничество или цехи, то не происходитъ въ этихъ случаяхъ никакого нарушенія пріобрѣтенныхъ правъ, и существующія права могутъ быть уничтожены безъ какого бы то ни было вознагражденія тѣхъ, которые при этомъ теряютъ свои прежнія права [2]). Это сведеніе Лассалемъ права къ общему сознанію, какъ единственной его основѣ и источнику, показываетъ, что онъ продолжалъ стоять въ своей философіи на идеалистической точкѣ зрѣнія самого Гегеля. Но онъ воспользовался этою точкою зрѣнія, равно какъ діалектическимъ методомъ своего учителя, чтобы опровергнуть консервативные выводы исторической школы Савиньи и особенно выводы теоретика прусской феодальной партіи Шталя [3]). Издавая въ свѣтъ свою книгу, стоившую ему громаднаго труда, онъ ожидалъ отъ нея важныхъ послѣдствій для законодательства, но дѣйствительность не оправдала его ожиданій.

Когда между прусскимъ правительствомъ и народнымъ представи-

---

[1]) См. выше, стр. 360 и слѣд.

[2]) Самъ Лассаль коротко резюмировалъ свой взглядъ на прусское аграрное законодательство съ 1850 г. и въ своей рѣчи „Наука и рабочіе“, гдѣ читаемъ: „Въ Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ я доказываю, что прусское аграрное законодательство есть не что иное, какъ—я прямо такъ и говорю—противозаконный и противорѣчащій собственному правовому сознанію грабежъ бѣдняка въ пользу богатой землевладѣльческой аристократіи“.

[3]) См. выше, стр. 636—640.

тельствомъ началась извѣстная конституціонная борьба [1]), Лассаль на самыхъ первыхъ порахъ шелъ до нѣкоторой степени рука объ руку съ прогрессистами, но мало-по-малу началъ высказываться противъ принциповъ этой партіи. Въ 1862 г. онъ написалъ рѣчь „О сущности конституціи", которую произнесъ въ нѣсколькихъ собраніяхъ либеральной партіи, а потомъ напечаталъ отдѣльною брошюрою. Въ каждой странѣ, говорилъ здѣсь Лассаль, должны существовать какія-либо фактическія отношенія силы, и они-то, эти отношенія, и составляютъ истинную конституцію (Verfassung) данной страны. Частями этой конституціи являются король, въ распоряженіи котораго находятся войско и пушки, дворянство, оказывающее вліяніе на дворъ и на короля, крупная промышленность и торговля, биржа и банки, въ извѣстныхъ предѣлахъ общее сознаніе, а въ крайнихъ случаяхъ и сама народная масса. Безъ подобной конституціи не было, да и быть не могло бы, ни одного государства, но въ наше время желаютъ имѣть еще и писаныя конституціи. Причина этого та, что въ странахъ, гдѣ стремятся имѣть такую конституцію, произошли измѣненія въ фактическихъ отношеніяхъ силы, и состоятъ эти измѣненія въ томъ, что въ этихъ странахъ совершилось развитіе буржуазіи, сила которой стала перевѣшивать силу короны и дворянства. Буржуазія не хочетъ болѣе играть роль подвластной массы, а желаетъ сама владычествовать и превратить государя въ орудіе своей воли, и вотъ въ интересѣ этого своего господства она стремится закрѣпить всѣ учрежденія и всѣ правительственные принципы страны въ хартіи. Пока, однако, сила буржуазіи не имѣетъ надлежащей организаціи, она совершенно уступаетъ меньшей, но организованной силѣ короля, въ распоряженіи котораго находятся войско и пушки. Бываютъ моменты, когда нація, видя, что ею управляютъ не такъ, какъ это ей желательно и для нея выгодно, противопоставляетъ свою неорганизованную силу организованной власти, и тогда происходитъ 18 марта 1848 г. Въ своей рѣчи Лассаль разсматриваетъ прусскую революцію 1848 г. и находитъ, что тогдашнее національное собраніе не сумѣло выполнить своей задачи: оно должно было создать дѣйствительную конституцію, т.-е. измѣнить въ пользу гражданъ существующія въ странѣ реальныя отношенія силы, а именно овладѣть организованною силою войска и пушекъ; тогда ему было бы легко въ три дня сочинить писаную конституцію, а оно теряло драгоцѣнное время въ преніяхъ о разныхъ статьяхъ писаной конституціи. Правда, король далъ такую конституцію, но онъ хорошо понималъ, что послѣ его побѣды надъ буржуазіей эта писаная конституція всегда будетъ

[1]) См. выше, стр. 711 и слѣд.

итти позади конституціи дѣйствительной. Гдѣ дѣйствительная конституція находится въ противорѣчіи съ писаной, тамъ послѣдней не помогутъ никакіе крики. „Конституціонные вопросы, говорилъ Лассаль, резюмируя свою мысль, суть въ своей основѣ (ursprünglich) не вопросы права, а вопросы силы". Лишь тамъ писаная конституція, не соотвѣтствующая дѣйствительной, можетъ измѣниться влѣво, гдѣ неорганизованная сила общества снова начинаетъ доказывать, что оно превосходитъ организованную силу войска и пушекъ. Рядомъ съ войскомъ Лассаль ставилъ еще чиновничество и указывалъ на то, что у королевской власти есть „практическіе слуги, не краснобаи (Schönredner), а именно практическіе слуги", какихъ желать для себя должны были бы и либералы. Вожди прогрессистовъ, которыхъ Лассаль имѣлъ въ виду, говоря о краснобаяхъ, были очень недовольны этою рѣчью, косвенно порицавшею ихъ политику; наоборотъ, публицисты феодальной партіи, болѣе всего хлопотавшіе о томъ, чтобы разссорить правительство съ буржуазіей, находили, что Лассаль совершенно вѣрно понялъ существо дѣла. Въ общемъ рѣчь была предостереженіемъ по адресу буржуазіи, чтобы она не повторяла ошибокъ 1848 г. Вскорѣ послѣ этого Лассаль написалъ другую рѣчь „Объ особой связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія", болѣе извѣстную подъ названіемъ „Программы рабочихъ". Она была имъ произнесена въ одномъ берлинскомъ ремесленномъ союзѣ въ апрѣлѣ 1862 г.: ею и началъ Лассаль свою агитаторскую дѣятельность среди рабочихъ.

Въ этой знаменитой рѣчи Лассаль прежде всего вкратцѣ изложилъ исторію отношеній, существовавшихъ между отдѣльными классами западно-европейскаго общества. Но главное значеніе этой рѣчи заключалось въ изложеніи собственныхъ политическихъ воззрѣній Лассаля. Какъ послѣдователь Гегеля, онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія закономѣрности историческаго процесса и примѣнялъ эту идею къ пониманію общественныхъ переворотовъ, какъ результатовъ предыдущаго развитія. „Нельзя, говорилъ онъ, сдѣлать революцію; можно дать только внѣшнее признаніе и послѣдовательное развитіе революціи, уже совершившейся въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ общества. Хотѣть сдѣлать революцію можетъ только глупость неразвитыхъ людей, не имѣющихъ понятія о законахъ исторіи. Но, продолжалъ онъ далѣе, такая же глупость, такое же ребячество заключается и въ желаніи остановить революцію, уже совершившуюся внутри общества, въ сопротивленіи ея правовому признанію, въ упрекахъ обществу, въ которомъ произошла такая революція, или людямъ, которые помогали ея рожденію на свѣтъ: какъ скоро революція находится внутри общества, въ его дѣйствительныхъ отношеніяхъ, ей надо

выйти на свѣтъ, выйти въ законодательство и никакими усиліями не задержишь ея". Тѣмъ не менѣе Лассаль высказывалъ мысль, что постепенныя реформы не такъ быстро приводятъ къ цѣли, какъ внезапные перевороты. „При всѣхъ своихъ великихъ преимуществахъ, говорилъ онъ, легальныя преобразованія имѣютъ очень важное неудобство—неудобство безсилія, простирающагося на цѣлыя столѣтія", а потому онъ находилъ въ революціонномъ пути „несмотря на его неоспоримыя невыгоды, то преимущество, что онъ быстро и энергически ведетъ къ практической цѣли". На такое размышленіе его навела неудача реформъ, предшествовавшихъ французской революціи, реформъ, которыя тоже должны были доставить преобладаніе буржуазіи. Характеризуя положеніе, занятое среднимъ сословіемъ послѣ 1789 г., Лассаль видитъ въ буржуазіи не столько извѣстный общественный классъ [1]), сколько „извѣстное политическое направленіе". По его опредѣленію, „крупный промышленникъ самъ по себѣ, какъ таковой, еще не буржуа. Но, продолжаетъ Лассаль, если крупный промышленникъ, не довольствуясь фактическими пріятностями богатства, хочетъ еще поставить свое богатство, капиталъ, условіемъ участія въ государственной власти, въ опредѣленіи воли и цѣли государства, то онъ обращается въ буржуа, онъ превращаетъ фактъ владѣнія въ правовое условіе политической власти, онъ выказываетъ себя новымъ привилегированнымъ сословіемъ въ народѣ, сословіемъ, которое хочетъ навязать всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ существенный характеръ своей привилегіи, какъ дѣлало въ средніе вѣка дворянство съ привилегіей землевладѣнія". Буржуазія, въ такомъ пониманіи слова, и сдѣлала революцію 1789 года. Но революція 1848 г. была уже революціей четвертаго сословія. Подобно тому, какъ прежде дворянство, а потомъ буржуазія основывали всѣ общественныя учрежденія на принципахъ своихъ сословій, такъ и четвертое сословіе „пожелало сдѣлать свой принципъ господствующимъ принципомъ всего общества и проникнуть имъ всѣ его учрежденія. Но здѣсь, замѣчаетъ Лассаль, въ господствѣ четвертаго сословія тотчасъ высказывается громадная разница съ господствами другихъ классовъ. Дѣло въ томъ, что четвертое сословіе есть послѣднее и крайнее сословіе общества, сословіе обездоленное, не имѣющее и не могущее выставить никакого исключительнаго ни правового, ни фактическаго условія, — ни благородства, ни землевладѣнія, ни обладанія капиталомъ, — которое оно могло бы обратить въ новую привилегію и провести чрезъ всѣ учрежденія общества. Слѣдовательно, заключаетъ Лассаль, въ нѣдрахъ четвертаго

[1]) Ср. опредѣленіе буржуазіи, сдѣланное около 1840 г. Луи Бланомъ (см. выше, стр. 99).

сословія не можетъ быть зародыша новой привилегированности, и потому оно тождественно со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его владычество есть владычество всѣхъ". Разсматривая буржуазію не столько какъ соціальный классъ съ своими особыми интересами, сколько какъ политическое направленіе съ опредѣленными принципами, Лассаль и еще въ одномъ отношеніи отклонялся отъ идеи классовой борьбы, провозглашенной въ „Коммунистическомъ манифестѣ". Именно онъ съ особою силою подчеркнулъ въ своей рѣчи, что „провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества не есть возгласъ раздѣленія и вражды классовъ общества: напротивъ, это возгласъ примиренія, возгласъ, обращенный ко всему обществу, возгласъ, сглаживающій всѣ противорѣчія между общественными кругами, возгласъ единенія" и т. д. Провозгласивъ принципъ рабочаго сословія, какъ господствующій принципъ общества, Лассаль разсматриваетъ, какимъ формальнымъ средствомъ онъ могъ бы быть осуществленъ, каково, далѣе, нравственное достоинство этого принципа и какъ, наконецъ, съ его точки зрѣнія слѣдуетъ понимать цѣль государства. Средство осуществленія этого принципа Лассаль видитъ въ общемъ и прямомъ избирательномъ правѣ. Правда, опытъ Франціи въ 1848—49 гг. былъ неудаченъ, но тѣмъ не менѣе, думаетъ Лассаль, „общее и прямое избирательное право есть единственное средство, само заглаживающее съ теченіемъ времени ошибки, къ которымъ можетъ повести неудачное пользованіе имъ въ данную минуту. Это — копье, само исцѣляющее раны, которыя наноситъ". Со стороны внутренняго достоинства, по словамъ Лассаля, принципъ четвертаго сословія есть „величайшій прогрессъ и тріумфъ нравственности, какой до сихъ поръ извѣстенъ въ исторіи". Причина неизбѣжной безнравственности привилегированныхъ классовъ заключается въ противорѣчіи между ихъ интересами и культурнымъ развитіемъ націи. „Стóитъ только представить себѣ, въ какія условія ежедневно ставитъ ихъ такое существованіе, чтобы понять необходимость глубокаго паденія ихъ. Быть въ необходимости ежедневно противиться всему высокому и доброму, быть въ необходимости огорчаться его успѣхами, радоваться его неудачамъ, задерживать его дальнѣйшій ходъ, стараться обратить его вспять, проклинать его побѣды, вѣчно жить какъ во вражеской странѣ — и кто же этотъ врагъ?—нравственная солидарность своего народа, въ стремленіи къ которой и состоитъ вся истинная нравственность, — вотъ роковая судьба высшихъ классовъ!" Притомъ имъ приходится „или дѣлать все это противъ голоса собственной совѣсти и собственнаго разума, или задушить въ себѣ этотъ голосъ постыдной практикой, чтобы онъ

больше не смущалъ, или, наконецъ, никогда не знать его, никогда ничего лучшаго не видать и не слыхать, какъ религія корысти". Наоборотъ, у низшихъ классовъ нѣтъ этого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи. „Когда низшіе классы общества стремятся къ улучшенію своего положенія, какъ класса, къ улучшенію участи своего сословія, ихъ личный интересъ совпадаетъ съ развитіемъ всего народа, съ побѣдой идеи, съ прогрессомъ культуры, съ самимъ жизненнымъ началомъ исторіи, которое есть не что иное, какъ развитіе свободы" [1]). Лассаль и обращался къ рабочимъ съ указаніемъ на то, что они счастливы, будучи представителями этого совпаденія личныхъ интересовъ съ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія. Поэтому у четвертаго сословія долженъ быть и совершенно иной, нежели у буржуазіи, взглядъ на цѣль государства. Воззрѣніе буржуазіи, по которому „государство имѣетъ цѣлью исключительно лишь обезпеченіе каждому безпрепятственнаго пользованія своими силами", было бы вѣрно, „если бы всѣ мы были равно сильны, равно ловки, равно образованы и равно богаты. Но такого равенства нѣтъ и быть не можетъ", а потому болѣе сильный и подчиняетъ себѣ болѣе слабаго. Отсюда Лассаль дѣлаетъ тотъ выводъ, что функція государства заключается въ „развитіи рода человѣческаго для свободы. Нравственная идея рабочаго сословія состоитъ въ томъ, что безпрепятственное и свободное пользованіе личными силами само по себѣ еще недостаточно, и что для нравственной соціальной жизни необходима сверхъ того солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи. Цѣль государства въ томъ, чтобы соединеніемъ индивидуумовъ доставить имъ возможность достигать ступеней существованія, недостижимыхъ для одинокой личности, дѣлать ихъ способными пріобрѣтать такую сумму просвѣщенія и свободы, которая немыслима для отдѣльнаго индивидуума". Лассаль утверждаетъ при этомъ, что „государство болѣе или менѣе служило этой цѣли во всѣ времена силою самихъ вещей, даже невольно, даже безсознательно, даже противъ желанія своихъ вождей", при господствѣ же идеи рабочаго сословія государство, по его словамъ, стало бы служить указанной цѣли съ полнымъ сознаніемъ и совершенною ясностью. Только усвоивъ такую идею, рабочее сословіе пріобрѣтетъ достойный и глубоко-нравственный отпечатокъ, такъ какъ его идея должна сдѣлаться принципомъ всего вѣка и руководящею идеею всего общества. „Высокая всемірно-историческая честь такого назначенія, говорилъ Лассаль въ заключеніи, должна преисполнить

[1]) Послѣднее опредѣленіе жизненнаго начала исторіи имѣетъ чисто гегельянскій характеръ.

собою всѣ ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей не мыслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ—все это теперь недостойно васъ. Вы—камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго". Всю рѣчь Лассаль закончилъ такими словами: „Съ высокихъ вершинъ науки можно раньше увидѣть зарю разсвѣта, чѣмъ среди обыденной сумятицы. Смотрѣли ли вы когда-нибудь, господа, съ высокой горы на восходъ солнца? Багряная полоса кровавымъ цвѣтомъ окрашиваетъ край небосклона, возвѣщая новый день; туманы и облака поднимаются, сгущаются и бросаются навстрѣчу зарѣ, на мгновеніе скрывая ея лучи; но нѣтъ той силы на землѣ, которая могла бы остановить медленное и величественное восхожденіе солнца, и часъ спустя, оно стоитъ на небѣ, на виду у всѣхъ, ярко сіяя и согрѣвая. Что—часъ въ естественномъ зрѣлищѣ суточныхъ небесныхъ перемѣнъ, то—одно или два десятилѣтія въ неизмѣримо величественнѣйшемъ зрѣлищѣ всемірно-историческаго восхода солнца!"

Буржуазія была крайне недовольна рѣчью Лассаля; очень она не понравилась также и прогрессистамъ. Между тѣмъ конфликтъ правительства съ палатою обострился еще болѣе, и осенью 1862 г. король поставилъ во главѣ министерства Бисмарка, который фактически совершенно устранилъ конституцію [1]). Это дало поводъ Лассалю составить свою вторую рѣчь о сущности конституціи подъ заглавіемъ: „Что же теперь?" Она также была написана для произнесенія въ либеральныхъ собраніяхъ. Въ новой рѣчи Лассаль ссылался на то, что послѣднія событія вполнѣ подтвердили заключенія первой его рѣчи, вѣрность которыхъ, кромѣ того, подтвердили еще „Крестовая газета" и даже нѣкоторые министры. Отказъ палаты въ утвержденіи бюджета не имѣлъ никакого значенія, и для спасенія парламентскаго строя остается, пожалуй, лишь отказъ въ уплатѣ налоговъ, средство, которое съ успѣхомъ можетъ примѣняться въ Англіи, но совершенно непригодное въ Пруссіи, гдѣ организованная сила находится всецѣло въ распоряженіи правительства. Поэтому Лассаль не совѣтовалъ прибѣгать къ этой мѣрѣ. Онъ думалъ, что депутаты должны были только констатировать фактъ взиманія правительствомъ налоговъ, не утвержденныхъ палатою, и прекратить всякую конституціонную дѣятельность, дабы правительству оставалось одно изъ двухъ—или уступить, или и впредь управлять безъ палаты. Лассаль былъ увѣренъ, что правительство предпочтетъ уступить. Прогрессисты были недовольны такимъ совѣтомъ и упрекали его въ томъ, что онъ выдвигаетъ впередъ силу въ ущербъ праву. Лассаль пожелалъ отвѣчать на это обвиненіе, но всѣ органы либеральной прессы были противъ него, и свою отповѣдь онъ напечаталъ

[1]) См. выше, стр. 715 и слѣд.

въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ „Сила и право“. Въ этомъ „открытомъ письмѣ“, сдѣлавшемся своего рода объявленіемъ войны прогрессистамъ, Лассаль говорилъ, что если бы ему пришлось творить міръ, то онъ, по всей вѣроятности, далъ бы въ немъ перевѣсъ праву надъ силой, такъ какъ это соотвѣтствуетъ его этикѣ, но что онъ не виноватъ, если въ дѣйствительности, которую только онъ и старался разъяснить въ своихъ брошюрахъ, дѣла идутъ инымъ образомъ. На обвиненіе въ томъ, что Бисмаркъ дѣйствуетъ, какъ его ученикъ, Лассаль отвѣтилъ прогрессистамъ обвиненіемъ, что они какъ-разъ сами бросили право, чтобы въ общей суматохѣ поживиться на счетъ силы.

Въ то самое время, какъ совершился окончательный разрывъ Лассаля съ прогрессистами, прокуратура подвергла его судебному преслѣдованію за „Программу рабочихъ“, въ которой она усмотрѣла опасность для общественнаго спокойствія. Процессъ происходилъ въ январѣ 1863 г., и Лассаль сумѣлъ сдѣлать изъ него научный и политическій диспутъ, на которомъ онъ между прочимъ произнесъ рѣчь подъ заглавіемъ „Наука и рабочіе“, принадлежащую къ числу лучшихъ его рѣчей. Противъ обвиненія въ томъ, что его рѣчь о рабочемъ вопросѣ имѣетъ характеръ демагогической махинаціи, онъ возражалъ, доказывая, что это—чисто научное сочиненіе,—а по § 20 прусской конституціи „наука и ея преподаваніе свободны“,—и что въ научности единственное лѣкарство противъ необузданной демагогіи. Судъ приговорилъ Лассаля къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, но дѣло пошло на апелляцію, и Лассаль былъ только оштрафованъ небольшою денежною суммою.

Опубликованіе „Программы рабочихъ“ и разрывъ съ прогрессистами привели Лассаля къ образованію самостоятельной рабочей партіи. Прогрессисты сильно хлопотали о томъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ рабочихъ, союзомъ съ которыми можно было дѣйствовать устрашающимъ образомъ на правительство и на феодальную партію. Но они были очень далеки отъ того, чтобы раздѣлять экономическія и политическія стремленія вождей пролетаріата [1]). Въ области экономической они держались принципа laisser passer, laisser faire и теоріи гармоніи интересовъ капитала и труда. Эта теорія усиленно пропагандировалась въ рабочей средѣ. Особенно прославившійся въ тѣ годы прогрессистъ Шульце-Деличъ доказывалъ рабочимъ, что они должны остерегаться какой бы то ни было помощи со стороны государства, а должны помогать сами себѣ устройствомъ разныхъ товариществъ—потребительныхъ, ссудосберегательныхъ, производительныхъ, а также и самообразовательныхъ. Эта проповѣдь самопомощи имѣла большой успѣхъ, но главнымъ

[1]) См. выше, стр. 713—715.

образомъ только у тѣхъ представителей рабочаго класса, у которыхъ кое-что оставалось для сбереженія. Въ такомъ положеніи находились ремесленники и мелкіе сельскіе хозяева, отнюдь не фабричные рабочіе и батраки. Проповѣдь Шульце-Делича и партійная агитація прогрессистовъ шли рука объ руку. Когда, однако, нѣкоторые рабочіе выразили желаніе вступить дѣйствительными членами въ руководимый прогрессистами Національный союзъ [1]), то прогрессисты объявили имъ, что рабочіе — „прирожденные почетные члены союза", но дѣйствительными его членами быть не могутъ, а Шульце-Деличъ сталъ даже доказывать, что рабочимъ выгоднѣе сдѣлать сбереженія, чѣмъ платить членскіе взносы. Среди рабочихъ это вызвало неудовольствіе. Многіе изъ нихъ стали поэтому поговаривать о необходимости собрать рабочій конгрессъ, на которомъ можно было бы сообща обсудить свое положеніе. Между прочимъ, такая мысль распространялась рабочими, которые ѣздили въ 1862 г. на лондонскую всемірную выставку. „Программа рабочихъ" и громкій процессъ, ею вызванный, обратили на себя большое вниманіе въ рабочихъ кругахъ, особенно въ такъ называемыхъ союзахъ для самообразованія, начавшихъ въ это время возникать во многихъ городахъ Германіи. Комитетъ, устроенный лейпцигскими рабочими для организаціи конгресса, обратился въ февралѣ 1863 г. къ Лассалю съ просьбою, чтобы онъ высказалъ свой взглядъ на рабочее движеніе и на средства, которыми рабочіе должны пользоваться для улучшенія своего быта. На этотъ запросъ Лассаль отвѣчалъ немедленно печатнымъ открытымъ письмомъ, въ которомъ далъ рабочимъ совѣтъ, оставивъ прогрессистовъ, образовать самостоятельную политическую партію и указалъ на то, что шульце-деличевскія сбереженіе и самопомощь въ лучшемъ случаѣ могутъ поднять благосостояніе единицъ, никакъ не всего рабочаго класса. Подавляющее большинство послѣдняго находится подъ дѣйствіемъ „желѣзнаго закона" спроса на трудъ и его предложенія: средняя рабочая плата вслѣдствіе этого закона не превышаетъ той суммы, которая въ каждой странѣ по образовавшимся у народа привычкамъ необходима для его существованія и размноженія. Рабочій получаетъ лишь то, что нужно для его пропитанія, весь же остальной доходъ отъ производства достается предпринимателю. Для дѣйствительнаго улучшенія своего быта рабочимъ нужно получать весь доходъ, а достигнуть этого можно лишь путемъ образованія производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ, которыя охватили бы собою весь рабочій классъ. Ссылаясь на то, что государство оказываетъ помощь строителямъ желѣзныхъ дорогъ и даже беретъ на себя при этомъ рискъ

[1]) См. выше, стр. 820.

убытковъ, Лассаль совѣтовалъ и рабочимъ добиваться подобной же государственной помощи и для себя. Для этого „четвертое сословіе“ прежде всего должно обладать всеобщимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ. Чтобы эта идея получила практическое осуществленіе, рабочіе должны были бы основать особый „Общенѣмецкій рабочій союзъ“, члены котораго дѣлали бы небольшіе еженедѣльные взносы для пропаганды такой реформы. Разъ 96% націи поймете, что всеобщее голосованіе есть „вопросъ желудка“, и начнутъ отстаивать свое право на голосованіе со всею страстью голода, никакая сила въ мірѣ долго противъ нихъ не выдержитъ. Совѣтъ показался простымъ и яснымъ, и среди рабочихъ Лассаль пріобрѣлъ массу поклонниковъ и послѣдователей, но прогрессисты были раздражены его агитаціей въ пользу всеобщаго голосованія, боясь между прочимъ, что при слабомъ политическомъ развитіи массы всеобщее избирательное право сдѣлается въ рукахъ правительства или феодальной партіи орудіемъ реакціи—опасеніе, которое и раньше высказывалось либералами разныхъ странъ [1]) и которое имѣло слишкомъ недавнее фактическое подтвержденіе преимущественно въ извѣстныхъ событіяхъ французской исторіи [2]). Возражая Лассалю, прогрессисты старались выставить его передъ рабочими сторонникомъ реакціи и даже агентомъ тогдашняго правительства, и многіе рабочіе готовы были этому повѣрить. Лассаль отвѣчалъ своимъ противникамъ, стараясь убѣдить рабочихъ въ несостоятельности прогрессистскихъ экономическихъ и политическихъ воззрѣній. Началась борьба на собраніяхъ рабочихъ, устраивавшихся сторонниками и противниками Лассаля въ разныхъ городахъ Германіи (въ Лейпцигѣ, въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ Майнцѣ и т. д.); порою это были настоящіе диспуты Лассаля съ противниками передъ сотнями слушателей. На нѣкоторыхъ собраніяхъ происходило голосованіе, которое ясно указывало на то, что побѣдителемъ изъ преній выходилъ Лассаль. Уже 23 мая уполномоченные отъ рабочихъ изъ десяти наиболѣе крупныхъ промышленныхъ центровъ собрались въ Лейпцигѣ, чтобы положить по мысли Лассаля начало общенѣмецкому союзу рабочихъ, который вполнѣ мирнымъ образомъ и на легальной почвѣ добивался бы осуществленія обоихъ пунктовъ практической только-что провозглашенной программы, т.-е. всеобщаго избирательнаго права и производительныхъ ассоціацій съ государственною помощью. Уставъ новаго общества былъ выработанъ Лассалемъ, и самъ онъ былъ выбранъ на пять лѣтъ въ предсѣдатели союза съ весьма обширными полномочіями, позволявшими даже говорить о диктатурѣ. Натура у Лассаля была повелительная, властная, и онъ былъ

---

[1]) См. т. IV, стр. 287.

[2]) См. выше, гл. XX и XXIV.

убѣжденъ, что для успѣха дѣла союзъ долженъ былъ быть „молотомъ въ рукахъ одного“, что „должна господствовать одна воля“. Такъ какъ союзъ распространялся и расширялъ свою дѣятельность не такъ быстро, какъ то было желательно его основателямъ, Лассаль еще болѣе усилилъ свою агитаціонную работу: велъ обширную переписку, печаталъ полемическія статьи [1]), произносилъ рѣчи на народныхъ собраніяхъ, издавалъ новыя воззванія къ рабочимъ, сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе видѣть основанный имъ союзъ дѣйствительною политическою силою. Къ сожалѣнію, его полемика съ прогрессистами мало-по-малу приняла не особенно пристойный характеръ. Въ это время прогрессистская пресса подвергалась постояннымъ нападкамъ со стороны реакціонныхъ органовъ и разнаго рода преслѣдованіямъ со стороны правительства, во главѣ котораго стоялъ Бисмаркъ, но Лассаль въ своей борьбѣ съ прогрессистами нерѣдко цитировалъ даже самыя пристрастныя и несправедливыя нападки, какія дѣлались на нихъ въ реакціонной печати, а о Бисмаркѣ отзывался съ большими комплиментами. Дѣло въ томъ, что у Лассаля родилась мысль перетянуть на свою сторону самого Бисмарка и внушить ему сочувствіе къ главнымъ своимъ идеямъ. Живя зиму 1863—1864 г. въ Берлинѣ, онъ даже вступилъ въ довольно дѣятельныя сношенія съ Бисмаркомъ, начавшіяся, впрочемъ, по иниціативѣ послѣдняго. Будущій „желѣзный канцлеръ“ самъ уже подумывалъ въ это время о введеніи въ Германіи всеобщаго избирательнаго права, казавшагося ему прекраснымъ орудіемъ въ борьбѣ съ оппозиціей прогрессистовъ [2]), и даже соглашался въ принципѣ съ другимъ планомъ Лассаля касательно государственнаго кредита производительнымъ товариществамъ рабочихъ. Бисмаркъ сразу разгадалъ крайнее честолюбіе Лассаля и впослѣдствіи острилъ надъ нимъ, говоря, что Лассаль готовъ былъ сомнѣваться, совершится ли объединеніе Германіи подъ династіей Гогенцоллерновъ или подъ династіей Лассалей. Впрочемъ, и Лассаль очень скоро понялъ, что Бисмаркъ въ душѣ относился къ нему, не какъ къ политическому дѣятелю, который опирается на цѣлую партію, а какъ къ человѣку, которымъ удобно пользоваться въ качествѣ орудія все въ той же борьбѣ съ ненавистными прогрессистами. Однимъ словомъ, оба они, какъ выразился потомъ самъ Лассаль, хитрили другъ съ другомъ,

---

[1]) Къ числу полемическихъ произведеній Лассаля нужно отнести его главный политико-экономическій трактатъ „Бастіа-Шульце изъ Делича, или Капиталъ и трудъ“, написанный имъ въ зиму 1863—1864 г. Теоретическія идеи этого трактата навѣяны были Лассалю сочиненіемъ Маркса „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, практическія были видоизмѣненнымъ повтореніемъ ученія Луи Блана, отъ котораго Лассаль вообще воспринялъ очень многое.

[2]) См. выше, стр. 732, 739—740 и др.

отлично вмѣстѣ съ тѣмъ понимая свою взаимную хитрость. Хотя скоро они и разошлись между собою, Лассаль и впослѣдствіи доставлялъ Бисмарку свои брошюры.

Агитаціонная дѣятельность Лассаля не обходилась ему даромъ: противъ него возбуждались судебныя преслѣдованія, и самъ онъ подвергался арестамъ. Между прочимъ, осенью 1863 г. онъ напечаталъ „Воззваніе къ берлинскимъ рабочимъ“, гдѣ говорилъ главнымъ образомъ о необходимости всеобщаго избирательнаго права. За эту брошюру весною 1864 г. Лассалю пришлось отвѣчать передъ судомъ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, такъ какъ его обращеніе къ рабочимъ было признано воззваніемъ къ насильственному измѣненію конституціи съ установленіемъ всеобщаго избирательнаго права. Изъ этого процесса Лассаль опять сдѣлалъ средство для нападенія на существующіе порядки. Будучи и на этотъ разъ оправданъ, онъ снова предпринялъ агитаціонную поѣздку по Германіи, повсюду съ восторгомъ привѣтствуемый народомъ, который даже устраивалъ ему настоящія торжественныя встрѣчи и проводы—до постройки тріумфальныхъ арокъ включительно. Лассаль былъ наверху своей славы, и въ его воображеніи могла носиться картина его будущаго въѣзда на бѣлыхъ лошадяхъ чрезъ Бранденбургскія ворота въ столицу Пруссіи. Въ рѣчахъ, которыя онъ произносилъ представлявшимся ему депутаціямъ или въ народныхъ собраніяхъ,—особенно въ рѣчи на одномъ праздникѣ въ годовщину основанія Рабочаго союза,—Лассаль подогрѣвалъ самого себя и своихъ слушателей довольно-таки преувеличенными указаніями на то, чего успѣлъ уже достигнуть этотъ союзъ. Увлекаясь личнымъ успѣхомъ въ народной массѣ, онъ въ то же время думалъ импонировать правительству, какъ бы дѣлая смотръ своей партіи и, конечно, стараясь представить ея силы бо́льшими, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Еще раньше приговоренный дюссельдорфскимъ судомъ за одну изъ своихъ рѣчей къ годовому тюремному заключенію, лѣтомъ 1864 г. Лассаль защищалъ свое дѣло передъ второй инстанціей, которая вдвое сократила этотъ срокъ. Крайне утомленный и серьезно расхворавшись, онъ уѣхалъ отдохнуть и поправить свое здоровье въ Швейцарію. Здѣсь произошелъ знаменитый „романъ Лассаля“, окончившійся трагическою развязкою: 31 августа 1864 г. онъ былъ убитъ на дуэли.

Послѣ смерти Лассаля во главѣ основаннаго имъ союза сталъ сначала Беккеръ, за которымъ стояли Тёльке и Перль, пока руководительство не перешло къ Швейцеру, еще въ 1865 г. основавшему въ Берлинѣ органъ новой партіи „Соціалъ-демократъ“. Съ 1867 г. благодаря всеобщей подачѣ голосовъ соціалъ-демократы стали попадать въ рейхстагъ (сначала Сѣверо-германскаго союза, потомъ Германской

имперіи). Но рядомъ съ этой партіей, основанной въ Пруссіи Лассалемъ, возникла въ Саксоніи другая соціалистическая партія, организаторомъ которой былъ Либкнехтъ. Живя въ Лондонѣ послѣ революціи 1848 г., въ которой онъ принималъ участіе въ качествѣ журналиста, Либкнехтъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Маркса. Онъ сумѣлъ завербовать въ ряды послѣдователей Маркса токаря Бебеля, состоявшаго предсѣдателемъ лейпцигскаго союза для самообразованія рабочихъ (Arbeiterbildungsverein) и пользовавшагося большимъ авторитетомъ среди своего сословія. Первоначально Бебель въ экономическихъ вопросахъ раздѣлялъ воззрѣнія Шульце-Делича, а въ политическомъ стоялъ на сторонѣ Національнаго союза [1]), будучи въ то же время представителемъ демократическаго католицизма, пока Либкнехтъ не познакомилъ его съ ученіемъ Маркса. За Бебелемъ перешли въ ряды марксистовъ многіе его товарищи и послѣдователи, и когда въ 1868 г. въ Нюрнбергѣ собрался съѣздъ представителей отъ рабочихъ союзовъ для самообразованія, то громаднымъ большинствомъ ихъ было рѣшено примкнуть къ основанному незадолго передъ тѣмъ Марксомъ Международному Обществу рабочихъ. Въ слѣдующемъ году послѣдователи Маркса собрались въ Эйзенахѣ, гдѣ и выработали программу особой партіи рабочихъ соціалистовъ-демократовъ. Своими политическими принципами она провозгласила всеобщее избирательное право съ 21 года и непосредственное участіе народа въ законодательствѣ, экономическая же программа партіи состояла въ установленіи нормальнаго рабочаго дня, отмѣнѣ косвенныхъ налоговъ, введеніи прогрессивнаго налога на наслѣдства и на доходы и государственной помощи для производительныхъ товариществъ. Между обѣими партіями началось соперничество въ виду несогласія основныхъ пунктовъ. Теоретическое ученіе Лассаля не совпадало съ ученіемъ Маркса, а помимо того, партія, основанная Лассалемъ, имѣла характеръ національный, т.-е. ограничивала свою дѣятельность одною Германіею, тогда какъ Либкнехтъ и его послѣдователи примкнули къ международному направленію Маркса. Болѣе же всего послѣдователи Маркса нападали на то, что партія приверженцевъ программы Лассаля признавала демократическую монархію и выставляла болѣе умѣренныя экономическія требованія. Лассаля нѣмецкіе интернаціоналисты прямо обвиняли въ томъ, что онъ продалъ себя Бисмарку, а организацію партіи, основанной на диктатурѣ и централизаціи, находили совершенно неподходящею. Лишь въ видѣ приманки для сторонниковъ Лассаля они включили въ свою программу (эйзенахскую 1869 г.) требованіе государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ.

---

[1]) См. выше, стр. 704—705.

Это соперничество продолжалось до 1875 г., когда на конгрессѣ въ Готѣ обѣ фракціи нѣмецкой соціальной демократіи не слились въ одну общую партію подъ предводительствомъ Либкнехта и Бебеля [1]). Несмотря, однако, на побѣду марксистовъ, соціально-демократическая партія, основанная въ Германіи, осталась національною. Этому, впрочемъ, не мало содѣйствовало то обстоятельство, что опытъ международнаго объединенія рабочихъ окончился неудачей.

Первая идея о соединеніи пролетаріевъ всѣхъ странъ, какъ уже извѣстно, была высказана еще въ „Коммунистическомъ манифестѣ“ 1848 г. [2]). Въ 1849 г., какъ вы видѣли выше [3]), въ Лондонѣ была сдѣлана попытка возобновить союзъ коммунистовъ попрежнему съ характеромъ международнымъ, но она тогда ни къ чему не привела. Лондонъ тѣмъ не менѣе оставался главнымъ мѣстомъ убѣжища соціальныхъ агитаторовъ. Починъ основанія новаго международнаго общенія былъ сдѣланъ англійскими рабочими союзами, но тѣмъ, что они для этого подготовили, воспользовались потомъ вожди эмиграціи для возобновленія въ новыхъ формахъ стараго союза. Именно среди руководителей англійскихъ рабочихъ союзовъ явилась мысль объ установленіи солидарности съ рабочими другихъ странъ для отстаиванія общихъ интересовъ въ борьбѣ съ предпринимателями, которые, напримѣръ, въ Англіи выписывали рабочихъ изъ другихъ государствъ, когда не могли поладить съ своими. Какъ сами трэдъ-юніоны, такъ и задуманное общеніе съ иностранными рабочими не должно было, однако, имѣть никакой политической окраски. Пріѣздъ континентальныхъ рабочихъ французскихъ и бельгійскихъ, а также и нѣмецкихъ на всемірную выставку 1862 г. былъ первымъ поводомъ къ переговорамъ о заключеніи международнаго союза. Кромѣ вождей англійскихъ рабочихъ союзовъ, наиболѣе видную роль играли въ этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ французскіе мутуалисты, т.-е. послѣдователи Прудона, какъ-разъ въ это время пользовавшагося наибольшею популярностью среди французскаго пролетаріата [4]). Подобно Прудону, они были далеки отъ идеи о государственномъ вмѣшательствѣ, котораго раньше требовалъ Луи Бланъ, а около этого времени сталъ требовать въ Германіи Лассаль. Самые переговоры начались въ 1863 г. на демократическомъ собраніи въ Лондонѣ, которое было созвано по поводу польскаго возстанія и на которое нарочно пріѣхали многіе французы.

---

[1]) О соперничествѣ и сліяніи нѣмецкихъ соціалъ-демократическихъ партій будетъ говориться подробнѣе въ VI томѣ настоящаго труда.

[2]) См. выше, стр. 394.

[3]) См. выше, стр. 801.

[4]) См. выше, стр. 816.

Уже это придало всему плану и политическій характеръ, а когда въ слѣдующемъ году организовался комитетъ для выработки устава новаго союза, то въ составъ его уже вошли и политическіе изгнанники: Мадзини, Марксъ и др. Уставъ, написанный Марксомъ, и былъ принятъ до перваго съѣзда, который собрался въ Женевѣ въ 1866 г., когда окончательно и организовалось „Международное Общество рабочихъ“. Оно начало съ заявленія, что будетъ дѣйствовать путемъ полюбовныхъ соглашеній въ интересахъ рабочаго класса различныхъ странъ, но съ каждымъ новымъ своимъ съѣздомъ оно все болѣе и болѣе стало принимать характеръ политической организаціи, ставящей себѣ и цѣли тоже чисто политическаго свойства; вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ постановленіяхъ оно все болѣе и болѣе проникалось ученіемъ Маркса. Поэтому во Франціи еще въ 1867 г. противъ новой организаціи начато было преслѣдованіе. Эта организація дѣйствовала лишь во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ на ежегодныхъ съѣздахъ [1]), но въ семидесятыхъ годахъ она сначала ничего не предпринимала, потомъ стала разлагаться и наконецъ (1876 г.) закрылась. Ему между прочимъ повредили и внутреннія несогласія, внесенныя въ него Бакунинымъ. Старый революціонеръ 1848 г., бѣжавшій изъ Сибири [2]), Бакунинъ продолжалъ свою агитаторскую дѣятельность и въ шестидесятыхъ годахъ, явившись теперь представителемъ идей анархизма [3]). Въ 1867 г. на женевскомъ съѣздѣ „Лиги мира и свободы“, бывшей созданіемъ либеральной буржуазіи, онъ произнесъ рѣчь прямо революціоннаго характера. На слѣдующемъ съѣздѣ той же лиги въ Бернѣ въ 1868 г. Бакунинъ съ нею окончательно разошелся и основалъ особый „Международный союзъ соціалистической демократіи“, сдѣлавшись самъ предсѣдателемъ комитета, который управлялъ новымъ обществомъ. Эта организація съ самаго начала стала соперничать съ Международнымъ Обществомъ рабочихъ. Послѣднее ставило на первый планъ цѣли экономическія, дѣйствовало явно и сообразовалось съ конституціями отдѣльныхъ странъ, тогда какъ Бакунинъ поставилъ своему союзу задачу чисто политическую, которая могла быть достигнута только революціоннымъ путемъ и, слѣдовательно, требовала тайнаго образа дѣйствій. Честолюбивый характеръ Бакунина и его нерасположеніе къ нѣмцамъ, игравшимъ первую роль (въ лицѣ Маркса) въ Международномъ обществѣ рабо-

---

[1]) Подробности объ организаціи и дѣятельности этого общества будутъ изложены въ началѣ VI тома, гдѣ вообще будетъ итти рѣчь о состояніи Западной Европы передъ 1870 годомъ.

[2]) См. выше, стр. 556.

[3]) Объ этомъ тоже въ томѣ VI.

чихъ, тоже содѣйствовали этому сепаратизму. Но Бакунинъ все-таки хотѣлъ присоединить свой союзъ къ организаціи, во главѣ которой стоялъ Марксъ, но подъ условіемъ сохраненія самостоятельности. Когда ему въ этомъ было отказано, основанный имъ союзъ объявилъ себя прекратившимъ существованіе, но на самомъ дѣлѣ тайная его организація не прекращалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бакунинъ добился включенія въ составъ Международнаго Общества отдѣльныхъ группъ своего союза, и въ 1870 г. въ Международномъ Обществѣ произошли крупные раздоры между Марксомъ и Бакунинымъ. Это было началомъ выдѣленія анархизма.

XXXII. Умственный переворотъ середины XIX вѣка [1]).

Двоякое значеніе научныхъ успѣховъ XIX вѣка.—Вліяніе успѣховъ естествознанія на матеріальную жизнь.—Взаимныя отношенія науки и метафизики до середины XIX вѣка.—Паденіе гегельянства и матеріализмъ.—«Возвращеніе къ Канту».—Новыя физическія теоріи.—Перемѣны въ изученіи физіологіи и психологіи.—Эволюціонная исторія міровданія.—Біологическая эволюція и ученіе Дарвина.—Позитивизмъ Огюста Конта.—Важность мысли о научномъ обществовѣдѣніи.—Милль и Бокль.—Первые труды Спенсера.—Недостатки прежняго историческаго направленія въ юриспруденціи и въ политической экономіи.—«Научный соціализмъ» и экономическое пониманіе исторіи.—Историческое отношеніе къ дѣйствительности.

Никогда раньше научное знаніе не дѣлало такихъ громадныхъ и важныхъ по своимъ послѣдствіямъ успѣховъ, какъ въ XIX столѣтіи. Не касаясь вообще всей исторіи науки въ XIX вѣкѣ, мы остановимся здѣсь лишь на томъ значеніи, какое развитіе науки получило

---

[1]) Кромѣ сочиненій по исторіи философіи, государствовѣдѣнія, юриспруденціи, политической экономіи и т. п., указанныхъ выше, на стр. 225, 280 и 371 (*Paul Janet, Henry Michel'я Ferraz'*а, *Erdmann'*а, *Roscher'*а, *Ингрэма*, *Weryho*, *Wenckstern'*а, *Kautsky*, *Людвига Штейна*, *Б. Н. Чичерина* и др.), см. *Ланге*. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. 1881—1883.—*Рибо*. Современная англійская психологія. 1881.—*Его же*. Современная германская психологія. 1895.—*М. М. Троицкій*. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. 1866.—*Льюисъ* и *Милль*. О. Контъ и положительная философія. 1867.—*Милль*, *Спенсеръ* и *Уордъ*. О. Контъ и позитивизмъ. 1897.—*Gruber*. A. Comte der Begründer des Positivismus. 1889.—*Его же*. Der Positivismus vom Tode A. Comte's bis auf unsere Zeit. 1891.—*Waentig*. A. Comte und seine Bedeutung für die Entwickelung der Staatswissenschaft. 1894.—*В. В. Лесевичъ*. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. 1875.—*Н. Карѣевъ*. Введеніе въ изученіе соціологіи. 1897.—*Его же*. Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. 1896.—Систематическое изложеніе исторіи экономическаго матеріализма можно найти въ нѣкоторыхъ главахъ

въ указанномъ періодѣ для общаго движенія общественной жизни. Эта общая тема въ свою очередь раздѣляется на двѣ темы. Съ одной стороны, матеріальная жизнь общества зависитъ всегда отъ развитія въ немъ техники въ широкомъ смыслѣ слова, отъ той власти надъ природою, которую даетъ человѣку научное знаніе естественныхъ законовъ, управляющихъ физическими явленіями, беря послѣднее слово опять въ наиболѣе широкомъ значеніи. Техническія изобрѣтенія, основывающіяся на практическомъ примѣненіи старыхъ научныхъ истинъ къ тѣмъ или другимъ потребностямъ жизни или вытекающія изъ новыхъ научныхъ открытій, вызывая перевороты въ способахъ производства или обмѣна продуктовъ, а также въ способахъ веденія войны, оказываютъ сильное вліяніе на всю матеріальную жизнь общества, на его экономическій строй, а чрезъ него и на разныя соціальныя отношенія другихъ категорій. Извѣстно, напримѣръ, что промышленная революція, создавшая современный капитализмъ со всѣми его общественными слѣдствіями, была въ весьма значительной мѣрѣ результатомъ изобрѣтенія и примѣненія къ промышленности машинъ [1]). Но это лишь одна сторона дѣла. Кромѣ такой связи научныхъ открытій и основанныхъ на нихъ изобрѣтеній съ движеніемъ общественной жизни существуетъ еще и другая связь. Не раздѣляя взгляда, будто общественныя отношенія и учрежденія всецѣло покоятся на мнѣніяхъ людей, мы тѣмъ не менѣе не можемъ отрицать громаднаго вліянія человѣческихъ міросозерцаній на соціальную жизнь цѣлыхъ народовъ и эпохъ. Въ своей дѣятельности мы руководимся разными цѣлями и осуществляемъ ихъ разными способами. И тогда, когда мы къ чему-либо стремимся, и тогда, когда какъ-нибудь дѣйствуемъ для достиженія того, къ чему стремимся, мы всегда и цѣлями, какія себѣ ставимъ, и средствами, къ которымъ при-

---

книги *Mehring*'а, указанной выше, на стр. 371.—*Robinson.* Thomas Buckle and his critics. 1896.—*Bernheim.* Lehrbuch der historischen Methode (2 изд.). 1894.—*Новгородцевъ.* Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. 1896.—*Иванюковъ.* Основныя положенія теоріи экономической политики отъ Адама Смита до настоящаго времени. 1891—*Зиберъ.* Д. Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общественно-историческихъ изслѣдованіяхъ. 1885.—*Левитскій.* Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1890.—*Карлъ Менгеръ.* Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. 1894.—*Морицъ Мейеръ.* Главныя теченія въ современной политической экономіи. 1891.—*К. Тимирязевъ.* Дарвинъ, какъ типъ ученаго.—*Его же.* Историческій методъ въ біологіи (Рус. Мысль. 1894—95).—*М. Антоновичъ.* Ч. Дарвинъ и его теорія. 1896.—*Грантъ Алленъ.* Чарльзъ Дарвинъ (переводъ *А. Н. Энгельгардта*).—*Bowne.* The philosophy of H. Spenser. 1874.—Болѣе подробныя указанія на литературу читатель найдетъ въ двухъ названныхъ выше моихъ книгахъ о соціологіи и объ экономическомъ матеріализмѣ.

[1]) См. томъ IV, стр. 569 и слѣд.

бѣгаемъ, обнаруживаемъ извѣстное пониманіе общественной жизни, которое можетъ быть оцѣниваемо съ разныхъ точекъ зрѣнія (напримѣръ, хотя бы съ моральной точки зрѣнія), но которое не можетъ не быть вмѣстѣ съ тѣмъ либо болѣе или менѣе научнымъ, либо, наоборотъ, болѣе или менѣе ненаучнымъ. Всякое общественное движеніе совершается подъ знаменемъ тѣхъ или другихъ идей, въ которыхъ выражается характеръ существующаго въ данный моментъ міросозерцанія и обусловливаемое имъ пониманіе общества, цѣлей общественной дѣятельности, способовъ разрѣшенія общественныхъ задачъ. Общественныя партіи отражаютъ на себѣ не только различіе матеріальныхъ интересовъ, но и различіе міросозерцаній. Въ эпоху реформаціи политическія и соціальныя движенія совершались подъ знаменемъ идей религіозныхъ, и разныя общественныя партіи въ то же время были и разными религіозными сектами. Въ XVII столѣтіи господство теологическаго міросозерцанія въ западно-европейскомъ обществѣ стало смѣняться преобладаніемъ метафизической мысли, и вотъ политическія и соціальныя движенія XVIII вѣка стали происходить подъ знаменемъ уже не религіозныхъ, а философскихъ принциповъ [1]). Въ началѣ XIX вѣка на западѣ Европы совершалась религіозная реакція противъ раціонализма философіи XVIII вѣка [2]), но оказалась не въ состояніи побѣдить метафизику. Господство философіи Гегеля, на которую опирались въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и ретроградныя, и прогрессивныя общественныя теченія [3]), была, однако, послѣднимъ крупнымъ проявленіемъ метафизическаго настроенія культурныхъ слоевъ западно-европейскаго общества. Съ середины XIX вѣка метафизика стала все болѣе и болѣе отступать назадъ передъ наукой, и это стало отражаться не только на общемъ міросозерцаніи эпохи, но и на пониманіи общественныхъ задачъ и способовъ ихъ рѣшенія.

Конечно, не всѣ техническія изобрѣтенія были результатомъ преднамѣреннаго примѣненія теоретическихъ истинъ отвлеченной науки къ практическимъ потребностямъ жизни, и многими изобрѣтеніями человѣчество было обязано людямъ, которые никогда не занимались разработкою чистой науки, а были только спеціалистами того или другого практическаго дѣла, иногда лишь случайно нападавшими на новую мысль, въ большинствѣ же случаевъ вносившими лишь какія-либо измѣненія и улучшенія въ уже существовавшіе орудія и пріемы. Никто, однако, не станетъ отрицать, что по мѣрѣ того,

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. въ т. II и III настоящаго сочиненія.

[2]) См. т. IV, стр. 258 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 354 и слѣд.

какъ все дальше идетъ развитіе техники, тѣмъ все болѣе и болѣе оно пользуется и услугами научнаго знанія, и что лишь блестящіе успѣхи механики, физики и химіи сдѣлали возможными многія важныя стороны области современной техники. Можно даже сказать, что развитіе техники идетъ рука объ руку и находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ чисто теоретическимъ развитіемъ науки. Практическая механика, прикладная физика, техническая химія, благодаря этому, получили въ XIX вѣкѣ небывалое развитіе, и для обученія этимъ предпріятіемъ возникли особыя высшія учебныя заведенія внѣ старыхъ рамокъ университетскихъ факультетовъ. Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ изобрѣтенія XIX вѣка, которыя дѣлаютъ жизнь людей (хотя, конечно, далеко не всѣхъ) все болѣе и болѣе удобною и пріятною, потому что наша задача гораздо уже: намъ нужно коснуться лишь тѣхъ изобрѣтеній, которыя оказали непосредственное вліяніе на экономическія и политическія отношенія. Сюда относятся главнымъ образомъ изобрѣтенія, давшія людямъ новыя и неизмѣримо большія силы въ борьбѣ съ природою (да и съ другими людьми) и новые способы преодолѣвать препятствія, лежащія въ условіяхъ пространства и времени. Другими словами, тутъ рѣчь можетъ итти лишь о машинахъ въ разныхъ отрасляхъ производства, о вооруженіи, о путяхъ сообщенія и способахъ сношеній между людьми. Во всѣхъ этихъ областяхъ XIX вѣкъ создалъ такія чудеса, которыя для людей предыдущихъ вѣковъ могли существовать лишь въ сказочной фантазіи. Нерѣдко даже высказывается мысль, что все прошлое историческаго человѣчества до XIX вѣка представляетъ изъ себя одинъ періодъ въ исторіи развитія техники, и что въ XIX вѣкѣ начинается совершенно новый періодъ. Этимъ прогрессомъ человѣчество обязано преимущественно пару, электричеству и новымъ взрывчатымъ веществамъ съ ихъ многочисленными примѣненіями, каковы паровыя машины въ добывающей и обрабатывающей промышленности, паровой транспортъ (пароходство и желѣзныя дороги), электрическій телеграфъ и начинающаяся замѣна пара, какъ рабочей или двигательной силы, электричествомъ, широкое пользованіе взрывчатыми веществами въ цѣляхъ горнаго, инженернаго и военнаго дѣла. Увеличивъ силы людей, давъ людямъ возможность не только больше и быстрѣе производить, но и быстрѣе и легче передвигаться съ мѣста на мѣсто, обмѣниваться продуктами своего труда, сноситься между собою на самыхъ отдаленныхъ разстояніяхъ, перечисленныя изобрѣтенія произвели цѣлый рядъ перемѣнъ въ экономической и культурной жизни, а чрезъ то и въ чисто соціальныхъ и политическихъ отношеніяхъ цѣлыхъ народовъ. Никогда раньше не было такого громаднаго производства цѣнностей [1]), такого роста

[1]) Ср. то, что объ этомъ говорится въ IV т., на стр. 575 и выше, стр. 761—762.

національнаго богатства, такихъ дѣятельныхъ торговыхъ сношеній между отдѣльными народами, такого живого культурнаго между ними общенія. Кромѣ того, разныя техническія примѣненія химическихъ открытій создали новые продукты и отрасли производства, внесли разныя усовершенствованія въ старыя отрасли и увеличили количество продуктовъ, добывавшихся и прежде, и этимъ тоже способствовали увеличенію и улучшенію производимыхъ цѣнностей. Наконецъ, всѣ эти изобрѣтенія не могли не произвести еще и непосредственнаго дѣйствія на соціальныя и политическія формы. Въ исторіи взаимныхъ отношеній капитала и труда, буржуазіи и пролетаріата, получившихъ такую важность въ XIX столѣтіи, машинное производство, паровой транспортъ и электрическій телеграфъ дали государственной власти возможность дѣйствовать съ невозможною для прежнихъ временъ быстротою и во внутреннихъ, и во внѣшнихъ дѣлахъ, что̀ внесло рядъ измѣненій въ администрацію и дипломатію, ослабивъ самостоятельность правительственныхъ агентовъ въ провинціяхъ и заграницей. Усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ довели до небывалыхъ размѣровъ производство военныхъ припасовъ и сдѣлали невозможными народныя возстанія, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они происходили раньше. Все это увеличило силу правительственной власти, давъ въ ея руки такія орудія, какихъ она раньше не имѣла. Правда, и общество стало инымъ, чѣмъ было прежде, и опять-таки благодаря во многихъ отношеніяхъ дѣйствію указанныхъ новыхъ факторовъ. Новыя формы промышленности и торговли сильно способствовали росту городского населенія вообще и образованію многихъ особенно населенныхъ центровъ и довели до небывалыхъ прежде размѣровъ сношенія между людьми, что̀ въ свою очередь вообще содѣйствовало росту общественнаго самосознанія и развитію общественной иниціативы и дѣятельности. Общественное мнѣніе, благодаря облегченію въ способахъ передвиженія и сношеній между людьми (паровая печатная машина и электрическій телеграфъ), стало выражаться болѣе постоянно и систематически въ небываломъ развитіи разныхъ съѣздовъ и собраній, особенно же въ сильномъ развитіи ежедневной политической газеты. Общій темпъ исторической жизни ускорился [1]).

Помимо непосредственныхъ своихъ практическихъ слѣдствій техническія изобрѣтенія XIX вѣка оказали вліяніе и на общій характеръ идей своего времени. Расширеніе власти надъ природою,

---

[1]) Исторія указанныхъ изобрѣтеній и ихъ вліянія на соціальную жизнь будетъ разсмотрѣна въ VI томѣ. Ср. брошюру *П. К. Энгельмейера*: Техническій итогъ XIX вѣка. 1898.

которымъ человѣкъ былъ обязанъ успѣхамъ естествознанія, только усиливало авторитетъ науки и вселяло въ умы общества убѣжденіе въ томъ, что естественныя науки стоятъ на вѣрномъ пути, и что на ихъ выводы можно болѣе полагаться, чѣмъ на метафизическія умозрѣнія, которыя, наоборотъ, все болѣе и болѣе обнаруживали свою внутреннюю несостоятельность. Независимо отъ этого, и самое развитіе естественныхъ наукъ съ каждымъ шагомъ позволяло имъ оказывать все большее вліяніе на общее міросозерцаніе образованныхъ классовъ общества. Еще съ середины XVIII в. дѣлались попытки обоснованія нашихъ представленій объ окружающемъ насъ мірѣ на выводахъ естествознанія [1]), и традиція этихъ попытокъ не прерывалась во всѣ послѣдующія времена, правда, по временамъ ослабѣвая. Одною изъ эпохъ, наиболѣе благопріятныхъ для такого направленія мысли, была середина XVIII вѣка, время появленія „Естественной исторіи“ Бюффона и „Энциклопедіи“ Дидро [2]). Послѣдняго изъ названныхъ просвѣтителей XVIII вѣка можно даже считать вообще однимъ изъ наиболѣе видныхъ предшественниковъ научнаго духа XIX столѣтія. Въ ту эпоху именно Дидро былъ главнымъ образомъ проповѣдникомъ той идеи, что въ положительной наукѣ нужно преимущественно видѣть орудіе умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго улучшенія общества [3]). Но въ прошломъ вѣкѣ орудія самой науки—опытъ и наблюденіе—еще слишкомъ много уступали идеологическому раціонализму [4]), особенно въ области общественныхъ наукъ. Правда, Монтескье уже полагалъ начало научному изученію общественныхъ явленій [5]), но настоящимъ выразителемъ господствовавшаго направленія XVIII вѣка былъ все-таки Руссо съ своимъ „Общественнымъ договоромъ“ [6]), оказавшій своей политической метафизикой большое вліяніе и на другихъ публицистовъ той эпохи [7]). Одновременно съ тѣмъ, какъ провозглашалась вѣра въ положительную науку и послѣдняя уже вырабатывала матеріалъ для будущаго зданія научнаго міросозерцанія, Кантъ своею „Критикою чистаго разума“ (1781 г.) опредѣлялъ границы человѣческаго знанія, доказывая, что нашему знанію доступны лишь одни явленія, „вещь же въ себѣ“ лежитъ за предѣлами міра, доступнаго нашему знанію. Это былъ своего рода отказъ отъ метафизики, отъ стремленія проникнуть за границы міра явленій,

[1]) См. т. II, стр. 598 и слѣд. и III, 143—144.
[2]) См. т. III, стр. 216 и слѣд.
[3]) См. т. III, стр. 221.
[4]) См. т. III, стр. 149 и слѣд., а также стр. 230—231.
[5]) См. т. III, стр. 177.
[6]) См. т. III, стр. 206.
[7]) Напримѣръ, на Мабли, о чемъ см. т. III, стр. 234.

доступныхъ опыту и наблюденію; другими словами, это было приглашеніемъ заниматься изученіемъ лишь того, что̀ можетъ быть предметомъ опыта и наблюденія, т.-е. положительной науки. Научному міросозерцанію Дидро и критической философіи Канта не суждено было въ ближайшемъ времени получить дальнѣйшее развитіе. Общая реакція самаго конца XVIII и начала XIX вѣка была неблагопріятна для научнаго духа и философскаго критицизма. Въ міросозерцаніи эпохи стали брать верхъ элементы мистики и романтики, спиритуализма и метафизики. Во Франціи „философовъ XVIII вѣка“ смѣнили такіе мыслители, какъ Ройе-Колларъ, Мэнъ-де-Биранъ, Викторъ Кузенъ, поставившіе своею задачею возстановленіе отжившихъ умозрѣній [1]). Въ Германіи за Кантомъ слѣдовали Фихте, Шеллингъ и Гегель, всѣ трое одинаково отвернувшіеся отъ реализма и критики XVIII вѣка для возвращенія къ идеалистическому догматизму. Господство гегельянства во всей Германіи и даже за ея границами въ первой половинѣ XIX столѣтія представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ того, что въ эту эпоху наука смирялась передъ метафизикой [2]). Въ школѣ Шеллинга даже возникло особое натурфилософское направленіе, въ которомъ господствовали довольнотаки фантастическія представленія о природѣ. Напримѣръ, знаменитый Лоренцъ Окенъ (1779—1851), авторъ многочисленныхъ сочиненій натурфилософскаго характера, училъ, что все царство животныхъ есть человѣкъ, разложенный на свои составныя части, въ силу чего, напримѣръ, насѣкомое есть животное зрѣнія, улитка—животное осязанія, птица—слуха, рыба—обонянія, амфибія—вкуса. Въ общественномъ отношеніи всѣ философскія системы указанныхъ направленій отличались консервативнымъ духомъ. Ройе-Колларъ прямо ставилъ задачею своей философіи „дать основу для морали, а черезъ нее — для спокойствія и порядка“. Кузенъ объявилъ скептицизмъ ученіемъ безнравственнымъ и всю жизнь болѣе боролся съ превратными ученіями, нежели искалъ истины. Философія Гегеля была „наукообразной хранительницей духа прусской реставраціи“. Когда въ его школѣ произошелъ расколъ, и лѣвые гегельянцы выступили на сцену съ своимъ философскимъ радикализмомъ [3]), для противодѣйствія имъ въ Берлинъ былъ вызванъ старикъ Шеллингъ, который своей романтической философіей долженъ былъ содѣйствовать поддержанію консервативныхъ началъ жизни. Съ другой стороны, и прогрессивные дѣятели первыхъ десятилѣтій XIX вѣка отличались большою склонностью къ

---

[1]) См. т. IV, стр. 254—257.
[2]) См. т. IV, стр. 375 и выше, стр. 354.
[3]) См. выше, стр. 355 и слѣд.

мистикѣ и романтикѣ, или, по меньшей мѣрѣ, отсутствіемъ научнаго духа. Это можно сказать прежде всего объ обѣихъ первыхъ соціалистическихъ школахъ Франціи [1]). У Фурье была собственная натурфилософія [2]), которая своею фантастичностью далеко оставляла позади себя натурфилософію Окена. Сенъ-симонизмъ превратился въ настоящую религіозную секту [3]). Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ соціальный протестъ во Франціи тоже соединяется съ религіозными и мистическими мечтаніями. Бюшезъ сочеталъ соціализмъ съ аскетизмомъ и представлялъ французскую революцію въ католической оболочкѣ [4]). Другой соціалистъ, Леру, создалъ свою особую религію, въ которой видную роль играло ученіе о переселеніи душъ [5]). Политическій радикализмъ и соціалистическія заявленія Ламеннэ тоже развивались на почвѣ демократизованнаго католицизма [6]). Основою міросозерцанія Жоржъ Зандъ была равнымъ образомъ особая мистическая религіозность [7]). Когда въ началѣ сороковыхъ годовъ Руге сталъ издавать въ Парижѣ свой журналъ, ему не удалось привлечь къ нему французовъ, находившихъ его слишкомъ вольнодумнымъ, и, напримѣръ, Луи Бланъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что новѣйшая нѣмецкая философія, органомъ которой долженъ былъ быть журналъ Руге, впала въ матеріализмъ [8]). Извѣстно и чисто идеалистическое міросозерцаніе Карлейля [9]). Кое-что въ томъ же смыслѣ можно сказать и о Бёрне [10]). Выдающіеся дѣятели національнаго возрожденія у итальянцевъ и у славянъ проявляли опять-таки тѣ же характерныя черты эпохи. Демократическій націонализмъ Мадзини былъ насквозь проникнутъ своего рода мистическимъ деизмомъ, формулой котораго было „Dio e popolo“ [11]). Джіоберти доказывалъ провиденціальную миссію итальянскаго народа и проповѣдовалъ либеральный католицизмъ [12]). Вожди славянскаго возрожденія въ Австріи были идеализаторами родной старины и учениками нѣмецкаго романтизма [13]), а панславизмъ [14]) былъ своего рода націоналистическимъ утопизмомъ. Польскій мессіанизмъ

[1]) См. т. IV, стр. 631—632.
[2]) См. т. IV, стр. 650—651.
[3]) См. т. IV, стр. 640 и 643—647, а также выше, стр. 283 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 293—294 и 320 и слѣд.
[5]) См. выше, стр. 294—295.
[6]) См. т. IV, стр. 293 и выше, стр. 332 и слѣд.
[7]) См. выше, стр. 337—338.
[8]) См. выше, стр. 360.
[9]) См. выше, стр. 247 и слѣд.
[10]) См. выше, стр. 345.
[11]) См. выше, стр. 429 и 674.
[12]) См. выше, стр. 430.
[13]) См. выше, стр. 405.
[14]) См. выше, стр. 406 и слѣд.

является уже прямо доведеннымъ до крайности политическимъ фантазерствомъ [1]). Все это было далеко отъ какого бы то ни было научнаго реализма и философской критики. Въ области изящной литературы тоже господствовалъ романтизмъ съ своей идеализаціей,— господствовалъ даже тогда, когда служилъ цѣлямъ пропаганды соціальныхъ идей, какъ у Жоржъ Зандъ, или когда соединялся съ скептицизмомъ, какъ у Гейне. Эпоха реализма въ литературѣ должна была еще наступить.

Но въ нѣдрахъ того самаго гегельянства, которое было господствующею философіей культурнаго застоя, зародилась въ тридцатыхъ годахъ и оппозиція противъ мистики и романтики, именно въ такъ называемомъ лѣвомъ лагерѣ этой философской школы [2]). Исходнымъ пунктомъ была критика философіи религіи Гегеля, завершеніемъ—критика его философіи права. Эпоха процвѣтанія этого философскаго радикализма—тридцатые и сороковые годы, какъ-разъ то время, когда (1830—1842) во Франціи появлялся „Курсъ положительной философіи“ Огюста Конта, провозгласившій необходимость философіи, основанной на наукѣ, и научной теоріи общественной жизни. Съ однимъ изъ этихъ явленій мы познакомились выше, о другомъ рѣчь будетъ еще впереди, здѣсь же мы отмѣтимъ лишь то, что и лѣвое гегельянство, и контовскій позитивизмъ, несмотря на всѣ черты несходства между ними и различіе ихъ происхожденія, приходятъ къ одному и тому же отрицанію метафизики во имя научнаго отношенія къ дѣйствительности. Тѣмъ традиціоннымъ культурнымъ идеямъ, на которыхъ держалась большая часть философскихъ міросозерцаній первой половины XIX вѣка, оба направленія объявляли войну во имя изученія реальнаго міра и законовъ, управляющихъ его явленіями. Въ настоящее время и лѣвое гегельянство, и контовскій позитивизмъ имѣютъ лишь историческое значеніе, но послѣднее именно въ томъ-то и заключается, что они открываютъ собою эпоху научнаго міросозерцанія второй половины XIX вѣка. Казалось бы, что реакція, наступившая послѣ 1848—1849 гг., должна была нанести ударъ всему, что только было прогрессивнаго въ умственномъ движеніи предыдущихъ десятилѣтій, но научное мышленіе продолжало свою работу, и въ исторіи развитія міросозерцанія вторая половина XIX вѣка стоитъ гораздо выше первой. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что въ серединѣ нашего столѣтія произошелъ умственный переворотъ, который былъ крайне неблагопріятенъ для метафизики и, наоборотъ, очень содѣйствовалъ развитію науки.

---

[1]) См. выше, стр. 416 и слѣд. 674.

[2]) См. объ этомъ выше, стр. 334—370.

Временно указанный переворотъ сопровождался значительнымъ развитіемъ и распространеніемъ матеріализма, опиравшагося, съ одной стороны, на данныя естественныхъ наукъ, но съ другой—бывшаго порожденіемъ самой же метафизики, которая вообще стремилась проникнуть за предѣлы міра явленій въ самую сущность вещей и въ частности создала такое направленіе, какъ натурфилософія. Уже въ лѣвомъ гегельянствѣ, благодаря главнымъ образомъ Фейербаху [1]), началъ вырабатываться философскій натурализмъ, который мало-по-малу сталъ переходить въ настоящій матеріализмъ. Съ другой стороны, господствовавшія до середины текущаго столѣтія философскія системы Шеллинга и Гегеля не могли удовлетворять представителей естествознанія, сдѣлавшаго въ эту эпоху большіе успѣхи. Многіе изъ нихъ начали поэтому обосновывать свое міросозерцаніе исключительно на данныхъ и выводахъ естественныхъ наукъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ вопросъ о матеріалистическомъ міросозерцаніи сдѣлался уже предметомъ весьма горячей и даже страстной полемики среди нѣмецкихъ философовъ и натуралистовъ. Въ особенности этотъ вопросъ обратилъ на себя вниманіе въ 1854 г., когда на съѣздѣ естествоиспытателей въ Геттингенѣ Рудольфъ Вагнеръ, полемизировавшій по этому вопросу съ Карломъ Фогтомъ, прочиталъ рефератъ „О созданіи человѣка и о субстанціи души“. Собственно говоря, Вагнеръ старался доказать, что съ точки зрѣнія науки нельзя ни утверждать, ни отрицать происхожденія человѣчества отъ одной четы, и что новѣйшее научное изслѣдованіе нисколько не колеблетъ библейскаго догмата. Вмѣстѣ съ этимъ онъ выставлялъ некомпетентность естествознанія въ рѣшеніи вопросовъ о сущности души и объ индивидуальномъ безсмертіи. Сверхъ всего этого, онъ старался опровергнуть Карла Фогта и аргументами моральнаго свойства, находя, что сведеніе душевныхъ дѣятельностей къ функціямъ мозга, какъ матеріальнаго субстрата, естественно должно привести къ тому выводу, что ѣда и питье суть высшія функціи человѣка и что отрицаніе индивидуальной и устойчивой субстанціи души способно только разрушить нравственные устои общественнаго порядка. Карлъ Фогтъ не остался въ долгу и вступилъ въ полемику съ Вагнеромъ, который, замѣтимъ, развилъ свои взгляды еще въ двухъ сочиненіяхъ „О знаніи и вѣрѣ, особенно по отношенію къ будущности душъ“ (1854) и „Борьба за душу“ (1857). Отличаясь большимъ остроуміемъ, Карлъ Фогтъ старался главнымъ образомъ высмѣять своего противника, что̀ и сдѣлалъ въ полемическомъ памфлетѣ „Слѣпая вѣра и наука“ (1854). Въ споръ о матеріализмѣ вмѣшались и нѣкоторые другіе писатели, такъ

[1]) См. выше, стр. 357—358.

что по этому вопросу скоро создалась цѣлая литература. Наиболѣе видными представителями матеріализма, кромѣ Карла Фогта, выступили въ пятидесятыхъ годахъ еще Молешоттъ и Бюхнеръ. Первый изъ нихъ выступилъ въ 1852 г. съ сочиненіемъ „Круговоротъ жизни", представлявшимъ собою возраженія на „Письма о химіи" Либиха, а второй въ 1855 г. напечаталъ трактатъ подъ заглавіемъ „Сила и матерія". Обѣ только-что названныя книги, написанныя популярнымъ языкомъ, сразу потребовали новыхъ и новыхъ изданій, скоро были переведены на иностранные языки и сильно содѣйствовали распространенію матеріализма въ обществѣ; „Сила и матерія" Бюхнера сдѣлалась даже основнымъ сочиненіемъ нѣмецкаго матеріализма середины XIX в., и дальнѣйшія сочиненія самого Бюхнера въ томъ же направленіи не прибавили ничего новаго къ мыслямъ, высказаннымъ въ этой книгѣ. Понятно, что возрожденіе матеріализма должно было вызвать отпоръ со стороны представителей идеалистическаго міросозерцанія, но въ полемикѣ приняли участіе и сторонники критической философіи, которая начинаетъ возрождаться почти одновременно съ появленіемъ матеріализма.

Именно къ разсматриваемому періоду относится и лучшая исторія и критика матеріализма, принадлежащая нео-кантіанцу Фридриху Альберту Ланге [1]). Еще въ 1857 г. онъ читалъ университетскій курсъ (въ Боннѣ) по исторіи матеріализма, а въ 1865 г. издалъ и свой капитальный трудъ (Geschichte des Materialismus) по этому вопросу. Точка зрѣнія Ланге та, что болѣе всѣхъ другихъ метафизическихъ теорій можетъ быть допущенъ матеріализмъ, который притомъ оказывается даже полезнымъ въ смыслѣ научнаго метода, но что тѣмъ не менѣе теорія познанія Канта совершенно лишаетъ его права на существованіе въ качествѣ философской системы. Главное значеніе матеріализма съ его пріемами научнаго изслѣдованія, исходящаго изъ опыта, заключается именно въ томъ, что онъ устраняетъ метафизику, т.-е. всякое философское направленіе, ставящее себѣ задачу проникнуть въ сущность вещей и стремящееся извлечь изъ идей нашего ума то, чему мы можемъ научиться только изъ одного опыта. Тотъ, кто не выходитъ изъ міра явленій, въ сущности невольно стоитъ на почвѣ матеріализма, но послѣдній все-таки не въ состояніи разъяснить намъ основные вопросы о сущности природы. Своею критикою, направленною противъ матеріализма, какъ философ-

[1]) Ланге, кромѣ философіи, занимался еще соціальнымъ вопросомъ. Ему между прочимъ принадлежитъ книга „Die Arbeiterfrage in ihrer Bedeutung für Gegenwart und Zukunft", русскій переводъ которой указанъ выше, стр. 799. Сверхъ того, и въ своей „Исторіи матеріализма" Ланге тоже касается и соціальнаго вопроса.

скаго міросозерцанія, Ланге въ то же время наносилъ ударъ и идеалистической метафизикѣ, которую онъ находилъ неправою и въ научномъ отношеніи за то, что она пыталась строить все наше знаніе изъ одного разума. Впрочемъ, и въ качествѣ пріема изслѣдованія матеріализмъ долженъ быть найти необходимое дополненіе въ формальномъ идеализмѣ. Пусть знаніе наше ограничивается лишь тѣмъ, что̀ даетъ намъ нашъ опытъ, но въ силу своей организаціи мы творимъ еще идеи, которыя, не заключая въ себѣ никакихъ научныхъ истинъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ для насъ нравственную цѣнность, не позволяющую намъ относиться къ нимъ, какъ къ совершенно празднымъ фантазіямъ.

Ланге былъ лишь однимъ изъ представителей „возвращенія къ Канту“, начавшагося въ нѣмецкой философіи въ серединѣ XIX в. и особенно усилившагося послѣ того, какъ великій нѣмецкій натуралистъ Гельмгольцъ [1]) объявилъ, что результаты физіологіи органовъ чувствъ вполнѣ согласуются съ основною точкою зрѣнія „Критики чистаго разума“. Сама книга Ланге тоже не мало содѣйствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ нео-кантіанскаго движенія. Это возвращеніе къ Канту нанесло сильный ударъ построенію метафизическихъ системъ и оживило интересъ къ теоріи знанія. Изученіемъ Канта занялись и многіе натуралисты, которые также стали признавать, что изъ области научнаго познанія нужно исключить все, вообще находящееся за предѣлами точнаго изслѣдованія, и которые, отказываясь поэтому отъ проникновенія въ сокровенную сущность вещей, отворачивались отъ всякой метафизики, не исключая и матеріалистической. Эту точку зрѣнія резюмировалъ между прочимъ извѣстный нѣмецкій естествоиспытатель Дю-Буа-Реймонъ, который въ своей рѣчи „О границахъ знанія природы“ (1872) заявилъ, что естествознаніе на вопросъ о томъ, что такое матерія и сила и какъ онѣ могутъ мыслить, не можетъ дать отвѣта, и что ученые должны разъ навсегда рѣшиться сказать: „ignorabimus“.

Отказъ отъ познанія метафизической сущности міра, конечно, вовсе не былъ отреченіемъ отъ научнаго изслѣдованія матеріи и силы, какъ онѣ даются намъ въ явленіяхъ природы, въ нашемъ опытѣ [2]).

---

[1]) Въ 1856 г. Гельмгольцъ въ пользу фонда для сооруженія памятника Канту прочиталъ лекцію „О зрѣніи человѣка“, начинающую рядъ его другихъ трудовъ въ области физіологіи органовъ чувствъ.

[2]) Въ виду того, что въ дальнѣйшемъ будетъ итти рѣчь о новыхъ научныхъ идеяхъ въ систематическомъ порядкѣ, представляемъ хронологію главнѣйшихъ сочиненій, которыя будутъ называться:

1830—1842. „Курсъ положительной философіи“ *Конта.*

1830—1833. „Основы геологіи“ *Ляйэлля.*

1835. „О человѣкѣ и развитіи его способностей, или опытъ соціальной физики“ *Кетлэ.*

1840. „Органическая химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи“ *Либиха.*

Напротивъ, какъ-разъ въ эту эпоху сдѣланы были величайшія теоретическія открытія въ физикѣ и химіи, какъ-разъ направленныя на основные вопросы этихъ наукъ. Въ сороковыхъ годахъ впервые была высказана мысль о переходѣ силъ природы одной въ другую безъ измѣненія въ ихъ величинахъ, т.-е. положеніе, что сила качественно измѣнчива, но количественно неразрушима. Открытіемъ и развитіемъ принципа единства силъ и сохраненія энергіи наука обязана Майеру, творцу механической теоріи теплоты (превращеніе теплоты и движенія другъ въ друга), но въ особенности Гельмгольцу, написавшему въ 1847 г. статью „О сохраненіи силы", которая считается главнымъ начальнымъ трудомъ всей теоріи. По этому ученію, сумма силъ, способныхъ къ дѣйствію, въ цѣломъ природы при всѣхъ ея измѣненіяхъ остается вѣчно и неизмѣнно тою же самою.

Не стояла на одномъ мѣстѣ и химія. Въ 1859 г. Кирхгофомъ и Бунзеномъ былъ открытъ спектральный анализъ, который показалъ, что въ химическомъ составѣ солнца и другихъ небесныхъ свѣтилъ находятся тѣ же элементы, что и на землѣ. Это не только расширило наши астрономическія знанія и даже повело къ основанію особой научной дисциплины, получившей названіе астрофизики, но и дало возможность формулировать принципъ однородности міровой матеріи.

Эти научныя открытія нанесли совершенный ударъ такъ называемому витализму въ біологіи, который давно уже вообще подкапывался развитіемъ научныхъ физическихъ и химическихъ теорій.

1842. „О силахъ неоживленной природы" *Роберта Майера.*
1843. „Система логики" *Милля.*
1843. „Пособіе къ лекціямъ политической экономіи на основаніи историческаго метода" *Рошера.*
1847. „О сохраненіи силы" *Гельмгольца.*
1850. Начало работъ Гельмгольца въ области физіологіи чувствъ.
1851. „Соціальная статика" *Спенсера.*
1852. „Круговоротъ жизни" *Молешотта.*
1855. „Сила и матерія" *Бюхнера.*
1855. „Основанія психологіи" *Спенсера.*
1858—1859. „Исторія цивилизаціи въ Англіи" *Бокля.*
1859. „О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора" *Дарвина.*
1859. Открытіе спектральнаго анализа.
1860. „Элементы психофизики" *Фехнера.*
1862. „Основныя начала" *Спенсера.*
1863. „Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ" *Вундта.*
1863—1867. „Основанія біологіи" *Спенсера.*
1866. „Исторія матеріализма" *Ланге.*
1867. „Капиталъ" *Маркса.*
1867. Журналъ „Philosophie positive" и 2 изд. „Курса" *Конта.*
1870. „Объ умѣ и познаніи" *Тэна.*
1871. „Происхожденіе человѣка и половой подборъ" *Дарвина.*

Сущность витализма, какъ извѣстно, сводится къ ученію о „жизненной силѣ“ (vis vitalis), какъ объ особомъ началѣ, проявляющемся въ процессахъ, которые совершаются въ живыхъ организмахъ. Нѣкоторые натуралисты даже думали, что въ химическомъ составѣ живыхъ тѣлъ есть нѣчто, свойственное лишь этимъ тѣламъ, т.-е. такой элементъ, котораго нѣтъ въ неорганическихъ предметахъ. Этотъ взглядъ вообще сталъ подрываться съ тѣхъ поръ, какъ въ естествознаніи получилъ широкое примѣненіе экспериментальный методъ изслѣдованія, но господство метафизики и натурфилософіи въ первой половинѣ XIX вѣка не мало еще содѣйствовало сохраненію вѣры въ существованіе таинственной „жизненной силы“, ускользавшей отъ всякаго эксперимента, и еще въ исходѣ первой половины XIX в. виталистическія мнѣнія не были окончательно оставлены біологами и медиками. Между тѣмъ все болѣе и болѣе накоплялись факты, доказывавшіе, что въ составѣ животныхъ и растительныхъ организмовъ не обрѣтается никакого особаго вещества, котораго не было бы въ неодушевленной природѣ, что въ организмахъ происходятъ только новыя химическія соединенія, которыя могутъ получаться и искусственно въ лабораторіяхъ, что каждое жизненное явленіе всегда протекаетъ въ извѣстныхъ физико-химическихъ условіяхъ, и что, слѣдовательно, біологическія явленія, съ одной стороны, въ послѣднемъ анализѣ сводятся къ физико-химическимъ причинамъ, а съ другой, совершаются столь же закономѣрно, какъ и явленія, которыя мы называемъ механическими въ широкомъ смыслѣ этого слова. Законы сохраненія силы и превращенія матеріи съ этой точки зрѣнія въ серединѣ XIX вѣка были признаны натуралистами за вполнѣ достаточные для объясненія явленій жизни, чѣмъ въ общемъ сознаніи представителей науки именно и устранялась надобность въ признаніи особой „жизненной силы“ [1]). Это примѣненіе физическихъ и химическихъ принциповъ къ изученію жизненныхъ процессовъ, совершающихся въ организмахъ, дало весьма сильный толчекъ развитію физіологіи. Однимъ изъ родоначальниковъ новаго направленія въ этой наукѣ былъ Іоганнъ Мюллеръ, который въ началѣ своей дѣятельности (еще въ двадцатыхъ годахъ) былъ нѣсколько зараженъ натурфилософскими стремленіями, но потомъ сумѣлъ отъ нихъ отдѣлаться, чтобы держаться затѣмъ исключительно на почвѣ опытнаго знанія. Особенно важное философское значеніе получили открытія, которыя съ пятидесятыхъ годовъ стали дѣлаться въ области физіологіи нервныхъ процессовъ и органовъ чувствъ, такъ какъ они отразились самымъ благотворнымъ образомъ и на развитіи психо-

[1]) Впрочемъ, за самое послѣднее время среди біологовъ появились такъ называемые неовиталисты, которые признаютъ себя неудовлетворенными механическимъ взглядомъ.

логіи. Іоганнъ Миллеръ можетъ прямо считаться (по крайней мѣрѣ для Германіи) основателемъ опытной психологіи.

Теоретическое ученіе о душевныхъ явленіяхъ было всегда излюбленною областью философовъ, и вся психологія поэтому долгое время стояла почти исключительно на метафизической почвѣ. Подъ общимъ вліяніемъ научныхъ стремленій и, въ частности, подъ вліяніемъ успѣховъ физіологіи нервныхъ процессовъ и органовъ чувствъ и въ этой научной спеціальности явились новыя идеи, благодаря которымъ психологія изъ метафизической дисциплины стала превращаться въ положительную науку. На границахъ физіологіи и психологіи даже возникла особая научная дисциплина подъ названіемъ „психофизики“, основателемъ которой былъ Фехнеръ (1860 г.). Новые взгляды на психическія явленія совершенно преобразовали науку о душевныхъ явленіяхъ, и уже въ 1863 г. Вундтъ издалъ свои знаменитыя „Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ“. Въ Англіи реалистическое отношеніе къ психологіи составляетъ очень старую традицію со временъ Локка), но и здѣсь психологія обновилась, благодаря трудамъ Спенсера („Основанія психологіи. 1855) и Бэна („Чувства и умъ“. 1855; „Эмоціи и воля“. 1859). Во Франціи научныя стремленія въ психологіи выразились въ сочиненіи Тэна „Объ умѣ и познаніи“ (De l'intelligence).

Особенно важное значеніе получила въ естествознаніи въ серединѣ XIX вѣка идея естественной эволюціи мірозданія. Еще въ прошломъ столѣтіи Кантомъ была высказана геніальная мысль объ образованіи солнечней системы, мысль, которая, будучи повторена французскимъ астрономомъ Лапласомъ, была затѣмъ принята другими учеными и стала извѣстна въ наукѣ подъ названіемъ Канто-Лапласовской гипотезы о происхожденіи солнечной системы. Съ этой точки зрѣнія солнечная система является результатомъ длиннаго процесса, чисто механически совершавшагося въ безформенной массѣ первичной матеріи. Но этотъ принципъ естественной эволюціи долгое время не прилагался ни къ исторіи земного шара, ни къ исторіи органической жизни на нашей планетѣ. Знаменитый французскій ученый Кювье (1769—1832 г.), мнѣнія котораго долгое время были господствующими въ наукѣ, держался того взгляда, что земной шаръ не разъ подвергался катастрофамъ, послѣ которыхъ совершенно исчезала прежняя органическая жизнь и новая жизнь возникала путемъ повторныхъ творческихъ актовъ, и что современные виды животнаго и растительнаго царства сохраняются въ совершенной неизмѣнности, т.-е. такими, какими они были первоначально созданы. Вотъ это представленіе о жизни нашей планеты съ населяющими ее организмами и было разрушено въ серединѣ XIX в. сначала по отношенію къ исторіи самого земного шара, затѣмъ по отношенію къ населяющимъ землю животнымъ и расте-

ніямъ. Творцомъ современной геологіи былъ англійскій ученый Ляйэлль (1797—1875), въ началѣ тридцатыхъ годовъ издавшій знаменитыя „Основы геологіи“, въ которыхъ онъ поставилъ свой предметъ на чисто эволюціонную точку зрѣнія. У сторонниковъ прежняго взгляда изученіе нынѣ дѣйствующихъ факторовъ, которые измѣняютъ видъ земной поверхности, считалось совершенно излишнимъ для пониманія прошедшихъ періодовъ въ исторіи земной коры. Ляйэлль отвергъ гипотезу катастрофъ и положилъ начало вполнѣ эволюціонному представленію объ исторіи земной коры, въ которой дѣйствовали тѣ же самые факторы, что̀ и въ настоящее время. Этой мысли удалось утвердиться въ наукѣ не безъ затрудненій со стороны представителей прежняго взгляда, и лишь въ шестидесятыхъ годахъ она могла считаться окончательно восторжествовавшею въ наукѣ. Съ другой стороны, и вѣра въ неизмѣнность видовъ органическаго міра стала подкапываться нѣкоторыми учеными еще въ первой половинѣ XIX в. Самымъ видным̀ъ противникомъ теоріи постоянства видовъ былъ французскій ученый Ламаркъ (1744—1822), который является настоящимъ предшественникомъ дарвинизма. Еще въ 1809 году въ своей „Философской зоологіи“ онъ высказалъ мысль объ измѣняемости видовъ и даже изложилъ цѣлую теорію, которая должна была объяснить, вслѣдствіе чего происходятъ измѣненія видовъ Сущность теоріи Ламарка заключалась въ томъ, что образъ жизни того или другого животнаго вида создаетъ у его представителей извѣстныя привычки, благодаря которымъ отдѣльные органы особи упражняются въ большей или меньшей степени или совсѣмъ перестаютъ упражняться; перемѣны, происходящія подобнымъ путемъ въ организмѣ, передаются затѣмъ по наслѣдству потомству, и путемъ постепеннаго накопленія маленькихъ измѣненій совершаются всѣ измѣненія видовъ. Современники, высоко цѣнившіе зоологическія знанія Ламарка, въ большинствѣ случаевъ смотрѣли на эти его соображенія скорѣе какъ на игру ума, чѣмъ на серьезную мысль, съ которою слѣдуетъ считаться. Другимъ предшественникомъ Дарвина былъ французскій же ученый Жоффруа Сентъ-Илеръ (1772—1844), который, занимаясь сравнительной анатоміей, выдвигалъ на первый планъ черты сходства въ организаціи животныхъ, какъ бы указывающія на общій основной планъ ихъ внутренняго строенія, такъ сказать, лишь варьирующійся въ отдѣльныхъ видахъ. Но громадное большинство біологовъ стояло на точкѣ зрѣнія Кювье, который самъ полемизировать съ защитниками идеи трансформизма. Послѣдняя восторжествовала въ наукѣ, и притомъ необыкновенно быстро, лишь благодаря Чарльзу Дарвину, развившему далѣе основную мысль Ламарка, но давшему иное объясненіе того, какъ происходитъ измѣненіе видовъ. Въ 1839 г. Дарвинъ познакомился съ основнымъ сочи-

неніемъ Мальтуса, какъ извѣстно, доказывавшаго, что люди распложаются въ геометрической прогрессіи, тогда какъ необходимыя средства къ жизни увеличиваются лишь въ прогрессіи ариѳметической [1]). Чтеніе этой книги произвело на Дарвина весьма сильное дѣйствіе, и извлеченную отсюда мысль о борьбѣ за существованіе онъ примѣнилъ къ изученію природы, которому онъ предавался съ замѣчательною энергіей. Уже въ началѣ сороковыхъ годовъ общія основы будущей теоріи измѣненія видовъ были готовы, но Дарвинъ не торопился съ обнародованіемъ взглядовъ, къ которымъ пришелъ, желая провѣрить ихъ на фактахъ и обосновать ихъ по возможности бо̀льшимъ количествомъ реальныхъ доказательствъ, а также заранѣе разсмотрѣть всѣ могущія быть сдѣланными возраженія, чтобы явиться съ вполнѣ готовыми на нихъ отвѣтами. Быть можетъ, Дарвинъ еще дальше держалъ бы при себѣ свое открытіе, если бы одновременно съ нимъ другой англійскій натуралистъ, Уоллэсъ, работавшій надъ тѣмъ же вопросомъ, не написалъ статьи, которая заставила друзей Дарвина настоять на томъ, чтобы онъ не медлилъ болѣе съ изложеніемъ своей теоріи. Въ 1859 г. такимъ образомъ появилась въ свѣтъ знаменитая книга „О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора“,—книга, которая произвела громадное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ и вызвала большое волненіе въ образованномъ обществѣ. Съ одной стороны, своими крупными научными достоинствами она сразу, хотя и не безъ сопротивленія, завоевала себѣ почетное мѣсто въ спеціально-біологической литературѣ, съ другой—ученые другихъ спеціальностей и просто образованные люди сразу почувствовали, какой переворотъ новая теорія должна была произвести во всѣхъ представленіяхъ объ исторіи населяющихъ землю живыхъ существъ и между прочимъ о доисторическомъ прошломъ человѣческаго рода. Наиболѣе горячіе сторонники новаго біологическаго ученія не замедлили распространить принципы этой теоріи и на вопросъ о происхожденіи человѣка. Самъ Дарвинъ занялся и этимъ предметомъ и черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ „Происхожденія видовъ“ издалъ въ свѣтъ спеціальное изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“ (1871). Къ числу первыхъ присоединившихся къ ученію Дарвина естествоиспытателей принадлежалъ и Ляйэлль, ранѣе по многимъ вопросамъ державшійся иныхъ взглядовъ. Въ сущности, теорія Дарвина была какъ бы естественнымъ продолженіемъ и необходимымъ дополненіемъ къ теоріи самого Ляйэлля. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ принципомъ трансформизма, съ идеей постепенной эволюціи, совершающейся чисто естественнымъ путемъ, и въ обоихъ случаяхъ

[1]) См. т. IV, стр. 614.

чисто механическое объясненіе процессовъ, вносящихъ въ природу измѣненія, вытѣснило прежнія объясненія телеологическаго характера. Дарвинъ подтвердилъ своимъ открытіемъ основную мысль Ламарка, и даже воспользовался его идеей о значеніи наслѣдственности. Онъ только выдвинулъ на первый планъ принципъ естественнаго подбора, путемъ котораго природа сохраняетъ и упрочиваетъ полезныя виду измѣненія, но самымъ основнымъ принципомъ его теоріи является борьба за существованіе, въ которой выживаютъ и оставляютъ послѣ себя болѣе многочисленное потомство лишь особи, наиболѣе приспособленныя къ условіямъ окружающей среды. Эволюція, какъ ее представлялъ себѣ Дарвинъ, вовсе не была мирнымъ и безболѣзненнымъ развитіемъ, о которомъ мечтали идеалистическіе оптимисты первой половины XIX вѣка. Замѣчательно, что свой основной принципъ Дарвинъ заимствовалъ изъ трактата, сыгравшаго свою роль въ исторіи политико-экономическихъ идей. Да и на самомъ дѣлѣ экономическая конкурренція есть не что иное, какъ борьба за существованіе въ иной лишь обстановкѣ, чѣмъ та борьба, которая происходитъ въ природѣ. Интересно также и то, что около того же времени, когда возникала и впервые распространялась теорія Дарвина, идея борьбы— борьбы между общественными классами и отдѣльными личностями— вносилась Марксомъ и Іерингомъ въ теоріи развитія хозяйственныхъ и правовыхъ отношеній, явившіяся на смѣну ученіямъ историческихъ школъ политической экономіи и юриспруденціи [1]).

Паденіе идеалистической метафизики и успѣхи естествознанія должны были отразиться не только на общемъ міросозерцаніи, но въ особенности и на общественныхъ наукахъ. Общія теоріи государства и права были излюбленною областью метафизическихъ мыслителей, и въ этой области вполнѣ и безраздѣльно господствовали тѣ самые методы, при помощи которыхъ строились и метафизическія системы. Уже въ то время, когда главныя отрасли естествознанія освободились отъ натурфилософскихъ воззрѣній и методовъ, чтобы обосновать себя исключительно на данныхъ опыта и наблюденія, общественныя науки (за исключеніемъ развѣ одной политической экономіи) все еще вращались въ сферѣ метафизическихъ идей и мало считались съ фактами дѣйствительной общественной жизни. Весьма естественно, однако, что рано или поздно и въ этой области долженъ былъ произойти переворотъ. Разъ метафизикѣ объявлялась война и примѣръ естественныхъ наукъ показывалъ, какимъ путемъ слѣдовало добывать истинное знаніе дѣйствительности, новые умственные принципы уже легко было перенести на всю область человѣческаго знанія, а слѣдовательно и на обще-

[1]) См. ниже.

ственныя науки, какъ часть одного великаго цѣлаго. Въ этомъ направленіи, дѣйствительно, и произошло весьма замѣчательное научное движеніе, которое имѣло своимъ результатомъ коренную реформу общественныхъ наукъ. Такъ какъ метафизическая философія достигла безраздѣльнаго господства только въ Германіи, то въ этой странѣ и позже почувствовалось наступленіе новой эпохи въ развитіи обществовѣдѣнія. Съ наибольшею ясностью и полнотою новое направленіе впервые обнаружилось во французскомъ позитивизмѣ Ог. Конта. Еще въ первой половинѣ XIX в. Контъ формулировалъ главныя положенія философіи, опирающейся исключительно на науку, и высказалъ мысль о необходимости основанія новой, чисто положительной науки объ обществѣ. Любопытно, однако, что мысль объ общей реформѣ знанія и о чисто научномъ изученіи общественныхъ явленій была высказана еще Сенъ-Симономъ, въ ученіи котораго лишь съ теченіемъ времени мистическіе элементы возобладали надъ научными идеями. Отмѣченное обстоятельство важно въ томъ смыслѣ, что мысль о необходимости созданія позитивной соціальной науки зародилась на почвѣ исканія новыхъ формъ самого общества, которыми предполагалось замѣнить неудовлетворительные порядки современности. Съ самаго начала научному изслѣдованію общественныхъ явленій ставилась такимъ образомъ и чисто жизненная задача.

С.-Симонъ выступилъ соціальнымъ реформаторомъ, собственно говоря, лишь въ концѣ своей жизни; ранѣе же онъ мечталъ только о реформѣ всей системы человѣческихъ знаній [1]). Еще въ самомъ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка онъ создалъ, по собственнымъ его словамъ, какой-то проектъ съ цѣлью открыть новое поприще человѣческому уму, которое онъ назвалъ физико-политическимъ (la carrière physico-politique). Въ этотъ планъ, очевидно, входила мысль о необходимости систематизаціи положительныхъ знаній и планомѣрной организаціи научныхъ трудовъ, отъ чего ожидались важныя послѣдствія и для улучшенія участи человѣчества. С.-Симонъ признавалъ частныя науки лишь за элементы нѣкоторой общей науки, которая именно и есть философія. И въ своемъ цѣломъ, и въ своихъ частяхъ, по его опредѣленію, наука должна имѣть лишь „относительный и положительный характеръ“, и этого состоянія, думалъ онъ, человѣческія знанія уже достигли, а потому С.-Симонъ и считалъ вполнѣ возможнымъ такой общій сводъ частныхъ наукъ, который составилъ бы настоящую „положительную философію“. Далѣе, по его мысли, такая философія должна была быть не только итогомъ результатовъ, добытыхъ частными науками, но и руководительницей въ дальнѣйшихъ научныхъ

[1]) Объ этой сторонѣ идей Сенъ-Симона см. т. IV, стр. 634—636 и 641.

изслѣдованіяхъ. Интересно также и то, что С.-Симонъ доказывалъ необходимость особой положительной „науки о человѣкѣ“ (la science de l'homme), т.-е. изученія человѣчества съ чисто научной точки зрѣнія, которую онъ вынесъ изъ своихъ занятій точными науками. Въ спеціальномъ мемуарѣ, посвященномъ этому вопросу, онъ высказываетъ ту идею, что человѣчество развивается, какъ и все органическое на землѣ. Наконецъ, одною изъ любимыхъ его идей была та, что истинными духовными вождями общества должны сдѣлаться ученые. Къ этимъ чисто научнымъ идеямъ С.-Симона и примыкаетъ позитивизмъ Конта.

Ог. Контъ родился въ 1798 г. Уже въ годы своего ученія онъ поражалъ какъ своихъ товарищей, такъ и преподавателей, раннимъ развитіемъ умственныхъ способностей. Высшее образованіе Контъ получилъ въ Парижѣ въ знаменитой Политехнической школѣ, въ которой были сосредоточены лучшія силы по преподаванію точныхъ наукъ. Не окончивъ вслѣдствіе случайности курса въ этомъ учебномъ заведеніи, Контъ вынужденъ былъ впослѣдствіи перебиваться уроками математики и разными другими частными занятіями. Около 1820 г. онъ сошелся съ С.-Симономъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его послѣдователей. Въ настоящее время иногда даже трудно опредѣлить, какія изъ идей Конта были въ это время заимствованы имъ у С.-Симона и какія, наоборотъ, были внушены самому учителю его молодымъ ученикомъ. Во всякомъ случаѣ, однако, Контъ заинтересовался главнымъ образомъ научными планами С.-Симона [1]). Въ духѣ именно этихъ идей въ 1822 г. юный мыслитель написалъ свое первое литературное произведеніе, озаглавленное „Prospectus научныхъ трудовъ, необходимыхъ для реорганизаціи общества“. Вскорѣ послѣ этого между учителемъ и ученикомъ произошелъ разрывъ. Въ это время С.-Симонъ уже переходилъ отъ болѣе раннихъ научныхъ своихъ плановъ къ созданію новой религіи и былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Контъ развивалъ исключительно научную точку зрѣнія, пренебрегая точкою зрѣнія сентиментальной и религіозной [2]). Съ своей стороны, Контъ видѣлъ въ этомъ поворотѣ къ религіозности измѣну прежнимъ взглядамъ С.-Симона, на почвѣ которыхъ онъ съ нимъ главнымъ образомъ и сблизился. Хотя послѣ смерти учителя Контъ и поддерживалъ нѣкоторое время сношенія съ нарождавшеюся сектою и даже принималъ участіе въ издававшемся ею органѣ „Le Producteur“, однако, его дорога совершенно разошлась съ дорогою с.-симонистовъ. Его влекли къ себѣ чисто научныя занятія, и онъ помышлялъ объ ученомъ поприщѣ, тѣмъ

---

[1]) См. т. IV, стр. 634 и слѣд.

[2]) См. т. IV, стр. 640.

болѣе, что названный юношескій его трактатъ былъ встрѣченъ сочувственно многими выдающимися людьми той эпохи, напримѣръ, Гизо, Сеемъ и Гегелемъ. Уже въ это время въ умѣ Конта зародились основныя черты его будущей системы, и въ 1826 г. онъ началъ читать у себя на дому курсъ позитивной философіи, имѣя въ своей небольшой аудиторіи настоящихъ ученыхъ, среди которыхъ достаточно назвать знаменитаго Александра Гумбольдта. Отъ усиленныхъ умственныхъ занятій Контъ въ самомъ началѣ этого курса подвергся довольно продолжительной душевной болѣзни (которая въ другой только формѣ повторилась съ нимъ и впослѣдствіи). Въ 1829 году Контъ снова читалъ свой курсъ позитивной философіи, имѣя и на этотъ разъ довольно значительное количество слушателей. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ напрасно хлопоталъ у бывшаго тогда министра народнаго просвѣщенія Гизо объ учрежденіи для себя особой каѳедры исторіи математическихъ и естественныхъ наукъ. Неуспѣхъ въ этомъ дѣлѣ не помѣшалъ ему, впрочемъ, заняться организаціей даровыхъ публичныхъ лекцій, въ которыхъ онъ хотѣлъ популяризировать точныя знанія среди рабочаго класса столицы; съ этою цѣлью онъ даже устроилъ небольшое общество, получившее названіе Политехнической ассоціаціи. Занимая скромную должность репетитора въ Политехнической школѣ, Контъ въ тридцатыхъ годахъ работалъ главнымъ образомъ надъ своимъ основнымъ трудомъ, который подъ названіемъ „Курса положительной философіи“ и вышелъ въ свѣтъ въ періодъ времени отъ 1830 по 1842 г. Лишь одинъ разъ за все это время Контъ выступилъ на публичную арену, принявъ на себя защиту одного изъ подсудимыхъ въ извѣстномъ политическомъ процессѣ 1835 года [1]). Окончивъ свой главный трудъ, Контъ самъ постепенно перешелъ на ту самую сентиментально-религіозную точку зрѣнія, которой не одобрялъ у С.-Симона въ послѣдніе годы его жизни. Основатель позитивной философіи захотѣлъ сдѣлаться творцомъ новой религіи, которая тоже должна была быть позитивною. Этой новой религіи онъ ставилъ задачею соціальную и политическую реорганизацію человѣчества и даже основалъ съ этою цѣлью въ 1848 г. такъ называемое Позитивистическое общество. Считая себя теперь первосвященникомъ этой новой религіи, онъ думалъ найти себѣ поддержку въ такихъ людяхъ, какъ императоръ Николай I, генералъ ордена іезуитовъ Бексъ и турецкій великій визирь Решидъ-паша. Результатомъ такого поворота въ мысляхъ Конта была „Система положительной политики“, вышедшая въ 1851—1854 гг. за нѣсколько лѣтъ до его смерти (1857 г.). Послѣдніе годы своей жизни Контъ очень бѣдствовалъ, лишившись, вслѣдствіе личныхъ столкновеній, своего скромнаго мѣста,

[1]) См. выше, стр. 136.

въ Политехнической школѣ. Ему даже пришлось жить насчетъ частной благотворительности, которая шла даже изъ Англіи. Между прочимъ денежную помощь Конту оказывалъ Милль, очень заинтересовавшійся научными его идеями и ведшій съ нимъ переписку въ началѣ сороковыхъ годовъ. Въ самой Франціи „Курсъ положительной философіи“ не нашелъ особенно большого количества послѣдователей, но Контъ все-таки имѣлъ счастіе привлечь на свою сторону весьма виднаго ученика въ лицѣ Литтре, сдѣлавшагося впослѣдствіи главнымъ представителемъ научнаго позитивизма. Подобно тому какъ самъ Контъ разошелся съ С.-Симономъ вслѣдствіе перемѣны, совершившейся въ идеяхъ послѣдняго, и Литтре въ 1852 г. рѣзко оборвалъ свои прежнія отношенія къ Конту, когда увидѣлъ, что тотъ измѣнилъ прежнему научному духу своей философіи. Впослѣдствіи Литтре даже оспаривалъ передъ судомъ духовное завѣщаніе Конта, доказывая, что въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ своей жизни онъ страдалъ душевною болѣзнью. Однако, цѣлая группа послѣдователей Конта приняла его религіозное ученіе, изложенное въ „Системѣ положительной политики“. Контисты появились даже внѣ Франціи, между прочимъ и въ Америкѣ, но за ними нельзя признать никакого общаго историческаго значенія. Замѣтный слѣдъ въ исторіи мысли оставилъ Контъ лишь въ качествѣ автора „Курса положительной философіи“.

Контъ не былъ спеціалистомъ въ какой-либо области человѣческаго знанія, но зато онъ отличался широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ и проявилъ громадную способность къ систематизаціи научныхъ знаній. Къ сожалѣнію, онъ мало-по-малу пришелъ къ мысли объ особомъ умственномъ режимѣ, который онъ назвалъ „мозговою гигіеною“ и который состоялъ въ воздержаніи отъ чтенія. Вотъ почему, между прочимъ, по нѣкоторымъ въ высшей степени важнымъ вопросамъ онъ придерживался взглядовъ, которые сдѣлали изъ него противника научныхъ теорій, впослѣдствіи восторжествовавшихъ надъ противоположными взглядами. Къ числу ученій, съ которыми онъ не хотѣлъ согласиться, относятся, напримѣръ, механическая теорія теплоты, спектральный анализъ и ученіе объ измѣняемости животныхъ и растительныхъ видовъ. Не разсматривая здѣсь всѣхъ сторонъ ученія Конта, мы остановимся лишь на томъ, въ чемъ онъ полагалъ отличительную черту позитивной философіи, въ особенности же на его мысли о необходимости созданія положительной науки объ обществѣ, которой онъ далъ сохранившееся за нею названіе соціологіи.

Наблюдая умственное состояніе современнаго общества, Контъ характеризовалъ его, какъ состояніе анархіи, и сводилъ къ этой анархіи, какъ къ основной причинѣ, всѣ проявленія общественной дезорганизаціи. По его мнѣнію, общество должно было получить новую

организацію чрезъ новое міросозерцаніе, которое цѣликомъ основывалось бы на данныхъ и выводахъ чистой науки. Къ числу основныхъ положеній Конта относится его знаменитый законъ о трехъ фазисахъ, черезъ которые проходитъ исторія человѣческаго міросозерцанія. Первая стадія есть стадія теологическая, и на ней человѣческій умъ объясняетъ себѣ явленія природы прямымъ и постояннымъ вмѣшательствомъ какого бы то ни было количества сверхъестественныхъ дѣятелей. На второй, метафизической стадіи эти сверхъестественные дѣятели замѣняются отвлеченными сущностями, за которыми признается способность производить наблюдаемыя явленія; напримѣръ, когда поднятіе воды въ насосѣ объясняли тѣмъ, что природа боится пустоты, то мыслили метафизически. Третью стадію представляетъ собою положительная наука, отказывающаяся отъ всѣхъ тѣхъ задачъ, какія ставили себѣ теологія и метафизика, и занимающаяся исключительно открытіемъ законовъ, которыми управляются происходящія вокругъ насъ явленія. Выводъ, къ которому приходитъ Контъ, тотъ же, что̀ и у Канта въ „Критикѣ чистаго разума“: нашему знанію доступны только явленія, а не лежащія въ основѣ ихъ какія-то сверхчувственныя сущности. Только Контъ принималъ это положеніе догматически, не давъ ему критическаго обоснованія въ теоріи познанія. Умственная анархія, на которую указывалъ Контъ, была, по его объясненію, результатомъ того, что не всѣ наши знанія перешли на позитивную ступень развитія. Задача положительной философіи понималась имъ въ томъ смыслѣ, чтобы обосновать всѣ наши представленія и понятія на прочномъ фундаментѣ положительнаго знанія. Самою отсталою отраслью знанія Контъ совершенно справедливо считалъ ту, которая имѣетъ своимъ предметомъ общественную жизнь человѣка. Въ то самое время, какъ въ области математики, астрономіи, физики и химіи господствуютъ строго научные пріемы мысли, изученіе общественныхъ явленій все еще находится на метафизической и даже теологической ступени развитія. Поэтому Контъ поставилъ себѣ грандіозную задачу объединить однимъ принципомъ теоретическое отношеніе нашего ума ко всѣмъ наблюдаемымъ нами явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности. Съ этою цѣлью онъ нашелъ нужнымъ создать и новую положительную науку о закономѣрности общественныхъ явленій, и этой наукѣ, т.-е. соціологіи, онъ первоначально далъ названіе „соціальной физики“ [1]), тѣмъ самымъ показывая, какой характеръ должна была получить новая наука. Предметомъ соціологіи должны были быть общественныя явленія вообще, другими словами—

---

[1]) Это названіе употребилъ и Кетлэ въ трудѣ, названномъ въ примѣчаніи къ стр. 852.

общество, взятое во всѣхъ своихъ сторонахъ, т.-е. не такъ, какъ ранѣе разсматривали его политики, юристы и экономисты, дѣлавшіе предметомъ своего изученія или государство, или право, или народное хозяйство. Къ числу общественныхъ явленій Контъ относилъ также и явленія духовной культуры, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что между всѣми этими явленіями существуютъ взаимоотношенія, подчиненныя дѣйствію опредѣленныхъ законовъ. Подобно другимъ основнымъ наукамъ соціологія должна была быть, по мысли Конта, наукою чистою, т.-е. вполнѣ теоретическою, и онъ даже провелъ рѣзкую грань между науками чистыми и прикладными, т.-е. между науками въ собственномъ смыслѣ и соотвѣтственными искусствами. Самыя науки онъ раздѣлилъ на конкретныя, имѣющія дѣло съ данными, опредѣленными явленіями, и абстрактныя занимающіяся открытіемъ законовъ, которые управляютъ той или другой категоріей явленій: соціологія представлялась Конту именно, какъ наука абстрактная, и самая задача, которую онъ ставилъ этой наукѣ, указывала на его мысль о томъ, что общественныя явленія совершенно такъ же подчинены дѣйствію законовъ, какъ и явленія природы. Далѣе, онъ раздѣлялъ эти законы на законы сосуществованія и преемственности общественныхъ явленій, представляя себѣ эту послѣднюю, какъ эволюцію. Сообразно съ этимъ онъ дѣлилъ соціологію на соціальную статику и соціальную динамику, и вторая собственно должна была быть не чѣмъ инымъ, какъ теоріей соціальной эволюціи. Соціологія представлялась Конту конечною цѣлью и высшимъ завершеніемъ всей его системы, и цѣлую половину своего „Курса“ онъ посвятилъ именно изложенію своихъ соціологическихъ взглядовъ. Опредѣливъ указаннымъ образомъ предметъ и задачу новой науки, онъ естественнымъ образомъ долженъ былъ поднять вопросъ о средствахъ разрѣшенія поставленной задачи, другими словами—о методахъ изученія общественныхъ явленій. Въ этомъ тоже заключается одна изъ крупныхъ его заслугъ передъ наукою. Но если соціологія должна была быть наукою чисто теоретическою и абстрактною, Контъ все-таки ставилъ ей и практическія общественныя цѣли. Находя вреднымъ для успѣховъ науки смѣшеніе теоретическихъ и практическихъ задачъ, онъ стоялъ, однако, на той точкѣ зрѣнія, что успѣшная практика можетъ быть основана лишь на вѣрной теоріи. Контъ отнесся отрицательно къ общественнымъ теоріямъ XVIII в. (въ особенности къ Руссо), потому что считалъ ихъ теоріями вполнѣ метафизическими, въ которыхъ воображеніе господствовало надъ наблюденіемъ, тогда какъ въ настоящей наукѣ, наоборотъ, наблюденіе должно господствовать надъ воображеніемъ. Ложныя теоріи и не могли дать прочныхъ результатовъ: чтобы успѣшно дѣйствовать, нужно обладать знаніемъ законовъ, управляющихъ предметами нашего воз-

дѣйствія, нужно, такъ сказать, пользоваться одними законами противъ другихъ,—и въ этомъ отношеніи Контъ не дѣлалъ различія между воздѣйствіемъ на природу и воздѣйствіемъ на общество. Только зная законы, управляющіе явленіями, человѣкъ можетъ предвидѣть наступленіе тѣхъ или другихъ явленій, и лишь обладая такимъ предвидѣніемъ, онъ будетъ въ состояніи успѣшно дѣйствовать для достиженія своихъ цѣлей. Эту мысль Контъ высказалъ коротко въ слѣдующихъ словахъ: „наука, откуда предвидѣніе; предвидѣніе, откуда дѣйствіе".

Позитивизмъ Конта обращалъ на себя вообще очень мало вниманія въ теченіе почти цѣлой четверти вѣка послѣ выхода въ свѣтъ „Курса положительной философіи". Его значеніе, такъ сказать, заслонялось „Системой положительной политики", которая на первыхъ порахъ пріобрѣла гораздо болѣе многочисленныхъ послѣдователей, чѣмъ чисто научная мысль основателя позитивизма. Съ этой точки зрѣнія и постороннимъ наблюдателямъ могло казаться, что все ученіе Конта имѣетъ совершенно такой же характеръ, съ какимъ уже раньше выступали с.-симонисты или Пьеръ Леру. Нужно было, чтобы среди послѣдователей Конта нашлись люди, которые сумѣли бы разобраться въ идеяхъ этого оригинальнаго мыслителя и выдѣлить изъ нихъ то, что̀ имѣло дѣйствительную цѣнность и вполнѣ соотвѣтствовало научнымъ стремленіямъ эпохи. Такими людьми по отношенію къ ученію Конта были Литтре во Франціи и Милль въ Англіи. Оба они въ началѣ шестидесятыхъ годовъ издали по сочиненію, спеціально посвященному Конту, чѣмъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовали распространенію его идей въ обществѣ. Литтре познакомился съ философіей Конта, уже имѣя репутацію первокласснаго ученаго. Онъ самъ признавался, что знакомство съ „Курсомъ положительной философіи" было поворотной точкой въ его жизни, и онъ сталъ популяризировать идеи Конта. Въ 1863 г. онъ издалъ обстоятельное сочиненіе объ его философіи (Auguste Comte et la philosophie positive), а въ 1867 г. основалъ вмѣстѣ съ Вырубовымъ спеціальный органъ для позитивизма „Philosophie positive". Одновременно съ этимъ Литтре предпринялъ второе изданіе „Курса положительной философіи" [1]).

[1]) Въ новѣйшемъ историко-философскомъ трудѣ (*С. С. Арнольди.* Задачи пониманія исторіи. М. 1898, стр. 354—355) весьма вѣрно отмѣчено, что обѣ особенности позитивизма („вполнѣ опредѣленная постановка задачъ научной философіи, устраняющей всѣ постороннія ей примѣси" и „первая попытка философски установить и отграничить соціологію, какъ особенную науку") „при ихъ громадномъ теоретическомъ значеніи, не представляли удобной почвы для борьбы общественныхъ партій", и что, съ другой стороны, „наиболѣе научная отрасль позитивизма обнаружила свое подпаденіе вліянію современнаго идейнаго индифферентизма въ томъ, что отказалась отъ систематическаго внесенія въ свою систему какого бы то ни было присущаго этому міросозерцанію прав-

Англія, въ которой давнымъ-давно уже не обнаруживалось особой склонности къ метафизическому мышленію, выставила въ разсматриваемую эпоху трехъ писателей, поставившихъ себѣ однородныя задачи въ области изученія общественныхъ явленій. Однимъ изъ нихъ былъ Милль, довольно рано испытавшій на себѣ вліяніе Конта, другимъ — Бокль, котораго съ Контомъ роднило стремленіе изгнать метафизику изъ изученія общественныхъ явленій и примѣнить къ нимъ исключительно научные методы, третьимъ является Спенсеръ, достигшій наибольшаго вліянія только въ послѣдующія десятилѣтія.

Джонъ Стюартъ Милль, о политическихъ и экономическихъ взглядахъ котораго уже была рѣчь выше [1]), принадлежитъ и къ числу видныхъ дѣятелей положительнаго направленія въ философіи. На него оказали вообще большое вліяніе взгляды Конта, съ которымъ въ 1841 г. онъ вступилъ въ научную переписку и которому оказывалъ денежную помощь. Впослѣдствіи Милль посвятилъ особое сочиненіе („Огюстъ Контъ и позитивизмъ". 1865) разсмотрѣнію ученія, изложеннаго въ „Курсѣ положительной философіи". Основную точку зрѣнія Конта Милль называетъ здѣсь „общимъ достояніемъ вѣка", но находитъ чисто личною собственностью Конта тотъ видъ, который она у него получила. Между прочимъ, онъ поставилъ ему въ большую заслугу то, что онъ занялся разработкою научной методологіи общественныхъ явленій: по его признанію, Контъ „разработалъ предметъ съ такимъ совершенствомъ, что не имѣетъ до сихъ поръ соперника въ этомъ дѣлѣ", и „съ такимъ глубокимъ знаніемъ вопроса, которое оставляетъ желать весьма немногаго". Главнымъ философскимъ трудомъ самого Милля была изданная имъ въ 1843 г. „Система логики", долгое время остававшаяся единственнымъ трудомъ по систематическому изслѣдованію научныхъ методовъ. Критеріемъ истины Милль признаетъ только опытъ и наблюденіе, и для него можетъ называться истиннымъ лишь то умозаключеніе, которое соотвѣтствуетъ реальнымъ фактамъ. Разсматривая относительное достоинство индуктивнаго и дедуктивнаго методовъ, онъ считаетъ ихъ задачею открытіе законовъ, которыми управляются всѣ явленія окружающаго насъ міра. Общественныя явленія въ этомъ случаѣ не составляютъ исключенія, и Милль подвергъ поэтому особой обработкѣ „логику нравственныхъ наукъ". Это была чисто контовская тема. „Система логики" выдержала нѣсколько изданій, что̀ указываетъ на успѣхъ ея въ

ственнаго ученія". Поэтому авторъ считаетъ едва ли возможнымъ „признать за позитивизмомъ ту историческую роль въ попыткахъ рѣшить современныя задачи мысли, которая, казалось, принадлежала бы ему по его замѣчательной теоретической постановкѣ научно-философскихъ задачъ".

[1]) См. выше, стр. 769—776 и 811—812.

обществѣ, и стала переводиться на иностранные языки. Она пріобрѣла большой авторитетъ и у естествоиспытателей, которые начали обращаться къ ней, какъ къ кодексу правилъ научнаго мышленія.

Родственныя позитивизму стремленія проявились и въ научной дѣятельности Бокля. Еще восемнадцатилѣтнимъ юношей Бокль поставилъ себѣ задачу написать исторію цивилизаціи и въ теченіе семнадцати лѣтъ по десяти часовъ въ день работалъ надъ своей темою, читая все, что только считалъ нужнымъ для исполненія своей задачи. Сначала въ задуманномъ трудѣ онъ хотѣлъ охватить всю исторію человѣчества, но потомъ пришелъ къ мысли, что это задача слишкомъ сложная и обширная, и ограничился исторіей своей родины. Въ 1858 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ, въ 1861 г. — второй томъ прославившей его имя „Исторія цивилизаціи въ Англіи“, но этотъ трудъ ему не пришлось довести до конца: въ 1862 г. Бокль скончался во время своего путешествія на Востокъ для поправленія здоровья, расшатаннаго чрезмѣрнымъ мозговымъ напряженіемъ. Изложенію главнаго предмета своего сочиненія Бокль предпослалъ обширое историко-философское введеніе, въ которомъ высказалъ всѣ свои научныя убѣжденія. Главною своею задачею въ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ онъ прямо ставилъ „сдѣлать для исторіи нѣчто равное или, по меньшей мѣрѣ, подобное тому, что сдѣлано другими изслѣдователями для разныхъ отраслей естествовѣдѣнія. Въ области природы, говоритъ онъ, явленія, повидимому, самыя неправильныя и причудливыя, объяснены и подведены подъ нѣкоторые опредѣленные и общіе законы“. Одни только историки не занимались такимъ дѣломъ, что̀ и „замедлило возведеніе исторіи на степень науки“. Одна изъ причинъ этого—въ большей сложности общественныхъ явленій, изучаемыхъ исторіей, другая — въ господствѣ среди историковъ мистическихъ и метафизическихъ представленій. Бокль заимствовалъ изъ естествознанія идею о закономѣрности всѣхъ явленій, происходящихъ въ мірѣ, и распространилъ ее на исторію, гдѣ, по его словамъ, прежде все объяснялось или случайностью, или сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ. Дѣла человѣческія, говоритъ онъ, порождаются предшествующими явленіями, существующими въ человѣческомъ духѣ или во внѣшней природѣ, и вся исторія представлялась ему главнымъ образомъ измѣненіемъ человѣка природою и природы человѣкомъ. Мысль о вліяніи природы на человѣка—одна изъ основныхъ мыслей историко-философскаго введенія Бокля. „Когда мы вспомнимъ, говоритъ онъ, постоянное соприкосновеніе между человѣкомъ и природою, для насъ сдѣлается очевиднымъ, что должна существовать тѣсная связь между дѣлами человѣческими и законами природы. Причина того, что до сихъ поръ естественныя науки не

имѣли вліянія на исторію, заключается въ томъ, что историки не понимали этой связи, а которые и понимали, тѣ не имѣли свѣдѣній, нужныхъ для ея изображенія". Извѣстно, что Бокль старался доказать громадное вліяніе на исторію такихъ природныхъ факторовъ, какъ климатъ, почва, пища, доставляемая флорою и фауною страны, общій видъ страны, такъ или иначе дѣйствующій на человѣческую психику. Но не въ этомъ только пунктѣ Бокль обращался за помощью къ естествознанію. Для историка важно не только знаніе законовъ природы и дѣйствія ея на человѣка, но и обладаніе тѣми методами, при помощи которыхъ натуралисты совершаютъ свои открытія. Цѣлая глава книги была посвящена имъ „разсмотрѣнію метода, употребляемаго метафизиками для открытія законовъ духа", и онъ пришелъ здѣсь къ тому заключенію, что метафизики потерпѣли неудачу, и что „историческій методъ изученія законовъ духа выше метафизическаго". Это — „единственно остающійся методъ, по которому можно изучать явленія духа не только какъ они совершаются въ духѣ отдѣльнаго наблюдателя, но и такъ, какъ они выказываются въ дѣйствіяхъ человѣчества вообще". Бокль даже Конта причислялъ къ метафизикамъ, хотя и относилъ его къ той небольшой ихъ группѣ, которые, по его выраженію, мыслятъ болѣе научнымъ образомъ.

Мысль о необходимости воспользоваться въ изученіи общественныхъ явленій данными, выводами и методами естествознанія сдѣлалась особенно популярною въ шестидесятыхъ годахъ, когда и съ другой стороны подъ вліяніемъ великаго открытія Дарвина точка зрѣнія біологической эволюціи была приложена и къ изученію человѣка. Въ послѣднемъ отношеніи дарвинизмъ оказалъ сильное вліяніе не только на антропологію, какъ науку о человѣкѣ, взятомъ съ чисто физической стороны, не только на психологію, передъ которою была поставлена задача подмѣтить зарожденіе и прослѣдить развитіе психической жизни въ зоологическомъ мірѣ, но и на едва лишь зародившуюся соціологію, въ которую нѣкоторые писатели даже съ чрезмѣрною поспѣшностью стали переносить основныя понятія дарвинизма съ цѣлью ими одними объяснить всѣ главныя явленія общественной жизни и историческаго процесса. Впослѣдствіи многія крайности этого направленія исчезли, но общее представленіе о тѣсной связи между соціологіей и біологіей осталось непоколебимымъ, и передъ научною мыслью такимъ образомъ явился вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ, существующихъ между жизненными и общественными явленіями. Наконецъ, нужно отмѣтить, что къ этому же періоду относятся первые труды Герберта Спенсера, философія котораго достигла наибольшаго вліянія лишь въ слѣдующемъ періодѣ, хотя ос-

новныя мысли его системы были уже тогда высказаны и начатъ былъ (1862) главный трудъ его жизни „Система синтетической философіи". Подобно другимъ мыслителямъ своего времени, Спенсеръ ограничиваетъ область философіи однимъ міромъ явленій, данныхъ въ человѣческомъ опытѣ: все, что другіе философы называютъ сущностью вещей, онъ признаётъ „непознаваемымъ". Подобно Конту, онъ превращалъ философію въ цѣльное научное познаніе міра и человѣка, вслѣдствіе чего его система должна была охватить въ одномъ великомъ синтезѣ всѣ основныя понятія и высшія обобщенія отдѣльныхъ наукъ, начиная съ наукъ о неорганической природѣ и кончая этикой. Въ основу этой „Системы синтетической философіи" Спенсеръ положилъ идею эволюціи, общій законъ которой царитъ у него и въ образованіи солнечныхъ системъ, и въ исторіи человѣческихъ обществъ. Особой извѣстности достигъ Спенсеръ лишь послѣ того, когда его „Система синтетической философіи" дошла до вопросовъ соціологіи и этики, что̀ относится уже къ слѣдующему историческому періоду. Вообще можно сказать, что XIX в. оставитъ послѣ себя двѣ великія всеобъемлющія системы философіи, въ которыхъ міръ одинаково понимается, какъ развитіе, но изъ которыхъ одна можетъ быть названа эволюціонизмомъ идеалистическимъ или метафизическимъ, другая — эволюціонизмомъ реалистическимъ или научнымъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду въ первомъ случаѣ философію Гегеля, во второмъ — философію Спенсера. Одна изъ нихъ характеризуетъ общее умственное настроеніе первой половины XIX вѣка, другая — умственное настроеніе второй половины столѣтія. Сто́итъ только сравнить обѣ системы для того, чтобы увидѣть съ особенною ясностью, въ чемъ заключался умственный переворотъ середины XIX в.

Конечно, весьма многое изъ того, что особенно характеризуетъ вторую половину XIX вѣка въ области изученія общественной жизни, получило начало еще въ эпоху господства метафизическаго мышленія. Обращеніе къ изслѣдованію реальныхъ общественныхъ фактовъ, которыми пренебрегали раціоналисты XVIII в. и идеалисты первой половины XIX столѣтія, должно было необходимо привести къ сознанію важности историческаго матеріала и исторической точки зрѣнія. Независимо отъ развитія тѣхъ взглядовъ, которые выразились, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Конта и Бокля, уже до середины текущаго столѣтія существовало историческое направленіе въ юриспруденціи и въ политической экономіи. Въ свое время обѣ „историческія школы" были большимъ шагомъ впередъ, но и въ нихъ проявились нѣкоторые важные недостатки, которые были устранены опять-таки лишь въ серединѣ XIX в. подъ вліяніемъ общаго поворота къ бо́льшему реализму.

Въ XVIII вѣкѣ теоретически изучали разныя стороны культурной и соціальной жизни человѣка, — напримѣръ, языкъ и литературу, право и народное хозяйство, — безъ всякаго отношенія къ ихъ историческому развитію и даже безъ достаточнаго историческаго матеріала. Явленія эти брались, какъ нѣчто существующее неподвижно, причемъ какія-либо данныя формы этихъ явленій принимались за основу заключеній, распространявшихся на всѣ возможные случаи. Общіе законы языка думали вывести изъ изученія латинскаго или французскаго языковъ, которые брались такъ, какъ будто это были системы, сразу получившія свой настоящій видъ. Теорія литературы съ своими общеобязательными правилами, получившими въ ложномъ классицизмѣ абсолютное значеніе, строилась на основаніи поэтическихъ произведеній древности, въ которыхъ видѣли воплощеніе вѣчныхъ законовъ красоты. Система естественнаго права создавала вѣчныя нормы справедливости, находя ихъ въ римскомъ правѣ, этомъ своего рода „писанномъ разумѣ“. Созданная Адамомъ Смитомъ политическая экономія возводила на степень общихъ и неизмѣнныхъ законовъ народнаго хозяйства выводы, которые получались изъ наблюденій надъ современнымъ экономическимъ бытомъ Англіи. XIX вѣкъ отказался отъ такой точки зрѣнія и отъ соотвѣтствующаго ей метода мысли, выдвинувъ впередъ идею историческаго изученія и въ смыслѣ привлеченія къ изслѣдованію фактическаго матеріала изъ разныхъ временъ, и въ смыслѣ разсмотрѣнія культурныхъ и соціальныхъ явленій, представленныхъ этимъ матеріаломъ, въ ихъ историческомъ развитіи. Можно сказать, что если XVIII столѣтіе называютъ вѣкомъ философскимъ, то XIX в. слѣдуетъ обозначить, какъ вѣкъ исторіи. Съ исторической точки зрѣнія изучаются въ настоящее время и языкъ, и миѳологія, и религія, и философія, и литература, и искусство, изучаются также право и народное хозяйство. Въ другихъ мѣстахъ настоящаго труда уже приходилось говорить о возникновеніи историческихъ школъ юриспруденціи [1]) и политической экономіи [2]), одной еще въ началѣ, другой въ серединѣ XIX вѣка. Въ исторіи общественныхъ наукъ это были въ высшей степени важныя начинанія, но и историческая школа права, и историческое направленіе въ экономической наукѣ страдали, какъ было сказано, весьма важными недостатками.

Историческая школа въ Германіи возникла въ эпоху политической реакціи и даже должна была служить ея цѣлямъ [3]). Въ ней историзмъ

---

[1]) См. т. IV, стр. 274—275.
[2]) См. выше, стр. 378—380.
[3]) См. т. IV, стр. 347—348.

принялъ чисто консервативный характеръ, роднившій юристовъ этой школы съ романтиками, которые тоже были поклонниками историческихъ традицій. Съ другой стороны, историческое направленіе въ политической экономіи, возникшее подъ сильнымъ вліяніемъ исторической школы права, тоже отличалось консерватизмомъ, нерѣдко оправдывая настоящее съ ссылкою на его необходимость, какъ на естественный результатъ прошедшаго [1]). Поэтому представители обѣихъ школъ не обнаружили большого пониманія современности, которое вообще возможно лишь подъ условіемъ нѣкотораго предвосхищенія будущихъ явленій, идущихъ на смѣну настоящему. Въ чисто теоретическомъ отношеніи историческая школа права отразила на себѣ современное идеалистическое міросозерцаніе, сдѣлавъ изъ „народнаго духа“, творящаго право, какую-то мистическую силу. Но это была, по крайней мѣрѣ, все-таки нѣкоторая теорія. Историческая школа въ политической экономіи не создала даже никакой общей теоріи. Ей удалось собрать громадный историческій матеріалъ, но, собственно говоря, онъ не подвергся настоящей методологической обработкѣ, которая привела бы къ какой-нибудь теоріи. Даже современные сторонники этого направленія сознаются въ томъ, что въ немъ исполненіе не соотвѣтствовало замыслу. Внесеніе исторической точки зрѣнія въ юриспруденцію и въ политическую экономію было реакціей противъ исключительнаго господства абстрактной идеологіи въ обѣихъ наукахъ, но реакція эта стала заходить (особенно въ историческомъ направленіи политической экономіи) слишкомъ далеко, потому что наиболѣе рьяные сторонники историзма стали даже отрицать всякое научное значеніе за дедукціей, а между тѣмъ, безъ послѣдней, конечно, трудно было прійти къ выработкѣ какой-нибудь опредѣленной и послѣдовательной теоріи. Между прочимъ, это сказалось на извѣстномъ оппортунизмѣ экономистовъ исторической школы, которые оказались не въ состояніи противопоставить явленіямъ современности какой-либо системы принциповъ. Конечно, великая ихъ заслуга заключалась въ томъ, что они выставили на видъ историческую относительность экономическихъ формъ и принциповъ, но они слишкомъ злоупотребляли этимъ понятіемъ относительности, прикрывая имъ отсутствіе у себя опредѣленной теоріи. Впрочемъ, и самая эта идея относительности не была исключительною собственностью школы, потому что къ той же самой идеѣ стали независимо отъ нея приходить и соціалистическіе противники классической школы экономистовъ. Наконецъ, весьма важный недостатокъ историческаго направленія заключался въ томъ, что оно, опять-таки односторонне понимая требованія историзма, сравнительно очень мало интересова-

[1]) См. выше, стр. 379—380.

лось и занималось современностью, направляя преимущественно свое вниманіе на болѣе или менѣе далекое прошлое. Вотъ почему и въ этомъ направленіи экономическаго (а также и юридическаго) мышленія необходимъ былъ переворотъ. Въ юриспруденціи онъ и былъ сдѣланъ главнымъ образомъ Рудольфомъ Іерингомъ, подвергшимъ критикѣ основныя воззрѣнія исторической школы права. Будучи самъ крупнымъ историкомъ права (особенно въ сочиненіи „Духъ римскаго права на разныхъ ступеняхъ его развитія". 1852—1854), онъ возсталъ противъ теоріи мистическаго „народнаго духа" для того, чтобы вывести какъ частно-правовой, такъ и государственный порядокъ людскихъ отношеній изъ борьбы индивидуумовъ или соціальныхъ группъ, объединенныхъ общностью интересовъ. Съ этой точки зрѣнія право перестало разсматриваться, какъ продуктъ народнаго духа, безболѣзненно и мирно развивающійся изъ моральныхъ принциповъ, изначала вложенныхъ въ народное сознаніе. Наоборотъ, Іерингъ сталъ учить, что право создается личностью путемъ борьбы за обезпеченіе своихъ интересовъ. Позднѣе въ своихъ сочиненіяхъ начала восьмидесятыхъ годовъ („Борьба за право" и „Цѣль въ правѣ") онъ особенно подробно развилъ эту теорію, которая въ общемъ отличается несомнѣннымъ реализмомъ и способна охватить всѣ историческія эпохи, не исключая и современности. Мы увидимъ нѣсколько далѣе, что аналогичное положеніе занялъ по отношенію къ исторической школѣ экономистовъ Карлъ Марксъ.

Новый научный духъ сталъ проникать и въ соціальныя теоріи, которыя раньше были соединены большею частью съ стремленіями метафизическаго и даже религіознаго характера. Если примѣнить къ исторіи общественныхъ теорій знаменитую формулу Конта, то можно сказать, что вся эта исторія до середины XIX в. прошла двѣ первыя свои стадіи. Подобно тому, какъ въ эпоху реформаціи сектанты стремились создать новыя общественныя отношенія, ссылаясь на волю Божію, данную во внѣшнемъ или внутреннемъ откровеніи [1]), такъ, начиная съ XVIII в., стали ссылаться на естественное право открываемое чистою дѣятельностью разума. Но въ обоихъ случаяхъ общественные реформаторы были далеки отъ мысли о необходимости опираться на положительное знаніе законовъ, управляющихъ дѣйствительною общественною жизнью. Лишь въ серединѣ XIX в. стала утверждаться и распространяться та истина, что лучшею руководительницею въ дѣлѣ сознательнаго и преднамѣреннаго обновленія и преобразованія общественной жизни можетъ быть только наука.

Взглядъ на то, что общественная дѣятельность должна ру-

[1]) См. т. II, стр. 73 и 109 и слѣд.

ководиться указаніями строгой науки и что вообще рѣшеніе общественныхъ вопросовъ должно быть поставлено на научную почву, въ серединѣ XIX вѣка имѣлъ уже не мало представителей. Мы видѣли, напримѣръ, что въ данномъ вопросѣ къ Конту довольно близко подходилъ Луи Бланъ [1]). Прудонъ прямо ставилъ себѣ задачу дать соціализму чисто научное обоснованіе [2]), и въ этомъ отношеніи онъ является ближайшимъ предшественникомъ Маркса и Энгельса. Въ своей книгѣ о французскомъ соціализмѣ и коммунизмѣ Лоренцъ Штейнъ тоже переводилъ вопросъ на почву чисто научнаго изслѣдованія общественныхъ отношеній и теченій и выражалъ желаніе, чтобы нѣмецкая наука работала именно въ этомъ направленіи [3]). Позднѣе Лассаль равнымъ образомъ особенно подчеркивалъ, что его работы въ области соціальныхъ вопросовъ имѣютъ чисто научный характеръ [4]). Наконецъ, Марксъ и Энгельсъ прямо противопоставили свою теорію, какъ „соціализмъ научный", прежнему „утопическому соціализму".

Различіе между утопическимъ и научнымъ соціализмомъ было особенно подробно разсмотрѣно Энгельсомъ въ его полемикѣ съ берлинскимъ профессоромъ Дюрингомъ [5]). „По своей теоретической формѣ, говоритъ Энгельсъ, новѣйшій соціализмъ съ перваго взгляда представляется лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и, пожалуй, только болѣе послѣдовательнымъ примѣненіемъ принциповъ, провозглашенныхъ крупными философами XVIII столѣтія". Эти философы были раціоналисты, дѣлавшіе изъ разума единственное мѣрило всѣхъ вещей и съ точки зрѣнія идей разума критиковавшіе и отрицавшіе дѣйствительность [6]), но „это царство разума было, говоритъ далѣе Энгельсъ, не чѣмъ инымъ, какъ идеализированнымъ царствомъ буржуазіи". Однако, уже и тогда, да и раньше, существовалъ антагонизмъ между имущими и неимущими, отражавшійся, съ одной стороны, въ революціонныхъ попыткахъ народныхъ массъ, съ другой—въ созиданіи утопическихъ изображеній идеальнаго общественнаго строя. Къ числу авторовъ подобныхъ утопій въ XIX в. Энгельсъ относитъ С.-Симона, Фурье и Оуена. Всѣ они „сходились въ томъ, что никогда не

---

[1]) См. выше, стр. 309.

[2]) См. выше, стр. 312.

[3]) См. выше, стр. 383 384.

[4]) См. выше, стр. 833.

[5]) Въ сочиненіи „Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft", изъ котораго позднѣе было сдѣлано извлеченіе подъ заглавіемъ „Развитіе соціализма изъ утопіи въ науку" (Die Entwickelung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft).

[6]) О дѣйствительно раціоналистическомъ характерѣ философіи XVIII в. см. т. III, стр. 149 и слѣд.

выставляли себя защитниками исторически развившагося тѣмъ временемъ пролетаріата. Подобно философамъ XVIII в., они хотѣли начать эпоху обновленія „освобожденіемъ всего человѣчества, а не даннаго только общественнаго класса“, хотя, съ другой стороны, они и нашли порядокъ, созданный на основахъ идей XVIII в., столь же неразумнымъ и несправедливымъ, какъ и порядокъ феодальный. Но они думали, что если человѣчество не руководилось истинными принципами разума и справедливости, то лишь по той причинѣ, что ихъ не знало. Съ этой точки зрѣнія вся бѣда заключалась въ томъ, что не появлялось геніальнаго человѣка, который провозгласилъ бы истину; самое появленіе такихъ людей, какими и считали себя великіе утописты начала XIX в., казалось имъ просто счастливою случайностью, а не результатомъ какого-либо историческаго процесса. Въ этомъ смыслѣ утопическій соціализмъ вполнѣ соотвѣтствовалъ политическому раціонализму прошлаго столѣтія. Однако, подобно тому, какъ послѣдній потерпѣлъ крушеніе въ эпоху террора, приведшаго къ деспотизму, такъ и утопическій соціализмъ не могъ сдѣлаться основаніемъ новаго общественнаго строя. С.-Симонъ, Фурье и Оуенъ констатировали только неудовлетворительность блестящихъ обѣщаній философовъ XVIII в., но въ то время, когда они явились, продолжала еще господствовать мысль, что найти средства къ устраненію недостатковъ общественнаго строя есть только задача мыслящаго разума: „требовалось именно изобрѣсти новую и наиболѣе совершенную систему человѣческихъ отношеній и ввести ее въ существующее общество путемъ пропаганды, равно какъ путемъ примѣра образцовыхъ учрежденій, созданныхъ по новой системѣ. Но, продолжаетъ Энгельсъ, эти новыя соціальныя системы были съ самаго начала обречены на то, чтобы оставаться утопіями, и чѣмъ тщательнѣе развивались подробности этихъ системъ, тѣмъ все болѣе и болѣе становились онѣ чистыми фантазіями“. Соціализмъ въ представленіи утопистовъ, говоритъ еще Энгельсъ, „является выраженіемъ абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, а тамъ уже онъ своею собственною силою покорить вселенную. Но поскольку абсолютная истина не зависитъ отъ условій времени и пространства и отъ историческаго развитія человѣчества, совершенно случайно должно быть, когда и гдѣ произойдетъ открытіе этой истины“. Чтобы сдѣлаться наукою, соціализму нужно было, по собственному выраженію Энгельса, „стать на реальную почву“.

Такою почвою, по мнѣнію Энгельса, была новѣйшая нѣмецкая философія, нашедшая свое завершеніе въ системѣ Гегеля. Величайшею заслугою гегельянства онъ считаетъ то, что оно поняло весь міръ, какъ процессъ непрерывнаго движенія, измѣненія и развитія

и стремилось постигнуть его закономѣрность. Конечно, Энгельсъ сочувствовалъ лишь лѣвому гегельянству и главнымъ образомъ тому видоизмѣненію, которое въ немъ произошло подъ вліяніемъ сближенія съ французскою соціальною мыслью. Научный соціализмъ, по опредѣленію Энгельса, такимъ образомъ основывается на идеѣ закономѣрнаго историческаго развитія, которое совершенно устраняетъ точку зрѣнія раціоналистовъ XVIII в. и утопистовъ XIX столѣтія, вѣрившихъ въ то, что стоитъ только открыть или создать въ своемъ умѣ справедливую систему человѣческихъ отношеній для того, чтобы тѣмъ самымъ вызвать и соотвѣтственныя измѣненія въ реальномъ общественномъ мірѣ. Полемизируя съ Дюрингомъ, Энгельсъ только болѣе систематически изложилъ взгляды, которые и ранѣе уже довольно опредѣленно высказывались имъ и Марксомъ, когда они критиковали воззрѣнія современныхъ имъ соціалистовъ, очень часто дѣйствительно стоявшихъ на такой точкѣ зрѣнія, которая совсѣмъ не считалась ни съ законами историческаго развитія, ни съ условіями современности. Достаточно только вспомнить, что Фурье считалъ возможнымъ преобразовать соціальный строй всего человѣчества въ какія-нибудь шесть лѣтъ [1]). Вспомнимъ также попытку икарійцевъ практически осуществить коммунистическую утопію Кабе, попытку, къ которой такъ неодобрительно отнесся Марксъ [2]). Вѣрно и то, что въ данномъ случаѣ соціальный утопизмъ былъ своеобразнымъ продолженіемъ раціонализма XVIII в. съ его вѣрою въ то, что одною дѣятельностью разума можно все объяснить и все преобразовать: объяснить безъ указаній опыта и наблюденія, преобразовать, не считаясь съ условіями мѣста и времени. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно и на соціализмѣ сказалось вліяніе научнаго переворота середины XIX вѣка.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ нужно считать и то, что только-что разсмотрѣннымъ направленіемъ выдвинуто было впередъ изученіе экономическихъ основъ соціальной жизни. Эта перемѣна стоитъ въ тѣсной связи съ отмѣченнымъ выше [3]) экономическимъ направленіемъ въ исторической наукѣ, которое пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе важное значеніе въ сознаніи историковъ и вообще образованныхъ людей. Мы уже видѣли [4]), какъ зародилась даже цѣлая соціологическая теорія („экономическій матеріализмъ“), сводящая всю соціальную эволюцію къ чисто экономическому процессу. Въ односто-

---

[1]) См. т. IV, стр. 651.
[2]) См. выше, стр. 297 и 392.
[3]) См. выше, стр. 376 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 390.

ронности, съ какою эта теорія взялась объяснить всѣ общественныя явленія изъ одного начала, нельзя не видѣть реакціи противъ другого столь же односторонняго взгляда, который всю соціальную эволюцію сводилъ въ послѣднемъ анализѣ къ чисто умственному процессу. Въ то, что исторіей управляютъ главнымъ образомъ идеи, вѣрили не одни гегельянцы, но и мыслители, сознательно стремившіеся къ научному реализму. Недаромъ, напримѣръ, Контъ за главный законъ соціальной эволюціи принималъ смѣну теологическаго міросозерцанія метафизическимъ и метафизическаго—позитивнымъ. Онъ даже вполнѣ сознательно становился на ту точку зрѣнія, съ которой преобладающимъ элементомъ общественнаго развитія, дающимъ первоначальный толчекъ другимъ элементамъ, долженъ былъ считаться элементъ интеллектуальный. Онъ прямо говорилъ, что умственную эволюцію слѣдуетъ безъ колебанія поставить на первомъ планѣ, какъ основу всего развитія человѣчества. Это свое положеніе Контъ оправдывалъ тѣмъ, что вообще соціальный организмъ въ послѣднемъ анализѣ основывается на совокупности извѣстныхъ взглядовъ въ обществѣ. По его мнѣнію, измѣненіе этихъ взглядовъ должно оказывать сильное вліяніе на послѣдовательныя измѣненія жизни человѣчества. Вотъ почему онъ и считалъ возможнымъ изслѣдовать соціальную эволюцію, опираясь главнымъ образомъ на теорію развитія человѣческаго духа. Сущность же этой теоріи и заключалась для него въ томъ, что человѣческій умъ во всякомъ родѣ умозрѣній проходитъ черезъ три стадіи развитія: теологическую, метафизическую и положительную. Въ его теоріи, далѣе, каждой изъ этой стадіи соотвѣтствуютъ не только различные духовные вожди общества, т.-е. жрецы, метафизическіе философы и ученые, но и различные свѣтскіе вожди общества, именно: воины, легисты и промышленники. Матеріальная эволюція человѣчества, заключающаяся въ переходѣ общества отъ военнаго устройства къ устройству промышленному, является у Конта лишь результатомъ эволюціи духовной. Военная власть представлялась ему лишь дополненіемъ власти жреческой, вытекающимъ изъ того же умственнаго состоянія, которое породило жречество. Военный режимъ, по его словамъ, не могъ бы даже возникнуть и въ особенности установиться, если бы онъ не опирался на теологическую санкцію. Такое же взаимоотношеніе Контъ видѣлъ между наукой и промышленностью нашего времени. Подобно тому, какъ въ теоретической области метафизика является у него лишь переходною ступенью отъ теологіи къ наукѣ, такъ и въ практической жизни власть отъ воиновъ переходитъ къ индустріаламъ не непосредственно, а черезъ юристовъ, между которыми и метафизиками Контъ находилъ также внутреннее сродство. Наконецъ, вспомнимъ и о томъ,

что, по мнѣнію Конта, главная бѣда современности заключается въ умственной анархіи, въ отсутствіи безраздѣльно господствующаго міросозерцанія, и что одною изъ задачъ своей философіи онъ ставилъ созданіе такого міросозерцанія, которое могло бы лечь въ основу новой общественной организаціи. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не отличался отъ утопическихъ соціалистовъ, и особенно его „Система положительной политики“ была данью его ума утопическимъ стремленіямъ эпохи. Если отъ Конта мы перейдемъ къ Боклю, то увидимъ и у него то же самое. Несмотря на весь „натурализмъ“ его исторической теоріи, въ концѣ концовъ и онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что прогрессъ человѣчества зависитъ отъ успѣха, съ какимъ разрабатываются наши знанія, и отъ степени распространенія этихъ знаній. И въ его представленіи историческаго процесса умственное развитіе выдвигается на первый планъ. Горячій поклонникъ естествознанія, Бокль старался даже доказать тотъ тезисъ, что успѣхи естественныхъ наукъ оказали громадное вліяніе на ростъ демократическихъ стремленій, и что вся французская революція была порождена умственнымъ переворотомъ, въ которомъ видную роль онъ отводилъ вліянію именно естествознанія. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ несомнѣннымъ преувеличеніемъ той основной идеи, по которой ближайшими причинами политическихъ переворотовъ являются умственные перевороты. Въ главѣ о ближайшихъ причинахъ французской революціи Бокль даетъ намъ цѣлую исторію успѣховъ естествознанія во Франціи съ середины прошлаго столѣтія, потому что ему нужно было доказать слѣдующее положеніе: „умы Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка сосредоточились съ безпримѣрной ревностью на изученіи внѣшняго міра и тѣмъ способствовали обширному движенію, котораго сама революція была только послѣдствіемъ“. „Французской революціи, говоритъ еще Бокль, какъ всѣмъ великимъ переворотамъ въ мірѣ, предшествовало полное измѣненіе въ обычаяхъ и понятіяхъ народнаго ума. Но сверхъ того, продолжаетъ онъ, одновременно съ этимъ совершилось обширное соціальное движеніе, которое тѣсно связано съ умственнымъ и настолько составляетъ часть его, насколько оно повело къ одинаковымъ результатамъ и порождено одинаковыми причинами“. По мнѣнію Бокля, первымъ сильнымъ ударомъ, нанесеннымъ сословнымъ отличіямъ французскаго общества, былъ безпримѣрный толчекъ, данный изученію естественныхъ наукъ“. По этому-то случаю Бокль и развиваетъ положеніе, что естественныя науки по существу своему демократичны и что потому громадные успѣхи естествознанія должны были преобразовать французское общество. Подводя итоги подъ разсмотрѣніемъ причинъ французской революціи, Бокль обвиняетъ даже другихъ историковъ въ

томъ, что они не обратили никакого вниманія на указанную имъ причину. „Наперекоръ здравой философіи, говоритъ онъ, — можно сказать даже, наперекоръ здравому смыслу,—историки упорно пренебрегаютъ тѣми великими отраслями естествовѣдѣнія, въ которыхъ каждая образованная страна наиболѣе ясно выказываетъ дѣйствія ума человѣческаго, а слѣдовательно и наиболѣе рельефно выставляется и общее направленіе умовъ. Такъ, мы видѣли, что чрезвычайный толчекъ, данный изученію внѣшняго міра, былъ тѣсно связанъ съ демократическимъ движеніемъ, низвергшимъ учрежденія Франціи. Но начертать эту связь историки были неспособны, ибо они были незнакомы съ различными успѣхами естествознанія“ [1]). Такимъ образомъ и Контъ, и Бокль одинаково сводили историческій процессъ къ чисто умственному развитію, которое притомъ понимали преимущественно въ смыслѣ развитія научныхъ знаній, и для обоихъ общественныя перемѣны являлись лишь результатами разныхъ идейныхъ теченій. Между тѣмъ оба они сознательно выступали реалистами, подчеркивая на каждомъ шагу, что отвергаютъ всякія метафизическія начала. основываются исключительно на наблюденіи надъ дѣйствительностью и широко пользуются пріемами и выводами естествознанія. Понятно, что и у Конта идеи, какъ движущія силы исторіи, не имѣли ничего общаго съ идеями въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляли метафизики, т.-е. это не были для нихъ какія-то абстрактныя сущности, имѣющія бытіе внѣ и независимо отъ человѣческаго сознанія, а были простыя человѣческія мысли, которымъ они только приписывали первенствующее и даже господствующее значеніе въ общественномъ развитіи. Въ данномъ случаѣ они только раздѣляли общераспространенное мнѣніе, которому одинаково подчинялись и матеріалисты. Хотя по ихъ представленію мысль была лишь такимъ же продуктомъ мозга, какимъ желчь является по отношенію къ печени, тѣмъ не менѣе и они въ умственномъ процессѣ видѣли основную и главную силу человѣческой исторіи. Въ сущности, на ту же точку зрѣнія становились и соціологическіе романтики въ родѣ юристовъ исторической школы, вѣрившихъ въ народное сознаніе, какъ въ основной источникъ всѣхъ правовыхъ формъ частнаго и государственнаго быта. Несомнѣнно, что такая общая историко-философская концепція была односторонняя. Болѣе внимательное отношеніе къ историческому опыту, который въ изобиліи давался самою современностью, должно было породить и другую точку зрѣнія: именно соціальная борьба нашей

[1]) Вспомнимъ и философію исторіи Луи Блана, по которой общество управляется въ своемъ развитіи смѣною трехъ принциповъ. См. выше, стр. 323.

эпохи заставила искать объясненія и такихъ событій, какъ великая французская революція, и разныхъ общественныхъ перемѣнъ не въ исторіи человѣческаго сознанія, а въ исторіи внѣшняго, матеріальнаго быта общества. Новая точка зрѣнія въ томъ и заключалась, что за этимъ бытомъ было признано первенствующее значеніе и даже было объявлено, что вся исторія идей есть не что иное, какъ простое отраженіе въ человѣческомъ сознаніи перемѣнъ, происходящихъ въ матеріальныхъ условіяхъ человѣческаго существованія. Этотъ новый взглядъ на исторію съ самаго начала былъ противопоставленъ не вообще прежнему пониманію вопроса, а тому его пониманію, которое по своей метафизичности было дальше всего отъ дѣйствительности.

Новый взглядъ, о которомъ идетъ рѣчь, получилъ названіе экономическаго матеріализма. Родоначальникомъ этого направленія былъ Марксъ, который, какъ мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, началъ свою литературную дѣятельность въ лѣвомъ лагерѣ гегельянства, но весьма рано испыталъ на себѣ вліяніе французскаго соціализма [1]). Извѣстно, что въ лѣвомъ гегельянствѣ развитіе мысли шло отъ идеализма къ матеріализму, и Марксъ самъ прошелъ эту дорогу, но тѣ матеріальныя отношенія, которыя въ своемъ міросозерцаніи онъ выдвинулъ на первый планъ, были вовсе не физическаго свойства: это была не природа, а экономическій строй общества. Понятіе объ обществѣ, взятомъ съ чисто экономической точки зрѣнія, Марксъ собственно заимствовалъ у французскихъ соціалистовъ. У французскихъ же историковъ онъ научился смотрѣть на исторію общества, какъ на борьбу классовъ, въ которой самими же этими историками все болѣе и болѣе подчеркивался экономическій моментъ. Въ эпоху реставраціи господствовала мысль о борьбѣ между аристократіей и буржуазіей [2]), а во время іюльской монархіи особое вниманіе было обращено на борьбу буржуазіи и пролетаріата [3]). Одинъ изъ современниковъ Маркса уже раньше, нежели онъ самъ, занялся вопросомъ: именно Лоренцъ Штейнъ указалъ на то, что соціальныя ученія эпохи не были простыми идеологическими построеніями, но были порождены тѣмъ же экономическимъ развитіемъ, которое создало пролетаріатъ [4]). Далѣе, еще с.-симонисты указывали на совершающуюся въ исторіи эволюцію положенія работника въ обществѣ: за рабствомъ слѣдуетъ крѣпостничество, уступающее мѣсто вольнонаемному труду, который самъ долженъ будетъ уступить мѣсто новой формѣ, получившей у нихъ названіе travail

[1]) См. выше, стр. 364 и слѣд., 387 и слѣд.
[2]) См. т. IV, стр. 289—290.
[3]) См. выше, стр. 90 и слѣд
[4]) См. выше, стр. 383—384.

sociétaire[1]). Марксъ проникся всѣми этими идеями, подвергши ихъ переработкѣ. Сохранивъ изъ философіи Гегеля представленіе объ исторіи, какъ процессѣ діалектическомъ по своей формѣ, онъ содержаніе этого процесса понялъ не идеалистически, а матеріалистически—въ томъ смыслѣ, что сущность всего процесса была сведена имъ къ измѣненіямъ въ матеріальной жизни общества. Уже въ статьяхъ, которыя Марксъ печаталъ въ журналѣ Руге, и въ своей полемикѣ противъ Прудона онъ проводилъ ту мысль, что экономія общества является основою его культуры и политики. Ту же самую точку зрѣнія Марксъ проводилъ и въ Коммунистическомъ манифестѣ 1848 г. [2]). Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Марксъ примѣнилъ свою теорію классовой борьбы на почвѣ экономическихъ интересовъ къ разсмотрѣнію событій французской и нѣмецкой революцій 1848 г., и въ данномъ случаѣ онъ дѣйствительно имѣлъ дѣло съ такими событіями, которыя вполнѣ научно объяснялись съ этой точки зрѣнія [3]). Но онъ пошелъ еще дальше, сдѣлавъ изъ своего экономическаго матеріализма всеобъемлющую историческую теорію, которой онъ, однако, нигдѣ никогда не доказывалъ съ обще-теоретической точки зрѣнія. Свой новый взглядъ на исторію онъ весьма рѣшительно заявилъ въ предисловіи къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“ (1859), гдѣ вкратцѣ самъ разсказываетъ, какъ онъ пришелъ къ своей теоріи. Самую идею свою онъ кратко формулируетъ здѣсь слѣдующимъ образомъ: „въ отправленіи своей общественной жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія — производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Сумма этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя степени общественнаго сознанія“. Отсюда Марксъ выводитъ, что „не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія“. Самый историческій процессъ съ этой точки зрѣнія объясняется тѣмъ, что „на извѣстной ступени своего развитія матеріальныя и производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, среди которыхъ они до сихъ поръ дѣйствовали: изъ формъ развитія

---

[1]) См. т. IV, стр. 641.
[2]) См. выше, стр. 393.
[3]) См. выше, стр. 604 и др.

производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются ихъ оковами, и тогда наступаетъ эпоха кризисовъ". Здѣсь же Марксъ совѣтуетъ „всегда имѣть въ виду разницу между матеріальнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства, который можно опредѣлить съ естественно-научной точностью и идеологическими формами, въ которыхъ люди воспринимаютъ въ своемъ сознаніи этотъ конфликтъ и въ которыхъ выступаютъ съ нимъ въ борьбу". Но этотъ совѣтъ, въ сущности, обозначаетъ только то, что историкъ, оцѣнивая значеніе историческихъ переворотовъ, не долженъ полагаться на то, какъ понимались эти перевороты современниками, но обязанъ самостоятельно изслѣдовать ихъ реальныя причины и слѣдствія. Статьи самого Маркса о событіяхъ 1848—50 гг. во Франціи и въ Германіи могутъ считаться образцами такого реальнаго изслѣдованія, но онѣ отнюдь не доказываютъ правильности той точки зрѣнія, будто весь историческій процессъ сводится исключительно къ одной экономической эволюціи. Впрочемъ, въ свое время эта идея и не получила дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ сколько-нибудь разработанной соціологической теоріи. Въ тотъ періодъ, который мы теперь разсматриваемъ, и даже позднѣе соціологическая мысль гораздо болѣе возбуждалась идеями Конта и Бокля, Дарвина и Спенсера, чѣмъ только-что изложенной концепціей Маркса: литература экономическаго матеріализма стала развиваться только въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. Самое важное сочиненіе Маркса, „Капиталъ", первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ 1867 г., ничего не прибавило къ брошенной имъ мысли объ экономической основѣ историческаго процесса, такъ какъ сочиненіе это и не имѣетъ ближайшаго отношенія къ вопросу о томъ, въ чемъ заключается и какими силами создается историческій процессъ. Соціологическое значеніе экономическаго матеріализма заключается въ томъ, что онъ явился необходимымъ дополненіемъ къ теоріи, слишкомъ односторонне сводившей историческій процессъ къ одной идейной эволюціи.

Въ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, гораздо большее значеніе имѣютъ спеціальныя историко-экономическія изслѣдованія Маркса, стоящія въ тѣсной связи съ двумя научными теченіями въ этой области, возникшими въ серединѣ XIX в. Однимъ изъ этихъ теченій было историческое направленіе въ политической экономіи, о которомъ уже прежде у насъ была рѣчь [1]). Другое теченіе заключается въ постепенномъ возникновеніи самостоятельнаго экономическаго направленія въ исторической наукѣ. Въ серединѣ нашего столѣтія вообще произошло сближеніе между политической экономіей и исторической

[1]) См. выше, стр. 378 и слѣд.

наукой, которыя до того времени одна отъ другой стояли очень далеко. Это сближеніе заключалось въ томъ, что экономисты стали работать надъ историческимъ матеріаломъ съ исторической точки зрѣнія и историческимъ методомъ, а историки обратили особое вниманіе на экономическія явленія народной жизни. Въ обоихъ случаяхъ ученые, пролагавшіе новые пути въ своихъ областяхъ, находились подъ непосредственнымъ или, по крайней мѣрѣ, косвеннымъ вліяніемъ самой жизни, которая, съ одной стороны, заставляла сильно сомнѣваться въ общей примѣнимости положеній абстрактной школы экономистовъ, а съ другой—все болѣе и болѣе обнаруживала важность экономическихъ отношеній даже въ исторіи чисто политическихъ и идейныхъ движеній. Соціальное движеніе середины XIX в. вообще и въ особенности 1848 г. имѣли въ послѣднемъ отношеніи рѣшающее значеніе для экономическаго направленія псторической науки во второй половинѣ XIX в. Понятно, что Марксъ, который глубоко анализировалъ экономическую подкладку революціи 1848 г., долженъ былъ одинъ изъ первыхъ отразить новую стадію соціальной мысли въ области историческаго изслѣдованія. Между прочимъ онъ и сдѣлалъ это въ концѣ разсматриваемаго періода въ первомъ томѣ своего „Капитала“.

Здѣсь не мѣсто излагать экономическую теорію Маркса, которая сводитъ предпринимательскую прибыль къ излишку рабочаго времени, остающемуся отъ количества труда, необходимаго для содержанія самого рабочаго [1]). Кромѣ чисто теоретической части „Капиталъ“ Маркса имѣетъ и часть историческую, посвященную вопросу о происхожденіи современнаго капиталистическаго строя. Поставивъ себѣ такую задачу, онъ нашелъ, что удобнѣе всего будетъ это сдѣлать на примѣрѣ Англіи, въ которой данный процессъ совершился ранѣе и полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было [2]). Въ этомъ сочиненіи Марксъ собралъ массу фактовъ и подвергъ ихъ весьма тщательной обработкѣ, причемъ задача всего труда была опредѣлена самимъ авторомъ, какъ „раскрытіе экономическаго закона развитія новѣйшаго общества“. Хотя понятіе развитія экономической жизни мы находимъ уже въ исторической школѣ [3]), однако, въ ней не было сдѣлано ничего подобнаго тому, что̀ совершилъ Марксъ въ исторической части своего „Капитала“. Экономисты исторической школы, тоже собравшіе громадную массу матеріала, не пришли ни къ какой опредѣленной теоріи, которая объясняла бы сущность самой экономической эволюціи. Общая теоретическая идея Маркса въ данномъ вопросѣ заключается въ томъ,

[1]) См. выше, прим. 2 къ стр. 821.

[2]) См. т. IV, стр. 550 и выше, стр. 377 и др.

[3]) Ср. выше, стр. 377.

что основу экономическаго развитія составляетъ ростъ производительныхъ силъ и что совершающіяся измѣненія въ этихъ силахъ вызываютъ необходимымъ образомъ и измѣненія въ формахъ производства, обмѣна и распредѣленія продуктовъ, — измѣненія, въ свою очередь, такъ сказать, перестраивающія взаимныя отношенія людей, участвующихъ въ указанныхъ процессахъ народнаго хозяйства. На этихъ отношеніяхъ и основывается существованіе опредѣленныхъ классовъ, между которыми происходитъ борьба за сохраненіе или за измѣненіе существующихъ формъ производства, обмѣна и распредѣленія, такъ какъ эти формы являются для однихъ выгодными, для другихъ, наоборотъ, невыгодными. Вмѣстѣ съ этимъ въ соотвѣтствіи съ своими взглядами, выраженными раньше [1]), Марксъ указывалъ на то, что лишь въ томъ случаѣ борьба можетъ привести къ измѣненію въ существующихъ экономическихъ формахъ, когда, съ одной стороны, развитіе производительныхъ силъ допускаетъ возможность перехода на новую ступень, а съ другой—существуютъ общественные классы, имѣющіе интересъ въ этомъ переходѣ на новую ступень и ведущіе за это борьбу. Конечно, это совсѣмъ уже другой вопросъ, насколько можно считать вѣрною ту мысль, что весь историческій процессъ со всѣми своими культурными и политическими перемѣнами сводится къ одной экономической эволюціи [2]). Точно такъ же долженъ былъ возникнуть споръ и по поводу того, насколько формула развитія капитализма, извлеченная изъ исторіи одной страны, примѣнима безъ всякихъ оговорокъ къ другимъ странамъ. Важно было то, что историческое изученіе экономической эволюціи на этотъ разъ привело къ цѣльному объясненію матеріальнаго процесса, совершающагося въ общественномъ развитіи, и тѣмъ была устранена односторонность болѣе раннихъ исторіологическихъ концепцій, сводившихъ всю соціальную эволюцію къ чисто идейнымъ перемѣнамъ.

Весьма естественно, что трагическія событія конца сороковыхъ годовъ, съ одной стороны, и новыя идейныя теченія, восторжествовавшія послѣ реакціи пятидесятыхъ годовъ, съ другой, должны были отразиться и на взаимныхъ отношеніяхъ между жизнью и наукою и въ области исторіи. Если опытъ жизни сильно повліялъ на историческія воззрѣнія, заставивъ трезвѣе смотрѣть на многія явленія прошлаго, то и измѣненія, которыя должны были произойти въ историческихъ взглядахъ, не могли не отразиться на сужденіяхъ о современности. Историческое пониманіе дѣйствительности, вырабатывающееся философіей и наукой XIX вѣка, можно считать однимъ изъ важныхъ

[1]) Ср. выше, стр. 366 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 390.

пріобрѣтеній нашего времени. Съ середины XIX вѣка это пониманіе сдѣлало громадные успѣхи. Такъ какъ исходнымъ пунктомъ всей исторіи Западной Европы за послѣднее столѣтіе была революція 1789 г., то на исторіографіи этого событія легко прослѣдить смѣну разныхъ общественныхъ настроеній и умственныхъ теченій XIX вѣка. Вполнѣ въ согласіи съ общею темою настоящей главы можно отмѣтить то обстоятельство, что современная научная постановка исторіи французской революціи ведетъ начало лишь изъ пятидесятыхъ годовъ, когда впервые и этотъ вопросъ былъ поставленъ на почву объективнаго и критическаго изслѣдованія.

Въ 1850 г. Лоренцъ Штейнъ издалъ въ трехъ томахъ „Исторію соціальнаго движенія во Франціи“, въ которой указалъ между прочимъ на то, что событія только-что происшедшей революціи оправдали его предсказанія [1]): „революція, виднѣвшаяся на горизонтѣ, разразилась, и никто не дерзнетъ сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно была соціальною“. Съ той точки зрѣнія, что „устройство и управленіе государствъ подчинено элементамъ и движеніямъ общественнаго порядка“, Штейнъ и взялся разсмотрѣть исторію соціальныхъ движеній во Франціи съ 1789 по 1850 г. Могущественное дѣйствіе французской революціи 1789 г. онъ объяснялъ тѣмъ, что „тѣ отношенія, которыя она разрушила во Франціи, равнымъ образомъ тяготѣли надъ народами и въ другихъ странахъ Европы“. По мнѣнію Штейна, она побѣдила не столько тѣмъ, что̀ ею было вызвано, сколько тѣмъ, что̀ ей предшествовало. Отсюда большая важность изученія дореволюціонныхъ порядковъ, тѣмъ болѣе, что „состояніе общества, изъ котораго она произошла, не могло возникнуть въ какія-нибудь нѣсколько лѣтъ“. Съ другой стороны, и новое общество не могло сложиться сразу, и Штейнъ поставилъ себѣ именно задачу изслѣдовать, какимъ образомъ старое феодальное общество превратилось въ современное буржуазное общество (industrielle Gesellschaft), причемъ онъ довелъ свое изложеніе до изданія французской конституціи 4 ноября 1848 г. Точку зрѣнія Штейна можно назвать эволюціонною: онъ за внѣшнею катастрофою видитъ процессъ внутренняго развитія и связываетъ настоящее съ прошедшимъ, какъ естественное его продолженіе. Исторія объясняется не изъ смѣны противоположныхъ принциповъ, какъ, напримѣръ, у Луи Блана [2]), а изъ измѣненій, происходящихъ въ нѣдрахъ общественныхъ отношеній. То же самое мы и видимъ въ знаменитомъ сочиненіи Токвиля „Ста-

[1]) Въ сочиненіи „Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи“. См. выше, стр. 382 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 323.

рый порядокъ и революція“ [1]), съ котораго начинается новая эпоха въ исторіографіи французской революціи. Въ 1789 г. французы совершили величайшее усиліе, какое когда-либо предпринималось цѣлымъ народомъ, для того, чтобы порвать связь съ прошлымъ и сдѣлаться совсѣмъ иными, чѣмъ они были прежде, но они въ этомъ успѣли гораздо меньше, нежели объ этомъ вообще думаютъ и сами они воображаютъ. Изучая старый порядокъ по такому матеріалу, къ которому прежніе историки не обращались, Токвиль убѣдился, что помимо своего желанія его соотечественники „удержали изъ стараго порядка большую часть чувствъ, привычекъ и даже идей, при посредствѣ которыхъ они вели революцію, разрушившую этотъ порядокъ, и что они даже пользовались его обломками для постройки зданія новаго общества“. Чѣмъ болѣе знакомился онъ съ дореволюціонной Франціей, тѣмъ все болѣе находилъ въ ней чертъ, поражающихъ современнаго наблюдателя. Задача, которую поставилъ себѣ Токвиль, заключалась въ томъ, чтобы выяснить, „почему эта великая революція, подготовлявшаяся одновременно почти на всемъ европейскомъ континентѣ, разразилась во Франціи раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, почему она какъ бы сама собою вытекла (est sortie comme d'elle même) изъ общества, которое она должна была разрушить и почему, наконецъ, старая монархія могла пасть столь внезапно и такъ безповоротно“. При этомъ Токвилю, конечно, предстояло „различить, въ какихъ отношеніяхъ революція походила на то, что ей предшествовало, и въ чемъ между ними была разница“. Прежніе историки обращали вниманіе только на вторую сторону, исходя изъ понятія катастрофы и не предчувствуя даже, что старый порядокъ не только вызвалъ революцію, которая его унесла, но и подготовилъ новый общественный строй, его смѣнившій и вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовавшій отъ него гораздо болѣе основныхъ чертъ, чѣмъ это могло казаться съ перваго взгляда. И у Лоренца Штейна, и у Токвиля, одинаково видящихъ въ революціи 1789 г. лишь наиболѣе ранній симптомъ процесса общественной эволюціи, которая совершалась во всей феодальной Европѣ, основные взгляды на революцію стоятъ въ связи съ тѣмъ, что̀ ихъ раньше поражало въ современности. Одинъ изъ нихъ заинтересовался соціальнымъ движеніемъ на экономической подкладкѣ [2]), другой—демократическимъ движеніемъ чисто политическаго характера [3]). Токвиля главнымъ образомъ поражало зрѣлище

---

[1]) См. выше, стр. 618.

[2]) См. выше, стр. 383 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 271 и слѣд. Любопытно, что на „Старомъ порядкѣ и революціи“ не отразилось вліянія 1848 г. съ его соціальной борьбой, хотя о послѣдней Токвилю и приходилось высказываться (см. выше, стр. 506 и слѣд.).

историческаго движенія, направившагося на „разрушеніе аристократіи“, причемъ тогдашнее состояніе Франціи (т.-е. первые годы второй имперіи) внушало ему мысль, что изъ всѣхъ человѣческихъ обществъ наименѣе способны избѣжать абсолютнаго правленія тѣ, въ которыхъ болѣе не существуетъ и вновь не можетъ образоваться аристократіи, и что нигдѣ деспотизмъ не можетъ приносить болѣе гибельныхъ плодовъ, какъ именно въ такихъ обществахъ. Прежняя мысль Токвиля о томъ, что демократія далеко не всегда является синонимомъ свободы [1]), получила новое подтвержденіе въ демократическомъ цезаризмѣ Наполеона III. Но и въ новомъ своемъ сочиненіи Токвиль призналъ, что дѣйствіе силы демократическаго движенія можно регулировать и даже затормазить, но побѣдить нельзя. Онъ былъ первымъ французскимъ историкомъ, примѣнившимъ къ изученію французской революціи, кромѣ новаго, архивнаго матеріала, эволюціонную точку зрѣнія и критицизмъ, исключающій, съ одной стороны, преклоненіе передъ національною традиціей, т.-е. въ сущности ходячими взглядами [2]), а съ другой — предвзятыя мнѣнія въ формѣ идеологическихъ построеній, подъ которыя подгоняются историческіе факты, тѣмъ самымъ искажаясь или получая ложное освѣщеніе. Этотъ критицизмъ тоже характеризуетъ прогрессъ исторической науки [3]).

---

[1]) См. выше, стр. 274 и слѣд.

[2]) Точка зрѣнія Мишле, о чемъ см. выше, стр. 331.

[3]) Кромѣ сочиненій Лоренца Штейна и Токвиля, въ исторіографіи французской революціи важны изъ этой эпохи труды Кине и Зибеля. Французскій историкъ, Кине (см. выше, стр. 327) въ своей книгѣ (см. выше, стр. 618) ставитъ вопросъ, почему, несмотря на громадность и напряженность усилій, какія сдѣлали французы для того, чтобы добиться свободы, несмотря на всѣ эти революціи и жертвы, они не добились свободы, почему люди, удивительно умѣвшіе умирать за свободу, не умѣли сдѣлаться свободными. Подобно Токвилю, Кине указываетъ на то воспитаніе, которое французы получили при старомъ порядкѣ. Нѣмецкій историкъ Зибель въ своей большой „Исторіи революціонной эпохи“ (1853 и слѣд.) первый разсмотрѣлъ исторію французской революціи съ общеевропейской точки зрѣнія въ связи съ паденіемъ Польши и разложеніемъ Священной Римской имперіи, но эту сторону своей темы онъ разработалъ внѣшнимъ только образомъ. Принадлежа къ мало-германской партіи, онъ взглянулъ и на международныя отношенія 1789 и слѣд. гг. слишкомъ съ прусской точки зрѣнія, а во внутренней исторіи Франціи за эту эпоху интересовался исключительно условіями, при которыхъ правильно функціонируетъ представительная система. Зибель писалъ свою книгу, когда въ Пруссіи впервые примѣнялся конституціонный режимъ, а политическіе его взгляды лучше всего опредѣляются тѣмъ, что съ 1867 г. въ рейхстагѣ онъ всегда подавалъ свой голосъ съ національ-либералами. — Болѣе обстоятельныя данныя о развитіи исторической науки въ XIX в. будутъ даны въ VI томѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе къ первому изданію III
Предисловіе ко второму изданію IV

Іюльская революція.

I. Общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ іюльской революціей 1
II. Іюльская революція 32
III. Вліяніе іюльской революціи на Европу 52
IV. Парламентская реформа въ Англіи въ 1832 г. 73
V. Торжество буржуазіи послѣ 1830 г. 90

Тридцатые и сороковые годы.

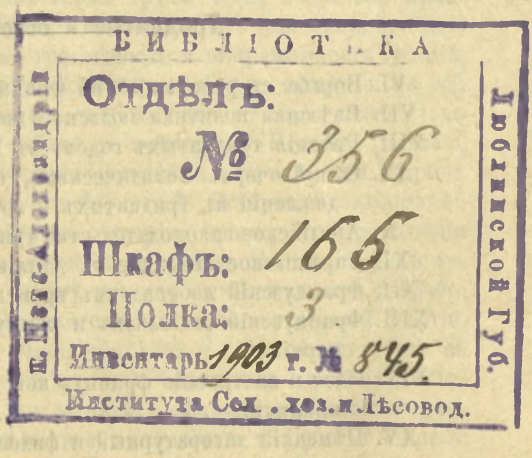
VI. Борьба съ революціей во Франціи въ тридцатыхъ годахъ . . 114
VII. Внѣшняя политика іюльской монархіи 144
VIII. Реакція тридцатыхъ годовъ въ Германіи 168
IX. Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ 186
X. Англійское законодательство тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. 205
XI. Чартистское движеніе въ Англіи 232
XII. Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи . . . 255
XIII. Французскій соціализмъ и коммунизмъ временъ іюльской монархіи. 280
XIV. Идеи и настроеніе французской демократіи временъ іюльской монархіи. 313
XV. Нѣмецкій литературный и философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ 340
XVI. Нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ 371
XVII. Славянское возрожденіе, панславизмъ и мессіанизмъ. . . . 395

Революція 1848 года.

	стран.
XVIII. Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г.	422
XIX. Министерство Гизо и февральская революція	453
XX. Начало второй республики и іюньскіе дни.	484
XXI. Нѣмецкая революція 1848 г. и франкфуртскій парламентъ.	509
XXII. Паденіе нѣмецкой революціи и конецъ франкфуртскаго парламента	540
XXIII. Венгерская, славянская и итальянская революціи	569
XXIV. Французская конституція 1848 г. и декабрьскій переворотъ	589

Пятидесятые и шестидесятые годы.

XXV. Общая реакція пятидесятыхъ годовъ	620
XXVI. Господство Наполеона III въ Европѣ и во Франціи	652
XXVII. Объединеніе Италіи	672
XXVIII. Объединеніе Германіи	699
XXIX. Англія до второй парламентской реформы.	748
XXX. Крестьянскія реформы середины XIX вѣка	776
XXXI. Соціальное движеніе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.	799
XXXII. Умственный переворотъ середины XIX вѣка.	841



BIBLIOTEKA NAUKOWA WDP

34383/2